

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P. S. No. 176.05

Ed. Jul. 1896

Harvard College Library

FROM THE BEQUEST OF

MRS. ANNE E. P. SEVER,

OF BOSTON,

WIDOW OF COL. JAMES WARREN SEVER,

(Class of 1817)

57 Jun - 27 Jun, 1896

JUN 15 1896

ВЪСТАНКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛІТЕРАТУРЫ.

ТРИДЦАТЬ-ПЕРВЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 5-я.

МАЙ, 1896.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 5-я. — МАЙ, 1896.

Стр.

I.—НАШЕ НЕДАВНЕЕ ПРОШЛОЕ. — I-VI.—Н. Котляревского	5
II.—КНЯГВИЯ.—Романъ въ двухъ частяхъ.—Часть вторая: XXI-XXIX.—П. Д. Боризакшиа	28
III.—ВОСТОЧНЫЯ ОСНОВЫ РУССКАГО БЫЛВННАГО ЭПОСА.—IX-XII.—Окончаніе — Г. Потапина	65
IV.—НЕОКОНЧЕННАЯ ПОВѢСТЬ.—Вторая часть: IV-VII.—А. Апухтина	103
V.—НА СИБИРСКИХЪ ЗОЛОТЫХЪ ПРОМЫСЛАХЪ.—I-II.—В. И. Семевского	147
VI.—ЧЕРНЫЙ АЛМАЗЪ.—Diamant noir, Roman, par J. Aicard.—VII-XII.—А. В.-г	176
VII.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. Изъ Верлана.—II. Изъ Байрова.—Перев. С. Орловскаго	217
VIII.—НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ въ ея историко-литературныхъ отношеніяхъ.—II.—А. И. Шанина	220
IX.—СТАРОСТЬ.—Стих. А. М. Женчужникова	266
X.—ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ МАРКСА.—II — Окончаніе.—Л. З. Слоиннскаго	267
XI.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—Изъ Гейне: I-II.—Поэма свободомъ задумчивыхъ сосенъ.—Ночь въ бѣлой одеждѣ.—М. Марикъ	286
XII.—ЖИВОЕ ВЕЩЕСТВО.—А. Данилевскаго	289
XIII.—СТИХОТВОРЕНІЕ.—Лучами армянъ грѣвъ.—В. Полтавцева	337
XIV.—ХРОПИКА.—Дневная геограма.—Л. З. Слоиннскаго	338
XV.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Московское губернскае земство и вообще обученіе.—Движеніе къ той же цѣли въ ватскомъ губернскаго земствѣ.—Еще о судѣ присяжныхъ: примѣры западной Европы, „кассационныя прадрира“, связь вердикта съ предшествовавшимъ производствомъ, статистическія данныя, необходимость широкаго послѣдованія.—Одна изъ тѣневыхъ сторонъ нашей дѣятельности	351
XVI.—ОТВѢТЪ Г-ну РАЧИНСКОМУ.—Д. Д. Дашкова	373
XVII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Паденіе министерства Буржуа и политическая роль сената.—Радикалы и консерваторы во Франціи.—Кабинеты Меллана.—Внутренній дѣла въ Германіи.—Англійская политика въ дальнихъ краяхъ.—Смерть персидскаго шаха	377
XVIII.—О ЗОЛОТѢ.—Письмо въ Редакцію.—П. А. Тверскаго	388
XIX.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Обычное право, вып. 2, Е. И. Якушкина.—Русскіе врачевники, А. Ф. Зибена.—Отношеніе русской церковной власти къ расколу старообрядства при Петрѣ В., свящ. А. Синайскаго.—Т.—Краткая историческая мемуаральная хрестоматія, А. Саллетти.—С. В.—Рассказы Ек. Бекетовой.—Л.—Новыя книги и брошюры	396
XX.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. Eng. Gilbert, Le roman en France pendant le XIX siècle.—II. E. Mensch, Der neue Kurs.—З. В.	415
XXI.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Призывъ къ организаціи боевой антилиберальной партіи, на началахъ строгой „партийной дисциплины“.—Положеніе провинціальной печати.—Новыя общества грамотности и ихъ уставъ.—Еще нѣсколько словъ о шротерности.—Нападеніе г. Жеденева на М. О. Мещякова	426
XXII.—ПОТАРИАЛЬНОЕ ЗАЯВЛЕНІЕ Г-на ВСЕВОЛОДА СОЛОВЬЕВА, по поводу издавія записокъ историка С. М. Соловьева—и отвѣтъ Редакціи	440
XXIII.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—Отъ Московскаго Комитета Грамотности	443
XXIV.—БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Обзоры вѣдѣнныхъ споменій Россіи, Н. Вантшиль-Камеискаго, ч. I и II.—Мужики безъ прогресса, или прогрессъ безъ мужика, К. Головина.—Легенды о старинныхъ замкахъ Бретани, Е. Балабановой.—М. Вотье, Мѣстное управленіе Англій.—Дж. Морлей, О компромисѣ, пер. М. Ц.—ой.—О. К. Нотовичъ, Любовь	
XXV.—ОБЪЯВЛЕНІЯ—I-XVI стр.	

ВѢСТНИКЪ

Е В Р О Ц Ы

ТРИДЦАТЬ-ПЕРВЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ III.

ГОДЪ LX. — ТОМЪ ООСЛIII. — 1/12 МАЯ, 1896.

LIBRARY
1886
ВѢСТНИКЪ

Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-СЕМЬДЕСЯТЬ-ДЕВЯТЫЙ ТОМЪ

ТРИДЦАТЬ-ПЕРВЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ III

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
на Васильерскомъ Острове, 5-я линия,
№ 28.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академич. переулокъ,
№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1896

~~121.84~~

~~735 $\frac{27}{2}$~~

~~Slav 302~~

PSlav 176.25

1896, Jun 5 - Jun 27

Even funds

2433

НАШЕ НЕДАВНЕЕ ПРОШЛОЕ

I.

Общественная жизнь у нас обогатилась за последнее время одним любопытным типомъ. Далеко не пройдя еще всѣхъ стадій своего развитія, этотъ типъ достаточно опредѣлился, и его нужно отмѣтить какъ характерное явленіе нашего времени. Онъ очень распространенъ и воплощается въ людяхъ самыхъ различныхъ профессій. Въ большинствѣ случаевъ, это — любители, дилеттанты; любители искусства, литературы, философіи... Трудно подыскать для нихъ подходящее названіе, которое объединяло бы всѣ отбѣнки ихъ основной тенденціи. Они сами еще пока не придумали для себя особой влички, хотя любятъ называть себя — „идеалистами“.

Въ легкой бесѣдѣ и въ легкихъ статьяхъ призываютъ они современнаго русскаго человѣка къ „идеализму“ и громко кричать о необходимости произвести радикальную реформу нашего философскаго міросозерцанія и нашихъ эстетическихъ взглядовъ.

Въ томъ, что они говорятъ, должно различать двѣ стороны.

Одна имѣетъ цѣлью установить на философскихъ или мнимо-философскихъ началахъ ихъ идеалистическое міросозерцаніе.

Другая — сводится къ осужденію современной жизни, какъ жизни пустой и мелочной, погрязшей въ рабскомъ служеніи матеріальнымъ интересамъ, исказившей въ себѣ чувство красоты и сбившейся съ истиннаго пути въ своихъ философскихъ взглядахъ; къ осужденію умственнаго и литературнаго движенія шестидесятыхъ годовъ и — что важнѣе всего — къ признанію этого движенія шести-

десятихъ годовъ источникомъ и первопричиной нашего духовнаго обнищанія.

Мы воснемся лишь этой отрицательной стороны идеалистической проповѣди.

Она направлена, конечно, противъ той группы молодыхъ прогрессистовъ шестидесятихъ годовъ, въ которыхъ гуманная идея ихъ времени нашла себѣ самое яркое воплощеніе.

Философскія ученія этой группы и ея взгляды на искусство — вотъ корень всѣхъ современныхъ золь, по мнѣнію нашихъ „обновителей“.

Основные положенія этого воинствующаго идеализма не представляли бы, собственно говоря, ничего новаго и любопытнаго, еслибы ихъ проповѣдники не спѣшили увѣрить насъ, что противъ общественной программы шестидесятихъ годовъ они ровно ничего не имѣютъ. Они считаютъ себя представителями особаго „прогрессивнаго“ идеализма, во въ чемъ состоитъ сущность ихъ ученія, которое должно служить панацеей противъ укоренившихся заблужденій прошлаго и противъ золь грядущихъ, это пока съ достаточной ясностью не опредѣлилось, ибо все, что этимъ людямъ удалось сказать положительнаго — все это пока еще одни слова и общія мѣста, которыя ничего не доказываютъ.

Одно лишь ясно, что, не боясь противорѣчія и упрека въ отсутствіи историческаго пониманія жизни, новые идеалисты готовы признать общественную заслугу недавняго прошлаго и въ то же время не упускаютъ случая указать на это прошлое какъ на источникъ нашего духовнаго паденія.

II.

Когда это слово „идеализмъ“ стало за послѣднее время такъ часто долетать до нашего слуха, мы очень искренно ему порадовались, ибо дѣйствительно не могли не признать, что въ современной намъ жизни недостатокъ истиннаго идеализма порой очень сильно даетъ себя чувствовать.

Что должно разумѣть, однако, подъ словомъ „идеализмъ“?

Нѣтъ сомнѣнія, что у большинства людей съ этимъ словомъ связано туманное, неопредѣленное представленіе о чемъ-то для жизни очень святомъ и важномъ. Современные идеалисты очень хорошо понимаютъ всю выгоду этого слова, ибо верѣдко играютъ на немъ, и защищая „идеализмъ“, какъ философское ученіе,

рисуютъ намъ печальную картину того, что съ нами будетъ, если мы отъ „идеализма вообще“ въ жизни — откажемся.

Очевидно, что есть что-то неясное, недоговоренное въ основной мысли нашихъ проповѣдниковъ. Уже по тому обилію метафоръ, въ которыя одѣвается ихъ мысль, можно предположить, что въ ней не все обстоитъ благополучно. Идеалистъ, по новѣйшей терминологіи, то стоитъ на горѣ, какъ посредникъ между вѣчнымъ и преходящимъ, между слѣпой толпой, пребывающей въ плѣну у мгновения, и Божествомъ; то онъ жрецъ, расшифровывающій іероглифы вѣчности; то онъ несетъ скрижаль; то, наконецъ, паритъ надъ какою-то тиной... Во всѣхъ этихъ красивыхъ и некрасивыхъ позахъ онъ, впрочемъ, одинаково ненавидитъ „шестидесятниковъ“.

Современный идеалистъ въ этой ненависти, очевидно, неопредѣлеленъ, ибо трудно найти людей, къ которымъ такъ примѣнно названіе идеалистовъ, какъ именно къ людямъ шестидесятыхъ годовъ. Эти люди, правда, довольно небрежно относились къ философскому и эстетическому идеализму, но это нисколько не лишаетъ ихъ права на почетное званіе служителей великой идеи.

Чтобы не производить путаницы въ понятіяхъ, слѣдовало бы вообще избѣгать термина „идеалистъ“, когда дѣло идетъ о нравственной оцѣнкѣ людей, какъ это въ данномъ случаѣ.

Съ одной стороны, этотъ терминъ, понимаемый въ широкомъ смыслѣ и означающій человѣка, служащаго „идеѣ“, объединяетъ цѣлую массу людей съ діаметрально противоположными нравственными программами. Ради идеи можно благословить бытіе и проклясть его, можно съечь ближняго и самому сторѣть отъ любви, можно снять цѣпи съ раба и свободно завовать въ кандалы — примѣры бывали. Съ другой стороны, если понимать слово „идеализмъ“ въ чисто философскомъ смыслѣ — какъ извѣстную точку отправленія, изъ которой человѣкъ исходитъ въ своемъ міросозерцаніи, то тогда это слово дѣйствительно объединитъ извѣстную группу сходныхъ мировоззрѣній, но свидѣтельствовать объ ихъ истинности, правотѣ и преимуществѣ надъ другими, конечно, не можетъ.

Исторія человѣческой мысли доказала, что всѣ философскія системы лишь относительно правы, всѣ другъ друга дополняютъ, и ни одна не является носительницей всей истины во всей ея полнотѣ. Каждая попытка человѣческой мысли познать самое себя и окружающій міръ можетъ назваться мечтаніемъ объ истинѣ, но никакъ не *обладаніемъ* ея, и потому — осуждать какую-нибудь

философскую мысль только лишь за то, что она не построена на идеалистическихъ принципахъ, значить—объявить себя всевѣдающимъ и всеблаженнымъ,— на что едва ли человекъ можетъ рѣшиться, если онъ сознательно прожилъ со всѣмъ міромъ все его философское прошлое.

Къ философскимъ системамъ можно съ полнымъ правомъ примѣнить знаменитую сказку о трехъ кольцахъ, которая обыкновенно примѣняется къ вѣроисповѣданіямъ.

И потому, осуждать людей за то, что они держались тѣхъ или иныхъ взглядовъ на коренные вопросы о жизни и духѣ, можно при извѣстной близорукости, но нельзя при справедливомъ историческомъ взглядѣ на жизнь, какъ нельзя и оправдывать людей только за то, что они были „идеалистами“, т.-е. проводниками извѣстной идеи въ жизнь, ибо тогда пришлось бы отказываться отъ всякаго критеріума въ нравственной оцѣнкѣ человѣческой дѣятельности.

Лучше всего—совсѣмъ не играть этимъ неопредѣленнымъ словомъ.

На свою жизнь, послѣ всѣхъ вѣковыхъ испытаній, человекъ имѣетъ право взглянуть какъ на длинный рядъ прожитыхъ и грядущихъ страданій.

Среди нихъ самое неутолимое—страданіе духовное, мучительная неизвѣстность, въ какой находится человекъ относительно всѣхъ главнѣйшихъ вопросовъ своего бытія. Грозными, неразрѣшимыми тайнами окружено это бытіе, и человекъ, загадочное звено міровой жизни, поставленъ между двумя вѣчностями, какъ переходящее мгновеніе.

Примириться съ этимъ положеніемъ человекъ не могъ, и съ первымъ лучомъ сознанія, блеснувшимъ въ его умъ, блеснула и надежда на то, что всѣ эти тайны будутъ покорены ему, какъ существу разумному.

Съ первыхъ же шаговъ своей сознательной жизни приступилъ онъ къ этой борьбѣ за свое духовное существованіе, и до сей поры она остается для него главной задачей жизни и останется впродъ.

Въ этой неравной борьбѣ съ неразрѣшимыми загадками человекъ обнаружилъ удивительную стойкость и удивительную силу мысли. За всю свою долгую жизнь онъ неоднократно мѣнялъ и приемы, и методы, въ своемъ стремленіи понять эти тайны, и если онѣ до сихъ поръ остались для него загадкой, то неуспѣхъ этотъ искупался благотворнымъ—для жизни необходимымъ подъемомъ духа, который испытывалъ человекъ всякій разъ, когда ему

казалось, что эта грозная загадка имъ разрѣшена; что ключъ къ ней имъ найденъ; что онъ, наконецъ, можетъ вполне осмысленно взглянуть на свое бытіе и на свое назначеніе.

Увѣренность человѣка въ своей способности восторжествовать, какъ разумная личность, надъ оскорбительной для него неизвѣстностью, — вотъ то положительное, что есть во всѣхъ его столь различныхъ, столь противорѣчивыхъ, столь враждебныхъ другъ другу міросозерцаніяхъ. Для жизни необходима такая вѣра человѣка въ свой умъ и въ побѣду своего духа, — и настолько необходима, что несмотря на всѣ обманы и всѣ разочарованія, несмотря на послѣдовательное крушеніе всѣхъ его міросозерцаній и системъ, онъ никогда не отступалъ отъ этой работы духа, ибо отступить отъ нея значило бы обезсмыслить жизнь, признать ее простой случайностью.

Вѣчно вращаясь въ кругѣ, послѣ долгихъ и трудныхъ лѣтъ странствованія приходя на то же мѣсто, съ котораго она вышла, мѣняя старое оружіе на новое и вновь хватаясь за старое, движется человѣческая мысль, дѣлая на каждомъ шагу завоеванія въ области познаваемого и всегда самооболящаяся на счетъ своей силы преступить за положенную ей границу.

Обозрѣвая пройденный человѣчествомъ путь на землѣ, можно видѣть, что философскія воззрѣнія человѣка на основныя начала жизни были неразрывно связаны съ его стремленіемъ построить свою земную жизнь такъ, чтобы она этимъ отвлеченнымъ представленіямъ соответствовала. Человѣкъ проводилъ въ жизнь то, что ему казалось истиной, и бралъ ее за регуляторъ своихъ отношеній къ себѣ самому и къ ближнимъ.

Естественно, что его нравственныя программы были весьма различны на разныхъ этапахъ цивилизаціи.

Но при всемъ этомъ различіи, иногда даже противорѣчіи нравственныхъ программъ, выработанныхъ человѣчествомъ, въ нихъ замѣчается единство цѣли. Эта цѣль — установленіе такихъ нормъ личной и общественной жизни, при которыхъ человѣкъ былъ бы наиболѣе огражденъ отъ неразрывно съ земнымъ существованіемъ связаннаго страданія, и при которыхъ онъ могъ бы достигнуть той высоты духовной свободы, которая позволила бы ему сознательно отнестись къ самому себѣ и къ окружающему его міру.

И въ этомъ своемъ пониманіи счастья и свободы отъ страданія, равно какъ и въ своемъ пониманіи свободы духовной, человѣкъ обнаружилъ большое разнообразіе и несогласіе во взглядахъ; и только одно положительное было всегда во всѣхъ этихъ попыткахъ человѣка — выяснить себѣ, въ чемъ состоитъ его земное

призваніе и обязанности. Такимъ положительнымъ была его любовь къ ближнему—тайнственное, до сихъ поръ не объясненное, но всѣми признанное альтруистическое чувство, которое съ вѣками охватывало все большій и большій кругъ людей, и къ признанію котораго приходилъ въ концѣ концовъ каждый человѣкъ, какое бы ни было его міросозерцаніе.

При ограниченности человѣческаго ума, при отсутствіи единства въ его нравственныхъ программахъ, одно только торжество этого стихійнаго альтруистическаго чувства представляетъ въ жизни нѣчто неизмѣнное, не подверженное сомнѣнію.

Если уже догадываться о конечной цѣли, къ которой ведетъ насъ эта стихійная сила, то можно сказать, что эта цѣль заключается въ уравненіи людей передъ великой тайной жизни. Уравненіе это возможно лишь при свободномъ отношеніи людей къ этой тайнѣ, т.-е. при высокомъ умственномъ и нравственномъ развитіи, которое должно стать достояніемъ всего человѣчества, а не отдѣльныхъ единицъ или группъ.

Къ этой цѣли, при всѣхъ своихъ остановахъ и отклоненіяхъ въ сторону, идетъ наша жизнь.

Демократизація общества, которая съ конца прошлаго вѣка одержала столько побѣдъ и въ нашемъ вѣкѣ проповѣдуется людьми самыхъ различныхъ міросозерцаній, есть одно изъ наглядныхъ воплощеній альтруистическаго принципа, двигающаго нашей жизнью. Такъ точно и усиленный интересъ, который обнаруживаетъ нашъ вѣкъ къ вопросамъ объ улучшеніи чисто-матеріальныхъ сторонъ нашей жизни, есть ни болѣе, ни менѣе, какъ необходимая самооборона человѣчества, законное стремленіе оградить себя и ближнихъ отъ неустройствъ и страданій, которыя тормазятъ свободное развитіе человѣческаго ума и сердца.

Работа надъ этимъ суетнымъ и преходящимъ въ жизни, надъ этимъ прозаическимъ и чисто-матеріальнымъ есть въ конечномъ своемъ выводѣ все-таки работа на пользу человѣческаго духа.

Нельзя понимать демократизацію исключительно въ смыслѣ торжества грубой массовой силы надъ всѣмъ, что возвышается надъ ея уровнемъ, ибо это есть лишь временная неизбежная сторона этого движенія,—сторона, которая исчезнетъ, какъ только массѣ дана будетъ извѣстная гарантія свободнаго развитія. Нельзя также и утилитарное направленіе въ жизни считать исключительно торжествомъ животныхъ инстинктовъ, ибо если эти животные инстинкты дѣйствительно временно одерживаютъ верхъ надъ естественными потребностями человѣка, то только потому, что еще слишкомъ мало сдѣлано для ихъ подавленія.

Если стать на эту точку зрѣнія, то едва ли можно обвинить челоѣчество за то, что въ извѣстный періодъ своего развитія оно думало о тайнахъ нашей жизни такъ, а не иначе; и еще съ меньшимъ правомъ можно будетъ порицать людей за ихъ стремленіе установить въ своихъ житейскихъ отношеніяхъ порядокъ, удовлетворяющій тому высокому нравственному идеалу, который челоѣчество купило цѣной столькихъ испытаній.

И наши шестидесятые годы должны быть оправданы и въ своихъ философскихъ воззрѣніяхъ, и въ своей утилитарной программѣ, ибо ихъ умственная дѣятельность и, главнымъ образомъ, ихъ нравственный подъемъ духа были новой побѣдой, одержанной челоѣческимъ познаніемъ и волей надъ непримиримымъ врагомъ бытія—надъ страданіемъ.

Культурныя заслуги отцовъ не отнимаютъ, конечно, у потомковъ права на свободную критику.

Эту истину, кажется, не имѣютъ въ виду современные идеалисты, когда свое осужденіе шестидесятихъ годовъ называютъ подвигомъ свободной мысли. Но мы имѣемъ право спросить, каковы же въ данномъ случаѣ плоды этой свободы.

Не имѣя силъ дополнить чѣмъ-нибудь нравственную программу шестидесятихъ годовъ, наши идеалисты о ней обыкновенно умалчиваютъ и признаютъ, что „въ общемъ“ они съ ней согласны.

Не имѣя силъ опровергнуть на научномъ основаніи философской и эстетической теоріи прошлаго, они воюютъ противъ нея—напыщеннымъ краснорѣчіемъ и повтореніемъ общихъ мѣстъ, давно всѣмъ извѣстныхъ.

Сознавая, наконецъ, свою беспомощность сказать что-нибудь новое и вѣское, они стараются придать себѣ бодрость, во-первыхъ, издѣвательствомъ надъ слабыми сторонами своихъ противниковъ, и во-вторыхъ, воплямъ о какомъ-то мнимомъ вредѣ, которымъ до сихъ поръ угрожаютъ намъ люди, сдѣлавшіе въ недавнемъ прошломъ столько для насъ и для самихъ идеалистовъ полезнаго.

Свобода мысли и слова современныхъ искателей правды ограничивается пока этими плачевными результатами.

III.

Идеализмъ, къ которому намъ предлагаютъ вернуться, и который долженъ спасти насъ отъ всѣхъ золъ настоящихъ и грядущихъ, понимается его новыми поборниками какъ философская система, основанная на метафизическихъ началахъ. Наши идеа-

листы говорятъ не безъ основанія, что одностороннія философскія ученія недавняго прошлаго нуждаются въ пересмотрѣ и перестройкѣ.

Въ этомъ отношеніи идеализмъ новѣйшей формаціи находитъ себѣ какъ будто поддержку въ русской научной философской мысли.

За два послѣднія десятилѣтія эта мысль дѣйствительно работаетъ въ очень опредѣленномъ направленіи.

Тотъ, кто слѣдилъ за поворотомъ философскаго мышленія на Западѣ, тотъ, конечно, замѣтилъ, что ученія, столь популярныя въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ, подверглись частью опроверженію, частью перестройкѣ на болѣе идеалистическихъ началахъ. Правда, новыхъ вполне оригинальныхъ системъ идеализма за послѣднее время не явилось; по крайней мѣрѣ, ни одна изъ нихъ не была настолько сильна, чтобы наложить свою печать на нашу эпоху.

Мы, русскіе, какъ и слѣдовало ожидать, произвели также философское перевооруженіе. Конечно, не изъ слѣпонаго подражанія, а въ силу исторической необходимости.

Насколько, однако, въ данномъ случаѣ русской человѣкъ былъ вполне свободенъ въ своемъ умственномъ движеніи, или насколько постороннія причины, имѣющія мало общаго съ міромъ идей, повліяли на направленіе его мысли, это—вопросъ глубочайшаго интереса, но онъ не входитъ въ предѣлы нашей бесѣды.

Мы отмѣчаемъ только тотъ фактъ, что идеализмъ, какъ философская система въ разныхъ его видоизмѣненіяхъ, привлекъ за послѣднее время подъ свои знамена большое число прозелитовъ.

Какого бы мнѣнія о трудахъ этихъ ученыхъ философовъ ни былъ читатель—онъ никогда не рѣшится отрицать ихъ культурной роли и долженъ привѣтствовать серьезную работу ихъ пылкой, иной разъ очень глубокой мысли. Будущее покажетъ, какъ всѣ эти детальныя обработки вопросовъ жизни и духа свяжутся во-едино; но на нравственномъ ученіи современнаго ученаго идеализма лежитъ уже истинно гуманная печать, и этотъ гуманизмъ уже неоднократно обнаруживалъ свою просвѣтительную силу въ борьбѣ со многими темными сторонами нашей жизни.

Идеалисты-дилеттанты, о которыхъ говоримъ мы, повидимому, преслѣдуютъ тѣ же цѣли, что и эти ученые. Но это только съ виду.

Ученый стремится навязать вамъ свое мнѣніе логическими доводами, которые требуютъ отъ васъ иногда большихъ усилій мысли—дилеттантъ предпочитаетъ покорять васъ знаками воскли-

цанія и вопрошенія; ученый опирается на эрудицію и на науку, дилеттантъ—на изысканное краснорѣчіе. Ученый строитъ на вашихъ глазахъ по частямъ свое зданіе; дилеттантъ въ туманѣ показываетъ вамъ его очертанія и поясняетъ ихъ голословной бранью на тѣхъ, кто съ нимъ не согласенъ.

И знаки восклицанія, и краснорѣчивая метафора, и даже брань—допустимы, если они имѣютъ за собой, какъ прикрытіе, дѣйствительное знаніе и оригинальность мысли.

Нѣтъ, однако, никакого основанія предполагать такое знаніе и такую оригинальность у нашихъ дилеттантовъ. Положительная сторона ихъ ученія (если только ученіемъ можно назвать ихъ разговоры)—слишкомъ общаго характера; сторона же отрицательная необычайно поверхностна. Одной недостаетъ философской систематичности, другой—историческаго кругозора.

О догматической сторонѣ ихъ ученія почти ничего сказать не приходится, ибо догматики, какой-нибудь связанной теоріи у нихъ нѣтъ. Всѣ положенія ихъ идеализма взяты напрокатъ, заимствованы на случай то у Платона, то у Спинозы, то у Шиллера или Гёте,—у кого придется. Связнаго изложенія ихъ основныхъ принциповъ также нѣтъ,—а есть только рядъ дилеттантскихъ экскурсій въ области знанія, нравственности, искусства—рядъ бѣглыхъ замѣтокъ безъ всякаго философскаго построенія.

Впрочемъ, на первый разъ рѣчь этихъ идеалистовъ можетъ произвести на неопытнаго человѣка нѣкоторое впечатлѣніе.

Тайна этого впечатлѣнія заключается въ игрѣ общими словами и понятіями. Дѣйствительно, при извѣстной искусной комбинаціи этихъ словъ, можно погрузить слушателя въ своего рода гипнозъ.

Слушая нашихъ идеалистовъ, какъ они патетически говорятъ о вѣчности и безконечности, о нетлѣнной красотѣ, покоящейся въ лонѣ добра, о добрѣ, покоящемся въ лонѣ красоты, о дѣвственной чистотѣ идеала, о слияніи всѣхъ душъ и умовъ въ созерцаніи предвѣчнаго—не знаешь, желаютъ ли они усыпить насъ, или сами находятся въ сомнамбулическомъ состояніи?

Однако, если положительная сторона этихъ призывовъ къ идеализму выражена туманно и неопредѣленно, то сторона отрицательная высказана по крайней мѣрѣ ясно.

Призывъ къ идеализму, какъ мы сказали, есть призывъ къ новому и осужденіе стараго; вѣрнѣе—брань на это старое.

Извѣстно, что выбрать противника всегда легче, чѣмъ ясно формулировать свои собственные взгляды.

Когда намъ пришлось впервые прочитать въ общедоступныхъ

статьяхъ эту проповѣдь идеализма, мы съ большимъ интересомъ ожидали, какъ наши борцы (и очень смѣлые, судя по ихъ общаніямъ) за свободу мысли начнутъ опровергать своихъ противниковъ, т.-е. позитивистовъ, матеріалистовъ и другихъ еретиковъ.

Намъ самимъ многое у нашихъ прежнихъ учителей казалось сомнительнымъ, и намъ хотѣлось слышать толковое, общепонятное опроверженіе или дополненіе тѣхъ ученій, которыя такъ увлекали насъ на университетской скамьѣ, и вѣра въ которыя съ годами у насъ ослабѣла.

Новые борцы до-нѣльзя упростили свою задачу. „Все старое, — сказали они важно, — давно сдано въ архивъ. Человѣческая мудрость, какъ змѣя, мѣняетъ свою кожу и, надѣвъ новое одѣяніе, оставляетъ старое на съѣденіе червямъ. Старые взгляды узки, ошибочны, недостаточно обоснованы и устарѣли“...

Вотъ все, что мы узнали, если не считать честнаго слова, которое дали намъ наши проповѣдники въ томъ, что имъ ничего не стоитъ взять философскій скальпель и произвести детальную диссекцію всѣхъ покойниковъ старой мысли.

Диссекціи этой они, однако, не произвели, полагая, вѣроятно, что это будетъ очень скучная работа.

— Зачѣмъ ходить такъ далеко, — продолжали они, — когда живой примѣръ у насъ передъ глазами, въ нашемъ очень недавнемъ прошломъ? Обратимся къ тому, что происходило у насъ въ шестидесятыхъ годахъ, и тогда вся фальшь прежняго философскаго міросозерцанія будетъ ясна и безъ детальной критики началъ, на которыхъ это міросозерцаніе покоилось. Вся наша теперешняя умственная нищета, гибель нашей литературы и искусства, отсутствіе въ жизни той идеалистической закраски, безъ которой жизнь немыслима — естественно вытекаютъ изъ умственной вакханалии шестидесятыхъ годовъ. Чего же больше? Несовершенство философскихъ началъ лучше всего доказывается безобразнымъ поведеніемъ ихъ адептовъ. А что происходило прежде? припомните бунтъ неоперившихся младенцевъ противъ традицій, припомните походъ свистуновъ противъ почтенныхъ старцевъ, недостойное обращеніе съ благомыслящими людьми и многое другое. Философскій кругозоръ людей шестидесятыхъ годовъ былъ крайне ограниченъ, а потому и сущность жизни была ими невѣрно схвачена. А если сущность жизни схвачена невѣрно, то, конечно, и въ частностяхъ выйдетъ безпорядокъ. Этотъ безпорядокъ и вышелъ, и что плачевнѣе всего, такъ это то, что за всѣ эти ошибки мы теперь расплачиваемся...

Насъ очень поразилъ такой поворотъ вопроса; мы сочли его

сначала за простое недоразумѣніе, но, прислушиваясь къ разговорамъ въ разныхъ сферахъ общества, убѣдились, что дѣйствительно въ настоящую минуту именно такое строго логическое осужденіе шестидесятыхъ годовъ — господствующее повѣтріе мысли.

Для насъ это осужденіе было не ново, и потому естественно, что мы нашихъ идеалистовъ зачислили въ лагерь противниковъ общественныхъ реформъ недавняго прошлаго и вообще въ число противниковъ нашего общественнаго обновленія. Они на это обидѣлись: „Помилуйте, — сказали они, — мы либералы, даемъ вамъ честное слово, что либералы, и стало быть... ну, однимъ словомъ... вы понимаете“?

Но мы ничего не поняли.

Мы не могли понять, во-первыхъ, какимъ образомъ, признавая общественную или культурную заслугу извѣстной эпохи, можно утверждать, что она была вредна потому лишь, что смотрѣла на коренные вопросы жизни такъ или иначе; и во-вторыхъ, какимъ образомъ недостатки современниковъ могли вытекать изъ культурныхъ побѣдъ недавняго прошлаго?

Какъ ни старались современные идеалисты заговорить насъ, но помирить эти противорѣчія имъ не удалось.

Получились же эти противорѣчія частью потому, что у современныхъ идеалистовъ нѣтъ ни историческаго, ни философскаго пониманія вопроса, о которомъ они разсуждаютъ, частью же потому, что они сами являются жертвой своего противорѣчиваго времени.

IV.

У насъ за послѣднее время неохотно отвѣчали на всѣ тѣ дешевыя нападки, которыя въ такомъ изобиліи сыпались на голову шестидесятниковъ.

Человѣкъ молчить иногда нѣхотя, изъ приличія, молчить, чтобы не ввязываться въ бесполезное словопреніе, молчить, наконецъ, потому, что не хочетъ выносить на площадь слишкомъ ему дорогого.

Многимъ шестидесятые годы дѣйствительно дороги.

Для тѣхъ, кто не переживалъ ихъ, они являются довольно загадочными, тѣмъ болѣе, что очень отрывоченъ матеріалъ, по которому можно было бы восстановить ихъ обликъ. Изысканій по отдѣльнымъ вопросамъ, затронутымъ въ эти годы, очень мало; изслѣдованій же, которыя бы освѣтили эту эпоху съ разныхъ сторонъ, представили бы ее въ цѣломъ, нѣтъ ни на русскомъ языкѣ, ни

на иностранномъ. Самихъ дѣателей также нѣтъ, по крайней мѣрѣ большинства; многіе умерли; другіе хотя и среди насъ, но не всѣмъ же они доступны, и притомъ они не словоохотливы. Воспоминаній о шестидесятыхъ годахъ также чрезвычайно мало, а что касается литературнаго наслѣдства, то надъ многимъ самымъ безобиднымъ тяготѣеть пока еще интердиктъ. При этихъ условіяхъ составить себѣ ясное понятіе о какой-нибудь эпохѣ трудно, въ особенности же о той, которая не отошла въ прошлое, а продолжаетъ волновать наше умъ и чувство.

Шестидесятые годы нужно разсматривать не только какъ фазисъ развитія русской жизни, но какъ моментъ исторіи всеобщей. Нравственный переломъ, совершившійся въ русскомъ обществѣ за это время, доказывалъ, что гуманная начала, выработанныя міровой цивилизаціей, пустили корни въ младшей изъ европейскіихъ культурныхъ націй и приобщили ее къ движенію всего человѣчества.

Взятые исключительно какъ моментъ русской жизни, шестидесятые годы для неопытнаго взгляда представляютъ нѣкоторое затрудненіе. Поставленные между сороковыми годами, этимъ медовымъ мѣсяцемъ русскаго ума и сердца, и между настоящей минутой, съ виду столь апатично мирной и елейной, недавніе годы рѣзкихъ сужденій, острыхъ чувствъ и быстрыхъ движеній кажутся многимъ людямъ тѣмъ-то совсѣмъ необычайнымъ: вихремъ, который на нѣсколько мгновеній завружилъ наше общество и затѣмъ, посвиставъ и побушевавъ, быстро исчезъ; ибо это былъ именно вихрь, т.-е. стихія налетная, беспочвенная и необычайно легковѣсная. И цѣлыя легенды сложились объ этомъ вихрѣ, налетѣвшемъ съ Запада и произведшемъ такое страшное опустошеніе—главнымъ образомъ, въ головахъ русскихъ семинаристовъ.

А между тѣмъ это движеніе шестидесятыхъ годовъ тѣсно связано съ движеніемъ сороковыхъ и въ настоящее время вовсе не исчезло, а продолжаетъ жить, видовзмѣнившись только въ своихъ внѣшнихъ формахъ. Оно вытекало изъ нашего прошлаго и естественно связано съ нашимъ будущимъ. Оно, выражаясь старымъ терминомъ,—органическій продуктъ нашей жизни, да и вообще жизни всего цивилизованнаго міра.

Въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ нашего столѣтія, какъ извѣстно, демократическая тенденція вѣва надѣялась найти себѣ сильную поддержку въ цѣломъ рядѣ наукъ, которыя тогда обогатились замѣчательными открытіями или вступили въ новый періодъ развитія; это были науки естественныя, политико-экономическія и философскія. Съ необычайной готовностью пошелъ

человѣкъ имъ на встрѣчу, ибо ожидалъ отъ нихъ не только рѣшенія тревожившихъ его умственныхъ проблемъ, но, главнымъ образомъ, нравственнаго воздѣйствія на общество. Онъ имѣлъ право думать, что его демократическимъ идеаламъ эти науки, прямо или косвенно, сослужать большую службу.

Много времени и много случаевъ имѣлъ человѣкъ на Западѣ для выработки своихъ взглядовъ, для опредѣленія своихъ требованій и для частичнаго примѣненія ихъ къ жизни. Его мысль была философски вышлеолена и опиралась на фундаментальную эрудицію; его воля находилась долгіе годы въ самомъ напряженномъ состояніи; открытая борьба мысли съ мыслью и силы съ силой давала ему возможность вполне высказать и провѣрить свои положенія.

Демократическая волна, такъ поднявшаяся въ половинѣ нашего столѣтія, никого не удивила въ Европѣ; она никому не показалась чѣмъ-то неожиданнымъ, ибо изъ года въ годъ поднималась на глазахъ у всѣхъ, въ книгахъ, статьяхъ, публичныхъ спорахъ и аудиторіяхъ, въ государственныхъ проектахъ и, наконецъ, въ движеніи самихъ массъ.

Европа располагала къ тому же большимъ богатствомъ силъ, которое позволило ей установить правильное раздѣленіе труда, и потому всѣ положенія этого общественнаго и умственнаго движенія были выражены съ большою отчетливостью, полнотой и большою силой.

Совсѣмъ иная получается картина, когда за этимъ же движеніемъ мы начинаемъ слѣдить у насъ въ Россіи.

Если на Западѣ исканіе новыхъ путей въ области науки и философіи шло рука объ руку съ исканіемъ новыхъ формъ общественной жизни, то у насъ интересъ къ этимъ послѣднимъ значительно превышалъ всѣ остальные интересы.

Наука и философія находились у насъ, и не могли не находиться въ то время, въ служеніи общественной нравственности.

Кто знакомъ съ теченіемъ нашей жизни до половины столѣтія, тотъ помнитъ, что вся подготовительная работа русской мысли, которая предшествовала движенію шестидесятыхъ годовъ, совершалась очень медленно, въ тиши, въ кабинетахъ и частныхъ спорахъ единичныхъ лицъ, и доводилась до общаго свѣденія лишь въ самой смягченной, урѣзанной формѣ, въ намекахъ и въ общихъ выраженіяхъ. Внѣшняя жизнь сохраняла неизмѣнно свой старый обликъ, и на ея поверхность почти совсѣмъ не выплывали тѣ движенія ума и сердца, которыя показывали, что, при всемъ своемъ изолированномъ положеніи, наше мыслящее общество все-

таки плелось за общечеловѣческой жизнью. Не только въ центры, но и на окраины залетали сѣмена новой мысли, а какъ они принимались въ этой глуши,—объ этомъ мы можемъ только догадываться.

До конца пятидесятыкъ годовъ, когда они взошли на русской почвѣ, о нихъ ничего не было слышно. Такимъ образомъ, молодые люди, которые выступили къ этому времени на различныхъ поприщахъ, не успѣли пройти ни строгой школы жизни, ни строгой школы мысли. Большинство изъ нихъ было вооружено не столько фундаментальнымъ знаніемъ или опытомъ, сколько убѣжденіемъ въ своей нравственной правотѣ.

Желанія этой молодежи, — какъ принято говорить, — были „нескромны“, т.-е. вытекали изъ очень требовательнаго и оскорбленнаго нравственнаго чувства. Та сумма страданія, которую видѣли эти люди передъ своими глазами, и среди которой многіе изъ нихъ непосредственно выросли, — и воодушевляла ихъ, и озлобляла. Они ко всѣмъ вопросамъ жизни и духа подошли съ этимъ истерзаннымъ и оскорбленнымъ сердцемъ.

Когда, къ концу пятидесятыкъ годовъ, довольно неожиданно обмѣнъ мыслей былъ относительно облегченъ и даже дана была возможность подумать о болѣе тѣсной связи между словомъ и дѣломъ; когда сама власть, повидимому, довѣрчиво отнеслась къ общественному голосу и призвала его себѣ на помощь, — одна часть русскаго общества — наиболѣе молодая, а потому отзвучивая и въ себѣ увѣренная — принялась за свою, какъ теперь говорятъ, разрушительную работу.

Работа была разрушительная и созидательная, какъ вообще бываютъ всѣ такія работы, и если на первый взглядъ можетъ показаться, что разрушеннаго сравнительно больше, чѣмъ созданнаго, то въ этомъ надобно винить не принципиально разрушительныя стремленія этихъ людей, а опять-таки исключительныя условія, при которыхъ они дѣйствовали; эти условія предрасполагали преимущественно къ быстрому разрушенію и были очень неблагоприятны для созиданія.

Такихъ условій было много. Во-первыхъ, неожиданность дарованной возможности обсуждать публично вопросы, о которыхъ прежде, быть можетъ, годъ тому назадъ, эти люди съ глазу на глазъ говорили шопотомъ и съ опаской.

Такая неожиданность должна была вызвать рѣзкость и быстроту въ ихъ нападкахъ на всѣ явленія жизни, съ которыми они были несогласны. Какъ часто бываетъ въ такихъ случаяхъ, они безъ оглядки набросились на все, что явно не согласовалось

съ ихъ умственными или нравственными понятіями, или въ чемъ они, на первыхъ порахъ, быть можетъ слишкомъ поспѣшно, подвѣрвали хотя бы скрытое отдаленное несогласіе. Обличеніе и нападеніе дѣйствительно ознаменовали ихъ первое вступленіе на арену жизни.

Но если эти отрицательныя стороны ихъ программы заслонили собою положительную, лежащую въ ихъ основаніи, то въ этомъ была виновата другая неожиданность.

По пятамъ за дарованной свободой слѣдовало ея ограниченіе. Реакція движенію шестидесятыхъ годовъ, и притомъ реакція, прибѣгавшая не къ словесному оружію, началась въ самый разгаръ этого движенія—можно сказать, даже одновременно съ нимъ. Движеніе было остановлено въ своемъ теченіи въ самый моментъ его разгара и споръ былъ прерванъ, прежде чѣмъ спорящіе, согласные въ томъ, что надо разрушить, успѣли согласиться насчетъ того, что необходимо построить на мѣстѣ упраздненнаго.

И, несмотря на это, какъ благотворно подѣйствовала ихъ работа на ходъ нашей жизни! Положительныхъ сторонъ у этой работы было много, какъ мы увидимъ ниже, и среди нихъ главнѣйшая—нравственный подъемъ духа, которымъ мы этимъ людямъ обязаны.

Быстро наступившая реакція, поставившая этихъ людей почти въ то же самое положеніе, въ какомъ они находились нѣсколько лѣтъ назадъ, отразилась на всемъ, что они говорили и что они дѣлали. Ихъ и безъ того напряженные нервы стали еще напряженнѣе, ихъ рѣчь стала еще болѣе желчной, объективный взглядъ на вещи сталъ имъ еще менѣе доступенъ.

Итакъ, произнося приговоръ надъ недостатками этихъ дѣятелей, необходимо имѣть въ виду ненормальность условій, при которыхъ они развивались, дѣйствовали и затѣмъ увядали. Легко нападать на ихъ недостатки, на малую житейскую опытность, на несистематическое усвоеніе знанія, на слишкомъ большую легковѣрность при встрѣчѣ съ каждымъ ученіемъ, словомъ или фактомъ, который ласкалъ и утѣшалъ ихъ нравственное чувство; на ихъ междоусобную войну и на многое другое, что составляетъ неизбежное слѣдствіе нравственнаго кризиса, который они переживали и глашатаями котораго являлись.

Дѣйствительно, главная ихъ заслуга передъ русскимъ обществомъ была заслуга нравственная.

Ближайшей цѣлью ихъ широкой и разнообразной дѣятельности было установленіе новыхъ формъ отношеній между людьми, отношеній личныхъ, семейныхъ, общественныхъ и государственныхъ,

при которыхъ свободное развитіе личности человѣческой и ея достоинство были бы насколько возможно обезпечены. Это право на свободное развитіе и на человѣческое достоинство они—какъ дѣти своего демократическаго вѣка—признавали за всѣми людьми.

Но были у этихъ людей, конечно, и другія заслуги, которыя теперь поблѣднѣли только передъ главной.

Нельзя отрицать, на примѣръ, что движеніе шестидесятихъ годовъ имѣло большое вліяніе на повышеніе умственнаго уровня нашего общества и на расширеніе его научнаго кругозора. Если люди этой эпохи, за исключеніемъ весьма немногихъ, и не обогатили общечеловѣческой науки собственными важными открытіями, то они эту науку пустили въ обращеніе; они возбудили интересъ къ знанію и притомъ къ тѣмъ областямъ его, которыя для русскаго читателя были совсѣмъ новинкой. Какъ бы велико ни было ихъ увлеченіе „последними словами науки“, но популяризація этихъ словъ всегда останется ихъ культурной заслугой.

Никто не станетъ отрицать также ихъ литературной заслуги; они внесли новое содержаніе въ русское творчество, дали новое направленіе критикѣ, новый толчокъ литературнымъ талантамъ прежней эпохи, создали свою поэзію, свой романъ, свою сатиру, наконецъ и свою литературную рѣчь, богатую новыми образами, оборотами и словами.

Кто, наконецъ, рѣшится вычеркнуть изъ исторіи нашей культуры гласныя и негласныя заслуги этихъ людей передъ своимъ временемъ,—передъ эпохой великой реформы?

Самая реформа была, конечно, дѣломъ не ихъ рукъ; она принципиально была рѣшена и подготовлена раньше. Но имена людей шестидесятихъ годовъ останутся навсегда связанными и съ ея литературной исторіей, и съ исторіей ея проведенія въ жизнь.

Итакъ, заслугъ за этими людьми много; но главнѣйшею все-таки остается заслуга нравственная, которая нисколько не пострадала отъ тѣхъ общихъ, поспѣшно принятыхъ на вѣру, философскихъ началъ, на которыхъ покоилось ихъ міросозерцаніе.

Цѣна этой нравственной заслуги увеличивалась еще принесенною ими жертвой.

Мы привыкли представлять людей шестидесятихъ годовъ большими поклонниками личности. Припоминая, какъ они воевали противъ подчиненія авторитету, какъ они требовали для себя свободнаго развитія страстей, какъ они громили всякаго рода правила, вспоминая, наконецъ, какіе гимны пѣлись тогда эгоизму, мы нерѣдко рисуемъ себѣ этихъ дѣятелей, какъ лицъ, утопавшихъ въ самопоклоненіи и жаждавшихъ для себя полной свободы въ

наслаждения жизнью. Что такое самопоклонение существовало среди них, въ особенности въ самые юные годы ихъ жизни, то этому не приходится удивляться. Но этотъ культъ свободной личности, при многихъ неизбѣжныхъ недостаткахъ, имѣлъ свое прогрессивное значеніе, какъ живой протестъ противъ всевозможнаго порабощенія.

Однако, если мы говоримъ о жертвѣ, которую они приносили, то мы имѣемъ въ виду, что именно при этомъ культѣ личности они сознательно произвели надъ собой истязаніе, отказываясь во имя своихъ демократическихъ идеаловъ отъ многихъ естественныхъ движеній человеческого сердца, — движеній, на которыя каждая свободная личность имѣетъ право. Какъ реформаторы прежнихъ вѣковъ, они во многомъ были пуритане и, отдавъ должное первымъ ощущеніямъ молодости, стали потомъ ригористами и гонителями всякаго „эпикуреизма“ (какъ они выражались). Подъ рубрику эпикурейскихъ движеній чувствъ и ума они занесли всё чисто-индивидуальныя восторги сердца и наслажденія мысли, — и чистую науку, и чистую поэзію, не говоря уже о чисто житейскихъ наслажденіяхъ.

Они, конечно, хватали черезъ край, но эти ошибки съ ихъ стороны были все-таки добровольною жертвой.

Если ужъ быть послѣдовательнымъ въ осужденіи шестидесятихъ годовъ, то надо осуждать не ихъ философскіе принципы и эстетическіе взгляды, а ихъ демократическую программу. Надо сказать, что вообще демократизація общества есть вредъ, что она ведетъ насъ въ опошленію, что состраданіе и альтруизмъ не вышпаютъ, а принижаютъ человѣка, что нравственность, какъ мы ее понимаемъ, есть въ сущности безнравственность, и что борьба со зломъ въ нашемъ смыслѣ есть только размноженіе зла.

Такъ дѣйствительно говорили и говорятъ нѣкоторые умы на Западѣ; и у насъ есть единичные идеалисты, которые исповѣдуютъ это ученіе. Но въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ не о нихъ — они по всѣмъ вѣроятіямъ остановили бы насъ на первомъ словѣ. Наши же дилеттанты насъ выслушиваютъ со снисходительной улыбкой и только отвѣчаютъ:

„И чего вы въ открытыя двери ломитесь! какъ будто мы сами не понимаемъ всего значенія общественной роли недавнихъ дѣятелей? Никогда на ихъ общественную роль мы не нападали; то, что они говорили о народномъ образованіи, о распространеніи знанія въ массахъ, объ улучшеніи крестьянскаго быта, о гласности, о свободѣ мысли, — все это для насъ такъ же свято, какъ и для васъ, но тѣмъ не менѣе то движеніе было вредное, ибо оно принижало

духовное начало въ философіи и въ искусствѣ; а это грѣхъ, котораго не искупятъ никакія матеріальныя благодѣянія“.

Такія слова приходится теперь часто слышать, и невольно удивляешься, какъ люди не видятъ, что стрѣлять по философскимъ и эстетическимъ взглядамъ шестидесятниковъ значить въ сущности стрѣлять поверхъ ихъ головы, ибо важно не ихъ увлеченіе теоретической стороной западнаго позитивизма и матеріализма, а ихъ увлеченіе нравственной программой, съ которой эти ученія были тѣсно связаны на Западѣ.

Мы понимаемъ вполне человѣка, который, имѣя свое особое мѣрило нравственности, діаметрально противоположное общечеловѣческому, произнесетъ осужденіе шестидесятымъ годамъ за ихъ основную гуманную тенденцію—онъ будетъ по крайней мѣрѣ послѣдователемъ.

Мы поймемъ и другого, который, будучи блюстителемъ порядка и на улицѣ, и въ мысляхъ, осудитъ эти годы за то, что они не съ достаточнымъ уваженіемъ относились къ порядку. Съ такимъ человѣкомъ можно спорить, но въ противорѣчій уличить его нельзя.

Когда же призывающіе насъ къ идеализму „печальники о землѣ русской“ начинаютъ бранить эти годы, какъ источникъ нашего духовнаго обнищанія, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ „либералы“, ничего противъ общественной программы этихъ годовъ не имѣютъ, то смыслъ такой таинственной рѣчи тѣменъ.

Еслибы можно было знать навѣрное, что это признаніе общественной роли людей шестидесятыхъ годовъ въ устахъ современныхъ идеалистовъ—одна ложь, которую люди до поры до времени прикрываются, то всякое бы недоумѣніе разсѣялось. Но такихъ предположеній мы не имѣемъ права дѣлать и не хотимъ, ибо по своему объясняемъ эту странную непослѣдовательность.

V.

Излюбленный боевой вонъ современныхъ идеалистовъ, это—обвиненіе людей шестидесятыхъ годовъ въ томъ, что они не понимали красоты, отрицали ее и преслѣдовали.

„Пусть бы эта узость эстетическихъ взглядовъ лишила самихъ шестидесятниковъ полноты духовной жизни; но всего важнѣе то, что отъ этой узости пострадали мы. Въ нашей литературной нищетѣ виновата эстетическая теорія прошлаго и главнымъ образомъ тѣ несчастные, слѣпорожденные критики, на обязанности

которых лежало блюсти за эстетическимъ воспитаніемъ читателя. Эти критики не только не соблюли, но развратили читателя, и въ душѣ его вселился мракъ, который грозитъ всецѣло поглотить его, если онъ въ-время не вернется къ идеализму. Но зато если онъ вернется,—красота вновь расцвѣтетъ въ его сердцѣ, и съ нею вмѣстѣ распухнетъ истина, а добро придетъ само собою“.

Такъ разсуждаютъ наши идеалисты.

Что касается таинственной красоты—можно на это отвѣтить —и ея проявленія въ нашемъ мірѣ, то люди шестидесятыхъ годовъ въ своемъ отношеніи къ ней ничѣмъ отъ прочихъ людей не отличались. Они признавали красоту, гдѣ они ее видѣли и чувствовали: въ природѣ, вѣчно юной и прекрасной, въ чловѣкѣ, гордомъ своимъ страданіемъ и силой, въ произведеніи искусства, которое было достаточно сильно, чтобы покорить ихъ. Въ особенности же признавали они и высоко цѣнили красоту нравственнаго поступка, а такая красота въ мірѣ существуетъ.

Что же касается искусства, то его важная роль въ жизни никогда не отрицалась еретиками недавней эстетики, и она была понимаема въ общемъ своемъ выводѣ такъ, какъ понималъ ее и величайшій изъ идеалистовъ-эстетиковъ—Шиллеръ. Искусство было для нихъ средствомъ нравственнаго перевоспитанія грубаго чловѣка, и храмъ искусства былъ нравственнымъ учрежденіемъ.

Ихъ ошибка заключалась только въ томъ, что они поняли искусство какъ средство прямого, а не косвеннаго нравственнаго обновленія. Что такая узость взгляда вытекала у нѣкоторыхъ изъ нихъ, но далеко не у всѣхъ, какъ необходимость изъ ихъ психическаго настроенія и изъ условій тогдашней минуты, то это едва ли нужно доказывать. Но истина была на ихъ сторонѣ, когда они говорили, что искусство, какъ духовный факторъ жизни, находится въ прямой связи со всѣми остальными факторами и никогда не можетъ быть разсматриваемо отдѣльно; это искусство—продуктъ времени, и нѣтъ художниковъ безвременья. Творчество, по ихъ мнѣнію, было не свободно, и художникъ могъ назваться свободнымъ лишь постольку, поскольку онъ повиновался своему несвободному таланту, а не насилывалъ его ради достиженія призрачной свободы. Таланты,—говорили эти критики,—бываютъ сильные и слабые, и чѣмъ большее количество причинъ, т.-е. житейскихъ фактовъ, личныхъ или общественныхъ, вліяютъ на талантъ, чѣмъ большее ихъ количество онъ въ себя претворяетъ, тѣмъ выше такой талантъ долженъ быть поставленъ. Мѣриломъ цѣнности таланта и его значенія являлась въ ихъ глазахъ

сама жизнь, изъ которой онъ исходить и ради которой существуетъ.

Быть можетъ, эти положенія грѣшатъ недосказанностью и излишней не-философской простотой; но неужели въ нихъ дѣйствительно лежатъ зародыши литературнаго растлѣнія? Едва ли.

Вспомнимъ хотя бы, какъ богата была художественными талантами эта, какъ насъ хотятъ увѣрить, враждебная искусству эпоха, и не забудемъ, что и въ наше бѣдное дарованіями время все, чтѣ есть у насъ выдающагося, выросло на литературныхъ и общественныхъ традиціяхъ недавняго прошлаго.

Иначе и быть не могло, ибо искусство, какъ пересозданіе жизни въ мечтѣ, волей-неволей къ жизни реальной приковано и тогда, когда мечта съ этой жизнью согласна, и тогда, когда она съ ней враждуетъ. Злоба дня всегда даетъ направленіе искусству, и то, чтѣ мы считаемъ теперь великими памятниками объективнаго чистаго творчества, въ моментъ своего зарожденія въ душѣ художника было прямымъ отвѣтомъ на вопросы, поставленные злобой жизнью.

И наше недавнее прошлое поставило рядъ такихъ житейскихъ вопросовъ, на которые искусство отвѣчало по мѣрѣ своихъ силъ, и на которые оно отвѣчаетъ и въ наше время, поскольку эти вопросы остаются живыми.

Область искусства расширяется по мѣрѣ развитія всѣхъ сторонъ человѣческой жизни, и задача художника не въ томъ, чтобы рассортировать явленія на поэтическія и не-поэтическія (какъ это дѣлалось прежде), а въ томъ, чтобы набросить поэтическій покровъ на все, въ чемъ проявляется сила существа мыслящаго и чувствующаго, или въ чемъ человѣкъ такую силу предполагаетъ.

Странно думать, чтобы жизнь когда-нибудь могла враждовать съ красотой или искусствомъ. Были моменты (и, конечно, будутъ), когда человѣкъ охладѣвалъ къ красотѣ и къ поэзій жизни, когда онъ смотрѣлъ въ увеличительное стекло на тотъ или другой ея краугольный камень и забывалъ о поэтическомъ ея синтезѣ. Но такіе моменты преходящи. Они свое дѣло сдѣлаютъ и увеличатъ только новой деталью общую красоту жизни.

И у шестидесятыхъ годовъ была своя красота и своя поэзія. Это была поэзія непосредственнаго упоенія самой жизнью — жизнью видимою и осязаемой.

Люди, призванные служить ей въ годину великаго народнаго бѣдствія, были убѣждены, что каждый порывъ ихъ чувствъ несетъ ей исцѣленіе, каждое разумное убѣжденное слово, сорвавшееся съ ихъ устъ, закрываетъ ея раны, и въ каждомъ ея движеніи,

быть может невольномъ и безотчетномъ, они готовы были видѣть предвѣстника близкаго обновленія.

Они были счастливы, увѣренные въ своей нравственной и умственной правотѣ, читавшіе въ прошломъ и настоящемъ какъ въ открытой книгѣ, полные надеждъ на близкое будущее, которое вознаградитъ ихъ родину за все, что она выстрадала. Они были счастливы, вѣря, что тайны жизни побѣждены умомъ чловека, что царство мысли близко, что непобѣдимая трезвая мысль выѣстъ съ любящимъ сердцемъ нашла себѣ въ нихъ воплощеніе, что все желанное и святое такъ близко.

Въ своемъ упоеніи они готовы были начать лѣтосчисленіе съ этой счастливой минуты. Они забыли все, что могло умѣрять ихъ пылъ, все, что, какъ грозный призракъ неизвѣстности, могло стать между ними и тѣмъ счастливымъ будущимъ, въ близкое наступленіе котораго они вѣрили. Ихъ умъ не хотѣлъ мириться съ непознаваемымъ и таинственнымъ, они оставались глухи ко всему, въ чемъ не чувствовали непосредственнаго біенія жизни, и когда эта жизнь вдругъ дѣйствительно начала улыбаться имъ сквозь еще не остывшія слезы, то эта улыбка была имъ дороже всего на свѣтѣ.

Они даже не могли задать себѣ вопроса о томъ, правы ли они, или неправы, въ своихъ надеждахъ и въ своей вѣрѣ въ себя, ибо любовь ихъ была такъ сильна, что исключала всякое размышленіе.

Теперь, спустя десятки лѣтъ, эти люди могутъ сказать, что все это былъ сонъ, и что красота и поэзія этого сна, какъ всякая поэзія, жизнью не оправдались.

Но сны бываютъ иногда пророческіе.

VI.

Чаще всего такіа единичныя обвиненія противъ движенія шестидесятыхъ годовъ сводятся къ одному основному—къ упреку въ пренебрежительномъ отношеніи нашихъ отцовъ къ духовной сторонѣ жизни и къ рабскому служенію вопросамъ матеріальнымъ. Современные идеалисты въ гнѣвѣ не прочь сказать, что шестидесятникамъ удалось вытравить въ насъ любовь и уваженіе къ духовнымъ началамъ нашего бытія.

Это было бы чудовищное злодѣяніе съ ихъ стороны, еслибы только такое злодѣяніе на свѣтѣ было возможно.

Къ счастью, оно невысказано, ибо нужно прежде убить въ че-

ловѣе чувство и мысль, чтобы порвать его живую связь съ духовнымъ міромъ и его вѣчное тяготѣніе къ идеѣ, объединяющей жизнь и дающей ей смыслъ и направленіе.

Забота о матеріальномъ, земномъ благѣ и презрѣнное житейское волненіе никогда не были цѣлью, а только лишь средствомъ, которое имѣло въ виду сберечь силы человѣка и облегчить ему его умственное и нравственное развитіе.

Если простое желаніе улучшить матеріальную сторону жизни лежало нерѣдко въ основаніи движенія самихъ униженныхъ и темныхъ массъ, то оно никогда не было единственнымъ стимуломъ дѣйствія у тѣхъ лицъ, которыя шли на встрѣчу этимъ массамъ и жертвовали имъ такъ или иначе своимъ индивидуальнымъ міромъ.

И пресловутое матеріальное направленіе шестидесятыхъ годовъ сводилось не только къ тому, чтобы накормить голоднаго, помочь нуждающемуся, защитить слабого и освободить поработеннаго, но главнымъ образомъ къ тому, чтобы призвать къ духовной жизни ту массу силъ, которая пропадаетъ даромъ, приобщить ее къ знанію и сдѣлать ее участницей великой борьбы человѣчества за свое таинственное назначеніе въ мірѣ.

Что же касается теоретическихъ взглядовъ людей шестидесятыхъ годовъ на великія, насъ окружающія тайны, то неполноту этихъ взглядовъ, конечно, исправить дальнѣйшее теченіе нашей вѣчно тревожной и ничѣмъ не удовлетворенной мысли.

Когда отходила въ прошлое система Гегеля, то одинъ изъ свидѣтелей ея заката, Гаймъ, сказалъ: „въ каждой исторической критикѣ уже существующаго умозрѣнія лежатъ сѣмена, изъ которыхъ въ послѣдствіи, по всей вѣроятности, образуется новое метафизическое зданіе“.

Эти слова могутъ служить утѣшеніемъ для современныхъ идеалистовъ. Дѣйствительно, на развалинахъ позитивизма и матеріализма будетъ воздвигнуто метафизическое зданіе; но только зданіе это должно покоиться на *исторической* критикѣ прошлаго и сдѣлать его нужно трудомъ мысли, а не игрою словъ.

Наши идеалисты, однако, исторіи не признаютъ, а къ словамъ имѣютъ большое пристрастіе.

Вся путаница—въ ихъ оцѣнкѣ шестидесятыхъ годовъ: признаніе общественной роли этого движенія полезной, а его міросозерцанія вреднымъ, старье, банальные вопли о чистомъ и свободномъ искусствѣ, риторическій напыщенный призывъ къ идеализму—показываютъ, что въ основѣ всѣхъ этихъ разглагольствований лежитъ не строго продуманная философская мысль, не стро-

гій историческій взглядъ, а нѣкоторое, вполне въ наше время понятное, болѣзненное ощущеніе.

Дѣйствительно, этотъ вопль „идеализма“ есть результатъ извѣстнаго болѣзненнаго состоянія, вполне понятнаго въ современномъ русскомъ человѣкѣ.

Человѣкъ всегда стремится къ тому, чтобы имѣть связанное міросозерцаніе и свободную отъ противорѣчій нравственную программу. Бываютъ эпохи, которыя этому стремленію не благоприятствуютъ. Старое разрушено, новое пока не возникло. Жизнь плетется, а не шагаетъ. Бездна противорѣчій въ словахъ и поступкахъ. Какой-то туманъ, ползущій со всѣхъ сторонъ. И самъ человѣкъ ощущаетъ въ своей головѣ скопленіе такихъ туманностей, изъ которыхъ никакъ гармоническіе міры не хотятъ родиться; онъ страдаетъ отъ своей нравственной безпринципности, и въ растрепанности чувствъ и мыслей дѣлается нерѣдко жертвой призрака. Этотъ призракъ является ему въ видѣ слова, обыкновенно очень высокаго, очень святаго слова, и человѣку кажется, что если онъ только произнесетъ это слово, то онъ уже исцѣленъ отъ всѣхъ своихъ недуговъ.

Не давая себѣ труда разобраться въ истинномъ значеніи этого слова, человѣкъ начинаетъ поклоняться его звуку; ему кажется, что оно внесло порядокъ во всѣ его неустановившіяся мысли и его противорѣчивыя душевныя движенія, и онъ потому боится подвергнуть это слово анализу. Оно дало ему душевный покой, и онъ ревностно оберегаетъ его отъ всякаго соблазна мысли.

Такъ, за послѣднее время многимъ показалось, что если они назовутъ себя „идеалистами“, то будутъ спасены однимъ этимъ словеснымъ крещеніемъ. Они повяли это слово въ узкомъ смыслѣ и, боясь сдѣлаться вновь жертвой колебаній и сомнѣній, рѣшили, что все, что съ этимъ узкимъ пониманіемъ великаго слова не согласуется—ложно и подлежитъ глумленію,—дешевому, впрочемъ, глумленію.

Н. Котляревскій.

КНЯГИНЯ

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

XXI *).

Второй часъ ночи. Весь домъ давно спить. Въ передней горить лампа—не возвращался еще князь Вадимъ Дмитриевичъ. Освѣщенъ и кабинетъ Вѣры. Она низко нагнулась надъ дневникомъ и пишетъ что-то, заглядывая во французскую книгу, лежащую повыше и лѣвѣе.

Удлиненнымъ и четкимъ почеркомъ, съ блескомъ въ глазахъ, она вписала нѣсколько строкъ по-французски—не то въ видѣ эпиграфа, не то какъ заключительную тираду, выражающую ея настроеніе:

„Plus tard, je vis bien la vanité de cette vertu (la chasteté) comme de toutes les autres; je reconnus en particulier que la nature ne tient pas du tout à ce que l'homme soit chaste“.

И она перечла еще разъ эти строки шопотомъ.

Нагнись надъ ней, въ ту минуту, ея товарка—учительница Переживина, и оклики ея: —, Финикова! Неужели вы это признаете?—она бы застыдилась. Но съ глазу на глазъ съ самой собой она не испытываетъ неловкости. Щеки ея горять и блескъ глазъ не пропадаетъ.

Не изъ порнографической французской книги сдѣлала она сейчасъ такую выписку, а изъ воспоминаній одного изъ „свѣточей“ девятнадцатаго вѣка. Это—подлинныя слова Ренана, того

*) См. выше: апрѣль, стр. 521.

Ренана, изъ-за котораго, при ней, поспорили графиня Боровицкая и Остожинъ.

Неужели она—строгая *принципистка*, цѣломудренная и холодная княгиня Кунгурова—дошла до такого протеста... чего? Не духа, жаждущаго полетовъ въ надчувственную область, а грѣшной плоти...

Неужели она убѣдилась въ тщетѣ *такой* добродѣтели, она... Вѣра Тимофеевна?

Но подобныя вопросы уже приходятъ ей. Она читаетъ, третій день, поздно вечеромъ, эти „Воспоминанія“, и то, какъ высказался въ нихъ человекъ, положившій всю молодость и всѣ зрѣлыя годы—до глубокой старости—на неустанный трудъ ученаго и мыслителя—поразило ее.

Не запоздалый старческій сенсуализмъ заговорилъ въ немъ. Онъ только заднимъ числомъ выражаетъ то, что сложилось въ его душѣ, какъ смѣлый выводъ изъ всего жизненнаго опыта, освѣщеннаго высшимъ разумомъ.

Но мудрецъ-скептикъ положилъ полвѣка жизни на исканіе истины. Ей онъ приносилъ въ жертву все, чѣмъ молодость, страсть, наслажденія, захваты темперамента и полеты фантазіи красятъ нашу земную юдоль.

А она—Вѣра Тимофеевна—во имя чего упражнялась она въ строгой жизни? Кому приносила жертвы? Изъ-за чего хранила свою „*chasteté*“ и упражнялась въ томъ, что считала добродѣтелью?

Вотъ какіе вопросы уже обступаютъ ее каждый день, когда она пишетъ свой дневникъ. Книга „Воспоминаній“ знаменитаго старца только ярче освѣтила то, что стало бродить въ ней и стучаться къ ней въ послѣднее время.

Съ какого дня?

Не хочеть она лгать и отвѣтила бы:—съ приѣзда Владиміра Григорьевича Остожина.

Видѣть его дѣлается настойчивой потребностью. Вчера онъ хотѣлъ завернуть и былъ задержанъ какимъ-то засѣданіемъ. Ей, въ первый разъ, стало такъ тревожно, что она съ большимъ усиліемъ надъ собою воздержалась отъ того, чтобы не поѣхать къ нему на квартиру вечеромъ. Это было бы немислимо для нея еще полгода назадъ.

Она перечла еще разъ послѣднюю страницу своей сегодняшней „записи“, вмѣстѣ съ выпиской изъ „Воспоминаній“ Ренана...

Уже годъ тому назадъ она испытывала полнѣйшее душевное одиночество. На ней тяготѣетъ только формальный супружескій

долгъ. И съ тѣхъ поръ личность мужа совсѣмъ упала въ ея глазахъ. Она не можетъ даже возмущаться имъ. Не вызываетъ онъ въ ней ничего, кромѣ ощущенія чего-то ненужнаго и неосмысленнаго. Такъ—какой-то тошнотный придатокъ въ ея теперешней „дѣвичьей“ жизни.

До прїѣзда Остожина ей жилось легко и вольно, она не хотѣла копошиться въ себѣ и счастлива была тѣмъ, что можетъ уходить ежедневно въ „серьезные“ интересы.

Теперь уже не то. Интересы—тѣ же, но подъ ними бродитъ другое. Точно какой свѣтъ виднѣется впереди и властно танетъ въ себѣ. Безъ него и все остальное будетъ сухо и тускло.

Даетъ о себѣ знать жажда полной свободы. А она—внягина Кунгурова, у нея мужъ, они живутъ подъ одной кровлей и ихъ комнаты рядомъ. И этотъ человекъ совсѣмъ чужой! Да. Ничего она не можетъ чувствовать, кромѣ сознанія ненужной тягости.

Зачѣмъ продолжать „комедию“? Слово напрашивается ей безпрестанно. Развѣ это честно? Чтò она спасаетъ? И отъ чего охраняетъ себя? Къ чему готовить себѣ ненужную борьбу—съ чѣмъ? Съ призракомъ, съ „пустушкой“—какъ она любила говорить въ дѣтствѣ.

А вѣдь этотъ постылый и ничтожный баринъ—*ея* баринъ. Онъ имѣетъ на нее фактическія права. Хорошо, что онъ охладѣлъ къ ней уже давно, и съ того дня, какъ они живутъ здѣсь—врядъ ли хоть одинъ разъ оставались они, съ глазу на глазъ, на *ея* половинѣ. Но вѣдь до сихъ поръ она еще не предъявляла ему никакого „ультиматума“.

И для всѣхъ *ея* родныхъ—для матери, брата, сестры, зятя—она его *жена*. Они, конечно, не предполагаютъ, чтобы она считала себя ушедшей отъ всего, чтò принято называть „правами“ законнаго мужа.

Вѣра посмотрѣла на бронзовые часики. Они показывали четверть третьяго. Она заперла тетрадь въ ящикъ, загасила лампу и зажгла свѣчу подсвѣчника, собираясь перейти въ спальню.

Раздался звонокъ въ прихожей.

Князь опять зачастилъ въ клубъ. Паветъ съ карманными деньгами онъ принялъ и даже не поблагодарилъ *ея* мать, зная, что деньги могутъ идти отъ нея.

Можетъ быть, онъ бываетъ и въ „свѣтѣ“—она его не спрашиваетъ, а онъ ей ничего не рассказываетъ. Дома онъ обѣдаетъ очень рѣдко.

Горничная заспалась. Князь нетерпѣливо дернулъ во второй разъ.

Отворить пошла сама Вѣра.

Князь удивленно поглядѣлъ на нее. Онъ былъ въ шубѣ и мѣховой шапкѣ съ блестками свѣжинокъ на мѣху.

— Vous ne dormez pas?—спросилъ онъ ее ласковѣе обыкновеннаго, снимая шубу и валопи.

Щеки его розовѣли. И глаза прищурились.

Онъ выигралъ въ Охотничьемъ клубѣ, куда сталъ ѣздить чаще, чѣмъ въ Англійскій.

— Прощай! — сказала ему Вѣра, поворачиваясь къ двери.

И тутъ же спросила себя мысленно:

„Зачѣмъ я говорю ему *ты*“?

Князь взялъ ее сзади за рукавъ ея пеньюара и вошелъ вслѣдъ за нею въ ея кабинетъ.

— Миѣ пора спать,—выговорила она, зачуявъ что-то въ его тонѣ и выраженіи лица.

— Ты все меня будируешь? — спросилъ князь и взялъ ее за руку.

Это „ты“ обозначало тоже нѣчто.

— Съ какой стати?

И она сдѣлала движеніе головой.

Князь объяснилъ этотъ жестъ по своему.

Не выпуская ея руки, онъ присѣлъ на кресло и свободной правой рукой хотѣлъ обнять ее за талию.

На Вѣрѣ пышно сидѣлъ фланелевый свѣтлый пеньюаръ съ разрывными рукавами. Шея и руки выступали изъ мягкой ткани очень красивыми линиями.

— Ecoute, Véra,—обронилъ князь и потянулъ ее къ себѣ.

Отъ него пахло виномъ; но онъ не былъ пьянъ. Глаза игриво искрились.

— Поздно. Я спать хочу...—строже выговорила Вѣра, вы-свободилась отъ него и пошла къ двери въ свою спаленку.

Князь поднялся слѣдомъ за нею.

Дверь была полуотворена. Тамъ горѣла ночная лампочка.

— Tu me brusques, Véra!.. Tu oublies trop que tu es ma petite femme, hein?

Внезапно охватило ее чувство почти ужаса. Ея *баринъ* желаетъ предъявить свои права... И она *должна* повиноваться.

— Прошу, оставьте меня... Вадимъ Дмитріевичъ.—Голосъ ея вздрагивалъ, и она быстро отошла къ углу кровати, ея дѣвичьей кровати съ бѣлымъ кисейнымъ пологомъ.

— Почему же, смѣю спросить?—болѣе глухимъ звукомъ выговорила князь.

— Вы должны давно понимать почему, — отвѣтила Вѣра. Голосъ ея еще вздрагивалъ.

— Чтò же я, въ такомъ случаѣ?

— Это ваше дѣло!

— А! вотъ какъ!

Князь началъ ерошить волосы.

— Si c'est ainsi! — громкимъ шопотомъ выговорилъ онъ, пятакъ къ двери: — pourquoi diable suis-je dans ce manoir?

— Это опять ваше дѣло.

— Madame veut rester fidèle à son amant! Je comprends.

И не дожидаясь отвѣта, князь толкнулъ дверь ногой и выскочилъ изъ спальни Вѣры.

Она все еще стояла у кровати блѣдная и трепетная.

Чтò бы теперь ни вышло, она больше не подневольная жена-наложница этого *барина*.

XXII.

Совсѣмъ смерлось. Фонари начали зажигать по Пречистенскому бульвару.

Вѣра шла торопливо и отъ вѣтра держала голову внизъ. Вѣтеръ дулъ морозный и рѣзкій. Но щеки ея горѣли и даже уши. Она спускалась по бульвару къ Пречистенскимъ воротамъ. Ей попадались студенты, мастеровые, изрѣдка дамы и дѣвочки-подростки съ гувернантками. Ни на кого она не смотрѣла.

Ее гнало туда, въ тотъ переулокъ, гдѣ она еще никогда не бывала. Прошло цѣлыхъ четверо сутокъ, какъ она видѣла Остожину. Она ждала его два дня. На третій получила депешу. Онъ заболѣлъ. И видно, что это не предлогъ, а правда.

Сейчасъ же написала она ему, прося дать знать, чѣмъ онъ заболѣлъ. Въ тотъ же день пришелъ отвѣтъ съ посыльнымъ, милый, въ шутиломъ тонѣ. У него не очень сильная простуда. Докторъ говоритъ, что можетъ быть это начало инфлюэнцы. Но голова не настолько тяжела, чтобы нельзя было читать.

Прошли еще сутки. Ее стало тянуть къ больному. Она хотѣла-было спросить его депешей—можетъ ли она навѣстить его, и раздумала. Это его стѣснить. И живетъ онъ не одинъ.

О себѣ, о томъ—ловко ли это и не рискованно ли—она ни разу не подумала. И теперь, спускаясь по бульвару, она не смущена. Ее тревожитъ только то—не заболѣлъ ли Владиміръ Григорьевичъ гораздо серьезнѣе, чѣмъ онъ писалъ ей.

Да и чего же ей смущаться?

Столенись она, носъ къ носу, съ своимъ мужемъ и спроси онъ ее—куда она сѣбѣ спитъ—она не задумается отвѣтить:

— Иду къ Остожину.

И такъ ей ново и отрадно—ничего и никого не бояться. Если даже ее и не примутъ къ нему, она спроситъ его тетку или одну изъ кузинъ и добьется того—въ какомъ онъ положеніи.

Инфлюэнца могла захватить сразу и броситься на легкія, на сердце, на почки. Она должна это знать и черезъ десять минутъ будетъ знать.

А до остального ей нѣтъ никакого дѣла!

Вотъ и Пречистенка. Адресъ она прекрасно помнить. Но который это переулочекъ—справа или слѣва—она не знаетъ. Врядъ ли и знала когда-нибудь отчетливо.

На перекресткѣ она издали завидѣла плотную фигуру городского.

Не въ первый разъ спрашивала Вѣра на улицѣ—какъ пройти туда-то; но никогда еще не отправлялась она одна въ квартиру холостого.

Городовой рассказалъ ей—какой переулочекъ взять вправо и который счетомъ домъ придется по переулку. Она также быстро пошла троттуаромъ и вплоть до крыльца того дома, гдѣ жилъ Остожинъ, не испытывала никакого смущенія.

Довольно сильно позвонила она и дожидалась нѣсколько минутъ. Отворила ей горничная и впустила въ сѣнцы.

— Владиміръ Григорьевичъ у себя?—спросила Вѣра тономъ увѣренной въ себѣ дамы, стараясь не волноваться.

— Онъ нездоровы... Не принимаютъ.

— Лежить?—тревожно спросила Вѣра.

— Никакъ нѣтъ. Только не выходить отъ себя.

Вѣра подала ей свою карточку.

— Владиміръ Григорьевичъ, можетъ быть, приметъ меня.

Горничная сначала затруднилась почему-то впустить ее въ комнаты; но сейчасъ же вернулась отъ внутренней двери.

— Пожалуйте... Я доложу.

Она пригласила Вѣру изъ крошечной передней въ залу, гдѣ помѣщался кабинетъ-рояль подъ чехломъ и пахло немного нафталиномъ.

Смущеніе Вѣры росло. Она не замѣчала даже, что стоишь въ шубѣ. Кровь отлила отъ щекъ, хотя ей сразу сдѣлалось въ сильно натопленныхъ комнатахъ.

Дверь въ кабинетъ Остожина горничная оставила полуотворенной. Откуда-то, черезъ другую дверь глухо долетали женскіе голоса. Сейчасъ могла войти одна изъ его родственницъ.

— Вѣра Тимошеевна!

Голосъ Остожина заставилъ ее вздрогнуть. Онъ показался въ дверяхъ кабинета. Горничная скрылась въ коридорѣ.

Онъ былъ одѣтъ въ домашній костюмъ, и не смотрѣлъ больнымъ, а только утомленнымъ въ лицѣ.

У нея отлегло отъ сердца; но тревога не проходила.

Остожинъ жалъ ея руку, немного смущенный, какъ бы не рѣшаясь, куда просить ее—въ гостиную или въ свою комнату.

— Что съ вами? — упавшимъ голосомъ спросила Вѣра.—Я думала... вы слегли.

— Напротивъ, сегодня всталъ. Но выѣзжать не велятъ. Вамъ такъ жарко будетъ. Позвольте, я сниму.

Онъ сталъ снимать съ нея шубку. Ей показалось, что въ рукахъ его—легкое вздрагиванье.

— Куда прикажете? Туда? — указалъ онъ рукой на полуотворенную дверь въ гостиную.—Или ко мнѣ, въ кабинетъ?

— Куда хотите,—бодрѣе проговорила Вѣра.—Но вы больной. Вамъ не слѣдуетъ переходить въ другія комнаты.

Въ кабинетѣ онъ усадилъ ее на диванчикъ.

— Вижу... какой вы другъ,—говорилъ Остожинъ, не выпуская ея руки.—Только право же... у меня пустая простуда.

— Съ инфлюэнцей нельзя шутить.

— И инфлюэнцы никакой нѣтъ. Температура всего тридцать семь градусовъ.

— Только извольте посидѣть дома.

— Слушаю!—съ шутливымъ наклоненіемъ головы произнесъ онъ, все еще нѣсколько смущенный.

Это не ускользнуло отъ Вѣры и трогало ее. Имъ обоимъ было и пріятно, и немного жутко.

— Да, вы другъ,—началъ онъ, заглядывая ей въ лицо.

— Вы только теперь это признаете, Владиміръ Григорьевичъ?

— Оставимъ упреки. — Онъ выговорилъ „э“ по-московски, когда хотятъ дурачиться. — Вы не только ангельски добры, но и смѣлы.

Вѣра вопросительно взглянула на него, улыбаясь глазами.

— Вы меня хвалите, но про себя... быть можетъ, считаете некорректнымъ...

— Что?

— А то, что я навѣстила васъ?

— Вѣра Тимоѣевна!

Остожинъ всплеснулъ руками.

— Вы вѣдь сами—такой корректный, Остожинъ... Развѣ не правда?

— Въ формахъ — да... я этого не отрицаю. Но я стою за полную свободу личности... и для мужчины, и для женщины. Никакого рабства передъ вымышленными запретами... И на эту ножку хромаютъ всѣ наши дамы.

— Дамы!—повторила Вѣра и вбокъ взглянула на него.— Не употребляйте этого слова, Остожинъ. Я больше уже не дама.

— Почему? Съ какой стати такое смиреніе, Вѣра Тимоѣевна? Вотъ и этого не нужно. Такая женщина, какъ вы, и впадать въ минорный тонъ, когда вы могли бы...

— Я не впадаю въ минорный тонъ,—перебила она его.— Напротивъ, Владиміръ Григорьевичъ, я не хочу теперь ничего двойственнаго.

— А для этого—нужна свобода...

Онъ, какъ бы умышленно, не досказалъ.

— Я ее завоевала, — вполголоса выговорила Вѣра и потушилась.

Не глядя на него, она почувствовала пожатіе его немного лихорадочной руки. Ею овладѣвало новое волненіе. И она этого уже не боялась.

— Полную свободу?—спросилъ Остожинъ и приблизилъ къ ней свой станъ.

Ей стремительно захотѣлось сказать ему, что за мужемъ своимъ она не признаетъ никакихъ правъ надъ собою.

Къ чему утаивать правду отъ близкаго человѣка? Почему не поступать открыто, какъ настоящая княгиня, а не по-купчески, выжидая и торгуясь?

— Зачѣмъ,—слышала она порывистый шопотъ Остожина:— зачѣмъ вамъ носить эти вериги? Прогоните его! Или сведите его на роль официанта, если онъ самъ не уходитъ по доброй волѣ.

— Я не имѣю права, Остожинъ, прогнать его.

— Подѣйшее!

— Тогда лучше...

Она покраснѣла и смогла.

— Лучше что?

— Разойтись. Этого мало—расторгнуть бракъ.

— Это—вопросъ времени. Такой господинъ можетъ упереться. Или слишкомъ дорого продать вамъ свободу.

— Не говорите такъ, Владиміръ Григорьевичъ. Довольно того, что князь для меня не существуетъ.

Голосъ ея упалъ. Она сидѣла съ опущенной головой и висти рукъ ея свѣсились.

Остожинъ взялъ ея лѣвую руку и сталъ тихо и часто цѣловать короткими поцѣлуями.

— Чтò намъ до него!

Возгласъ прозвучалъ порывисто и заставилъ Вѣру вздрогнуть.

Она смолкла. Ей самой тяжело было говорить. И зачѣмъ? Вотъ сейчасъ можетъ настать такой мигъ, когда не надо никакихъ словъ. И она очутится во власти этого человѣка. Произойдетъ нѣчто неизбежное... и грязное. Она упадетъ ниже князя Вадима Дмитріевича. Тотъ—просто ничтожный клубный князекъ; а она— „барынька“ купеческаго рода, продѣлывающая адюльтеръ, какъ сотни московскихъ бабенокъ.

На вискахъ у нея захолодѣло и пальцы, которые цѣловалъ Остожинъ, вздрагивали.

— Довольно! — съ усиленіемъ выговорила Вѣра и поднялась.

Онъ удерживалъ ее за руку, оставаясь на своемъ мѣстѣ.

— Ходъ назадъ? — спросилъ онъ, и голосъ его зазвучалъ злобно.

— Нѣтъ, Остожинъ, не говорите со мною такъ... Умоляю васъ...

Слезы дрогнули въ голосъ Вѣры.

Онъ поднялся и, не выпуская ея руки, сказалъ вполголоса:

— Не надо игры, Вѣра Тимоѣевна! Не надо!

— Я играю?!.. Господи! Какъ вамъ не грѣхъ?!

Ноги Вѣры подкашивались. Голова упала на его плечо. Она тихо зарыдала.

XXIII.

— Къ вамъ, Вѣра Тимоѣевна, — доложила Маша, показываясь въ дверяхъ угловой комнаты, гдѣ Вѣра любила сидѣть до обѣда.

— Кто такой?

— Лопарева, Басса Ивановна. Онѣ внизу... Прикажете сюда просить?

— Попросите сюда.

Вѣра сидѣла съ книгой. Лампа съ голубоватымъ кружевнымъ абажуромъ обволакивала эту комнату— всю въ коврахъ и диванахъ, съ единственнымъ окномъ, завѣшаннымъ толстой гардиной.

Когда Маша окликнула ее, она была охвачена тягостной тревогой.

Вчера съ обѣда до ночи и сегодня, цѣлыя сутки, прошли у нея на людяхъ. Засѣданіе, длившееся до часу ночи и посѣщеніе своихъ школъ, взявшее весь день до трехъ—не дали ей хоть немного уйти въ себя.

Но полчаса передъ тѣмъ, когда она, немного усталая, опустилась на низкій турецкій диванъ и развернула книгу—ее что-то кольнуло... точно она внезапно пробудилась и въ одно мгновеніе вспомнила весь сонъ.

Пощѣлуи Остожина зажглись у нея на губахъ. Она, точно на яву, прижалась къ его стану. Но голова тотчасъ же вступила въ свои права.

Неужели все это было? И произошло нѣчто, расколовшее ея жизнь на двѣ половины? Расщелина темнѣетъ и тянетъ ее къ себѣ. Мостика нѣтъ.

— Куда? Направо?—раскатисто зазвучалъ голосъ Лопаревой.

— Сюда пожалуйста... въ угловую.

— Вотъ вы гдѣ, голубчикъ! Здравствуйте!

Лопарева уже цѣловала ее звонко въ обѣ щеки.

— Какой уголокъ! Романтичный! Самый такой для интимныхъ разговоровъ... А? Ха, ха! Да вѣдь вы у насъ праведница! Въ васъ всѣ добродѣтели четырехъ угодницъ сидятъ—Вѣры, Надежды, Любви и матери ихъ Софіи-Премудрости.

Отъ Вассы Ивановны пахнуло морозной свѣжестью и духами отъ ея щекъ, муфты, горжетки съ головкой звѣрка, шеи и маленькой шапочки съ мѣховой оторочкой.

Не дожидаясь приглашенія сѣсть, она опустилась на диванъ и привлекла къ себѣ Вѣру.

— Да какая же вы сегодня авантюжная. И въ глазахъ что-то есть такое... особенное! А все одна, все одна! Просто меня вчужѣ досада разбираетъ.

„Почему она со мной такъ вдругъ фамиллярна?“—смущенно спросила себя Вѣра.

— Маменька какъ здравствуетъ?

— Все еще не выѣзжаетъ.

— Ничего... У ней натура желѣзная.

Лопарева хлопнула ладонью по колѣну Вѣры.

— Вы не пугайтесь, голубчикъ!.. Я къ вамъ приставать не стану... насчетъ моей идеи.

— Почему же, Васса Ивановна... Я готова.

— А кто обѣщалъ ко мнѣ завернуть и раскинуть мозгами?

— Простите... всѣ эти дни...

— Да я не обижаюсь. И не затѣмъ я къ вамъ влетѣла вотъ теперь, какъ бомба. Совсѣмъ изъ другой оперы я запою. У васъ вѣдь тутъ можно говорить безъ опаски?

— Конечно.

— Да вѣдь и секретовъ большихъ нѣтъ.

Дальше она стала, однако, говорить вполголоса.

— Давно вы не видали вашего пріятеля Спѣшнева?

— Давно, Васса Ивановна. Передъ нимъ я виновата. Съ тѣхъ поръ, какъ мы здѣсь, мы еще ни разу не видались.

— Я вамъ выговаривать не буду, голубчикъ. Это не мое дѣло. Знаю только, что онъ къ вамъ великое всегда имѣлъ почтеніе... и такіе вамъ, у меня, акафисты закатывалъ, что я разъ—давно уже это было—даже прикрикнула на него: „не извольте, молъ, при мнѣ такъ восторгаться другой женщиной, да еще на много лѣтъ меня моложе, и такой красивой“! Теперь—дѣло десятое. Хвали сколько угодно, мнѣ даже доставило бы большое удовольствіе. Такъ вотъ я къ вамъ съ просьбою...

Васса Ивановна, какъ всегда, сильно затянута, запыхалась отъ быстрой рѣчи и порывисто перевела дыханіе.

Вѣра вопросительно взглянула на нее.

— Никита Васильевичъ сталъ безобразно дурить,—выговорила Лопарева построже и даже свела свои подведенныя брови.

— Дурить? Въ какомъ смыслѣ?

— Да въ самомъ нелѣпомъ. Прежде хоть кротостью бралъ. А теперь пишетъ дивія посланія... Не то угрозы, не то протестаціи какія-то. И въ стихахъ, и въ прозѣ. Запирается по цѣлымъ недѣлямъ. Мнѣ Богъ съ нимъ... А все-таки жалко.

Говоря это, Васса Ивановна схватила руку Вѣры и, подсывъ къ ней плотно, плечо къ плечу, стала говорить еще тише:

— Передъ вами я не буду хорониться. Въ мужчинѣ такая привычка... собачья... хуже ничего быть не можетъ! Въ чувствѣ наша сестра не вольна... Правда али нѣтъ?

„Правда!“—повторила про себя Вѣра и потупилась. Но Лопарева не успѣла замѣтить это.

— Никакихъ я обязательствъ не принимала на себя. По гробъ моей жизни—какъ кухарки говорятъ своимъ дружкамъ... изъ пожарныхъ... ха, ха! И никогда его насильно не держала. Вѣдь небось вамъ сотни разъ изливался? Значитъ, мнѣ нечего расписывать. Дѣло извѣстное. Но у меня къ нему есть жалость. По правдѣ сказать, онъ ея не заслуживаетъ. И вотъ третьяго дня изволилъ разразиться новой цидулькой. На восьми страницахъ.

И пишеть же! Чистое мученье разбирать. Вамъ, полагаю, его караули не безъизвѣстны. Вижу—совсѣмъ рехнулся... Прощается... Точно отходную себѣ самому читаетъ.

— Хочеть покончить съ собою?—спросила Вѣра взволнованно.

— Да на то идетъ. Я вчера бросилась къ нему... По добротѣ и жалости... Да и безобразіе, скандалъ... Чтѣ начнутъ плести въ газетахъ... подлые эти репортеришки... И безъ того ужъ отъ нихъ житья нѣтъ.

„Вотъ ты чего боишься!“—подумала Вѣра, и гадливое чувство зашевелилось противъ этой „блудницы“, которая обходится съ нею, въ эту минуту, точно онѣ подруги и женщины однихъ и тѣхъ же нравовъ и правилъ.

— И чтѣ же вы нашли?

— Не пустили меня къ нему. А? Каково?

Вѣра чуть не крикнула: „И прекрасно!“—Но у нея недостало мужества.

— Выслалъ мнѣ ключокъ бумажки... да еще засаленный, и на немъ вотъ такими, въ вершокъ, буквами написано карандашомъ: „Уйдите“... А? Каковъ фасонъ; голубчикъ? Но я считаться съ такимъ юродивымъ не буду... Я изъ жалости...

— И во избѣжаніе скандала?—добавила Вѣра.

— Разумѣется!—крикнула Лопарева, не понявъ, въ какомъ тонѣ были слова Вѣры.—Само собой! Чуетъ мое сердце, что онъ наканунѣ какой-нибудь...

— Катастрофы?—подказала Вѣра и выпрямилась.

Тутъ только охватилъ ее страхъ за Спѣшнева. Вѣдь онъ—старый пріятель. Она должна быть благодарна Лопаревой, что та прискакала именно къ ней.

— Я поѣду къ нему сегодня же,—сказала рѣшительно Вѣра и встала съ дивана.

— Угодница вы наша! Вѣра, Надежда, Любовь... Софія... Ха, ха! Встряхните вы его. Нѣшто я его до таковой блажи довела?

„А то кто же?“—чуть не вскричала Вѣра.

— Страсть...—обронила она.

— Страсть! Страсть! Запой какой-то, а не любовь... Развѣ я вытурила его, осрамила на весь городъ, или втанула въ какое-нибудь грязное дѣло? Ни въ чемъ такомъ я не повинна. Тошнѣ онъ временами становился—такъ ужъ это натура его. Вы сами знаете... Другой бы, на его мѣстѣ, хоть какую-нибудь амбицію имѣлъ... Достоинство свое соблюдалъ хоть чуточку... Поэтъ тоже считается... А чтѣ онъ изъ таланта своего сдѣлалъ? Хуже всякаго запойнаго пьяницы... Ей Богу!

Вѣра слушала и вспомнила, какъ она въ такомъ же духѣ „отчитывала“ нѣсколько разъ пріятеля своего Спѣшнева.

— Спасибо, голубчикъ!.. Простите, что задержала васъ... Вы сегодня хотите?

— Да, сейчасъ же.

— Желаете, — подвезу?

— Я должна еще предупредить мамашу насчетъ обѣда.

— Ну, ладно... Merci!

Опять такъ же звонко чмокнула ее Васса Ивановна въ губы и повернула на одномъ каблукѣ свое жирѣющее тѣло.

Вѣра проводила ее до лѣстницы и возвращалась тихо-тихо, понуривъ голову. Въ столовой горѣла одна лампа. Столъ уже былъ накрытъ на два прибора.

Мужа она не видала сегодня и торопилась вонъ изъ дому. Ей было бы жутко поздороваться съ нимъ. Но черезъ полтора часа они могутъ очутиться здѣсь вдвоемъ.

Браска хлынула ей въ лицо. Она даже схватила ладонями рукъ свои щеки и такъ стояла на порогѣ двери въ столовую.

Вотъ эта прославленная на всю Мосѣву госпожа — чѣмъ же она ниже стоитъ добродѣтельной княгини Вѣры Тимоѣевны Кунгуровой? Лопарева, по крайней мѣрѣ, не жетъ ни передъ кѣмъ... И, прежде всего, передъ своимъ мужемъ. Тотъ — презрѣнный ея пособникъ; но она сумѣла бы обработать и человѣка болѣе щепетильнаго.

„До вчерашняго дня, — выговорила про себя Вѣра: — всѣмъ, всѣмъ, начиная съ матери, я могла смотрѣть прямо въ глаза... А теперь не могу“...

Остожинъ еще не обладаетъ ею вполне. Но развѣ это не все равно? Она любитъ другого, и войди сейчасъ князь Вадимъ Дмитриевичъ, она обязана сказать ему:

— Намъ нельзя больше жить вмѣстѣ, какъ мужъ и жена. Я полюбила другого.

Скажетъ ли она эти слова? Имѣетъ ли она право сказать ихъ безъ уговора съ тѣмъ, кто вчера держалъ ее на своей груди?..

XXIV.

Вѣра взяла перваго встрѣчнаго извозчика, и когда сказала ему, куда ѣхать, и сѣла въ сани, низкія и тряскія, всю ее пронизала явственная дрожь — не отъ холода, а отъ нервнаго возбужденія.

Гадко ей стало на самое себя. Какъ могла она такъ забыть этого несчастнаго Спѣшнева? Развѣ это прощительно? Если тамъ, на Поварской, она рисковала всегда, что князь глупо обойдется съ ея пріятелемъ, то въ домѣ матери, гдѣ она принимаетъ кого и когда угодно, кто мѣшалъ ей видѣть у себя Спѣшнева?

И вотъ онъ, быть можетъ, уже ооченьный трупъ. Лопарева была у него вчера. Прошли слишкомъ сутки.

Вѣра чувствовала подъ шубкой, какъ у нея колотится сердце. И какъ-то не могла она отдѣлать жалкую страсть Спѣшнева отъ того, чтѣ пережила она сама въ эти сутки. Лопарева точно отравила ей источникъ живой воды, въ которому она еще никогда не прикасалась смѣло и радостно.

Извозчикъ ѣхалъ убійственно тихо. Она раза два понукала его и даже пригрозила, что возьметъ другого.

У Спѣшнева она никогда не бывала. Не сразу нашла она домъ и долго звонила, въ темныхъ сѣняхъ.

Ей отворила женщина въ платкѣ, накинутаго на голову. Крошечная передняя стояла въ полутьмѣ. Изъ слѣдующей комнаты чуть-чуть проникалъ свѣтъ одной свѣчки.

Спертый воздухъ съ чѣмъ-то лекарственнымъ схватилъ ее за горло. Не сразу распознала она, что пахнетъ эфиромъ.

— Никита Васильевичъ дома?—спросила она и, отстранивъ рукой женщину въ платкѣ, быстро вошла въ просторную комнату, освѣщенную всего одной свѣчкой подъ обгорѣлымъ абажуромъ.

— Никита Васильевичъ! Чтѣ съ вами? Бога ради!

На клеенчатомъ диванѣ лежалъ въ халатѣ Спѣшневъ, закинувъ за голову руки. Глаза были полузакрыты, и ноги упирались въ валикъ дивана.

— А? Чтѣ?.. Кто тутъ?—спросилъ онъ глухо, не поворачивая головы.

Кажется, онъ еще не узнавалъ гостя.

— Спѣшневъ! Чтѣ съ вами? Вѣдь это я—вашъ другъ... Вѣра...

Она опустилась на край дивана и стала теревить его за бортъ халата.

— Вы... Да... Вѣра Тимоѣевна... Княгиня Кунгурова... княгиня...

Тутъ только она поняла, въ какомъ онъ состояніи. Запахъ эфира началъ душить ее, вызывать въ головѣ родъ дурноты. На столикѣ видѣлся пузырекъ и что-то еще въ родѣ стеклянной трубочки.

Вотъ въ чемъ онъ ищетъ забвенія. И можетъ быть уже не первый годъ. Лопарева ничего ей не говорила объ этомъ.

— Что съ вами?—растерянно выговорила Вѣра, вглядываясь въ его какъ бы распухшее лицо.

На губахъ блуждала сладковатая усмѣшка опьяненія. Онъ лежалъ, не мѣняя позы и точно своими полужакрытыми глазами видѣлъ что-то тамъ, въ глубинѣ комнаты.

— Никита Васильевичъ! Милый! Что съ вами? Что вы съ собою дѣлаете? Пощадите себя!

— Ничего не дѣлаю...—выговорилъ онъ раздѣльно, какъ читаютъ по складамъ.

И тутъ только онъ приподнялъ голову, высвободилъ правую руку и протянулъ ее Вѣрѣ.

— Васъ... прислала она?—спросилъ онъ и широко раскрылъ глаза.

Въ нихъ Вѣрѣ почудилось начало безумія.

— Вѣдь такъ? Она... бросилась къ вамъ... испугалась... Такъ или нѣтъ?

Языкъ съ трудомъ выговаривалъ слова.

— Испугалась?.. Скандала?

Онъ хотѣлъ приподняться и всѣмъ туловищемъ, и опять сползъ, и голова закинулась за валикъ.

Вѣра приподняла ему голову и поправила кожаную подушку, сбившуюся на бокъ.

Онъ возбужденнѣе заговорилъ:

— Ей это не въ диковину. Помните... такой военный изъ Питера, красавчикъ... Того въ три мѣсяца довела до градуса... Баць-баць въ себя... у нея на балконѣ... И мозги его разлетѣлись въ воздухъ и ей въ лицо, прямо въ лицо... А она вечеромъ у Яра „danse du ventre“ смотрѣла и безъ усталости смѣялась... Вы знаете ея смѣшокъ... нутромъ. О!.. Въ немъ хлябь... бездонная прорва безпробуднаго хищничества... И какъ вы ее принимаете? Голубушка вы моя!

Слезы заблестѣли на рѣсницахъ. Онъ сталъ всхлипывать—и эти звуки, вмѣстѣ съ запахомъ эира, вызывали въ Вѣрѣ никогда не испытанное угнетающее ощущеніе.

— Вы... чистая! А ее—гоните, гоните! Не оскверняйте себя... Вы—непорочная!

— Оставьте!..—вырвалось у Вѣры.—Совсѣмъ я не такая...

И ей захотѣлось крикнуть:

„И я беру себѣ любовника—при живомъ мужѣ“.

— Ну, хорошо. Вы не такая... Я знаю, какая вы. Гоните

ее... Чтобы она не дѣзла васъ чмокать. А навѣрное дѣзеть... У-у! гадина!

Онъ опять сталъ приподниматься всѣмъ туловищемъ и схватился обѣими руками за одну изъ подушекъ дивана.

— Сестричка моя милая... Вотъ вамъ мое завѣщаніе: живите весталкой... таковъ вашъ удѣлъ. Вы для меня—образъ высочайшей женской чистоты!..

— Полноте!—почти гнѣвно прервала его Вѣра.

— Мужа вы любить не можете. Беригъ этихъ не носите! Не держите его при себѣ... безъ любви. Вамъ не нужна такая ширма! Не надо вамъ страсти! Не знали ее... до сего дня... и да не оскверняетъ она васъ.

Волненіе Вѣры возросло. Она взяла его за руку и нервно отвернула голову.

— Никто, Никита Васильевичъ, не застрахованъ.

— Ласките?.. Кого? Нашего умника?.. Его? Да?.. Боже васъ сохрани!

Спѣшневъ схватилъ ее за обѣ руки и наклонился къ ней. Отъ него пахнуло эфиромъ.

— Не найдете счастья. Голова у него свѣтлая... И благородство идей... Но мозгъ разросся... и людей мало любить... и на женщинъ смотритъ сверху внизъ. Игра будетъ тонкая... а вамъ развѣ то нужно? Голубушка,—оставайтесь весталкой!

Голосъ его падалъ; возбужденіе уходило. Онъ опять опустилъ голову на валикъ и правая рука безпомощно свѣсилась съ края дивана.

— Никита Васильевичъ! Не губите вы себя!

Вѣра нагнулась надъ нимъ и взяла обѣими руками за плечи —точно хотѣла встряхнуть его.

— Уѣзжайте... вы отсюда... И сейчасъ! Лечитесь! Средства найдутся. Не Богъ знаетъ, сколько нужно... До чего же вы себя доведете?

— До чего? До нирваны, сестричка милая. Крови не хочу... Не доставлю ей дарового зрѣлища, въ шекспировскомъ вкусѣ... чтобъ мозги мои брызнули на ея штофную мебель.

— Я васъ силой вырву изъ такой жизни!

Руки Вѣры все еще держали его за плечи.

— Нѣтъ... напрасно...—съ новымъ паденіемъ звука выговорилъ Спѣшневъ и совсѣмъ закрылъ глаза.

— Оставьте... право смерти... никому не уступлю, никому... Лучше дайте... вонъ тамъ на столѣ...

Она поняла, что онъ просить эфиръ.

— Никогда!

Вѣра схватила пузырекъ и хотѣла его бросить.

— Оставьте, — кратко выговорилъ онъ. — Насиліе... вамъ не въ лицу, сестричка. Право смерти... никто не смѣетъ отнять у меня... Вы помните... у пѣвца „Ночей“... Ахъ, какъ бишь?..

Лобъ его наморщился; онъ ослабѣвшей рукой потеръ его.

— Не могу... наизусть. Память теперь... парализована. Дайте... вдохнуть. Прошу васъ... И тогда... все сейчасъ вспомню.

— Не позволю, Никита Васильевичъ.

— Уйдете... я все равно найду. Вы — другъ; а не радуетесь, что я нашелъ такой способъ... уходить отъ себя...

— Но вѣдь вамъ грозить безуміе?

— Когда оно подползетъ, сестричка, есть другое средство... Я не скажу, гдѣ оно лежитъ... Но я знаю — какъ съ нимъ обращаться. Скоро... скоро... А теперь уходите. Прощайте... Умоляю васъ, не насилуйте моей предсмертной воли... Прощайте... чистая...

Онъ приподнял голову и прикоснулся похолодѣвшими губами къ ея рукѣ.

Слезы тихо текли изъ глазъ Вѣры, и она сидѣла точно оцѣпенѣлая.

XXV.

Поднимаясь по лѣстницѣ на верхъ, Вѣра оттуда еще слышала въ столовой мужскіе голоса.

Къ обѣду она немного запоздала; но не настолько, чтобы совсѣмъ не обѣдать съ княземъ. Вѣхала она въ сильномъ разстройствѣ отъ Спѣшнева. Запахъ ээира преслѣдовалъ ее. А вмѣстѣ съ нимъ на душѣ стояло что-то до крайности надсадное и боязное. Не могла она отдѣлаться и отъ личнаго чувства. Въ ушахъ звучали слова опьяненнаго пріятеля, обращенныя къ ней. Въ нихъ она видитъ злобѣщее пророчество. И ея страсть, если она захватитъ ее безпощадно, можетъ вызвать что-нибудь роковое.

— Кто у князя? — спросила она на площадкѣ у горничной Маши, педшей изъ столовой съ блюдомъ.

— Не знаю хорошенько, Вѣра Тимофеевна. Не племянникъ ли имъ будутъ? Они ихъ дядюшкой зовутъ.

Князь Федоръ! Ей будетъ легче при немъ. И этотъ пріѣздъ принесетъ съ собой, быть можетъ, какую-нибудь переменну.

Дядя и племянникъ сидѣли другъ противъ друга. Приборъ Вѣры стоялъ между ними.

Свѣтъ висячей лампы падалъ ярко на бѣлокурую старо-мо-

сковскую голову князя Оедора. Лицо стало строже. На переносицѣ обозначилась морщина. Онъ, должно быть, дѣлалъ какой-нибудь официальный визитъ и былъ въ вицмундирѣ. На шеѣ, туго подвязанный, изъ-подъ галстука, выглядывалъ крестъ. Осанка его казалась еще внушительнѣе, чѣмъ въ ту зиму, когда онъ у нихъ гостилъ на Поварской.

Вѣра остановилась въ дверяхъ. Первый увидалъ ее князь Оедоръ и сейчасъ же всталъ, держа въ рукѣ салфетку.

— *Chère tante!* — привѣтствовалъ онъ ее своимъ баскомъ и сначала отвѣсилъ низкій поклонъ, а потомъ подошелъ и поцѣловалъ руку.

— Мы думали, что вы не прїѣдете, — сказалъ съ гримасой князь и также по-французски. — Вы будете съ нами обѣдать?

— Буду... Извините... вы меня ждали?

— Немного, — отвѣтилъ за дядю князь Оедоръ и не сѣлъ, пока Вѣра не заняла своего мѣста — между ними.

Разговоръ пошелъ, разумѣется, о Петербургѣ; Вѣра почти въ немъ не участвовала. Она торопливо ѣла, чтобы догнать ихъ. О Москвѣ и ихъ жизни князь Оедоръ, видимо, избѣгалъ всякихъ разспросовъ.

До конца обѣда говорили почти исключительно по-французски, потому что князь Вадимъ Дмитриевичъ такъ направлялъ разговоръ.

Раза два-три князь Оедоръ наклонялся къ Вѣрѣ, чтобы сказать ей что-нибудь любезное по-русски. Не могъ онъ не понять, что между мужемъ и женой еще меньше внутренняго лада, чѣмъ было годъ назадъ. Князь почти не обращался къ Вѣрѣ Тимофеевнѣ, и когда они встали и племянникъ опять поцѣловалъ у нея руку, то онъ сейчасъ же ушелъ и съ порога двери кривнулъ:

— *Tu sais, Théodore... Je vais faire un petit somme.*

Вѣра предложила князю Оедору кофе и привела его въ угловую комнату, гдѣ имъ обоимъ стало сейчасъ же гораздо уютнѣе.

Онъ оглянулся на двери и, помолчавъ, спросилъ:

— Какъ вы себя чувствуете, *ma tante?* — при чемъ значительно поглядѣлъ на нее.

Вопросъ былъ, конечно, не о ея физическомъ здоровьѣ.

Развѣ она могла сказать ему, что у ней дѣлалось на душѣ, какъ разъ въ день его прїѣзда, хотя она и сознавала, что съ нимъ, а не съ кѣмъ-либо другимъ всего „пристойнѣе“ было бы поговорить, еслибъ она рѣшила разойтись съ мужемъ. Онъ ее уважаетъ и цѣнитъ совсѣмъ не такъ, какъ его дяденька.

Но она не чувствовала себя нисколько подготовленной къ такому разговору.

— Мнѣ ничего не дѣлается, — отвѣтила она не сразу на вопросъ князя Ѳедора о ея здоровьѣ.

— Преклоняюсь передъ вами.

Выговорилъ онъ это съ низкимъ наклоненіемъ головы.

— За что?

„Еслибъ онъ зналъ все!“ — быстро подумала Вѣра.

— Вы сами понимаете, ma tante, за что.

— Я исполнила свой долгъ.

— Тѣмъ выше я это ставлю. Еслибъ побужденіемъ служилъ порывъ...

Онъ не договорилъ.

— Порыва не было, — сказала Вѣра, какъ бы избѣгая его взгляда.

— А только исполненіе долга... Молодой женщиной, и такой, какъ вы — это тяжело.

Опять князь что-то какъ бы не досказалъ.

Будь она испорченнѣе, она бы сейчасъ начала съ нимъ игру. Въ такомъ „сухарѣ“, какъ князь Ѳедоръ, тонъ его съ нею значилъ гораздо больше, чѣмъ это было бы въ другомъ мужчинѣ.

Въ немъ она можетъ найти очень вѣрнаго союзника. Помочь ей разорвать бракъ съ его дядей онъ не откажется.

Но она сама готова ли къ форменному разрыву?

— Я вамъ глубоко сочувствую, — выговорилъ князь Ѳедоръ, взявъ ея руку и продолжительно поцѣловалъ.

— Благодарю васъ... и вѣрю вамъ.

— Родственныя отношенія не ослѣпляютъ меня... Мой дядя — не стоитъ васъ... И вы не можете любить его.

Говоря это, онъ пристально глядѣлъ ей прямо въ глаза и хмурилъ свои брови.

Такого рѣшительнаго тона она отъ него не ожидала.

— Вы хотѣли сдѣлать изъ него другую личность — и не могли. И ваша жизнь — разбита.

Выговорилъ онъ послѣднія слова, точно приговоръ, который онъ произносилъ своему дядѣ.

— Я не жалуясь... — обронила Вѣра.

— Потому что... вы гораздо выше этого. Вы позволите высказаться вамъ съ полной откровенностью?

„Неужели это будетъ признаніе?“ — подумала Вѣра.

— Пожалуйста, — вслухъ откликнулась она.

— Мой родственный долгъ былъ — предложить дядѣ нѣкоторое содѣйствіе.

— Отыскать мѣсто?

— Вы это знаете?

— Онъ говорилъ мнѣ.

— И вотъ я теперь... колеблюсь. Вы мнѣ облегчите задачу... Было бы возможно занять здѣсь... въ Москвѣ... въ мѣстной администраціи... Конечно, не съ очень большимъ окладомъ; но приличное. Но на что будете обречены вы? Я вижу, вамъ слишкомъ тяжело.

Вѣра поглядѣла на него вопросительно.

— Васъ, быть можетъ, удивляютъ мои слова?

Князь Ѳедоръ опять сдвинулъ брови.

— Бракъ я считаю таинствомъ,—продолжалъ онъ:—но я не фанатикъ буквъ и обряда, когда нѣтъ внутренняго содержанія. Расторгать союзъ, освященный церковью,—позволительно лишь въ крайности, но влечить ярмо... И когда жена такъ самоотверженно и такъ высоко благородно клала свои нравственные силы — это жестоко.

„Куда же онъ идетъ?“ —спрашивала, про себя, Вѣра.

— Это жестоко,—еще сильнѣе выговорилъ князь Ѳедоръ.— Вы заслуживаете лучшей участи... Позвольте мнѣ одинъ вопросъ: думаете ли вы, что и дядя, по своему, любить васъ?

— Нѣтъ, я ему въ тягость,—отвѣтила Вѣра и сдѣлала рѣшительный жестъ головой.

— Неужели онъ охладѣлъ къ вамъ еще больше... послѣ грома?

— Несомнѣнно.

— Не можетъ простить вамъ то, что вы для него сдѣлали?

— Не знаю... и не хочу входить въ это. Я и не требую отъ него чувства... И во мнѣ самой...

— Его нѣтъ?—подсказалъ князь Ѳедоръ.

— Не буду лгать.

— Вы на это и неспособны!

Возгласъ прозвучалъ очень горячо.

„Это не просто“,—подумала Вѣра.

— Вотъ я и не знаю, ma tante... Не разумнѣе ли будетъ достать князю Вадиму Дмитріевичу мѣсто въ провинціи?

Взглядъ его досказалъ остальное.

Ей захотѣлось спросить его:

„Зачѣмъ вы меня испытываете, князь Ѳедоръ“?

— Для него самого это было бы лучше. Онъ удалится на два, на три года изъ Москвы. И можетъ... если не стать другимъ человѣкомъ, то, по крайней мѣрѣ, одуматься и понять—

чего ему ждать въ будущемъ и вообще... и въ качествѣ вашего мужа.

— Настаивать на чемъ-нибудь я не считаю себя въ правѣ, — сдержанно отозвалась Вѣра.

— Вамъ и не придется ни на чемъ настаивать... Дядя самъ готовъ взять мѣсто въ провинціи. Къ Москвѣ онъ уже не имѣетъ прежнихъ чувствъ. Я предлагаю ему—поѣхать со мною теперь же въ Петербургъ... Ходатайство можно направить и такъ, и этакъ. Рѣшайте вы, и что вы скажете, то и будетъ.

— Нѣтъ, князь, я воздержусь отъ всякой...

Слово „интрига“ было у нея на языкѣ. Ея сдѣлалось неловко, почти стыдно.

Ея горничная Ольга оклинула ее у дверей:

— Къ вамъ пожаловали, Вѣра Тимоѣевна.

Вѣра сейчасъ увидала на лицѣ Ольги, что она не желаетъ докладывать—кто именно къ ней пожаловалъ.

Это могъ быть Остожинъ. Радость и смущеніе охватили ее.

— Извините пожалуйста... Ко мнѣ пришли.

Князь Ѳедоръ всталъ.

— Faites, ma tante. И мнѣ пора... Я смотрю Ермолову въ „Орлеанской дѣвѣ“.

Вѣра не разслыхала его словъ и забыла даже позвать ему руку на прощанье.

XXVI.

„Съѣжится непременно“, — думалъ Остожинъ, стоя по срединѣ кабинета Вѣры.

Онъ оглянулъ эту низкую уютную комнату, и отъ нея повѣяло на него чѣмъ-то дѣвическимъ.

„Съѣжится“, — повторилъ онъ.

Вчера они не условились о томъ, гдѣ увидятся. Вѣра просила его посидѣть дома—хоть еще дня два.

Днемъ не получилъ онъ ни депеши, ни письма. Это начало его беспокоить. Выѣхать онъ могъ. Не было ни лихорадки, ни головной боли—сидѣть дома сдѣлалось тяжело. Вдобавокъ, сегодня есть засѣданіе, къ девяти часамъ, въ зданіи стараго университета, гдѣ онъ общалъ бытъ предсѣдателю общества еще на прошлой недѣлѣ. Чего же лучше—заѣхать тотчасъ послѣ обѣда Кунгуровыхъ?

Остожинъ помнилъ, что у князя есть привычка спать послѣ обѣда.

То, что произошло вчера, в его кабинетѣ, обожгло его и заморозило. Онъ не ожидалъ такого порыва отъ Вѣры. Порывъ этотъ захватилъ его немного врасплохъ.

Но все-таки она не отдалась ему. Онъ понялъ, что не надо было требовать большаго. Сегодня, проснувшись, онъ испытывалъ давно ему знакомое чувство побѣды. Его не мало баловали и въ Москвѣ, и за границей. Эти ранніе успѣхи отразились на томъ — какъ онъ искалъ сближенія съ женщиной.

Никто, однако, не тронулъ его такъ, какъ Вѣра. Да и ни одну изъ тѣхъ, кто отдавался ему, онъ самъ такъ не цѣнилъ, какъ ее.

Будь это другая — онъ и вчера, проводивъ ее до передней, не воздержался бы отъ возгласа:

„И эта сдалась“!

Не могъ онъ не сознаться, что Вѣра прошла черезъ долгій испусть, настрадалась отъ своего неудачнаго брака, что въ ней заговорило не тщеславіе, не скучающая чувственность, а жажда хорошей любви.

Но онъ былъ очень опытенъ. Она могла „сжаться“. Въ сѣмьость ея онъ уже плохо вѣрилъ, и съ такимъ именно опасеніемъ пріѣхалъ сюда.

Горничная пошла доглядывать о немъ, сказавъ ему, что Вѣра Тимофеевна наверху, у маменьки.

О томъ, что наверху князь Федоръ, она ему не доложила.

Тѣ двѣ-три минуты, которыя онъ оставался одинъ, показались ему очень длинными.

Остожинъ сталъ прислушиваться. Изъ-за стѣнки, черезъ дверь, заставленную этажеркой, доносились какіе-то странные звуки.

Въ своемъ альковѣ вскрапывалъ князь.

„Супругъ опочиваетъ“, — сказалъ про себя Остожинъ, усмѣхнувшись пренебрежительно. Этотъ „супругъ“ не существовалъ для него. Но пока онъ живетъ въ томъ же домѣ, надо вести себя джентльменски и не „осложнять“ положеніе женщины, такъ искренно проявившей свое чувство. Во всякомъ случаѣ тутъ, въ этой комнатѣ, надо будетъ себя сдерживать и даже предостерегать Вѣру.

На лѣстницѣ слышались женскіе шаги.

Это она. А сзади спускался еще кто-то. Шаги — мужскіе.

„Должно быть братецъ!“ — подумалъ онъ и поморщился.

Дверь быстро отворилась. Вѣра вошла и тотчасъ же захлопнула ее.

Безъ словъ она пожала ему руку.

— Я не ошиблась!—полушопотомъ сказала она.

Остожинъ почувалъ трепеть въ ея рукопожатіи. Глаза то вспыхивали, то потухали, и въ лицѣ пробѣгали нервныя струйки.

— Прихожу не въ пору?—спросилъ онъ, высоко поднимая ея руку, чтобы поцѣловать.

Вѣра сдѣлала жестъ головой къ двери въ прихожую.

Оттуда слышно было, какъ кто-то одѣвается.

— Кто это?.. Братъ?—спросилъ также тихо Остожинъ.

— Племянникъ князя.

— А-а... Супругъ тамъ? — спросилъ Остожинъ, указывая на дверь, заставленную этажеркой.—И, кажется... спать?

Онъ хотѣлъ сказать: „всхрапываетъ“.

Оба они смолкли, дожидаясь—когда прислуга запретъ дверь подъѣзда.

Все смолкло. Но изъ комнаты князя послышалось сонное дыханіе.

— Уйдемъ отсюда!—сказала Вѣра, охваченная жуткимъ чувствомъ неловкости.

— Куда?—спросилъ Остожинъ. Во взглядѣ его промелькнуло что-то, не то насмѣшливое, не то вызывающее.

— Наверхъ... тамъ хорошо.

Она отняла отъ него руки, такъ же порывисто отворила дверь въ прихожую и побѣжала вверхъ по лѣстницѣ.

Она привела его въ угловую, гдѣ сейчасъ сидѣла съ княземъ Федоромъ.

Чувство радости охватило ее только тутъ.

Онъ здоровъ, и не вытерпѣлъ—пріѣхалъ.

— Милый!

Его руки протанулись къ ней—они еще стояли при входѣ въ комнату—и она какъ-то покачнулась, точно хотѣла броситься къ нему на грудь.

И тотчасъ же подалась назадъ и упала на диванъ.

— Нѣтъ! Такъ не надо!..—почти съ плачемъ выговорила она.—Подите сюда... садьте... Владиміръ...

Голосъ ея замеръ. Она сидѣла съ руками, опущенными на борть дивана.

— Ходъ назадъ?—тихо и раздѣльно спросилъ Остожинъ и не тотчасъ присѣлъ къ ней.

— Владиміръ... Выслушайте меня!

— Я знаю, что вы мнѣ скажете, Вѣра Тимофеевна.

— Зачѣмъ такъ?.. Бросьте этотъ тонъ... Умоляю васъ.

— Вы съѣжились... Я этого ожидалъ... Вѣра...

— Нѣтъ... я не съѣжилась. Ну! дайте мнѣ руку.

Онъ протянулъ.

-- Вы видите... я вся тутъ.

— Нѣтъ, я этого не вижу.

Недобрая усмѣшка повела его красивыя губы.

— Нѣтъ, а такъ не могу. Въ эти сутки я столько пережила...

Въ сильномъ волненіи, немного путаясь въ словахъ, Вѣра начала ему рассказывать про визитъ Лопаревой, про Спѣшнева. И у нея ничего какъ-то не выходило.

— Все это прекрасно, — отозвался Остожинъ: — но что же вамъ-то до всего этого?

— Простите... Я такъ глупа сегодня. Я не съумѣла вамъ дать понять — что все это вызвало во мнѣ.

— Я слушаю васъ.

— Не хочу обмана! Не хочу грязи!

Оба возгласа вырвались у Вѣры стремительно — глухими, вздрагивающими нотами.

— Грязь? Вы такъ зовете то, что насъ влечетъ другъ къ другу? — тономъ мягкаго упрека вымолвилъ Остожинъ. — Вы не раскольница... Для той нѣтъ другого слова для любви, какъ блудъ.

— Не говорите такъ, Владиміръ. Прошу васъ. Нѣтъ! Я не ждалась! Я все та же, что и вчера. Но дайте мнѣ собраться съ силами. Что жъ мнѣ дѣлать! Вы всегда звали меня прямолинейной... Да, я такая...

— Вижу. Но что же вы желаете предпринять?

— Какое слово, Владиміръ, — предпринять! Неужели... я не заслуживаю другого тона?

— Но я жду... Вѣра. Я вижу, что вы только говорили о свободѣ своей личности.

— Быть свободной не значить... идти сейчасъ на обманъ.

— Вы не любите вашего мужа, вамъ хочется любить... Все это такъ просто, такъ законно.

— Я не могу сейчасъ, сію минуту, выгнать моего мужа на улицу... И не хочу этого... Было бы гадко поступить съ нимъ такъ... И на сдѣлку съ нимъ я не хочу идти... Да и онъ не пойдетъ — я не считаю его настолько падшимъ. Онъ не мужъ Вассы Ивановны Лопаревой.

— Боже мой! Къ чему все это? — перебилъ Остожинъ и сильно пожалъ плечами.

— Играть съ вами я неспособна. Вы въ это должны вѣрить. Иначе намъ надо сейчасъ же разстаться.

— Есть различные виды игры, Вѣра Тимоѣевна.

Остожинъ всталъ и отошелъ въ другой уголъ комнаты, гдѣ горѣла лампа.

— Остожинъ,—голосъ Вѣры зазвучалъ сильно:—неужели въ васъ говорить только мужчина, желающій обладанія? Развѣ я падила свое самолюбіе? Скажите! Меня влекло къ вамъ—и я пришла, зная, какая опасность грозитъ мнѣ.

— Все это слишкомъ торжественно, Вѣра Тимоѣевна.

— Можетъ быть. Я говорю, какъ умѣю. Если вы меня хоть немного цѣните... и любите — позвольте мнѣ сначала быть свободной... вполнѣ... Не заставляйте меня падать въ собственныхъ глазахъ... Неужели это такая ужасная жертва?

— На болѣе простой языкъ—что же это значить? Вы хотите объясниться съ вашимъ мужемъ... и разойтись съ нимъ? Я васъ въ этому не толкаю.

— Вы, стало быть, привыкли къ *matriages à trois*?...

— Нѣтъ-съ!—перебилъ онъ и весь выпрямился.—Обмана и я не люблю. Но прежде всего надо умѣть любить, быть способной беззавѣтно отдаваться страсти. А остальное покажетъ жизнь. Иначе это отзывается любовью... въ одномъ старомъ эротическомъ романѣ: „*Les liaisons dangereuses*“. Вы не читали?

Вѣра закрыла лицо руками и тихо плакала. Ей было стыдно и больно за себя и за него... за все, что сейчасъ она пережила.

— Лучше оставьте меня... Остожинъ,—чуть слышно выговорила она.—Мнѣ слишкомъ горько.

Что-то онъ ей отвѣтилъ; но что—она не слыхала и сидѣла съ опущенной въ ладони головой.

XXVII.

Третій день, какъ Вѣра живетъ одна въ комнатахъ нижняго этажа. Бнязь уѣхалъ съ племянникомъ въ Петербургъ — хлопотать о мѣстѣ.

Была минута въ день его отъѣзда: она хотѣла объясниться съ нимъ. И отказалась отъ этого.

Признаваться въ отношеніяхъ къ Остожину? Но эти отношенія пресѣлись. Онъ не кажетъ глазъ. Въ немъ хищникъ-мужчина заявилъ себя сразу.

Вотъ уже болѣе недѣли, какъ она плачетъ всѣ ночи напо-

леть. Броситься къ нему, повиснуть ему на шеѣ, умолять его о прощеніи, отдаться ему, потому что мужъ больше не живетъ съ нею въ одномъ домѣ—она не въ силахъ пойти на это. Такой любви она не хочетъ. Довольно и того, что она такъ жестоко ошиблась въ человѣкѣ, котораго столько лѣтъ считала своимъ другомъ.

Но жить безъ любви и съ постылымъ мужемъ — слишкомъ тяжело. Она дожидается возвращенія князя. Если онъ возьметъ мѣсто въ провинціи, она не поѣдетъ съ нимъ и прямо скажетъ ему:

„Не надѣвайте на меня такихъ кандаловъ. Мы не любимъ другъ друга. У меня нѣтъ къ вамъ и того уваженія, какое жена должна имѣть къ мужу. Я не хочу лжи и обмана. При моемъ душевномъ одиночествѣ—я буду искать привязанности—говорю вамъ это прямо. Разойдемся. Если вы не хотите развода—я не буду на немъ настаивать“.

Въ настоящую минуту у нея нѣтъ ничего съ Остожиннымъ; но и въ томъ, что вышло—она готова повиниться даже и передъ такой личностью, какъ ее мужъ. Вправдѣ ли она такъ поступить? За свиданіе, за порывъ, за два поцѣлuya — она готова отвѣтить. Но князь не повѣритъ ей. Онъ сейчасъ же сочтетъ себя обезчещеннымъ, а ее—уже любовницей ненавистнаго ему „профессоришки“.

Выдетъ грязная и глупая исторія!

Одно она знаетъ: какъ только выяснится положеніе князя, она поставитъ вопросъ „ребромъ“ и сумѣетъ добиться свободы какой бы то ни было цѣной. Лучше пойти еще на рядъ горькихъ испытаній, чѣмъ состоять въ бракѣ, гдѣ нѣтъ ничего, кромѣ неволи, унижительной для нихъ обоихъ. Будь у нея прежнія деньги—она всѣ бы отдала ихъ мужу, только за то, чтобы онъ оставилъ ее на свободѣ... даже и безъ формальнаго развода.

Сейчасъ она вернулась домой. Въ школѣ, куда она заѣзжаетъ каждый день, она ничего не видала и не помнитъ, о чемъ ее просила старшая учительница. Въ головѣ ея нѣтъ мѣста ничему, кромѣ все того же личнаго дѣла; а на сердцѣ щемитъ и ноетъ.

Только-что она останется одна—какъ въ эту минуту—ей еще тяжелѣе. И не къ кому броситься на шею и выплакать свое женское горе. Тамъ наверху ея первый другъ — мать. Та все пойметъ и все проститъ. Но ее удерживаетъ непреодолимый стыдъ. Говорить—такъ ужъ все! А у нея языкъ не пошевеливается признаться, что нѣсколько дней назадъ она побѣжала къ чужому мужчине на квартиру и чуть не отдалась ему.

Стыдъ этотъ—не барскій. Въ немъ есть что-то строго-купеческое и даже мужицкое. Каковъ бы ни былъ „муженецъ“—она все-таки „въ законѣ“. Развѣ „резонъ“, что она не желаетъ быть его женой, какъ надо? И на это она „по-божески“ не имѣетъ никакого права, пока она съ нимъ вѣнчана. Онъ не уродъ. „Полюбовницы“ у него нѣтъ. Онъ ее ничѣмъ, какъ жену свою, не осрамилъ „передъ людьми“... А она его—„какъ-никакъ“—собралась обманывать.

Нѣтъ, не пойдетъ она плакать и убиваться, стоя на колыньяхъ передъ кушеткой Степаниды Ѳедотовны, до самой послѣдней возможности.

Вѣра сидѣла съ локтями, положенными на столъ. Голову она упирала въ ладони и затуманенными глазами смотрѣла на дверь.

Ей послышалось, что позвонили.

„Осторожь!“ — мгновенно встрепенулась она и встала, но подойти къ двери не рѣшалась.

Горничная пришла не сразу.

Взявшись за ручку, ждала Вѣра. Она чувствовала, какъ стучить у нея сердце.

„Боже мой, какъ Оля копается!“ — чуть не вслухъ говорила она.

Дверь отперли и кого-то впустили. Мужской голосъ что-то тихо сказалъ. И тотчасъ же опять щелкнула задвижка.

Нѣтъ, это—не онъ.

Она сама растворила дверь и выглянула въ прихожую.

— Кто это былъ, Ольга?

— Посыльный... вамъ письмо, Вѣра Тимофеевна.

— Отвѣта развѣ не нужно?

— Я спрашивала. Онъ говорить—отвѣта не приказано дожидать.

— Подайте.

Пальцы ея вздрагивали, когда она взяла письмо изъ рукъ горничной.

Почеркъ она узнала — даже при слабомъ освѣщеніи передней. Порывисто затворила она дверь и даже заперлась.

Сердце стучало еще сильнѣе. Въ глазахъ мутилось. Она почти упала на диванчикъ и съ минутой не могла придти въ себя.

Неужели онъ такъ ей дорогъ? Даже послѣ того, что вышло между ними наверху? Не она, а онъ будетъ владычествовать. А страсть—до чего доводитъ!..

И ужасное лицо Спѣшнева выплыло передъ нею, и она точно ощутила удушающій запахъ ээира.

Письмо лежало на коврѣ. Вѣра не замѣтила, какъ оно упало.

Возбужденіе смѣнило потерю силъ. Она схватила письмо и подбѣжала къ столу, освѣщенному низкой лампой, съ усиленнымъ пламенемъ.

Въ первыя секунды она не могла свободно разбирать почеркъ. Въ глазахъ все еще рябило, точно отъ мигрени.

Вѣра налила воды и отпила полстакана.

Сначала механически, про себя, выговаривала она:

„Вѣра Тимоѣевна, намъ необходимо видѣться. Вы не можете меня не принять. Насколько я васъ понялъ, вы и не желали лишити меня права видѣть васъ“...

„Зачѣмъ все это, Господи!“—мысленно вскричала Вѣра. Не такого тона и не такихъ словъ ждала она. Одинъ возгласъ: „простите!“—былъ бы сильнѣе и выразительнѣе этого вступленія.

„За что вамъ отталкивать меня?“—читала она дальше съ холодными щеками.—Чѣмъ я оскорбилъ ваше женское достоинство? Я ищу пылкаго чувства и не нахожу его въ васъ. Вы меня и въ самомъ дѣлѣ сочли хищникомъ, неспособнымъ цѣнить въ женщинѣ ничего, кромѣ ея чувственнаго обаянія.

„Вы ошибаетесь, Вѣра Тимоѣевна. Я только одного не признаю: того „себѣ на умѣ“, которое не позволяетъ женщинѣ отдаваться своему чувству беззавѣтно“.

Слова: „себѣ на умѣ“—вызвали краску на ея лицо.

Вотъ какъ онъ ее понимаетъ! Она—„себѣ на умѣ“ въ сближеніи съ нимъ! Если такъ, то честнѣе было бы бросить ей такое обвиненіе прямо, а не въ уклончивой фразѣ, какъ будто онъ позволяетъ себѣ только общее замѣчаніе.

Не любить онъ ее. И не щадить. Даже не жалѣеть, какъ пожалѣлъ бы сухой, но добрый и деликатный человекъ.

Зачѣмъ читать дальше? Разорвать эту холодную и фальшивую „ноту“ и бросить сейчасъ въ каминъ.

Вѣра сжала толстый листокъ матовой бумаги и сдѣлала движеніе—точно хотѣла съ мѣста кинуть его въ огонь.

И не смѣла.

Опять она приблизила смятый листокъ къ своимъ немного близорукимъ глазамъ и стала читать дальше. Волненіе не проходило. Въ вискахъ—ощутимо для нея самой—бились жилки.

„Мы давнишніе пріатели. Зачѣмъ же намъ разыгрывать какой-то французскій *провербъ*? Ваши scrupules... я нахожу—извините меня—совершенно ненужными. Чтобы идти объясняться

къ мужу—надо имѣть какое-нибудь corpus delicti... Ваше преступленіе такъ ничтожно, что право смѣшно enfourcher le dada упрековъ совѣсти“.

Опять руки ея сдѣлали движеніе бросить письмо въ огонь.

Но глаза продолжали быстро разбирать его связанный почеркъ.

„Вѣра Тимоеевна,—читала она послѣднюю страницу:—я скажу безъ фразы и ненужнаго паеоса. Мы стоимъ другъ друга. Я отношусь къ вамъ какъ къ женщинѣ чрезвычайно симпатичной. Я тронутъ вашимъ чувствомъ ко мнѣ, я готовъ на всякій рискъ и всякій рѣшительный шагъ... Но я не допускаю никакихъ отсрочекъ и колебаній. Рискуя оттолкнуть васъ—говорю это прямо, безъ всякихъ перифразъ. Не нынче-завтра вы разойдетесь съ княземъ. Вы не можете принадлежать ему, какъ вещь, только потому, что вы носите его имя. Онъ и самъ удалится—въ-время. А будетъ поступать какъ законный обладатель своей жены—мы съумѣемъ отстоять передъ нимъ наше право, право любви... высшее изъ всѣхъ правъ“.

„Мнѣ не легко обращаться къ вамъ въ такомъ тонѣ. Я не умѣю говорить иначе. Все—въ васъ, а не во мнѣ. Но лучше мнѣ совсѣмъ не видаться съ вами, чѣмъ ждать того, когда произойдетъ ваше соглашеніе съ княземъ“.

— „Лучше“!—повторила Вѣра, и капельки горечи засочились у нея въ груди. Лучше? Разумѣется, лучше—для того, кто не напелъ въ себѣ ни одного звука, идущаго отъ сердца къ сердцу.

— Господи, Господи!..—прошептала она и безпомощно упала головой на сложенные руки.

XXVIII.

Около могильной ямы, куда только-что опустили гробъ, стояло нѣсколько человекъ мужчинъ и одна дама.

Литію кончали. Старый, высокій дьяконъ, нахлобучивъ скуфью на мѣховой подкладкѣ, протянулъ вѣчную память надтреснутымъ басомъ. Снѣжокъ попархивалъ и садился на вѣтви голыхъ березъ и липокъ.

Начали бросать землю.

Дама стояла поодаль, опираясь о рѣшетку сосѣдней могилы.

— Здравствуйте, книгиня! — раздался сбоку тихій мужской окликъ.

Вѣра отняла платокъ отъ лица и быстро обернулась. Остинъ, въ пальто съ мерлушковымъ воротникомъ, приподнял шляпу и довольно низко поклонился ей.

Она отвѣтила на его поклонъ; но ничего не сказала.

Остожинъ сейчасъ же замѣтилъ, какъ Вѣра разстроена. Онъ даже подумалъ—неужели смерть Спѣшневъ была для нея такимъ ударомъ?

Проводить покойника изъ церкви на кладбище собралось не больше десяти человѣкъ, въ томъ числѣ тотъ поэтикъ-символистъ, котораго Спѣшневъ разъ завелъ къ себѣ, и юркій черноватый репортеръ, перебѣгавшій все съ мѣста на мѣсто.

Пришла очередь и до Вѣры бросить горсть замерзлой глины въ могилу несчастнаго пріятеля.

Она и въ церкви, и на кладбищѣ плакала, безъ звука, но съ большой душевной болью.

Неиспытанный еще страхъ вызвалъ въ ней внутреннюю дрожь, когда она ступила на край ямы и взяла изъ рукъ причетника лопатку съ землей.

Присутствіе Остожина усиливало это настроеніе. Такъ все мятешно и суетно въ ней и вокругъ нея, и такъ все близко къ концу—неизбытному и простому, заурядному.

Въ пальцахъ лопатка съ мерзлой землей вздрагивала. Слезы опять подступили къ горлу. Она передала лопатку кому-то, ничего не видя. Это былъ Остожинъ.

— Вамъ нехорошо... вы позволите поддержать васъ, Вѣра Тимофеевна... здѣсь сколько.

— Ничего, благодарю васъ,—выговорила она чуть слышно и прикрыла лицо платкомъ.

Онъ все-таки поддержалъ ее подъ локоть.

Яму стали зарывать. Священникъ и дьяконъ заговорили вполголоса съ старушкой-хозяйкой меблированныхъ комнатъ, гдѣ прежде жилъ Спѣшневъ. Она и распорядилась похоронами. Родныхъ у покойнаго не было.

Кучка провожатыхъ сразу растаяла. Одинъ за другимъ потянулись они по мосткамъ, позади причта.

Вѣра отошла опять къ рѣшеткѣ сосѣднаго памятника. Ей хотѣлось остаться одной.

Остожинъ не уходилъ. Онъ стоялъ въ пяти шагахъ отъ нея на тропкѣ, ведущей къ подмосткамъ.

„Затѣмъ онъ ждетъ?—болѣзненно тревожилась Вѣра.—Неужели онъ будетъ объясняться тутъ, на кладбищѣ“?

И снова холодящее дуновеніе смерти прошло по ней. Она опустилась на колѣни, прямо въ снѣгъ, закрыла глаза и стала трепетно молиться и о несчастномъ, загубившемъ свою душу изъ-за „вавилонской блудницы“, и о дряхлѣющей матери своей,

и о всѣхъ, кто, какъ она сама, готовы были броситься на призывъ грѣшной любви. Забыла она, на одну минуту, близкое соудство того, кто далъ уже ей столько страданій.

— Вѣра Тимоеевна, пощадите себя!—раздался надъ нею голосъ Остожина.

Безмолвно встала она и, не поднимая головы, пошла, совсѣмъ разбитая, къ подмосткамъ.

Остожинъ двигался вслѣдъ за нею, молча.

Тамъ дошли они до большой площади, откуда—ходъ къ главнымъ воротамъ кладбища.

— Вѣра Тимоеевна! Прикажете кликнуть вашего кучера?

— Благодарствуйте.

Она пошла торопливо къ воротамъ.

— Вы утомились... позвольте предложить вамъ руку.

„Какъ ему не стыдно!“—со слезами на глазахъ воскликнула про себя Вѣра и пріостановилась.

Остожинъ подошелъ къ ней очень близко.

— Неужели—заговорилъ онъ другимъ голосомъ—мое письмо не стоило даже двухъ словъ отвѣта?

— Прошу васъ, Владиміръ... Григорьевичъ, избавьте меня... я не могу...

Она близка была къ взрыву рыданій. Остожинъ увидалъ это и смолкъ.

— Простите,—сказалъ онъ съ низкимъ поклономъ.—Но развѣ мы больше уже не увидимся?

— Тому Остожину,—выговорила съ трудомъ Вѣра,—который писалъ это письмо... я не умѣю... я не могу ничего сказать.

Боясь, что она разрыдается, Вѣра почти побѣжала къ воротамъ. Остожинъ не сталъ догонять ее.

Она не помнила, какъ очутилась въ каретѣ. Тамъ она долго плакала. Слезы текли безъ перерыва, и вся она вздрагивала. Головой она упала въ подушку.

Когда слезы изсыхли—всю ее наполнила несказанная печаль. Не одного Спѣшнева похоронила она, а и себя, свою „безталанную“ любовь. Спѣшневъ—счастливецъ. Онъ докапалъ себя. Быть можетъ, кромѣ ежедневнаго отравленія эвиромъ, онъ глотнулъ и чего-нибудь другого. И ушелъ въ вѣчность, показавъ своей „блудницѣ“, что у него есть противъ нея несокрушимая сила—смерть.

Ей не дано этого. Не въ силахъ она отдаться влеченію къ мужчине, разъ рушилась ея вѣра въ него.

Вотъ онъ сейчасъ остановилъ ее; но голосъ его не проникъ

ей въ душу. Онъ для нея—тоже мертвецъ. А развѣ можно любить мертвеца?

Голова стала кружиться. Вѣра близка была къ обмороку, когда карета ѣхала по одному изъ дальнихъ бульваровъ. Она опустила окно и жадно глотала холодный воздухъ.

Остожинъ не сразу покинулъ кладбище. Онъ вошелъ опять въ ворота и сталъ тихо прохаживаться по площадкѣ.

Ему было очень жутко. Въ первую минуту онъ не обвинялъ Вѣры. Нѣтъ, она не играетъ и не рисуется. Быть можетъ и въ самомъ дѣлѣ его письмо было большою ошибкой и безтактностью. Но онъ не хотѣлъ ничего напускать на себя. Онъ говорилъ то, что у него было на душѣ, и неглупая, даже и не страстно любящая женщина поняла бы его.

Сладкихъ фразъ, завѣдомой фальши, на которую ловятся всѣ женщины, она никогда отъ него не слыхала и не услышитъ.

И незамѣтно попавъ на эту зарубку, онъ уже не могъ обвинять себя.

Произошло неизбежное столкновение европейца съ московской купчихой. И эта княгиня остается, по натурѣ и всѣмъ повадкамъ, дѣвицей Финиковой. Смѣлости нѣтъ и настоящей культурной честности. Мужа не любитъ и презираетъ, а все-таки хочетъ „соблюсти себя“, чтобы имѣть камень за пазухой противъ возлюбленнаго.

Чего же ярче и убѣдительнѣе, какъ судьба Спѣшнева? Это не смерть, а самоубійство. И довела до него страсть слабого романтика въ замоскворѣцкой Мессалинѣ.

Эта ужасная Васса Ивановна не изволила даже прѣхать на похороны. Очень нужно! Съ какой стати срамить себя: мало у нея есть мужины, готовыхъ поступить въ ея Альфонсы!

Все, что долгие годы накоплялось въ Остожинѣ противъ хозяевъ теперешней Москвы, противъ этихъ „дворянящихся разночинцевъ“, почуввавшихъ силу своей мощны, подняло въ немъ желчь и сдѣлало его безпощаднымъ и къ женщинѣ изъ того же ненавистнаго ему „отродья“.

Пусть будетъ такъ, какъ вышло между ними. Не вымолить хотѣлъ онъ обладаніе той, кто готова была отдаться ему, а только показать, что онъ не допускаетъ купеческой щепетильности въ страсти и въ наслажденіи.

XXIX.

Въ палатахъ Петра Степановича Умнова, какъ всегда, было тихо и безлюдно. Онъ занималъ нижній этажъ; верхній стоялъ нежилымъ, въ своей роскошной обстановкѣ музея въ древне-русскомъ стилѣ. Тамъ же помѣщалось и его хранилище рукописей и старинныхъ, большею частью, раскольничьихъ книгъ.

Цѣлую недѣлю обдумывалъ онъ приглашеніе на завтракъ и осмотръ своего дома—князя Кунгурова „съ супругой“. Онъ не зналъ еще, что князя въ Москвѣ нѣтъ.

И за все это время, каждый день, тануло его въ домъ Финиковыхъ. Онъ зналъ, въ какіе часы заставить Вѣру Тимоѣевну. Сегодня же онъ отправится къ ней въ сумерки... кое съ чѣмъ. И этотъ визитъ, и весь разговоръ, какой у нихъ можетъ выйти, онъ перебралъ на нѣсколько ладовъ.

Около трехъ часовъ Петръ Степановичъ, въ уборной комнатѣ, отдѣланной въ „самаркандскомъ“ стилѣ, конфиденціально бесѣдовалъ съ дамой среднихъ лѣтъ—полной, еще свѣжей въ лицѣ, въ большой модной шляпѣ и мантильѣ и пестромъ полковомъ платьѣ.

Она не смотрѣла купчихой. Тонъ у нихъ былъ полу-пріятельскій, на „вы“, но съ какимъ-то не сразу уловимымъ отгѣнкомъ. Бывалый глазъ распозналъ бы въ ней танцовщицу на пенсіи.

— Такъ съ Богомъ, Онеча, — сказалъ Умновъ, поднимаясь съ кресла.

Онъ былъ уже совсѣмъ одѣтъ—какъ всегда, изысканно и молодежаво. И его тупейчій уже прошелъ черезъ руки французаквафѣра, каждое утро наводившаго ему „ондуляцію“.

— Разумѣется... все это надо сдѣлать какъ можно осторожно. Какъ бы этотъ господинъ себя, на первыхъ порахъ, ни повелъ, но вы съумѣете распознать: пошелъ ли бы онъ, въ концѣ концовъ, на такую комбинацію.

— Да ужъ будьте покойны, душечка.

Она звала его, по старой памяти, „душечка“. Когда-то, лѣтъ пятнадцать назадъ, онъ „ѣздилъ“ къ ней; но постоянной связи у нихъ не было.

Съ тѣхъ поръ, какъ Анисья Пантелѣвна Терентьева на пенсіи корифейки, она занимается разными дѣлами: сдастъ меблированные квартиры, перекупаетъ цѣнные вещи и, не выдавая себя за форменную сваху, не отказывается и отъ сватовства.

Она тоже поднялась съ своего мѣста. Петръ Степановичъ руки ей не пожалъ, а потрепалъ только по ея жирному плечу.

— Все это постарайтесь справить не поздиѣ будущей недѣли.

— Понимаю, понимаю.

Умновъ значительно поглядѣлъ на нее своими вдавленными глазками.

„Держи, молъ, ухо востро“!

Онъ еще разъ потрепалъ ее по плечу и проводилъ до двери въ кабинетъ.

Рядомъ съ уборной помѣщалась его молежня, гдѣ стояла полутемнота, какъ въ подземной часовнѣ. Нѣсколько лампадъ горѣло денно и ночью. И днемъ трудно было разглядѣть лики закоптѣлыхъ иконъ и самыя очертанія моленной.

Петръ Степановичъ пріотворилъ ее, сдѣлалъ внутрь не больше двухъ шаговъ и всталъ на особой формы ковригъ.

Скоро, но истово, широкими взмахами двуперстнаго сложенія началъ онъ креститься и вполголоса произносить молитвенныя слова тропаря Богородицѣ—самой любимой его молитвы.

Его тонкія, извилистыя губы отчетливо произнесли первыя слова:

„Гавріилу, вѣщавшему Тебѣ, Дѣво, радуйся, со гласомъ вопиющаго въ Тебѣ святѣмъ кивотѣ“...

За этимъ слѣдовалъ уже беззвучный шопотъ. И до трехъ разъ опускался и поднимался тонъ молящагося. Подъ конецъ, Петръ Степановичъ поднималъ голову и воззрися на одну изъ древнихъ иконъ Владычицы и сталъ крестить себѣ, почти судорожно, лобъ и глаза и вскидывать головой.

И уже громко, почти съ крикомъ, вылетали слова другого тропаря:

„Тя, ходатайствовавшюю спасеніе рода нашего, воспѣваемъ, Богородице Дѣво“.

И когда дошелъ до конца, крикнулъ жалобно вызывающимъ звукомъ:

„Избави насъ отъ тли, яко человеколюбецъ“!

И выѣзжалъ изъ моленной.

Его камердинеръ замѣчаетъ уже больше двухъ недѣль, что Петръ Степановичъ сталъ совсѣмъ не по прежнему вести себя, „насчетъ божественнаго“. По нѣскольку разъ на дню, особенно передъ тѣмъ, какъ ему выѣзжать изъ дому, онъ въ каждой комнатѣ, передъ образомъ, читаетъ вслухъ молитву, сначала тихо, а потомъ все громче и громче. Точно онъ съ угодникомъ или

Владычицей разговариваетъ лицомъ къ лицу, какъ съ живыми, и молится, и жалуется, и какъ-то всхлипываетъ. А то вдругъ засмѣется.

Сегодня Петръ Степановичъ привазалъ заложить карету. Должно быть, испугался мороза.

И въ каретѣ Умновъ, про себя, шепталъ молитвенныя слова. Память у него была, до сихъ поръ, превосходная, и онъ зналъ наизусть множество молитвъ, въ особенности тропари Владычицѣ.

Обращеніемъ къ ней онъ хотѣлъ утишить въ себѣ волненіе духа, найти опору и убѣжище, и прощеніе за то, что онъ—по слабости своей—долженъ будетъ пойти на временное общеніе съ „никоновьями“, ежели мечтанія его сбудутся.

Въ началѣ четвертаго карета Петра Степановича въѣхала во дворъ дома Финиковыхъ.

Вѣра только-что вернулась и сидѣла у себя, спустившись отъ Степаниды Ѳедотовны.

Она была очень блѣдна. Ночи проходятъ у нея въ бессонницѣ, чего она прежде никогда не знала. И здоровье матери тревожить ее все больше и больше. Ноги начинаютъ пухнуть. Наставать на консилиумъ она не хочетъ. Самое слово „консилиумъ“ можетъ испугать Степаниду Ѳедотовну, хоть она и любить повторять, что смерти не боится.

Горничная подала Вѣрѣ карточку Умнова.

— Онъ ко мнѣ, или къ князю?—вполголоса спросила Вѣра.

— Я докладывала, что баринъ въ Петербургѣ. Онѣ васъ желаютъ видѣть.

Не принять его не было повода.

Умновъ вошелъ весь перегнувшись, съ умиленно-почтительнымъ поклономъ. И заговорилъ тихо-тихо, точно въ домѣ тяжело больной или покойникъ. Ему кто-то сообщалъ, что Степанида Ѳедотовна въ постели, и что болѣзнь ея „сурьзная“.

Вѣра отвѣчала ему не особенно привѣтливо, но и не сухо. Ей было не до этого раскольничьяго селадона—съ его ужимками и подходами.

Кто бы онъ ни былъ, но его тонъ проникнуть преклоненіемъ, какого она ни отъ кого еще не видала.

Ей даже пришло на мысль:

„Никогда этотъ тайный хищникъ не написалъ бы мнѣ такого письма, какъ Остожинъ“.

— Дорогая... Вѣра Тимоѳеевна,—заговорилъ Умновъ, сидя на кончикѣ дивана, съ опущенными рѣсницами.—Я хотѣлъ просить васъ съ княземъ удостоить меня посвѣщеніемъ... откупать.

Я не зналъ, что князь — въ Петербургѣ. Васъ однихъ я не рѣшаюсь просить... заглянуть въ мою хату... если васъ интересуется... мое собраніе.

Вѣра посмотрѣла на него спокойно, и ея взглядъ доложилъ ему, что она не побоялась бы и одна быть у него.

— Вотъ въ эти часы, Петръ Степановичъ, — отвѣтила она, — я какъ-нибудь соберусь къ вамъ.

— А пока позвольте мнѣ принять участіе въ тѣхъ учрежденіяхъ, которыми вы такъ самоотверженно занимаетесь. До сихъ поръ вы меня не удостоивали. Можетъ быть, вы полагаете, что вѣроисповѣдное различіе дѣлаетъ меня враждебнымъ и тому полезному, что предпринимается такими особами, какъ вы, Вѣра Тимофеевна... Такъ это напрасно.

Голосъ его слегка дрогнулъ. Онъ сложилъ руки на груди и низко наклонилъ голову.

— Я буду очень рада... Петръ Степановичъ.

— И по какому изъ вашихъ обществъ моя посильная лепта была бы въ этотъ моментъ нужнѣе и дѣйствительнѣе?

Вѣра немного одумалась.

— Да вотъ, напримѣръ, мы устроиваемъ общество для пожилыхъ трудовыхъ женщинъ... потерявшихъ здоровье на работѣ учительницъ и гувернантокъ.

— Благое дѣло!

— Вашъ вкладъ былъ бы очень кстати, Петръ Степановичъ.

— Располагайте мною... Назначьте сами сумму.

— Это щекотливо.

— Но, по крайней мѣрѣ... позвольте узнать, какой капиталъ нуженъ вамъ для того, чтобы поставить дѣло на ноги.

— Мы хотимъ начать въ скромныхъ размѣрахъ... И не мечтаемъ еще о собственномъ домѣ. Бюджетъ нашъ рассчитанъ на шесть тысячъ рублей.

— Стало, вамъ надо имѣть капиталъ въ сто двадцать тысячъ.

— Мы надѣемся на взносы и временныя пожертвованія.

— Позвольте же мнѣ сразу обезпечить васъ.

— Какъ?.. Вы готовы были бы...

Вѣра встала, удивленно взглянувъ на Умнова. Она не могла не почувствовать, что это пожертвованіе дѣлается прямо изъ-за нея. Никогда закоренѣлый раскольникъ Умновъ не сталъ бы поддерживать такой „загѣн“, еслибы не хотѣлъ сразу показать ей, что онъ готовъ на всякія жертвы.

„Что-жъ изъ этого? — воскликнула она про себя. — Пускай жертвуетъ“.

— Такъ вы позволите?—спросилъ онъ, поднимаясь съ дивана, и протянулъ ей руку.

Когда Вѣра дала ему свою, онъ приложился къ ней губами, и она ощутила нервную дрожь отъ его прикосновенія.

— И я буду просить васъ... сестрица,—робко выговорилъ онъ,—доложить объ этомъ въ ближайшемъ засѣданіи вашего общества.

— Что же именно, Петръ Степановичъ?.. Что вы вносите намъ такой капиталъ?..

„Этотъ умѣетъ любить“,—невольюно подумала Вѣра и еще разъ пожала ему руку.

П. БОВОРЫКИНЪ.

ВОСТОЧНЫЯ ОСНОВЫ

РУССКАГО

БЫЛИННАГО ЭПОСА

Окончаніе.

IX ¹⁾.

В. Θ. Миллеръ указалъ на вліяніе „Александріи“ и на рускій былевой эпосъ: именно, онъ провелъ нѣсколько параллелей между „Александріей“ и былиной о „Волхѣ“. Мы также указывали на сходныя черты „Александріи“ съ монгольской сказкой „Арджи-борджи“, иначе—со сказкой о Бэгэръ-Меджитѣ (Биваръ-Мадзади, Викрамадитья); въ виду этого сходства „Александріи“ съ „Арджи-борджи“ не будетъ удивительно, если найдутся точки соприкосновенія между „Волхомъ“ и „Бэгэръ-Меджитомъ“, а также между „Волхомъ“ и „Гэсэромъ“, такъ какъ между Бэгэромъ и Гэсэромъ также есть кое-что общее. Мы пересмотримъ сначала восточныя данныя въ связи съ „Александріей“.

Александръ родился отъ связи Олимпіады съ Нектенабомъ, жрецомъ, принявшимъ образъ рогатаго бога Аммона. Филиппъ, отъѣзжая изъ страны, наказываетъ женѣ непременно родить сына; въ противномъ случаѣ, онъ отсѣчетъ ей голову. Олимпіада обращается съ просьбою въ Нектенабу помочь ей; жрецъ одѣвается въ одежду бога и является на ея ложе. Возвратившійся Филиппъ подозрѣваетъ Олимпіаду въ связи съ жрецомъ.

¹⁾ См. выше; апр., 604 стр.

Въ сказкѣ „Арджи-борджи“, царь, отецъ Бэгэръ-Меджита, умеръ; царица идетъ къ отшельнику и получаетъ отъ него тѣсто, отвѣдавъ котораго, она зачинаетъ Бэгэра. Во время беременности, царица должна бѣжать изъ страны, идти въ изгнаніе, вслѣдствіе нашествія непріятели и захвата престола чужеземцемъ. Подозрѣній царицы въ сожителствѣ съ отшельникомъ нѣтъ, потому что временная отлучка мужа здѣсь замѣнена смертью, и некому дѣлать ей упреки. Въ монгольской сказкѣ выведена также вдова царица; сосѣдній царь Чилунъ-Ташюръ сватается за нее, но она идетъ къ отшельнику, и тотъ даетъ ей такое же тѣсто, какое получила мать Бэгэръ-Меджита; она также зачала; отшельникъ здѣсь названъ Бурханъ-бакши, т. е. Буддой. Царь Чилунъ-Ташюръ обвиняетъ царицу въ томъ, что она прижила ребенка съ отшельникомъ, и идетъ на нее войной. Но Бурханъ-бакши создаетъ изъ камышей войско, и нападеніе царя отбито. Тогда царь посылаетъ къ тому же отшельнику своихъ женъ, и одна изъ нихъ, отъ даннаго отшельникомъ снадобья, родитъ уродливаго мальчика, у котораго глаза кривые. Это былъ Гэсэръ ¹⁾. Въ другой сказкѣ, царица — не вдова; она одна изъ многочисленныхъ женъ царя. Этотъ царь, повидимому, тотъ же Чилунъ-Ташюръ, потому что у послѣдняго также тысячи женъ. Царица проглотила слюну царя и оттого зачала, но царь заподозрилъ ее въ сожителствѣ съ ламой, т. е. съ монахомъ, повидимому жившимъ во дворцѣ, и вмѣстѣ съ нимъ изгналъ ее изъ дворца въ степь. Потомъ онъ пытается убить ихъ, но лама создаетъ изъ камыша войско, которое и защищаетъ изгнанниковъ. Эта послѣдняя сказка даетъ поводъ думать, что и въ предъидущей сказкѣ царь Чилунъ-Ташюръ былъ не чужой царь, а мужъ царицы, зачавшей отъ тѣста, и что сказка о женщинѣ, заподозрѣнной въ сожителствѣ съ отшельникомъ и вмѣстѣ съ нимъ изгнанной, есть исторія рожденія Гэсэра. И въ самомъ дѣлѣ, въ „Гэсэриадѣ“ рожденіе Гэсэра обставлено нѣскольکو сходными чертами: мать его изгнана изъ дома Чотона и живетъ въ изгнаніи съ какимъ-то Сэнгыломъ; этотъ послѣдній занимаетъ въ „Гэсэриадѣ“ мѣсто отшельника. Такимъ образомъ сказка о Бэгэръ-Меджитѣ сходится съ повѣстью о Гэсэрѣ ²⁾.

¹⁾ Повѣсть о Гэсэрѣ (Die Thaten) также даетъ уродливую фюзіонію Гэсэру. Въ переводѣ Шмидта: Mit dem rechten Auge schielte der Knabe, mit dem linken schaute er gerade aus (стр. 14). Замѣчательно, что и „Александрія“ тѣми же чертами отмѣчаетъ необыкновенный видъ Александра.

²⁾ Бурати вмѣсто Гэсэръ произносятъ: Гэхэръ. Мнѣ случилось записать рассказъ о Гэсэръ-Меджитѣ отъ рассказчица, который произносилъ: Гэгэръ, вмѣсто: Бэгэръ.

Александръ научается у Нектенаба всей „небецкой хитрости“. О Бэгэръ-Меджитѣ тоже рассказываютъ, что онъ пропелъ всё науки и хитрости; осталось одно искусство, которое ему еще предстоитъ изучить—воровство.

Александръ, переодѣтый, идетъ въ городъ Дарія, присутствуетъ на пиру, прячетъ чаши изъ-подъ вина подъ свое платье, убѣгаетъ съ пира невидимо и переходитъ благополучно рѣку по льду; передъ погоней ледъ растаиваетъ. Въ монгольской сказкѣ съ этимъ эпизодомъ можно сопоставить рассказъ о томъ, какъ Бэгэръ-Меджитъ идетъ воровать въ купеческій караванъ, стоящій за рѣкой; онъ тайно подвидываетъ въ товары свои печати, чтобы потомъ предъявить на товаръ свои права; рѣка есть и здѣсь, но она не препятствуетъ Бэгэру; однако вода въ ней прибываетъ; это даетъ поводъ думать, что тутъ былъ рассказъ о рѣкѣ, которая впередъ пропустила похитителя, а на его обратномъ пути разлилась, или что она похитителя пропустила, а передъ погоней разлилась и т. п. Александръ вырѣзываетъ камень самоцвѣтъ изъ рыбы; Бэгэръ-Меджетъ вырѣзываетъ эрдени (драгоценность) изъ трупа, плывущаго по рѣкѣ. Тутъ надо предположить искаженіе; Бэгэръ-Меджитъ пошелъ въ караванъ воровать, но ничего не укралъ; вѣроятно, тутъ былъ рассказъ о похищеніи эрдени, и разливъ рѣки мотивировался желаніемъ воспрепятствовать похищенію или содѣйствовать, но съ измѣненіемъ хода повѣствованія этотъ рассказъ былъ вытѣсненъ.

Дарія убиваютъ два вельможи, Кандрахъ и Арзиваржъ; Бэгэръ-Меджитъ и Шялъ вдвоемъ убиваютъ царя, который завладѣлъ престоломъ отца Бэгэра.

Въ этотъ перечень параллелей попали почти всё тѣмы, которыя В. Ө. Миллеромъ указываются какъ общія для „Александрія“ и былины о „Волхѣ“. Прослѣдимъ теперь статью В. Ө. Миллера.

Волхъ происходитъ отъ связи женщины съ змѣемъ. Этотъ мотивъ можно съ одинаковымъ правомъ выводить и изъ „Александрія“, и изъ сказки о Бэгэръ-Меджитѣ.

Когда родился Волхъ, задрожала сыра-земля, страшна славно царство индѣйское. Рожденіе Александра также сопровождается землетрясеніемъ. Этой подробности въ сказкѣ о Бэгэрѣ нѣтъ, но рожденіе Гэсэра сопровождается знаменіями.

Волхъ поучался премудростямъ. Бэгэръ также.

Слова Волха, которыя онъ говоритъ матери, а именно, что когда ему будетъ 15 лѣтъ, онъ возьметъ палицу, зайдетъ въ пещеры змѣиныхъ и сниметъ змѣю голову,—В. Ө. Миллеръ выдаетъ за отголо-

сокъ сказанія „Александрія“ о томъ, что Александръ убилъ своего отца. Въ сказкѣ о Бѣгѣрѣ, можетъ быть, какъ на отцеубійство можно посмотрѣть на убіеніе Бѣгѣромъ царя-насилъника, захватившаго престолъ его отца. Въ вариантѣ, который я записалъ, этотъ насилъникъ названъ Ухырѣ-Бама-ханѣ, т.-е. Корова-Бама-ханѣ; ему даны тѣ же признаки, какіе имѣлъ отецъ Александра. Правда, это не отецъ Бѣгѣра, а чужой человѣкъ; но мы видѣли изъ предыдущаго обзора сказокъ, что царица-изгнанница иногда идетъ въ изгнаніе по приказанію своего мужа, такъ что и здѣсь можно предположить, что мать Бѣгѣра была изгнана своимъ мужемъ; въ изгнаніи у нея родился сынъ, который мститъ отцу и убиваетъ его.

Въ походеваніяхъ Волха, въ его обертываніяхъ то львомъ, то Науй-птицей, то щукой, по предположенію В. Θ. Миллера, скрывается воспоминаніе о походахъ Александра. Едва ли нужны были эти воспоминанія для появленія въ былинѣ этихъ мотивовъ. Они могли находиться въ той первоначальной сказкѣ, которая послужила основаніемъ „Александрія“. Бѣгѣръ-Меджитъ обращается во львовъ, когда окончательно бросается на Ухырѣ-Бама-хана.

Обращеніе Волха въ птицу Науй напоминаетъ г. Миллеру Александра, поднимающагося на птицѣ-Науй на небо, съ цѣлью извѣдать его, обращеніе въ щуку Александра, опускающагося въ море въ стеклянномъ сосудѣ, чтобы извѣдать глубину морскую. Въ сказкѣ о Бѣгѣрѣ этихъ тѣмъ нѣтъ; но нѣчто сходное можно указать въ повѣсти о Гѣсѣрѣ. Гѣсѣръ въ одномъ эпизодѣ по лѣстницѣ поднимается на небо къ своей небесной матери или бабушкѣ, чтобы похитить у нея эрдени; въ другомъ эпизодѣ онъ спускается въ адъ, чтобы унести оттуда свою мать. Такое сопоставленіе неба и ада напоминаетъ шаманскія мистеріи; для открытія потеряннаго, для возвращенія похищенной изъ тѣла души, шаманъ отправляется искать ее въ аду или просить о помощи у царя неба; поэтому и мистеріи алтайскаго шамана представляютъ или нисхожденіе въ адъ, въ царство Эрлика, или поднятіе на небо, въ царство Ульгена. Бурятскій легендарный шаманъ Бохоли, призванный къ постели больного, отправляется сначала искать похищенную душу больного въ тайгѣ, въ воздухѣ, на днѣ морскомъ, потомъ въ аду и, наконецъ, на небѣ¹⁾.

¹⁾ И. Н. Ждановъ, въ своей книгѣ: „Русск. быт. эпосъ“, по поводу Волха былинны и Волхва новгородскаго преданія припоминаетъ разомъ и библейскаго Симона Волхва, и бурятскаго шамана Бохоли, который поднимался на самое небо, но былъ осужденъ къ вѣчному сказанію на скалѣ. Въ видѣ параллели къ этой тѣмѣ мы ко-

Въ дюрбютской легендѣ, Бурханъ-бакши, чтобы отплатить за благодареніе, оказанное ему главнымъ лицомъ легенды, Аю-бодисатвой, обращается въ коня и, во-первыхъ, отвозить Аю въ адъ, гдѣ Аю выпускаетъ плѣнные души на свободу; далѣе, отправляется на небо и привозитъ оттуда дѣвицу, невѣсту для Аю. Въ санскритской книгѣ „Карандавьюхъ“ сходный мотивъ: богъ Авалокитешвара обращается въ коня Балаха и спускается въ адъ, а также спасаетъ цѣлую компанію купцовъ, которые попали на островъ къ людоедамъ „гули“, пережили на нихъ и были бы съѣдены, еслибы не выручилъ ихъ конь.

Волкъ обертывается туромъ золотые-рога и бѣжитъ въ царство индѣйское провѣдать про царя Салтыка Ставрुльевича или Салтана Бекетовича; его узнаетъ царица и говоритъ мужу: „Волкъ сидитъ на окошечкѣ и выслушиваетъ наши рѣчи царскія“. Въ этомъ эпизодѣ, по мнѣнію г. Миллера, скрывается рассказъ объ Александрѣ, какъ онъ, переодѣтый, ходилъ въ городъ Дарія, а потомъ, въ другой разъ, въ царицѣ Кандакѣ; послѣдняя узнаетъ его. Въ восточныхъ сказкахъ мы находимъ слѣдующія параллели. Бэгэръ, котораго выше мы уже привлекали къ сравненію съ Волкомъ, подслушиваетъ разговоръ въ лагерѣ купцовъ, изъ котораго узнаетъ, что ночью въ рѣкѣ вода поднимется. Въ алтайской сказкѣ, Тэктэбэй-Мергенъ обращается въ ястреба, перелетаетъ черезъ море въ царство Кюнъ-кана, подслушиваетъ разговоръ царя и царицы и изъ него узнаетъ, что въ случаѣ чужеземнаго нашествія они обратятъ свой скотъ въ траву, а сами обратятся въ тощихъ верблюдовъ ¹⁾. Русская былина ближе къ этимъ восточнымъ даннымъ, чѣмъ къ „Александріи“; Волкъ не переодѣвается, какъ Александръ, а обертывается, подобно Тэктэбею; въ „Александріи“ царь и царица разошлись по двумъ отдѣльнымъ эпизодамъ, въ алтайской же сказкѣ они вмѣстѣ, какъ и въ русской былинѣ.

На основаніи этихъ восточныхъ данныхъ мы дѣлаемъ заключеніе, что былина Волкъ явилась не подъ влияніемъ чтенія „Александріи“, а есть непосредственный отголосокъ какого-то другого сюжета, который находится въ ближайшемъ родствѣ съ приведенными восточными образцами, каковы сказка о Бэгэръ-Меджитѣ, сказка о царицѣ, запозорѣнной въ сожителствѣ съ от-

жемъ привести тибетскую легенду объ учителѣ Пахалѣ, который также поднимался къ небу, но былъ остановленъ предостереженіемъ, какъ и Александръ; Арьяв-Дива крикнулъ ему, что онъ долетѣлъ до сансарійнъ-курде, до „колеса міра“, и погибнетъ, если полетитъ выше.

¹⁾ Radloff, Proben, I, 81—59.

шельникомъ, повѣсти объ Аю-бодисатвѣ, о Бурханъ-бакши, обращавшемся въ коня, и объ Авалокитешварѣ, обращавшемся въ коня, Гэсэриада и пр.,—и если у Волха отърывается сходство съ Александромъ, то это потому, что тотъ же сюжетъ былъ заложенъ въ основу и „Александрія“.

Гипотеза г. Миллера заставляетъ русскаго пѣвца или былинно-слагателя извращать данный сюжетъ: Александра переодѣвающегося былинщикъ превратилъ будто бы въ Волха обертывающегося, два эпизода, одинъ о царѣ Даріѣ, другой о Кандакѣ, слилъ въ одинъ и помѣстилъ персидскаго царя съ скиѣской царицей въ одномъ дворцѣ, коня Буцефала (вологлава), на которомъ ѣздитъ Александръ, передѣлавъ въ самого Волха, который, обратившись въ тура золотые-рога, мчится по индѣйскому царству. Но дѣло могло быть гораздо проще. Всѣ эти картины уже даны восточными образцами; достаточно было пересадить ихъ, чтобъ получить содержаніе русской былины, не затрудняя русскаго пѣвца дѣломъ съ одной стороны сокращенія и упрощенія, съ другой—миеологизаціи „Александрія“. Инциденты, сходные съ тѣми, какіе содержатся въ русской былинѣ, въ восточныхъ сказкахъ находятся не разобщенными, или въ комбинаціяхъ, не отвѣчающихъ русской былинѣ, а уже на Востокѣ имѣе дана та же самая связь, которую мы находимъ и на Западѣ. По простотѣ сюжета былина о Волхѣ приближается къ той группѣ, въ которой стоитъ сказаніе о Бурханъ-бакши, принимавшемъ видъ коня для того, чтобы привезти для Аю-бодисатвы невѣсту; Волхъ дѣлаетъ то же: онъ принимаетъ обращенный видъ, чтобы добыть женщину Елену Александровну, царицу Азвяковну. Разница только въ томъ, что Бурханъ-бакши обращается въ коня, Волхъ—въ тура; Бурханъ-бакши доставляетъ дѣвицу для Аю-бодисатвы, а Волхъ добываетъ Елену для себя, и кромѣ того въ былинѣ этотъ привычный сюжетъ надстроенъ разсказомъ о сверхъестественномъ рожденіи и дѣтствѣ богатыря. Это дополненіе вѣроятно было сдѣлано еще на Востокѣ, и сюжетъ въ такомъ видѣ, мы думаемъ, составлялъ легенду о богѣ Авалокитешварѣ или Арья-Бало; богъ подъ видомъ коня или быка на собственной спинѣ доставлялъ невѣсту для себя, а не для другого лица. Мы отождествляемъ Бурхана-бакши съ Авалокитешварой на томъ основаніи, что они оба (одинъ въ дюрбютской легендѣ, другой—въ индѣйской) обращаются въ коня (и оба спускаются въ адъ и приводятъ царя ада въ смущеніе). Бурханъ-бакши приводитъ невѣсту для Аю-бодисатвы ¹⁾; въ первомъ членѣ

¹⁾ Въ монгольской рукописи, купленной мною въ центральной Монголіи въ по-

Аю мы признаемъ первый членъ имени Ою-Чикиту, которое носить въ калмыцкой сказкѣ царевичъ, выдаваемый самой редакціей за воплощеніе Авалокитешвары; отчасти поэтому, отчасти на другихъ основаніяхъ, мы и въ Аю-бодисатвѣ видимъ Авалокитешвару. Изъ этихъ отождествленій вытекаетъ, что подъ видомъ коня совершалъ дѣла богъ Авалокитешвара, и что невеста была добыта для Авалокитешвары, иными словами, Авалокитешвара подъ видомъ коня добываетъ невесту для себя.

Уже въ легендѣ объ Аю-ботисатвѣ богъ, обратившійся въ коня, получилъ служебное значеніе; въ дальнѣйшемъ развитіи эпоса божественное происхожденіе коня забылось, и мы имѣемъ болѣе низкую форму коня, который отъ другихъ отличается только тѣмъ, что онъ вѣщій. Таковъ конь, на которомъ ѣздилъ Гэсэръ; въ его имени „Билигійнъ-геръ“ можетъ быть еще слышно имя коня Балаха, въ котораго обращается Авалокитешвара, а также конь Цзаль-куйрюкъ, на которомъ ѣздилъ богатырь Джиртушлюкъ, у обоихъ, и у Билигійнъ-геря, и у Цзаль-куйрюка, изъ груди выходитъ мечъ. Въ этомъ же родѣ и Буцефалъ (вологлавъ), конь Александра; богъ, обращающійся въ летучаго коня или быка, а также и Волхъ, обернувшійся туромъ—первичные коня Буцефала.

X.

Рядомъ съ этой схемой на Востокѣ возникаетъ другая—о царикѣ, заподозрѣнной въ сожительство съ отшельникомъ; эта другая схема развивается въ повѣстяхъ и о Бэгэрѣ, и о Гэсэрѣ, которыя также, какъ и легенды объ Аю-бодисатвѣ, находятся въ связи съ легендами объ Авалокитешварѣ. Гэсэръ, ѣздящій на конѣ Билигійнъ-геря, вѣроятно, тотъ же Авалокитешвара, обращавшійся въ коня Балаха. Эта повѣсть или, вѣрнѣе, нѣкоторыя данныя, вошедшія въ составъ этихъ повѣстей, представляютъ зародышъ, изъ котораго развилась „Александрія“. Вслѣдствіе того, что былина о Волхѣ имѣетъ отношенія къ сказаніямъ о Бэгэрѣ и Гэсэрѣ, присутствіе въ ней одной детали, о которой сейчасъ скажемъ, можетъ быть объяснено только этимъ отношеніемъ и не вытекаетъ изъ „Александрія“. Вольга, очутившись въ плѣну, трубить три раза, чтобы призвать на выручку свою дружину; эти три трубныхъ звука встрѣчаются также въ Соломоновой сагѣ. Извѣстны отно-

слѣдую повѣдку, въ тожественномъ разсказѣ стоитъ: Ою-бодисатва—вѣсто: Аю-бодисатва.

шенія сказки о Бэгэрѣ (Викрамадитыя) къ этой сагѣ. Въ сказкѣ о Бэгэрѣ (Арджи-борджи) этой тѣмы нѣтъ, но вѣроятно она была, и изъ этой сказки попала въ рассказы о Соломонѣ и въ былинѣ о Вольгѣ. Въ сказкѣ о Бэгэрѣ ея, можетъ быть, потому нѣтъ, что въ ней совсѣмъ нѣтъ эпизода объ увезенной и возвращаемой женѣ, или о добываемой невѣстѣ, а если и есть послѣдняя тѣма, то въ другой особенной редакціи. Но что такой эпизодъ былъ въ ней, на это, можетъ быть, указываетъ одинъ эпизодъ Гэсэриады. У Гэсэра увезена жена; онъ ѣдетъ возвращать ее. Похититель названъ Анъ-Долманъ. Въ кадыцкомъ вариантѣ ему помогаютъ богатыри, т.-е. онъ пріѣзжаетъ во владѣнія Анъ-Долмана съ дружиной. Вотъ этотъ-то эпизодъ и вошелъ вѣроятно въ составъ былинѣ о Вольгѣ; въ этомъ эпизодѣ вѣроятно и стояли три трубныхъ звука. Мы уже имѣли случай сближать этотъ эпизодъ съ турецкой сказкой о Джиртушлюкѣ, который ѣдетъ добывать дѣвицу съ семерыми товарищами; на пути къ ней онъ встрѣчаетъ богатырей, которые удивляютъ или своей силой, или какимъ-нибудь знаніемъ, и онъ набираетъ изъ нихъ дружину. Не эта ли тѣма содержится въ былинѣ о Вольгѣ, который тоже встрѣчаетъ на пути Мигулу Селяниновича, удивляющаго своей силой, и беретъ его въ свою дружину. Можетъ быть, былина забыла объ остальныхъ шести товарищахъ. Вольга ѣдетъ получать свою вотчину; это напоминаетъ Бэгэра, который вмѣстѣ съ Шяломъ ѣдетъ возвращать утраченный во время его дѣтства отцовскій престолъ.

Бэгэръ-Меджитъ ¹⁾ совершаетъ свою поѣзду безъ дружины, только вдвоемъ. Къ такой редакціи ближе былина объ Алешѣ Поповичѣ, другомъ Александрѣ русскаго эпоса. Алеша Поповичъ ѣдетъ противъ Тугарина Змѣевича вдвоемъ съ товарищемъ Екимомъ, или Торопомъ. Тугаринъ Змѣевичъ соответствуетъ царю-насилънику, захватившему отцовскій престолъ Бэгэра или Ухырь-Бама-хану, Корова-Бама-хану варианта ²⁾, который записанъ мною. Алеша соответствуетъ Бэгэру ³⁾, а Екимъ и Торопъ—Шялу. О

¹⁾ Мечтъ—монгольское названіе созвѣздія Плеяды.

²⁾ Ухырь—у нѣкоторыхъ сибирскихъ тюрковъ созвѣздіе Плеяды.

³⁾ Въ русскихъ былинахъ встрѣчается имя царя Бухаря. Потокъ ѣдетъ по порученію Владиміра получать дань съ царя Бухаря. Жена Потока увезена царемъ Бухаремъ; этотъ эпизодъ мы сближали съ рассказомъ Гэсэриады о женѣ Гэсэра, которая увезена хорскими царями; Потокъ соответствуетъ Гэсэру, Бухарь—хорскимъ царямъ. Въ былинѣ о Иванѣ Годиновичѣ жена его увезена царемъ Вахромеемъ. Если Вахромей ведетъ свое начало отъ формъ Бухарь, Бэгэръ (Гэсэръ?) Викрамадитыя, а Годиновичъ—отъ формъ: Хадинъ, Адинъ, Чотонъ, Кидэнь, то въ русской былинѣ имена эти переставлены въ сравненіи съ Гэсэриадой; Годиновичъ стоитъ на мѣстѣ Гэсэра, у котораго увезено Чотономъ его семейство, и вѣроятно была увезена его жена, а Вахромей—на мѣстѣ хорскихъ царей.

Торопѣ сохранилось преданіе, что онъ былъ найденъ въ пещерѣ; Шялъ былъ найденъ въ волчьей норѣ.

Былину о Данилѣ Ловчанинѣ мы признаемъ за конецъ сюжета, начало котораго отнесено въ другую былинну, именно въ былинну о Добрынѣ. Двѣ тѣмы: 1) открытіе существованія красавицы во время охоты и 2) посылка мужа въ опасную поѣздку съ цѣлью погубить его и присвоить его жену, — которыя въ русскомъ эпосѣ раздѣлены въ двѣ отдѣльныя былинны, — въ монгольскомъ фольклорѣ являются соединенными. Елбекъ охотится, видитъ кровь убитаго зайца на снѣгу и изъ разговора, въ которомъ это пятно подало поводъ, узнаетъ о существованіи красавицы; это оказывается его невѣстка, которую онъ по ордынскому обычаю конечно не могъ ранѣе видѣть, такъ какъ невѣстки прячутъ свое лицо отъ свекровь. Мужъ невѣстки называется Дегуренгъ; Елбекъ велитъ убить его и присвоиваетъ его жену. Отраженіе первой половины этого разсказа мы видимъ въ былинѣ о Добрынѣ и Маринкѣ; Добрыня соотвѣтствуетъ Елбеку, Маринка — невѣстѣ, а Тугаринъ — Дегуренгу.

Та же подробность о зайцѣ находится и въ сказаніи о Чингисѣ, но красавица не оказывается его невѣсткой; она — чужая жена; разсказъ кончается также умерщвленіемъ мужа и присвоеніемъ женщины; въ бурятской устной редакціи эта женщина названа дочерью моря, а бурятскія сказки морского царя называютъ: Лобсанъ. Въ бурятской Гэсэриадѣ также есть дочь Лобсана, которая живетъ вмѣстѣ съ своимъ отцомъ въ морѣ. Гэсэръ встрѣчаетъ ее въ видѣ поляницы, гонится за нею, и она дѣлается его женою. Не было ли такихъ вариантовъ, въ которыхъ имя Лобсана приурочивалось не къ отцу красавицы, а къ ея мужу?

XI.

Василій Буслаевъ недавно подвергся тщательному изслѣдованію со стороны профессора И. Н. Жданова. Сближеніями съ западными образцами г. Ждановъ показалъ, что въ Буслаевѣ скрывается демоническій персонажъ въ родѣ Роберта-Дьявола, который послѣ бурной жизни приходитъ наконецъ къ покаянію. Въ заключеніи своей статьи И. Н. Ждановъ указываетъ на элементы этого сюжета на Востокѣ, склоняется въ пользу восточныхъ источниковъ его, но только путь, которымъ эта тѣма пришла въ Европу, онъ не рѣшается опредѣлить; хотя параллели съ западными образцами довольно ярки и хотя г. Ждановъ допускаетъ возможность

кругаго пути черезъ южную и западную Европу въ новгородскую область, но высказываетъ это мнѣніе съ осторожностью. На Востоѣ эта тема—душевный переворотъ—не разъ встрѣчается въ видѣ исторіи о свирѣпомъ царѣ, который послѣ нѣкотораго періода (32 года) нечестивой, буйной жизни превращается въ миролюбиваго правителя. Самая детальная обработка этой темы содержится въ легендѣ о Буддѣ, или царевичѣ Сиддартѣ, который послѣ дворцовой жизни, полной удовольствій, обращается къ отшельнической жизни.

Есть данныя въ пользу прямого пути, по которому могли проходить новгородскія былинные темы изъ Средней Азіи въ новгородскую область. Содержаніе былины о Буслаевѣ находится въ связи съ ордынскимъ культовымъ эпосомъ. Въ этомъ персонажѣ, въ особенности если мы отождествимъ его съ Баль-Дорджи, убійцей насильника Ландармы, и съ героемъ XXIII главы „Шиддикура“, намъ кажется, можно усмотрѣть болѣе яркія черты демонической природы въ родѣ Роберта-Дьявола, чѣмъ въ томъ, на который обратилъ вниманіе И. Н. Ждановъ. Сказки о Балынъ-Сенге—это исторія первой половины жизни персонажа; легенда о Баль-Дорджи—второй. Подъ именемъ Балынъ-Сенге, онъ издѣвается надъ изображениями боговъ и надъ духовными лицами, попадаетъ въ женскіе монастыри и развращаетъ монахинь; подъ именемъ Баль-Дорджи, онъ убиваетъ, по нашей догадкѣ, своего отца и уходитъ въ пещеру, по нашей опять догадкѣ, для покаянія. Въ Балынъ-Сенге, какъ ужъ было сказано, и монголы, и тибетцы видятъ воплощеніе бога Арья-Бало. Эти отношенія сводятъ нашу былину къ центральному лицу культа древней Монголіи.

Оттуда же, намъ кажется, пришла тема и о пахарѣ Микулѣ Селяниновичѣ. А. Н. Веселовскій сближалъ его съ Гугономъ, константинопольскимъ царемъ, котораго застаютъ за пахотой Карлъ Великій, отправившійся на покаяніе въ Іерусалимъ. При этомъ ученый фольклористъ припомнилъ обрядъ оранья, совершаемый китайскимъ императоромъ. Мнѣ кажется, что можно указать на источникъ, съ точки зрѣнія предлагаемой гипотезы, болѣе непосредственный; этотъ обрядъ мы находимъ въ легендарной біографіи Будды; хожденіе за плугомъ приписывается его отцу Суддоданѣ. Однажды Суддодана отправился праздновать посѣвъ хлѣбовъ. Всѣ городскіе жители вышли одѣтые по праздничному. 1.000 плуговъ было готово; 799 плуговъ были запряжены быками и украшены серебромъ. Плугъ, которымъ долженъ былъ править самъ царь, былъ украшенъ золотомъ и драгоценными камнями; тужи и шиньки были позолочены (H. Kern, Der Buddhismus und seine Ge-

schichte in Indien, übers. H. Jacobi. Leipzig. 1882, I. B., I Th. S. 39).

Къ тому же Константинополю приурочена легенда объ императорѣ Константиѣ. Императоръ получилъ указаніе построить городъ тамъ, гдѣ встрѣтитъ добро въ борьбѣ со зломъ; онъ ѣдетъ и волочить за собою жезлъ; встрѣтивъ терновый кустъ и змѣю—змѣя кусаетъ тернь, а тернь колетъ ее—онъ догадывается, что нашель цѣль своей поѣздки, а осмотрѣвшись, увидѣлъ, что путь, сдѣланный имъ (или, по другому варианту, отмѣченный волочившимся жезломъ), сдѣлалъ кругъ; этой линіей были даны размѣры будущаго города ¹⁾. Картина напоминаетъ паханье; не было ли варианта, въ которомъ намѣчаніе внѣшнихъ предѣловъ будущаго города совершалось обходомъ круга съ плугомъ? Хотя въ сюжетахъ о Суддоданѣ и о Миеулѣ не говорится о круговомъ хожденіи, но оно сохранилось въ народныхъ обрядахъ: припомнимъ наши круговыя опахиванія деревень во время повѣтрій.

Легенда о Буддѣ складывалась, повидимому, изъ народныхъ сказочныхъ темъ; напримѣръ, въ ней можно указать на состязаніе жениховъ, сбѣжавшихся свататься, или на тему о продолжительной отлучкѣ въ родѣ нашей былины о Добрынѣ. Не входили ли въ составъ легенды также и темы изъ звѣзднаго эпоса?

Плугъ не безызвѣстенъ звѣздному эпосу; онъ встрѣчается какъ имя созвѣздія. Гастонъ Пари указалъ на отношенія къ Большой Медвѣдицѣ сказки о Petit Poucét; онъ сближаетъ героя сказки, Petit Poucét, съ одной изъ звѣздъ созвѣздія, которая называется Pôcè; созвѣздіе представляется колесницей или телѣгой о четырехъ колесахъ, запряженной тремя лошадьми; звѣзда Pôcè—возница или кучерь. Если же, вмѣстѣ съ Гастономъ Пари, перенести на созвѣздіе сказку о Petit Poucét, то подъ созвѣздіемъ придется подразумѣвать плугъ. Въ большинствѣ вариантовъ, Petit Poucét приходитъ къ пашущему отцу и проситъ позволить ему попахать, помѣгается въ ухѣ быка и руководитъ паханьемъ (Mémoires de la Société de linguistique de Paris, T. I, fascicule 4, Paris, 1871. Статья Gaston Paris, Le Petit Poucét, p. 372—395). Слѣдовательно, съ Большой Медвѣдицей соединена тема о пахотѣ. Но она же необходимо должна была вызвать представленіе о круговомъ движеніи. На Будду были перенесены представленія о Чакравартинѣ, „вращателѣ чакры“, т.-е. міроправителѣ,—представленія, которыя, повидимому, были приложены и къ Чингисъ-

¹⁾ Ср. съ легендой о построеніи города Хотана въ восточномъ Туркестанѣ: внѣшнія границы города намѣчаются человѣкомъ, обходящимъ кругъ и льющимъ воду изъ тигана.

хану, такъ какъ, во-первыхъ, въ преданіяхъ онъ описывается какъ обладатель чудесной мутовки, во-вторыхъ, такъ какъ имя Чингисъ, по толкованію легендъ о немъ, означаетъ будто бы: „единственный ханъ въ мірѣ“.

ХП.

Разбирая въ одной изъ моихъ статей монгольскія сказки о дѣвѣ моря, я указалъ на тѣмы, попавшія изъ этихъ сказокъ въ былину о Садеѣ. Былина изображаетъ одинъ только эпизодъ изъ этой сказки; сказка состоитъ изъ двухъ частей; первая содержитъ рассказъ о дѣвѣ моря или дочери морского царя, которая въ обращенномъ видѣ гуляетъ въ мірѣ (въ видѣ рыбы, лягушки и пр.); герой сказки выручаетъ ее изъ бѣды, даетъ ей свободу. Во второй половинѣ морской царь награждаетъ его за это; онъ выдаетъ за него эту же самую дочь. Былина знаетъ только эту вторую половину; она рассказываетъ только о томъ, какъ герой сказки получаетъ отъ морского царя невѣсту. Въ одномъ вариантѣ герой сказки—музыкантъ; онъ играетъ на берегу моря; его игру услышали на днѣ морскомъ; на берегъ выходитъ посолъ морского царя и зоветъ его къ царю. Царь даетъ ему дочь и подарки, которые дѣлаютъ его богатымъ.

Сказки о дочери морского царя есть и русскія, какъ, напр., сказка о Данилѣ Безсчастномъ, и потому былина о Садеѣ могла сложиться и изъ русскихъ элементовъ. Имя Садеи могло бы помочь въ болѣе точномъ опредѣленіи происхожденія былины, еслибъ оно отыскалось въ какомъ-нибудь другомъ чужестранномъ фольклорѣ. А. Н. Веселовскій нашелъ въ одномъ старомъ французскомъ романѣ тѣму о брошенномъ въ воду; брошень былъ Садокъ, но онъ спасся на островѣ. Между тѣмъ жена его, оставшаяся отъ него беременною, родила мальчика при дворѣ короля Танора, одного изъ ея любовниковъ. Мальчикъ воспитывался у короля, какъ его сынъ; позднѣе онъ является подъ именемъ Аполлона. Сонъ, видѣнный Таноромъ, напророчилъ ему, что онъ умретъ отъ руки того мальчика; король велитъ забросить его въ лѣсъ, но его нашла какая-то женщина и воспитала. Впослѣдствіи Аполлонъ встрѣчаетъ своего отца Садока и убиваетъ его, а потомъ убиваетъ и Танора и женится на своей, непризнанной имъ, матери.

Г. Веселовскій предполагаетъ, что и романъ, и былина независимо другъ отъ друга восходятъ къ одному источнику, повѣсти или легендѣ, въ которыхъ имя Садокъ уже находилось. Имя Садокъ г. Веселовскій принимаетъ за еврейское и думаетъ, что это

указываетъ на литературную сферу, черезъ которую сюжетъ зашелъ въ былинну.

Мы предложимъ свою догадку. Тѣму о кровосмѣсителѣ, которая приурочена въ имени Садока во французскомъ романѣ, мы подозрѣваемъ въ сказкѣ сибирскихъ тюрковъ объ Идыгѣ. Какъ многіе другіе кровосмѣсители, Идыгѣ былъ ребенкомъ брошенъ въ степи; онъ найденъ пастухомъ, выращенъ, поступаетъ на службу къ царю Тохтамышу; царь хочетъ убить Идыгѣ, но ссора кончается тѣмъ, что самъ Тохтамышъ убитъ. Въ нѣкоторыхъ вариантахъ брошенный въ степи младенецъ найденъ самимъ отцомъ; въ одномъ вариантѣ его нашелъ царь Тохтамышъ. Изъ обобщенія этихъ послѣднихъ вариантовъ получается заключеніе, что Тохтамышъ, погибшій въ ссорѣ съ Идыгеемъ, былъ отецъ Идыгея. Послѣ смерти Тохтамыша Идыгѣ женится на его дочери; тутъ дочь явилась, мы думаемъ, на мѣстѣ жены.

Имя Идыгѣ въ тюркскихъ сказкахъ не представляетъ варіацій; но есть сходное имя Идыганъ; такъ называется на нѣкоторыхъ тюркскихъ нарѣчіяхъ созвѣздіе Большая Медвѣдица; имя это иногда произносится Джидыганъ. Въ монгольскомъ языкѣ отъ словъ съ такимъ окончаніемъ дѣлаются усвѣченные формы: наприм., отъ булыганъ, тарбаганъ, получаются будыгъ, тарбыгъ. Отъ Джедыганъ возможна форма джедыгъ; такая форма и въ самомъ дѣлѣ встрѣчается въ числѣ именъ киргизскихъ поколѣній; есть поколѣніе Джадыгъ. Въ кругу этихъ измѣненій вращаются и тѣ, которыя претерпѣваютъ былинное имя: Садкъ, Садкѣ. Въ монгольскихъ сказкахъ о морской дѣвѣ такого имени нѣтъ, но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, хотя и не на соответственномъ мѣстѣ, есть имя Шацгайханъ, т.-е. Сорока-царь. Мы предполагаемъ, что тутъ скрывается тюркское Джедыгѣ, осмысленное монгольскимъ языкомъ и искаженное.

Мы пересмотрѣли значительную часть былиннаго эпоса. Раньше мы сказали, что для установленія факта непосредственнаго заимствованія сюжетовъ необходимо указать: 1) на сходныя тѣмы со сходными при нихъ собственными именами; 2) на сходныя комбинаціи инцидентовъ; 3) на генетическую связь сюжета съ остальнымъ мѣстнымъ эпосомъ и съ мѣстнымъ культамъ или обрядностью. Кроме того, необходимо также въ историческихъ фактахъ найти оправданіе гипотезѣ, указать на возможность передачи сюжетовъ въ извѣстномъ географическомъ направленіи. Посмотримъ, насколько наше изложеніе удовлетворяетъ этимъ требованіямъ. Относительно послѣдняго пункта мы достаточно выска-

зались выше: массовое переселеніе племень изъ Азіи должно было непременно внести въ обиходъ европейскихъ народностей какой-нибудь вкладъ, и если этому событію до сей поры такъ мало приписывалось значенія въ исторіи расселенія сюжетовъ, то потому, что внесенный имъ вкладъ замаскированъ наслоеніями другого происхожденія и что главное вниманіе науки было обращено на Западъ, который завѣщалъ потомству многочисленныя письменныя памятники, тогда какъ вочевники, передвигавшіяся по юго-восточной Европѣ, подобныхъ слѣдовъ своей жизни (т.-е. въ видѣ письменныхъ памятниковъ) не оставили.

Только одинъ изъ приведенныхъ выше запросовъ гипотеза ордынскаго происхожденія русскаго эпоса не можетъ удовлетворить: она не можетъ указать на сходныя имена. Но вѣдь и другія гипотезы не могутъ похвалиться преимуществомъ въ этомъ отношеніи, кромѣ развѣ тѣхъ, которыя настаиваютъ на мѣстномъ національномъ происхожденіи русскаго эпоса. Дѣйствительно ордынскія имена въ нашемъ эпосѣ даются только противникамъ Руси, русскіе же богатыри носятъ русскія имена. Остальнымъ выставленнымъ выше требованіямъ гипотеза отвѣчаетъ въ большей или меньшей мѣрѣ. Какъ на болѣе ясный примѣръ соединенія тѣмъ въ одинаковыхъ комбинаціяхъ, какъ въ русскомъ эпосѣ, такъ и въ ордынскомъ, можно указать на былинну о Добрынѣ, въ которому приурочены два инцидента: 1) продолжительная отлучка и принужденіе жены выходить замужъ, и 2) обращеніе его въ животное. Еслибы эти инциденты встрѣтились въ монгольскомъ эпосѣ отдѣльно, это бы не указывало еще на близкую преемственность, но они и въ монгольскомъ эпосѣ приурочены къ одному и тому же лицу, — къ Гэсэру. Это уже значительно склоняетъ вѣсы въ пользу предположенія о родствѣ обоихъ эпосовъ. Но кромѣ этихъ тѣмъ, есть еще третья, о разливѣ рѣки, которая въ „Гэсэриадѣ“ не находится, но которая — есть основаніе такъ думать — вытѣснена изъ „Гэсэриады“ другимъ эквивалентнымъ эпизодомъ. Тѣ же три тѣмы находятся и въ гомеровскомъ эпосѣ: отлучка героя изъ дома и обращеніе въ животное въ „Одиссеѣ“, разливъ въ Илиадѣ; изъ нихъ первыя двѣ приурочены къ одному и тому же лицу, Одиссею, какъ въ русской былинѣ — къ Добрынѣ — и въ монгольской повѣсти — къ Гэсэру. Неужели такое сближеніе трехъ тѣмъ въ трехъ эпосахъ — случайность? Было бы чрезвычайно странно, повторимъ наши слова, сказанныя въ другомъ мѣстѣ, еслибы, при соединеніи при одномъ лицѣ этихъ трехъ тѣмъ въ двухъ эпосахъ, греческомъ и монгольскомъ, въ третьемъ, промежуточномъ въ географическомъ отношеніи, русскомъ, такое соединеніе произошло

независимо, не въ связи съ этими эпосами, а отъ самостоятельной причины, въ родѣ того, какъ иногда объясняетъ господствующая гипотеза, что въ жизни Добрыни совпали—и нужно сказать удивительно счастливо совпали—три случая, сходные съ этими тѣмами.

Не такъ ясно стоитъ дѣло съ Ильей Муромцемъ, съ которыми связаны двѣ тѣмы: бой отца съ сыномъ и богатырь въ темницѣ. Въ восточномъ фольклорѣ на первую тѣму мы встрѣчаемъ только намеки; именно, мы можемъ указать четыре случая, гдѣ мы подозрѣваемъ эти намеки: 1) въ монгольскомъ сказаніи о Чингисъ-ханѣ и его сынѣ (который, мы думаемъ, назывался Урусъ); 2) въ тангутскомъ сказаніи о Тамджинъ-ханѣ; 3) въ дюрбютской былинѣ объ Иринъ-Сайнѣ, и 4) въ тибетской легендѣ о Сронцзанѣ и Гари, Ландармѣ и Балъ-Дорджи.

Мы уже указывали на сказаніе о Чингисъ-ханѣ собственно на тѣму о персонажѣ, унесшемъ знамя или мутовку Чингисъ-хана; въ одномъ вариантѣ это—сынъ Чингисъ-хана. Во всѣхъ вариантахъ персонажъ уходитъ на западъ, иногда въ Русь; иногда онъ становится русскимъ царемъ или царицей, что по-монгольски будетъ Урусъ-ханъ. По нашему мнѣнію, Урусъ было архангелское ордынское имя, которое придавалось въ легендахъ сыну Чингисъ-хана (а можетъ быть и ему самому), и только позднѣе оно обратилось въ эпитетъ Урусъ, т.-е. „русскій“, и стало соединяться съ понятіемъ о русскомъ народѣ. Съ этимъ же персонажемъ мы сближаемъ Шуно, который убилъ тигра,—подвигъ, напоминающій „русскаго охотника“ въ другомъ преданіи, убившаго трехсаженнаго волка, и который, подобно другимъ, указаннымъ выше персонажамъ, также ушелъ въ Русь.

О сынѣ Чингисъ-хана, унесшемъ мутовку, говорится, что онъ раздѣлялъ ложе съ своей матерью и за это былъ изгнанъ. Въ западныхъ легендахъ кровосмѣситель убиваетъ отца, а мать его иногда бросается въ воду и тонетъ; кромѣ того сюжетъ осложняется ослѣпленіемъ и оскотленіемъ. Ослѣпленія въ преданіяхъ о Чингисѣ нѣтъ, но мы находимъ въ нихъ остальные тѣмы. Чингисъ убиваетъ царя Шудургу, беретъ за себя его жену; она оскотляетъ Чингисъ-хана и сама бросается въ рѣку. Изъ этихъ данныхъ мы строимъ догадку, что къ Чингисъ-хану былъ прикрѣпленъ полный сюжетъ о кровосмѣситель; Чингисъ-ханъ былъ сынъ царя Шудургу; онъ убиваетъ его и женится на его женѣ, т.-е. своей матери; мать признаетъ своего сына, оскотляетъ его, а сама бросается въ рѣку. Иногда рассказъ о кровосмѣситель начинается тѣмъ, что мать его, когда онъ былъ еще ребенкомъ,

опускаетъ его въ воду, и онъ вырастаетъ на чужбинѣ, не зная о матери; о Чингисѣ также есть легенды, начинающіяся рассказомъ о немъ, какъ о ребенкѣ, брошенномъ въ степи; въ олетскихъ вариантахъ этого рассказа, вмѣсто Чингиса стоитъ имя Цорось или Чорось, можетъ быть тоже Урусъ, только съ приставкой инициала.

Признавая преданіе о Чингисѣ за легенду о кровосмѣсителѣ, мы въ убіеніи царя Шудургу видимъ тѣму о боѣ сына съ отцомъ. Этотъ инцидентъ могъ имѣть другой видъ, видъ поединка въ полѣ между отцомъ и сыномъ, т.-е. тотъ видъ, какой этотъ инцидентъ имѣетъ въ русской сказкѣ объ Урусланѣ. За отголосокъ тѣмъ о кровосмѣсителѣ можетъ быть принято тангутскій рассказъ о Тамджинь-ханѣ; ханъ этотъ за что-то убилъ своего брата, надѣлъ на себя оковы, заперся въ юртѣ и просидѣлъ въ этой добровольной темницѣ три года. Мы догадываемся, что онъ убилъ не брата, а отца, и заточеніе имѣло смыслъ покаянія въ отцеубійствѣ, и что имя Тамджинь есть не что иное, какъ Темучинь, другое имя Чингиса. Если эта легенда тангутская, то, вѣроятно, она зашла въ тангутамъ изъ Монголіи.

Въ дюрбютской былинѣ объ Иринь-Сайнѣ мы находимъ — объ этомъ было уже говорено выше — два раза тѣму: боѣ родственниковъ въ полѣ; во-первыхъ, Иринь-Сайнъ встрѣчаетъ племянника, не узнаетъ его и напускается на него; во-вторыхъ, онъ вступаетъ въ поединокъ съ своимъ братомъ Арсланомъ; Арсланъ стоитъ на границѣ царства, въ которое Иринь-Сайнъ ѣдетъ за невѣстой, и сторожитъ это царство. Мы уже говорили, что онъ соответствуетъ колдунѣ, сторожащей царство Шудургу, въ которое ѣдетъ Чингисъ-ханъ за женщиной, самъ же Иринь-Сайнъ стоитъ на мѣстѣ стрѣла, ханскаго помощника, т.-е. на мѣстѣ Хасара, Шуно и др. Дюрбютская былина и монгольское сказаніе о Чингисъ-ханѣ, это — двѣ различныя обработки одного и того же сюжета — поѣздки за женщиной; только въ дюрбютской былинѣ богатырь ѣдетъ за женщиной для самого себя, въ монгольскомъ же сказаніи — богатырь (Хасаръ и другіе, вѣроятно также и Шуно) является пособникомъ въ приобрѣтеніи женщины для царя.

Въ тибетскомъ преданіи о Сронцзанѣ и Гари, т.-е. въ ласскомъ преданіи о построеніи главнаго храма въ Лассѣ, Гари привозитъ невѣсту для царя Сронцзана, но заподозрѣвъ въ томъ, что хотѣлъ удержать дѣвицу — по одному варианту для своего сына, по другому — для самого себя. Онъ ослѣпленъ и изгнанъ изъ отечества. Царь хочетъ построить зданіе для помѣщенія невѣсты или сватыни, ею привезенной, но не можетъ; секретъ, какъ до-

вести постройку до конца, знаетъ только сосланный Гари. Секретъ хитростью вывѣданъ, постройка исполнена, но при этомъ обиженъ быкъ, который доставлялъ матеріалъ для постройки. Черезъ нѣсколько поколѣній послѣ Сронцзана быкъ возрождается въ видѣ царя Ландармы и мститъ народу; Балъ-Дорчжи убиваетъ насильника. Въ нѣкоторыхъ изъ своихъ статей мы сближали эту ласскую легенду съ египетскимъ романомъ о Битью, съ одной главой изъ монгольскаго сборника сказокъ „Шиддигуръ“, и съ монгольской сказкой о хитромъ человѣкѣ Балынъ-Сенге, и эти сближенія привели насъ къ предположенію, что въ ласской легендѣ мы имѣемъ распаденіе двухъ персонажей на четыре; въ другой редакціи (была ли она первоначальная, или представляетъ позднѣйшую переработку—мало нужды), мы думаемъ, было только два персонажа, и это были, какъ въ египетскомъ романѣ, два брата, или, можетъ быть, отецъ и сынъ. Позднѣе въ легендѣ—являющагося Ландарму мы признаемъ за Сронцзана, а въ Балъ-Дорчжи видимъ Гари; мы строимъ такую гадательную редакцію: Гари, братъ царя Сронцзана, привозитъ для царя невѣсту, заподозрѣвъ, подобно Битью, въ связи съ нею, ослѣпленъ и сосланъ. Эпизодъ о погонѣ Анепу за братомъ Битью исчезъ въ ласской легендѣ, но отголосокъ внезапнаго появленія рѣки, раздѣлившей братьевъ, сохранился въ видѣ рассказа о разливѣ озера послѣ того, какъ Гари выдалъ тайну постройки храма; смыслъ разлива здѣсь другой, но въ одномъ изъ монгольскихъ вариантовъ легенды о привозѣ святыни разливъ является почти въ томъ же значеніи, т.-е. какъ препятствіе, явившееся во время бѣгства и погони за бѣглецомъ; Абатай убѣгаетъ съ похищенной святыней, и изъ отверстія разливается вода и образуетъ море, препятствующее ему ѣхать далѣе. Продолжаемъ конструировать свою редакцію: несправедливо заподозрѣнный Гари возрождается въ видѣ быка—царя Ландармы и мститъ за несправедливость; это отголосокъ обращенія Битью въ быка аписа. Битью принимаетъ этотъ видъ, чтобы отмстить своей измѣнницѣ-женѣ. Различіе въ томъ, что въ ласской легендѣ живымъ онгономъ является женщина, а въ египетскомъ романѣ быкъ—мститель.

При такомъ толкованіи ласской легенды, она является сюжетомъ о враждѣ двухъ братьевъ. Сронцзанъ подвергается гоненію своего брата; обиженный братъ подъ видомъ Балъ-Дорчжи мститъ обидчику, который здѣсь носитъ уже другое имя—Ландармы. Только одного, двухъ штриховъ недостаетъ, чтобы обратить легенду въ сюжетъ о кровосмѣшеніи; примемъ царское подозрѣніе за справедливое и признаемъ въ соперникахъ не братьевъ, а отца и

сына, и мы получимъ такую схему: Гари-сынъ вступаетъ въ связь съ женой своего отца, за это ослѣпленъ и изгнанъ—сюжетъ, который отчасти находится въ сказаніи о сынѣ Чингисъ-хана; но онъ мститъ отцу, убиваетъ его,—что въ сказаніи о Чингисѣ соответствуетъ разсказу объ убіеніи Шудургу; встать припомнимъ, что тибетскій Сронцзанъ въ монгольскихъ книжныхъ памятникахъ называется Шудургу. Въ ласской легендѣ эпизоды легенды о кровосмѣсителѣ хронологически переставлены; въ монгольской—сначала убіеніе предполагаемаго нами отца, потомъ кровосмѣшеніе; въ ласской—напередъ кровосмѣшеніе, потомъ убіеніе отца.

Если мы тангутскую легенду о Тамджинъ-ханѣ примемъ не за самостоятельный сюжетъ, а за окончаніе сказанія о Чингисѣ, то мы будемъ имѣть три версіи сюжета о враждѣ двухъ родныхъ персонажей (брата съ братомъ или отца съ сыномъ): 1) сказаніе о Чингисѣ и его сынѣ; 2) эпизодъ объ Иринъ-Сайнѣ и Арсланѣ, и 3) легенду о Сронцзанѣ и Гари. Во всѣхъ трехъ версіяхъ мы усматриваемъ намеки на тѣму о враждебныхъ отношеніяхъ отца къ сыну. Въ сказаніи о Чингисѣ и его отголоскахъ или отрывкахъ эта вражда выражалась выстрѣломъ, который сынъ дѣлаетъ по отцу; такъ Шуно, обиженный тѣмъ, что отецъ повѣрилъ клеветѣ, будто онъ насилуетъ чужихъ женъ и дочерей, уходя изъ отечества, пускаетъ стрѣлу въ порогъ отца; въ тибетской легендѣ также дѣйствіе состоитъ въ выстрѣлѣ изъ лука. Въ дюрбютской же былинѣ Иринъ-Сайнъ вступаетъ въ продолжительный поединокъ съ Арсланомъ, что болѣе походить на ту редакцію, въ которой этотъ инцидентъ явился въ „Рустеміадѣ“ и въ сказкѣ объ Урусланѣ.

Другая тѣма—заточеніе богатыря въ темницѣ—также, какъ мы уже и видѣли, встрѣчается въ составѣ разобранныхъ сейчасъ сказаній; именно, мы находимъ ее, во-первыхъ, въ преданіи о Шуно, который былъ оклеветанъ и опущенъ въ темную яму и потомъ освобожденъ, когда царь очутился въ затруднительномъ положеніи; во-вторыхъ, Гари, подобно Шуно, оклеветанъ и сосланъ въ ссылку, которая здѣсь замѣнила темницу. Подобно тому, какъ въ русскомъ былинномъ эпосѣ къ одному и тому же лицу, къ Ильѣ Муромцу, привязаны двѣ тѣмы: бой отца съ сыномъ и заточеніе въ тюрьму, такъ и на Востокаѣ—съ Шуно соединена тѣма о враждѣ къ отцу (можетъ быть о поединкѣ съ отцомъ) и о заточеніи въ яму, съ Гари—о враждѣ и мести къ своему противнику, по нашей догадкѣ къ отцу, и ссылка, замѣняющая здѣсь темницу.

Общій выводъ изъ этихъ сопоставленій будетъ такой. На Востокаѣ въ ордѣ жила тѣма о враждебномъ отношеніи братьевъ или

отца къ сыну; это была легенда о кровосмѣсителѣ, который, самъ того не зная, убиваетъ своего отца и женится на матери. Иногда за кровосмѣсителя выдавался сынъ Чингиса, который, можетъ быть, носилъ имя Урусъ (или Цоросъ); иногда самъ Чингисъ былъ кровосмѣсителемъ. Въ тибетскомъ фольклорѣ это былъ Баль-Дорчжи; онъ убилъ Ландарму, въ которомъ мы расположены видѣть отца убійцы. Убійца Чангисъ (Тамджинъ, или Темучинъ) кается въ своемъ преступленіи и замыкается въ темной юртѣ; Баль-Дорчжи, совершивъ убійство, убѣгаетъ въ темную пещеру и принимаетъ неподвижное положеніе, т.-е. принимаетъ покаянную позу. Едва ли эти легенды не представляютъ отголоски арийской тѣмы объ Индрѣ, убившемъ Вритру и скрывшемся для совершенія покаянія. Рассказъ о заточеніи въ скутанной темной юртѣ монголы относить къ одному гегену, именно Нойонъ-хутухѣ, который въ другихъ легендахъ замѣняется Ундурь-гегеномъ. Можетъ быть, въ имени Ундурь сохраняется намекъ на самое имя Индры.

Ту же тѣму мы видимъ и въ эпизодѣ объ Иринъ-Сайнѣ и Арсланѣ. Тюркомонгольскій Иринъ-Сайнъ явился въ тибетскомъ фольклорѣ подѣ видомъ Сронцзана, но занялъ другое мѣсто. Эти легенды были ордою занесены въ южную Россію, и слѣды ихъ мы находимъ теперь въ русскомъ фольклорѣ. Поединокъ въ полѣ между Иринъ-Сайномъ и Арсланомъ мы находимъ въ русской сказкѣ объ Урусланѣ.

Другой видъ враждебнаго дѣйствія, выстрѣлъ (связанный съ именами Шуно, Баль-Дорчжи), мы видимъ въ былинѣ объ Ильѣ Муромцѣ, который убиваетъ насильника Идолице, а также Соловья; можетъ быть, его слѣдуетъ видѣть также и въ Егоріѣ Храбромъ, убивающемъ своего отца царя Дадьяна.

Въ ордѣ была уже комбинація тѣмъ, совпадающая съ русской сказкой объ Урусланѣ, и съ выселеніемъ прежнихъ насельниковъ Монголіи (можетъ быть тюрковъ или уйгуровъ) эта комбинація была унесена въ южную Россію и передана намъ въ видѣ сказки объ Урусланѣ; въ Монголіи же тѣ же тѣмы остались въ другихъ комбинаціяхъ. Такъ, мы поединокъ въ полѣ встрѣчаемъ въ былинѣ объ Иринъ-Сайнѣ, ратное поле съ погибшимъ богатыремъ—въ бурятской сказкѣ о Гужирѣ и т. п. Сказка о Гужирѣ представляетъ параллели частью къ нашему Егорію, частью къ монгольскому Гэсеру. Объ отношеніи же „Гэсеріады“ къ сказаніямъ о Чингисѣ уже указывалось нами выше; въ наѣздѣ ширайгольскихъ царей на вотчину Гэсера мы видимъ повгореніе тѣмы, которая содержится въ рассказѣ о наѣздѣ Чингисъ-хана на городъ царя Шудургу. Стрѣльбу Хасару соотвѣтствуетъ заточенный въ

железный домъ Кала-Мэмбырь; значеніе боя отца съ сыномъ, можетъ быть, придавалось поединку Кала-Мэмбыра съ „железнымъ“ Асыномъ. Не стоялъ ли въ нѣкоторыхъ вариантахъ на мѣстѣ Кала-Мэмбыра самъ Гэсэрь? Мы подозрѣваемъ это.

Хасарь монгольскаго сказанія о Чингисѣ, Гужирь бурятской сказки, Гэсэрь-ханъ монгольской повѣсти—все это какъ будто одно и то же имя; къ этимъ именамъ намъ хочется прибавить и волжскаго Хазарь-хагана. Въ сказкѣ объ Урусланѣ эта форма, можетъ быть, слышится во второмъ членѣ имени Урусланова отца—Заль-азарь, которое можетъ быть расчленено на Заль и Аварь. Связь сказки объ Урусланѣ съ этой формой, можетъ быть, указываетъ, что эта сказка принадлежала къ кругу сказаній о первомъ хазарь-хаганѣ, что она принесена въ южную Россію хазарами или ихъ предшественниками. Разсказъ Ибнъ-Фюадана о народѣ Русь, который будто бы онъ встрѣтилъ въ Болгарахъ, едва ли относится къ славянской Руси; это, можетъ быть, какіе-нибудь неарійцы, входившіе въ составъ хазарскаго царства; сказка объ Урусланѣ могла быть сказаніемъ объ эпонимѣ этого народа.

Мы подозрѣваемъ также, что имя Уйгуръ синонимизировало съ Хазаромъ. Уйгуръ производилось иногда: югуръ, егуръ (и теперь еще есть тюркское племя въ сѣверномъ Тибетѣ шира-егуръ и хара-егуръ, желтые и черные егуры); такое же производеніе этого слова слышится въ Европѣ въ именахъ племенъ сарагуры, саба-ногуры, кутургуры, которые явились на мѣстѣ гуннскаго царства—тогдашья послѣ его паденія, какъ будто гуннское государство состояло изъ этихъ племенъ. Если изъ тѣхъ же егуровъ состояло и хазарское царство, то нашъ Егорій можетъ быть также принятъ за эпонимъ хазарскаго народа, такъ какъ тѣмы былины и другихъ легендъ объ Егоріѣ мы уже сближали съ „Гэсэриадой“.

Число параллелей, представляемое ордынскимъ фольклоромъ, если не достигаетъ желаемой полноты и уступаетъ тому, что дала западная эзегеза эпоса, то не нужно забывать, что для западныхъ литературъ сдѣлано много, а для ордынскаго эпоса—почти ничего. Для Запада имѣются многочисленные сборники сказокъ, издано много старинныхъ повѣстей, поэмъ и балладъ; кромѣ того все это подвергнуто тщательному и глубокому изслѣдованію. О многихъ тѣмахъ написаны десятки монографій. Для степного же фольклора только-что начинается собраніе сырого матеріала. Для многихъ народностей не имѣется вовсе сборниковъ сказокъ; такъ, напримѣръ, мы имѣемъ менѣе десятка сказокъ самоѣдовъ, записанныхъ въ сороковыхъ годахъ Кастреномъ, ни одной сказки

тунгусской; у остяковъ записаны г. Паткановымъ нѣсколько сказокъ и одна былина. Только для тюрковъ южной Сибири составлены сборники Радлова въ количествѣ шести томовъ; монгольскій фольклоръ неизвѣстенъ, за исключеніемъ книжныхъ повѣстей: повѣсть о Гэсерѣ, сборникъ „Шаддивуръ“ и сказка „Арджи Борджи“; собраніе калмыцкихъ сказокъ, сдѣланное г. Позднѣвымъ, только что печатается. И несмотря на эту скудость матеріала и отсутствіе обработки, ордынскій фольклоръ даетъ матеріалъ для сравненія почти на всемъ протяженіи русскаго эпоса.

До сихъ поръ мы говорили только о родствѣ эпосовъ, независимо отъ вопроса о первоначальной родинѣ сюжетовъ, а слѣдовательно и о направленіи, въ которомъ сюжеты распространялись. Мы не намѣрены проводить мысль, что Монголія—родина сюжетовъ; кто первый творецъ ихъ—жители ли это другой страны, передавшіе свое достояніе обитателямъ Монголіи, или жители самой Монголіи, но чужеземные нынѣшнему ея населенію, когда-то жившіе въ ней и потомъ оставившіе ее,—эти вопросы мы оставляемъ въ сторонѣ. Мы высказываемъ только мысль, что эпосы греческій и тюрко-монголо-тибетскій родственны между собою; въ русскомъ же эпосѣ можно видѣть позднѣйшее заимствованіе, сдѣланное во время перекочевки азіатскихъ ордъ на Западъ.

Мы выше высказали предположеніе, что въ степяхъ Азіи былъ распространенъ культъ Арья-Бало, предшествовавшій буддизму, имѣвшій обрядность, духовенство и комплексъ легендъ. Послѣднія распались на двѣ группы; въ одной уцѣлѣло указаніе на введеніе новаго культа (легенды ласская и орхонская); въ другой этотъ мотивъ исчезъ или мало замѣтенъ („Гэсеріада“ и сказанія о Чингисѣ).

Весь этотъ комплекс тѣмъ мы отрываемъ и на русской почвѣ. Является вопросъ, не занесены ли тѣмы наоборотъ съ Запада на Востокъ? Вотъ нѣкоторыя соображенія, которыя, намъ кажется, говорятъ противъ подобнаго мнѣнія. Во-первыхъ, воздѣйствія, которыя западный міръ производилъ на Востокъ, имѣли проводникомъ своимъ торговые караваны и посольства, происшествія одиночныя, тогда какъ съ Востока на Западъ происходили массовыя переселенія съ семьями, женщинами и дѣтьми, со всей родовой и культовой организаціей и іерархіей. Семьи переселялись сюда со всей своей обстановкой, съ домашними онгонами, или пенами; классъ служителей культа не только приносилъ сюда свои книги, но вѣроятно строилъ свои кочевые храмы и наполнял ихъ изображеніями своихъ боговъ. Разумѣется, воздѣйствія этимъ путемъ были глубже, чѣмъ черезъ такіа одиночныя проис-

шествія, какъ посольства и вупеческіе караваны. Массовое переселеніе и тѣмъ еще могущественнѣе дѣйствовало, что пришельцы не временно посѣщали край, какъ вупцы и послы, а оставались въ новомъ краѣ навсегда и смѣшивались съ туземцами.

Во-вторыхъ, такіе примѣры, какъ тѣма объ окаменѣніи богатырей, свидѣлствуютъ, что нѣкоторые сюжеты несомнѣнно занесены изъ Азіи въ Европу, а не наоборотъ. Въ Азіи мы находимъ ее широкораспространенною въ различныхъ видахъ. Кромѣ того, что въ бурятской „Гэсэриадѣ“ война съ ширайгольскими царями кончается окаменѣніемъ всѣхъ богатырей, мы можемъ указать еще на слѣдующіе случаи окаменѣнія: въ бурятскомъ преданіи богатырь Шуно кончаетъ тѣмъ, что окаменѣваетъ послѣ того, какъ онъ убилъ старуху-колдунью; въ тибетской „Гэсэриадѣ“ Кала-Мэмбырь обращается въ камень, стерегущій море, чтобы оно не выходило изъ береговъ; такимъ образомъ оказывается, что эта тѣма распространена въ Азіи отъ Байкала до сѣвернаго Тибета; въ сѣверной Монголіи одна каменная баба въ долинѣ р. Кобдо принимается народомъ за окаменѣвшаго шамана, похитившаго царскую дочь; другая баба въ долинѣ р. Эгъ выдается за шамана, похитившаго жену у Чингисъ-хана. Въ минусинскомъ округѣ есть разсказъ о семи братьяхъ богатыряхъ; младшій братъ не соблюлъ завѣщанія отца, и за это онъ и его жена были обращены въ камень, а остальные братья потеряли богатырскую силу (Изв. Русск. Географ. Общества, т. XX, вып. 6 (1884), стр. 635—639). Наконецъ, въ Тибетѣ разсказываютъ о Баль-Дорджи, окаменѣвшемъ въ пещерѣ. Шаманъ похититель жены Чингиса, превратившійся потомъ въ камень—вѣроятно другая только обработка тѣмы, которая намъ уже извѣстна—о похитителѣ золотого кола, зарытомъ въ землю. И въ самомъ дѣлѣ, въ бурятскомъ разсказѣ о походѣ Чингиса къ Наранъ-хану стрѣлокъ, который убиваетъ старуху-колдунью, зарытъ по горло въ землю, какъ и похититель золотого кола. Такое широкое разселеніе тѣмы и связи ея съ тюркомонгольскимъ эпосомъ о Полярной Звѣздѣ говоритъ скорѣе за то, что она жила тутъ давно, а не принесена съ Запада, а если и принесена откуда-либо, то вмѣстѣ съ цѣлымъ культомъ, вмѣстѣ съ звѣзднымъ эпосомъ, въ его полномъ составѣ. Нѣтъ никакой возможности представить этотъ матеріалъ какъ частичное заимствованіе съ Запада, какъ отраженіе русской былины о гибели богатырей, будто бы занесенной русскими въ Сибирь. Крупныхъ воздѣйствій Запада на сѣверъ Азіи исторія знаетъ только два: занятіе русскими Сибири и распространеніе христіанства въ Азіи въ V вѣкѣ; но и послѣд-

нему событію трудно приписать происхождение легенды о Баль-Дорджи.

Наконецъ, въ-третьихъ, можно указать на цѣлый рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о расселеніи сюжетовъ изъ степной Азіи въ южную Россію въ позднѣйшее время.

А. Н. Веселовскій прослѣдилъ путь дуалистической легенды о сотвореніи міра отъ Прибайкаля до дунайской Булгаріи, и методологическимъ путемъ доказалъ ея расселеніе съ Востока на Западъ. Къ тому, что добыто г. Веселовскимъ, можно прибавить другіе примѣры. Легенда о разливѣ водъ изъ отверстія и образованіи озера можетъ быть прослѣжена отъ озера Хухунора въ Тибетъ и Байкала въ Сибири на западъ черезъ озера Зайсанъ и Иссыкъ-куль до впаденія Волги въ Каспій и до Константинополя; другая легенда о братьяхъ первоначальникахъ имѣетъ указанія на окрестности Байкала; далѣе она приурочивается къ нѣкоторымъ мѣстамъ въ казанскомъ Поволожьѣ и наконецъ является въ окрестностяхъ Кіева. Легенда о принятіи новаго культа съ демонстраціей картины Страшнаго Суда можетъ быть указана въ числѣ легендъ о городѣ Лассѣ; затѣмъ находимъ ее у уйгуровъ въ Хангаѣ, у хазаръ на Волгѣ, въ Кіевѣ, въ дунайской Болгаріи. Въ этихъ примѣрахъ, за исключеніемъ перваго, еще неясно направленіе расселенія, съ Востока ли оно шло или съ Запада. Но есть случаи, въ которыхъ расселеніе съ Востока выступаетъ яснѣе или даже можетъ быть сочтено за несомнѣнное. Тюркская сказка, распространенная въ тобольской и томской губерніяхъ о двухъ соперникахъ, Акъ-Кобокъ и Киданъ, занесена была половцами въ южную Россію, а вмѣстѣ съ половцами, нанимавшимися въ гвардію египетскаго султана, она подъ видомъ родового половецкаго преданія попала въ лѣтопись, которая была написана въ Каирѣ потомкомъ половеца на арабскомъ языкѣ. Коптская легенда о крестѣ, очевидно, сѣвернаго происхожденія; упоминаніе въ ней Константинополя и византійской царевны указываетъ, что легенда пришла изъ Византіи. Повѣсть о Иосафатѣ царевичѣ пришла въ обитель св. Саввы въ Палестинѣ изъ Грузіи. Въ житіи Андрея Юродиваго, въ „Откровеніи“ котораго есть параллели съ лѣтописью тибетскихъ царей, сказано, что онъ былъ родомъ скино, что заставляетъ подозрѣвать ордынское происхождение самого „Откровенія“.

Подобные факты указываютъ, что часть эпическихъ и литературныхъ наслоеній принесена была на Средиземное побережье съ сѣвера, т.-е. съ сѣверныхъ береговъ Чернаго моря, а на эти берега эти матеріалы приходили изъ центральной Азіи по сѣверную сторону Каспійскаго моря. Этимъ-то путемъ вмѣстѣ съ

культомъ (бога Арья-Бало, какъ мы предполагаемъ) и былъ принесенъ на югъ Россіи комплексъ культовыхъ легендъ. Этотъ азіатскій культъ заключаетъ въ себѣ намеки на звѣздный эпосъ; можетъ быть и самый культъ вышелъ изъ поклоненія звѣздамъ. Въ предыдущемъ изложеніи мы часто встрѣчали намеки на Полярную Звѣзду; изъ представленій о ней вѣроятно возникъ образъ царя Чакаравартина, который въ концѣ концовъ перешелъ на Будду. Всѣ сюжеты, гдѣ говорится о неподвижномъ положеніи, мы готовы отнести къ Полярной Звѣздѣ, которая одна сохраняетъ на небѣ неподвижное положеніе. Иногда встрѣчаются рассказы, въ которыхъ Полярная Звѣзда не отмѣчена неподвижностью,—такъ въ осетинской легендѣ о звѣздѣ Аксакъ-Темаръ (т.-е. Полярной),—но на такой рассказъ можно смотрѣть какъ на обломокъ безъ конца; рассказъ не досказываетъ, что герой долженъ былъ кончить карой, какою кончилъ, наприм., Анаданъ въ повѣсти объ Акирѣ (пригвожденіемъ).

Въ укрѣпленіи и распространеніи принесенныхъ сюжетовъ въ этихъ мѣстахъ, надо предугадывать, играла большую роль хазарская народность. Игнорированіе культоваго значенія хазарщины было бы исторической невнимательностью. Могущественное и обширное государство, имѣвшее города, входившее въ сношенія съ византійской имперіей, импонировавшее въ византійскомъ мірѣ, —и чтобы оно было скудно духовнымъ и культурнымъ содержаніемъ до такой степени, что въ духовной области въ южной Россіи его существованіе не оставило никакого слѣда—такое утвержденіе было бы странно въ устахъ историка, который въ своихъ сужденіяхъ не ограничивается педантически одними документами и письменными памятниками, но руководится также и общими соображеніями объ условіяхъ развитія народной жизни и культуры.

На берегахъ Чернаго моря ордынцы столнулись съ культурнымъ греческимъ міромъ; сильное вліяніе варваровъ на культуру черноморскихъ греческихъ колоній выяснено какъ лингвистикой, такъ и археологіей. Греческіе художники обрабатывали здѣсь варварскія сцены, какъ это показываютъ керченскія и вообще южно-русскія археологическія находки. Если варварскія тѣмы входили въ греческое искусство, то почему они не могли войти и въ литературу или письменность. И если въ раннюю эпоху, въ эпоху скивоовъ, греческія колоніи подвергались вліянію варваровъ, и здѣсь развилась особая полу-варварская культура, то въ позднѣйшее время греческій міръ на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря долженъ былъ, если не болѣе, то въ той же мѣрѣ имѣть варварскій характеръ; памятники этой процвѣтавшей здѣсь

варварской византійщины могли исчезнуть безъ слѣда, за исключеніемъ немногаго, что попало въ Константинополь или перешло въ болѣе значительномъ количествѣ къ ближайшимъ сосѣдямъ, въ родѣ русскихъ славянъ. По сѣверную сторону Каспійскаго моря могли придти не только матеріалы для былиннаго эпоса, но и апокрифы. Теперь въ нѣкоторыхъ апокрифахъ усматривается буддійское происхожденіе; при этомъ имъ приписывается всегда палестинское происхожденіе. Но буддійскія, а въ болѣе раннее время до-буддійскія или арьябалистическія легенды могли зайти на Балканскій полуостровъ и сѣвернымъ путемъ. Въ русскій міръ восточныя тѣмы могли приходять въ византійской уже или греческой обработкѣ, но значительная часть ихъ приходила, вѣроятно, и непосредственно изъ орды. Въ позднѣйшее время, съ принатіемъ христіанства, явилось вліяніе и палестинскихъ легендъ; примѣромъ этого можетъ служить былина о Самсонѣ, но А. Н. Веселовскій въ разборѣ работы г. Жданова доказалъ самостоятельность сюжета о Святогорѣ, такъ что имя Самсонъ есть только вышняя надклейка. Можетъ быть, еслибы въ томъ же родѣ разсмотрѣть весь составъ былиннаго эпоса, изслѣдованіе пришло бы къ тому же взгляду и относительно всѣхъ другихъ случаевъ, гдѣ указывается на палестинскія тѣмы какъ на основные элементы при построеньи былинныхъ комбинацій.

О національномъ культѣ хазаръ ничего неизвѣстно; можно о немъ только догадываться изъ извѣстій о хазарь-хаганѣ, высшемъ лицѣ въ государствѣ, что хазары вѣрили въ предметы, одаренные особенною силой, въ онгоны; что были эти онгоны живые люди, но, вѣроятно, чаще это были неодушевленные предметы; они вѣрили, повидимому, что съ этими онгонами было связано благоденствіе народа. Хазарь-хаганъ и былъ такимъ живымъ онгономъ въ родѣ нынѣшняго далай-ламы или въ родѣ ургинскаго хутухты или богдо-гэгена, чѣмъ былъ, можетъ быть, также въ древней Монголіи Чингисъ-ханъ, съ которымъ (или съ его мутовкой) также была соединена идея о народномъ благоденствіи. Объ этомъ хазарь-хаганѣ или, вѣрнѣе, о первомъ изъ хазарь-хагановъ могли рассказывать тѣ же легенды, какія теперь рассказываются монголами объ Ундурь-гэгенѣ, первомъ изъ богдо-гэгеновъ (какъ онъ исчезъ изъ края и какъ ѣздили искать его, при чемъ, чтобы узвать его, ему показывали предметы его родины), или какія теперь еще рассказываютъ о живомъ онгонѣ древней Монголіи, Чингисъ-ханѣ. Что сюжеты о послѣднемъ были занесены въ южную Россію, объ этомъ свидѣлствуютъ ихъ отголоски, которые мы теперь находимъ въ кievскомъ циклѣ преданій. Инте-

ресно, что они приурочены главнымъ образомъ къ имени Владимира, какъ это сейчасъ будетъ видно изъ нижеслѣдующаго обзора ихъ.

Владимиръ осаждаеть Корсунь, но беретъ его только послѣ того, какъ одинъ изъ осажденныхъ, монахъ Анастасій, измѣняетъ своимъ и выдаетъ ему тайну о водопроводѣ; Владимиръ отводитъ воду изъ водопровода и тѣмъ заставляеть корсунцевъ сдаться. Такая же тема приурочена и къ имени Чингисъ-хана, во-первыхъ, въ сѣверо-восточномъ Тибетѣ на Желтой рѣкѣ, гдѣ водопроводъ указываетъ собака, и на Аму-Дарьѣ; тутъ секретъ выдаетъ женщина, влюбившаяся въ сына Чингисъ-хана. Приуроченіе этой темы къ одному и тому же имени, несмотря на такое большое разстояніе между пунктами локализациі свидѣтельствуеть о томъ, что когда-то этотъ рассказъ съ такимъ приуроченіемъ былъ сильно распространенъ. Въ корсунской легендѣ секретъ выданъ монахомъ, но та же легенда распространена на Балканскомъ полуостровѣ, и тамъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ тайну выдаетъ не мужчина, а женщина.

Владимиръ во время осады ослѣпъ, но онъ получаетъ зрѣніе послѣ того, какъ обѣщаетъ креститься. Съ этимъ мотивомъ сравнивали исторію русскаго князя Бравлина, который напалъ на Сурожъ, ограбилъ гробницу св. Стефана Сурожскаго, но заболѣлъ, и выздоровѣлъ послѣ того, какъ далъ обѣщаніе креститься и возвратитъ награбленное. Чингисъ, по одному народному сказанію, записанному у бурятъ, взялъ Пекинъ, ограбилъ городъ и вывелъ много плѣнныхъ, но заболѣлъ зубами. Болѣзнь прошла только послѣ того, какъ одинъ изъ плѣнныхъ посовѣтовалъ ему возвратитъ все награбленное и отпустить полонъ.

Одно сказаніе описываетъ нескромное поведеніе Владимира послѣ взятія Корсуни. Взавши городъ и полонивъ корсунскаго князя и его жену, онъ привязалъ ихъ къ „шатерной сохѣ“ и передъ ихъ глазами обезчестилъ ихъ дочь (Жлановъ, Русск. был. эпосъ, 147). О Чингисъ-ханѣ въ монгольской книгѣ Алтанъ-Тобчи помѣщенъ такой рассказъ. Богдо-эдзень, т.-е. Чингисъ-ханъ, отправился въ походъ противъ солонгутовъ; солонгутскій ханъ покорился и привезъ къ нему въ лагерь свою дочь Хулуну; Чингисъ-ханъ раздѣлилъ съ ней ложе на открытомъ воздухѣ, несмотря на протестъ вельможъ (Труды Вост. Отд. Археолог. Общ., VI, 134).

Къ Чингису приурочено нѣсколько преданій о добываніи женщины: 1) онъ отнимаетъ жену у Шудургу, его убиваетъ, а жену его беретъ за себя замужъ; 2) идетъ войной на солонгоскаго

царя и получаетъ Хулуну; 3) идетъ войной на кирейскаго хана Вана; война началась изъ-за того, что Чингисъ посватался за его дочь. Ванъ обидѣлся, что Чингисъ, человѣкъ низкаго происхожденія, осмѣлился посвататься къ его дочери. Въ исторіи Владиміра извѣстенъ эпизодъ съ Рогнѣдой; она гнушается происхожденія Владиміра („не хочу разути рабичича“). Конецъ въ обоихъ случаяхъ сходный: Ванъ убитъ, Чингисъ женится на его дочери Ибаху; Роголодъ убитъ, Владиміръ женится на его дочери Рогвѣдѣ.

Бурятскія преданія вмѣсто солонгоскаго царя ставятъ Наранъ-хана, Солнце-царя. Царь этотъ можетъ сжечь своими лучами, а потому Чингисъ, чтобы царь не сжегъ его, для себя и своей свиты роетъ ровъ, по которому онъ могъ бы уйти отъ опаснаго тестя. Въ сборникѣ монгольскихъ сказокъ „Арджи-Борджи“ описывается принцесса Наранъ (Солнце); кто ее увидитъ, того ослѣпляли. Бикарь-Мадзаци удается взять ее безъ вредныхъ послѣдствій для себя. Въ тибетской легендѣ опальный вельможа, который привезъ невѣсту для тибетскаго царя, ослѣпленъ посредствомъ металлическаго зеркала; его заставляли смотрѣть на отраженіе солнца въ зеркалѣ. Не такъ ли поступали и съ женихами принцессы Наранъ? Или, можетъ быть, ея собственный видъ (на это намекаетъ ея имя Солнце) ослѣплялъ жениховъ? Можетъ быть, этими мотивами слѣдовало бы объяснить и ослѣпленіе Владиміра въ Корсуни; не имѣла ли царевна, которую онъ нашелъ здѣсь, тѣхъ же свойствъ, какъ царевна Наранъ?

Владиміръ, кромѣ невѣсты, привозитъ въ Кіевъ изъ Корсуни святыни, мощи Климента и Фифа. Шудургу, котораго Чингисъ собирается убить, обѣщаетъ доставить ему звѣзду Мечинъ (Плеяды) и звѣзду Солбонъ (Венеру); Чингисъ беретъ подарки и убиваетъ Шудургу; вѣроятно, прежняя редакція говорила, что подарки были доставлены на родину Чингиса. Въ другомъ мѣстѣ о Чингисѣ говорится, что онъ доставилъ китайскому императору какого-то Муджинъ-Сульту; мы уже говорили выше, что подъ Муджиномъ, по вашему мнѣнію, скрывается созвѣздіе Мечинъ, Плеяды, а также знамя Чингисъ-хана, которое называется юсунъ-сульте (или эдзень-сульте); обыкновенно знамя это въ преданіяхъ доставляется въ Россію дочерью Чингиса; но тутъ, повидимому, самому Чингису приписывается доставленіе знамени какому-то царю. Китайскій императоръ, вѣроятно, тутъ явился вслѣдствіе забвенія стараго архаическаго термина.

Владиміръ отнимаетъ жену у Данилы Ловчанина; Чингисъ

отнимаетъ жену у Шудургу. Выше было указано, что начало сказанія о Чингисѣ и Шудургу находятъ себѣ параллель, во-первыхъ, въ монгольскомъ сказаніи о Елбекѣ (Елбекъ убиваетъ Дегуренга и женится на его женѣ), во-вторыхъ, въ былинѣ о Добрынь и Маринкѣ (Добрыня убиваетъ Тугарина и женится на Маринкѣ). Конецъ Ловчанина и его жены такой же трагическій, какъ Шудургу и его жены. Жена Ловчанина падаетъ на ножъ; жена Шудургу бросается въ рѣку.

У Владиміра похищена чаша; мнимый воръ, атаманъ сорока калекъ, закопанъ въ землю по горло. У Чингиса похищенъ золотой приколъ; укравшій его закопанъ въ землю по горло. Можетъ быть, и о Чингисѣ были легенды, въ которыхъ похищаемый предметъ былъ не приколъ, а что-нибудь болѣе близкое къ чашѣ. О приколѣ сказано, что Чингисъ сковалъ его для лошади, которая спустилась ему съ неба. По преданію, помѣщенному въ книгѣ Алтанъ-Тобчи, съ неба Чингисъ-хану спустилась чаша, а не лошадь.

Жена Владиміра была замурована въ стѣнѣ софійскаго собора. Жена Чингиса была похищена шаманомъ Тирхиномъ и заложена камнями въ пещерѣ.

Чингиса похоронили секретно, какъ и другихъ монгольскихъ хановъ; чтобы никто не узналъ мѣста погребенія, его сравнивали и притоптали коными. Сходное рассказывается о похоронахъ хазарь-хагана. Владиміра смерть скрываютъ; тѣло его для погребенія выносятъ не черезъ двери, а разобравъ потолокъ.

Чингисъ былъ сначала дошпиль, т. е. существо или божество злое; на поминкахъ его приносились кровавыя жертвы; птица, пролетавшая надъ его гробницей, падала мертвою. Гэгень-Банченъ-эрдени укротилъ его, и съ того времени Чингисъ сталъ скромнымъ божествомъ; кровавыхъ жертвъ уже не приносится. Объ этой душевной перемѣнѣ Чингиса могли быть болѣе полныя разсказы въ родѣ того, какой сохранился объ Асокѣ свирѣпомъ и Асокѣ милостивомъ.

Владиміръ до крещенія былъ свирѣпымъ правителемъ и имѣлъ много женъ; послѣ крещенія совершенно измѣнилъ свое поведеніе.

Передъ походомъ въ Корсунъ Владиміръ устраиваетъ преніе о вѣрѣ между приглашенными проповѣдниками. Такого эпизода при имени Чингисъ нѣтъ, но онъ есть при имени хазарь-хагана; хазарь-хаганъ Буланъ сначала устраиваетъ состязаніе между проповѣдниками разныхъ религій, а потомъ, избравъ одну, идетъ брать городъ Ардебиль, подобно тому, какъ Владиміръ—Корсунъ; Въ Ардебилѣ, какъ ему указано, были приготовлены для него

двѣ драгоценности, золотая и серебряная. Легенда о принятіи хазарами еврейскаго закона, вѣроятно, относится къ болѣе древнему времени; по всей вѣроятности первоначально въ ней подразумѣвалось другое событіе и говорилось о принятіи какого-нибудь другого культа, болѣе древняго для нижняго Поволжья, чѣмъ законъ Моисея. Если при имени Чингиса нѣтъ легенды о преніи о вѣрѣ, то-есть все-таки легенды съ намеками на провозглашеніе новаго ученія. Во-первыхъ, такой намекъ мы видимъ въ рассказѣ о шаманѣ, возвѣщающемъ Темучину, что небо избрало его въ цари царей; во-вторыхъ, параллели нѣкоторыхъ сказаній о Чингисъ-ханѣ съ ласской легендой о Сронцанѣ указываютъ на связь ихъ съ темой о введеніи культа.

Гробница Чингиса, когда ее везли къ мѣсту погребенія, въ одной мѣстности остановилась и не двигалась. Очевидно, къ гробницѣ Чингиса приложена была легенда о національномъ онгоѣ, привозъ котораго часто сопровождается остановкой временной или на вѣки. Въ русскихъ легендахъ находимъ одну объ Андрѣѣ, который везетъ икону Владимірской Божіей Матери; на пути конь остановился. Здѣсь имя доставителя святыни переставлено на самую святыню, подобно тому, какъ и въ монгольскихъ легендахъ мы видимъ намеки на подобную же перестановку; иногда Чингисъ изображался приносителемъ народнаго палладіума (онъ доставлялъ Муджинъ-сульте, онъ получалъ въ видѣ трофеевъ Мечинъ и Солбонъ); иногда же онъ самъ или его останки повидимому принимались за народный палладіумъ. Устныя монгольскія легенды знаютъ сына Чингисъ-хана; имени ему онъ не даютъ; мы догадываемся, что онъ назывался именемъ, сходнымъ съ формами: Урусъ, Цоросъ, Хорису. Это—кровосмѣситель; онъ провелъ ночь съ своей матерью и за это былъ изгнанъ изъ царства Чингиса. Кіевскій эпосъ знаетъ бабу Владимируку (или Латымируку); у нея сынъ отъ Ильи Муромца, который иногда называется Борисомъ. Бой съ отцомъ, въ который вступаетъ Борисъ, даетъ поводъ предполагать, что онъ былъ кровосмѣситель.

Такое скопленіе однѣхъ и тѣхъ же темъ и при имени Чингиса, и при имени Владиміра, намъ кажется, можетъ быть объяснено только при помощи предположенія о пересадкѣ цѣлаго культа. Едва ли можно думать, что всѣ эти темы—бродячія темы, которыя, скопившись въ Монголіи около личности Чингиса, въ то же время и въ томъ же числѣ, совершенно случайно и независимо скопились въ южной Россіи около Владиміра. Вѣрнѣе, что группировка была дана только разъ, и сгруппированный матеріалъ былъ перенесенъ изъ центральной Азіи въ южную Россію; чингисов-

скія тѣмы появились здѣсь ранѣе нашествія монголовъ, и вѣроятно сначала онѣ жили въ понизовомъ Поволжьѣ, при устьѣ Волги, въ центрѣ хазарщины. Онѣ рассказывались о первомъ хазарь-хаганѣ. Въ одномъ древнемъ мусульманскомъ памятникѣ правитель волжскихъ болгаръ названъ именемъ, которое прежніе ориенталисты читали „Блтвазъ“ и видѣли въ немъ славянской титулъ „владаваць“, но профессоръ Хвольсонъ вмѣсто Блтвазъ прочиталъ: „Блтмаръ“. Не былъ ли это титулъ болгарскихъ царей, который, можетъ быть, носили также и хазарь-хаганы? Объ этомъ-то Блтмаръ и рассказывали, можетъ быть, все то, что въ центральной Монголіи рассказывали о Чингисѣ; потомъ, съ возникновеніемъ духовнаго центра на Днѣпрѣ, комплексъ хазарскихъ легендъ сталъ перемѣщаться въ кievскую область, и когда хазарская народность исчезла, наследство ея сохранилось на Днѣпрѣ, частью въ видѣ русскихъ былинъ, частью въ видѣ устныхъ преданій, частью въ видѣ книжныхъ повѣстей. Легенды о волжскомъ Владимірѣ, т.-е. Блтмарѣ, сохранились въ видѣ преданій о кievскомъ Владимірѣ. Припомнимъ названіе „русскій каганъ“, которое приставлено къ имени Владиміра въ одномъ изъ памятниковъ.

На мѣстѣ древняго хазарскаго Адилъ или приблизительно въ тѣхъ же мѣстахъ стоитъ теперь городъ Астрахань, Хаджи-тарханъ или Хозя-тараханъ. Можетъ быть, въ этомъ имени скрывается одно изъ древнихъ именъ этого города. Терминъ: Тарханъ, мы находимъ какъ при имени Гэсэра, такъ и при имени Чингиса. При останкахъ послѣдняго находится сословіе тархатовъ (множественное число отъ тарханъ), которые стерегутъ эти останки, ухаживаютъ за бѣлою лошадейю, тоже вѣроятно родъ живого онгона, и устраиваютъ ежегодно праздникъ и обрядъ въ честь Чингиса. Въ нѣкоторыхъ преданіяхъ самъ Чингисъ-ханъ называется „тарханомъ“, т.-е. кузнецомъ, и одна гора въ Монголіи, по имени Дарханъ, выдается за его кузницу. Въ „Гэсэриадѣ“ упоминаются семь тархановъ, „семь кузнецовъ“, изъ череповъ которыхъ Гэсэръ дѣлаетъ чаши для вина, превращающіяся потомъ въ семь звѣздъ Большой Медвѣдицы. Эти приуроченія имени Тарханъ къ урочищамъ бывшаго хазарскаго царства намекаютъ, что въ этихъ мѣстахъ были локализованы тѣмы, связанные съ именами Чингисъ и Гэсэръ. На локализацию преданій о Чингисѣ на нижней Волгѣ указываетъ и другое имя хазарской столицы—Адилъ, которое сближаютъ обыкновенно съ нынѣшнимъ татарскимъ именемъ Волги—Атиль, а также съ именемъ гуннскаго царя Атилы, съ которымъ въ нѣмецкомъ эпосѣ связаны тѣмы изъ преданій о Чингисѣ. Тѣмы объ Атилѣ въ кавказскомъ фольклорѣ найдены приуроченными

къ безымянному герою; А. Н. Веселовскій дополнилъ это открытіе указаніемъ на киргизскую сказку, гдѣ эти тѣмы являются уже при имени Шингысъ, т.-е. Чингысъ. Значить, эти тѣмы и теперь еще живутъ въ предѣлахъ бывшаго хазарскаго государства. Можно указать еще и на другія тѣмы, приуроченныя въ нѣмецкомъ эпосѣ также къ Атилѣ, и въ монгольскомъ стоящія въ циклѣ преданій о Чингысѣ: это—исторія женской мести; въ нѣмецкомъ эпосѣ это мечь Гудруны, въ монгольскомъ—невѣстки Елбекъ-хана, а также жены тибетскаго царя Шудургу и богини Цаганъ-Дары. Персонажъ, извѣстный въ тюрко-монгольскомъ фольклорѣ подъ именемъ Чингиса или Шингыса, въ хазарскомъ эпосѣ повидимому носилъ имя Адиль или Атилъ; это имя прикрѣпилось къ городу, бывшему резиденціей хазаръ-хагана, и къ рѣкѣ, на которой онъ былъ расположенъ, гуннами было унесено на Западъ и забрело въ нѣмецкій эпосъ. Можетъ быть и въ кievскомъ эпосѣ оно сохранилось въ имени Идолице или Одолице. Это насильникъ Кіева; мы заподозрѣли, что этотъ насильникъ былъ мѣстный царь въ родѣ тибетскаго насильника Ландармы, котораго убилъ Баль-Дорджи, соотвѣтствующій, по нашему мнѣнію, Ильѣ Муромцу.

Въ сказаніяхъ о Чингысъ-ханѣ ту же тѣму о карательницѣ-женщинѣ можно усматривать и въ ордосскомъ преданіи о „докшитѣ“ Чингысѣ, т.-е. о свирѣпомъ Чингысѣ, котораго укротилъ Банченъ-эрдени. Наша вѣра въ то, что легенды и повѣрья о Чингысѣ или Адилѣ, какъ о живомъ онгонѣ, если были извѣстны на Волгѣ, то могли рассказываться о самомъ хазаръ-хаганѣ или о первомъ хазаръ-хаганѣ, находятъ опору въ томъ обстоятельствѣ, что и на Востокѣ, въ Монголіи, имя Чингысъ иногда смѣнялось именемъ Хасаръ, близкимъ къ имени волжскаго народа. Въ большинствѣ памятниковъ Хасаромъ названъ братъ Чингиса; это стрѣлокъ, убивающій колдунью. Но, какъ сообщаетъ г. Позднѣвъ, въ одной лѣтописи, къ сожалѣнію до сихъ поръ не переведенной и не напечатанной, все то, что другія лѣтописи приписываютъ Чингису, перенесено на Хасара.

Въ окрестностяхъ нижней Волги въ горѣ Богдо (Богдо по-монгольски „святыня“) прикрѣплено преданіе о двухъ святыхъ, которые несли на себѣ эту гору, хотѣли донести до Волги, но на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится эта гора, она опустилась и задавила подъ собой обоихъ.

Это преданіе несомнѣнно принесено изъ Джунгаріи, изъ долины верхняго Иртыша, гдѣ также есть гора, которая погребла подъ собой двухъ братьевъ; даже мелкія детали джунгарской ле-

генды—бѣлые и красные слои почвы, принимаемые за молоко и кровь—перенесены на Волгу.

Въ центральной Азіи одинъ изъ братьевъ называется Сартактай-Кэзэръ, а гора, которую онъ несъ—Калмы. Въ имени Кэзэръ, которое въ алтайскомъ языкѣ обратилось въ нарицательное кэзэръ, „богатырь“, мы думаемъ, слѣдуетъ видѣть Гэсэра.

На Волгѣ, значить, была легенда о томъ, что Кэзэръ, или Гэсэръ, несъ гору Калмы на берегъ Волги, но не донесъ и былъ ею раздавленъ. Это можетъ быть одна изъ легендъ о недонесенномъ богѣ или о какой-то святынѣ Калмы, въ родѣ той, которая рассказываетъ, какъ Абатай не донесъ до Орхона статую.

Легенда о горѣ Богдо не называетъ имени святого, который несъ ее, но мы должны думать, что оно забыто или въ пути изъ Азіи на Волгу, или было принесено сюда и потомъ утратилось изъ народной памяти. Если легенда была принесена сюда изъ Азіи въ XVII ст., то она могла явиться сюда и ранѣе. Мы дѣлаемъ предположеніе, что не одна она сюда зашла, а вся повѣсть о Гэсэрѣ; тѣмы „Гэсэриады“, вѣроятно, какъ и тѣмы о Чингисѣ, относились къ хазарь-хагану или, точнѣе, къ первому изъ хазарь-хагановъ.

Тѣ тѣмы „Гэсэриады“, которыя мы находимъ теперь въ русскихъ былинахъ приуроченными къ Кіеву, какъ на примѣръ рассказъ о Добрынѣ и его женѣ, принуждаемой къ выходу замужъ во время его продолжительной отлучки, объ обращеніи Добрыни въ тура, о его переплываніи черезъ рѣку Смородину или Пучай, передавались, можетъ быть, о первомъ хазарь-хаганѣ. Словомъ, нашъ русскій былинный эпосъ первоначально былъ хазарскимъ эпосомъ.

Въ преданіи, сохранившемся на Волгѣ, гору несуть двое святыхъ мужей; въ живущемъ на Зайсанѣ преданіи они—братья. Наше мнѣніе—это преданіе не чтѣ иное, какъ отрывокъ изъ легенды о введеніи новаго культа. Проектируемъ полную редакцію: два святыхъ брата, проповѣдники новаго ученія, несуть первую по времени святыню Калмы, но они не доносятъ ее до мѣста назначенія; святыня въ пути останавливается. Въ тибетской легендѣ о введеніи буддизма этотъ мотивъ ослабленъ; вельможа Гари везетъ невѣсту для тибетскаго царя, которая отождествляется со статуей богини, первой буддійской святыни въ Тибетѣ; на пути дѣвица останавливается, но это только временно задержало повѣдку. Богиня по-тибетски называется Долма. Монголы и тибетцы отождествляютъ эту богиню съ китайской богиней Гуань-инь-Пуса, резиденція которой указывается на морскомъ островѣ Путо. Въ

легендахъ объ этомъ островѣ также есть тема о задержкѣ во время пути. Богиня Гуань-инь-Пуса почитается за воплощеніе Арья-Бало; за воплощеніе того же божества почитается и далай-лама. Къ имени Гуань-инь-Пуса приставляется эпитетъ: нань-хай, „морская“, тотъ же самый, какой приданъ и тибетскому гэгену; далай по-монгольски значить: „море“. Тожество далай-ламы съ женскими персонажами Гуань-инь-Пуса, Долма, Хламо (грозный видъ богини Долма), ведетъ къ предположенію, что и о далай-ламѣ могли быть легенды, рассказывающія о доставленіи его въ край, какъ святыни. Въ одной монгольской легендѣ мы и подозреваемъ такой смыслъ. Монгольскій Алтынъ-ханъ боленъ, и мѣстные врачи не могутъ вылечить его; ханскій посолъ ѣдетъ пригласить къ хану далай-ламу. Далай-лама пріѣзжаетъ, излечиваетъ хана и убѣждаетъ его принять ученіе Будды; затѣмъ ханъ проситъ далай-ламу проявиться, и далай-лама проявляется въ видѣ страшнаго бога Хаягривы (Махагалы); рассказъ кончается тѣмъ, что далай-лама, повидимому въ сосѣдней долинѣ, строитъ храмъ.

Мотивъ проявленія силы въ нашей былинѣ находится связаннымъ съ Соловьемъ-разбойникомъ. Илья Муромецъ привозитъ Соловья ко двору Владиміра; Владиміръ проситъ заставить его свистать; въ свистѣ—сила Соловья; этимъ свистомъ онъ убиваетъ людей. Соловей свиститъ, и Владиміръ и его богатыри поражены страхомъ. Это сближеніе поддерживаетъ высказанную нами ранѣе догадку, что подъ рассказомъ о поѣздкѣ Ильи Муромца за Соловьемъ скрывается культовая легенда о привоѣ драгоценности ордени, т.-е. святыни.

Чтобы впечатлѣніе читателя получилось рельефнѣе, повторимъ еще разъ наши соображенія кратко, въ общихъ чертахъ. Реальной основой, на которой выткались цвѣты народного вымысла, послужилъ міръ звѣздъ. И теперь еще въ тюрко-монгольскомъ фольклорѣ живутъ легенды о звѣздахъ и созвѣздіяхъ, о Полярной Звѣздѣ, Венерѣ, Большой Медвѣдицѣ, Плеядахъ и Орионѣ. Наблюденія надъ видимымъ движеніемъ звѣздъ указали на особенность Полярной Звѣзды, на ея неподвижность, и сдѣлали эту звѣзду путеводительницей кочевниковъ въ ихъ странствованіяхъ по степямъ. Всѣ звѣзды совершаютъ круговое движеніе по небу, одна Полярная вѣчно стоитъ на мѣстѣ; естественно, что въ ней первые наблюдатели неба увидѣли залогъ прочности міра. Если спокойное положеніе звѣзды будетъ нарушено, наступитъ конецъ міра. Нѣкоторые сюжеты изъ ордынскаго эпоса прямо указываютъ на такое мировое значеніе этой звѣзды. Сравненіе съ ними другихъ ордынскихъ сюжетовъ приводитъ къ убѣжденію, что во

многихъ другихъ случаяхъ можно видѣть мнѣзъ Полярной Звѣзды, если съ сюжетомъ связана идея о неподвижности, о вращательномъ движеніи или о высокомъ положеніи предмета. Къ этой звѣздѣ можно свести представленія о горѣ Сумеру, или Сумбырь по монгольскому произношенію; по народному представленію она стоитъ въ центрѣ міра; Полярная Звѣзда—это маковка на кумирѣ, стоящей на вершинѣ этой горы. По легендѣ, записанной у калмыковъ, мутовкой для боговъ, когда они пахтали океанъ, служила гора Сумеру (т.-е. Полярная Звѣзда; въ санскритской редакціи мутовкой служила гора Мандара). Подъ мутовкой, которая была у Чингиса и съ которой была связана идея о благоденствіи, также вѣроятно слѣдуетъ разумѣть Полярную Звѣзду. Идея о народномъ благоденствіи соединяется иногда и съ горой; выше мы говорили о горѣ-эрдени, которая была унесена въ приданое за монгольской царевной, и съ ней вмѣстѣ ушло счастье монгольскаго народа. Разказы о горѣ, которую несть богатырь, представляютъ отрывокъ изъ легенды о приносѣ горы, о которой, вѣроятно, было представленіе какъ объ источникѣ благоденствія. Легенда о горѣ Богдо, въ нивовьяхъ Волги, рассказывала о богатырѣ, который несть святиню (по редакціи, которая живетъ около береговъ оз. Зайсана, надо догадываться, что святиня называлась Калмы), но не донесъ; гора остановилась на пути, какъ статуя Гомбогуру, и осталась на томъ же мѣстѣ до настоящаго времени. Статуя Гомбогуру остановилась на высокомъ перевалѣ; этотъ перевалъ получилъ названіе „перевалъ божьяго зада“, Бурханъ-боксинъ-дабанъ, потому что богоносецъ Абатай отрубилъ верхнюю половину статуи и унесъ, такъ что на перевалѣ остался только задъ бога. Мы подозрѣваемъ въ названіи Бурханъ-боксы, „задъ бога“, домышленіемъ испорченное Бурханъ-баксинъ, и предлагаемъ предположеніе, что имя это придавалось Полярной Звѣздѣ; въ мнѣяхъ первоначально имя Бурханъ-бакши относилось къ божеству Арья-Бало; но потомъ оно вмѣстѣ съ легендой было перенесено на Будду, также какъ на Будду было перенесено и представленіе о Чакравартинѣ, „вращатель колеса“, т.-е. о міродержцѣ или міроправителѣ.

Неподвижное положеніе звѣзды въ легендахъ отразилось образомъ подвижника, сидящаго въ пещерѣ на высокой горѣ и совершающаго трудъ спокойнаго, неподвижнаго сидѣнья. Такова монгольская легенда о Меле-бурханѣ (богъ Меле) или Меле-гуру, къ пещерѣ котораго забѣгаютъ три преслѣдуемыхъ охотниками оленя, которыхъ теперь народъ указываетъ въ трехъ звѣздахъ Пояса Оріона. Если олени—три звѣзды Оріона, если неподвижно

сидящаго бога, передъ которымъ они остановились, нужно искать между звѣздами же, то приличіе всего увидѣть въ этомъ богѣ Полярную Звѣзду. Разсказъ о Балъ-Дорчжи, забѣжавшемъ въ пещеру и окаменѣвшемъ въ ней, представляетъ видоизмѣненіе этой темы. Подражательность подъ влияніемъ подобныхъ легендъ вызвала на практикѣ обычай укрываться въ пещерѣ и совершать подвигъ столпничества, исполнять трудъ сохраненія неподвижнаго положенія тѣла.

Та же самая исключительность звѣзды породила легенды о богатырѣ, закопанномъ по горло въ землю, привязанномъ къ дереву (какъ напримѣръ въ алтайской сказкѣ „сынъ неба Темиръ-бось“) или пригвожденномъ къ стѣнѣ. Отсюда ордосскій столпникъ Алтынъ-хатасынъ, имя котораго совпадаетъ съ именемъ Полярной Звѣзды, Бала-Мамбыръ, тѣло котораго распялено цѣпями между четырьмя стѣнами зданія, разные пригвожденные къ небу или землѣ турецкіе богатыри (иногда семью гвоздями), наконецъ нашъ Потокъ, прибитый къ стѣнѣ гвоздями.

Въ связи съ этими представленіями образовался культъ бога Арья-Бало. Подъ этимъ именемъ, судя по нѣкоторымъ деталямъ легендъ, подразумѣвалось солнце, но можетъ быть въ немъ смѣшивались представленія и о другихъ звѣздахъ или совѣздіяхъ.

Такъ напримѣръ, въ тибетской легендѣ Шантиварманъ не могъ доставить Арья-Бало на мѣсто; богъ явился на деревѣ, на дорогѣ, и дальше не пошелъ. Это указываетъ какъ будто на остановившюся на одной точкѣ неба Полярную Звѣзду. Въ предшествующемъ же текстѣ легенды на мѣстѣ Арья-Бало стоитъ выраженіе „пять боговъ“; что наводитъ на мысль, что дѣло идетъ о совѣздіи изъ пяти звѣздъ (Плеяды?).

Изъ центральной Азіи, съ передвиженіемъ племенъ на Западъ, онъ былъ занесенъ въ Европу, вѣроятно прежде, чѣмъ буддизмъ появился въ Монголіи. Сходство гомеровскаго эпоса съ „Гесэриадой“ свидѣтельствуетъ, что этотъ культъ явился въ Европу очень рано; въ позднѣйшее время передача сюжетовъ изъ средней Азіи продолжалась; если въ это время степи были заняты тюрко-монгольской расой, то это должно было отразиться на позднѣйшихъ заимствованіяхъ.

Съ перекочевкой на Западъ тюрко-монгольскихъ племенъ, можетъ быть уйгуровъ, можетъ быть смѣси изъ уйгуровъ и монголовъ, эпическое богатство центральной Азіи было принесено въ южную Россію и хранилось первоначально въ памяти тѣхъ, можетъ быть, неоднобразныхъ племенъ, которыя входили въ составъ хазарскаго государства. Хазарь-хаганъ былъ

живымъ онгономъ или фетишемъ хазарскаго народа, въ родѣ того, какимъ теперь залогомъ народнаго благосостоянія и безопасности почитается тибетцами далай-лама, или монголами—богдогегенъ (уринскій хутухта). Какъ теперь въ монгольскомъ народѣ живутъ легенды о первомъ богдогегенѣ, извѣстномъ у нихъ подѣ именемъ Ундурь-гегена, такъ вѣроятно и въ хазарскомъ народѣ циркулировали легенды о первомъ хазарь-хаганѣ, и это были тѣ легенды, которыя мы назвали древними культовыми легендами Монголіи: именно, легенда о введеніи новаго культа, повѣсть о Гэсэрѣ и преданія о Чингисъ-ханѣ.

Изложенная въ этой статьѣ гипотеза, отступая отъ господствующей, представителями которой являются А. Н. Веселовскій и В. Θ. Миллеръ, приближается къ міеологической, но не совпадаетъ съ нею, потому что міеологическая школа принимаетъ былинный эпосъ за продуктъ національнаго творчества, тогда какъ предлагаемая гипотеза смотритъ на него, если не въ полномъ его составѣ, то отчасти, какъ на заимствованіе. Въ отличіе отъ міеологической ее можно бы назвать „культовой“, потому что она предполагаетъ заимствованіе культа.

Господствующая гипотеза смотритъ на эпосъ какъ на компиляцію; она отрицаетъ самостоятельное творчество, самостоятельную фантазію, но допускаетъ компилятивный трудъ былинно-слагателей; она признаетъ частичное заимствованіе—отдѣльными сюжетами или даже тѣмами.

Гипотеза г. Стасова отрицаетъ вовсе трудъ былинно-слагателей; былинны—это переводы съ татарскихъ былинъ, только слегка покрашенные русскими цвѣтами. Предлагаемая гипотеза отрицаетъ не только самостоятельный вымыселъ, но и компилятивный трудъ; былинны—культовые легенды, принесенныя съ культомъ. Она болѣе архаична, чѣмъ неофилологическая гипотеза. Она не предполагаетъ постройки на русской почвѣ; эпосъ—это обломки зданія, если перенесеннаго на новую почву, то въ видѣ цѣльнаго организма, который тутъ распался, но части его лежатъ приблизительно на тѣхъ же мѣстахъ; тогда какъ господствующая гипотеза усматриваетъ на русской почвѣ постройку новаго зданія изъ обломковъ старыхъ зданій, занесенныхъ отовсюду и съ Востока, и съ Запада, но преимущественно съ Запада или Юго-запада. Изъ этихъ кусковъ строились новыя сооруженія, съ цѣлью свѣтскаго развлеченія, и планъ ихъ не имѣетъ никакого отношенія къ потребностямъ культа.

Случайно подвернувшіеся обломки нанизываются на одно и

то же имя и связываются съ нимъ механически, безъ внутренней цѣлости, ничѣмъ не обобщаемыя.

Предлагаемая гипотеза въ отличіе отъ этой механической можетъ быть названа органической.

Съ точки зрѣнія этой гипотезы ордынскій фольклоръ приобретаетъ важное значеніе. Къ сожалѣнію, силы нашихъ ориенталистовъ такъ малы, что онѣ разобраны для исполненія многихъ другихъ задачъ, которыя считаются насущнѣе: переводы священнаго писанія на инородческіе языки для миссіонерскихъ цѣлей, изданіе словарей, хрестоматій. Сказки и тому подобный матеріалъ остается нетронутымъ; среди нашихъ ориенталистовъ нѣтъ ни одного фольклориста. Между тѣмъ степи центральной Азіи, отдѣленные отъ южныхъ береговъ материка культурными странами, Персіей, Индіей, Китаемъ, дающими большой и благодарный матеріалъ для изслѣдованія европейскимъ ученымъ, рѣдко посѣщаются послѣдними; центральная Азія какъ бы предоставлена исключительно русскимъ ученымъ, и русскіе монголисты до сихъ поръ были многочисленнѣе, чѣмъ европейскіе.

Вопросъ о разработкѣ ордынскаго фольклора, повидимому, назрѣлъ. Изслѣдователи русскаго былиннаго эпоса не разъ уже обращались къ этому восточному источнику, какъ, напримѣръ, В. В. Стасовъ, В. Ө. Миллеръ, отчасти А. Н. Веселовскій (легенда о сотвореніи міра, Атилла).

Изученіе ордынскаго фольклора несомнѣнно приведетъ къ нѣкоторымъ измѣненіямъ взглядовъ на происхожденіе былиннаго эпоса и, можетъ быть, выяснитъ участіе орды въ исторіи христіанской легенды.

Г. Потанинъ.

НЕОКОНЧЕННАЯ ПОВѢСТЬ

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

IV *).

Дни проходили за днями. Событія громадной важности, переплетаясь съ мелочами и дразгами жизни, и иногда подчиняясь ихъ вліянію, уносились куда-то, оставляя за собой едва замѣтные слѣды, заметаемые очень скоро новыми событіями и новыми дразгами. Нелѣпная война, поглотившая столько милліардовъ и столько неповинныхъ людей, кончилась Парижскимъ миромъ, то-есть сравнительно—ничѣмъ. Побѣжденные защитники павшаго Севастополя могли безъ краски стыда въ лицѣ возвращаться на родину, и русское общество встрѣчало ихъ какъ триумфаторовъ. Великій писатель, сражавшійся самъ въ рядахъ ихъ и написавшій нѣсколько геніальныхъ очерковъ Севастополя, впоследствии отнесся критически къ этимъ оваціямъ и встрѣчамъ. Конечно, въ нихъ было много восторженно-дѣтскаго, но это вовсе не было упоеніе побѣдой, а радостное сознаніе честно исполненнаго долга. И въ то же самое время, какъ рѣзкій диссонансъ въ этомъ хорѣ общаго ликования, уже начиналось дѣло о неслыханныхъ злоупотребленіяхъ комиссаріатскаго вѣдомства...

Пышныя торжества коронаціи были послѣдней гранью между невозвратно-ушедшимъ прошлымъ и новой, широко-раскрывавшеюся жизнью.

*) См. выше: апрѣль, 635 стр.

Что же дастъ эта новая жизнь? Вся Россія замерла въ лихорадочномъ ожиданіи. Одни надѣялись, другіе боялись; но такъ какъ ничего опредѣленнаго еще не было извѣстно, то надѣялись на слишкомъ многое, — и боялись всего.

Въ Петербургѣ, гдѣ самыя мелкія явленія жизни принимаютъ иногда въ глазахъ общества грандіозные размѣры, ожиданіе это не было очень замѣтно. Въ свѣтѣ избѣгали говорить о такомъ неприятомъ предметѣ и склонялись къ мысли, что, можетъ быть, эта „чаша“ пройдетъ мимо; да и личные интересы огромнаго большинства не были такъ задѣты предстоящей реформой, какъ въ провинціи.

„Чортъ ли мнѣ въ реформѣ?! — размышлялъ Сергій Павлычъ Висягинъ. — Отберутъ у меня, или не отберутъ тѣ восемьдесятъ душъ, которыя мнѣ приходится по раздѣлу съ братомъ, — это мнѣ почти все равно. А вотъ дадутъ ли мнѣ на Пасху Бѣлаго Орла, — это мнѣ интереснѣе“...

Возвратясь поздно ночью съ какого-то бала, графиня Хотынцова прошла прямо въ комнату мужа, зажгла всѣ свѣчи и, растолкавъ графа, сказала:

— Базиль, могу сообщить тебѣ важную новость. Сейчасъ княгиня Марья Захаровна сказала мнѣ, что никакихъ перемѣнъ больше не будетъ. Правительство и безъ того дало много свободы. Теперь за границу можетъ ѣхать всякій, кто хочетъ; офицеры гуляютъ въ пальто и фуражкахъ, и всѣ курятъ на улицѣ... Чего жъ имъ больше? А мужиковъ рѣшено освободить черезъ пятьдесятъ лѣтъ. Я нарочно тебя разбудила, чтобы ты могъ спать спокойно.

Графъ Василій Васильевичъ еще протиралъ глаза, чтобы рѣшить, — видитъ ли онъ все это во снѣ, или на яву, какъ графиня исчезла.

— О, Господи, какой крестъ я несу! — ворчалъ онъ про себя, ища ногами туфли и вставая съ постели, чтобы тушить свѣчи.

Первый севастополецъ, увидѣнный Угаровымъ, былъ Семенъ Семеновичъ Кублицевъ. Пробывъ всѣ одиннадцать мѣсяцевъ въ Севастополѣ и получивъ Георгія, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ прошеніемъ объ отставкѣ „по домашнимъ обстоятельствамъ“. Его мать, у которой уже открылась водяная, настоятельно требовала отъ него этой жертвы. Флигель-адъютантъ, просящійся въ отставку, представлялъ совсѣмъ новое явленіе. Онъ былъ отпущенъ съ неудовольствіемъ, но все-таки получилъ званіе шталмейстера. Наканунѣ отъѣзда онъ завернулъ поужинать къ Дюкрд.

Всѣ „друзья дома“ были съ нимъ знакомы. Угарова онъ въ первую минуту не узналъ, но потомъ вспомнилъ о совмѣстномъ пребываніи съ нимъ въ Троицкомъ и очень долго передъ нимъ извинялся. Конечно, весь вечеръ онъ долженъ былъ рассказывать о Севастополѣ. О себѣ онъ вовсе и не упоминалъ въ разсказахъ, но о другихъ, особенно о морякахъ, говорилъ съ паэосомъ, переходившимъ въ декламацию. Чувствовалось, что онъ говоритъ искренно, но что рассказы свои онъ тщательно обдумалъ и приготовилъ заранѣе, такъ какъ рассказывать ему приходилось въ очень высокихъ сферахъ. Когда же князь Киргизовъ, по духу противорѣчія, попробовалъ высказать кое-какія сомнѣнія, Семень Семеновичъ, до-нѣльзя мягкій въ обращеніи, остановилъ его очень рѣзко. Князь отыгрался на интендантскихъ чиновникахъ. Онъ ругалъ ихъ всласть, и Кублицевъ за нихъ не заступался.

Съ большой похвалой отозвался Семень Семеновичъ и о товарищахъ Угарова, которыхъ близко зналъ. Андрей Константиновъ, ставшій и въ Севастополѣ, какъ въ лицѣ, предметомъ общей любви, былъ убитъ 27-го августа, выбивая французовъ изъ редута Шварца. Гуркинъ былъ такъ потрясенъ смертью друга, что не захотѣлъ вернуться въ Петербургъ, и зарылся въ своей деревнѣ, гдѣ-то въ херсонской губерніи. Второй Константиновъ—Дмитрій, нѣсколько разъ раненый и уѣшанный знаками отличія, былъ взятъ въ адъютанты однимъ важнымъ генераломъ и уѣхалъ за границу лечиться.

Угаровъ уже зналъ о смерти Константинова; это была первая смерть, отъ которой болѣзненно сжалось его сердце. До тѣхъ поръ смерть представлялась ему чѣмъ-то страшнымъ, но въ то же время и чѣмъ-то мнѣческимъ, не имѣющимъ никакого отношенія къ нему и къ близкимъ ему людямъ. Послѣ торжественной панихиды, отслуженной въ лицѣ всѣмъ выпускомъ, Угаровъ нѣсколько дней ни о чемъ другомъ и думать не могъ. Понемногу это впечатлѣніе поблѣднѣло, но подъ вліяніемъ разсказовъ Кублицева оно воскресло съ новою силой. Всю ночь мерещилось Угарову смуглое, симпатичное лицо погибшаго товарища. Добрые глаза смотрѣли на него съ укоромъ и какъ будто говорили:—вотъ ты живешь, пользуешься обществомъ другихъ людей, ужинаешь у Дюкрд, спишь въ теплой постели, а я лежу одинъ въ сырой и темной ямѣ... За что?

И Угарову казалось, что онъ въ чемъ-то виноватъ передъ Константиновымъ, что онъ недостаточно цѣнилъ его при жизни. Совѣсть упрекала его и за то, что послѣ выпускного кутежа

онъ проспалъ все утро и не прѣхалъ проводить Константинова на желѣзную дорогу.

Вообще Угарову жилось не весело. Тѣ мечты о счастьѣ, съ которыми онъ ѣхалъ въ Петербургъ, понемногу разлетались какъ дымъ. Женщина „ослѣпительной“ красоты не появлялась, любовь не приходила. Одно время онъ задумалъ опять ухаживать за Эмилией Миллеръ и началъ каждый вечеръ ходить наверхъ. Эмилія держала себя съ большимъ достоинствомъ и не дѣлала никакого шага для возобновленія прежнихъ отношеній, а Угаровъ испытывалъ странное ощущеніе: когда онъ не видѣлъ Эмилиі, она представлялась его воображенію красавицей, но при каждомъ новомъ свиданіи онъ находилъ, что она опять подурнѣла. Иногда у Миллеровъ бывали необычайно скучные гости, но когда ихъ не было, Угаровъ чувствовалъ себя хорошо въ этомъ простомъ и тихомъ домѣ, несмотря на шутивыя заигрыванія и мѣщанскія выходки генеральши. Стоило ему, напримѣръ, похвалить какой-нибудь коверъ, генеральша сейчасъ же заявляла:

— О, это прекрасный коверъ, онъ стоитъ сорокъ-шесть рублей.

Передавая ему стаканъ чаю на подстаканникѣ, она прибавляла:

— Посмотрите, какой отличный мельхіоръ!

Разъ они сидѣли за чаемъ втроемъ. Карлуша, державшій и мать и сестру въ ежовыхъ рукавицахъ, почти никогда не бывалъ дома по вечерамъ. Раздался звонокъ, и въ залу скорыми шагами вошла дѣвушка небольшого роста, въ темномъ дорожномъ платьѣ, съ сакъ-вожжемъ въ рукахъ. И мать и дочь бросились ее цѣловать съ самыми шумными изъявленіями радости. Эмилія сейчасъ же увела ее въ свою комнату, откуда скоро явилась горничная съ просьбой прислать чай туда. Угаровъ успѣлъ только замѣтить, что прѣхавшая была некрасива и худа, но глаза у нея были очень умные.

— Это моя племянница, Вильгельмина фонъ-Экштаттъ, — пояснила генеральша. — Она къ намъ прѣехала изъ Ревеля. О, эта дѣвушка будетъ играть большой роль въ нашемъ семействѣ...

Генеральша остановилась, ожидая вопроса; но Угаровъ молчалъ, не считая приличнымъ спрашивать. Генеральша не выдержала.

— Владиміръ Николаевичъ, — заговорила она почти шопотомъ: — я васъ считаю какъ за родственника и сейчасъ вамъ скажу, какой роль будетъ играть Вильгельмина въ нашемъ семействѣ. Она — невѣста Карлуши.

— Какъ! Карлуша женится? — воскликнулъ Угаровъ. — Онъ ничего мнѣ объ этомъ не говорилъ.

— О, ради Бога, не говорите ему, что я вамъ сказала... Это большой, большой секретъ. Ихъ свадьба будетъ черезъ два года.

— Только черезъ два года? Отчего же это?

— Это оттого, что Карлуша надѣется быть тогда столоначальникомъ, и ему общали въ одной компаніи мѣсто съ два тысяча жалованья, и еще нашъ дядя Рудольфъ фонъ-Эшптадтъ завѣщаль Вильгельминѣ двадцать тысячъ серебромъ, съ условіемъ, что Вильгельмина можетъ трогать свой капиталъ, когда ей будетъ двадцать-пять лѣтъ. Съ процентами будетъ двадцать-одинъ тысячь шестьсотъ рублей. А теперь имъ было бы трудно, очень трудно жить.

— Но вѣдь и ждать имъ трудно, Эмилія Федоровна. Мало ли что можетъ случиться въ два года? Они могутъ разлюбить другъ друга, измѣнить намѣреніе...

— О, нѣтъ, Владиміръ Николаевичъ, нѣтъ, нѣтъ. Когда они дали свои слова передъ Богомъ, они ничего измѣнить не могутъ.

Не желая мѣшать семейной радости, Угаровъ ушелъ домой. На другой день онъ рѣшилъ, что остывшее чувство не можетъ быть разогрѣто, и началъ опять проводить всѣ свои вечера у Дюкрд.

Шарлота познакомила его съ своей подругой Полиной — хорошенькой и болтливой француженкой, но знакомство это не имѣло большихъ послѣдствій. Какъ разъ наканунѣ Полина столкнулась у Дюкрд и познакомилась съ графомъ Строньскимъ. Смѣтливая парижанка рассчитала, что ей выгоднѣе заняться пріѣзжимъ богатымъ полякомъ, а Угаровъ никогда не уйдетъ. Тѣмъ не менѣе она изрѣдка принимала его по утрамъ, когда графъ ѣздилъ ради своего нескончаемаго процесса въ сенатъ или просіяживалъ долгіе и скучные часы въ министерскихъ пріемныхъ.

Второе разочарованіе постигло Угарова на службѣ. Походивъ около года въ департаментъ безъ всякихъ занятій, онъ получилъ мѣсто младшаго помощника столоначальника, и въ теченіе шести мѣсяцевъ велъ алфавитный реестръ входящихъ и исходящихъ бумагъ. Это была чисто механическая работа, не представлявшая ни малѣйшаго интереса. Черезъ полгода, такъ какъ департаментъ былъ переполненъ, и по службѣ не предвидѣлось никакого движенія, Угарову предложили быть старшимъ помощникомъ сверхъ штата, т.-е. безъ жалованья. Онъ съ радостью согласился, и ему начали поручать кое-какіе доклады. Одно изъ первыхъ поручен-

нымъ ему дѣло было большое Зотовское дѣло, надѣлавшее много шума въ Петербургѣ. Оно уже длилось много лѣтъ и теперь было прислано изъ другого министерства на заключеніе графа Хотынцева. При первомъ знакомствѣ съ этимъ дѣломъ, Угаровъ убѣдился какъ въ вопіющихъ злоупотребленіяхъ мѣстныхъ властей, такъ и въ невѣрномъ, пристрастномъ взглядѣ министерства, производившаго дознаніе. Угаровъ перевезъ это многотомное дѣло къ себѣ на домъ, окружилъ себя сводами законовъ и просиживалъ за работой цѣлыя ночи. Въ затруднительныхъ случаяхъ онъ обращался къ Миллеру, который очень скоро разрѣшалъ всѣ недоумѣнія и хвалилъ его работу.

— Ты вообще смотришь на дѣло правильно, но слишкомъ размазываешь. Главное: сокращай и сокращай...

По окончаніи работы, Угаровъ употребилъ еще нѣсколько дней на сокращеніе, и все-таки исписалъ довольно мелкимъ почеркомъ десять листовъ. Когда онъ сдалъ дѣло въ столъ, Онуфрій Иванычъ почесалъ у себя затылокъ и сказалъ:

— Н-да... У насъ давно не было такихъ большихъ докладовъ. Сергій Павловичъ продержитъ его, пожалуй, съ недѣлю.

Но прошло двѣ недѣли, а судьба доклада была неизвѣстна. Угаровъ нетерпѣливо ждалъ результата и уходилъ изъ министерства послѣднимъ. Иногда отъ скуки онъ заходилъ въ кабинетъ къ Ильѣ Кузьмичу, который очень его полюбилъ и часто удивлялъ своей откровенностью.

— Почитайте и уважайте меня, Владиміръ Николаевичъ, яко пророка, — сказалъ однажды правитель канцеляріи. — Помните ли, что я вамъ года два тому назадъ говорилъ насчетъ Якова Иваныча?

Теперь все министерство уже называло Горича не иначе, какъ Яковымъ Иванычемъ.

— Вы, кажется, говорили, что Горичъ со временемъ смѣнитъ васъ...

— Такъ-съ, память у васъ хорошая. Ну, такъ вотъ графъ уже говорилъ со мной объ этомъ. Это была, можно сказать, комедія въ трехъ актахъ, и я вамъ сейчасъ изображу ее. Первый актъ начался съ того, что третьяго дня графъ присылаетъ за мной вечеромъ. Я вхожу и вижу, что лицо у него глубоко-мысленное и въ то же время хитрое: видимо, хочетъ меня провести.

Илья Кузьмичъ сдѣлалъ изъ своего лица гримасу, напомнившую нѣсколько графа Хотынцева, и заговорилъ совсѣмъ его голосомъ:

— „Вы знаете, Илья Кузьмичъ, что я бы хотѣлъ всю жизнь не разставаться съ вами, но вы сами нѣсколько разъ заявляли, что хотите уходить, а потому намъ необходимо заранѣе подумать о вашемъ преемникѣ. Кого бы вы думали назначить?“ Я молчу, а громовержецъ продолжаетъ еще хитрѣе: „Я, признаюсь, охотно бы назначилъ Горича, но вѣдь онъ слишкомъ молодъ... а, какъ вы думаете?“ — „Да, графъ, дѣйствительно онъ молодъ“. Графъ видитъ, что я не ловлюсь, и переходитъ въ другой тонъ. „Впрочемъ, Горичъ не по лѣтамъ развитъ и вполнѣ дѣльный человѣкъ, да и кромѣ того какой онъ работникъ. А, какъ вы находите?“ — „Да, дѣйствительно онъ работникъ хорошій“. Громовержецъ обрадовался и этому. „Ну да, такъ вы совѣтуете мнѣ назначать Горича? Впрочемъ, мы объ этомъ еще поговоримъ“. Второй актъ происходилъ вчера. Рано утромъ посылаетъ за мной графиня Олимпиада Михайловна и принимаетъ меня въ лиловомъ будуарѣ, въ утреннемъ костюмѣ, въ какихъ-то обольстительныхъ кружевахъ. „Илья Кузьмичъ, неужели это правда? Вы требуете отъ Базиля, чтобы онъ на ваше мѣсто назначилъ Горича? Ради Бога, не вѣшайтесь въ это дѣло; я сама найду ему правителя канцеляріи, это моя прямая обязанность. А пока умоляю васъ, не уходите. Если вы не можете сдѣлать это для Базиля, то принесите жертву для меня“... Какъ вамъ это нравится, Владиміръ Николаевичъ? Я почему-то обязанъ приносить жертвы этому противному кружевному истукану! Ну, а третій актъ я ужъ самъ сыгралъ сегодня. Сообразивъ положеніе дѣла, я напрямикъ объявилъ графу, что жить на одну пенсію мнѣ будетъ тяжело, и что я уйду только тогда, когда онъ выхлопочетъ мнѣ аренду въ двѣ тысячи.

Черезъ нѣсколько дней Угаровъ засталъ Илью Кузьмича въ припадкѣ неудержимаго смѣха.

— Поздравьте меня, Владиміръ Николаевичъ, я сдѣлалъ важное открытіе. Я узналъ, въ чемъ заключаются историческія занятія нашего министра. Подхожу я сейчасъ къ его кабинету, и, заглянувъ мимоходомъ въ зеркало, вижу, что у меня галстухъ развязался. Я сталъ его поправлять, а дверь въ кабинетъ была немного отворена, и вдругъ я слышу — графъ самымъ своимъ глубокомысленнымъ тономъ спрашиваетъ у Горича: „Скажите, mon cher, какъ вы думаете: Потемкинъ былъ въ связи съ графиней Браницкой, или это была платоническая любовь?“ Я, знаете, послѣ этого не имѣлъ духу войти къ нему, а прибѣжалъ сюда, вотъ, и хохочу до сихъ поръ.

Наконецъ, Угарова позвали къ директору. Сергѣй Павлычъ ласково протянулъ ему руку.

— Садитесь пожалуйста. Хотите курить?

Когда папиросы были закурены, Сергѣй Павлычъ началъ внимательно всматриваться въ окно, выходявшее на дворъ министерства, вставилъ стеклышко и заговорилъ своимъ звучнымъ голосомъ:

— Я прочиталъ вашу первую серьезную работу и долженъ отдать вамъ полную справедливость. Вы отнеслись къ дѣлу добросовѣстно, потратили на него много труда и таланта, но... но спрашивается: къ чему все это?..

Лицо Угарова выразило полное недоумѣніе.

— Вы опровергаете мнѣніе министра, приславшаго намъ дѣло. Неужели вы думаете убѣдить его вашими доводами? Какія бы были послѣдствія, еслибы графъ утвердилъ вашъ докладъ? Тотъ министръ черезъ нѣсколько времени вернулъ бы дѣло опять къ намъ, но при этомъ написалъ бы графу такое частное письмо, что мы бы были должны измѣнить нашъ отзывъ. Впрочемъ, онъ можетъ обойтись и безъ этого, можетъ провести дѣло въ комитетъ министровъ, или войти съ особымъ докладомъ... Во всякомъ случаѣ онъ поступитъ по своему мнѣнію, а не по вашему.

— Но что же мнѣ было дѣлать, Сергѣй Павлычъ?—спросилъ Угаровъ.—Неужели я долженъ былъ писать противъ своего убѣжденія?

— Нѣтъ, зачѣмъ же? Вы могли высказать свои убѣжденія, но въ иной формѣ. Вы могли бы, на примѣръ, начать такъ: „Хотя на это можно возразить то-то и то-то“... ну и высказать свои убѣжденія—только конечно на пяти-шести, а не на сорока страницахъ—а въ концѣ все-таки сказать, что мы, тѣмъ не менѣе, не находимъ препятствій... Да и потомъ надо всегда обращать вниманіе на то, откуда къ намъ поступило дѣло. Если оно прислано на заключеніе какимъ-нибудь завѣвающимъ министромъ, ну тогда можно, пожалуй, немного поумничать... Но вѣдь Зотовское дѣло прислано княземъ Василюмъ Андреичемъ, и съ нимъ бороться трудно. Ему можно отвѣчать только такъ, какъ я отвѣтилъ. Я послѣ васъ конечно не хотѣлъ поручать дѣло кому-нибудь другому и самъ занялся имъ.

И Сергѣй Павлычъ съ торжествомъ началъ читать великолѣпно переписанный и совсѣмъ готовый докладъ, на которомъ не хватало только подписи графа Хотынцева.

„Вслѣдствіе отношенія Вашего Сіятельства за номеромъ 1244-мъ...“ ну, тутъ идутъ формальности... „Разсмотрѣвъ съ

полнымъ вниманіемъ вышеозначенное дѣло, я нахожу“... И послѣ этого я почти цѣликомъ выписалъ мнѣніе самого князя Василія Андрееча, которое вы видѣли въ дѣлѣ. Ну, конечно, я немного измѣнилъ нѣкоторые фразы и рассыпалъ, раг-сі, раг-ла, эти ничего незначащія словечки, которыя я называю канцелярскими арабесками, какъ-то: „Независимо сего“, или: „нельзя съ другой стороны не обратить вниманія и на то“... или вотъ эту фразу (и Сергѣй Павлычъ ткнулъ въ нее пальцемъ): „Переходя затѣмъ отъ общихъ основаній дѣла къ вопросу о нарушеніи казеннаго интереса“... Au fond tout ça ne dit rien, mais ça fait bien dans le paysage.

— Позвольте мнѣ, Сергѣй Павлычъ, сдѣлать одинъ вопросъ, — сказалъ робко Угаровъ. — Затѣмъ же въ такомъ случаѣ намъ присылаютъ дѣла на заключеніе? Вѣдь это — ненужная формальность.

— Затѣмъ? — повторилъ Висягинъ, рассматривая что-то на потолкѣ. — А затѣмъ, мой юный другъ, чтобы намъ можно было получать жалованье и не умереть съ голоду. Еслибы уничтожить все то, что можетъ вамъ показаться ненужной формальностью, тогда могли бы упразднить все наше министерство и довольствоваться однимъ Ильей Кузьмичемъ съ двумя писцами.

Угаровъ вышелъ какъ ошпаренный изъ директорскаго кабинета. Послѣ этого онъ написалъ еще нѣсколько докладовъ по рецепту Сергѣя Павлыча, но работа эта была ему противна, а такъ какъ онъ считался чиновникомъ сверхъ штата, то скоро со всѣмъ пересталъ ходить въ департаментъ.

Чтобы чѣмъ-нибудь наполнить свои досуги, Угаровъ абонировался въ книжномъ магазинѣ и библиотекѣ для чтенія Овчинникова. Въ библиотекѣ былъ большой выборъ русскихъ и французскихъ книгъ, за которыми Угаровъ заходилъ раза два въ недѣлю. Главный приказчикъ оказался очень любезнымъ человекомъ, самъ выбиралъ для Угарова книги и охотно вступалъ въ разговоръ о прочитанномъ. Это былъ маленький, коренастый человекъ, лѣтъ тридцати, очень бѣлокурый и блѣдный. Глаза у него были маленькіе, взглядъ пронизательный и быстрый, усы почти бѣлые. Звали его Орестомъ Ивановичемъ Сомовымъ. Разъ вечеромъ, передъ самымъ закрытіемъ магазина, Угаровъ принесъ старыя „Отечественныя Записки“, гдѣ ему очень понравилась статья о Пушкинѣ.

— Еще бы! — воскликнулъ Сомовъ. — Это статья Бѣлинскаго!

Угаровъ смутно зналъ что-то о Бѣлинскомъ. Это имя не произносилось ни на каедрѣ, ни въ печати. Сомовъ началъ го-

ворить о немъ, глаза его заблестѣли, на лицѣ появился румянецъ. Между тѣмъ девять часовъ давно пробило, приказчики разошлись, сторожъ потушилъ всѣ лампы и нѣсколько разъ входилъ въ магазинъ, намекая этимъ, что пора его запереть. Одна свѣча стояла на конторкѣ Сомова, но и та грозила сейчасъ догорѣть и погаснуть. Вдругъ за конторкой отворилась дверь, и на порогѣ показалась молодая женщина съ платкомъ на головѣ.

— Орестъ Ивановичъ, — сказала она вполголоса: — самоваръ давно поданъ, сейчасъ погаснетъ.

Угаровъ со вздохомъ взялся за шляпу. Сомову также было досадно прервать разговоръ.

— Что же, — сказалъ онъ нерѣшительно: — если вамъ не хочется спать, вы, можетъ быть, зайдете въ мою каморку.

Комната, которую Сомовъ назвалъ каморкой, была такъ мала, что не заслуживала другого названія. Большой, продавленный диванъ и нѣсколько ветхихъ стульевъ составляли ея убранство. За бѣлой кисейной занавѣской помѣщался большой кованный сундукъ и была еще дверь, за которой скрылась женщина въ платкѣ. Столъ передъ диваномъ былъ накрытъ бѣлой скатертью. На столѣ вмѣстѣ со всѣми чайными принадлежностями стояла холодная закуска. Все было очень опрятно и просто. Разговоръ продолжался и отъ Бѣлинскаго перешелъ къ другимъ писателямъ. Сомовъ имѣлъ колоссальную память и говорилъ наизусть не только стихи, но и цѣлыя страницы прозы. Въ оцѣнѣ писателей произошло разногласіе. Угаровъ боготворилъ Пушкина, а Сомовъ, очень хорошо понимая художественную сторону поэзіи, предпочиталъ стихи „съ направленіемъ“. Его любимый поэтъ былъ Некрасовъ, и онъ съ восторгомъ прочиталъ нѣсколько стихотвореній этого поэта, ходившихъ тогда еще въ рукописи и поразившихъ Угарова своей силой. Рукописей у Сомова было множество; весь сундукъ былъ наполненъ ими. Время летѣло незамѣтно, и въ пятомъ часу утра Угаровъ ѣлъ выборгскій крендель и колбасу съ такимъ удовольствіемъ, какого ему не доставляли никакіе салми и рагу французской кухни. Черезъ нѣсколько дней вечеръ повторился, потомъ Угаровъ пригласилъ Сомова къ себѣ. Тотъ долго отнѣживался, но все-таки пришелъ. Угаровъ приготовилъ такую же скромную закуску и прибавилъ только бутылку вина, отъ котораго Сомовъ рѣшительно отказался.

— Я себя знаю, — сказалъ онъ откровенно. — Если я выпью рюмку, то заплю на нѣсколько дней; а въ моемъ положеніи это невозможно.

Скоро они стали видѣться почти ежедневно, заходя по вече-

рамъ другъ къ другу, но оба предпочитали бесѣдовать въ „каморѣ“. Тамъ говорилось лучше и сидѣлось дольше. Иногда въ Сомову заходили его земляки, братья Пилкины — добрые, простые ребята. Одинъ былъ медикомъ, другой студентомъ. Способности у Сомова были такія же блестящія, какъ и память. Еще въ дѣтствѣ онъ почти самоучкой выучился французскому языку, и теперь зналъ французскую литературу такъ же основательно, какъ русскую. Однажды, говоря о нелѣпости французскихъ трагедій, онъ для доказательства отыскалъ въ библіотекѣ томъ Расина и прочиталъ вслухъ двѣ сцены, но при этомъ такъ коверкалъ языкъ, что Угаровъ не выдержалъ и разразился гомерическимъ хохотомъ. Смѣхъ этотъ подѣйствовалъ заразительно и на чтеца, и часто потомъ, когда разговоръ принималъ слишкомъ мрачное направление, Сомовъ добродушно говорилъ:

— А что, Владиміръ Николаевичъ, не почитать ли мнѣ что-нибудь по-французски?

Угаровъ отъ души полюбилъ Сомова и незамѣтно для самого себя подчинился его вліянію. Оба страстно слѣдили за ходомъ крестьянскаго дѣла. Угаровъ приносилъ извѣстія изъ оффиціального міра, а Сомовъ поставлялъ заграничныя брошюры и листки, наводнявшіе тогда Россію всевозможными путями. Въ концѣ лѣта онъ съ торжествомъ вынулъ изъ сундука первый номеръ „Колокола“. Съ каждымъ днемъ Сомовъ дѣлался все радикальнѣе и рѣвче; онъ самъ видимо жилъ подъ чьимъ-то сильнымъ вліяніемъ. Часто въ спорахъ онъ ссылался на какого-то Покровскаго, который, по его словамъ, былъ человекъ геніальнаго ума и таланта, но по цензурнымъ условіямъ не могъ ничего печатать въ Россіи. Натура Угарова противилась этимъ крайностямъ; столкновение между друзьями было неизбежно. Произошло оно изъ-за письма Герцена къ Линтону. Письмо это, напечатанное во французскихъ газетахъ въ 1854 году, появилось въ русскомъ переводѣ гораздо позже. Угаровъ не могъ допустить, чтобы русскій человекъ, какихъ бы онъ ни былъ убѣжденій, могъ обращаться ко врагамъ съ совѣтами, какимъ путемъ вѣрнѣе разгромить Россію. Съ своей стороны, Сомовъ не могъ допустить, чтобы Герценъ былъ неправъ. Споръ по этому поводу длился въ теченіе нѣсколькихъ вечеровъ. Братья Пилкины раздѣлились: медикъ былъ на сторонѣ Угарова, студентъ поддерживалъ Сомова.

— Скажите откровенно, Орестъ Ивановичъ, — спросилъ въ жару спора Угаровъ: — что вы почувствовали при извѣстіи о взятіи Севастополя?

— Сказать по правдѣ, — отвѣчалъ, подумавши, Сомовъ:—

цѣлый день мнѣ было какъ-то не по себѣ: не то грустно, не то стыдно. Но на другой же день я себя выругалъ за это и рѣшилъ, что это остатки допотопнаго воспитанія. Патріотизмъ — такой же глупый предрассудокъ, какъ и всѣ другіе.

Несмотря на эту обрисовавшуюся разность въ убѣжденіяхъ, Угаровъ горячо превозносилъ своего новаго друга. Дружба эта очень не нравилась Горичу.

— Не понимаю я, Володя, — говорилъ онъ, идя по Невскому съ Угаровымъ: — какое удовольствіе ты можешь находить въ ежедневномъ обществѣ этого приказчика...

— А я не понимаю, — возразилъ Угаровъ: — какъ при твоёмъ умѣ ты можешь такъ узко смотрѣть на вещи. Ты охотно проводишь время съ идиотами и убѣжишь на край свѣта отъ умнаго и хорошаго человѣка только оттого, что онъ приказчикъ...

— Вовсе не убѣгу. Сдѣлай милость, покажи мнѣ этого генія.

— Ну, хорошо. Онъ будетъ у меня сегодня вечеромъ. Заходи часовъ въ десять, и ты самъ убѣдишься...

— Ладно, зайду.

— И я зайду, — сказалъ Миллеръ, шедшій съ ними.

Угаровъ пришелъ домой въ началѣ десятаго часа. Сомовъ уже ждалъ.

— Орестъ Иванычъ, — сказалъ, входя, Угаровъ: — я долженъ васъ предупредить, что сегодня вы увидите у меня двухъ моихъ товарищей.

При этомъ извѣстіи Сомовъ перемѣнился въ лицѣ.

— Это съ вашей стороны нехорошо, — проговорилъ онъ взволнованнымъ голосомъ. — Вы должны были предупредить меня заранѣе.

— Еслибы я зналъ, что вамъ это будетъ такъ неприятно, я бы совсѣмъ не пригласилъ ихъ. Но чтѣ же вы имѣете противъ нихъ?

— Ничего не имѣю противъ, но и общаго съ ними у меня нѣтъ ничего. Къ чему же это знакомство? Съ вами мы сошлись какъ-то нечаянно — ну и слава Богу — я объ этомъ не жалѣю, а напротивъ того, очень этому радъ, но присоединять къ намъ новые элементы — бесполезно.

— Однако я у васъ познакомился съ Пилкиными, и отъ того не произошло ничего дурнаго.

— Да, это правда.

Сомовъ успокоился и заговорилъ о новомъ, только-что полученномъ номерѣ „Колокола“, но при первомъ звонкѣ вскочилъ и

убѣждалъ такъ стремительно, что едва не спшибъ съ ногъ Миллера въ темной передней. Угаровъ послѣ долго размышлялъ объ этомъ поступкѣ Сомова и не зналъ, чему приписать его: избытку ли смиренія, или избытку гордости?

V.

Въ началѣ октября, рано утромъ, Угаровъ былъ разбуженъ сильнымъ звонкомъ, и въ спальню его вошелъ Горичъ.

— Вотъ въ чемъ дѣло, — сказалъ онъ, не снимая пальто и шляпы: — намъ надо виѣстѣ предпринять что-нибудь относительно Сережи. Весь городъ говоритъ о его кутежахъ и безумныхъ трагатахъ, о какомъ-то пивниѣ, который онъ устраиваетъ...

— Да, это совершенно вѣрно. Я даже слышалъ, что онъ на дняхъ подписалъ крупный вексель ростовщику Розенблюму...

— Ну, вотъ видишь—его надо остановить, иначе онъ совсѣмъ погибнетъ... Но гдѣ же его найти? Я его три дня ищу какъ булавку. У графа онъ не бываетъ вовсе, въ канцеларіи тоже; сегодня я въ восемь часовъ былъ у него, даже хотѣлъ подкупить швейцара, но тотъ божится, что князь „уѣхамши“. Не ломиться же къ нему силой!

— Самое лучшее, — сказалъ Угаровъ: — поймать его у Дюкрд. Приходи туда въ пять часовъ; мы пообѣдаемъ въ отдѣльной комнатѣ, а потомъ вызовемъ его и поговоримъ серьезно.

— Ну и прекрасно, а теперь я бѣгу... Прощай...

Программа удалась какъ нельзя лучше. Сережа, вызванный товарищами, пришелъ къ нимъ съ большой радостью.

— Вотъ молодцы, что вздумали послать за мной! — сказалъ онъ, усаживаясь на диванѣ. — Я съ удовольствіемъ посижу часокъ съ вами, мы сто лѣтъ не видѣлись.

Но когда Сережа узналъ, что его вызвали по важному дѣлу, радость его мгновенно исчезла. Онъ опустилъ голову и усиленно началъ тереть одну ладонь о другую. Онъ даже сдѣлалъ попытку улизнуть, но Горичъ напомнилъ, что онъ общалъ посидѣть часокъ, и для большей вѣрности сѣлъ между Сережей и дверью.

— Что же такое случилось? — спросилъ Сережа, не поднимая головы.

— Случилось то, — отвѣчалъ Горичъ: — что мы, какъ твои товарищи и друзья, рѣшили предостеречь тебя отъ вѣрной гибели. Ты мотаешь и сорипшь деньгами какъ Крезъ какой-нибудь; ты за одинъ пивниѣ у Дорота заплатилъ болѣе четырехсотъ рублей...

— Это неправда, — возразилъ Сережа. — За пивнигъ на каждыяго пришлось по 240 рублей.

— Ну, положимъ, 240. Но развѣ ты можешь тратить по 240 рублей въ вечеръ? Сколько ты получаешь изъ дома?

— Я бы былъ очень благодаренъ тебѣ, еслибы ты мнѣ сказалъ, сколько я получаю. Мнѣ присылаютъ — сколько захотятъ и когда захотятъ.

— Во всякомъ случаѣ, — вмѣшался Угаровъ: — тебѣ не присылаютъ и десятой доли того, что ты тратишь...

— Да что вы пристаѣли ко мнѣ? — спросилъ Сережа, слегка блѣднѣя. — Я воровствомъ не занимаюсь, ни у кого на содержаніи не живу, фальшивыхъ бумажекъ не дѣлаю...

— Такъ гдѣ же ты берешь деньги?

— Беру ихъ тамъ же, гдѣ берутъ всѣ, у кого ихъ нѣтъ — занимаю.

— Но вѣдь, занимая, надо платить. Какимъ же способомъ ты думаешь расплатиться?

— Господи Боже мой, да вѣдь будетъ же когда-нибудь состояніе въ моихъ рукахъ — тогда и расплачусь.

— Да пойми ты, несчастный, что въ тому времени долговъ у тебя будетъ столько, что состоянія не хватитъ на уплату. Всего опаснѣе — написать первый вексель. Ты выдалъ вексель въ 500 рублей: въ сроку денегъ нѣтъ, 500 обратились въ тысячу и такъ далѣе. Французы говорятъ: *c'est comme une boule de neige*...

Сережа вдругъ разсмѣялся.

— Чему ты смѣешься?

— Представь себѣ, что все, что ты мнѣ говоришь сегодня, я вчера слово въ слово говорилъ Алешѣ Хотынцеву. Ну, развѣ это не смѣшно?

— А если ты самъ это говорилъ, — замѣтилъ Угаровъ: — ты долженъ сознаться, что поступаешь неблагоуразумно.

— Эхъ, Володя, да развѣ я ужъ такой идиотъ, что не могу различить, что благоуразумно и что безуразумно? Но, видишь ли, если всякую минуту справляться съ благоуразуміемъ, то и жить не стоитъ... Дай мнѣ пожить нѣсколько лѣтъ въ свое удовольствіе; что за бѣда, что состояніе мое уменьшится къ тому времени, что я буду старикомъ...

— Ты былъ бы правъ, — прервалъ Горичъ, — еслибы дѣло шло только о твоёмъ будущемъ благосостояніи; имъ ты можешь располагать какъ хочешь. Но дѣло идетъ о твоей чести. Продолжая жить, какъ ты живешь, ты можешь очутиться въ такомъ безвы-

ходномъ положеніи, въ которомъ ужъ трудно различить черту, отдѣляющую безразсудное отъ безчестнаго...

— Пока я эту черту вижу ясно.

— Вотъ поэтому тебѣ и надо остановиться, пока еще есть время. Скажи, по крайней мѣрѣ, сколько у тебя долгу?

Сережа молчалъ. Ладони съ ожесточеніемъ терлись одна о другую.

— Послушай, Сережа, ты видимо недоволенъ нашимъ вмѣшательствомъ въ твои дѣла. Повѣрь, что мы спрашиваемъ тебя не изъ любопытства, а съ цѣлью помочь тебѣ. У меня, какъ ты знаешь, ничего нѣтъ, но Угаровъ сейчасъ сказалъ мнѣ, что съ удовольствіемъ заплатитъ твои долги. Ты считаешься съ нимъ впоследствии, а теперь, конечно, дашь намъ слово, что новыхъ долговъ дѣлать не будешь.

Сережа подошелъ къ Угарову и съ чувствомъ пожалъ ему руку.

— Отъ всей души благодарю тебя, Володя; но, право, мнѣ теперь это не нужно. Если подойдетъ крайность, я самъ прибѣгну къ тебѣ. Но во всякомъ случаѣ очень, очень благодарю тебя.

— Стоитъ ли благодарить меня, если ты даже не хочешь сказать намъ, сколько у тебя долгу...

— Какъ не хочу? Вы знаете, что я отъ васъ обоихъ рѣшительно ничего не скрываю. Но, право, мнѣ невозможно сказать это сразу. У меня есть книжка, гдѣ всѣ долги записаны аккуратно.

— А книжку эту ты можешь намъ показать?

— Конечно могу, когда хотите.

— Ну такъ вотъ что. Будемъ завтра обѣдать здѣсь втроемъ въ пять часовъ; ты принесешь знаменитую книжку, и мы вмѣстѣ что-нибудь рѣшимъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ.

— Дай честное слово, что придешь.

— Изволь, даю честное слово, если безъ этого ты мнѣ не вѣришь.

На слѣдующій день Угаровъ и Горичъ пришли къ Дюкро задолго до пяти часовъ, но Сережи и въ пять не было. Прошло еще минутъ десять.

— Онъ способенъ надуть, — сказалъ Горичъ.

— Нѣтъ, если далъ честное слово, то не надуетъ.

— Конечно не надую, — сказалъ, входя, Сережа. — Но только вотъ въ чемъ дѣло: извините меня, я обѣдать съ вами никакъ не могу.

— Это отчего?—спросилъ Угаровъ.

— Зачѣмъ ты его спрашиваешь?—прервалъ его съ гнѣвомъ Горичъ. — Ты лучше спроси у меня, и я тебѣ отвѣчу. Князь Брянскій плюетъ на товарищевъ и на данное слово, потому что его пригласили какія-нибудь кокетки...

— Смотри, Горичъ,—сказалъ нѣсколько торжественнымъ тономъ Сережа: — какъ бы тебѣ не стало совѣстно за то, что ты сейчасъ сказалъ. Знай же, что я обѣдаю сегодня съ сестрами.

— Съ какими сестрами?

— У меня ихъ двѣ: Ольга и Софья.

— Какъ, твои сестры здѣсь? — воскликнули одновременно Угаровъ и Горичъ.—Съ какихъ поръ? Зачѣмъ?

— Сестры здѣсь уже съ недѣлю: Маковецкій получилъ мѣсто при главномъ штабѣ и переселился въ Петербургъ, а Соня вѣроятно прогоститъ у нихъ всю зиму.

— О, скала секретности, о, кладезь молчанія!—завопилъ Горичъ.—Отчего же ты вчера не сказалъ намъ объ этомъ?

— Право, не знаю, отчего не сказалъ. Такъ, не пришлось къ слову, вы же все время приставали ко мнѣ съ моими долгами... А главное, оттого, что онѣ только сегодня переѣхали изъ гостиницы въ свою квартиру. Вы понимаете, что мнѣ нельзя не обѣдать у нихъ на новосельѣ...

— Гдѣ же ихъ квартира? Или, можетъ быть, это тоже секретъ?

— Какой же секретъ! Литейная, домъ Тушикова. Самое лучшее: приважайте туда послѣ обѣда.

— Ну, это будетъ слишкомъ безцеремонно. Вѣроятно, они и не устроились на новой квартирѣ...

— Какой вздоръ! Всѣ они будутъ очень рады васъ видѣть. Ольга еще въ день прѣзда поручила мнѣ извѣстить васъ обоихъ...

— И ты отлично исполнилъ ея порученіе... Ну, Богъ съ тобой, убирайся. Кланяйся отъ насъ, а мы явимся завтра утромъ, благо и день будетъ воскресный.

Сережа исчезъ, очень довольный тѣмъ, что разговоръ о его долгахъ былъ отсроченъ; а Угаровъ и Горичъ, послѣ его отъѣзда, нѣсколько минутъ молча смотрѣли другъ на друга.

— Ну, что скажешь, Володя?—заговорилъ очень тихимъ голосомъ Горичъ.—Никогда нельзя предвидѣть сюрпризовъ, которые намъ готовить судьба. Давно ли ты жаловался на скуку и увѣрялъ, что ничѣмъ не можешь наполнить пустоту жизни? Съ тѣхъ поръ прошло полчаса, и жизнь твоя уже наполнена. Не спорю

что тебѣ, можетъ быть, будетъ подчасъ и грустно, и больно, но ужь скучно навѣрное не будетъ.

— А тебѣ?

— Я—дѣло другое. Мнѣ некогда ни грустить, ни скучать.

Чувство, которое испыталъ Угаровъ при этомъ неожиданномъ извѣстїи, было невыразимое смущеніе. Онъ смутился гораздо больше, чѣмъ обрадовался. Словно онъ узналъ что-то такое, что налагало на него извѣстнаго рода обязанности. Прежде всего онъ долженъ сдѣлать визитъ; но кромѣ этой обязанности онъ долженъ еще что-то почувствовать и пережить. И немедленно изъ глубины души его поднялся протестъ противъ этой обязанности.

„Что за вздоръ таковой! — размышлялъ онъ, возвращаясь отъ Дюкрѣ пѣшкомъ домой:—почему Горичъ вообразилъ себѣ, что моя жизнь теперь будетъ наполнена? Ну, да, дѣйствительно, я былъ влюбленъ въ Соню Брянскую, но съ тѣхъ поръ прошло четыре года; почему это должно продолжаться? Мало ли въ кого я былъ влюбленъ? И въ Наташу Дорожинскую, и въ Эмилию. Да Эмилія и теперь мнѣ очень нравится. Она милая, очень милая дѣвушка, и умная, и добрая. Сегодня же вечеромъ пойду къ ней, непременно пойду... Что за бѣда, что ея мать будетъ расхваливать свой мельхиоръ; зато я знаю навѣрное, что всѣ обрадуются моему приходу; а Соня, Богъ ее знаетъ, можетъ быть, не обратитъ на меня никакого вниманія,—вѣдь у нея все зависть отъ каприза... Да впрочемъ не все ли равно мнѣ это, какое мнѣ дѣло до ея капризовъ? Этотъ дуракъ Горичъ только взбаламутилъ меня... Самъ влюбленъ какъ котъ, и вадитъ съ больной головы на здоровую“...

Въ этихъ размышленїяхъ Угаровъ дошелъ до Литейной. На углу стоялъ городской. Чтобы не искать завтра Маковецкихъ, Угаровъ встать спросилъ, гдѣ домъ Тупикова.

— Пятый домъ направо, — отвѣтилъ городской.

Угарову слѣдовало идти направо, но какъ-то машинально онъ пошелъ направо и остановился передъ домомъ Тупикова. Это былъ большой домъ въ нѣсколько этажей, съ двумя подъѣздами. — „Жаль, что я не знаю, въ какомъ этажѣ; ну да все равно, узнаю завтра“. Какая-то фигура шмыгнула изъ воротъ въ подъездъ.

— Швейцаръ! — крикнулъ Угаровъ. — Здѣсь живетъ Маковецкій?

— Здѣсь, ваше сіятельство, пожалуйста. Во второмъ этажѣ, направо, второй номеръ.

— Нѣтъ, я завтра зайду. Какъ тебя зовутъ?

— Степанъ, ваше сіятельство.

Угаровъ опустилъ руку въ карманъ пальто и, найдя тамъ сорокъ копѣекъ, по неизвѣстной причинѣ отдалъ ихъ швейцару.

Уходя, онъ взглянулъ въ окна второго этажа. Они были ярко освѣщены. — „Очень можно бы зайти и сегодня; почему этотъ дуракъ Горичъ сказалъ, что это будетъ слишкомъ безцеремонно? Вообще не безцеремонно, если Сережа приглашалъ... Ну, да все равно, тѣмъ лучше; я сегодня пойду къ Миллерамъ... Какая славная дѣвушка Эмиля“!..

Но только-что Угаровъ вошелъ въ свою квартиру, ему вдругъ перестало хотѣться идти къ Миллерамъ. — „Вѣроятно, тамъ какіе-нибудь скучные гости“, подумалъ онъ для собственного оправданія. Онъ раздѣлся, надѣлъ халатъ и, сѣвъ у письменнаго стола, раскрылъ книжку „Современника“, гдѣ его очень интересовала статья объ общинномъ владѣніи землею. Прочитавъ нѣсколько строкъ, онъ опрокинулся на спинку кресла и задумался. Никакихъ опредѣленныхъ мыслей у него не было; ему просто было пріятно сидѣть одному и думать. Нѣсколько разъ онъ принимался читать и задумывался снова. Онъ слышалъ, какъ въ столовой пробило двѣнадцать часовъ, потомъ часъ, два, наконецъ три. „Однако пора спать“, рѣшилъ Угаровъ. Изъ статьи объ общинѣ онъ прочиталъ только три страницы.

Горичъ обѣщаль заѣхать за нимъ въ часть, чтобы ѣхать вмѣстѣ къ Маковецкимъ; но такъ какъ въ половинѣ второго его еще не было, Угаровъ отправился одинъ. Швейцаръ встрѣтилъ его съ шумнымъ изъясненіемъ радости и, взбѣжавъ наверхъ, самъ позвонилъ во второмъ номерѣ. Маленькій, румяный человѣчекъ, въ непомѣрно широкомъ сюртукѣ отворилъ ему дверь, помогъ снять пальто, и чтобы его не приняли за лакея, поспѣшилъ рекомендовать: „Сопруновъ-съ, Иванъ Сопруновъ, обойщикъ“... Вся передняя была загромождена сундуками и чемоданами, между которыми валялись куски обоевъ. Сильно пахло клеємъ, щетиной и свѣжей краской. Въ первой комнатѣ Угаровъ увидѣлъ Александра Вицентьевича, стоявшаго безъ сюртука на деревянной лѣсенкѣ и вбивавшаго гвоздь въ стѣну. Увидѣвъ Угарова, онъ соскочилъ и хотѣлъ надѣть лежавшій на стулѣ адъютантскій сюртукъ. Угаровъ насилу убѣдилъ его продолжать работу и вошелъ въ залу, гдѣ былъ встрѣченъ Ольгой Борисовной.

— Наконецъ-то, Владиміръ Николаевичъ, вы пріѣхали навѣстить старыхъ друзей... Впрочемъ, не извиняйтесь; Сережа сознался, что онъ только вчера сказалъ вамъ.

Но Угаровъ, чувствовавшій потребность въ чемъ-нибудь изви-

ниться, счелъ долгомъ сказать, что онъ пріѣхалъ бы раньше, но ждалъ Горича.

— Вы бы его могли долго ждать. Онъ здѣсь съ одиннадцати часовъ убираетъ Сонину комнату.

Ольга Борисовна была еще очень красива, но уже приближалась къ тому періоду, когда о красивой женщинѣ перестаютъ говорить: „какъ она хороша!“ — и начинаютъ говорить: „какъ она симпатична!“ Около нея жался семилѣтній курчавый мальчикъ въ плисовой безрукавѣ.

— Боря, ты помнишь Владиміра Николаича? — спросила Ольга Борисовна. — Помнишь, мы вмѣстѣ завтракали у дѣдушки.

Боря посмотрѣлъ на Угарова большими не-дѣтскими глазами и сказалъ:

— Да, мнѣ кажется, что помню.

— Сопруновъ! — раздался изъ кабинета голосъ Маковецкаго. — Зачѣмъ ты повѣсилъ здѣсь картину? Вѣдь я тебѣ сказалъ, что она должна висѣть въ гостиной.

— Осмѣлюсь доложить, это совсѣмъ не годится. Кабы въ гостиной были красныя шпалеры...

— Ну, не разсуждай, неси туда.

— Сопруновъ! — раздался откуда-то голосъ Горича: — иди сюда!

И Сопруновъ, взваливъ на плечи большую картину, пронесся черезъ залу.

— Вотъ незамѣнимый человекъ этотъ Сопруновъ! — сказала Ольга Борисовна. — Онъ не только квартиру намъ устраиваетъ, но даже даетъ совѣты Сонѣ, какія платья ей къ лицу. А вотъ и она...

Угаровъ оглянулся. Передъ нимъ стояла именно та женщина ослѣпительной красоты, о которой онъ иногда мечталъ. Но это вовсе не была Соня. Отъ Сони остались только глаза да еще ея чарующая улыбка. Она очень выросла, плечи ея округлились; особенную прелесть ея красотѣ придавали бѣлые, ровные зубы, „рядъ жемчужинъ“, — промелькнуло въ головѣ Угарова устарѣлое сравненіе. Нѣжныя руки съ прозрачными продолговатыми пальцами также поразили его, какъ неожиданность. Конечно, у Сони и прежде были тѣ же зубы и тѣ же руки, но Угаровъ, почему-то не замѣтилъ ихъ тогда. Онъ смотрѣлъ и не двигался съ мѣста.

— Вы, кажется, не узнаете меня, Владиміръ Николаевичъ? Неужели я такъ перемѣнилась?

Вошелъ Горичъ съ засученными рукавами скюртука и съ чернымъ столикомъ на головѣ.

— Куда прикажете поставить?—спросилъ онъ у Ольги Борисовны.—Въ комнатѣ у княжны рѣшительно нѣтъ болѣе мѣста.

— А вотъ здѣсь, здѣсь,—залепеталъ Сопруновъ:—возлѣ „фурташьянъ“ поставьте, на него можно ноты класть, тутъ ему самое настоящее мѣсто.

— Поздравляю васъ, княжна, съ новой побѣдой, — сказала Горичъ. — Сейчасъ Сопруновъ заявилъ мнѣ, что въ Петербургѣ нѣтъ ни одной барышни лучше васъ.

— Вотъ какъ передъ истиннымъ Богомъ! — началъ Сопруновъ и побѣждалъ въ переднюю, потому что кто-то позвонилъ.

Соня засмѣялась отъ удовольствія, но вообще манеры ея измѣнились: она старалась держать себя сдержанно и солидно.

— Министерша пріѣхала,—возвѣстилъ, вбѣгая, швейцаръ:—графиня Хотынцева, и спрашиваетъ, можете ли вы ихъ принять.

Но графиня, не дожидаясь отвѣта, по слѣдамъ швейцара влѣтѣла въ залу, шума платьемъ и браслетами и подмѣшивая къ запаху краски какой-то сильный запахъ духовъ.

— Здравствуйте, мои милыя! — говорила она, обнимая племянницъ и подавая черезъ ихъ головы руку Маковецкому, который почтительно приложился къ ней.—Я заѣхала на минуту посмотреть, какъ вы тутъ устраиваетесь... А, наконецъ-то я вижу Борю... *Quel joli garçon*; Оля онъ весь въ тебя. Ну, здравствуй, Боричка (при этомъ графиня граціозно нагнулась и расцѣловала Борю), познакомься съ твоей тетушкой... даже не тетушкой, а бабушкой... Вы не можете себѣ представить, какъ мнѣ смѣшно, что я уже бабушка... Чтѣ дѣлать, *à chacun son tour*. Et la petite Ана dort? Я все-таки найду посмотреть на нее. Ну, чтѣ же, зала очень хороша; рояль на мѣстѣ... Только зачѣмъ эти портьеры? Это портить резонансъ. Тутъ лучше всего сдѣлать голубыя полковыя сторы въ сборкахъ... *C'est élégant et léger*.

Гостиной графиня осталась недовольна.

— Нѣтъ, Оля, эти обои ужасны. Тутъ нужны или темно-красные обои, или золотые съ разводами.

— Вотъ и я тоже говорю,—раздался въ дверяхъ голосъ Сопрунова.—Въ гостиной безпремѣнно должны быть красныя шпалеры...

— Какія шпалеры? Я говорю про обои.

— Это, ваше сіятельство, все одно, — сказалъ Сопруновъ, приближаясь.—По вашему обои, а по нашему—шпалеры.

— *Qui est cet homme?*—съ ужасомъ спросила графиня.

— Сопруновъ-съ, Иванъ Сопруновъ, обойщикъ,—сказалъ онъ, подойдя совсѣмъ близко.—Мы даже съ вашимъ сіятельствомъ очень

знакомы; мы въ прошломъ мѣсяцѣ у васъ въ спальнѣ гардины вѣшали...

— Oh, mon Dieu! Je crois qu'il sent le vin!—вослинула графиня и убѣжала въ другую комнату.

Черезъ четверть часа графиня Хотынцева перевернула всю квартиру вверхъ дномъ. Она забрала мебель въ дѣтской, большой диванъ изъ гостиной велѣла немедленно перенести въ кабинетъ, а вмѣсто него обѣдала, какъ подарокъ на новоселье, прислать нѣсколько низенькихъ кресель. Кабинетъ Александра Викентьича она приказала устроить въ комнатѣ, назначенной для столовой, и очень удивилась, увидѣвъ нѣсколько ломберныхъ столовъ.

— Неужели у васъ будутъ играть въ карты? J'ai en horreur les cartes! и даже эти столы не могу видѣть безъ отвращенія. Впрочемъ иногда, по неволѣ, надо устраивать партію...

При этихъ словахъ Ольга Борисовна не могла удержать глубокаго вздоха.

Съ Угаровымъ, представленнымъ ей Ольгой Борисовной, министрша обошлась очень милостиво—можетъ быть, въ пику Горичу, которому не сказала ни слова. Она приказывала Угарову переносить изъ комнаты въ комнату разные столики и табуреты, и хотя упорно называла его не Угаровымъ, а Уваровымъ, но на прощанье ласково кивнула ему головой и сказала, что она принимаетъ по четвергамъ.

— Ну, прощайте, мои душки,—говорила она, цѣлуя племянницъ:—мнѣ еще надо сдѣлать десять визитовъ до обѣда. Не забудьте, что вы обѣдаете у меня. Да скажите этому несносному Сережѣ, чтобы онъ тоже пришелъ. Я его совсѣмъ не вижу и не знаю, гдѣ онъ проводитъ свое время.

— Нѣтъ, насъ онъ пока балуетъ,—сказалъ Маковецкій.— Мы его видимъ каждый день. Но сегодня врядъ ли онъ зайдетъ до обѣда.

— А здѣсь что будетъ?—спросила графиня, входя по пути въ пустую комнату, оклеенную сѣренькими обоями.

— Здѣсь, ma tante, мы думаемъ помѣстить гувернантку, которую придется взять для Бори.

— Боже мой, какой здѣсь тяжелый воздухъ! Alexandre, прикажите непременно сдѣлать въ этой комнатѣ форточку.

Какъ изъ-подъ земли выросъ передъ графиней Сопруновъ.

— Ваше сіятельство,—заговорилъ онъ съ отчаяніемъ въ голосъ:—форточка не поможетъ. Въ этой комнатѣ всегда будетъ вонять, потому здѣсь сейчасъ за стѣной, осмѣлюсь доложить...

Маковецкій схватилъ за плечи словоохотливаго обойщика и вытолкалъ его изъ комнаты.

— Qu'est-ce qu'il dit, cet homme?—спросила графиня.

— Rien, ma tante, il dit des bêtises.

Послѣ отъѣзда графини, Маковецкій съ помощью гостей, обойщика и двухъ людей, пришедшихъ наниматься въ лакеи, успѣли привести квартиру въ прежнее состояніе.

— Знаешь, Саша,—сказала Ольга Борисовна:—мнѣ кажется, что относительно большого дивана тетушка права. Онъ дѣйствительно неумѣстенъ въ гостиной, тѣмъ болѣе, что она пришлетъ какія-то кресла...

— Ну, матушка, извини меня. Когда она пришлетъ, тогда мы диванъ опять вынесемъ. А я, признаюсь, этимъ подаркомъ не особенно вѣрю. Тетушка обѣщала же прислать какого-то коммиссіонера, который намъ отыщетъ чудную квартиру, и еслибы мы его ждали, то до сихъ поръ сидѣли бы въ гостинницѣ...

Подводя ночью передъ сномъ итоги пережитаго дня, Угаровъ пришелъ къ двумъ заключеніямъ: во-первыхъ, что онъ нисколько не влюбленъ въ Соню, и во-вторыхъ, что онъ страшно ревнуетъ ее къ Горичу. Въ этихъ заключеніяхъ было явное противорѣчіе, котораго Угаровъ не могъ уничтожить, тѣмъ не менѣе онъ былъ твердо убѣжденъ въ правотѣ своего взгляда. На Горича онъ больше всего сердился за его предательство, т.е. за то, что, сговорившись ѣхать вмѣстѣ съ нимъ къ Маковецкимъ, онъ явился туда одинъ двумя часами раньше. Угаровъ положилъ отомстить ему тѣмъ же. На слѣдующій день Соня пригласила ихъ обоихъ къ тремъ часамъ, чтобы развѣшивать портреты въ ея комнатѣ. Но такъ какъ Горичу немислямо было вырваться изъ министерства раньше трехъ часовъ, то Угаровъ твердо рѣшился предупредить его. Въ началѣ второго часа онъ уже былъ одѣтъ и готовъ, но это показалось ему слишкомъ рано. Соня могла куда-нибудь выѣхать и еще не вернуться. Къ двумъ часамъ онъ не въ силахъ былъ ждать больше и уже надѣвалъ пальто, какъ вдругъ передъ носомъ его раздался звонокъ. „Ну, если это Миллеръ,—рѣшилъ Угаровъ,—я не вернусь“... Дверь отворилась—передъ нимъ стояла высокая фигура Аѳанасія Иваныча Дорожинскаго.

— Вотъ, можно сказать, удача,—говорилъ онъ, трижды лобызая Угарова:—опоздай я на минуту, и не засталъ бы васъ, мой дорогой. Но вы куда-то уходили; впрочемъ, я васъ не задержу...

Онъ вошелъ въ гостиную и, усѣвшись на диванѣ, прежде всего вынулъ изъ кармана письмо Марьи Петровны, которая по старой привычкѣ любила писать „съ оказіей“.

— Да, ждешь, не дождется васъ старушка: давно вы не были въ деревнѣ... Да и я, Владиміръ Николаевичъ, удивляюсь, что вамъ за охота киснуть въ Петербургъ, когда въ провинціи открывается для людей съ вашимъ образованіемъ широкое поле дѣятельности, когда вся Россія, можно сказать, наканунѣ полного обновленія...

Услышавъ слово: „обновленіе“, Угаровъ ужаснулся.

Аѳанасій Иванычъ, посѣщавшій и прежде Петербургъ, чтобы нюхать воздухъ, теперь ѣздилъ туда безпрестанно, лелѣя въ своей честолюбивой душѣ самые разнообразныя планы. Завѣтной мечтой его было по-прежнему—попасть въ губернскіе предводители, но онъ былъ не прочь и отъ губернаторскаго мѣста. Когда оно отъ него отдалялось, онъ говорилъ исключительно о священныхъ правахъ дворянства; когда же ему подавали въ министерствѣ хоть слабую надежду, онъ охотно разговаривалъ объ обновленіи. Угаровъ, звавшій по опыту, что на эту тѣму онъ неистощимъ, пересталъ его слушать и мысленно считалъ минуты. Теперь ему казалось страшно важнымъ—прійхать раньше Горича.

Въ столовой прибило три часа.

— А я отъ васъ ѣду къ нашему почтенному дядюшкѣ, Ивану Сергѣичу,—сказалъ Дорожинскій.—Между нами сказать, онъ вами недоволенъ; напрасно вы такъ рѣдко ѣздите къ старику. Вѣдь онъ патріархъ всего рода Дорожинскихъ, онъ—нашъ, такъ сказать, Шамборъ... Поѣдьте-ка къ нему вмѣстѣ сейчасъ...

— Сегодня, Аѳанасій Иванычъ, мнѣ никакъ нельзя; я непременно долженъ сдѣлать одинъ визитъ.

Аѳанасій Иванычъ взялся за шляпу. Угаровъ рассчитывалъ, что Горичъ можетъ прійхать въ одно время съ нимъ, но никакъ не раньше. Проходя мимо письменнаго стола, Аѳанасій Иванычъ увидѣлъ „Современникъ“ и остановился.

— Это вѣроятно послѣдняя книжка. Прочли ли вы въ ней статью объ общинномъ владѣніи?

— Да, я только-что ее началъ...

Аѳанасій Иванычъ сѣлъ въ кресло, стоявшее передъ письменнымъ столомъ.

— Начало статьи весьма остроумно.

Онъ прочелъ вслухъ первую страницу, послѣ чего сказалъ:

— Впрочемъ, начало вы уже читали. Но дальше есть одно мѣсто по истинѣ примѣчательное.—Онъ долго искалъ это мѣсто, наконецъ нашелъ и съ большимъ чувствомъ прочиталъ двѣ страницы.

— Теперь вамъ это мѣсто непонятно, такъ какъ вы не знаете

предъидущаго; но когда вы прочтете все, то увидите, что это дѣйствительно примѣчательно.

Наконецъ Аванасій Ивановичъ уѣхалъ, обѣщая побывать еще разъ и посидѣть подольше.

Когда Угаровъ вошелъ въ Сонину комнату, портреты были развѣшаны, и Соня разсматривала съ Горичемъ какой-то альбомъ.

— Какъ, безъ меня!—воскликнулъ онъ съ непритворнымъ горемъ.

— Вы сами виноваты,—отвѣчала Соня.—Яковъ Ивановичъ гораздо исправнѣ васъ.

— О да, конечно,—замѣтилъ Угаровъ.—Онъ даже слишкомъ исправенъ.

VI.

Графиня Хотынцева всю жизнь жила подъ вліяніемъ какихъ-то симпатій и антипатій, приходившихъ безъ всякой причины и исчезающихъ почти безъ повода. Въ послѣдній годъ она привязалась къ баронессѣ Блендорфъ, и не могла прожить дня, не повидавшись съ нею. Это многихъ удивляло, такъ какъ баронесса не отличалась ни умомъ, ни любезностью и даже не занимала виднаго положенія въ свѣтѣ. Когда графиня узнала о пріѣздѣ племянницъ, ей показалось, что она ихъ страстно любитъ. Ольгу Борисовну она дѣйствительно всегда любила и даже изрѣдка ей писала, но Соню она видѣла въ послѣдній разъ десятилѣтнимъ ребенкомъ. Племянницы были приняты съ энтузіазмомъ; на нихъ какъ изъ рога изобилія посыпались самыя заманчивыя обѣщанія и планы. Мавоецкій черезъ нѣсколько мѣсяцевъ получить мѣсто съ огромнымъ жалованьемъ; Боря будетъ зачисленъ въ пажи; Соня къ концу сезона можетъ попасть въ фрейлины и во всякомъ случаѣ сдѣлаетъ блестящую партію, а пока всѣ они немедленно познакомятся съ высшимъ обществомъ. Отъ послѣдняго Ольга Борисовна наотрѣзъ отказалась.

— Мы не такъ богаты,—сказала она, благодаря тетку,—чтобы ѣздить въ свѣтъ, да меня онъ и не привлекаетъ. Вотъ Соня—другое дѣло, и вы будете очень добры, если иногда дадите ей случай повеселиться.

— Еще бы!—воскликнула графиня:—Соня будетъ выѣзжать со мной всюду; а тебя, Оля, я прошу только объ одномъ: съѣздить со мной къ княгинѣ Марьѣ Захаровнѣ; больше я къ тебѣ приставать не буду. Это очень важно. Бывать у Марьи Захаровны значитъ—принадлежать къ обществу.

Княгиня Марья Захаровна была очень древняя и очень величавая, замѣчательно сохранившаяся женщина. Въ молодости она имѣла много походовъ легкомысленнаго свойства, но эти грѣхи были давно забыты, и она представляла въ обществѣ несомнѣнный и незлыблемый авторитетъ. Нѣсколько удѣлѣвшихъ друзей души въ ней не чаяли; остальные ея боялись. При Дворѣ она держала себя независимо и гордо, къ свѣтскимъ женщинамъ относилась съ покровительственной любезностью, а мужчинамъ кланялась, откидывая голову назадъ, и только иногда, въ видѣ особой милости, протягивала кому-нибудь изъ нихъ руку, конечно не для пожатія, а для почтительнаго поцѣлуя.

Княгиня Марья Захаровна благоволила въ графинѣ Хотынцевой, потратившей много годовъ и усилий, чтобы пріобрѣсти это благоволеніе, а потому племянницъ ея приняла очень ласково. Представляя Ольгу Борисовну, графиня сказала: „*ma nièce la comtesse Makovetzka*“. Ольга Борисовна сгорѣла отъ стыда и, усѣвшись въ каретѣ, спросила:

— *Ma tante*, отчего вы дали мнѣ фальшивый титулъ? Я не графиня.

— *Qu'est-ce que ça fait, ma chère?*—отвѣчала графиня и махнула рукой.—*D'ailleurs tous les polonais sont plus ou moins comtes.*

Пріѣздъ Сони былъ дѣйствительно по многимъ причинамъ большой радостью для графини. Она много ѣздила въ свѣтъ, но могла бы ѣздить еще больше. На нѣкоторые танцевальныя вечера ее затруднялись приглашать. Теперь, когда она будетъ везить Соню, конечно ни одинъ вечеръ безъ нея не обойдется. Кромѣ того, Соня оживитъ ея утренніе четверговые приемы, которые какъ-то не ладились. Она велитъ поставить въ большой гостиной чайный столъ (совершенно такъ же, какъ у княгини Бречетовой), и Соня будетъ разливать чай. А главное, пріѣздъ Сони дастъ ей возможность осуществить давнишнюю мечту, т.-е. дать балъ. Съ тѣхъ поръ какъ Хотынцевы переселились въ громадную министерскую квартиру, у нихъ не было большихъ приемовъ. Бывали, правда, обѣды, очень цѣнимыя въ Петербургѣ какъ по качеству, такъ и по выбору приглашенныхъ, но вѣдь обѣды можно давать и въ маленькой квартирѣ. Каждый годъ передъ великимъ постомъ графиня начинала заговаривать о раутѣ, но графъ рѣшительно на это не соглашался, находя, что давать раутъ—слишкомъ самонадѣянно и скучно. Теперь дать балъ почти необходимо, и конечно графъ протестовать не будетъ. Графиня даже назоветъ свой праздникъ не баломъ, а *une petite sauterie*,—это

и скромнѣе и удобнѣе, такъ какъ дать возможность не пригласить тѣхъ, кого не хочешь имѣть на балѣ. Но весь городъ будетъ знать, что это настоящій балъ, о немъ будутъ говорить и при Дворѣ... и кто знаетъ... на второй балъ, можетъ быть, придутъ такія лица, что у графини, при одной мысли о подобномъ счастьи, захватывало духъ и темнѣло въ глазахъ.

Каждое утро заѣзжала она за Соней и возила ее по своимъ многочисленнымъ знакомымъ. За одну недѣлю Соня насчитала тридцать визитовъ, и когда у нея спросили, какое впечатлѣніе сдѣлало на нее общество, она отвѣчала очень откровенно:

— Лица разныя, но разговоры во всѣхъ тридцати домахъ совершенно одни и тѣ же... Слово въ слово...

По вечерамъ она еще иногда сидѣла дома, и это были самые счастливые вечера для Ольги Борисовны. Въ нимъ приходилъ кое-кто изъ старыхъ знакомыхъ Маковецкаго, преимущественно музыканты. Соня очаровательно пѣла, несмотря на строгое запрещеніе известной госпожи Плиссень, у которой она начала брать уроки пѣнія; раза три составлялись квартеты. Ежедневнымъ посѣтителемъ ихъ былъ и Угаровъ. Нисколько не влюбленный въ Соню—по крайней мѣрѣ онъ самъ убѣждалъ себя въ этомъ—онъ таялъ отъ каждаго ея слова и отъ каждой ея нотки и мгновенно упадалъ духомъ, когда Соня уѣзжала. Впрочемъ не онъ одинъ упадалъ духомъ; такое же чувство испытывала и Ольга Борисовна, потому что въ отсутствіе Соня музыка замѣнялась картами. Она еще мирилась съ картами, когда играли въ залѣ и засиживались не долго; но иногда Маковецкій запирался съ гостями въ кабинетѣ; это значило, что игра затѣвалась серьезная, и что гости просидать по крайней мѣрѣ до того времени, когда Соня вернется съ бала. Въ такихъ случаяхъ Ольга Борисовна и Угаровъ просиживали цѣлые часы наединѣ и большей частью молчали. Обоиъ было не до разговоровъ, оба понимали другъ друга, и молчаніе ихъ не тяготило.

— Отчего вы сами не ѣдите въ свѣтъ?—спросила однажды Ольга Борисовна.— Молодому человѣку, какъ вы, легко проиниуть всюду.

— Въ томъ-то и дѣло, Ольга Борисовна, что я не умѣю проиниывать, хотя съ удовольствіемъ сдѣлаю все, чтѣ нужно для этого. Ну, научите, съ чего мнѣ начать?

— Начните съ того, что поѣзжайте въ первый четвергъ въ тетусшѣ. Она при мнѣ васъ пригласила; съ тѣхъ поръ больше мѣсяца прошло, и вы не сдѣлали ей визита.

— Боюсь я вашей тетусшки. На нее какой стихъ найдеть...

— Не бойтесь, она во всякомъ случаѣ обрадуется вашему приѣзду. По четвергамъ она мысленно считаетъ гостей, и чѣмъ ихъ больше, тѣмъ ей пріятнѣе. Она мнѣ вчера съ торжествомъ объявила, что въ послѣдній четвергъ было сто двадцать чело-вѣкъ. Вообще ея четверги въ модѣ. Соня очень мило исполняетъ должность хозяйки.

Послѣ этого разговора прошла еще недѣля, и, наконецъ, Угаровъ рѣшился. Подъѣхавъ около четырехъ часовъ къ дому министра, онъ увидѣлъ множество экипажей, стоявшихъ по обѣимъ сторонамъ подъѣзда. Въ швейцарской его поразила цѣлая толпа ливрейныхъ лакеевъ съ шубами и мантильями. Угарову пришло въ голову: не удрать ли по-добру по-здорову? но въ это время толстый, почтеннаго вида швейцаръ спросилъ его фамилію и адресъ. Послѣ этого бѣгство было невозможно, и Угаровъ пошелъ по широкой лѣстницѣ, влѣдъ за двумя кавалергардами, вошедшими вмѣстѣ съ нимъ. Пройдя большую, совсѣмъ пустую залу, они очутились въ дверяхъ ярко освѣщенной гостиной, изъ которой неся громкій, оживленный говоръ. Графиня привѣтствовала ихъ однимъ общимъ поклономъ и пригласила перейти къ чайному столу. Но сдѣлать этотъ переходъ было не совсѣмъ легко: все пространство между дверью и столомъ было занято; пришлось остаться у двери. Угаровъ сейчасъ же увидѣлъ у серебрянаго самовара улыбающееся лицо Сони; она передавала чашку Сергѣю Павловичу Висягину, который повидимому разсыпался въ любезностяхъ. Кромѣ Сони и Висягина, въ комнатѣ было болѣе сорока чело-вѣкъ,—и ни одного знакомаго ему лица. Между тѣмъ гости все прибывали, нѣкоторые уѣзжали; воспользовавшись передвиженіемъ, юркіе кавалергарды уже стояли около Сони; Угаровъ не рѣшался двинуться съ мѣста. Одиночество начало такъ томить его, что онъ страшно обрадовался, когда мимо него молодцоватой походкой прошелъ Иванъ Сергѣичъ Дорожинскій. Ему сейчасъ же очистили мѣсто, дамы его окружили, и онъ началъ имъ рассказывать что-то смѣшное, потому что всѣ смѣялись. Иванъ Сергѣичъ нигдѣ долго не засиживался; не прошло десяти минутъ, какъ онъ всталъ, кое съ кѣмъ поздоровался, кое-кого потрепалъ по плечу и очутился у двери. Графиня въ знакъ особаго уваженія провожала его.

— Здравствуйте, дядюшка,—сказалъ Угаровъ.

— А, Володька, и ты здѣсь, — отвѣчалъ ласково дядюшка, очень обрадованный тѣмъ, что могъ на него облоботиться и перевести духъ.—Графиня, вѣдь это мой племянникъ, прошу любить и жаловать. Прекрасный малый, только однимъ нехорошъ: ста-

рика-дядю забываетъ и матери не пишетъ... ну, да теперь вся молодежь табая.

И внезапно выправившись, Иванъ Сергѣичъ бодро пошелъ дальше, а графиня повела Угарова къ высокой блондинкѣ, только-что вошедшей и сѣвшей неподалеку. „Какъ она меня назоветъ: Угаровымъ или Уваровымъ?“ — мелькнуло въ его головѣ, но графиня никогда въ такихъ случаяхъ не стѣснялась.

— *Monsieur Dorojinsky, le neveu du général que vous connaissez,* — проговорила она скороговоркой и бросилась встрѣчать княгиню Марью Захаровну, которая входила въ гостиную величавой поступью и съ благосклонной улыбкой на устахъ. За ней очень бойко и развязно шла маленькая, рыженькая барышня — Варенька, или, какъ ее называли въ свѣтѣ, Бэби Волынская, дальняя родственница княгини Марьи Захаровны. Она уже третью зиму выѣзжала съ княгиней, которая начинала этимъ тяготиться и всѣми силами старалась выдать ее замужъ. Это вазалось дѣломъ легкимъ, такъ какъ Бэби была очень богата, но женихи почему-то не являлись. Бэби была некрасива, и красоту старалась замѣнить бойкостью походки и языка.

Блондинка, которой былъ представленъ Угаровъ, оказалась иностранкой, женой какого-то секретаря посольства, только-что назначеннаго въ Россію. Она не только никогда не слыхала о генералѣ Дорожинскомъ, но почти и никого не знала въ Петербургѣ, и просила Угарова называть ей лицъ, наружность которыхъ почему-нибудь возбуждала въ ней интересъ; но такъ какъ ея кавалеръ никого не могъ назвать и, смущенный этимъ, не выказывалъ вообще никакой склонности къ обмѣну мыслей, она посмотрѣла на него съ глубокой грустью и спросила:

— *Et vous, monsieur... vous avez beaucoup voyagé sans doute?*

Какой-то сѣденькій дипломатъ подошелъ къ ней въ эту минуту, и Угаровъ, радостно уступивъ ему мѣсто, чуть не бѣгомъ бросился вонъ изъ гостиной, такъ и не дойдя до Сони. Въ залѣ онъ столкнулся съ графомъ Хотынцевымъ, который, конечно, его не узналъ, но привѣтливо пожалъ ему руку и спросилъ, не хочетъ ли онъ покурить у него въ кабинетѣ. Черезъ два дня графъ отдалъ ему визитъ. Отданіе визитовъ происходило у графа оригинальнымъ образомъ. Швейцаръ у всѣхъ четверговыхъ гостей спрашивалъ адреса и послѣ приѣма составлялъ списокъ тѣхъ, которые были въ первый разъ въ домѣ. Въ воскресенье графа сажали въ карету и развозили по этому списку, при чемъ выѣздной лакей оставлялъ загнутыя карточки графа. Отъ министра, обре-

меннаго дѣлами, больше нельзя было и требовать. Графъ даже не зналъ, къ кому онъ ѣдетъ, и сравнивалъ себя съ капитаномъ Кукомъ, отправляющимся въ невѣдомыя страны. Впрочемъ, онъ довольно любилъ эти воскресные выѣзды и называлъ ихъ наименьшей изъ всѣхъ жертвъ, приносимыхъ имъ на алтарь семейнаго счастья.

Соня очень смѣялась, когда Угаровъ разсказалъ ей о своемъ свѣтскомъ дебютѣ подъ именемъ Дорожинскаго. Она издали его видѣла и все ждала, что онъ подойдетъ къ ней. Вообще Соня обходилась съ Угаровымъ по-дружески, не замѣчала его влюбленныхъ взглядовъ и повѣряла ему свои свѣтскія впечатлѣнія. Впрочемъ, кромѣ сестры и Угарова ей не съ кѣмъ было говорить дома: Горичъ вдругъ прекратилъ свои посѣщенія, Маковецкій проводилъ все время за картами, а Сережа забѣгалъ очень рѣдко и имѣлъ видъ крайне озабоченный. Несмотря на свою крайнюю осторожность, онъ былъ замѣшанъ въ исторію, о которой говорилъ весь городъ.

Алешѣ Хотынцеву предстоялъ какой-то смотръ въ Царскомъ, и онъ давно рѣшилъ, что уѣдетъ туда наканунѣ. Выйдя довольно поздно отъ Шарлоты, онъ замѣтилъ, что лошадь хромаетъ, велѣлъ кучеру ѣхать домой шагомъ и кликнулъ извозчика. Извозчикъ оказался очень плохой, Алеша опоздалъ на поѣздъ и вернулся къ Шарлотѣ. Въ швейцарской онъ съ удивленіемъ увидѣлъ чье-то пальто.

— Кто здѣсь? — спросилъ онъ швейцара.

— Князь Сергѣй Борисычъ.

Алеша удивился еще больше. Сережа уѣхалъ домой спать за пять минутъ до него, жалуясь на усталость и головную боль. Алеша засталъ его и Шарлоту въ столовой за ужиномъ. По всему было видно, что ужинъ былъ задуманъ и заказанъ заранѣе. Одна бутылка шампанскаго была уже выпита, другая стояла въ вазѣ со льдомъ. Увидя Алешу, оба до-нельзя смутились и начали бормотать какія-то безсвязныя слова. Шарлота, впрочемъ, скоро оправилась и сказала, что она ждетъ Полину, которая непременно хотѣла провести вечеръ съ Сережей. Алеша присѣлъ къ столу, пристально посмотрѣлъ обоимъ въ глаза и вдругъ расхохотался. Онъ смѣялся очень продолжительно и громко, не сводя глазъ съ Шарлоты, потомъ всталъ и, не говоря ни слова, уѣхалъ къ цыганамъ, гдѣ пилъ всю ночь вплоть до перваго поѣзда. Черезъ день онъ получилъ отъ Шарлоты письмо, полное клятвъ и ореографическихъ ошибокъ. Въ концѣ письма была приписка отъ Полины, которая также клялась, что Шарлота устроила

ужинъ по ея просьбѣ. Получивъ это письмо, Алеша отправился въ Петербургъ, заѣхалъ къ ювелиру и модисткѣ Шарлоты, заплатилъ ей долги и взялъ съ нихъ росписки; потомъ положилъ эти росписки въ конвертъ вмѣстѣ съ письмомъ Шарлоты и хотѣлъ самъ написать ей что-то, но раздумалъ, заклеилъ конвертъ и, бросивъ его швейцару Шарлоты, вернулся въ Царское. Два дня онъ былъ очень молчаливъ и мраченъ, а когда на третій день его товарищъ и другъ Павиль Свирскій заговорилъ съ нимъ о случившемся, онъ сказалъ:

— Чтѣ дѣлать, душа моя! *Les maîtresses de nos amis sont nos maîtresses!*

Отвернувъ эту новую аксіому, Алеша повеселѣлъ и началъ ревностно заниматься службой. Съ Сережей онъ остался въ прежнихъ отношеніяхъ, но видѣлся съ нимъ рѣдко, такъ какъ безвыѣздно жилъ въ Царскомъ.

Объ этомъ происшествіи узнали въ Петербургѣ въ тотъ же вечеръ. Шарлота сейчасъ же полетѣла совѣтоваться къ Полинѣ, та рассказала графу Строньскому, а Строньскій нарочно заѣхалъ къ Дюкрѣ, чтобы рассказать друзьямъ дома. На другое утро Васька Акатовъ, гуляя по Морской, зашелъ сообщить объ этомъ Ивану Сергѣичу Дорожинскому, который уже зналъ о разрывѣ Шарлоты съ Алешей изъ двухъ источниковъ. По одной редакціи Алеша засталъ у Шарлоты графа Василія Васильевича и уже началъ рубить его саблей, но къ счастью его оттащили. По другому источнику выходило какъ-то такъ, что дядя разсердился на племянника, проклялъ его и лишилъ наслѣдства. Услышавъ рассказъ Акатова, Иванъ Сергѣичъ пришелъ въ недоумѣніе.

— Позвольте, при чемъ же тутъ графъ Василій Васильичъ?

— Графъ Василій Васильичъ рѣшительно не при чемъ.

— Нѣтъ, это, однако, невыносимо!—воскликнулъ генераль, всплеснувъ руками.—Такъ всѣ изволгались, что жить нельзя на свѣтѣ. Ну, какъ я теперь буду рассказывать эту исторію? Впрочемъ сегодня суббота, и Василій Васильичъ обѣдаетъ въ клубѣ. Заѣду туда пораньше и поразспрошу его самого.

Графъ Хотынцевъ, пообѣдавъ очень плотно, еще допивалъ свою чашку кофе съ коньякомъ, когда Иванъ Сергѣичъ пріѣхалъ въ клубъ. Немедленно устроивъ себѣ партію въ вистъ, онъ съ участіемъ подошелъ къ графу.

— Какъ поживаете, графъ? Мы давно не видались.

Графъ вскочилъ съ мѣста и предложилъ Ивану Сергѣичу свой стулъ, показывая этимъ, что считаетъ себя совершеннымъ мальчишкой передъ маститымъ генераломъ.

— Сидите, сидите, не безпокойтесь!—говорилъ Дорожинскій, опускаясь на стулъ, придвинутый ему дворецкимъ. — Скажите, давно ли вы видѣли Алешу? Онъ здоровъ?

— Я видѣлъ его дня три тому назадъ, когда онъ былъ здоровъ. Но отчего сегодня всё меня спрашиваютъ объ Алешѣ? Вы четвертый...

Дорожинскій наклонился къ уху графа.

— Онъ, говорятъ, разошелся съ Шарлотой. Это правда?

— Очень можетъ быть. Я бы былъ этому очень радъ, но рѣшительно ничего не знаю.

„Хитрить, навѣрное хитрить, это сейчасъ видно“,—говорилъ про себя Иванъ Сергѣевичъ, направляясь къ ожидавшимъ его партнерамъ, но на пути его остановилъ Аѳанасій Ивановичъ Дорожинскій.

— Дядюшка, не можете ли вы представить меня графу Хотынцеву?

— Отчего же нѣтъ?—отвѣчалъ генералъ и, вернувшись, представилъ племянника графу.

— Давно желалъ имѣть честь представиться вашему сіятельству,—пробормоталъ Аѳанасій Ивановичъ съ такимъ низкимъ поклономъ, какого никакъ нельзя было ожидать отъ его высокой и представительной фигуры.

— Очень радъ съ вами познакомиться, — сказалъ привѣтливо графъ.—Присядьте. Вы недавно изъ провинціи. Ну, что тамъ?

Въ числѣ вещей, наиболѣе привлекавшихъ Аѳанасія Ивановича въ Петербургъ, былъ англійскій клубъ. Онъ уже давно былъ кандидатомъ и надѣялся скоро попасть въ члены, а пока ѣздилъ въ качествѣ гостя и представлялся разнымъ знаменитымъ и вліятельнымъ лицамъ. Бесѣдовать съ ними было для него наслажденіемъ. Онъ такъ заговорилъ графа Хотынцева, что тотъ нѣсколько разъ щипалъ себя за ногу, чтобы не заснуть, наконецъ вскопчилъ и уѣхалъ изъ клуба. Тогда Аѳанасій Ивановичъ подошелъ къ дядюшкѣ и шепнулъ ему на ухо:

— Дядюшка, не можете ли вы по окончаніи партіи представить меня Семену Ивановичу Крупову?

— Отчего же нѣтъ? Представлю. А пока посиди около меня, третій роберъ проигрываю.

Семень Ивановичъ Круповъ былъ самый обыкновенный генералъ, проводившій всю жизнь въ клубѣ. Какъ клубный старожилъ, онъ очень громко кричалъ и былъ за панибрата со всѣми министрами. По этимъ признакамъ Аѳанасій Ивановичъ счелъ его

за очень вліятельнаго человѣка и давно намѣтилъ въ числѣ тѣхъ, которымъ нужно представиться.

Семень Ивановичъ Круповъ игралъ въ вистъ въ сосѣдней комнатѣ и былъ въ отличномъ расположеніи духа. Онъ уже записалъ большую партію, сдалъ себѣ огромную игру и соображалъ, будетъ ли у него шлемъ, или только пять леве, когда Иванъ Сергѣевичъ тихонько коснулся его плеча.

— Племянникъ мой, Аѳанасій Ивановичъ Дорожинскій.

— Давно желалъ имѣть честь представиться вашему превосходительству...

Круповъ поднялся съ мѣста и началъ любезно пожимать руку Аѳанасія Ивановича, но въ это время противникъ его пошелъ съ туза пикъ, а онъ второпяхъ не разсмотрѣлъ, что у него есть маленькая пикъ, и побилъ туза козыремъ. За этотъ ренонсъ у него отобрали три взятки, и онъ проигралъ роберъ.

— Отъ роду никогда не дѣлалъ ренонсовъ,—кричалъ онъ, вращая зрачками отъ гнѣва:—а все отъ этого проклятаго Дорожинскаго. Чортъ бы его побралъ съ его представленіемъ!

Исторія эта сейчасъ же разнеслась по клубу, и когда кто-нибудь изъ старичковъ дѣлалъ ренонсъ, другіе ему говорили:

— Чтѣ это съ вами сдѣлалось, батюшка Демьянъ Ивановичъ, или, можетъ быть, вамъ тоже Дорожинскій представился?

Шутка эта была въ такомъ ходу, что иногда самый ренонсъ называли „Дорожинскимъ“.

Въ этотъ день Аѳанасію Ивановичу было суждено приносить несчастіе. Графъ Хотынцевъ, уѣхавшій вслѣдствіе его болтовни раньше обыкновеннаго изъ клуба, какъ разъ наткнулся на свою супругу, возвращающуюся отъ всенощной. Графиня прямо прошла въ кабинетъ мужа.

— Скажи, пожалуйста, Базиль: правда ли, что Алеша разошелся съ Шарлотой?

— Да, я слышалъ объ этомъ въ клубѣ. А почему это можетъ интересовать тебя?

— Я сейчасъ видѣла у всенощной княгиню Марью Захаровну, и она просила меня узнать всѣ подробности.

Графъ разсердился, чтѣ съ нимъ случалось рѣдко.

— Нѣтъ, знаешь, это очаровательно, *c'est tout à fait classique!* Ну, какое дѣло Марьѣ Захаровнѣ до Шарлоты? Какъ она любить совать всюду свой римскій носъ! Подумаешь, ей досадно, что въ ея лѣта уже нельзя какъ прежде...

— Пожалуйста не говори глупостей. Марья Захаровна— святая женщина.

— Не спору, что она святая, но святость у васъ понимается какъ-то совсѣмъ оригинально. У васъ тѣмъ святѣе женщина, тѣмъ она больше интересуется грѣховными дѣлами...

Это неосторожное слово вызвало бурю. На другой день графиня отвернулась отъ мужа и не отвѣчала на его вопросы. Графъ, ненавидѣвшій междоусобіе, попросилъ прощенія.

Между тѣмъ дѣло объ Алешѣ Хотынцевѣ продолжало распространяться и волновать умы. Дня черезъ три виновность Сережи Брянскаго сдѣлалась очевидна, и неприкосновенность графа Василія Васильича къ этому дѣлу признана всѣми. Разногласіе продолжалось только относительно мѣста и исхода дуэли. Одни рассказывали, что дуэль была на Черной-рѣчкѣ, и что князь Брянскій былъ убитъ; другіе, только-что видѣвшіе Брянскаго живымъ, утверждали, что, напротивъ того, Хотынцевъ смертельно раненъ около Любани. Понемногу остановились на слѣдующей редакціи: дуэль происходила въ Кузьминѣ, около Царскаго, и Хотынцевъ легко раненъ въ ногу. Упорное пребываніе Алеши въ Царскомъ подтверждало этотъ рассказъ. Называли даже секундантавъ и удивлялись, почему никто не арестованъ.

Что касается до нравственной оцѣнки событія, общественное мнѣніе отнеслось къ Алешѣ Хотынцеву насмѣшливо и строго. Сережу осуждали весьма немногіе, а дамы сдѣлались съ нимъ гораздо любезнѣе, и баронесса Блендорфъ немедленно пригласила его на очень интимный обѣдъ. По прошествіи недѣли, недоброжелательство къ Алешѣ обрисовалось ярче. Заговорили о какихъ-то денежныхъ счетахъ, о томъ, что Шарлота была обманута; появился на сцену какой-то подложный вексель. Наконецъ княгиня Кречетова, ненавидѣвшая Алешу за то, что онъ не женился на ея дочеряхъ, начала шопотомъ рассказывать какія-то свабрѣзныя подробности, дававшія новую окраску всему дѣлу. Въ этомъ направленіи сплетня могла развиваться и держаться очень долго, еслибы не случилось въ Петербургѣ двухъ совсѣмъ неожиданныхъ происшествій. Во-первыхъ, на Литейной среди бѣлаго дня появился бѣшеный волкъ и искусалъ двадцать человѣкъ. Весь Петербургъ единодушно заговорилъ о волкѣ. Впрочемъ, для прекращенія дѣла о Хотынцевѣ это было бы еще недостаточно. Разговоръ о бѣшеномъ волкѣ, хотя онъ явленіе рѣдкое, могъ быть исчерпанъ въ два дня, и послѣ двухъ-дневнаго перерыва просвѣщенное вниманіе общества могло опять вернуться къ Алешѣ, но какъ разъ въ концѣ второго волчьяго дня по городу разнеслась вѣсть, что Петька Шоринъ, женившійся два года тому назадъ, развѣхался съ женою и подалъ прошеніе о разводѣ. Домъ Шо-

ринныхъ былъ однимъ изъ самыхъ гостепримныхъ домовъ въ Петербургѣ; въ теченіе двухъ лѣтъ весь городъ перебивалъ на ихъ балахъ и спектакляхъ, друзей у нихъ было столько же, сколько знакомыхъ,—всѣ были ихъ друзьями,—и вдругъ такой неожиданный скандалъ!

Очень понятно, что благородное общество, захлебываясь отъ счастья, занялось скандальными подробностями Шоринскаго дѣла, а дѣло объ Алешѣ Хотынцевѣ, о мнимой дуэли и о другихъ мнимыхъ его поступкахъ сдало окончательно въ архивъ.

VII.

Къ Новому году въ министерствѣ графа Хотынцева произошли большія перемѣны. Товарищемъ министра очень долго былъ чловѣкъ болѣзненный и старый, и до того бояливый, что никогда не подписывалъ самыхъ мелкихъ денежныхъ ассигновокъ, не осѣнивъ себя предварительно крестнымъ знаменіемъ. Предстоящія реформы пугали его даже своимъ названіемъ, и онъ охотно промѣнялъ свое мѣсто на мѣсто отвѣтственный постъ—неприсутствующаго сенатора,—конечно, съ сохраненіемъ прежняго содержанія. Въмѣсто него, товарищемъ министра былъ назначенъ Сергѣй Павловичъ Висягинъ. Онъ былъ младшій изъ директоровъ департамента, а потому назначеніе это всѣхъ удивило. Объяснялось оно только покровительствомъ княгини Марьи Захаровны, которая очень любила обонхъ братьевъ Висягиныхъ; второго, Дмитрія Павловича, она даже собиралась женить на Бэби Волынской. Въ числѣ награжденныхъ къ Новому году былъ и Угаровъ, получившій Станислава 4-ой степени. Горичъ и Сережа Брянскій были сдѣланы камеръ-юнкерами.

Всѣ ожидали къ Новому году отставки Ильи Кузьмича, но ея не послѣдовало: остановка вышла изъ-за аренды. Упрямый холъ не вѣрилъ никакимъ обѣщаніямъ и твердилъ одно: „выйдетъ аренда, и я выйду“! Чтобы поощрить графа въ хлопотамъ объ арендѣ, Илья Кузьмичъ не покидалъ ворчливо-недовольнаго тона, котораго тотъ не выносилъ, и даже началъ слегка грубить своему министру. Тактика эта удалась: графъ изъ кожи лѣзъ, чтобы скорѣе устроить аренду; хлопоты эти усложнялись еще тѣмъ, что онъ долженъ былъ держать ихъ въ глубокой тайнѣ отъ своей супруги. Графиня, чуявшая что-то недоброе, стояла на-сторожѣ, но когда Новый годъ миновалъ, она успокоилась и рѣшила, что въ теченіе великаго поста найдетъ сама подходящаго чловѣка.

Наконецъ, въ серединѣ января вышла аренда, и вслѣдъ за ней вышелъ и Илья Кузьмичъ, а камеръ-юнкеръ Горичъ былъ назначенъ исправляющимъ должность правителя канцеляріи.

Графъ Хотынцевъ имѣлъ настолько мужества, чтобы совершить *coup d'état*, но не настолько, чтобы объявить о немъ супругѣ. Когда графиня узнала отъ баронессы Блендорфъ, что Горичъ уже водворенъ на новомъ мѣстѣ, гнѣвъ ея на мужа былъ такъ великъ, что она рѣшила вовсе не говорить съ нимъ, а послала сейчасъ же за прежнимъ правителемъ канцеляріи, чтобы высказать ему свое неудовольствіе. Илья Кузьмичъ, которому теперь графиня представлялась, какъ онъ выражался, „не выше своей натуральной величины“, пришелъ съ веселымъ лицомъ, и только-что она заговорила о его черной неблагодарности, остановилъ ее словами:

— Вы совершенно правы, графиня; нѣтъ на свѣтѣ болѣе неблагодарнаго животнаго, какъ нашъ братъ чиновникъ. Вотъ хоть бы Горичъ: ужъ какъ вы о немъ заботитесь, а врадъ ли и онъ будетъ вамъ когда-нибудь благодаренъ.

Эта выходка такъ поразила графиню, что она прекратила сцену неудовольствія, и потомъ сказала баронессѣ Блендорфъ:

— *Savez-vous, ma chère, que ce Кузьмичъ avec son masque de bonhomme est parfois très-mordant!*

Наказаніе для мужа графиня придумала ужасное: въ теченіе двухъ дней она его не видѣла вовсе и даже не обѣдала дома. Графъ на этотъ разъ не просилъ прощенія и переносилъ опалу съ полнымъ спокойствіемъ, на что у него была особая причина. Въ началѣ февраля у нихъ былъ назначенъ балъ, и графъ былъ увѣренъ, что жена его не выдержитъ долго своей молчаливо-негодующей роли. Онъ не ошибся. На третій день утромъ графиня прислала ему слѣдующую записку, писанную карандашомъ: „Нужно ли приглашать бразильскаго посланника? Жена его у меня была, но онъ еще не сдѣлалъ визита. Прошу отвѣтить письменно“. Графъ не отвѣтилъ письменно, а сейчасъ же пошелъ къ женѣ, поцѣловалъ, какъ всегда, ея руку и заговорилъ о бразильскомъ посланникѣ, который такимъ образомъ сдѣлался невольнымъ медиаторомъ враждующихъ сторонъ. О Горичѣ между ними не было сказано ни слова.

Приготовленія къ балу начались почти съ самаго Нового года. Изъ канцеляріи былъ откомандированъ къ графинѣ, для составленія списка приглашенныхъ, чиновникъ Васильевъ, извѣстный своимъ красивымъ почеркомъ. Вставъ съ постели, графиня окружала себя старыми приглашеніями, записками и визитными кар-

точками. Карточки избранниковъ, назначаемыхъ къ приглашенію, она отсылала къ Васильеву, который вносилъ ихъ въ списокъ. Этотъ списокъ читался за завтракомъ, обсуждался, исправлялся, перемарывался и дополнялся. На слѣдующій день къ завтраку приготавливался новый списокъ. Несмотря на такое всестороннее изученіе вопроса, многія необходимыя лица не были званы, а нѣсколько недостойныхъ получили приглашенія. Дней за пять до бала, графъ, по настоянію жены, въ сотый разъ просматривалъ списокъ.

— Кто эта княгиня Лыкова?—спросилъ онъ у графини.— Я ее не знаю.

— И я не знаю. Ты, вѣроятно, не такъ прочиталъ фамилію.

— Нѣтъ, очень явственно написано: княгиня Лыкова. Это весьма старинный княжескій родъ, теперь захудалый. Я даже думаю, что онъ совсѣмъ прекратился.

— Боже мой, что я надѣлала!—воскликнула вдругъ графиня.— Эта княгиня Лыкова—та бѣдная, которая нѣсколько разъ приходила ко мнѣ за пособіемъ, помнишь—въ разорванномъ салогѣ, съ пластыремъ на щекѣ... Она для памяти дала мнѣ свою карточку съ адресомъ, а я вчера, въ рассѣянности, вѣроятно, послала ее Васильеву. Вычеркни ее поскорѣй!

— Поздно вычеркивать. Въ спискѣ значится, что приглашеніе уже послано.

— Какъ! Послано?—закричала графиня въ неподдѣльномъ ужасѣ.— Базиль, ради Бога, поѣзжай къ ней сейчасъ и запрети ей пріѣзжать, или пошли ей двѣсти, триста рублей, сколько она хочетъ, только бы она не пріѣзжала. Я пошлю къ ней Илью Кузьмича—онъ ее знаетъ.

Графиня бросилась къ звонку, графъ удержалъ ее.

— Во-первыхъ, Илью Кузьмича послать нельзя, потому что онъ уже въ Полтавѣ. А во-вторыхъ, о чемъ ты волнуешься? Она, конечно, не пріѣдетъ.

— Пріѣдетъ, непременно пріѣдетъ! Ты, Базиль, этихъ бѣдныхъ не знаешь,—имъ все ни по чемъ, для нихъ ничего нѣтъ святого. Пріѣдетъ и войдетъ на мой первый балъ съ своимъ ужаснымъ пластыремъ... Я не знаю, какъ поправить дѣло, лучше ужъ отмѣнить балъ.

— Полно, Олупре, не волнуйся. Поправить очень легко. Положи въ конвертъ пятьдесятъ рублей и пошли къ ней съ лакеемъ. Лакей извинится, что перепуталъ конверты, и приглашеніе отберетъ, а деньги оставитъ. Повѣрь, что эта несчастная княгиня Лыкова останется очень довольна обмѣномъ.

Графиня одобрила планъ и произнесла задумчиво:

— Когда ты захочешь, у тебя являются иногда умныя мысли.

Впрочемъ, этотъ планъ не пришлось приводить въ исполненіе. Вечеромъ графиня получила отъ княгини Лыковой письмо, въ которомъ та слезно благодарила за оказанное ей вниманіе, но извинялась, что на балъ никакъ не можетъ пріѣхать, такъ какъ у нея нѣтъ не только бальнаго платья, но даже не хватаетъ денегъ на покупку теплыхъ ботинокъ. Въ заключеніе она напоминала графинѣ ея обѣщаніе похлопотать о добавочной пенсіи.

Получивъ мѣсто правителя канцеляріи, Горичъ опять появился у Ольги Борисовны. Маковецкій, чтобы отпраздновать это событіе (а встать и камеръ-юнкерство Сережи), устроилъ пиръ, на который, конечно, былъ приглашенъ и Угаровъ. Горичъ имѣлъ видъ совершенно счастливаго человѣка, но Соня встрѣтила его чрезвычайно сухо, вовсе не разговаривала съ нимъ и ни разу не взглянула на него во время обѣда. Эти періоды холодности больше всего волновали Угарова. „Изъ-за чего, — думалъ онъ, — могутъ происходить ссоры между Горичемъ и Соней? Она на него не смотритъ, но, очевидно, все время думаетъ о немъ и на зло ему дѣлается любезна со мной. Нѣтъ, мнѣ гораздо пріятнѣе самая большая ея любезность къ Горичу, чѣмъ эта непонятная холодность“ ... Послѣ обѣда Горичъ нашель-таки возможность поговорить наединѣ съ Соней, и холодность какъ рукой сняло. Опять начались у нихъ шушуванья, перебѣганья изъ комнаты въ комнату и какіе-то странные разговоры съ непонятными для другихъ намеками. Угарова эти намеки приводили въ полное отчаяніе; теперь онъ находилъ, что гораздо пріятнѣе, когда Соня дуется на Горича и наказываетъ его холодностью. Дѣлая характеристики своихъ танцоровъ, Соня упомянула о красивомъ кавалергардѣ князѣ Бѣльскомъ.

— А чтд, онъ червонный? — спросилъ Горичъ.

— Нѣтъ, онъ трефовый, съ маленькими бубновыми крапинками.

— Княжна, умоляю васъ, — заговорилъ Угаровъ: — объясните мнѣ хоть это. Чтд значитъ червонный и бубновыя крапинки?

Угаровъ произнесъ эти слова съ такимъ глубокимъ горемъ, что княжнѣ стало жаль его.

— Хорошо, Владиміръ Николаевичъ, я объясню вамъ это во время мазурки, послѣ-завтра. Вы хотите танцовать со мной мазурку?

— Что же спрашивать объ этомъ? Конечно, хочу, но только я до сихъ поръ не получалъ приглашенія.

— Получишь,—отвѣчалъ Горичъ.—Я видѣлъ твое имя въ спискѣ.

Два дня провелъ Угаровъ въ ожиданіи этого приглашенія. Оно не приходило, да и не могло придти. За недѣлю до бала Горичъ по собственному побужденію просилъ графа пригласить Угарова. Графъ сейчасъ же потребовалъ списокъ, собственноручно внесъ въ него Угарова и для пущей важности дважды подчеркнулъ его. Эти черточки и погубили Угарова. Черезъ полчаса графиня затѣмъ-то потребовала списокъ и, увидя подчеркнутое имя, внесенное безъ ея вѣдома, разсердилась и немедленно его вычеркнула.

Наконецъ наступилъ день бала. Угаровъ зналъ, что такъ поздно приглашеній не присылаютъ, но все-таки ждалъ и не выходилъ изъ дома все утро. Въ восьмомъ часу вечера онъ вспомнилъ, что надо извѣстить какъ-нибудь объ этомъ Соню, и пошелъ къ Горичу. Какимъ сказалъ ему, что Львовъ Иванычъ вышли, но безпремѣнно зайдутъ домой передъ баломъ, „чтобы переодѣться“. Ивана Иваныча Угаровъ засталъ въ его обычномъ креслѣ, но уже безъ Нибура въ рукахъ. Его ноги, завернутыя въ пледъ, лежали на высокой подушкѣ, онъ страшно осунулся и похудѣлъ. Свѣтъ отъ свѣчи, падавшій на его лицо изъ-подъ зеленого абажура, придавалъ ему совсѣмъ мертвенный видъ.

— Здравствуйте, здравствуйте, мой милый,—запелеталъ онъ слабымъ, слезливымъ голосомъ:—садьте сюда, поближе. Какъ я радъ, что вы наконецъ забрели къ намъ. Вы не повѣрите, какъ тяжело сидѣть вотъ такъ одному. Все одинъ, да одинъ... какъ-то жутко становится. Яшу винить, конечно, нельзя, ему некогда, онъ теперь большой человекъ сталъ. Вы знаете, вѣдь онъ на дняхъ министромъ будетъ... Да, министромъ... Что же дѣлать? А тутъ къ тому же и горе меня ужасное^ю посѣтило.

— Какое горе?—спросилъ съ участіемъ Угаровъ.

— Какъ, вы развѣ не слышали? Вѣрунька-то моя бѣдная скончалась. Въ какихъ-нибудь два дня Господь прибралъ ее.

Вѣрунькой Иванъ Иванычъ называлъ свою покойную жену. Она умерла, когда Яшѣ было два года. Большой портретъ ея, висѣвшій въ гостиной, былъ всегда задернутъ черной тафтой, и Иванъ Иванычъ рѣдко говорилъ о ней. Теперь при воспоминаніи о женѣ онъ началъ всхлипывать. Нѣсколько слезинокъ упали на руку Угарова, которую старикъ не выпускалъ изъ своихъ холодныхъ, костлявыхъ рукъ.

— Да вѣдь это было такъ давно,—сказаль растерявшійся Угаровъ.

— Какъ давно? Совсѣмъ не такъ давно, еще на прошлой недѣлѣ она сидѣла вотъ тутъ, гдѣ вы теперь сидите... Нѣтъ, она сидѣла за фортепьяно и пѣла свой любимый романсъ... Боже мой, какъ же слова? Я сейчасъ вспомню. „Ангелъ неба благодатный“... благодатный, благодатный... нѣтъ, дальше не помню, память начинаетъ мнѣ измѣнять... А вамъ забывать ее не слѣдуетъ; покойница васъ любила больше всѣхъ Яшинныхъ товарищей... А меня-то какъ она любила! Какая она была тихая, кроткая! Я ее называлъ своей Агнесой Сорель, да и лицомъ она ее напоминала... И вдругъ, безъ всякой причины, въ какихъ-нибудь два дня...

Старикъ началъ судорожно рыдать. Угарову сдѣлалось страшно. Онъ не зналъ, что ему дѣлать, и очень обрадовался, услышавъ звонокъ.

При видѣ сына Иванъ Ивановичъ сейчасъ же пришелъ въ себя.

— А ты, Яша, на балъ сегодня? Ну, что-жъ, поѣзжай, танцуй. Я тебя ждать не буду, меня что-то ко сну клонить.

— Конечно, ложись, папа. Зачѣмъ же ждать меня? Завтра утромъ все тебѣ расскажу.

Горичъ очень удивился, узнавъ, что Угаровъ не получилъ приглашенія.

— Это какая-нибудь ошибка, я самъ видѣлъ тебя въ спискѣ. Я сейчасъ съѣзжу къ графу и привезу тебѣ приглашеніе.

— Ну нѣтъ, на это я не согласенъ. Откровенно скажу тебѣ, что мнѣ очень хотѣлось туда ѣхать, но проситься на балъ: „пустите меня Христа ради!“ это — такая гадость, на которую я неспособенъ.

— Это, Володя, намъ съ непривычки кажется гадостью, а въ свѣтѣ смотря на это совсѣмъ иначе. Сегодня одна изъ неприглашенныхъ дамъ, да еще титулованная, пріѣхала къ графинѣ въ девять часовъ утра. Графиня поняла, въ чемъ дѣло, и не приняла ее. Представъ себѣ, она ворвалась въ кабинетъ графа, начала плавать и умолять, чтобъ ее пригласили. А графъ сидитъ въ халатѣ и безъ парика... Ты видишь эту картину?

— Ну что же, графъ пригласилъ?

— Очевидно пригласилъ и увѣрялъ, что приглашеніе было готово, но не послано по ошибкѣ. Да онъ бы не только ее, а все ея племя пригласилъ, чтобъ отдѣлаться...

— Ну, прощай, тебѣ пора одѣваться. Объясни же княжнѣ,

что мазурку я не танцую съ ней, потому что меня не пригласили, и что она все-таки должна мнѣ объяснить, что значать „бульновыя крапинки“.

Полиція суетилась у подъѣзда, украшеннаго тамбуромъ; съѣздъ начинался. Подъѣзжали еще большею частью сани, изъ которыхъ выскакивали офицеры въ киверахъ и каскахъ; изрѣдка съ тяжелымъ грохотомъ подватывала четырехъ-мѣстная карета.

Хотя гостей на балѣ было еще очень мало, но графиня, въ великолѣпномъ гри-перлевоиъ платьѣ, покрытомъ дорогами старыми кружевами, уже стояла въ маленькой гостиной подлѣ лѣстницы и принимала входившихъ съ разнообразными, глубоко обдуманными оттѣнками любезности и почета. Графъ, котораго она, къ великому его неудовольствію, заставила стоять воелъ себя, одинаково привѣтливо встрѣчалъ всѣхъ гостей, хотя половину изъ нихъ не узнавалъ. Начало бала ознаменовалось весьма непріятнымъ эпизодомъ. Выборъ дирижера очень озабочивалъ графиню. Ей хотѣлось пригласить конногвардейца Волынскаго, который часто дирижировалъ при Дворѣ, но графъ на это не согласился, потому что Волынскій не бывалъ въ ихъ домѣ. Послѣ долгихъ обсужденій выборъ остановился на кавалергардѣ, князѣ Бѣльскомъ, который принялъ предложеніе съ большой радостью: онъ слегка ухаживалъ за Соней. Между тѣмъ наканунѣ бала графиня поѣхала за послѣдними инструкціями къ княгинѣ Марьѣ Захаровнѣ и встрѣтила у нея Волынскаго.

— Вотъ вамъ, милая графиня, настоящій дирижеръ, — сказала Марья Захаровна: — ужъ лучшаго вы не найдете.

Графиня пришла въ восторгъ отъ этой мысли и немедленно пригласила Волынскаго. Въ каретѣ она вспомнила о Бѣльскомъ и рѣшила послать ему извинительную записку, сваливъ вину на графа. Но дома ее ждали кондитеръ и модистка, съ которыми пришлось долго разговаривать, потомъ Соня пріѣхала примѣрить бальное платье, и графиня совсѣмъ забыла о Бѣльскомъ. И Волынскій, и Бѣльскій, пріѣхали въ началѣ бала почти въ одно время, и когда выяснилось, что оба они приглашены дирижировать, Бѣльскій сейчасъ же уѣхалъ, а Волынскій просилъ уволить его отъ этой пріятной обязанности, такъ какъ это поставило бы его въ неловкія отношенія къ кавалергарду. Конногвардейцы и кавалергарды постоянно соперничали во всемъ и должны были соблюдать большую осторожность, чтобы чѣмъ-нибудь не обострить кисло-сладкихъ отношеній, установившихся между ихъ полками. Гра-

финя совѣмъ растерялась. Помощь явилась ей съ такой стороны, съ которой она никакъ не могла ее ожидать.

Алеша Хотынцевъ послѣ выпуска изъ пажескаго корпуса усердно ѣздилъ въ свѣтъ, но года черезъ два это ему надоѣло, онъ пустился въ кутежи, началъ посѣщать дамъ полусвѣта, а настоящій свѣтъ покинулъ совѣмъ, называя его съ отгвѣномъ презрѣнія „мондомъ“. Ему очень не хотѣлось ѣхать на балъ къ дядѣ, и дней за пять онъ нарочно пріѣхалъ къ нему, чтобы узнать — „нельзя ли ему отбоариться“.

Графъ Василій Васильичъ сказалъ ему прямо:

— Видишь, мой милый, мнѣ будетъ совершенно все равно, если ты не пріѣдешь. Entre nous soit dit—у насъ будетъ такая свука, что я самъ съ удовольствіемъ удралъ бы на этотъ вечеръ къ тебѣ въ Царское... Но помни, что Олушре никогда тебѣ этого не простить.

Изъ этихъ словъ Алеша вывелъ заключеніе, что пріѣхать необходимо, и, обѣдая въ день бала въ полковой артили, выпилъ вдвое противъ обыкновеннаго для храбрости. Онъ продолжалъ пить и послѣ обѣда, пренебрегъ желѣзной дорогой и на лихой тройкѣ, вмѣстѣ съ своимъ другомъ Павликомъ Свирскимъ, прискакалъ изъ Царскаго прямо къ дядюшину подъѣзду. Войдя въ бальную залу послѣ полуторачасовой ѣзды на морозѣ, Алеша почувствовалъ вѣчто въ родѣ пріятнаго изумленія. Ощущенія тепла и свѣта, видъ красивыхъ полураздѣтыхъ женщинъ,—все это было вовсе не такъ дурно, какъ онъ думалъ, или, вѣрнѣе, какъ онъ говорилъ. Проходя мимо буфета, около котораго еще никого не было, онъ услышалъ голосъ дворедкаго:

— Попробуйте, ваше сіятельство, хорошо ли мы кливѣд заморозили.

Алеша выпилъ залпомъ два стакана шампанскаго, и это окончательно привело его въ отличное расположеніе духа. Узнавъ отъ Серези о недоразумѣніи съ дирижерами, онъ подошелъ къ графинѣ и, нагнувшись къ ея уху, сказалъ:

— Ma tante, я въ первый годъ офицерства недурно дирижировалъ. Если хотите, могу попробовать сегодня...

Графиня посмотрѣла на него съ недовѣріемъ, но дѣлать ей было нечего.

— Попробуйте, Alexis, очень вамъ благодарна,—и начните поскорѣй. Давно пора.

Алеша отцѣпилъ саблю, далъ оркестру знакъ начинать и, подойдя къ Сонѣ, сдѣлалъ съ нею первый туръ вальса. Онъ былъ представленъ Сонѣ дней за пять до бала, видѣлъ ее тогда такъ

мало, что не успѣлъ разсмотрѣть. Теперь онъ вдругъ очаровался ею и сейчасъ же пригласилъ ее на мазурку. Соня отвѣчала, что на мазурку у нея уже есть кавалеръ.

— Замѣьте, княжна, — сказалъ Алеша, нисколько не смущаясь ея отказомъ, — что я прошу не милости, а справедливости. Сама судьба хочетъ, чтобы вы танцовали со мной. Я дирижёръ, а вы хозяйка, или по крайней мѣрѣ виновница всего торжества.

— Но что же мнѣ дѣлать, если у меня есть кавалеръ?

Горичъ, торчавшій всегда неподалеку отъ Сони, услышалъ этотъ разговоръ и передалъ Сонѣ извиненія Угарова.

— Вы видите, княжна, что судьба за меня, — сказалъ весело Алеша и принялся вальсировать со всѣми барышнями по порядку.

Съ этой минуты все пошло какъ по маслу. Черезъ два часа графиня уже могла сознать, что ея балъ удался. Всѣ приглашенные сѣхались; большіе министерскіе салоны были полны, но ни тѣсноты, ни духоты не было. Благодаря Алешѣ, оживленіе въ танцахъ не прекращалось ни на мгновеніе. Словно радуясь своему возвращенію изъ „кабацкой“ жизни въ болѣе свойственную ему сферу, Алеша былъ безконечно веселъ, и веселье это сообщалось другимъ. Дирижировалъ онъ не совсѣмъ по свѣтскому шаблону; Волынской съ видомъ знатока нашель въ его дирижированнѣ слишкомъ много удали, *tror d'abandon*. Казалось, что вотъ, вотъ еще немножко, — и строгое приличіе бала будетъ нарушено, но опасная черта не переступалась, и самыя смѣлыя фигуры не выходили изъ должныхъ предѣловъ. Во время мазурки графиня съ торжествомъ ходила изъ комнаты въ комнату и сама любовалась своимъ баломъ. Она была въ эту минуту совершенно свободна. Для особенно важныхъ гостей она, несмотря на свою ненависть къ картамъ, устроила нѣсколько партій въ большой гостиной, мужчины играли въ кабинетѣ графа, а всѣ маменьки, чтобы удобнѣе слѣдить за дочками, частью проникли въ бальную залу, а частью примостились въ дверяхъ. Увидѣвъ графа Василья Васильича, графиня подозвала его и сказала: — Алеша est un ange; il est d'un entrain et d'une élégance tout-à-fait remarquables.

Графа Василья Васильича во всемъ этомъ праздникѣ интересовала только одна вещь — ужинъ. Онъ уже два раза ходилъ самъ на кухню, а теперь шель совѣщаться съ дворецкимъ относительно того, въ какое именно время и въ какія двери вносить столы для ужина.

— погоди, Базиль, — сказала графиня, удерживая его за рукавъ фрака. — Посмотри на Алешу и Соню; не правда ли, какад

славная парочка? Знаешь ли, мнѣ пришло въ голову, что хорошо бы ихъ поженить... Что ты скажешь на это?

Графъ только махнулъ рукой.

— Пусти, Олустре, мнѣ нужно видѣть дворецкаго.

— Нѣтъ, подожди одну минуту. Посмотри направо: видишь эту пару за большимъ зеркаломъ? Они теперь не танцуютъ.

— Ну, вижу. Дмитрій Павлычъ Висягинъ и племянница княгини Марья Захаровны.

— Да, Бэби. И что же, ты не видишь въ ней ничего особеннаго?

— Вижу, что она дурна какъ смертный грѣхъ.

— Полно, Базиль, она сегодня очень интересна.

Графъ расхохотался.

— Этого только недоставало! Рыжая, вся въ веснушкахъ... Что ты нашла въ ней интереснаго?

— Ну, ты ничего не понимаешь. Посмотри, посмотри, они опять пропустили свою очередь.

— Ну такъ что же изъ этого?

— Ступай къ своему дворецкому!—сказала съ соболѣзнованіемъ графиня и съ довольнымъ видомъ перешла въ большую гостиную. Проходя мимо стола, за которымъ играла княгиня Марья Захаровна, графиня сказала вполголоса:—*Notre jeu ne amie danse bien peu et cause beaucoup.* Хорошій знакъ, княгиня.

— Дай-то Богъ!—отвѣчалъ взоръ княгини, устремленный къ небу.

Мазурка еще не была кончена, когда Бэби вошла въ гостиную и, подойдя къ княгинѣ, произнесла какимъ-то особеннымъ голосомъ:

— *Il fait bien chaud, ma tante.*

Княгиня притянула племянницу къ себѣ и, цѣлуя ее въ лобъ, произнесла:

— *Je te félicite, mon enfant.*

Въ то же время княгиня многозначительно взглянула на Сергѣя Павлыча Висягина, сидѣвшаго рядомъ. Онъ вскочилъ съ мѣста и сказалъ:

— Княгиня, я забылъ поблагодарить васъ за книгу, которую вы мнѣ прислали.

И, схвативъ руку княгини, онъ дважды чмокнулъ ее губами.

— Дай Богъ, чтобы эта книга принесла счастье, — сказала княгиня.

Хотя свидѣтели этой небольшой сцены могли бы ничего не понять въ ней, но черезъ минуту по всѣмъ комнатамъ графини

Хотынцевой какъ электрическая искра пробѣжала вѣсть, что Дмитрій Павлычъ Висягинъ сдѣлалъ предложеніе Бэби Волынской.

Бракъ этотъ давно былъ рѣшенъ княгиней Марьей Захаровной. Помѣхой была старинная связь Дмитрія Павлыча съ какой-то женщиной изъ средняго круга, une bourgeoisie de reu, какъ выражалась княгиня. Дмитрій Павлычъ долго боролся и медлилъ, наконецъ на балѣ графини Хотынцевой дѣло было рѣшено въ общему удовольствію.

За ужиномъ Дмитрій Павлычъ и Бэби сидѣли рядомъ. Всѣ къ нимъ подходили и пили ихъ здоровье, но ни одинъ человѣкъ ихъ не поздравилъ. Поздравленій они принимать не могли: свадьба не была объявлена. Объявленіе должно было происходить на слѣдующій день за обѣдомъ у княгини Марьи Захаровны...

Ужинъ удался на славу, какъ въ кулинарномъ отношеніи, такъ и въ смыслѣ порядка. Всѣмъ было хорошо и просторно, никакой суматохи не было замѣтно. Въ свою очередь графъ Василій Васильичъ торжествовалъ, сознавая, что такого ужина во весь сезонъ не было ни у кого. Онъ былъ такъ доволенъ, что даже хотѣлъ протанцовать туръ вальса во время котильона, но вспомнилъ, что онъ министръ—и удержался.

Въ шесть часовъ утра Алеша Хотынцевъ сходилъ съ лѣстницы, держась за перила, но увѣряя въ то же время, что онъ не усталъ нисколько. Его тройка стояла у подъезда. Алеша и Свирскій вскочили въ сани, и прозябшіе кони вихремъ помчали ихъ въ Царское.

— А знаешь, Павликъ,—говорилъ Алеша, закутываясь плотнѣе въ шинель:—иногда и на балахъ можно пріятно проводить время. Право эти дѣвчонки вовсе не такъ глупы, какъ кажутся съ перваго взгляда. Вотъ, напримѣръ, эта княжна Брянская... Она въ два часа сказала мнѣ больше умныхъ вещей, чѣмъ Шарлота въ два года.

— А встать, гдѣ Шарлота?

— Чортъ ее знаетъ... Говорятъ, какой-то купчикъ увезъ ее въ Москву для практики французскаго языка... Нечего сказать, хорошо будетъ говорить купчина послѣ такого учителя.

Алеша зѣвнулъ, и черезъ пять минутъ оба друга спали богатырскимъ сномъ.

Для графини Хотынцевой ея балъ имѣлъ то послѣдствіе, что въ одинъ вечеръ она нашла больше враговъ, чѣмъ во всю свою жизнь. Врагами ея сдѣлались: во-первыхъ, всѣ тѣ дамы, которыхъ она не пригласила; во-вторыхъ, маменьки тѣхъ барышенъ, кото-

ры имѣли меньше успѣха на балѣ, и въ-третьихъ, всѣ тѣ дома, у которыхъ балы не были такъ блестящи, какъ у нея. Но такъ какъ никто изъ нихъ не выражалъ графинѣ своей вражды открыто, а напротивъ того, всѣ сдѣлались съ нею вдвое любезнѣе въ ожиданіи будущихъ баловъ и приемовъ, — то она была въ полной увѣренности, что баломъ своимъ приобрѣла всеобщую любовь и окончательно упрочила за собой почетное мѣсто въ петербургскомъ свѣтѣ.

А. АПУХТИНЪ.

НА
СИБИРСКИХЪ ЗОЛОТЫХЪ
ПРОМЫСЛАХЪ

Настоящій очеркъ составленъ, кромѣ печатныхъ источниковъ, на основаніи официальныхъ документовъ, хранящихся въ архивахъ мѣстныхъ горныхъ исправниковъ, енисейскаго губернскаго суда и иркутскаго горнаго управленія. Официальные документы далеко не всегда открываютъ намъ истинныя причины волненій, воряющихся иногда въ непомѣрной тяжести труда, недостаточности отдыха, въ грубомъ и даже жестокомъ обращеніи съ рабочими служащихъ на промыслахъ и въ недостаточно бдительномъ надзорѣ присковой администраціи, находящейся въ экономической зависимости отъ золотопромышленниковъ ¹⁾. Впрочемъ мы имѣемъ въ виду не изображеніе всего современнаго быта промысловыхъ рабочихъ, а только описаніе тѣхъ безпорядковъ, которые происходили на прискахъ въ теченіе послѣдняго двадцатипятилѣтія, въ связи съ ихъ причинами въ каждомъ данномъ случаѣ, насколько онѣ извѣстны.

¹⁾ См. нашу статью: „Законодательное регулированіе положенія рабочихъ на золотыхъ промыслахъ“ („Русская Мысль“, 1894 г., № 5).

I.

О прискахъ въ Западной Сибири намъ извѣстно немногое за послѣднія 25 лѣтъ въ этомъ отношеніи.

Въ статьѣ кн. Кострова о частныхъ золотыхъ промыслахъ томской губ. мы находимъ слѣдующее извѣстіе: „Въ 1872 г. отъ неправильнаго пониманія нѣкоторыми рабочими распоряженія начальства относительно срока работы произошли безпорядки, выразившіеся самовольнымъ уходомъ рабочихъ съ присковъ ранѣе контрактнаго срока; но эти безпорядки тогда же прекращены разъясненіемъ рабочимъ ихъ обязанностей, къ которымъ они немедленно возвратились“¹⁾. Болѣе подробныхъ свѣдѣній объ этомъ волненіи мы не имѣемъ, но можно предполагать, что оно было вызвано удлиненіемъ осенняго срока работъ послѣ отмыны, по уставу о частной золотопромышленности 1870 г., установленнаго въ 1838 г. обязательнаго окончанія промывки золота 10-го сентября тамъ, гдѣ нѣтъ теплыхъ промывалень.

Во время поѣздки на приски южно-алтайской компаніи въ 1891 г. мы слышали отъ присковаго врача, что лѣтъ девять тому назадъ, слѣдовательно около 1882 г., въ этомъ округѣ было серьезное волненіе, но мы не нашли о немъ никакихъ документальныхъ извѣстій.

5-го января 1884 г., на прискахъ Ф., въ маринскомъ округѣ, команда рабочихъ до 50 человекъ почувствовала неудержимое желаніе выпить „винную порцію“ (дозволенной продажи вина на прискахъ не существуетъ, и рабочіе, состоящіе на хозяйскомъ содержаніи, получаютъ его отъ хозяевъ по ихъ усмотрѣнію); когда присковое управленіе не удовлетворило этого желанія, то „команда“ не пошла на работы. На другой день, по приглашенію выпить въ обычное время, рабочіе отказались отъ водки, но ненадолго, — искушеніе было слишкомъ велико, и затѣмъ, послѣ поданнаго угощенія, они потребовали, чтобъ имъ дали еще вина; получивъ отказъ, они вломались къ управляющему, который убѣждалъ съ приска; рабочіе избивали его жену и дѣтей, ворвались въ помещеніе, гдѣ хранился спиртъ, и черпали его, кто сколько могъ. Авторъ газетной корреспонденціи, изъ которой мы почерпаемъ эти свѣдѣнія, указываетъ на слѣдующія причины этого волненія. Владѣлецъ приска Ф., въ подспорье золотопромышленности, тайкомъ занялся запрещенною торговлею спиртомъ. „Ра-

¹⁾ „Томскія Губернскія Вѣдомости“, 1874 г., № 6.

бочіе, разумѣется, попали въ кабалу и неоплатные долги; безцеремонность наживы доходить до обирательства во время разгула; все выданное вещевое довольствіе, бродни, азамы, рубахи, рукавицы и прочая одежда, переходять обратно отъ рабочихъ въ магазинъ за спиртъ; выписанное снова ставится въ счетъ по цѣнамъ, удвоеннымъ противъ рыночныхъ, а при возвратѣ за вино принимается за безцѣнокъ. Качество, крѣпость и цѣну спирта не спрашиваютъ, только бы давали пить. Послѣдствіемъ такихъ дѣйствій управленія бывають со стороны рабочихъ вспышки въ родѣ вышеописаннаго случая, при чемъ потерпѣвшему нѣтъ даже основаній прибѣгать къ властямъ, чтобы не обнаружить собственныхъ грѣховъ и не получить неприятностей, а потому все кончается домашнимъ порядкомъ до тѣхъ поръ, пока не случится настоящей уголовщины. Подобные порядки вредно отзываются и на смежныхъ пріискахъ, гдѣ рабочіе, увлекаемые примѣромъ сосѣдей, начинаютъ пьянствовать, пропивають не только заработки, но и послѣднюю одежду, которую вынуждены снова забирать у своихъ хозяевъ, чтобы снова улучшить моментъ и пропить. Такимъ образомъ спаиваються рабочіе на большомъ пространствѣ вокругъ кабацкаго пріиска, спаиваються и обираются, затѣмъ при окончательномъ расчетѣ не получаютъ на руки ни гроша и ждуть, какъ милости, задатка за наемъ на слѣдующій годъ¹⁾.

Иногда мѣстная полицейская власть обозначала громкимъ именемъ „бунта“ совершенно ничтожныя столкновенія рабочихъ съ пріисковою администраціей. Такъ на Чесновковскомъ пріискѣ К⁰ Ненашева и Чернышевой, алтайскаго округа, 8-го мая 1887 г. произошло волненіе рабочихъ. Однимъ изъ поводовъ къ нему было то, что управляющій пріискомъ, Хворовъ, еще 16-го апрѣля одному рабочему за пьянство разбилъ носъ и выдралъ волосы. На другой день вся команда заявила на это полицейскому стражнику „претензію“ и просила довести ихъ жалобу до свѣденія горнаго исправника. Затѣмъ 8-го мая, по окончаніи урочныхъ работъ, управляющій пріискомъ устроилъ „помочь“ для завалки плотины, которая была размыта. По окончаніи этой работы хозяинъ пріиска попросилъ еще рабочихъ поставить мачту на промывательной машинѣ, послѣ чего имъ было дано по два стаканчика воды; рабочіе просили по третьему, но управляющій отказалъ имъ. Нѣкоторые настаивали на исполненіи своей просьбы, но, наконецъ, разошлись, кромѣ одного рабочаго, котораго стражникъ вытолкалъ изъ конторы. Тотъ сталъ кричать, что его уда-

¹⁾ „Сибирская Газета“, 1884 г., № 13, стр. 340.

рили въ грудь; рабочіе выбѣжали изъ казармъ, ворвались въ контору и комнату управляющаго и стали его искать, но не нашли. При этомъ рабочіе припомнили и избіеніе ихъ товарища 16-го апрѣля. Тѣмъ и кончился этотъ „бунтъ“, какъ его окрестилъ стражникъ въ донесеніи горному исправнику.

25-го сентября 1887 г., произошло волненіе на Магизинскомъ присскѣ южно-алтайской К⁰. 22-го сентября рабочій этого присска, Шапкинъ, ушелъ съ работы, не окончивъ заданнаго ему урока. Его отправили на Неожиданный присскъ, гдѣ управляющій приказалъ оставить его до окончательнаго расчета. Но Шапкинъ 23-го и 24-го сентября сказался больнымъ и на работу не вышелъ. Управляющій приказалъ рассчитать его, оштрафовать за два дня, на основаніи контракта, по 3 руб. за каждый, и препроводить на Балыксинское зимовье. Шапкинъ отказывался идти туда и хотѣлъ возвратиться на Магизинскій присскъ, но ему связали руки и заставили идти на зимовье съ двумя полицейскими стражниками. Если вѣрить донесенію одного изъ нихъ, онъ прошелъ связаннымъ не болѣе ста сажень и затѣмъ шелъ спокойно до самой Балыксы. Но высылка Шапкина взволновала рабочихъ Магизинскаго присска, такъ какъ имъ сказали, что его избили и связаннаго отправили на зимовье, и вечеромъ 24-го сентября они заявили, что завтра на работу не выйдутъ, если Шапкинъ не будетъ возвращенъ. Утромъ рабочіе дѣйствительно не вышли по звонку на работу, а когда въ казармы къ нимъ пришли управляющій присскомъ и нарядчикъ, то рабочіе избили ихъ, при чемъ послѣдній выстрѣлилъ изъ револьвера, никого, впрочемъ, не ранивъ. Вызванный съ Балыксы стражникъ уговорилъ рабочихъ, и 26-го сентября они возобновили работы ¹⁾.

Въ 1888 г., до Усть-Каменогорска дошло извѣстіе о бунтѣ рабочихъ киргизовъ на одномъ изъ приссковъ Москвина, при чемъ говорили, что управляющій вызвалъ изъ Зайсана военную силу для ихъ усмиренія ²⁾.

Во время поѣздки на присски южно-алтайской К⁰ въ 1891 г. мы слышали отъ полицейскаго стражника, что въ этомъ году было волненіе рабочихъ на присскахъ Шмотина на р. Терсякъ, алтайскаго округа, причемъ, какъ говорятъ, сбѣжало около 40 чел.

¹⁾ Архивъ горнаго исправника въ Кузнецкѣ. Въ сентябрѣ 1887 г. на Петропаловскомъ присскѣ, Абаканской системы, алтайскаго округа, разрабатываемомъ братьями Должниковыми, одинъ изъ рабочихъ нанесъ служащему топоромъ рану, намѣреваясь отрубить голову, но попалъ по плечу. „Сибирскій Вѣстникъ“ 1888 г., № 19, стр. 4.

²⁾ „Сибирскій Вѣстникъ“ 1888 г. № 51, стр. 3—4.

рабочихъ. Въ томъ же году было волненіе на одномъ изъ присковъ южно-алтайской К⁰, вслѣдствіе крутого обращенія управляющаго присками, полковника Янышева. Наконецъ, весной того же года было волненіе на Неожиданномъ прискѣ южно-алтайской К⁰ изъ-за того, что фельдшеръ не призналъ больными нѣкоторыхъ пришедшихъ въ больницу рабочихъ.

II.

Чаще были волненія на прискахъ Восточной Сибири.

Раздраженные рабочіе иной разъ избивали, изувѣчивали или даже убивали золотопромышленника или какого-либо присковаго служащаго. Въ енисейскомъ округѣ съ однимъ золотопромышленникомъ былъ даже такой случай, что рабочіе прорѣзали ему до кости сѣдалищную часть тѣла ¹⁾. Есть извѣстіе, что въ 1885 г. рабочіе на прискѣ какого-то еврея въ южно-енисейской тайгѣ избили управляющаго и казака ²⁾. Въ 1888 г. рабочіе избили золотопромышленника Е., „и много было подобныхъ случаевъ“ ³⁾. Въ 1879 г. рабочіе на одномъ прискѣ южно-енисейской тайги убили брата золотопромышленника Петра Кузнецова и въ его квартирѣ оставили записку съ указаніемъ на слѣдующія причины убійства: хозяинъ обижаетъ ихъ платою, отпускаетъ товаръ по невозвѣрно высокимъ цѣнамъ и беретъ его отъ нихъ обратно за бутылку воды ⁴⁾. По словамъ г. Чманьскаго, „рѣдкіе изъ старыхъ служащихъ не подвергались опасности или сами быть избитыми, или же не были свидѣтелями убійствъ, совершаемыхъ въ ихъ глазахъ надъ ихъ товарищами. Убійства служащихъ сравнительно часты въ тайгѣ“ (стр. 88—89). Тотъ же авторъ говоритъ, что подобныя убійства или попытки на убійства обыкновенно совершаются во время работы—кайлою. „Замѣчательно, что подвергшіеся этому служащіе не всегда бываютъ изъ худшихъ, часто даже это люди сравнительно хорошіе: такъ велико въ рабочихъ ослѣпленіе ненависти и такъ часто встрѣчаются между ними люди, не умѣющіе обуздывать вспышекъ гнѣва“ (стр. 114). Нужно замѣтить, что эта крайняя раздражительность рабочихъ объясняется тѣми ненормальными условіями, въ которыхъ они находятся на промыслахъ: переутомленіемъ отъ

¹⁾ „Сибирь“ 1881 г., № 38, стр. 8.

²⁾ „Сибирская Газета“ 1885 г., № 20, стр. 493—494.

³⁾ „Восточное Обозрѣніе“ 1882 г., № 86, стр. 7—8.

⁴⁾ „Сибирь“, 1880 г., № 5, стр. 5.

непомѣрно тяжелой работы и отсутствіемъ семейной жизни, для громаднаго большинства рабочихъ, такъ какъ женщины лишь въ весьма ограниченномъ количествѣ допускаются золотопромышленниками на промыслы. Въ 1885 г. корреспондентъ одной мѣстной газеты сообщаетъ: „въ южной части енисейскаго округа рабочихъ, трезвый, убитъ кайлою служащаго. На прискахъ это происшествіе не есть выходящее изъ ряда обыкновенныхъ, а напротивъ, явленіе часто повторяющееся“¹⁾. Въ 1890 г. былъ убитъ рабочимъ смотритель шахты приска Асташева²⁾.

„Въ рабочей таежной средѣ замѣчается,—говоритъ г. Чманьскій,—глухое недовольство своимъ положеніемъ, сдерживаемое только страхомъ. Часто въ тайгѣ, ощущая силу этого скрытаго, но вѣчно дѣятельнаго недовольства, я удивлялся, что сравнительно незначительное число казаковъ (около 120 на обѣ системы енис. округа), притомъ разбѣянныхъ по одиночѣмъ на обширномъ пространствѣ, можетъ держать въ страхѣ и повиновеніи эти недовольныя толпы. Иногда недовольство проявляется въ такъ называемыхъ бунтахъ, которые отъ обычной формы отказа выходить на работу доходятъ до рѣзкихъ проявленій массовыхъ насилій надъ служащими... Мнѣ пришлось,—продолжаетъ тотъ же авторъ,—прожить на прискѣ всего 7 мѣсяцевъ, и въ это короткое время случились въ сосѣдствѣ бунты на трехъ прискахъ, выразившіеся въ отказѣ идти на работу и въ побитіи нѣкоторыхъ служащихъ и казаковъ“ (стр. 88—89). Къ сожалѣнію, свѣденія о волненіяхъ присковскихъ рабочихъ далеко не всегда проникаютъ въ печать, а если и появляются въ мѣстныхъ газетахъ, то обыкновенно въ весьма неполномъ видѣ.

Въ 1871 г., какъ мы слышали при посѣщеніи сѣверно-енисейской системы, было волненіе на прискѣ Баландина: рабочіе не хотѣли оставаться работать долѣе 10-го сентября (это было первое примѣненіе контракта со срокомъ найма по 1-е октября, слишкомъ позднимъ при суровомъ климатѣ этой мѣстности). Рабочіе ушли съ приска, и только съ Ерудскаго зимовья исправнику и казакамъ удалось вернуть ихъ.

24-го мая 1878 г., управляющій Попутнымъ прискомъ купца Мотонина, южно-енисейской системы, сообщилъ горному исправнику, что рабочіе, въ числѣ 135 чел., оказываютъ неповиновеніе промышленному управленію и, пользуясь отдаленностью резиденціи исправника и невозможностью часто посѣщать прискъ, вслѣдствіе

¹⁾ „Сибирская Газета“ 1885 г., № 9, стр. 218—219.

²⁾ „Сибирскій Вѣстникъ“ 1890 г., № 69.

затруднительности сообщенія, ежедневно десятками не выходятъ на работы, а при понужденіи ихъ ругаютъ служащихъ и казаковъ и грозятъ имъ. Отправленный исправникомъ для дознанія урядникъ казачьяго отряда сообщилъ, что донесеніе управляющаго не преувеличено: рабочіе не выходятъ на работы въ назначенное время и оканчиваютъ ихъ, не отработавши уроковъ. Когда урядникъ собралъ всѣхъ рабочихъ и началъ уговаривать ихъ прервать неповиновеніе, то человекъ 30-ть, окруживъ его, стали „наносить ему оскорбленія“, а одинъ хотѣлъ ударить его сзади, но былъ остановленъ казакомъ. Все это подтвердилъ и самъ Мотонинъ, пріѣхавшій по случаю волненія на приски изъ Енисейска. Горный исправникъ, вмѣстѣ съ хорунжимъ (командиромъ казачьяго отряда) и 4-мя казаками, отправился на Попутный прискъ и утромъ 8 іюня, во время раскомандировки рабочихъ, приказалъ управляющему оставить въ казармахъ 17 чел., считавшихся главными зачинщиками. Выйдя къ нимъ и найдя нѣкоторыхъ изъ нихъ, ссыльно-поселенцевъ, болѣе виновными въ подстрекательствѣ рабочихъ, горный исправникъ хотѣлъ „подвергнуть ихъ высканію“¹⁾; но одинъ изъ нихъ, поселенецъ Кошелевъ, сталъ требовать объясненія, за что и на какомъ основаніи ихъ будутъ наказывать, и затѣмъ, бросившись въ сторону, закричалъ: „не дадимся, ребята!“; а когда исправникъ приказалъ урядникамъ взять его и отправить къ нему на резиденцію, то рабочій отбивался и, продолжая кричать: „не давай, ребята!“ схватилъ одного изъ урядниковъ за грудь. Когда его связали и привели въ кузницу, чтобы заковать въ кандалы, Кошелевъ схватилъ молотъ и бросился на одного изъ урядниковъ, но другой успѣлъ остановить его. Узнавъ объ арестованіи товарища, рабочіе перестали работать и явились къ исправнику съ требованіемъ освободить Кошелева, но тотъ заставилъ ихъ продолжать работу²⁾. На донесеніе

¹⁾ По инструкціи горному исправнику 1874 г., ему строго воспрещалось „употреблять въ отношеніи зачинщиковъ неповиновенія, если они не изъ ссыльно-поселенцевъ, тѣлесное наказаніе“.

²⁾ Въ дѣлѣ горнаго исправника находится, написанный тремя разными руками, (вѣроятно, присковскихъ служащихъ) слѣдующій перечень провинностей рабочихъ: „самовольная отлучка съ Попутнаго приска. Возвращеніе на приски пьяными. Проматываютъ выписанныя товарныя вещи изъ амбара. Особенная дерзость въ отношеніи казака, служащихъ, управляющаго и даже самого хозяина. Мнимо-больные по свѣдѣтельству фельдшера. Особенная смѣлость и дерзость и несознательность къ поступкамъ (sic). Встрѣчалось (случалось?) посылать лошадей и просить горнаго исправника пожаловать на прискъ; какъ только посылаются лошади, рабочіе узнаютъ и являютъ побѣги. Такимъ порядкомъ бѣжало съ Попутнаго приска 31 человекъ. Наконецъ, лично не стѣснялись сказать хозяину, что и всѣ бѣгутъ. На основаніи по-

обо всемъ этомъ енисейскому губернатору енисейское губернское правленіе въ іюлѣ 1878 г. извѣстило исправника южно-енисейской системы, что назначенъ особый чиновникъ для производства формальнаго слѣдствія о безпорядкахъ на Попутномъ пріискѣ¹⁾.

6-го января 1881 г., уполномоченный золотопромышленницы Улейской донесъ горному исправнику южной части енисейскаго округа, что нѣкоторые рабочіе на Евлатерининскомъ и Апполинаріевскомъ пріискахъ „взбунтовались и не вышли на работу“. Исправникъ командировалъ на эти пріиски урядника съ приказаніемъ разузнать, „въ чемъ дѣло; если рабочіе виновны, то привести зачинщика“.

18-го января того же года, управленіе Боголюбовскаго пріиска Черноколпакова просило горнаго исправника пріѣхать на пріискъ или командировать кого-либо для разбирательства о „самовольномъ уклоненіи отъ работы команды рабочихъ людей и невыходѣ вовсе на работу“, вслѣдствіе чего оставленные разрѣзы промерзаютъ и потребуютъ впослѣдствіи вновь разработки. Исправникъ самъ не поѣхалъ, а отправилъ урядника съ приказаніемъ разобратъ дѣло и „въ случаѣ надобности привести виновныхъ“.

Въ ноябрѣ того же 1881 г., завѣдующій Надеждо-николаевскимъ пріискомъ Кирьянова сообщилъ горному исправнику южно-енисейской системы, что рабочіе, „имѣя въ виду отдаленную мѣстность и не имѣя казака на пріискѣ, совершенно вышли изъ повиновенія, до того, что, несмотря ни на ласковыя убѣжденія, ни на приказанія, каждодневно самовольно остаются по 5-ти и 6-ти человекъ въ казармѣ и даже самовольно отлучаются съ пріиска“; онъ просилъ „для приведенія въ порядокъ пріиска“ командировать урядника и двухъ казаковъ. На оборотной сторонѣ донесенія поименованы четверо рабочихъ и затѣмъ сдѣлана пометка: „двое изъ нихъ“ (такіе-то) „наказаны по приказанію“ горнаго исправника²⁾.

Въ 1882 г., у одного изъ золотопромышленниковъ енисейскаго округа рабочіе составили стачку, и всѣ, въ числѣ ста человекъ, не пошли на работу; но угрозами ихъ заставили работать и человекъ 8 отправили къ исправнику³⁾.

Въ ночь на 2-е апрѣля 1885 г. съ Евдокіевскаго пріиска

становленія своего, состоявшагося на 19-е число января, не признаютъ никакой артельной расправы; избранные ими старосты со стороны ихъ и со стороны управленія не приносятъ никакой пользы“.

¹⁾ Архивъ горнаго исправника южной части енисейскаго округа.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ „Сибирская Газета“ 1882 г., № 40, стр. 968.

Мотонина, южно-енисейской системы, бѣжало четверо рабочихъ (одинъ мѣщанинъ и трое сыновей поселенцевъ). Въ погоню за ними управляющій Грязновъ послалъ служащаго, мѣщанина Гладышева, казака и конюха. Верстахъ въ 20-ти отъ пріиска они замѣтили въ сторонѣ отъ дороги дымовъ и, поѣхавъ въ этомъ направленіи, увидѣли бѣжавшихъ. Гладышевъ и казакъ избili рабочихъ, связали ихъ, затѣмъ опять били и, наконецъ, связанными отправили на пріискъ, но до этого, если вѣрить показанію бѣжавшихъ, Гладышевъ выстрѣлилъ по нимъ изъ револьвера и легко ранилъ одного рабочаго около уха. Привезенныхъ на пріискъ бѣглецовъ посадили въ амбаръ, но, вслѣдствіе холода и голода, они стали кричать и стучать. Тогда рабочіе, находившіеся въ разрывѣ, потребовали освобожденія товарищей, и тѣ были выпущены. Въ тотъ же день, по окончаніи работъ, рабочіе собрались толпою близъ квартиры управляющаго и потребовали выдачи имъ Гладышева и казака, чтобы распросить ихъ, затѣмъ они такъ избili пойманныхъ рабочихъ (знаки побоевъ были видны еще на 7-й день, во время ихъ медицинскаго освидѣтельствованія). Грязновъ убѣждалъ ихъ оставить претензію до другого дня, но они отправились къ помѣщенію Гладышева и стали вызывать его, а когда онъ не вышелъ, къ нему ворвалось нѣсколько рабочихъ и одинъ изъ нихъ сталъ душить жену Гладышева, а остальные, вытащивъ на дворъ его самого, избили его до потери сознанія. Окровавленнаго Гладышева подняли и понесли домой; увидѣвъ это, рабочіе закричали: „тѣ!“¹⁾; впрочемъ енисейская врачебная управа признала причиненныя Гладышеву поврежденія легкими. На другое утро порядокъ самъ собою возстановился, и рабочіе возобновили работу. Семь человекъ изъ нихъ были арестованы. Енисейскій окружной судъ при разсмотрѣніи этого дѣла примѣнилъ къ нему ст. 618-ую уложенія о наказаніяхъ²⁾, но енисейскій губернскій судъ, на ревизію котораго оно поступило, призналъ эту статью неподходящею, потому что ея предусматривается неповиновеніе рабочихъ артелью хозяину пріиска, повѣренному или приказчику, въ данномъ же случаѣ этого не было, а по обстоятельствамъ дѣла ихъ слѣдуетъ признать виновными только въ употребленіи противъ Гладышева насилія. Губернскій судъ опредѣлилъ 10 человекъ (крестьянъ и пробывшихъ въ Сибири

¹⁾ „Затюкать“ значить въ Сибири—убить.

²⁾ „Рабочіе при частныхъ золотыхъ... промыслахъ на земляхъ казенныхъ... за явное неповиновеніе хозяину, повѣренному его или приказчику, оказанное на пріискѣ дѣлою артелью, подвергается: наказаніямъ по статьямъ 263—266, 268, 269 и 273 сего Уложенія о возстаніи противъ властей, правительствомъ установленныхъ“.

болѣе 10-ти лѣтъ ссыльно-поселенцевъ) подвергнуть аресту при полиціи и волостной тюрьмѣ на 2 мѣсяца каждаго, а трехъ ссыльно-поселенцевъ, не пробывшихъ еще въ Сибири 10-ти лѣтъ, наказывать розгами по 66-ти ударовъ ¹⁾.

Въ южной части енисейскаго округа, на рѣкѣ Боровой находится Александровскій приискъ, разрабатываемый товариществомъ Базилевскихъ, Черемныхъ и Ратькова-Рожнова. Золотоносный пластъ добывается подземными работами. Содержащій золото песокъ подвозится отъ забоевъ въ тачкахъ по подземнымъ галереямъ, насыпается въ бадью и поднимается вверхъ лошадиною силою. Положеніе рабочихъ видно изъ контракта, заключеннаго въ сентябрѣ 1890 г. на годовой срокъ съ 1-го октября. По этому контракту работы должны были производиться съ 5 ч. утра до 8 ч. вечера, полагая на завтракъ, обѣдъ и вечерній чай два часа, слѣдовательно 13 рабочихъ часовъ въ день. Праздниковъ и льготныхъ дней рабочимъ было опредѣлено всего 20 въ году (лѣтомъ по одному дню въ мѣсяцъ). Содержаніе выдавалось рабочимъ въ слѣдующемъ размѣрѣ: ржаной муки по 2 п. 20 ф. въ мѣсяцъ, говядины свѣжей или соленой по 1¹/₄ ф. въ день, крупы ячной или гречневой по 7¹/₂ ф. въ мѣсяцъ, соли по 2¹/₂ ф. и сала по 1 ф. въ мѣсяцъ ²⁾. Приводить съ собою на приискъ женъ позволялось не иначе, какъ съ разрѣшенія приискаго управленія, а если онѣ будутъ безъ занятій, то за содержаніе ихъ производился вычетъ по 4 р. въ мѣсяцъ, при чемъ, если онѣ будутъ отказываться отъ хозяйскихъ работъ или будутъ замѣчены въ дурномъ поведеніи, управленіе могло выдворить ихъ съ прииска. Плату рабочіе должны были получать съ 1-го октября по 1-е мая отъ 8 до 15 р. въ мѣсяцъ, „смотря по усердію и старанію“, а въ лѣтніе мѣсяцы—отъ 13 р. 50 к. до 24 р. ³⁾ по 8 разрядамъ, опредѣленіе которыхъ должно было вполнѣ зависѣть отъ управленія, смотря по работѣ и усердію къ ней. Управленіе предоставляло себѣ право переводить рабочихъ съ одного прииска на другой, принадлежащій той же К⁰, или даже передавать въ другія компании. Находимые во время работъ золото, самородки и другія драгоцѣнности рабочіе должны были сдавать приисковому управленію съ платою за золото по 2 р. 24 к. за золотникъ, а за

¹⁾ Архивъ енисейскаго губернскаго суда.

²⁾ По словамъ управляющаго промыслами, людямъ, находившимся на земляныхъ работахъ, ежедневно выдавалась винная порція.

³⁾ По увѣренію управляющаго приисками, Бастрникова, рабочіе въ зимніе мѣсяцы получали 9 р.—10 р. 50 к. за безурочную работу, и отъ 12 до 14 р. за урочную, а съ 1-го мая по 1-ое октября жалованье равнялось 18—24 р.

другія драгоцѣнности и рѣдкости—по усмотрѣнію. Во время нахождения на присѣкѣ рабочіе обязывались „вести себя честно, трезво и добропорядочно, къ управленію и служащимъ быть почтительными, не грубить, самовольно съ присѣка не отлучаться и къ себѣ никого не принимать“ подъ угрозою штрафа отъ 1 до 3-хъ р., „какъ и за самовольно прогульный день“; объ обязанности же управленія гуманно обходиться съ рабочими въ контрактѣ ничего не сказано, а между тѣмъ такое условіе мы обыкновенно встрѣчаемъ въ другихъ договорахъ. Въ болѣе раннемъ контрактѣ съ Базилевскимъ (1883 г.), при наймѣ на его присѣки въ сѣверной части енисейскаго округа, управленіе обязывалось обходиться съ рабочими „справедливо“, а по контракту съ К^о Базилевскаго и Малевинскаго (1878 г.)—кромѣ того „удовлетворять ихъ во всѣхъ законныхъ и справедливыхъ требованіяхъ и не допускать со стороны своихъ приказчиковъ дѣлать имъ какианибудь притѣсненія или обиды“. Что касается размѣра урока, то на торфахъ двое рабочихъ съ одною лошадыю при возѣ не далѣе 35 сажень должны были по контракту 1890 г. выработать отъ 1 $\frac{1}{4}$ до 1 $\frac{1}{2}$ саж., смотря по свойству грунта; на пескахъ же не менѣе 1 $\frac{3}{4}$ кубической сажени¹⁾. „При такомъ опредѣленіи урока“, сказано въ контрактѣ, „есть возможность кончить работы и ранѣе срока 8 часовъ; но при случаяхъ, бывающихъ отъ общаго нерадѣнія и нежеланія выполнить урока или такъ-называемой общей стачки между всею артелью, съ цѣлью вынудить сбавку урока, управленію предоставляется право держать на работѣ до выработки заданнаго урока. На остальныхъ же работахъ срокъ работы назначенъ въ 8 час. вечера, кромѣ „случаевъ, выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ, какъ-то: пожара и наводненія, когда вся команда или артель должна выходить на помощь безпрекословно во всякое время и находиться до прекращенія опасности“.

Управляющій промыслами этой К^о, Бастрьковъ, по свидѣтельству „Восточнаго Обзорнія“, „совершенно не вмѣшивался въ отношенія служащихъ къ рабочимъ и не принималъ никакихъ мѣръ для прекращенія возникающихъ недоразумѣній“. Становымъ или помощникомъ управляющаго Александровскаго присѣка съ октября 1889 г. былъ „нѣкто Петръ Рязановъ, потомокъ знаменитыхъ въ свое время Рязановыхъ, молодой еще человекъ“ (32 лѣтъ), „но относительно рабочихъ совершенный звѣрь. Всѣ знавшіе Рязанова утверждаютъ, что онъ всегда жестоко обра-

¹⁾ Последній урокъ задавался при работахъ въ открытыхъ разрѣзахъ, между тѣмъ какъ на Александровскомъ присѣкѣ были шахтовые работы, слѣдовательно урокъ при этихъ подземныхъ работахъ былъ вовсе не опредѣленъ.

щадя съ рабочими, и за дѣло, и безъ дѣла пускалъ въ ходъ свои кулаки... Знакомые Рязанова не разъ предупреждали его, что онъ кончить плохо, если чаша долготерпѣнія рабочихъ переполнится. При работахъ въ шахтахъ рабочіе старались унести съ собою часть золотосодержащихъ песковъ и пропивали ихъ спиртоносамъ. Рязановъ своими кулаками старался охранить интересы своихъ хозяевъ и дѣйствовалъ такъ энергично, что возбуждалъ противъ себя всю команду, которая не разъ жаловалась на жестокость Рязанова управляющему, но тотъ не обращалъ на это вниманія. Недовольство рабочихъ отъ зуботычинъ, недоданныхъ порцій спирта и т. п. росло постепенно, и, какъ это бываетъ нерѣдко, непосредственной причиной бунта явился фактъ, часто повторявшійся и ранѣе, но лишь въ данный моментъ переполнявшій чашу терпѣнія¹⁾.

Бастрыковъ, управляющій промыслами, жаловался впоследствии въ своемъ показаніи судебному слѣдователю на то, что рабочіе по ночамъ „стали устраивать походы въ шахты за хищнической добычей золота“. Приискское управленіе на ночь запирало шахты на замокъ и служащіе съ казаками обходили ихъ дозоромъ, и тѣмъ не менѣе до 10-го марта было взломано 16 замковъ. Приискъ Александровскій расположенъ такъ, что на него выходятъ три провѣзжихъ дороги, и торговцы, подъ видомъ продажи разной мелочи (если вѣрить Бастрыкову), привозили спиртъ для рабочихъ, что вызывало пьянство и пропиваніе вещей. Бастрыковъ принялъ слѣдующія мѣры для прекращенія хищничества золота: удаленіе мнимыхъ торговцевъ, „а на самомъ дѣлѣ спиртоносовъ“, было поручено становому Петру Рязанову; торговцевъ Бастрыковъ приказалъ удалять съ приисковъ, „безъ разрѣшенія торгъ производить не позволять и, какъ людей подозрительныхъ, въ присутствіи казаковъ обыскивать, за рабочими слѣдить, чтобы самовольно и безъ спросу въ ночное время не отлучались“, а за шахтами внимательно смотрѣть. „Рязановъ“, по словамъ Бастрыкова, „какъ служащій исправный, сравнительно съ другими преземы, понимающій интересы хозяйскаго дѣла... исполнялъ и это порученіе аккуратно“: не допускалъ торговцевъ, самъ осматривалъ шахты съ 9 ч. вечера до 2 ч. ночи, въ 5 ч. утра обходилъ казармы, и если кто не выходилъ на работу по болѣзни, то отправлялъ въ больницу, а о другихъ, оставшихся безъ уважительной причины, сообщалъ управляющему; если же проступокъ рабочаго выходилъ изъ рамокъ домашняго разбирательства,

¹⁾ „Восточное Обозрѣніе“ 1890 г., № 15, стр. 8, 8—9.

то доносили горному исправнику, препровождая къ нему и виновнаго.

Рабочіе, арестованные послѣ происшедшаго на Александровскомъ принскѣ волненія, заявляли въ своемъ прошеніи, что имъ приходилось вставать въ 3 ч. утра, и что уже въ 5 ч. они были на работахъ въ шахтахъ; они утверждали, что шахты „были сооружены не только неправильно, но даже и безъ всякихъ предупредительныхъ приспособленій къ отвращенію могущихъ быть вредныхъ послѣдствій съ рабочими“. Зная 107 ст. устава о золотопромышленности ¹⁾ и 14 ст. правилъ о наймѣ рабочихъ на сибирскіе золотые промыслы ²⁾, рабочіе, по ихъ словамъ, „неоднократно заявляли, какъ управляющему Бастрыкову, такъ и горному исправнику южной части енисейскаго округа Кубе, о тѣхъ... неправильно устроенныхъ шахтахъ; затѣмъ просили исправника приказать выдать свѣчей для лѣстницъ, ведущихъ внутрь шахты, имѣющей глубины болѣе 50 арш. ³⁾. Но все это, по словамъ рабочихъ, оставлялось безъ вниманія, а становой Рязановъ „почелъ законнымъ безъ всякихъ законныхъ причинъ наносить побои рабочимъ, что извѣстно было не только намъ, артели, состоящей изъ 270 чел., но и на сосѣднихъ промыслахъ были извѣстны его, Рязанова, звѣрскіе поступки“. Въ видѣ примѣра, въ прошеніи были названы пять рабочихъ и 14-лѣтній мальчикъ Ячменевъ, находившійся у Рязанова въ услуженіи, съ добавленіемъ, что было и еще много другихъ ⁴⁾. „Извѣстно очень хорошо“, продолжаютъ рабочіе, „что мѣра и терпѣніе всегда имѣютъ окончательный исходъ, и вотъ мы всѣ артелью нѣсколько разъ заявляли г. исправнику Кубе о таковыхъ незаконныхъ поступкахъ г. Рязанова и просили, какъ начальника, завѣдывавшаго полицейскою частью на промыслахъ... войти своимъ начальническимъ вниманіемъ, защитить отъ самовольства этого Рязанова, просили и г. управляющаго Бастрыкова, но трудъ нашъ былъ бесполезенъ, и напротивъ, избитый становымъ Рязановымъ рабочій если являлся къ г. исправ-

¹⁾ „Добычу золота, какъ поверхностными, такъ и подземными работами, надлежитъ производить безъ вреда для здоровья и опасности для жизни рабочихъ“.

²⁾ Въ ней установленъ размѣръ вознагражденія за урѣчья.

³⁾ Одинъ рабочій также показалъ, что онъ просилъ управляющаго поставить свѣчи на лѣстницѣ, съ которой этотъ рабочій свалился.

⁴⁾ По показанію одного свидѣтеля (повара), „Рязановъ вообще на руку держалъ и на монхъ глазахъ въ эту операцію переволокнулъ болѣе десятка рабочихъ; рѣдкая раздача порцій рабочимъ, бывающая ежедневно, не обходилась безъ того, чтобы онъ за какую-либо бездѣлицу не угощалъ рабочихъ пивомъ, доходившимъ до 7 и болѣе“. По словамъ другого свидѣтеля, Рязановъ за свою любовь къ кулачной расправѣ носилъ прозвище „тюменскаго палача“.

нику, то вмѣсто защиты получалъ розги и отправлялся опять на промыслы, на работы. *Вотъ этотъ законъ* ¹⁾ промысловаго управленія въ южной части (енисейскаго округа), что наши заявленія и просьбы оставались совершенно безъ всякихъ послѣдствій и запретовъ г. Рязанову употреблять насилія“, и былъ причиною волненія на пріискѣ. По словамъ одного изъ этихъ рабочихъ въ другомъ прошеніи, ихъ командѣ „обидно стало, что Рязановъ каждый день бьетъ, и мало того, что самъ наеолотится, отправить (еще) къ исправнику, а исправникъ не спроситъ рабочаго, какъ и зачѣмъ тебя прислали, скажетъ заочно уряднику наказать лозами и отправить обратно на станъ“ ²⁾, т.-е. на пріискъ, „но какой же онъ работникъ, когда онъ, изувѣченный послѣ ударовъ и послѣ этого, ложится въ больницу“... „Не разъ и не два писали г. исправнику, чтобы онъ посѣтилъ нашъ станъ, что мы имѣемъ обиду отъ управленія, но онъ не считалъ нужнымъ, и подателя прогнать“. Въ этомъ же прошеніи мы встрѣчаемъ указанія и на тяжесть уроковъ ³⁾.

При такихъ враждебныхъ отношеніяхъ рабочихъ къ промысловому управленію достаточно было малѣйшаго повода для того, чтобы произошло столкновение, а Рязановъ вызвалъ серьезное неудовольствіе новымъ проявленіемъ своей склонности къ кулачной расправѣ.

При первомъ своемъ допросѣ Рязановъ такъ рассказалъ горному исправнику этотъ случай. 9-го марта 1890 г., во время подачи виновныхъ порцій рабочимъ Александровскаго пріиска, одинъ изъ нихъ, поселенецъ Осипъ Бариновъ, былъ лишенъ порціи за дерзкое обращеніе со служащими, что ему было заблаговременно объявлено, но онъ все-таки явился. Когда я ему отказалъ, то онъ дерзко сказалъ: „если не хочешь дать, то хватай самъ“, затѣмъ началъ наносить мнѣ разныя дерзости, вслѣдствіе чего я, выйдя изъ терпѣнія, ударилъ его и вытолкалъ вонъ, но онъ вновь пришелъ и сталъ ругать меня; я попросилъ бывшихъ тутъ рабочихъ вывести его вонъ, что они и исполнили“. Впослѣдствіи судебному слѣдователю Рязановъ далъ болѣе подробное и не вполне совпадающее съ первымъ показаніе, въ которомъ говоритъ: „Послѣ обѣда, обходя шахты, получилъ жалобу на Баринова отъ служащаго Кузнецова“, что тотъ уклоняется отъ работы и нанесъ ему,

¹⁾ Курсивъ самихъ рабочихъ.

²⁾ Такъ это будетъ всегда, пока горные исправники будутъ на жалованьи у золотопромышленниковъ.

³⁾ Рабочій предлагалъ допросить одного изъ служащихъ о томъ, что они не выработывали уроковъ.

Кузнецову, „оскорбленіе въ формѣ площадной брани. Я тутъ же сдѣлалъ Баринову выговоръ за его дурное поведеніе и предупредилъ его, что если это повторится, тогда уже придется обратиться къ мѣстной полицейской власти, и тутъ же, въ присутствіи Баринова, предлагалъ Кузнецову лишить его въ наказаніе винной порціи. Это же самое, до свиданія моего съ Кузнецовымъ, заявилъ Баринову и управляющій, бывший въ шахтѣ ¹⁾. Вечеромъ, при раздачѣ порцій рабочимъ, которою я, по желанію управляющаго, завѣдывалъ, въ числѣ прочихъ рабочихъ пришелъ и Бариновъ, предъявляя общую „съ другимъ рабочимъ“ порцію. Я отказалъ ему; тогда онъ началъ требовать настойчиво, *основываясь на запискѣ смотрителя шахты*. Я ему на это сказалъ, что *хотя смотритель и далъ ему записку на порцію*, но я, по предоставленному мнѣ праву, лишаю его ея. Бариновъ на это отвѣчалъ: „жди самъ, тебѣ больше нужно“ ²⁾! За эту грубость я его вытолкнулъ за дверь, но онъ схватилъ меня за грудь и сорвалъ часы; тутъ уже я его ударилъ по лицу, на что онъ отвѣчалъ большими грубостями и... на требованіе мое выйти изъ помѣщенія не исполнилъ этого; тогда я его снова вытолкалъ за дверь, гдѣ онъ продолжалъ сопротивленіе. Я обратился къ стоявшимъ тутъ рабочимъ съ просьбою увести Баринова, послѣ чего онъ уже не появлялся“. Въ этомъ показаніи Рязановъ иначе передаетъ слова Баринова, чѣмъ въ первомъ; затѣмъ оказывается, что у Баринова была записка отъ смотрителя шахты на полученіе порціи, и, слѣдовательно, онъ имѣлъ основаніе настаивать. Что же касается поведенія Баринова и Рязанова во время этой сцены, то показанія свидѣтелей и рабочихъ даютъ о немъ совершенно иное представленіе, чѣмъ рассказъ Рязанова.

Изъ показаній этихъ видно, что на вопросъ Баринова о причинахъ лишенія порціи, Рязановъ отвѣчалъ: „Будь доволенъ и тѣмъ, что тебѣ сказано, что нѣтъ порціи“. Тогда, направляясь къ выходу, Бариновъ сказалъ Рязанову: „Ну такъ пей самъ за мое здоровье“, послѣ чего тотъ закричалъ: „Воротись, я тебѣ дамъ порцію“. Бариновъ вернулся, но, вмѣсто подачи порціи, Рязановъ, на глазахъ всѣхъ присутствовавшихъ рабочихъ, сталъ давать Баринову пощечины одну за другою. Во время этой потасовки Бариновъ, защищаясь отъ побоевъ, схватилъ Рязанова за грудь и разорвалъ ему шоловый шнурокъ отъ часовъ, а Ряза-

¹⁾ Рязановъ въ своемъ показаніи увѣрилъ, что лишеніе винной порціи составляетъ „единственное (?) наказаніе отъ управленія“. А денежные штрафы?

²⁾ Мы видѣли, что управляющій Бастрниковъ считалъ Рязанова только „сравнительно съ другими трезвымъ“ человекомъ.

новъ далъ по ошибкѣ пощечину и другому, ни въ чемъ повинному рабочему. Когда Бариновъ возвращался за забытой имъ въ комнатѣ шапкой, Рязановъ сталъ вновь его бить, а его собака кусала этого рабочаго ¹⁾).

Рабочіе, присутствовавшіе при этомъ избіеніи ихъ товарища, были сильно возмущены и, уже уходя, собирались протестовать, чтобы не дать Рязанову возможности колотить всѣхъ по одиночкѣ. Прийдя въ казарму, Бариновъ сталъ говорить: „докуда же будетъ продолжаться такое самоуправство Рязанова“? Товарищи ему сочувствовали, хорошо понимая, что до каждаго изъ нихъ можетъ дойти очередь. Одинъ рабочій далъ знать и въ другія казармы, чтобы собирались на сходку около кашеварни, куда и сошлась вся артель за исключеніемъ конюховъ. Бариновъ рассказалъ о своемъ избіеніи, и всѣ рѣшили идти жаловаться управляющему промысловъ Бастрыкову и просить его „дать Рязанову угрозу или совсѣмъ устранить его съ приска“.

9-го марта, въ 8 час. вечера, — рассказываетъ Бастрыковъ въ своемъ показаніи, — къ нему на квартиру явился рабочій Лукашевскій и сообщалъ, что пришла артель и требуетъ его на улицу. Онъ тотчасъ вышелъ на крыльцо и увидѣлъ толпу человекъ въ сто. Поднялся такой шумъ и крикъ, что нельзя было понять, что нужно рабочимъ. Бастрыковъ предложилъ передать имъ, чтобы они перестали шумѣть, — тогда онъ ихъ выслушаетъ, и самъ вернулся въ комнату. Когда минутъ черезъ пять онъ вышелъ вновь, Лукашевскій сталъ говорить о неправильной подачѣ винныхъ порцій. Въ это время всѣ опять зашумѣли и закричали, и въ общемъ гулѣ среди бурнаго вѣтра слышны были лишь крики: „убери Рязанова, или мы завтра не выйдемъ на работу“. Бастрыковъ, по его словамъ, сказалъ: „идите сегодня по домамъ; завтра можете идти къ исправнику и принести жалобу“ ²⁾, а рабочіе на это закричали: „что намъ исправникъ: сами управимся! Айда бить

¹⁾ Пріисковнй врачъ Квятковскій (состоящій, какъ и всѣ пріисковне врачи, на жалованьи у золотопромышленниковъ), при освидѣтельствovanіи Баринова на другой день, 10-го марта, никакихъ знаковъ внѣшняго насилія у него не нашелъ, и потому заключилъ, „что если и были ему нанесены побои, то они должны быть отнесены къ категоріи легкихъ“. Бариновъ же въ прошеніи, поданномъ во время содержанія въ енисейскомъ тюремномъ замкѣ, говоритъ, что послѣ освидѣтельствovanія его, докторъ сказалъ: „на тѣлѣ нѣтъ никакихъ знаковъ, а на рукѣ, хотя и есть рана, — заживетъ, а опухоль на головѣ и тѣлѣ тоже пройдетъ“. Бариновъ, по его словамъ, *пролежалъ въ больницѣ до 30-го марта*.

²⁾ Въ донесеніи горному исправнику, написанномъ немедленно послѣ этого инцидента, Бастрыковъ говоритъ, что онъ „отложилъ имъ рѣшеніе этого вопроса“ (объ удаленіи Рязанова) „до завтрашняго дня“.

Рязанова!“ — и бросились къ его квартирѣ. Бастрыковъ послалъ за казаками, но они были заняты обходомъ шахтъ и явились тогда, когда было уже поздно.

Рабочіе, какъ обвиняемые, такъ и свидѣтели, иначе передаютъ слова Бастрыкова; хотя и съ нѣкоторыми вариантами, они приписываютъ ему слѣдующія выраженія: „Вы, вѣроятно, пьяны, вздумаете еще и меня смѣнить. Ступайте спать; пусть Бариновъ пожалуется завтра исправнику. Я Рязанова не смѣню. Дѣлайте съ нимъ, какъ знаете!“ Этими послѣдними словами Бастрыковъ, вѣроятно, хотѣлъ сказать, что рабочіе должны такъ или иначе ладить съ Рязановымъ, котораго онъ смѣнять не желаетъ; рабочіе же въ показаніяхъ своихъ утверждали, будто Бастрыковъ сказалъ: „какъ хотите, такъ и дѣлайте“, или: „ступайте сами къ Рязанову и сходитесь съ нимъ, какъ знаете“; а одинъ обвиняемый утверждалъ, будто бы Бастрыковъ сказалъ даже: „какъ знаете, такъ и распорядитесь съ Рязановымъ“. Нѣкоторые полагали, будто, боясь получить отъ Рязанова оскорбленіе, Бастрыковъ предоставилъ имъ самимъ съ нимъ расправиться. Они и отправились „потрепать“ его.

Относительно расправы съ Рязановымъ самъ потерпѣвшій показалъ слѣдующее. Немного спустя послѣ того, какъ онъ избилъ Баринова, онъ услышалъ шумъ толпы рабочихъ, вошедшихъ съ задняго крыльца и направлявшихся къ его комнатѣ. Онъ выскочилъ въ сѣни передняго крыльца и подперъ собою дверь, въ которую начали ломиться рабочіе, а когда удержать ее было невозможно, вскочилъ въ чуланчикъ и тамъ затворился. Тогда одинъ рабочій со двора поднялъ крышу этого помѣщенія и вытащилъ доски изъ перегородки; затѣмъ другой схватилъ Рязанова за рубашку и оттащилъ отъ двери, чѣмъ далъ возможность выломать ее и ворваться туда. Рязанова вытащили сначала въ сѣни, затѣмъ на улицу, гдѣ и исколотили. Кто именно билъ его, онъ сказать не можетъ. Когда явились казаки, онъ, по словамъ Бастрыкова, лежалъ въ безсознательномъ состояніи.

Показанія рабочихъ нѣсколько дополняютъ свидѣтельство потерпѣвшаго. Выслушавъ отказъ Бастрыкова, — говоритъ одинъ рабочій, — „мы порѣшили, что коли съ нами поступаютъ самоуправно, то и мы такимъ же образомъ поступимъ съ Рязановымъ, и тотчасъ подступили къ его квартирѣ и окружили ее“; войдя въ нее, заглядывали подъ кровать, щупали висѣвшее на стѣнѣ платье, но нигдѣ не находили его; наконецъ отправились въ чуланчику, но дверь оказалась запертою; тогда стали разбирать уличную стѣнку этого помѣщенія и при свѣтѣ вѣтъ-то зажженной спички увидѣли Рязанова.

Вскорѣ онъ былъ вытасченъ оттуда, и на улицѣ всѣ, кто только могъ проникнуть къ нему, наносили ему побои. Допрашиваемые или признавались, что были Рязанова, или заявляли, что только невозможность пробраться къ нему сквозь густую толпу помѣшала исполненію этого намѣренія. „Я замахнулся рукою, — показывалъ одинъ рабочій, — чтобы отомстить ударомъ за нанесенныя мнѣ Рязановымъ двѣ плюхи, но промахнулся и толкнулъ его лишь въ спину“. „Я не билъ его вопреки своему желанію“, — заявляетъ другой, т.-е. тоже вслѣдствіе невозможности протиснуться сквозь толпу. — „Вслѣдствіе нанесенной мнѣ обиды, — показываетъ третій, одинъ изъ поколоченныхъ Рязановымъ, — мнѣ пріятно было не только ударить его, но даже посмотреть, какъ его бьютъ“. Одинъ рабочій говорилъ позднѣе другому, что онъ билъ Рязанова „подборами своихъ сапогъ“; но когда другому рабочему приписали слова: „вотъ я сегодня поплясалъ на Рязановѣ“, то онъ это отрицалъ.

Въ тотъ же вечеръ управляющій Бастрывковъ послалъ горному исправнику Кубе донесеніе о случившемся, и тотъ на другой день съ присковымъ врачомъ Квятковскимъ пріѣхалъ на прискъ. По медицинскому освидѣтельствуванію ¹⁾, врачъ отказался пока дать окончательное заключеніе о томъ, насколько серьезны нанесенныя Рязанову поврежденія. Почти черезъ мѣсяцъ, 6-го апрѣля, при новомъ освидѣтствованіи потерпѣвшаго, у него оказался подъ лѣвымъ глазомъ рубецъ около вершка, а ниже видѣлась еще ранка около сантиметра длиною, изъ которой выдѣлялся гной; и на этотъ разъ врачъ не далъ заключенія о „степени полученныхъ поврежденій“ и ихъ послѣдствій для здоровья Рязанова. Гораздо рѣшительнѣе выражался судебный слѣдователь Копанскій, которому, какъ мы увидимъ, было поручено слѣдствіе; еще въ постановленіи 31-го марта 1890 г. онъ говоритъ: „По даннымъ судебно-медицинскаго осмотра съ большою вѣроят-

¹⁾ Оказалось, что Рязановъ „тѣлосложенія хорошаго; на головѣ въ области лѣваго сосцевиднаго отростка“ (т.-е. за ухомъ) „прощупывается припухлость и при надавливаніи ощущается болѣзненность; обѣ ушныя раковины припухли и мѣстами осаднены, изъ наружнаго лѣваго слухового отверстія просачивается кровь; область праваго виска припухла, осаднена и болѣзненна; на верхнемъ правомъ вѣкѣ двѣ небольшія, поверхностныя, горизонтальнаго направленія ранки; оба глаза плотно закрыты поблговѣвшими и распухшими вѣками; подъ нижнимъ лѣвымъ вѣкомъ, въ области скулы, дугообразная рана, обращенная выпуклостью внизъ, около одного вершка длиною, въ срединѣ проникающая до надкостницы; на подбородкѣ двѣ небольшихъ... ссадинъ; передняя область шеи припухла и испещрена поверхностными ссадинами; такія же ссадины находятся на плечахъ и лопаткахъ; общее состояніе здоровья удовлетворительно“.

ностью можно предположить, что у Рязанова существует переломъ височной и верхней челюстной кости“. 8-го апрѣля, въ день отъѣзда Рязанова съ промысловъ, на допросъ у судебного слѣдователя фельдшеръ Александровскаго прииска Аппельбергъ (бывшій студентъ 5 курса московскаго университета) показалъ: „На основаніи найденнаго мною при осмотрѣ Рязанова 9-го марта и наблюдаемаго мною теченія его болѣзни, я думаю, что онъ, Рязановъ, получилъ переломъ или трещину височной кости и верхней лѣвой челюсти“. Вѣроятно, эти свои предположенія Аппельбергъ еще ранѣе сообщалъ слѣдователю, а тотъ принялъ ихъ за положительный результатъ судебно-медицинскаго осмотра. Въ послѣдній разъ Рязановъ былъ освидѣтельствованъ 11-го іюля въ Енисейскѣ городовымъ врачомъ. Раны къ этому времени затянулись рубцомъ; врачъ нашель, что „скуловая кость въ средней части представляетъ углубленіе“, и что „носовые кости, повидимому, нѣсколько отклонены въ лѣвую сторону“; окончательное же его заключеніе было таково, что „поврежденія по послѣдствіямъ слѣдуетъ отнести къ легкимъ, но тѣмъ не менѣе лишившимъ Рязанова въ продолженіе болѣе мѣсяца способности къ личному труду и оставившимъ послѣ себя въ значительной степени безобразія“.

Возвратимся, однако, къ тому, что дѣлалось на Александровскомъ приискѣ послѣ описаннаго событія или, какъ выразился на допросѣ одинъ обвиняемый, „маленькой катастрофы“.

Расправившись съ Рязановымъ, рабочіе на другой день продолжали по прежнему работать.

Горный исправникъ Кубе, прибывъ 10-го марта на Александровскій приискъ, приступилъ къ предварительному допросу свидѣтелей и, узнавъ имена наиболѣе виновныхъ, приказалъ старшему уряднику привести ихъ. Тотъ скоро возвратился и доложилъ, что „пришла вся команда“. Когда исправникъ вышелъ къ нимъ, они заявили: „Къ спросу по одному человѣку не дадимъ; мы на лицо, и можете спрашивать всѣхъ“. Исправникъ отвѣчалъ, что, производя слѣдствіе, онъ долженъ спрашивать каждого отдѣльно, но рабочіе единогласно заявили, что въ такомъ случаѣ отвѣчать не желаютъ, а пусть пришлютъ имъ жандармскаго офицера, и затѣмъ ушли. Мотивы этого послѣдняго требованія вполне понятны: рабочіе, конечно, очень хорошо знали, что исправникъ находится въ матеріальной зависимости отъ золотопромышленниковъ, и потому желали, чтобы слѣдствіе производило лицо болѣе самостоятельное; а такъ какъ еще въ первой половинѣ 70-хъ годовъ губернскаго жандармскаго управленія наблюдали за приисками

и начальникъ посѣщалъ ихъ, то рабочимъ и пришло въ голову потребовать присылки жандармскаго офицера.

Исправникъ въ тотъ же день послалъ донесенія товарищу енисейскаго губернскаго прокурора и губернатору о томъ, что команда рабочихъ отказалась выдать обвиняемыхъ, требуя для производства слѣдствія жандармскаго офицера, на что получилъ отъ прокурора предложеніе передать дѣло о нанесеніи побоевъ Рязанову—судебному слѣдователю, который прибудетъ на присскъ. Извѣщая о томъ же горнаго исправника, исправляющій должность губернатора предлагалъ разъяснить рабочимъ, что для командированія жандармскаго офицера „нѣтъ никакихъ законныхъ основаній, и предупредить, что если и за симъ они будутъ упорствовать въ дачѣ показаній особому слѣдователю, то вынудятъ обратиться въ мѣрамъ крайней строгости и призыву военной силы“. 22-го марта, судебный слѣдователь енисейскаго округа Копанскій, прибывъ на присскъ, приступилъ къ производству слѣдствія.

На другой день, допросивъ двухъ рабочихъ, крестьянина Пашенныхъ и поселенца Мерлина, судебный слѣдователь постановилъ заключить ихъ временно подъ стражу при резиденціи горнаго исправника и отдалъ двумъ казакамъ приказаніе арестовать обвиняемыхъ. Мерлинъ вырвался, закричавъ: „ребята, меня арестуютъ“, но тѣмъ не менѣе былъ пойманъ и отвезенъ въ резиденцію исправника. Впослѣдствіи, въ жалобѣ на имя „помощника жандармскаго начальника“, написанной лѣтомъ въ енисейскомъ тюремномъ замкѣ,—говоритъ Мерлинъ,—„меня, привязаннаго на саняхъ, привезли на резиденцію, которая находилась въ 12-ти верстахъ отъ стану, въ одной рубашкѣ, что видѣли казакъ (такой-то) и другіе, бывшіе тутъ. Команда рабочихъ, пришедши къ слѣдователю, просила не арестовать меня раздѣтаго, но слѣдователь сказалъ, что это не ваше дѣло и, топая ногами, говорилъ: „я васъ всѣхъ закую“; а въ другомъ прошеніи, поданномъ товарищу прокурора енисейскаго округа, Мерлинъ утверждалъ, что кричалъ: „меня арестуютъ“—для того, чтобы ему вынесли одежду. Судебный слѣдователь по этому поводу въ постановленіи отъ 9-го августа написалъ: „Обвиняемые Мерлинъ и Пашенныхъ являлись къ слѣдствію и были отправлены въ резиденцію горнаго исправника, во всякомъ случаѣ, не въ однѣхъ рубашкахъ, а имѣли при себѣ теплую одежду... Мерлинъ, въ виду попытки сбѣжать отъ конвоировъ, съ цѣлью произвести волненіе среди рабочихъ, можетъ быть, и былъ въ предупрежденіе сбѣгства связываемъ, но не по распоряженію слѣдователя“. Однако Мерлинъ въ прошеніи, по-

данномъ енисейскому губернскому прокурору въ сентябрѣ мѣсяцѣ, вновь утверждаетъ, что слѣдователь взялъ его „мокрого и неодѣтаго съ работъ и, несмотря на 12-ти верстное разстояніе, неодѣтаго и непереобутаго при морозахъ арестовалъ и услалъ въ заключеніе“, и что онъ будто бы только просилъ товарищей вынести ему теплую одежду. Последнее едва ли справедливо; по крайней мѣрѣ судебный слѣдователь въ постановленіи отъ 31-го марта, гдѣ онъ излагаетъ весь ходъ дѣла, говоритъ, что Мерлинъ прямо заявилъ ему: „артель не позволитъ меня арестовать“.

Послѣ ареста двухъ товарищей, рабочіе, недовольные тѣмъ, что при допросахъ у судебного слѣдователя присутствуетъ управляющій Бастрьковъ, рѣшились проучить слѣдователя, какъ то видно изъ слѣдующаго постановленія слѣдователя 23-го марта: „Я, судебный слѣдователь по енисейскому округу, получилъ словесное заявленіе отъ собравшейся сего числа артели рабочихъ, что присутствіе какихъ бы то ни было постороннихъ лицъ при производствѣ слѣдствія совсѣмъ не желательно, такъ какъ они, рабочіе, при существованіи подобныхъ условій, не могутъ давать мнѣ, слѣдователю, чистосердечныхъ показаній и будутъ сомнѣваться въ непристрастности моихъ дѣйствій. Принимая во вниманіе, что рабочіе въ данное время находятся въ антагонизмѣ со всей приисковой администраціей и что помимо контингента лицъ, входящихъ въ нее, другихъ лицъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ настоящему дѣлу, нѣтъ на приискѣ, нашелъ ходатайство рабочихъ, въ интересахъ производства слѣдствія, заслуживающимъ уваженія, а потому постановилъ: производить допросъ рабочихъ въ отсутствіе какихъ бы то ни было постороннихъ лицъ, исключая трехъ приисковыхъ казаковъ“.

Дѣло, однако, на этомъ не кончилось. Если рабочіе не успѣли помѣшать аресту товарищей, то они пожелали, по крайней мѣрѣ, ихъ освободить. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ ареста Мерлина и Пашенныхъ, 23-го марта, часа въ 4 пополудни, невдалекѣ отъ квартиры управляющаго Бастрькова стала собираться большая толпа рабочихъ, которые о чемъ-то оживленно разговаривали, размахивая руками. Слѣдователь и горный исправникъ, опасаясь насильственныхъ дѣйствій со стороны рабочихъ и чтобы узнать причину ихъ сборища, вышли къ нимъ. Прежде всего слышались изъ толпы крики: „зачѣмъ вы арестовали Пашенныхъ и Мерлина, когда мы тутъ всё виновны“? Слѣдователь отвѣчалъ, что все сдѣлано имъ на законномъ основаніи, и если они считаютъ его дѣйствія неправильными, то могутъ обратиться (не скопомъ, а каждый отдѣльно) съ жалобой къ его начальству. Но

его слова были заглушены крикомъ рабочихъ, требовавшихъ освобожденія арестованныхъ, а нѣкоторые прямо заявляли, что они выпустятъ на свободу заключенныхъ товарищей, и при этомъ размахивали руками настолько внушительно, что слѣдователь согласился на освобожденіе арестованныхъ. Толпа, окружившая со всѣхъ сторонъ слѣдователя и горнаго исправника, стала также спрашивать этого послѣдняго, зачѣмъ онъ такихъ-то и такихъ-то рабочихъ наказывалъ розгами, а другихъ держалъ подъ арестомъ, моря ихъ голодомъ. „Однимъ словомъ, для толпы“, — по увѣреніямъ судебного слѣдователя, — „не существовало никакой власти, кромѣ грубой ихъ физической силы“, которая при „зажигательныхъ рѣчахъ“, произносимыхъ ея вожаками, угрожала личной безопасности... должностныхъ лицъ. Болѣе дѣятельную агитацію среди рабочихъ, для возбужденія ихъ неудовольствія, вели 15 человекъ. „Особенно дерзко держалъ себя Долженскій, который доказывалъ, что рабочіе поступили вполне справедливо, расправившись съ Рязановымъ, такъ какъ послѣдній притѣснялъ рабочихъ, нанося имъ часто побои, при чемъ все происходившее называлъ ни болѣе ни менѣе, какъ маленькою катастрофою“.

Тотчасъ послѣ этого объясненія судебный слѣдователь составилъ постановленіе, въ которомъ говоритъ, что „толпа рабочихъ, приблизительно въ числѣ 130 человекъ, предъявила мнѣ, слѣдователю, категорическое требованіе освободить арестованныхъ, въ противномъ случаѣ угрожая отправиться въ резиденцію исправника и освободить заключенныхъ, и что прежде, чѣмъ Пашенныхъ и Мерлинъ не будутъ освобождены, они по одиночкѣ отказываются давать на слѣдствіи какия бы то ни было показанія. Принимая во вниманіе, что на Александровскомъ приискѣ находится человекъ двѣсти рабочихъ, между тѣмъ полицейскихъ служителей-казаковъ полагается здѣсь всего лишь два человека, въ резиденціи же горнаго исправника четыре человека, ничѣмъ кромѣ пашекъ не вооруженные, и что, слѣдовательно, никакого физическаго воздѣйствія“ нельзя „произвести на рабочихъ, броженіе въ умахъ которыхъ еще не улеглось, постановилъ: уступая физическому давленію и во избѣжаніе какихъ бы то ни было беспорядковъ среди рабочихъ, Пашенныхъ и Мерлина изъ-подъ стражи освободить, о чемъ и донести г. енисейскому губернатору“.

Когда слѣдователь объявилъ это постановленіе рабочимъ, они стали увѣрять, что *не требовали*, а лишь *просили* его освободить обвиняемыхъ и что они физическаго давленія не оказываютъ. Слѣдователь поспѣшилъ записать эти слова съ такимъ заключеніемъ: „подобныя увѣренія значенія въ настоящее время ника-

кого не могутъ имѣть, ибо слѣдователь стѣсненъ въ своихъ дѣйствіяхъ изъ опасенія, дабы малѣйшая вспышка со стороны возбужденныхъ рабочихъ не повлекла къ серьезнымъ послѣдствіямъ, угрожая личной безопасности присковой администраціи, а потому, полагая, что при отсутствіи военной силы невозможно продолжать настоящаго слѣдствія, постановилъ записать о семъ для свѣденія енисейскаго губернатора“.

На другой день, 24-го марта, слѣдователь составилъ особое постановленіе объ освобожденіи Мерлина и Пашенныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ донесъ губернатору о своемъ затруднительномъ положеніи. Исправляющій должность енисейскаго губернатора телеграфировалъ иркутскому генералъ-губернатору, и послѣдній приказалъ отправить изъ Енисейска на присскъ вооруженную команду, которая была доставлена туда на подводахъ и 30-го марта прибыла на Александровскій присскъ въ слѣдующемъ составѣ: офицеръ, два унтеръ-офицера и 30 рядовыхъ.

На другой денъ, т.-е. 31-го марта, собрана была вся команда рабочихъ, военный отрядъ выстроился противъ нея, и судебный слѣдователь, въ присутствіи горнаго исправника, сталъ вызывать по очереди 25 рабочихъ, считавшихся наиболѣе виновными, которые и были арестованы. Во все это время остальные рабочіе соблюдали глубокую тишину. 15 особенно важныхъ обвиняемыхъ были закованы въ ножные кандалы. Эту мѣру судебный слѣдователь въ постановленіи отъ того же числа мотивируетъ слѣдующими соображеніями: 1) „Исключительное положеніе, при которомъ производится настоящее слѣдствіе, допускаетъ употребленіе исключительныхъ, крайнихъ мѣръ. 2) Броженіе среди рабочихъ на Александровскомъ присскѣ отразилось неблагоприятно и на сосѣднихъ прискахъ южно-енисейскаго округа, гдѣ артелью рабочихъ были предъявлены требованія, тождественныя съ таковыми же, изложенными въ настоящемъ дѣлѣ. 3) На Александровскомъ присскѣ нѣтъ особо приготовленнаго зданія для безопаснаго помѣщенія арестованныхъ. 4) Въ командѣ, присланной на Александровскій присскъ, рядовыхъ 32 человѣка, т.-е. на семь человѣкъ болѣе, чѣмъ арестованныхъ, что указываетъ на необходимость принятія по отношенію къ заарестованнымъ крайнихъ мѣръ предосторожности, дабы команда съ успѣхомъ могла наблюдать, какъ за самими послѣдними, такъ и за общимъ положеніемъ дѣлъ на Александровскомъ присскѣ, на коемъ оставалось еще на свободѣ человѣкъ 200 рабочихъ. 5) Препровожденіе арестованныхъ по дорогамъ южно-енисейской тайги, въ виду большихъ разстояній между станциями, особыхъ условій таежной дороги и малочислен-

ности для даннаго времени конвоя, представляется небезопаснымъ въ случаѣ попытки арестованныхъ бѣжать отъ конвоировъ, чему могутъ пособить и сочувствующіе симъ послѣднимъ нѣкоторые изъ товарищей, оставшихся на свободѣ, и 6) важность преступленія требуетъ энергическихъ мѣръ по преслѣдованію виновныхъ“.

Три арестанта были отправлены 4-го апрѣля въ енисейскую тюрьму, а черезъ нѣсколько дней предполагалось отправить туда еще троихъ. Донося объ этомъ енисейскому губернатору, горный исправникъ сообщаетъ, что „въ виду проявленія маловажныхъ беспорядковъ на сосѣднихъ приискахъ и въ предупрежденіе болѣе крупныхъ“, онъ, по соглашенію съ судебнымъ слѣдователемъ, сообщилъ командующему военнымъ отрядомъ, что этотъ послѣдній долженъ оставаться на приискѣ до окончанія слѣдствія.

И судебный слѣдователь, и горный исправникъ, упоминаютъ о волненіяхъ рабочихъ на сосѣднихъ промыслахъ. Случаи неповиновенія были на приискахъ Кузнецова, Саввинныхъ, Асташева и Переплетчикова, но подробныхъ свѣденій объ этихъ происшествіяхъ мы не имѣемъ. Но вотъ что произошло на Николаевскомъ приискѣ Глазкова. 17-го марта рабочіе этого прииска явились вечеромъ въ дому управляющаго приискомъ Сахновскаго и потребовали его къ себѣ на улицу для объясненія относительно скрывавшагося уже нѣсколько дней рабочаго поселенца Ермонтова, который имъ сказалъ, что его избилъ Сахновскій; рабочіе, повидимому, хотѣли расправиться съ управляющимъ, но казакъ, находившійся на службѣ на этомъ приискѣ, убѣдилъ ихъ, что Ермонтовъ говоритъ неправду, и уговорилъ разойтись. На другой день горный исправникъ пріѣхалъ на этотъ приискъ, и Ермонтовъ въ присутствіи рабочихъ сознался, что Сахновскій его не билъ и что онъ только предполагалъ возможность этого. Горный исправникъ выдворилъ Ермонтова изъ тайги, какъ вредно вліяющаго на рабочихъ, а остальнымъ сдѣлалъ внушеніе.

12-го апрѣля судебный слѣдователь Копанскій выѣхалъ съ Александровскаго прииска, а 24-го іюля препроводилъ къ товарищу прокурора по енисейскому округу производство по этому дѣлу, но получилъ его обратно для нѣкоторыхъ дополненій, что дало ему возможность написать опроверженіе поданныхъ на него жалобъ. По поводу обвиненія въ томъ, что слѣдствіе производилось пристрастно и сопровождалось угрозами заковать въ кандалы, онъ между прочимъ говоритъ: „какія слѣдователь могъ употреблять по отношенію къ нимъ угрозы, когда онъ, имѣя дѣло съ артелью рабочихъ въ 220 человекъ съ лишнимъ“, могъ бы съ подобною

бестактностью „заставить возгорѣться съ новою силою улегшеся незадолго до этого чувство недовольства противъ всей присковской администраціи“.

Въ началѣ октября 1890 г. исправляющій должность енисейскаго губернскаго прокурора, Виноградовъ, внесъ это дѣло въ губернский судъ со своимъ заключеніемъ, гдѣ, опредѣляя составъ преступления, счелъ прежде всего нужнымъ отмѣтить, что слѣдствіемъ не собрано данныхъ, позволяющихъ предполагать въ толпѣ рабочихъ желаніе посягнуть на жизнь Рязанова, но, „принявъ во вниманіе особую жестокость при нанесеніи Рязанову побоевъ, въ чемъ легко убѣдиться изъ первоначальнаго осмотра присковскимъ врачомъ и продолжительности его страданій, ибо, спустя уже три мѣсяца послѣ нанесенія ему побоевъ, отъ нихъ остались вполнѣ ясныя слѣды, побои, причиненные Рязанову, нельзя не отнести къ преступному дѣянію, предусмотрѣнному 1489 ст. уложенія о наказаніяхъ, хотя таковое и было совершено въ состояніи запальчивости и раздраженія, не устраняющихъ, однако, возможности примѣненія приведенной статьи... Что касается до отказа команды рабочихъ давать горному исправнику показанія впредь до командированія на прискъ жандармскаго офицера, а равно предьявленія судебному слѣдователю требованія объ освобожденіи рабочихъ Пашенныхъ и Мерлина, то, принявъ во вниманіе, что *работы на прискъ все время непрерывно продолжались, и судебнымъ слѣдователемъ не приведено никакихъ фактическихъ доказательствъ, указывающихъ на возможность какого-либо насилія противъ правительствомъ установленныхъ властей*, нельзя не придти къ заключенію, что формальное слѣдствіе по обвиненію вышеназванныхъ лицъ въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 264 ст. улож. о наказ., подлежитъ прекращенію съ отмѣною принятой противъ обвиняемыхъ мѣры обезпеченія, а виновные въ неисполненіи законнаго требованія горнаго исправника, обращеннаго къ толпѣ, разойтись по казармамъ, должны подлежать наказанію по 29 и 38 ст. мирового устава.

Въ ноябрѣ 1890 г. енисейскій губернский судъ произнесъ приговоръ, по которому, признавая всѣхъ 27 обвиняемыхъ „виновными въ неисполненіи законныхъ требованій полицейской власти“, а 4 изъ нихъ (крестьянъ Пашенныхъ и Лукашевскаго и ссыльнопоселенцевъ Рогачевскаго и Мерлина) „кромѣ того въ причиненіи Рязанову истязаній, опредѣлилъ крестьянъ Пашенныхъ и Лукашевскаго, по лишеніи всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, заключить въ тюрьму на 3 года и 3 мѣсяца;.. ссыльнопоселенцевъ Рогачевскаго

и Мерлина наказывать плетью 42 ударами и обратить во временную работу на заводахъ каждаго на 4 года и 6 мѣсяцевъ; затѣмъ 13 рабочихъ подвергнуть въ пользу казны взыскацію съ каждаго въ размѣрѣ по 25 р., а при несостоятельности аресту при полиціи (а одного личнаго почетнаго гражданина — при тюрьмѣ), каждаго на 5 дней, и, наконецъ, 10 человекъ (изъ ссыльнопоселенцевъ, и въ томъ числѣ Баринова) наказывать розгами, каждаго въ размѣрѣ 50 ударовъ¹⁾.

Такимъ образомъ, по суду подверглись наказанію 27 человекъ; но не только для нихъ, а для гораздо большаго количества рабочихъ участіе въ волненіи 1890 г. имѣло еще одно послѣдствіе, по усмотрѣнію мѣстной администраціи. Управляющій Бастрыковъ составилъ списокъ „рабочихъ, находившихся на промыслахъ К^о Базилевскаго и Черемныхъ въ операцію 1889—90 г. и участвовавшихъ въ бунтѣ противъ управленія 9-го марта, противъ горнаго исправника 10-го марта, противъ горнаго исправника и судебного слѣдователя 23-го марта 1890 г., а также замѣченныхъ управленіемъ въ разныхъ проступкахъ, въ который включилъ фамиліи 204 рабочихъ и препроводилъ его въ горному исправнику, а тотъ не только принялъ его, но распространилъ его и внѣ предѣловъ своей системы. По крайней мѣрѣ горный исправникъ сѣверной части этого округа присоединилъ этотъ списокъ къ составленному имъ списку подвергнутыхъ взысканіямъ за разные преступленія и проступки и бѣжавшихъ съ присковъ своего округа и въ печатномъ видѣ разослалъ его золотопромышленникамъ, выражая желаніе, „чтобы поименованные въ спискѣ рабочіе не были нанимаемы въ новую операцію“. Желательно было бы воспретить составленіе и рассылку такихъ списковъ, при составленіи которыхъ исправники руководятся непровѣренными показаніями присковскихъ управленій. Прокуроръ и судъ признали невозможнымъ обвинять рабочихъ по 264 ст. улож. о наказ., а управляющій Бастрыковъ и горные исправники продолжаютъ употреблять слово „бунтъ“ въ официальныхъ бумагахъ; судъ признаетъ виновными 27 чел., а управляющій Бастрыковъ и горные исправники говорятъ: „нѣтъ, виновны въ бунтѣ большинство рабочихъ“, да еще встаетъ навидываются нѣкоторое число рабочихъ, въ немъ не участвовавшихъ, но будто бы виновныхъ (по непровѣренному свидѣтельству Бастрыкова) „въ разныхъ проступкахъ“, и всѣ эти рабочіе включаются въ

¹⁾ Лукашевскій и Мерлинъ подавали жалобу на приговоръ суда въ сенатъ, но она была оставлена безъ послѣдствій. (Архивъ енисейскаго губернскаго суда и горнаго исправника южно-енисейской системы).

одинъ списокъ заурядъ съ главными обвиненными. И это продлываетъ Бастрыковъ, который самъ повиненъ въ избіеніи Рязанова, потому что не остановилъ кулачной расправы, практикуемой этимъ послѣднимъ, и не обратилъ вниманія на справедливыя жалобы рабочихъ, и горный исправникъ Кубе, который несомнѣнно повиненъ въ небрежномъ отношеніи къ своимъ обязанностямъ; на основаніи § 13 инструкціи для горныхъ исправниковъ 1874 г., онъ долженъ былъ „слѣдить, чтобы хозяева и ихъ уполномоченные обходились со служащими и рабочими кротко“. А что ему была извѣстна наклонность Рязанова къ кулачной расправѣ, видно изъ того, что 27 декабря 1889 г. крестьянинъ Семенъ Ячменевъ подалъ ему прошеніе о нанесеніи его сыну Сергѣю побоевъ становымъ Рязановымъ. Горный исправникъ поручилъ присковому врачу Квятковскому освидѣтельствовать Ячменева „въ состояніи здоровья и степени полученныхъ поврежденій“ (какъ будто побои, не причиняющіе поврежденій, позволительны), но врачъ уже не засталъ на другой день на прискѣ Ячменева, „который неизвѣстно куда выѣхалъ“, очевидно мало рассчитывая на правосудіе мѣстной власти. Вскорѣ затѣмъ онъ подалъ прошеніе по тому же дѣлу товарищу енисейскаго губернскаго прокурора. Чѣмъ окончилось это дѣло, мы не знаемъ; но если горный исправникъ въ официальномъ отношеніи судебному слѣдователю утверждаетъ, что, „кромѣ этихъ жалобъ, ни письменныхъ, ни словесныхъ на станового Рязанова къ нему не поступало“, то отсутствіе письменныхъ жалобъ можетъ объясняться, судя по показаніямъ на слѣдствіи, угрозами Рязанова тѣмъ, которые вздумаютъ ихъ писать, или, какъ онъ выражался, „адвокатничать“, а отсутствіе словесныхъ жалобъ (если только эти слова исправника справедливы) могло бы быть слѣдствіемъ того, что исправникъ иной разъ безъ всякихъ разговоровъ подвергалъ присылаемыхъ къ нему отъ присковыхъ управленій рабочихъ наказаніямъ, не выслушивая ихъ заявленій или не обращая на нихъ вниманія. Но нѣкоторые рабочіе на слѣдствіи утверждали, что они жаловались исправнику.

Мѣстная печать съ справедливымъ негодованіемъ отнеслась къ поведенію присковаго управленія и горнаго исправника, видя въ нихъ главныхъ виновниковъ волненій 9-го марта 1890 г. „Прежде всего надо сказать, — читаемъ мы въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ“, — что поводомъ къ нанесенію побоевъ Рязанову всей командой было болѣе чѣмъ жестокое обращеніе Рязанова съ рабочими. Избить рабочаго, избить даже мальчика лакея, избить, наконецъ, своего брата-служаку — для Рязанова было дѣломъ

обыкновеннымъ. Что это факты, а не голословное обвиненіе, тому можно привести доказательства. Рязановъ въ февралѣ избилъ мальчика-лакея, Сергѣя Ячменева, въ январѣ избилъ служащаго Селянина, бывшаго у него въ гостяхъ, избилъ арендатора Чанскаго, конторщика Башурова, а рабочихъ избивалъ многихъ. И такому жестокому человѣку, для котораго зуботычина была самымъ обыкновеннымъ жестомъ, ввѣрена была должность помощника управляющаго прискомъ, непосредственнаго распорядителя присковой жизни! Что онъ таковъ—извѣстно было раньше... подвиги его совершались на глазахъ управляющаго, на виду горнаго исправника, которому приносились не разъ на Рязанова жалобы. Базалось бы, какъ не остановить своего подчиненнаго, какъ не остановить дерзкаго на руку человѣка?... Присковая администрація несомнѣнно виновата въ этомъ прискорбномъ событіи тѣмъ, что съ ея попустительства раздувалось броженіе между рабочими, приведшее къ столь печальному финалу¹⁾.

„Восточное Обзорѣніе“ сообщаетъ, что золотопромышленники собирались подать петицію высшему начальству о строгомъ наказаніи рабочихъ. Они осуществили это намѣреніе въ болѣе общей формѣ, представивъ министру государственныхъ имуществъ записку²⁾, въ которой между прочимъ ходатайствуютъ объ увеличеніи военной силы на прискахъ, тогда какъ дѣло о волненіи на Александровскомъ прискѣ показываетъ, какъ въ сущности мирно были настроены тамъ рабочіе: они считаютъ необходимымъ „потрепать“ служащаго, который ихъ колотитъ, но въ то же время продолжаютъ работать и не оказываютъ сопротивленія военному отряду, почти въ десять разъ менѣе многочисленному, чѣмъ „команда“ рабочихъ, даже когда судебному слѣдователю вздумалось заковать въ кандалы 15 человѣкъ ихъ товарищей. „Во избѣжаніе повторившихся въ последнее время стачекъ присковыхъ рабочихъ,—пишутъ енисейскіе золотопромышленники, —весьма желательно, чтобы мѣстная полицейская власть въ лицѣ горныхъ исправниковъ стояла на всей высотѣ своего призванія и не была бы парализована неимѣніемъ подъ рукою военной силы, кромѣ ничтожной горсти совершенно безоружныхъ казаковъ, и потому не допускала бы малодушныхъ и незаконныхъ уступокъ, мотивируя ихъ, напимѣрь, тѣмъ, что „толпа носила буйный характеръ“, какъ это было недавно³⁾. „Всякая

¹⁾ „Сибирскій Вѣстникъ“ 1890 г., № 69.

²⁾ Ср. „Восточное Обзорѣніе“ 1892 г., № 49.

³⁾ Очевидно, намекъ на волненіе 1890 г., во время котораго, однако, судебный слѣдователь обнаружилъ скорѣе избытокъ, чѣмъ недостатокъ усердія.

уступка буйной толпѣ и особенно уступка незаконная, — читаемъ далѣе въ запискѣ енисейскихъ золотопромышленниковъ, — есть не что иное, какъ подливаніе лишь масла въ огонь. Подобныя уступки настолько уже поколебали и пошатнули въ глазахъ рабочихъ престижъ мѣстной власти, что, для поддержанія его отъ окончательнаго паденія, безотлагательно необходимо имѣть на присакахъ большее число стражи противъ существующей, и притомъ хорошо вооруженной, дабы она представляла собою дѣйствительную военную силу, а не нѣчто въ родѣ разсылныхъ, какими являются въ глазахъ рабочихъ наличные казаки. Въ настоящее время угрозы, а иногда и сопротивленіе открытою силою со стороны рабочихъ, при требованіи отъ нихъ выдачи зачинщиковъ и преступниковъ, сдѣлались обыкновенными явленіями, особенно съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь, въ енисейской тайгѣ, появились выходцы съ олекминскихъ присковъ“.

Прежде всего слѣдуетъ усомниться, чтобы „стачки“ въ енисейскомъ округѣ повторялись столь часто, какъ это утверждаютъ енисейскіе золотопромышленники, такъ какъ въ этомъ случаѣ мы должны были бы найти о нихъ свѣденія въ официальныхъ отчетахъ; а затѣмъ не трудно понять, что прекратить стачки, разумѣется, можетъ не увеличеніе вооруженной силы, а только устраненіе ихъ причинъ, т. е. улучшеніе содержанія рабочихъ, уменьшеніе тягости труда, болѣе мягкое обращеніе съ рабочими присковыхъ служащихъ. Что касается горныхъ исправниковъ, то, дѣйствительно, желательно было бы, чтобъ они стояли „на всей высотѣ своего призванія“, но эта позиція будетъ занята ими не ранѣе того, какъ они перестанутъ пользоваться неофициальными субсидіями отъ золотопромышленниковъ, далеко превышающими ихъ казенное содержаніе и лишаящими ихъ должнаго безпристрастія, — а это-то (а не мнимыя уступки и послабленія) и подрываетъ ихъ престижъ среди рабочихъ.

В. Семевскій.

ЧЕРНЫЙ АЛМАЗЪ

— Diamant noir. Roman, par Jean Aicard ¹⁾.

VII *).

Всѣ свои прежнія удовольствія бѣдная Нора, жертва внезапной прихоти отца, должна была оставить. Ее отвезли въ монастырскій пансіонъ св. Матильды, въ Гюрѣ,—и когда же? Когда весна уже начиналась, когда уже прилетѣли соловьи!..

Монастырскій дворъ долженъ былъ теперь ей замѣнить лѣса и берегъ моря; просторный дортуаръ съ желѣзными кроватями, вытянутыми въ струнку—ея комнату, гдѣ она ото всѣхъ скрывала ключъ отъ бібліотеки отца; классныя дурныя и хорошія отмѣтки—ласки малаго зайченка...

Строгая распределенность занятій и всей школьной жизни выводила Нору изъ себя. Она долго не поддавалась и согласилась сюда ѣхать только когда ей дали обѣщаніе взять ее домой, если ей не понравится ея новая жизнь. Она надѣялась, что новизна условій ее развлечетъ и будетъ ей пріятна; что тамъ она забудетъ свое горе, оставитъ его въ Кавалерѣ.

Но нѣтъ! Едва Нора ступила за порогъ монастырской ограды, какъ ею овладѣло отчаяніе и сильное желаніе заплакать. Она внимательно все разглядѣла здѣсь—людей, и стѣны, и всю обстановку: ото всей обстановки на нее повѣяло холодомъ и какъ бы неприязнью... даже враждебностью. Между тѣмъ всѣ были съ нею вѣжливы, даже любезны; но со стороны людей, которые ее

*) См. выше: апр., 696 стр.

не знаютъ, которые никогда прежде ее не видали, эта любовь казалась ей почти насмѣшкой и желаніемъ поддразнить.

Тутъ только Нора поняла, какъ могутъ быть намъ дороги тѣ люди и предметы, которыхъ мы не замѣчаемъ, пока они съ нами, у насъ подъ рукою. Теперь она припоминаетъ обликъ— „лицо“ важдога кустива, важдога деревца. Къ ней подходитъ сестра-послушница, говорить съ нею;— и Норѣ вспоминаются Катри и Марга... да! Даже Марта. Значить, въ сущности, онѣ обѣ ей дороже, нежели она ожидала (думаетъ дѣвочка), если чужое лицо совсѣмъ чужой женщины вызываетъ въ ней ощущение, какъ будто она, Нора, только теперь стала дѣйствительно заброшена и одинока. А вѣдь тамъ, дома, ни Катри, ни Марта, не казались ей добрыми и ласковыми и не особенно заботились о ней?.. И передъ нею длинной вереницей проходятъ картины ея прошлаго, люди и вся обстановка родного дома, гостиная съ портретомъ мамочки и ея комната, полная воспоминаній! Ей всего жаль; жаль даже суроваго, холоднаго отца, и ей теперь понятно, что она все чего-то ожидала отъ него, надѣялась на что-то лучшее; быть можетъ, на внезапный возвратъ той былой нѣжности и ласки, съ которыми онъ прежде относился къ ней. Вѣдь, въ сущности, онъ тотъ же человекъ, который такъ оплакивалъ ея родную маму; тотъ же, какимъ онъ былъ, когда наклонилъ ее, Нору, надъ холоднымъ лицомъ покойницы... О, Боже! дай опять вернуться къ той же унылой, одинокой и несчастной жизни, лишь бы увидѣть снова родное гнѣздо, родной, знакомый домъ! Значить, даже ея забитое, жалкое существованіе, ея жизнь, какъ отвергнутой, забытой всѣми мученицы,— все-таки еще была сравнительно счастливой? Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ единственное возможное счастье на землѣ— страдать и жить хотя не счастливо, но по крайней мѣрѣ въ той же мѣстности, которая дорога сердцу?..

„А Жакъ, мой милый Жакъ, гдѣ онъ теперь“?

— Ты ужъ давно мнѣ обѣщала поймать бѣлку; видно, мнѣ ее теперь не дождаться!—говорила она ему на прощанье.

Какъ бы не такъ! Тутъ уже не до бѣлокъ! Здѣсь одну дѣвочку (изъ маленькихъ) строго наказали за то, что въ ея партѣ нашли ручного воробья, который чирикалъ и мѣшалъ во время урока.

Ну, а Юпитеръ? Тутъ ужъ не до него! На дняхъ на дворъ (откуда и какъ—неизвѣстно) забѣжала собака, прелестная бѣлая болонка, и ее выгнали, выгнали вонъ грязною метлой!..

„Что-то теперь съ тобою, бѣдный мой Юпитеръ? Кто мо-

жеть мнѣ вернуть твой милый, добрый взглядъ, твою любовь? Ты бросилъ своихъ новыхъ хозяевъ и прибѣжалъ ко мнѣ... Ну, что жъ, потерпимъ еще хоть немножко—я напишу домой; меня возьмутъ отсюда и я вернусь, вернусь къ тебѣ! Да, напишу—и къ воскресенью же меня ужъ здѣсь не будетъ!..

И въ самомъ дѣлѣ, Нора пишетъ письмо за письмомъ; но отвѣта нѣтъ. Она худѣетъ и блѣднѣетъ съ каждымъ днемъ; она томится, рвется на просторъ, какъ птица въ кліткѣ. Ее тянетъ туда, на воздухъ, на приволье!..

Такъ прошелъ цѣлый мѣсяцъ; и Нора только объ одномъ мечтаетъ, какъ бы бѣжать отсюда... Она стремится увидать Юпитера и комнату своей покойной мамы.

И вотъ, однажды, на прогулѣ, Нора незамѣтно отстала отъ подругъ и (счастье, что у нея еще есть немного денегъ!) просто-на-просто наняла извозчика прямо въ Кавалеръ. Съ каждымъ оборотомъ колесъ сердце у нея бьется сильнѣе, и все домашнее представляется теперь такимъ привлекательнымъ, желаннымъ! Ей, пожалуй, скоро станетъ казаться, что и Марта не лишена нѣкоторыхъ добрыхъ качествъ; она почти готова все простить отцу... Одно только простить ей будетъ труднѣе всего,—это то, что онъ не прогналъ еще эту хитрую нѣмку. Впрочемъ Нора не можетъ допустить, чтобы за этотъ мѣсяцъ Марта успѣла занять мѣсто, на которое она мѣтитъ. А можетъ быть она, Нора, и ошибается на ее счетъ?..

Добравъ до берега моря, дѣвочка восторгается шумомъ волнъ, любитъ зубчатой полосой берега. Возбужденіе одинокой путешественницы все растетъ. Она—героиня романа! Она уже привела его въ дѣйствіе. У нея есть свои желанія, своя воля и сила, чтобы ихъ осуществить!.. Чувство свободы и приволья опьяняетъ ее. Съ каждымъ поворотомъ дороги дѣвочкѣ кажется, что она вотъ-вотъ увидитъ свой милый замокъ... И каждый разъ сердце ея словно рвется впередъ, хочетъ поспѣть раньше нея... Но вотъ и песчаный берегъ Кавалера!

Не добравъ до парка, юная путешественница, твердости и самообладанію которой не мало удивлялся извозчикъ, велѣла ему остановиться, заплатила сполна условленную плату и пошла въ паркъ пѣшкомъ, словно владучись; къ чему ей эта таинственность—она и сама не знаетъ. Но такъ интереснѣе и ей больше нравится. Ей хочется всѣхъ поразить и позабавиться ихъ радостью или—какъ знать?—пожалуй, гнѣвомъ. Нѣтъ, она рѣшительно не можетъ угадать, что ее ожидаетъ!..

Въ паркѣ на встрѣчу ей движется какая-то тѣнь или призракъ.

— Ахъ, барышня, да это вы!

— Это ты, Жакъ?! Ну, что тутъ новаго?.. Какъ видишь, вотъ я я. Я очень рада!.. Ну, что же новаго?

— О, барышня...—и Жакъ замолеъ; послышалось сдержанное рыданіе.

— Что? Что случилось?—тревожно спрашиваетъ Нора.

— Юпитера... вѣтъ!—еле выговариваетъ онъ.

Норъ вдругъ кажется, что и она сама сейчасъ умреть... такъ вотъ сейчасъ, не сходя съ мѣста. Она шатается, ищетъ опоры и, не найдя ея, опускается на землю. Жакъ начинаетъ свой рассказъ. Бѣшенныя собаки бѣжали мимо и укусили Юпитера. Пришлось его убить, и Юнону тоже!

— Но это вѣдь ужасно, Жакъ!

— Да, барышня, ужасно; но что же дѣлать? Съ бѣшенными собаками ничего больше не подѣлаешь. Хозяинъ самъ его пристрѣлилъ; я отказался...

— Ты отказался. Жакъ, ты отказался?

— Да, барышня; никто не соглашался. Ну, тогда обратились ко мнѣ; мнѣ давали деньги, но я не могъ... духу у меня не хватало: вы его такъ любили!..

— О, Жакъ!..

— Что, барышня, дѣлать!..

— Прощай, я пойду домой. Какая я несчастная!..

— Я вѣрю вамъ; вѣрю, барышня, и понимаю...

— Смотри же, приходи почаще со мной повидаться!

— Какъ только можно чаще!..

Нора встаетъ. Жакъ тянется къ ней и цѣлуетъ ее.

— Прощай же!—говоритъ она и возвращается въ паркъ.

О томъ, что она голодна, что съ утра ничего не ѣла, Нора забыла и думать. Ею всецѣло овладѣло горе неожиданной утраты. Можетъ ли это быть?! Это слишкомъ ужасно... невѣроятно! Она отказывается долже нести бремя своихъ страданій; они ей больше не подъ силу!

И въ самомъ дѣлѣ, она такъ слаба, такъ разбита дорогой, что ей вдругъ пришла мысль отложить свиданіе со своими до утра; — вернуться незамѣтно въ свою комнату и выспаться сначала.

Вотъ и крыльцо, облитое бѣлымъ сіяніемъ луны, и дверь въ домъ: она открыта настежь. Нора подходитъ къ окнамъ подвального этажа и видитъ, что въ ярко-освѣщенныхъ людскихъ всѣ слуги въ сборѣ, за столомъ. Вотъ и чудесно! Можно проскользнуть незамѣтно. Миниатюрной тѣнью движется ребенокъ вверхъ

по крыльцу и входить въ коридоръ. Она замѣтила свѣтъ только въ самомъ низу, въ людскихъ и въ первомъ этажѣ, въ комнатахъ отца. Нора нагибается и... снимаетъ башмачки. Она хочетъ безъ шума идти дальше и оставляетъ свою обувь тутъ же въ коридорѣ, въ уголку. Придерживаясь за перила, она поднимается наверхъ, въ первый этажъ, и твердо, увѣренно ступаетъ въ потемкахъ: ей ли не знать прекрасно наизусть свой милый, старыи домъ, гдѣ умерла ея бѣдная мама?

На первой площадѣ, въ темномъ углу, свѣтится замочная скважина. Дѣвочка тихо, беззвучно подходитъ. Ей не трудно наклониться: она такъ мала для своихъ лѣтъ!..

Но, Боже мой, что съ нею? Что она увидала?

Колѣни ея вдругъ подкосились... Она не можетъ удержаться на ногахъ; ей въ горлу что-то подступаетъ, подвывается, какъ глубоко, и давить ей на сердце, душить ее безпощадно... Это боль чисто физическая, нестерпимая. Ее испыталъ на себѣ самъ Франсуа Митрѣ; ее пришлось бы испытать и бѣдной Терезѣ, еслибы она здѣсь увидала то же, что увидала маленькая Нора, ея дочь.

Норой овладѣваетъ то же чувство, которое могло бы охватить и мучить бѣдную, обманутую жену!

Она увидала отца и Марту рядомъ... они—обнимались! А, значить, вѣмка все-таки добила своего, заняла мѣсто мамы!..

Въ страшной злобѣ и ярости Нора дрожитъ всѣмъ тѣломъ; ей хочется дать себѣ волю: хочется кричать, визжать, топтать, кататься по полу, сдѣлать себѣ какъ можно больнѣе, ушибиться хорошенько, скатиться съ лѣстницы... словомъ, заставить ихъ, принудить ихъ во что бы то ни стало придти ей на помощь, пожалѣть ее, пробудить въ нихъ укоры совѣсти при видѣ ея страданій... а можетъ быть, и смерть! Ну да; ну, что-жъ такое? Будто ужъ такъ страшно умереть?

„Да, умереть!—думаетъ Нора.—Вѣдь умерла же мама, и мертвая лежала такъ спокойно; а на лицѣ ея была довольная, почти счастливая улыбка... Можно и умереть: въ книгахъ такъ часто умирають, когда жить становится невыносимо“...

Дѣвочка наклоняется впередъ и смотритъ еще разъ, чтобы хорошенько убѣдиться, не ошиблась ли она.

Нѣтъ, нѣтъ! Ей не почудилось; отецъ, дѣйствительно, „ее“ обнимаетъ; и еще, еще цѣлуетъ... О, какой ужасъ!..

Нора бѣжитъ, Нора летитъ внизъ по лѣстницѣ, съ крыльца, въ паркъ... на просторъ, на песчаный берегъ,—прямо къ морю. Боже! Да просто конца нѣтъ этимъ пескамъ, гдѣ она еще такъ

недавно весело играла со своимъ вѣрнымъ другомъ, бѣднымъ Юпитеромъ.

— О, мой Юпитеръ!.. Милый!..

Только теперь, только въ эту ужасную минуту Нора постигла всю безысходность своей потери; только теперь ей стало ясно, что безъ него она совсѣмъ осталась одинока! И какъ она могла, сидя въ своемъ монастырѣ, хоть на одно мгновение допустить, что есть хоть капля доброты въ Мартѣ и въ Катри?

— Нѣтъ, нѣтъ! Меня никто не любитъ, а моего Юпитера ужъ нѣтъ на свѣтѣ!—и Нора думаетъ, что каждый лишній день, который она проживетъ одна на свѣтѣ, безъ своего друга, прибавитъ ей не мало такихъ ужасовъ, такихъ невыразимо тяжелыхъ ощущеній, какія она только-что испытала... Въ нѣдрахъ души ея зашевелилось что-то злое, гадкое; сердце ея разрывается и сжимается въ тискахъ ревности, доводитъ ее до безумія...

— Да! Умереть скорѣе, умереть!..—лепечетъ она. — Надо умереть!

У берега стоитъ и словно дремлетъ подъ луннымъ сіяніемъ одномачтовое судно; его опредѣленный черный профиль ясно выступаетъ на фонѣ блѣднѣющаго небосклона. Отъ берега къ нему проложены мостки, узкіе и непрочные,—только чтобъ добраться туда обратно нагрузчикамъ песку. Нора все это знаетъ, все сообразила; она вѣдь твердо помнитъ, что море у береговъ Кавалера очень мелко, но потомъ вдругъ дно опускается глубоко... во всякомъ случаѣ достаточно глубоко для того, чтобы утопить такую крошку, какъ она. Только бы не замѣтили ее, не помѣшали!..

Вокругъ все тихо; ни души. Таможеннаго сторожа не видно на посту; караульный мачты задремалъ и не услышать.

Бѣдная дѣвочка осторожно ступаетъ на мосточки; доски подъ нею тихо подаются, а вокругъ и впереди блещетъ море своимъ холоднымъ, металлическимъ блескомъ. Норѣ становится жутко; она колеблется съ минуту... но не больше! Передъ нею встаетъ ужасная картина, оживаютъ еще сильнѣе ея сердечныя муки... и она смѣло идетъ впередъ... впередъ! Какъ она порѣшила, такъ и будетъ: ее не остановятъ ни позднее раскаяніе, ни сомнѣніе... Такъ она всегда поступала во всемъ!

Закрывъ глаза, Нора сдѣлала послѣднее усиліе и, немножко бокомъ, соскользнула съ мостковъ, какъ тяжелая, бездушная вещь...

Нора умѣетъ плавать, но отъ прикосновенія влажнаго морского холода, предвѣстника смерти, ослабѣвшая, голодная дѣвочка лишилась чувствъ. Ровной волною подвинулось море и, осторожно

приподнявъ ее, поддерживаетъ на поверхности воды; при свѣтѣ звѣздъ, морской валъ ласкаетъ и словно окутываетъ, одѣваетъ блѣдное дитя своими пѣнистыми струями и, размахнувшись, выноситъ его на берегъ.

Море знаетъ, море любить маленькую Нору и не хочетъ дѣлать ей вреда. Живи на свѣтѣ, живи еще, маленькая Нора; смерть еще не принимаетъ тебя. Дѣти не въ силахъ себя убить; это и взрослымъ трудно достается...

Раскинувъ ручки, Нора лежитъ на пескѣ и луна свѣтитъ на ея черное монастырское платье, на ея блѣдное личико и худенькое тѣлице; мокрые волосы ея разметались вокругъ головы... Нора спитъ безсознательнымъ, тяжелымъ сномъ...

Но прошло нѣсколько минутъ, и дѣвочка проснулась.

— О, какой холод! Или это еще не смерть? Нѣтъ, я умру, навѣрное: съ меня течетъ вода, а вотъ и море, въ которое я упала... Но если мнѣ еще осталось жить хоть нѣсколько минутъ, я пойду къ мамѣ, къ моей мамочкѣ, и тамъ умру, въ ея постелькѣ, гдѣ она умерла сама... О, мамочка моя!..

И дѣвочка, дрожа отъ стужи, спѣшитъ обратно, въ паркъ. Она знаетъ навѣрно, она „чувствуетъ“, что умираетъ. На виллѣ тихо и темно: на лѣстницѣ въ замочной скважинѣ уже не видно свѣта. Тамъ вѣдь опустили портьеру... Но мысли ея путаются; ее клонитъ ко сну. Она идетъ прямо въ комнату матери и, при свѣтѣ луны, ясно различаетъ кровать съ бѣляющими на ней подушками и покрываломъ. Нора поспѣшно сдираетъ съ себя намокшее платье и бѣлье и голенькая, дрожа, забивается въ подушки, подъ теплый пуховикъ, закрывается атласнымъ одѣяломъ... Наконецъ-то она отдохнетъ, согрѣется и успокоится навѣки, думаетъ бѣдная дѣвочка, убѣжденная въ дѣтской простотѣ своей, что она ложится умирать...

— Нарочный! Нарочный принеси извѣстie, что Нора вчера бѣжала изъ монастыря!..

Все въ домѣ пришло въ смятенie. Слуги въ тревогѣ; даже Марта поражена. Самъ хозяинъ отдаетъ приказанiя, приказываетъ послать на телеграфъ, дать знать повсюду... Но вотъ въ замокъ пришелъ Моренъ и спрашиваетъ Нору. Всѣ его обступили; посыпались разпросы.

— Я видѣлъ ее вечеромъ, вчера,—говоритъ Жакъ и прибавляетъ:—Я сказалъ барышнѣ, что Юпитера уже нѣтъ въ живыхъ...

— Боже мой, Боже!.. — восклицаетъ Катри, подымая руки въ небесамъ. — Она не вынесетъ; она умретъ... она умерла съ горя!

Эти слова всѣхъ осѣнили.

Конечно, Нора всегда была такая нелюдимая, угрюмая, сосредоточенная; она всегда дѣйствовала упрямо, смѣло и рѣшительно. Что-жъ, чего добраго...

Всѣ бѣгутъ на берегъ; всѣмъ кажется, что они напали на слѣдъ бѣглянки; на сыромъ пескѣ еще не сравнялись оттиски ея ножекъ, и Жакъ ихъ призналъ безъ труда. На дощечкахъ мостковъ еще не смылись грязноватые слѣды сырого песку. Поближе въ баркѣ, на скользкихъ доскахъ, по которымъ теперь движутся нагрузчики, Жакъ поднялъ затоптанную ленточку, которую онъ видѣлъ въ волосахъ бѣдной дѣвочки... Отецъ вырываетъ ее у него изъ рукъ и горячо цѣлуетъ. О, если она умерла, бѣдное дитя покойницы Терезы, онъ готовъ страстно, горячо, по-прежнему ее любить... теперь, когда, можетъ быть, уже поздно!

— Нора!.. Нора!.. Нора!.. — кричатъ всѣ вокругъ, и всѣ холмы, всѣ берега повторяютъ это имя.

— Боже мой! — кричала подбѣжавшая Марта. — Смотрите: я нашла ея башмачки въ коридорѣ, за дверью...

Франсуа Митри овидываетъ ее уворизненнымъ взглядомъ.

Онъ помнитъ, что еще съ вечера замѣтилъ, что дверь въ его комнату была не совсѣмъ закрыта, — они объ этомъ поздно спохватились... Вдругъ въ головѣ его мелькнула мысль... Быстрѣе молнии онъ бѣжитъ домой, спѣшитъ къ ней, туда, въ комнату Терезы.

За пять лѣтъ, которыя прошли съ ея смерти, онъ въ первый разъ войдетъ въ нее. Марта ему сказала, что Катри, въ день памяти покойной, мѣняетъ бѣлье на кровати и убираетъ ея комнату. Катри вѣдь суевѣрна, и потому убѣждена, что мертвымъ надо угождать...

Дрожь пробираетъ его при мысли, что онъ сію минуту очутится за порогомъ „ея“ спальни, въ которой теперь всѣ его надежды, всѣ его упованія!

О, неужели не найдетъ онъ Нору? или вмѣсто нея появится Тереза!?.

Вотъ онъ вошелъ; — и прямо противъ двери, на кровати, на бѣлыхъ кружевныхъ подушкахъ, видитъ чье-то блѣдное, спящее лицо. Глаза закрыты, но губы дышуть... Боже! Да кто же это: Нора или Тереза? Сходство такъ велико, что можно ошибиться. Растроганный, онъ оглядывается вокругъ. Ото всего здѣсь вѣетъ

тишиною и прелестью чистой и скромной женщины, которая живетъ для мужа,—только для него!—и жизнь свою, и вкусы, и занятія соразмѣряетъ съ движеніями души любимаго супруга. Въ комнатахъ еще уцѣлѣвшія головки напоминаютъ ему исторію съ пачкой писемъ, а надъ изголовьемъ жениной кровати простираетъ руки большое бѣлое Распятіе, какъ бы призывая его къ прощенію и милосердію. Христосъ благословляетъ, осѣняетъ и ее,—блѣдную, слабую малютку, миниатюрное личико которой покоится теперь, словно въ траурной рамкѣ, обрамленное еще сырыми волосами. На худенькой шейкѣ Нора на золотой цѣпочкѣ виситъ образокъ, который мать ея сама носила, еще будучи ребенкомъ. Руки, которыя она сложила на груди, думая въ это время о скрещенныхъ рукахъ покойницы-матери своей,—теперь соскользнули и вытянуты по бокамъ, ладонями вверхъ, и это придаетъ имъ какой-то особенно трогательный, безпомощный видъ; тѣмъ болѣе трогательный, что, едва открывъ глазки, по утрамъ, Нора, бывало, имѣла обыкновеніе почти не разжимать своихъ кулачковъ, какъ бы вѣчно на-сторожѣ, вѣчно готовая защищаться... Въ эту минуту эти полу-раскрытыя дѣтскія ладошки словно просятъ, въ видѣ подавнія, хотя слабой ласки и участія... Искренностью и незлобивостью дышетъ вся поза маленькой сонной Норы.

Ему чудится, что здѣсь незримо съ нимъ покойница Тереза; она здѣсь,—онъ чувствуетъ ея близость.

— „О, бѣдный мой, любимый!—слышится ему тихій, беззвучный шопотъ.—Зачѣмъ, зачѣмъ ты такъ перемѣнился? Какой порокъ, какое прегрѣшеніе переродило такъ тебя? Не думай, что мертвые умираютъ; они живутъ и могутъ внушать живымъ мысли и чувства, которыя выведутъ ихъ изъ заблужденій. Но и наши сердца страдаютъ и тоскуютъ; ты меня мучаешь, томишь жестокостью твоей къ малюткѣ, въ которой воплотились твои поцѣлуи и моя кротость и любовь къ тебѣ. Ты великанъ въ сравненіи съ нею и не стыдишься обижать ее,—такую крошку! Судьбой мнѣ не дано быть ей защитой; въ томъ-то и состоятъ страданія душъ усопшихъ, что онѣ знаютъ, чувствуютъ, а дать о себѣ знать живымъ не могутъ!.. Но вотъ сегодня—я вся предъ тобою—въ лицѣ ребенка моего и твоего. Нора шла по моимъ слѣдамъ до самаго порога смерти, и вотъ я поспѣшила къ ней на встрѣчу... мы слились во-едино;—мы обѣ предъ тобою!..

— „Посмотри,—на ея лицѣ ты прочтешь всѣ мои страданія и... почему знать? Можешь ли ты ручаться, что судьба не подшутитъ надъ тобой! Ты могъ вѣдь хоть отчасти ошибиться... О, Франсуа!

Что сдѣлалъ ты съ ребенкомъ? Хотя бы справедливы были твои подозрѣнія, ты все же еще меня любишь, — иначе ты не ревновалъ бы мертвую, не терзалъ бы себя муками сомнѣнія; но чѣмъ же виновато бѣдное дитя? Сдѣлалъ ли ты его беречь и, какъ отецъ, любить? Собака, и та поняла святое призваніе любви, — сдѣлала преданно и горячо любить и охранять твоего ребенка. Животное не понимаетъ чувствъ кровнаго родства, какъ мы, люди; но оно, и не умѣя разсуждать, привязалось и служило Норѣ... О, другъ мой! Вѣдь одно есть только въ мірѣ всеобъемлющее чувство; оно живетъ во вѣки и за гробомъ утѣшило бы мою душу. Но ты его отвергъ... О, согласишься, утѣшь меня! Твой поцѣлуй (о, одинъ только поцѣлуй!), — воснужившись личиемъ ребенка, дойдетъ до меня и за гробомъ, и отзовется въ моемъ сердцѣ. Знай, милый, что и въ смерти остается живо сердце тѣхъ преданныхъ женъ, которыя сдѣлали на землѣ любить, и сердце матерей, которымъ выпало на долю испытаніе — оставить по себѣ сиротъ“!..

Эти слова — слова жалости, любви и милосердія — отозвались въ душѣ бѣднаго вдовца. Обезоруженный, подавленный новымъ, неизяснимымъ чувствомъ, онъ нѣжно склонился надъ постелью покойницы; онъ тихо цѣлуетъ въ лобикъ своего ребенка. Сонная Нора не шевелится, не чувствуетъ этого поцѣлуя, но на губахъ ея на мгновеніе появляется улыбка... Франсуа Митри осторожно натягиваетъ на дѣвочку одѣяло, укрываетъ ее плотнѣе. Дышетъ она ровно, спокойно. Отецъ спускаетъ надъ нею легкій пологъ, чтобы ей было темнѣе, и самъ, успокоенный, уходитъ тихонько на цыпочкахъ. Онъ отдаетъ приказъ, чтобы ее не тревожили, чтобы не стучали... Пусть она спитъ и отдыхаетъ, бѣдная, измученная крошка!..

Но въ то время, какъ она мирно отдыхаетъ, онъ снова вспоминаетъ про ужасныя, роковыя письма, которыя еще лежатъ въ глубинѣ потайнаго ящика. О, перечитывать ихъ онъ не станетъ: довольно и того, что ему слишкомъ хорошо извѣстно, что они существуютъ! Они — неумолимые свидѣтели его позора, его непоправимаго горя... свидѣтели „ея“ измѣны и обмана!..

Сердце его, смягчившееся на минуту при видѣ бѣднаго, изстрадавшагося ребенка, снова ожесточается и отрицаетъ святость и даже самое существованіе любви.

Какъ и пять лѣтъ тому назадъ, въ тотъ день, когда онъ ее оттолкнулъ отъ себя, Нора, очнувшись, такъ и не узнала о томъ возвратѣ нѣжности и ласки со стороны отца, который она, бѣдная, такъ страстно призывала въ своихъ дѣтскихъ грѣзахъ.

VIII.

Когда Нора снова увидала отца, онъ былъ, по своему обыкновенію, угрюмъ и какъ бы стѣснялся чѣмъ-то въ ея присутствіи. Изъ этого она заключила, что онъ признавалъ себя неправымъ передъ нею, и что ея твердая воля покончить съ собой не прошла для него незамѣченной... словомъ, онъ догадался и понялъ все наконецъ!

Съ другой стороны, и Франсуа Митрѣ пришелъ къ заключенію, но нѣсколько иному: спокойно взвѣсивъ свои размышленія, навѣянные загробными мыслями у изголовья Терезы, онъ рѣшилъ, что долженъ свисходительнѣе относиться къ ребенку. Чувства, пробудившіяся въ немъ тогда, слишкомъ глубоко потрясли его, для того, чтобы онъ могъ о нихъ совсѣмъ забыть; и, можетъ быть, недоразумѣнію, возникшему между отцомъ и ребенкомъ, удалось бы мало-по-малу улечься, еслибы не гордость маленькой Нору,—ея непреклонная гордость и сознаніе, что она всѣхъ напугала своей рѣшимостью умереть. Она это ясно чувствовала и взяла надъ всѣмъ и надъ всѣми болѣе, чѣмъ когда-либо, высочайшую, необузданную власть.

Исполненный самыхъ благихъ намѣреній, Митрѣ не нашелъ ничего лучшаго, для доказательства своихъ новыхъ чувствъ къ дочери, какъ подарить ей однажды дорогое украшеніе,—браслетъ съ большимъ брилліантомъ по срединѣ, а вокругъ, по всему ободку, съ крупными сапфирами; онъ съ этой цѣлью купилъ его въ Ниццѣ.

Впрочемъ эта выдумка была не изъ счастливыхъ. Съ нѣкоторыхъ поръ дѣвочка уже замѣчала, что у Марты стали появляться золотыя вещи, и ей не трудно было понять, откуда брались всѣ эти обновки, которыхъ она прежде на ней не видала: дорогіе часы съ цѣпочкой, серьги и т. п. Она, Нора, не носила ничего такого, да и не испытывала желанія носить; съ нея было довольно любоваться чудными драгоценностями мамы, сверкавшими за стекломъ на полкѣ. Одинъ черный алмазь чего стоилъ!.. Нѣтъ, Нору никакая роскошь не могла удивить.

Съ своимъ дорогимъ подаркомъ Митрѣ сдѣлалъ неловкость, не рассчитавъ, что при такихъ душевныхъ условіяхъ, въ какихъ они оба находились, онъ гораздо больше растрогалъ бы бѣднаго ребенка какимъ-нибудь пустячкомъ,—ну, хоть простымъ цвѣточкомъ, сорваннымъ въ полѣ для нея нарочно.

Но объ этомъ онъ и не подумалъ, потому что не любилъ свое дитя.

— Нора!—сказалъ онъ ей:—я тебѣ въ комнату отнесу кое-что на память. Это довольно дорогой браслетъ, купленный въ Ниццѣ для тебя. Когда ты будешь уже взрослой, онъ и тогда будетъ у мѣста среди твоихъ другихъ украшеній. Надѣюсь, онъ понравится тебѣ.

Нора удивленно и въ то же время равнодушно взглянула на него:

— Браслетъ?.. Я не ношу браслетовъ!

Ей вспомнилось, что ихъ носить Марта, и у нея въ памяти живо встала картина, которую она запомнила на-вѣки, которая понудила ее бѣжать изъ родного дома на вѣрную смерть. И она, поблѣднѣвъ, злобно проговорила сквозь зубы:

— Такіе подарки надо дѣлать Мартѣ... и, если позволите, я ей предложу браслетъ, о которомъ вы говорите: онъ слишкомъ богатъ для такой дѣвочки, какъ я, а ей онъ будетъ болѣе къ лицу...

Отецъ смотрѣлъ на нее молча, пораженный. Нора, между тѣмъ, въ своемъ желаніи отомстить, и не подозрѣвала, какъ она блестяще достигла своей цѣли, прибавивъ:

— У меня вѣдь есть *свои* вещи,—мамины!

Это одно слово могло бы смягчить Митрѣ, но оно только ожесточило его.

— Хорошо!—сухо отвѣчалъ онъ:—когда такъ, можете его подарить Мартѣ!

Норѣ подумалось невольно, что если отецъ и хотѣлъ чисто-сердечно сдѣлать ей подарокъ, онъ могъ бы самъ, своими руками отдать его ей; но отецъ чувствовалъ, что могъ бы получить отказъ, и... просто не посмѣлъ попытаться. Въ тотъ же день, вечеромъ, онъ нашелъ у себя на столѣ футляръ съ браслетомъ, и тѣмъ болѣе поразилъ его урокъ, полученный отъ дочери-ребенка, что онъ заслужилъ его, и не могъ въ этомъ самъ себѣ не сознаться. Ему бы не слѣдовало равнять своего ребенка со своей любовницей... Бѣдный Митрѣ понималъ теперь, когда ужъ было поздно, что малѣйшее проявленіе искренней отцовской нѣжности было бы ребенку дороже всякихъ украшеній; но, сдѣлавшись скептикомъ, онъ незамѣтно для себя сдѣлался грубѣе. Мало-по-малу, въ его ощущеніяхъ къ ребенку осталось лишь одно, главное: робость, боязнь, чтобы она (и по дѣломъ!) его не упрекнула, зачѣмъ онъ далъ ненавистной нѣмкѣ занять въ домѣ мѣсто ея мамы,—законной жены и хозяйки; но болѣе всего онъ опасался, чтобы Нора не ожесточилась и не приняла еще какого-нибудь ужаснаго рѣшенія. Во всемъ, чтѣ могло бы противорѣчить ея желанію,

онъ отъ нея таялся, уходилъ, стараясь еще болѣе, чѣмъ прежде, избѣгать съ нею встрѣчи.

Что же мудренаго, что Нора безпрепятственно властвовала въ домѣ въ качествѣ ребенка, который всѣхъ заставляетъ себя подчиняться, но не любовью, а страхомъ.

Развѣ не самъ отецъ ея подавалъ примѣръ непротивленія ей, какъ неизбежному злу; не онъ отдалъ приказъ Мартѣ „оставить Нору безъ вниманія“? Ей, дѣйствительно, ни въ чемъ не было отказа, и она сдѣлалась ребенкомъ, котораго не любятъ, но балуютъ. Она пользовалась полнѣйшей свободой; всѣ ея прихоти исполнялись. Захотѣлось Норѣ имѣть повозку съ алжирскимъ осломъ—ростомъ не болѣе Юпитера,—и явилась повозка, въ которой осель каталъ ее по уединеннымъ, безлюднымъ дорожкамъ у берега моря. Потребовала проворную арабскую лошадеу—и явилась лошадеа, на которой Жакъ Моренъ, ловкій наѣздникъ, научилъ ее ѣздить верхомъ. Была у нея и своя лодка, благодаря которой въ ея безраздѣльной власти оказались береговья выемки между скалами до самаго Лаванду къ западу и Камара къ востоку.

Норѣ шелъ уже четырнадцатый годъ. Она была стройна и миниатюрна, но именно эта миниатюрность и пропорціональность придавали особое изящество ея сложенію. Изо дня въ день, безъ рѣзкихъ измѣненій, она вела жизнь богатой сироты, которую ни въ чемъ не стѣсняетъ влюбленный въ нее, слабохарактерный опекунъ.

Однажды, глядя на Жюа, который ѣхалъ на водопой на ея лошадеѣ и для большаго удобства лошадеки самъ раздѣлся, а затѣмъ наслушавшись его восторженныхъ разказовъ о „чудномъ“ ощущеніи, когда лошаде съ разбѣгу бросается вплавь, Нора и сама захотѣла разъ испробовать это удовольствіе на себѣ. Она раздѣлась и, усѣвшись верхомъ по-мужски, стиснула колѣни, сжимая голыми ногами бока своей „арабки“. Новое, безграничное наслажденіе доставило ей летѣть бѣшенымъ вихремъ подъ открытымъ небомъ; чувствовать себя на просторѣ, подъ горячими лучами солнца, въ то время, какъ по вѣтру развѣвались ея длинныя густыя волосы, а ея лошаде уже разрѣзала грудью пѣнистыя волны. Очутившись въ водѣ, въ пѣнистой влагѣ безконечныхъ волнъ, Нора вообразила, что онѣ увлекаютъ ее куда-то вдаль, въ невѣдомыя, безграничныя пространства, и ей почудилось, что она тамъ никого не встрѣтитъ, кромѣ „громадныхъ“ кораблей и морскихъ чудовищъ. Иной разъ капризная лошадека вдругъ нырнула съ головою, и Нора одна вплавь добиралась до берега, воображая себя русалкой или вообще какимъ-нибудь могучимъ морскимъ

созданьемъ, и гордясь своимъ искусствомъ, своей силой, которая равняла ее съ ними.

Ей какъ-то говорили, что, оступившись, лошадь теряетъ въ водѣ присутствіе духа и, какъ обшпеная, несется все дальше впередъ, въ открытое море, пока силы не оставятъ ее... и погибаетъ. Не разъ Нора неистово гнала впередъ своего добраго конька; и когда онъ, разгоряченный, дергался и бился въ водѣ, она цѣплялась за его пушистый хвостъ и ждала, что онъ унесетъ ее далеко... въ смертоносную пучину...

Ей жутко и отрадно было чувствовать близость смерти и чисто-физическую силу молодой, здоровой жизни. День ото дня на нее сильнѣе вліяли перемѣны въ погодѣ,—весна, лѣто и ихъ красоты, надъ которыми она одна царила безраздѣльно. Сначала еще Нору хоть немного отвлекало отъ угрюмыхъ думъ то, что Марта величала ее „развлеченіями“, но затѣмъ въ ней скоро возбудили отвращеніе разныя хозяйственныя и домашнія занятія, и она оживала, по прежнему, только на просторѣ, наединѣ съ природой; только тамъ ощущала наслажденіе бытія.

Отсутствіе Нору изъ дому было на-руку Мартѣ, и она не мѣшала ей вести безпорядочную, бродячую жизнь. Но отецъ нѣсколько разъ пробовалъ сначала дѣлать ей замѣчанія:

— Нора, ты слишкомъ надолго отлучаешься изъ дома! Марта, за нею надо присматривать почаще.

Марта, однако, съ нимъ несогласна, такъ какъ въ ее расчеты не входитъ, чтобы въ немъ пробуждались укоры совѣсти по поводу ребенка.

Ей не трудно его убѣдить, что самое лучшее для него—поменьше видѣть Нору; чего, впрочемъ, онъ и самъ желалъ. Онъ тѣмъ болѣе поддавался ея уговорамъ, что послѣ кутежей въ такъ-называемыхъ „веселыхъ мѣстахъ“, вернувшись къ себѣ, въ Кавалеръ, онъ находилъ для себя отраднымъ заботливый уходъ и неизмѣнную преданность нигѣмъ незамѣнимой Марты. Но тамъ опять его одолѣвали тревожныя, неотвязчивыя видѣнья,—призраки Люсьена и Терезы,—и имъ снова овладѣвала ярость ревности и злобы.

Тогда ему случалось еще заботливѣе избѣгать столкновеній съ дочерью, и тогда-то, порой, вспыхивало снова ихъ обоюдное враждебное чувство.

Около года спустя послѣ того, какъ Нора вздумала топиться, онъ сидѣлъ, по обыкновенію, одинъ у себя въ комнатѣ и писалъ

письма. Въ открытое окно, вмѣстѣ съ чистымъ воздухомъ, вривались чистые звуки молодого глубокаго голоса, до того похожаго на голосъ покойницы Терезы, что ему стало жутко. Это Нора у себя въ комнатѣ, сидя за фортепiano, пѣла во всю силу своего молодого, свѣжаго голоса, и пѣла знакомую ему, любимую пѣсню жены.

Митри поднялъ голову, прислушался и сердито нахмурился.

Такія впечатлѣнія способны были и теперь еще вызывать въ немъ припадки сумасшествія, которыхъ онъ самъ первый боялся.

— Марта! Марта!—окликнулъ онъ, и она тотчасъ же отвѣтила на его зовъ.

Она всегда старалась быть поближе и шла теперь подъ его окномъ, въ саду.

— Чтѣ прикажете?

— Прикажете Норѣ, чтобы она замолчала!—грубо крикнулъ Митри:—я пишу, а она мнѣ мѣшаетъ... Впрочемъ, и вообще я не люблю ни ея пѣнія, ни ея голоса, ни ея музыки!

Голосъ дѣвочки прервался на полусловъ, когда она только-что начала повторять всю пѣсню сначала. Очевидно, она все слышала.

— Нора!—крикнула ей нѣмка, въ свою очередь, навверхъ; но сверху не послѣдовало отвѣта, и ей пришлось подняться.

Нора была въ своей комнатѣ и, вся блѣдная, молча, острымъ перочиннымъ ножомъ работала надъ струнами своего роая; струны лопались, одна за другой. Марта, пораженная, остановилась на порогѣ.

— Вотъ мой отвѣтъ!—сказала Нора.—Передайте отцу, пожалуйста, что онъ больше не услышитъ ни моего голоса, ни моихъ пѣсень, ни моей музыки! Но скажите, взаимно, что если онъ сдѣлалъ мнѣ пребываніе дома нестерпимымъ, пусть онъ мнѣ не мѣшаетъ бывать гдѣ и когда мнѣ угодно. Еще вчера я получила выговоръ за то, что поздно вернулась. Я буду впредь считать себя вполне свободной возвращаться, когда мнѣ заблагоразсудится, а пѣть въ лѣсахъ и на берегу моря онъ мнѣ не можетъ запретить!

Марта дословно передала Митри отвѣтъ дочери, который его вывелъ изъ себя:

— Пусть убирается къ чорту!—крикнулъ онъ.

Норѣ все было слышно въ открытое окно, и она сама, стиснувъ зубы, про себя отвѣчала:

— Будьте покойны:—уберусь!

Съ тѣхъ поръ часто случалось, что на берегахъ Кавалера и

въ тихихъ холмахъ далеко разносился и звенѣлъ то сильный и громкій, то нѣжный и глубокий голосъ, не похожій на дѣтскій... То пѣла бѣдная Нора.

Ее прогнали изъ родного дома и она, одинокая, повѣряла свои радости и горести холмамъ и лѣсамъ и безбрежному морю...

Между тѣмъ Марта не дремлетъ. Она терпѣливо и съ большимъ тактомъ относится къ беспорядочной жизни своего хозяина и властителя. Все равно, онъ отъ нея не уйдетъ: придетъ же время, когда его прожиганье второй молодости превратится и настанетъ чередъ не веселыхъ пооекъ, а цѣлебныхъ настоевъ. Тогда Марта сдѣлается для него необходима, какъ воздухъ; тогда онъ будетъ еще радъ, что въ его услугамъ окажутся ея нѣмецкія совершенства: неизсякаемое терпѣніе, умѣнье... успокоить и побаловать лакомствомъ больного, хозяйничать и говорить на трехъ языкахъ. И дѣло уже идетъ на ладъ. Уже неоднократно Митри начиналъ прихваривать, то простужаясь, то просто уставая отъ своихъ веселыхъ поѣздокъ. Онъ и самъ понимаетъ, что такая женщина, какъ Марта, для него просто кладъ.

— Ну, что бы со мной было, если бы не вы?—говорить онъ.—Вамъ просто нѣтъ цѣны!—Марта благодаритъ за лестное мнѣніе и, пользуясь случаемъ, заговариваетъ о будущности Норы, которую она „такъ любить, не взирая на ея недостатки“.

— Я ужъ для нея не гожусь, она замѣтно подростаетъ. Наконецъ, хозяйство поглощаетъ все мое время, и я слишкомъ мало заботъ отдаю такой большой дѣвочкѣ, которой надо бы учиться основательнѣе, и если вы не хотите ее никуда отдать...

— Да куда же? И она не захочетъ; или опять убѣжить, или убить себя,—съ нея все станется! Подумайте, какая тяжкая отвѣтственность... И, въ сущности, чѣмъ ея воспитаніе на волѣ хуже той жизни по баламъ и театрамъ, которую ведутъ въ наше время дѣвочки-подростки въ городахъ и столицахъ?

— Да я ничего противъ этого и не говорю,—возразила Марта, преслѣдуя свою давнишнюю, завѣтную мечту.—Но ей необходимъ наставникъ и руководитель, который мягко, но твердо направлялъ бы ее и могъ бы, при случаѣ, быть почти ей товарищемъ. Она слишкомъ много бродитъ одна... Хорошо бы намъ найти для нея такого учителя, такое надежное лицо, которое могло бы въ то же время быть и ея наставникомъ.

— Но откуда взять его? Гдѣ искать такое чудо?—спросилъ въ недоумѣніи Митри.

— Если я вамъ объ этомъ говорю, такъ, значить, у меня ужъ есть кое-кто въ виду,—побѣдоносно заявила нѣмка.

— Не можетъ быть!

— И этотъ „кое-кто“... мой родной братъ, преподаватель на женскихъ курсахъ, при женской гимназiи.

— Въ гимназiи?! О, Марта! Ну, что бы со мной было, еслибы не вы? Но вотъ вопросъ: будетъ ли онъ согласенъ оставить такое видное мѣсто?

— Я уже позаботилась объ этомъ; я уже ему рассказала, какая завидная педагогическая задача можетъ ему предстоять, и это его соблазняетъ. Онъ вѣдь ученый и выдающагося ума человекъ. Онъ даже написалъ очень важную книгу: „Пособiе при изученiи системы воспитанiя дѣвицъ въ нѣмецкихъ гимназiяхъ съ точки зрѣнiя улучшенiя сѣверной расы“. Онъ уже мнѣ отвѣтилъ, что согласенъ, такъ какъ во всемъ и всегда на меня слѣпо полагается.

— Ну, такъ, пожалуйста, напишите ему и просите скорѣе прiѣхать... Я прежде всего хочу строго исполнять свои обязанности по отношенiю къ этому ребенку. А такой учитель и наставникъ для Норы—просто кладъ.

Вотъ какъ и почему случилось, что у Норы явился учитель. Готфридъ—малорослый, приземистый и волосатый нѣмецъ и, вдобавокъ, настолько некрасивый, что Митри, по наивности своей, радуется этому, размышляя, что онъ „неопасенъ“. М-г Готфридъ неподражаемый музыкантъ, филологъ и историкъ, математикъ и поэтъ; словомъ, какая-то ходячая энциклопедiя! Но это еще не все: онъ превосходный наѣздникъ и фехтовальщикъ; онъ черствъ, какъ ячменный сахаръ, и лукавъ, какъ кошка; онъ поминутно, естати и нестати, поминаетъ Шопенгауэра и Гёте и цѣлуетъ свою хорошенькую ученицу „въ награду“, какъ онъ говоритъ, за то, что она умно себя ведетъ или хорошо отвѣчаетъ урокъ. Онъ повѣряетъ ей впечатлѣнiя своей юности, съ оговорками или съ молчанiемъ, которое пожалуй еще хуже „неприличныхъ“ словъ; на ряду съ этимъ, онъ сознаетъ, что нѣмецкое остроумiе все-таки тяжеловато на подъемъ, и потому старается „облегчить“ его во французской передачѣ, вставляя выраженiя и цѣлыя фразы на черезчуръ *легкомъ* французскомъ жаргонѣ.

Такiя выраженiя кажутся ему въ его простотѣ душевной изящными и легкими, красивыми, какъ крылья бабочки; вотъ почему его французская рѣчь такъ и пестрѣетъ ими.

Нору все это страшно забавляетъ. Она смѣется надъ Готфридомъ и терпитъ его присутствiе, когда оно ей выгодно. Но Готфридъ досаждастъ ей тѣмъ, что хочетъ непременно сопровождать ее въ ея прогулкахъ, и она по неволѣ пускается на разныя уловки

и хитрости, чтобы отъ этого отдѣлаться. Такимъ образомъ, онъ окончателно губить бѣдную дѣвушку, ужъ и безъ того слишкомъ своевольную, необузданную, повелительную и хитрую... на которой онъ рассчитываетъ жениться, когда его достопочтенная сестрица, Марта, выйдетъ за ея отца, — какъ это у нихъ условлено. М-г Готфриду нечего спѣшить: ему всего лишь двадцать-восьмой годъ, и онъ терпѣливо занимается воспитаніемъ своей будущей супруги.

Онъ началъ съ того, что примирилъ ее съ необходимостью заниматься музыкой, рассказавъ ей про любовныя приключенія Шопена и про эгонстическія воззрѣнія великаго Гёте.

IX.

Нора между тѣмъ по прежнему растетъ и по прежнему командуетъ всѣми, начиная съ Готфрида, надъ которымъ она безпощадно смѣется наединѣ съ пріателемъ своимъ, Жакомъ, и кончая слугами, которые знали, что ей нельзя перечить ни въ чемъ, — иначе будетъ имъ бѣда отъ хозяина и отъ Марты, ничего такъ не желающихъ, какъ своего полного спокойствія.

— Нора! — обращается къ ней учитель. — Возьмите-ка Шиллера: мы займемся сегодня разборомъ „Донъ-Карлоса“.

— Это не для меня! — возражаетъ она. — Меня даже удивляетъ, что вы это выбрали, да еще съ примѣчаніями, вдобавокъ!

Готфридъ оставилъ на дѣвочку глаза и, несмотря на всю свою ученость, сдѣлался поразительно похожъ на орлана, рыбнаго орла. Нора мысленно такъ и рѣшила про себя, прибавивъ вслухъ:

— У насъ, въ народѣ, говорятъ, что орланъ пахнетъ деревяннмъ масломъ, какъ настоящій ученый, потому что онъ пьетъ въ церквахъ лампадное масло, забираясь туда по ночамъ...

— Но какимъ образомъ? — растерянно спрашиваетъ учитель.

— Да въ трубу, конечно!.. Видѣли вы когда-нибудь орлана?

— Нѣтъ, никогда; какъ не выдалъ и трубъ въ церкви.

— Ну, и понятно: вы вѣдь протестантъ. Но я-то вамъ говорю про орлановъ... они такіе гадкіе, противные! Перья у нихъ желтоватыя... какъ ваша борода, а глаза круглые, очень круглые и безъ малѣйшаго выраженія!..

И Нора заливается хохотомъ передъ самымъ его носомъ.

Готфридъ, однако, продолжаетъ прерванный разговоръ:

— Что же касается „Донъ-Карлоса“, вы его, значить, уже читали, — отчего же вы не хотите прочесть его вмѣстѣ со мною?

— Съ мужчиной вслухъ?.. О!..—восклицаетъ Нора, стыдливо опуская глаза, въ подражаніе барышнямъ-брюлякамъ, о которыхъ она читала въ романахъ. Невыразимо дерзкая улыбка появляется у нея на губахъ, и оттого онѣ становятся еще красивѣе.

— Вы вѣдь и не подумали, какъ это было бы... нехорошо! —говоритъ она въ заключеніе.

Щеки Готфрида загораются пламенемъ, глаза наливаются кровью, онъ готовъ лопнуть.

— Вамъ не случалось надувать красный воздушный шаръ, никогда?—допрашиваетъ лукавая шалунья.

— Никогда; это занятіе не для профессоровъ, и они вообще его избѣгаютъ. Но зачѣмъ вамъ знать?

— Зачѣмъ, что если его сильно раздувать, онъ можетъ лопнуть.

— О, конечно!

Но урокъ близокъ къ концу; Норѣ пора торопиться въ лѣсъ, гдѣ ее уже поджидаетъ Жакъ.

— Не довольно ли на сегодня?—спрашиваетъ она.—Вѣдь урокъ оконченъ?

— Я вижу, что вамъ просто угодно потѣшаться, но я не сержусь, потому только, что я васъ люблю, очень люблю! Вы видите, какъ я къ вамъ снисходителенъ: будь это въ нашей гимназій, вы познакомились бы съ ея строгостями...

— Да я и безъ того съ ними хорошо знакома и могу судить о гимназій по васъ самимъ и по Мартѣ, которая тамъ воспитывалась. Благодаря вамъ обоимъ, я знаю все, какъ еслибы сама воспитывалась тамъ. Знаю, что маленькимъ дѣвочкамъ тамъ запрещается бѣгать, потому что это „неприлично“, а правила такъ строги и внушительны... какъ и вы сами... Но подъ этой строгостью... Хе, хе, ш-г Готфридъ!—и Нора щурится лукаво.

Готфридъ въ восторгѣ.

— Ну, что же, что, плутовка?—и онъ придвигается къ ней поближе, и жадно глядитъ на нее во всѣ свои выпученные, красноватые глаза.

— Подъ этой строгостью кроется совсѣмъ другое... Ну, ужъ чего вы мнѣ ни наболтали,—просто смѣшно сказать!

— Я? Я вамъ... наболталъ... смѣшное? Ничего ровно! Или, быть можетъ, я рассчитывалъ васъ только позабавить? Но въ такомъ случаѣ я былъ неправъ, что ради васъ преступилъ обычай школьной тайны. Чтд было бы еслибы у себя на родинѣ, въ Германіи, мы не скрывали недостатковъ и погрѣшностей, кото-

рыми страдают наши общественныя учрежденія? Такая откровенность вѣпору только французамъ. Что же касается нашихъ лицеевъ и гимназій, у насъ даже сложилась поговорка: „Man darf nicht aus der Schule petzen“.

— Что означаетъ въ переводѣ,—прерываетъ его Нора:— не разглашай школьныхъ скандаловъ!

— Совершенно вѣрно: вы прекрасно схватили настоящее значеніе поговорки. Вспомните про сыновей Ноя, какое это чудное преданіе! Да, все это есть въ Библии и въ ней вся суть... Въ заключеніе, чтобы покончить со всѣми этими вопросами, я долженъ вамъ сказать, что въ дѣлѣ воспитанія главное—сообразоваться съ его правилами, хотя бы лишь поверхностно, для виду; и наружная благопристойность все-таки прикрываетъ собой неприглядную изнанку, которая есть всегда и во всемъ на свѣтѣ!

Готфридъ доволенъ и собой, и своимъ краснорѣчіемъ; онъ почтительно дѣлуетъ бѣленькую ручку Норы.

— Значитъ, урокъ конченъ?

— Если вы того требуете, милая барышня. Но съ уговоромъ, чтобы я шелъ вмѣстѣ съ вами гулять сегодня.

Это совсѣмъ не нравится Норѣ, которую Жакъ уже ждетъ у „большой сосны“...

— Это вовсе не нужно!—и Нора быстро уходитъ.

Но ш-г Готфридъ, ученый авторъ ученаго труда по воспитанію дѣвицъ, все-таки полагаетъ, что его дѣла подвигаются впередъ.

Между тѣмъ Франсуа Митри и не подозреваетъ, въ чьи руки попала его дочь; онъ и не думаетъ объ этомъ. Но не думаетъ не потому, чтобы онъ былъ человѣкъ злой отъ природы: онъ просто ничего не видитъ и видѣть не желаетъ. Онъ, какъ больной, даже радъ, что отъ него отдалаютъ всякій поводъ къ безпокойству, а добрая и услужливая Марта умиротворяетъ его сомнѣнія, каждый разъ, какъ онъ выражаетъ хотя бы поползновеніе чѣмъ-нибудь тревожиться. Онъ вѣдь и въ самомъ дѣлѣ боленъ; въ его бѣдномъ мозгу отъ тяжкаго, неожиданнаго удара, до сихъ поръ еще не прошла ужасная боль, которая часто напоминаетъ ему о себѣ... Вотъ почему онъ никого и ничего на свѣтѣ знать не хочетъ; въ болѣзненномъ порывѣ раздраженія, онъ велѣлъ дочери своей „убираться къ чорту“! И она убралась...

Отбывъ урокъ съ Готфридомъ, Нора спѣшитъ въ лѣсъ, къ своему другу Жаку: тамъ ожидаетъ ее урокъ совершенно другого рода.

Жакъ Моренъ, рослый и красивый юноша, идетъ къ ней

на встрѣчу; на немъ, какъ и всегда, безукоризненно-чистая полотняная рубаха; чуть-чуть расходящаяся на груди; высокая грудь его кажется еще бѣлѣе сравнительно съ загаромъ, которымъ покрыты шея и лицо.

— Вотъ бѣлка, которой вамъ такъ хотѣлось! — говоритъ онъ: — вы, барышня, очень любите животныхъ?

— Очень, Жакъ! Они не такъ злы, какъ люди... со мной по крайней мѣрѣ. Вотъ хоть бы, напримѣръ, Юпитеръ... помнишь? А бѣлки такъ же ласковы, какъ зайцы?

— Не знаю: эта еще ни разу ко мнѣ не ласкалась. Можетъ быть, для нея я недостаточно хорошъ собой, а барышня ей больше придется по вкусу. Попробуйте-ка для примѣра!

И Нора прижимается лицомъ къ мордочкѣ бѣлки, но пушистый звѣрь робѣетъ и не высовываетъ язычка, не лижетъ дѣвочку въ губы, какъ, бывало, заяка.

— Какъ жаль! Мнѣ больше нравятся зайки, — говоритъ Нора. — Еще бы, Жакъ! Я ласку люблю, а меня никогда и никто не ласкалъ; никто на меня не думалъ обращать вниманія, когда я была совсѣмъ еще малюткой. А ты, Жакъ, ты тоже любишь, чтобъ тебя ласкали? Но ты тоже въ дѣтствѣ ласки не видалъ.

— Никогда! Мамы у меня не было, бабушка ворчала безпрестанно, а отецъ въ нашемъ „сословіи“ не цѣлуетъ дѣтей...

Тихая грусть, исполненная безграничной нѣжности и доброты, отразилась въ большихъ глазахъ Норы. Воспоминаніе о ея собственномъ безотрадномъ дѣтствѣ растрогало ее. Какое-то неизвѣданное, матерински-нѣжное чувство вливается ей въ душу; голосъ ея становится нѣжный, глубокий.

Жакъ заперъ бѣлку въ клетку и растянулся на землѣ, положивъ свою голову на худенькія колѣнки дѣвочки, которая ласково, нѣжно касается своими ручками его загорѣлаго лба, поглаживаетъ его по коротко-остриженной головѣ, какъ малаго любимаго ребенка. И полный силъ, рослый юноша, въ нѣмомъ восторгѣ, покорно, съ благоговѣніемъ принимаетъ ея ласки... Нора ласкаетъ его, какъ умѣетъ, — какъ ее научили ласкамъ ея друзья — животныя и птицы.

Молодой поденщикъ, собиратель пробоевъ, счастливъ, какъ никогда. Его близость и простота отношеній къ Норѣ не мѣшаетъ ему уважать ее. Его учитель, въ противоположность наставнику бѣдной богатой барышни, — человекъ высокихъ правилъ, который умѣетъ къ уроку исторіи или литературы приурочить самыя благородныя понятія о жизни и любви. Благородство мысли мало-по-малу сообщается и Жаку, — этому крестьянскому отпрыску

арабовъ и эллиновъ. Онъ счастливъ, что любить и что его любить, какъ вѣрнаго, преданнаго пса.

Бѣдная Нора! Для нея было бы гораздо лучше не имѣть другихъ учителей, кромѣ общей матери-природы и маленькаго Жака. Зачѣмъ судьба судила ей въ наставники иезуитски-настроеннаго софиста Готфрида, который всячески старается формулировать для нея, — „ad usum puellæ“, — свои собственныя толкованія на современную науку и людей?

— Всѣ люди, — говоритъ онъ — подлы и злы отъ природы. Надо стать выше ихъ или силой, или хитростью, которая есть не что иное, какъ торжество духа. Разъ, что жизнь человѣческая такъ неприглядна, отъ нея можно уйти только въ матеріальныя удовольствія или въ свои мечты (которыя онъ называетъ „идеаломъ“), то-есть въ одинокое и эгоистичное созерцаніе блаженствъ, которыхъ не имѣешь. Это послѣднее средство избѣжать горечи жизни, впрочемъ, далеко уступаетъ первому, хоть и оно даетъ забвеніе горестей, которыя испытываютъ другіе люди...

Таковъ его опытъ экспериментальнаго воспитанія. *Is invenit spī prodest.* Трудно себѣ представить, до чего могла дойти свобода толкованій, которыя мудрый наставникъ услужливо предлагалъ своей ученицѣ. Но маленькая, бойкая француженка давно раскусила своего учителя-иезуита и не щадитъ его въ своихъ смѣлыхъ выходахъ и колкихъ насмѣшкахъ. Его главное, основное правило — ничего не скрывать отъ дѣтей; онъ даже пересаливаетъ иной разъ. Но и безъ того, съ помощью его толкованій, Нора слишкомъ многое видитъ и слишкомъ о многомъ можетъ догадаться, чего и не подобало бы подозрѣвать ребенку ея лѣтъ.

— О, какъ мнѣ жаль того, кому она достанется послѣ меня! — говаривалъ не разъ Митри. — Она такой сорванецъ. Ее нелегко будетъ выдать замужъ.

— Какъ знать! — отвѣчала тогда Марта, думая о своемъ Готфридѣ. — Еслибъ только случился человѣкъ, который зналъ бы хорошо ея характеръ и умѣлъ обходить ея недостатки и даже обращать ихъ во благо... Впрочемъ, будьте покойны: все съ теченіемъ времени обойдется подъ медленнымъ, но вѣрнымъ вліяніемъ Готфрида.

X.

Однажды за обѣдомъ Митри (хотя немножко поздно) спохватился, что онъ долженъ бы поинтересоваться ходомъ занятій учителя, и выразилъ желаніе присутствовать у него на урокъ.

— Еслибъ вы удостоили меня чести прочесть мой ученый трудъ, о воспитаніи дѣвицъ, вы не выразили бы, конечно, такого желанія, которое неисполнимо, такъ какъ я не могу его допустить. Ни одинъ изъ профессоровъ, достойныхъ своего званія, не долженъ допускать присутствія постороннихъ на своихъ урокахъ. По моему мнѣнію, учителя и учащіеся должны составлять ревнивую, обособленную семью: духъ—все, а плоть—ничто!... Если вы больше мнѣ не довѣряете, я сочту своимъ долгомъ тотчасъ же удалиться.

Митрѣ, какъ умѣлъ, поспѣшилъ попросить извиненія, что еще не успѣлъ прочесть книгу Готфрида; ему, понятно, не хотѣлось прогнѣвить учителя, который избавлялъ его отъ хлопотъ съ необузданнымъ ребенкомъ.

Обѣдъ закончился въ мирѣ и согласіи, благодаря обѣщанію Митрѣ не вмѣшиваться въ дѣла учителя.

Между тѣмъ пріятель Норы, Жакъ, не такъ спокойно смотрѣлъ на него:

— Знаете, онъ вѣдь ужъ давно мнѣ досаждаеть, вашъ учитель! Этотъ Готфридъ прегадкій человекъ, и онъ васъ устроитъ навѣрное! Меня не удивитъ, если онъ вздумаетъ даже на васъ жениться!

— Жакъ! Ты съ ума сошелъ! Посмотри на меня и на него...

— Да! Вотъ ужъ подлинно...

Въ одинъ прекрасный день молодой другъ Норы зло подшутить надъ Готфридомъ, который крѣпко спалъ въ лѣсу послѣ плотнаго обѣда. Шалуны осторожно подкрался къ его ногамъ и ловко затянулъ одну изъ нихъ въ петлю изъ тонкой, но прочной бичевки, а другой конецъ бичевки обвилъ вокругъ молодого дуба.

— Горитъ! Горитъ! Лѣсъ горитъ!—неистово крикнулъ тогда Жакъ у самаго уха Готфрида. — Пойдемте вмѣстѣ заливать... хотите? Я дамъ вамъ свой топоръ.

Готфриду не очень хочется заливать огонь; но и не хочется самому испечься. Онъ проворно вскакиваетъ на ноги, бросается впередъ... Бичевочка натянулась; нога, которой онъ махнулся впередъ, осталась назади, и Готфридъ всей тяжестью своего грузнаго тѣла растянулся лицомъ на землю.

Жакъ быстро подскочилъ и, прежде чѣмъ его поднять, перерѣзалъ предательскую бичевку.

— Бѣдный ш-г Готфридъ! Да какъ же это случилось? Ужъ вѣрно этотъ противный корень натворилъ бѣды: такъ вѣдь и цѣпляются они за ноги, какъ веревки! Весь носъ у васъ въ крови, и руки ободраны тоже! Но не бѣда: примочить арникой—и не-

дѣлки черезъ двѣ помину не будетъ. Да, все лицо испарано... Что скажутъ теперь ваши барышни?

И въ самомъ дѣлѣ, вслѣдствіе своего злополучнаго паденія, м-г Готфридъ дней на восемь оставилъ Нору совершенно въ покоѣ, и Жакъ блаженствуетъ съ ней на свободѣ.

Такъ или приблизительно такъ идетъ время, день за днемъ.

Норѣ минулъ четырнадцатый, а затѣмъ и пятнадцатый годъ. Она очень мала ростомъ, но такъ мила и изящна, что самъ Богъ, вѣрно, оставилъ ее именно такою, чтобы она была совершеннѣе.

Когда ей вздумалось учиться стрѣлять, все тотъ же Жакъ помогъ ей застрѣлить первую птицу. Сначала онъ заставилъ ее стрѣлять въ цѣль; потомъ они оба пошли подъ большой дубъ и стали выжидать.

— Вонъ, барышня, смотрите, копчикъ!

— Гдѣ? Гдѣ? Не вижу.

— Вонъ тамъ, у самой вѣтви, которая надломлена...

И Нора цѣлится, медленно нажимая курокъ... Она волнуется; кровь приливаетъ ей въ голову и шумитъ въ ухахъ; она ничего не слышитъ. Вдругъ выстрѣлъ—и подстрѣленная птица съ шумомъ, раскинувъ крылья, упала, задѣвая въ своемъ паденіи листья, которые зашелестѣли. Жакъ подбѣжалъ и поднялъ.

— Какой красавецъ, барышня, смотрите!— проговорилъ онъ.

Нора посмотрѣла на неподвижную птицу съ окровавленной грудью...

— О!—весело воскликнула она.—Прямо въ сердце!.. Я, я сама ее убила и буду ѣсть ее одна, и никому не дамъ! Вѣрно будетъ вкуснѣе дичь, которую самъ застрѣлишь?

Жакъ не могъ удержаться, чтобы не сказать:

— Вамъ развѣ не жаль, что вы ее убили? Вы вѣдь любите животныхъ, а этотъ, вдобавокъ, такой красивыи!

Она подумала немножко и сказала:

— Такова жизньъ на свѣтѣ!—и, покачавъ головой, прибавила еще:—еслибы всегда думать обо всемъ, ничего нельзя было бы дѣлать!

На другой день она сама съѣла своего копчика, и онъ ей показался вкуснѣе, чѣмъ всякая другая дичь...

Нора еще больше одичала, стала безжалостной ко всѣмъ и даже къ себѣ. Чувства благоговѣнія и религіозности въ ней не было; она не умѣла молиться: у нея не было матери, которая бы ее научила.

— Дикарка! Сушая дикарка!—говаривала иной разъ Катри, но въ ея замѣчаніи звучало больше восторга, нежели осужденія.

Она и въ самомъ дѣлѣ была дикарка,—эта дѣвочка-подростокъ, которая не имѣла дѣвичьей стыдливости и не нуждалась въ ней, не придавая никакого значенія тому, что привело бы въ ужасъ Марту. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы со стороны юноши дѣло было ужъ совсѣмъ такъ просто. Его старикъ-учитель, старый морякъ, выдавшій женщинъ на своемъ вѣку, частенько, разспрашивая Жака о его работахъ и удовольствіяхъ, наводилъ его на исповѣдь, но такъ мягко и незамѣтно, что это юношу нисколько не смущало.

— Изъ васъ бы вышелъ прекрасный духовникъ, ш-г Реналь!—говоритъ юноша.—Вы, кажется, меня исповѣдуете?

— Ну, полно, мальчикъ, не таись!—съ добродушной улыбкой возражаетъ старикъ.—Скажи ужъ откровенно: что она,—мила собой?—И, стараясь дѣлать видъ, что ему интересно знать всѣ похождения юноши, старый морякъ узнаетъ, наконецъ, какъ именно идутъ его любовныя дѣла.

— Ты любишь вѣдь ее?

— О, всей душой!

— Вотъ видишь! Ты легко можешь сдѣлать и ее несчастной: Митри вѣдь не выдастъ ее за тебя. Будь остороженъ, не играй съ огнемъ: самъ ты на ней не женишься навѣрное, а другимъ помѣшаешь!

— О, ш-г Реналь!—вдохнулъ бѣдный Жакъ.

— Ну, полно; ну, чего вздыхаешь?

Время тянется медленно, слишкомъ медленно, по мнѣнію Марты и Готфрида. Ей кажется, что Митри еще недостаточно подчиняется ея желаніямъ, и вообще онъ слишкомъ независимъ.

Ему какъ будто вздумалось быть еще снисходительнѣе къ дочери. Онъ, порой, подчиняется какому-то внутреннему чувству и въ голосъ его слышатся ласковыя нотки; у Норы—никогда! Теперь она относится къ нему, какъ прежде онъ—сурово. Она его не любитъ и не заботится любить. Онъ бы не прочь къ ней привязаться теперь горячо; но вѣдь онъ самъ пресѣкъ къ тому малѣйшіе пути. Ему случается смотрѣть на нее задумчиво и съ грустнымъ сожалѣніемъ о своихъ ошибкахъ. Онъ подходит къ ней и наклоняется поцѣловать ее. Но она отворачивается и протягиваетъ ему руку.

Одинъ разъ, когда ему удалось нечаянно ее поцѣловать, онъ вдругъ почувствовалъ такой приливъ вѣжности и счастья, который

онъ испытывалъ, цѣлуя Терезу или, по ея смерти, маленькую Нору. Но увы! это ни къ чему не приведетъ,—не можетъ привести. Для него самого, какъ и для Норы, будетъ лучше выдать ее замужъ; и вотъ, не сообщая ничего объ этомъ своей вѣрной Мартѣ, Митрѣ рѣшаетъ заблаговременно и основательно подготовиться къ этому важному шагу. Съ этой цѣлью, онъ приглашаетъ къ себѣ въ замокъ цѣлое общество пожилыхъ и молодыхъ людей, и это нивого не удивляетъ: гости вѣдь—дѣло привычное. Комнаты уже готовы; черезъ недѣлю за столъ будутъ садиться не трое, а двадцать человѣкъ. Изъ этихъ двадцати есть, главнымъ образомъ, двое молодыхъ людей... особенно одинъ: Эмиль Лувѣ,—очень „милый“, благовоспитанный и неглупый молодой человѣкъ. Впрочемъ, тамъ видно будетъ.

Скрывать свои мысли Митрѣ заставляетъ нѣкотораго рода стыдливость; онъ хочетъ рѣшить это дѣло обоюдно съ одной только Норой. Пусть она сама выбираетъ; въ сущности, надо же ей предоставить это право. Пусть и на нее падетъ отвѣтственность въ своей дальнѣйшей судьбѣ.

— Такимъ образомъ, она ужъ больше нивогда не будетъ имѣть повода ни въ чемъ меня упрекнуть,—разсуждаетъ онъ.

За завтракомъ Марта читаетъ вслухъ списокъ гостей.

— Они прѣдутъ завтра,—говоритъ она Норѣ.

Нора слушаетъ разсѣянно. Когда упоминается имя Лувѣ, Митрѣ восторженно замѣчаетъ:

— Прекрасный молодой человѣкъ, вотъ джентльмѣнъ!

Готфридъ хмуритъ брови; видно, и у такихъ грубыхъ животныхъ есть тоже чутъе. Нора вскидываетъ на него глазами и спрашиваетъ отца:

— А сколько ему лѣтъ?

— Двадцать-четыре.

Нора дѣлаетъ преважную гримаску.

— Немножко молодъ!—произноситъ она вѣско, какъ взрослая.

— Совершенно вѣрно: слишкомъ молодъ!—спѣшить подтвердить обрадованный Готфридъ.

— По моему,—невомутимо продолжаетъ Нора:—мужчина моложе тридцати-пяти лѣтъ—даже вовсе не мужчина!

Она и въ самомъ дѣлѣ держится такого мнѣнія; но, сверхъ того, ей хочется подразнить Готфрида, которому не больше тридцати, и она забавно прибавляетъ:

— Всѣ эти молодые люди—такой неопытный народъ!

Присутствующіе не могутъ удержаться отъ смѣха, до того это выходитъ забавно; одинъ только Готфридъ, стараясь не по-

давать виду, усердно запикиваетъ себѣ въ ротъ чуть ли не цѣлый апельсинъ заразъ.

— А! Вотъ тутъ есть и по вашему вкусу господинъ: онъ однихъ лѣтъ съ вашимъ папа!—все еще смѣясь, говоритъ Марта.

— А!.. Кто такой?

— Гвидо де-Френэ.

Наступаетъ молчанье, въ продолженіе котораго Нора старается припомнить, чтò ей напоминаетъ это имя. Такъ звали господина, который былъ съ нею ласковъ и привѣтливъ; о немъ ей потомъ не разъ говорили. Но какой онъ?—припомнить невозможно!

— Отчего онъ у насъ такъ давно не былъ?—спрашиваетъ она.

— Онъ велъ жизнь, полную служебныхъ превратностей... Отъ него одного зависѣло, чтобы разгорѣлась война между Франціей и одной изъ важнѣйшихъ европейскихъ державъ, — продолжалъ Митри;—но присутствіе духа, улыбка во-время, отчасти внимательство одной умной женщины, которая питала къ нему... которая была отъ него въ восторгѣ—и де Френэ спасъ весь міръ отъ большого бѣдствія.

— Отъ большого бѣдствія?!—воскликнула Нора.—Но война такъ прекрасна!

— Въ то время она могла бы повліять губительно на міровые интересы; таково, по крайней мѣрѣ, было мнѣніе де-Френэ; и вся Европа была на его сторонѣ...

— А я любила бы войну, еслибы была женщиной!

— Надѣюсь, что война съ Германіей не была бы для васъ пріятной,—сухо замѣчаетъ Марта:—ваши чувства ко мнѣ и къ моему брату въ томъ порукой!

— А! Значитъ, это съ Германіей была бы у насъ война, еслибы не вступился г. де-Френэ и его прелестный другъ?—уже съ ѣдкой насмѣшливостью въ голосѣ говоритъ Нора.

— О какой же другой державѣ можетъ быть и рѣчь?—обидчиво возражаетъ Марта.

— А!..

И Нора, дикарка-Нора, не отличающаяся своимъ патриотизмомъ, уже не прочь принести въ жертву жизнь тысячи людей, еслибы война могла ее избавить отъ Готфрида и отъ Марты... особенно отъ Марты!

Волворяется продолжительное молчаніе, и въ ту минуту, когда всѣ думаютъ о другомъ, Нора вдругъ обращается въ отцу:

— А чтò, онъ очень любить нѣмцевъ, этотъ добрый господинъ, который не любитъ войны?

— Онъ написалъ о Германіи цѣлую книгу.

— И она хороша?

— Эта книга надѣлала много шума у насъ на родинѣ,—вмѣшался Готфридъ.—Французскіе журналы считали ее весьма почетнымъ трудомъ, и въ этомъ-то именно наши его упрекали.

— Вотъ какъ?!

— Да. Наблюдательность въ ней ступевывается подъ внѣшними прикрасами идеальныхъ разглагольствованій въ пользу недостижимой и невозможной справедливости, на устарѣлый манеръ всякихъ Ламартиновъ и Мишлэ. Въ этой книгѣ есть и тихая грусть, и пылая восторженность, а въ нихъ теперь ужъ не нуждается никто!.. Впрочемъ, я не могу не признать, что авторъ воздалъ должное характеру моихъ соотечественниковъ.

— Иначе говоря, Гвидо де-Френъ, какъ честный человекъ, разбиралъ ваше отечество не какъ какой-нибудь шовинистъ или антипатріотъ, а совершенно свободно, не придерживаясь никакихъ предрассудковъ: признавалъ добрымъ все истинно доброе и, не скрывая, называлъ дурнымъ все дурное! Впрочемъ, онъ тѣмъ же точно поступилъ относительно и своей родины, Франціи. Своей прямотѣ и смѣлой откровенности онъ обязанъ своей немилостью...

— А! Неужели?—воскликнула заинтересованная Нора.

— Да; онъ самъ гордо подалъ въ отставку и теперь уже больше не у дѣлъ. Когда онъ мнѣ сообщил свои неприятности и желаніе уйти куда-нибудь въ уединеніе, я предложилъ ему прійхать ко мнѣ и у меня остаться, пока ему не надоѣсть. Онъ говоритъ, что даже плохо помнить мой домъ и обстановку. Онъ не провелъ вѣдь съ нами и восьми полныхъ дней... вотъ уже восемь лѣтъ тому назадъ.

— Да, правда: восемь лѣтъ!—замѣчаетъ Марта.

Нора, по обыкновенію, устремила свои большіе черные задумчивые глаза въ пространство и припоминаетъ...

— Гвидо? „Гви, Гви...“ Ахъ, да: онъ заступился за Юпитера; онъ добрый!—и при этомъ воспоминаніи сердце ея замираетъ отъ радости.

И эпизодъ съ отставкой ей тоже нравится со стороны господина, который незадолго передъ тѣмъ совсѣмъ ей не нравился. Значитъ, онъ изъ такихъ людей, въ рукахъ которыхъ бывають судьбы великихъ державъ въ рѣшительную минуту?.. Ахъ, да не все ли ей равно? И чтѣ ей до него за дѣло? Конечно, онъ порядочный фатигша, своего рода Готфридъ на французской почвѣ. Написалъ себѣ книгу: „Нѣмцы въ Германіи“, и воображаетъ,

(только потому, что онъ — Гвидо де-Френэ!), что всё должно ему льстить и улыбаться.

И снова ее неожиданно охватываетъ какое-то непонятное чувство. Ей вдругъ представляется де-Френэ такой, какимъ онъ былъ восемь лѣтъ тому назадъ, и ощущение чего-то свѣтлаго, счастливаго, связаннаго съ нимъ, воскрешаетъ въ ней давно забытое... или нѣтъ, можетъ быть, лишь на время заглухшее.

Нора умолкла и погрузилась въ свои далекия, глубокія думы. Но вотъ на порогѣ появляется Антуанъ съ докладомъ:

— Г. де-Френэ извиняется, что прибылъ въ такое время, и просить, нельзя ли ихъ принять сейчасъ же. Они уже обѣдали.

Всѣ встаютъ на встрѣчу гостю.

XI.

Онъ входитъ, жметъ руку хозяину дома.

— Здравствуй, Франсуа! — и, не выпуская его руки изъ своей, оборачивается къ Норѣ:

— Вы меня, вѣрно, позабыли?

— Да, совершенно; признаюсь! — заявляетъ миниатюрная дѣвица.

— Ну, а я нѣтъ. Вы такая же миленькая! — говоритъ онъ просто и прибавляетъ, обращаясь къ своему товарищу: — у дочери твоей оригинальное лицо.

Своей длинной, изящной рукой онъ приподнимаетъ къверху головку Норы и разглядываетъ ее.

Нора въ сердцахъ хмуритъ брови, пробуетъ отвернуться; ноги ея словно приросли къ паркету. Но Гвидо ничего не замѣчаетъ. Онъ наклоняется еще ближе, притягиваетъ къ себѣ ея личико и цѣлуетъ въ обѣ щеки, какъ ребенка.

Конечно, тому причиной ея малый ростъ и дѣтски-миниатюрная фигурка, но все-таки ей это кажется ужаснымъ оскорбленіемъ: онъ считаетъ ее ребенкомъ! Въ то время, какъ подають кофе и гостя сажаютъ рядомъ съ нею, юная хозяйка говоритъ про себя:

— Я его терпѣть не могу, — этого господина! Онъ мнѣ не нравится! Скоро ли онъ уйдетъ? — и въ то же время ей кажется, что она побаивается его немножко, сама не зная почему.

Но въ чемъ она не хочетъ сама передъ собой сознаться, такъ это то, что въ этой боязни она находитъ своего рода притя-

гательную силу, —обаяніе, отъ котораго ей бы не хотѣлось отказаться.

На слѣдующее утро она, едва проснувшись, уже съ нетерпѣніемъ думаетъ о гостѣ. Она чувствуетъ, что его присутствіе среди людей, противъ которыхъ у нея много обидъ успѣло накопиться, можетъ быть для нея только интересно и даже... приятно.

Нора встаетъ, распѣвая, и съ твердой рѣшимостью быть съ г. де-Френэ какъ можно строже.

Однако, изъ вѣжливости, волей-неволей, надо начать съ любезностей, и Нора предлагаетъ гостю прогулку верхомъ.

— Я ужъ сегодня не поѣду, —говоритъ Митри:—но вы увидите сами, какое это будетъ удовольствіе для Норы. Въ конюшнѣ вы найдете двѣ добрыхъ лошадки, совершенно пригодныхъ въ верховой ѣздѣ: выбирайте любую!

Крошечная амазонка ѣдетъ на своей „арабѣ“; Гвидо—рысцой, не спѣша—рядомъ съ нею. Они ѣдутъ по склонамъ „Мавританскихъ“ холмовъ, отъ Кавалера и до „Финиковъ“; отъ „Финиковъ“ до Лаванду... и Гвидо невольно любитъ свою миниатюрную спутницу,—такой крохотной, такой хрупкой, такой твердой въ сѣдлѣ, такой смѣлой! Когда она оборачивается къ нему лицомъ, онъ пораженъ его выраженіемъ: это смѣсь чего-то самаго разнообразнаго и несовмѣстимаго... и это его смущаетъ. Ребенокъ его привлекаетъ, маленькая женщина пугаетъ его, а лѣсной шаловливый духъ смѣется надъ нимъ. Ему становится какъ-то не по себѣ; а этого, пожалуй, еще ни разу въ жизни ему не случилось испытать!

Море скрылось за выступомъ мыса Кавалера, и они ѣхали молча, какъ вдругъ Нора закричала:

— А! Вотъ оно опять!—какъ будто ему было такъ же это важно, какъ и ей, снова увидѣть его синѣющей просторъ.

— А вѣдь чудесно? —говоритъ она, и, вытянувъ руку съ хлыстиномъ впередъ, она широкимъ движеніемъ указываетъ на морской просторъ, властно, какъ настоящая его царица.

Море безъ устали говоритъ ей о ея дѣтскихъ радостяхъ и печаляхъ; море слилось съ ея жизнью, съ ея душой; часть его словно приобщилась къ ея внутреннему міру, и въ нѣдрахъ его отдается непрерывно смутный гулъ, и ласка волнъ морскихъ, и невѣдомая, чарующая даль.

Де-Френэ смотритъ на малютку и смутно чувствуетъ, что и въ немъ просыпается знакомое ей ощущеніе. Чувство жизни и безграничнаго пространства охватываетъ ихъ обоихъ.

— Поѣдемъ шагомъ!—говорить онъ.

За восемь лѣтъ онъ мало измѣнился; даже ни волоска сѣдого нѣтъ въ его пушистой бородѣ. Лицо, одно только лицо какъ будто стало нѣсколько блѣднѣе. До сихъ поръ страсти оставляли его спокойнымъ, удовлетвореннымъ; но и ему—первый разъ въ жизни! — случилось испытать неудачу. Гордая вдова — маркиза Z***, любя другого, всего дня три дарила своимъ вниманіемъ избалованнаго дипломата; онъ готовъ былъ на ней жениться, но она не захотѣла. Эти три дня, дарованные ему въ утѣшеніе, не утѣшили его... Почему знать? можетъ быть, онъ еще и по сей часъ безутѣшенъ?

Нора сравниваетъ его съ прежнимъ, восемь лѣтъ назадъ. О, она его, конечно, не забыла; но только виду ему не подастъ! Ей хочется немножко уколоть его, помучить, и на разспросы его она неизмѣнно отвѣчаетъ:

— Не помню... нѣтъ! Ничего не помню! Ровно ничего... ну, право!

— Какъ это грустно!—говорить Гвидо.

— Но почему же грустно?

— Мнѣ кажется, впечатлѣніе о чемъ-нибудь счастливомъ должно бы оставаться въ памяти людей.

— Я, значить, была тогда счастлива васъ увидать? — поспѣшно спросила Нора.

— Да; если вѣрить вашимъ же словамъ,—тогда.

— Вы это помните? И я вамъ тогда говорила... Ну, что же, что я говорила?

Гвидо разсказалъ Норѣ все, что она и безъ него прекрасно помнить; разсказалъ все приключеніе съ фіалками, которыя она опускала ему за воротъ рубашки, и разсказалъ еще, какъ это ему было мило и пріятно; какъ Марта сердилась на Юпитера, и какъ онъ, Гвидо, за него заступился; какъ онъ потомъ усердно воспротивился тому, чтобъ лишить Нору ея законнаго, хозяйскаго мѣста за столомъ.

— Я вижу съ удовольствіемъ, милая барышня, что вамъ оставили его?

— Благодаря только вамъ!—говорить она, немножко блѣднѣя и поглядывая на него искоса, черезъ плечо.

Мало-по-малу, по мѣрѣ того, какъ онъ говорить, ей живѣе прежняго припоминается все, все, какъ было.

— Фіалки?.. Да, да: фіалки... я, кажется, припоминаю,—прислушиваясь, тихо проронила она.—Погодите... да! Вспомнила и про фіалки!

Она удерживает лошадь, и передъ ея умственными очами встаетъ все прошлое, какъ живое, настоящее и... дорогое. Нора еще блѣднѣетъ. Пристальный взглядъ ея большихъ черныхъ глазъ ушелъ куда-то вдаль. Она помнитъ, какъ онъ поцѣловалъ ее тогда, какъ она его полюбила... Какое-то непреодолимое обаяніе вызываетъ въ ней полную искренность, и она уже смѣется, просто и чистосердечно:

— Да, да: и между ними были еще бѣлыя... и я совала руку вамъ за шею! Потому вы меня взяли на руки...

— И тогда вы сказали...—допрашиваетъ де-Френэ.

Нора въ нерѣшимости умолкаетъ, но секунду спустя говорить рѣшительно, хоть губки у нея слегка дрожатъ:

— „Я васъ люблю“!

— Вѣрно!—наивно подтверждаетъ онъ, счастливымъ тономъ. —Признаться, мнѣ вѣдь было жаль подумать, что вы могли забыть. Вы для меня остались все тѣмъ же милымъ, очаровательнымъ ребенкомъ, котораго нельзя было не полюбить съ перваго взгляда!

Онъ говоритъ чистосердечно, и, можетъ быть, неосмотрительно, какъ съ маленькой дѣвочкой, и это Нору задѣваетъ за живое.

— Вотъ какъ?!—говоритъ она вслухъ и, больно стегнувъ хлыстомъ свою лошадуку, въ тотъ же мигъ осаживаетъ ее. Бѣдное животное поплатилось за чужую вину.

— Какъ? И все тутъ? Вы не помните больше ничего?—продолжаетъ Гвидо.

— Да, все!—отвѣчаетъ она очень сухо. Гордость опять ее одолеваетъ, и она жетъ: она просто „не хочетъ“ помнить!

— Ну, такъ вотъ. Послѣ того, какъ я выигралъ ваше дѣло, отвоевалъ вамъ ваше мѣсто за столомъ... Ну, чтѣ вы сдѣлали тогда?—помогаетъ онъ.

Нора живо припоминаетъ, какъ она подъ столомъ положила свою маленькую ручку къ нему на колѣно; какъ онъ ее взялъ и положилъ на столъ, на бѣлую скатерть, и какимъ голосомъ сказалъ: „Надо всегда имѣть смѣлость не скрывать своихъ настоящихъ чувствъ, маленькая Нора. Да, всегда!—О, это „всегда!“ и до сихъ поръ еще звучитъ у нея въ ухахъ, а его пристальный взглядъ властно смотритъ на нее...

Она чувствуетъ себя побѣжденной, но пробуетъ еще отшутиться и насмѣшливо отвѣчаетъ:

— Чтѣ сдѣлала я тогда, за столомъ? Да право же, не помню! Совсѣмъ, совсѣмъ не помню!

Голосъ ея такъ холоденъ, и для Гвидо такъ ясно, что она говоритъ неправду, что онъ останавливаетъ свою лошадь и, какъ прежде, глубоко смотритъ ей въ глаза:

— А вы все еще притворяетесь?—спрашиваетъ онъ серьезно.

Нора тоже осадилла лошадь и смотритъ прямо ему въ лицо. Да, оно все то же, властное, какъ и тогда!..

— А вы увѣрены, что вы вѣжливы? — порывисто спрашиваетъ она.

— Вѣжливъ?!—возражаетъ онъ со смѣхомъ.—Вѣжливъ—съ ребенкомъ? „Вѣжливъ“?!—и, повторяя все одно и то же, онъ смѣется все сильнѣе и сильнѣе.

Нору охватываетъ безумное желаніе выкинуть какую-нибудь штуку, которая показала бы ему, что она больше не ребенокъ; но какую? Она сама не знаетъ. А пока, чтобы дать улечься своимъ расхолодившимся нервамъ, она мчится впередъ въ карьеръ.

Дорога заворачиваетъ поминутно, и надо безпрестанно мѣнять аллюръ.

— Берегитесь!..—кричитъ де-Френэ ей вдогонку.

— А вотъ увидимъ!—отъликаетъ Нора, и они мчатся впередъ, какъ вихрь.

Наконецъ, она устала.

— Привяжемъ лошадей вотъ здѣсь,—говоритъ она и, спѣшившись, садится рядомъ съ нимъ на откосъ рва, покрытомъ дикимъ верескомъ.

Болтая, Нора, какъ во снѣ, взяла въ обѣ руки руку Гвидо и не выпускаетъ ее. Она сдѣлала это невольно, не подумавши. Вернувшись мыслю въ прошлое, она какъ будто только сейчасъ или наканунѣ получила отъ него выговоръ и хочетъ его заглядить. Она забыла сердиться на него за то, что онъ обошелся съ нею какъ съ маленькой, ей точно снова семь, восемь лѣтъ... Не все ли равно? Бѣдная Нора чувствуетъ потребность, чтобы ее любили, какъ дитя... какъ ее никто и никогда не любилъ!

Она держитъ у себя на колѣняхъ руку Гвидо и тихо поглаживаетъ ее, лаская, какъ она привыкла ласкать лобъ и лицо маленькаго Жака. Гвидо отдергиваетъ руку вдругъ, но дѣвочка не поддается и удерживаетъ ее; онъ очарованъ ея простотой и дѣтской лаской, но ему отчего-то жутко,—онъ боится, что видъ у него при этомъ вѣрно страшно глупый. И странное дѣло! ему вдругъ кажется, что Нора въ его глазахъ ужъ больше не ребенокъ, а почти женщина. Его это смущаетъ: онъ вѣдь не знаетъ, что въ эту самую минуту она забыла все на свѣтѣ, кромѣ того счастливаго мгновенія, которое сдѣлало ее теперь опять добрымъ

простымъ ребенкомъ;— того на вѣки незабвеннаго мгновенія, когда малютка Нора сказала отъ души своему большому другу: „Я васъ люблю!..“ Онъ тоже вѣдь ласкалъ ее, и это было ей приятно и отрадно; было ли бы это такъ отрадно и теперь... вотъ чтò ей интересно знать!

— Ну, ѣдемъ, ужъ пора!—говорить де-Френэ внезапно и снова хочетъ отнять у нея свою руку, встать... Но Нора не пускаетъ и молча смотритъ на него такими глазами, въ которыхъ онъ ясно читаетъ грусть и жажду ласки, жажду сочувствія, любви.

Съ усиленіемъ, которое ему стòитъ дороже, нежели онъ могъ самъ предполагать, Гвидо, наконецъ, встаетъ и отвязываетъ лошадей. Остановившись у лошади Норы, онъ подставляетъ ей ладонь, чтобъ она вспрыгнула въ сѣдло, и на минуту ея маленькая, премаленькая ножка остается у него въ рукѣ; но вдругъ Нора соскакиваетъ на землю и оттуда, безъ посторонней помощи, смѣясь взвивается на сѣдло.

Молча ѣдутъ они обратно, и Нора думаетъ, искося поглядывая на своего гостя:

„О, стòитъ мнѣ только захотѣть“!

А онъ, въ свою очередь, словно отвѣчая ей, продолжаетъ думать:

„Что-жъ, весьма возможно... весьма возможно“...

И мысленно онъ задаетъ себѣ вопросъ: а не жениться ли на ней (чтò совсѣмъ неправдоподобно), или уѣхать... Какъ то, такъ и другое, по его же собственному рѣшенію, —слишкомъ крайнія мѣры.

Въ тотъ же день, въ сумерки, Нора должна брать урокъ музыки въ гостиной.

— М-г Готфридъ, — говоритъ она: — сегодня не будетъ урока...

Ей хочется скорѣй вернуться къ гостю, съ которымъ она всего какихъ-нибудь минутъ десять какъ рассталась.

— Что такъ?—удивляется Готфридъ.

— Да такъ, просто не хочу.

Нора прекрасно знаетъ, чтò нужно для того, чтобъ ее отпустили, но она медлитъ; ей самой не хочется безъ борьбы поддаться желанію скорѣй опять вернуться къ Гвидо.

— Ну, вотъ чтò: отпустите меня добровольно, и я васъ поцѣлую!—вдругъ раздражается она хохотомъ и подставляетъ свое хорошенькое личико...

О, еслибъ она только знала!..

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ окна гостиной, на скамейкѣ въ саду сидитъ Гвидо, и хоть ему не слышно ихъ разговора, но онъ видитъ всю эту сцену.

Волненіе, тревога и какая-то досада овладѣваютъ имъ. О, Боже! Неужели это ревность, или нѣтъ, просто разочарованіе?

Да что же это за ребенокъ? Есть у нея душа или хоть сердце? Ее испортило въ конецъ безразсудное воспитаніе, или она уже такая отъ природы?..

Въ эту минуту Готфридъ говоритъ:

— Что же вы? Цѣлуйте! Вы вѣдь обѣщали.

— Я только обѣщала, что не помѣшаю вамъ!

Учитель поворачивается пріятной необходимости и цѣлуетъ ее въ обѣ щеки.

— Да будетъ, будетъ вамъ!..— кричитъ Нора Готфриду.— Будетъ!.. Прощайте!—и быстро убѣгаетъ.

Въ паркѣ Нора ищетъ Гвидо и мимоходомъ чуть не задѣла его платьемъ на бѣгу, но все-таки его не замѣчаетъ.

Онъ долго-долго стоитъ неподвижно, и въ освѣщенное окно гостиной ему видна противная фигура Готфрида, систематически приводящаго въ порядокъ нотныя тетради.

Сердце Гвидо разрывается на части. Ему больно, невыразимо больно увидать, что это прелестное дитя, плѣнившее его своею простотою, своимъ милымъ чистосердечіемъ, въ корнѣ испорчено и даже не понимаетъ неприглядности своихъ разнуданныхъ поступковъ. Онъ не случайно сѣлъ здѣсь, подъ окномъ; онъ хотѣлъ еще разъ полюбоваться милымъ личикомъ, движеніями прелестнаго ребенка. Онъ, Гвидо де-Френъ, унижился до того, чтобы шпионить за дѣвочкой—и вотъ ему достойная награда! Ему хотѣлось изучить ее поближе, составить себѣ опредѣленное понятіе о ея сокровенныхъ свойствахъ...

И онъ, разочарованный, идетъ бродить по самымъ укромнымъ дорожкамъ, словно въ желаніи подсмотрѣть за кѣмъ-нибудь или же выслѣдить кого...

Вдругъ ему послышался шорохъ, голоса. Это Митри и Марта? Гвидо видитъ смутныя очертанія двухъ фигуръ. Онъ останавливается; онъ насторожился... Это Нора опять, и съ ней мужчина. Гвидо не знаетъ о существованіи Жака.

— Не приходи совсѣмъ на этой недѣлѣ; слышишь, Жакъ? Совсѣмъ не приходи!—говоритъ она.

— А, понимаю!—грустно отвѣчаетъ тотъ:—у васъ важные гости, господа! Но развѣ нельзя...

— Нѣтъ, говорятъ тебѣ: нельзя!..

— Хорошо, барышня: я не приду. Хорошо, я вамъ пови-
нусь,—живо соглашается онъ и обнимаетъ и цѣлуетъ ее на
глазахъ у притаившагося Гвидо.

— Прощай, прощай!— нетерпѣливо торопить его Нора; и
юноша исчезаетъ, быстро перепрыгнувъ черезъ заборъ.

Нора уходитъ по направленію къ дому. Мгѣніе незримаго
свидѣтеля всей этой сцены установлено безповоротно.

— Вотъ фальшивая, негодная дѣвчонка!.. Хорошо же! На-
добно быть съ нею осторожнѣй... Прости, моя мечта! Я,
ужъ почти старикъ, въ какія-нибудь пять минутъ нагромоздилъ
себѣ цѣлый ворохъ смутныхъ радостей и надеждъ, и онѣ рух-
нули блестяще! Я, я могъ вѣрить, что во мнѣ готова зародиться
еще неясная и неиспытанная, отечески-нѣжная любовь!
Я былъ увѣренъ, что въ сердцѣ этого ребенка уже есть любовь
ко мнѣ, и мое сердце было растрогано этимъ нѣжнымъ чув-
ствомъ. Но то былъ грубый, ужасный обманъ!

Вечеромъ, за столомъ, Митрѣ спросилъ, хорошо ли провелъ
день его гость и товарищъ:

— Доволенъ ты своими развлеченіями, Гвидо? Доволенъ ли
всѣмъ своимъ днемъ вообще?

— Въ восторгѣ!—отвѣчаетъ Гвидо какъ-то холодно, насмѣш-
ливо и вмѣстѣ развязно.

— А! въ самомъ дѣлѣ?—спрашиваетъ Нора.

Гость беретъ ее за руку, и отъ этого прикосновенія, отъ его
собственнаго крѣпкаго пожатія ему сообщается приливъ отече-
ской нѣжности, о которой онъ думалъ еще такъ недавно. Его
сердце сжимаетъ жалость къ такому юному и уже такому глу-
боко испорченному существу.

— Нѣтъ, нѣтъ!—возражаетъ онъ, и въ голосѣ его слышится
невольный отбѣногъ нѣжности.—Я вовсе не въ восторгѣ: у меня
есть большое горе!

Онъ видитъ, что въ глазахъ Норы зажигается искра удив-
ленія и сочувствія; желая загладить нѣсколько свои слова, онъ
прибавляетъ:

— Я даже для того сюда пріѣхалъ, чтобы немножко за-
быться... Не правда ли, Митрѣ?

Нора тотчасъ же въ умѣ строить планы, какъ она будетъ
утѣшать его, и чувствуетъ, что въ глубинѣ души у нея назрѣ-
ваетъ горячее, своевольное, непостоянное и сильное чувство любви,
которое вылилось изъ всего, что было лучшаго въ ея прошломъ,
и теперъ послужить залогомъ для ея будущаго.

XII.

Нора скоро и окончательно убѣдилась въ существованіи своего новаго чувства. Она даже рада, что у Гвидо есть горе; она настоятъ на томъ, чтобы утѣшить его. Она — „какая есть, такая и есть!“ — говоритъ Нора иногда сама и доказываетъ это на дѣлѣ.

Рано утромъ гостя разбудили собираться на охоту, и онъ ужъ былъ почти готовъ, когда въ дверь постучали.

— Войдите! — крикнулъ онъ, и на порогѣ показалась... Нора.

Только захлопнувъ, но не заперевъ за собою дверь, она проговорила:

— Я пришла васъ звать завтракать; я ѣду съ вами! Вы знаете, я вѣдь недурно стрѣляю?

Гость удивленно смотритъ на нее, а она, стоя у порога, говоритъ еще разъ:

— Ну, идемте! — не двигаясь съ мѣста.

Его смущаетъ ея глубокой, пристальный взглядъ, и онъ, только для виду, роется въ комодѣ, будто ищетъ платокъ или перчатки.

— Хорошо, хорошо! Идите, я приду.

Но она не уходитъ, и оглянувшись, погода немного, онъ видитъ опять направленные на него два черные, сверкающіе глаза.

Гвидо живо припоминается все, что онъ видѣлъ наканунѣ: объятія и поцѣлуи Готфрида и Жака. Онъ думаетъ, что теперь она полагаетъ приняться за него... Сердце его вскипаетъ гнѣвомъ, злобой. Ужъ конечно онъ, Гвидо, не будетъ такъ глупъ, чтобы лѣзть цѣловаться съ такимъ необузданнымъ, испорченнымъ ребенкомъ! Притомъ этотъ ребенокъ — дочь его друга, хозяина дома!

— Ступайте же; я самъ приду. Ступайте же, дитя мое! — говоритъ онъ нетвердымъ голосомъ, въ которомъ слышится волненіе и досада.

Нора — ни съ мѣста. Глаза ея горятъ и, безъ словъ, даютъ ему понять, что она больше не ребенокъ. Ему ужъ чудится, что онъ угадываетъ цѣль ея посѣщенія, — но нѣтъ: она этого не дождется!

— „А собственно, не все ли равно“? — продолжаетъ онъ думать. — „Что жъ тутъ за грѣхъ поцѣловать ее, если она сама не считаетъ это грѣхомъ“?..

И вдругъ, подчиняясь ея обаянію, самъ себя не помня, онъ бро-

сается къ ней, схватываетъ ее на руки и порывисто, одинъ, единственный разъ, цѣлуетъ. Затѣмъ самъ же отталкиваетъ прочь такъ грубо, такимъ рѣзкимъ толчкомъ, который ей напоминаетъ, какъ ее порывисто ласкалъ другой, тоже страстно любившій ее человѣкъ,—ея отецъ! Она довольна, она счастлива, но угрюма и безмолвна.

— Уйдите, Нора; я васъ умоляю!—говоритъ Гвидо еще, въ послѣдній разъ, садясь поодаль, тихо, словно побѣжденный.

И медленно, безмолвно, какъ пришла, Нора уходитъ безъ улыбки, безъ ласковаго взгляда, но въ душѣ полная ликования... Она побѣдила!

Гвидо въ своему ужасу понялъ, что горячо любить Нору, которая, какъ онъ предполагаетъ, уже погибла нравственно и исправиться не можетъ:—слишкомъ поздно! Она дважды погибла:—и для себя, и... для него!

Между тѣмъ жизнь въ замкѣ идетъ своимъ чередомъ.

Франсуа Митрѣ ежедневно придумываетъ новыя забавы для своихъ гостей, между которыми, дѣйствительно, съ перваго взгляда выдѣляется своей красивой фигурой и лицомъ Эмиль Лувье, пробывшій цѣлыхъ три года въ драгунскомъ полку, такъ какъ въ юности пренебрегъ всяческими экзаменами, но это не мѣшаетъ ему быть привлекательнымъ и самоувѣреннымъ безъ карикатурнаго пошиба. Лувье искусно стрѣляетъ, картинно сидитъ въ сѣдлѣ, у него красивый голосъ, умѣнье говорить въ обществѣ и слѣдить за модой. Онъ добрый малый, хоть и не лишенъ нѣкоторыхъ общечеловѣческихъ недостатковъ, свойственныхъ молодымъ людямъ его лѣтъ.

Нора обращаетъ на него не больше, не меньше вниманія, какъ и на всѣхъ другихъ: на толстяка банкира Легро, на генерала Лагранжа или на ихъ женъ и дочерей. Изъ числа послѣднихъ есть двѣ барышни Лагранжъ, одна Легрѣ и одна Леруа, съ матерью и съ братомъ, девятнадцатилѣтнимъ юношей, котораго, въ глубинѣ своихъ помысловъ, Митрѣ, такъ сказать, считаетъ противобѣсомъ Эмилю Лувье. Ко всѣмъ вышеназваннымъ надо еще прибавить адвоката Пуарѣ, полковника де-ла-Пальмъ и еще двухъ-трехъ особъ.

Наконецъ Митрѣ объявилъ, что всѣ приглашенные уже на лицо, за исключеніемъ лишь его друзей—мужа и жены де-Мориньи, которыхъ онъ давно потерялъ изъ виду, и которые, про странствовавши лѣтъ десять въ погонѣ за счастьемъ, теперь

вернулись во Францію уже богатыми людьми. Мориньи далъ ему знать объ этомъ, а онъ самъ поспѣшилъ отвѣтить:

„Пріѣзжайте! Вы здѣсь найдете милое и веселое общество!“

Въ отвѣтъ на это Мориньи прислалъ только одно слово: „Ѣдемъ!“

И, въ самомъ дѣлѣ, они уже въ пути; они пріѣхали!

Каждый день замокъ полонъ удовольствій. Гулянье, катанье, охота, чередуются съ шумными пирами, послѣ которыхъ гости расходятся во всѣ стороны по парку. Развѣсившися или шелестя, а голосъ моря раздается издали какъ бы имъ въ отвѣтъ. И гости съ наслажденіемъ отдаются прелестямъ дивныхъ южныхъ вечеровъ...

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, когда особенно пріятно побродить вдвоемъ, Гвидо тихо вышелъ за калитку парка и пошелъ вверхъ по откосу холма, ровно-проложенной дорожкой, которую освѣщала луна. Задумавшись, онъ не замѣтилъ, что за его большою тѣнью слѣдуетъ чья-то маленькая. Вдругъ по его рукѣ, которую онъ, по привычкѣ, заложилъ за-спину, провела нѣжно чья-то ручка... Онъ вздрогнулъ; онъ понялъ, но не оглянулся; ему и больно, и пріятно... и хочется продлить полученную ласку, и самъ онъ чувствуетъ, что ея допускать нельзя. Почти тотчасъ же онъ услышалъ дѣтскій недовольный голосокъ:

— Вы ужъ и говорить со мною не хотите?

Де-Френэ знаетъ, что его долгъ казаться разсерженнымъ, и молчать.

Голосокъ жалобно, но все же еще недовольно продолжаетъ:

— Вы меня разлюбили... но за что же? Что я вамъ сдѣлала такого?

Въ отвѣтъ—полнѣйшее молчаніе.

— Вы со мной больше никогда не говорите; вы словно избѣгаете меня... всегда, всегда! Вы на меня сердиты? Но тогда говорятъ—за что.

Онъ собирается съ духомъ и, стараясь высказаться какъ можно естественнѣе, оборачивается къ ней лицомъ:

— Я на васъ не сердить, дитя мое, и не настолько глухъ или невѣжливъ, чтобы не желать разговаривать съ такой милой маленькой хозяйкой дома; но я не понимаю вашихъ вопросовъ.

Нора надуваетъ губки, но этого не видно въ полутьмѣ.

— Ну, хорошо, — развязно говоритъ она. — Поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ.

— Съ удовольствіемъ... Какъ поживаетъ м-г Гстфридъ?

— Къ чему онъ вамъ?—удивляется Нора.

— А хоть бы въ тому... чтобы заговорить о чемъ-нибудь другомъ.

— Хорошо. Онъ, значить, вамъ нравится, этотъ ш-г Готфридъ?

— Нисколько! А вамъ?

— Онъ мнѣ просто противенъ!

— Вотъ какъ?! Такъ почему жъ вы терпите у себя такого учителя?

— Онъ ли, другой—не все ли мнѣ равно? И, наконецъ, это выборъ не мой; мнѣ его дали!

— Значить, вамъ можно что-либо навязать и вы покоритесь? А я-то думала, что вы гордая и непокорная, и даже—необузданная особа!—живо подхватилъ Гвидо.

Нора кусаетъ губы. Она и сама знаетъ, что еслибъ на то ея воля, она, дѣйствительно, сумѣла бы выпроводить Готфрида. Она молчитъ, а Гвидо продолжаетъ:

— Онъ никогда не награждаетъ васъ поцѣлуями?

— Да что вы?!—притворяясь, что она въ негодованіи, восклицаетъ Нора!—Что вы?! Подумайте: я—и Готфридъ! Нѣтъ, вы только себя представьте!..

На этотъ разъ, однако, ея негодованіе искренно: она убѣждена, что такіе поцѣлуи,—въ насмѣшку,—не считаются.

Но Гвидо неумолимъ.

— А тотъ, довольно миловидный юноша-крестьянинъ, который такъ и вертится около васъ,—онъ тоже никогда васъ не цѣлуетъ?

— Никогда!.. Никогда!—послѣшно говорить она.

Бѣдняжкѣ хочется, чтобы ее любили, и она защищается, какъ умѣетъ. Она чувствуетъ, что въ глазахъ Гвидо дать себя цѣловать—преступленіе, и боится, чтобы онъ объ этомъ не провѣдалъ. Она хотѣла бы заплакать, но не можетъ.

— Бѣдное мое дитя!—тихо и медленно говорить онъ.—Вы вѣдь опять солгали!

— О!.. — только и можетъ выговорить Нора. Надъ нею строгій голосъ продолжаетъ:

— Вы еще дитя, Нора, и... вы лжете! Я хорошо разглядѣлъ вашего Готфрида; я вѣдь умѣю читать въ глазахъ и на лицѣ,—такой ужъ у меня даръ отъ природы,—и это для васъ очень грустно. И Готфридъ, и вашъ Жакъ—оба васъ цѣлуютъ. И дураки бы они были, еслибъ не пользовались вашимъ разрѣшеніемъ! Но я,—простите!—я не могу любить такую дѣвочку, которая лжетъ...

Голосъ Гвидо становится мягче и тише.

— Вотъ что я вамъ посоветую, какъ отецъ родной: берегите себя, Нора, берегите... и остерегайтесь лгать... а также и поступать необдуманно!

Гвидо, въ умиленіи, смотритъ на дѣвочку, къ которой у него въ эту минуту загорается дѣйствительно отечески-нѣжное и заботливое чувство.

— Берегитесь, моя крошка, берегитесь!—повторяетъ онъ съ горячей мольбою.—Запомните мои слова: съ вами можетъ случиться ужасная, непоправимая бѣда, если вы не будете остерегаться! Можетъ быть, съ вами никто въ мірѣ не говорилъ такъ, какъ я: разсудительно и строго! Но помните, что я для васъ же, для вашей же пользы говорю. Понимаете: для вашей, а не для своей! Чувство мое къ вамъ глубоко и нѣжно...

„И какъ это онъ знаетъ все? Какъ догадался обо всемъ этотъ Гвидо?“—думаетъ въ то же время Нора.

Молча, угрюмо уходитъ домой Нора и въ сердцѣ ея кипитъ злоба на Гвидо; она ломаетъ себѣ голову, какъ бы ему больнѣе отомстить, этому противному, ненавистному Гвидо!

Въ сердцѣ у него много къ ней жалости, но ни капли уваженія; и Нора это прекрасно понимаетъ. Но это ее только сердить, потому что она привыкла злиться, давать волю своимъ гнѣвнымъ порывамъ. Она не плачетъ; она давно выплакала всѣ свои слезы. Малюткой она сдерживалась изъ гордости, изъ желанія выказать силу воли, а теперь... Теперь она уже разучилась плакать!..

Навонецъ, она придумала мщеніе: она будетъ флертировать съ Эмилемъ Лувбѣ. Онъ по всей справедливости такъ красивъ и такъ молодъ... не чета какому-нибудь Гвидо!.. Тотъ ей въ отцы годится!..

Франсуа Митрѣ въ восторгѣ. Марта опечалена не на шутку.

Нора открыто любезничаетъ съ Эмилемъ. Готфридъ краснѣетъ, дуется, а де-Френэ думаетъ про себя:

„Что-жъ, пускай женится на ней этотъ красавецъ, и да благословить ихъ Богъ! А я, по крайней мѣрѣ, избавился отъ пренеприятной исторіи...“

„Скорѣй, скорѣй уѣхать“...

А. В—г—

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

ИЗЪ ВЕРЛЭНА.

1.—Подъ сурдинку.

Здѣсь, въ душистой тѣни, гдѣ нашли
Мы блаженство забвенія вновь—
Величавымъ покоемъ земли
Пусть проникнется наша любовь.

Средь зеленого сумрака дня,
Подъ дыханьемъ смолистыхъ вѣтвей,
Пусть душа незамѣтно твоя
Воедино сольется съ моей.

Свои томныя очи закрой,
Свои руки сложи на груди,
И дремотнаго сердца покой
Отъ мучительныхъ думъ огради.

Пусть чарующей лаской своей
Вѣтерокъ убаюкаетъ насъ,
Утоляя тревогу страстей,
Возвѣщая забвенія часъ.

И потомъ тихо ночь ниспадетъ
Съ потемнѣвшихъ дубовыхъ вѣтвей,
И про нашу тоску запоетъ
Вдохновенную пѣснь соловей.

2.—ПРОГУЛКА.

Зари вечерней ликъ еще сіялъ, алѣя,
 И вѣтеръ колыхалъ поблекшія лилеи,
 Лилеи крупныя средь тонкихъ камышей
 На спящемъ озерѣ, подъ пологомъ вѣтвей:
 А я блуждалъ одинъ, терзаемый печалью;
 Холодной ночи мгла ужъ овладѣла далью,
 Молочной пеленой туманъ окутала ивы,
 И призракъ тамъ вставалъ, зловѣщій и тоскливый,
 И вопли смутные носились надъ равниной,
 И крыльевъ тяжкій шумъ, и крикъ перепелиный,
 Близъ озера, гдѣ я, терзаемый печалью,
 Блуждалъ одинъ; и ночь холодною вуалю
 Зари вечерней ликъ задернула, темнѣя,
 И скрыла отъ очей поблекшія лилеи,
 На спящемъ озерѣ, средь тонкихъ камышей—
 Лилеи крупныя подъ пологомъ вѣтвей.

II.

ИЗЪ БАЙРОНА.

САРДАНПАЛЪ.

Монологъ Мирры.

Заря встаетъ... Какая ночь предтечей
 Ея была!.. Красою несравненной
 Сіяютъ небеса. Гроза умолкла—
 Она не омрачила блеска дня.
 А здѣсь, внизу,—страстей мятежный ропоть,
 Любовь и гнѣвъ, надежды и безумье
 Слились въ одинъ мучительный хаосъ,
 Гдѣ элементы всѣ смѣшались грозно.
 Кипитъ борьба... А солнце лучезарно
 Восходитъ въ небесахъ; громады тучъ
 Причудливо зубчатою стѣною

Встають, и золотомъ червонымъ рдѣють,
 Тѣсняются, словно снѣжныя вершины—
 И легкіе пары волной пурпурной,
 Подобныя волнамъ морскимъ, клубятся...
 Воздушныя созданія небесъ
 Въ земныя образы слились волшебю;
 Ужъ взоръ готовъ видѣнныямъ этимъ вѣрять—
 Но мигъ одинъ—на вѣчномъ сводѣ вновь
 Они разсѣялись, какъ сонъ неуловимы...
 Но все же слѣдъ глубокій оставляють
 Они въ душѣ смягченной, и душа
 Проникнута ихъ чарами такъ сильно,
 Что мы часы *восхода* и *заката*
 Порой любви и скорби почитаемъ...
 Кому чертогъ сіяющій не вѣдомъ
 Двухъ этихъ геніевъ? Упреки ихъ
 Милѣ шумныхъ возгласовъ веселья;
 Ихъ голосу внимають наше сердце
 И къ чистотѣ божественной стремится.
 Кто не вкушалъ въ ихъ царствѣ лучезарномъ
 Мгновеннаго, но чуднаго покоя?
 Въ отраднѣйшій этотъ мигъ небесный свѣтъ
 Земной души касается чудесно;
 И легче кажутся всеневныя заботы,
 Тяжелые и скучные часы;
 Мечтатели,—страдаемъ мы снокойнѣй,
 Несемъ покорно межъ своихъ собратій
 Удѣлъ земной и радости, и горя:
 То *два* названія для *одного* лишь чувства;
 Въ своей тоскѣ безумной мы хотимъ
 Разнообразить звукъ—но ускользають
 Отъ насъ значеніе тайное его
 Въ порывахъ нашихъ къ счастью.

СЕРГѢЙ ОРЛОВСКІЙ.

НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ

ВЪ ЕЯ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ.

II *).

Мифологическія основы народной поэзіи.—Основы реально-вытovsky.—Поэтический складъ народной поэзіи.—Историческія насловнія.

Внѣшняя судьба народной поэзіи, нами указанная, объясняетъ уже, что въ настоящее время мы имѣемъ передъ собой только сравнительно позднюю форму народно-поэтическаго преданія,— а именно, хотя во многихъ случаяхъ въ современной пѣснѣ сохранились отголоски весьма далекой древности, но, съ другой стороны, мы не имѣемъ теперь и того, что зналъ еще, напримѣръ, XVII-й вѣкъ. То преданіе, которому приписывали прежде великую степень силы и неизмѣнности, на самомъ дѣлѣ было весьма неустойчиво и хотя хранилось повидимому въ одной средѣ, отличавшейся большимъ консерватизмомъ понятій и обычая, но и въ этой средѣ подверглось обширнымъ измѣненіямъ, какія совершаетъ исторія. На народной пѣснѣ отразились разнообразныя вліянія, болѣе или менѣе глубоко или поверхностно касавшіяся цѣлой судьбы народа—внѣшнія и внутреннія политическія событія, измѣненія хозяйственнаго быта, народно-бытовое дѣйствіе церкви, успѣхи школы и книжности, международныя встрѣчи, мѣстныя взаимодействия и т. д. Если мы можемъ услѣдить подобныя явленія на тѣхъ фактахъ народной поэзіи, которые болѣе доступны историческому наблюдению, то несомнѣнно, что подобный процессъ

*) См. выше: апрѣль, стр. 741.

историческаго видоизмѣненія совершался и раньше, потому что и древняя судьба народа не представляла условій бытовой уединенности и неизмѣнности.

Исторія народной поэзіи восходитъ къ отдаленнѣйшимъ временамъ самаго образованія народа. Ея первое начало принадлежитъ тому же времени, когда создавался самый языкъ: вмѣстѣ съ первою рѣчью возникало первое отвлеченное и образное представленіе, первый актъ сознанія. Едва ли сомнительно, — и новѣйшая филологія съ различныхъ точекъ зрѣнія это доказывала, — что въ первыхъ опытахъ языка, создававшихъ человѣческое общеніе, были вмѣстѣ первые опыты пониманія окружающей жизни, которые выразились съ одной стороны созданіемъ мифа, съ другой, созданіемъ поэзіи: полагаютъ именно, что на этой первобытной ступени рѣчь, мифъ и поэзія составляли одно нераздѣльное явленіе. Не однажды дѣлались опыты возстановлять эти первоначальныя дѣйствія человѣческой мысли и фантазіи, возникновеніе первыхъ представленій человѣка о самомъ себѣ и о жизни природы, когда отсутствіе всякаго точнаго знанія необходимо побуждало къ работѣ воображенія, къ созданію фантастическихъ представленій о внѣшнихъ силахъ, правящихъ природою и самимъ человѣкомъ, и когда создаваемый такимъ образомъ мифъ воображеніе стремилось завершить въ цѣльномъ образѣ, который становился первымъ произведеніемъ поэзіи... Какъ совершалось это въ дѣйствительности, мы конечно можемъ только догадываться... Если въ гораздо болѣе близкихъ фактахъ реальной исторіи, отъ которой остались свидѣтельства археологическихъ памятниковъ и даже письменности, историческая память была заглушена до такой степени, что затерялись языкъ и даже азбука цѣлыхъ литературъ и только въ недавнее время научное изслѣдованіе цѣною величайшихъ усилій знанія и остроумія достигло чтенія іероглифовъ и клинообразныхъ письменъ, и при этомъ находило, на примѣръ, первыя документальныя указанія о предполагаемыхъ по преданію культурныхъ связяхъ древняго Египта и Греціи; если только подъ цѣлымъ рядомъ историческихъ наслоеній можно было достигнуть до предполагаемыхъ остатковъ Гомеровской Трои; если только недавно изъ груды покрытыхъ землею развалинъ можно было возстановить по обломкамъ высоко художественныя скульптуры Пергамскаго храма, — то еще несравненно труднѣе было бы возстановить тотъ процессъ созданія языка, мифа и поэзіи, отъ котораго не осталось и не могло остаться никакихъ современныхъ реальныхъ свидѣтельствъ, о которомъ можно догадываться

только по *позднѣйшимъ* памятникамъ языка: эти свидѣтельства столь далеки отъ самаго факта, который хотятъ ими объяснить, что, хотя бы путемъ аналогій сравнительнаго языковѣдѣнія для этой реставраціи можно было воспользоваться даже древними памятниками индійской и греческой литературы, эти древніе памятники отдалены отъ первобытнаго факта вѣроятно на цѣлыя тысячелѣтія. Такимъ образомъ въ заключеніяхъ объ этой эпохѣ необходима величайшая осторожность.

Первые успѣхи сравнительнаго языковѣдѣнія въ нынѣшнемъ столѣтіи, съ которыми отрывалась невѣдомая прежде возможность угадывать первобытные процессы языка, какъ будто приносили разрѣшеніе долго недоступной загадки. По слѣдамъ Гримма приняты были разысканія славянской и русской древности и въ результатъ ихъ оказывалась обширная система славяно-русской мѣологии, отголоски которой обильно проникали также и въ народную поэзію. Правда, не всегда можно было согласить новые выводы съ фактическими данными о нашей древности и послѣдовательно провести исторію мѣологическаго процесса, но зато собрана была обширная масса мѣологическихъ представленій изъ народной поэзіи, современнаго обряда, обычая и повѣрья. Цѣлый кодексъ этой мѣологии собранъ былъ въ особенности въ известной книгѣ Аванасьева: „Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу“ (1866—1869); мы упоминали о томъ, какъ просто объяснялись съ этой точки зрѣнія памятники нашего народнаго эпоса, напримѣръ, какъ Илья Муромецъ оказывался прямымъ преемникомъ Перуна „при переходѣ эпоса изъ его мѣологическаго періода въ героическій“. Вскорѣ однако была почувствована крайность; и параллельно съ тѣмъ, какъ въ исторіи народныхъ сказаній теорія ихъ исконнаго происхожденія изъ древнихъ арійскихъ преданій смѣнялась теорією поздняго заимствованія, была частью совсѣмъ отвергнута, частью иначе поставлена и самая система мѣологии. Ближайшее изслѣдованіе самой народной поэзіи рядомъ съ памятниками письменности указало, что, напримѣръ, тамъ, гдѣ видѣли несомнѣнное присутствіе древняго и подлиннаго народнаго преданія, оказывался, напротивъ, фактъ очевидно книжнаго и очевидно поздняго происхожденія; что, напримѣръ, знаменитая „Голубиная Книга“ не давала въ сущности никакого матеріала для заключеній о первобытной языческой мѣологии, а была фактомъ средневѣковой мѣологии или легенды христіанской; что предполагаемый мѣическій Волотъ былъ просто книжнымъ искаженіемъ имени Птолемея; что такъ называемые „старшіе богатыри“ нашей былины, которые предполагались эпиче-

скими предшественниками князя Владимира, бывали, напротивъ, позднѣйшимъ созданіемъ народной фантазіи на основѣ той же христіанской легенды; что въ нашъ народный эпосъ вошли несомнѣнно позднія книжныя сказанія и т. д.

Довѣріе къ міеологическимъ построеніямъ пошатнулось и съ другихъ сторонъ. Въ то же время, когда въ русской народной поэзіи на мѣсто первобытной древности все ярче выступали явленія христіанскаго двоевѣрнаго періода, ближайшее изученіе средневѣковыхъ памятниковъ все болѣе сокращало размѣры славянскаго языческаго Олимпа. Доказанная подложность чешскихъ вставокъ въ средневѣковомъ словарѣ *Mater Verborum*, называвшихъ мнимыя славянскія божества, подложность Краледворской рукописи, болѣе точное объясненіе латинскихъ лѣтописцевъ, говорившихъ о балтійскомъ славянствѣ и древней Польшѣ, побуждали къ болѣе внимательному изслѣдованію и другихъ свидѣтельствъ о старомъ славянскомъ язычествѣ, въ томъ числѣ и русскомъ; и рядомъ съ этимъ являлось недоумѣніе: какимъ образомъ при этомъ обилии міеологической памяти, какое предполагала прежняя школа, воспитанная на ученіяхъ Гримма, Шварца, Куна, Макса Мюллера, сохранились только частныя подробности древней міеологіи и затерялись именно крупныя черты, напримѣръ фигуры и самыя имена древнихъ божествъ, какъ Перунъ, Дажьбогъ, Хорсъ и т. д. Тѣ же недоумѣнія возникали и относительно міеологіи западнаго и южнаго славянства, и у нѣкоторыхъ изслѣдователей являлось, наконецъ, крайне отрицательное отношеніе къ прежней міеологической теоріи. Одинъ изъ такихъ изслѣдователей говоритъ, напримѣръ: „Большую путаницу производятъ въ міеологіи злоупотребленіе словами „древній“ и „первобытный“. Всякое развитіе совершалось однако въ какомъ-нибудь настоящемъ изъ своего прошедшаго и подготавливало свое будущее... На нашъ взглядъ славянство начинается только тамъ, гдѣ мы наблюдаемъ и изучаемъ его особенныя нравы, обычаи и религіозныя представленія изъ непосредственной народной жизни. Но это славянство очень молодо и вмѣстѣ съ тѣмъ отличается величайшей древностью, какую можно вообразить, потому, что иные обычаи и представленія коренятся не въ какомъ-нибудь недавнемъ времени, а въ первобытныхъ временахъ человѣческаго рода. Поэтому изслѣдователю случается иногда открывать первобытныя формы существующими и въ настоящее время, и тогда оказывается, что онѣ имѣютъ развѣ только славянскую окраску, а затѣмъ почти безъ исключенія являются международными, по крайней мѣрѣ европейско-международными. — Славянскіе міеологи вышли изъ славянскаго

лингвистическаго направленія и большею частью ссылаются на результаты сравненія славянскихъ языковъ. Но родство между славянскими народными религіями несравненно меньше, чѣмъ общность между славянскими языками. Гипотеза о первобытномъ славянствѣ, т.-е. такомъ времени, когда былъ только *одинъ* славянскій народъ, съ *однимъ* языкомъ и *одной* народной религіей, была для изученія религіи и для этнографіи скорѣе вредна, чѣмъ полезна. Замѣтимъ, что весьма многочисленныя антропологическіе и этнографическіе моменты довольно серьезно предостерегаютъ насъ отъ того, чтобы смотрѣть на нынѣшніе славянскіе народы какъ на физическихъ потомковъ одного народа, который просто въ своихъ развѣтвленіяхъ раздѣлился на различныя нарѣчія. Ислѣдователь фольклора сдѣлаетъ благоразумно, если будетъ говорить скорѣе о семьѣ славянскихъ языковъ, чѣмъ о семьѣ славянскихъ народовъ. Дѣло въ томъ, что славяне вообще и каждый славянскій народъ въ частности произошли изъ самыхъ пестрыхъ смѣшеній племенъ, явленіе, которое не прекращается и въ наше время... Я все болѣе и болѣе прихожу къ убѣжденію, что не далеко время, когда съ успѣхами науки религіи она будетъ ставить конечной цѣлью изслѣдованія не столько первобытно славянскую, или германскую, или финскую мѣологію, сколько первобытную религію европейско-азиатскую и будетъ дѣлать изъ лингвистическо-историческаго метода гораздо болѣе второстепенное употребленіе, чѣмъ мы можемъ это одобритъ теперь¹⁾.

Возставая противъ этой прежней преувеличенной мѣологіи, тотъ же изслѣдователь говоритъ: „Основную ошибку этихъ мѣологовъ надо видѣть въ томъ, что они обыкновенно не различаютъ народной *поэзіи* отъ народной *вѣры*. Эта ошибка идетъ отъ нѣмецкихъ мѣологовъ. Славянскіе ученые только изготовили славянскія мѣологіи болѣе или менѣе искусно по нѣмецкимъ образцамъ, большею частію въ полной отъ нихъ зависимости“²⁾. Авторъ припоминаетъ слова Зимрока, что „древнее служеніе богамъ есть *поэзія*, самая древняя и самая возвышенная новзія народовъ“, и находитъ, что эти слова заключаютъ въ себѣ несомнѣнное извращеніе существа религіи и поэзіи, т.-е. душевнаго ощущенія и способа выраженія. „Исповѣдники каковой-нибудь вѣры дѣлаютъ ясное различіе между обязанностями, какія возлагаетъ на нихъ вѣра, и поэтическимъ творчествомъ. Никакой народъ не

¹⁾ Fr. S. Krauss, „Volks Glaube und religiöser Brauch der Südslaven“. Münster i. W. 1890, стр. VII—X.

²⁾ Авторъ разумѣлъ главнымъ образомъ мѣологовъ западно-славянскихъ и вѣжно-славянскихъ, но его слова могутъ относиться и къ мѣологамъ русскимъ.

сдѣлаетъ себѣ религіи изъ поэзіи, но всякая религія есть неисчерпаемый источникъ возбужденія для поэтовъ. Религія есть богатый свидѣльствами фактъ, жизненное доказательство народной души, а поэзія есть только внѣшняя придача, описаніе всякаго рода ощущеній“. Авторъ приводитъ въ примѣръ множество южно-славянскихъ пѣсень, которыя съ разнообразными вариантами воспѣваютъ свадьбу солнца или мѣсяца съ утренней звѣздой, при чемъ являются на сцену и ихъ родители, или наконецъ святитель Іованъ, громовникъ Илья, „Огненная Марія“, иногда даже самъ Господь Богъ. „Солнце, мѣсяцъ, звѣзды, святые ведутъ себя на этомъ торжествѣ такъ по-человѣчески, что наконецъ не знаешь, чтѣ должно означать присутствіе столь высокихъ существъ или, другими словами, вся исторія является, несмотря на всю ясность, чрезвычайно запутанной и темной. Но миеологъ быстро справляется съ этимъ и съ величайшей серьезностью приводитъ самыя глубокомысленныя объясненія: передъ нимъ проходитъ пышный міръ божествъ. Легко добыть параллели изъ греческой, римской, индійской, германской и особливо литовской миеологии, и жутеоченая славянская миеологія готова. Затѣмъ слѣдуетъ обыкновенно приблизительно такой выводъ миеологовъ: — „народъ, который можетъ выставить такое созерцаніе, необходимо долженъ былъ занимать нѣкогда высокую ступень культуры и можетъ равняться первымъ культурнымъ народамъ міра“. Но дѣло становится еще загадочнѣе отъ того, что всѣ эти исторія о свадьбахъ солнца и мѣсяца не находятъ затѣмъ ни малѣйшей опоры въ народной вѣрѣ и ихъ нельзя привести ни въ какую связь съ остальными народно-религіозными воззрѣніями“. Правда, приводятъ въ подтвержденіе сказку, гдѣ юноша ищетъ свою исчезнувшую возлюбленную и спрашиваетъ о ней по порядку мать вѣтра, мать солнца и мать мѣсяца, но эта сказка извѣстна повсюду и вовсе не принадлежитъ исключительно славянскому міру. Въ чемъ же заключается разрѣшеніе загадки? Авторъ указываетъ, что эти упоминанія солнца, мѣсяца, утренней звѣзды или зари совершаются исключительно въ короткихъ лирическихъ пѣсняхъ, именно въ пѣсняхъ свадебныхъ, въ привѣтствіяхъ невѣстѣ и жениху, родителямъ ихъ и главнымъ руководителямъ обряда, и затѣмъ эти сюжеты не повторяются больше нигдѣ и не находятъ мѣста въ пѣсняхъ эпическихъ, которыя именно могли бы заключать миеическую исторію, еслибы это дѣйствительно былъ настоящій миеъ. Названія солнца, мѣсяца, громовника Ильи и пр.—только ласкательныя поэтическія имена, прировненные къ лицамъ и подробностямъ обряда, и не предполагаютъ никакого дѣйствительнаго

религіозно-миоическаго представленія. Авторъ замѣчаетъ, что обозначенія „солнца“ или „мѣсяца“ народный поэтъ переноситъ не только на людей, но и на драгоценныя украшенія, и авторъ говоритъ дальше: „не должно упускать изъ виду одного, что народный поэтъ, столько же какъ и поэтъ искусственный, имѣетъ въ своемъ распоряженіи безконечную область поэтическихъ троповъ и фигуръ. Очевидно, что для народнаго поэта вслѣдствіе его меньшаго образованія и меньшихъ познаній сравнительно съуживается сама собою та область, изъ которой онъ почерпаетъ свои сравненія. Онъ беретъ свои сравненія изъ собственнаго кругозора и кругозора своихъ ближайшихъ товарищей. Чтò можетъ служить ему въ качествѣ высшаго *tertium comparationis*? Конечно только солнце, мѣсяцъ и звѣзды, и тѣмъ легче, что онъ вовсе не считаетъ этихъ небесныхъ свѣтилъ миоическими существами и вовсе не питаетъ въ нимъ того почтительнаго страха, который могъ бы удержать его отъ сравненія. Солнце, которое въ славянскомъ языкѣ средняго рода, поэтъ олицетворяетъ, смотря по надобности, то мужчиной, то женщиной, не дѣлая себѣ при этомъ никакихъ религіозныхъ представленій. Народная фантазія, создающая миоы, укрѣпляется на болѣе глубокихъ и сильнѣе дѣйствующихъ моментахъ. Народная вѣра вовсе не составляетъ игрушки для народныхъ поэтовъ. Они не создаютъ этой вѣры, но только иногда пользуются ею, какъ основнымъ фономъ. У народнаго поэта это бываетъ правиломъ почти безъ исключенія“. Такъ, напримѣръ, въ очень распространенной сербской пѣснѣ о спорѣ красивой дѣвушки съ солнцемъ, нѣтъ никакой народной вѣры, а есть только поэтическое сравненіе.

Этимъ, по мнѣнію автора, вполне объясняются поэтическіе образы солнца, мѣсяца и т. д. „Употребленіе ихъ въ народной поэзіи свободно и обыкновенно, за нимъ не скрывается ничего неразумнаго. Надо принять въ соображеніе, что всякая народная поэзія владѣетъ относительно только очень ограниченнымъ запасомъ сравненій и образовъ и что она вынуждена при всѣхъ случаяхъ довольствоваться малыми средствами. Народъ не легко трагитъ свое поэтическое достояніе; и если что-либо уже совсѣмъ обветшаетъ, только тогда оно выходитъ изъ обращенія. Но метафоры съ небесными тѣлами еще и теперь цѣлы и напши въ народной поэзіи богатое примѣненіе. Никакой миоической таинственности здѣсь нечего искать“¹⁾.

Новѣйшіе изслѣдователи, очнувшись отъ увлеченій теоріею

¹⁾ Тамъ же, стр. 2—10.

Гримма, давших слишком большой просторъ фантази, или съ самаго начала не поддаваясь имъ, и убѣдившись также въ справедливости многихъ указаній теоріи заимствованій, стали требовать отъ миеологии болѣе точныхъ доказательствъ, чѣмъ голословныя ссылки на грозовые или солнечныя миеы, требовать положительнаго свидѣтельства памятниковъ, — какъ во всякомъ историческомъ вопросѣ. Въ такомъ смыслѣ давно уже начаты были изслѣдованія Александра Веселовскаго, Ягича и нѣкоторыхъ ученыхъ западно-славянскихъ по вопросамъ миеологии, и рядомъ съ этимъ начато было сравнительное и реально-историческое изслѣдованіе памятниковъ народной поэзи и средневѣковаго сказанія, легенды, житія и т. д., изслѣдованіе, которое удалило прежнія произвольныя построенія и указывало основанія для возстановленія миеологии, — насколько оно возможно, — въ документальныхъ свидѣтельствахъ древности и въ современныхъ реальныхъ фактахъ обряда, обрядовой пѣсни, заговора ¹⁾. Но и старая точка зрѣнія еще продолжаетъ существовать: она дѣлаетъ уступки новой критикѣ, но еще повторяетъ старыя ошибки ²⁾. Въ концѣ концовъ построеніе славянской и русской миеологии еще впереди.

¹⁾ Мы имѣли много случаевъ указывать изслѣдованія того и другого рода; отмѣтимъ здѣсь лишь нѣсколько изслѣдованій, прямо касающихся миеологии и миеологическихъ теорій. Такъ, давно уже высказался противъ прежней системы А. Веселовскій, въ разборѣ „Зоологической Миеологии“ де-Губернатиса („Сравнительная миеология и ея методъ“, въ „Вѣстн. Европы“ 1878, октябрь), не безъ отношенія и къ миеологии славяно-русской. Ягичъ, въ изслѣдованіи: „Die christlich-mythologische Schicht in der russischen Volkserik“ (въ его „Архивѣ“, 1876), объяснялъ чисто книжными и поздними источниками подробности нашего народнаго эпоса, которыя прежде относились къ вероятному языческому преданію; повидѣе тотъ же ученый считалъ даже возможнымъ усумниться въ документальности тѣхъ извѣстій о славяно-русскомъ язычествѣ, какія находятся въ древнемъ переводномъ греческомъ хронографѣ и повторены въ лѣтописи, и др. („Mythologische Skizzen“, въ „Архивѣ“, т. IV, V; возраженія Крека относительно „Сварога“ и „Солнца, сына Сварога“ въ томъ же „Архивѣ“ и въ „Einleitung in die slavische Literaturgeschichte“, 2-е изд. Граца, 1887, стр. 378 и д.). Берлинскій профессоръ А. Врикнеръ предпринималъ подобный трудъ пересмотра давнихъ по миеологии славянъ западныхъ („Mythologische Studien“, въ „Архивѣ“ т. VI, IX, XIV), при чемъ оказывалось, что нужно отказываться отъ нѣкоторыхъ мнимыхъ божествъ. Упомянутое выше раскрытіе подлоговъ Кракедворской рукописи и Mater Verborgum опять устранило нѣсколько мнимыхъ древнихъ свидѣтельствъ, которыя между прочимъ бывали приводимы и для объясненія русской миеологии.

Мы упоминали также, какъ миеологическая древность была устранена новѣйшими изслѣдованіями въ эпосѣ былинѣ, съ тѣхъ поръ какъ сдѣланы были новыя сравненія сюжетовъ, поставлены гипотезы о заимствованіяхъ, а также примѣнена реально-историческая критика.

²⁾ Не исчисляя принадлежащей сюда литературы, укажемъ упомянутое 2-е из-

Если до сихъ поръ въ славянской, а также и русской миѳологіи остается еще много темнаго и недослѣдованнаго, то это все-таки не значить, чтобы миѳологія не присутствовала въ древней народной поэзіи и чтобы народная вѣра и поэзія были такъ далеки одна отъ другой, какъ предполагать упомянутый выше изслѣдователь народной вѣры южнаго славянства. Отъ нашей древности не сохранилось миѳологическаго эпоса, но примѣръ

даніе книги Крека, которая представляетъ множество цѣнныхъ библиографическихъ указаній, но по существу стоитъ еще на старой точкѣ зрѣнія.

Сочиненіе г. Буде: „Миѳическій элементъ въ русской народной словесности“ (вып. I. Воронежъ, 1885) опять построено на данныхъ лингвистическихъ и расширяетъ область миѳологіи не только на собственно народные факты языка и поэзіи, но и на завѣдомо чужіе книжные, даже очень поздніе памятники,—напр., не только на „Голубиную книгу“ и поздніе апокрифы, но и на „Луцидаріусъ“ (стр. 35, 53 и пр.),—и объясняетъ свой пріемъ слѣдующимъ образомъ: „Доказательство своей мысли (о мировоззрѣніи первобитнаго, именно арійскаго, человѣка, отождествлявшаго себя съ міромъ и объяснявшаго неизвѣстныя явленія извѣстными) мы искали и будемъ искать не только въ чисто народныхъ памятникахъ творчества, но и въ памятникахъ письменныхъ, въ памятникахъ сравнительно поздняго періода литературы, какъ напр. въ памятникахъ апокрифической письменности. На это мы имѣемъ полное право въ виду того несомнѣннаго факта, что письменные памятники *древнѣйшей* литературы (раньше говорилось однако о памятникахъ „сравнительно позднихъ“) у каждаго народа содержатъ въ себѣ всегда значительную долю народнаго элемента, т.-е. въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ обличаютъ свое тѣснѣйшее сопрیکосновеніе съ усвоенными народными традиціями, несмотря на то, что борьба съ послѣдними только и начинается серьезнымъ образомъ тогда, когда появляется у народа письменность. Видѣніе такого народнаго элемента изъ памятниковъ письменной литературы входитъ всецѣло въ нашу задачу, составляя средство для отысканія матеріала; въ данномъ случаѣ насъ не касается вопросъ о *народности* извѣстнаго воззрѣнія: для насъ важенъ фактъ существованія извѣстнаго воззрѣнія у разныхъ народовъ, и изъ такого факта-слѣдствія мы считаемъ себя въ правѣ заключать о причинахъ его, видя ихъ въ совмѣстной доисторической жизни народовъ... Такъ мы будемъ поступать, пока отыскиваемъ общія начала арійской миѳологіи“... (стр. 33—34). Несмотря на это объясненіе, трудно понять, какимъ образомъ поздній памятникъ съ книжническими измышленіями можетъ служить указаніемъ „общихъ началъ арійской миѳологіи“ и „доисторической жизни народовъ“, когда притомъ авторъ раньше уже предупредилъ читателя, что, „разбирая мненъ самой отдаленной старины, мы должны обратить вниманіе на то, что человѣкъ въ эпоху созданія такихъ миѳовъ былъ существомъ, очень близкимъ къ животному состоянію“ и пр. (стр. 25).

Замѣчательная книжка Ник. Крушевскаго: „Заговоры какъ видъ русской народной поэзіи“ (Варшава, 1876) не свободна отъ влннствъ прежней миѳологической системы; и еще больше ихъ въ изслѣдованіи г. Сумцова: „О свадебныхъ обрядахъ, преимущественно русскихъ“ (Харьковъ, 1881) и т. д. Въ новѣйшее время очеркъ славянской миѳологіи составилъ Ганушъ Махаль: „Náskres slovanakého bájesloví“ (Прага, 1891); отзывъ Ягича объ этой книгѣ (Archiv, XIV, стр. 685—686) даетъ понятіе о томъ недозрѣіи, къ какому приводятъ до сихъ поръ построенія славянской миѳологіи, но эта книга „положительно лучше репутаціи своего заглавія“ и представляетъ добросовѣстный сводъ данныхъ и изслѣдованій по этому предмету.

народовъ съ выработанной мифологіей указываетъ его возможность въ исторіи религіознаго и поэтическаго развитія; и даже неразвившійся мифъ, въ видѣ собранія отдѣльныхъ повѣрій, въ видѣ отдѣльныхъ образовъ и олицетвореній и нѣкоторой ихъ комбинаціи, заключаетъ въ себѣ извѣстную работу поэтическаго творчества. Далѣе, тѣ обрядовыя пѣсни, которыя въ громадномъ количествѣ и между прочимъ съ многочисленными несомнѣнно архаическими подробностями сохранились донинѣ въ средѣ русскаго народа, восходятъ именно къ тому, что было нѣкогда религіознымъ вѣрованіемъ: въ старину исполненіе этого обряда въ глазахъ церковныхъ обличителей было „идолослуженіемъ“, а если соединялось съ христіанствомъ (хотя бы внѣшнимъ), было „двоевѣріемъ“. Наконецъ, когда въ послѣдствіи въ умахъ народа возобладало церковное ученіе и церковная легенда, въ народной поэзіи возникла новая форма, духовный стихъ, которая именно служила религіознымъ темамъ: правда, это не была настоящая „религія“ въ смыслѣ догматики, — которой народъ вообще и не зналъ, — но это было несомнѣнно выраженіе настоящаго народнаго вѣрованія и религіознаго настроенія. „Голубиная книга“ падаетъ съ самаго неба и ея „божественное писаніе“ открывается только прославленному царю Давиду; съ неба падаетъ „эпистоля“ самого Христа и другія писанія, которыя пользовались всею народной вѣрой. Въ духовныхъ стихахъ легендарнаго и нравоучительнаго содержанія передавались опять предметы, которые были для народа настоящей религіозной исторіей и авторитетнымъ поученіемъ...

Такимъ образомъ, будущимъ изслѣдованіямъ предстоитъ выяснитьъ окончательно, что можетъ быть извлечено изъ историческихъ данныхъ о древнемъ русскомъ язычествѣ, и привести этотъ результатъ въ связь съ позднѣйшимъ составомъ народныхъ вѣрованій. Въ настоящее время есть однако область, изслѣдованіе которой можетъ открыть просвѣтъ въ древнія мифологическія и особенно бытовыя основы народной поэзіи. Это именно — обрядъ и соединенная съ нимъ обрядовая пѣсня, повѣрье и соединенный съ нимъ заговоръ.

Древняя народная поэзія очевидно должна была корениться въ бытѣ, въ бытовыхъ представленіяхъ религіозныхъ и реальныхъ. То и другое выражалось въ обычай и обрядъ, который имѣлъ поэтому двойное значеніе — религіозное и социологическое. Въ тѣ отдаленныя времена, отъ которыхъ сохранилось для насъ такъ мало ясныхъ свидѣтельствъ, обрядъ, сопровождавшій всю жизнь человѣка отъ рожденія до похоронъ, имѣлъ несо-

мнѣнно болѣе или менѣе близкое отношеніе къ культу, — объ этомъ можно съ увѣренностью заключать изъ позднѣйшаго обычая, хотя уже ослабленнаго, заслоненнаго и видоизмѣненнаго христіанствомъ. Пѣсни, и донинѣ сопровождающіа обрядъ, въ своемъ содержаніи также должны были примыкать къ культу, и древніе церковные обличители вѣроятно не безъ основанія называли ихъ, съ своей точки зрѣнія, бѣсовскими... Мифологамъ прежней школы казалось, что въ народныхъ пѣсняхъ и повѣрьяхъ очень легко открыть самыя слѣды древняго культа; въ дѣйствительности это гораздо труднѣе, потому что въ теченіе тысячелѣтняго христіанства и тысячелѣтней бытовой исторіи, многое въ самомъ народномъ обычаѣ должно было измѣниться, совсѣмъ исчезнуть, подъ различными вліяніями могли образоваться новыя повѣрья, такъ что мы, по крайней мѣрѣ при современномъ состояніи изслѣдованія, не имѣемъ данныхъ, чтобы принять непрерывность этого преданія, — тѣмъ не менѣе для многихъ предметовъ современнаго народнаго вѣрованія можно установить весьма отдаленную древность, и извѣстная доля нынѣшняго „суевѣрія“ была нѣкогда принадлежностью древняго языческаго вѣроученія. Мы видѣли выше, что наши мифологи, по слѣдамъ нѣмецкихъ, были въ особенности склонны принимать исключительно солнечную или грозовую теорію мифа или объ вмѣстѣ; но, не говоря о крайностяхъ ихъ толкованій (доходившихъ иногда до настоящаго абсурда), эти исключительныя теоріи прежде всего не согласуются даже съ тѣмъ разнообразіемъ божествъ, на которое указываетъ начальная лѣтопись, а затѣмъ едва-ли были бы согласны съ данными народной психологіи. Въ самомъ дѣлѣ, трудно было бы предположить, чтобы „первобытный человѣкъ“, на психологіи котораго строились обыкновенно мифологическія теоріи, былъ пораженъ въ природѣ только однимъ явленіемъ солнца и вообще небесныхъ свѣтилъ, или однимъ явленіемъ грозы. Трудно себѣ представить, чтобы кромѣ того его не поражало множество другихъ явленій природы и его собственной жизни, явленій непонятныхъ, загадочныхъ, и для уразумѣнія которыхъ фантазія должна была подсказывать ему тѣ или другія мнимыя объясненія: не одно небо, но вся природа, въ ея рѣзкихъ проявленіяхъ, должны были быть населены фантастическими существами, олицетвореніями тѣхъ или другихъ природныхъ силъ, которымъ приписывалась непосредственная власть и вмѣшательство въ жизнь человѣка и природы, которыхъ нужно было задабривать, или отъ которыхъ нужно было убѣгать или остерегаться. По тѣмъ современнымъ повѣрьямъ, для которыхъ съ большою вѣроятностью надо признать источникъ древ-

ного преданія, такими фантастическими силами были наполнены и обладаемы не только небо и тучи, но и земля, на которой человекъ жилъ, воды, лѣсъ, поля, его собственное жилище и т. д.; собственная физическая жизнь человека была въ рукахъ невѣдомыхъ силъ, дававшихъ здоровье или наславшихъ болѣзни и пр. Далѣе, по тому пѣсенному обиходу, для котораго опять съ большою вѣроятностью надо принимать до-христіанское происхожденіе, — хотя послѣ, какъ увидимъ, онъ въ своемъ содержаніи видоизмѣнился подъ христіанскими вліяніями, — можно полагать, что еще въ глубокой старинѣ образовался тотъ годовой циклъ обрядовой пѣсни, которая бывала и отраженіемъ представленийъ религіозныхъ, и празднествомъ или поэтической игрой, и наконецъ отраженіемъ реальныхъ бытовыхъ отношеній (какъ, напр., въ пѣсняхъ свадебныхъ, причитанійхъ и т. п.). Весьма вѣроятно, что въ нѣкоторыхъ чертахъ домашняго обряда, и особенно въ заговорѣ, сохраняется прямой остатокъ стараго культа, оберегавшаго домашній бытъ, предохранявшаго отъ опасности, порчи, болѣзни и т. д. Новѣйшіе болѣе осторожные изслѣдователи справедливо думаютъ, что построеніе древней мѣологии должно прежде всего исходить именно изъ изученія бытового обряда и обрядовой повѣи.

Съ другой стороны обрядъ, какъ мы замѣтили, имѣлъ социологическое значеніе, потому что опирался на извѣстныхъ условійхъ быта. Всякая повѣя вырастаетъ изъ даннаго общественнаго положенія; такъ и народная первобытная повѣя. Съ этой стороны наша пѣсенная старина изучена до сихъ поръ очень мало, между тѣмъ нѣкоторыя черты ея могутъ быть объяснены только съ точки зрѣнія древнихъ общественныхъ отношеній. За послѣднее время, съ обширнымъ развитіемъ археологіи и антропологии, вниманіе изслѣдователей направилось между прочимъ на первобытную исторію человѣческихъ обществъ, на древній законъ и обычай... Древность мечтала о золотомъ вѣкѣ, въ которомъ жило первобытное человечество; Руссо возобновилъ эту фантазію, противопоставляя „естественное состояніе“ новѣйшей испорченной цивилизаціи; точная наука давно отвергла и эту теорію естественнаго состоянія, и ту заманчивую картину древняго быта съ живой повѣіей и простыми нравами, которую рисовала идеалистическая археологія Гримма, или идеалистическая социологія Рия, отвергла и то представленіе о древнемъ патріархальномъ бытѣ, которое строила философія исторіи у Гегеля и его школы,

—и взаимнѣ предвзятыхъ теорій предприняла критическое изслѣдованіе древнихъ бытовыхъ формъ, въ особенности на основаніи тѣхъ данныхъ, какія даетъ изученіе древнѣйшихъ законодательствъ и обычаевъ, и наблюденіе быта современныхъ дикарей или племенъ, мало затронутыхъ цивилизаціей и потому сохранившихъ бытовые остатки далекой древности, наконецъ наблюденіе тѣхъ обломковъ старины, которые сбереглись безсознательно, какъ старая привычка, въ самомъ быту народовъ образованныхъ (survivals, чтó у насъ все еще довольно неловко переводится „переживаніями“ или „пережитками“).

Рядомъ съ первобытными представленіями о природѣ и личной жизни человѣка, въ древней поэзіи должны были отразиться и первобытныя черты практическаго быта. Въ средѣ его создавался тотъ обрядъ, который при всѣхъ позднѣйшихъ измѣненіяхъ могъ сохранить многія черты отдаленной древности путемъ упомянутыхъ „переживаній“, — такъ что слѣдъ стараго обряда остался, во-первыхъ, въ самой формѣ его современнаго исполненія и, во-вторыхъ, въ обрядовой пѣснѣ. Отсюда важность для объясненія народной поэзіи этихъ изслѣдованій о древнихъ формахъ быта, о древнемъ законѣ и обычаѣ. Возстановляя древнія формы рода и семьи, собственности, правовыхъ отношеній, самыхъ приемовъ быта звѣроловнаго, пастушескаго, земледѣльческаго, понятій о внѣшней природѣ и т. д., эти изслѣдованія, на основѣ реальныхъ фактовъ, раскрываютъ тотъ кругъ возрѣній и обычаевъ, который былъ источникомъ фактическихъ отношеній, сохранныхъ какъ отголосокъ въ поэтическомъ преданіи народной пѣсни. Такой отголосокъ изслѣдователи находятъ въ настоящее время въ преданіяхъ заолустной массы даже наиболѣе цивилизованныхъ народовъ; тѣмъ болше могло сохраниться и дѣйствительно сохранилось этихъ отголосковъ въ средѣ нашего народа, несравненно меньше затронутого цивилизаціей, такъ сильно заглушающей старыя обычаи. Дѣйствительно, въ нашемъ народномъ преданіи сбереглась большая масса этихъ „переживаній“ старины. Приводимъ нѣсколько примѣровъ исторической реставраціи древняго быта, достигнутой новыми изслѣдованіями въ этой области ¹⁾.

¹⁾ Мы воспользуемся книгой М. М. Ковалевскаго: „Tableau des origines et de l'évolution de la famille et de la propriété“, 1890, которая заключаетъ публичныя лекціи, читанныя авторомъ въ Стокгольмѣ, и послѣдній сводъ его взглядовъ по данному предмету. Недавно эта книга авилась въ русскомъ переводѣ въ изданіи г. Павленкова: „Очеркъ происхожденія и развитія семьи и собственности“. Спб., 1895. Изъ другихъ сочиненій автора, посвященныхъ тому же предмету, укажемъ еще:

Однимъ изъ важнѣйшихъ выводовъ этихъ новыхъ изслѣдованій древняго общежитія является то, что первобытной формой семейнаго устройства была вовсе не индивидуальная чета, какъ въ настоящее время, не патриархальная семья, а совершенно иная форма, которой дали названіе матриархата, гдѣ исключительной основой семьи была мать. Еще не очень давно этотъ фактъ былъ неизвѣстенъ наукѣ. „Съ легкой руки Гегеля, Аренса и Моля,—говорить г. Ковалевскій,—утвердился-было въ наукѣ взглядъ, что такъ называемая патриархальная семья существовала уже въ древнѣйшія времена. Въ своемъ ослѣпленіи не доходили, тѣмъ не менѣе, до огульнаго отрицанія данныхъ, указывающихъ на отсутствіе у многихъ древнихъ народовъ и современныхъ дикихъ племенъ постоянныхъ связей между супругами. Никто, впрочемъ, изъ цеховыхъ ученыхъ не обращалъ должнаго вниманія на это обстоятельство. Разсказы древнихъ историковъ и географовъ, какъ несогласные съ теоріей, признавались баснословными; что же касается свободы половыхъ отношеній у дикарей, то въ ней видѣли лишь досадное уклоненіе отъ „естественной“ чистоты нравовъ. Недавно умершимъ Бахофену и Магъ-Леннану принадлежитъ честь преранія этой вздорной болтовни“. Они первые подорвали значеніе такъ называемой патриархальной теоріи: оба они, не зная другъ о другѣ, идя каждый своимъ путемъ, одинъ при помощи сравнительной мѣологии и изученія классической древности, другой—этнографіи и изученія современнаго состоянія дикарей, одинаково отвергали существованіе индивидуальной семьи въ первобытной жизни человѣчества. Ихъ изслѣдованія дополняются трудами лицъ, которыя, много лѣтъ проживъ среди современныхъ дикарей и усвоивъ ихъ языкъ, въ подробностяхъ изучили ихъ родственныя и брачныя отношенія, которыя именно могли быть подобіемъ первобытныхъ нравовъ. Въ результатъ получилось убѣжденіе, что „вмѣсто нашей индивидуальной семьи съ ея системой супружескихъ и родственныхъ отношеній въ началѣ человѣческаго общежитія существовала *материнская* или *матриархальная* семья, не признававшая никакихъ другихъ связей, кромѣ какъ между ребенкомъ, его матерью и ея родственниками по женской линіи“. Этотъ выводъ былъ пріобрѣтенъ не вдругъ. Трудность изученія быта народовъ, которыхъ умственное и соціальное состояніе для насъ совершенно чуждо, отрывочность греческихъ и римскихъ извѣстій о варварахъ древности приводили сначала къ отрицанію

„Первобытное право. Вып. I. Родъ. Вып. II. Семья“. М. 1886; „Современный бытъ и древній законъ“. М. 1886; „Законъ и обычай на Кавказѣ“. 2 тома. М. 1890.

всякихъ семейныхъ связей у первобытнаго человѣка, вмѣсто которыхъ предполагалось беспорядочное общеніе (*promiscuité*) и „гетеризмъ“; но этому отрицанію совершенно противорѣчить явленіе, наблюдаемое въ жизни дикарей, именно родство по матери, т.-е. материнская, матриархальная семья. Новое поволеніе входитъ въ родовую группу, въ которой принадлежитъ мать, и всѣ члены этой группы носятъ одно общее прозвище. Другимъ важнымъ открытіемъ была такъ называемая экзогамія, т.-е. запрещеніе половыхъ отношеній между членами одной социальной группы, носящими одно имя, которымъ означалось ихъ дѣйствительное или предполагаемое родство. „Эти два явленія, — родство по матери и экзогамія, — заставляють насъ усумниться въ существованіи беспорядочнаго полового сожитія, не знающаго никакихъ правилъ и исключеній, которымъ Джонъ Лэббокъ думалъ наградить дѣтство человѣчества. Мало того, оба эти явленія позволяютъ намъ предполагать, что еще при самомъ зарожденіи человѣческихъ обществъ половыя отношенія не были предоставлены на усмотрѣніе отдѣльныхъ личностей, но были регулируемы обычаями, религіей и моралью“.

Гипотеза матриархальной семьи, утверждаемая дѣйствительнымъ ея существованіемъ у современныхъ дикихъ и полудикихъ племенъ, утверждается также и извѣстіями древнихъ писателей и нѣкоторыми чертами средневѣковыхъ законодательствъ. Матриархальная семья существовала нѣкогда у семитовъ (какъ можно видѣть изъ нѣкоторыхъ указаній Библии), у древнихъ индійцевъ, грековъ, германцевъ, такъ что вообще надо принять, что „семиты и арійцы слѣдовали въ своемъ общественномъ развитіи по тому же пути, какъ и другія расы. Подобно океанійцамъ и краснокожимъ, они начали съ матриархата, слѣды котораго сохранились въ ихъ древнѣйшемъ правѣ и народномъ эпосѣ“.

Съ теченіемъ времени эта первобытная семья мало-по-малу принимаетъ новую форму, болѣе близкую къ ея современному состоянію. „Самопроизвольно развиваясь, супружескія отношенія должны были понемногу стать болѣе прочными; мужъ началъ затѣмъ приобрѣтать власть надъ женой и входитъ въ роль ея покровителя, принадлежавшую до тѣхъ поръ ея брату; наконецъ, власть отца надъ дѣтми увѣнчала новое зданіе патриархальной семьи“. Не останавливаясь на подробностяхъ этого развитія, укажемъ лишь нѣкоторыя черты, составлявшія нѣкогда опять общую принадлежность древняго быта и въ разныхъ отгѣнкахъ существующія у разныхъ племенъ даже донныѣ. Паденіе материнской семьи не уничтожило экзогаміи, т.-е. запрещенія связей въ пре-

дѣлахъ одного рода. Поэтому, единственнымъ средствомъ приобрѣтенія женщины было похищеніе — противъ ея воли или съ ея согласія, и эту стадію развитія семьи прошли даже цивилизованные народы современной Европы. „У русскихъ и нѣмцевъ можно еще открыть нѣкоторые слѣды древняго похищенія или такъ называемой умычки. То же самое нужно сказать не только о грекахъ, римлянахъ, индусахъ и кельтахъ, но и о краснокожихъ, океанійцахъ, неграхъ, а также о многихъ другихъ наименѣе культурныхъ народахъ земного шара. Между ними существуетъ однако и различіе: то, что у дикарей является настоящимъ грабежомъ, у народовъ арійскаго происхожденія составляетъ лишь символъ, строго, правда, соблюдаемый, но часто совершенно непонятный для самихъ исполнителей. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. *Deductio* или приведеніе невѣсты въ домъ жениха было въ ходу какъ у римлянъ, такъ и у грековъ. Молодой человекъ бралъ свою будущую жену на руки и переносилъ ее черезъ порогъ своего дома. Въ Валлисѣ до сихъ поръ еще сохранился слѣдующій обычай. Въ день свадьбы ближайшій родственникъ жениха въ сопровожденіи цѣлаго отряда всадниковъ является въ деревню невѣсты. Она ожидаетъ его, окруженная своими родственниками и друзьями. Сватъ требуетъ у нихъ выдачи невѣсты. Получивъ отказъ, онъ притворно сражается съ ея защитниками, сажаетъ ее къ себѣ на сѣдло и уносится вскачь. Пѣсни Эдды... описываютъ борьбу жениха съ родственникомъ невѣсты передъ ея насильственнымъ похищеніемъ. Славянскія народныя пѣсни обыкновенно называютъ жениха „ворогомъ“ или врагомъ. Во многихъ мѣстностяхъ Россіи и теперь еще родственники невѣсты, исполняя требованіе обычая, окружаютъ ее со всѣхъ сторонъ и не допускаютъ къ ней жениха“. По поводу упомянутаго выше символа должно только замѣтить, что первоначально и у народовъ арійскихъ онъ былъ настоящимъ фактомъ похищенія или грабежа, и только впоследствии, когда установились болѣе мирныя отношенія, прежній фактъ сталъ исполняться только символически, какъ этого вѣроятно потребовало тогдашнее понятіе о приличіи.

Новую стадію въ развитіи брачныхъ отношеній составляетъ покупка невѣсты, обычай также повсюду распространенный. Купля невѣсты была, повидимому, только развитіемъ и видоизмѣненіемъ прежняго похищенія. „Голландскій ученый Вильбень далъ объясненіе этой смѣнѣ явленій. Онъ утверждаетъ, что плата за невѣсту (калымъ, вѣно) представляетъ изъ себя на первыхъ порахъ родъ выкупа, иначе говоря, выкупъ, который платилъ грабитель-женихъ семьѣ своей жертвы, чтобы избѣжать преслѣдованій съ ея сто-

роны. Въ пользу этого предположенія говорить то обстоятельство, что, несмотря на полученное вознагражденіе, родственники невѣсты продолжаютъ выказывать признаки сильнаго неудовольствія противъ жениха. Это было бы необъяснимо, еслибы мы стали смотрѣть на бракъ, заключенный путемъ купли, какъ на сдѣлку по обоюдному соглашенію. Какъ бы то ни было, нельзя во всякомъ случаѣ оспаривать, что этотъ новый способъ заключать бракъ долженъ былъ очень содѣйствовать установленію нерасторжимости брачныхъ узъ, если и не для мужа, то по крайней мѣрѣ для жены. Утверждать противное значило бы предполагать, что владѣлецъ не станетъ охранять своего имущества“.

Этотъ обычай заключенія брака посредствомъ купли былъ распространенъ почти повсемѣстно. „Исторія Іудей въ эпоху патриарховъ и Греціи въ ея героическій періодъ представляетъ не мало указаній на существованіе обычая покупать невѣсты или зарабатывать ихъ многолѣтнимъ трудомъ. Такъ, Гомеръ часто называетъ дочерей „приносящими родителямъ быковъ“. Что касается славянъ, то въ ихъ народномъ эпосѣ вообще и въ русскомъ въ частности часто говорится о продажѣ дочери жениху... Въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ онъ до сихъ поръ еще зовется „купцомъ“, а его будущая жена „товаромъ“. Англо-саксонскіе законы и пѣсни Эдды постоянно говорятъ о покупателѣ женщины, о золотѣ, серебрѣ, рабахъ и драгоценныхъ каменьяхъ, которыми женихъ платитъ за свою суженую“.

Важнымъ обстоятельствомъ этой новой формы брачныхъ отношеній является то, что отношенія супруговъ освящаются теперь покровительствомъ боговъ и особливо боговъ домашнихъ, пенатовъ, т.-е. обожествленныхъ предковъ. На основаніи изученія историческихъ и этнографическихъ данныхъ и личнаго наблюденія архаическихъ формъ быта у нѣкоторыхъ кавказскихъ племенъ, г. Ковалевскій говоритъ: „Съ каждымъ новымъ шагомъ въ изученіи народныхъ обрядовъ все болѣе и болѣе убѣждаешься, что свадебный ритуалъ грековъ и римлянъ отнюдь не составляетъ ихъ исключительнаго достоянія и встрѣчается у очень многихъ народовъ: у германцевъ, славянъ и индусовъ, а также, что не менѣе любопытно, у туземныхъ племенъ Кавказа, въ частности у осетинъ и шавовъ. Еще и въ наши дни у послѣднихъ новобрачные торжественно обходятъ вокругъ домашняго очага и ѣдятъ хлѣбъ съ медомъ, подносимый свекровью. Можно сказать, что сама римская confarreatio воскресла у подошвы Эльбруса черезъ двѣ тысячи лѣтъ послѣ своего исчезновенія.“

„Освященіе брака религиозными обрядами, придающими ему

характеръ пожизненности и ненарушимости, является отличительной чертой послѣдней стадіи его эволюціи. вмѣстѣ съ достиженіемъ этого пункта своего развитія онъ подвергается цѣлому ряду другихъ измѣненій. Исчезаетъ первобытное представленіе о половыхъ отношеніяхъ. Мать уступаетъ свое прежнее мѣсто отцу, отношенія между супругами преобразуются, власть брата и дяди смѣняется властью мужа и отца“.

Это измѣненіе материнской семьи въ семью патриархальную совершалось, безъ сомнѣнія, въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго періода, когда еще смѣшивались явленія того и другого порядка, пока не брали окончательнаго перевѣса формы семьи патриархальной. Однимъ изъ очень странныхъ обычаевъ, принадлежащихъ этому промежуточному періоду, была такъ называемая „кувада“: въ глазахъ дикарей отцовская власть является такою новостью, что для ея установленія они прибѣгаютъ къ уподобленію акта рожденія,—отецъ при усыновленіи собственнаго ребенка или чужеродца ложится въ постель и стонетъ подобно роженицѣ. По словамъ Страбона, этотъ обычай существовалъ у древнихъ иберійцевъ, существуетъ до сихъ поръ у ихъ потомковъ басковъ и у многихъ другихъ дикихъ и патриархальныхъ племенъ въ разныхъ мѣстахъ земного шара. Въ концѣ концовъ совершенно измѣняются отношенія между отцомъ и дѣтьми: онъ становится ихъ покровителемъ, каковымъ прежде былъ дядя по матери, и дѣлается, наконецъ, полнымъ главою семьи; возникаетъ то, что называется въ старомъ римскомъ правѣ и обычаѣ *manus*, т.-е. власть мужа надъ женой, и *patria potestas*, т.-е. власть отца надъ дѣтьми.

Въ извѣстной связи съ развитіемъ патриархальной семьи стоитъ развитіе собственности, особливо земельной. По выводамъ нашего ученаго, опять извлеченнымъ изъ обширнаго международнаго матеріала, древняя патриархальная семья въ экономическомъ отношеніи является въ видѣ общины кровныхъ родственниковъ, живущихъ вмѣстѣ и ведущихъ одно общее хозяйство. Для исторіи народныхъ вѣрованій здѣсь былъ тотъ важный моментъ, что, какъ мы замѣчали, съ образованіемъ патриархальной семьи (впервые утверждавшей родовую цѣльность и преемство) и съ образованіемъ хозяйственной единицы въ общинѣ, если не возникаетъ впервые, то утверждается домашній родовой культъ, почитаніе предковъ, начинателей рода. „Въ наше время,—говоритъ г. Ковалевскій,—странно звучитъ утвержденіе, что каждая семья составляетъ самостоятельный религиозный союзъ съ особыми богами и своеобразнымъ культомъ. Однако, многія черты изъ

обыденной жизни нашихъ низшихъ классовъ доказываютъ существованіе наивнаго вѣрованія въ души предковъ и ихъ постоянное общеніе съ живыми членами семьи. Въ Тироли, старой Баваріи, верхнемъ Пфальцѣ и нѣмецкой Богеміи, по словамъ Бухгольца, крестьянскія католическія семьи круглый годъ принимаютъ всѣ необходимыя мѣры для благополучія своихъ умершихъ родственникововъ. Съ этою цѣлью каждый день собираютъ остатки отъ обѣда и въ субботу бросаютъ ихъ въ огонь: они предназначаются для питанія мертвецовъ. Замѣшивая тѣсто для домашняго употребленія, хозяйка обыкновенно бросаетъ немного муки позади себя и кромѣ того сжигаетъ кусокъ испеченнаго хлѣба... Наканунѣ дня всѣхъ святыхъ огни зажигаютъ на всю ночь и не запираютъ окна или двери, чтобы дать возможность душамъ покойниковъ придти на семейное пиршество". „Чтобы уяснить себѣ происхожденіе этихъ не совсѣмъ понятныхъ явленій, нужно сблизить ихъ съ несравненно болѣе краснорѣчивыми обыкновеніями русскихъ крестьянъ и славянъ вообще. Русскій „домовой“, соотвѣтствующій шведскому „tomten“, заботливо оберегаетъ домъ и всѣхъ его обитателей, не исключая и животныхъ. Онъ является благожелательнымъ духомъ, если его холятъ. Въ противномъ случаѣ онъ становится злымъ и мстительнымъ. Между нимъ и семейнымъ очагомъ существуетъ очень тѣсная связь. Вотъ почему переносъ очага въ новое жилище сопровождается такимъ множествомъ обрядовъ. Замѣтимъ также, что лишь свой домашній домовой считается другомъ, всѣ же остальные—завистливыми и опасными врагами“.

Недавно открыто чрезвычайно любопытное свидѣтельство объ этомъ почитаніи предковъ, въ древне-русскомъ поученіи до-монгольской эпохи. Здѣсь мы читаемъ цѣлое описаніе того угощенія мертвыхъ, какое мы видѣли выше въ современныхъ нѣмецкихъ обычаяхъ. „Мнози же отъ человекъ се творять по злоумію своему,—говоритъ древнее поученіе.—Въ святой великій четвертокъ повѣдаютъ мертвымъ мяса и млеко и яйца, и мыльница (бани) топятъ, и на печь льютъ (для пара), и пепелъ посрединѣ сыплютъ слѣда ради, и глаголютъ: „мыйтеса“, и чехлы вѣшаютъ и убрusy, и велать ся терти (утираться). Бѣсы же смѣются злоумію ихъ, и влѣзши мыются и порплются въ пепелъ томъ, яко и куры, слѣдъ свой показываютъ на пепелъ на прельщеніе имъ, и трутся чехлы и убрusy тѣми. И приходятъ топившіи мовниці (бани), и глядають на пепелъ слѣда; и егда видятъ на пепелъ слѣдъ, и глаголютъ: „приходили къ намъ навья (покойники) мытеса“. Егда то слышатъ бѣсы, и смѣются имъ... Но и пакы

проклятіе творять, еже та мяса приповѣдаютъ мертвымъ въ четвертокъ и паки северное то приповѣданіе въ Воскресеніе Христово ѣдятъ сами, ихъ же не достояло и псомъ ясти“... ¹⁾

Это поклоненіе предкамъ, вѣра въ ихъ общеніе съ живущими, въ ихъ помощь или ихъ гнѣвъ, вообще домашній, родовой культъ, по новымъ изслѣдованіямъ, принадлежали не только античнымъ народамъ, древнимъ индійцамъ, и вообще арійцамъ, но и семитамъ, и даже почти всему населенію земного шара; и современное существованіе его въ самыхъ яркихъ проявленіяхъ г. Ковалевскій указываетъ у различныхъ племенъ Кавказа.

„Центромъ этого столь распространеннаго и древняго культа былъ домашній очагъ. Такое значеніе онъ пріобрѣлъ подъ вліяніемъ слѣдующихъ причинъ. Около него хоронили родственниковъ (это обыкновение до сихъ поръ еще держится въ Китаѣ) или, подобно этрускамъ, окружали его ихъ изображеніями. Нужно вромѣ того замѣтить, что древній человѣкъ чисто матеріалистически смотрѣлъ на будущую жизнь. Видя въ постоянныхъ жертвоприношеніяхъ единственный способъ общенія съ усопшими, онъ смотрѣлъ на поглощеніе огнемъ предложенныхъ имъ яствъ какъ на доказательство того, что они приняты мертвецами. Вотъ почему очагъ и составляетъ у народовъ арійскаго происхожденія наиболѣе священное мѣсто во всемъ домѣ“.

Чрезвычайно распространено было представленіе о загробной жизни какъ о подобіи жизни земной. Таковъ очень извѣстный древній обычай класть въ могилу вмѣстѣ съ покойникомъ его оружіе, его охотничьи и рыболовные принадлежности, его коней, рабовъ и, наконецъ, жену. Упомянутый нами раньше рассказъ Ибнъ-Фадлана о погребеніи русса (котораго, между прочимъ, г. Ковалевскій также склоненъ считать не славяниномъ, а скандинавомъ) относится еще въ X вѣку. Древнему человѣчеству была также незнакома мысль о какомъ-нибудь возмездіи въ будущей жизни, о наградахъ для добрыхъ или о наказаніи для злыхъ. Мысль о двойственности загробной жизни, объ адѣ и раѣ—сравнительно недавняго происхожденія. Не говоря уже о томъ, что она совершенно незнакома множеству дикихъ и варварскихъ народностей, нужно припомнить также, что сами евреи не вѣдали ея въ отдаленнѣйшій періодъ своей исторіи. „Шеолъ“ или мѣсто пребыванія всѣхъ мертвыхъ находилось, по ихъ мнѣнію, гдѣ-то въ глубинѣ земли; тамъ, какъ добрые, такъ и злые влачили въ вѣч-

¹⁾ Отчетъ Публ. Библиотеки за 1888 г., стр. 106; „Живая Старина“, годъ I, 1890—1891, вып. IV, стр. 229.

ной тѣмъ свое существованіе“. „Рай, чистилище и адъ, елисейскія поля и тартаръ могутъ существовать въ воображеніи только тѣхъ народовъ, которые достигли уже извѣстной высоты нравственнаго чувства и развили въ себѣ духъ обобщенія, чего отнюдь нельзя сказать про первобытное человѣчество... По древнѣйшимъ вѣрованіямъ, душа не уносится послѣ смерти въ иной міръ; она остается тутъ же, подъ землей. Если покойника оставляютъ безъ погребенія, то душа его продолжаетъ скитаться по землѣ и является по ночамъ въ образѣ привидѣнія. Вотъ почему погребеніе считалось настолько важной обязанностью всѣхъ родственниковъ, что неисполненіе ея признавалось преступленіемъ“. Вспомнимъ, какъ у Гомера тѣни павшихъ героевъ съ тоскою ждутъ почести сожженія. Въ общемъ выводъ — „семейная община была въ то же время и религіозной общиной. Мы должны признать, что существуетъ тѣсная связь между этой древней фазой общезжитія и не менѣе древнимъ вѣрованіемъ въ духовъ. Основанный на мысли, что будущая жизнь вполне подобна настоящей, земной, — культъ мертвыхъ зарождается лишь съ установленіемъ патріархальной семьи, ибо это прежде всего культъ агнатическій, переходящій отъ мужчины къ женщинѣ и отдающій ему предпочтеніе передъ женщиной. Семейная община, являющаяся съ одной стороны социальной организаціей, а съ другой — самостоятельнымъ религіознымъ союзомъ съ отцомъ во главѣ, порождаетъ всѣ учрежденія, которыя составляютъ особенность патріархальнаго періода“. Отсюда развивались и дальнѣйшія общественныя и правовыя отношенія, которыя принадлежатъ уже документальной исторіи.

Для нашей цѣли нѣтъ надобности касаться этого дальнѣйшаго развитія и мы упомянемъ только одну черту, на которой настаиваетъ нашъ историкъ. Это именно вопросъ о внутреннемъ характерѣ патріархальной семьи и о положеніи въ ней женщины. Еще не такъ давно, — говоритъ г. Ковалевскій, — на основаніи римскихъ юристовъ говорили о всемогуществѣ мужа въ патріархальной семьѣ, между прочимъ о полномъ его правѣ распоряжаться личностью и имуществомъ жены, и это положеніе распространяли затѣмъ на древне-германское и славянское право; но ближайшее изученіе древне-германскаго и славянскаго права указало неточность подобнаго вывода. При помощи сравнительной исторіи законодательствъ было найдено, что римская матрона была не служанкой своего мужа, а равноправнымъ ему лицомъ; что если жена и дочь не имѣли права отчуждать семейнаго имущества, то лишь потому, что оно составляло общую семейную

собственность. Точно также авторъ не признаетъ господства произвола въ семейныхъ отношеніяхъ въ обычаяхъ германскихъ и славянскихъ: жена имѣла извѣстныя имущественныя права, она имѣла защитниковъ въ своихъ родственникахъ. Авторъ полагаетъ, что въ вопросѣ о правахъ женщины не должно полагаться на поговорки о власти мужа, на грубыя насилія, какія онъ совершалъ и которыя находили одобреніе у древнихъ писателей, какъ, напримѣръ, въ извѣстныхъ наставленіяхъ русскаго Домостроя ¹⁾.

„Спрашивается, однако, — говоритъ г. Ковалевскій, — считались ли законными подобныя дѣйствія. Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, сдѣлать изъ нихъ другой выводъ, кромѣ того, что сильные всегда давили слабыхъ, что въ эпоху „жестокихъ нравовъ“ мужья чаще, чѣмъ теперь, злоупотребляли своимъ физическимъ превосходствомъ и дурно обходились со своими женами? Въ сущности говоря, все это не должно играть никакой роли при разрѣшеніи занимающаго насъ вопроса. Намъ вовсе не важно знать, тиранили мужья своихъ женъ или нѣтъ, насъ интересуетъ лишь, — разрѣшалъ ли имъ это обычай и было ли запрещено родственникамъ вмѣшиваться въ столкновенія между супругами. Въ дѣйствительности имѣло мѣсто какъ разъ противоположное“. Ходячее убѣжденіе въ порабощеніи женщины патриархальнаго періода, — продолжаетъ авторъ, — находится въ прямомъ противорѣчій съ данными исторіи древняго права вообще, и римскаго, германскаго и славянскаго — въ особенности.

„Жена была не рабой, а подругой своего мужа. Это неоспоримо доказывается ролью, которую она играетъ въ семейномъ культѣ, какъ у древнихъ грековъ, такъ и у современныхъ славянъ. Священнодѣйствуетъ, правда, мужъ или сынъ, но приготовленіе жертвенныхъ яствъ и напитковъ составляетъ именно ея обязанность“. Самая зависимость жены отъ мужа, по мнѣнію автора, обязана была своимъ происхожденіемъ стремленію древняго обычая сохранить семью въ неприкосновенности и чистотѣ... Должно, однако, прибавить, что съ теченіемъ времени практика грубаго насилія, въ соединеніи съ позднѣйшей аскетической проповѣдью о прирожденной испорченности женщины, создала изъ поученій Домостроя новый крѣпкій обычай, по которому каждый самодуръ считаетъ себя призваннымъ „учить жену“, при чемъ ученье доходитъ до смертоубійства...

¹⁾ „А только жены... слово или наказаніе не иметъ, не слушаетъ и не вни-
маетъ и не боится и не творитъ того, какъ мужъ... учить, иво... сойма рубашку,
плеткою въжливенько побить, за руки держа... и разумно, и больно, и страшно, и
здорѣю“. Домострой, гл. 88.

Таковы были въ общихъ чертахъ основы народнаго быта, въ которыхъ создавалась древняя народная поэзія. У тѣхъ народовъ, которые прошли съ этой поры долгую жизнь развивавшейся цивилизаціи, эти основы или сильно измѣнены и даже окончательно пережиты, хотя ихъ слѣды и здѣсь сохраняется нерѣдко въ преданіяхъ и обычаяхъ массы, особливо крестьянской. Тѣмъ больше этихъ отголосковъ старины осталось тамъ, гдѣ движеніе исторіи меньше затрогивало народные нравы, гдѣ особые условія быта больше способствовали сохраненію стараго обычая, — какъ, на примѣръ, чрезвычайная разбросанность населенія, неизмѣнный земледѣльческій трудъ, отсутствіе школы, наконецъ социальныя отношенія, уединившія народную массу отъ воздѣйствія другихъ классовъ (какъ, на примѣръ, крѣпостное право). Такъ бывало у народовъ славянскихъ и особливо у русскаго народа. Поэтому, въ русской народной поэзіи мы въ особенности встрѣчаемъ такое богатство старины въ пѣсняхъ и повѣрьяхъ, своимъ началомъ нерѣдко восходящихъ къ самымъ отдаленнымъ стадіямъ народнаго быта.

Замѣтимъ прежде всего, что какъ въ современномъ состояніи народной поэзіи нельзя видѣть единства, однообразія и неизмѣнности преданія, такъ подобное предположеніе надо принять и относительно ея древности. Начальная лѣтопись настойчиво указываетъ на разнообразіе быта у различныхъ славяно-русскихъ племенъ: у каждаго племени былъ свой обычай и повидимому именно различныя степени общественнаго и семейнаго быта, какія мы видѣли въ предъидущемъ изложеніи. У однихъ племенъ „не было брака“, у другихъ была благоустроенная семья: такимъ образомъ по намекамъ лѣтописца можно предположить въ этомъ быту и слѣды гетеризма и матриархата, и наконецъ установившуюся патриархальную семью, съ домашней общиной и домашнимъ культомъ. Впослѣдствіи политическое сближеніе племенъ и влияніе христіанства уничтожили эти архаическія бытовыя формы, но въ народномъ повѣрью въ бессознательно сохраняемыхъ остаткахъ стараго обычая сбереглись изъ этой поры несомнѣнные отголоски доисторическаго быта. Такъ изслѣдователи свадебнаго обряда и свадебныхъ пѣсенъ находятъ въ обрядахъ, сопровождающихъ церковный бракъ и отъ него однако совсѣмъ независимыхъ, несомнѣнные остатки обычая, принадлежавшаго стадіямъ гетеризма, умыканія и купли. Пѣсня, очевидно, зарождалась въ эти отдаленныя времена и сохраняла свои старыя мотивы, хотя истинный смыслъ ихъ бывалъ наконецъ совершенно забытъ.

Несмотря на эти свидѣтельства о большой древности пѣсен-

наго преданія, мы не находимъ однако въ народной поэзиі никакого слѣда преданій о тѣхъ божествахъ, которыя названы въ лѣтописи и въ упомянутыхъ раньше древнихъ поученіяхъ противъ язычества: ничего похожего на сказанія о Перунѣ, Хорсѣ, Дажьбогѣ, Велесѣ и т. д. Существованіе божествъ должно предполагать существованіе какихъ-либо сказаній, которыя объясняли бы ихъ значеніе, силу, дѣянія и т. п.; но этотъ мнѣшескій эпосъ повидимому не установился, не развился изъ отрывочныхъ повѣрій во что-нибудь цѣльное, — оттого вѣроятно русская древность не сохранила никакой „миеологіи“, которая можетъ создаться только въ сопровожденіи эпоса.... Но взамѣнъ того была именно весьма обширная миеологія иного рода, выросшая въ условіяхъ древняго быта, миеологія домашняго культа. Вслѣдствіе разрозненности племенъ и самыхъ родовыхъ группъ эта миеологія должна была дробиться на варианты, имѣвшіе однако извѣстное типическое единство по единству основнаго племеннаго характера и условій быта...

Такимъ образомъ основу народной поэзиі дали мнѣшескія представленія и бытъ; но это содержаніе стало поэзіей только въ силу третьяго условія ея сущности — поэтическаго творчества. Съ прежней точки зрѣнія, когда народная поэзія представлялась какъ бы непроизвольнымъ органомъ цѣлаго народа, гдѣ не было мѣста личному изобрѣтенію и личному лирическому чувству, когда поэзія народная по существу противопоставалась поэзіи искусственной, какъ исключительно личной, оцѣнка этого поэтическаго творчества давала поводъ къ нѣкоторому недоумѣнію. Если, какъ мы видѣли раньше, нельзя предположить вполне одинаго первобытнаго народа, которому могло бы быть вполне приписано созданіе народной поэзиі; если, напротивъ, въ старѣйшія, доступныя исторіи, времена мы имѣемъ дѣло уже съ разрозненнымъ общинно-родовымъ бытомъ, и наша древняя лѣтопись въ самомъ началѣ указываетъ не только различіе племенъ, но и различіе самыхъ ступеней культуры, — трудно предположить единство творчества; если затѣмъ народная пѣсня представляетъ намъ дѣйствительно поэзію образовъ и выраженія, при томъ поэзію не рѣдко высокой красоты, трудно предположить, чтобы эта поэзія была обшденной рѣчью, — напротивъ, естественно является предположеніе, что и въ этой области, какъ и въ позднѣйшей искусственной поэзиі дѣйствовалъ также личный поэтъ, особенно одаренный, владѣвшій фантазіей и богатствомъ языка,

и только позднѣе его пѣсня въ силу своихъ достоинствъ обобщалась, видоизмѣнялась и тогда уже становилась дѣйствительно народной. Но условія ея установленія были дѣйствительно иныя: если у личнаго поэта позднѣйшихъ временъ всегда болѣе или менѣе ярко высказывается его индивидуальность, создаваемая каждый разъ исключительными условіями его воспитанія и обстановки, если эта индивидуальность нерѣдко становится въ противорѣчіе съ его общественной средой, то здѣсь поэтъ бывалъ именно типическимъ представителемъ своей среды, развивался въ ея условіяхъ, высказывалъ только ея содержаніе. Народная поэзія можетъ быть отраженіемъ только прочно установившагося быта практическаго и нравственнаго; только въ этой установленности можетъ быть условіе ея распространенія и утвержденія въ массѣ; поэтому народная поэзія падаетъ съ измѣненіемъ условій быта (такъ древнія формы ея пали у народовъ западно-европейскихъ и частью западно-славянскихъ, такъ начинается паденіе нашей народной поэзіи). Въ этой связи народнаго поэта съ его средой основную важность имѣло одно условіе, которымъ опредѣлилась самая возможность народнаго поэзіи, ея характерная особенность и ея всеобщность: это—языкъ. Предполагаемый единичный поэтъ, который былъ начинателемъ пѣсни, становившейся потомъ народною, своимъ орудіемъ имѣлъ языкъ въ той стадіи его развитія, когда его образность еще не потеряла своей свѣжести и была понятна слушателямъ, потому что подобная образность не исчезла еще и изъ обыкновенной обиденной рѣчи. Предполагаемый единичный поэтъ былъ во всякомъ случаѣ членомъ рода; его поэзія служила родовому культу, сопровождала родовой обрядъ, празднество и т. п., была близка всей родовой группѣ, говорила привычнымъ для нея языкомъ: потому, кромѣ бытового содержанія, она отражала въ себѣ общее мнѣніе міровоззрѣніе, для котораго находила художественную форму. Такимъ образомъ вопросъ о народнаго поэзіи тѣсно связывается съ вопросомъ о языкѣ.

Первое возникновеніе поэзіи представляетъ столь же трудный вопросъ, какъ первое возникновеніе самаго языка и мѣта; въ сущности это можетъ быть одинъ и тотъ же вопросъ. Въ прежнія времена онъ рѣшался совершенно произвольно; только съ новѣйшими успѣхами естествознанія, антропологии, сравнительнаго языковѣданія, онъ можетъ быть если не рѣшенъ, то поставленъ съ большимъ количествомъ данныхъ для рѣшенія. По крайней мѣрѣ въ послѣднее время гораздо болѣе изучены древнѣйшія, доступныя наблюденію стадіи въ развитіи языка и поэзіи, и если вопросъ первоначальной формации все еще остается неясенъ, то

многія явленія въ существующихъ памятникахъ уже находятъ свое истолкованіе ¹⁾.

Въ нашей литературѣ первыя изслѣдованія художественныхъ

¹⁾ Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій Нео-филологическаго Общества (1896, 18 марта) А. Н. Веселовскій прочелъ отрывокъ изъ предпринятаго имъ курса исторической поэтики, посвященный этому спорному вопросу о характерѣ древнѣйшей поэзіи и о выдѣленіи изъ нея эпоса, лирики и драмы. По его взгляду (насколько онъ изложенъ въ отчетѣ г. М. К.), „древнѣйшая поэзія, судя по тому, что мы знаемъ о поэзіи древнихъ народовъ и современныхъ дикарей, представляла смѣшеніе слова, мимики, пляски и музыки. Въ своей первичной формѣ она состояла почти изъ однихъ восклицаній, междометій и сопровождалась жестами, причемъ главную роль играли ритмъ. И человѣческая рѣчь въ началѣ состояла изъ восклицаній, сопровождаемыхъ жестами. Какъ междометія являются теперь остаткомъ первичнаго языка, такъ остаткомъ первичной поэзіи являются привычки народныхъ пѣсней, не имѣющіе обыкновенно никакого смысла. Мало-по-малу содержаніе пѣсней обогащалось смысломъ и поэзія становилась содержательною. Древнѣйшая поэзія не преслѣдовала цѣлей эстетическихъ и была или просто игрою, или же преслѣдовала цѣли практическія, будучи тѣсно связана съ обрядами. Она исполнялась всегда хоромъ, который сталъ позднѣе дѣлиться на двѣ партіи; тогда явилось пѣніе антифонное, диалогическое, явилась заповѣдь. Содержаніе пѣсни въ то же время изображалось тѣлодвиженіями, а самая пѣсня была лирико-эпическая. Такимъ образомъ тутъ были смѣшаны зачатки эпоса, лирики, драмы, музыки и балета. Затѣмъ началось разложеніе этого синкретичнаго искусства и выдѣленіе особей.

„Пѣсня пѣлась одними, а мимировалась другими; затѣмъ пѣсня пѣлась одними, а рассказывалась другими, или совершалось драматическое дѣйствіе безъ словъ, а кто-нибудь рассказывалъ содержаніе. Далѣе, вмѣсто двухъ партій хора выступили два пѣвца, состязавшіеся между собою. Одинъ пѣлъ одну пѣсню, другой другую. Потому обѣ пѣсни могли сливаться въ одну. Кромѣ того, одинъ пѣвецъ начиналъ, другой отвѣчалъ ему новымъ куплетомъ. Первый, наприимѣръ, задавалъ загадку, второй отвѣчалъ и задавалъ свою и т. д. Такимъ образомъ антифонизмъ хоровой смѣшился личнымъ, а затѣмъ эта пѣсня лирико-эпическая, образованная изъ вопросовъ и отвѣтовъ, поется подъ-рядъ уже однимъ лицомъ и это одно лицо сопровождаетъ ее мимикою и предпосылаетъ ей прозаическій пересказъ ея содержанія (*dire et chanter, s'ingen und sagen*). Такимъ образомъ или выдѣленіе литературныхъ родовъ, и многія правила поэтики становятся понятными и объяснимыми только благодаря этой гипотезѣ. Ею же можно объяснить и нѣкоторыя странности поэзіи декадентовъ, какъ переживаніе древнѣйшихъ формъ поэзіи.

„Въ старне годн полагали, судя по ходу развитія греческой литературы, что первою формою поэзіи былъ эпосъ, за нимъ слѣдовала лирика и за нею, какъ совершеннѣйшая форма, выступила драма. Въ недавнее время Лудвигъ Якововскій (*Die Anfänge der Poesie. Dresden. 1891*) въ своей очень интересной и остроумной книгѣ доказывалъ, что первою формою поэзіи была лирика „голода и любви“, такъ какъ человѣкъ прежде всего думалъ о себѣ; затѣмъ, явилась эпосъ и, наконецъ, драма, когда человѣкъ сталъ вести діалоги съ женою. По мнѣнію же докладчика, драма съ формальной стороны есть, именно, переживаніе древнѣйшей формы смѣшанной поэзіи, за нею слѣдовала пѣсня лирико-эпическая“ и т. п.

По поводу декадентства прибавимъ, что на нашъ взглядъ оно представляетъ только патологическое извращеніе.

приемовъ народной поэзіи предприняты были съ сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ г. Буслаевымъ и Аванасьевымъ; поэтические приемы изучались параллельно съ языкомъ и мифомъ въ смыслѣ ученія Гримма: древнее слово, создававшееся въ первую пору возникновенія языка, было уже поэтическимъ и мифологическимъ творчествомъ, и отсюда языкъ народной поэзіи и каждое народное представленіе въ гѣснѣ, повѣрѣхъ и т. д. было исполнено мифическаго смысла; сравненіе языка и мифа русской народной поэзіи съ однородными явленіями у другихъ народовъ убѣждало въ истинной древности того, что сохранило намъ современное преданіе, и заставляло предполагать въ послѣднемъ не прерывавшимся преемство древняго обще-арійскаго наслѣдія. Этотъ методъ, приложенный тогда къ произведеніямъ народной поэзіи и преданія, въ первый разъ указывалъ особенные приемы народного творчества и дѣйствительно объяснилъ многое, что иначе представлялось въ немъ страннымъ и даже непонятнымъ. Къ сожалѣнію, эта первая разработка народной поэтики не обошлась безъ излишествъ: мифологическія объясненія были преувеличены, и затѣмъ новыя изысканія, исходившія изъ теоріи заимствованія и изъ ближайшаго историко-литературнаго сравненія, установили фактъ, что многое изъ современнаго народно-поэтическаго матеріала было вовсе не первобытно-арійскимъ и, слѣдовательно, первобытно-языческимъ, а позднѣйшимъ, заимствованнымъ извнѣ, средне-вѣковымъ и христіанскимъ. Мы видѣли, что реакція противъ мифологическихъ преувеличеній теперь едва ли не составляетъ преобладающаго направленія.

Настоящимъ образомъ эти два элемента доннѣ не опредѣлены и не уравновѣшены, но прежняя точка зрѣнія, хотя съ болѣе осторожными приемами, имѣла сторонника въ изслѣдователѣ, которому принадлежатъ самыя замѣчательныя изысканія въ народной поэтикѣ. Это былъ А. А. Потебня, почти единственный у насъ представитель философскаго языковѣданія; его великимъ, хотя вовсе не безусловнымъ, авторитетомъ былъ Вильгельмъ Гумбольдтъ, знаменитое твореніе котораго ¹⁾ онъ постоянно указывалъ, отъ первыхъ и до послѣднихъ своихъ трудовъ. Въ своей краткой автобіографіи ²⁾ онъ самъ указываетъ, что главнымъ интересомъ

¹⁾ „Ueber die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts“, 1836, собственно введеніе къ изслѣдованію объ языкѣ Кави на островѣ Ланъ; 6-й томъ въ *Gesammelte Werke*, 1848; новое изданіе Потта, 1860; русскій переводъ былъ сдѣланъ Биллярскимъ, Спб. 1869.

²⁾ *Исторія русской этнографіи*, т. III, стр. 420 и далѣе.

его были вопросы языковеденія въ смыслѣ Гумбольдта. Языкъ есть нѣчто, постоянно, въ каждое мгновеніе, исчезающее; это не есть неподвижное произведеніе, а именно дѣятельность, самый процессъ производства; это—вѣчно повторяющееся усиліе сдѣлать членораздѣльный звукъ выраженіемъ мысли, но вмѣстѣ съ тѣмъ отъ языка въ смыслѣ рѣчи, каждый разъ нами произносимой, надо отличать языкъ, какъ массу произведеній этой рѣчи,—во всемъ своемъ объемѣ языкъ заключаетъ въ себѣ все измѣненное имъ въ звуки; всѣ стихи, уже получившія форму; въ немъ образуется запасъ словъ и система правилъ, посредствомъ которыхъ онъ въ теченіе тысячелѣтій становится самостоятельной силою. Отношеніе слова къ мысли состоитъ въ томъ, что языкъ есть органъ, образующій мысль: понятіе образуется только посредствомъ слова, а безъ понятія невозможно истинное мышленіе. Но въ дѣйствительности „языкъ развивается только въ обществѣ, и притомъ не только потому, что человѣкъ есть всегда часть цѣлаго, къ которому принадлежитъ, именно своего племени, народа, человѣчества, не только вслѣдствіе необходимости взаимнаго пониманія, какъ условія возможности общественныхъ предпріятій, но и потому, что человѣкъ понимаетъ самого себя, только испытавши на другихъ людяхъ понятность своихъ словъ“. „Если со стороны противоположности рѣчи и пониманія языкъ является посредникомъ между людьми и содѣйствуетъ достиженію истины въ чисто субъективномъ кругу человѣческой мысли, то съ другой стороны онъ служитъ среднимъ звеномъ между міромъ познаваемыхъ предметовъ и познающимъ лицомъ, и въ этомъ смыслѣ совмѣщаетъ въ себѣ объективность и субъективность“. „Что касается до субъективности языка по отношенію къ познаваемому, то она еще болѣе очевидна, и эмпирически доказывается тѣмъ, что содержаніе слова (напр. дерево) во всякомъ случаѣ не равняется даже самому бѣдному понятію о предметѣ, и тѣмъ болѣе неисчерпаемому множеству свойствъ самого предмета. Объясненіе въ слѣдующемъ. Слово образуется изъ субъективнаго воспріятія и есть отпечатокъ не самого предмета, а его отраженія въ душѣ“. „Между строеніемъ языка и успѣхами всѣхъ другихъ родовъ умственной дѣятельности есть неоспоримая связь.... Извѣстныя направленія духа и извѣстная сила его стремленій немислимы до появленія языковъ того, а не другого устройства... и въ этомъ смыслѣ будетъ совершенно справедливо, что созданіе народовъ (языкъ) должно предшествовать созданіямъ недѣлимыхъ, хотя въ свою очередь несомнѣнно, что дѣятельность тѣхъ и другихъ одновременно сливается въ этихъ созданіяхъ“. „Въ утвержденіи, что языкъ есть созданіе народовъ,

которые слѣдуетъ представлять себѣ духовными единицами, есть два члена, взаимное отношеніе коихъ должно быть опредѣлено, именно духовныя особенности народовъ и языкъ. Съ одной стороны, разнообразіе строя языковъ представляется зависящимъ отъ особенностей народнаго духа и должно объясняться ими, такъ что языкъ будетъ хотя и народнымъ, но все же человѣческимъ произведеніемъ. Но съ другой стороны языкъ зарождается въ такой глубинѣ человѣчества, что его нельзя считать собственнымъ созданіемъ народовъ. Въ немъ есть явственная для насъ, хотя въ сущности своей необъяснимая, самодѣятельность, и съ этой точки зрѣнія онъ не есть произведеніе дѣятельности духа, а — произвольная его эманация, не дѣло народовъ, а даръ имъ. Они употребляютъ языкъ, сами не зная, какъ его образовали“...

Эти положенія Гумбольдта Потебня излагалъ въ одной изъ самыхъ первыхъ своихъ работъ ¹⁾; но и тогда онъ умѣлъ относиться къ авторитету великаго ученаго съ большою независимостью и, не давая преобладающаго значенія метафизикѣ, ставилъ вопросъ въ границы, доступныя болѣе точному изслѣдованію. „Гумбольдтъ не находитъ ничего равнаго языку:—говоритъ онъ, —не отвергая этого безусловно, мы однако смѣло можемъ повторить признаваемую многими мысль, что аналогіи поэтическаго народнаго творчества съ созданіемъ языка во многихъ случаяхъ поразительна. Если при дѣйствительномъ существованіи такого соответствія возможно изслѣдовать не только ходъ развитія, но и самое зарожденіе мѣла и народно-поэтическаго произведенія, не вдаваясь въ рѣшеніе метафизическихъ задачъ, то должно быть возможно и не-метафизическое изслѣдованіе начала языка. Уже по этому одному можетъ казаться, что область метафизики не заключаетъ въ себѣ нашего вопроса, а начинается тамъ, гдѣ онъ оканчивается, и что въ вопросахъ о языкѣ прибѣгать къ метафизикѣ—слишкомъ рано. При томъ, хотя мы не можемъ представить себѣ народа безъ языка, и хотя поѣтому, рассматривая языкъ какъ произведеніе народа, можемъ принять и самостоятельность языка, и его высшее единство съ духомъ; но жизнь недѣлимаго представляетъ много фактовъ, заставляющихъ усомниться и въ этой самостоятельности, и въ этомъ единствѣ“... „Область языка далеко не совпадаетъ съ областью мысли. Въ срединѣ человѣческаго развитія мысль можетъ быть связана со словомъ, но въ началѣ она, повидимому, еще не доросла до него, а на вы-

¹⁾ „Мысль и языкъ“. Спб. 1862 (изъ Журнала мин. просв.); 2-е изд. Харьковъ, 1892.

сокой степени отвлеченности покидаетъ его, какъ неудовлетворяющее ея требованіямъ и какъ бы потому, что не можетъ вполне отрѣшиться отъ чувственности, ищетъ внѣшней опоры только въ произвольномъ знакъ". „Языкъ не можетъ быть тождественъ съ духомъ народнымъ; какъ въ жизни лица, такъ и въ жизни народа должны быть явленія, предшествующія языку и слѣдующія за нимъ. Взявши во вниманіе, что языкъ есть переходъ отъ бессознательности къ сознанию, можно сравнить отношеніе данной системы словъ и грамматическихъ формъ къ духу народному съ отношеніемъ къ нему извѣстной философской системы. Какъ та, такъ и другая, завершая одинъ періодъ развитія и подчиняя его сознанию, служатъ началомъ и основаніемъ другому высшему“.... „Вопросъ о происхожденіи языка становится вопросомъ о явленіяхъ душевной жизни, предшествующихъ языку, о законахъ его образованія и развитія, о вліяніи его на послѣдующую душевную дѣятельность, т.-е. вопросомъ чисто *психологическимъ*. Самъ Гумбольдтъ не могъ оторваться отъ метафизической точки зрѣнія, но онъ именно положилъ основаніе перенесенію вопроса на психологическую почву своими опредѣленіями языка, какъ дѣятельности, работы духа, какъ органа мысли“... „Если мы будемъ въ состояніи опредѣлить законы прогресса языка, узнать, какъ онъ измѣняется въ теченіе вѣковъ подъ вліяніемъ дѣйствующей на него мысли, какъ постепенно растетъ перемѣнный агентъ въ прогрессѣ языка, т.-е. найдемъ постоянныя отношенія, въ какія становится уже сформированная масса языка въ новымъ актамъ творчества, то и въ этихъ послѣднихъ, взятыхъ въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ застаемъ въ насъ самихъ, сможемъ найти черты, общія намъ съ первыми говорившими людьми. Такимъ образомъ въ исторіи языка, въ психологическихъ наблюденіяхъ современныхъ намъ процессовъ рѣчи—ключъ къ тому, какъ совершались эти процессы въ началѣ жизни человѣчества“.

Въ этомъ смыслѣ Потебня совершалъ потомъ свои изслѣдованія объ языкѣ и народной поэзіи. Такъ какъ языкъ былъ органомъ мысли и явленіемъ психологическимъ, его исторія, очевидно, должна была находиться въ неразрывной связи съ тою работою первобытной мысли, которая выразилась нѣкогда созданіемъ мифа и продолжалась его видоизмѣненіями въ дальнѣйшіе періоды народной жизни. Такимъ образомъ, по общимъ основаніямъ взгляды Потебни примыкали къ мифологической школѣ Буслаева и Афанасьева и даже еще раньше къ взглядамъ Костомарова (въ его книгѣ объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи), у котораго впервые предпринято было объясненіе народной поэ-

зи́и съ точки зрѣнія символизма: у Буслаева онъ находилъ приѣмъ объясненія мифа въ связи съ исторіей слова; у Аванасьева сдѣлана была масса мифологическихъ сближеній, хотя нерѣдко слишкомъ поверхностныхъ,—но Потебня провѣлъ свое изслѣдованіе внутренняго поэтическаго процесса глубже, чѣмъ кто-либо до сихъ поръ. Онъ остался вѣренъ своему взгляду и тогда, когда сталъ особенно развиваться приѣмъ теоріи заимствованій и сравнительно-историческаго изслѣдованія. По словамъ одного изъ ближайшихъ его учениковъ, Потебня не особенно сочувствовалъ господствующей теперь теоріи заимствованія, объясняющей многія народныя преданія и вѣрованія изъ книжныхъ источниковъ христіанскаго времени, и болѣе придерживался старой мифологической теоріи, представителями которой у насъ были Аванасьевъ и Буслаевъ. Онъ говорилъ: слишкомъ рано похоронили у насъ славянскую мифологію: сравненіе греческихъ именъ съ санскритскими показываетъ, что уже до раздѣленія грековъ и индійцевъ была развитая религія; странно было бы, еслибы славяне ея не имѣли. Не гомериды создали греческую мифологію; напротивъ, у нихъ видно уже скептическое и ироническое отношеніе къ богамъ. Умалчиваніе нашихъ лѣтописцевъ или упоминаніе только вскользь о народныхъ вѣрованіяхъ объясняется презрительнымъ отношеніемъ монаховъ къ этимъ вѣрованіямъ. По отсутствію данныхъ нельзя дѣлать выводъ только отрицательный: еслибы не сохранилось „Слово о полку Игоревѣ“, пожалуй, кто-нибудь сдѣлалъ бы выводъ, что у славянъ не было народной поэзіи ¹⁾.

Первый изданный трудъ Потебни была книга „О нѣкоторыхъ символахъ въ славянской народной поэзіи“ (Харьковъ, 1860, магистерская диссертация); затѣмъ кромѣ отдѣльныхъ замѣтокъ болѣе обширныя работы: „О мифическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій“, 1865; „О долѣ и сродныхъ съ нею существахъ“, „О купальскихъ огняхъ и сродныхъ съ ними представленіяхъ“, 1867; „Переправа черезъ воду, какъ представленіе брака“, 1868; далѣе: „Малорусская народная пѣсня по списку XVI вѣка“, 1877; „Слово о полку Игоревѣ. Текстъ и примѣчанія“, 1878; разборъ сборника пѣсенъ Головацкаго, 1880; наконецъ самый обширный трудъ, посвященный народной поэзіи: „Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ“, 1883—1887. Прибавимъ, что въ работахъ по языку, которыхъ

¹⁾ Воспоминанія Б. М. Лапунова въ „Живой Старинѣ“, 1892, вып. I, стр. 147 и далѣе.

Полный обзоръ его трудовъ, см. въ „Сборникѣ“ II отдѣленія Академіи, 1892, т. LIII: „Библиографическіе матеріалы для біографіи А. А. Потебни“, Э. Вольтера.

здѣсь не упоминаемъ, разсѣяно также множество любопытныхъ объясненій словъ, между прочимъ изъ круга пѣсенной поэзіи.

Въ своихъ комментаріяхъ къ народной пѣснѣ Потебня всего меньше останавливался на томъ, что въ народной поэзіи могло быть чуждаго, заимствованнаго, и напротивъ, старался объяснить въ ней то, что было въ ней исконнымъ и органическимъ, принадлежащимъ самому существу народнаго творчества. Поэтому главное вниманіе его обращено на объясненіе самаго приѣма народной мысли, который для первобытной эпохи состоялъ именно въ образѣ и порождалъ мифъ и символъ. Съ удивительнымъ знаніемъ народной рѣчи древней и новой, которое доставляло ему богатый матеріалъ сличеній, онъ соединялъ не менѣе удивительное знаніе народной поэзіи русской, славянской и европейской; въ его памяти всегда были на лицо поэтическіе мотивы, обороты народной рѣчи, тонкія филологическія объясненія; онъ слѣдилъ въ пѣснѣ за каждымъ поэтическимъ движеніемъ, объяснял источникъ образа, его дальнѣйшее развитіе, сложныя комбинаціи, въ которыхъ онъ являлся потомъ у народнаго пѣвца; онъ указываетъ, какъ извѣстные символы сравненія выражаютъ реальную черту быта и настроеніе поэта, какъ они развиваются въ цѣлую картину и какъ нерѣдко, становясь постояннымъ приѣмомъ, забываются въ своемъ первоначальномъ значеніи, примѣняются къ другому положенію, такъ что ихъ истинный смыслъ открывается только путемъ сличеній, иногда весьма сложныхъ. Его изслѣдованія поражаютъ этимъ богатствомъ фактовъ пѣсенной поэзіи, символовъ, картинъ, сравненій, отдѣльныхъ словъ и оборотовъ, которые всегда были въ его распоряженіи, и поражаютъ тѣмъ искусствомъ, съ какимъ онъ разбирается въ сложномъ узорѣ народной пѣсни. Было очень жаль, что его изслѣдованія, по словамъ самихъ его учениковъ, бывали сухи и иногда тяжелы для пониманія ¹⁾, что, напримеръ, изслѣдованія о народной поэзіи не были сведены въ цѣльную систему: нѣтъ сомнѣнія, что въ таковой систематизированной формѣ онъ гораздо больше содѣйствовали бы установленію правильнаго пониманія и въ популярныхъ представленіяхъ (напр. въ учебникахъ), и въ самой научной разработкѣ предмета. При всей склонности къ мифологическимъ объясненіямъ онъ былъ остороженъ своихъ предшественниковъ, указывалъ ошибки Аванасьева и вычеркивалъ изъ русской мифологіи мнимыя божества (въ родѣ Лея и т. п.).

Между прочимъ онъ обратилъ вниманіе на вопросъ о при-

1) „Живая Старина“, тамъ же, стр. 150.

нѣтомъ распредѣленіи пѣсенъ. Въ прежнее время пѣсенныя сборники дѣлились на отдѣлы по ихъ содержанію: пѣсни эпическія, обрядовыя разнаго рода, бытовныя, любовныя, семейныя, шуточные и т. д. Потебня сравнивалъ языковѣдѣніе съ исторіей поэзіи и утверждалъ, что какъ языковѣдѣніе можетъ распредѣлять слова только по ихъ формѣ, внѣшней и внутренней, такъ и исторія поэзіи должна принять относительно пѣсенъ подобную точку зрѣнія. „Точка зрѣнія исторіи поэзіи такъ же формальна и изслѣдованіе съ нею такъ же необходимо, какъ условія успѣшнаго пользования поэтическимъ произведеніемъ для цѣлей житейскихъ и научныхъ (историческихъ и др.),—мысль далеко не новая. Въ частности, существенная односторонность всякихъ распредѣленій пѣсенъ по признакамъ не историко-поэтическимъ именно и состоитъ въ томъ, что они болѣе-менѣе игнорируютъ *поэтичность* этихъ произведеній, рассматривая ихъ какъ содержаніе, какъ летописныя замѣтки и т. п. Будь эти распредѣленія послѣдовательны, они должны бы разрушать цѣльность не только сложныхъ поэтическихъ произведеній, но и входящихъ въ нихъ относительно недѣлимыхъ образцовъ; они свелись бы на составленіе мозаики изъ кусочковъ, вырванныхъ изъ своей естественной связи и искусственно обдѣланныхъ. Народная пѣсня есть матеріалъ для языковѣдѣнія, этнографіи, исторіи, психологіи и пр. Но этимъ наукамъ нужна вовсе не пѣсня, а на примѣръ языковѣдѣнію—звукъ, слово, форма, оборотъ и т. п. Съ точки зрѣнія исторіи въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова приходится изъ извѣстныхъ пѣсенныхъ семействъ брать лишь тѣ пѣсни, въ коихъ упоминаются такія-то лица и обстоятельства, иногда вовсе несущественныя для самой пѣсни, или же... отклоняться отъ принципа, вдаваясь въ историко-литературныя изслѣдованія. Подобнымъ образомъ мнѣологъ изъ обширнаго круга пѣсенъ возьметъ лишь немногое. Для языковѣдѣнія и этнографіи можетъ быть полезно только распредѣленіе пѣсенъ по говорамъ и мѣстностямъ... Но будучи принято за главное, этнографическое основаніе разъединяетъ семейства пѣсенъ. Историко-литературный принципъ, какъ въ языковѣдѣніи этимологическій, влечетъ въ выходу за предѣлы говора, нарѣчія, языка, такъ что чѣмъ шире этнографическія границы сборника, тѣмъ совершеннѣе можетъ быть въ немъ генетическая группировка пѣсенъ“¹⁾).

Если въ распредѣленіяхъ, чуждыхъ пѣснямъ по своему основанію, приходится выдѣлять изъ пѣсенъ различныя ихъ элементы,

¹⁾ Разборъ „Народныхъ пѣсенъ“ Головацкаго, въ XXII отчетѣ объ Уваровскихъ преміяхъ 1880, стр. 108 и далѣе.

то классификація по внутреннему основанію должна брать пѣсни въ ихъ цѣломъ. Пѣсня, особливо лирическая, безъ напѣва теряетъ половину своей жизни и цѣны. „Пѣсня слагается по образцу прежней, т.-е. между прочимъ примыкаетъ къ ней своимъ *напѣвомъ и стихотворнымъ размѣромъ*. Это наиболее общія формальныя основанія генетическаго распредѣленія. Установленіе генеалогіи напѣвовъ должно бы идти объ руку съ изслѣдованіемъ генетическихъ отношеній размѣровъ и прочаго. Если это вѣрно, то теперь у насъ объ удовлетворительномъ генетическомъ распредѣленіи пѣсенъ нечего и думать. Для него нѣтъ ни достаточныхъ матеріаловъ, ни нужнаго соединенія званій въ изслѣдователяхъ. Нельзя винить нашихъ собирателей за то, что у нихъ относительно легкое записыванье словъ неидетъ рядомъ съ записываніемъ напѣвовъ, которое во многихъ случаяхъ одно только и можетъ предохранить отъ неточностей и ошибокъ въ передачѣ размѣра“... „Для того,—продолжаетъ онъ,—чтобы это дѣло могло у насъ пойти впередъ, нужны прежде всего многочисленныя собиратели, руководящіе эстетическими побужденіями; развитіе же образованнаго общества въ этомъ направленіи встрѣчаетъ у насъ не только внутреннія, но и внѣшнія препятствія. Это одинъ изъ множества случаевъ, когда вещи, повидимому столь далекия другъ отъ друга, какъ формальная классификація словесныхъ произведеній и устройство общества, находятся между собою въ связи“.

Онъ указываетъ, напимѣръ, что извѣстные разряды пѣсенъ имѣютъ свой постоянный размѣръ, какъ напимѣръ (въ малорусской повѣя) колядки и веснянки; пѣсни свадебныя обыкновенно распредѣляются по времени, когда поются, но при этомъ однородное раздѣляется, и въ формальномъ и генетическомъ отношеніи онѣ не составляютъ одного типа; многочисленныя пѣсни, за которыми не установилось прочнаго обозначенія и которыя блуждаютъ по отдѣламъ „любовныхъ“, „семейныхъ“, „бытовыхъ“, прежде всего должны бы быть распредѣлены по напѣвамъ и размѣрамъ или, за неимѣніемъ первыхъ, по крайней мѣрѣ по размѣрамъ (самыя пѣсни обрядныя, выдѣленныя въ особые отдѣлы, могутъ быть въ то же время любовными, семейными, бытовыми и т. д.). Такой работы еще не было сдѣлано надъ пѣснями, но Цотевня думаетъ, что „этимъ опредѣлились бы самыя широкіе потоки пѣсеннаго преданія и облегчилось бы отыскыванье развѣтвленій и слияній болѣе узкихъ теченій, образующихъ генетическую сѣть. Внѣшнія основанія распредѣленія поведутъ къ болѣе внутреннимъ основаніямъ подраздѣленій, именно—по сродству поэтическихъ образовъ“. Въ цѣломъ рядѣ сопоставленій онъ даетъ

примѣры того, какъ въ предѣлахъ одного размѣра дѣйствительно связывается цѣлая филиалія пѣсенныхъ сюжетовъ. Впослѣдствіи, въ упомянутомъ обширномъ трудѣ: „Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ“, онъ возвращается къ вопросу о значеніи размѣра и напѣва и даетъ множество комментариевъ къ пѣсеннымъ сюжетамъ, затрогивая народный мѣръ, символъ и вообще народную поэтику¹⁾. По поводу приведенныхъ имъ примѣровъ онъ замѣчалъ, что „на основаніи размѣра возможны сближенія, не безполезныя въ историко-литературномъ отношеніи, вовсе не дѣлаемыя издателями русскихъ народныхъ пѣсенъ, или дѣлаемыя только случайно, на основаніи содержанія. Если это такъ, то морфологическая точка не останется безъ вліянія на пониманіе и тѣхъ отдѣльныхъ чертъ пѣсни, которыми интересуются какъ свидѣтельствами историческими въ тѣсномъ смыслѣ слова“.

Важность изслѣдованій, предпринятыхъ въ этомъ направленіи, не нуждается въ доказательствахъ: онѣ именно могли бы ввести насъ въ самый процессъ народнаго творчества, гдѣ въ связи съ сюжетомъ появлялся вмѣстѣ данный ритмъ, гдѣ то или другое настроеніе находило себѣ извѣстные образы и символы, гдѣ сказывалось народное повѣрье и въ цѣломъ создавалось произведеніе, близкое народу по всему существу содержанія и формы; гдѣ впослѣдствіи поэтическія темы встрѣчались, переплетались одна другою, развивались вновь, производя безконечное множество вариаций, которыя могли сдѣлаться наконецъ самостоятельными пѣснями; данные символы, которые при своемъ первомъ появленіи вызывались какъ бы необходимостью, составляя народный взглядъ на вещи, привычную работу народной фантазіи, превращались съ теченіемъ времени въ освященную преданіемъ формулу. Что во всемъ этомъ бывали остатки глубокой старины, подтверждается, во-первыхъ, архаическомъ свойствомъ самихъ понятій, во-вторыхъ,

¹⁾ Около этого времени вопросъ о метрихъ народной поэзіи и ея музыкѣ сталъ внушать особенный интересъ какъ собирателямъ пѣсенъ, такъ и музыкальнымъ теоретикамъ. Особенный поводъ къ этому далъ сборникъ пѣсенъ съ напѣвами, Мельгунова, сборникъ, вызвавшій изслѣдованія О. Е. Корша, Вестфала и др. Въ новѣйшихъ сборникахъ, какъ сборникъ Пальчикова, Лопатина и Прокунина, сборники, составленные О. М. Истоминами съ помощью Дютна и С. М. Ялунова, постоянно обращаютъ уже вниманіе на музыку пѣсни; П. Сокальскій посвятилъ ей цѣлое обширное изслѣдованіе („Русская народная музыка“, 1888); г. Коршъ предпринялъ новый трудъ „О русскомъ народномъ стихосложеніи“ („Извѣстія“ II отд. Академіи, 1896, т. I, кн. 1),— но вопросъ, поставленный въ изслѣдованіяхъ Потебни, еще ожидаетъ разсказаній и рѣшеній.

повтореніемъ этихъ формулъ въ пѣснѣхъ сродныхъ племенъ, гдѣ невозможно было бы предположить ни заимствованія, ни случайнаго сходства, вызваннаго тождествомъ первобытнаго наивнаго міровоззрѣнія; эта старина продолжалась и въ новыхъ пѣсенныхъ образованіяхъ, примѣняясь къ новымъ вариантамъ содержанія, къ новымъ явленіямъ реальной жизни. Но въ судьбѣ народной пѣсни дѣйствовали и другія условія, кромѣ данныхъ ея естественнаго саморазвитія. Это были условія, принесенныя исторіей.

Если исследователь, о которомъ мы говорили, былъ противникомъ теоріи заимствованій, его противорѣчіе касалось, вѣроятно, только отдѣльныхъ пунктовъ вопроса и отдѣльныхъ мнѣній. Фактически заимствованія не подлежатъ никакому сомнѣнію и, какъ мы замѣчали уже, споръ могъ относиться только къ болѣе точному опредѣленію двухъ элементовъ творческаго процесса: продолжающагося стараго преданія съ его поэтическими приѣмами и напыла новыхъ темъ, исходившихъ какъ изъ новаго развитія реальной исторической жизни, такъ и изъ чуженародныхъ, и именно книжныхъ источниковъ. Останавливаясь на существѣ народной поэтики, на мифѣ и символѣ, которыми сопровождалось въ пѣснѣ изображеніе дѣйствительности, Потебня наблюдалъ удивительную живучесть этихъ приѣмовъ народной пѣснѣ, и это явленіе убѣждало его въ неизмѣнности народно-поэческаго саморазвитія. Съ другой стороны однако народная пѣсня въ теченіе исторической жизни должна была испытать многоразличныя измѣненія подъ внутренними и внѣшними вліяніями. Еще въ ту эпоху, когда можно предполагать обособленную жизнь племенъ, совершались тѣ бытовые измѣненія (въ характерѣ семейныхъ и общинныхъ отношеній), о которыхъ мы говорили выше, и очевидно, что рядомъ съ этимъ должны были произойти видоизмѣненія въ самомъ народномъ міровоззрѣніи, въ мифическихъ и поэтическихъ представленіяхъ. Въ обрядовой пѣснѣхъ исследователи находятъ возможнымъ видѣть слѣды того древняго состоянія быта, которое называютъ матриархатомъ,—это даетъ понятіе о той хронологически неопредѣлимой, но во всякомъ случаѣ весьма отдаленной древности, въ которой долженъ быть отнесенъ старѣйшій исходный пунктъ народной пѣснѣхъ: поэтический мотивъ, родившійся въ эту эпоху, въ позднѣйшее время переставалъ быть живымъ отраженіемъ дѣйствительности и затѣмъ или исчезалъ или получалъ новое примѣненіе. Тѣмъ больше этихъ внутреннихъ переворотовъ совершилось впослѣдствіи, когда исторія вывела народную жизнь изъ ея обособленности ¹⁾, и когда основаніе государства дѣятель-

¹⁾ Если таковая когда-нибудь существовала; о ней можно говорить только относительно.

ностью народныхъ силъ и особливо введеніе христіанства наполнило народную жизнь новыми фактами и новыми понятіями, которые должны были отразиться и новыми поэтическими настроеніями. Между той эпохой, которой можетъ принадлежать основное образованіе народно-поэтической традиціи, и современнымъ состояніемъ народной пѣсни, лежитъ цѣлый обширный историческій періодъ, который неизбѣжно долженъ былъ наложить на народное творчество свою печать. Таковъ былъ, напр., упомянутый періодъ двоевѣрія, той амальгамы христіанства и язычества, которая начала образовываться съ первыхъ вѣковъ нашей исторіи, всего ярче господствовала въ наши средніе вѣка и въ темной народной массѣ сохраняется дониндѣ. Съ этимъ двоевѣріемъ началась своя новая миеологія и новая символика, и поздняя народная поэзія не можетъ быть объяснена безъ опредѣленія этого новаго элемента. Вмѣстѣ съ тѣмъ произошелъ наплывъ новыхъ эпическихъ мотивовъ и, безъ сомнѣнія, этому обстоятельству надо приписать то, что отъ нашего древняго эпоса, даже отъ того, намеки на который сдѣланы въ Словѣ о полку Игоревѣ (старая пѣсни Бояна), уцѣлѣли только самыя скудные остатки. Мы видѣли раньше, какіе перевороты надо предположить въ народно-поэтическомъ преданіи, если, напримѣръ, въ южной Руси XVI вѣка отмѣчено историками существованіе сказаній объ Ильѣ Муромцѣ, которыя къ нашему времени оказываются совершенно забытыми. Вообще поразителенъ тотъ фактъ, что въ южной Руси, за немногими отрывками, исчезъ изъ народной памяти тотъ „киевскій періодъ“, которому принадлежитъ древнѣйшее эпическое богатство. Позднѣйшій южно-русскій эпосъ, свидѣтельствующій о богатствѣ живого народно-поэтического настроенія, не сохранилъ никакой связи съ прежнимъ поэтическимъ преданіемъ и, какъ объясняетъ новѣйшее изслѣдованіе, возникалъ уже подъ извѣстными книжными вліяніями.

Когда собственно начинается вліяніе христіанства въ области русскихъ племенъ и формація двоевѣрія, остается до сихъ поръ вопросомъ темнымъ. Ко времени перевода священнаго писанія на славянскій языкъ христіанская терминологія повидимому была уже до извѣстной степени подготовлена, такъ что надо предполагать извѣстную степень знакомства съ христіанствомъ до времени Кирилла и Меодія. Вмѣстѣ съ этимъ остается неяснымъ, когда могли произойти первыя воздѣйствія христіанскаго календаря въ южномъ славянствѣ, которыя потомъ могли отразиться и на русскомъ народномъ календарѣ. Извѣстное приуроченіе христіанскихъ праздниковъ къ старымъ праздникамъ языческимъ

едва ли подлежить сомнѣнію: оно совершалось въ Греціи и нашло мѣсто въ славянскомъ христіанствѣ. Мы имѣемъ чрезвычайно мало свѣденій, или собственно никакихъ ближайшихъ свѣденій о томъ, какъ происходила эта христіанская переработка бытового обычая: по извѣстіямъ позднѣйшимъ мы знаемъ, что очень часто языческое и христіанское въ народныхъ понятіяхъ и въ обычаяхъ стояли рядомъ, привычка къ старому и слабо сознаваемое новое мирились на среднемъ терминѣ наивно и полусознательно; но весьма любопытно, что уже въ самыхъ древнихъ описаніяхъ „идолослуженія“ осуждаются народные языческіе праздники подъ названіями чуждаго происхожденія, заимствованными при условіяхъ христіанскихъ вліяній. Таковы упомянутыя въ древнихъ описаніяхъ и въ начальной лѣтописи коляда и русалы: первое несомнѣнно восходитъ къ греко-римскимъ календамъ, второе — къ розаліямъ, русаліямъ; подобнымъ образомъ, къ какой бы старой основѣ ни примыкалъ праздникъ Ивана Купалы, онъ носитъ имя популярно-христіанскаго происхожденія. Можно предполагать, конечно, что при этомъ, особливо въ первое время, произошло только внѣшнее переименованіе, какъ, напримѣръ, въ купальскихъ обрядахъ можно не находить ничего собственно христіанскаго, но съ другой стороны не подлежитъ сомнѣнію широкое распространеніе христіанско-легендарнаго міа и народно-христіанскаго обычая, которые не могли не отразиться на самомъ существѣ народнаго мировоззрѣнія. Извѣстный фактъ чрезвычайнаго распространенія паломничества въ первые вѣка нашего христіанства (противъ этого обычая духовные отцы считали нужнымъ возставать уже въ XII столѣтіи) указываетъ между прочимъ тотъ широкій путь, какимъ шло усвоеніе и развитіе популярно-христіанскаго міа, и въ этомъ послѣднемъ опять надо, вѣроятно, видѣть причину исчезновенія всякихъ сказаній о древнихъ языческихъ божествахъ, — отъ нихъ остались намъ только имена, хотя мало вѣроятно, чтобы эти божества не имѣли за собою какихъ-либо сказаній. Народное преданіе сохранило повѣрья о тѣхъ, повидимому лишь второстепенныхъ миическихъ существахъ, которыя принадлежали домашнему культу патриархальной семьи, сохранило приемы стараго вѣдовства, необходимые въ обиходѣ домашняго быта, но не сохранило преданій древней космогоніи, которая, вѣроятно, все-таки существовала.

Взаимнѣ ея образовалась космогонія легендарно-христіанская: отрывочныя свѣденія изъ Библии, а главнымъ образомъ апокрифическая легенда, приходившая съ византійско-славянскаго юга, частью книжнымъ путемъ, частью прямо черезъ богомольцевъ и

каликъ переходящихъ; въ этой легендѣ присоединялись и дуалистическія сказанія богомилства. Извѣстная статья о „книгахъ истинныхъ и ложныхъ“, старѣйшая русская редакція которой восходитъ къ XIV вѣку, упоминаетъ уже цѣлый рядъ апокрифическихъ сказаній: многое изъ нихъ въ то время существовало уже въ русской письменности, а позднѣйшіе списки статьи упоминаютъ еще болѣе обширную литературу ложныхъ книгъ. Это была именно пища усерднаго книжника, черезъ котораго апокрифическая легенда переходила въ народную массу. Изъ этого матеріала создалось широко распространенное устное преданіе, которое наконецъ получило поэтическую обработку: таковы были духовные стихи, въ особенности знаменитый стихъ о Голубиной Книгѣ. Это была своего рода космогонія, въ основѣ которой лежала чисто христіанская легенда; „заимствованіе“ было очевидно.

Можно думать, что съ появленіемъ этой апокрифической легенды былъ вытѣсненъ цѣлый кругъ древняго космогоническаго преданія; чѣмъ дальше идутъ разысканія въ области легенды и духовнаго стиха, тѣмъ все больше выясняется фактъ широкаго воздѣйствія этого популярно-христіанскаго міеа на народное міровоззрѣніе, фактъ, отразившійся цѣлымъ направленіемъ народной поэзіи. Какъ мы выше замѣтили, должно было затеряться и многое изъ княжеско-богатырскаго эпоса и взаимно въ эпическую пѣсню вступали черты содержанія, навѣяанныя сравнительно поздною книжною повѣстью: такъ въ былинѣ нашли мѣсто отголоски сказаній о Соломонѣ; въ сказаніяхъ о „старшемъ богатырѣ“ Святогорѣ несомнѣнно отозвалась византійская легенда. Новыя изслѣдованія эпоса приносятъ все больше сравнительно-историческихъ данныхъ, которыя ставятъ его въ связь не столько съ предполагаемымъ древнимъ туземнымъ преданіемъ ¹⁾, сколько съ тѣми переходящими поэтическими сюжетами, которые существовали въ средневѣковой литературѣ западной Европы и составляли международное достояніе, отличаясь въ отдѣльныхъ редакціяхъ только различнымъ мѣстнымъ колоритомъ...

Такимъ образомъ народная поэзія можетъ и должна быть разсматриваема съ различныхъ точекъ зрѣнія, которыя раскрываютъ различныя стороны ея содержанія и формы. Въмѣстѣ съ тѣмъ въ своемъ настоящемъ объемѣ, съ присоединеніемъ немногихъ па-

¹⁾ Какъ, напр., предполагавшаяся прежде связь князя Владимира съ божествомъ солнца или связь Ильи Муромца съ божествомъ грома и т. п.

мятниковъ, какіе сохранились отъ ея прошедшаго, она представляетъ явленіе весьма сложное. Современный составъ ея есть то, что уцѣлѣло въ народной памяти изъ различныхъ эпохъ исторической жизни, уцѣлѣло хотя и не вполне произвольно, а каждый разъ вслѣдствіе тѣхъ или другихъ вліяній, но эти вліянія были такъ разнообразны и неуловимы, что сохраненіе или забвеніе тѣхъ или другихъ основныхъ мотивовъ или подробностей кажутся намъ въ концѣ концовъ совершенно случайными. Несомнѣнно одно, что надъ народной поэзіей, которая искони, не закрѣпленная письменностью, подлежала случайностямъ личной памяти, прошла многовѣковая исторія народной жизни съ ея крупными событіями, затрогивавшими народную жизнь въ самомъ существѣ, и съ безконечнымъ множествомъ частныхъ событій, дѣйствовавшихъ на мелкія доли и единицы народнаго цѣлаго. Крупныя событія различнымъ образомъ видоизмѣняли и прерывали народное преданіе, или давали народной мысли, чувству, фантазій новое направленіе. Таковы были введеніе христіанства, татарское нашествіе, политическое дѣленіе русскаго сѣверо-востока отъ юга и сѣверо-запада, образованіе московскаго царства, громадное расширеніе территоріи велико-русскаго племени и т. д. Въ частности, отдѣльныя передвиженія народа, характеръ промысла, условія мѣстности, напр. жизнь въ захолустѣхъ, или въ городскихъ центрахъ и на путяхъ большого движенія, развитіе княжести, сношенія съ иноземцами и т. д., создавали весьма различныя условія для сохраненія, развитія или утраты старыхъ особенностей быта и преданія. Упомянутыя крупныя событія, создавая новые періоды историческаго бытія, глубоко отражались и на нравственномъ состояніи народа и вмѣстѣ съ тѣмъ на его поэзіи: такъ великимъ переворотомъ въ ея судьбѣ было распространеніе христіанства или, точнѣе, установленіе двоевѣрія, которое подорвало старую мѣтологію и создало новую; политическія событія уничтожили память о старыхъ князьяхъ и создали представленіе о царской власти, обставленное своими легендами, и т. д.

Немногочисленность памятниковъ, непосредственно передавшихъ старую народную поэзію, дѣлаетъ то, что главнымъ образомъ мы знаемъ ея именно какъ результатъ устнаго преданія, испытавшаго на себѣ указанныя вліянія исторической жизни. Въ ея современномъ составѣ остался осадокъ самыхъ различныхъ эпохъ и самыхъ различныхъ положеній народнаго быта и видоизмѣненій народнаго міровоззрѣнія. Древнѣйшая стадія, о которой даютъ намъ нѣкоторые лѣтописи, остается неизвѣстна: мы не знаемъ ни сказаній о божествахъ (которыя должны были быть),

ни сказаній о происхожденіи народа (объ ихъ существованіи можно догадываться по лѣтописи), ни сказаній героическихъ (нѣкоторыя изъ нихъ опять отмѣчены лѣтописью), но вмѣстѣ съ тѣмъ даже въ современной обрядовой пѣснѣ уцѣлѣли архаическія черты, которыя указываютъ на далекое первобытное состояніе семейно-родового быта. Древнее язычество смѣнилось христіанскимъ благочестіемъ и легендарнымъ міоомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ заговорахъ и заклинаніяхъ уцѣлѣлъ первобытный взглядъ на возможность управлять силами природы и сверхъестественнымъ образомъ устроить судьбу человѣка—остатокъ древней религіи, гдѣ исполнителемъ обряда, произносившимъ заклятіе, былъ не только мужчина, но и женщина, вѣдунъ и вѣдьма, люди вѣдущіе, которымъ послѣдующее христіанское благочестіе приписало уже связь съ бѣсами и нечистую силу. Но самый заговоръ получилъ въ послѣдствіи христіанскую окраску, обставленъ былъ священными именами и, какъ вещь противная однако христіанскому ученію, былъ осужденъ древними обличителями какъ „ложная молитва“. Древній эпосъ испыталъ въ теченіе вѣковъ такія превратности судьбы, что въ большинствѣ русскаго народа въ настоящее время онъ окончательно забытъ; изрѣдка эпическое сказаніе превратилось въ сказку, и богатый запасъ еще свѣжаго эпическаго воспоминанія только недавно открылся для насъ въ уединенномъ, малозвѣстномъ и малодоступномъ краѣ. Историки народной поэзіи еще не объяснили, какъ совершилось это переселеніе древняго преданія (во многихъ своихъ частяхъ несомнѣнно кіевскаго) на далекій сѣверъ, какъ съ другой стороны еще не согласились въ объясненіи древняго богатырства на кіевской почвѣ: если весьма вѣроятно происхожденіе его въ условіяхъ дружиннаго быта и въ дружескомъ или враждебномъ сосѣдствѣ южной Руси съ кочевниками, то остается предметомъ спора возможность участія восточныхъ, тюркскихъ и иранскихъ, вліяній въ образованіи самаго эпоса. До какой степени расходились въ совершенно противоположныя стороны ученые взгляды на этотъ вопросъ, можно судить изъ того, что однимъ кіевское богатырство казалось абсолютно національнымъ развитіемъ древней міеологической темы, а другіе находили возможнымъ считать исторію этихъ національныхъ богатырей прямою копіей восточныхъ (индійскихъ, монгольскихъ, тюркскихъ) сказаній,—недавняя гипотеза г. Всева Миллера объ иранскомъ элементѣ въ быліи кіевскаго цикла можетъ казаться очень скромной и несмѣлой въ сравненіи съ категорическими рѣшеніями г. Стасова или съ новѣйшими выводами г. Потанина... Кромѣ цикла кіевскаго, мы привыкли говорить о циклѣ

новгородскомъ, героями котораго являются буйный Василій Бу-слаевичъ и богатый гость Садко: тотъ и другой признавались самобытными и характерными созданіями эпоса, олицетворявшими историческія особенности великаго Новгорода. Но сравнительно-историческій анализъ опять готовилъ недоумѣніе: если въ подробностяхъ побойщъ Василя Буслаевича съ „новгородскими мужи-ками“ несомнѣнно есть историческій колоритъ, то мы съ удивленіемъ узнаемъ, что самый типъ новгородскаго богатыря есть только вариация исторіи необузданнаго героя, извѣстнаго средневѣковой Европѣ съ именемъ Роберта Дьявола ¹⁾. Что касается новгородскаго гостя Садко, его исторія опять является въ довольно странномъ освѣщеніи, когда очень близкая параллель для него открылась въ средневѣковомъ французскомъ сказаніи, самый герой котораго называется „Sadoc“ ²⁾. Мы упоминали другіе случаи, гдѣ въ былинѣ было несомнѣнно присутствіе чисто-книжныхъ, притомъ позднихъ элементовъ, хотя они прикрывались старыми и народными именами. Теперь извѣстно, что и знаменитѣйшій богатырь русскаго эпоса, получившій у нѣкоторыхъ изслѣдователей широкія національно-мистическія толкованія, самъ утратилъ свое подлинное названіе (Моровинъ, Муровецъ и т. п.) и извѣстенъ теперь съ позднѣйшимъ случайнымъ приуроченіемъ къ городу Мурому и селу Карачарову... Изъ этихъ примѣровъ можно видѣть, до какой степени терялась подлинная эпическая память: смыслъ древняго эпоса открывается только послѣ сложнаго труда критической реставраціи, которая и до сихъ поръ можетъ считаться только начатой.

Какъ мы видѣли, старое преданіе можно считать наиболѣе сохранившимся въ обрядовой поэзи. И здѣсь оно покрыто было позднѣйшимъ наслоеніемъ, которое также еще нуждается въ опредѣленіи. Съ теченіемъ времени народъ, нѣкогда осуждаемый за двоевѣріе, такъ проникся новыми вѣрованіями, что считалъ себя по преимуществу, даже исключительно христіанскимъ, „святымъ“, въ противоположность „поганому“ латинству и другому иновѣрію. Правда, въ его мировоззрѣніи и въ это время причудливо переплетались два различные порядка понятій—усиленное обрядовое благочестіе и многочисленные остатки традиціоннаго суевѣрія, смѣшаннаго съ апокрифической легендой, но во всякомъ случаѣ старое преданіе исчезало или не получало новую окраску. Въ духовномъ стихѣ создавался новый эпосъ церковно-апокрифической легенды и

¹⁾ Ждановъ, Русскій былевой эпосъ. Спб. 1896, стр. 193—424.

²⁾ Веселовскій: „Былина о Садкѣ“, въ Журналѣ мин. просв. 1886, ч. ССXLVIII; „Архивъ“ Ягича, т. IX, стр. 282—291; т. X, стр. 355—356.

аскетическаго поученія. Рядомъ съ этимъ сберегался бытовой обрядъ и его поэзія; но если въ извѣстныхъ формахъ его можно услѣдить мнѳологическіе и бытовые остатки отдаленной старины, они, очевидно, для самого народа не имѣли уже своего первоначальнаго значенія и становились только поэтическимъ украшеніемъ и игрой: ихъ подробности получали новое толкованіе. Если представить себѣ, что обрядовая пѣсня прожила цѣлые вѣка, подвергаясь случайностямъ личной памяти, ея толкованіе должно считаться съ этой исторіей, и въ ней, какъ въ приведенномъ выше примѣрѣ сербскихъ пѣсень, надо искать иногда не именно мнѳического вѣрованія, а поэтическаго образа, и за нимъ отраженія живой дѣйствительности.

Наконецъ, историческая судьба народа отразилась въ его поэзіи новыми формаціями, гдѣ должны были найти мѣсто новыя бытовыя явленія. Къ старому эпосу пыталась примкнуть историческая пѣсня, когда Ермакъ ставился рядомъ со „старымъ казакомъ“ Ильей Муромцемъ; но затѣмъ историческая пѣсня выдѣлилась въ свое особое теченіе. Къ старому духовному стиху, а также къ школьнымъ виршамъ, псалмамъ и кантамъ, примкнула духовная пѣсня раскольниковъ. Старая бытовая пѣсня продолжалась въ новыхъ образованіяхъ, напр. въ таеъ-называемыхъ низшихъ эпическихъ пѣсняхъ, гдѣ къ прежнимъ мотивамъ присоединялись черты новыхъ нравовъ и самаго выраженія. Сравнительно новому періоду принадлежатъ пѣсни разбойничьи, начало которыхъ относится вѣроятно ко временамъ московскаго царства, и которыя потомъ находили себѣ почву въ теченіе всего XVIII-го и частію XIX-го вѣка. Любопытнымъ эпизодомъ въ исторіи нашей пѣсни являются весьма популярныя въ свое время пѣсни знаменитаго Ваньки Каина. Съ XVIII-го вѣка идутъ пѣсни солдатскія; началомъ ихъ могли быть еще старыя пѣсни служилыхъ военныхъ людей, но онѣ приобрѣли свою особую складку по самому характеру новой солдатской службы, и т. д.

Наконецъ, современное состояніе народной пѣсни есть очевидно состояніе переходнаго историческаго момента. Въ ней хранится донинѣ много прекрасныхъ остатковъ стараго поэтическаго развитія, но съ другой стороны несомнѣнны признаки разложенія. Наша пѣсенная старина съ полнымъ правомъ могла восхищать любителей, считаться доказательствомъ высокой поэтической одаренности русскаго народа; тѣ иностранцы, которые занимались изученіемъ русской народной поэзіи (и которые могутъ быть хорошими судьями, какъ посторонніе люди), неизмѣнно выносили изъ своихъ изученій высокое представленіе объ ея худо-

жественномъ и нравственномъ достоинствѣ. Назовемъ Рольстона, Рамбо, Вестфала, не говоря о другихъ. Послѣдній, глубокой знатокъ античной пѣсни и разносторонній ученый, близко зная русскую пѣсню, видѣлъ и нѣкоторые ея недостатки, но въ цѣломъ русская народная пѣсня производила на него настоящее обаяніе.

„Поразительно громадное большинство русскихъ народныхъ пѣсенъ, какъ свадебныхъ и похоронныхъ, такъ и всякихъ другихъ, — говоритъ Вестфаль, — представляетъ намъ такую богатую, неисчерпаемую сокровищницу истинной, нѣжной пѣсни, чисто-поэтического мировоззрѣнія, облеченнаго въ высоко-поэтическую форму, что литературная эстетика, принявъ разъ русскую народную пѣсню въ кругъ своихъ сравнительныхъ изслѣдованій, непременно назначить ей безусловно первое мѣсто между народными пѣснями всѣхъ народовъ земного шара. И нѣмецкая народная пѣсня представляетъ намъ много прекраснаго, задушевнаго и глубоко-прочувствованнаго, но какъ узко теченіе этой пѣсни въ сравненіи съ широкимъ потокомъ русской народной лирики, которая не менѣе нѣмецкой поражаетъ наше впечатлѣніе, но за то далеко превосходитъ ее своею несравненною законченностью формы. Развѣ русская народная лирика не создала себѣ собственнаго, опредѣленнаго канона поэтической риторики, который въ результатъ приводитъ насъ къ тѣмъ тропамъ и фигурамъ, которыя выработала себѣ искусственная поэтика и риторика грековъ? Едва ли можно найти въ канонѣ, составленномъ греческими риториками на основаніи ихъ поэтической и риторической литературы, хоть одну фигуру, для которой мы не могли бы найти многочисленныхъ примѣровъ въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ. Въ этомъ мы видимъ явное доказательство высокаго поэтическаго дарованія русскаго народа. Философія исторіи имѣетъ полное право вывести изъ этого дарованія самыя свѣтлыя заключенія для будущности русской исторіи. Не только русскій крестьянинъ наслаждается своими пѣснями, но и образованный русскій человѣкъ, къ какому бы сословію онъ ни принадлежалъ, ощущаетъ невыразимое, глубокое чувство наслажденія при первыхъ звукахъ или словахъ своей родной національной пѣсни, тогда какъ въ Германіи люди, какъ Арнимъ и Brentano, должны были пробудить искусственнымъ образомъ любовь къ народной пѣснѣ. Русскій народъ, по-видимому, съ самаго начала своего существованія во всѣхъ своихъ сословіяхъ выросъ среди магическаго обаянія этихъ народныхъ пѣсенъ. Онѣ носятъ на себѣ несомнѣнную печать первобытной старины, хотя текстъ ихъ въ теченіе временъ подвергся многимъ разнообразнымъ измѣненіямъ. Даже теперъ еще пѣвцы

и пѣвицы прибавляютъ къ стариннымъ пѣснямъ свои импровизаціи, но вѣроятно весьма значительный цѣль пѣсенъ несомнѣнно принадлежитъ самой глубокой старинѣ, и болѣе подробное изученіе, такъ сказать, филологія русской народной поэзіи навѣрное найдетъ критерій для распознаванія и отдѣленія болѣе древняго текста отъ позднѣйшаго. Лучшее ядро русскихъ свадебныхъ и похоронныхъ пѣсенъ отличается такою древностью, что онѣ стоятъ на одной ступени съ самыми ранними произведеніями древне-арійской народной поэзіи, о которыхъ до насъ дошли извѣстія только благодаря Гомеру¹⁾...

Но если такъ богато было наслѣдіе отъ прошлаго, то настоящее давно уже возбуждаетъ недоумѣнія. Съ тридцатыхъ и особливо сороковыхъ годовъ и позже, когда началось первое пристальное собраніе и изученіе народной пѣсни, стали высказываться сожалѣнія, что народъ забываетъ старыя прекрасныя пѣсни, что новыя поколѣнія становятся равнодушнѣе къ старинѣ, искажаютъ ее и предпочитаютъ безвкусныя или прямо дурныя пѣсни новаго сложенія, трактирныя и фабричныя. Современные наблюдатели народной жизни указываютъ наконецъ цѣлую формацію новѣйшихъ пѣсенъ въ этомъ направленіи, съ грубой формой и столь же грубымъ содержаніемъ, нерѣдко лишь въ нѣсколько стиховъ, почему онѣ называются „частушками“, „сбирѣшками“, „вертушками“ и другими наименованіями, въ которыхъ между прочимъ также свазалось ихъ случайное уличное и трактирное происхожденіе²⁾. Отношеніе къ этимъ пѣснямъ у собирателей и критиковъ

¹⁾ О русской народной пѣснѣ. „Русскій Вѣстникъ“, 1879, сентябрь, стр. 126—127.

Ср. W. R. S. Ralston, The Songs of the russian people. Lond. 1872, вводная глава, стр. 1—5.

— Alfred Rambaud, La Russie épique. Paris, 1876... „On verra, par ses chansons héroïques, que le peuple russe... a mieux conservé que la plupart des autres peuples européens ce trésor de traditions et de légendes dont chacun d'eux fut si richement doté à sa sortie du berceau commun. Les Slaves russes, cette branche, qui paraît si jeune, de la famille européenne, semblent avoir joui du droit de préférence qu'on trouve dans nos vieilles lois celtiques en faveur des puînés le *droit de jureigneurie*. De nos ancêtres communs ils ont gardé presque tout l'héritage poétique... En comparant le peu qui nous reste de notre vieille littérature et de nos vieilles traditions populaires avec cette poétique opulence de la Slavie, nous ne pouvons nous défendre d'un sentiment d'envie... La Russie a eu encore cette fortune que les chansons nationales se sont conservées fidèlement dans le peuple jusqu'au moment où la curiosité scientifique s'est enfin éveillée chez les lettrés... En Russie le mouvement romantique de ce siècle put donc se rattacher sans effort aux origines nationales“... (Предисловіе, стр. XII—XIV).

²⁾ Объ этихъ пѣсняхъ и вообще о паденіи пѣсенной старины сдѣлано въ послѣднее время не мало замѣтокъ, впрочемъ только отрывочныхъ. Объ упадкѣ пѣсни

двойное: однимъ кажется униженіемъ для народной поэзіи собраніе и сохраненіе этихъ произведеній, представляющихъ только порчу и искаженіе ея художественнаго преданія; другіе считаютъ этотъ взглядъ несправедливымъ и видятъ здѣсь, правда еще не установленный, но здоровый переходный моментъ къ новому развитію: „перерожденіе народной пѣсни,—говоритъ г. Львовъ,—вызвано знакомствомъ народа съ городомъ и съ литературнымъ стихомъ“—прибавимъ только, не съ лучшими сторонами города и не съ лучшимъ литературнымъ стихомъ; отсюда произошли уродливости новой пѣсни, но, по мнѣнію того же автора, это еще не даетъ основанія къ мрачнымъ историческимъ выводамъ. „Напротивъ, въ этомъ явленіи чувствуется молодость народнаго духа, кипящій и льющійся черезъ край избытокъ жизненной силы, но льющійся не по тому направленію, благодаря грязной накипи, образовавшейся на ея поверхности отъ соприкосновенія съ изоржавѣвшей крышкой. Эта молодость народнаго духа—явный признакъ способности народа къ движенію по пути прогресса“. Къ сожалѣнію, для болѣе здраваго направленія нужны условія, которыхъ народная жизнь еще не имѣетъ, и неизвѣстно, когда будетъ имѣть; и во всякомъ случаѣ процессъ разложенія старой пѣсни, начавшійся уже давно, будетъ подвигаться все далѣе и старый періодъ народнаго пѣсеннаго творчества вѣроятно приближается къ своему концу, къ тому концу, который давно уже наступилъ для старой народной пѣсни у народовъ западной Европы.

А. Пыпинъ.

говорилъ Костомаровъ въ статьѣ: „Великорусская нар. пѣсенная поэзія“ („Вѣсти. Европы“ 1872, май). На пѣсни новой формаціи одинъ изъ первыхъ обратилъ вниманіе Глѣбъ Успенскій: „Новыя народныя стишки“ (въ „Сочиненіяхъ“, т. III. Спб. 1891, стр. 650—662).

— Михневичъ, Извращеніе народнаго пѣснетворчества. „Историч. Вѣстникъ“, 1880, т. III, декабрь.

— Лопатинъ и Прокудинъ, Сборникъ русскихъ лирическихъ пѣсень. М. 1889. I, стр. 9—11, 21 и дал.

— На сѣверѣ. Путевныя воспоминанія. В. Х. Москва, 1890 (объ этой книгѣ „Вѣсти. Европы“, 1890, мартъ, Литер. Обзорѣніе).

— И. Львовъ, „Новое время, новыя пѣсни (о поворотѣ въ народную поэзію)“. Устюгъ, 1891 (объ этой книгѣ „Вѣсти. Европы“ 1892, октябрь, Литер. Обзорѣніе).

— В. Перетцъ, Современная русская нар. пѣсня. Спб. 1893 (его же замѣтка о брошюрѣ Львова, въ „Библиографъ“ 1892, № 12).

— П. Тиховскаго, рефератъ о паденіи народнаго пѣсенія въ „Извѣстіяхъ“ IX Археологич. съѣзда въ Вильнѣ, 1893, № 13.

— А. Ляцено, Замѣтки по изученію современной народнаго пѣсни. I (по поводу книжки г. Перетца). Спб. 1894, и др.

СТАРОСТЬ

Сколько мнѣ жить?.. Впереди—неизвѣстность.
Жизненный пламень еще не потухъ;
Бодрую силу теряетъ тѣлесность,
Но, пробудясь, окрыляется духъ.

Грустны и сладки предсмертные годы!
Это привычное мнѣ бытіе,
Эти картины родимой природы—
Все это, словно, уже не мое.

Плоти не чувствую прежней обузы;
Жду перехода въ обитель тѣней;
Съ милой землей расторгаются узы;
Духъ возлетаетъ все выше надъ ней.

Чуждъ беспокойному страсти недугу,
Вѣдая тихую радость одну,—
Словно хожу по цвѣтистому лугу,
Но ни цвѣтовъ, ни травы ужъ не мну...

Алексѣй Жемчужниковъ.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ МАРКСА

Окончаніе.

II *).

Дѣйствующая рабочая сила, живой трудъ, — говоритъ Марксъ ¹⁾, — обладаетъ природнымъ даромъ, который ничего не стоитъ рабочему, но много приноситъ капиталисту; въ силу этого природнаго дара сохраняется цѣнность орудій и средствъ производства и прибавляется къ нимъ еще новая цѣнность, дающая значительный излишекъ, сверхъ покрытія затратъ на существованіе рабочаго. Процессъ работы продолжается далѣе того момента, когда цѣнность рабочей силы восстановлена въ производимомъ товарѣ и прибавлена къ цѣнности средствъ производства и къ потребленной долѣ цѣнности орудій и машинъ. вмѣсто шести часовъ, которыхъ было бы для этого достаточно, процессъ работы продолжается ежедневно, напр., двѣнадцать часовъ. Первую часть рабочаго дня, въ теченіе которой воспроизводится лишь затраченная цѣнность, Марксъ называетъ необходимымъ рабочимъ временемъ, а израсходованную за это время работу — необходимою работою. Вторая часть рабочаго дня идетъ уже на выработку прибавочной цѣнности, которая „улыбается капиталисту со всею прелестью созданія изъ ничего“; это есть прибавочное ра-

*) См. выше: апрѣль, стр. 809 и слѣд.

¹⁾ Т. I, стр. 196, 680 и др.

бочее время, а употребленный за это время трудъ есть прибавочный трудъ. Въ данномъ случаѣ, рабочій употребляетъ половину двѣнадцатичасового рабочаго дня на себя, а другую половину — въ пользу капиталиста. Такъ какъ заранѣе рѣшено, что прибавочная цѣнность составляетъ исключительно результатъ употребленія живой рабочей силы, то эта вновь созданная цѣнность имѣетъ отношеніе только къ той части капитала, которая израсходована на рабочихъ; эта часть капитала такимъ образомъ неизбежно увеличивается, почему она и названа переменною. Относительное увеличеніе этого переменнаго капитала, или относительная величина прибавочной цѣнности, называется размѣромъ или нормою прибавочной цѣнности; этотъ размѣръ соответствуетъ отношенію между прибавочнымъ рабочимъ временемъ и необходимымъ, между частью рабочаго дня, употребляемою для капиталиста, и частью, окупающею заработную плату. Когда обѣ части рабочаго дня равны между собою (напр., по шести часовъ при двѣнадцатичасовомъ рабочемъ днѣ), то размѣръ прибавочной цѣнности составляетъ, очевидно, сто процентовъ. Норма прибавочной цѣнности въ точности выражаетъ поэтому степень эксплуатаціи рабочей силы капиталомъ, или работника — капиталистомъ; она возрастаетъ или абсолютно, съ удлинненіемъ рабочаго дня, или относительно, съ сокращеніемъ необходимаго рабочаго времени, восстанавливающаго цѣнность израсходованныхъ продуктовъ и приложенной къ нимъ рабочей силы. Масса прибавочной цѣнности тѣмъ выше, чѣмъ больше употребляется рабочихъ силъ въ производствѣ и чѣмъ бѣдшая доля рабочаго времени присваивается капиталистомъ. Изъ этихъ положеній вытекаетъ множество „законовъ“, формулъ и комбинацій, которыя подробнѣйшимъ образомъ излагаются и анализируются авторомъ „Капитала“.

Исключительный „природный даръ“ живой рабочей силы оказывается однако роковымъ для всей построенной на немъ теоріи цѣнности Маркса. Одна и та же простая мускульная работа можетъ быть произведена человѣкомъ или лошадыю; для полученія нужнаго результата совершенно безразлично, исполняется ли извѣстный физическій трудъ человѣческою или лошадиною силою, и тѣмъ не менѣе, по Марксу, только въ первомъ случаѣ извлекается изъ труда даровая прибавочная цѣнность, обогащающая капиталиста. Ясно поэтому, что, при одинаковой стоимости человѣческой и лошадиной работы, капиталистъ, съ точки зрѣнія Маркса, долженъ всегда предпочитать первую, какъ обладающую особымъ даромъ, котораго лишены лошади и машины; но о такомъ мотивѣ предпочтенія человѣческаго труда лошадиному или

машинному не упоминается ни разу въ трехъ томахъ „Капитала“, и самое это предпочтеніе въ дѣйствительности вовсе не существуетъ для Маркса. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Англіи, — говорить онъ между прочимъ, — „все еще пользуются работою женщинъ, вмѣсто лошадей, напр., для тяги при сооруженіи каналовъ, потому что количество необходимаго труда для производства лошадей и машинъ представляетъ опредѣленную математическую величину, тогда какъ трудъ на содержаніе женщинъ изъ избыточнаго населенія — ниже всякаго разчета“¹⁾, т.-е., проще говоря, потому что работа женщинъ обходится дешевле лошадиной или машинной; здѣсь уже авторъ совершенно забываетъ объ особой способности человѣческаго труда создавать прибавочную цѣнность, — способности, которой, вѣроятно, онъ не приписываетъ лошадямъ, и которую онъ рѣшительно отрицаетъ относительно машинъ. Въ данномъ случаѣ трудъ женщинъ долженъ былъ бы считаться болѣе выгоднымъ для капиталиста даже при равной цѣнѣ его съ работою лошадиною или машинною, ибо онъ содержитъ въ себѣ источникъ чистаго дохода въ качествѣ человѣческой работы, оплачиваемой капиталомъ значительно ниже своей производительной цѣнности. Почему же никому не приходится въ голову замѣнять лошадиный или машинный трудъ человѣческимъ для извлеченія прибавочной цѣнности, а наоборотъ, повсюду замѣчается стремленіе употреблять рабочій скотъ или механическія орудія вмѣстѣ съ человѣческой рабочей силой, которая одна только способна будто бы создавать цѣнность изъ ничего?

Всѣ рассужденія Маркса о покупкѣ рабочей силы капиталомъ и о созданіи прибавочной цѣнности путемъ эксплуатаціи особаго дара живого труда примѣняются въ болѣе полной мѣрѣ къ рабочему скоту, чѣмъ къ людямъ. Капиталистъ покупаетъ лошадь, для примѣненія ея рабочей силы въ производствѣ; онъ дѣйствительно получаетъ эту рабочую силу въ свое распоряженіе и можетъ располагать ею по своему усмотрѣнію. Работа купленной лошади должна непременно давать больше, чѣмъ сколько стоитъ она капиталисту; иначе не было бы ему разчета приобрѣтать ее и тратиться на ея содержаніе. Въ теченіе, напр., половины рабочего дня лошадь покрываетъ извѣстную долю своей денежной стоимости, вмѣстѣ съ издержками на свое содержаніе, а другая половина ежедневной работы идетъ уже всецѣло въ пользу хозяина, составляя для него прибавочную цѣнность. Никакой прин-

¹⁾ Т. I, стр. 411. Мы цитируемъ здѣсь, какъ и въ предыдущей статьѣ, второе нѣм. изданіе (Hamburg, 1872).

ципальной разницы не существуетъ въ этомъ отношеніи между простымъ мускульнымъ трудомъ человѣка и животныхъ. Животныя работаютъ при постоянномъ участіи людей, которые изъ эксплуатаціи ихъ извлекаютъ и для себя необходимыя средства къ жизни; слѣдовательно, лошадь, напр., должна оплачивать не только себя, но и содержаніе состоящаго при ней человѣка, и сверхъ того давать еще чистый доходъ владѣльцу. Денежная заработная плата замѣняется здѣсь уплатою стоимости лошади и ежедневными расходами на содержаніе ея; но такъ какъ и заработная плата сводится, по Марксу, къ тѣмъ же двумъ элементамъ — къ стоимости рабочей человѣческой силы и къ необходимымъ средствамъ для ея сохраненія и поддержанія, то въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ одинаковыя условія для созданія прибавочной цѣнности. Производительная работа лошади, разумѣется, не можетъ быть приписана тому человѣку или мальчику, который за нею смотритъ; при одномъ и томъ же надсмотрщикѣ хорошая лошадь приноситъ большой доходъ, а дурная — малый. То же самое слѣдуетъ сказать относительно рабочаго скота вообще; рабочей скотъ не только окупаетъ свою стоимость и свое содержаніе, но кормитъ еще наблюдающихъ за нимъ людей и доставляетъ прибыль капиталисту. Рабочій или молочный скотъ несомнѣнно вырабатываетъ больше продуктовъ, чѣмъ сколько онъ обходится хозяину, и такимъ образомъ онъ создаетъ прибавочную цѣнность, на одинаковыхъ основаніяхъ съ человѣческою рабочею силою. При существованіи рабства, исчезаетъ даже формальное различіе между рабочимъ человѣкомъ и рабочимъ скотомъ; невольникъ приравнивается къ лошади или волу. Если же, какъ утверждаетъ Марксъ¹⁾, нѣтъ существеннаго различія между наемнымъ трудомъ и рабскимъ по способу образованія прибавочной цѣнности, то и работа домашнихъ животныхъ ничѣмъ не отличается въ этомъ отношеніи отъ простаго мускульнаго труда невольника и наемнаго рабочаго.

Съ другой стороны, и при замѣнѣ рабочихъ машинами нѣтъ и рѣчи о потерѣ преимуществъ, связанныхъ съ упомянутымъ выше природнымъ даромъ человѣческой рабочей силы. Усовершенствованныя орудія вводятся въ употребленіе, когда они стоютъ дешевле замѣняемыхъ ими рабочихъ, и только разница въ цѣнѣ тѣхъ и другихъ принимается въ расчетъ авторомъ „Капитала“ при опредѣленіи условій этой замѣны, такъ что машины сами по себѣ, по характеру своей производительности, признаются вполне

¹⁾ Т. I, стр. 207, 227 и др.

однородными съ вытѣсненными ими рабочими силами (стр. 409, 460 и др.). Понятно, что выигрышъ въ издержкахъ производства при замѣнѣ наемныхъ рабочихъ машинами не имѣлъ бы рѣшающаго значенія для капиталиста, еслибы живой человѣческой трудъ обладалъ способностью давать особый чистый доходъ, котораго не давала бы машина. Но машины, сдѣлавшись всеобщепотребительными въ извѣстной отрасли промышленности, понижаютъ стоимость продуктовъ одновременно съ увеличеніемъ производства и, въ силу конкуренціи, не даютъ, по мнѣнію Маркса, никакой прибавочной цѣнности; производительность ихъ дѣйствуетъ даромъ, наравнѣ съ естественными силами природы. Очевидно, то же самое разсужденіе еще въ большей степени примѣнимо къ наемному человѣческому труду: рабочіе доступны всякому желающему, и ихъ можно имѣть въ достаточномъ и даже въ какомъ угодно количествѣ, безъ единовременной затраты крупнаго капитала, необходимой для приобрѣтенія машины; слѣдовательно, и создаваемая ими даровая „прибавочная цѣнность“, при господствѣ свободнаго соперничества, не можетъ служить источникомъ особыхъ выгодъ для кого бы то ни было и должна быть также причислена къ разряду общедоступныхъ даровъ природы. Рабочія руки предлагаются въ большемъ изобиліи, чѣмъ, напр., плодородные поземельные участки; поэтому исключительная способность человѣческой рабочей силы давать чистый доходъ или даровую прибавочную цѣнность имѣетъ за себя гораздо меньше даже чисто-внѣшнихъ основаній, чѣмъ отвергаемая Марксомъ „иллюзія фисіократовъ“, приписывавшихъ такую способность естественной производительной силѣ земли.

Капиталъ стремится по мѣрѣ возможности сократить число рабочихъ въ крупной промышленности введеніемъ усовершенствованныхъ машинъ и все болѣе уклоняется такимъ образомъ отъ широкаго пользованія особымъ „природнымъ даромъ“ живой рабочей силы. При печатаніи узоровъ на ситцевой матеріи, одна машина, при содѣйствіи одного человѣка или мальчика, исполняетъ теперь въ теченіе часа такую же работу, какую прежде дѣлали двѣсти рабочихъ; слѣдовательно, вмѣсто прибавочнаго труда двухсотъ человѣкъ, фабрикантъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи прибавочный трудъ только одного работника или мальчика, въ качествѣ единственнаго источника своей прибыли. Въ земледѣльческомъ производствѣ шестнадцать машинъ дѣлаютъ ежедневно то, что прежде требовало работы не менѣе 750 человѣкъ. Во времена Адама Смита необходимо было участіе десяти человѣкъ для приготовленія 48.000 иголокъ въ теченіе дня; теперь

одна машина вырабатываетъ ежедневно 145 тысячъ иголокъ. Одна женщина или дѣвочка наблюдаетъ обыкновенно за дѣйствіемъ четырехъ такихъ машинъ, и поэтому „производитъ съ ними ежедневно около 600 тысячъ, а въ недѣлю свыше трехъ миллионъ иголокъ“. Слѣдовательно, въ производствѣ швейныхъ иголокъ прибавочный трудъ 125 рабочихъ замѣненъ прибавочною работою только одной женщины или дѣвочки, которая, по теоріи Маркса, одна только и создаетъ прибыль капитала въ данномъ предпріятіи, благодаря особому природному дару живой рабочей силы. Казалось бы, что эти и подобные имъ факты, сообщаемые самимъ авторомъ „Капитала“, доводятъ его теорію прибавочной цѣнности до абсурда; но Марксъ имѣетъ свой специальный методъ, по которому явныя несообразности нисколько не колеблутъ установленныхъ заранѣе теоретическихъ построений. Если дѣйствительныя явленія не подходятъ подъ теорію или несомнѣнно опровергаютъ ее, то виновата въ этомъ не теорія, а сама дѣйствительность, полная внутреннихъ противорѣчій и загадокъ. Марксъ подробно излагаетъ факты, даже несовмѣстимые съ его доктриною, но онъ избѣгаетъ сопоставленій и примѣровъ, могущихъ наглядно обнаружить несостоятельность его выводовъ. Онъ высказываетъ свои положенія и опредѣленія, въ видѣ безспорныхъ научныхъ „законовъ“, и повторяетъ ихъ съ замѣчательною увѣренностью, при разборѣ прямо противорѣчащихъ имъ фактовъ. Уменьшеніе числа занятыхъ рабочихъ въ машинномъ производствѣ не отражается, по его словамъ, на количествѣ извлекаемой изъ нихъ прибавочной цѣнности по слѣдующей причинѣ: машины увеличиваютъ и удешевляютъ производство, и несравненно больше продуктовъ вырабатывается, напр., въ одинъ часъ, чѣмъ прежде; слѣдовательно, гораздо меньшая доля рабочаго дня достаточна для возмѣщенія заработной платы, и соотвѣтственно большая часть ежедневнаго труда рабочихъ посвящается созданію прибавочной цѣнности въ пользу капиталиста. То, что теряется въ количествѣ эксплуатируемыхъ рабочихъ, выигрывается въ степени ихъ эксплуатаціи; рабочихъ употребляется меньше, но трудъ ихъ производительнѣе по введеніи машинъ, ибо, какъ „мы уже знаемъ“, машины всецѣло обязаны своею производительностью приставленнымъ къ нимъ людямъ или мальчикамъ; такимъ образомъ, при введеніи машинъ каждый рабочій окупаетъ цѣнность своей рабочей силы въ болѣе короткій срокъ, и размѣръ ежедневнаго прибавочнаго труда увеличивается, хотя бы работа сдѣлалась легче прежняго при неизмѣнности прочихъ ея условий. Для капитала увеличеніе прибавочной цѣнности, доставляемой немногими отдѣль-

ными рабочими при помощи машинъ, можетъ оказаться настолько выгоднымъ, что ради этого стоитъ вводить машины и сокращать ими число занятыхъ рабочихъ. Здѣсь все вертится около той игры словъ, въ силу которой производительность машинъ переносится цѣликомъ на состоящихъ при нихъ людей.

Итакъ, при замѣнѣ двухсотъ рабочихъ однимъ человѣкомъ или подросткомъ въ красильномъ производствѣ, благодаря введенію машинъ, капиталистъ извлекаетъ изъ работы этого одного человѣка или подростка больше прибавочной цѣнности, чѣмъ прежде изъ труда двухсотъ человѣкъ. Этотъ одинъ рабочий, при необычайно быстромъ ходѣ машины, „производитъ“, быть можетъ, въ десять минутъ столько продуктовъ, сколько требуется для покрытия издержекъ на его заработную плату; эти десять минутъ составляютъ его необходимое рабочее время, и по справедливости онъ не долженъ былъ бы работать больше, такъ какъ только за трудъ этихъ десяти минутъ онъ получаетъ эквивалентъ въ своей заработной платѣ; въ теченіе всего остального рабочего дня онъ даетъ уже прибавочный трудъ и прибавочную цѣнность, т.-е. трудится даромъ для хозяина. Если его заработная плата составляетъ, наприм., рубль въ день, то этотъ рубль слѣдуетъ ему собственно за десять минутъ ежедневной работы; весь остальной рабочий день остается неоплаченнымъ со стороны капиталиста. Чтобы вознаградить этого подростка сполна, согласно теоріи Маркса, надо бы ему платить, при десятичасовомъ рабочемъ днѣ, по шестидесяти рублей ежедневно; тогда онъ получалъ бы полный эквивалентъ того, что выработываетъ онъ съ машинами въ теченіе дня. Точно такъ же женщина или дѣвочка, участвующая въ приготовленіи 600 тысячъ иголокъ въ день, возмѣщаетъ свою заработную плату машиннымъ трудомъ, быть можетъ, въ теченіе одного получаса, а въ остальные девять съ половиною часовъ она создаетъ съ машинами огромную прибавочную цѣнность для капиталиста. Въ первомъ случаѣ одинъ подростокъ обогащаетъ хозяина въ такой же мѣрѣ, какъ прежде сто человѣкъ (если предположить, что цѣны продуктовъ понизились на половину); во второмъ случаѣ, при томъ же условіи, одна дѣвочка доставляетъ столько же чистаго дохода, сколько доставляли 60 человѣкъ во времена Адама Смита. Эти поразительныя чудеса представляются бесспорными истинами въ изложеніи Маркса, и лежащая въ ихъ основѣ софистика закутана въ серьезнѣйшую научную фразеологию, способную даже внимательнаго читателя увѣрить въ томъ, что дважды два = пять.

Съ распространеніемъ машинъ въ извѣстной отрасли произ-

водства, — говоритъ Маркъсъ, — общественная цѣнность машинныхъ продуктовъ падаетъ до уровня ихъ индивидуальной цѣнности, и вступаетъ въ дѣйствіе законъ (т.-е. принятое заранѣе положеніе), что прибавочная цѣнность проистекаетъ не изъ рабочихъ силъ, которыя капиталистъ замѣнилъ машиною, а напротивъ, изъ тѣхъ рабочихъ силъ, которымъ онъ даетъ работу при машинѣ. Прибавочная цѣнность проистекаетъ только изъ переменнѣй части капитала (употребляемой на наемъ рабочихъ), и мы видимъ, что общее количество прибавочной цѣнности опредѣляется двумя факторами — нормою прибавочной цѣнности и числомъ одновременно занятыхъ рабочихъ. При данной величинѣ рабочаго дня, норма прибавочной цѣнности опредѣляется отношеніемъ, въ какомъ рабочій день распадается на необходимый трудъ и прибавочный. Число одновременно занятыхъ рабочихъ въ свою очередь зависитъ отъ отношенія переменнѣй части капитала къ постоянному. Ясно теперь, что машинное производство, какъ оно ни расширяетъ прибавочный трудъ на счетъ необходимаго посредствомъ увеличенія производительной силы труда, достигаетъ этого результата только путемъ уменьшенія числа рабочихъ, занятыхъ даннымъ капиталомъ. Часть капитала, бывшая прежде переменною, т.-е. переходившая въ живую рабочую силу, превращается въ машины, т.-е. въ постоянный капиталъ, который не даетъ прибавочной цѣнности. Невозможно, напр., выжать изъ двухъ рабочихъ столько прибавочной цѣнности, какъ изъ 24-хъ. Если каждый изъ 24 рабочихъ доставляетъ одинъ часъ прибавочнаго труда при двѣнадцати часахъ ежедневной работы, то вмѣстѣ они доставляютъ 24 часа прибавочнаго труда, между тѣмъ какъ вся совокупная работа двухъ рабочихъ не превышаетъ 24 часовъ въ день. Такимъ образомъ, въ примѣненіи машинъ къ производству прибавочной цѣнности заключается внутреннее, присущее ему противорѣчіе, ибо изъ обоихъ факторовъ прибавочной цѣнности, даваемой капиталомъ опредѣленнаго размѣра, онѣ усиливаютъ одинъ факторъ — норму прибавочной стоимости — только тѣмъ, что уменьшаютъ другой факторъ — число рабочихъ. Это внутреннее противорѣчіе выступаетъ наружу, когда съ распространеніемъ машинъ въ данной отрасли производства цѣнность машинныхъ продуктовъ дѣлается регулирующею общественною цѣнностью всѣхъ товаровъ того же рода, и это самое противорѣчіе вынуждаетъ капиталъ бессознательно стремиться къ насильственному продленію рабочаго дня, чтобы возмѣстить относительное сокращеніе числа эксплуатируемыхъ рабочихъ увеличеніемъ не только относительнаго, но и абсолютнаго прибавочнаго труда (стр. 426—7). Такъ

как машины работают чрезвычайно быстро, и весь сложный механизм фабрики может быть приводимъ въ дѣйствіе однимъ двигателемъ, подъ наблюдениемъ нѣсколькихъ рабочихъ, то трудъ послѣднихъ становится необычайно производительнымъ и интенсивнымъ; меньшее число часовъ содержитъ въ себѣ „сгущенный трудъ“ прежняго рабочаго дня, и потому вполне возможно уменьшеніе продолжительности ежедневной работы, безъ ущерба и даже съ выгодой для капиталиста. Въ то же время высокая стоимость машинъ побуждаетъ избѣгать остановки ихъ дѣйствія, и каждый лишній часъ перерыва или отдыха влечетъ за собою весьма значительные убытки, такъ что удлинненіе рабочаго дня и усиленная эксплуатація женщинъ и дѣтей дѣлаются жизненнымъ интересомъ для хозяевъ; между тѣмъ законодательство доводитъ рабочий день до извѣстной нормы и ограничиваетъ или запрещаетъ примѣненіе женскаго и дѣтскаго труда на фабрикахъ и заводахъ; капиталисты приспособляются къ новымъ условіямъ, вводятъ новыя машины, еще болѣе сокращающія употребленіе человѣческой рабочей силы, и въ концѣ концовъ не терпятъ никакихъ убытковъ отъ законодательныхъ мѣръ въ пользу рабочаго класса. Капиталъ жаждетъ прибавочнаго труда рабочихъ и вытѣсняетъ ихъ машинами, живетъ и растетъ только всасываніемъ въ себя живой человѣческой работы и старается по мѣрѣ возможности замѣнить живую человѣческую работу механическою, беспощадно эксплуатируетъ рабочихъ и отлично обходится безъ такой эксплуатаціи, извлекаетъ весь свой чистый доходъ изъ неоплаченнаго прибавочнаго труда рабочихъ и систематически все болѣе уменьшаетъ число употребляемыхъ рабочихъ съ ихъ прибавочнымъ трудомъ и прибавочною цѣнностью.

Эти наглядныя противорѣчія между фактами и теоріею должны по здравому смыслу доказывать ошибочность и произвольность теоретическихъ положеній, установленныхъ а priori; но, по Марксу, эти противорѣчія присущи самой дѣйствительности, т.-е. не теорія опровергается фактами, а напротивъ, факты обнаруживаютъ свою несостоятельность и бессиліе предъ теоріею. Встрѣчаясь съ явленіями, прямо противоположными тѣмъ, которыя требуются и предполагаются его доктриною, Марсъ сначала повторяетъ свои „законы“, опредѣленія и рубрики, чтобы еще разъ закрѣпить ихъ въ умѣ читателя, а затѣмъ предоставляетъ явленіямъ противорѣчить имъ сколько угодно. Остается такое впечатлѣніе, что эти законы, опредѣленія и рубрики во всякомъ случаѣ непреложны и непоколебимы, что они существуютъ независимо отъ обнимаемыхъ ими фактовъ и что сомнѣваться позволено лишь относ-

тельно способа подведенія фактовъ подъ теорію. Въ приведенной нами цитатѣ, между прочимъ, бросается въ глаза совмѣщеніе аргументовъ, исключających себя взаимно. Уменьшая число рабочихъ при введеніи машинъ, капиталъ будто бы вознаграждаетъ потерю въ количествѣ эксплуатируемыхъ рабочихъ болѣе сильнымъ и энергическимъ извлеченіемъ прибавочной цѣнности изъ оставшагося числа рабочихъ; но тутъ же указывается на то, что, напр., изъ двухъ человекъ, оставленныхъ при машинахъ, физически невозможно выжать столько прибавочнаго труда, сколько можно было легко извлечь изъ 24 рабочихъ, дѣйствовавшихъ до введенія машинъ, и слѣдовательно увеличеніе общей суммы прибавочной человеческой работы никакъ не могло быть цѣлью капиталиста при замѣнѣ рабочихъ машинами въ приводимомъ примѣрѣ. Марксъ говоритъ о возрастаніи нормы прибавочной цѣнности путемъ непомѣрнаго удлинненія рабочаго дня и возвышенія производительности и интенсивности труда, благодаря машинамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ самъ же видитъ и признаетъ, что нивакое удлинненіе рабочаго дня и никакая интенсивность работы не сравняютъ количества труда двухъ человекъ съ суммою прибавочной работы двадцати-четырехъ рабочихъ, вытѣсненныхъ новыми машинами. Если при двухъ рабочихъ съ машинами чистый доходъ предприятия остается такой же, какъ при двадцати-четырехъ рабочихъ безъ машинъ, или оказывается даже болѣе значительнымъ, то мысль объ исключительной роли наемной рабочей силы въ созданіи прибавочной цѣнности падаетъ сама собою, и никакіе софизмы тутъ не помогутъ. Все экономическое ученіе Маркса построено на этой теоріи прибавочной цѣнности, и оно неизбежно рушится вмѣстѣ съ нею.

Авторъ „Капитала“ какъ бы намѣренно подходитъ къ извѣстнымъ сторонамъ вопроса, чтобы показать, что онъ имѣлъ ихъ въ виду, но затѣмъ старательно отвлекаетъ отъ нихъ вниманіе читателя, или останавливается на нихъ какъ можно меньше, подъ предлогомъ „внутренняго противорѣчія“, котораго не могутъ понять лишь вульгарные, поверхностные умы; а такъ какъ никто не хочетъ признать себя вульгарнымъ и поверхностнымъ, то читатель невольно проходитъ мимо и остерегается давать своимъ мыслямъ направленіе, которое могло бы обнаружить недостаточную глубину пониманія излагаемой доктрины. Оттого люди ограниченные, изучившіе Маркса, претендуютъ обыкновенно на особое глубокое мысліе, и претензія эта выражается тѣмъ сильнѣе и рѣзче, тѣмъ съ меньшею критикою усвоены ими взгляды и приемы учителя. Но достаточно было сопоставить извѣстные факты, чтобы убѣдиться

въ невозможности поддерживать теорію, которую такъ настойчиво проводить Марксъ, и сознание этой невозможности вѣроятно и побуждало его тратить такую массу труда на загроможденіе доктрины постороннимъ балластомъ и на ядовитое высмѣиваніе вульгарныхъ и невульгарныхъ экономистовъ разныхъ направленій.

Иногда Марксъ очень близко касается нѣкоторыхъ пунктовъ, наиболѣе опасныхъ для его системы, и онъ дѣлаетъ это съ полною самоувѣренностью, свидѣтельствующею о большомъ и очень тонкомъ пониманіи человѣческой психологіи. Онъ зналъ, что для избѣжанія неудобныхъ аргументовъ лучше всего самому предложить относящійся къ нимъ матеріалъ и заранее бросить на нихъ тѣнь презрѣнія. При введеніи усовершенствованныхъ машинъ, какъ неоднократно упоминаетъ Марксъ, не только уменьшается число занятыхъ рабочихъ, но искусные работники замѣняются самыми простыми, и живой человѣческой трудъ въ машинномъ производствѣ ниводится на степень элементарнѣйшей работы, не требующей никакой подготовки и доступной даже дѣтямъ. Марксъ ничего однако не говоритъ о томъ, въ какой мѣрѣ это пониженіе уровня и значенія живой рабочей силы совмѣстимо съ принципомъ созданія всей доходности машиннаго производства именно этимъ жалкимъ трудомъ простыхъ рабочихъ. Число наемныхъ рабочихъ доводится предпринимателями до минимума, очевидно въ силу убѣжденія, что расходованіе капитала на заработную плату вовсе не составляетъ прямого и вѣрнаго пути къ полученію прибавочной цѣнности. По словамъ одного англійскаго фабриканта, онъ въ прежнее время имѣлъ 63 рабочихъ, а съ введеніемъ лучшихъ машинъ онъ могъ сократить это число до 33; наконецъ, повднѣ, благодаря новымъ крупнымъ усовершенствованіямъ, онъ былъ въ состояніи довести число своихъ рабочихъ до 13 человѣкъ (стр. 470, прим. 228). Предположимъ, что эта фабрика приноситъ чистаго дохода тринадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ въ годъ, и такое предположеніе едва ли покажется преувеличеннымъ для хорошо устроеннаго въ Англій фабричнаго предпріятія; тогда, согласно теоріи Маркса, эта сумма ежегодной прибыли, составляющая на наши деньги почти сто-тридцать-тысячъ рублей, выжимается цѣликомъ изъ тринадцати рабочихъ путемъ присвоенія ихъ прибавочнаго неоплаченнаго труда и создаваемой имъ прибавочной цѣнности. Каждый изъ этихъ тринадцати простыхъ рабочихъ вырабатываетъ, по Марксу, на тысячу фунтовъ или почти на десять тысячъ рублей прибавочной цѣнности въ годъ, и этотъ продуктъ труда каждаго отдѣльнаго работника отнимается у него капита-

листомъ посредствомъ удлинненія рабочаго дня и усиленія интенсивности работы. Чтобы заработная плата соответствовала предполагаемому эквиваленту труда этихъ рабочихъ, она должна доходить до тысячи фунтовъ или десяти тысячъ рублей въ годъ на человѣка, т.-е. простые рабочіе должны разбогатѣть и превратиться въ капиталистовъ. Еслибы такова была дѣйствительно роль рабочихъ въ созданіи прибавочной цѣнности, то капиталисты, конечно, не стали бы особенно спорить и даже рисковать пріостановкою работъ изъ-за ничтожнаго повышенія заработной платы на нѣсколько пенсовъ въ день, какъ это бывало много разъ; напротивъ, ради своихъ собственныхъ интересовъ, они охотно уступили бы рабочимъ маленькую долю огромной прибавочной цѣнности, вырабатываемой ихъ трудомъ, и даже вынуждены были бы дѣлать это подъ вліяніемъ конкуренціи. Въ приведенномъ выше примѣрѣ замѣщенія двадцати-четыреохъ рабочихъ усовершенствованными машинами съ двумя работниками, весь чистый доходъ предпріятія составилъ бы, по Марксу, изъ неоплаченной части рабочаго дня двухъ человѣкъ. Дѣло идетъ уже, слѣдовательно, не о чрезмѣрной эксплуатаціи рабочихъ и не о подрывѣ ихъ здороваго существованія и развитія, а объ отнятіи у нихъ цѣлыхъ промышленныхъ богатствъ, выработанныхъ при помощи машинъ и принадлежащихъ будто бы по праву простымъ рабочимъ; однако, было бы крайне странно находить что-нибудь заманчивое и возвышенное въ стремленіи доставить тысячи или десятки тысячъ ежегоднаго дохода людямъ, лишеннымъ теперь необходимыхъ условій для самаго скромнаго обезпеченія своего матеріальнаго быта.

Почему собственно простые рабочіе, случайно приставленные къ непонятнымъ имъ изобрѣтеніямъ чужого ума, должны считаться единственными творцами промышленнаго капитала и его доходности, и почему они имѣютъ большее право на обогащеніе, чѣмъ другія категоріи рабочихъ и чѣмъ сами устроители машинъ, — объ этомъ умалчиваетъ Марксъ въ обширныхъ трехъ томахъ своего изслѣдованія. Другого объясненія для этой исключительной привилегіи простыхъ рабочихъ, участвующихъ въ машинномъ производствѣ, нѣтъ въ книгѣ Маркса, кромѣ лишь того, что капиталъ, употребляемый на заработную плату, названъ имъ переменнымъ и даетъ прибавочную цѣнность, а капиталъ, затраченный на орудія и машины, нивакой прибыли не даетъ и названъ потому постояннымъ. Установленное съ самаго начала опредѣленіе, по которому живой человѣческой трудъ есть единственный источникъ цѣнности, принято было за исходную точку цѣлаго

ряда „законовъ“, рубрикъ и формулъ, и въ результатѣ получилась неясность, прикрытая множествомъ отвлеченныхъ мнимонаучныхъ разсужденій, побочныхъ фактическихъ свѣденій, примѣрныхъ разсчетовъ и выкладокъ.

Замѣчательно, что при своей постоянной склонности къ переложению простѣйшихъ выводовъ и комбинацій въ математическія формулы, Марксъ тщательно избѣгаетъ этого приема въ примѣненіи къ той области фактовъ, которая имѣетъ наиболѣе близкую и прямую связь съ его теоріею. Онъ на каждомъ шагу дѣлаетъ разныя выкладки и приводитъ примѣрные разсчеты относительно нормы прибавочнаго труда и прибавочной цѣнности, продолжительности рабочаго дня, оплаченной и неоплаченной его части и т. п.; но онъ ни разу не сопоставляетъ числа занятыхъ въ данномъ предпріятіи рабочихъ съ суммою выработываемой ими прибавочной цѣнности и не разсчитываетъ, какая доля этой цѣнности приходится на каждого отдѣльнаго рабочаго, ибо тогда обнаружилась бы несообразность, лежащая въ основѣ его ученія. „Техническія условія производства,—говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ,—могутъ быть такъ преобразованы, что вмѣсто прежнихъ десяти рабочихъ, переработавшихъ съ десятью недорогими орудіями сравнительно небольшую массу сырого матеріала,—въ настоящее время одинъ рабочій съ дорогою машиною перерабатываетъ въ сто разъ большее количество сырыхъ продуктовъ. Въ этомъ случаѣ сильно возросъ бы постоянный капиталъ, т.-е. масса цѣнности употребляемыхъ средствъ производства, а переменная часть капитала, затраченная на рабочую силу, сильно понизилась бы. Однако эта переменна измѣняетъ только отношеніе величинъ постоянного и переменнаго капитала, или пропорцію, въ какой общая сумма капитала распадается на свои составныя части—постоянную и переменную, но вовсе не затрогиваетъ различія между постояннымъ капиталомъ и переменнымъ“ (стр. 200—1). Разумѣется, эта переменна не имѣетъ значенія для принятыхъ рубрикъ, и говорить объ этомъ было даже излишне; но уменьшеніе переменнаго капитала до уровня заработной платы одного рабочаго представляло бы большую важность для всей теоріи прибавочной цѣнности, ибо оно предполагаетъ явно-фантастическую возможность извлеченія всего чистаго дохода предпріятія изъ прибавочнаго труда одного наемнаго рабочаго,—и объ этомъ обстоятельстве не сказано уже ни слова.

Такъ же точно поступаетъ Марксъ съ вопросомъ о высшемъ и сложномъ трудѣ, которому имъ посвящено, какъ мы видѣли, всего тринадцать строкъ, и къ которому онъ возвращается только

мимоходомъ, какъ къ чему-то рѣшенному и не стоящему вниманія. „Было уже замѣчено раньше,—разсуждаетъ онъ, напри- мѣръ,—что для процесса образованія цѣнности исполнѣ безразлично, какую работу присваиваетъ себѣ капиталистъ—простую, среднюю, общественную работу, или сложную, имѣющую высшій специфическій вѣсъ. Трудъ, признаваемый высшимъ, болѣе сложнымъ по отношенію къ общественной средней работѣ, есть проявленіе рабочей силы, требовавшей болѣе значительныхъ затратъ на образованіе, и производство которой стоитъ больше рабочаго времени, вслѣдствіе чего она представляетъ болѣе цѣнность, чѣмъ простая рабочая сила. Если цѣнность этой рабочей силы выше, то она выражается въ высшей работѣ и овеществляется въ относительно большихъ цѣностяхъ въ тѣ же промежутки времени... Въ каждомъ процессѣ образованія цѣнности высшая работа должна быть сведена къ среднему общественному труду, и, напр., день высшей работы будетъ считаться равнымъ такому-то числу дней простого труда. Избѣгаютъ поэтому излишняго расчета и упрощаютъ анализъ предположеніемъ, что употребляемый капиталомъ рабочій исполняетъ простую общественную среднюю работу“ (стр. 186—7). Къ несчастію, этотъ, будто бы обязательный и пропускаемый безъ вниманія переводъ высшей работы на простую представляетъ именно тотъ пунктъ, гдѣ все воздвигнутое Марксомъ теоретическое построеніе само себя уничтожаетъ. Маркъсъ не только нигдѣ не дѣлаетъ расчета, признаваемого имъ излишнимъ, но совершенно забываетъ о немъ—по всей вѣроятности, намѣренно,—во всѣхъ своихъ соображеніяхъ и выводахъ о прибавочной цѣнности. Онъ всегда говоритъ исключительно о простыхъ наемныхъ рабочихъ, о величинѣ ихъ рабочаго дня, объ ихъ прибавочномъ неоплаченномъ трудѣ и о создаваемой ими прибавочной цѣнности, присвоиваемой капиталистомъ, тогда какъ эти понятія очевидно непримѣнимы къ труду высшаго разряда—къ труду техниковъ, инженеровъ и разныхъ ученыхъ специалистовъ, работающихъ не поденно и получающихъ вознагражденіе не по количеству своихъ рабочихъ часовъ. Капиталистъ извлекаетъ выгоду изъ работы ученыхъ техниковъ и инженеровъ не присвоеніемъ части ихъ рабочаго дня и не удлиненіемъ его, а другими способами, не имѣющими ничего общаго съ эксплуатаціею простыхъ наемныхъ рабочихъ. Еслибы Маркъсъ включилъ въ теорію прибавочной цѣнности элементъ высшаго труда, какъ онъ обязапъ былъ это сдѣлать по собственному своему признанію, то все его ученіе неизбѣжно приняло бы другой

видъ, и онъ не могъ бы придти къ тѣмъ положеніямъ и комбинаціямъ, которыми наполнены три тома его „Капитала“.

Ясно, что здѣсь самъ Марксъ упраздняетъ свою теорію, независимо отъ несостоятельности ея по другимъ причинамъ, указаннымъ выше. Марксъ не могъ серьезно думать, что для процесса образованія цѣнности безразлично качество труда, присвоиваемаго капиталистомъ, и уже ни въ какомъ случаѣ онъ не могъ бы утверждать, что оно безразлично для теоріи образованія цѣнности; вопросъ о формахъ и разрядахъ человѣческой работы по качеству имѣлъ первостепенное значеніе для его доктрины, и если онъ обошелъ его, то не по забывчивости или небрежности. Онъ прекрасно понималъ, что „излишняя операція“ перечисленія высшей работы на простую была бы вовсе не излишня въ теоріи, еслибы она происходила въ дѣйствительности; но на дѣлѣ она не совершается и не можетъ совершаться сама собою, какъ мы уже указывали ¹⁾, и тѣмъ болѣе необходимо было остановиться на этомъ предметѣ, показать способъ учета и соединенія разныхъ видовъ труда, сдѣлать даже примѣрные выкладки, которыми такъ злоупотребляетъ Марксъ въ другихъ случаяхъ, когда нѣтъ къ тому никакой надобности. Намегнувъ вскользь на очень сложную и едва-ли разрешимую задачу, логически вытекающую изъ его собственныхъ основныхъ положеній, Марксъ поспѣшно бросаетъ ее, какъ „излишнюю“, и торопитъ читателя слѣдовать за нимъ дальше, чтобы скорѣе перейти къ безконечнымъ повтореніямъ и разъясненіямъ небывалыхъ „законовъ“ прибавочной цѣнности; эти утомительныя, крайне многословныя разъясненія и повторенія принятыхъ заранѣе дефиницій, облачаемыхъ притомъ въ мнимыя математическія формулы, производятъ несомнѣнно гипнотизирующее дѣйствіе на довѣрчиваго искателя научной правды и могутъ даже лишить его способности къ самостоятельной мысли въ данной области, какъ это случилось со многими, имѣвшими неосторожность слѣпо погрузиться въ запутанную диалектику Маркса. Оттого самые очевидные софизмы, обходы и

¹⁾ Французскій комментаторъ Маркса, Габріель Девиль, полагаетъ, что перечисленіе сложной работы на простую дѣлается очень просто, по относительной денежной оцѣнкѣ разныхъ видовъ труда, причемъ послѣднимъ мѣриломъ оказывается трудъ, употребляемый на добываніе золота и серебра; см. *Le Capital, de Karl Marx, résumé et accompagné d'un aperçu sur le socialisme scientifique, par Gabriel Deville* (Paris, 1888), стр. 71—2. Изъ этого видно, что Девиль, будучи истолкователемъ ученія Маркса, не понимаетъ принципиальной разницы между денежной оцѣнкою труда, определяемою условиями рынка, и тою реальною внутреннею цѣнностью рабочей силы, о которой говорится въ „Капиталѣ“. Ср. нашу предыдущую статью, стр. 823.

противорѣчія въ его книгѣ ускользаютъ отъ вниманія его поклонниковъ, даже такихъ талантливыхъ отъ природы, какъ Энгельсъ.

Возьмемъ для примѣра только-что приведенную цитату: не только все ея содержаніе не имѣетъ точнаго смысла и представляетъ лишь неловкій изворотъ, чтобы отдѣлаться отъ неудобной, хотя и обязательной тѣмы, но и отдѣльныя замѣчанія и фразы ошибочны и произвольны. Рабочая сила, дающая трудъ высшаго порядка, „стояла больше рабочаго времени для своего производства и потому имѣетъ большую цѣнность, чѣмъ простая рабочая сила“. Другими словами, въ оцѣнѣ качества труда примѣняются совершенно неподходящія фабричныя понятія о производствѣ товаровъ и количествѣ потраченной на нихъ работы; между тѣмъ, рабочая сила даетъ высшій трудъ вовсе не потому, что ея приготовленіе требовало больше затратъ, и она имѣетъ большую цѣнность вовсе не по этой причинѣ: простые рабочіе, подготовка которыхъ стоила очень мало, могутъ обладать способностью къ труду высшаго разряда, дѣлать техническія изобрѣтенія и открытія, а самые крупные образовательные расходы остаются безплодными въ экономическомъ смыслѣ, если они не имѣютъ производительнаго назначенія (если, напр., готовятъ классики, знатоки никому ненужныхъ грамматическихъ тонкостей древнихъ языковъ). Никакое приготовленіе, сколько бы оно ни стоило, не придастъ высокой цѣнности труду бездарности. „Если цѣнность рабочей силы выше, — говорится далѣе, — то она выражается и въ высшей работѣ и производитъ относительно болѣе высокія цѣнности“. Нужно бы сказать наоборотъ, что цѣнность рабочей силы выше, если послѣдняя выражается въ высшей работѣ, такъ какъ о качествахъ рабочей силы можно судить только по ея продуктамъ; а изъ значительной стоимости приготовленія рабочей силы вовсе еще не слѣдуетъ, что она даетъ высшій трудъ и производитъ болѣе высокія цѣнности. Такимъ образомъ, стараясь обойти извѣстную сторону вопроса, Марсъ счелъ даже лишнимъ отнестись къ ней внимательно, и вопросъ о разныхъ формахъ работы не только оставленъ имъ безъ разсмотрѣнія, но и поставленъ невѣрно.

Ничего этого не замѣчаютъ послѣдователи и истолкователи Маркса; но и они должны согласиться, что, выбросивъ за бортъ всѣ виды труда, кромѣ простого мускульнаго, и построивъ на одномъ послѣднемъ обширную и сложную доктрину, которую думалъ (или дѣлалъ видъ, что думалъ) основать на трудовомъ принципѣ вообще, онъ собственными руками отнялъ у этой доктрины

всякое научное значеніе. Что включеніе въ теорію высшихъ формъ труда въ сущности разрушаетъ всю постройку, воздвигнутую Марксомъ,—это едва-ли будутъ отрицать и вѣрующіе приверженцы его „Капитала“.

Повидимому, Марксъ рассчитывалъ предупредить возможные колебанія и сомнѣнія доброжелательныхъ читателей, возбудивъ въ нихъ надежду на то, что всѣ спорные или сомнительные пункты будутъ окончательно разъяснены въ слѣдующихъ томахъ его книги.

Надежда эта превращалась въ твердую увѣренность въ виду категорическихъ заявленій его друга и товарища, Фридриха Энгельса, напечатаннаго въ 1885 году, что съ выходомъ третьяго тома данъ будетъ „ключъ къ разрѣшенію запутаннѣйшихъ экономическихъ проблемъ“, относительно которыхъ были бессильны всѣ жившіе до него ученые экономисты, не только вульгарные, но и классическіе, въ родѣ Рикардо. Марксъ заранее указалъ на одинъ существенный пробѣлъ или недостатокъ своей теоріи, который не могъ остаться незамѣченнымъ даже при поверхностномъ ознакомленіи съ его ученіемъ, и онъ отложилъ разъясненіе вопроса до третьяго тома, существовавшего еще только въ наброскахъ. Частыя ссылки на этотъ третій томъ, гдѣ любознательные люди найдутъ разгадку всякихъ своихъ недоумѣній, относятся главнымъ образомъ къ вопросу объ образованіи прибыли. Прибавочная цѣнность есть приростъ переменнаго капитала, расходуемаго на заработную плату, а отношеніе этой прибавочной цѣнности къ общей суммѣ капитала, употребляемаго въ данномъ предпріятіи, составляетъ прибыль. Отсюда вытекаетъ „законъ“, что чѣмъ выше размѣръ переменнаго капитала сравнительно съ постояннымъ, тѣмъ больше норма прибавочной цѣнности и прибыли, и что слѣдовательно разные промышленные капиталы должны давать различную прибыль, смотря по относительной величинѣ своихъ составныхъ частей—постоянной и переменной. „Этотъ законъ,—продолжаетъ Марксъ,—явно противорѣчитъ всякому опыту, основанному на общедоступномъ наблюденіи. Каждый знаетъ, что владѣлецъ хлопчатобумажной фабрики, употребляющій сравнительно много постоянного и мало переменнаго капитала, считая процентныя доли всей примененной къ дѣлу капитальной суммы, все-таки добываетъ не меньшую прибыль или прибавочную цѣнность, чѣмъ булочникъ, пускающій въ ходъ относительно много переменнаго и мало постоянного капитала“ (т. I, стр. 312). По этому поводу Марксъ насмѣшливо отзывается о вульгарной экономіи, предпочитающей кажущіяся явленія несогласнымъ съ ними „законамъ явленій“, которые въ

данномъ случаѣ составляютъ „необходимое послѣдствіе закона цѣнности вообще“ (т.-е. опредѣленій и рубрикъ, установленныхъ Марксомъ). Капиталы приносятъ одинаковую прибыль, независимо отъ размѣровъ той прибавочной цѣнности, которую они будто бы извлекаютъ изъ большаго или меньшаго количества наемныхъ рабочихъ, и этотъ фактъ, достаточный самъ по себѣ для опроверженія придуманной Марксомъ теоріи, оставляется неразъясненнымъ безъ всякаго мотива, съ отсылкою читателя въ будущему тому, въ появленіи котораго самъ авторъ не могъ быть увѣренъ при изданіи первой части „Капитала“ въ 1867 году. Въ неопредѣленномъ будущемъ онъ обѣщаетъ „доказать“, что норма прибыли можетъ и должна быть одинакова при различной нормѣ прибавочной цѣнности, а въ первомъ томѣ онъ не могъ это сдѣлать, даже въ видѣ краткаго указанія или намека, хотя удѣлилъ въ этомъ томѣ очень много мѣста подробнѣйшимъ фактическимъ даннымъ о положеніи англійскихъ рабочихъ до введенія фабричныхъ законовъ,—даннымъ, хорошо извѣстнымъ изъ книги Энгельса и не представляющимъ абсолютно никакого общаго теоретическаго интереса. Этимъ невѣроятнымъ, но гениальнымъ въ своемъ родѣ приѣмомъ отсрочки на неопредѣленное время весьма существеннаго разъясненія, которое будто бы имѣлось уже у автора въ запасѣ, Марксъ сразу достигъ двухъ цѣлей,—во-первыхъ, онъ сосредоточилъ вниманіе читателей на одной слабой сторонѣ его теоріи и отвлекъ отъ другихъ, болѣе коренныхъ ея погрѣшностей и, во-вторыхъ, вызвалъ готовность увѣривать въ его ученіе, такъ сказать, въ кредитъ, и обезпечилъ себя отчасти отъ разрушительной критики перспективою будущихъ окончательныхъ разъясненій. Марксъ не ошибся въ своемъ пониманіи человѣческой психологіи: не только заурядные читатели, но и ученые экономисты отнеслись вполне серьезно къ увѣренію, что въ третьемъ томѣ содержится разгадка научныхъ тайнъ, упорно скрываемыхъ отъ публики авторомъ „Капитала“ и его ближайшимъ помощникомъ, Фридрихомъ Энгельсомъ. Нѣкоторые, какъ проф. Лексисъ, Фиреманъ и Конрадъ Шмидтъ, пытались съ своей стороны предложить возможное рѣшеніе вопроса о прибыли въ духѣ Маркса, чѣмъ еще болѣе усилили интересъ ожидаемаго выхода третьяго тома. Наконецъ, два года тому назадъ, т.-е. семнадцать лѣтъ спустя послѣ первой части „Капитала“, появился третій томъ, и въ немъ оказалось нѣчто похожее на мистификацію. Сверхъ всякаго ожиданія, теорія прибавочной цѣнности, по прежнему подтверждаемая на словахъ, отвергнута авторомъ на дѣлѣ и замѣнена старыми, общеизвѣстными разсужденіями объ издержкахъ

производства, какъ единственныхъ регуляторахъ цѣнности, а равномерность прибыли выводится изъ фантастическаго предположенія, что капиталисты дружно дѣлятся между собою доходами разныхъ предпріятій, выравнивая различныя суммы прибавочной цѣнности, извлекаемой изъ наемнаго труда каждымъ въ отдѣльности, при чемъ это уравненіе достигается то братскимъ согласіемъ, то конкуренціею. Въ концѣ концовъ специальная прибавочная цѣнность, о которой такъ беспощадно будто бы хлопчуть соперничающіе между собою капиталисты, не играетъ никакой роли ни въ доходахъ отдѣльныхъ предпринимателей, ни въ опредѣленіи нормы прибыли, ни въ установленіи товарныхъ цѣнъ. Экономическая теорія Маркса отчасти превращается такимъ образомъ въ то, что американцы называютъ „humbug“, — и авторитетъ ея едва-ли продержится долго, послѣ жестокаго удара, нанесеннаго ей обнаруженіемъ третьяго тома „Капитала“.

Л. Слонимскій.

СТИХОТВОРЕНІЯ

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

I.

Дай ручку, голубка! какъ сердце стучитъ!
Ты слышишь, какіе удары?!..
Здѣсь плотникъ въ каморѣ мнѣ гробъ мастерить,
Работникъ привычный и старый..
И вѣчно все тотъ же назойливый стукъ...
Ахъ, сколько ночей мнѣ не спится!
Кончай же проворнѣй работу, мой другъ,
Скорѣ дай сномъ насладиться!..

II.

Скажи, не прочла ты въ лицѣ моемъ блѣдномъ
Тоску и терзанья любви?
Иль хочешь, чтобъ словомъ признанья убогимъ
Уста осквернилъ я свои?..
О, нѣтъ! слишкомъ гордъ я: устами своими
Могу лишь шутить и лобзать...
И, можетъ быть, шутка съ нихъ злая сорвется,
Когда бы я долженъ рыдать...

* * *

Подъ сводомъ задумчивыхъ сосенъ
 И дѣтски-болтливыхъ березъ,
 На мягкой зеленой постели,
 Дремлю я въ объятіяхъ грезъ.
 Смѣется игриво береза;
 Угрюма сбѣдая сосна;
 Севозъ вѣтви, какъ древній философъ,
 Лазурь величаво ясна...
 Нисходить на душу отрада;
 Замолгла тревожная страсть...
 Я съ міромъ великимъ сроднился,
 Я въ немъ — неразрывная часть...

* * *

Ночь въ бѣлой одеждѣ
 Волнистаго свѣта...
 Но въ сердцѣ поэта
 Не будить, какъ прежде,
 Восторги святыя,
 И взоръ не трепещеть,
 Какъ въ ночи былыя,
 Бывало, заблещутъ
 Лучи золотыя, —
 И въ душу польются,
 И пестрой толпою
 Видѣній зажгутся...
 Теперь надо мною
 Ихъ чары безильны,
 Какъ призракъ могильный,
 Невластный съ зарею.
 Надменно-холодный,
 Я умъ усыпляю,
 Тѣ чары безплодной
 Мечтой называю,

И злобно-ворчливый,
На мiръ негодуя,
Всѣ сердца порывы
Разсудкомъ казню я...
Но тщетны усилья!
У мысли безстрастной
Подрѣзаны крылья...
И шепчетъ всечасно
Мнѣ голосъ тревожный:
„Не вѣрь! невозможно
Разсудкомъ молиться“...

М. Марикъ.

ЖИВОЕ ВЕЩЕСТВО

Около 2.500 лѣтъ тому назадъ, Гиппократъ, въ имени котораго медицина до сихъ поръ относится съ большимъ уваженіемъ, при крайне скудныхъ положительныхъ знаніяхъ о природѣ вообще и о природѣ человѣка въ частности, высказалъ мысль, что—*врачъ долженъ знать натуру человеческого тѣла, чтобы судить о дѣйствіи на него болѣзнетворныхъ причинъ.*

Въ этомъ же, только съ большою силою доказательности, мы твердо убѣждены и теперь.

Представлять себѣ, что медицина можетъ быть плодотворно изучаема какъ ремесло, машинальнымъ развитіемъ привычки увидѣть, что нужно, и избрать приличный приѣмъ дѣйствія,—есть одно изъ несчастнѣйшихъ заблужденій, вполне исчезнувшее изъ среды медицинскихъ факультетовъ, замѣчаемое еще среди практическихъ врачей и, въ сожалѣнію, все еще недостаточно ослабѣвшее въ обществѣ.

Ежедневный опытъ показываетъ, что лучшіе врачи—тѣ, которые обладаютъ наибольшимъ запасомъ фізіологическихъ знаній, и даже многолѣтняя эмпирическая опытность, такъ высоко и справедливо поднимающая врача въ глазахъ большой публики, тѣмъ скорѣе и великолѣпнѣе даетъ результатъ, чѣмъ лучше основное фізіологическое образованіе его.

Знать натуру человеческого тѣла—значить, знать законы жизни организма во всѣхъ предѣлахъ видоизмѣненій этой жизни. Знать законы жизни организма—значить, понимать механизмъ жизни какъ явленія природы.

Нѣтъ нужды доказывать, что мы еще стоимъ далеко отъ рѣшенія этой великой задачи. Человѣческій умъ давно умѣлъ оцѣнить важность ея, но не безъ внутренняго убора мы и теперь

даже смотримъ на силу нашихъ познавательныхъ способностей, оказывающихся слабыми, дѣтски слабыми передъ величиною и трудностью задачи.

И все же на этомъ пути мы идемъ впередъ, — медленно, правда, но сила наша прибываетъ.

Чѣмъ менѣе человѣкъ знакомъ съ дѣйствительнымъ ходомъ событій или съ дѣйствительнымъ механизмомъ изучаемыхъ имъ явленій, тѣмъ проще ему кажутся причины ихъ и законы, ими управляющіе. Оттого люди въ начальныхъ періодахъ развитія знаній несравненно смѣлѣе въ рѣшеніи міровыхъ вопросовъ.

Хотя реальная точка исхода для пытливыхъ умовъ одна, но отсутствіе точныхъ знаній на разныхъ мѣстахъ проходимаго мыслію пути даетъ ходу ея разные направленія и въ результатѣ получаются различныя воззрѣнія на занимающее умъ явленіе. Отсюда появленіе партій, школъ, проповѣдующихъ то или другое общее рѣшеніе міровыхъ вопросовъ вообще и вопросовъ о жизни въ частности.

Въ этомъ послѣднемъ отношеніи мы въ настоящее время видимъ передъ собою двѣ большія школы: матеріализма и витализма.

Первая не признаетъ въ живомъ веществѣ и въ живомъ организмѣ ничего, кромѣ видимой матеріи, ея силъ и извѣстной системности во взаимодействіи различныхъ видовыхъ измѣненій матеріи.

Вторая, виталистическая, признавая тоже матеріальное основаніе, какъ и первая школа, находитъ въ явленіяхъ жизни рядъ признаковъ, показывающихъ, что многіе изъ нихъ не сочетаются съ основными механическими принципами взаимодействія матеріальныхъ частицъ и требуютъ признанія иныхъ силъ, независимыхъ отъ матеріи.

Натуралисты и особенно врачи, имѣющіе ежедневное общеніе съ живыми существами, какъ предметами изслѣдованія, принужденные даже регулировать, направлять ходъ жизни человѣческаго организма искусственными приѣмами — силою вещей и естественнымъ стремленіемъ своего ума, — ставятъ въ необходимость избрать для своего міровоззрѣнія тотъ или другой принципиальный взглядъ на жизнь ¹⁾). Молодежь очень часто безъ большихъ при-

¹⁾ Ошибочно думать, что врачу общее міровоззрѣніе бесполезно и что на его дѣятельность то или другое міровоззрѣніе не имѣетъ никакого вліянія. Отсутствие такой общей почвы для того или другого рода систематизированія болѣею частью неполныхъ, отрывочныхъ знаній врача часто кидаетъ его въ объѣты научнаго нигилизма, отрицанія, и такіе врачи — несчастнѣйшіе люди, мучимые непримиримымъ противорѣчіемъ между сознаніемъ своей обязанности дѣйствовать на природу орга-

готовлений примыкает къ той или другой школь, становится наиболѣ ревностнымъ защитникомъ рѣшеній тѣхъ вопросовъ, надъ которыми напрасно трудится рядъ поколѣній настоящихъ тружениковъ науки. Впрочемъ, давно замѣчено, что невѣденію въ этомъ мірѣ представляется все просто, ясно и понятно, и только наибольшему знанію суждено переживать, рядомъ съ маленькими радостями успѣха, глубочайшія страданія отъ чувства невѣденія и сознанія умственной немощи.

Критическое и безпристрастное изслѣдованіе ученій обѣихъ школъ въ точкахъ ихъ расхожденія было бы въ высокой степени полезнымъ для правильнаго развитія врачей,—но наши высшія медицинскія школы этого еще дать не могутъ.

Въ лучшемъ случаѣ молодежи приходится слышать обрывки изъ обонихъ ученій, и уже самой—по мѣрѣ своихъ силъ и подъ влияніемъ преобладающихъ въ данное время теченій мысли—становиться на ту или другую сторону.

Между тѣмъ, вопросъ идетъ о существѣ жизни—той жизни, которая скоро, скоро можетъ стать либо священнымъ предметомъ, либо игрушкой въ ихъ рукахъ.

Объ этомъ существѣ жизни молодой врачъ, вынося изъ школы тысячи, даже десятки тысячъ свѣденій (и часто бесполезныхъ для него свѣденій) о подробнѣйшемъ ходѣ физическихъ, химическихъ, физиологическихъ и другихъ процессовъ, о формахъ отклоненій ихъ отъ нормы, о шаблонныхъ способахъ леченія шаблонно описанныхъ болѣзней и т. д.,—о самой же общей жизни организма, о силахъ, дающихъ эту стройную, неугасаемую въ мірѣ жизнь, онъ, врачъ, выноситъ самое смутное представленіе.

Въ нашихъ медицинскихъ школахъ есть всѣ науки, трактующія порознь о явленіяхъ въ здоровомъ и больномъ организмахъ, и все же нѣтъ науки о жизни вообще, какъ о явленіи взятомъ во всей его цѣлости.

Съ ремесленной точки зрѣнія на медицину она можетъ быть и не очень нужна, но съ точки зрѣнія объединенія всей суммы приобрѣтенныхъ знаній въ одномъ руководящемъ фокусѣ—она безусловно необходима.

Такое объединеніе дается отчасти двумя упомянутыми теченіями человѣческой мысли, вылившимися въ ученія школъ ма-

низма и чувствомъ недоумѣнія къ внесеннымъ изъ школы знаніямъ этой природы. Въ лучшемъ случаѣ они дѣйствуютъ машинально, по полученнымъ указкамъ и шаблонамъ, въ худшемъ—они сами сбѣются надъ своими совѣтами и этимъ губятъ окончательно свое святое дѣло.

теріалізма и виталізма ¹⁾. Обѣ имѣють предметомъ изученія — существо жизни: обѣ имѣють одинаковыя методы изслѣдованія и одинаковыя частныя задачи; обѣ расходятся только въ опредѣленіи коренныхъ причинъ жизни и ея высшихъ міровыхъ и индивидуальныхъ цѣлей и проявленій.

Какіе вопросы о жизни ставитъ біологія?

Главнѣйшіе изъ нихъ можно формулировать такъ:

Какимъ образомъ одна масса матеріальныхъ частицъ, ничѣмъ по существу не отличающаяся отъ другой подобной же массы, имѣетъ способность образовать замѣнутую матеріальную систему, которая не только не сливается съ остальнымъ вещественнымъ міромъ, не только имѣетъ устойчивость своего сложенія, — но обнаруживаетъ всѣ эти качества, находясь въ тѣсныхъ и непрерывныхъ сношеніяхъ съ внѣшнимъ міромъ, вступая съ нимъ въ вещественный и динамическій обмѣнъ, — система, которая при этихъ условіяхъ не только удерживаетъ свою цѣлость, но проявляетъ силу прогрессивнаго развитія своей индивидуальной массы, и нарождаетъ новыя подобныя ей индивидуальности, — система, которая не только сама приспособляется къ окружающимъ ее условіямъ мертвой природы, но и упорнымъ, истощающимъ трудомъ стремится приспособить окружающія условія своимъ личнымъ потребностямъ, — система, въ которой матеріальныя воздѣйствія на нее внѣшняго міра не только просто отражаются въ состояніи ея собственныхъ матеріальныхъ частицъ, но въ которой эти впечатлѣнія возведены въ формы движенія, не существующія ни въ какой массѣ мертвыхъ тѣлъ, — наконецъ, система, въ которой эти формы впечатлѣній, безконечнымъ образомъ сочетаясь, даютъ психо-моральныя явленія предвидящаго разума, активной воли, всеобъемлющей любви и самосознанія?

Таковъ живой организмъ, какъ мы его видимъ передъ собою, такова жизнь, какъ она развилась въ природѣ и неудержимо стремится отлить въ свои живыя формы все бѣдшую и бѣдшую массу мертвой матеріи. Біологія спрашиваетъ, въ чемъ сила этой жизни, давшей таковой колоссальный результатъ?

Въ формулахъ, выражающихъ принципиальное рѣшеніе вопроса о жизни двумя вышеупомянутыми шеолами, даются отвѣты на вопросъ, объемлющій сразу всѣ формы жизни на землѣ.

¹⁾ Я разумѣю здѣсь только такъ называемый неовитализмъ. Какъ противоположность матеріализму, неовитализмъ есть все же витализмъ, хотя и безъ явно абсурдныхъ положеній стараго витализма.

Отсюда возникают неодолимые затруднения, въ которыхъ прежде всего полезно и слѣдуетъ разобраться.

Жизнь не есть нѣчто одно; это не есть явленіе однородное во всѣхъ отношеніяхъ; въ ней есть разнородность ее составляющихъ элементовъ. Различны не только матеріальныя формы животныхъ и растений; разнородность видна и въ нематеріальныхъ формахъ проявленій жизни на землѣ. Мы имѣемъ передъ глазами колоссальный рядъ жизненныхъ явленій, начиная отъ микроскопически малаго организма до человѣка. Но жизнь, какъ явленіе собирательное—не одинакова на разныхъ ступеняхъ прогрессивнаго развитія организмовъ.

Если на жизнь органическую смотрѣть какъ на продуктъ развитія самой земли и притомъ какъ на явленіе единое, цѣлостное, нераздѣлимое, то и въ микробѣ и въ грибѣ мы должны будемъ признать, хотя и въ элементарномъ состояніи, *все то*, чтѣ мы находимъ и въ человѣкѣ. По этимъ предрѣшается и притомъ вопреки дѣйствительности одинъ изъ коренныхъ вопросовъ.

Дѣйствительно ли жизнь во всей природѣ, отъ начальной до конечной ея органической формы, есть нѣчто единое цѣльное, хотя бы и способное существовать въ различныхъ степеняхъ развитія своихъ качественныхъ элементарностей?

Не заключаются ли эти степени жизни не въ томъ, что всѣ возможные элементы ея, сразу оказавшіеся въ первобытныхъ организмахъ, по мѣрѣ прогрессивнаго развитія послѣднихъ, растутъ, крѣпнутъ, становятся ярче, могучѣе, оставаясь всегда и вездѣ слитыми въ одно цѣлое, нераздѣльное, — но въ томъ, что по мѣрѣ прогрессивнаго развитія организмовъ, въ нихъ вновь возникаютъ новыя, сливающіеся только съ прежними элементы жизни, не существовавшіе въ болѣе раннихъ періодахъ и что низшія формы жизни вовсе не заключаютъ въ себѣ нѣкоторыхъ элементовъ, встрѣчающихся въ формахъ высшихъ?

Вышеупомянутое опредѣленіе этого вопроса логически требуетъ признанія психо-моральныхъ силъ и въ амѣбѣ, и въ инфузоріи, и даже въ злѣйшемъ микробѣ и въ низайшемъ грибѣ.

Оказалась возможность провѣрить этотъ выводъ путемъ опыта и наблюденія. На это потрачена многими натуралистами масса остроумія. Низшіе растительные и животныя организмы были подвергнуты ими серьезному экзамену по всѣмъ предметамъ курса своей жизни, и по отзывамъ экзаменаторовъ блистательно доказали, что они не нуждаются въ навязываемыхъ имъ разумѣ, волѣ,

сознаніи, любви, ненависти и проч. Эти изслѣдователи увѣряютъ, что низшія существа и безъ этихъ средствъ умѣютъ отыскать пищу, разыскать кислородъ, даже въ скрытомъ его состояніи, и отнять у его носителя; они отлично могутъ воспользоваться работою другихъ организмовъ и заставить ихъ служить имъ; они производятъ самодвиженія посредствомъ различныхъ формъ притяженій и отталкиваній; ростъ ихъ идетъ самъ собой; даже размноженіе, сопряженное на нашу оцѣнку съ неприятнымъ распаденіемъ тѣла на двѣ половины, происходитъ вопреки ихъ личнаго интереса.

Такимъ образомъ, для многихъ натуралистовъ оказалось, что въ жизни простѣйшихъ организмовъ нѣтъ ни элементарнаго разума, ни воли, ни сознанія, ни любви или ненависти.

Поспѣшимъ пока согласиться, на основаніи подобныхъ весьма остроумныхъ изслѣдованій послѣдняго времени, съ тѣмъ результатомъ, что низшіе одноклѣточные организмы не проявляютъ въ своей жизни ни слѣда истинной психической силы ¹⁾, что все, что

¹⁾ Это мѣсто требуетъ нѣкотораго объясненія.

На самомъ дѣлѣ я принимаю такое рѣшеніе вопроса весьма условно. Личныя наблюденія жизни одноклѣточныхъ животныхъ формъ такъ же часто приводили меня къ ясному, казалось мнѣ, уловленію признаковъ психизма, какъ и давали возможность при безпристрастномъ анализѣ объяснять явленія физико-химическимъ путемъ. Я считаю однакоже попытку несомнѣнными психическими проявленіями болѣе развитыхъ животныхъ формъ свести исключительно на физико-химическія качества видимыхъ частей организма—полною ошибкою и произвольностью. Безъ сомнѣнія, психическія элементарности, въ улавливаемой для нашего наблюденія формѣ, впервые появились на какой-либо точкѣ пробѣга филогенетическаго прогресса; но гдѣ лежитъ эта точка, какой родъ, порядокъ, семейство животнаго царства представляеть ту ступень подъема психизма, на которой послѣдній становится для насъ понятнымъ какъ таковой—это въ настоящее время единогласно натуралисты и философы рѣшить не въ состояніи, за недостаткомъ точныхъ критеріевъ для объективнаго распознаванія психическихъ элементарностей. Оттого мы и видимъ, что одни и тѣ же явленія жизни одноклѣточныхъ животныхъ одними приписываются присутствію элементарной психики, другими—болѣе или менѣе остроумно подводятъ подъ дѣйствіе простыхъ физико-химическихъ отношеній организма къ внѣшней средѣ. Я не убѣжденъ ни въ томъ, ни въ другомъ для большей части одноклѣточныхъ животныхъ. Легко возможно, что они стоятъ на порогѣ возникновенія уловимаго для насъ психизма. Мнѣ кажется однакоже болѣе вѣроятнымъ, что возникновеніе психическаго элемента въ ясной и властной формѣ стало возможнымъ только въ многоклѣточномъ организмѣ, хотя бы и очень еще простомъ, организмѣ, гдѣ неравномѣрность физиологическихъ функций клѣтокъ достигла той степени, которая обусловила нѣкоторую централизацію власти надъ жизнью отдѣльныхъ частей организма.

Соглашаясь въ текстѣ на признаніе полного отсутствія психизма у амѣбъ, у инфузورій, я дѣлаю это скорѣе ради удобства послѣдующаго изложенія, чѣмъ будучи убѣжденъ въ вѣрности вывода, хотя онъ болѣе согласуется съ только-что выраженнымъ мною принципиальнымъ предположеніемъ.

намъ кажется таковымъ въ ихъ дѣйствіяхъ, есть слѣдствіе стремленія нашего объясняющаго ума къ аналогіямъ, и что всѣ дѣйствія этихъ организмовъ зависятъ исключительно отъ отношеній состава и физическаго устройства ихъ тѣла въ окружающимъ ихъ условіямъ, отношеній чисто матеріальнаго характера.

Въ этой простой формѣ жизни есть все, что требуется для питанія, роста, размноженія, сохраненія цѣлости въ теченіе нѣкотораго времени, для движенія, для развитія тепла.

Съ другой стороны, въ высшихъ организмахъ, кромѣ тѣхъ же явленій чисто матеріальнаго свойства, мы находимъ рядъ дѣйствій, въ которыхъ индивидъ стремится къ совершенно определенной сознательной цѣли, въ которыхъ видна сравнительная оцѣнка представляющихся къ цѣли путей; мы находимъ въ этихъ дѣйствіяхъ устраненіе препятствій, дальновидную подготовку матеріаловъ и обстоятельствъ; мы находимъ временное подавленіе желаній съ предвидящимъ расчетомъ на будущее и т. д., и т. д. — все явленія неоспоримо начала разумнаго, имѣющаго силу вести жизнь часто наперекоръ стремленіямъ чисто матеріальнаго, напр. химическаго характера.

И инфузорія, и человекъ, живутъ, но безъ глубокихъ разсужденій; мы признаемъ эти двѣ жизни рѣзко различными по формѣ ихъ проявленія.

Но что сказать при сравненіи ихъ по существу?

Витализмъ, при рѣшеніи этого вопроса, дѣлится на нѣсколько вѣтвей, между которыми двѣ главныя:

Одни предполагаютъ въ высшихъ организмахъ присутствіе особыхъ силъ, собранныхъ въ одну цѣльную систему, находящуюся съ системой самого тѣла какъ бы въ сожительствѣ, или симбіозѣ.

Другіе полагаютъ, что такая система, во всякомъ случаѣ отличная отъ системы тѣла, находится въ элементарномъ состояніи уже въ нижайшемъ организмѣ и на пути къ человеку лишь удивительно совершенствуется.

Матеріализмъ относится къ этому вопросу однообразно:

Если въ простѣйшей формѣ *единой, нераздѣльной* жизни, какъ явленій природы, нѣтъ отдѣльной, самостоятельной системы, какъ источника психо-моральныхъ функцій, то — говорятъ приверженцы матеріализма — ея не можетъ быть и въ формахъ высшихъ. Если — говорятъ они — въ простѣйшемъ организмѣ *есть* (?) проявленія единой, нераздѣльной жизни сводятся къ простымъ дѣйствіямъ притяженія и отталкиванія частицъ несложной органической массы, то въ организмахъ высшихъ, гдѣ исполненіе всѣхъ

потребностей жизни распределено между миллионами элементарныхъ клѣтокъ, гдѣ сочетанія механическихъ и химическихъ процессовъ и приспособленій доведены до неизмѣрнаго совершенства, проявленія жизни, какъ бы ни казались намъ сложными и выходящими изъ границъ вещественныхъ отношеній, постепенно сведутся къ тѣмъ же притяженіямъ и отталкиваніямъ матеріальныхъ частицъ, изъ которыхъ состоитъ видимое тѣло животнаго.

Послѣдняя аргументація построена на томъ опредѣленіи, что жизнь вездѣ и всегда качественно одина, что видимыя нами качественныя различія въ психо-моральныхъ проявленіяхъ у низшихъ животныхъ и у человѣка суть только результаты безконечно-разнообразныхъ комбинацій и дифференцировокъ количественнаго, такихъ качественныхъ элементарностей, которыя въ ихъ первобытной формѣ суть не болѣе, какъ простыя качества матеріи, и для насъ перестаютъ имѣть характеръ элементовъ психическихъ.

Но дѣйствительно ли жизнь, какъ явленіе природы, есть нѣчто единое, цѣльное, нераздѣльное? Это—вопросъ капитальной важности при изученіи общихъ жизненныхъ способностей живого вещества, хотя его часто обходятъ молчаніемъ. Онъ не поддается быстрому рѣшенію, и надо хорошенько ориентироваться въ разнообразныхъ явленіяхъ жизни, прежде чѣмъ склониться къ тому или другому рѣшенію.

Поразительно, что различія въ матеріальномъ составѣ существеннѣйшихъ частей крайнихъ организмовъ, какъ, напр., тѣла амѣбы или инфузорія и тѣла высоко-развитою животнаго, почти ничтожны въ сравненіи съ различіями въ общемъ и особенно въ психическомъ содержаніи ихъ жизни. Тотъ самый организмъ амѣбы, которому новѣйшіе изслѣдователи вовсе отказываютъ въ психическихъ способностяхъ, имѣетъ во многихъ существенныхъ чертахъ составъ болѣе близкій къ составу мозговой массы человѣка, чѣмъ любая клѣтка любого его органа. Основной матеріальный химическій составъ живого вещества изготавленъ природою уже на первыхъ ступеняхъ филогенетическаго развитія организмовъ съ такимъ совершенствомъ, что самыя ничтожныя, едва замѣтныя уклоненія были уже достаточны, чтобы такая же матеріальная основа стала носителемъ высшихъ психо-моральныхъ функцій.

Частицы воды, солей, бѣлка, жира, кислорода, которыя вчера были затерянными среди подобныхъ имъ мертвыхъ частицъ, сего-

дня стали составною частью живой матеріи или протоплазмы и являются носителями и законодателями жизни.

Правда, не въ нихъ самихъ сидитъ *все то*, что дѣлаетъ ихъ законодателями жизни; безъ участія *уже* живого вещества они вѣчно остались бы мертвой массой. Никакое количество живой энергии, никакое количество потенціальной силы, приносимыхъ на себѣ этими соединеніями на порогъ или въ самое существо живого вещества, не придастъ этимъ частицамъ способности стать живымъ тѣломъ, если онѣ не будутъ восприняты *уже* живою матеріею въ ея собственно живую массу. Значитъ, то, что придаетъ имъ жизненность, что заставляетъ ихъ природныя способности и силы дѣйствовать въ размѣрѣ и порядкѣ жизни—лежитъ не въ нихъ самихъ, и хотя исходить видимо изъ уже живой протоплазмы, но ея частицамъ, какъ химическимъ тѣламъ, неотъемлемо принадлежать также не можетъ, такъ какъ вчера или раньше онѣ были такими же мертвыми и немощными какъ сами, изъ себя жизнь, какъ и тѣ частицы, которыя еще не были живымъ веществомъ.

Какъ бы ни зачалась жизнь на землѣ—она растетъ, расширяется и захватываетъ въ свою оживляющую сферу все большія и большія массы мертвого вещества.

Искра жизни, брошенная на землю, одѣла ее уже колоссальнымъ живымъ пламенемъ, и это пламя продолжаетъ все еще расти. Жизнь, отъ первобытныхъ временъ, стала интенсивнѣе, ярче, разнообразнѣе, сложнѣе. Какъ бы насъ ни поражали громадные, но однообразные слои мѣла, трепела, коралловъ, известняковъ и другихъ породъ земной коры, какъ остатки неисчислимыхъ міриадъ жившихъ организмовъ въ теченіе милліоновъ вѣковъ,—вліяніе на мертвую природу болѣе высокихъ органическихъ формъ, въ особенности челоуѣка, несравненно сильнѣе, могучѣе. Какъ дѣйствительная огневая искра можетъ дать все большее пламя на горючемъ матеріалѣ только при помощи новыхъ и новыхъ массъ кислорода, предоставленная же себѣ самою среди камней—погасла бы, такъ и брошенная на землю искра жизни загла и продолжаетъ зажигать пламя жизни на строго опредѣленной матеріи при помощи такого же матеріала, на какомъ она сама въ благословенный часъ пришла на землю. Какой матеріалъ служилъ носителемъ этой благодатной искрѣ, откуда явилась она на землю—мы не знаемъ, но мы должны спросить себя, какой матеріалъ служилъ и служить для распространенія жизни на все новыя и новыя массы мертвого вещества?

Мы не находимъ этого матеріала среди химическихъ веществъ, простыхъ или сложныхъ, потому что они, при всей громадности запаса живыхъ или потенциальныхъ силъ, остаются на самомъ порогѣ живой матеріи мертвой массой и приобретаютъ свойство жизни лишь ставши конституціональною частью *уже* живой протоплазмы, т.-е. когда они сами *обращены* въ протоплазматическую массу.

Можно было бы думать, оставаясь на почвѣ механической теории жизни, что въ этомъ вещественномъ обращеніи заключается импульсъ къ приобретению свойствъ жизни. Въ пользу такого взгляда приводятъ явленія образования и, главное, наростанія кристалловъ, при чемъ частицы раствореннаго вещества, соприкасаясь съ *уже* плотной и организованной массой кристалла, получаютъ стремленіе осѣсть на немъ также въ плотномъ состояніи и тогда приобретаютъ всѣ остальные качества кристалла.

Нельзя отрицать, что въ процессѣ наростанія протоплазмы и кристалла есть много сходнаго, общаго, но въ результатѣ обоихъ процессовъ нельзя не видѣть отсутствія дальнѣйшихъ аналогій. Вещество, осѣвшее въ плотномъ состояніи на кристаллѣ, остается мертвымъ, неподвижнымъ, въ исключительно механо-химическихъ отношеніяхъ съ непосредственной его средой. Оно не приобретаетъ черезъ кристаллическую организацію никакихъ свойствъ, которыя бы такъ или иначе не были присущи ему и въ некристаллизованномъ состояніи. Исключенія отсюда рѣдки.

Тогда какъ вещества, обращенныя въ новую массу протоплазмы, кромѣ свойственныхъ имъ первоначально механо-химическихъ отношеній, проявляютъ цѣлый рядъ новыхъ отношеній, которымъ нѣтъ образцовъ среди мертвыхъ тѣлъ, какъ-то: само-бытное движеніе, раздражительность, стремленіе къ размноженію, явленія наследственности, онтогенезъ, филогенезъ, наконецъ сознательная индивидуальность и т. д.

Поэтому въ самомъ актѣ обращенія мертвой пищевой массы въ физико-химическое состояніе протоплазмы невозможно видѣть всю сумму условій, придающихъ этой массѣ характеръ и свойства живого вещества. Приобрѣтеніе свойствъ живого въ непосредственномъ соприкосновеніи съ *уже* живымъ веществомъ, не заставляетъ еще заключать, что жизненность въ какой бы то ни было формѣ переходитъ изъ живого на мертвую еще массу вещества, что живое будто бы теряетъ часть того, что обуславливаетъ его жизненность. Процессъ оживотворенія можетъ происходить и другимъ образомъ: напр., *уже* живое вещество можетъ

служить простымъ переносителемъ на химически организованную массу вещества того матеріала, намъ пока еще невѣдомаго, который служилъ носителемъ и первой искры жизни на землѣ.

Давно уже замѣчено, что многіе организмы, особенно низшихъ животныхъ, способны приходять при извѣстныхъ условіяхъ въ состояніе неподвижное, какъ бы мертвое, оставаться въ этомъ состояніи болѣе или менѣе долгое время и затѣмъ, при опредѣленныхъ обстоятельствахъ, снова вернуться къ первоначальной, полной силѣ и движеній жизни.

Эта способность въ различныхъ формахъ и въ различныхъ степеняхъ замиранія извѣстна для различныхъ классовъ животного и растительнаго царствъ.

Зуда относятся: инкапсулированіе многихъ низшихъ одно-кѣлочныхъ организмовъ, споры, растительныя сѣмена, яйца животныхъ, зимняя и лѣтняя спячки растений, животныхъ и даже людей; хотя рѣдкіе, но несомнѣнные случаи сна индійскихъ и персидскихъ факировъ.

Къ этому перечню необходимо прибавить рядъ явленій, еще рѣзче раздѣляющихъ жизнь вообще на *форму явную* или течучую и *форму скрытую* или неподвижную. Я имѣю въ виду естественные и искусственные случаи засыханія или замораживанія живыхъ существъ съ сохраненіемъ въ ихъ организмахъ способности не только принять ихъ первоначальный видъ и форму при осторожной придачѣ воды или при осторожномъ оттаиваніи,—но и снова начать жить, какъ будто остановки въ теченіи ихъ жизни вовсе не происходило.

Эти разныхъ степеней случаи скрытой жизни, составляющіе любопытнѣйшій отдѣлъ біологіи, ясно показываютъ, что мы имѣемъ передъ собой двѣ раздѣльныя формы жизни.

1) Жизнь *явная, текучая*, основанная на безостановочномъ движеніи въ массѣ самого вещества организма и въ дѣйствующихъ въ немъ видахъ энергій. Вещество тѣла непрерывно подвержено перемѣнамъ своего физическаго и химическаго состояній; энергіи также либо превращаются одна въ другую, либо исходятъ изъ организма, разсѣваются имъ въ окружающій міръ. Жизнь явная есть организованное движеніе организованныхъ массъ вещества.

2) Жизнь *скрытая* отличается противоположными чертами. Въ ней, именно въ полнѣйшихъ случаяхъ скрытой жизни (сѣмена, засушенные и замороженные организмы), нѣтъ организованныхъ движеній, ни вещества, ни энергій. Жизнь скрытая есть неподвижность организованныхъ массъ.

Фактъ возвращенія явной, подвижной жизни заставляетъ насъ отрицать мертвенность вещества: сѣмянъ, яицъ, засушенныхъ и замороженныхъ растений и животныхъ. Если они не мертвы, то мы имъ приписываемъ прямо противоположное свойство—живое. Но эти состоянія—живое и мертвое—суть только крайности. Между ними становится состояніе скрытой жизни, которое въ сущности не есть ни живое, ни мертвое, состояніе, также легко переходящее въ первое, какъ и во второе. Скрытая жизнь происходитъ не иначе какъ отъ бывшей явной жизни; въ ней остается нѣкоторая доля учрежденій явной жизни, и эту долю лучше всего обозначать особымъ словомъ—*жизненностью*.

Перемѣна словъ, именъ не измѣняетъ, конечно, сущности дѣла, но удачное, правильное обозначеніе однимъ словомъ сложнаго явленія есть удобство, какъ для мышленія, такъ и для изложенія своихъ и пониманія чужихъ мыслей.

Итакъ, рѣзкіе случаи скрытой жизни показываютъ намъ, что въ веществѣ организма, находящемся въ этомъ состояніи, нѣтъ жизни, но сохранилась жизненность, способность жить.

То же самое мы должны признать и въ матеріальной массѣ организмовъ зимоспящихъ, гдѣ жизненные движенія или жизнь вообще не совсѣмъ остановлена, но низведена до *minimum'a*.

Поэтому, вмѣсто одного общаго представленія о жизни, вмѣсто пониманія жизни какъ явленія единаго, цѣльнаго, внимательное отношеніе къ разнымъ формамъ проявленій ея заставляютъ различать жизнь явную или жизнь въ движеніи отъ жизни скрытой, неподвижной, или вѣрнѣе, отъ явленія жизненности.

Однако изученіе явленій жизни показываетъ, что и на этомъ остановиться невозможно.

Есть случаи, когда въ органической массѣ вещества проявляется жизненная энергія, и хотя мы называемъ эту массу живою, но жизнь эта не можетъ быть поставлена въ одну линію съ обыкновенной жизнью организма.

Я имѣю въ виду случаи несомнѣнныхъ жизненныхъ проявленій въ отдѣленныхъ отъ организма частяхъ.

Въ этомъ отношеніи фізіологія животныхъ въ послѣднее время обогатила этотъ отдѣлъ біологіи цѣлымъ рядомъ новыхъ, важныхъ фактовъ.

Всѣмъ извѣстно, что вырѣзанные мускулы животныхъ сохраняютъ въ теченіе нѣкотораго времени не только свою возбудимость и сократительность, но поглощаютъ кислородъ и выделяютъ

СО₂, т.-е. продолжают дышать. Аналогичное состояніе наблюдается на отдѣленныхъ отъ организма частяхъ или цѣлыхъ органахъ и тканяхъ, какъ-то: печени, почкахъ, сѣтчаткѣ, нервахъ, слизистыхъ оболочкахъ, даже на кожѣ, на надкостницѣ, на зубной мякоти, на костномъ мозгѣ, щитовидной железнѣ и многихъ другихъ частяхъ.

На этомъ свойствѣ отдѣленныхъ отъ метрополиі частей удержатъ въ своемъ веществѣ способность жизни основаны извѣстные хирургическіе приемы приживленія вполнѣ отрѣзанныхъ частей не только тому же животному и на прежнее мѣсто, но и въ другимъ мѣстамъ и даже другимъ животнымъ того же зоологическаго семейства.

Въ извѣстныхъ случаяхъ, напр. у зародышей, отдѣленные отъ нихъ организма части обладаютъ такою силою сохраненія и приспособляемости жизненныхъ свойствъ, что могутъ быть приживляемы даже животнымъ другихъ породъ, чѣмъ порода самого зародыша.

Различныя животныя даютъ эти явленія съ различной яркостью. Вообще замѣчается, что ткани и органы холоднокровныхъ, по отдѣленіи отъ тѣла, обладаютъ способностью сохранить въ себѣ жизненныя качества въ несравненно большей степени, чѣмъ ткани теплокровныхъ, которыя довольно скоро обмираютъ и превращаются въ мертвыя, инертныя массы.

Что же мы видимъ въ изолированной отъ организма мышцѣ, напр., лягушки? Въ ней не трудно сохранить основныя жизненныя качества—возбудимость, сократительность и дыханіе—въ теченіе двухъ сутокъ, но никакія искусственныя условія не въ состояніи удержать эти качества такъ же долго, какъ они сохраняются въ аналогичной парной мышцѣ, оставшейся въ ея естественной связи съ организмомъ.

Въ свѣже-отдѣленномъ состояніи мы признаемъ такую мышцу живымъ веществомъ. Но и масса всего организма есть не что иное, какъ живое вещество.

Почему же вырѣзанная мышца не можетъ такъ же долго жить, какъ организмъ? почему она, положенная въ наилучшую питательную среду, не способна рости и даже возстановлять свои затраты, которыя она дѣлаетъ во время своихъ сокращеній?

Почему даже вырѣзанное сердце лягушки, носящее въ себѣ самомъ самостоятельный нервный, управляющій и регулирующий его дѣятельность аппаратъ, положенное въ наилучшую питательную среду, все же умираетъ сравнительно черезъ короткій промежутокъ времени?

На эти вопросы наука даетъ удовлетворительные отвѣты; отдѣленные отъ организма части ни въ притокѣ питательнаго матеріала и кислорода, ни въ отнесеніи отъ нихъ чужеродныхъ и вредныхъ имъ продуктовъ распада, не обладаютъ необходимыми механизмами. Если же искусственнымъ образомъ пустить въ ходъ имѣющіеся въ нихъ еще механизмы подобнаго рода, напр., пропусканіемъ теплой, кислородной крови черезъ сосуды и др., то можно удержать жизненные качества въ теченіе нѣкотораго времени и въ такихъ органахъ, которые безъ этихъ приѣмовъ умираютъ чрезвычайно быстро.

Но, несмотря на всевозможныя искусственныя приспособленія, отдѣленный органъ или ткань неизбежно и довольно скоро умираютъ.

Мышца, естественно связанная съ организмомъ, отъ возбужденія и умѣренной работы только выигрываетъ, какъ живое вещество; она увеличивается въ массѣ, становится способнѣе въ работѣ, дѣятельность ея пріобрѣтаетъ въ быстротѣ и энергіи.

Мышца, отдѣленная отъ тѣла, отъ каждой само-малѣйшей работы невознаградимо теряетъ, какъ живое вещество, и дѣятельность ея становится слабѣе и слабѣе.

Мы, однако, не останавливаемся передъ этими будто мелочными различіями, и пока вырѣзанная мышца возбудима, сообразительна, пока она дышетъ, мы убѣжденно говоримъ, что она живетъ, т.-е. мы признаемъ въ ней по существу такую же жизнь, какъ и въ организмѣ.

Отдѣленная и возбудимая еще мышца и отрѣзанный, еще не обмершій кусокъ кожи и проч. представляютъ дѣйствительно еще живое вещество и обнаруживаютъ въ теченіе нѣкотораго времени жизнь явную, т.-е. жизнь въ движеніи, но это все же далеко не тотъ объемъ жизни, который мы наблюдаемъ въ цѣломъ сложномъ организмѣ, даже не тотъ объемъ жизни, который мы находимъ въ простомъ, но цѣломъ организмѣ амѣбы или инфузорія. У послѣднихъ жизнь идетъ впередъ, организмъ ихъ можетъ расти, размножаться, передавать по наслѣдству свои качества, наконецъ, обнаруживаетъ самосохраненіе, однимъ словомъ, живя движется въ сторону прибыли жизненныхъ свойствъ и живого вещества.

Жизнь вырѣзанной мышцы движется въ направленіи только противоположномъ — къ убыли жизненныхъ свойствъ, къ убыли живого вещества. Единственно истинно жизненное, что мы въ ней находимъ, состоитъ въ способности ея въ теченіе нѣкотораго времени удержать въ себѣ основное качество живого вещества —

раздражительность, но тѣмъ не менѣ эта мышца все-же обнаруживаетъ жизнь явную, жизнь въ движеніи.

Такимъ образомъ, развитой здѣсь случай, какъ и всѣ аналогичные случаи съ отдѣленными отъ организма частями, заставляютъ различать двѣ формы явной жизни:

- 1) Явную жизнь организмовъ, гдѣ она можетъ вести къ прибыли своихъ проявленій, къ прибыли живого вещества; и
- 2) Явную жизнь, гдѣ она неудержимо ведетъ къ убыли жизненныхъ явленій, къ убыли живого вещества.

Эта форма явной жизни, которую мы наблюдаемъ на отдѣленныхъ отъ организма частяхъ, втискивается въ промежутокъ между скрытой жизнью, или вѣрнѣе, между жизнеспособнымъ веществомъ и явную жизнью цѣлаго организма, какъ переходная форма, показывающая намъ явную жизнь въ ея наипростѣйшемъ видѣ. Въ этой минимальной жизни мы находимъ въ качествѣ ея существенныхъ признаковъ только три явленія:

Раздражительность съ ея послѣдствіями: движеніями, секретіями и проч.;

Дыханіе съ его послѣдствіемъ, развитіемъ теплоты и проч., и
Дѣйствіе химическихъ ферментовъ.

Въ явленіяхъ зимней спячки, летаргіи и другихъ формахъ скрытой жизни мы часто не видимъ ни дыханія, ни ферментации, и даже раздражительность, какъ, напр., въ замороженныхъ или подсушенныхъ организмахъ, не даетъ себя знать объективно, и тѣмъ не менѣ эти организмы никоимъ образомъ не суть мертвыя массы.

Единственный невыблемый признакъ живого вещества, находящагося въ жизненномъ движеніи, есть его раздражительность.

Какой признакъ мы можемъ указать въ живомъ веществѣ въ состояніи его покоя или скрытой жизни?

Тотъ же самый—раздражительность, потому что въ состояніи зимней спячки, летаргіи, спорахъ, яйцахъ, во всѣхъ случаяхъ скрытой жизни, когда протоплазма удержала свою влажность и механическую подвижность въ предѣлахъ, близкихъ нормальному—раздражительность протоплазмы не исчезаетъ. Если мы ее не видимъ въ сѣменахъ растительныхъ, въ засушенныхъ и замороженныхъ животныхъ, то это зависитъ не отъ того, что весь механизмъ, обуславливающий раздражимость протоплазмы, уничтоженъ, а лишь отъ того, что живое вещество высушиваніемъ или замораживаніемъ приведено, какъ всякая другая матеріальная масса, въ состояніе механической неподвижности. Какъ только эта по-

слѣдняя овлажненіемъ или оттаиваніемъ будетъ удалена, то и раздражительность появляется снова.

Механическая теорія, стремящаяся вывести жизнь изъ свойствъ видимой матеріи, успѣшно движется на этомъ пути, пока дѣло идетъ о какихъ бы ни было сложныхъ и запутанныхъ физическихъ или химическихъ явленіяхъ въ живомъ веществѣ, и нѣтъ сомнѣнія, что то, чтѣ сегодня еще не объяснено, станетъ понятнымъ завтра, иногда и подѣ влияніемъ открытій, сдѣланныхъ физикой или химіей совершенно независимо отъ интересовъ биологии.

Естественно было ожидать, что механическая теорія жизни сдѣлаетъ попытку ввести и раздражительность живого вещества въ сферу своихъ представленій о механизмѣ жизни. Извѣстныя до сихъ поръ попытки оказались однакоже совершенно неудовлетворительными.

Ни неустойчивость живого вещества или его бѣловъ, ни предположеніе о поразительно подвижномъ живомъ бѣлѣ, ни разлагаемость химическаго комплекса протоплазмы, ни предположеніе о взрывахъ тепловой энергіи въ раздражаемыхъ частяхъ, ни превращенія электрическихъ напряженій не могли объяснить этого явленія и раздражительность, чувствительность, отзывчивость живого вещества жизненною реакціею на внѣшнее воздѣйствіе остается и до сихъ поръ неразгаданнымъ качествомъ.

Все, чтѣ я высказалъ до сихъ поръ о жизни, всѣ частью вскользь, частью болѣе внимательно указанныя явленія до раздражительности, до процессовъ возстановленія и наростанія живой массы, до настойчивой сохраняемости какъ своего химическаго сложенія, такъ и цѣлости всего организма, до цѣлесообразнаго распорядка между процессами разрушенія и созиданія, наконецъ до процесса размноженія въ его различныхъ формахъ и т. под., — всѣ эти явленія мы находимъ какъ въ нижайшемъ одноклѣточномъ организмѣ, такъ и въ организмахъ высшихъ животныхъ и человѣка. То, чего мы не находимъ у перваго и видимъ въ высшемъ развитіи у человѣка — сферу психоморальныхъ явленій, — до такой степени рѣзко отличаетъ оба крайніе организма другъ отъ друга, что при изученіи свойствъ живого вещества необходимо выдѣлить послѣднюю группу явленій въ совершенно особую область, успѣшное и безошибочное изученіе которой возможно будетъ послѣ счастливаго и правильнаго рѣшенія основныхъ вопросовъ о жизни низшаго порядка, чѣмъ

явленія психо-моральнаго свойства. Организмъ челоуѣка, какъ масса живого вещества, несмотря на присутствіе въ немъ психическихъ элементовъ высшаго развитія, — подлежитъ тѣмъ же законамъ, какъ организмъ инфузорія, и еслибы была найдена истинная причина жизнеспособности матеріальной массы амѣбы, то та же причина, въ всякаго сомнѣнія, оказалась бы господствующей и въ веществѣ челоуѣческаго организма.

Вся сумма физико-химическихъ процессовъ организма, ихъ взаимная связь и зависимость, вещественное и динамическое отношеніе организмовъ къ внѣшнему міру и регулированіе этихъ отношеній, уже давно вся сумма подобныхъ явленій—въ цѣломъ ли организмѣ, или на отдѣльныхъ отъ него частяхъ, въ жизни явной и въ жизни скрытой—носятъ собирательное названіе *механической жизни*, въ отличіе отъ жизни психической, которая до послѣдняго времени даже адептами механической теоріи жизни держалась нѣсколько въ сторонѣ и только робко вводилась въ кругъ дѣйствія этого мировоззрѣнія.

Въ послѣднее десятилѣтіе это дѣлается гораздо смѣлѣе, хотя, безпристрастно говоря, доказательности въ пользу этой смѣлости, по существу задачи, нисколько не прибавилось.

Такое различіе механической жизни отъ жизни психо-моральной вполне плодотворно для изученія жизни вообще и его уже слѣдуетъ держаться потому, что механическая жизнь проще и даетъ больше надежды разгадать ея коренныя причины, чѣмъ явленія высшихъ формъ психо-моральной сферы.

Сдѣланная пока на общихъ основахъ установка механической жизни, какъ формы жизни самостоятельной, независимой, позволяетъ уже вернуться въ вышепоставленному вопросу о единой, цѣльной, нераздѣльной жизни, какъ явленія природы, и рѣшить его въ томъ смыслѣ, что такой качественно единой, нераздѣльной жизни въ мірѣ нѣтъ.

Единственно общее, что *безъ исключенія* во всемъ живомъ есть,—это та доля организованныхъ движеній вещества и его энергій, которыя собираются, какъ лучи въ фокусъ, въ одну реальную систему механической жизни, на какой бы ступени простоты или сложности эта система ни находилась по царствамъ и по классамъ органическихъ формъ на землѣ.

Въ низшихъ организмахъ нѣтъ психическихъ функцій, какъ указываетъ намъ тщательное изученіе ихъ жизни въ заранѣе опредѣленныхъ условіяхъ среды.

Въ живомъ еще и дѣятельномъ, но отдѣленномъ отъ организма мускулѣ, или иномъ органѣ, нѣтъ ни слѣда психическихъ функцій.

Въ засушенномъ или замороженномъ организмѣ довольно развитого животнаго нѣтъ психическихъ функцій, хотя вещество этого организма, даже въ его застывшемъ состояніи, никоимъ образомъ не есть мертвая масса, равная всякой другой неспособной къ оживанію массѣ.

Всѣ эти случаи суть различныя формы жизни, которыя объемомъ или содержаніемъ своимъ не покрываютъ въ качественномъ смыслѣ объема или содержанія жизни высшаго организма.

Поэтому жизнь, какъ явленіе природы, не есть нѣчто единое, нераздѣльное.

Жизнь есть явленіе прогрессирующее. Какъ позвоночный столбъ мы не можемъ въ элементарномъ видѣ найти у микроба, и мы должны признать, что этотъ элементъ анатомическаго сложенія высшихъ животныхъ появился совершенно вновь въ филогенезѣ, такъ и для психическихъ и психо-моральныхъ элементовъ высшихъ организмовъ мы не можемъ найти зачатковъ въ низшихъ формахъ жизни.

Если жизнь, какъ явленіе природы, не есть качественно единое, цѣльное, нераздѣльное, то и попытка матеріализма, на основаніи, положимъ, даже удачнаго сведенія всѣхъ проявленій жизни амѣбы или инфузорія къ физико-химическимъ свойствамъ видимаго вещества и его энергіи, попытка свести исключительно къ тому же и высшую, психо-моральную жизнь человѣка, должна считаться недостигающею цѣли. Матеріализму придется отыскать новыя основы для своего толкованія или найти новые пути для рѣшенія этой задачи.

Мы не знаемъ жизни безъ матеріи, но знаемъ матерію безъ жизни. Этого довольно, чтобы мы плодотворно изучали одну матерію и этимъ готовили себя къ изученію и пониманію жизни.

Мы не видимъ психо-моральной системы нашего существа или, иначе говоря, души, безъ организаціи механической жизни, но знаемъ механическую жизнь безъ участія самосознающей индивидуальности. Этого довольно, чтобы мы видѣли въ механической жизни явленіе самобытное и изученіемъ его готовили почву для изученія и пониманія нашей души.

Самое названіе: механическая жизнь, указываетъ, что она

есть произведеніе какъ бы исключительно видимой, осязаемой нами матеріи и ея динамическихъ продукцій, что всѣ феномены этой жизни подлежатъ законамъ механики нашей матеріи и исключительно въ нихъ находятъ или найдутъ свое объясненіе. Дѣйствительно, явленія открытой жизни, особенно оживленіе организмовъ послѣ ихъ искусственнаго или естественнаго засушиванія или замораживанія, собранныя подъ однимъ названіемъ *анабіоза*, служатъ, въ рукахъ приверженцевъ механической теоріи жизни вообще, самымъ сильнымъ доказательствомъ вѣрности этой теоріи.

Но не будемъ слѣпо вѣрить такому рѣшенію и не станемъ смущаться его распространенностью; останемся въ области чисто-механической жизни, протекающей безъ участія психо-моральныхъ элементовъ, и проверимъ, насколько позволяетъ время, справедливость ученія, по которому всѣ феномены чисто-механической жизни истекаютъ изъ свойствъ нами видимой матеріи.

Механическая жизнь, какъ часть жизни полной, жизни съ психическимъ содержаніемъ, проще всего цѣлаго, и потому на ней легче и яснѣе можно проверять справедливость ученія. Если бы оно оказалось вѣрнымъ, то витализму придется отступить со своей позиціи и относить свое міровоззрѣніе не къ жизни вообще, но лишь къ психо-моральнымъ элементамъ ея.

Прежде всего мы должны опредѣлить объемъ явленій механической жизни. Возьмемъ для сосредоточенія вниманія одинъ или два ясныхъ образца чисто-механической жизни; возьмемъ, напр., цѣлый живой организмъ и рядомъ съ нимъ живую еще часть организма.

Пусть будутъ передъ нами живая амѣба или инфузорій, организмъ микроскопическій, одноклѣточный, и рядомъ—отрѣзанный мускулъ лягушки или цѣлая лапка ея.

Оба объекта, пока живы, живутъ механическою жизнью безъ участія психическихъ элементовъ. Для отрѣзанной лапки въ этомъ нѣтъ сомнѣнія ни съ какой стороны. Для амѣбы—это еще спорно. Въ ея движеніяхъ, въ выборѣ ихъ направленій, смотря по обстоятельствамъ, въ выборѣ пищи, въ стремленіи къ источнику кислорода, въ уклоненіи отъ опасностей, не только механическихъ, но и химическихъ, въ самозащитныхъ приѣмахъ, наконецъ въ выборѣ надлежащаго времени для размноженія и путей для этого процесса и т. д., одни видятъ первые проблески разумнаго начала, другіе—ничего, кромѣ явленія физическаго или химическаго при-

тяженія и оттапливанія, находимыхъ въ беспорядочной послѣдовательности и въ мертвыхъ тѣлахъ.

Хемиотаксическія изслѣдованія послѣдняго времени дали уже и общають въ будущемъ матеріалъ, превзошедшій ожиданія даже приверженцевъ механической теории жизни, — матеріалъ, который многія изъ вышеописанныхъ жизненныхъ явленій дѣйствительно способенъ свести къ физико-химическимъ качествамъ самой матеріи. На этомъ основаніи и всѣ другія, еще не подведенныя къ тому же знаменателю, явленія механической жизни считаются того же происхожденія. Но когда требуется эти остальные явленія или даже только одно изъ нихъ, наиболѣе основное, общее, напр. *раздражимость живого вещества*, свести на конкретныя свойства матеріальныхъ частицъ живого вещества, — сцена перемѣняется. вмѣсто положительныхъ исходныхъ фактовъ — матеріи приписываютъ такія качества и даже такія матеріальныя формы, какія кому кажутся удобнѣе для вывода изъ нихъ искомымъ качествъ живого вещества.

Особенно посчастливилось въ этомъ отношеніи бѣлковымъ веществамъ, какъ наименѣе понятымъ до сихъ поръ химическимъ соединеніямъ, какъ наиболѣе существеннымъ частямъ живого вещества. Такъ какъ эти мертвыя тѣла подѣ дѣйствіемъ лабораторныхъ приемовъ совершенно иначе измѣняются, чѣмъ будучи разложены силами живого организма, то вмѣсто того, чтобы искать причину этой разницы въ самомъ живомъ веществѣ, какъ цѣломъ, механическое ученіе, опасаясь, что это могло бы его привести къ нежелательному принципу витализма, предполагаетъ (и это получило широкое распространеніе), что мертвое бѣлковое вещество пищи, какъ только становится частью самого живого вещества, тотчасъ измѣняетъ свое внутреннее химическое строеніе и изъ вещества довольно устойчиваго и инертнаго превращается въ химическое тѣло, до того неустойчивое и шаткое, что оно само въ себѣ носитъ всѣ условія къ разрушенію и дѣйствительно саморазрушается непрерывно.

Такъ какъ разрушеніе сложнаго вещества сопровождается развитіемъ свободныхъ энергій — и ближайшимъ слѣдствіемъ разрушенія бѣлка должно дать массу горючихъ продуктовъ, то развитіе этого саморазрушенія бѣлка въ кислородной средѣ имѣетъ слѣдствіемъ развитіе огромнаго количества свободной, тепловой энергій. Молекулярныя колебанія живого вещества, вызываемыя освобождающеюся тепловою энергіею суть, по предположенію механической теории жизни, не чтд иное, какъ основа раздражительности, а происходящія отсюда массовыя колебанія или дви-

женія живого вещества, смотря по механическому устройству ткани, являются намъ то въ видѣ нервнаго тока, то мускульнаго сокращенія, то химическихъ превращеній веществъ въ органахъ, вырабатывающихъ вещественные продукты.

Нельзя отказать такой гипотезѣ въ большомъ остроуміи и въ большой послѣдовательности развитія вплоть до видимыхъ явленій въ живомъ веществѣ. Но... и подобныя гипотезы, которыхъ въ наукѣ циркулируетъ не одна, грѣшатъ въ точкѣ своего отправления какъ въ философскомъ, такъ и въ реальномъ смыслѣ.

Въ послѣднемъ отношеніи не трудно теперь доказать: 1) что предполагаемое гипотезами химическое внутреннее устройство живого бѣлковаго вещества существуетъ и въ завѣдомо мертвомъ, и, несмотря на это, мертвый бѣлокъ въ такомъ состояніи устойчивѣе, менѣе склоненъ къ распаду, чѣмъ бѣлокъ, почитаемый гипотезами мертвымъ; 2) что бѣлковыя тѣла, составляющія главнѣйшія и наиболѣе (если можно такъ выразиться) живыя и жизнедѣятельныя части протоплазмы, состоятъ какъ разъ изъ бѣлковъ наиболѣе въ химическомъ отношеніи устойчивыхъ, т.-е. наименѣе склонныхъ къ распаду подъ вліяніемъ разрушительныхъ средствъ организма и рѣшительно неспособныхъ къ саморазложенію.

Этихъ двухъ доводовъ уже достаточно, чтобы показать неосновательность реальной исходной точки подобныхъ гипотезъ.

Что касается до теоретической погрѣшности ихъ, то она состоитъ въ томъ, что эти гипотезы оставляютъ совершенно открытымъ вопросъ, какимъ образомъ, подъ чьимъ вліяніемъ мертвыя и, стало быть, по ихъ возрѣвнію трудно подвижныя бѣлковыя тѣла пища становятся внутри уже живого вещества живыми или самоподвижными. Такая внутренняя перестройка бѣлковой частицы, на основаніяхъ механическихъ же законовъ, можетъ быть произведена не иначе, какъ съ затратою энергіи и притомъ припоровленной именно къ производству даннаго превращенія. Объ этой энергіи гипотеза не даетъ и не можетъ дать никакихъ указаній, потому что она должна будетъ для этого вернуться вспять, т.-е. тепловой энергіей объяснить происхожденіе живого бѣлка, назначеніе котораго по смыслу гипотезъ состоитъ въ производствѣ тепловой энергіи въ живомъ веществѣ.

Такимъ образомъ, истинная ближайшая причина не только механической жизни выше нами избранныхъ двухъ объектовъ, но и одного основного біологическаго качества живого вещества этихъ объектовъ оставляется подобными гипотезами безъ удовлетворительнаго разъясненія. Никакія гипотетическія качества, принимаемыя этими гипотезами въ какихъ бы то ни было обыкновен-

ныхъ составныхъ частяхъ живого вещества, не исключая бѣлковыхъ тѣлъ, не даютъ возможности вывести раздражительность и механическую жизнь изъ физико-химическихъ свойствъ самой матеріи, если даваемое объясненіе должно оставаться вѣрнымъ, установленнымъ общимъ механическимъ принципомъ о веществѣ и его силахъ.

Содержаніе механической жизни организма и, напр., отдѣленнаго отъ него мускула довольно сложно и разнообразно. Механическая жизнь обнимаетъ всѣ процессы такъ называемаго соматическаго характера.

Цѣль этой жизни—матеріальные интересы организма въ настоящемъ и въ самомъ ближайшемъ будущемъ. Эти интересы обеспечиваются процессами: отысканія и приѣма пищи, превращеніемъ ея, ассимиляціей, выработкой различныхъ соковъ, установкой и поддержкой внутренней кровяной или лимфодной среды для элементарныхъ частей сложнаго организма, выдѣленіемъ бесполезныхъ или вредныхъ веществъ, развитіемъ тепла и механической работы, возстановленіемъ потерь живого вещества, развитіемъ системности въ борьбѣ частей между собою и ихъ общей борьбѣ съ внѣшними вредными дѣятелями, размноженіемъ элементарныхъ организованныхъ частей организма и друг.

Общими средствами для исполненія этихъ потребныхъ для жизни процессовъ служатъ: физико-химическій составъ, архитектурное сложеніе живого вещества, раздражительность его, приспособляемость его въ извѣстныхъ предѣлахъ къ колебаніямъ внѣшнихъ условій существованія, стремленіе и способность сохраненія своей цѣлости, стремленіе въ подчиненію себѣ внѣшнихъ условій и друг.

Міровыя послѣдствія механической жизни заключаются: въ прогрессивномъ развитіи формъ механической жизни, въ подготовкѣ живого вещества явиться носителемъ высшихъ психоморальныхъ проявленій жизни и въ разростаніи, въ увеличеніи массы жизни на землѣ.

Если безпристрастно рассмотреть сдѣланный здѣсь, въ сущности еще не совсѣмъ полный перечень явленій механической жизни, то не трудно видѣть, что далеко не всѣ изъ нихъ могутъ быть безъ гипотетическихъ натяжекъ выведены изъ физико-химическихъ свойствъ матеріи вообще и матеріальныхъ частицъ живого вещества въ частности. Достаточно напомнить, что такое сравнительно элементарное качество послѣдняго, какъ раздражительность, не могло быть до сихъ поръ объяснено удовлетворительно

механической теоріей жизни. Другія же свойства и стремленія живого вещества несравненно сложнѣе.

Можетъ быть, если это невозможно теперь, оно станетъ возможнымъ въ будущемъ?

Въ это болѣе или менѣе твердо вѣрятъ приверженцы механической теоріи жизни, а пока... не признають попытокъ витализма найти новые пути для объясненія неразгаданныхъ явленій.

Механическая теорія жизни, какъ гипотеза (и ничѣмъ инымъ она въ настоящее время быть не можетъ) есть вещь несовершенная, требующая прогрессивнаго развитія. Если наиболѣе ярые приверженцы ея отнимають у нея возможность прогрессировать по существу, а не въ однихъ только подробностяхъ, то объ этомъ надо пожалѣть, потому что они этимъ самымъ произносятъ надъ ней приговоръ какъ объ ограниченной попыткѣ человѣческаго ума. Не отрицая упованій механической и виталистической теорій, подвергнемъ основное положеніе первой изъ нихъ, какъ болѣе доступное, принципиальному анализу.

Жизнь есть движеніе. Жизненные движенія матеріи на землѣ непоколебимо ведутъ къ накопленію массы жизни, то-есть, къ накопленію движущагося вещества въ міръ. Жизнь—рядомъ или даже при помощи разсѣянія нѣкотораго количества энергіи—въ итогъ все-же накопляетъ на землѣ энергію въ органической формѣ.

Матерія неживая, предоставленная себѣ самой, неудержимо стремится къ покою. Это стремленіе есть также движеніе. Самодвиженіе мертвой матеріи имѣетъ неизбежнымъ послѣдствіемъ убавленіе движущейся матеріи и самого движенія. Оно имѣетъ слѣдствіемъ разсѣяніе живой энергіи въ космическое пространство и уменьшеніе ея на землѣ.

Движенія, неудержимо ведущія матерію къ ея покою, никогда не могутъ сами по себѣ или сами изъ себя дать начало такому роду движеній, которое способно вести къ постоянному накопленію энергіи въ формѣ движущагося вещества.

Никогда холодное тѣло не можетъ еще болѣе нагрѣть горячее. Никогда холодная планета не прибавитъ свѣта солнцу. Никогда неподвижная струна не дастъ звука, и т. д., и т. д.; и все это потому, что покойное или стремящееся къ покою тѣло не можетъ возбудить ни въ другомъ тѣлѣ, ни въ себѣ самомъ движенія большаго, чѣмъ то, которое ему осталось додѣлать до точки его покоя.

Жизнь есть движеніе; она не есть вещественная сущность. Она только проявляется на веществѣ, потому что для насъ само

движеніе понятно не иначе, какъ на матеріальной основѣ. Для обѣихъ большихъ школъ — матеріализма и витализма — матерія мыслима вооруженною опредѣленнымъ количествомъ энергій. Но такова натура матеріи, что ея собственныя энергіи толкаютъ ее къ взаимодѣйствіямъ, и послѣднія роковымъ образомъ, неудержимо приводятъ ея къ покою, путемъ потерь своихъ энергій во время этихъ взаимодѣйствій, путемъ разсѣиванія энергій въ окружающій міръ.

Въ живомъ веществѣ происходятъ между матеріальными частицами тѣ же взаимодѣйствія, которыя ведутъ самую матерію организма также неудержимо къ наибольшему для нея состоянію покоя, при чемъ также точно освобождаются энергіи, переходящія съ дѣятельной или превращающейся матеріи въ окружающую среду—все такъ же, какъ и въ мертвомъ веществѣ.

Живой организмъ пользуется этимъ стремленіемъ матеріи къ покою для своихъ цѣлей, нуждаясь въ освобождающихся при этомъ живыхъ силахъ; но это дѣлаетъ (и этого не должно забывать) не агломерать, не какая-либо масса вещества—это дѣлаетъ только *уже* живое вещество. Предполагать, что стремящаяся къ покою мертвая матерія можетъ изъ себя самой *породить* удаляющуюся отъ покоя *жизнь* или живое вещество, значитъ тоже, что допустить, что падающее на землю тѣло можетъ этимъ самымъ придать себѣ же по крайней мѣрѣ такое же стремленіе отъ земли.

Но зато какъ на вѣсахъ большая тяжесть на одной чашкѣ, опускаясь, поднимаетъ другую чашку съ меньшею тяжестью вверхъ, такъ и разрушеніе большаго количества потенциально тяжелаго сложнаго мертваго вещества, въ формѣ пищи, даетъ силу, способную поднять и удержать на высотѣ меньшее количество матеріи, но не иначе, какъ если эта послѣдняя была *уже живою*. Какъ въ первомъ примѣрѣ точка опоры коромысла вѣсовъ есть моментъ независимый отъ реальныхъ отношеній обѣихъ тяжестей на чашкахъ вѣсовъ, но необходимый для поднятія меньшей тяжести большую, такъ и существованіе уже живой матеріи есть моментъ независимый отъ реальныхъ отношеній въ организмѣ между стремящимся къ покою и стремящимся къ движенію вещества, но необходимый, чтобы малѣйшее количество живого вещества могло продолжать свое существованіе. Уже готовое живое вещество, хотя бы въ видѣ зернышка, представляетъ тѣ же для балансированія прихода и расхода вещества и энергій въ организмѣ, что точка опоры для балансированія двухъ тяжестей.

Разсматривая жизнь организмовъ какъ движеніе, мы должны поэтому различать въ ней два рода ихъ:

1) *Движеніе къ покою*. Всякое тѣло или химическое соединеніе, заключающее въ себѣ какое-либо количество потенциальной энергіи, носить въ себѣ стремленіе къ взаимодействию съ другими тѣлами и стремленіе тѣмъ достигнуть для себя точки наибольшаго покоя. Чѣмъ дальше данное соединеніе отстоитъ отъ возможнаго для него или для его частей покоя, тѣмъ стремительнѣе его движеніе къ нему, когда являются благоприятныя къ тому условія. Въ этомъ отношеніи живой и мертвый бѣлокъ, сами по себѣ какъ химическое тѣло взяты, принципиально одинаковы. Въ сферѣ этого рода движенія живое вещество клонится къ своему разрушенію, и въ немъ есть достаточно условій, чтобы быстро осуществить это стремленіе, еслибы ему не препятствовалъ постоянно:

2) *Второй родъ движеній*, стремящійся не только удержать цѣлость живого вещества, но устанавливающій въ послѣднемъ извѣстную кинетическую среду, или, иначе говоря, образующій въ немъ поле, свободное отъ разрушительнаго дѣйствія движеній перваго рода, — даетъ тѣмъ самымъ возможность образованія въ этомъ полѣ новыхъ массъ живого вещества.

Машина, паровозъ — излюбленный аналогъ живого организма. Но внимательный и безпристрастный анализъ показываетъ, что онъ даетъ намъ аналогію не живого, не жизни со всѣмъ ея содержаніемъ, а лишь въ высокой степени поучительный по простотѣ и ясности образецъ механо-химическихъ процессовъ, совершающихся *въ уже живомъ*. Но то, что дѣлаетъ организмъ или вырѣзанный мускулъ живымъ, никакое механическое произведеніе человѣческихъ рукъ еще не могло и не сможетъ воспроизвести.

Когда я называю живое вещество или протоплазму, то не слѣдуетъ подъ этими терминами понимать какое-либо одно химическое вещество. Анализы протоплазмы показываютъ, что въ ея составѣ находится большой рядъ разнообразныхъ химическихъ соединеній, начиная съ воды, неорганическихъ солей и кончая бѣлковыми веществами. Отстраняя многія изъ этихъ веществъ, какъ не образующія своею массою собственно живую, жизнедѣтельную матерію, все-же остается еще изрядное число химическихъ соединеній, изъ которыхъ многія мы съ величайшею до-

стойкостью должны считать существенными, *пластическими* строителями живого вещества, подобно тому, какъ кирпичъ, песокъ, известка, вода, дерево, желѣзо, стекло суть несомнѣнные, пластическіе матеріалы зданія. Что эти химическіе строители живого вещества не находятся въ немъ смѣшанными какъ попало, не было бы надобности доказывать, еслибы біологическая химія могла показать, въ какой же именно взаимной связи эти вещества образуютъ протоплазму. Къ сожалѣнію, наука принуждена пока ограничиваться избираніемъ фактовъ, имѣющихъ цѣлю укрѣпить мысль, что вся масса пластическихъ частей протоплазмы не есть смѣсь, хотя бы и самая совершенная, но образуетъ связанное, цѣльное соединеніе, правда не очень стойкое, но тѣмъ не менѣе дѣйствующее и реагирующее какъ одно, единое цѣлое. Ни одно изъ пластическихъ веществъ протоплазмы, пока она жива, не обнаруживается вполнѣ свободно въ его натуральныхъ единоличныхъ свойствахъ.

Пока протоплазма жива — на всѣ запросы извнѣ отвѣчаетъ она, хотя бы внѣшнія воздѣйствія были адресованы исключительно либо къ водѣ, либо къ солямъ, либо къ фосфору, либо къ бѣловымъ тѣламъ.

Только тогда, когда внѣшнее воздѣйствіе, перейдя извѣстныя границы силы, убиваетъ жизненность протоплазмы, каждая ея составная часть становится, какъ во всякой простой смѣси, свободнымъ, личнымъ отвѣтчикомъ на внѣшнія званія. Такое химическое состояніе живого вещества обозначается названіемъ — *химического комплекса протоплазмы*.

Ткани живого организма полны дѣятелями, способными разрушить не только сравнительно слабый химическій комплексъ протоплазмы, но и самыя вещества, изъ которыхъ онъ состоитъ. Кислоты, щелочи, сама вода, соли, высокая температура, треніе, ферменты и, наконецъ, могучій кислородъ — вотъ еще неполный перечень средствъ, проникающихъ живое вещество по всѣмъ направленіямъ и способныхъ каждое въ своемъ родѣ нарушить цѣлостность живого комплекса, вырвать изъ него ту или другую составную часть и измѣнить ее до полной негодности въ качествѣ пластическаго матеріала живого вещества.

Особенно большую разрушительную силу въ протоплазмѣ обнаруживаютъ химическіе ферменты, или энзимы, и кислородъ, дѣйствіе которыхъ къ тому же у тепловровныхъ животныхъ усилено высокой температурой тѣла. Уже при нѣсколькихъ градусахъ выше

нуля, энзимы въ состояніи въ теченіе нѣсколькихъ минутъ производятъ во многихъ тѣлахъ химическія превращенія, которыя въ лабораторныхъ опытахъ, безъ участія ферментовъ, вызываются дѣйствіемъ очень высокой температуры, иногда при участіи давленія въ нѣсколько атмосферъ и всегда въ теченіе многихъ часовъ.

Протоплазма содержитъ цѣлый рядъ такихъ ферментовъ, имѣющихъ каждый свою спеціальную роль.

Одни изъ нихъ разрушаютъ бѣлковыя вещества и притомъ одинъ въ кислой, другой въ щелочной средѣ, одинъ—глубоко, такъ что бѣлковая частица распадается на части, другой—только поверхностно, такъ что бѣлковая часть протоплазмы становится растворимой, отчего и вся эта часть живой ткани должна расплыться, потерять свое архитектурическое сложеніе. Еще другіе ферменты способны разжижать полуплотныя массы углеводовъ, третьи разлагаютъ жиры, четвертые—разныя другія вещества.

Можно сказать, что нѣтъ ни одного истинно-пластическаго вещества протоплазмы, которое не имѣло бы въ средѣ живого вещества энзима, способнаго его разрушить или по крайней мѣрѣ отнять у него на время или навсегда пластическія качества.

Другой энергичный разрушитель живого вещества есть кислородъ. Ткани организма проникнуты имъ не менѣе, чѣмъ ферментами. Хотя кислородъ находится въ протоплазмѣ въ обыкновенномъ своемъ малодѣятельномъ состояніи, но научныя изслѣдованія прочно установили фактъ, что внутри организма бѣлковыя тѣла и особенно жиры и сахаръ съ большою легкостью и быстрою подпадаютъ его окисляющему дѣйствію и вслѣдствіе этого разрушаются въ огромныхъ количествахъ. Оставивъ въ сторонѣ невыясненный еще вопросъ о томъ, какимъ образомъ живое вещество даетъ кислороду возможность производить такія колоссальныя дѣйствія, и установимъ только самый фактъ разрушенія пластическихъ веществъ кислородомъ. Если въ живой субстанціи бѣлковыя тѣла находятся въ такомъ физическомъ или химическомъ состояніи, въ которомъ они прямо кислороду мало или вовсе не подвержены, то достаточно подѣйствовать на нихъ, притомъ даже только поверхностно, подходящему по натурѣ ферменту, чтобы въ нѣсколько секундъ сдѣлать эту бѣлковую часть доступною разрушительному воедѣйствію кислорода.

Кислородъ и химическіе ферменты порознь и особенно въ содѣйствіи другъ другу и еще болѣе при участіи высокой температуры тѣла теплокровныхъ животныхъ представляютъ могучую разрушительную лигу противъ цѣлости живого вещества.

Теплота, играющая въ этой лигѣ не послѣднюю роль пособницы, хотя и тщательно скрывающейся, напр., у холоднокровныхъ животныхъ, происходитъ отъ сгорания въ тѣлѣ ихъ органическихъ веществъ, приносимыхъ въ организмъ ежедневной пищей. Пища, такимъ образомъ, вноситъ собою въ живое вещество организма и косвенный разрушительный элементъ.

Многимъ можетъ показаться парадоксомъ, что я ставлю кислородъ и пищу въ ряды нашихъ разрушителей! Вѣдь это, казалось бы, такъ явно противорѣчитъ простой наглядности, самому поверхностному наблюдению жизни! Дѣйствительно, для пищи надо поспѣшить сдѣлать оговорку. У молодого, растущаго организма накопленіе массы живого вещества происходитъ на счетъ части пищи,—значить, косвенное пособничество въ разрушительныхъ дѣйствіяхъ кислорода и ферментовъ принадлежитъ не всей, но только части ежедневной пищи, но за то непременно гораздо большей части, чѣмъ той, которая служитъ прямо для роста живого тѣла.

Итакъ, по первому и естественному своему побужденію, кислородъ и ферменты имѣютъ стремленіе и достаточно силы своими дѣйствіями очень скоро погубить живое вещество.

Имѣя передъ собою сложные, крупные организмы, окутанные плотной, эластической кожей или роговыми панцырями, организмы, отдѣльные органы которыхъ защищены крѣпкими оболочками, даже костями, трудно себѣ представить, чтобы такіа невидныя, молчаливыя дѣйствія, какъ химическіе процессы живого тѣла, могли быть такими угрожающими для самаго существованія жизни. Но если вникнуть въ условія жизни низшихъ, крошечныхъ организмовъ, населяющихъ воды нашей планеты, тѣло которыхъ покрыто едва при огромныхъ увеличеніяхъ видимой, тончайшей оболочкой и такимъ образомъ, собственно говоря, лишено механической защиты, и если вспомнить, что въ ихъ тѣлѣ пробѣгаютъ тѣ же процессы окисленія, тѣ же дѣйствія ферментовъ и развитіе тепла,—то должно удивляться не тому, что эти процессы своими размѣрами могутъ угрожать цѣлости организма, а тому, какимъ образомъ эти крошечныя созданія могутъ уцѣлѣть среди враждебныхъ вѣншихъ условій и особенно среди разрушительныхъ условій внутри ихъ собственнаго существа? За то, если способность этихъ мелкихъ организмовъ противостоять разрушительному дѣйствію кислорода, ферментовъ, самой водной среды, почему-нибудь падаетъ, то разрушеніе организма идетъ почти на глазахъ, и черезъ нѣсколько минутъ отъ него остается комочекъ зернышекъ.

Выше я указалъ на два рода движеній въ живомъ веществѣ и къ одному роду я отнесъ движенія, приводящія матерію къ наибольшему ея покою. Описанныя только-что разрушительныя дѣйствія въ организмѣ кислорода, ферментовъ, тепла и другихъ дѣятелей стремятся всею силою своихъ природныхъ качествъ направить какъ матерію пищи внутри организма, такъ и матерію самого живого вещества именно на этотъ путь.

Несмотря на присутствіе этихъ разрушительныхъ моментовъ, организмъ устываетъ въ борьбѣ съ ними и даже увеличивается въ массѣ. Обыкновенно этотъ результатъ объясняютъ тѣмъ соображеніемъ, что дѣйствію разнородныхъ разрушителей въ живомъ веществѣ подсовываются повсемѣстно и постоянно вещества пищи, еще не принявшія организованнаго, т.-е. живого состоянія.

Не отрицая такой формы защиты живого вещества, слѣдуетъ однакоже тотчасъ замѣтить, что она не абсолютно вѣрная, такъ какъ при любомъ количествѣ пищи часть живого вещества постоянно разрушается.

Многіе физиологи и именно тѣ, которые принимаютъ особое живое состояніе бѣлка въ организмѣ, держатся мнѣнія, что почти вся бѣлковая часть пищи, прежде чѣмъ подвергнуться разрушенію, успѣваетъ превратиться въ живой бѣлокъ, т.-е. успѣваетъ организовать съ помощью другихъ веществъ.

Если въ этомъ отношеніи можетъ быть какое-либо сомнѣніе для бѣлка пищи въ теченіе, напр., сутокъ, то уже никакого сомнѣнія не можетъ быть для бѣлковой массы, задержанной организмомъ въ теченіе многихъ дней избыткаго кормленія. Въ этомъ случаѣ запасенный организмомъ бѣлокъ пищи дѣйствительно превращенъ, при участіи другихъ тѣлъ, въ организованное живое вещество.

Опыты и наблюденія показываютъ, что такой организованный бѣлокъ сидитъ въ организмѣ гораздо крѣпче, чѣмъ бѣлокъ, не успѣвшій или по какой-либо причинѣ неспособный стать организованнымъ веществомъ.

Этимъ послѣднимъ превращеніемъ бѣлокъ пищи сразу приобрѣтаетъ бдльшую устойчивость противъ разрушительныхъ дѣятелей организма.

Живое вещество мышцъ, нервовъ, печени, соединительной ткани, эпителия и вообще всѣхъ клѣточныхъ образованій неоднородно въ различныхъ мѣстахъ даже одной и той же клѣтки. Оно устроено различно анатомически, что мы видимъ при пря-

момъ наблюдѣніи; оно различно въ своихъ фізіологическихъ от-
правленіяхъ; оно, наконецъ, различно и въ своихъ химическихъ
свойствахъ. Сообразно этимъ различіямъ — оно не одинаково
устойчиво и противъ разрушителей, дѣйствующихъ въ организмѣ.
Однѣ формы его разрушаются легче, другія — трудно, третьи —
въ обыкновенныхъ условіяхъ жизни только слѣдами.

Въ нормально живущемъ организмѣ живыя ткани разрушаются
крайне мало, — въ среднемъ, напр., около $\frac{1}{2}$ ‰ всего живого ве-
щества.

Но въ нѣкоторыхъ условіяхъ жизни, напр. при внезапномъ
уменьшеніи суточного количества пищевого бѣлка, живое веще-
ство начинаетъ разрушаться въ значительномъ размѣрѣ. Въ этихъ
случаяхъ никакое подставленіе любыхъ количествъ жира или са-
хара пищи не въ состояніи остановить этого разрушенія живой
ткани и въ наилучшемъ случаѣ только замедляетъ распаденіе его.

Итакъ, съ одной стороны ни жиръ, ни сахаръ, не въ состоя-
ніи спасти живое вещество отъ разрушенія, когда организму по
какой-либо причинѣ необходимо разложить извѣстное количество
бѣлка; съ другой стороны — бѣлокъ, организованный въ живое
вещество, оказывается весьма устойчивымъ противъ дѣйствующихъ
въ организмѣ разрушителей.

Примѣромъ послѣдняго могутъ служить нѣкоторыя явленія
голоданія. Организмъ, лишенный пищи, то раньше, то позже,
смотря по величинѣ, по натурѣ его, неизбежно умираетъ. Это
явленіе кажется до того простымъ, естественнымъ, что оно не
должно бы возбуждать никакихъ недоразумѣній. Дѣйствительно,
въ конечномъ своемъ результатѣ оно просто: организмъ нуждается
въ энергіи, энергія приносится ему пищей; если послѣдней нѣтъ,
— организмъ теряетъ возможность приводить въ движеніе свои
механизмы. Здѣсь все ясно съ обыденной точки зрѣнія на жизнь,
но вовсе не такъ ясно съ точки зрѣнія механизма или химизма
смертныхъ условій.

Начать съ того, что организмъ голодающаго въ самый мо-
ментъ смерти вовсе не лишень всего запаса энергіи, какъ ду-
маютъ. У голодающаго постепенно исчезаютъ запасенные въ
предыдущемъ періодѣ жиръ и углеводы. Количество ихъ въ тѣлѣ
спускается до ничтожной доли ихъ первоначальнаго состоянія
гораздо ранѣе смерти организма. Еслибы жиръ и сахаръ были
единственными источниками энергіи въ организмѣ, то смерть
должна была бы наступить въ моментъ такого ихъ паденія. На
самомъ дѣлѣ она еще не наступаетъ. Голодающій при извѣст-
ныхъ условіяхъ организмъ продолжаетъ еще жить, затрачивая

маленькія количества своихъ бѣлковъ. Но такъ какъ притока мертваго, пищевого бѣлка нѣтъ, то тратится живой бѣлокъ или, вѣрнѣе, разрушается живое вещество. При такомъ порядкѣ казалось бы, что организмъ долженъ сохранить хоть искру жизни до полного истощенія хотя бы своихъ второстепенныхъ тканей. Ничуть не бывало. Смерть, несмотря на наиболѣе благоприятныя для голодающаго условія (кромѣ притока пищи, конечно) наступаетъ неизбежно еще въ таковой моментъ, когда не только сердце, мозгъ и дыхательныя мышцы, но и другіе мускулы, и печень, и ткани пищеварительнаго аппарата, и живое вещество самой послѣдней связки или хряща еще очень богаты бѣлкомъ.

Что виды бѣлковъ еще оставшейся у голодающаго живой ткани могутъ служить источникомъ энергіи, доказывается прямыми опытами надъ дѣятельностью мышцъ—между тѣмъ организмъ все же не можетъ ими воспользоваться.

Еще поразительнѣе слѣдующіе факты. Одно бѣлковое вещество, конечно, не составляетъ еще живой ткани. Выше я предпослалъ понятіе о живомъ веществѣ какъ о химическомъ соединеніи, гдѣ всѣ истинно-пластическія вещества, бѣлковой ли, жировой или углеводной природы, находятся въ химической связи и составляютъ одну цѣльную единую систему частицъ. Поэтому, пока ткань жива, до тѣхъ поръ пластическія вещества ея находятся въ химическомъ комплексѣ. Значитъ, въ голодающемъ и значительно истощенномъ организмѣ, собственно говоря, устываетъ противъ разрушителей не бѣлокъ одинъ, а весь организованный протоплазматическій комплексъ. Но въ послѣднемъ кромѣ бѣлка находятся и другія органическія вещества, какъ-то: углеводы, жировыя тѣла, церебринъ, холестеринъ, большинство которыхъ легко разрушается въ организмѣ окисленіемъ.

Между тѣмъ, живое вещество сопротивляется и устываетъ противъ настойчиваго дѣйствія разрушителей, какъ одно цѣлое, оставаясь до послѣдней минуты своего жизненнаго состоянія цѣльною, нераздѣльною, химическою системою. Изъ этой химической системы, пока она жива, никакой изъ дѣйствующихъ въ организмѣ разрушителей, не исключая кислорода и ферментовъ, не можетъ вырвать ни одной составной части.

Напримѣръ, всякое живое вещество содержитъ фосфористое соединеніе, называемое лецитиномъ. Въ организмѣ лецитинъ представляетъ тѣло легко разлагающееся въ соприкосновеніи съ кислородомъ, ферментами и даже водою уже при температурѣ животнаго тѣла. Внутри организма вообще свободный лецитинъ пищи распадается еще легче, скорѣе. Но лецитинъ, принадле-

жацій къ составу химическаго комплекса живого вещества, можно сказать, почти неприкосновененъ для его самыхъ сильныхъ разрушителей.

Даже тотъ лецитинъ, который, повидимому, не принадлежитъ самому живому комплексу, но только интимѣйшимъ образомъ примѣшанъ къ нему, такъ сказать, расположенъ въ непосредственной близи къ частицамъ истинно живого вещества, и этотъ лецитинъ обзывается весьма устойчивымъ противъ ферментовъ, кислорода и другихъ разрушителей. Это обнаруживается въ томъ фактѣ, что ткани умершаго отъ голода организма содержатъ еще большое количество свободного лецитина, немногимъ меньше нормальнаго, и рядомъ съ нимъ и значительное количество холестерина, церебринна и другихъ органическихъ веществъ.

Можно бы думать, что химическая система протоплазмы, подобно многимъ химическимъ соединеніямъ, очень стойка, крѣпка въ своемъ сложеніи?—Нисколько! Тысячи опытовъ надъ живыми кѣтками высшихъ организмовъ и особенно надъ низшими, простѣйшими организмами несомнѣнно доказываютъ, что протоплазма въ *химическомъ* смыслѣ удивительно слаба, неустойчива. Сила, крѣпость и устойчивость ея, наоборотъ, страшно велики въ условіяхъ физиологическихъ, т.-е. въ условіяхъ жизненности.

Эта устойчивость живого вещества, ясно видимая въ описанномъ случаѣ голоданія, извѣстна многимъ по наблюденіямъ у постели больныхъ, особенно дѣтей.

Взрослые тяжело больные часто находятся въ состояніи хроническаго голоданія, когда субъектъ въ теченіе долгаго времени можетъ принимать только минимальное количество пищи. Какъ бы послѣдней ни было мало сравнительно съ нормальнымъ режимомъ, она даетъ человѣку возможность бороться съ болѣзнью въ теченіе годовъ. Тѣло его дѣлается муміеобразнымъ по худобѣ, и отъ него остается, по выраженію народа, „кости да кожа“. Но подъ этой кожей все-же есть еще живое вещество, упорно противостоящее разрушенію.

Больныя дѣти при большомъ паденіи пищевого режима худѣютъ еще быстрѣе взрослыхъ. Ихъ тѣло становится легкимъ „какъ перышко“, по жалобамъ матерей и нянекъ, и дѣйствительно поражаетъ худобой и потерей живого вещества самихъ врачей. Но живое вещество дѣтскаго организма еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ у взрослыхъ, способно бороться со своими разрушителями, и свободнѣе, чѣмъ у взрослыхъ, восстанавливаетъ впослѣдствіи понесенныя за болѣзнь потери.

Всѣ вышеизложенныя обстоятельства, имѣющія мѣсто въ живомъ организмѣ, и которыя здѣсь указаны далеко еще не полно, показываютъ, что живое вещество обладаетъ способностью *противодѣйствовать* вліянію на него ферментовъ, кислорода, тепла и другихъ болѣе слабыхъ разрушителей, стремящихся роковымъ образомъ, единственно сообразно стремленіямъ своей природы, разрушить цѣльность химической системы живого вещества.

Не странно ли устроенъ живой организмъ!

Способность протоплазмы бороться съ разрушителями, пронизывающими его, способность, которой мы обязаны спокойнымъ, мѣрнымъ теченіемъ нашей механической жизни, въ сущности есть причина того, что изголодавшій болѣзною или по другому случаю организмъ умираетъ вчера, а не сегодня, сегодня, а не черезъ недѣлю или черезъ мѣсяць. Да, это такъ, потому что то, что такъ успѣшно защищаетъ живое вещество въ нормальной жизни, то самое препятствуетъ голодающему организму пожить лишнее время на счетъ остающагося еще въ немъ живого вещества.

Способность протоплазмы противостоять непрерывнымъ нападѣніямъ на нее разрушителей есть одна изъ формъ жизненнаго движенія и принадлежитъ именно ко второму роду вышеупомянутыхъ движеній, который имѣетъ слѣдствіемъ сохраненіе цѣлости живого вещества и даже накопленіе его.

Впрочемъ, прежде чѣмъ я сдѣлаю попытку придать этой способности форму болѣе осязательную для нашего ума, я считаю полезнымъ указать на новый фактический матеріалъ, внимательный разборъ котораго приводитъ къ той же необходимости признать въ живомъ веществѣ присутствіе упомянутой противодѣйствующей или, лучше, *защитной способности*.

Извѣстно, что органическія вещества пищи, накопленныя въ организмѣ въ формѣ запасовъ, по мѣрѣ надобности въ свободной, напр., тепловой или механической энергіи, окисляются, слѣдствіемъ чего углеродъ этихъ веществъ превращается въ CO_2 , которую животный и человѣскій организмъ выдыхаетъ изъ себя. Обыкновеннѣйшія вещества пищи, подвергающіяся этому окисленію, суть жировыя тѣла, сахаръ и бѣлковыя вещества или, вѣрнѣе, ближайшіе продукты предварительнаго ферментнаго превращенія послѣднихъ. Но кромѣ этихъ тѣлъ въ организмѣ могутъ подвергаться окисленію и различныя другія химическія соединенія органическаго типа, т.-е. богатые углеродомъ, напр., кис-

лоты растительнаго происхожденія, азотистыя вещества различныхъ порядковъ и тѣла ароматическаго ряда.

Всѣ эти тѣла могутъ подлежать окисленію и внѣ организма, и мы хорошо знаемъ сравнительную способность ихъ къ этому; но склонность ихъ къ окисленію внутри живого организма терпитъ цѣлый рядъ уклоненій отъ лабораторнаго порядка, такъ что иногда тѣла, сравнительно легко окисляемыя внѣ организма, трудно окисляются внутри его—и наоборотъ. Даже для основныхъ тѣлъ, составляющихъ нашу пищу, для бѣлковъ, жировъ и сахара, существуетъ такое же различіе. Жиры вообще даже на воздухѣ склонны къ окисленію; сахаръ же, будучи защищенъ отъ внѣдренія микроорганизмовъ, этой склонности не обнаруживаетъ. Между тѣмъ внутри нормальнаго организма дѣло стоитъ какъ разъ обратно: сахаръ окисляется значительно легче, чѣмъ жиръ.

Подобныхъ примѣровъ мы знаемъ теперь уже столько, что на окисленіе внутри живой матеріи никоимъ образомъ нельзя смотрѣть какъ на роковое слѣдствіе простого соприкосновенія кислорода съ подлежащимъ его дѣйствію веществомъ. Сомнѣнія нѣтъ, что въ живомъ веществѣ есть *направляющая сила*, заставляющая одно вещество подвергаться окисленію преимущественно передъ другимъ и притомъ въ порядкѣ часто обратномъ тому, которому эти вещества слѣдовали бы въ отсутствіи протоплазмы.

Эта своеобразная направляющая сила, вообще нѣрѣдко развитая въ теченіе нормальной жизни организма, получаетъ въ особыхъ условіяхъ характеръ несравненно болѣе сильный. Такъ, напр., при болѣзни, извѣстной подъ именемъ діабета, живое вещество организма постепенно теряетъ способность окислять сахаръ, который вслѣдствіе этого, накопляясь съ разныхъ сторонъ, не можетъ удержаться ни въ тканяхъ, ни въ крови, и выбрасывается вонъ въ огромныхъ количествахъ. Въ этомъ же болѣзненномъ состояніи живое вещество продолжаетъ окислять жиръ въ томъ же размѣрѣ, какъ при нормальной жизни, или только немного слабѣе.

При другомъ состояніи, также болѣзненномъ, при неодолимой наклонности къ накопленію жира въ тѣлѣ, живое вещество показываетъ свойства какъ разъ обратныя. Оно легко окисляетъ сахаръ и оказывается мало способнымъ окислять жиръ.

Чтобы не перечислять здѣсь всѣхъ сюда относящихся случаевъ, я остановлюсь еще на одномъ интересномъ фактѣ.

Дрожжевыя кѣтки (существенная часть обыкновенныхъ дрожжей) превращаютъ сахаръ въ углекислоту и алкоголь путемъ такъ называемаго броженія. Это превращеніе можетъ происхо-

дать при полномъ отсутствіи въ средѣ свободнаго кислорода. Поэтому образующаяся здѣсь углекислота нѣкимъ образомъ не есть результатъ обыкновеннаго окисленія сахара свободнымъ кислородомъ. Сами дрожжевыя клѣтки также кислорода отъ себя не отдаютъ. Образовавшаяся углекислота есть поэтому отъ начала до конца продуктъ самого вещества сахара подѣ влияніемъ лишь живого вещества клѣтокъ. Въ самомъ сахарѣ хотя и есть кислородъ, но онъ связанъ химически частью съ атомами углерода, частью съ водородомъ. Подѣ влияніемъ живого вещества клѣтокъ углеродъ получаетъ такое сильное стремленіе къ кислороду, что отнимаетъ его у водорода и образуетъ съ нимъ углекислоту. Такое образованіе углекислоты, гдѣ атомы углерода отнимаютъ кислородъ у другихъ элементовъ того же органическаго вещества, называется *интрамолекулярнымъ дыханіемъ*, которое въ послѣднее время обратило на себя особое вниманіе ботаниковъ, встрѣчающихъ это явленіе въ большомъ числѣ случаевъ жизни растительныхъ организмовъ. Подобные же случаи интрамолекулярнаго дыханія извѣстны и для животныхъ. Всѣ эти случаи характеризуются существованіемъ двухъ необходимыхъ условий: 1) отсутствіемъ или, по крайней мѣрѣ, бѣдностью кислородомъ данной среды, и 2) участіемъ живого вещества въ какой бы то ни было формѣ.

Такъ какъ сахаръ и нѣкоторыя другія вещества, пригодныя какъ матеріалъ для интрамолекулярнаго дыханія, безъ участія живого вещества неспособны связать свой кислородъ со своимъ углеродомъ въ углекислоту, то надо заключить, что живое вещество имѣетъ способность натравить углеродъ и кислородъ одного и того же соединенія другъ на друга съ такою силою, что ихъ стремленіе другъ къ другу нарушаетъ всѣ остальные связи между атомами даннаго тѣла, и оно распадается.

Всѣхъ этихъ примѣровъ достаточно, чтобы убѣдить насъ въ необходимости признать въ живомъ веществѣ способность *направлять* процессы окисленія совершенно оригинальнымъ образомъ.

Къ вышеуказанной *защитной силѣ* живого вещества противъ кислорода, ферментовъ и другихъ разрушителей прибавилась новая способность *направлять* своеобразно, соотвѣтственно потребностямъ и состоянію организма, процессы окисленія, происходящіе въ немъ.

Фактъ, что сѣмена растительныя или нѣкоторыя осторожно засушенные или замороженные животныя послѣ воспріянія воды или послѣ оттаиванія начинаютъ жить прежнею жизнью, по-

казываетъ, что защитная и направляющая способности протоплазмы не были ни уничтожены, ни даже замѣтно ослаблены засушиваніемъ или замораживаніемъ, но оставались въ организмахъ въ скрытомъ состояніи, какъ и самая жизнь. Раньше я старался убѣдить васъ въ томъ, что въ этомъ состояніи собственно нѣтъ жизни, но живое вещество сохраняетъ свое внутреннее жизненное устройство, короче, свою жизнность и, какъ теперь видимъ, въ томъ числѣ и *защитную* и *направляющую* свои силы.

У зимоспящихъ животныхъ форма скрытой жизни нѣсколько иная; она ближе къ обыкновенной явной жизни, потому что животное во время спячки продолжаетъ дышать, сердце его бьется, въ тѣлѣ его продолжается окисленіе веществъ, выдѣленіе CO_2 и другихъ отбросовъ. Но всѣ эти процессы совершаются лишь въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ. Изъ всего полномѣрнаго отношенія животнаго къ внѣшнему міру при обыкновенной его жизни у зимоспящаго осталась одна забота: защита отъ холода. Эту защиту организмъ его дѣйствительно продолжаетъ производить безостановочно, чему доказательствомъ служатъ: 1) накопленіе къ зимѣ большихъ запасовъ жира въ тѣлѣ, которые во время спячки постепенно исчезаютъ; 2) постоянная температура тѣла спящаго животнаго значительно выше температуры окружающей среды. Откинувши эту работу, у зимоспящаго животнаго не остается замѣтнаго потребленія кислорода для чего-нибудь другого.

На границѣ полярныхъ льдовъ, на границѣ снѣговой линіи, на высокихъ горахъ живутъ мириады мелкихъ организмовъ, жизнь которыхъ почти всегда, но особенно въ началѣ лѣтняго сезона, протекаетъ въ колеблющемся состояніи. Сотни разъ, при перемѣнахъ дня и ночи, яснаго и закрытаго тучами неба, южнаго и сѣвернаго вѣтра, этимъ организмамъ приходится то замирать и даже замерзать, то снова оттаивать и оживать.

По этому всему видно, что для сохраненія собственно жизнности протоплазмы едва-ли нужно постоянное *потребленіе* кислорода. Другими словами, для сохраненія въ живомъ веществѣ его *жизнности* или способности жить, *тепловая энергія, какъ результатъ внутренняго окисленія въ немъ, не нужна.*

По отношенію къ зимоспящимъ животнымъ можно было бы возразить на это положеніе, что протоплазма его потому и остается жизнеспособною, что притокъ кислорода пониженъ до минимума, и потому разрушенія ея не можетъ происходить. Но это соображеніе невѣрно—и вотъ почему. Кромѣ кислорода, въ протоплазмѣ именно противъ ея существеннѣйшихъ *бѣлковыхъ* частей дѣйствуютъ ферменты, которые уже и въ обыкновенныхъ усло-

віахъ жизни первые начинаютъ разрушеніе живой матеріи, когда это становится неизбѣжнымъ. При замораживаніи и ферменты молчатъ; но уже при температурѣ немного выше 0° , а въ особенности при температурѣ тѣла зимоспящаго животнаго (отъ $+6$ до $+16^{\circ}$ С.), они могутъ развернуть свою разрушительную работу. Къ этому должно прибавить, что бѣдность кислорода въ тканяхъ есть одно изъ наиболѣе сильныхъ условий, способствующее какъ накопленію ферментовъ въ тканяхъ организма, такъ и ихъ болѣе сильному дѣйствию. Несмотря на это неблагоприятное условіе, бѣлковыя тѣла живого вещества у зимоспящаго почти не разрушаются или крайне слабо, и дѣйствіе ферментовъ ограничено также чрезвычайно. У зимоспящаго поэтому продолжаетъ дѣйствовать защитный и вѣроятно и направляющій механизмы, и притомъ не только противъ кислорода, но и противъ разрушительнаго дѣйствія ферментовъ. Безъ этихъ учрежденій въ живомъ веществѣ масса ткани зимоспящаго животнаго должна была бы разрыхлиться, разжижиться, тѣмъ болѣе, что количество воды въ его тѣлѣ, реакція среды и хотя медленное, но непрерывное передвижаніе крови во время спячки—представляютъ условія, благоприятствующія дѣйствию ферментовъ.

Намъ трудно понять, въ чемъ собственно отличаются между собою химическія системы различныхъ видовъ протоплазмы въ обоихъ царствахъ природы; еще труднѣе эта задача для видовъ живого вещества одного и того же царства. Мы не можемъ представить себѣ, какимъ образомъ, хотя и уловенныя анализомъ, но крайне слабыя количественныя или даже качественныя колебанія въ химическомъ составѣ въ состояніи опредѣляютъ или вызываютъ столь различныя функціи протоплазматическихъ видовъ, какія мы видимъ въ разныхъ тканяхъ, органахъ и даже организмахъ растений и животныхъ. Но въ дѣйствительности это такъ. Всѣ почти безконечныя виды живого вещества, несмотря на удивительное разнообразіе ихъ физиологическихъ функцій, оказываются весьма близкими по ихъ химическому сложенію.

Несмотря на эту типичную близость, различные виды протоплазмы относятся иногда другъ къ другу весьма враждебно.

Въ явленіяхъ фагоцитоза, когда особныя клѣточки животнаго организма захватываютъ и уничтожаютъ внутри своего тѣла иногда зловреднѣйшія бактеріи, мы имѣемъ примѣръ борьбы по крайней мѣрѣ двухъ видовъ живого вещества. Въ этомъ случаѣ однакоже оба вида и для нашихъ еще несовершенныхъ прие-

мовъ анализа оказываются ясно различными типами. Поэтому гибель одного изъ нихъ въ наступающей между ними борьбѣ казалась бы намъ понятною, еслибы мы не знали, что протоплазма микроба, захваченнаго фагоцитной клеткой, могла бы найти внутри послѣдняго *все*, что нужно для своего процвѣтанія, какъ-то: кислородъ, органическія и неорганическія питательныя вещества. Если бы сказали, что кислородъ крѣпко удерживается тѣломъ самого фагоцита,—то намъ извѣстно, что очень многіе микробы въ состояніи жить и дѣйствовать и въ бескислородной средѣ. Но если фагоцитъ здоровъ,—микробъ погибаетъ; тотъ же фагоцитъ мертвый или даже только ослабленный чѣмъ-нибудь, представляетъ превосходную почву для жизни и дальнѣйшаго развитія микроба. Недостатокъ условій въ тѣлѣ здороваго фагоцита для жизни въ немъ микроба не заключается въ отсутствіи или бѣдности какой-либо изъ матеріальныхъ частей протоплазмы или ея динамическихъ продуктовъ. Предполагать, какъ дѣлаютъ это нѣкоторые біологи, что фагоцитъ производитъ какое-то ядовитое вещество, которымъ онъ убиваетъ захваченный имъ микробъ, нѣтъ солидныхъ основаній. Это мнѣніе основано не на прямыхъ фактахъ, но на той аналогіи, что микробы способны развивать яды для высшей протоплазмы. Но эта аналогія здѣсь неумѣстна, потому что высшая протоплазма, хотя и развиваетъ ядовитыя вещества вообще, но въ обыкновенныхъ, такъ сказать, кислородныхъ условіяхъ жизни приготовляетъ ихъ мало, слабыми и нисколько не ядовитыми для микробовъ, доказательствомъ чему служить ихъ превосходное развитіе въ экстрактахъ большей части органовъ животнаго тѣла. Фагоцитъ же, успѣшно побѣждающій захваченный имъ микробъ, живетъ именно въ такихъ кислородныхъ условіяхъ. При оцѣнкѣ условій, въ которыя попадаетъ микробъ, захваченный фагоцитомъ, и которыя при строгомъ анализѣ кажутся только благопріятными для перваго, упускаютъ изъ виду одно постоянное и повидимому важное—изоляция тѣла микроба отъ прямого соприкосновенія съ внѣшней средой. На это условіе не обращено надлежащаго вниманія, потому что его вліяніе еще не могло бы быть объяснено удовлетворительно. Тѣмъ не менѣе, оно именно должно приводить къ постепенному лишенію живого вещества микроба его *защитныхъ* свойствъ и къ потерѣ, вслѣдствіе этого, его жизненности. Разъ это случилось, фагоцитъ распоряжается съ трупомъ микроба какъ съ мертвой пищей.

Параллельно этому фагоцитарному разрушенію бактеріальныхъ организмовъ, существуетъ рядъ явленій настоящаго клеточнаго

питанія, основаннаго на видимомъ клѣточномъ пищевареніи. Это именно случаи поѣданія одноклѣточнымъ микроскопическимъ организмомъ другого живого организма съ тѣмъ же типомъ протоплазмы. Захваченная живая добыча такъ же какъ и хозяйинъ ея, нуждается въ кислородѣ и безъ него продолжать жизнь не можетъ. Попавши въ тѣло хищника, маленький организмъ погибаетъ непременно. Можно было бы объяснить гибель тѣмъ, что значительная масса тѣла хищника механически закрываетъ доступъ кислорода къ добычному организму. Но это объясненіе далеко не всегда приложимо. Иногда массы ихъ тѣлъ почти равны. Иногда тѣло добычи закрыто отъ кислородной среды едва при большихъ увеличеніяхъ замѣтнымъ слоемъ тѣла хищника. Ничто, казалось бы, не мѣшало плѣнному организму отнимать кислородъ у родственной ему протоплазмы-хозяина, подобно тому какъ передается кислородъ вѣшной среды со слоя на слой живого вещества послѣдняго. Кромѣ того, невозможно себя представить, чтобы тончайшій слой протоплазмы-хозяина, самъ поглощающій и стало быть проходимый для кислорода, не могъ пропустить сквозь себя струю этого газа для притягивающаго его тѣла плѣнника. Несмотря на это, добычный организмъ непременно погибаетъ. Также точно какъ въ предъидущемъ случаѣ нельзя этого приписать ни убиванію особымъ ядомъ, ни недостатку въ питательныхъ бѣлкахъ, соляхъ, сахарѣ и другихъ веществахъ, которыя плѣнникъ могъ бы всею поверхностью своего тѣла, по крайней мѣрѣ въ первое время, набирать изъ протоплазмы-хищника. Но и въ этомъ случаѣ, какъ и въ предъидущемъ, организмъ плѣнника, обхваченный хозяиномъ со всѣхъ сторонъ, оказывается изолированнымъ отъ вѣшной среды. Это и есть, повидимому, условіе посредствомъ котораго хищникъ лишаетъ живое вещество жертвы его жизненности.

Въ описанныхъ явленіяхъ фагоцитоза и клѣточной ассимиляціи живого вещества, какъ пищевого матеріала, мы должны видѣть ту же защитную силу живой матеріи, но не съ положительной ея стороны, какъ въ раньше развитыхъ случаяхъ сохраненія цѣлости живого вещества, а со стороны отрицательной. Мы видимъ здѣсь, по крайней мѣрѣ, одно важное условіе, при существованіи котораго, въ огромномъ большинствѣ этихъ явленій, живое вещество, несмотря на физическую возможность полученія всѣхъ необходимыхъ ему для жизни веществъ и энергій, — не можетъ сохранить своихъ жизненныхъ качествъ.

На этомъ я долженъ повончить здѣсь съ приведеніемъ различныхъ фактовъ и ихъ сопоставленій, приводящихъ меня къ убѣжденію, что въ живомъ веществѣ существуетъ учрежденіе, проще сказать — сила, способность, посредствомъ которой оно можетъ противодѣйствовать разрушительнымъ вліяніямъ воды, солей, тепла, ферментовъ, наконецъ самого кислорода, непрерывно снующихъ въ немъ и жадно набрасывающихся на всякую матерію, съ цѣлью низвести ее съ высоты потенциальной или кинетической мощи въ состояніе мертваго, безсильнаго покоя.

Если мнѣ посчастливилось привести къ тому же убѣжденію хотя часть моихъ читателей, я могъ бы считать свою задачу пока законченною.

Но чтò же это за сила однако, какое это учрежденіе въ живомъ веществѣ, которому наше тѣло въ сущности обязано безпрепятственнымъ продолженіемъ своего существованія?

Еслибы я закончилъ вышесказаннымъ, то нельзя ли было бы упрекнуть меня въ томъ, что я поднялъ цѣлый рой мыслей, можетъ быть сомнѣній, надеждъ, и не далъ никакой почвы, на которой можно было бы построить посильный образъ этого благодатнаго жизненнаго института, вѣрно обезпечивающаго механическую жизнь организмовъ?

Я признаю поэтому обязанность пойти на встрѣчу этимъ ожиданіямъ и сдѣлать шагъ, можетъ быть, очень смѣлый, даже дерзкій въ смыслѣ господствующихъ нынѣ доктринъ, но, по моему убѣжденію, отрывающій не только общечеловѣческой, но и научной мысли и опыту—новые пути.

Все,—за исключеніемъ чисто механическихъ инсультовъ,—чтò угрожаетъ живому веществу разрушеніемъ,—дѣйствуетъ на него путемъ легионовъ невидимыхъ молекулярныхъ движеній или вибрацій, принимающихъ различные образы тепловыхъ электрическихъ колебаній, химическаго возбужденія и притяженія атомовъ и другихъ молекулярныхъ явленій на веществѣ.

Даже нейтральная и, повидимому, пассивная вода не остается спокойной и не упускаетъ ни малѣйшаго случая путемъ аналогичныхъ молекулярныхъ движеній превратить въ жидкое состояніе частицы живого вещества. Но особенная молекулярно-вибраціонная сила принадлежитъ внутри организма теплотѣ, кислороду и химическимъ ферментамъ.

Конечный результатъ специальныхъ дѣйствій ферментовъ имѣетъ характеръ химическій; самый процессъ превращеній тѣлъ, под-

верженныхъ ихъ дѣйствию, также химическій; но казкимъ образомъ ничтожныя доли ферментнаго тѣла готовятъ участвующія въ реакціи соединенія къ самому химическому превращенію—мы не знаемъ. Лишь путемъ оцѣнки условій дѣйствія мы опредѣляемъ силу химическаго фермента въ видѣ молекулярныхъ движеній, посылаемыхъ имъ на атомы веществъ, подверженныхъ ферменту.

Всѣ главные разрушители живого вещества суть по существу не что иное, какъ разныя формы невидимыхъ ни въ какой микроскопъ молекулярныхъ вибрацій, передающихся съ частицы на частицу, съ атома на атомъ. Но такъ какъ ни частицы, ни атомы нашей матеріи, строго говоря, не соприкасаются между собою тѣсно, то передача этихъ движеній возможна только при посредствѣ общепринятой тончайшей матеріи, наполняющей все мировое пространство уже сполна, безъ всякихъ промежутковъ.

Молекулярныя колебанія, исходящія отъ разрушительныхъ дѣятелей внутри организма и направленные какъ на живое, такъ и на мертвое вещество безразлично, представляютъ силы колоссальной величины и могущества, несмотря на неизмѣримую малость ихъ размаха.

Колебанія атомовъ мирового эѳира въ волнахъ тепловой, свѣтовой, электрической и магнитной энергій суть ихъ родственные аналоги.

Все, что хочетъ или должно имъ противостоятъ, должно обладать также молекулярными силами или движеніями.

Противники, идущіе въ бой съ надеждой на успѣхъ, должны имѣть оружіе равныхъ типовъ.

Невозможно грубой звуковой или водяной волнѣ отразить или уничтожить волну свѣтовую; невозможно даже урагану уничтожить малѣйшую искру тепловой энергій; напрасно ударъ цѣлаго земного шара стремился бы уничтожить въ химическомъ атомѣ его притяженіе къ другому атому. Такъ и въ живомъ веществѣ. Никакая твердость, никакая механическая броня, никакое грубое колебаніе и массовое движеніе частей не въ состояніи были бы защитить живое вещество отъ враждебныхъ ему молекулярныхъ вибрацій его внутреннихъ разрушителей. Только само располагая такими же вибраціями и организова ихъ лучше, чѣмъ его противники, живое вещество можетъ получить способность противостоятъ своимъ разрушителямъ, и мы видимъ, что оно дѣйствительно противостоитъ имъ. Что же даетъ живому веществу эту молекулярную побѣдительную силу, если все, что оно само

содержитъ въ себѣ матеріальнаго, находится и у его противниковъ?

Въ самомъ дѣлѣ ферменты рождаются изъ него самого и принадлежатъ къ типу бѣлковыхъ веществъ; вода, соли, кислородъ, кислоты, основанія — все находится въ немъ самомъ, въ химической системѣ живого вещества.

Даже тепловую и электрическую энергію оно можетъ породить въ своемъ собственномъ существѣ.

Гдѣ же оно можетъ взять тотъ „плюсъ“ силы, посредствомъ котораго оно могло бы побѣждать?

Не въ лучахъ ли солнца, въ этомъ неизсякаемомъ источникѣ энергіи?—Но и мертвая пища содержитъ именно эту силу какъ разъ въ такомъ же количествѣ, какъ и органическое вещество, входящее въ составъ живой матеріи.

Можетъ быть, въ томъ состояніи, которое я раньше опредѣлилъ, какъ химическій комплексъ протоплазмы?—Но онъ такъ ничтожно слабъ! даже простая вода валитъ его на землю и дѣлаетъ изъ него мертвую смѣсь веществъ.

Молекулярныя жизненныя вибраціи протоплазмы, сохраняющія ея цѣлостъ противъ дѣйствія внутреннихъ разрушителей, не могутъ исходить изъ поглощаемого кислорода ни прямо, ни косвенно. Ни прямо, потому что эти вибраціи въ качествѣ защитныхъ противъ кислорода должны существовать въ живомъ веществѣ, помимо него и раньше его воздѣйствія, которое всегда разрушительно. Ни косвенно, потому что теорія подставленія кислороду мертвыхъ веществъ, въ родѣ жира и сахара, съ тѣмъ, чтобы часть полученной энергіи послужила источникомъ жизненныхъ, защитныхъ вибрацій, не рациональна, ибо тепловая энергія ставитъ всѣ тѣла безъ исключенія въ условія наибольшаго притяженія къ кислороду. Поэтому теплота, развивающаяся въ протоплазмѣ, есть всегда моментъ, усиливающій разрушимость ея кислородомъ. Отсюда слѣдуетъ также, что защитныя молекулярныя вибраціи живого вещества не могутъ быть продуктомъ потенциальной энергіи пищи, такъ какъ она можетъ перейти въ живую не иначе, какъ при содѣйствіи кислорода.

Какъ все это расходуется съ поверхностнымъ обыденнымъ нашимъ представленіемъ о значеніи пищи! Та доля пищи, которая сгораетъ въ нашемъ тѣлѣ, вноситъ этимъ моментъ, усиливающій нашу разрушимость!

Но она же—и источникъ необходимыхъ намъ для теченія жизни тепловой и механической энергій. Живое вещество, ради полученія этихъ послѣднихъ силъ, принуждено переносить и терпѣливо отражать маленькіе, дурные капризы естественныхъ побужденій мертвыхъ матеріальныхъ частицъ!

Еще въ меньшей степени защитныя молекулярныя вибраціи могутъ исходить изъ самихъ ферментовъ. Химическій ферментъ среди мертвыхъ тѣлъ есть, безъ сомнѣнія, вещество съ наибольшею силою вибрацій, какую мы вообще знаемъ. Но, какъ и кислородъ, ферменты не разборчивы и стремятся дѣйствовать разрушительно безъ малѣйшаго отношенія къ стремленіямъ живого вещества и цѣлямъ организма. Въ живомъ веществѣ, однакоже, и ферменту поставлены преграды; ему позволено дѣйствовать въ одномъ мѣстѣ, и его дѣйствіе не допускается въ другое. Стоитъ протоплазмѣ обмереть—и ферменты начинаютъ свою разрушительную работу безостановочно и повсемѣстно.

Все сказанное приводитъ въ необходимости отыскивать источникъ жизненныхъ, защитныхъ вибрацій внѣ анатомическаго устройства живого вещества, внѣ физическаго агрегатнаго состоянія его, внѣ состоянія химическаго комплекса протоплазмы, внѣ самихъ составныхъ частей его, порознь и вмѣстѣ взятыхъ, даже внѣ ферментовъ и кислорода, внѣ тепловой и другихъ намъ извѣстныхъ формъ энергій.

Ни одинъ изъ перечисленныхъ здѣсь матеріальныхъ или динамическихъ элементовъ организма, ни порознь, ни вмѣстѣ, не могутъ дать изъ себя ту силу, которая могла бы противодѣйствіемъ своимъ одолѣть молекулярныя силы внутреннихъ разрушителей.

Мы можемъ формулировать эту мысль такимъ образомъ: *защитный механизмъ, сохраняющій живое вещество въ цѣлости среди молекулярныхъ силъ, стремящихся его разрушить, есть самъ по себѣ сила молекулярная, источникъ которой не можетъ быть ни сама видимая матерія живого вещества во всевозможныхъ ея сочетаніяхъ, ни ея динамическія продукціи.*

Чтобы сколько-нибудь подойти ближе къ истинному источнику этой защитной молекулярной силы, необходимо уловить нѣкоторые признаки ея въ проявленіяхъ ея въ живомъ веществѣ.

Имѣя постоянно передъ собою предметомъ изслѣдованія жизнь чисто механическую, въ смыслѣ вышеочерченномъ, и отыскивая для найденной въ этой жизни защитной силы источникъ, мы ни

на минуту не должны упускать изъ виду, что эту силу, какъ форму движенія, мы не можемъ себѣ представить иначе, какъ производимую какою-либо матеріальною сущностью.

Такъ какъ наша мертвая матерія и всѣ ея динамическія продукціи оказались неспособными дать изъ себя самихъ это защитное движеніе, то матеріальный источникъ послѣдняго надо искать внѣ осязаемой, видимой матеріи.

Въ живомъ веществѣ, кромѣ видимой, вѣсомой матеріи, необходимо принять дѣятельное участіе матеріи иного порядка.

Живая сила, проявляемая этою матеріею въ организмахъ, колоссальна, потому что, при всей невидимости, невѣсомости ея, она не только одолеваетъ разрушительныя молекулярныя движенія кислорода, ферментовъ, теплоты и проч., но обезпечиваетъ живой матеріи свободное отъ разрушительныхъ движеній поле или районы, въ которыхъ беспрепятственно можетъ происходить увеличеніе массы живого вещества и возростаніе жизни на землѣ.

Благодаря ей, вся живая сила принимаемаго кислорода и принимаемой нами пищи послѣ неустанной борьбы обращена въ пользу живого организма, вопреки естественному разрушительному стремленію кислорода, тепловой энергіи пищи и ферментовъ.

Ежеминутно мы принимаемъ въ себя въ лицѣ кислорода нашего возможнаго губителя; мы ежедневно развиваемъ внутри себя изъ пищи такую тепловую силу, которая способна превратить всю воду нашего тѣла въ паръ и уничтожить пригодность бѣлковыхъ веществъ протоплазмы для всякой жизнедѣятельности послѣдней. — и все-таки мы живемъ. Намъ кажется, что мы живемъ и уцѣлваемъ, благодаря кислороду и пищѣ; въ сущности же мы уцѣлваемъ вопреки естественнымъ побужденіямъ ихъ, но не иначе какъ при ихъ содѣйствіи. Ихъ силы, по существу враждебныя для живого вещества, благодаря защитнымъ молекулярнымъ движеніямъ, господствующимъ въ немъ, обращены въ полезныя для него.

Поэтому та матеріальная субстанція, которая есть источникъ и носительница защитныхъ движеній такой колоссальной силы, должна быть матеріей, одаренной несравненно большимъ запасомъ энергій, чѣмъ матерія вѣсомая, составляющая видимую массу организма.

Единственный родъ матеріи, удовлетворяющій этому требованію и извѣстный намъ въ качествѣ матеріи высшаго порядка, чѣмъ видимая наша матерія, есть космическое эфирное вещество, въ какой бы гипотетической образной формѣ человѣческой умъ его себѣ пока ни представлялъ.

Съ перваго взгляда мысль, что космическій эфиръ присутствуетъ постоянно въ живомъ веществѣ, не представляется ни новою, ни объясняющею то, что все вышеприведенное требуетъ разъяснить.

Развѣ элементарная физика не учитъ насъ, что вся видимая, вѣсомая матерія, любой плотности, даже платина, свинецъ, стекло и проч., состоитъ изъ отдѣльныхъ, чрезвычайно мелкихъ, невидимыхъ для насъ, близко другъ къ другу прилежащихъ частицъ, но для космическаго эфира наша вѣсомая матерія, относительно, такое же рѣдкое, пористое тѣло, какъ губка для воздуха или для воды? Понятно, что и живой организмъ никоимъ образомъ не дѣлаетъ исключенія изъ этого правила и, подобно всѣмъ мертвымъ тѣламъ, пронизывается такимъ же образомъ космическимъ эфиромъ.

Но такъ какъ простой космическій эфиръ послушно переноситъ извѣстныя намъ молекулярныя движенія мертвыхъ тѣлъ съ однихъ на другія въ формѣ тепловыхъ, свѣтовыхъ, электрическихъ и другихъ волнъ, а также, какъ выше указано, пассивно переноситъ въ живомъ веществѣ съ частицы на частицу, съ атома на атомъ, вибраціи тепла, кислорода, ферментовъ и другихъ разрушительныхъ дѣятелей организма, то обыкновенная космическая эфирная матерія, пронизывающая собою живое вещество, не можетъ служить *безъ какой-то особенной подготовки* тою матеріальною субстанціею, изъ которой непосредственно могла бы исходить система защитныхъ жизненныхъ движеній.

Такой динамической системѣ должна соотвѣтствовать и вещественная система, а потому естественно и логически должно остановиться на слѣдующей общей мысли:

Въ живомъ веществѣ, проявляющемъ сумму явленій механической жизни, безъ участія психо-моральныхъ силъ, существуютъ организованныя массы космической эфирной матеріи, обладающія громаднымъ запасомъ молекулярныхъ движеній, безпрерывно переходящихъ изъ нихъ на вещество протоплазмы. Эти молекулярныя движенія организованнаго эфира должны быть такого свойства, что въ полъ своего дѣйствія они тушатъ молекулярныя движенія разрушителей живого вещества.

Такою организованною эфирною массу по сущности ея дѣйствія слѣдовало бы, удобства ради, называть *биогеннымъ эфиромъ*, въ отличіе отъ обыкновеннаго космическаго эфира.

Результатомъ дѣйствія биогеннаго эфира въ живомъ веществѣ являются: *устойчивость* послѣдняго въ условіяхъ механической жизни организма; возможность *развитія* въ немъ *свободныхъ*

энергій на счетъ скрытыхъ силъ мертвой пищи; возможность *накопленія живого вещества* и всѣ его послѣдствія...

Я долженъ здѣсь остановиться. Хотя нѣкоторыя явленія жизни и позволяютъ пытливой мысли проникнуть еще немного далѣе и построить дальнѣйшія соображенія о роли и отношеніяхъ биогеннаго ээира, какъ новаго элемента нашей жизни, но я предпочитаю остановиться на передачѣ голаго ядра этой гипотезы, чѣмъ окутать это ядро хотя и въ крайне интересную и блестящую, но пока все же одежду гипотезы.

Если признать участіе въ механической жизни организма биогеннаго ээира, которому необходимо приписать способность придать химическому комплексу протоплазмы свойства *жизненности*, то этимъ возбуждается академическій вопросъ: что скажутъ „шволы“?

Какъ ни неприятно можетъ показаться съ перваго раза матеріалистическому ученію о жизни развѣнчиваніе грубой вѣсомой матеріи въ приписываемомъ ей могуществѣ создать изъ себя одной и своихъ силъ жизнь или только даже жизненность вещества, оно, это ученіе, не можетъ найти въ развитой здѣсь гипотезѣ ничего принципиально противорѣчащаго основнымъ общимъ положеніямъ науки о веществѣ и силѣ.

Съ другой стороны, витализмъ, который признаетъ даже для объясненія механической жизни внѣшній агентъ и видитъ его въ разумномъ началѣ, основѣ души,—витализмъ только тогда не встрѣтитъ въ развитой здѣсь гипотезѣ противорѣчій своимъ принципамъ, когда отрѣшится отъ мысли, что видимое тѣло и душа непосредственно примыкаютъ другъ къ другу.

Въ смыслѣ механическихъ воззрѣній на жизнь, предлагаемая гипотеза выводитъ научную мысль изъ рамокъ видимой матеріи, уже теперь чувствительно тѣсныхъ и мѣшающихъ нормальному прогрессу пытливой мысли, оставляя ее вполне въ сферѣ невыблемыхъ законовъ.

Въ смыслѣ виталистическомъ, данная гипотеза предполагаетъ, что непосредственно къ матеріи живого тѣла примыкаетъ организація, имѣющая въ основѣ матерію высшаго порядка, одаренную несравненно большимъ запасомъ энергій, чѣмъ наша вѣсомая матерія, и приближающаяся поэтому гораздо больше къ возможному представленію о душѣ, полной неисчерпаемыхъ силъ.

Эта гипотеза является звеномъ, связующимъ обѣ школы, приближающимъ ихъ другъ къ другу. Въ этомъ обстоятельствѣ я усматриваю хорошую сторону ея, такъ какъ, ослабляя рѣзкую

рознь между шлоами, она этимъ самымъ помогаетъ болѣе дружному развитію познанія природы и нашего самопознанія.

Еслибы завтра какой-нибудь счастливецъ нашелъ средство показать намъ устройство и способъ дѣятельности биогенной эфирной матеріи въ живомъ веществѣ, то это далеко еще не значило бы, что загадка всей жизни рѣшена, что наука изловила душу или что никакой иной духовной сущности въ человѣкѣ нѣтъ больше.

Нѣтъ, это значило бы, что мы подвинулись еще на нѣсколько шаговъ въ пониманіи механической жизни въ частности и жизни во всемъ ея объемѣ вообще—и только. Жизнь же духовная—душа, разумъ, воля, сознание—остались бы такими же проблемами, какъ и теперь, но эти сфинксы оказались бы вдругъ чуть освѣщенными съ одной стороны и уже поэтому выдвинулись бы ближе къ намъ изъ все скрывающей невѣдомой дали.

Натура духовной, психической стороны человѣка такъ далека отъ нашихъ настоящихъ познавательныхъ силъ, что люди волнуются въ спорахъ не столько о томъ, что такое душа, какова ея натура,—сколько о томъ, есть ли она вообще. Не видя ее осязательно ни въ себѣ, ни вблизи себя, ни въ туманной дали, цѣлый сонмъ мыслителей, послѣ тщетныхъ поисковъ, въ отчаяніи отъ своей познавательной немощи, спрашиваетъ себя: не тутъ ли, на границѣ нашего взора, лежитъ и дѣйствительная граница реальныхъ сущностей, и нельзя ли понять жизнь безъ того, что мы напрасно ищемъ за этими границами? Это безнадежное положеніе въ значительной степени зависитъ отъ того, что люди примыкаютъ духовный міръ человѣка непосредственно къ самой матеріи его организма, вслѣдствіе чего получается такой сильный принципиальный контрастъ, слитіе частей котораго не поддается чловѣческому уму.

Стремленіе къ пониманію явленій видимаго міра заложено въ умѣ человѣка самой природою, и никакія усилія не могутъ освободить человѣка отъ этого, потому что стремленія природы безмѣрно сильнѣе руководящихъ и управляющихъ выводовъ ума.

Для каждаго вопроса, который человѣкъ умѣетъ правильно и сознательно поставить, явится въ свое время отвѣтъ, какъ бы вопросъ въ началѣ ни былъ труденъ, сложенъ, неподатливъ. Дойдетъ ли отвѣтъ до корня вещей, или человѣку вполне сознательно придется остановиться на какой-либо точкѣ пути къ нему—это не можетъ и не должно останавливать его. Сила, толкающая нашъ умъ къ познанію вещей, лежитъ настолько же внутри насъ, какъ и внѣ насъ. Она разсѣяна во всей природѣ. Она такъ же

сильно дѣйствуетъ на насъ изъ нѣдръ солнца, какъ изъ микроскопической влѣтки; такъ же сильно—изъ пережитыхъ солнечной системой колоссальныхъ періодовъ, какъ и изъ историческихъ превращеній жизни народа; такъ же сильно—изъ бурь, урагановъ и землетрясеній, какъ и изъ трепетнаго полета бабочки.

То, что я старался очертить до сихъ поръ какъ новую часть нашего существа, есть не болѣе какъ механизмъ, но механизмъ болѣе высшаго порядка, чѣмъ механизмы нашего видимаго тѣла,—механизмъ, дѣятельность котораго не даетъ, однакоже, всего объема жизни съ его психо-моральными явленіями. Этотъ едва очерченный здѣсь механизмъ есть только звено, связующее наше тѣло, какъ систему видимыхъ матеріальныхъ частицъ, съ тѣмъ, что каждый изъ насъ сознаетъ въ себѣ какъ духовную индивидуальность.

Данная гипотеза, расширяя съ одной стороны механическую теорію жизни, съ другой—срываетъ ореолъ всемогущества, которымъ одѣла себя видимая матерія, съ ея роковымъ стремленіемъ къ разрушенію живого и нагроможденію мертвыхъ, неподвижныхъ массъ, съ ея дикою, но безъидейною красотой.

Она ставитъ вѣсомую матерію на мѣсто грубоватаго, но полезнаго, въ сущности малосильнаго и во всякомъ случаѣ безжизненнаго матеріала, который самъ по себѣ движется всегда и вездѣ лишь по одному пути—по пути разсѣянія и потери своихъ послѣднихъ долей свободныхъ силъ.

Въ заключеніе выскажу коротко мысль Гипнократа, съ которой я началъ.

Развитая мною идея о существованіи защитныхъ и направляющихъ силъ въ живомъ веществѣ и о біогенномъ эфирѣ, какъ носителѣ этихъ силъ,—способна ли она, при лучшей научной обработкѣ ея, дать, болѣе званіе природы человѣческаго тѣла, чѣмъ то, которымъ мы теперь обладаемъ? На этотъ вопросъ отвѣтять время и научный трудъ. Путь указанъ, и есть основательная надежда, что новая задача даже теперь не неприступна для опытнаго изученія. Пытливому уму открывается новая область, которая, при всей вещественной малости ея, въ живой клѣточкѣ заключаетъ въ себѣ динамическое начало, наполняющее пламенемъ жизни весь міръ...

Александръ Данилевскій.

Декабрь, 1895.

* * *

Лучами яркихъ грёзъ отъ первыхъ дней согрѣта,
Безгрѣшна какъ заря, блистательна какъ лѣто,
Весна твоя цвѣла...

Дитя, порхала ты надъ суетой земною,
Какъ ласточка въ поляхъ цвѣтущею весною,
Рѣзва и весела.

Но коротка пора безоблачной лазури...
Нежданно пронеслась невзгода ранней бури,
Мечты твои губя.

И въ лучшее края отъ скорби и печали,
Какъ ласточку отъ бури, когда цвѣты завяли,
Богъ отозвалъ тебя.

Пахнуло вновь тепломъ... Подъ нѣгой майской ласки
Раскрыли, пробудясь, лазуревые глазки
Весенние цвѣты,

И воротясь изъ странъ, гдѣ нѣтъ невзгоды дольней,
Щебечетъ ласточка, что тамъ тебѣ привольнѣй,
Что не вернешься ты...

В. Полтавцевъ.

ДЕНЕЖНАЯ РЕФОРМА

Въ обществѣ и въ печати дѣятельно обсуждался въ послѣднее время весьма важный проектъ, выработанный министерствомъ финансовъ и извѣстный пока лишь по отрывочнымъ газетнымъ свѣденіямъ и слухамъ. Дѣло идетъ о денежной реформѣ, одинаково затрогивающей насущные интересы государства и всѣхъ классовъ населенія. Приводимъ основныя положенія проекта въ томъ видѣ, какъ они сообщены были „изъ вполне достовѣрныхъ источниковъ“ въ „Новомъ Времени“, отъ 15-го марта:

„Достоинство государственныхъ кредитныхъ билетовъ опредѣляется на рубли въ золотой монетѣ *новаго чекана*. Эта монета, достоинствомъ въ 10 рублей, заключаетъ въ себѣ 1 золотникъ 78,24 доли чистаго золота; лигатурный вѣсъ монеты новаго чекана—2 золотника 1,6 доли.

„Золотая монета новаго чекана, составляя основную монету имперіи, имѣетъ платежную силу безъ ограниченія въ количествѣ. Серебряная полноцѣнная монета обязательна къ приему въ платежи (между частными лицами), въ количествѣ не свыше 50 рублей въ одинъ платежъ; въ казначейство же принимается въ неограниченномъ количествѣ; въ уплату таможенныхъ сборовъ серебряная полноцѣнная монета принимается въ количествѣ не свыше 1 рубля въ одинъ платежъ. Имперіалы и полумперіалы чекана по закону 17-го декабря 1885 г., впредь до изыятія ихъ изъ обращенія, принимаются въ платежи, считая 1 рубль золотомъ въ старой монетѣ за 1 р. 50 коп. въ золотой монетѣ новаго чекана. Соответственно съ этимъ, во всѣхъ правительственныхъ и частныхъ займахъ, выпущенныхъ въ металлическихъ рубляхъ до изданія новаго закона, прежній золотой рубль считается за 1½ рубля въ монетѣ новаго чекана. Конечно, всѣ условія этихъ займовъ остаются въ неприкосновенности. Точно также и во всякихъ вообще сдѣлкахъ и условіяхъ на золотую валюту, состоявшихся до новаго закона, соблюдается то же самое соотношеніе прежней и новой золотой монеты. Выпускъ депозитныхъ квитанцій прекращается со времени воспослѣдованія разрѣшенія на взносъ таможенныхъ пошлинъ кредитными билетами.

„Государственные кредитные билеты выпускаются впредь государственнымъ банкомъ только для коммерческихъ операцій банка; за счетъ государственнаго казначейства билеты на будущее время не выпускаются. Государственные кредитные билеты имѣютъ платежную силу наравнѣ съ золотою монетою новаго чекана, а потому признаются недействительными всякаго рода условія и соглашенія о необязательности приѣма билетовъ въ платежи или о приѣмѣ не наравнѣ съ золотою монетою; лишь въ отношеніи уплаты таможенныхъ пошливъ остаются въ силѣ существующія ограниченія (уплата золотомъ), впредь до особаго распоряженія министра финансовъ“.

„Государственные кредитные билеты обязательно размѣняются государственнымъ банкомъ на золотую монету новаго чекана, по расчету, рубль за рубль; размѣнъ производится безъ ограниченія суммы и притомъ въ с.-петербургской конторѣ — по предъявленіи, въ прочихъ же конторахъ и отдѣленіяхъ—въ зависимости отъ имѣющейся въ нихъ золотой наличности. Для исполненія возлагаемой на государственный банкъ обязанности размѣна кредитныхъ билетовъ въ распоряженіе банка передается существующій нынѣ размѣнный фондъ на сумму 750 милліоновъ рублей въ золотой монетѣ новаго чекана. Банкъ можетъ выпускать билеты: въ предѣлахъ до 1 милліарда—съ условіемъ, чтобы билетное обращеніе не превышало золотой наличности банка болѣе, чѣмъ въ два раза, а свыше 1 милліарда—съ условіемъ покрытія излишка билетовъ золотою наличностью рубль за рубль. Обороты банка по выпуску и уничтоженію кредитныхъ билетовъ по-вѣряются и ревизуются на основаніи особыхъ правилъ, при чемъ въ ревизіяхъ участвуютъ члены государственнаго контроля и представители отъ дворянства, купечества, с.-петербургской городской думы и с.-петербургскаго биржевого комитета“.

Эти предположенія министерства финансовъ прежде всего разрушаютъ иллюзію, которую долго и настойчиво поддерживали въ нашей печати защитники и истолкователи проектируемаго преобразованія,— что дѣло идетъ будто бы о замѣнѣ бумажнаго денежнаго обращенія металлическимъ и объ устройствѣ нашей денежной системы на прочной монетной основѣ, по примѣру другихъ культурныхъ государствъ. Оказывается, что проектъ вовсе не имѣетъ въ виду введеніе у насъ металлическаго денежнаго обращенія и даже заранѣе ставить неодолимыя преграды желательному переходу отъ бумажекъ къ металлу, такъ какъ, во-первыхъ, онъ оставляетъ бумажныя деньги въ томъ же количествѣ, какъ и прежде, и предусматриваетъ тѣ же выпуски кредитныхъ билетовъ, какіе практиковались до сихъ поръ, и, во-вторыхъ, онъ устанавливаетъ слишкомъ высокую монетную единицу, недоступную огромному большинству населенія.

Рѣшивъ вопросъ о валютѣ въ пользу золота, составители проекта предлагаютъ намъ такую золотую валюту, какой пока нѣтъ нигдѣ. Нашъ размѣнный фондъ составленъ цѣликомъ изъ золота, тогда какъ въ классической странѣ золотой валюты, въ Англіи, количество

серебра въ металлическомъ запасѣ банка можетъ составлять четвертую долю наличности въ золотой монетѣ. Въ уставѣ французскаго банка не существуетъ и такого ограниченія; банкъ можетъ держать столько золота и серебра, сколько находитъ нужнымъ, и банковые билеты мѣняются на тотъ или другой металлъ по усмотрѣнiю банка. Германскій имперскій банкъ обязанъ имѣть въ своемъ размѣнномъ фондѣ „нѣмецкiя металлическiя деньги“, имѣющiя ходъ въ предѣлахъ имперiи, и онъ можетъ размѣнивать свои билеты не только на золото, но и на серебро. Во французскомъ банкѣ всегда имѣются огромные запасы полноцѣнной серебряной монеты, сверхъ тѣхъ двухъ съ половиною или трехъ миллiардовъ серебра, которые находятся въ обращенiи; такъ, напр., въ началѣ апрѣля текущаго года въ банкѣ было серебра на 1.245 миллiоновъ фр., а золота на 1.948 милл. Часто въ банкѣ бывало меньше золота, чѣмъ серебра; такъ было въ 1880—85 годахъ, въ 1888 и 1890 годахъ, и это обилiе полноцѣннаго серебра наиболѣе способствуетъ правильному дѣйствию французской денежной системы, придавая ей ту эластичность, которою она отличается отъ англiйской. Такъ же точно въ Германiи, при господствѣ золотой валюты, находится въ обращенiи около 900 миллiоновъ серебряной монеты, въ талерахъ и маркахъ, по свѣденiямъ за 1894 г.; а въ имперскомъ банкѣ, къ концу прошлаго года, было 204 милл. серебряныхъ талеровъ, сверхъ 77 миллiоновъ серебра въ маркахъ; золото составляло лишь 67% всей наличности ¹⁾. Неужели же мы одни настолько богаты, что можемъ показать миру небывалый примѣръ исключительнаго господства золота въ денежномъ обращенiи и въ размѣнномъ металлическомъ фондѣ? Нашъ проектъ, правда, упоминаетъ и о серебряныхъ рубляхъ, но онъ не опредѣляетъ приблизительнаго количества ихъ, ограничиваетъ прiемъ ихъ въ таможенные платежи и не предполагаетъ вовсе замѣны ими кредитныхъ билетовъ низшаго достоинства; о металлическомъ фондѣ говорится лишь какъ о золотомъ, и къ серебру обнаруживается полнѣйшее пренебреженiе. Серебряный рубль признается менѣе достойнымъ вниманiя и довѣрiя, чѣмъ бумажный. Очевидно, составители проекта убѣждены, что мы призваны далеко оставить за собою Францiю и Германiю и даже Англiю по части золотой валюты, и что нашъ народъ для своихъ денежныхъ сдѣлокъ, платежей и оборотовъ не нуждается въ другомъ металлѣ, кромѣ золота.

На Западѣ принято думать, что золотая валюта наиболѣе выгодна и цѣлесообразна для богатыхъ промышленныхъ нацiй, играющихъ

¹⁾ См. „Вѣстникъ Финансовъ“ отъ 10-го марта, гдѣ приведены свѣденiя объ организацiи денежнаго обращенiя въ западной Европѣ (стр. 595—605 и 622); „Темра“, отъ 18 апрѣля, и др.

роль кредиторовъ по отношенію къ другимъ государствамъ, и что для странъ болѣе бѣдныхъ, земледѣльческихъ, необходимъ менѣе дорогой металлъ для монеты, именно серебро. Допустимъ однако, что мы столько же богаты въ промышленномъ отношеніи, какъ французы, нѣмцы и англичане;—и въ этомъ случаѣ съ нашей стороны было бы бесполезно мечтать о томъ, что мы можемъ основать свою монетную систему на одномъ лишь золотѣ, тогда какъ западно-европейскіе народы не обходятся безъ огромныхъ запасовъ серебра даже при номинальномъ признаніи первенства золота во всѣхъ денежныхъ счетахъ. Причина такого фактическаго значенія серебра въ денежномъ обращеніи даже богатѣйшихъ государствъ Запада вполне естественна и понятна. Для обычныхъ потребностей внутренняго денежнаго оборота, — какъ говорили мы въ прошломъ году, — не пригодно золото уже потому, что цѣнность наименьшей золотой монеты превышаетъ размѣры значительнаго большинства повседневныхъ сдѣлокъ и платежей въ массѣ населенія. Для уплаты ниже двадцати или десяти франковъ, ниже фунта стерлинговъ или десяти шиллинговъ, ниже двадцати и десяти марокъ, требуется менѣе дорогой металлъ, чѣмъ золото, и нѣкто еще пока не придумалъ для этой цѣли другого болѣе подходящаго вещества, чѣмъ серебро. Золотая монета въ пять франковъ или пять марокъ представляется уже неудобною на практикѣ, вслѣдствіе своего слишкомъ малаго объема, и всякій, бывавшій во Франціи или въ Германіи, знаетъ по опыту, что эти монеты, особенно пятифранковая, попадаются довольно рѣдко. Серебряные пятифранковики, равно какъ и неполноцѣнная серебряная монета въ одинъ и два франка, имѣютъ, конечно, несравненно болѣе широкое и быстрое обращеніе во Франціи, чѣмъ золотые двадцатифранковики, легко замѣняемые притомъ въ болѣе крупныхъ суммахъ банковыми билетами.

Многіе серьезно ссылаются на то, что серебряный рубль понизился въ цѣнѣ сравнительно съ кредитнымъ, что это произошло вслѣдствіе упадка цѣнности серебра на мировомъ рынкѣ, и что нельзя уже возвращаться къ серебряной монетной единицѣ, когда ея бумажные представители имѣютъ болѣе высокую, независимую отъ нея цѣнность. Почему же, однако, французскіе серебряные пятифранковики не потеряли въ цѣнѣ ни одного сантима и свободно обращаются въ неограниченныхъ количествахъ наравнѣ съ золотомъ, несмотря на упадокъ цѣнности серебра, какъ товара? Можно ли вообще говорить о влияніи товарной цѣны металла на монету, когда нѣтъ и рѣчи о свободной чеканкѣ серебра по заказамъ частныхъ лицъ? Мелкая разнѣнная монета по составу металла стоитъ гораздо дешевле серебра, и тѣмъ не менѣе она не понизилась въ цѣнѣ; если же серебряный рубль

стала цѣниться ниже размѣнной монеты и бумажныхъ денегъ, то это было исключительно лишь результатомъ оффиціального отреченія отъ него, какъ отъ законнаго платежнаго средства. Объявлялось, напр., что при приѣмѣ въ таможенные платежи серебряный рубль считается равнымъ 45 коп. по счету на золото, тогда какъ курсъ бумажнаго рубля колебался между 65 и 70 коп.; а потомъ это непонятное искусственное обезцѣненіе серебрянаго рубля служило доводомъ въ пользу золотой валюты и связывалось, безъ малѣйшаго къ тому основанія, съ общимъ упадкомъ цѣнности серебра на мировомъ рынкѣ. Самый упадокъ цѣнности серебра можетъ оказаться только временнымъ; и онъ несомнѣнно имѣетъ тѣсную связь съ переходомъ нѣкоторыхъ государствъ къ золотой валютѣ, по примѣру Германіи, начиная съ семидесятыхъ годовъ. Послѣдствія такого перехода къ болѣе дорогому и постоянно повышающемуся въ цѣнѣ металлу сказались уже съ достаточною ясностью въ западной Европѣ. Въ странахъ съ золотой валютою все сильнѣе чувствуется потребность въ восстановленіи законной роли серебра въ денежной системѣ; многие ученые экономисты, какъ проф. Адольфъ Вагнеръ, Шеффле, Лексисъ, покойный Лавелей и др., рѣшительно высказываются противъ односторонняго владычества золота, какъ металла, имѣющаго естественную тенденцію къ вздорожанію; даже безусловные приверженцы золотой валюты не отрицаютъ неизбѣжнаго практическаго значенія серебра для повседневныхъ денежныхъ оборотовъ, и напр. Ротшильдъ, бывший англійскимъ делегатомъ на брусельской монетной конференціи 1892 года, считалъ полезнымъ для Англійи повысить норму серебра, обязательнаго къ приѣму въ платежи, съ 2 фунтовъ до пяти (т.-е. почти до 50 рублей).

Изъ этого видно, что вопросъ объ относительной роли золота и серебра въ денежномъ обращеніи вовсе не такъ простъ и не такъ легко рѣшается, какъ принято думать у насъ. Вполнѣ понятно, что практическіе дѣятели и государственные люди возстаютъ противъ вкрутой перемѣны денежной системы тамъ, гдѣ уже дѣйствуетъ золотая валюта,—въ Англійи и Германіи. Но у насъ металлическое денежное обращеніе вводится вновь,—по крайней мѣрѣ въ принципѣ,—и съ нашей стороны было бы въ высшей степени неосторожно дѣлать рѣшительный шагъ въ пользу золота, не справляясь съ опытомъ другихъ государствъ и съ экономическими условіями и потребностями нашей собственной страны. Серебро еще болѣе упадетъ въ цѣнѣ, а золото повысится, когда золотая валюта установится въ Россіи, Австріи и Индіи; точно такъ же какъ въ пятидесятыхъ годахъ, наоборотъ, упала цѣнность золота, и нѣкоторыя государства собирались отказаться отъ него, какъ отъ матеріала для монеты, въ виду

пониженія его товарной цѣны. Не подлежит сомнѣнію, что огромныя массы добываемаго золота за послѣдніе годы—о чемъ ниже сообщается, между прочимъ, П. А. Тверской въ настоящей книгѣ журнала,—сильно понизили бы цѣну этого металла, еслибы ее не поддерживалъ искусственно повышенный спросъ, въ ущербъ серебру.

Повсюду мы видимъ, что за господство золота стоять представители крупной промышленности и банковъ, а за болѣе доступное серебро—представители земледѣльческихъ интересовъ и рабочаго населенія, кромѣ развѣ социаль-демократовъ, привыкшихъ разсуждать по Марксу и защищающихъ крупную промышленность подъ предлогомъ будущаго благополучія рабочихъ. Въ Германіи съ наибольшою настойчивостью воюютъ противъ золотой валюты такъ-называемые аграріи, землевладѣльцы и сельскіе хозяева, солидарные и съ крестьянскимъ землевладѣніемъ; нѣмецкія газеты, отражающія въ себѣ настроеніе средняго промышленнаго класса, относятся къ этой партіи насмѣшливо и пренебрежительно,—но мы не имѣемъ повода игнорировать стремленія и потребности спеціально земледѣльческихъ группъ, ибо значительное большинство нашего народа также состоитъ нѣкоторымъ образомъ изъ мелкихъ аграріевъ. Во всякомъ случаѣ наименѣе можемъ мы чувствовать солидарность съ тѣми промышленными и биржевыми сферами, которыя вездѣ высказываются за золотую валюту. Въ Европѣ и Америкѣ вопросъ о денежной системѣ издавна признается чрезвычайно сложнымъ и важнымъ, требующимъ старательнаго взвѣшиванія различныхъ и отчасти противоположныхъ интересовъ; поэтому и у насъ дѣло монетной реформы заслуживало бы всесторонняго предварительнаго обсужденія и не должно было бы лежать на отвѣтственности одного лишь финансоваго вѣдомства, обязаннаго, по кругу своей компетенціи, наиболѣе считаться съ мнѣніями и желаніями представителей промышленности и торговли и съ настроеніемъ западно-европейскаго денежнаго міра.

Золотого денежнаго обращенія вообще не бываетъ, и еслибы у насъ даже рѣшено было окончательно перейти къ золотой валютѣ, то въ то же время мы необходимо должны были бы восстановить значеніе полноцѣнной серебряной монеты, чтобы замѣнить бумажные рубли серебряными. Пока останутся бумажки, металлъ не пойдетъ въ обращеніе, хотя и исчезнетъ, быть можетъ, изъ разнѣннаго фонда. Еще въ XVI вѣкѣ сэръ Томасъ Грѣшамъ, совѣтникъ королевы Елизаветы, доказалъ, что худшія деньги всегда выгоняютъ лучшія, и съ тѣхъ поръ это безспорное положеніе называется закономъ Грѣшама. Такое же наблюденіе сдѣлано было еще Аристофаномъ: „въ нашей республикѣ (афинской),—говорится въ пьесѣ „Лягушки“,—дурные граждане предпочитаютъ хорошимъ, подобно тому, какъ плохія мѣ-

неты находятся въ обращеніи, а хорошія прячутся“. Деньги, болѣе цѣнныя по матеріалу, непременно скроются, какъ только поколеблется почему-либо курсъ кредитныхъ билетовъ. Металлическое денежное обращеніе, повсюду, гдѣ оно устроено прочно и дѣйствуетъ правильно, какъ, напр., прежде всего, во Франціи, понимается въ такомъ смыслѣ, что функціи денегъ исполняетъ металлъ, золото или серебро, что въ обращеніи нѣтъ и не должно быть бумажныхъ денежныхъ знаковъ мелкаго достоинства, ниже извѣстной нормы, и что только для болѣе значительныхъ суммъ существуютъ разнѣнные банковые билеты; вмѣстѣ съ тѣмъ повсюду, даже тамъ, гдѣ господствуетъ золотая валюта, считается необходимымъ имѣть крупныя запасы менѣ дорогой серебряной монеты для повседневныхъ сдѣлокъ и расплатъ. Гдѣ эти условія не соблюдаются, тамъ нѣтъ правильной, прочно устроенной денежной системы; никто, напр., не скажетъ, что въ Австріи или въ Соединенныхъ-Штатахъ денежное обращеніе урегулировано какъ слѣдуетъ; десятки лѣтъ продолжается уже монетный кризисъ въ обѣихъ странахъ, несмотря на возстановленіе разнѣна, и вопросъ до сихъ поръ не сходитъ тамъ съ очереди, вслѣдствіе одновременнаго существованія бумажныхъ денегъ и металлическихъ. Конечно, если намъ слѣдуетъ руководствоваться опытомъ другихъ государствъ въ дѣлѣ возстановленія правильнаго денежнаго обращенія, то всего менѣе можемъ мы брать за образецъ то, что существуетъ въ этомъ отношеніи въ Австріи и въ Соединенныхъ-Штатахъ. Притомъ обѣ эти страны находятся въ особыхъ условіяхъ, которыя исключаютъ мысль о подражаніи ихъ денежнымъ порядкамъ; въ австрійскихъ финансовыхъ реформахъ издавна играютъ видную и даже руководящую роль промышленныя и биржевыя сферы, и напр. введеніе золотой валюты совершается тамъ при дѣятельномъ участіи группы банкирскихъ фирмъ, съ Ротшильдомъ во главѣ, чего у насъ, конечно, нѣтъ и быть не можетъ, въ виду незначительнаго развитія у насъ банкирско-биржевого міра. Что касается Соединенныхъ-Штатовъ, то эта страна не обременена внѣшними долгами, какъ мы, и настолько богата въ промышленномъ отношеніи, что можетъ позволять себѣ и хроническую денежную путаницу безъ особеннаго для себя ущерба. Здравый смыслъ говорить, что поучительныя для насъ образцы мы должны искать тамъ, гдѣ денежная система дѣйствительно образцовая, и если уже подражать, то, разумѣется, только такимъ государствамъ, какъ Франція, Англія и Германія. Вездѣ, гдѣ вводится металлическое обращеніе, извлекаются бумажныя деньги низшаго достоинства и замѣняются металломъ; во Франціи банкъ выпускаетъ билеты на суммы не ниже 50 фр. по уставу, но фактически не ниже 100 фр.; въ Германіи билеты имперскаго банка—цѣною не менѣе 100 марокъ;

въ Швейцаріи—съ 50 фр.; въ Англіи—съ 5 ф. стерлинговъ. Такимъ образомъ, для мелкихъ оборотовъ, внизу, употребляется только металлъ, серебро, и никакихъ бумажекъ; для болѣе значительныхъ среднихъ расплатъ—золото, и для крупныхъ—банковые билеты, размѣнные на металлъ. По нашему же проекту выходитъ наоборотъ, и все денежное обращеніе ставится такъ, что внизу, для повседневныхъ счетовъ, бумажки, и употребленіе металла, полноцѣннаго серебра, допускается, но не поощряется; для среднихъ оборотовъ — золото и бумажки, для крупныхъ—бумажки. Понятно, что изъ такого опыта ничего не выйдетъ, и повсюду будутъ прежнія бумажныя деньги, а денежная реформа останется мертвою буквою, хотя послѣдствія могутъ оказаться весьма реальными и тягостными для всего нашего экономического и финансоваго положенія.

Наиболѣе слабою стороною проекта является неопредѣленное, двусмысленное положеніе серебрянаго рубля въ монетной системѣ. Съ семидесятыхъ годовъ у насъ утвердилась несчастная идея, что государство обязано будто бы расплачиваться золотомъ за кредитные билеты, выпущенные на серебро. Извѣстный экономистъ, проф. Нассе, упомянувъ о прекращеніи чеканки полноцѣнной серебряной монеты въ Россіи и затѣмъ въ Австріи, замѣчаетъ кратко, но довольно ясно: „Обѣ страны, повидимому, оасались вытѣсненія бумажныхъ денегъ серебромъ. Но если этимъ государствамъ будутъ угрожать какія-нибудь политическія осложненія или иныя бѣдствія, то опытъ покажетъ имъ, что серебряное металлическое обращеніе имѣетъ все-таки нѣкоторое преимущество передъ бумажнымъ“. Это замѣчаніе проф. Нассе не можетъ уже вызывать никакихъ недоумѣній, такъ какъ авторъ — несомнѣнно приверженецъ золотой валюты. Въ сущности, мысль о преимуществахъ серебра передъ бумажкою до того проста сама по себѣ, что какъ-то странно слышать противъ нея возраженія. Въ прошломъ столѣтіи нашъ правительствующій сенатъ обсуждалъ проектъ денежной реформы, и дѣло шло о выкупѣ мѣдной монеты, выпущенной временно взамѣнъ серебряной, вслѣдствіе недостатка въ серебрѣ; предложено было изъять изъ обращенія мѣдные пятикопѣечники, посредствомъ выпуска ассигнацій. Любопытное разсужденіе сената по этому предмету приведено, между прочимъ, въ книгѣ г. Миклашевскаго. По заключенію тогдашняго сената, „билеты весьма хуже пятикопѣечниковъ, ибо мѣдные пятикопѣечники внутреннюю доброту имѣютъ, а билеты никакой уже внутренней доброты имѣть не будутъ, и ежели ихъ въ Россіи умножить, то паки вымѣнивать ихъ съ превеликими казнѣ убытками и съ крайнимъ народнымъ разореніемъ, несравненно противъ уменьшенія цѣны нынѣшнихъ пятикопѣечниковъ произведено будетъ. Къ тому же сіе

весьма предосудительно будетъ, что вмѣсто денегъ будутъ ходить бумажки, да и опасно, чтобъ не подать причины и впредь къ худымъ разсужденіямъ". Очевидно, съ тѣхъ поръ мы такъ привыкли къ худымъ разсужденіямъ, что они начинаютъ намъ казаться совсѣмъ не худыми, а даже очень хорошими и основательными. Нѣкоторые говорятъ намъ теперь, что даже болѣе опасно выпускать серебряныя деньги, чѣмъ бумажныя, и что именно серебряный рубль, а не бумажный, можетъ подать поводъ къ худымъ разсужденіямъ. Остановиваться на подобныхъ мнѣніяхъ было бы бесполезно. Установленіе золотой монетной единицы приводитъ къ совершенно ненужной и странной мѣрѣ — къ официальному пониженію монетной цѣнности кредитнаго рубля, когда этотъ бумажный рубль давно уже сравнялся по цѣнѣ съ своимъ законнымъ эквивалентомъ—рублемъ серебрянымъ.

Замѣнять серебро золотомъ—совершенно безцѣльно, если имѣть въ виду потребности нашего внутренняго денежнаго обращенія. Золоту, какъ мы не разъ уже указывали, нечего будетъ дѣлать среди нашего сельскаго и значительной части городскаго населенія, гдѣ обычные денежные счета и заработки измѣряются рублями и гривенниками. Народъ по традиціи знаетъ и цѣнить серебряный рубль, но не имѣетъ яснаго понятія о золотѣ и не можетъ питать къ нему довѣріе, которое, впрочемъ, подрывается въ корнѣ предложеніемъ полумперіаловъ съ точною надписью „пять рублей“ за 7 р. 50 к. кредитными. А вѣковымъ опытомъ дознано, что привычки и понятія народа имѣютъ рѣшающій вѣсъ въ щекотливыхъ дѣлахъ денежнаго и монетнаго обращенія. Большинство населенія не видало бы золота, потому что не имѣло бы въ немъ потребности для своихъ скудныхъ оборотовъ; болѣе зажиточные классы избѣгали бы золотой монеты въ силу неувѣренности въ устойчивости ея курса и въ правильномъ ея размѣнѣ у торговцевъ, такъ что фактически будутъ по прежнему обращаться въ народѣ однѣ лишь бумажныя деньги. Счетъ на золото будетъ существовать и для народа, отражаясь на его платежахъ и на цѣнахъ его продуктовъ, но самое золото до него не дойдетъ. Денежная мѣрка будетъ повышена, къ явной невыгодѣ населенія, а никакого металлическаго обращенія внутри страны не окажется и не можетъ оказаться въ дѣйствительности. Казначействамъ придется навязывать золото получателямъ, напр. чиновникамъ при выдачѣ жалованья; золото будетъ уходить въ мнѣяльныя конторы, и установится, пожалуй, лажъ въ пользу кредитныхъ билетовъ, какъ болѣе привычныхъ и удобныхъ для публики. Лажъ этотъ будетъ даже имѣть нѣкоторое законное основаніе, такъ какъ заграничный курсъ бумажнаго рубля выше принятаго теперь министерствомъ финансовъ: двадцать франковъ золотомъ, равные по цѣнѣ

нашему полуимперіалу, можно получить за 7 р. 40 к. кредитныхъ, а казна почему-то оцѣниваетъ бумажки ниже, считая полуимперіаль въ 7 р. 50 к.; слѣдовательно, всѣ, получающіе изъ казначейства золото вмѣсто бумажныхъ денегъ, теряютъ около полутора процентовъ съ суммы. Размѣнъ кредитныхъ билетовъ на золото не имѣетъ практическаго смысла для обывателей, пока кредитные билеты сохраняютъ свое прежнее значеніе; размѣнъ можетъ быть полезенъ только для лицъ, имѣющихъ международныя торговныя сношенія или ведущихъ банкирскія или биржевыя операціи; онъ можетъ сдѣлаться выгоднымъ и даже неизбѣжнымъ для нашихъ заграничныхъ кредиторовъ при малѣйшей перемѣнѣ политической атмосферы, когда возникнетъ опасеніе, что обстоятельства побудятъ правительство приостановить размѣнъ и вновь прибѣгнуть къ необезпеченнымъ выпускамъ бумажныхъ денегъ. Внутри страны размѣнъ никому не нуженъ при существованіи бумажекъ. Можно быть увѣреннымъ, что публика не будетъ утруждать государственный банкъ требованіемъ размѣна кредитныхъ билетовъ на золото. Такимъ образомъ, нашъ золотой фондъ могъ бы остаться вполнѣ неприкосновеннымъ по объявленіи свободнаго размѣна, еслибы это зависѣло только отъ внутренняго спроса. У насъ повторилось бы то, чтѣ было въ Австріи въ двадцатыхъ годахъ, и еще недавно въ Соединенныхъ-Штатахъ, по возобновленіи размѣна; бумажки не предъявлялись къ обмѣну, потому что не было въ этомъ никакого интереса при сохраненіи законной силы бумажныхъ денегъ. Итакъ, золото нашего размѣннаго фонда не уйдетъ и не можетъ уйти въ народъ; оно не останется и не можетъ остаться внутри страны, хотя и будетъ выпущено изъ кассы государственнаго банка, — и если суждено этимъ накопленнымъ запасамъ золота перейти въ обращеніе, то оно естественною силою вещей направится туда, куда исчезало уже не разъ, — за границу. Оно пойдетъ туда даже независимо отъ соображеній о торговомъ и платежномъ балансѣ, при первыхъ симптомахъ политической тревоги, даже просто подъ вліяніемъ спекуляціи.

Конечно, правительство всегда успѣетъ остановить размѣнъ, въ случаѣ опасности; но и потеря части золотого фонда будетъ крайне чувствительна для государства и окажется совершенно безплоднымъ расходомъ, который современемъ придется опять пополнить насчетъ платежныхъ силъ населенія ¹⁾.

¹⁾ Какъ дорого обходится увеличеніе этого размѣннаго фонда, можно видѣть, напр., изъ указа 23-го февраля о выпускѣ 4-хъ-процентной государственной ренты для приобрѣтенія отъ государственнаго банка 75 милліоновъ зол., положенныхъ туда казначействомъ, т.-е. для переложенія золота изъ одного учрежденія министерства финансовъ въ другое создается новый долгъ въ 30 милл. р., по которому надо упла-

По нашему мнѣнію, денежная реформа могла бы осуществиться у насъ съ пользою для государства и народа только на слѣдующихъ основаніяхъ:

I. Всѣ кредитные билеты низшаго достоинства, до 5 р., должны быть безусловно изъяты изъ обращенія и замѣнены полноцѣнною серебряною монетою. Цѣнность серебрянаго рубля по отношенію къ золоту должна считаться равною нынѣшнему курсу кредитныхъ билетовъ, т. е. полу-имперіаль при обмѣнѣ на серебро сохраняетъ цѣну въ 7 р. 40 к. При изыятіи бумажныхъ денегъ изъ обращенія слѣдуетъ держаться того правила, что оставшіеся въ оборотѣ кредитные билеты уничтожаются только по мѣрѣ ихъ поступленія въ кассы казначейства и государственнаго банка, и ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть объявлены недействительными, пока они находятся въ рукахъ владѣльцевъ. На выкупъ кредитныхъ билетовъ цѣною ниже 5 р. потребовалось бы около 150 милліоновъ золотомъ изъ нынѣшняго размѣннаго фонда, что составило бы приблизительно 250 милліоновъ кредитныхъ рублей.—Это употребленіе части размѣннаго фонда вполне соотвѣтствовало бы его назначенію и было бы по существу въ высшей степени благотворно: бумажныя деньги были бы замѣнены металлическими, и въ массѣ народа установилось бы прочное денежное обращеніе. Чеканка полноцѣнной серебряной монеты должна производиться по усмотрѣнію правительства, смотря по потребностямъ денежнаго обращенія и по состоянію денежнаго рынка.

II. Кредитные билеты высшаго достоинства должны быть свободно размѣниваемы на золото по установленному курсу, и затѣмъ билеты цѣною ниже 25 р. могутъ быть постепенно извлечены изъ обращенія, съ замѣною ихъ золотомъ новаго чекана. Золотая монета по вѣсу чистаго металла должна соотвѣтствовать опредѣленному количеству франковъ, для удобства международныхъ расчетовъ.

III. Содержаніе серебра въ размѣнной серебряной монетѣ должно быть значительно повышено, такъ какъ давно уже утратили силу тѣ обстоятельства, которыя привели въ ухудшенію состава монеты по указу 1867 года. Для чеканки размѣнной монеты должна быть установлена извѣстная норма, соотвѣтственно численности населенія, какъ это принято въ другихъ государствахъ.

IV. Государственный банкъ долженъ сдѣлаться самостоятельнымъ учрежденіемъ, съ особымъ совѣтомъ изъ представителей всѣхъ вѣ-

чивать 1.200 тыс. рублей въ годъ процентовъ. Для многихъ эта операція останется загадочною, особенно при существованіи металлической наличности госуд. казначейства въ 111½ милл. зол., по отчету 16-го марта.

домствъ. Выпускъ кредитныхъ билетовъ ниже 25 р. долженъ быть совершенно прекращенъ, а общая цифра билетовъ высшаго достоинства не должна превышать болѣе чѣмъ втрое сумму имѣющагося въ банкѣ металлическаго запаса.

На этихъ началахъ могло бы установиться въ странѣ дѣйствительное металлическое обращеніе, и государство избавилось бы, наконецъ, отъ тягостныхъ заботъ о курсѣ бумажныхъ денегъ. Въ случаѣ какихъ-нибудь внѣшнихъ осложненій или чрезвычайныхъ экономическихъ бѣдствій, оставалась бы всегда возможность прибѣгнуть къ послѣднему ресурсу—къ временному выпуску кредитныхъ билетовъ, взаимѣнъ серебряной и золотой монеты; мы находились бы, слѣдовательно, въ несравненно болѣе благопріятномъ положеніи, чѣмъ при осуществленіи проекта, оставляющаго въ полной силѣ наши бумажные рубли.

Когда народъ питается самой дешевой пищею, напр. картофелемъ, то въ случаѣ наступленія какой-нибудь бѣды, въ родѣ неурожая, онъ не можетъ уже опуститься ниже и не имѣетъ предъ собою ничего другого, кромѣ голода; точно такъ же, когда государство употребляетъ для денегъ самый дешевый, ничего не стоящій матеріалъ—бумагу, оно оказывается въ безвыходномъ положеніи въ моментъ кризиса или войны; ему не къ чему уже перейти, оно не имѣетъ въ своемъ распоряженіи никакого ресурса, кромѣ разорительныхъ займовъ или новыхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ, а новые выпуски, дѣлаемые при неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, сразу подрываютъ цѣнность всей массы выпущенныхъ раньше кредитныхъ билетовъ. Другое дѣло—когда каналы денежнаго обращенія заняты металломъ, сохраняющимъ съ давнихъ временъ и понынѣ значительную цѣнность въ глазахъ народовъ; какъ ни плохо серебро съ точки зрѣнія лондонскаго „мірового“ рынка, оно все-таки имѣетъ свою прочную „внутреннюю доброту“, и въ случаѣ крайности государство еще имѣетъ предъ собою выходъ,—оно можетъ опять обратиться къ бумагѣ. Такого ресурса нѣтъ, пока кредитные билеты господствуютъ въ денежномъ обращеніи; замѣнить бумажки чѣмъ-нибудь другимъ, столько же или болѣе доступнымъ,—нельзя, а прибавить новыя бумажки—значить, повторить исторію ассигнацій и подвергнуть весь государственный кредитъ и все денежное хозяйство страны сильнѣйшему потрясенію.

Еслибы проектъ въ нынѣшнемъ своемъ видѣ приведенъ былъ въ дѣйствіе, то послѣ выпуска въ обращеніе нѣкоторой части золотого фонда мы неизбѣжно очутились бы лицомъ къ лицу съ тѣмъ же старымъ бумажно-денежнымъ обращеніемъ, котораго нечѣмъ будетъ уже

замѣнить; поэтому, пока есть средства, необходимо сдѣлать первый рѣшительный шагъ къ прочному устройству денежной системы—пустить металлъ въ низшіе, наиболѣе обширные каналы и резервуары денежнаго обращенія. Въ этомъ, по нашему мнѣнію, должна заключаться первая, главнѣйшая задача денежной реформы въ Россіи.

Л. Слонимскій.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 мая 1896.

Московское губернское земство и всеобщее обученіе. — Движеніе къ той же цѣли въ вятскомъ губернскомъ земствѣ. — Еще о судѣ присяжныхъ: примѣръ западной Европы, „кассационныя придирки“, связь вердикта съ предшествовавшимъ производствомъ, статистическія данныя, необходимость широкаго изслѣдованія. — Одна изъ тѣневыхъ сторонъ нашей дѣйствительности.

Давно уже намъ не приходилось заносить въ нашу хронику такого отраднаго факта, какъ состоявшееся 10-го минувшаго апрѣля постановленіе московскаго губернскаго земскаго собранія, полагающее начало новой эпохѣ въ исторіи нашей народной школы. Если уѣздныя земства московской губерніи присоединятся къ губернскому въ исполненіи намѣченнаго имъ плана (на что есть полное основаніе рассчитывать, въ виду сочувственнаго приѣма, встрѣченнаго губернскимъ проектомъ въ послѣднихъ очередныхъ уѣздныхъ собраніяхъ), населеніе московской губерніи будетъ пользоваться, въ скоромъ времени, всѣми благами общедоступнаго начальнаго обученія — а *общедоступное* начальное обученіе, при томъ отношеніи къ образованію, которое существуетъ теперь въ средѣ народа, почти равносильно обученію *всеобщему*. Для одной изъ русскихъ губерній будетъ разрѣшена, такимъ образомъ, великая и трудная задача, поставленная на очередь самою жизнью и составляющая, нѣсколько лѣтъ сряду, предметъ заботъ и изученія многихъ губернскихъ и уѣздныхъ земствъ. Примѣру московскаго губернскаго земства послѣдуетъ, безъ сомнѣнія, вся земская Россія — не съ одинаковою скоростью, потому что не вездѣ одинаковы условія и средства, но съ одинаковымъ убѣжденіемъ въ важности и необходимости предпринятаго дѣла.

Главныя черты плана дѣйствій, одобреннаго московскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ, заключаются въ слѣдующемъ: нормальнымъ школьнымъ районамъ, при разстояніи отъ школы не болѣе трехверстнаго, признается населеніе не меньше чѣмъ въ

120 дворовъ, соответствующее, приблизительно, 40 дѣтямъ школьнаго возраста. Въ каждомъ такомъ районѣ должна быть по меньшей мѣрѣ одна нормально устроенная школа (максимальное число учащихся — 60). Если въ трехверстномъ радиусѣ отъ школы имѣется менѣе сорока, но болѣе двадцати дворовъ, то для такого района должна быть учреждена школа нѣсколько болѣе дешевая (жалованье законоучителю—50 рублей, вмѣсто 60; учителю—200 рублей, вмѣсто 240; на учебныя принадлежности и т. п.—50 руб. вмѣсто 60, всего — 300 рублей, вмѣсто 360). Для района, въ которомъ меньше 20 дворовъ, устраивается, по возможности, ночлежный пріютъ при ближайшей школѣ или организуется система правильныхъ мирскихъ подвозъ. Примѣнительно къ этимъ главнымъ основаніямъ нужно открыть вновь 277 школъ, въ томъ числѣ 186—нормальной, 91—уменьшенной стоимости (при этомъ принимаются въ расчетъ всѣ существующія школы, какъ земскія, такъ и церковно-приходскія, частныя и другихъ вѣдомствъ и учреждений). Расходъ губернскаго земства, обусловливаемый новой системой, слагается изъ двухъ главныхъ статей: 1) увеличенія, соразмѣрно съ возрастаніемъ числа школъ, пособія на содержаніе земскихъ школъ, и теперь уже получаемого уѣздными земствами московской губерніи отъ своего губернскаго земства, и 2) особыхъ пособій на содержаніе новыхъ школъ. Обычная губернская приплата составляетъ 180 рублей—120 руб. учителю и 60 руб. законоучителю, въ дополненіе къ содержанію, получаемому ими изъ средствъ уѣзднаго земства ¹⁾; изъ новыхъ школъ ее будутъ получать только тѣ, которыя будутъ открыты въ нормальныхъ школьныхъ районахъ. Для 186 школъ это составитъ 33.480 рублей въ годъ. Особые пособія будутъ выдаваться въ размѣрѣ $\frac{4}{5}$ средней стоимости содержанія школы (т.-е. по 288 руб.—на школу нормальную, по 240 руб.—на школу удешевленную), но только тѣмъ уѣзднымъ земствамъ, которыя въ настоящее время имѣютъ процентъ обложенія не менѣе средняго по губерніи. Такихъ земствъ теперь шесть (волоколамское, дмитровское, звенигородское, клинское, Можайское и русское). Къ нимъ присоединятся еще два (верейское и подольское), если они откроютъ на свои средства: первое—два новыхъ училища, второе—пять. Остальные пять уѣздовъ (московскій, бронницкій, богородскій, коломенскій и серпуховскій) могутъ открыть надлежащее число школъ на собственный счетъ, не выходя за предѣлы средняго процента обложенія. Опредѣленная, на такихъ основаніяхъ, сумма особыхъ пособій составитъ 52.296 руб., а все участіе губернскаго земства въ организаціи

¹⁾ Расходы на наемъ сторожа, отопленіе, освященіе, страховку и ремонтъ школьныхъ зданій упадаютъ, въ московской губерніи, на сельскія общества; на этотъ же источникъ предполагается отнести ихъ и во вновь устраиваемыхъ школахъ.

общедоступнаго обученія выразится въ цифрѣ 85.776 руб.; остальные 41.964 руб. должны быть даны уѣздными земствами. Весь расходъ, такимъ образомъ, достигаетъ 127.740 руб., что вовсе не особенно много, если при этомъ принять во вниманіе, что проектированная школьная сѣть рассчитана не на однихъ только мальчиковъ, но и на дѣвочекъ, и что даже удешевленные школы будутъ стоять значительно выше школъ грамотности. Главная заслуга въ разработкѣ и проведеніи превосходно обдуманнаго плана принадлежитъ, какъ признало собраніе, губернской земской управѣ, съ предсѣдателемъ ея, Д. Н. Шиповымъ, во главѣ, и губернскимъ статистикамъ, И. П. Боголѣпову и Н. А. Каблукову. Къ благодарности, которую выразило имъ собраніе, присоединятся, безъ сомнѣнія, всѣ тѣ, кому дорого народное просвѣщеніе. Такое же право на общую признательность имѣютъ, конечно, и всѣ гласные, подавшіе голосъ за предложеніе управы. Возражали противъ него, повидимому, только нѣкоторые представители города Москвы, выступившіе съ обычными жалобами на обиду, которую Москва терпитъ отъ губерніи: „налогами на столичное населеніе покрывается 75—80% всѣхъ смѣтныхъ расходовъ губернскаго земства; Москва платитъ земству, ничего отъ него не получая; взятіе земствомъ у Москвы 60 тыс. руб. на новыя школы въ уѣздахъ будетъ равносильно не-открытію въ столицѣ 15 школъ“. Всѣ эти доводы знакомы намъ очень давно; они постоянно слышатся и въ петербургскомъ губернскомъ земскомъ собраніи, когда идетъ рѣчь объ увеличеніи губернской земской смѣты. Въ 1882 г., напримеръ, одинъ изъ гласныхъ отъ города Петербурга назвалъ расходы, производимыя губернскимъ земствомъ (и покрываемыя, въ 75%, изъ средствъ столицы), „почти вовсе не касающимися столичной территоріи“ и, слѣдовательно, бесполезными для столицы. Возражая, тогда же, противъ этого взгляда, мы замѣтили ¹⁾, что „последовательное проведеніе его сдѣлало бы невозможнымъ существованіе всякой сколько-нибудь крупной земской единицы. Трудно представить себѣ губернской или уѣздный расходъ, *однаково* касающійся всѣхъ частей губерніи или уѣзда. Дорогою, принимаемою на земскій счетъ, ближайшее населеніе пользуется больше, чѣмъ отдаленное; въ земскую больницу идутъ преимущественно жители той мѣстности, гдѣ она открыта; въ земской школѣ учатся преимущественно дѣти сосѣднихъ жителей. Никому, однако, не приходится въ голову утверждать, что земство не имѣетъ права тратить деньги на школы, больницы, дороги, и что принципъ *территориальности* требуетъ возложенія всѣхъ расходовъ по этому предмету на средства отдѣльной волости или отдѣльнаго

¹⁾ См. Внутр. Обзорніе въ № 3 „Вѣстника Европы“ за 1882 г.

сельскаго общества". Мы доказывали, дальше, что нѣтъ ни одного земскаго расхода, который, прямо или косвенно, не былъ бы полезенъ и для столицы. И дѣйствительно, возьмемъ хотя бы расходъ на сельскія школы, противъ котораго, въ „интересахъ колокольни“, возставали нѣкоторые изъ гласныхъ гор. Москвы. Въ Москву постоянно приходятъ, на жительство или для временной работы, уроженцы сосѣднихъ уѣздовъ. Для московскаго населенія, очевидно, не безразлично умственное и нравственное ихъ развитіе, обуславливающее, въ значительной степени, и качество ихъ труда, и отношеніе ихъ къ требованіямъ общезитія. Чѣмъ выше процентъ неграмотныхъ, темныхъ людей, вливающихся въ столичную толпу, тѣмъ больше шансовъ нарушенія общественнаго порядка (особенно во время эпидемій и другихъ общенародныхъ бѣдствій), тѣмъ больше опасность такихъ массовыхъ преступленій, какое, напримѣръ, чуть было не совершилось въ Москвѣ, прошлой осенью, надъ мнимой колдуньей, „сглазлившей“ ребенка, и ея мужественнымъ защитникомъ. Нужно быть очень недалководиднымъ, чтобы противопоставлять широкому распространенію народнаго образованія охрану городской мощи, наполняемой, между прочимъ, трудовыми копѣйками крестьянства. Увѣрены ли, притомъ, тѣ столичные гласные, которые скорбятъ о невозможности открыть 15 новыхъ городскихъ школъ, что деньги, „отнимаемая“ земствомъ у Москвы, пошли бы именно на дѣло начальнаго обученія? Неужели Москва такъ бѣдна, что, давъ 60 тыс. руб. на всеобщее обученіе своей губерніи, она не можетъ уже больше расширять сѣть своихъ городскихъ школъ? Неужели, наконецъ, *пятнадцать* начальныхъ школъ въ столицѣ уравниваются собою *двести семьдесятъ семь* школъ въ губерніи?.. Слѣшимъ замѣтить, что не всѣ представители Москвы стали въ ряды защитниковъ городского вармана: самый рѣшительный отпоръ эта защита встрѣтила со стороны С. В. Лепешкина, принадлежащаго, если мы не ошибаемся, къ числу городскихъ гласныхъ. Онъ указалъ, весьма остроумно, что если стать на точку зрѣнія ультрамуниципалистовъ, то городскіе гласные должны будутъ оставаться при особомъ мнѣніи по каждому земскому расходу: противъ ассигновки по шоссированію въ губерніи дорогъ они могутъ возразить, что она равносильна незамощенію въ Москвѣ нѣсколькихъ училищъ, противъ расхода на медицинскую часть—что онъ равносильнъ неоткрытію въ Москвѣ одного приѣмнаго покоя, и такъ далѣе ad infinitum.

Многимъ изъ числа гласныхъ гор. Москвы, возражавшимъ въ собраніи противъ увеличенія губернской земской смѣты, т. е. противъ организаціи въ губерніи всеобщаго обученія, едва ли пріятно было прочесть, на слѣдующій день, передовую статью „Московскихъ Вѣ-

домостей* (№ 99), хотя она и написана въ защиту ихъ мнѣнія. Дѣло въ томъ, что въ этой защитѣ просвѣчиваетъ весьма ясно несочувствіе московской газеты къ самому существу рѣшенія губернскаго земскаго собранія. Охрану интересовъ столицы — интересовъ, понимаемыхъ, конечно, до крайности узко и формально,—газета беретъ на себя, очевидно, только потому, что съ нею неразрывно связана, въ данномъ случаѣ, охрана народнаго невѣжества. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ лишь сравнить указанную нами передовую статью („Городъ Москва и губернскае земство“) съ другою, напечатанною въ той же газетѣ однимъ днемъ раньше („Земства и города“). Въ этой послѣдней статьѣ „Московскія Вѣдомости“ говорятъ исключительно о выдѣленіи крупныхъ городовъ (Харьковъ, Саратовъ и т. п.) изъ состава *уездныхъ* земствъ, т.-е. о постановкѣ ихъ, по отношенію къ земству, въ такое же положеніе, какое занимаютъ теперь С.-Петербургъ, Москва и Одесса; о разрывѣ связи крупныхъ городовъ съ *губернскими* земствами пѣтъ еще и рѣчи. Но вотъ, московское губернскае земское собраніе постановило ввести въ губерніи, пользуясь, отчасти, средствами Москвы, всеобщее обученіе—и на слѣдующій же день высказывается мысль о „полномъ выдѣленіи Москвы изъ московскаго губернскаго земства“, какъ о „единственномъ правильномъ выходѣ изъ ненормальныхъ отношеній“! Зачѣмъ, однако, останавливаться на полу-дорогѣ? Чтобы соблюсти послѣдовательность, „Московскимъ Вѣдомостямъ“ надлежало бы предложить выдѣленіе изъ губернскаго земства не только крупныхъ, но и всѣхъ вообще городовъ, съ ихъ уѣздами, а изъ уѣзнаго земства — какъ городовъ, такъ и волостей, т.-е., другими словами, полнѣйшее упраздненіе земства, полнѣйшее торжество принципа: „*chacun chez soi, chacun pour soi*“, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ логическій выводъ изъ всего предъидущаго—полнѣйшее сосредоточеніе хозяйственныхъ дѣлъ въ рукахъ администраціи.

Отдавая должное блестящему почину московскаго губернскаго земства въ дѣлѣ организаціи всеобщаго обученія, не слѣдуетъ забывать о заслугахъ другихъ губернскихъ земствъ, столь же усердно заботящихся о народномъ образованіи, но не имѣющихъ возможности, вслѣдствіе мѣстныхъ, территоріальныхъ условий, приступить теперь же къ рѣшительному шагу, сдѣланному московскимъ губернскимъ земствомъ. Сюда принадлежитъ, прежде всего, вятское губернскае земство, послѣдняя очередная сессія котораго ознаменована чрезвычайно важными постановленіями по дѣлу народнаго образованія. Вятское земство, въ первый періодъ своей дѣятельности, весьма быстро увеличивало число школъ: съ 284 оно поднялось, въ теченіе шести

лѣтъ (1868—73), до 468, а учащихся стало почти втрое больше, чѣмъ прежде (22.966, вмѣсто 8.648). Затѣмъ продолжало расти только число учащихся, въ 1895 г. дошедшее до 47.744; число школъ, земскихъ и министерскихъ, оставалось почти неизмѣннымъ (въ 1895 г. ихъ было 510). Это зависѣло отъ господствовавшей системы централизаціи школъ: въ большихъ селахъ строились обширныя школьныя зданія, устранялись общежитія, число учащихся доходило до 3 или 4, но громадное большинство селеній оставалось безъ школъ, что въ вятской губерніи, при разбросанности населенія и громадности разстояній, сопряжено съ особенно чувствительными неудобствами. Въ настоящее время вятскія земства, какъ уѣздныя, такъ и губернское, вступили на совершенно другую дорогу. Произведено было тщательное изслѣдованіе, въ основаніе котораго, какъ и въ московской губерніи, была положена мысль о трехверстномъ разстояніи между селеніями и школой, какъ наибольшемъ радіусѣ школьнаго района ¹⁾. Оказалось, что для удовлетворенія потребности населенія въ начальномъ обученіи необходимо открыть еще 1.147 школъ (отъ 51 до 170 на уѣздъ). Всѣ уѣздныя земства, въ очередной сессіи 1895 г., рѣшили увеличить свои расходы на народное образованіе, но въ общемъ итогѣ число новыхъ школъ (и параллельныхъ отдѣленій), открытіе которыхъ берутъ на себя уѣзды, не превышаетъ, за недостаткомъ уѣздныхъ средствъ, 162, т.-е. не доходитъ даже до $\frac{1}{7}$ желательной цифры. На помощь уѣздамъ рѣшило придти губернское земство, пользуясь тѣмъ, что за послѣдніе четыре года его финансы пришли въ блестящее состояніе. На 1896 г. оно ассигновало въ пособіе уѣздамъ, для открытія новыхъ школъ, 40 тысячъ рублей (по 250 р. на школу, т.-е. всего на 160 школъ), безъ увеличенія губернской смѣты, а съ 1897 г. постановило вносить въ смѣту, на тотъ же предметъ, по 150 тыс. руб. ежегодно. Это не будетъ новымъ бременемъ для населенія, такъ какъ возростаніе страхового капитала (въ 1892 г. имѣвшаго пассивъ въ 214 тыс. руб., въ видѣ долга другимъ капиталамъ, а теперь имѣющаго активъ въ 950 тыс. руб., въ томъ числѣ 800 тыс. руб. наличными) позволяетъ уменьшить страховые платежи почти на 40%—а это представляетъ для населенія сбереженіе въ 180 тыс. руб. Пособія должны идти только на школы нормального типа; учрежденіе школъ удешевленныхъ, съ меньшимъ числомъ отдѣленій, собраніе признало нежелательнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно постановило: 1) ходатайствовать передъ правительствомъ объ открытіи въ вятской губерніи 547 школъ министерства народнаго просвѣще-

¹⁾ Кромѣ земскихъ и министерскихъ школъ, при этомъ были приняты въ расчетъ и церковно-приходскія, числомъ 426.

ніа, на средства казны, и о разрѣшеніи земству учреждать передвижныя школы, съ курсомъ нормальныхъ училищъ, и 2) избрать комиссію для обсужденія вопроса о повышеніи уровня начальнаго обученія, т.-е. объ открытіи начальныхъ школъ высшаго типа. Ко всѣмъ этимъ вопросамъ, имѣющимъ чрезвычайно важное значеніе, мы еще возвратимся; теперь замѣтимъ только, что заботы вятскаго губернскаго земства о народномъ образованіи находятъ, повидимому, сочувствіе и поддержку въ мѣстномъ директорѣ народныхъ училищъ, г. Красевѣ, который еще въ бытность свою инспекторомъ народныхъ училищъ принадлежалъ къ числу выдающихся дѣятелей начальной школы.

Нужно ли прибавлять, что громадный шагъ, сдѣланный вятскимъ губернскимъ земствомъ по направленію къ всеобщему обученію, вызвалъ злобное порицаніе со стороны „Московскихъ Вѣдомостей“? Это — явленіе естественное и неизбежное; хула московской газеты давно уже служить, въ подобныхъ случаяхъ, лучшимъ доказательствомъ въ пользу хулимаго. Такъ какъ въ вятской губерніи нѣтъ крупнаго, богатаго центра, въ родѣ Москвы, то походъ ведется не во имя интересовъ „обижаемаго“ города, а во имя... религиозно-нравственнаго просвѣщенія народа. Вятское губернское земство, — говорятъ намъ, — „вытѣсняеть или сокращаетъ до минимума церковно-приходскія школы и школы грамоты“; оно желало бы, чтобы право преподавать законъ Божій было предоставлено учителямъ и учительницамъ начальныхъ школъ, очень хорошо зная, что они „съ церковной точки зрѣнія мало благонадежны“, и что фактически, при почти одновременномъ открытіи множества новыхъ школъ, приходское духовенство не будетъ въ состояніи наблюдать за ними. Но развѣ безъ удостовѣренія въ „благонадежности“ утверждается въ должности хотя бы одинъ учащій въ начальной школѣ? Развѣ такъ трудно повѣрять правильность ихъ преподаванія путемъ ревизій и испытанія учащихъся? Развѣ на самомъ дѣлѣ священникамъ не приходится предоставлять преподаваніе закона Божія учителямъ школъ грамоты, гораздо менѣе къ тому способнымъ, чѣмъ учащіе въ нормальныхъ земскихъ школахъ? Развѣ послѣдніе не помогаютъ, силою и рядомъ, законоучителямъ, рѣдко, по той или другой причинѣ, посѣщающимъ школу? Формальное признаніе права, которымъ, *de facto*, учителя и учительницы пользуются весьма часто — вопросъ далеко не новый: онъ возникалъ еще въ семидесятыхъ годахъ, и возникалъ именно потому, что законоучитель, въ большинствѣ случаевъ, не можетъ обойтись безъ содѣйствія учителя или учительницы... О „вытѣсненіи“ церковно-приходскихъ школъ вятское губернское земство, очевидно, и не помышляетъ, вводя въ свой расчетъ

всѣ существующія школы этого рода (426 цифра далеко не минимальная) и допуская возможность дальнѣйшаго ихъ распространенія ¹⁾). Если оно ходатайствуетъ объ открытіи 547 министерскихъ, а не церковно-приходскихъ школъ, то въ этомъ отразилось, конечно, его убѣжденіе, что свѣтская нормальная школа лучше церковно-приходской; но вѣдь такого же убѣжденія держатся тысячи лицъ, близко знакомыхъ съ дѣломъ начальнаго обученія, и „криминальнаго“ или предосудительнаго въ немъ нѣтъ рѣшительно ничего. Что касается до школъ грамоты, то онѣ такъ мало даютъ народу, такъ скудно удовлетворяютъ его жажду просвѣщенія, что ихъ нельзя считать ничѣмъ инымъ, какъ временнымъ палліативомъ, допустимымъ лишь въ ожиданіи лучшаго. Видѣть въ нихъ нѣчто нормальное, упрекать земство за желаніе ихъ „вытѣснить“ или ограничить,—могутъ только враги народнаго образованія.

Одинъ изъ противниковъ нашего суда присяжныхъ ²⁾, г. Закревскій, выпустилъ въ свѣтъ брошюру („Еще о судѣ присяжныхъ“), направленную, между прочимъ, противъ нашего мартовскаго „внутренняго обзрѣнія“. Повторяя, въ главныхъ чертахъ, свои прежніе тезисы, г. Закревскій вноситъ въ нихъ, однако, одну весьма существенную перемѣну. Въ статьѣ, напечатанной имъ въ „Журналѣ Министерства Юстиціи“, судъ на подобіе шеффенскаго—т.-е. смѣшанная коллегія присяжныхъ и коронныхъ судей—рекомендовался безъ всякихъ оговорокъ относительно времени его введенія; авторъ, очевидно, считалъ его возможной и умѣстной уже теперь замѣной дѣйствующаго суда присяжныхъ ³⁾. Въ своей брошюрѣ г. Закревскій является уже гораздо менѣе рѣшительнымъ. „Изъ того,—говоритъ онъ,—что я высказывался за возможность улучшенія современной формы суда присяжныхъ, не слѣдуетъ выводите, чтобы я стремился на практикѣ къ ея уничтоженію. Напротивъ того, я придерживаюсь взгляда, что вопросъ этотъ не созрѣлъ для практической реформы. Убѣжденныхъ еще мало. А навязывать своихъ убѣжденій меньшин-

¹⁾ „Предположимъ,—сказано въ докладѣ вятской губернской земской управы,—что духовное вѣдомство и дальше будетъ работать такъ же энергично рука объ руку съ земствомъ и создастъ достаточное количество своихъ школъ; все-таки земству надлежитъ не забывать своихъ обязанностей по отношенію къ населенію и дать населенію то, что въ его силахъ“.

²⁾ Во извѣжаніе недоразумѣній и повтореній, оговоримся разъ навсегда, что подъ именемъ *суда присяжныхъ* мы понимаемъ нынѣшнюю его форму, т.-е. присяжныхъ, дѣйствующихъ отдѣльно и независимо отъ короннаго суда.

³⁾ Это особенно ясно выражено на стр. 81 декабрьской книжки „Журн. Минист. Юст.“ за 1895 г.

ство не должно... Пусть сперва консервативный Западъ, не мѣняющій легко своихъ учреждений, въ особенности такихъ, съ которыми связаны у него почтенныя воспоминанія—пусть онъ покажетъ намъ примѣръ. Притомъ не только въ лицѣ столь незначительной по размѣрамъ своимъ страны, какъ тотъ или другой кантонъ Швейцаріи, а въ лицѣ ббльшаго государства, которое можетъ открыть намъ широкое поле для наблюдений".—Еслибы вопросъ былъ поставленъ такимъ образомъ съ самаго начала, и притомъ не только г. Закревскимъ, но и другими сторонниками смѣшанной коллегіи, то къ нему можно было бы отнестись совершенно индифферентно: мало ли какіе проекты и прожекты предполагается осуществить въ отдаленномъ будущемъ, когда настанутъ другія условія и получать господство другіе взгляды! Мнѣніе гг. Закревскаго, Дейтриха и Кичина казалось и кажется намъ опаснымъ именно потому, что оно выдвигалось—а кое-кѣмъ, безъ сомнѣнія, выдвигается и теперь—какъ основаніе реформы, которую можно и должно поставить на ближайшую очередь и провести одновременно съ общимъ пересмотромъ судебныхъ уставовъ. Не даромъ же нѣчто подобное было предложено и однимъ изъ участниковъ прошлогодняго совѣщанія старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ судебныхъ палатъ, созваннаго, конечно, не для отвлеченныхъ словопреній, а съ чисто практическою цѣлью. Отступленіе г. Закревскаго ничего, такимъ образомъ, не измѣняетъ въ положеніи дѣла; суду присяжныхъ продолжаетъ грозить смертельный ударъ, къ отклоненію котораго должны быть направлены всѣ усилія друзей этого института.

Если западно-европейское движеніе противъ суда присяжныхъ, „законодательное, научное и публицистическое“, не составляетъ аргумента въ пользу немедленной и коренной его „перестройки“, то незачѣмъ, повидимому, и останавливаться на причинахъ этого движенія, незачѣмъ задаваться вопросомъ о значеніи его для Россіи. Не такъ, однако, разсуждаетъ г. Закревскій. Съ свойственной ему, въ данномъ случаѣ, непослѣдовательностью, онъ требуетъ отъ защитниковъ суда присяжныхъ объясненія фактовъ, за которыми самъ не признаетъ, *въ настоящую минуту*, рѣшающаго характера. Мы можемъ, впрочемъ, удовлетворить его любопытство. Нѣтъ такого учрежденія, у котораго не было бы противниковъ; чѣмъ дольше оно существуетъ, тѣмъ больше накапливается нарушенныхъ имъ интересовъ, несовмѣстныхъ съ нимъ теоретическихъ взглядовъ. Во всякой странѣ оно имѣетъ свою обстановку, отъ которой и зависитъ, отчасти, вызываемое имъ, въ тѣхъ или другихъ сферахъ, неудовольствіе; во всякое данное время существуютъ особыя обстоятельства, усиливающія или ослабляющія это неудовольствіе. Въ западной Европѣ противниками

суда присяжныхъ являются, съ одной стороны, послѣдователи итальянской школы, считающей уголовное правосудіе достояніемъ ученыхъ антропологовъ, съ другой—доктринеры профессиональной специализаціи, признающіе его достояніемъ ученыхъ юристовъ. Въ Россіи, до сихъ поръ, очень мало распространены какъ тѣ, такъ и другіе; всѣ наши лучшіе криминалисты отвергаютъ поспѣшныя обобщенія итальянской школы, а для развитія профессиональнаго самоувѣрія одинаково неблагоприятны и сильныя, и слабыя стороны нашего судебного сословія: оно небогато теоретическими свѣдѣніями, но чутко къ голосу жизни. Ученые антропологи и юристы, если они послѣдовательны, должны, притомъ, помогать не преобразованію, а *упраздненію* суда присяжныхъ... Во Франціи уваженіе и довѣріе къ суду присяжныхъ подрывается систематическимъ ограниченіемъ его компетенціи (не столько на основаніи закона, сколько вслѣдствіе традицій, установившихся въ средѣ прокуратуры) и еще больше—способомъ назначенія и образомъ дѣйствій судей, предсѣдательствующихъ на ассизахъ. Раскроемъ хотя бы ту статью Крюппи (въ „Revue des deux mondes“), которая такъ понравилась нашимъ новаторамъ—и мы увидимъ, что число дѣлъ, рассматриваемыхъ присяжными, уменьшилось во Франціи, за время съ 1850 по 1890 г., почти на половину (съ 5.700 до 2.900 въ годъ), между тѣмъ какъ число доносовъ и жалобъ уголовного характера возросло слишкомъ вдвое (въ круглыхъ цифрахъ—съ 225 до 500 тысячъ). Въ Парижѣ, въ 1890 г., съ участіемъ присяжныхъ рѣшено 301 дѣло, а въ Лондонѣ, въ 1893 г. (при населеніи только въ 2½ раза больше)—въ семь разъ больше. Главная причина этой аномалии—такъ-называемая *коррекціонализація*, т.-е. направленіе, съ помощью разныхъ ухищреній, цѣлой массы дѣлъ, подсудныхъ суду присяжныхъ, въ судъ исправительной полиціи.—Какъ ведутъ засѣданіе, за немногими исключеніями, предсѣдатели французскихъ ассизныхъ судовъ—это слишкомъ хорошо извѣстно; прибавимъ только, что они назначаются, *de facto*, министромъ юстиціи, по указаніямъ прокуратуры, изъ числа младшихъ членовъ судебныхъ палатъ, только и думающихъ о томъ, какъ бы поскорѣе перейти въ гражданское отдѣленіе (въ французскихъ судахъ занятіе гражданскими дѣлами считается почему-то болѣе пріятнымъ и почетнымъ, чѣмъ участіе въ рѣшеніи уголовныхъ дѣлъ). Аналогичныхъ явленій русская судебная жизнь, къ счастью, не представляетъ; нѣтъ у насъ, какъ *общію явленія*, и того взаимнаго недоувѣрія между присяжными и коронными судьями, которое во Франціи, повидимому, пустило весьма глубокіе корни. Въ Германіи движеніе противъ суда присяжныхъ находитъ точку опоры, между прочимъ, въ ультранаціонализмѣ, стремящемся замѣнить чуждую, наносную форму суда своею, доморо-

щению—шеффенскимъ судомъ. Параллельно съ этимъ дѣлаются попытки расширить сферу дѣйствій короннаго суда. Одна изъ нихъ подлежитъ, въ настоящее время, рассмотрѣнію рейхстага. Изъ вѣденія суда присяжныхъ предполагается изъять, съ передачей уголовнымъ отдѣленіямъ окружныхъ судовъ (т.-е. коронному суду), дѣла о лжеприсягѣ, объ изнасилованіи, о подлогѣ публичныхъ документовъ, о квалифицированныхъ должностныхъ подлогахъ и о злостной неспособности. Пройдетъ ли проектируемая мѣра въ рейхстагѣ— въ этомъ позволительно сомнѣваться, какъ въ виду возраженій, которыя она встрѣчаетъ въ нѣмецкой юридической литературѣ, такъ и за отсутствіемъ основной мысли, которая бы объединяла собою различныя части проекта. Въ послѣднемъ отношеніи онъ напоминаетъ собою нашъ законъ 9 іюля 1889 г., точно также смѣшавшій въ одно цѣлое нѣсколько совершенно разнородныхъ категорій преступныхъ дѣяній. Въ процессуальномъ уравненіи изнасилованія съ подлогомъ публичнаго документа чувствуется такой же произволъ, какъ и въ уравненіи (у насъ), напримѣръ, двоеженства съ банковской растратой. У насъ законъ 9 іюля явился результатомъ предвзятой рѣшимости ограничить какъ можно больше сферу дѣйствій суда присяжныхъ; въ германскомъ сеймѣ для такой рѣшимости едва-ли имѣется подходящая почва, и если нѣмецкому суду присяжныхъ суждено потерпѣть ущербъ, то, по всей вѣроятности, это произойдетъ только въ такомъ случаѣ, если нападенія противъ него примутъ другой, болѣе принципиальный характеръ. Для защитниковъ смѣшанной коллегіи германская новелла удобнымъ оружіемъ, во всякомъ случаѣ, служить не можетъ, такъ какъ она направлена къ отвергаемому ими расширенію функцій короннаго, безприсяжнаго суда... Рядомъ съ стремленіями, враждебными суду присяжныхъ, современная западно-европейская жизнь представляетъ, наконецъ, и стремленія, ему благопріятныя: въ Норвегіи и Испаніи онъ только недавно введенъ въ дѣйствіе; въ Венгріи проектировано его введеніе; одинъ изъ послѣднихъ сѣздовъ нѣмецкихъ юристовъ высказался за его сохраненіе. Въ тессинскомъ кантонѣ, на примѣръ котораго съ такимъ торжествомъ указываютъ иные противники суда присяжныхъ, смѣшанная коллегія установлена не въ замѣнъ суда присяжныхъ, а въ замѣнъ короннаго суда, чтб, очевидно, совершенно измѣняетъ значеніе реформы. Ссылаться на тессинскій кантонъ нѣтъ основанія и потому, что тамошніе судьи, въ противоположность нашимъ, не назначаются, а выбираются, и даже отчасти (въ окружномъ судѣ) не принадлежатъ къ числу юристовъ ¹⁾.

¹⁾ См. статью В. К. Случевского о судѣ присяжныхъ въ № 3 „Журн. М.-ва

Другая претензія, предъявляемая г. Закревскимъ къ его критикамъ, заключается въ томъ, что они обошли молчаніемъ нападенія его на „кассационныя придирки“, т. е. на искусственное созданіе поводовъ къ отміну оправдательныхъ вердиктовъ, вызволившихъ общественное мнѣніе и вызвавшихъ неудовольствіе въ официальныхъ сферахъ. Въ основаніи этихъ нападеній лежитъ предположеніе, что всѣ органы судебной власти, кромѣ присяжныхъ, дѣйствуютъ безукоризненно, а если и ошибаются, то ихъ ошибки не имѣютъ и не могутъ имѣть никакого вліянія на рѣшеніе присяжныхъ. Отсюда два дальнѣйшихъ вывода: во-первыхъ—что отміна вердикта, мотивируемая тѣми или другими неправильными дѣйствіями обвинительной камеры, суда, предсѣдателя, прокурора, возможна только при явной и тенденціозной натяжкѣ, подрывающей авторитетъ правосудія и возмутительно-несправедливой по отношенію къ оправданному подсудимому; во-вторыхъ—что уровень суда присяжныхъ не можетъ быть поднятъ ни усовершенствованіемъ процессуальныхъ порядковъ, ни улучшеніемъ судебныхъ нравовъ, а на мѣсто одной формы суда, безнадежно плохой, должна быть поставлена другая, существенно отличная. На оба эти вывода, равно какъ и на презумпцію, изъ которой они вытекаютъ, мы подробно возражали въ нашемъ мартовскомъ обзорѣ. Для насъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что значительная часть вердиктовъ, трудно, на первый взглядъ, поддающихся объясненію и потому послѣшно провозглашаемыхъ неправильными, зависятъ именно отъ процессуальныхъ упуцденій, не „изобрѣтаемыхъ“, а только констатируемыхъ сенатомъ. Между тѣмъ, въ нашъ уставъ уголовного судопроизводства не введено французское постановленіе о безусловной неприкосновенности оправдательнаго вердикта; существенное нарушеніе закона должно, по нашему закону, имѣть послѣдствіемъ отміну рѣшенія, все равно, состоялось ли послѣднее въ пользу или противъ подсудимаго. Хорошъ ли такой порядокъ—объ этомъ существуютъ различныя мнѣнія; для насъ теперь важно только то, что онъ существуетъ и имѣетъ обязательную силу. Дальнѣйшій споръ возможенъ только на почвѣ конкретныхъ фактовъ. Пускай г. Закревскій, не ограничиваясь намеками на „первосвященниковъ“, у которыхъ „по части присяжнаго суда, такъ сказать, черты лица въ пуху“ (1), назоветъ, прямо и открыто, тѣ кассационныя рѣшенія, которыя онъ считаетъ постановленными „по легковѣснымъ, формальнымъ предлогамъ“, и подробно укажетъ мотивы, приводящіе его къ такому заключенію. Съ нимъ можно будетъ согласиться или не

Юстиціи“ за 1896 г., стр. 236, и статью г. Дейтриха въ № 11 того же журнала за 1895 г., стр. 218.

согласиться, смотря по степени вѣскости и убѣдительности его соображеній—но если бы ему и удалось доказать, что въ томъ или другомъ случаѣ поводомъ къ кассациі послужили не столько дѣйствительныя упущенія, сколько посторонніе виды, то этимъ не усилились бы ни на одну іоту аргументы противъ существующей формы суда присяжныхъ. Вѣдь на вердикты проецируемой смѣшанной коллегіи также приносились бы кассационныя жалобы, при разрѣшеніи которыхъ также было бы возможно уклоненіе отъ настоящихъ задачъ кассациі...

Признаетъ ли г. Закревскій возможность объясненія вердикта неправильностями или ошибками, допущенными при производствѣ дѣла? На этотъ вопросъ небольшая брошюра даетъ два различныя отвѣта. На стр. 13, авторъ возстаётъ противъ „старой басни о промахахъ судебныхъ чиновъ, отъ которыхъ такъ страдаютъ невинные присяжные“, а на стр. 27 признаетъ „тѣсную связь между вердиктомъ и предшествующею судебной процедурой“, различая только „дѣйствительную связь“ отъ „мнимой“. Но кто же не дѣлаетъ подобнаго различія? Кто отрицаетъ, что въ опѣнкѣ условій, при взаимодействіи которыхъ состоялся вердиктъ, возможна ошибка или даже намѣренная натяжка? Разногласіе между г. Закревскимъ и его критиками заключалось только въ томъ, что первый рѣшительно и безусловно обѣлялъ обвинительныя камеры, председательствующиыхъ на судѣ и прокуроровъ, приписывая такъ называемыя неправильныя вердикты исключительно безпомощности и неспособности присяжныхъ, а послѣдніе утверждали, что отвѣтственность за „неправильный вердиктъ“ *иногда* упадетъ всецѣло на обвинителя или на коронныхъ судей. Съ особеннымъ жаромъ г. Закревскій беретъ на себя защиту обвинительныхъ камеръ, не ограничивающихся, по его словамъ, „штемпелеваніемъ“ обвинительныхъ актовъ, а тщательно „фильтрирующихъ“ дѣла, направляемыя прокурорскимъ надзоромъ на судѣ присяжныхъ. Весьма можетъ быть, что нѣкоторыя судебныя палаты, ближе знакомыя г. Закревскому, вполне заслуживаютъ этой похвалы—но вѣдь никто и не возставалъ противъ дѣятельности *всѣхъ* обвинительныхъ камеръ: указывалось лишь на то, что онѣ не всегда и не вездѣ стоятъ на высотѣ своего назначенія. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только раскрыть статью М. Θ. Громницкаго: „Роль прокурора на судѣ уголовномъ“ („Журн. Министерства Юстиціи“ 1896 г., № 2). Здѣсь приведено нѣсколько случаевъ очевидно неправильнаго преданія суду за грабежъ и даже за разбой—между тѣмъ какъ на лицо была только простая драка, преданія суду за кражу—между тѣмъ какъ вся вина подсудимаго заключалась въ продажѣ *собственнаго* сѣна, арестованнаго за долгъ—продажѣ, совершенной послѣ уплаты долга, но до формальнаго снятія ареста. А во *всѣхъ* этихъ случаяхъ

было, по всей вѣроятности, на лицо сознаніе подсудимыхъ, въ смыслѣ признанія фактовъ, лежавшихъ въ основаніи обвиненія, и оправдательные вердикты могли быть, при поверхностномъ знакомствѣ съ дѣломъ, включены въ арсеналъ боевыхъ орудій противъ суда присяжныхъ!.. Не менѣе важно свидѣтельство М. Ѡ. Громницкаго по вопросу о вліяніи на присяжныхъ предварительнаго и судебного слѣдствія. „Въ дѣлахъ уголовныхъ“, говоритъ онъ въ той же статьѣ, „вся сила — въ судебномъ слѣдствіи, а потому здѣсь, въ недостаткахъ его, въ неумѣломъ веденіи его или въ невозможности на судѣ исправить ошибки предварительнаго слѣдствія, кроются причины тѣхъ, будто бы неправильныхъ, приговоровъ присяжныхъ засѣдателей, о которыхъ приходится такъ часто слышать. Не будетъ, полагаю, съ моей стороны самохвальствомъ, если я скажу, что берусь доказать, что *изъ десяти дѣлъ съ такъ называемыми неправильными приговорами въ девяти корень оправдательнаго приговора лежитъ непременно въ недостаткахъ предварительнаго или судебного слѣдствія*. По крайней мѣрѣ я лично не знаю ни одного уголовного дѣла, бывшаго на судѣ присяжныхъ засѣдателей, которое, *при мало-мальски правильномъ ходѣ, окончилось бы не такъ, какъ можно было ожидать съ самаго начала* ¹⁾“. Эти слова составляютъ достаточный противовѣсъ увѣренію г. Закревскаго, что „производство съ присяжными слишкомъ часто напоминаетъ лотерею-аллегри, при которой ставкою является судьба человѣка“ ²⁾.

¹⁾ Интересно сопоставить это категорическое утвержденіе съ слѣдующими словами г. Дейтриха: „ни для кого изъ практиковъ и внимательныхъ наблюдателей суда присяжныхъ не составляетъ тайны, что при нынѣшней организаціи суда присяжныхъ никогда и никто не можетъ предсказать приговоръ присяжныхъ засѣдателей“. На чьей сторонѣ правда—это рѣшить нетрудно, если припомнить, что господство случайности въ вердиктахъ присяжныхъ отрицаютъ, согласно съ М. Ѡ. Громницкимъ, и многіе другіе знатоки нашего уголовного процесса (А. Ѡ. Коци, Н. Я. Фойницкій, С. К. Гогель, А. М. Вобрицевъ-Пушкинъ, С. С. Хрулевъ, В. Р. Завадскій, В. К. Слутевскій).

²⁾ Не лишней кажется намъ здѣсь слѣдующая оговорка. По словамъ г. Закревскаго, судъ присяжныхъ является для его защитниковъ „предметомъ культа“—а такъ какъ всякій культъ „имѣетъ своихъ первосвященниковъ“, то имена мужей, носящихъ это званіе, выдвигаются на поле битвы какъ авторитетъ, долженствующій протѣчь всякую попытку „имѣть свое собственное сужденіе“ по данному вопросу. Менѣе всего расположенные къ рѣшенію сомнѣній простыми указаніемъ на „авторитеты“, мы должны, однако, замѣтить, что вовсе обойтись безъ такого указанія въ спорѣ о присяжныхъ совершенно невозможно. Фактическаго матеріала, тщательно собраннаго и провереннаго, имѣется здѣсь пока еще немного; обѣимъ сторонамъ приходится, по необходимости, считать и взвѣшивать отдѣльныя мнѣнія—и если гг. Закревскій и Кичинъ ссылаются, между прочимъ, на Кршпи, г. Кичинъ—на г. Дейтриха и т. д., то мы не видимъ причины, почему намъ нельзя ссылаться на гг. Громницкаго, Коци и др., а также на коллективный отвѣтъ громаднаго большинства старшихъ предсѣ-

Когда, въ концѣ семидесятыхъ и началѣ восьмидесятыхъ годовъ, процентное отношеніе оправдательныхъ вердиктовъ, произносимыхъ присяжными засѣдателями, клонилось къ повышенію (въ 1883 г. оно достигло максимальной цифры—43,4⁰/о), противники суда присяжныхъ усердно подчеркивали этотъ фактъ, выводя изъ него негодность присяжныхъ, какъ орудія уголовной репрессіи. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что онъ не остался безъ вліянія и на законы 1878 и 1889 г., ограничившіе кругъ дѣйствій суда присяжныхъ. За послѣдніе годы процентное отношеніе оправдательныхъ вердиктовъ быстро понижается (въ 1890 и 1891 г. оно не превышаетъ 34⁰/о)—и вотъ, уголовная статистика теряетъ всякую цѣну въ глазахъ противниковъ суда присяжныхъ. Намъ кажется, что съ нею во всякомъ случаѣ нужно считаться, въ какую бы сторону ни передвигались ея данныя. Когда эти данныя были неблагоприятны для суда присяжныхъ, защитники его вовсе не пытались отрицать ихъ важность, а направляли всѣ свои усилія къ ихъ объясненію, къ обнаруженію причинъ, ослабляющихъ репрессію, и средствъ, могущихъ возстановить нарушенное равновѣсіе; зато теперь, когда уголовная статистика свидѣтельствуетъ въ пользу суда присяжныхъ, они въ правѣ протестовать противъ ея игнорированія. „Уголовная истица,—говоритъ г. Закревскій,—вліяетъ благотворно на общество не однимъ числомъ наказанныхъ субъектовъ, а увѣренностью, что ни одно дѣяніе, воспрещенное закономъ подъ страхомъ наказанія, не уйдетъ отъ возмездія, хотя бы далеко не чрезмѣрнаго“. Допустимъ, что это такъ, хотя безусловная увѣренность въ *неизбѣжности* возмездія не слишкомъ-то ладитъ съ правомъ „помилованія“ (т.-е. оправданія лицъ формально-виновныхъ), которое самъ г. Закревскій признаетъ за присяжными. На чемъ же выждется, однако, увѣренность въ возмездіи, какъ не на *общихъ выводахъ* изъ дѣятельности присяжныхъ? Если число оправдательныхъ вердиктовъ несоизмѣрно велико, въ обществѣ можетъ возникнуть предположеніе, что далеко не всѣхъ виновныхъ постигаетъ уголовная кара; если въ отношеніи оправдательныхъ вердиктовъ къ обвинительнымъ замѣтны быстрья, ничѣмъ необъяснимыя колебанія, рѣзкіе скачки то въ одну, то въ другую сторону, это можетъ привести къ мысли, что интенсивность и экстенсивность репрессіи зависятъ не столько отъ степени доказанности обвиненій, сколько отъ обстоятельствъ побочныхъ и случайныхъ. Наоборотъ, если отношеніе оправдательныхъ вердиктовъ къ

датель и прокуроровъ судебныхъ палатъ (на декабрьскомъ совѣщаніи 1894 г.). Доказать необходимость коренной передѣлки учрежденія обязанъ тѣ, кто ея требуетъ. Положеніе защитниковъ *statu quo* теоретически гораздо легче; сильнымъ аргументомъ въ ихъ пользу безспорно можетъ служить какъ количество, такъ и *качество* голосовъ, высказывающихся противъ ломки учрежденія.

обвинительнымъ остается близкимъ къ нормѣ и не особенно измѣнчивымъ, для общества имѣются на лицо всѣ основанія предполагать, что уголовное правосудіе достигаетъ своей цѣли, хотя бы, по временамъ, и возникали сомнѣнія въ правильности того или другого единичнаго приговора. Именно таково положеніе вопроса въ настоящее время. Общую цифру оправдательныхъ приговоровъ мы уже приводили. Не слишкомъ велика, въ послѣдніе годы, и разница по годамъ или по округамъ, особенно если сравнить ее съ соотвѣтствующими цифрами по суду коронному и по суду съ сословными представителями. Такъ напримѣръ, въ 1887-91 г. % оправдательныхъ приговоровъ колебался, по отдѣльнымъ судамъ, для суда присяжныхъ— между 45,9 и 20,6%, для суда короннаго— между 40,7 и 12,6%; другими словами, разница между минимумомъ и максимумомъ была больше для короннаго суда (28,1%), чѣмъ для суда присяжныхъ (25,3%). По годамъ (въ 1878-91 г.) цифра оправдательныхъ приговоровъ составляла для суда присяжныхъ отъ 43,4% до 33,8%, между тѣмъ какъ въ судѣ съ сословными представителями она колебалась гораздо сильнѣе—отъ 46¹/₂% до 20%...

По мнѣнію нѣкоторыхъ изъ числа противниковъ суда присяжныхъ—напр. г. Дейтриха—вѣроятность оправданія особенно велика въ крупныхъ центрахъ, каковы столицы. Посмотримъ, что говорятъ на этотъ счетъ статистическія таблицы. Въ 1887-91 г. между 62 окружными судами с.-петербургскій занималъ, по строгости репрессіи, *одинадцатое мѣсто*; число обвинительныхъ вердиктовъ, произнесенныхъ присяжными (69,1%), было здѣсь значительно выше средней (64%). Московскій судъ, съ 61,1% обвинительныхъ вердиктовъ, занималъ, правда, 44-е мѣсто—но все-таки ниже его стояли на этой лѣстницѣ такіе заолустные суды, какъ елизаветградскій (54-е мѣсто, 58,6% обвинительныхъ вердиктовъ), лубенскій (56-е мѣсто, 57,6%), сарапульскій (59-е мѣсто, 55,9%), острогожскій (60-е мѣсто, 55,2%). Довольно высоко, съ другой стороны, помѣщались суды виленскій (17-е мѣсто, 68%) и кievскій (28-е мѣсто, 64,4%). Намъ могутъ замѣтить, что въ округъ с.-петербургскаго окружного суда входитъ не только Петербургъ, но и такіе медвѣжьи углы, какъ Луга, Гдовъ, Новая-Ладога. Конечно—но много ли на нихъ придется дѣль, сравнительно съ Петербургомъ и его пригородами (Царскимъ-Селомъ, Петергофомъ, Гатчиной, Кронштадтомъ)? Чрезмѣрная снисходительность столичныхъ присяжныхъ, не могла бы не отразиться на общихъ итогахъ дѣятельности с.-петербургскаго окружного суда. Или, можетъ быть, столичные и вообще „интеллигентные“ присяжные снисходительны только къ дѣламъ сенсаціоннымъ, разыгрываемымъ à grand orchestre? Отвѣчать утвердительно на этотъ вопросъ рѣшатся только тѣ, кому ни почему самыя

рискованныя, самыя поспѣшныя обобщенія. Сенсационнымъ дѣламъ, окончившимся оправданіемъ, весьма легко противопоставить не мало такихъ же, которыя, въ тѣхъ же большихъ центрахъ, окончились обвиненіемъ—а въ основѣ многихъ оправданій сколько-нибудь внимательное изслѣдованіе открыло бы, можетъ быть, именно тѣ „промахи“ обвинителей и судей, которые г. Закревскій столь категорически относитъ къ области „басенъ“.

Статистика можетъ сослужить намъ еще одну службу въ полемикѣ съ г. Закревскимъ ¹⁾. Признавая присяжныхъ стоящими, болѣею частью, на крайне низкой степени не только умственного, но и нравственного развитія, онъ ищетъ въ этомъ разгадку многихъ вердиктовъ, какъ оправдательныхъ, напр. по дѣламъ о преступленіяхъ противъ женской чести, по дѣламъ о побояхъ и истязаніяхъ, особенно если они причинены лицомъ власть имѣющимъ (мужемъ, хозяиномъ) лицу подвластному (женѣ, рабочему), такъ и обвинительныхъ—напр. по дѣламъ о богохульствѣ, о пропагандѣ раскола, о поджогахъ. Между тѣмъ, статистическія данныя за 1876—1887 г. удостовѣряютъ, что по всѣмъ этимъ категоріямъ преступленій репрессія присяжныхъ не отличается существенно отъ репрессіи короннаго суда. Такъ, по религиознымъ преступленіямъ судъ присяжныхъ даетъ 73% обвинительныхъ приговоровъ, судъ коронный—72%; по дѣламъ о преступленіяхъ противъ тѣлесной неприкосновенности соотвѣтствующія цифры—51 и 55%, по дѣламъ о преступленіяхъ противъ женской чести—49 и 46% (здѣсь, слѣдовательно, репрессія присяжныхъ даже сильнѣе), по дѣламъ о преступленіяхъ противъ союза брачнаго и родственнаго—48 и 49%, по дѣламъ объ истребленіи имущества (въ составъ которыхъ входятъ и дѣла о поджогахъ)—51 и 52%. Во что же обращаются, въ виду этихъ цифръ, всѣ соображенія г. Закревскаго?... Безспорно, крайняя строгость репрессіи по дѣламъ о такъ-называемыхъ религиозныхъ преступленіяхъ—явленіе весьма прискорбное; но гдѣ же основаніе вмѣнять ее въ вину специально суду присяжныхъ, если отъ него ничѣмъ, въ этомъ отношеніи, не отличается судъ коронный? Гдѣ основаніе надѣяться, что передача названныхъ дѣлъ суду коронному или смѣшанной коллегіи присяжныхъ и коронныхъ судей повлечетъ за собою перемѣну къ лучшему, пока не измѣнился ни общій характеръ нашихъ законовъ, ни общее направленіе нашей вѣроисповѣдной политики? Вѣдь для того, чтобы дойти до присяжныхъ, обвиненіе должно быть не только поставлено прокуратурой, но и утверждено

¹⁾ Всѣ статистическія данныя заимствованы нами изъ двухъ статей: г. Капустина, въ „Сборникѣ правогденія и общественныхъ знаній“, т. III, и г. Щегловцова, въ № 7 „Журн. Гражд. и Угол. Права“ за 1893 г.

обвинительной камерой. Всегда ли послѣдняя, въ дѣлахъ о религиозныхъ преступленіяхъ, соблюдаетъ сдержанность и осторожность, особенно необходимыя именно въ виду известной строгости присяжныхъ къ обвиняемымъ этой группы? Въ этомъ позволительно усомниться, если припомнить, напримѣръ, упомянутый нами недавно случай преданія суду, по обвиненію въ ереси, такихъ лицъ, по отношенію къ которымъ прав. сенатъ вовсе не нашелъ признаковъ преступленія...

Попыткамъ коренной передѣлки суда присяжныхъ можно противопоставить, кромѣ возраженій „по существу“, еще одну *fin de non recevoir*, вполне достаточную для ихъ отклоненія. Въ распоряженіи противниковъ суда присяжныхъ имѣются, въ настоящее время, только четыре аргумента: 1) примѣръ западной Европы, столько же, по меньшей мѣрѣ, свидѣтельствующій *за* судъ присяжныхъ, сколько и противъ него, и во всякомъ случаѣ примѣнимый къ Россіи только съ весьма серьезными оговорками; 2) личный опытъ критиковъ, уравниваемый или перевѣшиваемый такимъ же опытомъ защитниковъ суда присяжныхъ; 3) нѣсколько сенсационныхъ дѣлъ, взятыхъ *en bloc* и не подвергнутыхъ тщательному детальному анализу, и, наконецъ, 4) нѣсколько общихъ мѣстъ о безпомощности, неспособности, неустойчивости присяжныхъ, о стремленіи ихъ къ присвоенію непринадлежащаго имъ права. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что три послѣдніе аргумента, прямо касающіеся русскаго суда присяжныхъ, имѣютъ даже для тѣхъ, кто ими пользуется, только значеніе предположеній, догадокъ, требующихъ подтвержденія. Именно этимъ объясняется, по всей вѣроятности, благоразумное отступленіе г. Закревскаго, отодвигающаго осуществленіе своего проекта въ неопредѣленную даль будущаго. Весьма можетъ быть, что его примѣру послѣдуютъ и другіе защитники смѣшанной коллегіи, и что на очередь будетъ поставлена не послѣдняя ломка суда присяжныхъ, а его подробное, всестороннее *ислѣдованіе*. Противъ такого *ислѣдованія* едва ли станутъ возражать и самые преданные сторонники суда присяжныхъ, лишь бы только оно было предпринято безъ предвзятой мысли и ведено съ строгимъ безпристрастіемъ и возможно болѣею полнотою. Мы глубоко убѣждены, что при этихъ условіяхъ ближайшее изученіе вопроса окажется какъ нельзя болѣе благоприятнымъ для суда присяжныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ доставитъ массу матеріала, въ высокой степени цѣннаго для уголовного права, для уголовной политики и даже для соціальной науки. По справедливому замѣчанію А. М. Бобріщевъ-Пушкина ¹⁾, у насъ нѣтъ до сихъ поръ

¹⁾ См. его статью: „Объ изученіи русскаго суда присяжныхъ“, въ № 2 „Журнала М-ва Юстиціи“ за 1896 г.

ни сколько-нибудь обработанных сборниковъ процессовъ, ни сколько-нибудь серьезныхъ трудовъ по психологіи присяжныхъ засѣдателей. Большую пользу могутъ принести частныя работы по этому предмету, въ родѣ обобщенной книги г. Бобринцева-Пушкина („Эмпирическіе законы дѣятельности русскаго суда присяжныхъ“) — но и онѣ окажутся недостаточными безъ широкой enquête, безъ общаго опроса судебныхъ дѣятелей, стоявшихъ и стоящихъ близко къ суду присяжныхъ, безъ собранія отзывовъ отъ самихъ присяжныхъ, безъ ряда систематическихъ наблюдений, веденныхъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, по заранее обдуманному плану. Только тогда, когда вся эта работа будетъ приведена къ концу, можно будетъ говорить серьезно о коренномъ переустройствѣ суда присяжныхъ или о замѣнѣ его другою формою суда — еслибы, паче чаянія, для такого переустройства или такой замѣны оказались на лицо вѣсныя, сильныя мотивы. До тѣхъ поръ рѣчь должна идти только о частныхъ улучшеніяхъ, не затрагивающихъ основнаго принципа суда присяжныхъ, о географическомъ распространеніи его круга дѣйствій и о восстановленіи его въ тѣхъ сферахъ, въ которыхъ онъ, подъ давленіемъ случайныхъ обстоятельствъ, уступилъ мѣсто явно неудовлетворительному суду сословныхъ представителей. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ несостоятельность этого суда, ограниченнаго въ то время еще сравнительно немногими категоріями уголовныхъ дѣлъ, не обнаружилась еще такъ ярко, какъ теперь, при дѣйствіи закона 9-го іюля 1889 года. Тѣмъ не менѣе уже тогда Н. В. Муравьевъ, въ сообщеніи, прочитанномъ въ спб. юридическомъ обществѣ и напечатанномъ въ № 2 „Журнала Гражд. и Угол. Права“ за 1881 г., высказался весьма рѣшительно противъ суда сословныхъ представителей и назвалъ судъ присяжныхъ „тѣмъ общимъ и нормальнымъ судомъ общественной совѣсти, который такъ устроенъ дружною работою исторіи, науки и практики, что одинаково, безъ неудобствъ, противорѣчій и диссонансовъ, годится для репрессіи и тягчайшихъ, важнѣйшихъ преступленій, и простыхъ неправильныхъ проявленій недисциплинированной чело-вѣческой воли“... Замѣтимъ, въ заключеніе, что многое изъ сказаннаго Н. В. Муравьевымъ о судѣ съ участіемъ сословныхъ представителей примѣнимо вполнѣ къ той смѣшанной коллегіи, которую, по образцу шеффенскаго суда, проектируютъ гг. Закревскій, Кичинъ и Дейтрихъ. По мнѣнію Н. В. Муравьева, судъ съ участіемъ сословныхъ представителей есть, въ сущности, судъ коронный, такъ какъ общественное начало (Laienement) поглощается въ немъ всецѣло элементомъ юридическимъ и техническимъ. „Непосвященные, случайные члены естественно, и притомъ невольно и незамѣтно, могутъ

подчиняться мнѣнію юристовъ... Не-специалисту всегда свойственно прибѣгать къ помощи и авторитету специалиста, вмѣстѣ съ нимъ обсуждающаго и рѣшающаго дѣло; отъ помощи же и авторитета недалеко и до полного первенства¹⁾. А между тѣмъ, большинство сословныхъ представителей принадлежитъ къ числу людей образованныхъ; нѣкоторые изъ нихъ и по общественному положенію стоятъ не ниже судей. Если они „подчиняются“ мнѣнію судей, то тѣмъ болѣе можно опасаться такого подчиненія со стороны присяжныхъ, соединенныхъ въ одну коллегію съ коронными судьями—а что „подчиненные“ присяжные не имѣютъ ничего общаго съ *судомъ присяжныхъ*, это едва ли требуетъ доказательствъ. *Независимость*—первое, основное и самое драгоцѣнное свойство *суда присяжныхъ*¹⁾.

Въ „Юридической Газетѣ“ (№ 27) появилась на дняхъ, какъ нельзя болѣе кстати, замѣтка о положеніи лицъ, высылаемыхъ административнымъ порядкомъ въ тѣ или другія мѣстности европейской или азиатской Россіи. Перечисливъ всѣ ограниченія и запрещенія, которымъ подчинены высланные, авторъ замѣтки (г. Гр. Фридландъ) ставитъ вопросъ, „какой образъ жизни должно вести лицо, подвергшееся административной высылкѣ? Не только государственная и общественная, но даже частная служба для него недосягаема; учиться или учить другихъ какимъ-либо наукамъ или ремесламъ оно не имѣетъ права; заниматься адвокатской, врачебной, акушерской и фармацевтической практикой возбраняется—словомъ, вездѣ путь къ добыванію необходимыхъ средствъ честнымъ трудомъ прегражденъ; но въ то же время законъ угрожаетъ поднадзорному лишеніемъ права на полученіе пособія отъ казны, если онъ будетъ уклоняться отъ занятій по дѣлности или привычѣ къ праздности. Едва ли можно назвать нормальнымъ такой порядокъ вещей“. Измѣненія этого порядка „Юридическая Газета“ ожидаетъ съ одной стороны отъ пересмотра правилъ объ административной высылкѣ, предрѣшеннаго Высочайшимъ повелѣніемъ 7 декабря 1895 г.²⁾, съ другой стороны—отъ прибли-

¹⁾ Въ засѣданіяхъ спб. юридическаго общества 6-го и 13-го апрѣля обсуждался докладъ о судѣ присяжныхъ, направленный преимущественно противъ проектовъ замѣнъ этого суда смѣшанною судебною коллегіею. Къ сожалѣнію, авторы проектовъ не приняли участія въ засѣданіяхъ общества, и сторонниковъ ихъ мнѣнія между присутствовавшими не оказалось. Цѣль доклада, вслѣдствіе этого, была достигнута не вполне; весьма знаменательно, однако, единодушное сочувствіе къ суду присяжныхъ, выраженное какъ представителями науки (С. А. Муромцевъ, А. К. Вульфертъ, В. П. Даневскій, И. Я. Фойницкій, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, В. В. Пржевальскій), такъ и юристами-практиками (С. А. Андреевскій, С. К. Гогель, А. С. Зарудный, П. Г. Мироновъ).

²⁾ См. Внутреннее Обозрѣніе въ № 2 „Вѣстн. Европы“ за 1896 г.

жающаго торжественнаго момента русской государственной жизни. Раздѣля это ожиданіе, мы не можемъ не замѣтить, что ненормальны не одни только условія, въ которыхъ поставлены высланные: ненормальна самая организація высылки, ненормальны размѣры, въ какихъ она примѣняется на практикѣ. По точному смыслу положеній 14 августа 1881 г. и 12 марта 1882 г. („о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія“ и „о полицейскомъ надзорѣ, учреждаемомъ по распоряженію административныхъ властей“), они должны распространяться только на лицъ, „вредныхъ для государственнаго и общественнаго спокойствія“—или, лучше сказать, *предполагаемыхъ средними*, такъ какъ принимаемыя противъ нихъ мѣры являются не карой за совершенное уже преступное дѣяніе, а „предупрежденіемъ преступленій“ (положеніе 12 марта 1882 г., ст. 1). Подъ дѣйствіе названныхъ нами положеній не подходятъ, слѣдовательно, ни лица порочнаго поведенія, ни лица, противъ которыхъ прямо взведено—и не опровергнуто—обвиненіе въ политическомъ преступленіи. На самомъ дѣлѣ, однако, обѣ эти категоріи нерѣдко приравниваются къ той, которая одна только имѣлась въ виду при изданіи положеній 1881 и 1882 г.—и по отношенію къ лицамъ „порочнаго поведенія“ такая практика подтверждена Высочайшимъ повелѣніемъ 7 декабря 1895 г. Что касается до лицъ, обвиняемыхъ въ политическихъ преступленіяхъ, то, за силою ст. 1035¹¹ уст. угол. судопр., „всякое дознаніе представляется, по его окончаніи, прокуроромъ судебной палаты министру юстиціи, который, по сношеніи съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, дѣлаетъ распоряженіе о производствѣ предварительнаго слѣдствія, или испрашиваетъ Высочайшее повелѣніе о прекращеніи производства, съ оставленіемъ, въ послѣднемъ случаѣ, дѣла безъ дальнѣйшихъ послѣдствій, или же съ разрѣшеніемъ онаго въ административномъ порядкѣ (Уст. предупр. прест., ст. 1, прим. 1)“. Отсюда явствуетъ, что разрѣшеніе въ административномъ порядкѣ дѣла о политическомъ преступленіи возможно только тогда, когда производство признано подлежащимъ прекращенію, т.-е. обвиненіе—неподтвердившимся. Между тѣмъ, въ административномъ порядкѣ принимаются нерѣдко мѣры, несомнѣнно и очевидно имѣющія характеръ *наказанія*—напр. заключеніе въ тюрьму на нѣсколько лѣтъ, ссылка въ такія отдаленныя мѣстности, какъ якутская область. Это не оправдывается и прим. 1 къ ст. 1 Устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, на которое сдѣлана ссылка въ ст. 1035¹¹ Уст. угол. судопр. Въ этомъ примѣчаніи сказано: „къ мѣрамъ предупрежденія и пресѣченія преступленія относятся: отдача подъ надзоръ полиціи, воспрещеніе жительства въ столицахъ или иныхъ мѣстахъ, а также высылка иностранцевъ за границу. Мѣры сіи мо-

гуть быть опредѣляемы, въ нѣкоторыхъ особенныхъ случаяхъ, по-
 рядкомъ для сего установленнымъ, безъ формальнаго производства
 суда“. Ни о ссылкѣ, ни о заключеніи въ тюрьму здѣсь не сказано
 ни слова. О заключеніи въ тюрьму на продолжительные сроки не го-
 ворится и въ положеніи 14 августа 1881 г.; оно знаетъ только кратко-
 временный арестъ (не свыше 7 или 14 дней), допускаемый, притомъ,
 лишь въ видѣ мѣры предосторожности, а не въ видѣ наказанія, и
 заключеніе въ тюрьму или крѣпости на время не свыше трехъ мѣ-
 сяцевъ, но только въ мѣстностяхъ, объявленныхъ въ положеніи *чрезвы-
 чайной* охраны (такихъ мѣстностей теперь нѣтъ) и только за нару-
 шеніе обязательныхъ постановленій главноначальствующаго или за
 проступки, объ изыятіи которыхъ изъ вѣденія судовъ заранѣе объяв-
 лено. Заключеніемъ въ тюрьму или ссылкой въ отдаленныя мѣст-
 ности, на продолжительные сроки, разрѣшаются въ административ-
 номъ порядкѣ, *de facto*, такія дѣла, которыя, по закону, под-
 вѣдомственны исключительно суду—и разрѣшаются, конечно, безъ
 тѣхъ гарантій, которыя предоставляются обвиняемому всякимъ, даже
 экстраординарнымъ судебнымъ производствомъ. Въ этой области боль-
 шимъ шагомъ впередъ было бы простое соблюденіе дѣйствующаго
 закона. Что касается до административной высылки, какъ мѣры
 предупрежденія преступленій, то, не касаясь ея необходимости и
 дѣлесообразности, укажемъ только главнѣйшіе вопросы, возбуждаемые
 ея примѣненіемъ. Допустима ли она, въ виду ст. 16 и 23 поло-
 женія 14 августа 1881 г., только въ мѣстностяхъ, объявленныхъ въ
 положеніи чрезвычайной или усиленной охраны, или повсемѣстно?
 Не слѣдовало ли бы опредѣлить точнѣе мѣстности, гдѣ могутъ быть
 водворяемы высылаемые, избравъ ихъ, притомъ, изъ числа такихъ,
 вынужденное пребываніе въ которыхъ не являлось бы, само по себѣ,
 карательной мѣрой? Не слѣдовало ли бы измѣнить составъ „совѣ-
 щанія“, обсуждающаго высылку, въ смыслѣ большаго огражденія правъ
 частныхъ лицъ? Выслушаніе личныхъ объясненій, теперь зависящее
 отъ усмотрѣнія совѣщанія, не слѣдовало ли бы возвести въ общее пра-
 вило, т.-е. предоставить каждому *право* опровергать, въ присутствіи
 совѣщанія, взводимыя на него подозрѣнія (изъ чего вытекало бы само
 собою предъявленіе заподозрѣнному всѣхъ имѣющихся противъ него
 данныхъ)? Самая постановка этихъ вопросовъ содержитъ въ себѣ
 ихъ разрѣшеніе...

ОТВѢТЪ Г-НУ РАЧИНСКОМУ.

Письмо въ Редацію ¹⁾.

Спокойная статья г. Рачинскаго въ „Русскомъ Обзорѣннѣ“ (за іюнь 1895 г.) ставитъ вопросъ о церковно-приходскихъ школахъ на такую почву, гдѣ легко придти къ соглашенію. Рѣчь идетъ на этотъ разъ уже не о правѣ духовенства на управление школами, а о вліяніи приходскаго священника на училище. Это—не новость. Въ первые годы существованія уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ, когда они пользовались полной самостоятельностью, священники являлись въ нихъ и членами по выбору отъ земскихъ собраній, т.-е. представителями земства, и предсѣдателями; священники выбирались и собраніемъ, и совѣтомъ—въ попечители училищъ; къ нимъ назначались молодые учителя въ помощники; слѣдовательно, во многихъ мѣстностяхъ священникамъ прямо предоставлено было руководство училищнымъ дѣломъ. Чѣмъ болѣе являлось бы достойныхъ пастырей, тѣмъ чаще бы это повторялось, потому что вся тенденція лучшихъ земствъ состояла именно въ томъ, чтобы для всякаго дѣла создавать мѣстный надзоръ и привлекать къ нему лучшія мѣстныя силы.

Къ несчастію, школа стала яблокомъ раздора. Министерство народнаго просвѣщенія первое выступило противъ земства, стараясь втѣснить его дѣятельность въ узкія экономическія рамки, ограничить его однимъ хозяйствомъ; оно даже стѣснило его въ выборѣ членовъ училищныхъ совѣтовъ. Земство нѣкоторое время пыталось выбирать на эти должности старыхъ педагоговъ, священниковъ, вообще людей, стоящихъ ближе къ школѣ, чѣмъ къ земскому дѣлу; по инициативѣ учебнаго вѣдомства, было разъяснено, что земское собраніе можетъ выбирать членовъ совѣта только изъ среды гласныхъ. Затѣмъ министерство вытѣснило архіереевъ изъ губернскихъ совѣтовъ,—конечно, имѣя въ виду посадить своихъ чиновниковъ на ихъ мѣсто; но это не удалось, и остался одинъ маневръ—обвиненіе школы при прежнемъ составѣ губернскихъ совѣтовъ въ дурномъ направленіи; и въ

¹⁾ Авторъ письма, въ Post-scriptum къ нему, объясняетъ независѣвшую отъ него причину нѣсколько запоздалаго появленія въ печати его отвѣта на статью г. Рачинскаго, и не въ томъ же самомъ журналѣ, гдѣ появилась эта статья. — *Ред.*

результатъ — для утвержденія религіи и нравственности замѣнили архіерея губернскимъ предводителемъ дворянства. По неволѣ вспомнишь изреченіе Талейрана: *c'est plus qu'un crime, c'est une faute!*

Ошибка откликнулась черезъ 10 лѣтъ. То-же обвиненіе бросается обратно духовнымъ вѣдомствомъ министерству народнаго просвѣщенія, и точно также безъ всякаго основанія. Чему же удивляться, если даровая напраслина создала духовному вѣдомству и его школамъ враговъ во всѣхъ дѣятеляхъ учебнаго вѣдомства, враговъ тѣмъ болѣе ярыхъ, чѣмъ эти люди, положи руку на сердце, чувствовали себя безупречнѣе въ этомъ отношеніи и дорожили религіознымъ воспитаніемъ въ школѣ гораздо болѣе иныхъ приходскихъ священниковъ, которыхъ нельзя было силою притащить въ классъ.

Земству досталось въ чужомъ пиру похмелѣ. Сколько разъ и чуть ли не въ каждой губерніи обращалось оно къ пресвященнымъ съ ходатайствомъ понудить священниковъ къ преподаванію Закона Божія въ земскихъ школахъ; и вдругъ оно же представляется врагомъ религіознаго воспитанія, а эти же священники—его самыми твердыми устоями!

Г-нъ Рачинскій разбиваетъ русское общество въ отношеніи религіозныхъ интересовъ на три группы — людей вѣрующихъ, индифферентныхъ и враждебно относящихся къ церкви. Мы можемъ расхотиться съ нимъ въ мнѣніи, насколько велики эти группы и вліятельны въ Россіи; но вполне соглашаемся съ правильностью такого дѣленія—только не одного русскаго, но и всякаго другого общества. Согласны и съ тѣмъ, что о церковно-приходскихъ школахъ стоить говорить только съ людьми первой категоріи. Но почему же и въ ней раздаются столько голосовъ противъ церковно-приходской школы? Г-нъ Рачинскій видитъ въ этомъ недоразумѣніе. Не думаемъ. И кстати—онъ самъ даетъ намъ ключъ къ объясненію этой вражды.

Г-нъ Рачинскій находитъ, что нравственный уровень сельскаго духовенства поднимается. Дай-то Богъ! Но въ томъ углу, гдѣ мнѣ суждено жить и глядѣть на жизнь, тамъ этого не видится. Умственный уровень, пожалуй, поднимается, вѣрнѣе сказать—исчезаетъ грубость и неотесанность патриархальныхъ поколѣній; но зато исчезаетъ и солидарность съ грубой пока средой прихожанъ,—священникъ становится отъ нихъ дальше, и поглощаютъ его одни житейскіе и денежные интересы. Но вижу я, конечно, только уголокъ—и то небольшой; обобщать не имѣю права и судить не берусь. Допускаю съ удовольствіемъ, что г. Рачинскій тутъ правъ. Но, заступаясь за сельское духовенство, онъ наступаетъ на духовныхъ или, какъ онъ называетъ ихъ, богословскія академіи, по крайней мѣрѣ на ихъ прошлое,

хотя надо сказать, что и въ прошломъ во главѣ ихъ стояли высокія и свѣтлыя личности; онъ прямо обвиняетъ эти заведенія въ развитіи пьянства и лжи. Насколько упрекъ справедливъ относительно богословскихъ академій, судить не могу; пускай остается онъ на совѣсти г. Рачинскаго. Но что въ духовномъ вѣдомствѣ, съ тѣхъ поръ какъ оно вѣдомство, прорывается ложь, это, къ сожалѣнію, видно и людямъ, не близко къ нему стоящимъ. А въ этомъ коротенькомъ словѣ вся суть борьбы людей съ религіознымъ направленіемъ противъ церковно-приходскихъ школъ, какъ онѣ теперь поставлены. Онѣ стали для низшаго духовенства—мѣстомъ кормленія своихъ дѣтей-неудачниковъ, а для духовнаго начальства—выставкой своей дѣятельности.

И въ земской отчетности, и въ отчетности училищныхъ совѣтовъ, могутъ вкратчѣ ошибки и неточныя цифры; но всѣ ошибки и невѣрности сейчасъ оглашаются, потому что отчетность провѣряется далеко не дружественной къ земству инспекціей, затѣмъ гласными и публикой, въ средѣ которыхъ есть всегда лица враждебно относящіяся къ служащимъ по земству и живущія на мѣстахъ, могущія, слѣдовательно, провѣрить показанія и факты. Цифры и данныя въ отчетахъ духовнаго вѣдомства не подлежатъ никакому контролю, и зная, какъ составляются казенныя цифры вообще, мало кто имъ вѣритъ. Кто жила въ медвѣжьихъ углахъ на Руси, тотъ видалъ, какъ при пробадѣ преосвященнаго ловкій настоятель подставлялъ воспитанниковъ духовнаго училища вмѣсто учениковъ своей школы; тому попадалось въ спискѣ церковно-приходскихъ школъ училище, основанное и содержимое земствомъ; тому приходилось читать краснорѣчивое писаніе о благодѣтельномъ вліяніи на населеніе его прихода церковной школы, которая числится на бумагѣ, а на дѣлѣ не существуетъ. Изъ такихъ отдѣльныхъ фактовъ слагается общественное мнѣніе, въ данномъ случаѣ—общественное недовѣріе. Едва ли кто на Руси изъ лицъ, интересующихся этимъ вопросомъ, вѣритъ въ публикуемыя цифры; большинство видитъ въ нихъ то, что г. Рачинскій круто обозвалъ „ложью“. Вотъ почему религіозные люди, отъ души желающіе видѣть вліяніе приходскаго священника на свою школу, не желаютъ отдать ее въ распоряженіе вѣдомства, которое поставлено въ необходимость покрывать всѣ ея недостатки, сохраненія ради своего престижа, и возводить всякое, хотя бы и справедливое порицаніе подчиненной ему школы въ нападки на духовенство и во вражду къ церкви. Признаюсь, и для меня непонятно, почему введеніе религіознаго элемента въ школу требуетъ изыятія ея изъ-подъ контроля общества въ воспитательномъ отношеніи, почему необходимо размежеваніе школъ между разными начальствами, и не могутъ во всѣхъ

быть одновременно глаза общества и вліяніе священника—такого священника, разумѣется, котораго уважать можно не токмо за страхъ, но и за совѣсть, не только по сану, но и какъ человѣка и христіанина.

Д. Дашковъ.

8-го сентября, 1895.

P. S.—Пока моя статья лежала въ Редакціяхъ, появилась въ февральскомъ № „Русскаго Обозрѣнія“ статья о Гиляровѣ-Платоновѣ, какъ иниціаторѣ церковно-приходской школы. Позволю себѣ отмѣтить разницу между взглядами этого искренно вѣрующаго человѣка и проектами его продолжателей. „Пускай, — писалъ Гиляровъ въ 1862 году, — *право* обучать народъ будетъ предоставлено желающему; но духовенству поставьте это въ непремѣнную *обязанность*“. Теперь, по разнымъ причинамъ, *обязанность* эта далеко не непремѣнно возлагается на духовенство; но *право* должно, по мнѣнію ревнителей церковно-приходской школы, принадлежать ему исключительно.

Въ этой разницѣ—весь вопросъ!

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 мая 1896 г.

Паденіе министерства Буржуа и политическая роль сената.—Радикалы и консерваторы во Франціи.—Кабинетъ Мелина.—Внутреннія дѣла въ Германіи.—Англійская политика въ далекихъ краяхъ.—Смерть персидскаго шаха.

Французскіе политическіе дѣятели рѣдко сохраняютъ свою популярность, сдѣлавшись министрами, и еще рѣже остаются популярными при выходѣ своемъ въ отставку. Такое рѣдкое исключеніе представляетъ кабинетъ Буржуа: онъ палъ именно въ тотъ моментъ, когда пользовался наибольшимъ сочувствіемъ и довѣріемъ большинства въ палатѣ депутатовъ и въ значительной части общества.

Въ половинѣ марта министерство подверглось нѣкоторому преобразованію. Министръ иностранныхъ дѣлъ Бертело произвелъ слишкомъ большой эффектъ своимъ энергическимъ протестомъ противъ самовластныхъ распоряженій Англіи въ Египтѣ, въ засѣданіи 19-го марта (нов. ст.), и въ этомъ случаѣ онъ пошелъ дальше, чѣмъ считалъ удобнымъ глава кабинета, Леонъ Буржуа. Если вѣрить парижскому корреспонденту лондонскаго „Times'a“, русскій посоль, баронъ Моренгеймъ, обратилъ вниманіе французскаго правительства на неудобство одностороннихъ категорическихъ заявленій по вопросамъ международной политики, въ виду обязательной солидарности интересовъ между двумя союзными державами, Франціею и Россіею. По отношенію къ Египту, русская дипломатія должна дѣйствовать заодно съ французскою, и потому Бертело сдѣлалъ ошибку, выступивъ съ своимъ заявленіемъ безъ предварительныхъ сношеній съ представителемъ Россіи. Бертело вышелъ въ отставку, и самъ Буржуа взялъ въ свои руки завѣдываніе иностранными дѣлами, уступивъ министерство внутреннихъ дѣлъ Сарриену.

Въ засѣданіи палаты депутатовъ 2-го апрѣля Буржуа подробно объяснилъ политику Франціи относительно Египта, указалъ на незаконность и опасность предпринятой англо-египетской экспедиціи въ Донгоду, напомнилъ о полномъ согласіи съ Россіею по этому предмету и выразилъ надежду на благополучный исходъ продолжающихся переговоровъ съ Англіею; послѣ этой рѣчи палата подтвердила свое довѣріе къ кабинету большинствомъ 309 голосовъ противъ 213. Вместе съ тѣмъ палата приняла предложеніе правительства о необходимыхъ расходахъ на содержаніе войскъ въ Мадагаскарѣ. На слѣдующій

день министр финансов Думэ внёсъ законопроектъ объ этихъ кредитахъ въ сенатъ. Умѣренно-либеральныя и консервативныя группы сената предпочли однако заняться обсужденіемъ внесенныхъ ранѣе запросовъ объ общей политикѣ министерства, вопреки настоятельнымъ доводамъ Буржуа. Сенаторъ Милльяръ доказывалъ, что нельзя одобрить дѣйствія и заявленія правительства относительно Египта и Мадагаскара, и въ заключеніе предложилъ выразить порицаніе кабинету. Предложеніе Милльяра было принято большинствомъ 155 голосовъ противъ 85. Это было послѣднее засѣданіе сената передъ пасхальными каникулами. Министерство, пользуясь поддержкою палаты депутатовъ, сочло своимъ долгомъ остаться у власти, такъ какъ по господствующей конституціонной теоріи вся сила народного представительства сосредоточивается въ палатѣ, избираемой всеобщимъ голосованіемъ.

Очевидно, сенатъ не могъ примириться съ неудачею своихъ первыхъ нападеній на министерство Буржуа и рѣшилъ довести дѣло до какой-нибудь развязки. Тотчасъ по возобновленіи парламентской сессіи, 21-го апрѣля, въ сенатѣ прочитана была декларация, подписанная Демолемъ, Франкъ-Шово и Барбеемъ, о невозможности утвердить кредиты на Мадагаскаръ, пока не существуетъ кабинета, дѣйствующаго согласно съ конституціею и пользующагося довѣріемъ обѣихъ палатъ. Сенаторъ Демоль вкратцѣ мотивировалъ свое предложеніе отложить вопросъ о кредитахъ до образованія новаго министерства. На такой почвѣ легко было достигнуть побѣды. Утвержденіе сенатомъ требуемыхъ расходовъ безусловно необходимо, и отказъ въ этомъ утвержденіи былъ единственнымъ дѣйствительнымъ способомъ заставить непріятное сенату министерство удалиться со сцены. Большинство 174 голосовъ противъ 90 высказалось въ пользу предложенія Демоля и его товарищей. Буржуа вынужденъ былъ выйти въ отставку, но прежде всего обратился опять къ палатѣ, съ которою чувствовалъ себя солидарнымъ. Въ засѣданіи 23-го апрѣля онъ объяснилъ мотивы своего рѣшенія и сказалъ нѣсколько трогательныхъ прощальныхъ словъ, въ качествѣ уходящаго министра, имѣющаго за собою прочныя симпатіи въ парламентѣ. Палата депутатовъ вновь подтвердила, и притомъ единогласно, что избранники всенароднаго голосованія должны имѣть преобладающій вѣсъ въ политическихъ дѣлахъ страны, и что интересы демократіи по прежнему стоятъ на первомъ планѣ для республиканскаго большинства.

Это единодушное заявленіе палаты было блестящимъ заключительнымъ торжествомъ для министерства Буржуа. Министры были скорѣе побѣдителями, чѣмъ побѣжденными, при выходѣ своемъ въ отставку. Они не были отвѣтственны за столкновеніе двухъ палатъ;

конфликтъ былъ вызванъ сенатомъ только потому, что кабинетъ состоялъ изъ лицъ, принадлежащихъ къ радикальной партіи. Что же получилось въ результатъ? Такъ называемое радикальное министерство, возбуждавшее на первыхъ порахъ нѣкоторыя опасенія и сомнѣнія среди умѣренныхъ группъ палаты депутатовъ, сдѣлалось истиннымъ выразителемъ настроенія всей палаты и приобрѣло къ концу своей дѣятельности гораздо болѣшую популярность, чѣмъ имѣло въ началѣ. Формальная побѣда сената можетъ оказаться для него самого серьезнымъ нравственнымъ поражениемъ; она не возвысила его авторитета въ глазахъ французскаго общества и дала только новый толчокъ агитации въ пользу пересмотра конституціи. Добросовѣстные противники Буржуа и его „радикальной“ программы не могли исполнѣ сочувствовать замаскированной тактикѣ сената въ борьбѣ съ кабинетомъ; сенатъ не дѣйствовалъ прямо и откровенно, а прибѣгалъ къ косвеннымъ приемамъ нападенія, къ уловкамъ и обходамъ, недостойнымъ высшаго государственнаго учрежденія. Сенатское большинство не касалось тѣхъ сторонъ министерской политики, которыя наиболѣе его раздражали; оно не входило въ обсужденіе радикальныхъ тенденцій и связей министерства, не выражало своихъ мыслей объ его смѣлыхъ реформаторскихъ проектахъ, не обвиняло его въ преувеличенной внимательности къ требованіямъ рабочаго класса, а заявляло свое недовѣріе по частнымъ, постороннимъ поводамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ программой и дѣятельностью правительства. Сенатъ старался свергнуть кабинетъ по случаю неправильнаго будто бы поступка съ слѣдственнымъ судьей Ремплеромъ, хотя поступокъ этотъ самъ по себѣ не представлялъ никакого политическаго интереса и былъ одинаково возможенъ при всякомъ министерствѣ. Попытка не удалась, и послѣ двукратнаго осужденія кабинета внушительнымъ большинствомъ голосовъ, сенатъ призналъ болѣе благоразумнымъ отступить, въ виду неблагопріятнаго для него общественнаго мнѣнія. Впослѣдствіи атака была повторена въ другой формѣ: сенатъ обнаружилъ недовольство внѣшней политикою правительства, поведеніемъ его въ вопросахъ египетскомъ и мадагаскарскомъ, хотя всякій отличво понималъ, что внѣшняя политика не играетъ абсолютно никакой роли въ чувствахъ сената относительно министерства Буржуа. Сенатскіе ораторы не могли даже формулировать въ точности, чѣмъ собственно недовольны они по отношенію къ Мадагаскару и Египту, — въ Мадагаскарѣ дѣла идутъ вполне благополучно, а въ египетскомъ вопросѣ Франція дѣйствуетъ осторожно и настойчиво, за-одно съ Россією, строго придерживаясь почвы международнаго права и существующихъ договоровъ. Ораторы говорили какъ-то неопредѣленно и очень кратко, настанывая лишь на обязан-

ности министровъ подчиниться авторитету сената и уступить мѣсто другимъ дѣятелямъ. Ссылки на Мадагаскаръ и Египетъ оставались совершенно непонятными для французской публики и производили вообще странное впечатлѣніе. Эта неразборчивость сената въ выборѣ подходящаго предлога для сверженія кабинета невольно смущала даже принципиальныхъ враговъ Буржуа. Наконецъ, сенатъ достигъ своей цѣли и одолѣлъ „радикаловъ“, воспользовавшись своимъ правомъ отказать въ утвержденіи кредитовъ, принятыхъ уже палатою депутатовъ. Министерство удалилось, но палата депутатовъ остается, и враждебное настроеніе ея противъ сената уляжется не скоро. Антагонизмъ между обѣими палатами обострился сильнѣе, чѣмъ когда-либо, и радикальная партія имѣетъ теперь основаніе направить всѣ свои силы на осуществленіе своихъ старыхъ требованій объ ограниченіи политической власти сената. Въ этихъ усиліяхъ примутъ теперь участіе бывшіе министры, съ Буржуа во главѣ, и подъ ихъ руководствомъ анти-сенатская пропаганда можетъ получить размѣры, опасные для самаго существованія сената въ нынѣшнемъ его видѣ.

Министерство Буржуа, въ теченіе своей пятимѣсячной дѣятельности, успѣло выработать и провести въ палатѣ нѣсколько серьезныхъ реформъ, изъ которыхъ наибольшее значеніе имѣлъ проектъ подоходнаго налога, возбудившій особенное негодованіе сената; этотъ послѣдній проектъ не могъ осуществиться именно благодаря энергическому противодѣйствію верхней палаты, усмотрѣвшей въ немъ посягательство на священный принципъ собственности. Когда налоги взимаются съ недвижимыхъ имуществъ, съ земледѣльческихъ доходовъ, съ предметовъ народнаго потребленія, въ ущербъ трудящимся и неимущимъ классамъ населенія, то это кажется вполне естественнымъ, и никто не видитъ въ этомъ посягательства на собственность плательщиковъ, для которыхъ, быть можетъ, очень тягостны взимаемые платежи; но когда дѣло идетъ объ обложеніи несомнѣнныхъ и значительныхъ доходовъ съ капитала, соотвѣтственно ихъ размѣрамъ, то поднимаются протесты во имя принциповъ, о которыхъ нѣтъ и рѣчи въ примѣненіи къ болѣе скромнымъ и скуднымъ достаткамъ огромной массы обывателей. Экономическія реформы, давно уже введенныя въ дѣйствіе въ Англіи, все еще кажутся зловредною ересью во Франціи; подоходный налогъ, къ которому англичане привыкли еще съ конца прошлаго вѣка, и который существуетъ у нихъ въ современной формѣ съ начала сороковыхъ годовъ, представляется еще многимъ французскимъ республиканцамъ чѣмъ-то очень опаснымъ, тѣсно связаннымъ съ домогательствами социализма. Нѣтъ въ мірѣ народа болѣе консервативнаго въ вопросахъ экономическихъ и социальныхъ, чѣмъ средніе и высшіе слои французскаго общества;

республика не внесла въ этомъ отношеніи никакой перемѣны въ господствующія понятія и предрассудки. Самые скромныя нововведенія въ области экономическаго законодательства вызываютъ толки о неприкосновенности началъ собственности и личной свободы, хотя бы эти нововведенія съ давнихъ поръ практиковались въ другихъ государствахъ, не только не нарушая, а напротивъ, охраняя имущественныя и личныя права гражданъ. Но во Франціи не принято ссылаться на примѣры другихъ странъ, даже такихъ близкихъ, какъ Англія, и французы мало интересуются тѣмъ, что происходитъ и признается внѣ предѣловъ ихъ отечества; они имѣютъ свои собственныя, твердо укоренившіяся экономическія идеи, на которыя остаются безъ замѣтнаго вліянія всѣ политическіе перевороты послѣдняго столѣтія. Съ одной стороны, существуютъ революціонные социалисты, неизмѣнно повторяющіе то, что досталось имъ по наслѣдству отъ Прудона и Луи-Блана; а съ другой, — съ такимъ же постоянствомъ высказываются и примѣняются, въ видѣ неоспоримыхъ истинъ, экономическіе взгляды времени Луи-Филиппа. Въ обществѣ оказывается какое-то внутреннее раздвоеніе, которое слишкомъ часто приводило къ печальнымъ послѣдствіямъ; защитники традиціонныхъ идей не понимаютъ и не хотятъ понимать людей противнаго лагеря, а послѣдніе не принимаютъ въ расчетъ окружающихъ реальныхъ условий и вдаются въ отвлеченныя крайности, бесплодныя для практической жизни. Франція является одновременно родиною самыхъ смѣлыхъ и революціонныхъ экономическихъ теорій и самаго упорнаго и послѣдовательнаго экономическаго консерватизма; эти два теченія идутъ и развиваются рядомъ, параллельно, тогда какъ въ политикѣ повсюду господствуетъ одинаковый реформаторскій духъ. Люди, готовые чуть-ли не ежегодно передѣлывать конституцію и ничего не имѣющіе противъ постоянной смѣны министерствъ и политическихъ программъ, обнаруживаютъ замѣчательную неподвижность понятій въ сферѣ экономическихъ интересовъ и вопросовъ; они съ гораздо большею легкостью отдадутъ себя въ руки какаго-нибудь Буланже, чѣмъ согласятся на подходящий налогъ или на вмѣшательство закона въ отношенія между капиталистами и рабочими. И до сихъ поръ большинство французскихъ республиканцевъ относится подозрительно къ требованіямъ, которыя въ Англіи поддерживались и проводились въ жизнь консервативными государственными дѣятелями, начиная съ сэра Роберта Пила. Та часть программы Буржуа, которая наиболѣе тревожила сенатъ, не заключаетъ въ себѣ ничего новаго въ глазахъ англичанъ или нѣмцевъ; она указывала лишь на рѣшимость министерства пойти на встрѣчу интересамъ болѣе обремененныхъ плательщиковъ податей и удовлетворить нѣкоторыя справедливыя ожи-

данія рабочаго класса. Глава кабинета не разъ категорически отрицалъ какую бы то ни было связь своихъ стремленій съ социализмомъ, и тѣмъ не менѣе социалисты въ парламентѣ дружно стояли за него, — только потому, что онъ допускалъ справедливость извѣстныхъ требованій, не признаваемыхъ социалистическими ни въ какой другой странѣ, кромѣ Франціи.

Министерство Буржуа называлось радикальнымъ именно въ этомъ специально-французскомъ смыслѣ; но въ дѣйствительности оно отличалось гораздо большею умѣренностью и несравненно меньшею широтою преобразовательныхъ плановъ, чѣмъ любой изъ англійскихъ либеральныхъ или даже консервативныхъ кабинетовъ послѣднихъ десятилѣтій. Сравнительно, напр., съ реформами и проектами Гладстона или съ рѣчами лорда Розбери, министерскія дѣйствія и заявленія французскихъ „радикаловъ“ должны быть признаны въ высшей степени скромными. Упорное „*non possumus*“, противопоставляемое этимъ мнимымъ радикаламъ умѣренно-либеральными группами парламента, создаетъ во Франціи крайне трудное и рискованное положеніе, представляющее благодарную почву для проповѣди революціонныхъ насилій; оно толкаетъ всѣхъ искреннихъ защитниковъ трудящагося населенія на путь этой опасной пропаганды, и въ странѣ все болѣе распространяется и крѣпнеть мысль, что необходимыя экономическія реформы могутъ быть достигнуты только путемъ революціи. Буржуа, доказавшій на дѣлѣ свою политическую сдержанность и тактъ, становится теперь по неволѣ прямымъ сторонникомъ ограниченія власти сената; онъ естественно сближается съ передовыми элементами радикальной партіи, а нѣкоторая часть этой партіи, поддерживавшей его въ палатѣ депутатовъ, высказываетъ готовность дѣйствовать въ духѣ революціоннаго социализма и въ тѣсномъ союзѣ съ его признанными вождями и представителями. Депутатъ Пелльтанъ, извѣстный соратникъ Клемансо, числился и раньше социалистомъ, но въ сущности оставался обыкновеннымъ радикаломъ французскаго типа; точно такъ же и Жоресъ. Теперь оба они произносятъ рѣчи о необходимости социальной революціи, и умѣренный „*Temps*“, настойчиво защищающій точку зрѣнія сената, указываетъ на выходы Пелльтана и Жореса какъ на очевидное доказательство невозможности управлять страной при содѣйствіи радикаловъ. Между тѣмъ самъ „*Temps*“ въ свое время отмѣчалъ любопытный фактъ полной перемены настроенія радикальной группы послѣ вступленія во власть кабинета Буржуа; тогда газета удивлялась благоразумію Пелльтана и Жореса и говорила въ шутовскомъ тонѣ о будущемъ превращеніи ихъ въ министры. Пелльтанъ и Жоресъ были приверженцами правительства, пока во главѣ его стоялъ Буржуа, и

„Temps“ совершенно не замѣчаетъ логической связи ихъ новѣйшихъ рѣчей съ непримиримымъ консерватизмомъ сената.

Новое министерство Мелина извѣстно пока только въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, оно принадлежитъ къ умѣренно-либеральной партіи и слѣдовательно имѣетъ всѣ шансы угодить сенату, и, во-вторыхъ, глава его признается наиболѣе настойчивымъ и авторитетнымъ выразителемъ строгаго промышленнаго протекціонизма, причинившаго и продолжающаго причинять огромные убытки французской виѣшной торговлѣ. Убыточность этой охранительной политики, усвоенной Франціею отчасти подъ вліяніемъ Мелина, подтверждалась въ прежнее время и газетою „Temps“; очень возможно, что газета измѣнила или измѣнитъ свой взглядъ послѣ образованія министерства Мелина. Новый кабинетъ представился палатѣ 30 (18) апрѣля, и обычная министерская декларация, прочитанная съ трибуны Мелиномъ, не даетъ еще матеріала для оцѣнки его намѣреній и его программы. Министерство, по обыкновенію, обѣщаетъ много хорошаго; оно говоритъ и о полезныхъ реформахъ, о соблюденіи законности, о сосредоточеніи республиканскихъ группъ, о всеобщемъ успокоеніи и умиротвореніи, о чистодѣловой политикѣ, чуждой всякихъ увлеченій, и въ концѣ концовъ не заявляетъ ничего опредѣленнаго и положительнаго, кромѣ лишь желанія сохранить миръ и дружбу между обѣими составными частями парламента. Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, большинство палаты воздержалось отъ преждевременнаго осужденія министерства, получившаго свои полномочія отъ президента республики согласно конституціоннымъ законамъ и обычаямъ. Предложена была резолюція, подтверждающая первенствующую роль избранныхъ всенароднаго голосованія и одобряющая правительственную декларацию; первая часть этой резолюціи, какъ сообщаютъ газетныя телеграммы, принята палатою единогласно, всѣми 569 присутствовавшими депутатами, а вторая—231 голосомъ противъ 196, послѣ чего вся формула перехода къ очереднымъ дѣламъ принята большинствомъ 299 голосовъ противъ 256. Изъ этого видно, что столкновеніе обѣихъ палатъ остается въ полной силѣ, и что Мелинъ долженъ былъ подчиниться этому энергически выраженному и единодушно поддержанному взгляду палаты. Потребуется большое искусство со стороны Мелина, чтобы удовлетворить въ одно и то же время палату депутатовъ и сенатъ; но легко предвидѣть, что сенатъ сочтетъ свою цѣль достигнутою паденіемъ Буржуа и не станетъ дѣлать затрудненій его преемнику. Въ палатѣ депутатовъ положеніе Мелина будетъ зависѣть прежде всего отъ образа дѣйствій болѣе умѣренныхъ республиканскихъ партій, составляющихъ понинѣ численное большинство въ обѣихъ палатахъ.

Въ Германіи или вѣрнѣе въ Пруссіи обрисовывается все съ большею ясностью нравственная несостоятельность такъ называемыхъ высшихъ придворно-аристократическихъ круговъ общества, которымъ въ былое время принадлежала руководящая роль въ государствѣ. Несмотря на всеобщую подачу голосовъ, на полное господство публичности въ дѣлахъ публичнаго интереса и на новые демократическіе нравы, военная и придворная аристократія сохранила понынѣ многія важныя привилегіи и продолжаетъ пользоваться весьма значительнымъ вліяніемъ въ Германіи. Старыя сословныя традиціи, унаслѣдованныя отъ временъ рыцарства и феодализма, придаютъ нѣмецкому дворянству значеніе, котораго не имѣетъ и не можетъ имѣть служилый классъ, выросшій на табели о рангахъ и обязанный всѣми своими преимуществами одной лишь государственной власти. Этимъ объясняется рѣзкость перегородокъ и различій, отдѣляющихъ нѣмецкое наслѣдственное дворянство отъ средняго городского класса и отъ выслужившагося чиновничества; аристократія, даже захудалая, держитъ себя вдали отъ „бюргерства“, но ея старинныя притязанія кажутся все болѣе странными въ современномъ нѣмецкомъ обществѣ.

Отдѣльные характеристическіе факты, дѣлаясь достояніемъ гласности, бросаютъ особый свѣтъ на этотъ замкнутый міръ „высшаго общества“. Въ прошломъ году надѣлала много шума загадочная исторія церемоніймейстера фонъ-Котце, арестованнаго по обвиненію въ рассылкѣ анонимныхъ писемъ, разоблачающихъ закулисныя стороны жизни многихъ аристократическихъ семействъ; позднѣе онъ былъ выпущенъ на свободу, такъ какъ обвиненіе не подтвердилось или не могло быть доказано, но публика невольно задавала себѣ вопросъ, какова же должна быть жизнь этого привилегированнаго круга, послужившая матеріаломъ для цѣлага ряда скандальныхъ разоблаченій, признанныхъ вообще согласными съ истиною. Письма получались только заинтересованными лицами, и содержаніе этихъ писемъ остается неизвѣстнымъ; однако многихъ поражало то обстоятельство, что въ составленіи ихъ могло быть заподозрѣно лицо, близкое ко двору и занимающее высокій и почетный постъ. Какой же долженъ быть нравственный уровень этой аристократической среды, если одинъ изъ видныхъ ея представителей могъ навлечь на себя обвиненіе въ столь постыдномъ занятіи? Когда фонъ-Котце оставленъ былъ безъ преслѣдованія по недостатку уликъ, онъ сталъ призывать къ барьеру своихъ обвинителей, и это рѣшеніе его было повидимому вполне одобрено въ высшихъ сферахъ. Наконецъ, недавно онъ убилъ на дуэли человѣка, тоже придворнаго сановника, который по долгу службы сообщилъ императору о своемъ подозрѣніи, которое считалъ вполне основательнымъ. Убіиство фонъ-Шра-

дѣра взволновало общественное мнѣніе и побудило имперскій сеймъ посвятить два засѣданія (20-го и 21-го апрѣля) вопросу о дуэляхъ. Правительство должно было высказаться противъ этой формы убійства, но не могло ничего сказать по одному весьма важному пункту, на которомъ справедливо настаивала оппозиція; официальные ораторы не объяснили, почему дуэли не только допускаются, но предписываются для офицеровъ дѣйствующими военными правилами, и почему высшія начальствующія лица покровительствуютъ этому обычаю, запрещенному уголовнымъ закономъ. Полицейскія власти не принимаютъ никакихъ мѣръ для предупрежденія поединковъ, о которыхъ своевременно доходятъ до нихъ свѣденія, и, разумѣется, при серьезномъ желаніи легко было бы избѣгнуть катастрофы, обрушившейся на семью фонъ-Шрадера. Пренія имперскаго сейма имѣли платоническій характеръ и окончились революціею, которая по существу не можетъ привести къ какому-нибудь практическому результату.

Еще болѣе печальное значеніе для придворно-консервативной партіи имѣлъ процессъ бывшаго авторитетнаго вождя и вдохновителя прусскихъ консерваторовъ въ парламентъ и въ печати, барона фонъ-Гаммерштейна. Этотъ изящный джентльменъ, долго руководившій знаменитою „Крестовою Газетою“ и краснорѣчиво громившій либераловъ во имя высокой чести и самоотверженной преданности престолу и отечеству, оказался виновнымъ въ простыхъ подлогахъ и мошенничествахъ на крупныя суммы, въ преступномъ развратѣ, и очутился въ концѣ концовъ на скамьѣ подсудимыхъ. Процессъ не оправдалъ общихъ ожиданій, такъ какъ судъ тщательно устранилъ все, относящееся къ политикѣ, и самъ подсудимый не говорилъ ничего лишняго, въ расчетѣ на снисходительность судей. Баронъ старался держать себя съ достоинствомъ до конца; онъ былъ почему-то увѣренъ, что его не рѣшатся подвергнуть наказанію, наравнѣ съ обыкновенными смертными, и что во всякомъ случаѣ окажутъ ему снисхожденіе, въ виду его политическаго прошлаго и въ виду возможныхъ съ его стороны разоблаченій, крайне щекотливыхъ для многихъ высокопоставленныхъ дѣятелей. Берлинскій трибуналъ, въ своемъ приговорѣ отъ 21 апрѣля, сурово разъяснилъ фонъ-Гаммерштейну, что „всѣ равны передъ закономъ, и что подсудимый баронъ въ глазахъ суда ничѣмъ не отличается отъ перваго встрѣчнаго каменщика“. Баронъ не сумѣлъ сохранить свое обычное самообладаніе, когда судъ приговорилъ его къ заключенію въ тюрьмѣ на три года и къ лишенію гражданскихъ правъ на пять лѣтъ. Такъ окончилъ свою шумную дѣятельность одинъ изъ наиболѣе видныхъ и смѣлыхъ руководителей прусскаго консерватизма.

Колоніальная политика Англіи, направляемая бывшимъ радикальнымъ дѣятелемъ, Чамберленомъ, терпитъ частыя неудачи за послѣднее время. Въ Трансваалѣ усиливается раздраженіе по поводу англійскаго вмѣшательства во внутреннія дѣла республики; президентъ Крюгеръ рѣшительно отклонилъ приглашеніе Чамберлена пріѣхать въ Лондонъ для личныхъ переговоровъ по спорнымъ вопросамъ. Судъ надъ виновниками вторженія Джемсона, членами революціоннаго комитета въ Йоганнесбургѣ, преимущественно англичанами, окончился присужденіемъ пятерыхъ „заговорщиковъ“ къ смертной казни, и въ числѣ осужденныхъ, которые вообще занимали видное положеніе въ мѣстномъ англійскомъ обществѣ, находится и родной братъ бывшаго перваго министра капской колоніи, полковникъ Родесъ. Чамберленъ по телеграфу предложилъ британскому представителю въ южной Африкѣ, сэру Геркулесу Робинзону, немедленно обратиться къ президенту Крюгеру съ просьбою смягчить приговоръ суда, и Крюгеръ тотчасъ исполнилъ это желаніе англійскаго правительства, тѣмъ болѣе, что и самъ онъ, вѣроятно, не имѣлъ въ виду дѣйствительно допустить совершеніе смертной казни. Крюгеру приходится обнаруживать великодушіе относительно англичанъ, и англійское правительство каждый разъ публично выражаетъ ему благодарность за милостивое снисхожденіе къ врагамъ. Это, разумѣется, не значитъ, что англійскіе министры преисполнены дружескихъ чувствъ къ президенту Крюгеру и къ его республикѣ; они, напротивъ, крайне недовольны тѣмъ духомъ независимости, который господствуетъ въ Трансваалѣ и среди южно-африканскихъ патріотовъ, такъ-называемыхъ „африкандеровъ“. Въ сосѣдствѣ съ Трансваалемъ, на территоріи привилегированной британской кампаніи, возстаетъ противъ англичанъ туземное населеніе Родезіи (названной такъ по имени Сесила Родеса); воинственное племя матабеле взялось за оружіе, и англійскіе отряды, вообще малочисленные, едва-ли справятся съ этимъ враждебнымъ движеніемъ. Трансваальскіе боэры вооружаются и держатся наготовѣ на всякій случай, въ виду возможности новыхъ англійскихъ попытокъ ворваться въ предѣлы республики послѣ побѣды надъ туземцами Родезіи. Положеніе въ южной Африкѣ остается вообще крайне напряженнымъ и тревожнымъ.

Британскіе государственные люди новой школы, къ которымъ принадлежитъ и Чамберленъ, стараются вести широкую „имперскую“ политику и этимъ только усложняютъ и запутываютъ колоніальныя дѣла безъ всякой пользы для метрополи. Экспедиція въ Донголу, предпринятая съ такою поспѣшностью, испортила только отношенія съ Франціею и возбудила щекотливые денежные споры по поводу заимствованія крупныхъ суммъ изъ резервной кассы египетскаго го-

сударственного долга на покрытіе расходовъ по военному предпріятію, задуманному англичанами; а сама экспедиція между тѣмъ фактически остановлена, и англо-египетскія войска ограничатся лишь занятіемъ Акаше, такъ что весь этотъ шумный походъ въ Суданъ оказывается несостоявшимся. Все это далеко не способствуетъ популярности той смѣлой „имперской“ политики, которой придерживаются наиболѣе вліятельные дѣятели нынѣшняго британскаго кабинета.

Телеграфъ принесъ извѣстіе, что 1-го мая (нов. ст.) персидскій шахъ Нассръ-Эддинъ убитъ „фанатикомъ“ при входѣ въ святилище, находящееся въ шести миляхъ къ югу отъ Тегерана. О мотивахъ этого убійства возможны пока только догадки; нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что одинъ изъ послѣдователей „бабистской“ секты, отчасти истребленной въ сороковыхъ и пятидесятихъ годахъ, но сохранившей понинѣ популярность въ странѣ, повторилъ покушеніе, которое не разъ дѣлалось и въ прежніе годы, съ цѣлью отомстить за судьбу религиозныхъ единомышленниковъ и за жестокую казнь самаго вождя „бабизма“, Мирзы-Али-Мухамеда. Секта имѣла во многихъ отношеніяхъ прогрессистскій характеръ и между прочимъ признавала равноправность женщинъ. Безпощадная кровавая расправа съ вѣрующими приверженцами „баба“ (что значитъ: „ворота“ къ истинѣ) Мирзы-Али-Мухамеда, въ томъ числѣ съ женщинами и дѣтьми, была однимъ изъ самыхъ мрачныхъ событій продолжительнаго царствованія Нассръ-Эддина. Покойный шахъ родился въ 1831 году и вступилъ на престолъ въ октябрѣ 1848 года. Несмотря на нѣкоторое образованіе и на культурный лоскъ, усвоенный въ позднѣйшіе годы, онъ оставался чисто-азиатскимъ правителемъ по своимъ понятіямъ, нравамъ и дѣйствіямъ. Въ 1873 году онъ предпринялъ путешествіе по Европѣ и посѣтилъ между прочимъ Россію. Онъ былъ любителемъ искусствъ и знатокомъ музыки, хорошо рисовалъ и былъ прекраснымъ каллиграфомъ, что очень цѣнится на Востокѣ.

О ЗОЛОТѢ.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Что мы станемъ дѣлать съ золотомъ!?—спрашиваютъ въ Америкѣ. —Странный вопросъ, не правда ли?—тѣмъ не менѣе и крайне интересный самъ по себѣ, грозящій даже сдѣлаться въ высшей степени существеннымъ въ самомъ близкомъ будущемъ. Только еще пять лѣтъ тому назадъ мы не знали въ Америкѣ, что намъ дѣлать съ серебромъ, куда его дѣвать: подвалы главнаго казначейства въ Вашингтонѣ пришлось перестраивать и расширять—они заключали въ себѣ серебра, въ слиткахъ и монетѣ, слишкомъ на полъ-милліарда долларовъ (542 милл. въ 1892 г., и 624 м. въ 1894), купленнаго государствомъ по высокой цѣнѣ, чуть не вдвое выше той, до которой она спустилась съ теченіемъ времени; добыча шла своимъ чередомъ, усиливаясь съ каждымъ годомъ, и обиліе металла, казалось, дошло до того, что онъ началъ утрачивать самое существенное свое свойство — драгоценность. Отношеніе *вѣса* добытаго серебра къ золоту еще въ 1851 году было какъ 5,36 къ 1; въ 1891 году оно было уже какъ 23,44 къ 1; а отношеніе *стоимости* въ 1492 г. какъ 10,75 къ 1; въ 1700 г. какъ 14,94 къ 1; въ 1880 г. какъ 15,68 къ 1, а въ 1894 г. уже какъ 32,56 къ 1. Обезцѣненіе это, грозившее подорвать благосостояніе всего Запада сѣверо-американскаго Союза вообще и нѣкоторыхъ штатовъ въ особенности, уже вызвало глубокую рознь въ народѣ, сказавшуюся существенной перестановкой старыхъ политическихъ партій, и обѣщаетъ въ самомъ близкомъ будущемъ организацію могучей новой „серебряной“ партіи, съ „популистами“ какъ ядромъ, и сильными меньшинствами республиканцевъ и демократовъ, ставящихъ „серебряный“ вопросъ выше всего, какъ надежными союзниками. Партія эта уже имѣетъ большинство въ настоящемъ сенатѣ, пристагивающее ко всякому существенному биллю добавленіе въ формѣ установленія свободной чеканки серебра въ отношеніи 16 къ 1, и, встрѣчая неодолимое противодѣйствіе въ палатѣ представителей, уже успѣла остановить всякое созидательное федеральное законодательство. Еще не видно просвѣта въ этомъ, потрясающемъ насъ до самыхъ основаній, „серебряномъ“ раздорѣ—а уже надвинулся вопросъ золотой, еще болѣе существенный, еще болѣе чреватый всякими необыкновенными послѣдствіями. Только-что по-

явившійся докладъ статистическаго бюро федеральнаго министерства финансовъ, въ связи съ официальными данными о добычѣ золота въ остальномъ мірѣ, вызываетъ самыя серьезныя размышленія, и, вѣроятно, повліяетъ до извѣстной степени на крупныя денежныя сдѣлки; опять появились сомнѣнія въ томъ, не должна ли будетъ опуститься цѣна на золото, и не явится ли, какъ неизбѣжный того результатъ, потрясеніе главныхъ монетныхъ системъ міра? Когда, въ 1816 году, Англія приняла золото за основаніе своей денежной системы, за весь этотъ годъ во всемъ мірѣ было добыто золота всего на семь милліоновъ долларовъ, и цѣныа тридцать лѣтъ потомъ средняя его добыча была всего около десяти милліоновъ въ годъ. Вся система была основана на недостаточности золота, а не на его обиліи. Эта добыча увеличилась теперь въ 25 разъ противъ того времени, а къ концу столѣтія вѣроятно увеличится въ 30 разъ, хотя населеніе міра увеличилось всего въ 2¹/₂ раза, а его торговля и промышленность приблизительно въ 10. Запасъ золотой монеты во всемъ мірѣ доходитъ теперь до четырехъ билліоновъ долларовъ—въ томъ числѣ: во Франціи 800 милліоновъ, въ Соединенныхъ-Штатахъ 660, въ Германіи 620, въ Англіи 540, въ Россіи 420 милліоновъ. Вся эта масса золота скопилась въ теченіе настоящаго столѣтія, и больше трехъ ея четвертей—за его послѣднюю половину. Одни Соединенные-Штаты, по официальному отчету директора главнаго монетнаго двора, добыли золота съ 1849 по 1893 годъ включительно, на сумму \$ 1.939.300.000. Но добыча эта, въ общемъ, была очень неравномѣрна, какъ въ Америкѣ, такъ и во всѣхъ другихъ золотопроизводящихъ странахъ. Уже въ 1853 г., когда добыча золота и въ Америкѣ (65 м.) и во всемъ мірѣ (155 м.) достигла своего апогея, явились-было серьезныя сомнѣнія въ возможности поддерживать дольше цѣну золота; но годъ этотъ оказался кульминаціоннымъ пунктомъ, и, начиная съ него, добыча золота начала ежегодно уменьшаться—въ 1874 г. она не превышала для всего міра 90 м. долларовъ, въ 1883—95 м.; въ 1887 г. было добыто всего 106 м., въ 1890 г.—113. Казалось, весь міръ былъ изслѣдованъ въ поискахъ за золотомъ, нельзя было ожидать открытія новой Калифорніи, новой Австраліи, и дальновидные биржевые дѣльцы главныхъ денежныхъ центровъ, указывая на это паденіе, начинали серьезно трусить и предречь „золотой“ голодъ. Всесильный тогда Бисмаркъ, когда его вниманіе было обращено на установившійся, казалось, фактъ изсяканія источниковъ золота, сказалъ: „всѣ націи въ этомъ отношеніи на одной кровати съ узкимъ одѣяломъ—каждая тянетъ его на себя и раскрываетъ сосѣда“.

Но въ 1893 г. добыча вдругъ опять поднялась до 155 м.; въ

1894 г. до 179 м., а въ 1895 г. до 203 м., и въ настоящій моментъ уже не подлежитъ сомнѣнію, что цифра эта будетъ увеличиваться съ каждымъ годомъ не менѣе чѣмъ на 10—12% на цѣлыя десятки лѣтъ впередъ, и дойдетъ въ 1900 г. до 320 м.; что добыча золота за текущее десятилѣтіе превыситъ громадную сумму въ два билліона долларовъ, т.-е. дастъ міру больше золота, чѣмъ его было добыто за цѣлыхъ два, предшествовавшихъ его открытію въ Калифорніи, столѣтія, и что есть всякое основаніе опасаться — обычные пути потребленія золота окажутся въ самомъ ближайшемъ будущемъ неспособными справиться своевременно съ этимъ небывалымъ наплывомъ. Перепроизводство золота — на этотъ разъ дѣйствительное, а не воображаемое — явленіе совершенно новое, съ которымъ приходится считаться современному міру, и такъ уже обуреваемому со всѣхъ сторонъ всякими новыми вопросами и положеніями.

Недавнія сенсационныя тревоженія въ южной Африкѣ, конечно, прежде всего наведутъ читателя на мысль, что это перепроизводство является прямымъ результатомъ послѣднихъ, якобы, золотыхъ открытій въ Трансваалѣ. Англія, какъ извѣстно, издавна страдаетъ неодолимымъ стремленіемъ ко всему, что помягче и плохо лежитъ, и въ то же время не имѣетъ обыкновенія рисковать задаромъ. Тѣмъ не менѣе, въ данномъ случаѣ такое предположеніе было бы далеко отъ истины; во-первыхъ, Трансвааль далъ золота въ прошломъ году всего на 42 м., такъ что и безъ него добыча золота все-таки значительно превысила бы всѣ предшествовавшіе года, а во-вторыхъ, золото тамъ было открыто уже, сравнительно, давно, и еще въ 1884 г., т.-е. двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, была довольно вѣрно опредѣлена и его область, и составъ руды, и общее его, предполагаемое въ этой области, количество — на сумму, по всѣмъ вѣдомостямъ, около 3¹/₂ билліоновъ долларовъ. Въ то же время было начато тамъ и его добываніе, развивавшееся сначала весьма медленно: хотя въ настоящій моментъ Трансвааль и играетъ большую роль въ дѣлѣ безпримѣрнаго увеличенія добычи золота, являясь третьей въ мирѣ страной по добытому въ 1895 г. количеству (Соединенные-Штаты—48 м., Австралія—44 м., Трансвааль—42 м.), — тѣмъ не менѣе этотъ фактъ, какъ я постараюсь доказать ниже, является результатомъ не самаго открытія въ немъ золота, а общихъ причинъ, повліявшихъ на повсемѣстное увеличеніе добычи. Количество добычи въ Соединенныхъ-Штатахъ въ 1884 г. упало-было до 30 м., въ Австраліи, — гдѣ въ 1853 г. было добыто 62 м., — въ 1887 г. было добыто всего 25 м. Даже въ Россіи, утратившей свое первенство по добычѣ золота еще въ 1837 г., добыча эта въ 1895 г. достигла 34 м., количества, далеко превышающаго всѣ предшествовавшіе года.

Высчитываютъ, что въ теченіе двадцатипятилѣтія, послѣдовавшаго за открытіемъ въ 1849 г. золота въ Калифорніи, около девятидесятихъ всей добычи было добыто или изъ открытыхъ рѣчныхъ россыпей, или изъ поверхностныхъ аллювіальныхъ породъ; въ обоихъ случаяхъ для добыванія не требовалось ни особеннаго умѣнья, ни большихъ расходовъ. Человѣкъ добывалъ почти только то, что въ теченіе многихъ вѣковъ было доставлено дѣйствіемъ природныхъ силъ на поверхность земли и не требовало сложныхъ процессовъ для отдѣленія. Карлъ Снайдеръ очень остроумно назвалъ этотъ процессъ сниманіемъ сливокъ, уподобляя всю массу заключающагося въ нѣдрахъ земли золота обыкновенной кринкѣ съ молокомъ. Самыми грубыми, примитивными способами человѣкъ снималъ эти сливки и оставлялъ молоко, такъ какъ его добываніе стоило въ то время гораздо дороже, чѣмъ его можно бы было продать на рынкѣ. Съ теченіемъ времени этихъ сливокъ становилось все меньше и меньше, такъ что, несмотря на новыя открытія, добыча золота съ 155 милл. въ 1853 году упала до 90 милл.—въ 1874 г.; средняя добыча за двадцатилѣтіе 1870—1890 гг. была около 110 милл. въ годъ. Процессы какъ добыванія руды, такъ и отдѣленія золота въ тѣхъ случаяхъ, когда оно было химически соединено съ чѣмъ-нибудь другимъ, были и дороги, и несовершенны; кромѣ того, доставка матеріаловъ и припасовъ во вновь открываемыя золотоносныя мѣстности, обыкновенно отдаленныя и не имѣвшія усовершенствованныхъ путей сообщенія, обходилась крайне дорого, и потому только самые богатые рудники могли разрабатываться съ выгодой. Снявъ сливки, золотоскатель обыкновенно покидалъ россыпь или рудникъ и шелъ искать новыхъ мѣстъ, гдѣ опять продѣлывалъ то же самое. Калифорнія, давшая больше золота, чѣмъ какой-либо другой золотоносный районъ во всемъ мірѣ, была такимъ образомъ поверхностно изрыта на всемъ своемъ протяженіи, и въ концѣ концовъ добыча золота въ ней упала съ 51 милл. въ 1853 г. до 12 милл. въ 1884 г. Въ то же время, богатѣйшія новыя открытія серебра въ штатахъ Колорадо и Невадѣ, территоріяхъ Монтанѣ, Айдахо, Аризонѣ, поднявшія количество добычи этого металла въ Союзѣ съ 50 тысячъ долларовъ въ 1857 г. до 51 милл. въ 1885 г., и 115 милл. въ 1892 г., отвлекли собою массу опытныхъ золотоскателей. Казалось, что добываніе золота начинаетъ приходить въ упадокъ, и возникли тѣ опасенія восьмидесятихъ годовъ, о которыхъ я упоминалъ выше. Они-то, вѣроятно, и возродили импульсъ погони за золотомъ, опять привлекли къ нему вниманіе и специалистовъ-теоретиковъ, и практиковъ, направили въ его сторону неподражаемую американскую изобрѣтательность и техническую ловкость, и произвели ту общую перемѣну въ условіяхъ

добычи золота, результатомъ которой и является его настоящее производство. Восемидесятіе года принесли шпінімум добычи за текущее полустолѣтіе; девяностые увеличили его до небывалыхъ размѣровъ, и мало того, принесли съ собою безусловную увѣренность въ солидности этого увеличенія и въ будущемъ. Добываніе золота изъ рискованной, спекулятивной лотереи, которою оно въ сущности было въ пятидесятыхъ годахъ, когда все дѣло зависѣло отъ случайности открытія новыхъ богатыхъ залежей, въ девяностыхъ—обратилось, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, въ солидное, основанное на строгихъ научныхъ началахъ, мануфактурное дѣло. Въ то же время производство изъ поверхностнаго, такъ сказать, перешло въ подземное; тогда какъ (что я уже упоминалъ выше) за третье двадцатипятилѣтіе настоящаго столѣтія девять-десятихъ золота было добыто изъ поверхностныхъ источниковъ, въ 1895 г. цѣлыя двѣ трети было добыто изъ подземныхъ.

Тремя главными факторами въ этой существенной перемѣнѣ были: удешевленіе матеріаловъ, улучшенные способы производства и, въ особенности, открытіе метода отдѣленія золота посредствомъ сіанида или синерода кали (cyanide of potassium). Чтобы дать понятіе о значеніи перваго изъ этихъ факторовъ, я возьму для примѣра штатъ Колорадо, который, благодаря именно главнымъ образомъ ему, переигралъ Калифорнію и теперь стоитъ первымъ въ Союзѣ штатомъ по количеству добываемаго золота, давъ въ 1895 г. почти 17½ милліоновъ противъ 15 милл., добытыхъ Калифорніей. Издающійся въ городѣ Денверѣ журналъ „Mining Industry & Review“, вообще очень солидный и авторитетный въ рудокопныхъ сферахъ, говоритъ, что, въ сравненіи съ 1870 годомъ, стоимость матеріаловъ теперь, въ среднемъ, упала почти вчетверо, и что то же ихъ количество, необходимое для разработки рудника, стоившее въ 1870 г. сто долларовъ, теперь продается за 27. Рудоплавильные заводы (smelters), получавшіе тогда около 65 долл. за обработку тонны руды, теперь довольствуются десятью; дробильные — stampmills — вмѣсто 35—шестнадцатью. Цѣна на тесь упала съ 60 долл. на 18; на рудниковыя свѣчи съ 20 долл. за ящикъ до 5; разрывного пороха (giant powder) съ доллара за фунтъ до 14 центовъ, фитилей съ 30 долл., за тысячу футовъ, на 6. Кромѣ того, топлива требуется гораздо меньше, и, благодаря желѣзнымъ дорогамъ, дорогія дрова замѣнены дешевымъ каменнымъ углемъ. Рудники новаго рудокопнаго стана Криппль Крикъ (Cripple Creek), давно извѣстные и не разрабатывавшіеся прежде, въ 1895 году дали свыше 8 милл., именно благодаря этому удешевленію. Цѣлые районы съ десятками рудниковъ, заброшенные двадцать лѣтъ тому назадъ, опять открываются и начинаютъ разрабатываться;

тамъ, гдѣ тогда могъ получиться только убытокъ, за дороговизной необходимаго матеріала, теперь остается значительный чистый барышъ. Рискъ въ значительной степени уменьшился; тогда какъ прежде снабжавшій обыкновенно рудокопа матеріаломъ въ кредитъ торговецъ получалъ свои деньги только при благоприятныхъ обстоятельствахъ счастливыхъ находокъ, теперь онъ болѣе обезпеченъ и въ томъ случаѣ, когда руда оказывается и не особенно высокаго качества.

Переходя затѣмъ къ современному усовершенствованію способовъ производства, прежде всего слѣдуетъ указать на изобрѣтеніе динамита и дѣйствующей сжатымъ воздухомъ бурильной машины. Оба были неизвѣстны въ 1870 г.; шахты и штольни приходилось пробивать киркой и лопатой, съ огромнымъ расходомъ и большой потерей времени. Погонный футъ туннеля, стоившій тогда въ среднемъ 14 долларовъ, теперь стоитъ меньше 5; стоимость выламыванія руды опустилась съ 3 долл. до 65 центовъ за тонну. Получилась возможность ускорить и увеличить производство и обрабатывать въ день сотню тоннъ руды тамъ, гдѣ прежде должны были довольствоваться десятками. Съ увеличеніемъ производства съ одной стороны уменьшились общія издержки, съ другой—выигрывалось время.

Но какъ ни существенно было, въ общемъ, вліяніе этихъ двухъ факторовъ на усиленіе добычи золота, особенно въ нѣкоторыхъ отдѣльных мѣстностяхъ, какъ, напр., на дальнемъ западѣ Америки, изобрѣтеніе сіаниднаго способа несомнѣнно имѣло гораздо большее значеніе. Употреблявшіеся доселѣ способы были и дороги, и несовершенны, и невѣрны. Нерѣдко золото совсѣмъ отказывалось отдѣляться, или отдѣлялось только отчасти: переработанная уже съ большими расходами руда иногда содержала въ себѣ 50% металла, и не было возможности добыть его оттуда. Процентъ золотоносныхъ рудъ, требующихъ только механической обработки, сравнительно очень незначителенъ, да и попадаются онѣ только въ ограниченныхъ массахъ, обыкновенно скоро истощающихся. Золотоносный кварцъ, въ которомъ свободное золото открыто невооруженному глазу, съ каждымъ годомъ встрѣчается все рѣже и рѣже и быстро дѣлается преданіемъ давно минувшихъ дней. Депозиты же химически соединеннаго съ рудой золота, въ сущности, неистощимы, и нѣдра земли почти повсюду полны ими, но, въ то же время, тогда какъ одни обыкновенно обильны содержаніемъ золота, другія бѣдны и требовали до сихъ поръ болѣе дорогихъ, болѣе совершенныхъ способовъ обработки. Руду, которая содержала въ себѣ 20, 30, 50, иногда даже 100 долларовъ золота на тонну, нерѣдко не стоило обрабатывать или потому, что это обходилось слишкомъ дорого, или потому, что золото отказывалось отдѣляться въ достаточномъ количествѣ. Хотя чрезвычайно обширны залежи,

въ томъ числѣ—такъ много нынче производящія, какъ трансваальскія, были извѣстны долгое время,—ихъ не стоило разрабатывать. Руда была и бѣдна сама по себѣ, и, при тогдашнихъ процессахъ, отказывалась отдѣлять больше половины содержащагося въ ней золота. Унцъ способнаго на отдѣленіе золота на тонну считался долгое время тѣмъ предѣломъ, при которомъ добыча покрывала расходы; а громадная масса трансваальской руды содержала и содержитъ въ себѣ меньше этого предѣла, и способнаго, и неспособнаго на отдѣленіе при старыхъ методахъ, и потому всѣ попытки восьмидесятихъ годовъ разрабатывать ее оказывались самыми плачевными неудачами. Изобрѣтеніе сіаниднаго процесса радикально измѣнило всѣ эти довольно прочно установившіяся—было основанія относительно выгоды добычи золота.

Этотъ новый методъ чрезвычайно простъ и въ то же время чрезвычайно цѣлесообразенъ и дѣйствителенъ. Онъ заключается въ томъ, что размельченную дробильной мельницей руду сваливаютъ въ огромные чаны, наполненные слабымъ растворомъ cyanide of potassium, который и вбираетъ въ себя все заключающееся въ рудѣ золото; затѣмъ этотъ насыщенный металломъ растворъ пропускаютъ сквозь фильтръ съ мелкими цинковыми стружками, въ свою очередь извлекающими все золото изъ раствора; покрытыя металломъ стружки потомъ опускаются въ чистую воду, и въ ней золото отъ сотрясенія отстаетъ отъ нихъ и опускается на дно. Растворъ отдѣляетъ изъ руды все заключающееся въ ней золото, а цинкъ—все изъ раствора, такъ что ни въ обработанной рудѣ, ни въ обработанномъ растворѣ не остается даже слѣдовъ его. На заводахъ большихъ размѣровъ и со всѣми послѣдними усовершенствованіями обработка готовой руды сіаниднымъ процессомъ обходится меньше доллара на тонну, такъ что, при употребленіи усовершенствованныхъ способовъ добыванія и размельченія руды и удобствахъ доставки ея къ заводу, даже содержащая всего 7 и 8 долларовъ на тонну даетъ огромные барыши. Въ штатѣ южной Давотѣ, обработка руды рудника Deadwood Terra Mine обходится всего въ $1\frac{1}{4}$ доллара на тонну; въ территоріи Аляскѣ, руда рудника Treadwelle Mine въ $1\frac{1}{2}$ доллара; въ Трансваальѣ—около трехъ долларовъ на тонну. Мало того. Огромныя массы добытой въ прежнія времена изъ рудниковъ руды, которую, за малымъ содержаніемъ въ ней золота, тогда не стоило обрабатывать, или же которая была несовершенно обработана прежними способами, теперь перерабатываютъ сіаниднымъ процессомъ и добываютъ огромныя, сравнительно, количества золота. Я лично знаю случай, когда у насъ въ Калифорніи было заплачено полмилліона долларовъ за право переработать массу старой руды изъ давно оставленнаго рудника, и ку-

пившей за эту сумму когда-то негодный отбросъ синдикатъ въ три мѣсяца заработалъ нѣсколько сотъ тысячъ долларовъ чистаго барыша. Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что далеко не всѣ руды поддаются цианидному процессу. Тогда какъ всѣ руды Трансваала, Новой Зеландіи (гдѣ въ настоящій моментъ почти совсѣмъ оставлены всѣ прежніе способы и до 90% всего добываемаго золота получается посредствомъ этого процесса), многія въ Австраліи, въ Колорадо, Дакотѣ, Монтанѣ, вполне ему поддаются,—въ Калифорніи, Айдахо, Аляскѣ, Южной Америкѣ были и положительныя неудачи. Цианидный процессъ не есть общая панацея, и имѣются руды, которыя требуютъ для успѣшной обработки и другихъ процессовъ. Тѣмъ не менѣе, въ большинствѣ случаевъ, процессъ этотъ успѣшенъ, и, главное,—количество руды, уже открытой и находящейся, такъ сказать, на виду и вполне ему поддающейся, въ сущности, неистощимо; при настоящихъ размѣрахъ производства потребуются цѣлыя столѣтія, чтобы съ нею справиться.

Такимъ образомъ очевидно, что, во-первыхъ, недавній предѣлъ возможности обработки руды съ содержаніемъ не менѣе унца золота на тонну упалъ, благодаря всѣмъ этимъ усовершенствованіямъ, до крайне незначительнаго minimum'a; во-вторыхъ, могущіе оплачивать производство золотоносные районы расширились, въ сущности, до безконечности; въ-третьихъ, количество добываемаго золота перестало зависѣть отъ случайныхъ новыхъ богатыхъ находокъ, и, въ-четвертыхъ, количество это въ будущемъ будетъ зависѣть только отъ размѣровъ производства, и можетъ быть—что вѣроятно—будетъ, въ самомъ близкомъ времени, усилено до такихъ предѣловъ, что естественныя потребности всемірнаго рынка на золото не будутъ въ состояніи поглотить его.

П. А. Тверской.

Isamosa, San-Bernardino County,
California.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 мая 1896.

— Обычное Право. Выпускъ второй. Матеріалы для библиографіи общаго права.
(Е. И. Якушкина). Ярославль, 1896.

Первый выпускъ замѣчательнаго труда г. Якушкина вышелъ болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ (въ 1875 г.). Настоящая книга гораздо обширнѣе и представляетъ томъ до 600 страницъ (XXXVII и 544) большаго формата; число указанныхъ сочиненій, книгъ и статей, въ первомъ выпускѣ 1542, во второмъ—2389. Уже въ предисловіи къ этому первому выпуску авторъ указывалъ тѣ неблагопріятныя условія, въ какія поставлена библиографическая работа въ провинціи. Теперь ея трудность еще увеличилась. „Усилившаяся въ обществѣ потребность болѣе близкаго знакомства съ народнымъ бытомъ вызвала обширную этнографическую литературу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и много новыхъ трудовъ и замѣтокъ по общему праву. Быстрый ростъ литературы, касающейся юридическаго народнаго быта, и увеличившаяся вмѣстѣ съ тѣмъ трудность доставать въ провинціи необходимыя книги, особенно провинціальныя изданія, ставятъ библиографическую работу въ губернскомъ городѣ, относительно полноты ея, въ худшія условія, чѣмъ прежде. Изданіе такого неполнаго библиографическаго матеріала оправдывается только тѣмъ, что оно, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, можетъ быть до нѣкоторой степени полезно лицамъ, изучающимъ обычное право“. Мы увидимъ дальше, почему настоящій трудъ, даже при его возможной неполнотѣ, имѣетъ великую цѣну для изученія народнаго быта.

Въ обширномъ предисловіи авторъ, какъ и въ первомъ выпускѣ своего труда, касается самой сущности вопросовъ, излагаемыхъ въ литературѣ нашего общаго права: онъ указываетъ стороны вопроса, ускользавшія по тѣмъ или другимъ причинамъ отъ наблюденія, дѣлаетъ пересмотръ мнѣній изслѣдователей по различнымъ предметамъ народнаго юридическаго быта, высказываетъ свои собственныя на-

блюденія... Въ объясненіе того, какъ трудно давались подобныя изслѣдованія въ прежнее время, авторъ сообщаетъ слѣдующее:

„Въ 1859 (т.-е. при первыхъ приступахъ правительства къ крестьянскому вопросу) И. С. Аксаковъ писалъ къ одному изъ своихъ ярославскихъ знакомыхъ: „А. И. Кошелевъ и я, вашъ старый пріятель, отправляемъ г. Якушкина ¹⁾ въ Ярославскую, Владимирскую и Вологодскую губерніи съ порученіемъ собрать нѣкоторыя данныя о крестьянскомъ самоуправленіи и хозяйствѣ въ оброчныхъ имѣніяхъ, гдѣ быть крестьянъ развился свободно, внѣ чиновничьей и помѣщичьей опеки. Напротивъ, помѣщичья власть въ этихъ имѣніяхъ ограничивалась только полученіемъ дани, служила большею частью стеклянныи колпакомъ, охранявшимъ крестьянство отъ станowychъ, чиновниковъ и всякой казенщины. Такъ какъ въ скоромъ времени всѣ своеобразныя формы народнаго быта имѣютъ быть острижены подъ одну гребенку ножицами, хотя и либеральными, но тѣмъ не менѣе казенными, редакціонной комиссіи, — то надо спѣшить запастись этими драгоцѣнными данными, прежде чѣмъ онѣ исчезнутъ и сгладятся“. П. И. Якушкинъ не былъ допущенъ до собиранія свѣдѣній въ ярославской губерніи. О пріѣздѣ его въ Ярославль губернаторъ донесъ министру внутреннихъ дѣлъ; донесеніе это послужило поводомъ въ испрошенію Высочайшаго соизволенія на воспрещеніе издателямъ журналовъ и газетъ отправлять кого бы то ни было для собиранія свѣдѣній о бытѣ крестьянъ. Воспрещеніе это сохраняло свою силу и послѣ 1861 г. Воспоминанія о бывшихъ порядкахъ управленія мало-по-малу изглаживались у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, и въ настоящее время представляется совершенно невозможнымъ собрать точныя объ нихъ свѣдѣнія. Только нѣкоторые изъ обычаевъ, опредѣлявшихъ порядокъ управленія въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, были положены редакціонными комиссіями въ основаніе проекта о сельскомъ управленіи, нѣкоторые другіе сохранились до настоящаго времени, помимо закона и несмотря даже на явное ему противорѣчіе“. Современное крестьянское самоуправленіе, несмотря на большое количество посвященныхъ ему замѣтокъ, по словамъ автора, еще не вполне изслѣдовано, и лучшимъ сочиненіемъ, по подробности свѣдѣній и трезвости взгляда, онъ называетъ трудъ покойнаго Астырева: „Въ волостныхъ писаряхъ“, явившійся первоначально въ „Вѣстникѣ Европы“.

Но если авторъ въ предисловіи вводитъ читателя въ составъ вопросовъ, затронутыхъ въ литературѣ обычнаго права, этимъ не ограничивается его работа надъ собраннымъ библиографическимъ мате-

¹⁾ П. И., извѣстнаго тогда этнографа-собираателя.

риаломъ. Въ настоящемъ выпускѣ указаны сочиненія по обычному праву, появившіяся съ 1876 по 1889 годъ, а также тѣ, которыя пропущены были въ первомъ выпускѣ этого труда. Приемы библиографическаго обзорѣнія, конечно, сохранены тѣ же. Великая заслуга г. Якушкина состоитъ въ томъ, что его книга не есть простой библиографическій сборникъ, которые обыкновенно оставляютъ читателя безпомощнымъ среди массы заглавій книгъ и статей, гдѣ ему самому приходится разбираться въ ихъ содержаніи, важномъ и неважномъ, нужномъ и ненужномъ: г. Якушкинъ даетъ матеріалъ, первоначально уже *обработанный*. А именно: онъ перечиталъ самъ приводимую имъ литературу, указываетъ вкратцѣ содержаніе мелкихъ статей и замѣтокъ и подробно отмѣчаетъ содержаніе болѣе обширныхъ сочиненій, а затѣмъ въ концѣ книги резюмируетъ всѣ эти данныя въ цѣломъ рядѣ указателей.

Во-первыхъ, это — систематическій указатель по всѣмъ отдѣламъ обычнаго права: общія положенія; управленіе, судъ; гражданское право (семейное право, право наследственное, права вещныя, сдѣлки и обязательства); торговое право; уголовное право; обычное право инородцевъ. Въ примѣръ того, какъ обстоятельно разработано авторомъ содержаніе его библиографическаго обзора, приводимъ рубрики общихъ положеній (по этимъ рубрикамъ проставляются цифры относящихся къ нимъ книгъ и статей): обычай, какъ источникъ права; происхожденіе обычнаго права, его выраженіе, свойства и дѣйствія; значеніе обычнаго права; методъ и средства сравнительнаго изученія древняго русскаго обычнаго права; обычное право какъ историческій матеріалъ; собраніе юридическихъ обычаевъ; программы; обсужденіе программъ; изученіе и обработка русскаго обычнаго права; библиографія; терминологія; символика; характеристическія черты русскаго обычнаго права; отношеніе обычнаго права къ законодательству; отношеніе къ юридическимъ обычаямъ административныхъ и судебныхъ учреждений; пословицы... Подобнымъ образомъ всѣ отдѣлы обработаны до самыхъ мелкихъ частныхъ.

Затѣмъ слѣдуетъ указатель этнографическій, по племенамъ; указатель географическій, по мѣстностямъ; наконецъ, указатель именъ.

Книга г. Якушкина по богатству обстоятельныхъ указаній будетъ безъ сомнѣнія необходимымъ пособіемъ для всѣхъ тѣхъ, кто изучаетъ обычное право и вообще народный бытъ.

— Русскіе Врачебники. Исслѣдованіе въ области нашей древней врачебной письменности. А. Ѳ. Змѣева, бывшаго преподавателя исторіи врачебныхъ наукъ въ Импер. Военно-медицинской академіи. Спб. 1896.

Въ старой нашей письменности обращалось весьма значительное число рукописей врачебнаго содержанія, такъ называемыхъ лечебниковъ, подъ разными наименованіями, зелейниковъ, травниковъ и т. п. Въ каждомъ значительномъ собраніи бывають непремѣнно и рукописи этого рода, большею частію сравнительно позднія, XVII и XVIII вѣка; нѣкоторыя очевидно переводныя, другія — какъ будто русскаго происхожденія, сколько можно было судить по оригинальному образному языку ихъ изложенія. Эта литература была до сихъ поръ изучаема очень мало. Кромѣ нѣсколькихъ памятниковъ этого рода, изданныхъ въ книгѣ г. Флоринскаго („Русскіе престопадные травники и лечебники. Собраніе медицинскихъ рукописей XVI и XVII столѣтія“. Казань, 1880), напечатано было нѣсколько краткихъ травниковъ и лечебниковъ, но цѣлый составъ этой литературы не былъ выясненъ, какъ не были опредѣлены и ея источники. Между тѣмъ она заслуживала вниманія въ разныхъ отношеніяхъ: во-первыхъ, какъ фактъ древняго быта, затѣмъ, какъ фактъ языка (сюда безъ сомнѣнія восходятъ многія названія болѣзней и лекарствъ, передѣланныя съ латинскаго, извѣстныя и народному языку) и наконецъ, по ея вѣроятному отношенію къ современной народной медицинѣ, которая должна была нѣчто изъ нея почерпнуть.

Первымъ источникомъ книжныхъ врачебныхъ свѣденій были, безъ сомнѣнія, переводы изъ греческаго: одна статья подобнаго рода находится въ Святославовомъ Сборникѣ XI вѣка; затѣмъ въ статьѣ о книгахъ истинныхъ и ложныхъ, къ числу ложныхъ, т.-е. вмѣстѣ и запрещенныхъ, книгъ отнесенъ „Зелейникъ“—вѣроятно потому, что въ книгахъ подобнаго рода бывали между прочимъ излагаемы суевѣрные способы леченія; нѣсколько статей по естествознанію, а также и медицинѣ появляется въ рукописяхъ XV вѣка; наконецъ, болѣе позднему времени принадлежатъ лечебники, съ наименованіемъ „Прохладнаго Вертограда“ и т. п., которые встрѣчаются въ рукописяхъ въ большомъ количествѣ. Самое старое опредѣленное извѣстіе говорить, что лечебная книга: „Благопрохладный Вертоградъ здравія“ была переведена съ нѣмецкаго языка въ 1534 году, и переводчикомъ былъ „поломяникъ литовскій, родомъ нѣмчинецъ, любчанинъ“; но потомъ, въ польское разореніе 1612 года, эта книга подверглась какой-то опасности („сію книгу до конца изъ корене исторгоша“—т.-е., кажется, вырвали изъ переплета,—„и возмѣша яковы законати и въ забвеніе положить“), но москвитянинъ Флоръ, божіею

помощію, собралъ ее отъ расточенія и далъ переписать,—что и было сдѣлано въ 1616 году.

Составитель настоящей книги, извѣстный ранѣе трудами по исторіи новѣйшей медицинской литературы, предпринялъ обзоръ этихъ старыхъ памятниковъ врачебной письменности, разсѣянныхъ въ собраніяхъ рукописей. Работа предстояла не малая и г. Змѣевъ произвелъ ее съ большимъ трудолюбіемъ. Рукописи, описанныя имъ въ своемъ трудѣ, онъ исчисляетъ слѣдующимъ образомъ. „Исслѣдованы мною въ Императорской Публичной библиотекѣ 58 рукописей, Погодинскаго собранія — 13. Петербургской Духовной Академіи — 10, Общества Любителей древней письменности — 3, собранія кн. П. П. Вяземскаго при немъ—11, въ библиотекѣ Археологическаго Общества—1. В. М. Флоринскій напечаталъ 4, Н. В. Губерти—1. Въ петербургскомъ университетѣ и въ Военно-Медицинской Академіи совсѣмъ нѣтъ врачебныхъ рукописей, какъ равно въ московскомъ, кievскомъ и харьковскомъ университетахъ; въ казанскомъ—1. Рукописями Святѣйшаго Синода и Академіи Наукъ, по нѣкоторымъ неудобствамъ, я не пользовался. Въ московскихъ библиотекахъ: въ Патріаршей (кромя греческихъ подлинниковъ, о коихъ послѣ)—4, въ Румянцовскомъ музеѣ—3, изъ собраній Ундольскаго при немъ—11, Архива Министерства иностранныхъ дѣлъ—6, Общества исторіи и древностей російскихъ—3, кн. Барятинскаго (въ Историческомъ Музеѣ)—1, Общества русскихъ врачей—1, Хлудовскаго собранія—3. Н. С. Тихонравовымъ напечатаны—3. Въ Московской Духовной Академіи и въ библиотекѣ Троице-Сергіевой лавры нѣтъ чисто-врачебныхъ рукописей. Въ женскомъ монастырѣ города Александра владимірской губерніи 1, но рѣдкая, едва ли не единственная. Въ Казанской Духовной Академіи 10 (Соловецкихъ), да въ Кіевской 3 (по каталогу). Въ Порѣченской библиотекѣ графа Уварова 26 лечебниковъ“.

Авторъ даетъ о каждой рукописи болѣе или менѣе обстоятельныя указанія, нерѣдко приводитъ подробныя оглавленія, которыя дѣлаютъ возможными сличенія. Всю массу рукописей онъ распредѣлилъ на разряды, которые называетъ такъ: Вертограды; передѣлки; сокращенія; Прохладные Вертограды XVII и XVIII вѣка; аптечное приготовленіе; лечебники; простые травники; смѣсь и т. д. Къ сожалѣнію, въ обработкѣ этого матеріала есть не малые недостатки. Подобныя описанія имѣютъ свою технику и для нихъ обязательна точность; обращаясь къ древней письменности, надо имѣть нѣкоторое знакомство съ языкомъ и историческими условіями этой письменности. Въ этихъ отношеніяхъ настоящая книга вызываетъ не мало недоумѣній. Въ началѣ описанія, авторъ говоритъ въ предис-

словіи о двухъ „рукописяхъ“: первая есть упомянутая статья Святославова Сборника; вторая „рукопись“ есть „лечебникъ Строгоновскихъ лекарствъ“, котораго однако автору „не удалось найти“, но „есть вѣскія доказательства существованія его“: такимъ образомъ „рукописи“ никакой нѣтъ, а есть только предположеніе о существованіи памятника подобнаго рода, и вслѣдствіе того въ общемъ итогѣ должно быть не 186 просмотрѣнныхъ авторомъ рукописей, а 185. Далѣе, послѣ предисловія самый каталогъ начинается прямо съ рукописи 3-й. Описывая эту третью рукопись, авторъ замѣчаетъ, что переводчикъ „не былъ чисто русскій; виденъ въ немъ знатокъ латинскаго, греческаго и славянскаго языковъ, особенно чешскаго, тогда очень близкаго къ русскому“ (стр. 16): для филологовъ это будетъ совсѣмъ невразумительно. Цитаты не отличаются точностью; напримѣръ, выписка изъ рукописи („глава I“ и пр., стр. 16) не отдѣлена вносными знаками отъ слѣдующаго затѣмъ изложенія самого автора; не точны и библиографическія заключенія, когда, напримѣръ, авторъ (стр. 20) замѣчаетъ, что Рихтеръ, составитель извѣстной „Исторіи медицины въ Россіи“, не зналъ даннаго лечебника, между тѣмъ какъ уже вскорѣ оказывается (стр. 22), что онъ о существованіи этого лечебника зналъ, но только свѣденіе его было неточно; ссылка на краковскаго профессора Ростовскаго оставлена безъ указанія сочиненія (стр. 38); на стр. 96 изложеніе автора опять не отдѣлено отъ выписокъ и неизвѣстно, откуда взяты извлеченія изъ дѣлъ аптекарскаго приказа; такъ называемыя авторомъ „сноски“ (напр. стр. 114), иногда совсѣмъ невразумительны, напр. о 22 рукописи или о 123,—до послѣдней не дошла еще очередь и въ самомъ каталогѣ; на стр. 234 непонятны соображенія объ имени Тупицына; на стр. 245, то Словенецкій, то Словеницкій и т. д. Относительно употребленія лечебниковъ, авторъ отвергаетъ мнѣніе стараго историка Рихтера, что они назначались для самолеченія, и полагаетъ, повидимому, что они служили для учениковъ врачебной науки, какіе появились у насъ со временъ Алексѣя Михайловича; но, во-первыхъ, переводные лечебники явились раньше, чѣмъ началась у насъ эта врачебная наука, а затѣмъ самъ авторъ отмѣчаетъ, что лечебники часто были въ рукахъ духовныхъ лицъ и другихъ простыхъ людей, и что послѣ основанія болѣе или менѣе правильнаго врачебнаго ученія со временъ Петра эти книги пошли „въ народъ“. Напротивъ, самое обиліе рукописей подобнаго рода, находившихся въ рукахъ людей всякихъ состояній, указываетъ, что онѣ именно употреблялись для самолеченія: въ старое время ученыхъ врачей совсѣмъ не было и немногіе, извѣстные по именамъ, были обыкновенно иновѣдцы при царскомъ дворѣ; позднѣе, когда по-

явились упомянутые ученики лекарскаго дѣла, ихъ опять было лишь нѣсколько десятковъ и для громаднаго большинства оставалось только традиціонное самолеченіе, въ дополненіе къ которому съ жадностью читались именно эти рукописные лечебники. Авторъ говоритъ, что латынь была непонятна массѣ и что простому читателю были ненужны ссылки на древніе авторитеты,—но латынь была переведена, а ненужное просто пропускалось. Далѣе, авторъ весьма рѣшительно отвергаетъ довольно распространенное мнѣніе о русскомъ составѣ нѣкоторыхъ старинныхъ лечебниковъ и травниковъ (стр. 204), считая ихъ содержаніе сполна заимствованнымъ: думаемъ однако, что это имъ не доказано. Прежде всего мы не имѣемъ пока сколько-нибудь полнаго изданія тѣхъ „простыхъ“ лечебниковъ и травниковъ, для которыхъ можно предполагать это русское происхожденіе; затѣмъ еще не сдѣлано обстоятельнаго сличенія этихъ памятниковъ съ западными, чтобы можно было опредѣлить, чтó было въ нихъ несомнѣнно заимствованнаго. Такимъ образомъ вопросъ не можетъ быть пока рѣшенъ окончательно ни въ ту, ни въ другую сторону,—но замѣчательно живой и образный языкъ въ нѣкоторыхъ „простыхъ“ травникахъ, мало похожій на обыкновенную тяжелую рѣчь сочиненій переводныхъ, заставляетъ предполагать возможность, въ той или другой степени, ихъ народнаго происхожденія.

Въ концѣ книги авторъ дѣлаетъ общія соображенія, въ которыя входитъ было бы излишне: онѣ слишкомъ произвольны—начиная съ того, что авторъ хочетъ даже поправлять старый русскій языкъ. „Древнѣйшимъ названіемъ нашихъ врачевниковъ нужно считать „Зельникъ“ (никоимъ образомъ не зелейникъ, такъ какъ зелейная, напр., казна означала порохохранилище). Слово „зелье“ встарь совмѣщало въ себѣ понятіе не однихъ растений; напр., сѣра, камфора, ртуть звались также зельями. Позднѣе, когда вошло въ употребленіе слово травникъ, какъ болѣе новое и обособленное понятіе лишь растенія, зельемъ стали, въ срединѣ XVII в., звать составное средство, напр. составъ зелья отъ лихого, куда входили и ртуть, и воскъ, и даже ничего растительнаго не имѣющая смѣсь. Когда въ травники стали попадать составы изъ животнаго и другихъ царствъ, то наиболѣе чистые изъ нихъ, т.-е. состоящіе изъ однихъ растеній, старались обозначить словомъ цвѣтникъ. Оттуда вертоградъ, какъ (реторическое) украшеніе, такъ какъ къ тому времени начиналось уже искусственное разведеніе цвѣбныхъ травъ въ садахъ“ и т. д. (стр. 258). Одна бѣда, что слово „зельникъ“ совсѣмъ не существовало въ древне-русскомъ языкѣ, слово „цвѣтникъ“ было весьма обычнымъ названіемъ сборника, а слово „вертоградъ“ было просто

переводомъ латинскаго hortus (sanitatis) или соотвѣтственнаго нѣмецкаго.

— Отношеніе русской церковной власти къ расколу старообрядства въ первые годы синодальнаго управленія при Петрѣ Великомъ (1721—1725 г.). Исслѣдованіе священника А. Синайскаго. Спб. 1895.

Съ тѣхъ поръ какъ въ концѣ пятидесятихъ годовъ стало доступно для литературы изученіе современнаго состоянія раскола и его прошлаго, это изученіе приняло къ нашему времени весьма обширные размѣры. Это было, безъ сомнѣнія, весьма важнымъ нравственнымъ приобрѣтеніемъ для самаго общества; съ одной стороны прекращалось, если не вполнѣ, то въ значительной степени, то неестественное положеніе, при которомъ закрывалось для науки цѣлое монозначительное явленіе нашей исторіи и современнаго народнаго быта и этимъ искажалось историческое сознаніе; съ другой представлялась первая возможность, что со временемъ разовьется болѣе справедливое отношеніе къ милліонамъ народа, которые до сихъ поръ жили въ отчужденіи, отъ успѣховъ образованія и общественной жизни и въ значительной степени лишены были гражданскихъ правъ вслѣдствіе того, что оставались вѣрны своему религіозному преданію. Въ настоящее время о расколѣ существуетъ уже обширная литература; въ ней сказались весьма различные оттѣнки мнѣній, и суровое обличеніе и попытки болѣе примирительнаго отношенія, — но вообще расширеніе историческихъ изслѣдованій и внимательное наблюденіе бытовыхъ явленій раскола чрезвычайно измѣнили прежнее почти исключительно-обличительное отношеніе къ расколу и все болѣе внушаютъ потребность безпристрастно опредѣлить его историческое возникновеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ внушаютъ мысль о вѣротерпимости. Исторія объясняетъ, что въ условіяхъ того времени, когда возникалъ расколъ, онъ могъ естественно придти къ тѣмъ протестамъ, которые въ концѣ концовъ отдѣлили его отъ официальной церкви; если въ первое время его руководители пользовались даже расположеніемъ и сочувствіемъ самого царскаго двора, это показываетъ, до какой степени тотъ складъ понятій, которымъ отличались защитники „старой вѣры“, былъ общераспространеннымъ; борьба повела къ крайностямъ, но крайности были совершены съ обѣихъ сторонъ. Въ новѣйшее время въ средѣ писателей, близко принимавшихъ къ сердцу интересы церковной жизни и интересы народа, являлась уже мысль о справедливости снятія проклятій, положенныхъ противъ раскола въ XVII столѣтіи. Косвенное признаніе такой справедливости выразилось уже то лѣтъ тому назадъ въ разрѣшеніи и основаніи единовѣрія.

Къ числу трудовъ по исторіи раскола, исполненныхъ въ этомъ

духъ исторической критики, которая одна можетъ быть ручательствомъ справедливости, должна быть причислена и замѣчательная книга о. Синайскаго. Въ своемъ взглядѣ на расколъ, авторъ уже не руководится однимъ церковно-полюемическимъ отношеніемъ къ его явленіямъ: вліяніе новѣйшихъ изысканій оказалось въ сознаниі, что въ расколѣ мы имѣемъ передъ собою фактъ не только церковнаго, но весьма широкаго, бытового и историческаго значенія. „Вопросу о русскомъ расколѣ,—говоритъ авторъ въ предисловіи,—въ смыслѣ изученія и обличенія его, оказано было и оказывается очень много вниманія со стороны высшей церковной власти, ученыхъ духовнаго и свѣтскаго чина, противораскольническихъ миссіонеровъ, издателей памятниковъ по части раскола, — вниманія, впрочемъ, не большаго, чѣмъ какъ заслуживаетъ самый вопросъ, весьма важный и сложный, имѣвшій и имѣющій не историческое только, но и церковно-общественное, жизненное значеніе“... „По своему образу мыслей, стремленіямъ и идеаламъ послѣдователи раскола принадлежатъ къ древней Руси, ко временамъ патріархальнымъ, до-Никоновскимъ, до-Петровскимъ. Явленіе это—въ высшей степени замѣчательное во многихъ отношеніяхъ: въ историческомъ, бытовомъ, психологическомъ, но особенно въ религіозно-церковномъ; религіозно-церковная точка зрѣнія на предметы природы и запросы жизни составляетъ преимущественно особенность раскольниковъ, уживающихся со всевозможными заблужденіями и противорѣчіями. И такихъ странныхъ своеобразныхъ людей оказывается въ наличности не десятки и сотни тысячъ, а цѣлыя милліоны, разсѣянныхъ по всему обширному пространству русскаго царства и живущихъ своею оригинальною жизнью съ присущимъ стремленіемъ не только не поддаваться противоположнымъ и могущественнымъ теченіямъ въ области мысли и жизни, но и вліять на нихъ, въ духѣ прежнихъ расколоучителей, ревностныхъ борцовъ и защитниковъ раскола, въ духѣ древняго благочестія“. Расколъ не можетъ по существу бороться съ православіемъ, какъ заблужденіе съ истиною, но—„какимъ образомъ заблужденіе, основанное на виѣшней, повидимому, несущественной обрядовой сторонѣ, такъ долго и упорно держится, не поддаваясь ни врачеванію, ни сильнымъ ударамъ со стороны православной церкви и просвѣщенія?“... „На этотъ важный вопросъ,—говоритъ авторъ,—дать удовлетворительный отвѣтъ можетъ безпристрастная исторія,—исторія взаимныхъ отношеній между церковною властью и послѣдователями старообрядческаго раскола. Частныя попытки для выясненія существовавшихъ отношеній между церковною властью и расколомъ съ обычными увлеченіями и уклоненіями (преувеличенными обвиненіями, или

оправданіями то одной, то другой стороны) были; но полного обследованія вопроса не только нѣтъ, но не скоро оно можетъ явиться“.

Изъ этихъ словъ можно видѣть, что авторъ ясно видитъ не только важность вопроса, но и самую трудность его рѣшенія въ настоящее время. Это безпристрастіе здѣсь особенно важно, и въ теченіи своего сочиненія авторъ дѣйствительно старается раскрывать истинное положеніе вещей, не скрывая отъ себя ошибокъ обѣихъ сторонъ. Для своего изложенія онъ воспользовался всѣмъ существующимъ доннынъ матеріаломъ, начиная отъ официальныхъ документовъ и современныхъ обличеній раскола и сочиненій раскольническихъ и до новѣйшихъ историческихъ изслѣдованій, касающихся той эпохи. Свое изложеніе онъ расположилъ весьма послѣдовательно, такъ что всѣ стороны событій получили свою обстоятельную оцѣнку. Указавъ во введеніи состояніе раскола до Петра Великаго, онъ дѣлитъ книгу на двѣ части. Въ первой онъ излагаетъ миссіонерскую и полемическую дѣятельность церковной власти противъ раскола, при чемъ даетъ между прочимъ характеристику извѣстнаго нижегородскаго архіепископа Птирима и разборъ „Поморскихъ Отвѣтовъ“. Во второй части онъ излагаетъ церковно-гражданскія мѣры высшей духовной власти противъ раскола; говоритъ о дѣйствіяхъ учреждений, исполнявшихъ эти мѣры (тиунское управленіе, приказъ церковныхъ дѣлъ, розыскная раскольническая канцеларія) и о дѣйствіяхъ отдѣльныхъ сыщиковъ того времени; подробно перечисляетъ эти церковно-гражданскія мѣры противъ раскола, и наконецъ въ послѣдней главѣ второй части опредѣляетъ тѣ условія, какія сопровождали эту синодальную дѣятельность противъ раскола. Эти мѣры были вообще мало успѣшны, что авторъ объясняетъ и испорченностью служилаго сословія, и низкимъ уровнемъ духовенства, раздорами сената и синода, наконецъ фанатизмомъ самого раскола, который въ нововведеніяхъ Петра Великаго находилъ лишнее побужденіе къ защитѣ старой вѣры. Въ царствованіе Петра, несмотря на суровое преслѣдованіе, расколъ не только не упалъ, но еще расширился. Самъ Петръ иногда относился къ расколу съ большою терпимостью; онъ говорилъ такъ: „Господь далъ царямъ власть надъ народами, но надъ совѣстію людей властенъ одинъ Христосъ“; въ 1706 году онъ рекомендовалъ обращать раскольниковъ „увѣщательными средствами“; въ 1715 г. онъ внушалъ „съ противниками церкви поступать съ кротостію и разумно“, но подъ конецъ эти взгляды Петра совершенно измѣнились и Петръ собственнымъ вмѣшательствомъ усиливалъ мѣры, принимаемыя противъ раскола. Авторъ ставитъ вопросъ: „кому принадлежала главнымъ образомъ инициатива въ противораскольнической дѣятельности, т.-е. возникновеніе ея, поддержка и направленіе ея до конца, для достиже-

нія опредѣленной намѣченной цѣли: церковной власти, гражданской, или одному какому-либо лицу?" Этотъ вопросъ авторъ считаетъ очень труднымъ, такъ какъ онъ можетъ быть рѣшенъ не на основаніи какихъ-нибудь прямыхъ документальныхъ указаній, которыхъ нѣтъ, а только сблизеніемъ разновременныхъ фактовъ и косвенныхъ данныхъ. Во всякомъ случаѣ, авторъ приписываетъ значительное, если не исключительное вліяніе на противораскольничьи мѣры личному вмѣшательству Петра. Синодальная дѣятельность въ этомъ отношеніи направляема была Петромъ тремя способами: „черезъ „Духовный Регламентъ“; черезъ непосредственное личное участіе въ мѣропріятіяхъ противъ раскола и черезъ главнаго своего любимца и помощника въ административно-духовныхъ дѣлахъ, епископа Теофана Прокоповича“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ признаетъ, что самъ Петръ подчинялся вліянію Пятирима и Ржевскаго... Вопросъ о степени этого личнаго участія Петра въ мѣрахъ противъ раскола, о мотивахъ, которыми опредѣлялись тѣ или другіе взгляды царя на расколъ, авторъ справедливо считалъ весьма важнымъ и собираетъ для него историческія и психологическія объясненія (стр. XII—XIV, 324 и далѣе); въ этихъ объясненіяхъ есть много справедливаго, но до конца вопросъ все еще не доведенъ, и между прочимъ намъ кажется, что авторъ собралъ слишкомъ много темныхъ красокъ для характеристики Теофана. Каковъ бы ни былъ Теофанъ, не было надобности повторять слова Кояловича (и конечно вѣрить имъ), что Теофанъ преслѣдовалъ „Камень вѣры“ Стефана Яворскаго „въ угоду протестантамъ нѣмцамъ“ (стр. 333): для этого преслѣдованія достаточно было его собственной принципиальной вражды къ Яворскому и его направленію. Съ другой стороны, враждебное и презрительное отношеніе Теофана къ расколу вовсе не было только личной его принадлежностью; гораздо раньше такое же отношеніе было у человѣка совсѣмъ иного характера, но той же школы — у автора „Розыска о брынской вѣрѣ“, Дмитрія Ростовскаго: кромѣ осужденія церковнаго безпорядка, это было пренебреженіе ученыхъ людей къ певѣжественнымъ предводителямъ раскола. Наконецъ, изыскивая источники преслѣдованія раскола при Петрѣ, надо помнить, что первые и жестокіе примѣры преслѣдованія даны были еще XVII вѣкомъ; и наконецъ, если, „потерявъ свою нравственную силу еще въ XVII ст. съ возникновенія раскола, духовенство стало въ рабское чисто служебное отношеніе въ правленіе Петра къ преобразовательнымъ практическимъ задачамъ царя“ и т. д. (стр. 309), это не значитъ, что на немъ не лежало никакой исторической нравственной отвѣтственности (стр. 352).

Если, быть можетъ, дальнѣйшее разъясненіе этого вопроса видо-

измѣнить нѣкоторые выводы автора, книга о. Синайскаго по внимательному изученію предмета и широкому историческому пониманію займетъ мѣсто въ ряду лучшихъ работъ по исторіи раскола.—Т.

— Саккетти, Л., профессор Сиб. Консерваторіи Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества. Краткая историческая музыкальная хрестоматія съ древнѣйшихъ временъ до XVII вѣка включительно. Сиб. Изданіе книжнаго магазина М. М. Ледерле. 1896. Больш. 8°, 6 нумер. стр. + IV + 152 текста; нотныя приложенія стр. 155—475; поправки и дополненія 4 нумеров.

Трудъ г. Саккетти представляетъ собой явленіе, которое не прошло бы незамѣченнымъ не только въ нашей очень еще молодой и скудной музыкальной литературѣ, но и на Западѣ, богатомъ всякаго рода пособіями и руководствами по теоріи и исторіи музыки. Онъ интересенъ и самъ по себѣ, и какъ пріятный симптомъ развитія и роста у насъ музыкальнаго искусства, составляющаго въ наше время такую видную отрасль духовной культуры. Аналогичнаго руководства, обнимающаго (хотя и въ бѣгломъ обзорѣ) всю исторію музыки до XVII в. включительно, не было до сихъ поръ ни у насъ, ни даже въ самой богатой изъ западныхъ музыкальныхъ литературъ—нѣмецкой. На Западѣ можно найти лишь отдѣльные сборники музыкальныхъ произведеній, ограниченные или извѣстной эпохой (въ родѣ сборника сочиненій XV и XVI вв., изданнаго Каде въ видѣ приложенія къ III тому извѣстной „Исторіи музыки“ Амброса), или какимъ-нибудь однимъ родомъ музыки (собранія фортепианныхъ пьесъ въ родѣ Fargeng, „Le trésor des pianistes“, Келера „Les maitres du clavecin“; разные сборники церковныхъ хоровъ въ родѣ громоздкихъ Коммера „Musica Sacra“ или Рохлица „Sammlung vorzüglicher Gesangstücke“ и т. д.). Въ видѣ иллюстрацій въ текстѣ, музыкальныя произведенія разныхъ школъ и эпохъ приводились въ сочиненіяхъ по исторіи музыки ¹⁾, но настоящей систематической хрестоматіи, могущей служить пособіемъ при изученіи исторіи музыки, до труда г. Саккетти не было. Между тѣмъ необходимость такого пособия живо ощущалась многими и больше всего, конечно, преподавателями исторіи музыки, къ которымъ принадлежитъ и самъ составитель этой книги. Съ одной стороны существуютъ прекрасныя руководства по исторіи музыки, въ которыхъ отсутствуютъ какіе бы то ни было нотныя примѣры (напр., лекціи Брендела), съ другой стороны не всякій, интересующійся музыкой и ея исторіей, имѣетъ средства и возможность пользоваться

¹⁾ У Амброса, въ его „Исторіи музыки“; у Э. Науманна, въ его популярной „Illustrierte Musikgeschichte“, выходящей теперь въ русскомъ переводѣ, у Василевскаго, въ „Geschichte der Instrumentalmusik im XVI Jahrh.“ и т. д.

старинными рѣдкими или новыми обширными и дорогими изданіями историческихъ композиторовъ (хотя бы Палестрины), совершенно недоступными, напр., въ провинціи. Не всякій любитель можетъ воспользоваться этими изданіями, даже получивши къ нимъ доступъ, по незнакомству со старинными ключами, въ которыхъ они напечатаны, и по неумѣнью читать многоголосныя партитуры. Трудъ г. Саккетти въ значительной степени устраняетъ всѣ эти затрудненія и даетъ въ руки учителя, ученика и просто любителя достаточно полное для перваго знакомства руководство, заключающее въ себѣ наиболѣе характеристичныя образчики музыкальнаго творчества разныхъ временъ и народовъ. Для начинающихъ музыкантовъ или любителей къ хрестоматіи приложены подробныя примѣчанія въ видѣ сжатыхъ характеристикъ отдѣльныхъ эпохъ и композиторовъ; самыя произведенія напечатаны въ общеизвѣстныхъ ключахъ (басовомъ и скрипичномъ), а многоголосныя партитуры для неумѣющихъ читать ихъ снабжены фортепианнымъ переложеніемъ. Хрестоматія заканчивается XVII вѣкомъ, послѣдніе представители котораго отчасти принадлежать и началу XVIII-го (А. Скарлатти, Асторга, Букстехуде, Кунау). Главные представители XVIII в., Гендель, Бахъ, Гайднъ, Глукъ, Моцартъ, исключены г. Саккетти по вполне основательному резону: ихъ произведенія существуютъ въ легко доступныхъ изданіяхъ, до сихъ поръ исполняются въ концертахъ и служатъ основнымъ педагогическимъ матеріаломъ при обученіи музыкѣ. Намъ кажется, однако, что нѣкоторыхъ композиторовъ XVIII в., менѣе извѣстныхъ, чѣмъ выше-названные, но тѣмъ не менѣе имѣющихъ историческое значеніе, слѣдовало бы ввести въ хрестоматію. Таковы у французовъ Рамо, Монсивьи, Филидоръ; у итальянцевъ Дуранте, Лео, Порпора, Перголезе, Йомелли, Пиччини, Паизиелло, Саккини, Чимароза; у нѣмцевъ Гассе, Гендель (какъ оперный и инструментальный композиторъ), сыновья І. С. Баха и др. Нѣтъ сомнѣнія, что однимъ изъ главныхъ мотивовъ, по которымъ г. Саккетти пожертвовалъ XVIII-мъ вѣкомъ, были чисто матеріальныя и техническія соображенія: обширность матеріала и громоздкость нотныхъ примѣровъ ¹⁾ заставляли ограничиваться важнѣйшимъ. Хотя составитель иногда приводитъ лишь по одному образчику для каждаго отдѣльнаго композитора, тѣмъ не менѣе книга его достигла очень внушительныхъ размѣровъ, несмотря на эпитетъ въ заглавіи „краткая“... Но если уже дѣло шло о жертвѣ, сокращеніе объяснительнаго текста или выдѣленіе его въ особую книжку было бы, намъ кажется, меньшей жертвой, чѣмъ опущеніе XVIII-го вѣка въ его историческихъ музыкальныхъ представителяхъ. Какъ бы

¹⁾ Кстати сказать, напечатанныхъ уже слишкомъ разгонисто.

то ни было, книга г. Саккетти и въ ея настоящемъ видѣ представляется прекраснымъ пособіемъ для занимающихся и интересующихся музыкой и ея исторіей. Объяснительный текстъ свидѣтельствуетъ о большой начитанности автора въ музыкально-исторической литературѣ, а обильныя библиографическія указанія могутъ пригодиться для болѣе самостоятельныхъ и интересующихся предметомъ читателей въ ихъ собственныхъ занятіяхъ. Музыкальные примѣры выбраны вообще вполне удачно, и съ подборомъ ихъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ нельзя не согласиться. Правда, въ хрестоматіи отсутствуютъ такіе вѣчные образчики музыкальной красоты и религіознаго вдохновенія, какъ хоры *Tenebrae factae sunt* Палестрины или *Ave Maria* Аркадельта; такой композиторъ, какъ Гудимель, представленъ всего восемью тактами; совсѣмъ отсутствуютъ мастера голландской школы контрапунктистовъ Гобрегтъ, Аркадельтъ, Свелинкъ, а изъ нидерландцевъ Бюна, Брумелъ, Гомбергъ, Киприанъ Рорскій и др., но здѣсь мы опять встрѣчается съ *summa ratio* составителя—недостаткомъ мѣста, съ которымъ онъ долженъ былъ считаться. Въ общемъ итогѣ хрестоматія г. Саккетти удачно заполняетъ собой очень замѣтный пробѣлъ въ музыкально-педагогической литературѣ, и составитель ея безусловно заслуживаетъ полнаго сочувствія и одобренія за свой далеко не легкій трудъ. Во внѣшнемъ отношеніи книга производитъ хорошее впечатлѣніе, нарушаемое только иногда опечатками, какъ въ текстѣ, такъ и въ нотныхъ примѣрахъ (напр. на стр. 101). Принимая во вниманіе дороговизну нашихъ нотныхъ изданій, цѣну книги (5 рублей) нельзя считать высокой. Вообще внѣшнее исполненіе этого сложнаго изданія составляетъ большую заслугу издательской фирмы.—С. Б.

— Ек. Бекетова (Краснова). Разказы. Посмертное изданіе. Спб. 1896.

Въ началѣ прошедшаго года нами была помѣщена замѣтка о посмертномъ изданіи стихотвореній Ек. Бекетовой. Недавно вышелъ въ свѣтъ сборникъ повѣстей покойной поэтессы. Въ сборникѣ этомъ помѣщено 12 повѣстей; изъ нихъ самая крупная, „Не судьба“, въ свое время была напечатана въ „Отечественныхъ Запискахъ“ безъ имени автора. Въ повѣсти этой особенно съ любовью очерчена героиня разказа—Соничча—крайне симпатичный типъ русской дѣвушки. Въ художественномъ отношеніи „Не судьба“ уступаетъ прочимъ, болѣе мелкимъ разказамъ сборника. Изъ послѣднихъ слѣдуетъ отмѣтить „Сонъ на яву“—съ картинами итальянской природы. Хороши у Бекетовой и описанія нашей русской природы. Въ этомъ отношеніи нельзя не вспомнить граціознаго разказа—„Ночь нака-

нунѣ Ивана Купала“, „Въ старомъ домѣ“ описаны святки въ помѣщичьей семьѣ съ ихъ весельемъ, гадаьемъ и проч. Рассказы: „Груша“ и „Забитая свекровь“ показываютъ, какъ чутко авторъ прислушивался къ жизни нашего крестьянства средней полосы Россіи. Наконецъ, въ рассказѣ „Люди и вещи“ не безъ таланта изображены толки и пересуды петербургскаго общества по поводу послѣдняго голода въ Россіи. Перечитывая рассказы Ек. Бекетовой, нельзя не придти къ заключенію, что они, по красотѣ своей, а также по ихъ симпатичному отношенію къ природѣ и къ описываемымъ типамъ, заслуживаютъ не меньшаго вниманія, чѣмъ и изданныя въ прошломъ году ея стихотворенія, а потому еще разъ приходится пожалѣть о безвременной кончинѣ даровитой писательницы.—L.

Въ теченіе апрѣля мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Александренко, В. Н.—Къ біографіи князя Кантемира. Варш. 96. Стр. 46.
Амфитеатровъ, Александръ (Old Gentleman).—Грѣзы и Тѣни (Книга легендъ). Спб. 96.

Апраксинъ, А. Д.—Больное мѣсто, романъ. М. 96. Стр. 294. Ц. 1 р.

Бекетова, Ек.—Рассказы. Посмертное изданіе. Спб. 96. Стр. 308. Ц. 1 р. 50 коп.

Борисовъ, Н. И.—Волшебный фонарь въ народной школѣ. По даннымъ Александрійскаго уѣзднаго земства за 1889—95 гг. Херсонъ, 96. Стр. 77.

Борхардтъ, В., д-ръ.—Открытие Рѣнтгена: Новый родъ лучей. Общепонятное изложеніе. Перев. съ нѣм. Съ прилож. 10 рис. и 3 иллюстр. (ребенка, рыбы и мыши). Спб. 96. Стр. 40. Ц. 40 к.

Брюсовъ, Валерій.—Chefs-d'oeuvre. 2-е изд., съ измѣн. и дополн. М. 96. Стр. 85.

Бурда, М. К.—Столѣтіе оспопрививанія. 1796—1896 г. Эд. Дженнеръ и его жизнь. Од. 96. Стр. 17. Ц. 6 к.

— Луи Пастѣръ, его жизнь и открытія. Од. 96. Стр. 16. Ц. 6 к.

Брэмъ, А.—Жизнь животныхъ. Популярное изданіе (75 вып., 6 полутомовъ, 1.200 иллюстрац. въ текстѣ, 1 карта). Вып. 19—30. Стр. 579—848; 1—128. Перев. съ 2-го нѣм. изд. д-ра зоологіи С. М. Переяславцевой. Од. 96. Ц. по 25 к. выпускъ.

Ветеровъ, С. А.—Русскія книги съ біографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ. 1708—1893 г. Вып. III: Аваенстъ—Александровъ. Спб. 96. Стр. 95—144. Ц. 35 к.

Веселовскій, Алексѣй.—Западное вліяніе въ новой русской литературѣ. Историко-сравнительные очерки. 2-е изд. М. 96. Стр. 256. Ц. 1 р. 75 к.

*Г****, Л.—Отклики жизни (1879—95 гг.): Больныя души, пов. въ стих.—Ипатія, драм. поема.—Мирра, драмат. картина древней Индіи. М. 96. Стр. 379. Ц. 1 р. 75 к.

Гобиттеттеръ, И. А.—Генрихъ Сенкевичъ, какъ психологъ современности. Съ портр. Сенкевича. Спб. 96. Стр. 22. Ц. 30 к.

Гольцевъ, В. А. — Законодательство и нравы въ Россіи XVIII в. Изд. 2-е. Спб. 96. Стр. 164 и XXXII. Ц. 1 р. 25 к.

Гротъ, П. — Физическая кристаллографія и введеніе къ изученію кристаллографическихъ свойствъ важнѣйшихъ соединеній. Перев. съ нѣм. 3-го изд. А. П. Нецаевъ, п. р. и съ примѣчаніями Ф. Левинсона-Лессинга. Ч. I: Физическія свойства кристалловъ. Съ 702 фиг. и 3 таблицами. Спб. 96. Стр. 311. Ц. за 3 тома 10 р.

Грунальдъ, М. — Принудительный курсъ и восстановленіе валюты въ Италіи. Перев. съ нѣм. п. р. А. Гурьева, учен. секрет. Учен. Комит. мин. фин. Спб. 96. Стр. 184. Ц. 1 р. 25 к.

Гюго, В. — Собраніе стихотвореній, въ переводахъ русскихъ писателей, п. р. И. Тхоржевскаго. Вып. XIII. Тифл. 96. Стр. 333—360. Ц. 20 коп.

Демолень, Эдм. — Какъ воспитывать нашихъ дѣтей. Перев. съ франц. Спб. 96. Стр. 30. Ц. 20 к.

Добромоловъ, Н. А. — Сочиненія, т. II. Изд. 5-е. Спб. 96. Стр. 563. Ц. за 4 т. 7 р.

Друммондъ, Г. — Прогрессъ и эволюція челоуѣка. Перев. съ англ. Н. А. Иванцова. М. 96. Стр. 393. Ц. 2 р. 25 к.

Закревскій, Игн. — Еще о судѣ присяжныхъ. Спб. 96. Стр. 29. Ц. 25 к.

Заленскій, В. — Основныя начала общей зоологіи. Публичныя лекціи, чит. въ 1895 г. въ Имп. Новор. Университетѣ. Принципы строенія и развитія животныхъ. Теорія эволюціи. Съ 63 рис. Од. 96. Стр. 203. Ц. 1 р. 20 к.

Захарьинъ, И. Н. (Якунинъ). — Грѣзы и пѣсни, стих. Изд. 4-е. Спб. 96. Стр. 109. Ц. 50 к.

Зтеевъ, Л. Ѳ. — Русскіе учебники. Изслѣд. въ области нашей древней письменности. Спб. 96. Стр. 274.

Леринъ, Руд., фонъ. — Историко-общественныя основы этики. Перев. съ нѣм. В. М. Гессена. Спб. 96. Стр. 32. Ц. 20 к.

Ибсенъ, Г. — Собраніе сочиненій. Т. I. Спб. 96. Стр. 397. Въ 6 томахъ. Ц. за 6 том. по подпискѣ 3 р. 50 к.

Исаевъ, А. А. — Настоящее и будущее русскаго общественнаго хозяйства. Спб. 96. Стр. 205.

Картевъ, Н. — Мысли объ основахъ нравственности. Изд. 2-е. Спб. 96. Стр. 163.

Кистяковскій, А. Ф. — Изслѣдованіе о смертной казни. Изд. 2-е, п. р. Т. С. Спб. 96. Стр. 302. Ц. 1 р. 50 к.

Клоссовскій, А. — Лѣтописи метеорологической обсерваторіи Имп. Новорос. Университета въ Одессѣ. Годъ 2-й: 1895. Од. 96. Стр. 163 in 4°.

Козинцовъ, М. И. — Сѣрно-слипечное производство въ санитарномъ отношеніи. Стародубъ. 96. Стр. 162.

Компейръ, Г. — Основанія элементарной психологіи. Перев. съ франц. п. р. Г. Челпанова. Спб. 96. Стр. 204. Ц. 80 к.

Королевъ, Ф. — Сельское строительное искусство. Съ 418 чертеж. въ текстѣ. Изд. 2-е. Спб. 96. Стр. 362. Ц. 2 р.

Котъ-Мурлыка. — Повѣсти, сказки и рассказы. Т. IV. Изд. 2-е. Спб. 96. Стр. 348. Ц. 1 р. 75 к.

Луцицкий, И. В. — Крестьянская поземельная собственность во Франціи до революціи и продажа національныхъ имуществъ. Кіевъ. 96. Стр. 65.

Манасевичъ, Ю. — Философскіе этюды. Спб. 96. Стр. 284. Ц. 1 р. 50 к.

Марксъ, Карлъ. — Критика нѣкоторыхъ положеній политической экономіи.

Перев. съ нѣм. П. Руманцева, п. р. А. Мануилова. М. 96. Стр. 163. Ц. 1 р. 35 коп.

Марконетъ, А., присяж. повѣр.—Судебныя учрежденія во Франціи. Дворецъ юстиціи въ Парижѣ, его обитатели и нравы. Составлено представителями судебной прессы Парижа. Перев. съ франц. М. 96. Стр. 299. Ц. 1 р. 25 к.

Мармери, Дж. В.—Прогрессъ науки, его происхожденіе, развитіе, причины и результаты. Перев. съ англ. Спб. 96. Стр. 429. Ц. 1 р. 75 к.

Миклашевскій, Ал.—Рабочій вопросъ и социальное законодательство въ Германіи. Спб. 96. Стр. 87. Ц. 30 к.

Мишле, Ж.—О системѣ и жизни Вико. Историко-біографическій этюдъ съ приложениями подробнаго перечня содержанія „Новой науки“. Перев. съ франц. Н. Пароковнаго, п. р. проф. В. Бузескула, Харьков. 96. Стр. 51. Ц. 40 к.

Оствальда, В.—Несостоятельность научнаго материализма и его устраненіе. Перев. съ нѣм. Н. Дрентельна. Спб. 96. Стр. 22. Ц. 30 к.

Перцовъ, П.—Философскія теченія русской поэзіи. Пушкинъ, Баратынскій, Кольцовъ, Лермонтовъ, Огаревъ, Тютчевъ, гр. А. Толстой, Фетъ, Яв. Полонскій, А. Майковъ, Апухтинъ, гр. А. Голенищевъ-Кутузовъ. Избранныя стихотворенія и критич. статьи С. А. Андреевскаго, Д. С. Мережковскаго, Б. В. Никольскаго, П. П. Перцова и Вл. С. Соловьева. Спб. 96. Стр. 394. Ц. 2 р.

Позняковъ, Н. И.—Въ лучшіе годы. Собраніе стихотвореній. Спб. 96. Стр. 219. Ц. 1 р. 75 к.

Потресовъ, С. В.—Стихотворенія. Спб. 96. Стр. 192. Ц. 1 р.

Пьццовъ, М. В.—Труды тибетской экспедиціи, 1889—1890 гг. Ч. III. Спб. 96. Стр. 126 in 4°.

Рейферъ, И. И.—Равсчетъ турбинъ. Перев. съ 2-го нѣм. над. Влад. Вейнштоль. Съ 8 рис. Спб. 95. Стр. 41. Ц. 50 к.

Режю, Э.—Земля и люди. Всемирная географія: Швеція и Норвегія. Перев. съ франц. П. Краснова. Съ 75 рис. Спб. 96. Стр. 252. Ц. 1 р.

Сазонова, Г. В.—Обзоръ дѣятельности земствъ по сельскому хозяйству. 1865—1895 гг. Т. I. Изд. департ. земледѣлія. Спб. 96. Стр. 487. Ц. 2 р.

Саккетти, Л.—Братвая историческая хрестоматія съ древнѣйшихъ временъ до XVII вѣка включительно. Спб. 96. Стр. 475. Ц. 5 р.

Сербскій, Вл.—Судебная психопатологія. Вып. 1: Законодательство о душевно-больныхъ. М. 95. Стр. 224. Ц. 1 р. 50 к.

Сергеевичъ, В., заслуженный профессоръ Импер. С.-Петербургскаго Университета. Русскія юридическія древности. Томъ второй. Власть. Выпускъ второй: Совѣтники князя. Спб. 96. VIII и 337—618 стр. Ц. 1 р. 80 к.

Скиф(ѳ)ъ.—Бесѣды въ минуты вдохновенія. Первая бесѣда. Что представляетъ собою „творчество“ нашихъ фельетонистовъ? 2-е изд., дополн. Од. 96. Стр. 44. Ц. 20 к. Вторая бесѣда. Вредъ ежедневной прессы, какъ органа, затемняющаго сознание и извращающаго чувство. Од. 96. Стр. 69. Ц. 30 к.

Смирновъ, Александръ, протоіер.—Филаретъ, архіепископъ тверскій, ярославскій и московскій. М. 96. Стр. 79. Ц. 60 к.

Собко, Н. П.—Словарь русскихъ художниковъ, ваятелей, живописцевъ, зодчихъ, рисовальщиковъ, граверовъ, литографовъ, медальеровъ, мозаичистовъ, иконописцевъ, литейщиковъ, чеканщиковъ, скупщиковъ и пр.—съ древнѣйшихъ временъ и до нашихъ дней (XI—XIX вв.). Т. II, вып. 1. И, I (400 именъ). Спб. 96. Ц. 3 р.

Соколовъ, В. В.—Новая мама. Повѣсть. М. 96. Стр. 187. Ц. 75 к.

Солоубъ, Э.—Тяжелые сны. Ром. Спб. 96. Стр. 309. Ц. 2 р.

Спенсеръ, Гербертъ.—Афоризмы изъ сочиненій Г. Спенсера. Извлечены и приведены въ систему Юл. Р. Гиндзелъ, съ портретомъ Г. Спенсера. Перев. съ англ. А. Гойжевскій п. р. Вл. Соловьева. Спб. 96. Стр. 200. Ц. 1 р.

Сундукьяницъ, Г.—Пепѣ, бытовая комедія въ 3 д. Перев. съ армян. А. Цотуріани и Ю. Веселовскаго, со вступит. статьей Ю. Веселовскаго. Къ представленію дозволено. М. 96. Стр. 71. Ц. 50 к.

Титъ Ливій.—Римская исторія отъ основанія города. Перев. съ лат. п. р. П. Адрианова. Т. III, кн. XXI—XXV. М. 96. Стр. 416. Ц. 1 р. 50 к.

Токарскій, А. А.—Записки психологической Лабораторіи психіатрической клиники. Имп. Москов. Университета. Вып. 1 и 2. М. 96. Стр. 1—124.

Токиль.—Старый порядокъ и революція. Перев. п. р. проф. москов. унив. П. Г. Виноградова. М. 96. Стр. 350. Ц. 50 к.

Толстой, гр. А. К.—Полное собраніе стихотвореній. Драмы, поэмы, повѣсти, былины, баллады, притчи, пѣсни, очерки. Съ портретомъ. Т. I и II. Спб. 96. Стр. 366 и 331. Ц. 3 р.

Трубииковъ, К. В.—Регулированіе денежной системы. Спб. 96. Стр. 22.

Туръ, Евгенія.—Семейство Шалонскихъ. Изъ семейной хроники. Изд. 4-е. Спб. 96. Стр. 156. Ц. 1 р.

— Последніе дни Помпеи. Передѣлано для отроческаго возраста. Изд. 4-е. Спб. 96. Стр. 192. Ц. 1 р.

Французъ, К.—Сендеръ Глотейзъ. Ром. въ 5 кн. Изъ еврейской народной жизни. Спб. 96. Стр. 478. Ц. 2 р. 50 к.

Циммерманъ, А.—Микроскопъ. Руководство для научной микроскопіи. Перев. съ нѣм., съ дополнен. по рукоп. автора, д-ра А. Ильина. Съ 241 рис. Спб. 96. Стр. 338. Ц. 3 р. 50 к.

Янишевскій, Северинъ.—Сборникъ стихотвореній. М. 96. Стр. 31.

Шевелевъ, А.—Александръ III въ русской литературѣ. М. 96. Стр. 57.

Шохоръ-Троцкий, С. И.—Методика ариметики для учителей народныхъ школъ. Изд. 4-е. Спб. 96. Стр. 182. Ц. 80 к.

— Учебникъ методики ариметики для учебныхъ заведеній, гдѣ преподается этотъ предметъ. Спб. 96. Стр. 86. Ц. 50 к.

— *Mouvement commercial de la Bulgarie avec les pays étrangers*. Décembre 1895. Sophia, 96.

— *Powiat Oszmiański. Materiały do dziejów ziemi i ludzi, zebrał i wydał Czesław Jankowski. Część pierwsza*. Pet. 96. Стр. 391.

— *Programme des cours de la Haute-École de Sophia*. Sophia, imprimerie de la Cour. 96. Semestre d'été 1896.

— Костромское общество земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ приютовъ 1895 г. Костр. 96. Стр. 56.

— Литературный сборникъ произведеній студентовъ Имп. Спб. университета подъ редакціей Д. В. Григоровича, А. Н. Майкова и Я. В. Половскаго, въ пользу Общества вспомошествованія студентамъ Спб. университета. Спб. 96. Стр. 430. Ц. 3 р.

— Международная Библиотека. № 39: М. Ладарусъ, Взаимодѣйствіе души и тѣла. Перев. съ нѣм. Спб. 96. Стр. 55. Ц. 20 к.

— Мнѣнія и отзывы, поступившіе въ Коммисію отъ учреждений и лицъ, заинтересованныхъ въ дѣлѣ русскаго торговаго мореходства и судостроенія. Спб. 96. Стр. 338.

— Наша Старина.—№ 15: Эквилярхъ Бостинав. Этюдъ изъ времянь Гаоновъ. Од. 96. Стр. 48. Ц. 15 к.

— Новая дѣтская Библиотека: I. Добрый маленькій Генрихъ, сказка Се-гюръ. II. Мальчикъ съ пальчикъ; Спящая Красавица, сказки Перро. III. Синяя Борода; Красная шапочка; Котъ въ сапогахъ, сказки Перро. IV. Ослиная кожа. Волшебницы; Неумѣстныя желанія, сказки Перро. Перев. Августы Усовой; Сиб. 96. Ц. по 15 коп.

— Общедоступныя изданія Новгородскаго губернскаго земства по вопросамъ противопожарнымъ, строительнымъ, промышленнымъ и сельскохозяйственнымъ. № 1: Усовершенствованныя риги-снопосадилка и русская печь, съ 9 табл. чертеж. Н. И. Кржишталовича. № 2: Описание машинъ для выдѣлки черепицы, кирпичей, гончарныхъ трубъ и др. издѣлій фабрики Эгера въ Кельнѣ-Эльберфельдѣ. № 3: Способы выдѣлки фальцевой черепицы и глазированія, составы для глазурей и описание комловскаго черепичнаго завода. Новг. 96. Стр. 80.

— „Починъ“. Сборникъ Общ. любителей Россійской Словесности на 1896 г. М. 96. Стр. 634. Ц. 2 р. 50 к.

— С.-Петербургскій городской арестный домъ въ 1881—1895 гг. Съ приложеніемъ фасада и плановъ. Спб. 96. Стр. 126.

— Справочный Указатель земскихъ сельско-хозяйственныхъ учреждений. По свиденіямъ на 1895 г. Изд. Департамента Земледѣлія. Спб. 96. Стр. 149.

— Средняя Азія. Научно-литературный сборникъ статей по Средней Азіи. Ташк. 96. Стр. 212.

— Труды перваго сѣзда русскихъ дѣятелей по печатному дѣлу въ С.-Петербургѣ (5—12 апрѣля 1895 г.) Спб. 96. Стр. 144 in 4°. Ц. 2 р.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Eugène Gilbert. Le Roman en France pendant le XIX siècle. Paris, 1896. Стр. 459.

Исторія романа XIX вѣка заключаетъ въ себѣ въ сущности исторію романа вообще, такъ какъ весь этотъ литературный жанръ развился въ теченіе нашего столѣтія и имѣлъ лишь разрозненныхъ предвозвѣстниковъ въ предыдущихъ вѣкахъ. Такимъ образомъ задача, взятая на себя Жильберомъ, очень обширна, и книга его представляетъ полную исторію французскаго романа, составленную очень обстоятельно. Благодаря этимъ качествамъ, трудъ Жильбера имѣетъ значительный интересъ съ точки зрѣнія историко-литературной: всѣ главныя и второстепенныя теченія въ развитіи романа, всѣ подраздѣленія различныхъ литературныхъ школъ, всѣ болѣе или менѣе выдающіеся представители этихъ направленій и почти всѣ романы, имѣвшіе хотя бы временное значеніе, перечислены и подвергнуты критической оцѣнкѣ въ его объемистомъ сочиненіи. Самыя характеристики отдѣльныхъ писателей показываютъ, что авторъ не принадлежитъ къ числу осторожныхъ и умѣренныхъ историковъ, отражающихъ установившіяся мнѣнія о литературныхъ дѣятеляхъ; его рѣзкія сужденія обличаютъ критика съ очень опредѣленнымъ міросозерцаніемъ и вполне оригинальными взглядами; это особенно замѣтно, когда Жильберъ говоритъ о современникахъ, оцѣнивая ихъ строго и большей частью вполне справедливо.

Начиная исторію французскаго романа съ его первыхъ представителей въ нашемъ вѣкѣ, Шатобріана и м-мъ де-Сталь, Жильберъ указываетъ, что общимъ источникомъ ихъ вдохновеній былъ Жанъ-Жакъ Руссо, творецъ индивидуализма и лиризма въ новой европейской литературѣ. Идя по его слѣдамъ, Шатобріанъ противопоставилъ прежнему господству разума права сердца, и холодному атеизму XVIII в.—религіозныя настроенія, легшія въ основаніе позднѣйшей лирики Ламартина, де-Виньи и др. Его современница, м-мъ де-Сталь, содѣйствовала вмѣстѣ съ нимъ нарожденію романтизма, своей пропагандой иноземной культуры — нѣмецкой и итальянской; но кромѣ того она внесла въ литературу своего времени совершенно новый элементъ, получившій широкое развитіе въ дальнѣйшемъ теченіи ро-

мантизма. Женщинѣ, игравшей до того лишь пассивную роль въ художественныхъ произведеніяхъ, она придала самостоятельный психологическій интересъ; ея героини, Дельфина и Коринна, въ которыхъ сильно отразился душевный міръ автора,—типы новыхъ (для того времени) женщинъ съ сильной индивидуальностью и съ стремленіемъ проявить свою личность въ борьбѣ съ общественными условіями. Въ этой неравной борьбѣ героини м-мъ де-Сталь оказываются побѣжденными, и основная мысль ея романовъ—въ томъ, что женщина съ высшими духовными порывами должна неминуемо стать жертвой своего антагонизма съ обществомъ; но романы м-мъ де-Сталь важны не этими выводами, а тѣмъ, что она ввела въ художественное творчество женскую психологію, вмѣсто прежняго изображенія однообразныхъ условныхъ чувствъ. Послѣ нея анализъ женской психологіи сдѣлался одною изъ главныхъ темъ романа, и уже въ повѣстяхъ Жоржъ-Зандъ сильныя и независимыя въ своихъ чувствахъ женщины играютъ роль не злополучныхъ жертвъ, а гордыхъ сознаниемъ своей силы героинь.

Среди французскихъ романистовъ начала вѣка особое мѣсто принадлежитъ Стендалю, и, говоря о немъ, Жильберъ обособляетъ его отъ его современниковъ, создавшихъ романтизмъ разными элементами своего творчества. Жильберъ напоминаетъ странную судьбу этого писателя, не понятаго своимъ временемъ и такъ вѣрно предсказывавшаго, что имя его будетъ окружено славой лишь около 80-хъ годовъ текущаго вѣка. Пророчество это исполнилось почти буквально; хотя своеобразные романы Стендала и теперь мало привлекаютъ среднюю читающую публику, но всѣ новѣйшіе французскіе романисты, какъ психологи, въ родѣ Бурже, такъ и натуралисты, въ лицѣ Золя и его школы, признаютъ Стендала своимъ учителемъ. Жильберъ относится къ Стендалю скорѣе отрицательно,—его отталкиваютъ сухость тона въ безопадныхъ анализахъ Стендала и шероховатость его стиля. Но, забывая изъ-за этихъ недостатковъ то, что есть глубокаго и совершенно оригинальнаго въ творествѣ Стендала, Жильберъ становится на узкую точку зрѣнія. Стендаль своего рода первоисточникъ современнаго художественнаго творчества, и въ немъ находятся какъ всѣ достоинства, такъ и недостатки такого первоисточника. Къ недостаткамъ его принадлежитъ, конечно, невыработанность формы. Его послѣдователи, придавшіе его приемамъ большую законченность и владѣющіе болѣе художественной формою, не могутъ служить образцами для оцѣнки своего учителя. Если сравнить „Disciple“ Бурже съ „Rouge et Noir“ Стендала, то по внѣшнимъ достоинствамъ изложенія, по разработанности психологическаго анализа и по оттѣнкамъ настроеній и чувствъ, пальма первенства принадлежитъ скорѣе ро-

ману Бурже. Но все-таки изъ двухъ писателей, занявшихся одной и той же темой, болѣе значительнымъ слѣдуетъ признать того, кто первый ввелъ въ литературу элементъ крайняго индивидуализма, проявляющагося даже въ ущербъ личному благополучію. Этотъ субъективный элементъ воплощенъ Стендалемъ въ героѣ „Rouge et Noir“, Жюльенѣ Сорелѣ, первомъ представителѣ „эгоизма“, получившаго широкое развитіе въ дальнѣйшемъ теченіи французской литературы. Жильберъ ставитъ въ упрекъ этому роману отсутствіе этического начала; въ самомъ дѣлѣ, казалось бы, что этотъ человѣкъ, вышедшій изъ крестьянской среды, избирающій духовную карьеру только потому, что она выгоднѣе военной, затѣвающій романтическую интригу безъ всякаго увлеченія, только изъ практическихъ расчетовъ, увлекающій молодую аристократку только чтобы потѣшить свою плебейскую гордость, — казалось бы, что, продѣлывая все это вполне хладнокровно, Жюльенъ Сорель остается только эгоистомъ съ мелкими житейскими стремленіями. Но искусство Стендала заключается въ тонкости анализа, съ которымъ онъ подступаетъ къ психологіи своего героя: въ кажущемся негодяѣ онъ усматриваетъ силу, дѣлающую его представителемъ высшаго начала въ человѣкѣ, — Жюльенъ стремится поставить личную волю, силу человѣческаго „я“, выше всякихъ внѣшнихъ обстоятельствъ, стремится къ успѣху въ жизненныхъ дѣлахъ лишь насколько въ этомъ проявляется побѣда внутренней силы человѣка. Въ тотъ самый моментъ, когда цѣль достигнута и Жюльенъ, будь онъ человѣкъ съ пошлыми стремленіями, могъ бы успокоиться на лаврахъ, онъ совершаетъ безумный поступокъ и губить себя, опять-таки во имя какого-то внутреннего торжества, во имя культа своего „я“, въ жертву которому приносится не только матеріальное благосостояніе, но и самая жизнь. Повторяя этотъ же типъ въ своемъ „Disciple“, Бурже только прослѣдилъ въ современномъ поколѣніи предугаданный Стендалемъ типъ; точно также всѣ другіе писатели психологической школы, въ особенности Барресь, авторъ „L'homme libre“, — прямые продолжатели Стендала. Эту соиздательную роль автора „Rouge et Noir“ Жильберъ недостаточно оцѣнилъ въ своей характеристикѣ Стендала; болѣе обстоятельно онъ останавливается на реализмѣ Стендала въ его романахъ изъ итальянской жизни, „L'abbesse de Castro“ и „La Chartreuse de Parme“, ставя особенно высоко послѣдній за изложенную въ немъ теорію „amour-passion“ и за превосходство описательной части.

Изъ писателей, предшествовавшихъ современнымъ французскимъ романистамъ, Жильберъ останавливается на представителяхъ всѣхъ разновидностей романтизма: историческіе романы Альфреда де-Виньи,

Меримэ, Виктора Гюго и Александра Дюма, романы чувствъ и настроеній, въ родѣ „Confessions d'un enfant du siècle“ де-Мюссэ, „Stella“ де-Виньи и т. д., наконецъ фантастическіе романы въ жанрѣ „Capitaine Fracasse“ Теофила Готье классифицированы и разобраны въ книгѣ Жильбера. Болѣе подробные и оригинальные по своимъ идеямъ очерки посвящены Бальзаку, Жоржъ-Зандъ и Флоберу. Въ Бальзака Жильберъ видитъ источникъ почти всѣхъ существующихъ и въ наше время видовъ романа. „Бальзакъ возродилъ романъ,—говоритъ онъ,—сведя его къ его первому самому существенному и нестѣпленому элементу, наблюденію. Цѣль романиста—воспроизводить жизнь; созиданіе химеръ—гораздо болѣе дѣло поэтовъ. До Бальзака романъ былъ анализомъ интимной жизни, исторіей страстей. Задавшись цѣлью изображать жизнь, Бальзакъ хотѣлъ, чтобы романы его стали исторіей его эпохи, чтобы они воспроизводили современность въ ея самыхъ характерныхъ чертахъ, словомъ, чтобы въ нихъ воплощена была исторія нравовъ XIX вѣка“. И стремясь къ этой цѣли, Бальзакъ былъ въ своихъ романахъ то идеалистомъ съ нѣсколькими мистическими отгнѣвомъ, то послѣдовательнымъ и даже крайнимъ реалистомъ и систематическимъ матеріалистомъ.

Идеализмъ Бальзака Жильберъ видитъ отраженнымъ въ нѣсколькихъ философскихъ романахъ, какъ „Louis Lambert“, „Recherche de l'Absolu“, и еще болѣе въ полу-мистической повѣсти „Séraphita“, въ которой сильно сказывается вліяніе Сведенборга. Но не въ этихъ обособленныхъ по своему замыслу и настроенію романахъ сказалось вліяніе Бальзака. Они служатъ только доказательствамъ глубины и богатства художественнаго таланта Бальзака, которому не было чуждо ни одно движеніе человѣческой души,—но главное значеніе для дальнѣйшаго развитія романа имѣетъ реализмъ Бальзака. Жильберъ даетъ очень тонкую и вѣрную характеристику этого первоначальнаго реализма, столь измѣнивагося въ самой своей сущности у послѣдователей Бальзака. Бальзакъ вдохновлялся дѣйствительностью только съ тѣмъ, чтобы отражать ее преображенной. Онъ понималъ, что искусство исчезаетъ, когда начинается рабское подражаніе. Его послѣдователи видятъ въ изученіи дѣйствительности цѣль, между тѣмъ какъ Бальзакъ видѣлъ въ этомъ только средство. По существу своей натуры Бальзакъ индивидуалистъ и пламенный идеалистъ; созданные имъ образы носятъ отпечатокъ мечты художника, поднимающей и облагораживающей дѣйствительность. У его послѣдователей, напротивъ того, изображенія жизни „сухи и безцвѣтны, какъ полицейскіе протоколы“. Такова въ самомъ дѣлѣ разница между реализмомъ Бальзака, столь же долговѣчнымъ въ литературѣ, какъ творчество истинныхъ художниковъ и поэтовъ предъидущихъ вѣковъ, и раз-

ными временными теченіями, созданными его послѣдователями. Бальзакъ создалъ цѣлый міръ типовъ и характеровъ, реальныхъ какъ сама жизнь, но отличныхъ отъ жизни по отпечатку индивидуальности художника, и богатство его фантазіи такъ велико, что, отражая современность во всѣхъ ея характерныхъ чертахъ, онъ не написалъ ни одного романа „à clef“, которыми такъ злоупотребляютъ современные романисты, Додэ, Франсъ, Рони и др.

Такимъ же реалистомъ по формѣ и идеалистомъ по замыслу является Флоберъ, которому Жильберъ справедливо отводитъ мѣсто среди первыхъ художниковъ нашего вѣка. Въ характеристикѣ Флобера Жильберъ въ значительной степени придерживается сужденій, высказанныхъ Бурже въ его блестящемъ этюдѣ о Флоберѣ. Подобно Бурже, Жильберъ усматриваетъ въ авторѣ „Саламбо“ двѣ очень различныя, но обуславливающія одна другую черты. Флоберъ—мрачный пессимистъ, разрушитель всего свѣтлаго, усматривающій въ жизни лишь безконечно разнообразныя проявленія основной черты человечества—всепобѣдной глупости, художникъ, занятый всецѣло отдѣлкой формы и безучастный къ людямъ и ихъ чувствамъ. Онъ написалъ всего нѣсколько романовъ, классическихъ памятниковъ языка и вмѣстѣ съ тѣмъ памятниковъ человѣческаго безсилія въ жизни сердца и духа; таковыми являются „М-мъ Бовари“, исторія женской души, затоптанной въ грязь пошлостью окружающей среды; „Искушенія св. Антонія“, гдѣ съ такимъ блескомъ фантазіи и глубокой эрудиціей изображено безсиліе всякихъ религіозныхъ культовъ и догматовъ; „Буваръ и Пекюшэ“, гдѣ внѣшняя культурность служитъ лишь фономъ, на которомъ съ особенной рельефностью выступаетъ глупость, торжествующая на всѣхъ поприщахъ.

Но за этой внѣшностью разочарованнаго пессимиста, однаково презирающаго всѣ основы жизни, скрывается глубокий идеалистъ, который страдаетъ отъ несоотвѣтствія своихъ стремленій съ тѣмъ, что даетъ жизнь. Нельзя понять Флобера и его горькой сатиры на людей и дѣйствительность, если не имѣть въ виду высоты его собственного идеалистическаго міросозерцанія. Непримиримый роковой разладъ между мечтой и дѣйствительностью—такова основная тема всѣхъ романовъ Флобера. Всѣ чувства, всѣ порывы людей высоки и чисты, пока они таятся въ душѣ, но, соприкасаясь съ дѣйствительностью, они ведутъ къ нравственному паденію и представляютъ мрачную картину, которую Флоберъ и воспроизводитъ съ величайшимъ мастерствомъ.

Своей полной и вѣрной характеристикой учителей современнаго реализма Жильберъ показываетъ, въ какомъ искаженномъ видѣ дошла до новѣйшихъ поколѣній писателей первоначальная формула

реализма. Великое значеніе творцовъ реалистическаго романа—въ томъ, что они не были материалистами, подобно ихъ послѣдователямъ, а изучали дѣйствительность, противопоставляя ее своему внутреннему міру свѣтлыхъ идеаловъ. Забывъ эту основу всякаго художественнаго творчества, послѣдователи Бальзака и Флобера превратили искусство въ фотографію внѣшней дѣйствительности, и замѣнили истинный реализмъ лишеннымъ всякой внутренней красоты протоколлизмомъ. Эта метаморфоза должна была стать пагубной для художественнаго творчества, и къ чему она привела въ современномъ романѣ—Жильберъ показываетъ на примѣрѣ натуралистическаго романа и главнаго его представителя, Эмиля Золя.

Въ французской критикѣ уже давно раздаются голоса, протестующіе противъ „экспериментальнаго романа“ во имя красоты и искусства, и изобличающіе въ Золя писателя, чуждаго художественныхъ качествъ, необходимыхъ для жизненности всякаго литературнаго произведенія. Но до сихъ поръ это были лишь разрозненные мнѣнія, которымъ трудно было поколебать широкую славу знаменитаго романиста. Теперь серія Ругонъ-Макаровъ кончилась, и начинается выясняться искусственность научныхъ теорій, введенныхъ Золя въ область искусства; Золя показалъ самъ, что принципъ наследственности не можетъ стать предметомъ художественнаго анализа, что, превращая исторію людей въ исторію ихъ матеріальнаго существованія, художникъ выходитъ за предѣлы искусства. Критикъ остается подвести итоги увлеченіямъ Золя, и Жильберъ дѣлаетъ это очень убѣдительно въ четвертой части своей исторіи романа. Говоря о слабости созданнаго Золя литературнаго жанра, Жильберъ доказываетъ, что Золя наследовалъ всѣ недостатки романтизма и реализма, не сохранивъ ихъ хорошихъ сторонъ, и что своимъ успѣхомъ онъ обязанъ не столько силѣ своего таланта, сколько своей энергій и трудолюбію. Романтическимъ переживаніемъ въ творчествѣ Золя Жильберъ считаетъ его склонность къ преувеличенности въ описаніяхъ какъ отдѣльныхъ людей съ ихъ страстями и пороками, такъ и цѣлыхъ массъ въ ихъ коллективныхъ дѣйствіяхъ. Гипербола—любимый приѣмъ Виктора Гюго, поэта титаническихъ натуръ, безпредѣльныхъ стремленій человѣческаго духа. Но авторъ „Assommoir“, „Тетте“ и др. также дѣйствуетъ на воображеніе преувеличенными картинами нравственнаго растлѣнія, намѣреннымъ апофеозомъ звѣри въ человѣкѣ. Имѣя въ виду эту сторону романовъ Золя, Жильберъ даетъ остроумную формулу его творчества. „Творчество Золя, — говоритъ онъ, — послѣднее звено трилогіи, начатой Данте его „Божественной комедіей“, продолженной Бальзакомъ въ его „Человѣческой комедіи“ и законченной Золя въ его „скотской комедіи“, какъ можно

было бы назвать серію Ругонъ-Макаровъ". Другимъ устарѣлымъ романтическимъ приѣмомъ Золя Жильберъ считаетъ его пристрастіе къ чудесному, къ злоупотребленію картинами стихійныхъ зрѣлищъ, врывающихся въ дѣйствіе: таковы его частыя описанія грозы, пожаровъ, наводненій. Точно также у Золя, какъ у настоящаго романтика школы Гюго, индивидуальность изображаемыхъ лицъ почти всецѣло поглощена окружающей ихъ средой. Если въ „Notre-Dame-de-Paris" главнымъ дѣйствующимъ лицомъ кажутся камни стариннаго собора, то тѣмъ болѣе въ романахъ Золя центральное мѣсто принадлежитъ изображаемой внѣшней средѣ. Въ „La Faute de L'Abbé Mouret" главное дѣйствующее лицо—фантастическій садъ, въ „Ventre de Paris"—парижскій рынокъ, въ „Жерминаль" — мрачная шахта „Voreux", пожирающая тѣло и души людей, въ „Argent" — парижская биржа и т. д. Въ сущности въ этихъ описаніяхъ внѣшнихъ рамокъ жизни—главная сила Золя; онѣ приобрѣтаютъ въ его передачѣ особую трагическую силу, подобную року греческихъ трагедій. Зablужденіе Золя только въ томъ, что рокъ, тяготеющій надъ людьми, онъ видитъ не въ вѣчныхъ внутреннихъ причинахъ, а въ внѣшнихъ условіяхъ жизни. Этимъ онъ отличается отъ пессимизма своихъ учителей, идеалистовъ въ душѣ; отъ прежняго реализма онъ унаслѣдовалъ лишь одну сторону его—материализмъ, который онъ примѣняетъ не только къ изображенію внѣшней жизни, но и къ психологіи своихъ героевъ. Для Золя существуетъ только внѣшній человѣкъ, и вся сложность человѣческой души сводится у него къ простому физиологическому объясненію его натуры. Золя воспроизводитъ дѣйствія человѣка, т.-е. результаты и доказательства его существованія, но онъ совершенно не вникаетъ въ мотивы этихъ внѣшнихъ проявленій человѣческой натуры. Только этотъ внѣшній человѣкъ и интересуется Золя, благодаря чему романы его не могутъ имѣть постояннаго значенія;—вмѣстѣ съ обстоятельствами, создавшими ихъ, вмѣстѣ съ господствомъ позитивизма, возлагавшаго слишкомъ всеобъемлющія надежды на науку, прошло и господство натурализма въ романѣ: „натуралистическая школа, какъ литературная группа, въ настоящее время покончила свое существованіе". Этимъ приговоромъ Жильберъ заканчиваетъ свой очеркъ о натурализмѣ.

Вслѣдъ за натурализмомъ Жильберъ разсматриваетъ новѣйшія литературныя школы и даетъ очень интересный обзоръ новѣйшихъ романовъ идеалистическаго жанра со всѣми его подраздѣленіями на романы психологическіе, экзотическіе, мистическіе и т. д.

II.

E. Mensch. Der Neue Kurs. Literatur, Theater, Kunst, Journalismus. Stuttgart, 1896. Стр. 326.

Книга Менша даетъ въ сущности больше, чѣмъ всякій читатель могъ бы ожидать, судя по заглавію. Она не входитъ въ разрядъ столь распространенныхъ въ послѣднее время книгъ о „новыхъ направленіяхъ“, гдѣ литература и искусство послѣднихъ десяти-пятнадцати лѣтъ разсматривается какъ нѣчто обособленное, не имѣющее связи съ прошлымъ. Авторъ начинаетъ свое изученіе современности очень издалека, съ классическаго въ нѣмецкой литературѣ XVIII-го вѣка, указываетъ на широкія литературныя теченія, созданныя гениальными художниками той поры, и прослѣживаетъ преемственность между ихъ идеалами и всѣмъ дальнѣйшимъ ходомъ нѣмецкой литературы вплоть до нашего времени.

Задуманная такимъ образомъ книга Менша имѣетъ несомнѣнный историко-литературный интересъ; она полна обширныхъ и обстоятельныхъ свѣдѣній о нѣмецкихъ писателяхъ XIX вѣка, представителяхъ самыхъ разнообразныхъ родовъ литературы. И этотъ справочный характеръ книги Менша становится все болѣе цѣннымъ, чѣмъ ближе мы подходимъ къ современности. За послѣдніе нѣсколько десятковъ лѣтъ литература всѣхъ европейскихъ странъ разрастается настолько, что классификація ея по жанрамъ, направленіямъ и школамъ становится совершенно необходимой; литературныя матеріалы слишкомъ обширны, и изучать ихъ въ разрозненномъ видѣ становится слишкомъ сложной задачей. Но въ Германіи къ этой общей трудности прибавляется еще одно осложненіе: развитіе цѣлаго ряда литературныхъ центровъ, живущихъ каждый своей обособленной жизнью и создающихъ свою типичную литературу. вмѣстѣ съ классическимъ XVIII вѣкомъ и съ порой романтизма исчезаетъ цѣльная нѣмецкая литература. Начинается сильное развитіе разныхъ „національных“, южныхъ и сѣверныхъ діалектовъ въ поэзіи и прозѣ, образуются очень различныя жанры берлинскаго и вѣнскаго романа, являются писатели „молодой Германіи“ и отличные отъ нихъ представители „молодой Австріи“,—общимъ у нихъ является лишь нѣмецкая рѣчь, и въ самой Германіи сѣверъ и югъ, Пруссія, Рейнь, Шварцвальдъ, создаютъ совершенно различныя типы писателей. Разобраться въ этой массѣ разнородныхъ явленій и отыскать въ нихъ общія теченія представляется дѣломъ крайне труднымъ. Справившись съ нимъ, Меншъ выказалъ истинно-нѣмецкую добросовѣтность

и обстоятельность, и книга его представляет очень полезное пособие при изучении новой и новейшей немецкой литературы.

По внутреннему содержанию интереснее всего в книге Менша кажутся намъ первые главы о классикахъ и ихъ вліяніи на дальнейшій ходъ немецкой литературы. Разбирая вліяніе Гёте, Шиллера и Лессинга, критикъ относится къ нимъ безъ того рабскаго преклоненія, которое стѣсняетъ обыкновенно историковъ литературы при изученіи національныхъ гевіевъ. Благодаря этому свободному отношенію, его сужденія принимаютъ самостоятельный интересъ, и онъ высказываетъ нѣкоторыя не-банальныя мнѣнія о сравнительномъ значеніи Гёте и Шиллера для современности. Перваго онъ считаетъ гораздо болѣе близкимъ нашему времени, чѣмъ Шиллера. Классикамъ Гёте въ смыслъ его близости къ античному духу Меншъ отрицаетъ; напротивъ того, авторъ „Фауста“ кажется ему ближе всего связаннымъ съ Руссо и энциклопедистами, онъ видитъ въ немъ духъ, направленный на борьбу, на освобожденіе человѣческаго „я“, — безмятежность греческихъ классиковъ и отчужденность отъ непосредственной дѣйствительности пришли къ нему лишь позже. Точно также классикъ Лессингъ кажется ему представителемъ новыхъ общественныхъ идеаловъ, сторонникомъ возникающей силы буржера и великимъ реалистомъ въ изображеніи типовъ и характеровъ. Въ особенности это подтверждается его женскими типами. У Лессинга нѣтъ ясно опредѣленнаго женскаго идеала, т. е., другими словами, онъ рисуетъ своихъ героинь столь индивидуалистическими чертами, что каждая изъ нихъ живетъ своимъ особымъ міромъ и полна своей индивидуальной красоты, не расплываясь въ общихъ, идеальныхъ чертахъ.

Болѣе всего близкимъ къ античному духу Меншъ считаетъ Шиллера съ его характернымъ пониманіемъ „трагической ироніи“; подъ этимъ словомъ понимается высокій фатализмъ, — тотъ, который постигъ неминуемость рока, но примирился съ ней и готовъ сознательно служить орудіемъ высшихъ, непонятныхъ ему цѣлей міра. Проникнутый этимъ античнымъ пониманіемъ судьбы, Шиллеръ кажется своему критику живущимъ вѣкъ своего времени, чуждымъ происходящему вокругъ Kulturkampf'у. Результатомъ этой отчужденности являются, между прочимъ, по мнѣнію Менша, женскія фигуры Шиллера, не столько идеальныя, какъ отвлеченныя, лишеныя индивидуальной жизни. Въ этомъ отношеніи „Орлеанская Дѣва“ и „Марія Стюартъ“ кажутся ему далеко не столь совершенными произведеніями, какъ ихъ обыкновенно принято считать.

Доказывая, что классическіе идеалы въ искусствѣ очень далеки отъ современныхъ намъ идеаловъ, Меншъ старался установить тѣмъ

не менѣе связь между лучшей порой германской литературы и развитіемъ послѣдней въ нашъ вѣкъ. Для этого онъ указываетъ, какъ мы видимъ, на то, что въ нѣмецкихъ классикахъ есть не строго классическаго, а національнаго и кореннаго въ духѣ времени.

Разсматривая поэзію XIX-го вѣка, Меншъ видитъ въ ней три основныхъ теченія, исходящія отъ Гёте, Гейне и Ленау. Въ поэзіи Гёте, по его словамъ, покоится мировая душа; въ творествѣ Гейне воплощенъ жизненный юморъ и сатира; Ленау—поэтъ мировой скорби. Лучше всего Меншу удалась характеристика Гёте какъ лирика, выведенная имъ изъ знаменитой пѣсни Миньоны „Kennst du das Land“. „Изъ этой пѣсни,—говоритъ Меншъ,—намъ становятся ясными три основныхъ элемента современной лирики: стремленіе въ даль, блестящія краски которой глазъ видитъ сквозь дымку грусти; языкъ любви, связанной съ этимъ стремленіемъ, но не говорящей никогда послѣдняго слова, разстилающей надъ радостью и скорбью обаяніе тайны, чего-то несказаннаго,—и, наконецъ, третій, техническій элементъ—непосредственная передача чувствъ и представленій въ образахъ“. Менѣе вѣрнымъ кажется намъ опредѣленіе Гейне: авторъ усматриваетъ въ великомъ насмѣшникѣ XIX-го вѣка любящую душу и внутреннюю красоту, т. е. наименѣе характерныя черты для поэта, который плѣняетъ своимъ блескомъ, умомъ, рѣзкостью антитезъ, смѣлостью, но никакъ не своимъ непосредственнымъ поэтическимъ чувствомъ.

Формула, которую критикъ примѣняетъ къ опредѣленію Ленау, тоже заслуживаетъ вниманія: „Ленау заглядываетъ въ глубины, мимо которыхъ взоръ Гейне мелькалъ, не заглядывая въ нихъ. Зато Гейне взбирался на высоты, недоступныя уму Ленау“.

Наслѣдіе этихъ трехъ поэтовъ критикъ видитъ въ различныхъ поэтическихъ школахъ, смѣнявшихся въ Германіи и Австріи до нашего времени. Романтическая лирика примыкала болѣе всего къ гётевскимъ традиціямъ; освободительная поэзія середины вѣка отмѣчена въ значительной степени влияніемъ Гейне; наконецъ современная лирика то очень позитивна и носитъ городской характеръ, какъ у берлинскихъ поэтовъ, Арно Гольца, Гартвига Кёлера и т. д., то совершенно заоблачна и представляетъ чистѣйшіе образцы поэзіи настроеній. Таково, напр., приведенное у Менша характерное стихотвореніе австрійскаго поэта Дёрмана: „Что я люблю“. Изъ него оказывается, что современный поэтъ въ своихъ вкусахъ очень уклоняется отъ общепользнаго и ищетъ красоты внѣ активныхъ идеаловъ: „Я люблю блѣдныя, стройныя—Нарцисы съ пурпурнымъ ртомъ;—Я люблю мучительныя думы—сердца израненныя и больныя“ и т. д., въ томъ же родѣ. Говоря о современной германской поэзіи, Меншъ называетъ множе-

ство именъ, но, несмотря на свое снисходительное къ нимъ отношеніе, ему не удастся обрисовать современную поэзію въ выгодномъ свѣтѣ. Поэтическихъ талантовъ въ Германіи теперь сравнительно очень мало. Доказательствомъ этого можетъ служить хотя бы то, что къ числу „лучшихъ поэтовъ“ причисляется, напр., Детлефъ фонъ-Лиенкронъ, патриотическія пѣсни котораго въ лучшемъ случаѣ можно сравнить съ пѣснями Дерулада. Что въ самомъ дѣлѣ можно сказать о поэтѣ, пишущемъ безконечныя, монотонныя варіаціи на тѣму о томъ, какъ подъ звуки „барабановъ и флейтъ“ онъ шелъ на врага?! Есть намеки на готовящійся новый расцвѣтъ лирики въ поэзіи Лорриса, Дёрмана и нѣсколькихъ другихъ молодыхъ поэтовъ, о которыхъ Меншъ упоминаетъ лишь вскользь, какъ о начинающихъ и не опредѣлившихся еще вполне писателяхъ.

Болѣе подробные и обстоятельные очерки Меншъ посвящаетъ современному роману и драмѣ. Изъ этихъ очерковъ можно почерпнуть много новыхъ и интересныхъ свѣденій, хотя критическая оцѣнка отдѣльныхъ произведеній страдаетъ поверхностностью и болѣе всего излишней снисходительностью. Меншъ говоритъ въ приподнятомъ тонѣ даже о такихъ второстепенныхъ романистахъ, какъ Осипъ Шубинъ и т. п. Но въ книгѣ его проведена интересная параллель между демократизмомъ берлинскаго романа и условной свѣтскостью вѣнской беллетристики. Интересны также характеристики нѣсколькихъ женщинъ-романистокъ: Берты Сутнеръ, Лу-Адреасъ Саломэ, Лауры Маргольмъ и др.

Книга Менша заканчивается обзоромъ журналистики, сдѣланнымъ также очень полно и обстоятельно.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 мая 1896.

Призывъ къ организаціи боевой анти-либеральной партіи, на началахъ строгой „партийной дисциплины“.—Положеніе провинціальной печати.—Новня общества грамотности и ихъ уставъ.—Еще вѣскольکو словъ о вѣротерпимости.—Нападеніе г. Желенева на М. О. Меншикова.

„Либеральной партіи“, если она существуетъ у насъ въ Россіи, угрожаетъ большая опасность; противъ нея собирается идти въ походъ вновь организуемая группа, „отвергающая избитую и безсмысленную кличку *консервативной* партіи и мечтающая заслужить многозначительное наименованіе *партіи Александра III-ю*“¹⁾. Члены этой группы, по словамъ ихъ вождя (г. Spectator'a, изъ „Русскаго Обзорнія“ и „Московскихъ Вѣдомостей“), имѣютъ огромное „умственное и нравственное превосходство“ надъ „либералами“—„комивами“, „шарлатанами“, всѣ доводы которыхъ „разлетаются въ прахъ отъ малѣйшаго прикосновенія къ нимъ логическаго анализа“. Это превосходство такъ велико, что было до сихъ поръ даже источникомъ слабости; сознавая свою громадную внутреннюю силу, гг. анти-либералы не шли дальше насмѣшекъ надъ „пустымъ фразерствомъ“ и „жалкимъ скудоуміемъ“ своихъ „ничтожныхъ“ противниковъ. Эту политику г. Spectator не одобряетъ. Либералы „идутъ стройными рядами, увѣреннымъ шагомъ, всюду поддерживая другъ друга“, систематически отравляя молодежь своей пропагандой, то въ видѣ „фальсифицированной науки“, то въ видѣ „тенденціозной беллетристики“—а просвѣщенные и высоко парящіе враги „либерализма“ ссорятся между собою изъ-за второстепенныхъ вопросовъ и *ровно ничему* (курсивъ въ подлинникѣ) не предпринимаютъ для спасенія молодежи отъ дурмана „либеральныхъ фразъ“. Единеніе, организація и согласованіе дѣйствій—вотъ девизъ будущей партіи; ея программа, на первое время—широкое распространеніе одобряемыхъ ею литературныхъ произведеній, указаніе сочиненій, могущихъ служить антидотомъ противъ либеральнаго яда, учрежденіе народныхъ и школьныхъ библиотекъ, всякаго рода содѣйствіе людямъ, трудящимся на поприщѣ *истиннано* просвѣщенія народа, диспуты и бесѣды въ небольшихъ частныхъ кружкахъ. „Начало этому благому дѣлу—по словамъ г. Spectator'a—уже положено“; въ чемъ именно, когда и гдѣ—этого организаторъ

1) См „Русское Обзорніе“ за мартъ 1896 г., статья: „Наша партія“.

„нашей партіи“, къ сожалѣнію, не объясняетъ. Какъ бы то ни было, грозное: „Иду на вы!“—пронесено, и либераламъ оставалось бы только приготовиться къ отпору, еслибы мечъ, которымъ съ напускною важностью и на рѣдкость беззащитнымъ самохвальствомъ размахиваетъ г. Spectator, не оказывался при ближайшемъ разсмотрѣніи вартоннымъ и, вдобавокъ, весьма подержаннымъ...

Въ самомъ дѣлѣ, что представляетъ собою за послѣднія 15—20 лѣтъ значительная часть нашихъ періодическихъ изданій, какъ не сплошную, ожесточенную борьбу противъ либерализма и всякихъ другихъ „измовъ“? Развѣ не увеличилось за это время число газетъ и журналовъ, близкихъ, по духу, г. Spectator'у и К^о? Развѣ не благоприятствовали имъ обстоятельства, развѣ что-нибудь стѣсняло ихъ „пропаганду“? Быть можетъ, Катковъ, Аксаковъ, ихъ сотрудники, продолжатели и подражатели *ровно ничего не дѣлали*, т.-е. усилія ихъ остались безуспѣшными—но развѣ отсюда слѣдуетъ, что они *ровно ничего не дѣлали*? Развѣ не усиленной работѣ поклонниковъ и друзей обязана своимъ распространеніемъ, уже послѣ смерти автора, книга Н. Я. Данилевскаго: „Россія и Европа“? Развѣ между патентованными учеными нѣтъ такихъ, чья дѣятельность встрѣчала и встрѣчаетъ полнѣйшее одобреніе „нашей партіи“—и развѣ этой партіи не удалось вытѣснить съ университетскихъ кафедръ нѣсколькихъ представителей противоположнаго направленія?.. Огульныя, безличныя, немотивированныя обвиненія въ „фальсификаціи“ науки мы считаемъ неприличными и предоставляемъ ихъ всецѣло нашимъ противникамъ; но науки *тенденціозной*, т.-е. проникнутой предвзятой мыслью и желаніемъ сообщить ее читателямъ или слушателямъ, не чуждо ни одно изъ существующихъ у насъ направленій, и едва ли „либералы“ пошли, съ этой точки зрѣнія, дальше „консерваторовъ“ или „реакціонеровъ“. А „тенденціозная“ беллетристика?—Сколько нужно имѣть смѣлости, чтобы приурочивать ее исключительно къ „либерализму“! Не тенденціозными были, значить, Волеславъ Маркевичъ, Ключниковъ, Всеволодъ Крестовскій (называемъ только умершихъ)?! Не тенденціозными были произведенія, въ которыхъ, помимо попытокъ выставить на позоръ міросозерцаніе или идею, чернелись и топтались въ грязь, подъ прозрачными псевдонимами, всѣмъ извѣстныя живыя, реальныя лица?!.. Много ли, далѣе, найдется людей, работавшихъ или работающихъ въ духѣ „нашей партіи“, которымъ она не оказывала бы, въ той или другой формѣ, своего содѣйствія, или не доставляла бы поддержки своихъ могущественныхъ союзниковъ? Что такой поддержкой пользуется вся вообще „наша партія“—этого не отрицаетъ и г. Spectator; въ привычкѣ расчитывать на внѣшнія подпоры онъ видитъ даже одну изъ причинъ, ослабляю-

щихъ энергію партіи. Если это и справедливо, то, во всякомъ случаѣ, этимъ не исчерпывается значеніе внѣшнихъ подпоръ; ими, сплошь и рядомъ, предрѣшается исходъ борьбы—а въ глазахъ русскаго общества, какъ давно уже замѣтилъ Некрасовъ, виноватымъ всегда является „побитый“, все равно, какимъ бы оружіемъ онъ побить ни былъ... Что въ средѣ гг. анти-либераловъ нерѣдко происходятъ маленькія междоусобія—это правда; но именно потому, что междоусобія—маленькія, они нисколько не мѣшаютъ согласію въ крупномъ и важномъ, особенно въ натискѣ на все „либеральное“. Гораздо меньше, въ сущности, единодушія между тѣми, которыхъ г. Spectator называетъ общимъ именемъ „либераловъ“. Они расходятся между собою по весьма существеннымъ вопросамъ, и это принципиальное разногласіе чувствуется даже въ ихъ борьбѣ съ общимъ противникомъ. „Стройные ряды“ либераловъ, взаимная ихъ поддержка, „масонская связь“ между ними—все это плоды фантазій г. Spectator'a, не выдерживающіе даже поверхностной повѣрки съ дѣйствительностью. Правда, полемика между „либеральными“ изданіями ведется, въ большинствѣ случаевъ, сдержанно и спокойно, личные выходы, нѣкогда бывшія à l'ordge du jour, встрѣчаются рѣдко—но нужно смотрѣть въ совершенно особые очки, чтобы видѣть въ этомъ признаки „превосходной организаціи“ и „строгой дисциплины“.

Итакъ, въ объединеніи людей „нашей партіи“, въ сосредоточеніи и мобилизаціи всѣхъ силъ, которыми они располагаютъ, нѣтъ ничего новаго, ничего страшнаго для „либерализма“. Какъ бы они себя ни называли, они останутся все тѣми же, хорошо извѣстными намъ *реакціонерами* (названіе *консерваторовъ* къ нимъ дѣйствительно не пристало, потому что они больше разрушаютъ, чѣмъ охраняютъ); какъ бы они ни сядились, они будутъ разыгрывать, съ обычнымъ искусствомъ, все ту же старую пьесу. Пускай они снабжаютъ свой оркестръ новыми инструментами — отъ этого ровно ничего не перемѣнится. Пускай они составляютъ каталогъ сочиненій, рекомендуемыхъ молодежи въ видѣ противоядія „либеральному дурману“—мы будемъ только привѣтствовать такой починъ и заранѣе обязуемся рекомендовать этотъ каталогъ вниманію всѣхъ молодыхъ и даже немолодыхъ людей, безъ различія направленій. Г. Spectator совершенно правъ, настаивая на необходимости знакомства съ самыми противоположными мнѣніями. Чѣмъ шире умственный горизонтъ, тѣмъ лучше: непрочно и не особенно цѣнны тѣ убѣжденія, которыя приобрѣтены „безъ выслушанія противной стороны“, путемъ вѣры *in verba magistri*. Никакого „герметическаго закупориванія“ молодыхъ умовъ не имѣли въ виду, конечно, и составители „либеральныхъ“ программъ самообразованія или самостоятельнаго чтенія, противъ которыхъ возстаетъ г. Spectator; указывая со-

чиненія, наиболѣе, съ ихъ точки зрѣнія, заслуживающимъ изученія, они хотѣли только помочь молодежи ориентироваться среди громаднаго книжнаго рынка, вовсе не налагая запрета на все остальное. Какъ бы то ни было, пускай къ прежнимъ руководящимъ нитямъ присоединяются новыя, хотя бы и ведущія по другому направленію; отъ этого только выиграютъ обѣ стороны. „Либералы“ всегда стояли и стоятъ за англійскую формулу „fair play“; они никогда не ищутъ для себя привилегій, никогда не выступаютъ защитниками цензуры. Если „наша партія“ дѣйствительно хочетъ равноправности сторонъ, если она дѣйствительно допускаетъ свободный выборъ руководителей и руководство, то она должна помочь своимъ противникамъ въ устраненіи преградъ, лежащихъ на этомъ пути—въ отмѣнѣ, на примѣръ, „индекса“ 1884 г., изъяснаго изъ обращенія въ библиотекахъ и читальняхъ цѣлый рядъ научныхъ сочиненій. Если она этого не сдѣлаетъ, мы позволимъ себѣ усомниться въ искренности заявленій, сдѣланныхъ отъ ея имени г. Spectator'омъ.

Второе и послѣднее нововведеніе, предлагаемое г. Spectator'омъ—это устройство диспутовъ и бесѣдъ въ небольшихъ частныхъ кружкахъ. Ничего не имѣя противъ этого въ принципѣ, признавая желательнымъ и полезнымъ всякій серьезный обмѣнъ мыслей по серьезнымъ вопросамъ, мы желали бы знать, почему г. Spectator и его единомышленники не пользовались и не пользуются, для своей цѣли, существующими учеными и литературными обществами? Чтѣ мѣшало и мѣшаетъ имъ выступить хотя бы съ цѣлою серіей докладовъ, тѣсно связанныхъ между собою единствомъ предмета и мысли? Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что такіе доклады встрѣтили бы и возраженія, и поддержку, и могли бы привести къ дальнѣйшему разъясненію спорныхъ вопросовъ, лишь бы только избранныя темы принадлежали къ числу допускающихъ гласное и всестороннее обсужденіе. Въ ученѣмъ обществѣ гг. члены „нашей партіи“ нашли бы тотъ *качественный* составъ слушателей, которому придаетъ большое значеніе г. Spectator. Еслибы къ членамъ общества и присоединилась, въ значительномъ числѣ, посторонняя публика, отъ этого не измѣнился бы характеръ диспута, обусловливаемый больше всего свойствами первой, вступительной рѣчи. Спокойному, содержательному докладу слишкомъ странно было бы противопоставить только личныя выходки или общія мѣста. Этого не простила бы возражателямъ даже „большая публика“, умѣющая, хотя бы инстинктивно, отличать научный споръ отъ пустой болтовни—и еще менѣе примирилось бы съ этимъ ученое общество, сознательно требующее отъ обѣихъ сторонъ одинаково правильныхъ полемическихъ приемовъ. Допустимъ, однако, что ученые общества (историческія, юридическія, психологическія,

литературныя, экономическія) составляютъ, почему-нибудь, неудобную почву для „анти-либеральныхъ“ рефератовъ; почему же, въ такомъ случаѣ, не устраивается слушаніе и обсужденіе ихъ въ другой обстановкѣ, но во всякомъ случаѣ публичное, т.-е. безъ искусственнаго подбора слушателей и оппонентовъ? Если препятствіемъ этому служитъ содержаніе тезисовъ, дѣлающее немислимымъ публичное ихъ оспариваніе, то лучше оставить всякую мысль о диспутахъ, келейное, закулисное веденіе которыхъ было бы совершенно безцѣльно. На диспутъ въ четырехъ стѣнахъ, при „избранныхъ“ слушателяхъ, едва ли явятся противники „нашей партіи“—и бесѣда обратится въ лекцію или проповѣдь. Илагать свои мнѣнія передъ кружкомъ близкихъ знакомыхъ и теперь всякій имѣетъ полную возможность, а нѣкотораго расширенія подобныхъ упражненій легко было бы достигнуть и безъ трубныхъ звуковъ, наполняющихъ собою статью г. Spectator'a.

Въ средѣ проектируемой имъ „боевой партіи“ г. Spectator желалъ бы установить строгую дисциплину. Онъ заранѣе полемизируетъ съ тѣми „единомышленниками“ партіи, которые не захотятъ пожертвовать ей „самостоятельностью сужденій“ и „индивидуальной свободой“ (ковычки въ подлинникѣ); онъ оплакиваетъ вредный примѣръ, который они подають своею „чванливостью“, и утѣшается только тѣмъ, что es muss auch solche Käuze geben. Однимъ изъ такихъ оригиналовъ оказался кн. П. М. Волконскій, протестующій, въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 76), противъ стремленія къ „объединенію въ рамкахъ партійности“. Онъ находитъ, что у насъ безъ того уже слишкомъ распространена „преступная (!) партійная односторонность“, между тѣмъ какъ для партій въ Россіи, собственно говоря, вовсе нѣтъ мѣста. Вполнѣ согласиться съ кн. Волконскимъ мы не можемъ. Въ Россіи нѣтъ партій въ западно-европейскомъ смыслѣ, т.-е. въ смыслѣ активныхъ политическихъ организацій; но въ зачаточномъ видѣ партіи у насъ несомнѣнно существуютъ, какъ группы лицъ, связанныхъ общностью стремленій и взглядовъ. Необходимымъ ихъ свойствомъ является нѣкоторая односторонность, вызываемая глубокой вѣрой въ справедливость того или другого начала и страстнымъ желаніемъ способствовать его осуществленію. Совершенно понятно для насъ, однако, отрицательное отношеніе кн. Волконскаго къ призыву г. Spectator'a. Партійная дисциплина предполагаетъ, съ одной стороны, наличность опредѣленныхъ практическихъ цѣлей, для достиженія которыхъ необходимо соглашеніе насчетъ способовъ и путей дѣйствія, съ другой стороны — наличность враждебныхъ партій, съ которыми приходится бороться не только на почвѣ идей, но и въ реальной жизни. Ради такой борьбы, и только ради нея, можно по-

жертвовать долей своей „индивидуальной свободы“; но для чего жертвы, когда нѣтъ борьбы? Зачѣмъ, говоря словами г. Spectator'a, „герметически закупориваться“ въ какую-то ненужную дисциплину, когда не отъ спорящихъ сторонъ зависитъ рѣшеніе спорныхъ вопросовъ?... Сущность и причина разногласія между кн. Волконскимъ и г. Spectator'омъ сдѣлается для насъ совершенно ясной, если мы припомнимъ, въ чемъ именно „С.-Петербургскія Вѣдомости“ отличаются отъ „Московскихъ“, съ ихъ журнальной свитой. Подчиниться дисциплинѣ *нашей партіи*, значило бы, для кн. Волконскаго и Ухтомскаго, свернуть и сдать въ архивъ знамя вѣротерпимости, подъ которымъ они шли до сихъ поръ, открыто сражаясь съ защитниками „казенной обрядности“ и „узкаго націонализма“. Безспорно, для г. Spectator'a и К^о сугубо неприятенъ протестъ, раздающійся въ ихъ собственной средѣ — но со стороны новой редакціи „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ болѣе чѣмъ наивно было бы отказаться, изъ за какихъ-то „дисциплинныхъ“ или „дисциплинарныхъ“ соображеній, отъ лучшей части ея программы.

Какъ тщательно г. Spectator соблюдаетъ фактическую точность, это видно изъ слѣдующихъ словъ его статьи: „либеральная пропаганда дѣлаетъ такіе успѣхи, что уже теперь не совсѣмъ ясно кто же, въ сущности, находится въ *оппозиціи*—мы или либералы“... Либералы „распускаютъ ложные слухи, будто правительство уже перешло на ихъ сторону“... Если сопоставить эти два мѣста, то въ распространеніи ложныхъ слуховъ окажется виновнымъ... самъ г. Spectator. Что „*наша партія*“ продолжаетъ идти по теченію и по вѣтру—въ этомъ меньше всего сомнѣваются именно „либералы“. Лучшимъ политическимъ барометромъ у насъ всегда служило положеніе періодической печати. Измѣнилось ли оно въ послѣднее время—объ этомъ можно судить, между прочимъ, по короткому, но знаменательному сообщенію изъ Тамбова, напечатанному въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 96): „одинъ изъ мѣстныхъ присяжныхъ повѣренныхъ возбудилъ недавно ходатайство о разрѣшеніи ему издавать газету. На дняхъ изъ Петербурга полученъ отвѣтъ, которымъ изданіе газеты въ Тамбовѣ не разрѣшается. Такой отвѣтъ данъ на основаніи отзыва мѣстной высшей власти, что для тамбовской губерніи еще не назрѣла потребность въ изданіи частной газеты, и что мѣстныя губернскія вѣдомости вполне удовлетворяютъ потребностямъ населенія“. Итакъ, для такой населенной, обширной губерніи, какъ тамбовская, съ такими городами, какъ Тамбовъ, Моршанскъ, Козловъ, Борисоглѣбскъ, достаточно „Губернскихъ Вѣдомостей“, т.-е. газеты официальной и уже

по тому одному не могущей служить полнымъ и вѣрнымъ отраженіемъ мѣстной жизни! Что такъ смотритъ на дѣло „мѣстная высшая власть“ — это вполне понятно; гораздо удобнѣе управлять губерніей — особенно если въ управление входитъ бѣльшая доля произвола, — не имѣя подъ рукою докучной прессы, вносящей въ провинціальную жизнь хоть небольшую струю воздуха и свѣта. Но таково ли мнѣніе самого населенія, такъ ли ограничены его потребности? Неужели ему не нужна правдивая, по возможности полная лѣтопись его собственнаго существованія? Неужели его не интересуетъ дѣятельность его представителей въ земскомъ и городскомъ самоуправленіи или столь близко касающихся его органовъ административной, судебной и административно-судебной власти? Неужели оно должно узнавать только изъ слуховъ и сплетенъ — или изъ рѣдкихъ, случайныхъ корреспонденцій столичныхъ газетъ, — что дѣлается въ деревенскихъ захолустьяхъ, благосостояніе которыхъ такъ тѣсно связано съ его собственными интересами? Примѣръ Нижняго-Новгорода, Воронежа, Екатеринбургa (не говоря уже о такихъ крупныхъ центрахъ, какъ Кіевъ, Казань, Саратовъ) давно уже доказалъ, что въ нашей провинціи *возможна* живая, дѣльная, самостоятельная печать — а что она *нелезна*, въ этомъ, конечно, не можетъ быть никакого сомнѣнія... Судьба тамбовскаго ходатайства — не одиночное явленіе; такой же отказъ былъ данъ недавно и на просьбу о разрѣшеніи частной газеты въ Полтавѣ. Еще болѣе характеристично, съ занимающей насъ точки зрѣнія, положеніе Харькова — университетскаго города и важнаго торгово-промышленнаго центра, съ 160 тыс. жителей, имѣющаго до сихъ поръ, вромѣ „Губернскихъ Вѣдомостей“, только одну газету, „Южный Край“, и напрасно, въ продолженіе многихъ лѣтъ, просящаго о дарованіи ему... особаго цензора! Да, бывають случаи, когда немаловажнымъ благомъ представляется даже цензура, потому что тамъ, гдѣ ея нѣтъ, мѣстныя произведенія печати приходится посылать на просмотръ въ отдаленные пункты, обладающіе цензорами (изъ Харькова, напримѣръ — въ столицы или въ Кіевъ). Намъ пишутъ изъ Харькова, что даже въ началѣ столѣтія, когда онъ былъ еще небольшимъ городомъ, онъ имѣлъ свою сравнительно независимую цензуру, благодаря которой могъ издавать книги чуть ли не въ бѣльшемъ количествѣ (пропорціонально къ населенію), чѣмъ теперь, а также нѣсколько періодическихъ изданій, хотя типографія была всего одна (университетская). Въ настоящее время въ Харьковѣ нѣсколько хорошихъ частныхъ типографій, которыя много разъ выражали готовность доставить, путемъ самообложенія, средства на содержаніе въ Харьковѣ отдѣльнаго цензора. Ходатайство типографій не разъ было поддержано губернскимъ зем-

ствомъ, но до сихъ поръ остается неудовлетвореннымъ. Что касается до частныхъ періодическихъ изданій, то въ 70-хъ годахъ стала выходить газета „Харьковъ“, скоро прекратившаяся. Въ 1879 г. или 1880 г., при временномъ генераль-губернаторѣ гр. Лорисъ-Меликовѣ—т.-е. въ весьма смутное для Харькова время, вскорѣ послѣ убійства губернатора кн. Крапоткина,—была основана кружкомъ профессоровъ газета „Южный Край“, подъ редакціей профессора А. Н. Стоянова. Вскорѣ, однако, она перешла подъ редакцію издателя, г. Юзефовича, и вмѣстѣ съ составомъ редакціи и сотрудниковъ радикально измѣнилось и направленіе газеты. Въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ неоднократно возникали ходатайства о разрѣшеніи въ Харьковѣ другой частной газеты, къ которой могли бы примкнуть всѣ не считающіе возможнымъ имѣть дѣло съ „Южнымъ Краемъ“. Редакторомъ проектируемой газеты намѣчался одинъ изъ профессоровъ, пользующійся безукоризненной во всѣхъ отношеніяхъ репутаціей; въ числѣ сотрудниковъ назывались лучшія силы университета, въ томъ числѣ покойный профессоръ Потемня. Разрѣшеніе на изданіе газеты дано, однако, не было, и „Южный Край“ продолжаетъ пользоваться фактической монополіей, весьма выгодной, быть можетъ, для него самого, но едва ли выгодной для населенія. Отсутствие хорошей частной газеты увеличиваетъ прибыли „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“, идущія, между прочимъ, на выдачу наградъ разнымъ должностнымъ лицамъ; но не въ этомъ, конечно, слѣдуетъ искать объясненія тому ненормальному факту, что въ Харьковѣ не оказывается мѣста для второй частной газеты, тогда какъ въ менѣе населенномъ и менѣе богатомъ умственными силами Саратовѣ, рядомъ съ „Губернскими Вѣдомостями“, благополучно существуютъ „Саратовскій Дневникъ“ и „Саратовскій Листокъ“. Особенно чувствительно, по словамъ нашего корреспондента, недостатокъ самостоятельной и всѣми уважаемой частной газеты сказывается въ Харьковѣ тогда, когда нужно указать на какую-нибудь погрѣшность въ городскомъ управленіи или хозяйствѣ. Въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ этого нельзя сдѣлать въ силу ихъ официальнойности, а редакторъ „Южного Края“ состоитъ не только городскимъ гласнымъ, но и арендаторомъ городскихъ оброчныхъ статей—квартиры въ думскомъ домѣ и кіосковъ для продажи газетъ... Сказаннымъ, думается намъ, достаточно обрисовывается положеніе провинціальной печати, какъ знаменателя нашего общественнаго прогресса.

Другимъ „признакомъ времени“, еще болѣе характернымъ, чѣмъ отказъ въ разрѣшеніи новыхъ провинціальныхъ газетъ, является положеніе, въ которое поставлены вновь учрежденныя общества грамотности, с.-петербургское и московское. 17-го ноября 1895 г., состоялось Высочайше утвержденное положеніе комитета министровъ объ отдѣленіи спб. комитета грамотности—отъ вольнаго экономическаго общества, московскаго—отъ московскаго общества сельскаго хозяйства, и о перечисленіи ихъ въ вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія, съ предоставленіемъ послѣдному составить и издать для нихъ новый уставъ. Этотъ уставъ, утвержденный министромъ народнаго просвѣщенія 12 марта нынѣшняго года, создаетъ небывалый у насъ до сихъ поръ типъ частныхъ обществъ, организованныхъ на подобіе казенныхъ присутственныхъ мѣстъ. Въ самомъ дѣлѣ, каковы существенныя, необходимыя черты всякаго частнаго общества? Во-первыхъ, опредѣленіе имъ самимъ своего личнаго состава, т.-е. принятіе имъ въ свою среду новыхъ членовъ не иначе, какъ по собственному его рѣшенію; во-вторыхъ, свободное избраніе имъ самимъ лицъ, которымъ оно поручаетъ завѣдываніе своими дѣлами; въ-третьихъ, самостоятельная дѣятельность, регулируемая только общими законами и специальнымъ уставомъ даннаго общества; въ-четвертыхъ, значительная степень гласности, достигаемой открытіемъ засѣданій для публики (въ особенности если въ программу общества входитъ разработка научныхъ или практическихъ вопросовъ), или, по меньшей мѣрѣ, безпрепятственнымъ, на основаніи общихъ законовъ о печати, печатаніемъ постановленій и протоколовъ. Уставъ общества грамотности не соотвѣтствуетъ ни одному изъ этихъ условий. Въ составъ общества можетъ вступить всякій желающій; для этого достаточно простого *заявленія* правленію и взноса опредѣленной суммы. Предсѣдатель правленія (а вмѣстѣ съ тѣмъ и общества) *назначается* министромъ народнаго просвѣщенія; товарищъ предсѣдателя, члены правленія (числомъ шесть), кандидаты къ нимъ, секретарь и казначей хотя и выбираются общимъ собраніемъ, но (за исключеніемъ одного только казначея) утверждаются министромъ. Въ случаѣ неутвержденія кого-либо изъ избранныхъ производится новое избраніе, а если и оно окажется „безуспѣшнымъ“, то вакансія замѣщается по усмотрѣнію министра. При несогласіи предсѣдателя правленія съ мнѣніемъ большинства, дѣло представляется на разрѣшеніе министра. Въ своей дѣятельности общество на каждомъ шагу встрѣчаетъ ограниченія, иногда большія, чѣмъ установленныя для частныхъ лицъ. Оно можетъ собирать статистическія свѣденія, но не иначе, какъ по программамъ, утвержденнымъ министерствомъ; оно можетъ издавать

книги, но только съ разрѣшенія министерства (для частныхъ лицъ достаточно дозволенія цензуры); оно можетъ сноситься съ училищами, но не иначе, какъ черезъ ихъ начальство; оно въ правѣ учреждать школы и назначать пособія школамъ уже существующимъ, но посѣщать такія школы члены общества, имъ на то уполномоченные, могутъ *только въ неучебныя часы*; оно въ правѣ помогать учащимъ въ школахъ, но только съ согласія подлежащаго начальства. Общество можетъ обсуждать педагогическіе вопросы и мѣры по народному образованію, но когда? Въ обыкновенномъ собраніи? но оно будетъ происходить только одинъ разъ въ годъ и, конечно, не успѣетъ заняться ничѣмъ другимъ, кромѣ текущихъ дѣлъ (разсмотрѣніе отчета и смѣты, выборы и т. п.). Въ чрезвычайныхъ собраніяхъ? Они созываются, по уставу, только въ случаяхъ *особенной надобности*, къ которымъ едва ли будетъ отнесено слушаніе реферата по какому-нибудь общему вопросу. Засѣданія общихъ собраній непубличны. Въ засѣданія правленія могутъ быть приглашаемы *предсѣдателями* постороннія лица, но въ числѣ *не болѣе трехъ* (недовѣріе распространяется, такимъ образомъ, даже на *назначеннаго* предсѣдателя). Журналы общихъ собраній, правленія и ревизіонной комиссіи или извлеченія изъ нихъ могутъ быть печатаемы не иначе, какъ съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія. Совершенно понятнымъ, въ виду всего вышеизложеннаго, является тотъ параграфъ устава, по которому общества грамотности *подчиняются* центральному управленію министерства народнаго просвѣщенія, *руководящаю* ихъ дѣятельностью и *поощряющаю* достойнѣйшихъ изъ числа членовъ испрошеніемъ имъ почетныхъ наградъ и другими способами. Общества грамотности, по уставу 12 марта, являются, въ сущности, ничѣмъ инымъ, какъ органами администраціи, дѣйствующими, отчасти, на счетъ частныхъ пожертвованій. Присутствіе въ правленіи выборныхъ лицъ ничего въ этомъ отношеніи не измѣняетъ, какъ потому, что они утверждаются министерствомъ, такъ и потому, что всякое ихъ рѣшеніе можетъ быть отиѣнено по единоличному протесту назначеннаго предсѣдателя. Разъ что общества грамотности—составныя части учебнаго вѣдомства, безусловно логичнымъ оказывается какъ устраненіе не-христіанъ изъ числа дѣйствительныхъ и почетныхъ членовъ, такъ и запрещеніе избирать въ члены правленія, секретари и казначеи лицъ женскаго пола; вѣдь по установившемуся у насъ обычаю не-христіане и женщины или вовсе не допускаются на службу, или не могутъ подниматься далѣе низшихъ ея ступеней. Еще послѣдовательнѣе было бы, конечно, прямое возложеніе функцій обществъ грамотности на то или другое присут-

ственное мѣсто, на тѣхъ или другихъ должностныхъ лицъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія—или, иными словами, простое упраздненіе комитетовъ грамотности, безъ замѣны ихъ такъ называемыми обществами грамотности. Съ этой точки зрѣнія совершенно правъ „Гражданинъ“ (№ 31), удивляющійся, зачѣмъ понадобились общества грамотности, когда въ составѣ министерства имѣются уже на лицо соотвѣтствующія, „прекрасно дѣйствующія“ учрежденія, да и губернаторы всегда „къ его услугамъ“, чтобы „не допускать въ народъ книгъ съ вреднымъ направленіемъ“... Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что съ своими предшественниками, комитетами грамотности, общества грамотности—въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ создалъ уставъ 12 марта—не имѣютъ ничего общаго, и что проводниками общественной дѣятельности на пользу народнаго образованія они служить не могутъ. Укажемъ, въ заключеніе, на послѣдній параграфъ устава, столь же безпримѣрный въ исторіи нашихъ обществъ, какъ и многіе другіе: „министръ народнаго просвѣщенія имѣетъ право закрыть *своею властью* каждое изъ названныхъ обществъ (т.-е. с.-петербургское и московское), когда онъ признаетъ это необходимымъ по дошедшимъ до него свѣденіямъ о безпорядкахъ въ обществѣ или нарушеніи послѣднимъ правилъ сего устава“. Казалось бы, что въ такомъ постановленіи мѣяе всего имѣлась надобность въ уставахъ обществъ, вся дѣятельность которыхъ поставлена въ зависимость отъ министерства народнаго просвѣщенія... Еслибы, паче чаянія, одно изъ обществъ, организованныхъ уставомъ 12 марта, было закрыто по распоряженію министра, отсюда возникъ бы интересный юридическій вопросъ: можетъ ли министръ закрывать, своею властью, такія общества, которыя учреждены взамѣнъ Высочайше утвержденныхъ, въ свое время, комитетовъ грамотности, и по отношенію къ которымъ министру предоставлено только право организаціи, но не право упраздненія?

Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 107) появилась новая статья о вѣротерпимости, вызванная нашей предъидущей общественной хроникой. Осуждая еще разъ „попытки вторженія въ внутренній міръ человѣка“, признавая, что „насильственное требованіе выраженія тѣхъ или другихъ вѣрованій есть не что иное, какъ требованіе лицемѣрія“, московская газета настаиваетъ на громадномъ различіи между „запрещеніемъ высказывать все, что думаешь“ и „требованіемъ высказывать то, чего не думаешь“. Не отрицая этого различія, мы желали бы болѣе точнаго опредѣленія его практическихъ послѣд-

ствій. Представимъ себѣ, что человекъ, числящійся православнымъ, на самомъ дѣлѣ пересталъ принадлежать или даже никогда не принадлежалъ къ православію (это встрѣчается довольно часто въ средѣ „новообращенныхъ“: родители, по той или другой причинѣ перешедшіе въ православіе, но вслѣдъ затѣмъ возвратившіеся къ своей прежней вѣрѣ, которую, въ глубинѣ сердца, никогда и не измѣняли, воспитываютъ въ ней дѣтей своихъ, официально считающихся православными). Открыто признать себя не-православнымъ, жить и воспитывать своихъ дѣтей по правиламъ своего вѣроисповѣданія, онъ не можетъ. Что это такое съ точки зрѣнія „Московскихъ Вѣдомостей“— законное (въ нравственномъ смыслѣ) „запрещеніе высказывать все, что думаешь“, или незаконное (въ томъ же смыслѣ) „вторженіе въ внутренній міръ человека“? Для насъ отвѣтъ на этотъ вопросъ не подлежитъ никакому сомнѣнію уже потому, что „запрещеніе“, въ подобныхъ случаяхъ, почти неминуемо влечетъ за собою вынужденное „лицемѣріе“ (напримѣръ, совершеніе брака или крещенія по православному обряду, съ единственною цѣлью обезпеченія гражданскихъ правъ жены и дѣтей); но любопытно было бы знать, какъ отвѣчаютъ на него „Московскія Вѣдомости“?... Московская газета признаетъ, вмѣстѣ съ нами, что „положительное законодательство должно стремиться къ согласованію съ вѣчнымъ закономъ нравственности“,—но, продолжаетъ она, „этотъ вѣчный законъ не имѣетъ во времени такого объективнаго выраженія и мѣрила, чтобы основанныя на немъ положенія не вызвали споровъ“. Конечно; но что же отсюда слѣдуетъ? Именно то, что объектомъ государственныхъ мѣропріятій могутъ быть только вѣроученія, явно и несомнѣнно противныя вѣчному закону нравственности—узаконяющія, напримѣръ, убійство, изувѣченіе, развратъ. Самимъ послѣдователямъ подобныхъ вѣроученій все это можетъ казаться нравственнымъ и даже обязательнымъ, въ силу религиозныхъ предписаній—но важно здѣсь не то, что думаетъ горсть изувѣрковъ, а то, что установлено *consensu omnium*, голосомъ вѣковъ и народовъ. Другое дѣло—требованія измѣнчивыя, мѣстныя, временныя, не вытекающія изъ непреложныхъ, вездѣ и всегда одинаковыхъ началъ нравственности; отъ такихъ требованій допустимость или недопустимость вѣроученія зависѣть не должна. Стоитъ только назвать, напримѣръ, съ одной стороны скопцовъ, съ другой—штундистовъ, пашковцевъ, баптистовъ, духоборцевъ, чтобы понять значеніе критерія, коренящагося въ вѣчномъ нравственномъ идеалѣ. У насъ законъ 3-го мая 1883 г. былъ первымъ шагомъ къ признанію этого критерія—но онъ существенно нарушенъ положеніемъ комитета министровъ 4-го іюля 1894 г., запретившимъ общественныя молитвенныя

собранія штундистовъ ¹⁾). Еще важнѣе уклоненія, сплошь и рядомъ встрѣчающіяся на практикѣ. Примѣры такихъ уклоненій мы привели въ предыдущей замѣткѣ, говоря, со словъ „Недѣли“, о „самарскихъ еретикахъ“. Въ той же газетѣ (№ 16) напечатано по истинѣ ужасающее сообщеніе изъ бузулукскаго уѣзда (самарской губерніи), описывающее звѣрское истязаніе крестьянскими властями (старостой, сотскимъ) нѣсколькихъ такъ называемыхъ „мормоновъ“, т.-е. участниковъ какой-то вновь обнаружившейся секты — людей, по общему отзыву, хорошихъ, покорныхъ, даже посѣщавшихъ церковь, пока ихъ не велѣлъ гнать оттуда мѣстный священникъ. Этотъ священникъ, дѣйствовавшій подѣ влияніемъ о. Матюшинскаго (см. предыдущую хронику), велѣлъ „учить, наставлять“ открытыхъ имъ „мормоновъ“ — и вотъ, отъ этого „ученья“ умеръ одинъ изъ „еретиковъ“ и тяжело пострадали два другіе... Официальныя преслѣдованія за вѣру опасны, между прочимъ, именно тѣмъ, что разжигаютъ народныя страсти, которыя, въ связи съ народнымъ невѣжествомъ, слишкомъ легко могутъ привести къ самымъ печальнымъ результатамъ. Намъ уже нѣсколько разъ приходилось слышать, что параллельно съ запрещеніемъ молитвенныхъ штундистскихъ собраній въ разныхъ мѣстахъ идутъ „добровольческія“ насильственныя дѣйствія противъ штундистовъ...

Апрѣльская книжка „Вѣстника Европы“, по случаю праздниковъ, должна была быть закончена печатаніемъ гораздо раньше обыкновеннаго. Это помѣшало намъ выразить наше сочувствіе М. О. Меншикову, по поводу нападенія, которому онъ подвергся со стороны бывшаго земскаго начальника Жеденева. Величайшей заслугой „Недѣли“ является именно всегдашняя ея готовность раскрывать беззаконія и притѣсненія, отъ которыхъ такъ много терпитъ наша провинція, и которыя такъ туго и трудно дѣлаются достояніемъ гласности. На страницахъ „Недѣли“ постоянно можно найти множество фактовъ, оглашеніе которыхъ не только бросаетъ яркій свѣтъ на нашу дѣятельность, но оказываетъ иногда реальную пользу той или другой группѣ населенія. Одно изъ такихъ сообщеній и было причиной нападенія на М. О. Меншикова, который выразилъ, передъ тѣмъ, согласіе напечатать опроверженіе г. Жеденева, но совершенно правильно отказался извиниться передъ нимъ отъ имени редакціи, пока не будетъ доказана ошибочность или лживость сообщенія. Чтò нужно

¹⁾ См. Внутреннее Обзорѣніе въ № 1 „Вѣстника Европы“ за 1895 г.

было бы сдѣлать для предупрежденія столь печальныхъ явленій, какъ трижды повторившіяся, въ послѣднее время, насильственныя дѣйствія противъ представителей печати—объ этомъ мы поговоримъ въ другой разъ.

НОТАРІАЛЬНОЕ ЗАЯВЛЕНІЕ Г. ВСЕВОЛОДА СОЛОВЬЕВА,

по поводу изданія „Записокъ“ историка С. М. Соловьева—и отвѣтъ Редакціи.

Въ апрѣльской книжкѣ нашего журнала (стр. 889) мы выразили готовность принять предложеніе гг. Вл. и Мих. Соловьевыхъ—издать записки ихъ покойнаго отца Сергѣя Михайловича „въ надлежащемъ видѣ, согласно автографическому подлиннику“, находящемуся въ ихъ распоряженіи; при этомъ они объяснили, что въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ появились извлеченія изъ этихъ записокъ, сдѣланныя неправильно во многихъ отношеніяхъ, безъ соблюденія точности редакціи, съ произвольными пропусками и безъ обозначенія пропусковъ неизбѣжныхъ.—Мы, съ своей стороны, принявъ такое предложеніе, какъ то и слѣдовало, съ полнымъ довѣріемъ къ свидѣтельству о подобномъ отношеніи къ памяти глубоко чтимаго нами лица, заявили, съ своей стороны, что, дѣйствительно, изданіе записокъ Сергѣя Михайловича въ надлежащемъ ихъ видѣ желательно не только въ интересахъ покойнаго, но и для возстановленія истиннаго характера нашего историка, занимающаго первенствующее мѣсто въ наукѣ отечественной исторіи.

По поводу такой, выраженной нами, готовности—принять сдѣланное намъ предложеніе, мы получили отъ г. Всеволода Соловьева, одного изъ сыновей Сергѣя Михайловича, нотаріальное заявленіе, отъ 18-го апрѣля, отрицающее право его братьевъ предоставить намъ, безъ его особаго разрѣшенія, напечатаніе записокъ ихъ отца, а слѣдовательно—и наше право принять подобное предложеніе; угрожая судебнымъ преслѣдованіемъ, г. Всеволодъ Соловьевъ присовокупляетъ слѣдующее: „Что же касается печатанія извлеченій изъ „записокъ“ моего покойнаго отца, мною редактированныхъ, то право на такое печатаніе—за себя и на основаніи имѣющагося у меня разрѣшенія отъ моихъ сонаслѣдниковъ (Вл. и Мих. Соловьевыхъ),—я уступилъ Русскому Вѣстнику“.

Въ виду такого заявленія, мы сочли своимъ долгомъ представить это заявленіе на заключеніе сонаслѣдниковъ г. Всеволода Соловьева. По этому поводу, Влад. Серг. Соловьевъ подтвердилъ намъ, „что извлеченія изъ записокъ (Сергѣя Михайловича) были предоставлены для напечатанія въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ не только безъ разрѣшенія моего и брата Михаила, но даже безъ нашего вѣдома. Мы узнали объ ихъ предстоящемъ обнародованіи впервые изъ газетныхъ объ-

явленій. Мой братъ Михаилъ тогда же заявилъ письменно о своемъ безусловномъ несогласіи, что однако не было принято во вниманіе. Я, съ своей стороны, не желая обращаться къ суду, потребовалъ, по крайней мѣрѣ, предварительнаго ознакомленія съ предполагавшимися для печатанія текстомъ—съ тѣмъ, чтобы вопросъ о необходимости тѣхъ или другихъ пропусковъ рѣшался съ обоюднаго согласія. Это условіе было принято,—но не исполнено. Не извѣщенный о времени печатанія (подъ предлогомъ неизвѣстности моего адреса), я получилъ уже сверстанную корректуру за нѣсколько дней до выхода книжки, въ день моего отъѣзда въ Москву. Когда мы съ братомъ Михаиломъ сличили напечатанное въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ съ подлинными записками, то увидали то, въ чемъ мы потомъ могли и сами увѣриться,—именно, редакцію тенденціозную, измѣняющую впечатлѣніе записокъ *въ ущербъ памяти ихъ автора*. Я послалъ тогда брату Всеволоду письмо, гдѣ, одобряя въ общемъ его *предисловіе*, указалъ, что въ текстѣ записокъ, кромѣ пропусковъ необходимыхъ, есть и такія, которые ни на чемъ не основаны, и на которые мы *безусловно не согласились бы*, еслибы принимали участіе въ печатаніи,—теперь же вся отвѣтственность за редакцію лежитъ на немъ одномъ. Послѣ этого, братъ Михаилъ, съ моего согласія, послалъ свое заявленіе въ „Новое Время“, а затѣмъ мы съ нимъ рѣшили напечатать записки въ надлежащемъ, т.-е. возможно полномъ и точномъ видѣ. *Это рѣшеніе будетъ во всякомъ случаѣ исполнено*“.

Выражая мѣсяцъ тому назадъ готовность принять предложеніе Вл. и М. Соловьевыхъ, мы тогда знали только одно,—что извлеченіе изъ записокъ С. М. Соловьева дѣлается *неправильно по многимъ отношеніямъ*, съ произвольными выпусками, безъ обозначенія пропусковъ неизбѣжныхъ; одно такое заявленіе говорило ясно, что на подобныя операціи надъ записками не могло быть дано согласія со стороны лицъ, заявляющихъ о томъ. Но когда намъ было предъявлено сонаслѣдниками г. Всеволода Соловьева начало рукописи, и мы сами получили возможность сравнить такъ-называемыя „извлеченія изъ записокъ“ С. М. Соловьева въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ съ подлинникомъ,—мы убѣдились вполне, что изданіе ихъ въ „редакціи“, какую взялъ на себя сдѣлать одинъ изъ его сыновей, притомъ, какъ оказывается, не только безъ согласія, но и противъ воли своихъ сонаслѣдниковъ,—гораздо справедливѣе могло бы быть названо „искаженіемъ“ записокъ С. М. Соловьева, а никакъ не „извлеченіемъ“ изъ нихъ. О размѣрѣ сокращеній можно судить, напримѣръ, потому, что часть, напечатанная въ февральской книгѣ, составляетъ полтора печатныхъ листа „Русскаго Вѣстника“, а по рукописи эта самая часть

содержитъ въ себѣ гораздо болѣе трехъ листовъ: выпущено цѣликомъ все начало записокъ, объемомъ около печатнаго листа, съ превосходною картиною дѣтства и отрочества Сергѣя Михайловича, проведенныхъ имъ въ домѣ отца—священника въ Москвѣ,—съ воспоминаніями, весьма интересными, о первоначальномъ воспитаніи нашего будущаго историка въ духовномъ училищѣ, а потомъ въ гимназіи—въ концѣ 20-хъ и началѣ 30-хъ годовъ. Чѣмъ можно объяснить подобный выпускъ, если не полнымъ произволомъ?—какія могли быть такъ-называемыя „независящія обстоятельства“, вынудившія скрыть превосходныя страницы о дѣтствѣ нашего историка, мастерски начертанныя притомъ имъ самимъ? Еще болѣе замѣчательно изслѣдованіе автора записокъ — причинъ неудовлетворительности положенія свѣтскаго духовенства въ ту отдаленную нынѣ отъ насъ эпоху,—положенія близко знакомаго ему по семейнымъ его обстоятельствамъ; высокое положеніе, какое авторъ занималъ и занимаетъ въ наукѣ отечественной исторіи, придаетъ весьма серьезное значеніе и вѣсь высказаннымъ имъ, при этомъ, взглядамъ и соображеніямъ. Нельзя также понять и другого крупнаго пропуска, около полулиста печати, гдѣ изображается въ лицахъ обученіе и воспитаніе въ гимназіяхъ того времени,—и изображается—повторяемъ—перомъ такого лица, какъ Сергѣй Михайловичъ. Не говоримъ уже послѣ этого о менѣе крупныхъ, по размѣру, пропускахъ или о тенденціозныхъ сокращеніяхъ подлиннаго текста, въ родѣ, напримѣръ, слѣдующаго: историкъ отзывается объ одномъ высокопоставленномъ лицѣ, какъ о замѣчательномъ человѣкѣ—„по образованности и по либеральному образу мыслей“; въ редакціи же сына историка, слово: „либеральный“—вычеркивается, и выходитъ: замѣчательный „по образованности и по образу (?) мыслей“ („Руск. Вѣстн.“, 1896, февр., 26 стр.). Почему это слово вычеркивается?—можно о томъ догадываться ¹⁾, но никакъ нельзя объяснять такой пропускъ необходимостью въ этомъ случаѣ принять въ соображеніе законъ о печати; тутъ былъ нарушенъ другой законъ, обязывающій cadaго относиться, особенно въ подобномъ случаѣ, съ полнымъ уваженіемъ къ чужому слову лица, притомъ такого, какъ С. М. Соловьевъ, не имѣющаго, за смертью, возможности протестовать противъ искавленія его записокъ, но на этотъ разъ, къ счастью, могли явиться защитниками памяти отца другіе сыновья—и они явились!

Вообще, записки С. М. Соловьева въ томъ видѣ, какъ онѣ вышли изъ рукъ того, кто объявляетъ себя—à tout prix—ихъ „редакторомъ“, даютъ такое же понятіе о симпатичномъ внутреннемъ, душев-

¹⁾ Вѣроятно, эпитетъ: „либеральный“ былъ признанъ вообще неприличнымъ для высокопоставленнаго лица.

номъ обликѣ нашего историка, какое дала бы понятіе фотографія о копируемомъ ею лицѣ, еслибы фотографъ, въ моментъ снятія изображенія, помѣстилъ между лицомъ оригинала и станкомъ свои пять пальцевъ; это было бы, конечно, изображеніе даннаго лица, но вмѣстѣ— и пальцевъ фотографа, совершенно неумѣстныхъ, по нашему мнѣнію, въ подобномъ случаѣ. Вотъ почему мы, по прежнему, продолжаемъ выражать нашу полную готовность послужить всѣми зависящими отъ редакціи средствами къ защитѣ памяти отца, предпринятой его сыновьями, Влад. и Мих. Соловьевыми.

ИЗВѢЩЕНІЯ.

Отъ Московскаго Комитета Грамотности.

Отъ лица, пожелавшаго остаться неизвѣстнымъ, въ Совѣтъ Московскаго Комитета Грамотности поступило пожертвованіе въ размѣрѣ 63 тысячъ руб. (55 тысячъ рублей деньгами и закладными листами, и около 8-ми тысячъ руб. ⁰/₁₀ бумагами), при чемъ жертвователемъ выражено желаніе употребить эту сумму на слѣдующія цѣли:

1) Тридцать тысячъ рублей на безплатную разсылку книгъ въ народныя бібліотеки, устраиваемыя по правиламъ 15-го мая 1890 г., —цѣною отъ 100 руб. до 300 каждая,—изъ книгъ по каталогу, одобренному Комитетомъ Грамотности; 6) 10 тысячъ руб. на школьныя бібліотеки, —цѣною отъ 10 до 50 руб. каждая,—и на высылку учебниковъ въ бѣднѣйшія школы; 2) пятнадцать тысячъ руб. на изданія полезныхъ книгъ для народнаго чтенія и другія изданія Комитета Грамотности и на устройство книжныхъ складовъ; 3) пять тысячъ руб. на другія нужды Комитета по его усмотрѣнію; 4) и восемь тысячъ на воскресные классы и повторительные. Что касается остальныхъ пяти тысячъ руб., то они, согласно съ волею жертвователя, должны быть распределены примѣнительно къ изложеннымъ выше указаніямъ.

Общее собраніе членовъ Комитета Грамотности, состоявшееся 28-го минувшаго февраля, утвердивъ всѣ заключенія, состоящихъ

при Комитетѣ Коммиссій относительно осуществленія вышеназженныхъ предположеній, единогласно постановило выразить жертвователю свою глубочайшую благодарность за его щедрый даръ на дѣло народнаго образованія.

ПО П Р А В К А :

Въ апрѣльской книгѣ, на стр. 829, въ строкѣ 6-ой снизу, послѣ слова „цѣнностью“, пропущено: „напр.“—; на стр. 865, въ 4-ой строкѣ сверху, вмѣсто: „быта народнаго изъ нуждающихся семей“, слѣдуетъ читать: „быта десяти нуждающихся селеній“.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

ВИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Озориъ възникши спомини Россіи, по 1800 году, Н. Н. Вантшиъ-Каменскій. Ч. I: Австрія, Англія, Венгрія, Голландія, Давія, Испанія. Ч. II: Германія и Италія, М. 1894 и 1896 г. Стр. 303 и 271. Ц. по 2 р.

Последнее изданіе, исполненное особомъ комиссіею при Московскомъ Главномъ Архивѣ ии. востр. дѣлъ, давно было подготовлено С. Н. Вантшиъ-Каменскимъ, потрудившимся надъ такимъ обзоромъ въ теченіе почти 40 дѣтъ; въ еще въ 1800 г. представилъ первую часть своего труда графу Ф. Ростопчину, который писалъ, что мѣсто этому труду „не въ библіотекѣ, а въ кабинетѣ моемъ“, гдѣ этотъ трудъ „остается всегда при мнѣ, и будетъ служить поучительной архивою“. За первую часть скоро послабѣла еще дѣл; но Вантшиъ-Каменскій такъ и не успѣлъ въ 1814 г., не увидѣвъ своего обширнаго дѣла въ печати. Несмотря на настоянія Карамзина въ 1818 г., только въ 1821 г., по ходатайству Кавовдстрія, состоялось Высочайшее повелѣніе объ изданіи работъ Вантшиъ-Каменскаго съѣтъ казни. „Вслѣдствіе этого Высочайшаго указу (1821 г.),—объявляется въ предисловіи первой части, —и согласно докладу правителя комиссіи, отиѣтывающаго существенную необходимость скорѣйшаго изданія этой работы Н. Вантшиъ-Каменскаго, она и выпускается въ 2^ю (т.-е. въ 1824 г.) Ковечно, лучше поздно, чѣмъ такъ поздно, какъ это случилось съ нашимъ трудомъ—тѣмъ никогда; но все же мы не пожалѣли, что такого рода faith и добродѣельная работа, гдѣ сгруппированы наши шіе сношенія со всеми государствами шипии, начиная съ послѣднихъ десятилѣтій шіека. Третья часть составили сношенія и съ Курляндіей, Лифляндіей, Эстляндіей, индіей, Польшею и Португаліей; четвертая шіека—съ Пруссіей, Франціей и Швеціей. На оригиналѣ первой части авторъ ея съ такое замѣчаніе: „Сокращенное извѣстіе шіекихъ между російскими монархами и шіескими дворами посольствахъ, переписки и договорахъ, хранящихся государственной архиву иностраннымъ дѣлъ въ московской архивѣ съ 1481 г. по 1801 годъ“.

Головинъ. Мужикъ въ прогрессѣ, или прогрессъ въ мужикѣ. (Въ вопросу объ экономическомъ матеріалізмѣ). Спб., 1896. р. 161. Ц. 1 р.

Головинъ по-своему излагаетъ и резюмируетъ самую полемику между народниками и сталинъ во вопросу о будущемъ ходѣ развѣтшаго народнаго хозяйства. Народники гдѣтъ противъ промышленнаго капитализма шіекихъ съ нивъ техническихъ усовершеншій, предпочитая сохраненіе малокulturшювъ крестьянскаго быта; а марксисты шіеки охотно отдавать мужика въ жертву шіекимъ промышленнымъ успѣхамъ. Но,—съ авторъ,—если жалокъ и великъ мужикъ прогресса, съ которымъ такъ посылетъ народники, то немногимъ лучше и прогрессъ мужика, увлекающій воображеніе шіекомъ западнаго толка“. Г. Головинъ шіека равнумное развѣтше промышленности,

въ связи съ улучшеніемъ крестьянскаго земледѣлія и съ возможными поддержаніемъ кустарныхъ промысловъ.

Легенды о старинныхъ замкахъ Бретани. Е. Балабаиовой. Спб., 1896. Стр. V + 170 Ц. 1 р.

Поэтическія легенды, собранныя въ этой книжкѣ, записаны лично г-жею Балабаиовой въ Бретани, со словъ устныхъ рассказчиковъ и рассказчицъ; онѣ большею частью имѣютъ связь съ преданіями, касающимися старыхъ разрушенныхъ замковъ. Г-жа Балабаиова скромно заявляетъ въ предисловіи, что не желаетъ придавать своей работѣ какое-либо научное значеніе; книжка эта, по ея словамъ, представляетъ собою только „сборникъ поэтическихъ преданій, предвѣщаній для любителей народнаго поэзія“,—преданій, пересказанныхъ свободно, не шіекались „требованіемъ точности, необходимой для научныхъ цѣлей, во часто порташей впечатлѣніе, благодаря совершенно нешіекающимся подробностямъ и частностямъ, шіекающимися въ дѣйствительно поэтической шіекаетъ“. Во всякомъ случаѣ книжка читается съ большимъ интересомъ.

Морисъ Вотье, проф. уник. въ Брюсселѣ. Мѣстной изданіе Англіи. Переводъ съ французскаго В. В. Водозова. Спб., 1896. Стр. XVI и 328. Ц. 2 р.

Организація мѣстнаго управленія въ Англіи представляетъ глубокой интересъ, не только теоретическій, но и практический, такъ какъ она въ высшей степени дѣлсообразно разрѣшаетъ многие вопросы, составляющіе до сихъ поръ камень преткновенія въ другихъ странахъ, особенно въ дѣлѣ размежеванія компетенціи между учрежденіями мѣстными и центральными. Книга переведена очень старательно и съ знаніемъ дѣла.

Джонъ Морзеи. О компромиссѣ. Переводъ съ англійскаго М. Ц.—Съ приложеніемъ статьи того же автора о воспитательномъ значеніи аиторатуры. Изд. 2-ое, исправленное. Москва, 1896. Стр. 344. Ц. 75 к.

Популярная, живо написанная книга Морзеи имѣла у насъ, очевидно, заслуженный успѣхъ, какъ это видно изъ появленія ея вторымъ изданіемъ. Русскій переводъ отличается легкостью и литературностью изложенія.

О. К. Нотовичъ.—Любовь, Философско-психологическій этюдъ. Красота. Критико-философскій этюдъ. Предисловія Ц. Ломброзо и Г. Ферреро. Письма къ автору съ Оливія, Д. Л. Мордовцева. Изд. 6-е. Спб., 1896. Стр. LIV + 224 + 48.

Въ этюдѣ о любви авторъ высказываетъ шіекаютія оригинальная мѣсла, получившія соотвѣтственную оцѣнку въ предисловіяхъ Цезаря Ломброзо и Ферреро, а также въ письмахъ г. Мордовцева. Въ этюдѣ о красотѣ разбирается статья Вл. С. Соловьева по этому предмету, напечатанная въ „Вопросахъ философіи и психологіи“ за 1889 годъ.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1896 г.

(Тридцать-первый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Июль	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкой	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ пересылкой	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союзу	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкой и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюль, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюль и октябрѣ, принимается — безъ повышенія годовой цѣны подписки.

— Принимается подписка на годъ, полугодіе и вторую четверть 1896 г. —

Ближние магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА принимается — въ *Петербургѣ*: 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 5 лн., 28; и 2) въ сл. Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Риккера на Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій просп., 20, у Цолинейскаго моста (бывшій Мелье и К^о), и Н. Феву и К^о, Невскій просп., 42; — въ *Москвѣ*: 1) въ книжн. магаз. Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. И. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха; и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи. — *Иногородные и иностранцы* — обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнала, Сиб., Газетная, 20; и 2) лично — въ Контору журнала. — Тамъ же принимаются **ИЗВѢЩЕНІЯ И ОБЪЯВЛЕНІЯ.**

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ включать въ себя: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтового учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожителейъ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., и иногородные, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Далобы* на несправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышеупомянутыхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не можетъ быть по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только гдѣ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые являлись съ подписной суммою 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Сиб., Газетная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академ. пер., 7.

ВЪСТАНКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ.

ЛІТЕРАТУРЫ.

ТРИДЦАТЬ-ПЕРВЫЙ ГОДЪ. — КНИГА 6-я.

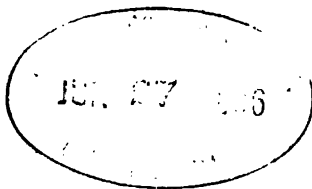
ІЮНЬ, 1896.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 6-я. — ІЮНЬ, 1896.

Стр.

I.—НЕОКОНЧЕННАЯ ПОВѢСТЬ. — Въ трехъ частяхъ.—Вторая часть: VIII-X, и третья: I.—Окончаніе.—А. Луухтима	445
II.—ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ и его рукопись.—I-II.—С. Шохоръ-Троцкого	475
III.—ПЯТАЧКИ.—Разсказъ.—I-IV.—Ольги Стародубской	5510
IV.—НА СИБИРСКИХЪ ЗОЛОТЫХЪ ПРОМЫСЛАХЪ.—III-IV.—В. М. Семеновскаго	538
V.—КНЯГИНЯ.—Романъ въ двухъ частяхъ.—Вторая часть: XXX-XL.—Окончаніе.—П. Д. Боборыкина	565
VI.—НАРОДНАЯ ПОЭЗІЯ въ ея историко-литературныхъ отношеніяхъ.—III.—Окончаніе.—А. Н. Иванова	609
VII.—ЧЕРНЫЙ АЛМАЗЪ.—Diamant noir. Roman, par J. Aicard. — XIII-XIX.—Окончаніе.—А. В—Г—	658
VIII.—СЕРГѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ СОЛОВЬЕВЪ.—Нѣсколько данныхъ для его характера.—I-VII.—Влад. С. Соловьева	589
IX.—УСЛУГА ЗА УСЛУГУ.—Разсказъ.—А. Винницкой	709
X.—ПИСЬМА Н. В. ГОГОЛЯ.—I-XXVI.—Сообщено В. В.	727
XI.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—Сергѣя Орловскаго	753
XII.—ХРОНИКА.—По исполненію государственной росписи на 1895 годъ	759
XIII.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Высотокрестивенный день 14-го мая — и Всемялостивѣйшій Манѣфестъ того же дня.—Судебная реформа въ архангельской губерніи и въ Сибири.—Возможны ли на окраинахъ Россіи суды приличныхъ?—Частіи поправки въ существующему устройству суда приличныхъ, представляющіяся, съ нашей точки зрѣнія, желательными или безразличными.—Нѣчто о равенствѣ—черезъ суды.—Post-Scriptum.—	773
XIV.—НОВЫЙ ТИПЪ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКОЙ ШКОЛЫ.—А. А. Штевенъ	792
XV.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Политическое значеніе коронаціонныхъ празднествъ.—Международный съѣздъ въ Москвѣ и успѣхи нашей внѣшней политики.—Празднества въ Будапештѣ.—Внутреннія дѣла во Франціи, въ Англіи и Италіи.—Post-Scriptum; Письмо въ Редакцію П. А. Тверскаго	800
XVI.—ЗАМѢТКА.—По поводу новой книги Слативъ-паша.—Feuer und Schwert im Sudan.—Э. Р.	814
XVII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Русскій Биографическій Словарь, т. I: Ааронъ—имп. Александръ II, изд. подъ наблюд. А. А. Полоцова.—Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневимъ.—Дѣянія и Хлоя, ром. Лонгуса, перев. Д. Мерельковскаго.—Сочиненія В. Д. Спасовича, т. VIII.—Исторія русскихъ земель и городовъ.—А. П.—Новыя книги и брошюры	821
XVIII.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. Emile Zola, Rome.—II. Walter Pater, Miscellaneous Studies.—III. Baron de Baye. L'oeuvre de V. Vasnetzoff.—Э. В.	829
XIX.—ПО ПОВОДУ „РАЗЪЯСНЕНІЯ ДИРЕКТОРА НАРОДНЫХЪ УЧИЛИЩЪ СИБ. ГУБЕРНІИ О ПРАВАХЪ ПОПЕЧИТЕЛЕЙ НАЧАЛЬНЫХЪ УЧИЛИЩЪ“.—Р.	850
XX.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Новая варіація на тему: „Молодежь прежде и теперь“.—„Семядесятиники“ и „девятислетики“.—Послѣднія обобщенія и преувеличенія страха.—Еще объ обществахъ грамотности.—Катастрофа на Ходискомъ полѣ	854
XXI.—БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—За послѣдніе годы, А. Ф. Кош.—Императоръ Николай I, издатель русской школы, М. С. Лазарева.—Энциклопедическій Словарь т. XVII, А.—Судебныя учрежденія во Франціи, перев. А. Маршона.—Словарь русскихъ художниковъ, ваятелей, живописцевъ, зодчихъ и пр. Состав. Н. П. Собко	
XXII.—ОБЪЯВЛЕНІЯ —I-XVI стр.	

НЕОКОНЧЕННАЯ ПОВѢСТЬ

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

VIII *).

На слѣдующее утро Миллеръ пилъ чай у Угарова,—когда раздался звонокъ, и въ комнату вошелъ высокій, стройный офицеръ въ адъютантскомъ мундирѣ. Угаровъ всталъ и съ недоумѣніемъ глядѣлъ на вошедшаго. Тотъ остановился среди комнаты и также не произносилъ ни слова.

— Боже мой! — воскликнулъ Миллеръ. — Да это Константиновъ!

— Навонецъ-то узнали!—со смѣхомъ сказалъ Константиновъ, обнимая товарищей.

Да и трудно было въ этомъ молодцоватомъ адъютантѣ, съ матово-блѣднымъ лицомъ и довольно большими усами, узнать того розоваго и нѣжнаго Митю Константинова, который четыре года тому назадъ плакалъ на выпускномъ обѣдѣ. Теперь онъ напоминалъ старшаго брата, только былъ красивѣе его и выше ростомъ. Севастополь и физически, и нравственно, переродилъ его, но его хрупкая натура не выдержала такой насильственной ломки. Константиновъ дѣлалъ впечатлѣніе человѣка, постоянно играющаго какую-то роль; во всѣхъ его движеніяхъ и рѣчахъ было что-то неестественно-театральное. Иногда во время разговора онъ вдругъ останавливался на полусловѣ, глаза его начинали усиленно моргать, и все лицо передергивалось нервной судорогой; это продол-

*) См. выше: май, 102 стр.

жа... съ минуту, послѣ чего ему нужно было еще нѣсколько минутъ, чтобы вполне овладѣть собою.

Константиновъ только наканунѣ пріѣхалъ изъ-за границы, гдѣ онъ сначала лечился отъ ранъ, а потомъ „изучалъ военное дѣло“. Генералъ, при которомъ онъ служилъ адъютантомъ, повезъ его вечеромъ на балъ къ графу Хотынцеву, гдѣ отъ Сережи Брянскаго онъ узналъ адреса всѣхъ товарищей. Черезъ пять минутъ Константиновъ подробно рассказывалъ всѣ свои подвиги въ Севастополѣ; для наглядности онъ даже чертилъ карандашемъ на оберткѣ книги наши и непріятельскія позиціи. Разговоръ зашелъ о Гуркинѣ, и Константиновъ никакъ не могъ понять его продолжительнаго горя.

— Повѣрьте, господа, что я любилъ своего брата не меньше, чѣмъ Гуркинъ, но я только могъ радоваться его смерти, потому что онъ умеръ настоящимъ героемъ.

И онъ началъ рисовать редутъ Шварца, при отбитіи котораго былъ убитъ Андрей Константиновъ. Его послѣдняя фраза прозвучала такой фальшивой нотой, что Угаровъ, желая переимѣнить разговоръ, спросилъ, хорошъ ли былъ балъ у графа Хотынцева.

— Чтобы рѣшить, хороша ли какая-нибудь вещь, надо ее сравнивать съ другими однородными вещами,—произнесъ докторальнымъ тономъ Константиновъ:—а я сравнивать не могу, я былъ на балѣ въ первый разъ въ жизни, да, вѣроятно, и въ послѣдній. И представь, чтѣ со мной случилось. Разговариваю я во время мазурки съ генераломъ Дольскимъ, —весьма замѣчательнымъ человѣкомъ, — съ нимъ я только-что познакомился, — вдругъ подлетаетъ ко мнѣ сестра Брянскаго и предлагаетъ протанцовать съ ней туръ мазурки. Я долженъ былъ отказать ей. Она, видно, разсердилась, но чтѣ же мнѣ дѣлать, если я не умѣю танцовать...

— Помилуй, ты былъ лучший танцоръ въ лицейѣ.

— Да, но съ тѣхъ поръ прошло около пятнадцати лѣтъ, если считать мѣсяцъ Севастополя за годъ...

— И ты не извинился передъ княжной?

— Нѣтъ, конечно, извинился; она меня простила и посадила около себя за ужиномъ. Возлѣ нея, по другую сторону, сидѣлъ какой-то гусаръ и несъ такую дичь, что намъ нельзя было разговариваться. Но послѣ ужина она таки-заставила меня протанцовать съ ней вотильонъ и даже представила своей сестрѣ, какой-то госпожѣ Могилевской.

— Маковецкой, — поправилъ Угаровъ.

— Да, именно Маковецкой... ты ее знаешь? Теперь мнѣ

приходится этой Маковецкой дѣлать визиты, хотя я пріѣхалъ въ Петербургъ вовсе не для того, чтобы танцовать котильонъ и дѣлать визиты...

И онъ сообщилъ товарищамъ, что не нынче—завтра вспыхнетъ большая европейская война, и что онъ занятъ разработкой плана кампаніи для русской арміи. Въ академію онъ не пойдетъ—онъ ее презираетъ, и что можетъ дать ему академія?! Онъ прочелъ самъ всю военную литературу, онъ лично знакомъ со всѣми иностранными знаменитостями военнаго дѣла, а главное—онъ началъ съ практики, которую потомъ провѣрилъ теоріей. Опять начались чертежи, при чемъ Константиновъ забросалъ товарищей цѣлымъ градомъ терминовъ, которыхъ они не понимали.

Послѣ отъѣзда Константинова, его товарищи впали въ долгое раздумье. Свои мысли Миллеръ выразилъ слѣдующей фразой:

— Знаешь, Володя, еслибы *этотъ* былъ убитъ, *тотъ* не сказалъ бы, что радуется смерти брата.

— Да, конечно,—отвѣчалъ разсѣянно Угаровъ.

Онъ думалъ совсѣмъ о другомъ; его поразилъ эпизодъ съ Соней. Онъ уже началъ кое-что понимать въ причудахъ этого страннаго характера. Очевидно, Константиновъ заинтересовалъ ее только тѣмъ, что отказался протанцовать съ ней туръ мазурки.

Вообще Угаровъ уже ни о чемъ не могъ думать, кромѣ Сони. Отказавшись отъ мысли ѣздить въ свѣтъ, онъ пользовался каждой минутой, когда могъ ее видѣть у Маковецкихъ, и не умѣлъ скрывать того, что испытывалъ. Соня видимо тяготилась его страдальческимъ видомъ; но если онъ ее не видѣлъ, онъ страдалъ еще больше. Вдругъ до него дошли смутные слухи о томъ, что она выходитъ замужъ за Алешу Хотынцева.

Виновницей этихъ слуховъ была графиня. Когда какая-нибудь фантазія забиралась въ ея голову, она для осуществленія этой фантазіи принимала самыя энергическія мѣры. Не прошло трехъ дней послѣ бала, какъ она съ этой цѣлью устроила маленький обѣдъ. За полчаса до обѣда она вошла въ кабинетъ мужа.

— Я не понимаю, Базиль,—сказала она, усаживаясь съ ногами на диванъ:—почему ты противъ этой свадьбы. Во-первыхъ, они будутъ очень счастливы, а во-вторыхъ, это будетъ очень удобно и для насъ. Вѣдь мы съ тобой написали другъ для друга завѣщаніе, или, какъ ты это называешь,—*on ne sait pas trop pourquoi*,—пожизненное владѣніе. А съ этимъ пожизненнымъ владѣніемъ можетъ потомъ выйти большая путаница.

— Какая путаница?—спросилъ съ удивленіемъ графъ.

— А такая путаница, что потомъ будетъ трудно разобрать,

кто умеръ, и кто нѣтъ. Ахъ, Боже мой, какія глупости ты заставляешь меня говорить иногда... Я хотѣла сказать, что трудно будетъ разобратъ, кому все пойдетъ послѣ нашей смерти. А если Алеша женится на Сонѣ, мы сдѣлаемъ ихъ нашими наследниками, и это будетъ гораздо проще. Развѣ это не правда?

— Это дѣйствительно будетъ просто, — да я вообще нисколько не противъ этой свадьбы. Я только нахожу, что *они* должны желать свадьбы, а не мы.

— О, они безъ ума другъ отъ друга, это сейчасъ видно. Да вотъ спроси самъ у Алеши... ты понимаешь, что мнѣ неудобно дѣлать ему такіе вопросы...

И однако это былъ первый вопросъ, который сдѣлала графиня, когда Алеша вошелъ въ комнату. Алеша отвѣчалъ, — и это была правда, — что княжна ему очень понравилась.

— Въ такомъ случаѣ, — сказала, улыбаясь, графиня: — васъ можно поздравить съ полной взаимностью. Соня только и бредитъ послѣдней мазуркой.

Соню графиня уже увѣрила наканунѣ, что Алеша безъ ума влюбленъ въ нее. Послѣдствіемъ этой тактики было то, что Соня причислила Хотынцева къ числу уже готовыхъ похитчиковъ, на которыхъ не стоитъ обращать особеннаго вниманія.

За обѣдомъ Алеша разсказалъ теткѣ, что съ ея легкой руки на него посыпались со всѣхъ сторонъ приглашенія. Даже княгиня Кречетова пригласила его на завтрашній балъ.

— А вы поѣдете? — спросила Соня.

— Да, если вы общаете танцовать со мной мазурку.

— Не могу; тетюшка мнѣ строго запретила танцовать съ однимъ и тѣмъ же кавалеромъ двѣ мазурки сряду.

Графиня поспѣшила дать разрѣшеніе.

— На этотъ разъ ты можешь сдѣлать исключеніе. Вѣдь вы почти родственники.

— *Les neveux de nos tantes...* — началъ было Алеша, но никакой аксіомы не вышло.

Для графини этого было довольно. Вечеромъ она написала длинное письмо княгинѣ Брянской. Она извѣщала сестру, что Соня почти невѣста и уговаривала ее сейчасъ же ѣхать въ Петербургъ. Княгиня Брянская, испытывавшая отъ скуки въ Троицкомъ, отправила это письмо съ Христиной Осиповной въ Зміевъ къ Придошенскому, заняла у него тысячу рублей и очень быстро собралась въ путь. Ольга Борисовна очень удивилась, получивъ отъ матери депешу о ея выѣздѣ, и наскоро отдѣлала для нея комнату, предназначавшуюся для гувернантки, но графиня на

это не согласилась. Она сама поѣхала на желѣзную дорогу и привезла княгиню въ себѣ. Встрѣча была самая трогательная; нѣжности съ обѣихъ сторонъ продолжались цѣлый день. Вечеромъ, когда всѣ улеглись, графиня въ ночномъ востюмѣ пришла въ комнату къ сестрѣ и долго сидѣла возлѣ ея кровати. Онѣ вспоминали свою молодость, вспоминали и судили тѣхъ, кого уже не было въ живыхъ. Въ пятому часу утра графиня, растроганная воспоминаніями, пришла въ спальню и написала длинное письмо баронессѣ Блендорфъ. Она рассказывала ей о своемъ счастьи и приглашала баронессу пріѣхать на другой день обѣдать, чтобы познакомиться съ Olette, „которая не женщина, а ангелъ“...

Какъ бы поздно ни легла спать графиня, въ полдень она, какъ заведенные часы, всегда сидѣла за завтракомъ. Княгиню долго не могли разбудить; проснувшись, она потребовала завтракъ въ себѣ въ комнату, и когда графиня вошла къ ней, то увидѣла, что Olette, сидя въ постели, держитъ обѣими руками котлетку, и что кофточка ея закапана соусомъ. Это невольно покорило графиню. Послѣ семейнаго обѣда, на которомъ присутствовалъ и Алеша Хотынцевъ, княгиня сказала графу Василию Васильчу, что недурно бы сыграть пульку въ преферансъ. Графъ, очень любившій поиграть въ картишки и отказавшійся отъ этого занятія только въ угоду супругѣ, сейчасъ же велѣлъ подать въ гостиную столъ и карты. Графинѣ это было тѣмъ болѣе непріятно, что третьимъ съѣлъ играть Маковецкій, а поэтому никто не могъ аккомпанировать Сонѣ. Она безпрестанно приставала къ игрокамъ, что пора имъ кончить, а когда всѣ пошли пить чай въ столовую, собственноручно стерла записи и велѣла убрать столъ. Княгиню это распоряженіе очень огорчило.

— Видно, ужъ такое мое несчастье, — сказала съ упрекомъ она сестрѣ: — я всю жизнь проигрываю; сегодня мнѣ какъ нарочно повезло, я была въ малинѣ, а ты, Олупре, все разстроила. Впередъ ни за что не пойду къ чаю, пока не кончу пульки.

— „Что же это такое? — подумала графиня. — Неужели она каждый день будетъ играть въ карты“...

Вечеромъ графиня опять пришла поболтать съ сестрой, но просидѣла всего четверть часа, находя, что Olette разговариваетъ совсѣмъ не такъ интересно, какъ наканунѣ.

Каждый день приносилъ новое разочарованіе. Особенно сердили графиню посѣтители княгини Ольги Михайловны. У княгини оказалось въ Петербургѣ множество друзей обоого пола и самыхъ разнообразныхъ возрастовъ. Друзья эти пріѣзжали въ разные часы и водворялись въ гостиной надолго, такъ что гра-

фива не могла никого принять изъ боязни, чтобы ея гости не увидѣли этихъ „моветоновъ“. По воскресеньямъ и праздникамъ являлись четыре кадета, до того похожіе между собой, что различать ихъ можно было только по росту. У всѣхъ были одинаково огромные носы и щетинистые волосы, торчавшіе вихрами. Это были сыновья генеральши Хрипковой, съ которой княгиня подружилась въ Польшѣ, гдѣ Маковецкій служилъ подъ начальствомъ генерала. Кадеты являлись спозаранку, называли княгиню бабушкой, съѣдали весь завтракъ, трогали всѣ вещи и пачкали ковры грязными сапогами. Одинъ изъ нихъ даже разбилъ фарфоровую куклу, которою графиня очень дорожила. Въ одно прекрасное утро посѣтила княгиню сама генеральша Хрипкова. Это была очень полная, высокая и обидчивая дама. Вся жизнь ея протекала въ заботѣ, какъ бы кто-нибудь „не манкировалъ“ ей; рассказы ея большей частью заключались въ томъ, что она одну „срѣзала“, другую „оборвала“, третью „поставила на свое мѣсто“. Обидѣлась она уже въ швейцарской. Пока докладывали о ней княгинѣ, швейцаръ пожелалъ внести въ книгу ея адресъ.

— Это зачѣмъ? — воскликнула генеральша. — Ты, кажется, принимаешь меня за просительницу, что требуешь мой адресъ...

— Я ничего не смѣю требовать, ваше превосходительство, — сказалъ особенно тихимъ голосомъ швейцаръ: — а только у насъ заведенъ такой порядокъ....

— Очень глупый порядокъ, — отрѣзала генеральша и начала раздраженно взбираться на лѣстницу. Въ залѣ ей попался на встрѣчу графъ Василій Васильичъ, но она смѣрила его съ головы до ногъ такимъ уничтожающимъ взглядомъ, что онъ постыжился юркнуть въ свой кабинетъ. Шумно облобызавшись съ княгиней, генеральша выразила желаніе немедленно познакомиться съ ея сестрой, впрочемъ обошлась съ ней надменно, боясь уронить свое достоинство, а чтобы министерша не очень зазнавалась, выпалила въ нее цѣлымъ зарядомъ именъ высокопоставленныхъ лицъ, съ которыми она была знакома. Тутъ же совсѣмъ некстати она сообщила, что ея крестнымъ отцомъ былъ графъ Аракчеевъ.

— Dieu, comme elle est commune! — вырвалось у графини, когда генеральша Хрипкова уѣхала.

— Да, конечно, — возразила усталымъ голосомъ княгиня: — у нея мало свѣтскаго лоска, но зато это такая достойная и такая умная женщина. Съ ней никогда не соскучишься. Это не то, что твоя баронесса, съ которой двухъ словъ нельзя связать.

— Однако я говорю съ ней по цѣлымъ часамъ, — замѣтила сухо графиня. — Впрочемъ, можетъ быть, и я глупая...

Черезъ нѣсколько дней сестры глубоко ненавидѣли другъ друга. Катастрофа между ними не произошла только оттого, что разъ вечеромъ, когда княгиня была у дочери, маленькій Боря заболѣлъ. У него сдѣлался сильный жаръ, и его уложили въ постель. Воспользовавшись этимъ предлогомъ, княгиня, какъ добрая бабушка, осталась ночевать на Литейной, а утромъ послала за своими вещами. Графиня узнала объ этомъ съ большой радостью: Olette уже давно перестала быть ангеломъ и называлась не иначе, какъ „*cette Mègère*“! По прошествіи недѣли графиня опять полюбила сестру и приглашала ее переѣхать снова къ ней, но княгиня рѣшительно отъ этого отказалась. У Маковецкихъ жить ей было гораздо привольнѣе: она могла принимать кого хотѣла и цѣлые дни проводила за картами.

Между тѣмъ дѣло свадьбы не подвигалось, хотя графиня придумывала всевозможные предлоги, чтобы Алеша и Соня видѣлись какъ можно чаще. Они встрѣчались и разговаривали съ большимъ удовольствіемъ, но скорѣе имѣли видъ добрыхъ пріятелей, чѣмъ влюбленныхъ. Тѣмъ не менѣе графиня нисколько не сомнѣвалась въ успѣхѣ своего плана и думала, что это только вопросъ времени. „*En principe c'est une chose décidée*“,—говорила она ежедневно кому-нибудь по секрету. Угаровъ съ нетерпѣніемъ ждалъ поста, надѣясь, что будетъ чаще видѣть Соню, но горько ошибся. На первой недѣлѣ Соня говѣла и два раза въ день ѣздила съ графиней въ домовую церковь княгини Марьи Захаровны; со второй недѣли начались концерты, *soirées sauzantes*—и рауты. А слухи о замужствѣ Сони то затихали, то воскресали съ новой силой. Угаровъ обратился за разъясненіемъ къ Горичу.

— Не волнуйся, — отвѣчалъ тотъ увѣреннымъ тономъ. — Свадьба не состоится.

— Почему ты такъ думаешь?

— По двумъ причинамъ. Во-первыхъ, графиня Олимпіада Михайловна слишкомъ объ этомъ старается, а во-вторыхъ, княжна занята теперь совсѣмъ другимъ человѣкомъ.

— Кѣмъ же это?

— Во всякомъ случаѣ не тобой и не мной.

Больше ничего Угаровъ не добился отъ Горича.

Томленіе его росло съ каждымъ днемъ. „Когда же все это кончится?—размышлялъ онъ, сидя въ своей неудобной гостиной. — Надо что-нибудь предпринять. Надо объясниться съ Соней, или уѣхать въ деревню, уѣхать надолго, навсегда“...

Въ такихъ размышленіяхъ засталъ его Аванасій Ивановичъ

Дорожинскій. Передавая ему обычное письмо Марьи Петровны, онъ сказавъ:

— А я, дорогой мой, прибавлю то, чего, вѣроятно, въ письмѣ этомъ нѣтъ. Плоха старушка, изныла по васъ. Понять я васъ не могу, Владиміръ Николаевичъ. Добро бы еще служили, карьеру дѣлали, а то—что вамъ за охота оставаться здѣсь безъ дѣла? Опять состояніе ваше не шуточное, заняться имъ не мѣшаетъ. Вы знаете, я никогда не одобрялъ управленія Варвары Петровны, — ну да прежде куда ни шло! А теперь время не такое, мужики отъ рукъ отбились, а Варвара Петровна состарѣлась, совсѣмъ съ ними справиться не можетъ. Вы мнѣ простите, мой дорогой, что я позволяю себѣ вамъ совѣтовать...

— Помилуйте, Аѳанасій Ивановичъ, я вамъ отъ души благодаренъ, вы говорите совершенную правду.

И Угаровъ съ чувствомъ пожалъ ему руку.

— Ну, а если вы съ этимъ согласны, за чѣмъ же дѣло стало? Я въ началѣ страстной уѣзжаю, могли бы сговориться и ѣхать вмѣстѣ. Какъ разъ успѣли бы въ Угаровку къ празднику. То-то былъ бы тамъ свѣтлый праздникъ!

Аѳанасій Ивановичъ и прежде не разъ читалъ ему подобныя наставленія, но Угаровъ пропускалъ ихъ мимо ушей. Теперь они припелись чрезвычайно встать, когда онъ самъ думалъ объ отъѣздѣ. „Это—повелѣніе судьбы“, рѣшилъ Угаровъ, суевѣрный, какъ всѣ нервныя люди. „Будь что будетъ, а я или добьюсь чего-нибудь, или уѣду. А то въ самомъ дѣлѣ зависнешь... Сегодня вечеромъ Соня дома,—сегодня же объяснюсь съ ней непременно“. Планъ объясненія такъ занялъ Угарова, что онъ пропустилъ часть обѣда. Въ восемь часовъ онъ входилъ въ домъ Туникова.

Швейцаръ объявилъ ему, что—„старая княгиня и Александръ Викентьевичъ дома, а Ольга Борисовна съ княжной уѣхали къ министершѣ. Министерша за ними карету прислала, и человекъ ихній сказалъ, что у нея нынче французъ фокусы показываетъ“.

Это извѣстіе ошеломило Угарова. „Впрочемъ, все равно,—думалъ онъ, шагая по мокрому тротуару:—объяснюсь завтра, или послѣ завтра; я во всякомъ случаѣ рѣшился,—но куда мнѣ дѣться сегодня“?

Угаровъ зашелъ къ Горичу и не засталъ его дома, потомъ поѣхалъ въ гостинницу, гдѣ всегда останавливался Аѳанасій Ивановичъ Дорожинскій, но и того не засталъ. Идя мимо книжнаго магазина Овчинникова, онъ зашелъ къ Сомову.

Онъ такъ давно тамъ не былъ, что Сомовъ встрѣтилъ его съ удивленіемъ. Въ каморкѣ, кромѣ братьевъ Пилкиныхъ, сидѣлъ

еще одинъ господинъ, котораго Угаровъ не зналъ. Молодая и довольно миловидная женщина, въ шерстяномъ черномъ платьѣ, разливала чай; Угаровъ сейчасъ же призналъ въ ней женщину въ платьѣ, которую онъ видѣлъ мелькомъ, когда въ первый разъ былъ у Сомова.

— Моя жена, — сказалъ коротко Сомовъ.

Незнакомца онъ не счелъ нужнымъ называть, но по тону почтенія, съ какимъ всё въ нему относились, Угаровъ догадался, что это былъ тотъ самый Покровский, о которомъ онъ такъ много слышалъ отъ Сомова.

— При немъ можно продолжать, — сказалъ Сомовъ Покровскому, когда Угаровъ усѣлся и получилъ чашку чаю.

Покровский кивнулъ головой въ знакъ согласія, и Сомовъ вынулъ изъ-подъ сватерти тоненькую книжку „Голосовъ изъ Россіи“.

Во время чтенія Угаровъ жадно всматривался въ Покровскаго. Это былъ довольно красивый брюнетъ, неопредѣленныхъ лѣтъ, съ небольшою бородкой, одѣтый съ претензіей на щеголеватость. Угаровъ жаждалъ прочесть въ его лицѣ признаки гениальности, но теперь это лицо съ полузакрытыми глазами выражало утомленіе и скуку. Раза два онъ раскрывалъ глаза и устремлялъ на Угарова и пытливый, и проницательный взглядъ.

— Рѣшительно ничего не вижу хорошаго въ этой статьѣ, — сказалъ онъ, когда Сомовъ дочиталъ послѣднюю страницу. — Надо быть очень наивнымъ, чтобы радоваться освобожденію крестьянъ.

— Но, однако, тутъ есть кое-какія вѣрныя мысли, — робко замѣтилъ Сомовъ.

— Одно изъ двухъ, — продолжалъ Покровский тономъ, не допускавшимъ возраженія. — Или освобожденіе крестьянъ будетъ фиктивное, и тогда вся эта реформа — одна насмѣшка надъ честными людьми; или освобожденіе будетъ настоящее, — и тогда еще хуже: тогда революція будетъ отсрочена на много лѣтъ.

— Но если освобожденіе будетъ настоящее, — спросилъ Угаровъ: — затѣмъ же тогда революція?

При этихъ словахъ Угарова всё остальные переглянулись, какъ будто онъ сказалъ что-то совсѣмъ неприличное. Въ другое время это смутило бы Угарова, но въ этотъ вечеръ онъ былъ полонъ энергіи и храбро началъ развивать свою мысль. Покровский совсѣмъ закрылъ глаза и не удостоилъ его ни однимъ возраженіемъ, потомъ нервно зѣвнулъ и сказалъ, несмотря на Угарова:

— Ну, знаете, батенька, человѣкъ съ такими идеями, какъ ваши, можетъ дойти до всего. Впередъ, если встрѣчусь съ вами, буду осторожнѣе, чтобы не сказать при васъ чего-нибудь лишняго.

Послѣ такого намека Угарову оставалось одно—уйти. Сомовъ поднялся-было, чтобы его проводить, но раздумалъ и сѣлъ на свое мѣсто. Надѣвая пальто въ передней, Угаровъ слышалъ сдержанный смѣхъ братьевъ Пилкиныхъ...

Было одиннадцать часовъ. Взволнованный всѣми неприятными впечатлѣніями дня, Угаровъ не хотѣлъ идти домой, голодъ его мучилъ, онъ зашелъ въ Дюкро, гдѣ также не былъ очень давно. Выходъ его произвелъ нѣкоторую сенсацію.

— Абрашка!—закричалъ Акатовъ.—Неси намъ всѣмъ телятины: блудный сынъ вернулся.

Но отчій домъ произвелъ, вѣроятно, болѣе сладостное впечатлѣніе на блуднаго сына, чѣмъ общая комната Дюкро на Угарова. Тѣ же лица на тѣхъ же мѣстахъ, на которыхъ онъ привыкъ ихъ видѣть въ теченіе двухъ лѣтъ, показались ему невыносимыми, и онъ удивлялся, какъ одно время онъ могъ приходить сюда каждый вечеръ.

На этотъ разъ князь Киргизовъ былъ стравленъ съ графомъ Строньскимъ. Споръ начался у нихъ очень невинно—съ трюфелей. Графъ Строньскій похвасталъ, что въ его имѣніи Большихъ-Подлипинкахъ родятся трюфели не хуже французскихъ. Князь Киргизовъ опровергалъ это и признавалъ только тѣ трюфели, которыя привозятся изъ Церигора. Понемногу споръ отъ трюфелей перешелъ въ область политики и исторіи.

Князь Киргизовъ сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, скрестивъ на груди руки, говорилъ весьма тихимъ голосомъ и смотрѣлъ на своего противника въ упоръ. Его поза и голосъ доказывали, что онъ хочетъ быть терпѣливъ и сдержанъ. Строньскій сильно размахивалъ руками и имѣлъ видъ побѣдителя.

— Но однако,—замѣтилъ онъ ядовито:—вы же сами присягали Владиславу и звали его на царство...

— Неправда! Вздоръ! Никогда не присягалъ! Никогда не звалъ на царство! очень мнѣ нуженъ вашъ Владиславъ!

— Ну да, конечно,—пошутилъ Строньскій:—вы, т.-е. князь Киргизовъ, персонально его не приглашали, но Москва присягала и звала...

— И это вздоръ! И Москва не присягала! И Москва не звала! Очень ей нуженъ вашъ Владиславъ!

— Но позвольте, князь, такъ спорить нельзя. Даже Карамзинъ говорить...

Руки князя разжались. Терпѣніе лопнуло.

— Вреть Карамзинъ!—крикнулъ онъ, вскакивая съ мѣста.

— Нѣтъ, князь, это уже слишкомъ! Вы опровергаете фактъ, помѣщенный въ каждомъ учебникѣ исторіи, а Карамзинъ...

— Да что вы тычете въ меня вашимъ Карамзиннымъ?—кричалъ князь, бѣгая по комнатѣ.—Мало ли что писалъ Карамзинъ! Знайте, милостивый государь, что онъ не кончилъ своей исторіи, а потому и не успѣлъ исправить всѣхъ ошибокъ. Знаете ли вы, какими словами оканчивается исторія Карамзина: „Орѣшекъ не сдавался“. Слышите ли: Орѣшекъ не сдавался!.. А между тѣмъ всѣмъ извѣстно, что Орѣшекъ сдался. Послѣ этого нечего ссылаться на Карамзина...

— Позвольте, позвольте, князь,—раздался голосъ Менцеля.— Вы увлекаетесь. Карамзинъ—нашъ русскій писатель, которымъ мы должны гордиться...

Князь грозно остановился передъ Менцелемъ.

— Этого только недоставало, чтобы вы вздумали меня учить! Точно я не знаю, что Карамзинъ—великій русскій писатель. Но поляки все равно не должны и читать его,—потому что все равно не поймутъ.

Въ свою очередь Строньскій потерялъ терпѣніе.

— Прошу васъ, князь, взвѣшивать ваши выраженія,—сказалъ онъ, задрожавъ отъ гнѣва.—Иначе вы поставите меня въ необходимость потребовать отъ васъ сатисфакціи...

— Что такое?! сатисфакціи?—заревѣлъ князь.—Извольте, я вамъ даю сатисфакцію, и не одну, а пять, десять, сто сатисфакцій! И съ большимъ удовольствіемъ, и сію минуту, если хотите!.. Ишь чѣмъ вздумали напугать меня... Сатисфакція! Точно Самойловъ въ „Свадьбѣ Кречинскаго“!

Акатовъ увидѣлъ, что дѣло можетъ кончиться плохо, и поймавъ князя за локоть.

— Послушайте, князь, вы не чувствуете ничего особеннаго?

— Ничего. Что это значить?

— Ну, а мнѣ что-то нехорошо. Мнѣ кажется, что судакъ, который мы ѣли, былъ не совсѣмъ свѣжій.

— Вы очень нѣжно выражаетесь. Не совсѣмъ свѣжій!.. Онъ былъ совсѣмъ тухлый... Я это замѣтилъ сразу.

— Но согласитесь, князь, что это очень нелюбезно со стороны Дюкро—подавать намъ такую гадость...

— Нѣтъ, вы замѣчательно нѣжно выражаетесь сегодня. „Не любезно“!.. Это болѣе, чѣмъ не любезно,—это гнусно, отвратительно-подло! Помилуйте, мы просиживаемъ здѣсь всѣ вечера и ночи, тратимъ тысячи, а онъ осмѣливается кормить насъ гнилью! И вотъ попомните мое слово, что пройдетъ два-три года, этотъ

мерзавецъ вывезетъ во Францію милліона полтора франковъ, купитъ замокъ, заживетъ бариномъ и будетъ смѣяться надъ нами, сѣверными варварами... Да будь онъ проклятъ вмѣстѣ съ своей почтенной супругой, съ чадами и домочадцами и со всѣми своими гнилыми судавами! Да будь я проклятъ самъ, если когда-нибудь нога моя ступитъ въ это заведеніе...

Князь началъ подробно перечислять всѣ преступленія Дюкро, совершённые въ теченіе многихъ лѣтъ. При этихъ воспоминаніяхъ онъ нѣсколько разъ ссылаясь на графа Строньскаго, совсѣмъ забывъ о сатисфакціи. У Строньскаго всякій разъ, что князь обращался къ нему, нижняя губа вздрагивала отъ гнѣва, но понемногу успокоился и онъ.

Мадамъ Дюкро, сидѣвшая за конторкой и не въ первый разъ слышавшая эти проклятія, немедленно наказала князя Кяргизова, вписать въ его счетъ нѣсколько лишнихъ рѣмокъ.

IX.

Около этого времени съ графомъ Хотынцевымъ произошла странная метаморфоза. Онъ, считавшійся всю жизнь либераломъ и самъ называвшій себя „свободнымъ мыслителемъ“, вдругъ оказался ретроградомъ. Въ засѣданіи государственнаго совѣта одинъ изъ новыхъ министровъ такъ прямо и назвалъ его мнѣніе „ретрограднымъ“. Кроме того, онъ получилъ неизвѣстно отъ кого по городской почтѣ номеръ „Колокола“, въ которомъ краснымъ карандашомъ была подчеркнута статья: „Холопы реакціи“. Въ концѣ этой статьи находились слѣдующія строки: „Еще этой почтенной компаніи примкнулъ и графъ Хотынцевъ, котораго правильнѣе можно бы назвать графомъ Хапынцевымъ, потому что, будучи нижегородскимъ губернаторомъ, онъ хапнулъ здоровый кушъ съ раскольниковъ, да и теперь, говорятъ, хапаетъ съ живого и мертваго“.

Графъ такъ былъ пораженъ этой статьей, что даже не замѣтилъ, какъ въ кабинетъ вошла графиня.

— Базиль, я къ тебѣ съ просьбой. Марья Захаровна рекомендовала мнѣ на службу очень милого молодого человѣка, князя Буйскаго. Нельзя ли ему дать мѣсто?

Графъ послалъ за Горичемъ, который сказалъ, что въ настоящую минуту мѣста нѣтъ, но что этого Буйскаго онъ будетъ имѣть въ виду.

— Ну, а это мѣсто, которое вы прежде занимали... секретаря важныхъ дѣлъ... оно еще свободно?—спросила графиня.

— Графъ велѣлъ уже назначить на это мѣсто чиновника канцеляріи, Сергѣева...

— Какого это Сергѣева?—воскликнула графиня.—Ужъ не того ли, который въ прошломъ году былъ замѣшанъ въ это грязное дѣло? Онъ укралъ какую-то шубу, или что-то въ этомъ родѣ...

— Вы ошибаетесь, графиня; Сергѣевъ ничего не кралъ, а напротивъ того: у него украли шубу.

— Ну, это совершенно все равно, онъ ли укралъ, или у него украли... Главное то, что онъ былъ замѣшанъ въ гадкомъ дѣлѣ, une affaire de vol, а потому очень странно назначать его на такое видное мѣсто... Впрочемъ, я забыла, что въ нашемъ министерствѣ теперь люди какъ Сергѣевъ имѣютъ больше успѣха, чѣмъ люди нашего общества.

Графиня вышла, сильно хлопнувъ дверью.

Графъ Василій Васильичъ плотно затворилъ дверь, и, подойдя къ Горичу, сказалъ ему вполголоса:

— Какъ вамъ это нравится, mon cher? Все равно: онъ ли укралъ, или у него украли...

И, хихикая про себя, графъ усѣлся за письменный столъ.

— Какъ же прикажете, графъ? Докладъ о Сергѣевѣ уничтожить?

— Нѣтъ, mon cher, погодите. Можетъ быть, еще обойдется какъ-нибудь... Да вотъ, кстати, прочитайте, чтѣ я получилъ сегодня по почтѣ. Мнѣ по поводу этого „Колокола“, да и по другимъ разнымъ поводамъ, хотѣлось бы поговорить съ вами... Знаете чтѣ: не пообѣдаете ли вы сегодня со мной у Дюкро?

— У Дюкро? съ вами?

— Чтѣ же это васъ такъ удивляетъ? Я, какъ и всякій другой, не лишень этого права. Приѣжайте туда часу въ шестомъ и займите красную комнату внизу...

Графъ Василій Васильичъ вошелъ къ Дюкро съ бокового подъѣзда, озираясь по сторонамъ, какъ тать въ ночи, и съ высокоподнятымъ воротникомъ пальто. Онъ сейчасъ же отвергнулъ карту, почтительно поданную ему Абрашкой, и приступилъ къ сочиненію „простого и вкуснаго“ обѣда. Выборъ супа занялъ минуты двѣ.

— Ты мнѣ дашь,—сказалъ онъ внушительно Абрашкѣ:—во-первыхъ, tortue claire.

— Для васъ однихъ, ваше сіятельство, или для двухъ прикажете?

— Конечно, для двухъ... Потомъ ты мнѣ дашь...

Графъ глубоко задумался.

Горичъ пошелъ поболтать съ Угаровымъ, который обѣдалъ въ общей комнатѣ. Возвращаясь, онъ увидѣлъ въ коридорѣ графа, разговаривающаго съ мадамъ Дюкро. Графъ говорилъ тихо, но съ такимъ жаромъ поднималъ и опускалъ руки, что Горичу пришло въ голову, не было ли между говорившими когда-нибудь болѣе нѣжныхъ отношеній. Проходя мимо, онъ услышалъ слѣдующія слова:

— Surtout, chère madame, n'abusez pas du citron. Vous me comprenez, n'est-ce pas? Rien qu'un soupçon de citron.

— Soyez tranquille, monsieur le comte, vous serez servi comme par le bon vieux temps.

— Oh, oui, c'est ça... le bon vieux temps...

И графъ, вслѣдъ за Горичемъ, вошелъ въ красную комнату. Пока татары подавали закуску, онъ важно разлегся на диванѣ и счелъ нужнымъ поговорить о политикѣ.

— Читали ли вы послѣднюю рѣчь принца Наполеона въ законодательномъ корпусѣ? Это верхъ безумія. Удивляюсь, какъ его не посадили до сихъ поръ въ маленькіе домики.

Хотя графъ считалъ себя знатокомъ русскаго языка, но нерѣдко грѣшилъ подобными галлицизмами.

Къ обѣду онъ приступилъ съ лицомъ серьезнымъ и даже строгимъ; первыхъ три блюда ѣлъ съ большимъ аппетитомъ, запивая ихъ соотвѣтствующими винами, и не былъ способенъ ни къ какому обмѣну мыслей, кромѣ разговора объ обѣдѣ. Насытившись, онъ до остальныхъ пустяковъ—блюда три-четыре, не больше—еле дотрогивался, и то скорѣе изъ любознательности, чтобы узнать, такъ ли они приготовлены, какъ онъ объяснялъ.

— Ну что, mon cher, —спросилъ онъ, окончивъ съ чувствомъ стаканъ лафита 48-го года:—прочли вы, какъ меня отдѣляли?

— Да, графъ, прочелъ; но неужели эта глупость могла васъ разсердить или огорчить?

— Дѣйствительно, она меня болѣе удивила, чѣмъ разсердила. Уже если они хотѣли про меня написать какую-нибудь гадость, то могли бы выдумать что-нибудь болѣе правдоподобное. Въ Нижнемъ я не только не могъ ничего хапать, но въ три года, что я тамъ былъ губернаторомъ, я истратилъ около ста тысячъ своихъ на балы и обѣды, потому что жена моя хотѣла непременно перещеголять губернскую предводительшу. А предводителемъ былъ Пронинъ—извѣстный миллионеръ. Но дѣло не въ

томъ, а я хочу на эту статью написать возраженіе. Какъ вы посоветуете мнѣ это сдѣлать?

— Я бы вамъ посоветовалъ вовсе не отвѣчать. Да и гдѣ же можно напечатать возраженіе? Въ Лондонѣ печатать не захотятъ, а у насъ о „Колоколѣ“ запрещено даже упоминать въ печати. Да не стоитъ и отвѣчать на такую глупость, которой не только никто не повѣритъ, но и на которую никто даже не обратитъ вниманія...

— О, какъ вы ошибаетесь въ этомъ,—какъ видно, что вы неопытны и юны! Начать съ того, что многіе повѣрятъ. Есть люди, которые вѣрятъ всему гадкому. А другіе хотя и не повѣрятъ, но все-таки будутъ меня считать какъ бы опозореннымъ. Люди ко мнѣ расположенные,—се qu'on appelle les amis,—будутъ меня защищать, но все-таки не удержатся, чтобы не рассказать про этотъ пасквиль тѣмъ, которые еще не знаютъ. Повѣрьте, mon cher, что еслибы мой тетка, донъ-Базиліо, пожилъ въ Петербургѣ, онъ бы еще болѣе убѣдился въ могуществѣ клеветы...

Послѣ спаржи, которою графъ остался недоволенъ, такъ какъ она была слишкомъ разварена, разговоръ его принялъ еще болѣе меланхолическій характеръ.

— Въ странное время живемъ мы, mon cher. Быть министромъ теперь тоже, что лишиться всѣхъ правъ. Въ старину, когда я началъ служить, у насъ была извѣстная система. Я вовсе не сторонникъ этой системы, но, по крайней мѣрѣ, мы—слуги правительства—знали, какъ намъ поступать, и всегда могли рассчитывать на поддержку. Теперь насъ ругаютъ со всѣхъ сторонъ, а поддержки у насъ никакой, и мы даже не знаемъ, чего отъ насъ хотятъ. Вотъ слободскій предводитель подалъ по крестьянской реформѣ проектъ, въ которомъ пошелъ дальше той точки, на которой теперь стоитъ правительство... И что же? Его послали административнымъ порядкомъ. Скажу вамъ про себя. Я нисколько не ретроградъ и радъ сочувствовать всякимъ новымъ мѣрамъ, но дайте мнѣ право разсматривать эти мѣры и не заставляйте меня бѣжать слѣпо за тѣмъ, кто громче кричитъ. А тутъ еще кругомъ какія-то подпольныя интриги... Я хотѣлъ взять себѣ въ товарищи Дольскаго. Вы его знаете, это—человѣкъ умный, дѣльный и проникнутый самыми современными идеями, но противъ него начался цѣлый крестовый походъ, и эта старая карга, княгиня Марья Захаровна—*n'en déplaît à ma femme*, которая ее обожаетъ,—подсунула мнѣ Сергѣя Павлыча Висягина—извѣстнаго ретрограда. Ну, чѣмъ же я виноватъ?

— Почему вы называете Сергѣя Павлыча ретроградомъ? Онъ

теперь только и бредить реформами и на дняхъ рассказывалъ одному губернатору, что въ молодости былъ совсѣмъ красный...

— Ну, знаете, теперь не разберешь: кто красный, кто бѣлый, кто консерваторъ и кто либераль. Я знаю только одно, что пора мнѣ убираться по добру-по здорову, а то, пожалуй, дождешься вотъ этого...

И графъ сдѣлалъ рукой выразительный жестъ, изображающій, какъ выталкиваютъ за дверь.

Когда подали кофе, графъ пожелалъ выпить рюмку fine champagne. Дюкро самъ принесъ бутылку, всю покрытую пескомъ и пылью, объясняя, что этотъ коньякъ такого времени, когда даже названіе fine champagne не существовало. Выпивъ двѣ рюмки этого необыкновеннаго коньяку, графъ не то чтобы озябъ, но какъ-то размягъ.

— Вы не повѣрите, mon cher, — говорилъ онъ, закуривая огромную сигару, — какъ мнѣ пріятно вотъ такъ пообѣдать съ вами и поговорить на свободѣ. Вѣдь я совсѣмъ не рожденъ быть министромъ. Всѣ эти почести я никогда не ставилъ въ грошъ... Моимъ идеаломъ всегда была тихая, беззаботная жизнь, хорошая книга, хорошій обѣдъ, нѣсколько пріятелей, съ которыми можно поболтать пріятно, — *de temps en temps le sourire d'une jolie femme*... Вотъ и все. И не только ничего этого у меня нѣтъ, но я не имѣю даже того, что имѣетъ каждый столоначальникъ, т.-е. спокойнаго домашняго очага... Я не могу пожаловаться на свою жену, это во многихъ отношеніяхъ достойная женщина, но у нея столько причудъ, столько капризовъ, такіа страннаа мысли... Образчикъ ея возрѣній вы слышали сегодня утромъ, а меня она каждый день угощаетъ чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ. Но это бы еще куда ни шло, а главное — *ce qui me rend la vie dure*, — это ея невыносимый деспотизмъ. Вѣдь она слѣдитъ за каждымъ моимъ шагомъ, она...

— Мнѣ кажется, графъ, что вы преувеличиваете, — остановилъ его Горичъ, боявшійся, что графъ подъ вліяніемъ вина пустится въ признанія, въ которыхъ потомъ самъ расклется. — Мы говорили съ вами о Висягинѣ...

— Нѣтъ, позвольте, mon cher, я не преувеличиваю нисколько, я даже многого не хочу говорить. Но чтобъ вы видѣли, въ какомъ я положеніи, расскажу вамъ, такъ и быть, одинъ фактъ. Вотъ мы съ вами обѣдали у Дюкро, а гдѣ я сегодня обѣдалъ официально, какъ вы думаете? — Въ Царскомъ-Селѣ.

— Отчего въ Царскомъ-Селѣ?

— Оттого, что скажи я, что обѣдаю у Дюкро, особенно съ

вами, она ни за что бы меня не пустила, и я долженъ былъ ѣхать въ своей каретѣ сначала на царскосельскую машину, а оттуда въ извозчичьей каретѣ сюда. Ну, развѣ это не унижительно?

— Право, графъ, вы смотрите въ увеличительное стекло. Конечно, графинѣ, можетъ быть, пріятнѣе, что вы въ Царскомъ у вашего племянника...

— Какъ, у Алеши? Оборони Богъ! Къ Алешѣ она бы пустила меня еще менѣе. Я долженъ былъ ей сказать, что ѣду къ Петру Петровичу. Вы знаете, что Петръ Петровичъ вышелъ въ отставку и будируетъ правительство. Въ старину, les mécontents поселялись обыкновенно въ Москвѣ, гдѣ представляли извѣстную силу, имѣли prestige. Но теперь времена не тѣ, да и состояние у него не такое, чтобы можно было—faire figure въ Москвѣ. Тамъ для этого имъ большое состояніе нужно, или развѣ ужъ такія заслуги, какъ у Ермолова... Вотъ Петръ Петровичъ переселился въ Царское-Село, будируетъ оттуда и составляетъ оппозицію.

— Но отчего же графиня одобряетъ ваши поѣздки къ Петру Петровичу? Сколько я знаю, у нея возрѣнія крайне консервативныя и не допускаютъ никакой оппозиціи...

— Вотъ этого, mon cher, я и самъ понять не могу. Назвалъ кто-то Петра Петровича: le vénérable exilé—съ тѣхъ поръ это и пошло въ ходъ. А какой же онъ exilé, когда каждую субботу ѣздитъ въ Петербургъ и обѣдаетъ въ англійскомъ клубѣ? Всѣ къ нему ѣздитъ въ Царское на поклоненіе, и, какъ говорить моя супруга: „с'est bien vu dans le monde“. А кѣмъ это—bien vu, почему bien vu,—кто ихъ разберетъ.

— Чѣмъ же занимается Петръ Петровичъ въ Царскомъ?

— Онъ пишетъ мемуары, и въ этомъ—entre nous soit dit,—весь секретъ его успѣха. Всякій думаетъ: „а, ну какъ онъ отшлепаетъ меня въ своихъ мемуарахъ?“—и спѣшитъ задобрить его на всякій случай. А Петръ Петровичъ, когда захочетъ отшлепать, сдумаетъ это сдѣлать, да и вообще умѣетъ заставить почитать себя. Въ клубѣ ему теперь такое почтеніе оказываютъ, что вы себя представить не можете. У насъ все такъ. Григорій Ивановичъ въ такомъ же положеніи, какъ и онъ: также вышелъ въ отставку, но живетъ себѣ тихо и скромно, и никто на него вниманія не обращаетъ. А Петръ Петровичъ объявилъ, что онъ—оппозиція, и изъ него героя сдѣлали. Но я васъ спрашиваю: какая же это оппозиція, когда онъ преисправно получаетъ отъ правительства двѣнадцать тысячъ въ годъ?

Графъ выпилъ еще одну „последнюю“ рюмку и опять заговорилъ о своей супругѣ

— Знаете, *mon cher*,—система графини Олимпиады Михайловны самая ложная. Когда за вами такой бдительный надзоръ, всегда хочется его обмануть. Мнѣ всего пріятнѣе сидѣть здѣсь именно оттого, что она считаетъ меня въ Царскомъ. Если бы не мои лѣта и положеніе, я бы даже предложилъ вамъ побѣхать къ какой-нибудь кокошкѣ. Вотъ до чего можетъ довести ея деспотизмъ. Повѣрите ли, иногда этотъ гнетъ доводитъ меня до такихъ мыслей, что потомъ мнѣ самому дѣлается страшно.

Графъ оглянулся на дверь и произнесъ вполголоса:

— *Il y a des moments, où je commence à comprendre les révolutions!*

Потомъ графъ началъ рассказывать разные любовныя похождения своихъ молодыхъ лѣтъ. На каминѣ раздался бой часовъ.

— Сколько бьетъ, *mon cher*? Восемь?

— Нѣтъ, графъ, уже десять.

— Какъ! неужели десять? Позвоните, *mon cher*. Абрашка, давай счетъ—и какъ можно скорѣе.

— Отчего вы такъ заторопились, графъ?

— Какъ мнѣ не торопиться? Вы забываете, что я долженъ ѣхать на царскосельскій вокзалъ. Поѣздъ приходитъ въ одиннадцать часовъ, а карета моя пріѣдетъ раньше, слѣдовательно я долженъ пріѣхать еще раньше, потомъ вмѣшаться въ толпу и идти какъ будто изъ Царскаго. *Dieu, quel ennui!*

Горичу сдѣлалось и смѣшно, и жалко. Онъ предложилъ графу проводить его на вокзалъ.

— Какъ это мило, что вы меня не покинули!—говорилъ графъ, брезгливо усаживаясь въ грязную, оборванную четырехмѣстную карету:—будьте до конца свидѣтелями моего печальнаго или, если хотите, смѣшнаго положенія. Это мнѣ напоминаетъ какіе-то стихи,—кажется, Пушкина:

Все это было бы смѣшно,
Когда бы не было такъ грустно...

Извозчикъ лошади, несмотря на понуканія кучера, ѣхали почти шагомъ.

— Боже мой!—волновался графъ.—Мы никогда не доѣдемъ. Вотъ увидите, моя карета пріѣдетъ раньше, и при входѣ я буду встрѣченъ моимъ глупымъ Иваномъ. *Cela sera du progrès!* Ну, да и карета хороша. Это какой-то гробъ, а вовсе не карета. Знаете ли, такихъ лошадей и такой экипажъ нигдѣ въ мірѣ нельзя найти, кромѣ нашихъ желѣзныхъ дорогъ...

Однако они пріѣхали въ-время. Въ одиннадцать часовъ при-

шелъ поѣздъ, но вмѣшаться въ толпу графъ не могъ, потому что ея не было. Приѣхало не болѣе десяти пассажировъ. Первымъ выскочилъ изъ вагона Алеша Хотынцевъ.

— Гдѣ вы сидѣли, дядюшка? Я въ Царскомъ обшарилъ всѣ вагоны и не нашелъ васъ.

— Вотъ видишь, мой другъ, я по разсѣянности вошелъ въ вагонъ второго класса, да и остался тамъ. А отчего ты зналъ, что я въ Царскомъ?

— Мнѣ объ этомъ тетушка написала. Она прислала въ Царское курьера съ просьбой приѣхать вмѣстѣ съ вами и ужинать у нея. Что у васъ такое?

— Право, не знаю; я ни о какомъ ужинѣ не слышалъ.

Горичъ видѣлъ, какъ графъ и Алеша сѣли въ карету, и какъ глухой Иванъ, съ пледомъ въ рукѣ, перебѣжалъ на другую сторону кареты и отворилъ дверцу.

— Что ты тутъ дѣлаешь?—раздался голосъ графа.—Отстань, пожалуйста.

— Ваше сіятельство, графиня мнѣ приказала непременно укутать ваши ножки.

Мысль объ ужинѣ явилась графинѣ внезапно послѣ отъѣзда мужа, и она немедленно привела ее въ исполненіе. Матримониальная нерѣшительность Алеши ей надоѣла, и она рѣшилась покончить съ нимъ въ этотъ вечеръ. Предлогъ для ужина былъ очень хорошій: обѣды у Петра Петровича были скудны, и графъ, возвращаясь изъ Царскаго, всегда жаловался на голодъ. Теперь, когда графъ былъ переполненъ яствами и винами Дюбро, одинъ видъ изящно накрытаго стола, уставленнаго бутылками, привелъ его въ содроганіе.

— Нѣтъ, знаешь, Олуэре,—сказалъ онъ, усаживаясь въ столовой около жены:—сегодня обѣдъ у Петра Петровича былъ очень недуренъ, а главное пресытнѣй, такъ что я врядъ ли буду въ силахъ ѣсть что-нибудь...

— Вотъ вдоръ какой! Что же было за обѣдомъ?

— Былъ супъ *tortue claire*, потомъ—*soudac à la normande*, потомъ—*selle de mouton*, потомъ еще кое-что...

— Съ чего же это нашъ бѣдный Петръ Петровичъ такъ раскутился? Но ѣсть ты все-таки будешь, потому что я велѣла приготовить твои любимыя блюда.

По неволѣ графу пришлось притворяться, что онъ ѣсть, но пить онъ отказался наотрѣвъ, ссылаясь на головную боль. За то Алеша ѣлъ съ большимъ аппетитомъ и пилъ за трехъ. Графиня была съ нимъ очаровательно любезна и даже выпила бо-

калъ шампанскаго за его здоровье. Когда подали кофе, графиня выслала людей и сочла своевременнымъ начать атаку.

— Кстати, Alexis, вы знаете, что весь городъ говорить о томъ, что вы женитесь на Сонѣ?

— Да, ma tante, я слышалъ объ этомъ,—отвѣчалъ, слегка покраснѣвъ, Алеша.

— Что же вы скажете объ этомъ?

— Что же я могу сказать? Я могу только дать честное слово, что я въ этихъ слухахъ не виноватъ, что я ни одному человѣку объ этомъ не говорилъ.

— Конечно, я не могу сомнѣваться въ вашемъ честномъ словѣ, но однако... Откуда же взялись эти слухи?

— Послушай, Olympe,—вмѣшался графъ:—не обвиняй по крайней мѣрѣ Алешу въ этихъ сплетняхъ. Я нѣсколько разъ просилъ тебя быть осторожнѣе...

— Ну да, я такъ и знала. Я одна окажусь виноватой. Что бы ни случилось, я всегда виновата во всемъ.

Составляя утромъ планъ дѣйствій, графиня рѣшила даже не подать вида, что она желаетъ этой свадьбы. Она только попросить Алешу прекратить ухаживанье за Соней, и это заставить его высказать свои чувства. Но вмѣшательство графа такъ ее разсердило, что всѣ мысли ея спутались, и она обратилась съ горькими упреками къ Алешѣ.

— Что мой мужъ ко мнѣ несправедливъ,—это въ порядкѣ вещей. Обязанность каждаго мужа—быть несправедливымъ къ женѣ. Но почему вы противъ меня, этого я не могу понять... Походите, не перебивайте меня. Я всю жизнь доказывала вамъ свое расположеніе. Когда вы еще были пажемъ, и Базиль сердился на васъ за шалости, я всегда за васъ заступалась. Наконецъ, еще недавно, когда всѣ были противъ васъ,—à propos de cette femme que je ne veux pas nommer,—я одна стояла за васъ горой. Я сдѣлала балъ, просила васъ дирижировать, чтобы сблизить васъ съ обществомъ, pour vous réhabiliter aux yeux du monde... И что же? Вы не только не цѣните моего расположенія, но даже не щадите мою бѣдную Соню. Развѣ вы не знаете, что это ухаживанье, sans but, и эти толки о свадьбѣ могутъ погубить молодую дѣвушку въ глазахъ свѣта?

— Но что же я могу сдѣлать?—воскликнулъ съ непритворнымъ отчаяніемъ Алеша.—Просить руки княжны я не смѣю, потому что не имѣю никакой надежды...

— Боже мой, какая скромность! Отчего же это?

— Оттого, что я вижу, что княжнѣ многіе нравятся гораздо больше, чѣмъ я.

— Кто же это, напримѣръ?

— Ну вотъ, напримѣръ, Константиновъ.

— Pardon, Alexis, но вы начинаете говорить глупости. Что такое Константиновъ? Il s'est bien battu à Sébastopol, il raconte joliment про Фодюхины горы, — mais voilà tout. Вспомните этотъ его ужасный тигъ, а главное, — le nom qu'il porte... Развѣ это имя? Le joli plaisir de s'appeler madame Константиновъ!

„А не хватить ли мнѣ сейчасъ предложеніе?—мелькнуло въ головѣ у Алеши.—Во-первыхъ, тетушка отъ меня отстанетъ (самымъ горячимъ желаніемъ Алеши было въ эту минуту, чтобы тетушка отстала). Во-вторыхъ, княжна дѣйствительно прелестная дѣвушка, а въ-третьихъ, я никогда еще не былъ женатъ; можетъ быть, это и не такъ дурно“.

— Вотъ видите, ma tante, я прежде всего съѣзжу въ Москву, чтобы устроить кое-какія денежные дѣла, — началъ было Алеша, но графиня поспѣшила прервать его рѣчь и этимъ испортила все дѣло.

— Что касается вашихъ денежныхъ дѣлъ, мой милый Alexis, то о нихъ вамъ безповоротна нечего. Вы считаетесь наслѣдникомъ Базила, но у меня свое довольно большое состояніе, которое я оставляю Сонѣ, такъ что въ случаѣ вашей женитьбы вы получите все...

При этихъ словахъ графини Алеша весь вспыхнулъ. Ему показалось ужасно обиднымъ, что его соблазняютъ деньгами. Онъ хотѣлъ отвѣтить, что онъ себя не продаетъ, но нашель, что это будетъ слишкомъ грубо, и удержался. Потомъ онъ хотѣлъ сказать, что княжна Софья Борисовна слишкомъ привлекательна сама по себѣ, чтобы нуждаться для привлеченія жениховъ въ тетушкиномъ состояніи, но этотъ болѣе мягкій отвѣтъ пришелъ ему въ голову слишкомъ поздно. Потомъ—какъ это всегда съ нимъ бывало при сильныхъ душевныхъ потрясеніяхъ—ему захотѣлось громко смѣяться, но онъ удержался и отъ этого, не произнеся болѣе ни одного слова и, какъ-то странно улыбаясь, смотрѣлъ на графиню. Графиня одна говорила пространно и краснорѣчиво на тему семейнаго счастья и ужаснаго положенія неженатыхъ молодыхъ людей. Графъ Василій Васильичъ не могъ выдержать этого потока краснорѣчія и неожиданно захрапѣлъ. Графиня посмотрѣла на него съ сожалѣніемъ и сказала:

— Это всегда съ нимъ бываетъ, когда онъ обѣдаетъ въ Царскомъ. Le chemin de fer le fatigue trop...

Алеша всталъ, молча поцѣловалъ руку графини и исчезъ. Графиня разбудила мужа.

— Базиль, можешь меня поздравить, дѣло вончено. Не позже какъ черезъ недѣлю Алеша сдѣлаетъ предложеніе.

Черезъ недѣлю Алеша Хотынцевъ получилъ четырехмѣсячный отпускъ и уѣхалъ съ Павликомъ Свирскимъ на охоту въ свою казанскую деревню, ни съ кѣмъ не простившись въ Петербургѣ.

X.

Въ пятницу на шестой недѣлѣ поста назначенъ былъ въ Дворянскомъ Собраніи концертъ Контскаго. Наканунѣ этого дня Ольга Борисовна и Соня просили Угарова достать имъ билеты. Исполнить эту задачу было не такъ-то легко. Концертъ былъ очень интересный, послѣдній въ сезонѣ, и всѣ мѣста были разобраны за недѣлю. Угаровъ хлопоталъ все утро, ѣздилъ къ самому Контскому, и наконецъ ему удалось достать четыре билета. Одинъ онъ оставилъ для себя, остальные съ торжествомъ повезъ къ Маковецкимъ.

Швейцаръ объяснилъ ему, что всѣ пошли въ Гостинный Дворъ на вербы, и что дома одна княжна Софья Борисовна, только-что вернувшаяся отъ министерши. Угаровъ быстро вбѣжалъ на глѣстницу. „Теперь, или никогда,—подумалъ онъ:—такой случай больше не повторится“... Соня сидѣла въ залѣ за роялемъ и разбирала какой-то новый вальсъ. Поблагодаривъ Угарова за билеты, она сказала ему:

— Вы знаете, Владиміръ Николаевичъ, что я во всю жизнь не проиграла ни одного пари. Вотъ и теперь. Вчера кто-то увѣрялъ, что вы не достанете билетовъ, а я предложила пари, что достанете непременно.

— Отчего же вы были такъ увѣрены въ этомъ?.

— Оттого что... не знаю сама, отчего. Оттого что я знала, что вамъ будетъ пріятно доставить удовольствіе... сестрѣ и мнѣ... однимъ словомъ, вашимъ друзьямъ... Послушайте, какой прелестный вальсъ...

И Соня заиграла снова.

— Я дѣйствительно вашъ другъ,—сказалъ Угаровъ, облокачиваясь на рояль:—а потому рѣшаюсь спросить у васъ: справедливы ли тѣ слухи, которые ходятъ о васъ въ городѣ?

— Какіе именно?

— Слуховъ такъ много, что въ нихъ не разберешься. Одни

говорять, что Хотынцевъ сдѣлалъ вамъ предложеніе, и что вы ему отказали. Другіе говорятъ, что на святой вы уѣзжаете, и что свадьба будетъ въ деревнѣ...

Соня звонко разсмѣялась и сказала, не прекращая своего вальса:

— На святой я не уѣзжаю, — свадьбы въ деревнѣ не будетъ, — Хотынцеву я не отказала: предложенія онъ мнѣ не дѣлалъ. Вы видите: все неправда.

— Значитъ, вы свободны? — воскликнулъ Угаровъ. — Въ такомъ случаѣ, княжна, будьте моей женой!

Вальсъ вдругъ оборвался. Угаровъ пришелъ въ такой ужасъ отъ звука произнесенныхъ имъ словъ, что съ отчаяніемъ схватилъ какую-то огромную нотную тетрадь и спряталъ за ней лицо.

— Простите меня, княжна, — заговорилъ онъ, не смѣя взглянуть на Соню: — ради Бога, не говорите ни слова. Я знаю, что вы скажете. Вы скажете, что вы подумаете, и чтобы я подождать. Но я не могу ждать, я слишкомъ долго ждалъ и мучился. Конечно, если вы не хотите, что же дѣлать... Только умоляю васъ, не говорите. Если вы согласны, не ѣздите въ концертъ и оставайтесь дома. Я увижу, что Ольга Борисовна вошла одна, приѣду къ вамъ, и мы переговоримъ обо всемъ... Ну, а если вы войдете въ концертъ, тогда — что же дѣлать...

Раздался звонокъ. Угаровъ какъ пуля вылетѣлъ изъ залы.

— Вы развѣ не обѣдаете съ нами? — спросилъ его въ передней Маковецкій.

— Нѣтъ, извините, мнѣ некогда, я ѣду въ концертъ. Сегодня концертъ Контскаго.

— Что съ нимъ сдѣлалось? Оля, ты слышала? — сказалъ Маковецкій. — Право, онъ, кажется, сошелъ съума. Концертъ въ восемь часовъ, а теперь четыре...

Въ семь часовъ Угаровъ уже входилъ въ длинную и узкую комнату, прилегающую къ большой залѣ Дворянскаго Собранія. У дверей залы за столомъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ, сидѣлъ господинъ во фракѣ и раскладывалъ программы концерта. Противъ входа, прислонясь къ оешу, стоялъ караульный офицеръ въ каскѣ. Этихъ людей Угаровъ видѣлъ въ первый и въ послѣдній разъ, но лица ихъ такъ врѣзались ему въ память, что всю жизнь онъ не могъ ихъ забыть. Очень скоро началъ появляться первый слой публики: гимназисты и технологи, блѣдныя дѣвицы въ красныхъ кофточкахъ, молодые люди въ пиджакахъ, дамы въ широкихъ, домашнихъ блузахъ. Все это люди, имѣвшіе билеты на хорахъ и явившіеся заблаговременно, чтобы

занять мѣста получше. Около половины восьмого наплывъ ихъ уменьшился; въ теченіе нѣсколькихъ минутъ Угаровъ опять не видѣлъ никого, кромѣ караульнаго офицера и господина во фракѣ. Въ три-четверти восьмого прошла величавая дама въ черномъ бархатномъ платьѣ, съ жемчугомъ на шеѣ, потомъ появился генералъ въ мундирѣ и звѣздахъ, потомъ опять дама, также въ черномъ бархатномъ платьѣ, менѣе величавая, но зато съ тремя дочерьми, потомъ уже непрерывной цѣпью повалила остальная элегантная публика. Угаровъ пріютился за господиномъ во фракѣ и, закрывшись большой программой, не сводилъ глазъ со входной двери. При первыхъ аккордахъ увертюры, раздавшихся въ залѣ, онъ увидѣлъ вдали высокую фигуру и расчесанныя бакенбарды Мавоцецаго. Угаровъ невольно зажмурился на секунду. Сердце его уже не билось, а стучало какъ маятникъ. Когда онъ открылъ глаза, бакенбарды были въ пяти шагахъ отъ него; еще ближе къ себѣ онъ увидѣлъ стройную фигуру Ольги Борисовны. Рядомъ съ ней шла Соня. Лицо ея было серьезно и строго. Никогда еще оно не казалось Угарову такъ красиво и такъ ненавистно. — „Тѣмъ лучше“, — сказалъ онъ самъ себѣ и стремительно бросился внизъ, въ швейцарскую, къ удивленію и негодованію изящной публики, поднимавшейся по лѣстницѣ сплошной стѣной. „Тѣмъ лучше“, — сказалъ онъ громко, вскакивая на извозчика.

Пріѣхавъ домой, онъ послалъ швейцара за Миллеромъ и объявилъ Ивану, что на слѣдующее утро они ѣдутъ въ Угаровку.

— Это никакъ невозможно, — сказалъ Иванъ, почесавъ затылокъ: — у насъ все бѣлье въ мытьѣ.

— Ну, возьми бѣлье отъ прачки...

— Какъ же я возьму бѣлье? Вѣдь оно будетъ совсѣмъ сырое, а прачка деньги потребуетъ какъ за настоящее.

— Дѣлай какъ знаешь, но завтра въ одиннадцать часовъ утра мы выѣзжаемъ.

Иванъ еще продолжалъ ворчать, когда вошелъ Миллеръ.

— Въ чемъ дѣло?

— Я получилъ важныя извѣстія изъ деревни и завтра уѣзжаю.

— На долго?

— Можетъ быть, навсегда. Будь такъ добръ, сдай кому-нибудь мою квартиру (срокъ контракта черезъ полтора года) и продай мебель.

— Ну, за нее много не дадутъ.

— Это мнѣ все равно. Я готовъ даже отдать ее даромъ хозяину, если онъ уничтожитъ контрактъ. Какъ ты думаешь, онъ согласится?

— Конечно, согласится, но это будетъ слишкомъ глупо. Завтра поговоримъ съ нимъ виѣсть.

— Я завтра уѣзжаю въ одиннадцать часовъ.

— А отпускъ взялъ?

— Нѣтъ, не взялъ.

— Такъ какъ же ты уѣдешь безъ отпуска? Поѣзжай послѣ-завтра.

— Нечего дѣлать, придется отложить. Впрочемъ, мнѣ надо еще заплатить кое-какіе счета; поѣду послѣ-завтра.

— Ну вотъ, оно такъ-то будетъ лучше,—сказалъ Иванъ, любившій подслушивать.—По крайности, бѣлье просохнетъ.

Миллеръ началъ ходить взадъ и впередъ по гостиной въ глубокой задумчивости. Потомъ онъ зажегъ свѣчу и обошелъ всѣ комнаты, соображая что-то.

— Ну, прощай, завтра утромъ зайду.

А Угаровъ отворилъ всѣ ящики своего письменнаго стола и началъ перечитывать и рвать письма, накопившіяся у него со времени пріѣзда въ Петербургъ. Письма Марьи Петровны онъ хотѣлъ сохранить и откладывалъ въ особую шкатулку. Вдругъ онъ вздрогнулъ. Ему попалась подъ руку единственная записка, полученная отъ Сони: „Сегодня въ девять часовъ у насъ играютъ квартетъ Бетховена, который вы такъ любите. С. В.“. Онъ скомкалъ эту записку и хотѣлъ изорвать ее съ ожесточеніемъ, но рука его какъ-то машинально бросила ее въ шкатулку.—„Изорву потомъ“,—оправдывался онъ передъ собою.

Въ первомъ часу ночи раздался звонокъ. Вошелъ Миллеръ.

— Я къ тебѣ по дѣлу. Согласенъ ли ты на слѣдующія условія: квартиру ты передаешь сейчасъ же, за мебель тебѣ дадутъ половину того, что она тебѣ стоила, но только деньги ты получишь черезъ годъ.

— Какъ же мнѣ не согласиться? Я лучшихъ условий и не желаю.

— Ну въ такомъ случаѣ дѣло кончено. Твою квартиру я беру для себя.

Миллеръ ушелъ и черезъ минуту вернулся опять.

— Еще забылъ сказать одно условіе. Завтра въ пять часовъ ты долженъ у меня обѣдать, и если тебѣ все равно, надѣнь фракъ.

На слѣдующее утро Угаровъ прежде всего отправился въ министерство. Горичъ устроилъ ему отпускъ въ нѣсколько минутъ, и хотя спросилъ о причинѣ его внезапнаго отъѣзда, но ему показалось, что Горичъ знаетъ все. Эта мысль была такъ ему не-

выносима, что онъ поспѣшилъ уйти и даже не сказалъ о днѣ своего отъѣзда, чтобы избѣжать дальнѣйшихъ свиданій съ Горичемъ. Потомъ онъ отвезъ въ магазинъ Овчинникова оставшіяся у него книги. Сомовъ очень внимательно сосчиталъ ихъ, возвратилъ Угарову залогъ и попросилъ расписаться въ полученіи денегъ.

— Чтò же, Орестъ Ивановичъ,—спросилъ Угаровъ, расписываясь въ большой книгѣ:—и вы тоже думаете, что при мнѣ надо остерегаться, какъ бы не сказать чего-нибудь лишняго?

— Нѣтъ, я этого не думаю,—отвѣчалъ, потупивъ глаза, Сомовъ:—потому что я не считаю васъ способнымъ на какую-нибудь подлость. Но только опять и то правда, что видѣться намъ бесполезно, потому что убѣжденія у насъ слишкомъ различны. Да и дороги наши разные,—прибавилъ онъ какимъ-то особенно грустнымъ тономъ и поспѣшилъ перейти къ какой-то толстой дамѣ, которая уже давно приставала къ приказчику, чтобы онъ далъ ей „Education maternelle“ съ картинками.

Хотя Угаровъ никогда не нуждался въ деньгахъ, но въ теченіе трехъ лѣтъ у него накопились кое-какіе мелкіе долги въ магазинахъ. Заѣзды въ эти магазины, а также къ портному заняли у него много времени. Счетъ у Дюкро оказался на тысячу рублей болѣе, чѣмъ онъ предполагалъ, такъ что половину долга онъ обѣщалъ выслать изъ деревни. Мадамъ Дюкро очень просила этого не дѣлать и выразила готовность ждать хоть десять лѣтъ. Отъ Дюкро Угаровъ зашелъ сдѣлать прощальный визитъ дядюшкѣ. Иванъ Сергѣичъ Дорожинскій сидѣлъ на своемъ обычномъ мѣстѣ, но въ другомъ, болѣе широкомъ креслѣ, перенесенномъ изъ спальни и обложенномъ подушками. Онъ простудился и уже нѣсколько дней не выѣзжалъ изъ дома.

— Впрочемъ, это вздоръ,—сказалъ онъ бодро:—докторъ обѣщалъ черезъ три дня меня выпустить.

Но, взглянувъ въ его осунувшееся лицо и тускло равнодушные глаза, Угаровъ подумалъ, что врядъ ли дядюшкѣ придется когда-нибудь выѣзжать изъ дома.

Аеанасій Ивановичъ, сидѣвшій также у дядюшки, весь сіялъ какимъ-то особеннымъ ореоломъ.

— Какъ я радъ, мой дорогой,—сказалъ онъ Угарову,—что мы вмѣстѣ ѣдемъ завтра, но это чистая случайность. Я долженъ былъ уѣхать сегодня и остался только оттого, что сегодня у насъ въ клубѣ стерляжья уха.

Хотя онъ слегка подчеркнул слова: „у насъ въ клубѣ“, но Угаровъ этого не замѣтилъ, а потому Аеанасій Ивановичъ поспѣшилъ разъяснить ихъ.

— Вѣдь я въ прошлую субботу избранъ въ члены англійскаго клуба.

— И прекрасно прошелъ,—сказалъ Иванъ Сергѣичъ.

Впрочемъ избраніе Аѳанасія Иваныча прошло не безъ протеста. Во время баллотировки кто-то съострилъ, что баллотировается „ренонсъ“, и эта шутка доставила Аѳанасію Иванычу нѣсколько черныхъ шаровъ. Тучный и красивый генераль, съ глазами на выкатѣ, уже выпившій три стагана холодной жжонки, подойдя къ ящичку Дорожинскаго, воскликнулъ:

— Какой это Дорожинскій? Тотъ, что всѣмъ представляется? Налѣво ему!

Старшина, педшій за генераломъ съ тарелкой шаровъ въ рукѣ, сказалъ безстрастнымъ голосомъ:

— Предлагаютъ Иванъ Сергѣичъ и Петръ Петровичъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ, нечего дѣлать, положу направо. Пускай себѣ представляется на здоровье.

Въ день баллотировки Аѳанасій Иванычъ не имѣлъ права обѣдать въ клубѣ, а просидѣлъ нѣсколько часовъ въ своемъ номерѣ у Демута въ такомъ волненіи, что даже не могъ обѣдать. Въ одиннадцатомъ часу ему прислали изъ клуба членскій билетъ. Аѳанасій Иванычъ хотѣлъ сейчасъ же ринуться въ клубъ, но, не желая выказывать слишкомъ большой торопливости, остался дома. Болѣе всего радовала его мысль, что онъ каждую минуту можетъ поѣхать въ клубъ. Какъ Скупой Рыцарь, онъ могъ сказать:

..... Съ меня довольно
Сего сознанья.....

Зато какимъ наивнымъ самодовольствомъ, какимъ скромнымъ торжествомъ дышала вся фигура Аѳанасія Иваныча, когда на другой день, на парѣ великолѣпныхъ рысаковъ, онъ подѣзжалъ къ англійскому клубу. Онъ испытывалъ такое чувство, какъ будто вѣзжалъ въ одно изъ своихъ имѣній. Ему казалось, что даже часть Демидова переулка принадлежитъ ему. Онъ пріѣхалъ за часъ до обѣда, въ клубѣ еще никого не было. Аѳанасій Иванычъ вошелъ въ читальню. „И книги, и журналы, и газеты, все это мое,—подумалъ онъ.—Биллиардъ тоже мой“. Онъ посидѣлъ и въ биллиардной. „И кегли мои“,—но въ кегельную не пошелъ, потому что было бы слишкомъ смѣшно сидѣть тамъ одному. Какъ всякій вновь поступавшій въ члены клуба, онъ пожертвовалъ большой кушъ въ пользу прислуги, но, независимо отъ этого, щедро награждалъ каждого поздравлявшаго его лакея.

Съ другими членами клуба отношенія его радикально измѣ-

нились. Съ этой минуты онъ никому не представлялся, онъ только знакомился...

Въ пять часовъ Угаровъ, облекшись во фракъ, входилъ къ Миллеру. Онъ засталъ тамъ множество бароновъ Эпштадтовъ, фонъ Эпштадтовъ, фонъ Миллеровъ и всякихъ другихъ фоновъ. Изъ знакомыхъ Угарова былъ только его товарищъ Кнопфъ, но и того звали здѣсь фонъ-Кнопфомъ. Генеральша Миллеръ была въ пышномъ лиловомъ платьѣ, полу-декольтѣ, съ тюлевой нарядкой, приколотой бриллантовой брошью.

— Обратите вниманіе на этотъ бриллантъ,—сказала она Угарову.—Въ немъ болѣе трехъ каратовъ.

Бѣдная Эмилія такъ растолстѣла, что миловидность ея совсѣмъ исчезла, и она казалась почти однихъ лѣтъ съ матерью. Вильгельмина фонъ-Эпштадтъ, въ бѣломъ платьѣ, съ блестящими глазами и съ лицомъ сіявшимъ отъ счастья, была, напротивъ того, очень миловидна. Въ концѣ невыносимо длиннаго обѣда генеральша провозгласила тостъ за жениха и невѣсту. Поднялся пасторъ и очень долго говорилъ по-нѣмецки, послѣ чего Карлуша Миллеръ и Вильгельмина поцѣловались. Тотчасъ послѣ обѣда женихъ и невѣста захотѣли посмотрѣть свое будущее жилище. Угаровъ предложилъ имъ сопутствовать, но они предпочли идти одни. Генеральша начала благодарить Угарова.

— Еслибы вы не уѣхали въ деревню, мои бѣдныя дѣти ждали бы еще цѣлый годъ, а теперь они будутъ счастливы, и этимъ счастьемъ они обязаны вамъ...

— Однако, они слишкомъ долго остаются въ вашей квартирѣ,—сказалъ шутя Угарову старѣйшій изъ гостей, баронъ Рейнгольдъ фонъ-Эпштадтъ.

— О, это ничего!—воскликнула генеральша.—Они строятъ въ разныхъ комнатахъ станціи своего будущаго счастья.

Это чужое счастье невольно волновало Угарова, и со дна души его поднимались горькія мысли. Онъ рано пошелъ домой. Когда онъ увидѣлъ свою полуразоренную квартиру, съ выдвинутыми ящиками и раскрытыми столами, съ веревками и газетами, валавшимися на полу, вся его трехлѣтняя петербургская жизнь предстала ему въ своей неприглядной наготѣ. Три года влачилъ онъ эту пустую, эфемерную, кабацкую жизнь, безъ всякой пользы для другихъ, безъ всякой радости для себя. Былъ одинъ домъ, въ которомъ онъ отдыхалъ душой, была одна дѣвушка, которая могла составить его счастье. И вотъ теперь безъ всякой причины, безъ всякой вины, этотъ домъ навсегда закрытъ для него, эту дѣвушку онъ никогда не увидитъ.

„Хоть бы написала мнѣ два слова,—думалъ Угаровъ:—хоть бы что-нибудь объяснила, подала какую-нибудь надежду. Правда, я самъ просилъ ее ничего не говорить, но все-таки она должна была это сдѣлать. А то прогнала меня молча, какъ сгоняютъ съ руки назойливую муху, и поѣхала въ концертъ“. Въ теченіе сутокъ Угаровъ крѣпился и безпрестанно говорилъ себѣ: „тѣмъ лучше“; кромѣ того, приготовленія къ отъѣзду и всякія хлопоты поглощали его вниманіе. Теперь, когда безъ всякаго дѣла онъ остался одинъ съ своими мыслями, невыносимая горечь обиды охватила его сердце.

Въ такомъ же мрачномъ настроеніи пріѣхалъ онъ и на слѣдующее утро на желѣзную дорогу. Аванасій Иванычъ былъ также въ дурномъ расположеніи духа. Двѣ губернаторскія ваванціи проскочили у него мимо носа, а наканунѣ въ клубѣ, изъ разговора съ однимъ вліятельнымъ лицомъ, онъ убѣдился, что фонды его въ министерствѣ стояли вообще невысоко. Едва усѣвшись въ вагонъ, онъ уже началъ высказывать свое недовольство существующимъ порядкомъ.

— Вся бѣда, мой дорогой Владиміръ Николаичъ, въ томъ, что у насъ не умѣютъ цѣнить людей. По теперешнему времени правительству нужны люди знающіе и энергичные. И они есть, но ихъ не видятъ, или не хотятъ замѣчать. Вездѣ протекція, вездѣ все та же старая причина. Что же остается нашему брату коренному дворянину? Намъ остается одно: крѣпко сплотиться и дѣйствовать во-едино противъ общаго врага, чиновника...

Поѣздъ тронулся. По обѣимъ сторонамъ дороги, какъ послѣдній привѣтъ Петербурга, стояли безобразныя фабрики, съ закопѣлыми трубами и чернымъ, валившимъ изъ нихъ, дымомъ. Но вотъ фабрики кончились, предъ глазами раскинулось черное поле. Свѣжій весенній вѣтерокъ врвался въ окно вагона, въ большихъ лужахъ играло яркое солнце, молодая травка зеленѣла по краямъ канавы. Вдохъ облегченія врвался изъ груди Угарова, какъ у человѣка, очнушагося отъ долгаго кошмара. Онъ не слушалъ Аванасія Иваныча, который все говорилъ, говорилъ безъ конца; онъ прислушивался къ какому-то внутреннему голосу, который шепталъ ему: „Полно тебѣ унывать и приходить въ отчаяніе. Ну да, тебѣ теперь обидно и больно, но что же изъ этого? Жизнь не кончена, вся жизнь впереди. Еще много испытаешь и радости, и гора, еще успѣешь пожить и для другихъ, и для себя“!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Осень и зима 1858 года были очень оживлены въ губернскомъ городѣ Зміевѣ. Въ началѣ осени ожидался прїѣздъ новаго губернатора, въ ноябрѣ должны были происходить дворянскіе выборы, а въ декабрѣ—засѣданія дворянскаго комитета по улучшенію быта крестьянъ.

Князь Холмскій, болѣе десяти лѣтъ управлявшій зміевской губерніей, оказался, при новыхъ порядкахъ, далеко не на высотѣ своего званія. Онъ не только не сочувствовалъ никакимъ реформамъ, но, говоря о нихъ, выражался такъ: „съ позволенія сказать, реформы“. Онъ считалъ эту шутку очень остроумной и, произнося ее, всегда громко хохоталъ самъ. Двухъ чиновниковъ своей канцеляріи онъ выгналъ со службы за то, что они публично говорили о необходимости освобожденія крестьянъ. Весной 1858 года онъ былъ назначенъ сенаторомъ въ Москву, и зміевская губернія управлялась вице-губернаторомъ Андреемъ Николаевичемъ Бубликовымъ. Это былъ человекъ хорошій, но мнительный и огорченный. Онъ былъ переведенъ на службу въ Зміевъ еще раньше князя Холмскаго, когда начальникомъ губерніи былъ генералъ Крампъ, сразу не влюбившій новаго вице-губернатора. Князь Холмскій обращался съ нимъ такъ же высокомерно, какъ съ послѣднимъ писцомъ своей канцеляріи. Все это наложило на его безбородое лицо печать вѣчнаго унынія. Выраженія его глазъ никто не видѣлъ, потому что съ молодыхъ лѣтъ онъ носилъ четырехугольные синіе очки, надъ которыми поднимались и опускались густыя брови, выражая полную безнадежность. Пятнадцать лѣтъ онъ жилъ надеждою попасть въ губернаторы, но одна вліятельная особа, проѣзжавшая черезъ Зміевъ, сказала про Бубликова: „il n'est pas du bois dont on fait les gouverneurs“, и этотъ приговоръ, вызванный несчастной наружностью, а отчасти и смѣшной фамиліей вице-губернатора, положилъ предѣлъ его дальнѣйшей карьерѣ. Послѣ десятилѣтняго пребыванія въ Зміевѣ, Бубликовъ женился на Ольгѣ Ивановнѣ Койровой, дочери мѣстнаго помѣщика...

1).

А. АПУХТИНЪ.

1) На этомъ прерывается рукопись.—Ред.

ЛЕОНАРДО ДА-ВИНЧИ

и

ЕГО РУКОПИСИ

Не только рукописи, но и всё остальные творения да-Винчи, а потому и самая жизнь его, весьма неравномерно интересовали людей науки и даже специалистов по теории и истории искусств и по истории индуктивных наук и методологии этих последних,—в особенности если взять в расчет весь промежуток времени почти в 400 летъ, которые отдѣляютъ насъ отъ дня смерти этого многообъемлющаго предтечи идей XVIII-го и XIX-го столѣтій. Писано объ этомъ универсальномъ человѣкѣ очень много, хотя, вѣроятно, не столько, сколько о другихъ, менѣе загадочныхъ съ психологической точки зрѣнія, но значительно болѣе, чѣмъ Леонардо да-Винчи, въ стремленіяхъ своихъ сосредоточенныхъ представителяхъ эпохи итальянскаго „возрожденія“. Большинство работъ, ему посвященныхъ, занимается имъ чаще всего съ какой-либо одной, при томъ болѣе или менѣе специальной точки зрѣнія, и очень часто отличается однимъ панегирическимъ тономъ изложенія, что мало способствуетъ уразумѣнію внутренней жизни восхваляемаго человѣка. Въ многочисленныхъ сочиненіяхъ по всеобщей истории искусствъ вообще и итальянскаго искусства въ частности—Леонарду да-Винчи, какъ художнику, отводится, конечно, подобающее ему мѣсто, хотя и съ этой точки зрѣнія въ настоящее время оцѣнить его очень трудно, такъ какъ до насъ изъ художественныхъ произведеній да-Винчи дошло лишь весьма немногое. Только въ самое послѣднее

время сдѣлано много для уразумѣнія совершенно исключительнаго мѣста, которое должно быть отведено Леонардо да-Винчи въ исторіи точныхъ и индуктивныхъ наукъ, при чемъ освѣщена его личность болѣе съ точки зрѣнія психологической.

Первая біографія Леонардо да-Винчи, которому, какъ замѣтилъ Г. Сеайль, „ничто истинно человѣческое не было чуждо“, принадлежитъ перу анонима, жившаго въ концѣ XV-го и въ началѣ XVI-го столѣтій¹⁾. Въ половинѣ XVI-го вѣка, ученикъ Мивель Анджеоло, авторъ извѣстныхъ біографій наиболѣе крупныхъ живописцевъ, ваятелей и зодчихъ, самъ талантливый архитекторъ, но посредственный живописецъ, Джіорджіо Вазари, въ своихъ „Жизнеописаніяхъ“ довольно много говоритъ о Леонардѣ да-Винчи въ духѣ высокопарномъ и торжественномъ, когда рѣчь идетъ о твореніяхъ, и въ духѣ не всегда уважительномъ — когда рѣчь идетъ о жизни Леонарда да-Винчи. Паоло Джіовіо (1483—1552), въ своихъ извѣстныхъ „Elogia“, посвящаетъ ему всего одну страницу.

Въ теченіе двухъ съ половиною вѣковъ со времени появленія въ свѣтъ жизнеописаній Вазари, выдержавшихъ множество изданій и легшихъ въ основу почти всего, чтѣ впоследствии писано о Леонардѣ да-Винчи, интересъ къ личности и даже къ твореніямъ этого послѣдняго скорѣе ослабѣваетъ, чѣмъ усиливается. Только въ концѣ XVIII-го и въ началѣ XIX-го вѣка этотъ интересъ снова значительно возрастаетъ. Въ 1797 году профессоръ и „французскій гражданинъ“, а родомъ итальянецъ Д.-Б. Вентури, посвящаетъ рукописамъ Леонарда да-Винчи, доставшимся французскому Національному институту, а также личности его, свой „Опытъ о физико-математическихъ трудахъ Леонарда да-Винчи“, не мало способствовавшій устраненію нѣкоторыхъ ошибочныхъ историческихъ взглядовъ въ области математическихъ и индуктивныхъ наукъ. Вентури, къ сожалѣнію, не привелъ въ исполненіе своего обѣщанія относительно разсмотрѣнія всѣхъ трудовъ да-Винчи по механикѣ, оптикѣ и гидравликѣ.

Въ началѣ XIX-го столѣтія, личность и творенія Леонарда да-Винчи уже заинтересовываютъ многихъ писателей; изъ нихъ надо назвать Карло Аморетти и болѣе извѣстнаго подъ псевдонимомъ Стэндаля — французскаго писателя Анри Бэля (1783—1842). Съ половины XIX-го столѣтія, и въ особенности съ 70-хъ годовъ, снова возрастаетъ интересъ къ работамъ да-Винчи на прищѣ естественныхъ наукъ, увѣковѣченнымъ въ дошедшихъ до

¹⁾ Gabriel Séailles. L. d. V., l'artiste et le savant, Paris 1892.

насъ рукописяхъ его, а въ самое послѣднее время—также и въ внутренней жизни этого замѣчательнаго человѣка. Густаво Удзіели разработалъ по архивнымъ даннымъ родословную и нѣкоторыя фактическія свѣденія о жизни да-Винчи. Шарль Равессонъ-Молліенъ занялся опубликованіемъ содержанія его рукописей, хранящихся въ парижскомъ Институтѣ, а нашъ соотечественникъ, г. О. Сабашниковъ, въ сотрудничествѣ съ Джіованни Циумати и Шарлемъ Равессономъ-Молліеномъ—изданіемъ по возможности совершенныхъ факсимиле съ другихъ рукописей да-Винчи, съ двойною итальянскою транскрипціею, французскимъ переводомъ, предисловіями и введениями. Къ перечисленнымъ выше, въ текстѣ и примѣчаніяхъ, сочиненіямъ надобно присоединить обширный трудъ Ж.-П. Рихтера, доселѣ весьма цѣнный при изученіи Леонарда да-Винчи; къ сожалѣнію, новѣйшія сличенія текста и нѣкоторыхъ рукописей съ транскрипціею Рихтера доказали, что особенно надежнымъ этотъ источникъ не можетъ быть признанъ.

Цѣль предлагаемаго очерка—ознакомить не только любителей точныхъ наукъ и исторіи этихъ послѣднихъ съ научнымъ и философскимъ кладомъ, столько лѣтъ хранившимся безъ всякой пользы для преуспѣянія наукъ и ихъ философіи, въ рукописяхъ да-Винчи, но также и съ сокровищницею души этого человѣка.

Внутренняя жизнь да-Винчи, какъ ни далека она отъ насъ по времени и другимъ условіямъ, тѣмъ не менѣе должна быть интересна въ очень многихъ отношеніяхъ. Безконечная многосторонность Леонарда да-Винчи, его пристрастіе къ истинному реализму въ искусствѣ, его неодолимое влеченіе къ математическимъ и естественнымъ наукамъ, гармоническое соединеніе въ его личности самаго послѣдовательнаго раціонализма съ чистѣйшимъ идеализмомъ всего міросозерцанія, — все это дѣлаетъ да-Винчи близкимъ пониманію въ наше время. Если причиною политическаго индифферентизма да-Винчи считать не какой-нибудь недостатокъ въ его характерѣ, а только непропорціональность между его идеалами и общественною дѣйствительностью его эпохи, то именно эта непропорціональность и дѣлаетъ Леонарда да-Винчи болѣе интереснымъ въ нашъ вѣкъ. Закованный въ цѣпи политическихъ и общественныхъ условій своего вѣка, да-Винчи, можетъ быть, по неволѣ предавался однимъ мечтаніямъ объ общественныхъ условіяхъ будущихъ вѣковъ—и ограничивался активной работою только на поприщахъ искусства, науки, философіи.

I.

Жизнь да-Винчи и особенности его рукописей.

Прежде всего постараемся напомнить изъ біографіи Леонарда да-Винчи самыя важныя фактическія и хрондлогическія данныя въ связи съ нѣкоторыми бытовыми особенностями той эпохи. Онъ былъ побочнымъ сыномъ молодого сельскаго нотаріуса Серъ-Піеро и крестьянской дѣвушки Катарини; родился въ 1452 году въ мѣстечкѣ Винчи, находящемся на правомъ берегу рѣки Арно, близъ Эмполи, между Флоренціею и Пизой. Серъ-Піеро на Катаринѣ такъ и не женился, но впоследствии усыновилъ Леонарда и далъ ему четырехъ мачихъ. Первые двѣ изъ нихъ были добрыми женщинами. Не имѣя собственныхъ дѣтей, онъ своего красиваго пасынка не только не обижали, но любили какъ родного. Первымъ братомъ подарила его только третья мачиха, и то уже когда ему было не менѣе двадцати-трехъ лѣтъ отъ роду.

Природа одарила Леонарда да-Винчи всѣми благами, какія только находятся въ ея распоряженіи; та эпоха, въ которую ему пришлось жить и работать, была довольно благоприятна для того, чтобы онъ могъ испробовать свои силы на всевозможныхъ поприщахъ (за исключеніемъ, впрочемъ, церковнаго и политическаго). На безчисленныхъ, хотя и интересныхъ и характерныхъ анекдотахъ, изъ которыхъ преимущественно сложились матеріалы для жизнеописанія Леонарда да-Винчи, мы останавливаться не станемъ. Достаточно сказать, что живописи онъ учился у Андреа дель-Вероккіо (1435—1488), а въ остальномъ онъ всѣмъ обязанъ почти исключительно самому себѣ. Достойно также вниманія, что едва ли не съ юности онъ съ жаромъ принимался за многое и лишь весьма немногое доводилъ до конца. Дѣтство и юность Леонарда да-Винчи совпали съ временемъ особенно богатымъ такъ называемыми „геніальными“ дѣтьми, когда родители употребляли всяческія усилія свои, чтобы изъ дѣтей своихъ выростить людей болѣе замѣтныхъ, выдающихся, и Серъ-Піеро не составлялъ въ этомъ отношеніи исключенія. Съ другой стороны, это было время крайняго развитія индивидуализма, торжества человѣческой личности и присущихъ ей способностей. Стремленіе итальянца той эпохи къ торжеству личности и индивидуальности доказывается всѣми общественными явленіями того времени: войной, искусствами, ремеслами, празднествами, даже модами. Относительно послѣднихъ достаточно сказать, что тогда общепри-

знанныхъ модъ не существовало, и всякій одѣвался по своему собственному вкусу и желанію, сообразно со своими средствами, придумывая для себя фасонъ платья, украшенія, головной уборъ, вооруженіе... Этимъ же духомъ личнаго вкуса и произвола отличалась до извѣстной степени также и вся жизнь той эпохи. Со стороны послѣдней для развитія личности Леонарда да-Винчи не представлялось никакихъ препятствій.

Что касается самаго рожденія, то оно ни въ чемъ не могло быть помѣхою для преемствія Леонарда да-Винчи на любомъ поприщѣ дѣятельности, которую онъ себѣ пожелалъ бы избрать. Къ незаконнорожденнымъ въ то время въ Италіи относились безъ всякихъ предразсудковъ и предубѣжденій. Тогда и аристократическія семьи рѣдко обходились безъ незаконнорожденныхъ членовъ: когда папа Пій II въ 1459 г. поѣхалъ въ Мантую на конгрессъ правителей, то ему на встрѣчу выѣхали 8 незаконнорожденныхъ представителей дома Эсте, въ томъ числѣ и самъ правитель, и два незаконныхъ сына незаконнорожденнаго же брата его, Леонелло. Подобные члены семьи принимались въ расчетъ даже при различныхъ комбинаціяхъ престолонаслѣдія. Важно для насъ и то, что въ Италіи того времени небольшое значеніе придавалось происхожденію человѣка. Предводители наемныхъ солдатъ, кондотьеры, и люди, принадлежащіе къ торговому сословію, при благопріятныхъ условіяхъ, дѣлались владѣтельными князьями; аристократы же часто предпочитали заниматься торговлей и жить спокойною и безопасною жизнью людей, не стремящихся ни къ какимъ особеннымъ почестямъ. Феодализмъ въ Италіи никогда не процвѣталъ, и Поджіо Браччіолини говорилъ въ своемъ діалогѣ „О благородствѣ“ слѣдующее: „чѣмъ большее количество предковъ у человѣка были грабителями, тѣмъ менѣе у него правъ гордиться своимъ происхожденіемъ“.

Дѣтство и отрочество да-Винчи протекали безъ особенныхъ приключеній. Какъ въ юности, такъ и въ зрѣломъ возрастѣ,—мы замѣтили это выше — онъ весьма немного доводилъ до конца. Какъ ни совершенны были достигнутые имъ въ какой-либо работѣ результаты, его самого они никогда не удовлетворяли вполне. Онъ очень долго и мучительно разрабатывалъ одну и ту же тему съ различныхъ точекъ зрѣнія, и рѣдко его творенія, по свидѣтельству его современниковъ, изумлявшія зрителя, имъ самимъ признавались вполне законченными и удовлетворительными. Его требовательность къ себѣ всегда равнялась силѣ его творческаго инстинкта, и этимъ, вѣроятно, объясняется также его медлитель-

ность и неаккуратность въ исполненіи самыхъ лестныхъ для него и самыхъ выгодныхъ заказовъ.

Съ 1484 года мы видимъ Леонарда да-Винчи при дворѣ Лудовика Сфорца (извѣстнаго также подъ именемъ Лудовика Мавра, *Lodovico il Moro*) въ качествѣ не только живописца и скульптора, но также пѣвца, импровизатора-поэта, композитора, музыканта-виртуоза и изобрѣтателя какой-то особенной, притомъ превосходной лютни, въ качествѣ обворожительнаго собесѣдника, что въ то время развитія совершеннѣйшаго царедворства (*cortigiano*) было вовсе не легко,—въ качествѣ человѣка, изумлявшаго всѣхъ не только своей умственной, но и физическою силой, умѣньемъ укрощать самыхъ дикихъ лошадей, фехтованіемъ, верховой ѣздою, симпатичнѣйшей и пріятнѣйшей наружностью, достоинствомъ поведенія, умѣньемъ устраивать блестящія зрѣлища и празднества.. Отъ 1484 до 1495 года да-Винчи работаетъ подъ постояннымъ покровительствомъ Лудовика Мавра, въ области пластическихъ искусствъ, надъ своимъ трактатомъ о живописи, или вѣрнѣе, надъ его матеріалами, впоследствии даже не имъ самимъ собранными и соединенными въ одну книгу, надъ теоріею перспективы, анатоміею человѣка и животныхъ и надъ разнообразнѣйшими научными вопросами.

На личности Лудовика Мавра стоить нѣсколько остановиться, чтобы понять характеръ той среды, въ которой да-Винчи провелъ самый осыдлый періодъ своей посвященной искусствамъ, наукѣ и размышленію жизни. Самъ Лудовикъ Мавръ, сынъ одного изъ замѣтнѣйшихъ людей своего времени, кондотьера Франческо Сфорца, и внукъ если не великаго полководца, то во всякомъ случаѣ великаго солдата Джакомо Сфорца (который едва ли не тринадцатилѣтнимъ отрокомъ началъ свою блестящую военную карьеру), былъ чуть ли не наиболѣе совершеннымъ воплощеніемъ идеала владѣтельнаго князя своего времени. Неразборчивый и безнравственный въ выборѣ средствъ для достиженія болѣе или менѣе неизбѣжныхъ и не всегда низменныхъ цѣлей, онъ никогда не былъ безцѣльно кровожаденъ, бессмысленно жестокъ. Это былъ человѣкъ съ большимъ политическимъ талантомъ, крупнымъ умомъ, хорошимъ образованіемъ; насколько значительна была его роль въ Италіи, можно судить по тому, что онъ имѣлъ полное право, всего за нѣсколько лѣтъ до своего паденія, утверждать, что папа—его духовникъ, императоръ Максимилианъ—его кондотьерь. Венеція—его казначей, французскій король—его курьеръ ¹⁾.

¹⁾ Burckhardt, стр. 88.

Дворъ Лудовика Мавра, правда, самымъ беззащитнымъ образомъ предавался чувственнымъ удовольствіямъ, но это не мѣшало ему быть въ то же самое время наиболѣе блестящимъ въ Европѣ по количеству ученыхъ, художниковъ, поэтовъ, при немъ состоявшихъ. Вообще соединеніе добра со зломъ въ личности Лудовика Мавра и въ личностяхъ нѣкоторыхъ другихъ итальянскихъ тирановъ эпохи возрожденія, настолько неразрывно, что произнести сколько-нибудь вѣрный въ историческомъ смыслѣ приговоръ надъ тѣмъ или другимъ изъ нихъ возможно, по большей части, только при обстоятельномъ знаніи всѣхъ условій ихъ политической карьеры. Лучшимъ тому доказательствомъ можетъ служить то, что по существу своего личнаго характера вовсе не безнравственный Макиавелли (1469—1527), обозначая словомъ „virtù“ соединеніе силы съ талантомъ, считалъ, однакоже, это доблестное соединеніе совмѣстимымъ со всякимъ злодѣйствомъ и нечестіемъ (scelleratezza) и необходимымъ иногда средствомъ для достиженія и упроченія разъ уже достигнутой власти. И это былъ взглядъ человѣка, который имѣлъ право считать себя человѣкомъ честнымъ и говорить слѣдующее: „Кто сорокъ три года велъ себя честно, какъ я, отъ того нельзя ожидать, чтобы его натура измѣнилась; а честность мою доказываетъ та бѣдность, въ которой я живу въ настоящее время“ (послѣ 1512 г.)...

Подъ покровительствомъ Лудовика работали не одинъ да-Винчи, но также великій зодчій своего времени — Донато Браманте (1444—1514); впрочемъ, этотъ послѣдній не былъ въ свое время Лудовикомъ-Мавромъ оцѣненъ вполне по его заслугамъ и пользовался меньшимъ расположеніемъ, нежели Леонардо да-Винчи.. Можетъ быть вслѣдствіе такого неизмѣннаго доброжелательства Лудовика въ да-Винчи онъ и считалъ его наиболѣе способнымъ сочувствовать всякимъ грандіознымъ планамъ и художественнымъ замысламъ. Но вѣроятноже, что Леонарда да-Винчи влекло къ нему и чувство уваженія, какъ къ человѣку все-таки наиболѣе крупному, по сравненію съ другими итальянскими тиранами того времени. Да-Винчи принадлежалъ въ числу тѣхъ людей эпохи, для которыхъ порталы всѣхъ дворцовъ, равно какъ объятія и кошелки всѣхъ покровителей наукъ и искусствъ были всегда открыты, и тѣмъ не менѣе онъ не оставлялъ Лудовика Сфорца до послѣдняго дня его паденія... Къ сожалѣнію, планы инженерныхъ работъ да-Винчи великой общественной важности, какъ канализація и ассенизація нѣкоторыхъ мѣстностей Италіи, и даже чисто художественныя сооруженія, въ родѣ бронзовой

конной статуи Франческо Сфорца, не пошли далѣе эскизовъ и моделей и сохранились только въ описаніяхъ.

Послѣ паденія Лудовика Мавра, Леонардо да-Винчи часть 1500 года проводитъ въ Венеціи; въ 1502 году, по декрету Цезаря Борджіа, онъ назначается военнымъ инженеромъ и инспекторомъ крѣпостей въ Романьѣ; въ 1503 году мы видимъ его уже во Флоренціи, въ 1506 снова въ Миланѣ, потомъ опять во Флоренціи, а въ 1508 въ гостяхъ у его ученика и друга сеньора Франческо Мельци. Въ 1509 году Леонардо да-Винчи устраиваетъ декорацию въѣзда французскаго короля Лудовика XII, такъ называемаго „отца народа“ (Père du peuple) въ Миланъ; въ концѣ того же года онъ переѣзжаетъ во Флоренцію, оттуда, въ 1512 году, снова въ Миланъ; въ 1514 г. онъ находится при дворѣ не особенно къ нему доброжелательнаго папы Льва X, а въ 1516 онъ ужъ состоитъ при королѣ Францискѣ I, относившемся къ нему съ благоговѣніемъ... Умеръ Леонардо да-Винчи 2 мая 1519 г. въ замѣѣ Клу, близъ Амбоаза.

Если допустить вмѣстѣ съ нѣкоторыми, что да-Винчи на Востока никогда не бывалъ, то и тогда придется признать, что особенную усидчивостью жизнь его не отличалась... Несмотря на то, творчествомъ бѣдны были только послѣдніе годы его жизни, проведенные имъ, уже въ качествѣ заходящаго солнца, при дворахъ папы Льва X и Франциска I. Первый изъ нихъ ясно видѣлъ, что маститый Леонардо уже неспособенъ придать папскому двору вѣшняго блеска. Францискъ I также не былъ въ состояніи дать именитому художнику-мыслителю такое мѣсто при своемъ дворѣ, которое было бы наиболѣе благоприятно для творчества. Онъ только благоговѣлъ предъ нимъ, не думая о томъ, что тотъ еще могъ бы сдѣлать на пользу своихъ современниковъ въ области искусства, науки и общественныхъ работъ.

Изъ произведеній кисти и рѣзца Леонарда да-Винчи до насъ, какъ извѣстно, дошло весьма немногое, да и дошедшее, большею частью, сохранено намъ въ копіяхъ и гравюрахъ. О болыпинствѣ его произведеній мы можемъ судить только по восторженнымъ описаніямъ. Но какъ бы то ни было, Леонардо да-Винчи какъ живописецъ занимаетъ мѣсто рядомъ съ величайшими живописцами всѣхъ временъ. Достаточно принять во вниманіе, что самъ Рафаэль, живя съ октября 1504 года до іюня 1505 во Флоренціи, считалъ для себя интереснымъ копировать произведения да-Винчи. Такой знатокъ исторіи и теоріи искусствъ, какъ Винкельманъ, считалъ, изъ всѣхъ живописцевъ эпохи возрожденія, да-Винчи—наиболѣе близкимъ къ идеаламъ несравнен-

наго греческаго искусства. Всѣмъ извѣстна хотя бы по имени и изъ случайно видѣнныхъ гравюръ—едва ли не совершеннѣйшая „Тайная вечеря“ (въ Миланѣ), какая только когда-либо была написана. Но до насъ оригиналъ этой „Вечери“ дошелъ въ видѣ крайне плачевномъ: онъ пострадалъ не только отъ времени и несовершенства тогдашнихъ красокъ, но также отъ варварства иноземцевъ, отъ варварства реставраторовъ-шарлатановъ, отъ тупости самозванныхъ архитекторовъ-монаховъ.

Каждая изъ дошедшихъ до насъ въ томъ или иномъ видѣ картина да-Винчи—въ своемъ родѣ совершенство. Своими Мадоннами онъ равнѣ Гёте и точнѣе, чѣмъ этотъ послѣдній, выразилъ не поддающійся словесному описанію идеаль „вѣчно женственнаго“ (das Ewigweibliche)... Своими ландшафтами, составляющими фонъ почти всѣхъ его картинъ, онъ создалъ пейзажную живопись. Въ своей батальной картинѣ, долженствовавшей изобразить битву миланцевъ съ флорентинцами при Ангиари (въ 1440 году), онъ проявилъ себя какъ несравненный баталистъ, гиппологъ, анатомъ, физикъ и психологъ... Картина эта имъ не была дописана, и картонъ ея до насъ не дошелъ,—а дошедшая до насъ копія въ небольшой части его, изображающая извѣстный въ исторіи искусства „эпизодъ борьбы изъ-за штандарта“ и хранящаяся нынѣ въ Луврѣ, приписывается главѣ такъ называемой „бельгійской школы“, Рубенсу. Сужденіе послѣдняго о Леонардѣ да-Винчи какъ живописцѣ отличается чрезвычайною определенностью и, конечно, принадлежитъ къ числу авторитетнѣйшихъ. „Вслѣдствіе своихъ глубокихъ познаній,—говоритъ Рубенсъ,—Леонардо да-Винчи дошелъ въ живописи до такой мѣры совершенства, что мнѣ представляется невозможнымъ даже говорить о томъ достоюльнымъ образомъ, а тѣмъ болѣе—подражать ему въ этомъ отношеніи“ (Venturi, стр. 53).

Но да-Винчи въ области искусства былъ не только живописцемъ; онъ былъ скульпторомъ и архитекторомъ, музыкантомъ и поэтомъ, такъ что ни одна отрасль искусства не была ему чужда. Кромѣ того, онъ былъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, также *человѣкомъ науки*: математикомъ, физикомъ, инженеромъ, астрономомъ, географомъ и геологомъ, зоологомъ, анатомомъ и ботаникомъ, методологомъ, философомъ. Наилучшее свидѣтельство о томъ—въ какой мѣрѣ онъ былъ истиннымъ человѣкомъ истинной науки, притомъ человѣкомъ не науки уже существующей, а творцомъ *новыхъ наукъ*,—даютъ его рукописи. Къ ихъ исторіи мы и обратимся.

Въ завѣщаніи своемъ, явленномъ у королевскаго нотаріуса

округа амбуазскаго суда, Жана-Гильома Буро, 23 апрѣля 1519 года, да-Винчи отказалъ своему любимѣйшему ученику, другу и почитателю, синьору Франческо Мельци, всѣ свои рукописи вмѣстѣ со всѣми инструментами и рисунками, относящимися къ искусству и ремеслу живописца. Пока синьоръ Франческо былъ живъ, онъ въ своей виллѣ „Вапріо“ (Vaprio) сохранялъ и берегъ сокровища, оставленныя ему учителемъ, и тщетно Альберто Бендидіо старался у него ихъ откупить для Альфонса I Феррарскаго. Но на этотъ разъ благоговѣніе къ памяти великаго человѣка нанесло этой памяти неисчислимый вредъ. Еслибы эти рукописи перешли къ Альфонсу I, то онѣ, можетъ быть, попали бы въ руки болѣе достойныя, чѣмъ руки ближайшихъ наслѣдниковъ синьора Франческо Мельци, скончавшагося въ 1570 г. Имущество его, въ томъ числѣ и драгоценныя рукописи великаго учителя и друга, перешли къ дѣтямъ синьора Франческо, которыя не унаслѣдовали отъ своего отца ни его любви къ Леонарду да-Винчи, ни его вкуса къ искусству и наукамъ. Они отнесли къ рукописямъ и ко всему оставшемуся послѣ Леонарда да-Винчи въ высшей степени небрежно и сложили ихъ на чердакъ съ протекающею крышей, рѣшительно безъ всякихъ предосторожностей... Съ этихъ поръ началась распродажа, бессмысленная порча и самое беззастѣнливое расхищеніе этихъ сокровищъ, соединеніе подъ общую обложку разрозненныхъ листовъ различныхъ рукописей и даже полное ихъ уничтоженіе. Покойный Джильберто-Гови питалъ надежду, что, по тщательномъ осмотрѣ европейскихъ библиотекъ и архивовъ, можетъ быть, еще отыщутся неизвѣстныя рукописи да-Винчи или части ихъ.

Исторія рукописей да-Винчи или, вѣрнѣе, большинства дошедшихъ до насъ, впервые рассказана у патера Джіованни-Амброджіо Мадзенты въ части манускрипта XVII в., принадлежаго нынѣ Амвросіевской библиотекѣ въ Миланѣ. Въ „Воспоминаніяхъ“ своихъ, написанныхъ около 1635 года, Мадзента рассказываетъ, какъ попали въ его руки, по расчетамъ Гови, около 17 лѣтъ послѣ смерти Франческо Мельци, тринадцать книгъ Леонарда да-Винчи, которыя укралъ у наслѣдниковъ Леліо Гаварди д'Изола, бывшій воспитателемъ въ ихъ домѣ; какъ онъ, Мадзента, отнесъ ихъ къ старшему представителю дома, синьору Ораціо, и какъ этотъ послѣдній удивленъ былъ тѣмъ, что Мадзента взялъ себѣ „эту скуку“ (questo fastidio), и оставилъ ихъ у Мадзенты безвозмездно, въ полную его собственность... При этомъ синьоръ Ораціо сообщилъ Мадзентѣ, что на чердакѣ его виллы еще много валяется рукописей и рисунковъ „этого

автора*... „Такимъ образомъ, — добавляетъ Мадзента, — сказанныя книги попали въ мои руки, а потомъ — въ руки моихъ братьевъ“. Далѣе Мадзента рассказываетъ, что Ораціо Мельци раздавалъ остатки изъ наслѣдства многимъ лицамъ, которыя, при этомъ, встали растащили также цѣлую массу рисунковъ, моделей, лѣпныхъ работъ, анатомическихъ препаратовъ и другихъ драгоценностей мастерской. Среди этихъ „удильщиковъ“ (pescatori), какъ ихъ называетъ Мадзента по той причинѣ, что они какъ бы выуживали изъ наслѣдства то, что имъ нравилось, былъ нѣкто Помпео-Ареттино-Леони, — лицо, приближенное къ королю Филиппу II Испанскому. Онъ сумѣлъ убѣдить Мельци въ томъ, что можно будто снискать себѣ отъ этого короля великія милости, если только отнять у Мадзенты нѣкоторыя изъ этихъ рукописей и передать ихъ ему, Леони. Такимъ образомъ, изъ Мадзентовыхъ рукописей семь перешли, — по просьбѣ Мельци, умолявшаго брата Мадзента чуть не на козѣвкахъ о возвращеніи рукописей, — къ Леони, которому достались также и нѣкоторыя другія рукописи изъ числа принадлежащихъ синьору Ораціо. Изъ оставшихся у Мадзенты шести рукописей одна перешла къ кардиналу Федерико-Борromeo (1603 г.), а отъ него — въ Амвросіевскую бібліотеку, имъ же основанную въ 1609 г., другая — къ живописцу Амброджіо Фиджино, а отъ послѣдняго — къ его наслѣднику Эрколе Біанки, третья — къ герцогу Карлу-Эммануилу Савойскому, а остальные три — опять-таки къ Леони. Этотъ послѣдній собралъ листы своихъ рукописей въ нѣкоторомъ порядкѣ въ одну книгу, которой впоследствии, по причинѣ ея большихъ размѣровъ, дано было имя „Атлантической“ (Codice Atlantico). Послѣ смерти Леони, въ 1610 г., такъ называемая „Атлантическая рукопись“ перешла къ его наслѣднику, Клеодору Кальки, который продалъ ее въ 1625 году за 300 скуди синьору Галеаццо Арконати. Остальное все разсѣялось по лицу земли, и этимъ ограничиваются тѣ свѣденія, которыя намъ даетъ Мадзента о рукописяхъ да-Винчи.

За „Атлантическую рукопись“, какъ это извѣстно изъ другихъ источниковъ позднѣйшаго времени, князь Говардъ Арндель предлагалъ синьору Арконати, отъ имени англійскаго короля, 60 тысячъ франковъ; но Арконати на это не согласился и 21 января 1637 г. торжественно подарилъ ее Амвросіевской бібліотекѣ въ Миланѣ, вмѣстѣ съ десятью другими, купленными имъ, рукописями. Изъ 13 манускриптовъ десять такимъ образомъ попали къ Леони; рукопись Эммануила Савойскаго гдѣ-то затерялась; неизвѣстна также судьба рукописи Фиджино. Та же, которая была пожертвована Бор-

ромео вмѣстѣ съ другими, находившимися въ Амвросіевской библіотекѣ, въ 1796 г., послѣ побѣды генерала Бонапарте, попала во Францію: „Атлантическая рукопись“—въ Національную библіотеку, а остальные—въ Институтъ. Здѣсь эти послѣднія были профессоромъ Вентури обозначены латинскими буквами А, В, С... до N включительно и тѣмъ же Вентури положены въ основаніе разсужденій и выписокъ его „Опыта“. Какъ бы вновь открыты и изучены эти рукописи были Шарлемъ Равессономъ въ началѣ 80-хъ годовъ, за исключеніемъ „Атлантической“, которая въ 1815 году была возвращена Амвросіевской библіотекѣ по требованію австрійскаго правительства.

Не считая двадцати приблизительно разрозненныхъ и принадлежащихъ различнымъ лицамъ и учрежденіямъ въ Италіи, Англіи и Германіи отдѣльныхъ листовъ, въ настоящее время извѣстны слишкомъ 40 манускриптовъ да-Винчи, распределенныхъ слѣдующимъ образомъ между ихъ владѣльцами. Во французскомъ институтѣ—12 рукописей, помѣченныхъ латинскими буквами, при чемъ нѣкоторыя части снабжены буквами съ номеромъ: Н₁, Н₂ и т. п. Изъ этихъ тетрадей нѣкоторыя Институту достались отъ лорда Эшбёрнэма, купившаго ихъ у извѣстнаго похитителя рукописей и математика Либри; 9 рукописей, безконечно цѣнныхъ въ художественномъ отношеніи, хранятся въ Виндзорѣ; 5—въ Соутъ-Кенсингтонскомъ музеѣ, по одной—въ Венеціанской академіи, въ Туринской королевской библіотекѣ, во Флорентинскихъ Уффиціяхъ, въ Лейстеровой библіотекѣ (Leicester Library) въ Голкэмъ-Голлѣ (Норфолькѣ), и двѣ—въ миланской Амвросіевской библіотекѣ. Изъ этихъ двухъ послѣднихъ одна („О полетѣ птицъ и разныхъ другихъ предметахъ“) представляетъ весьма значительный научный и методологическій интересъ, а исторія ея—интересна для характеристики тѣхъ включеній, которыя приходилось переживать рукописямъ да-Винчи. Когда синьоръ Арконати принесъ Амвросіевской библіотекѣ собранныя имъ рукописи въ даръ, она составляла вшитую въ отдѣльную пергаментную обложку часть другой рукописи и въ дарственномъ актѣ охарактеризована какъ „маленькій томикъ различныхъ рисунковъ, математическихъ и птицъ“; между 1748 и 1797 годами докторъ Бальтассаре Ольтровеи, въ то время управлявшій Амвросіевской библіотекой, упоминаетъ объ этомъ томѣ уже какъ о „рукописи о полетѣ птицъ и другихъ вещахъ“; въ 1791 году Анджело Комолли такимъ же образомъ упоминаетъ о немъ въ своей „Библиографіи архитектуры“, куда онъ попалъ по той причинѣ, что на третьей сторонѣ его обложки

нарисованъ фасадъ какого-то зданія, притомъ несомнѣнно рукою да-Винчи ¹⁾. 25 ноября 1796 г., эту рукопись, вмѣстѣ съ другими, отправляютъ, по распоряженію генерала Бонапартѣ, во Францію, гдѣ профессоръ Вентури характеризуетъ ее какъ „часть рукописи В, легко отъ нея отдѣлимую“; до 1836 года тетрадка эта, по свидѣтельству помощника бібліотекаря Фалло, все еще составляла часть манускрипта В, но уже въ 1848 констатируется ея исчезновеніе изъ бібліотеки Института... Только въ декабрѣ 1867 года на эту рукопись, при покупкѣ разныхъ книгъ у Либри, наталкивается графъ Джакомо-Манцони ди-Луго, а 20 декабря 1868 г. онъ ее покупаетъ (какъ это устно сообщилъ доктору Піумати наслѣдникъ графа) за неизвѣстную сумму, послѣ долгихъ переговоровъ съ повѣреннымъ профессора Либри, Карло Роскони; исторія этой покупки подробно и собственноручно записана покойнымъ графомъ въ неопубликованномъ еще сочиненіи; къ прискорбію своему, графъ Манцони получилъ не всю рукопись, такъ какъ въ ней при покупкѣ не хватало пяти листовъ... Въ 1889 г. бібліотека графа Манцони переходитъ къ его наслѣдникамъ, и у послѣднихъ, въ апрѣлѣ 1892 года, ее покупаетъ г. Θ. Сабашниковъ, который вскорѣ и приступаетъ къ факсимильному опубликованію ея у Ангерера и Гёшля въ Вѣнѣ. Когда факсимиле было уже готово, г. Сабашниковъ нашелъ въ Англіи одинъ изъ пропавшихъ ея листовъ, котораго геліотипическая копія присоединена къ опубликованному имъ тому; недавно, какъ слышно, имъ же найдены также и остальные листы ея. По минованіи надобности въ оригиналь, послѣдній, кажется, принесенъ г. Сабашниковымъ въ даръ миланской Амвросіевской бібліотекѣ. Факсимиле тетради „О полетѣ птицъ“, представляющее собою прямо одно изъ чудесъ типографскаго искусства, обнародовано въ количествѣ, кажется, 301 экземпляр, посвящено королевѣ итальянской, Маргаритѣ Савойской, и снабжено превосходнымъ введеніемъ д-ра Піумати, послужившимъ, при краткомъ изложеніи исторіи этой замѣчательной рукописи, основнымъ источникомъ.

Если г. Θ. Сабашникову удастся привести въ исполненіе свой планъ — опубликованія другихъ, еще неизвѣстныхъ, рукописей да-Винчи, хотя бы даже и въ видѣ не столь совершенныхъ факсимиле, въ какихъ появилась въ свѣтъ тетрадь „О полетѣ птицъ“, то специалистамъ по различнымъ отраслямъ че-

¹⁾ Bibliografia storico-critica dell'architettura civile etc., di Ang. Comolli. Roma 1741.

ловѣческаго знанія дана будетъ возможность изученія рукописей какъ первоисточниковъ, а не на основаніи компиляцій, по самому существу своему почти неизбежно вносящихъ въ изслѣдованіе ихъ разныя искаженія. Еще Вентури въ своемъ „Опытѣ“ замѣчаетъ: „Сочиненія человека, который въ эпоху возрожденія наукъ былъ однимъ изъ первыхъ людей въ Европѣ, устремившихся на поприще наукъ точныхъ, должны быть препоручены вниманію только первоклассныхъ ученыхъ, которые, будучи въ состояніи оцѣнить ихъ надлежащимъ образомъ, были бы далеки отъ мысли скрыть отъ другихъ тѣ сокровища, которыя заключаются въ этихъ сочиненіяхъ, и позаботились бы о возможно большей доступности послѣднихъ для всѣхъ тѣхъ ученыхъ, которые пожелали бы извлечь изъ твореній да-Винчи какую-нибудь пользу“ (Venturi, стр. 3). Это желаніе Вентури будетъ какъ слѣдуетъ исполнено не ранѣе опубликованія полного и по возможности факсимильнаго (послѣднее условіе необходимо во избѣжаніе заблужденій вслѣдствіе невѣрности въ чтеніи) текста рукописей. Надъ возможно полнымъ и точнымъ опубликованіемъ манускриптовъ уже поработали, кромѣ г. Сабашникова, Піумати и Равессона-Молліена, также слѣдующія лица: подъ покровительствомъ итальянскаго правительства—упоминаемый выше Гови, а также Бельтрами; надъ рукописями Французскаго Института—Равессонъ-Молліенъ; надъ „Атлантическою рукописью“, подъ покровительствомъ академіи dei Lincei—упоминаемый выше д-ръ Піумати. Надо отдать справедливость изданію рукописи „О полетѣ птицъ“, что система, принятая въ этомъ трудѣ, должна быть признана наиболѣе цѣлесообразною: кромѣ единственнаго въ своемъ родѣ факсимиле, этотъ трудъ предлагаетъ изслѣдователю двѣ итальянскія транскрипціи (одну—буквальную, для доставленія возможности чтенія, а другую—для возможности лучшаго уразумѣнія), французскій переводъ ея, дѣлающій ее доступною для лицъ, не владѣющихъ итальянскимъ языкомъ, и превосходное введеніе на итальянскомъ и французскомъ языкахъ. Теперь предстоитъ еще опубликованіе остальныхъ рукописей. „Отчего я не пользуюсь,—воскликаетъ профессоръ Вентури,—здѣсь такимъ же вліяніемъ, каковымъ Цицеронъ пользовался въ Сиракузахъ, чтобы подвигнуть болѣе великую націю на сооруженіе памятника этому новому Архимеду“! Почти столѣтіе должно было пройти послѣ того, какъ эти слова были произнесены въ высшемъ учебномъ учрежденіи Европы, прежде чѣмъ дѣйствительно да-Винчи былъ оцѣненъ настолько, что сравненіе его съ Архимедомъ не кажется болѣе преувеличеніемъ.

Насколько нельзя полагаться на самые даже почтенные компиляции, когда дѣло касается текста рукописей да-Винчи, наилучшимъ доказательствомъ можетъ служить обширное сочиненіе Ж.-П. Рихтера, легшее въ основу многихъ взглядовъ на заслуги да-Винчи предъ наукою. Удзиели доказалъ и Піумати подтвердилъ, что ни транскрипція, ни, тѣмъ самымъ, переводъ Рихтера многихъ мѣстъ изъ рукописей не отличаются желательною въ такихъ случаяхъ правильностью. Леонардо, напримѣръ, пишетъ: „il diamante si pesta“ (алмазъ толчется), а Рихтеръ читаетъ: „il diametro si presta“ (діаметръ представляется); у Леонарда написано: „in quanto al girago“ (что касается защиты); у Рихтера же: „in quanto il primo“ (что касается первого), и т. п.

Относительно содержанія рукописей надо замѣтить, что почти ни одна изъ нихъ не посвящена одному лишь вопросу и одному и тому же предмету. Да-Винчи усвоилъ себѣ привычку — заносить на бумагу тѣ мысли, которыя ему приходили въ голову въ теченіе дня. Такимъ же образомъ онъ на бумагѣ набрасывалъ рисунки, эскизы, каррикатуры, проекты, рецепты для изготовленія нужныхъ составовъ, приходо-расходныя записи и т. п. Автобиографическія данныя въ рукописяхъ да-Винчи, до насъ дошедшихъ, почти отсутствуютъ. Это доказываетъ, что явленія природы и вопросы философскіе интересовали да-Винчи болѣе, чѣмъ личное благополучіе и неблагополучіе.

Для того, чтобы получить нѣкоторое понятіе о внутреннемъ строеніи рукописей да-Винчи, рассмотримъ рукопись „О полетѣ птицъ и разныхъ другихъ матеріяхъ“, не носящую у да-Винчи никакого заглавія. Въ этой тетради мы находимъ массу замѣтокъ слѣдующаго содержанія: объ изготовленіи отпечатковъ медалей; объ алмазномъ порошокѣ; о порошокѣ наждачномъ; о растираніи эмалей; о голубой и красной краскахъ; о томъ, что такое механика; о вѣсахъ; о наклонной плоскости; о стержнѣ съ неподвижнымъ концомъ; опять о наклонной плоскости; опять о стержнѣ; о мѣстѣ приврѣпленія нервовъ; о томъ, какое мѣсто крыла оказываетъ на воздухъ наибольшее давленіе; о гибкомъ рычагѣ; о рычагѣ гибкомъ; о полетѣ человѣка; о спускающейся при вѣтрѣ птицъ; о коршунѣ; о полетѣ другихъ птицъ, пользующихся вѣтромъ; о вліяніи вѣтра въ различныхъ четырехъ случаяхъ; о полетѣ птицъ надъ облаками; объ ударѣ вѣтра, объ анатоміи крыла безъ перьевъ; о полетѣ въ разныхъ направленіяхъ; о промежуткахъ между перьями летящей птицы; снова о вѣтрѣ; о лжи и правдѣ; снова о полетѣ, и т. д. Нѣкоторыя за-

мѣтки сдѣланы на поляхъ. Что касается рисунковъ, которыми снабжена эта рукопись, то большинство изъ нихъ изображаетъ птицъ въ разныхъ положеніяхъ; другіе принадлежатъ къ числу механическихъ, третьи—къ числу анатомическихъ, четвертые—случайные, изображающіе листья, одинъ—архитектурный. Рисунки, изображающіе птицъ, напоминаютъ намъ современные моментальные фотографическіе снимки. Такъ основательно да-Винчи изучилъ условія подъема и полета птицы, и такъ была велика его изумительная наблюдательность.

Для уразумѣнія всей полноты содержанія рукописей да-Винчи необходимо припомнить органическое переплетеніе взаимно-проникающихъ другъ друга художественныхъ, техническихъ и философскихъ интересовъ, которыми жила и дышала его душа. Что онъ на науку смотрѣлъ съ точки зрѣнія художника, а на природу—съ интересомъ, къ какому способенъ только человекъ, соединяющій въ себѣ и художественные, и научные интересы,—это призналъ великій естествоиспытатель второй половины нашего вѣка, Германъ Гельмгольтцъ, находившій между да-Винчи и Гёте точку сопровосновенія и утверждавшій въ одной изъ своихъ лекцій („Vorträge und Reden“, II), что естествоиспытатель долженъ смотрѣть на природу *именно* такъ, какъ на нее смотрѣли да-Винчи и Гёте. Насколько неразрывно въ душѣ да-Винчи могли переплетаться интересы разнообразнѣйшаго содержанія, связанные однакоже единою руководящею идеею стремленія къ познанію природы, можно убѣдиться на его планахъ канализаціи разныхъ областей Италіи и Франціи. Доселѣ Ломбардія носитъ еще слѣды его работъ въ этомъ направленіи; онъ дѣйствительно былъ „высоко цѣннымъ“ инженеръ; онъ занимался углубленіемъ Навиліо-делла-Мартезана, прорытіемъ канала св. Христофора (близъ Милана), гидрографіею Италіи, устройствомъ удивленія достойныхъ (на подаренномъ ему Лудовикомъ XII водномъ пространствѣ) шлюзовъ. Хотя большинство его работъ существовало только въ грандіозныхъ проектахъ, но это нисколько не мѣшало великому мечтателю заниматься цѣлымъ рядомъ необходимыхъ для его цѣлей техническихъ изобрѣтеній. Для прорытія каналовъ онъ изобрѣтаетъ машину о двухъ кранахъ, поднимающую и удаляющую ненужную землю; натолкнувшись на вопросы гидравлики, онъ пишетъ трактатъ о мельницахъ, занимается турбинами, изобрѣтаетъ мимоходомъ паровую пушву, почему-то приписывая ея изобрѣтеніе Архимеду, и излагаетъ, за нѣсколько столѣтій до изобрѣтенія первой паровой машины, способы приведенія лодки и насоса въ движеніе съ помощью пара. Занимаясь военно-инженернымъ дѣломъ,

онъ изобрѣтаетъ машину для плющенія желѣза, переносные мосты, разные способы для перехода рѣкъ вбродъ, подземные ходы, подъемные мосты, бомбы, наполненные удушливыми газами, бомбы разрывныя, и занимается также различными вопросами науки о брошенныхъ тѣлахъ (баллистикой) въ примѣненіи къ военному дѣлу (рукописи В и I). Занимаясь мельницами, онъ изобрѣтаетъ мельницу для сверленія дерева, планъ которой, по мнѣнію Гроте ¹⁾, представляетъ собою первый проектъ приспособленія этого рода; придумываетъ также первый строгальный станокъ, приводимый въ движеніе водою, и является такимъ образомъ предшественникомъ де-Фока (1770) и Крыльона (1809), по мнѣнію покойнаго профессора вѣнскаго политехникума, Карла Кармарша, изобрѣвшихъ первые (впрочемъ, непрактичныя) строгальные станки... Нуждаясь, какъ архитекторъ, въ доскахъ, да-Винчи изобрѣтаетъ машины для распиливанія дерева, а также и мрамора... Для возведенія лѣсовъ ему нужны канаты, и онъ поэтому придумываетъ приспособленіе для крученія канатовъ, доселѣ еще употребительное. Но отъ каната къ пряжѣ одинъ шагъ, и да-Винчи изобрѣтаетъ прядильный приборъ, настолько совершенный, что Юргена приборъ, считавшійся до конца XVIII-го вѣка наилучшимъ, по мнѣнію Гроте, ниже проектированнаго да-Винчи. Вопросы канализаціи наталкиваютъ его, конечно, и на вопросъ о скорости теченія рѣкъ, а отсюда для него является уже поприще для изобрѣтенія цѣлаго ряда приборовъ, съ помощью которыхъ можно измѣрять скорость теченія рѣки, движенія корабля, человѣка, и т. д. При этомъ онъ задумывался надъ возможностью для человѣка хожденія по водѣ... Углубляясь въ разнообразнѣйшіе вопросы гидравлики и гидростатики, онъ приходитъ къ сближенію многихъ свойствъ воздуха со свойствами жидкостей, и очень ясно, хотя мимоходомъ, рисуетъ и описываетъ парашютъ, являясь такимъ образомъ предшественникомъ Ленормана (1787). Онъ занимался при этомъ, какъ мы видѣли, съ весьма научныхъ точекъ зрѣнія, вопросомъ о полетѣ птицъ и человѣка, стоя на точкѣ зрѣнія, до которой добрались сравнительно недавно, отказавшись на неопредѣленное время отъ надежды найти вѣрное средство для произвольнаго управленія воздушнымъ шаромъ. При этомъ достойно вниманія, что да-Винчи зналъ возможность поднятія шара нагрѣтымъ воздухомъ вверхъ, какъ это можно заключить изъ описанія нѣкоторыхъ увеселеній, имъ устроенныхъ... Намъ, людямъ конца XIX-го вѣка, когда, можно сказать, дня не проходитъ безъ изобрѣтенія

¹⁾ *Dr. Grothe*, L. d. V., als Ingenieur und Philosoph, Berlin. 1872.

въ какомъ-нибудь уголку земной поверхности новыхъ аппаратовъ, разнаго рода приборовъ и техническихъ усовершенствованій, трудно представить себѣ, что это не всегда было такъ и что XIV, XV и XVI вв. вовсе не были вѣками чисто-техническихъ изобрѣтеній, въ современномъ значеніи этихъ двухъ послѣднихъ словъ. То были вѣка процвѣтанія искусствъ, вѣка, когда человѣкъ старался по возможности собственноручно, притомъ художественно, сдѣлать все то, что относилось до его ремесла и до ремесленной потребности данной минуты. Но о томъ, чтобы заставлять силы природы работать за человѣка,—люди тогда не заботились, и объ этомъ мечталъ только да-Винчи и, можетъ быть, еще нѣкоторые, намъ неизвѣстные, любители техники. Для насъ, впрочемъ, не столь важна техническая изобрѣтательность да-Винчи, взятая, какъ говорится, сама по себѣ или даже въ сравненіи съ не-техническимъ направлениемъ эпохи, сколько то своеобразное освѣщеніе, въ какомъ, благодаря знакомству съ этою изобрѣтательностью, является намъ важущаяся съ перваго взгляда беспорядочность, мозаичность мыслей въ рукописяхъ да-Винчи и ихъ безконечное разнообразіе.

Та поразительная полнота и то изумительное многообразіе умственной работы, которыя характеризуютъ неутомимую и неистощимую изобрѣтательность мысли да-Винчи, являются, можетъ быть, частью причиною или, по крайней мѣрѣ, объясненіемъ того несомнѣннаго факта, что да-Винчи, при всемъ своемъ стремленіи къ неустанному творчеству, однакоже такъ мало оставилъ приведенныхъ въ исполненіе плановъ, проектовъ и замысловъ. Конечно, этому способствовала не мало и большая стоимость задуманныхъ имъ работъ; напр., мавзолей, задуманный да-Винчи и сохранный въ проектѣ въ собраніи Валларди (Лувръ, № 2386), настолько грандіозенъ, что выполненіе его и нынѣ потребовало бы чрезвычайныхъ издержекъ. Проектъ этого мавзолея, по мнѣнію фонъ-Гей-Мюллера, столь крупное произведеніе архитектурнаго искусства, что его одного было бы вполне достаточно для присоединенія да-Винчи къ числу величайшихъ архитекторовъ, когда-либо существовавшихъ на свѣтѣ. Среди его проектовъ и изобрѣтеній были же и такіе, для выполненія которыхъ не требовалось особенныхъ издержекъ, и если они не пошли далѣе рисунковъ или бѣглого описанія, то виною тому, кромѣ преждевременности ихъ для той эпохи, конечно, также и то безбрежное море научныхъ идей и плодотворныхъ мыслей, въ которомъ всякій иной на мѣстѣ да-Винчи, можно сказать, навѣрное бы утонулъ.

Перечисляя, по Сеайлю и Вентури, различныя изобрѣтенія Леонарда да-Винчи, мы упускаемъ всѣ тѣ, которыя служили только для

украшенія различныхъ празднествъ и для приданія имъ неожиданныхъ эффектовъ, хотя и эти изобрѣтенія не менѣе, чѣмъ охарактеризованныя выше, свидѣтельствуютъ о громадныхъ познаніяхъ его по практической механикѣ, объ умѣньѣ его пользоваться ими и объ удивительномъ природномъ дарѣ въ техническомъ изобрѣтеніяхъ во всѣхъ возможныхъ для той эпохи направленіяхъ. Да-Винчи никогда не ограничивался тѣмъ или другимъ явленіемъ, той или другой ограниченной совокупностью ихъ. Онъ съ легкостью, доступною только для людей въ высшей степени склонныхъ къ сближеніямъ и обобщенію, дѣлалъ, какъ мы видѣли выше, экскурси во всѣ для него и для людей новѣйшаго времени понятныя, но для его современниковъ весьма отдаленныя другъ отъ друга области.

Онъ съ тѣмъ же правомъ, какъ и Гёте, могъ бы воскликнуть: „Это—чистое несчастье, когда тебя преслѣдуютъ и искушаютъ множество разнообразныхъ духовъ... Почему мы, люди новѣйшаго времени, такъ разбрасываемся? почему насъ привлекаютъ и дразнятъ такія требованія, которымъ мы не въ состояніи удовлетворить и которыхъ не можемъ выполнить?“ (Italienische Reise).

Что касается внѣшности рукописей, то чертежи къ излагаемому въ текстѣ выполнены отъ руки и съ помощью циркуля, а помѣщаются на оставленныхъ для нихъ и для добавленій поляхъ; иногда чертёжъ выполненъ, но текста, до него относящагося, нѣтъ; иногда текстъ написанъ по ранѣе занесенному, превосходному рисунку карандашомъ. Замѣчательно при этомъ, что да-Винчи писалъ такъ называемымъ „зеркальнымъ“ письмомъ, т.-е. такъ, что только отраженіе написаннаго въ плоскомъ зеркалѣ можно читать слѣва направо; для чего онъ писалъ именно такимъ образомъ—съ достовѣрностью неизвѣстно. По мнѣнію однихъ, онъ это дѣлалъ для того, чтобы не всякій могъ прочесть написанное; но этому предположенію прежде всего противорѣчитъ четкость его руки, признанная не однимъ его современникомъ Лукою Пачіоли. Другіе видятъ въ этомъ способѣ письма стремленіе да-Винчи къ оригинальности. Высказывалось предположеніе, что Леонардо да-Винчи былъ лѣвшой; но лѣвши, какъ извѣстно, вовсе не пишутъ зеркальнымъ письмомъ. Не заключается ли причина этого въ слѣдующемъ: Леонардо да-Винчи при своихъ занятіяхъ, теоретическихъ или практическихъ, вопросами симметріи могъ набрести на возможность упражненія лѣвой руки именно зеркальнымъ письмомъ. Извѣстно, что разъ правая рука уже приобрѣла достаточный навыкъ въ обыкновенномъ письмѣ, то путемъ не очень многочисленныхъ упражненій въ одновременномъ,

но симметрическомъ письмѣ обѣими руками весьма легко можно добиться умѣнья свободно писать также одной лѣвой рукой, при томъ, конечно, зеркальнымъ письмомъ. Если при этомъ принять во вниманіе, что люди подобные да-Винчи вообще не терпятъ въ себѣ несовершенство и неумѣлости, то легко допустить, что да-Винчи сначала научился зеркальному письму для упражненія лѣвой руки въ писаніи, а впослѣдствіи уже не переставалъ пользоваться зеркальнымъ письмомъ, чтобы не лишать лѣвую руку столь подходящихъ упражненій, способствующихъ ея развитію и пріуспѣванію.

Что касается помянутыхъ и поправокъ, то ихъ у да-Винчи очень много, при чемъ многія изъ помянутыхъ относятся къ словамъ, почему-либо (не вслѣдствіе ли зеркальнаго письма?) написаннымъ невѣрно, а нѣкоторыя—къ логическимъ поправкамъ. Вообще рукописи производятъ впечатлѣніе рукописей человѣка, берущагося за перо не въ то время, когда онъ что-либо еще обдумываетъ, а уже послѣ того, какъ онъ подлежащее изложенію вполне обдумалъ и для себя самого вполне выяснилъ. Впрочемъ, оно иначе у Леонарда да-Винчи и быть не могло... Стоитъ взглянуть въ текстъ любой его рукописи съ его наивными обращеніями къ самому себѣ или къ предполагаемому читателю, чтобы убѣдиться въ томъ, что онъ какъ будто созданъ былъ для работы на пользу грядущихъ поколѣній, для провозглашенія идеаловъ не лично-моралистическихъ только, но общественно-нравственныхъ, и что онъ преисполненъ былъ желанія завѣщать людямъ приемы истинной, не книжной, но дѣйствительно творческой работы надъ изысканіемъ законовъ природы и надъ ея подчиненіемъ власти человѣка.

Но его рукописямъ, видно, не суждено было оказать на прогрессъ наукъ и ихъ философію какое-либо, хотя бы даже и небольшое, вліяніе, и поэтому его работу, много лѣтъ, иногда столѣтій спустя, должны были какъ бы съ самаго начала возобновлять многіе великіе умы, въ разныхъ странахъ и при разныхъ условіяхъ, иногда, впрочемъ, для прогресса естественныхъ наукъ болѣе благоприятныхъ, чѣмъ великая эпоха итальянскаго „возрожденія“, благоприятствовавшая столь блестящему возрожденію пластическихъ искусствъ и изящной литературы. Не случайностью перехода рукописей да-Винчи въ сеньору Ораціо Мельци, считавшему ихъ „скукою“, а неподготовленность людей XVI-го вѣка къ уразумѣнію ихъ содержанія и значенія—объясняется истинно-плачевная судьба рукописей да-Винчи въ исторіи развитія точныхъ наукъ; по той же причинѣ да-Винчи доселѣ не отведено

еще то мѣсто въ исторіи наукъ и среди величайшихъ людей всѣхъ временъ и народовъ, которое ему по праву принадлежить. Подобныя явленія случались, впрочемъ, не разъ, притомъ не только съ рукописями, но даже съ опубликованными уже трудами. И Гёте со своею теоріею существованія у чловѣка такъ называемой „междучелюстной кости“ (osintermaxillare) и со своею теоріею листа растенія, и д-ръ Робертъ Майеръ (1814—1878) со своею механическою теоріею теплоты, и покойный Германъ Гельмгольтцъ со своимъ „закономъ сохранения энергіи“, намѣченнымъ, впрочемъ, еще у Майера, потерпѣли фіаско у своихъ современниковъ и надлежащимъ образомъ были оцѣнены только спустя много лѣтъ по опубликованіи ими этихъ плодотворныхъ идей, сдѣлавшихся нынѣ почти азбучными. Судьба идей да-Винчи въ томъ только отношеніи особенно поучительна, что онѣ въ теченіе многихъ лѣтъ приписываются цѣлой массѣ другихъ, отдѣленныхъ отъ него иногда вѣками, людей; въ свое время онѣ не двинули науки впередъ, а потому и до сихъ поръ не покрыли славнаго въ исторіи искусствъ имени заслуженною да-Винчи славою первокласснаго естествоиспытателя и всеобъемлющаго мыслителя.

II.

ФИЗИКА И СМЕЖНЫЯ СЪ НЕЮ ОБЛАСТИ ЗНАНІЯ ВЪ РУКОПИСЯХЪ ДА-ВИНЧИ.

Чистой математикѣ изъ дошедшихъ до насъ рукописей да-Винчи почти цѣликомъ посвящены только двѣ: отмѣченная цифрою I рукопись, принадлежащая нынѣ Соутъ-Кенсингтонскому музею и доставшаяся ему отъ Дж. Форстера вмѣстѣ со всею бібліотекою послѣдняго, и рукопись въ 556 страницъ, извѣстная подъ именемъ „Arundel 263“ и принадлежащая нынѣ Британскому музею. Первый изъ этихъ манускриптовъ трактуетъ о вопросахъ стереометріи; второй, согласно надписи на его корешкѣ, — о различныхъ „математическихъ“ вопросахъ: „Mathematical notes“ — какъ гласить, по Сеайлю, эта надпись. Сеайль цитируетъ по Равессону одно мѣсто изъ извѣстной „Исторіи возникновенія и развитія метода въ геометріи“, крупнаго геометра и, можно сказать, творца синтетической, такъ называемой „новой“ геометріи, Мишеля Шаля, который по поводу одного изумительнаго для XV-го вѣка взгляда на эллипсъ, приписываемаго имъ Леонарду да-Винчи,

высказываетъ твердое убѣжденіе въ глубочайшихъ познаніяхъ его въ области чистой математики. Сеайль, однакоже, сомнѣвается въ томъ, чтобы да-Винчи стоялъ въ этой области значительно выше и впереди своихъ современниковъ-математиковъ. Но съ полною достовѣрностію судить объ этомъ можно будетъ, конечно, не ранѣе опубликованія факсимиле всѣхъ рукописей да-Винчи, и особенно—рукописей I и „Agundel 263“. Во всякомъ случаѣ, вопреки мнѣнію Сеайля, Феликсъ Мюллеръ, пользуясь трудами Морица Кантора, Либри и нѣкоторыхъ другихъ, приписываетъ Леонарду да-Винчи умѣнье построить квадратный корень изъ каковаго угодно числа, знаніе разницы между линіями одной и двоякой кривизны, занятія звѣздчатыми многоугольниками и практическими приемами приблизительнаго построения правильныхъ многоугольниковъ съ помощью циркуля,—приемами, по мнѣнію Мюллера, очень важными ¹⁾).

Въ XIV и XV столѣтіяхъ, когда процвѣтало изученіе древнихъ греческаго и латинскаго языковъ и древнихъ же авторовъ, всякая литературная работа сводилась къ безконечному и неустанному цитированію мнѣній, взглядовъ, изреченій и выраженій изъ древнихъ писателей, а изрѣдка—и изъ средневѣковыхъ. Библиотекъ было собрано множество, при чемъ истинные библиофилы, доходившіе иногда до библіоманіи, оказывали предпочтеніе, конечно, рукописямъ. Либри въ своей „Исторіи математическихъ наукъ въ Италіи“ приписываетъ людямъ итальянскаго „возрожденія“ весьма большія познанія по предмету естественныхъ наукъ. Въ то время дѣйствительно впервые появился вкусъ къ ботаническимъ садамъ съ возможно разнообразными представителями растительнаго царства, а также развился вкусъ къ зрѣлищамъ. Несомнѣнно далѣе, что итальянцы, какъ мореплаватели, были уже тогда очень свѣдущи въ практической астрономіи своего времени; нѣкоторые, выдающіеся люди не съ завязанными глазами ходили по землѣ и съ величайшимъ интересомъ смотрѣли на явленія природы. Но большинство образованныхъ и въ особенности ученыхъ людей того времени интересовалось болѣе искусствами, литературою, древностями, діалектикою, грамматикою, риторикою. Природу итальянцы и того времени любили и красоты ея понимали, но склонности къ познанію ея *законовъ*, къ естествознанію, въ современномъ значеніи этого слова, у нихъ не было почти никакого. Несмотря на любимыя тогда занятія алхиміей, астро-

¹⁾ Ср. *Felix Müller, Zeittafeln zur Geschichte der Mathematik etc.* Lpz. 1892, а также классическое сочиненіе: *Moritz Cantor, Vorlesungen über Geschichte der Mathematik, т. II, стр. 270 и слѣд.*

логией, даже хиромантией, в то время все-таки довольно распространены, во всяком случае мы должны будем признать, что Италия XV-го и XVI-го веков стояла, в отношении близости к познанию природы, выше остальных народов Европы. Но при безраздельном господстве Аристотелевых воззрений, арабских и церковно-схоластических комментариев на эти воззрения, было бы странно говорить, со слов Либри и других даже более авторитетных итальянцев, о высоком будто бы уровне естественно-научного знания в эпоху итальянского „возрождения“. Этого знания, в современном значении слова, не было ни у кого из сверстников да-Винчи, если не считать астронома Паоло Тосканелли, математика Луки Пачиоли ди-Борго и весьма немногих других. Выражаясь языком Конта („Положительная философия“), в XV столетии положительные науки находились на последних ступенях „метафизического“ фазиса своего развития, если не считать некоторых отраслей знания, напр. геологии, которые находились даже в фазисе „теологическом“. Тогдашние естественно-научные воззрения были не только в высшей степени антропоморфичны (от этой особенности мышления о явлениях природы не свободны еще и теперь многие отрасли знания), но страдали также самым безграничным формализмом и „вербализмом“, сводящими все на свет к „силам“, „особенностям“, „свойствам“, „играм природы“ и т. п. метафизическим „сущностям“. Прошли века прежде, чем от этого „вербализма“ освободились науки, да и досель еще не все от него освободились совершенно. Когда Леонь-Баттиста Альберти, один из немногих физиков того времени, скончался в 1482 г., Леонардо да-Винчи было уже 30 лет от роду. Конечно, последнему было чему поучиться у Альберти,—в особенности в области гуманистического знания. Но да-Винчи именно не был гуманистом и, повидимому, на своем жизненном пути с Альберти не встречался. Более других своих современников Маркь-Антонио делья-Торре мог повлиять на да-Винчи, сделавшись его учителем по предмету анатомии человека. Было еще одно лицо, притом гений высшего порядка, знакомство с которым могло бы совершенно освободить Леонарда да-Винчи от геоцентрических представлений. Это был Николай Коперник. Хотя Коперник и провел четыре слишком года своей жизни (между 1500 и 1505 годами) в Италии,—в Риме, Ферраре, Падуе,—но да-Винчи, вероятно, не встречался с ним ни разу в жизни. Впрочем Коперник в Италии предавался преимущественно гуманистическим занятиям, и хотя он занимался астрономией и

математикой, но къ построению своей системы міра приступилъ уже по прибытіи на родину. Только ближайшимъ друзьямъ своимъ Коперникъ сообщилъ о своей смѣлой мысли, но законченною онъ свою работу счелъ едва ли не за нѣсколько лѣтъ до своей смерти, въ концѣ 30-хъ годовъ XVI-го столѣтія, когда да-Винчи уже не было на свѣтѣ. Такимъ образомъ, мы видимъ, что единственный человѣкъ, у котораго да-Винчи могъ бы позаимствоваться чѣмъ-нибудь, — въ особенности изъ области математическихъ знаній и астрономическихъ взглядовъ, — ему не могъ быть полезенъ по многимъ причинамъ. Между тѣмъ да-Винчи первый началъ питать правильное астрономическое представленіе относительно невѣрности геоцентрической системы міра. Во всякомъ случаѣ, въ дѣлѣ воплощенія естественно-научныхъ вѣсовъ своихъ современниковъ, да-Винчи пошелъ *далше* своей эпохи; онъ былъ болѣе или менѣе одинокъ; учиться приѣмамъ естественно-научнаго изслѣдованія ему было не у кого.

Въ механикѣ да-Винчи отлично зналъ законы равномернаго движенія и имѣлъ представленіе о движеніи равномерно-ускоренномъ. Онъ первый не только призналъ, но и высказалъ основное начало механики, принципъ „инерціи“, именно слѣдующимъ образомъ: „Ни одна вещь, воспринимаемая нашими чувствами, не можетъ сама собою придти въ движеніе“... Въ рукописи А онъ говоритъ еще опредѣленнѣе: „вообще всѣ вещи стремятся пребывать въ своемъ состояніи; такъ, потокъ воды идетъ впередъ, если остается во власти своей причины; если же онъ встрѣчаетъ препятствіе, то замѣняетъ прямое направленіе круговымъ или возвратнымъ движеніемъ“. Въ той же рукописи А, да-Винчи, излагая ученіе о рычагѣ, ясно выразилъ, а въ другихъ неоднократно, притомъ весьма рѣзко, повторилъ свое убѣжденіе въ невозможности такъ называемаго „вѣчнаго движенія“ (*perpetuum mobile*), — убѣжденіе, приведшее другого гениальнаго естествоиспытателя, Гельмгольца, къ обоснованію закона сохранения энергіи. Надо сказать, что намъ, людямъ конца XIX-го столѣтія, прямо невозможно представить себѣ то усиліе ума, которое надо было употребить человѣку, склонному къ мечтаніямъ разнаго рода (въ томъ числѣ къ мечтанію о полетѣ человѣка, о покрытіи всей Италіи и Франціи цѣлою сѣтью каналовъ и вообще о полномъ подчиненіи природы человѣку), для того, чтобы дойти до опредѣленнаго и твердаго отрицанія столь привлекательной идеи, какъ идея о „вѣчномъ движеніи“. Болѣе двухсотъ пятидесяти лѣтъ должно было пройти со дня смерти Леонарда да-Винчи, прежде чѣмъ высшее ученое учрежденіе не только Франціи, но и всей

Европы, нашло необходимымъ прекратить, наконецъ, доставку ему работъ надъ „*regretium mobile*“, отъ которыхъ у него ранѣ отбоя не было. Леонардо да-Винчи въ Соутъ-Кенсингтонской рукописи, отмѣченной цифрами Пз и составленной не ранѣ 1495 г., говоритъ: „О, изобрѣтатели вѣчнаго движенія! сколько пустыхъ замысловъ вы обнаружили при своихъ изысканіяхъ! Ваше мѣсто— среди искателей золота“!

Въ вопросѣ о возможныхъ скоростяхъ и движеніяхъ да-Винчи является предшественникомъ Гвидо Убальди (1545-1607) и Галилея (1564-1642). По мнѣнію авторитета въ вопросахъ исторіи механики, Эрнста Маха, онъ первый ясно уразумѣлъ важность такъ называемаго „статическаго момента силы“, дѣйствующей на точку приложенія силы къ рычагу: такъ называется произведеніе изъ величины силы на длину перпендикуляра, опущеннаго изъ точки опоры рычага на направленіе силы. Въ эпоху итальянскаго „возрожденія“ о важности этой величины не подозрѣвали не только гуманисты, которые дѣлали свое великое гуманистическое дѣло, но даже такіе многообъемлющіе люди, какъ величайшій художникъ-мыслитель Микель Анджело Буонаротти, такіе специалисты-математики, какъ авторъ трактата „*De perspectiva pingendi*“ и художникъ Паоло ди-Дона, за свою любовь къ птицамъ прозванный „Уччелло“ и болѣе извѣстный подъ этимъ послѣднимъ именемъ (XV в.), а также упоминаемые выше Лука ди-Борго и Паоло Тосканелли. Подняться до идеи статическаго момента могъ только Леонардо да-Винчи, относительно познаній котораго по предмету механики, впрочемъ, даже такой знатокъ исторіи наукъ, какъ Вьювель, долгое время заблуждался. Въ первомъ изданіи своей извѣстной „Исторіи индуктивныхъ наукъ“, Вьювель утверждаетъ, что ранѣ Симона Стевина мы напрасно стали бы искать признаковъ пониманія истинныхъ принциповъ механики, а между тѣмъ этотъ голландскій математикъ родился въ 1548, а умеръ въ 1620 г., т.-е. жилъ и работалъ на цѣлое столѣтіе позже, чѣмъ да-Винчи! Только впоследствии, когда Вьювель ознакомился съ упоминаемымъ выше „Опытномъ“ Вентури, для него выяснился тотъ фактъ, что продолжателемъ работъ величайшаго геометра древности, Архимеда, былъ да-Винчи, и что онъ приблизительно на столѣтіе ранѣ Стевина вполнѣ ясно представлялъ себѣ истинные принципы механики. Онъ привелъ изъ такъ называемыхъ „простыхъ машинъ“ блокъ и воротъ къ рычагу, далъ первой изъ этихъ машинъ весьма характерное имя „круглыхъ вѣсовъ“, построилъ почти полную теорію полиспаста, вообще ранѣ Стевина построилъ теорію простыхъ машинъ, вѣрно по-

стигъ свойства наклонной плоскости и установилъ законъ соотношенія между скоростью приводимаго въ движеніе тѣла и силою, приводящею это тѣло, съ помощью простой машины, въ движеніе. Это отношеніе между силою и скоростью онъ усмотрѣлъ не только въ рычагѣ, но даже въ винтѣ.

Да-Винчи въ рукописи характеризуетъ наклонную плоскость съ точки зрѣнія времени, потребнаго для прохожденія ея тѣломъ, падающимъ по ней, хотя и не знаетъ истинной зависимости между этимъ временемъ, длиною плоскости и угломъ, образованнымъ ею съ горизонтальною. До чего сильно его вниманіе привлекалось вопросами динамики, лучше всего можно судить по тому, что онъ вѣрно разрѣшалъ вопросъ о пути тѣла, падающаго съ высоты на землю, и понималъ, „почему камень, падающій съ вершины башни къ ея основанію, не стучитъ объ стѣну ея во все время своего паденія“ (рукоп. G). Представлялъ ли себѣ да-Винчи, что земля вращается около своей оси, или же думалъ, что земля неподвижна, а камень со всею вселенной вращается вокругъ земли—по приводимому профессоромъ Вентури французскому переводу этого мѣста—трудно сказать; Вентури считаетъ, что да-Винчи имѣлъ въ виду вращеніе земли вокругъ своей оси... Во всякомъ случаѣ, подобную задачу да-Винчи себѣ предложилъ, и онъ ее вѣрно разрѣшилъ. Значительно ранѣе Петра Гассенди (XVII в.), котораго Пьеръ Бейль считаетъ „величайшимъ ученымъ среди философовъ и величайшимъ философомъ среди ученыхъ“, да-Винчи задавался вопросами о сложении движеній; онъ занимался также вопросомъ о томъ, что случилось бы съ землею, еслибы ее разрѣзали на части, еслибы затѣмъ эти части были разъединены и, наконецъ, снова предоставлены самимъ себѣ. Послѣ картиннаго описанія движеній этихъ частицъ другъ къ другу, онъ добавляетъ: „и отъ этого произошло бы мятежное движеніе всѣхъ частицъ въ атмосферѣ, которое продолжалось бы многіе годы, пока, наконецъ, эти части не соединились бы вокругъ одного общаго центра“. Очевидно, да-Винчи имѣлъ предчувствіе гипотезы всемірнаго тяготѣнія.

Джилберто Гови особенно удивлялся дѣйствительно поразительнымъ (какъ по методамъ, такъ и по результатамъ своимъ) опытамъ да-Винчи надъ треніемъ твердыхъ тѣлъ: почти за два вѣка до Амонтона и за три столѣтія до Шарля де-Кулона (XVIII в.) онъ продѣлалъ всѣ ихъ опыты и изъ этихъ послѣднихъ извлекъ тѣ же, что и эти изслѣдователи, заключенія. Перекинувъ черезъ блокъ нитку, къ одному концу которой было привязано испытуемое тѣло, лежавшее на испытуемой горизон-

тальной поверхности, а къ другому грузъ, достаточный и необходимый для приведенія тѣла въ движеніе, да-Винчи изучаетъ треніе, можно сказать, совсѣмъ по способу Кулона. Далѣе, занимаясь изслѣдованіемъ угла, образованнаго наклонной плоскостью съ горизонтальною и необходимаго для того, чтобы тѣло, лежащее на наклонной плоскости, пришло въ движеніе, да-Винчи прибѣгаетъ къ приему, и донынѣ еще употребляемому при опредѣленіи коэффиціента тренія тѣла въ началѣ движенія. До какой степени умъ этого человѣка былъ проникнутъ духомъ истиннаго естественно-научнаго метода и міровоззрѣнія, можно судить по тому факту, что до полнаго пониманія законовъ тренія да-Винчи дошелъ послѣ цѣлаго ряда невѣрныхъ (въ рукописи А) утвержденій, имъ впоследствии прямо вычеркнутыхъ, съ краткою на поляхъ отмѣткою: *falso!*. Въ то время еще не знали, что по такъ называемой циклоидѣ тѣло падаетъ быстрѣе, чѣмъ по прямой наклонной линіи; Леонардо да-Винчи говоритъ на считающейся затерянною, но для насъ отчасти сохраннымъ (благодаря выпискѣ профессора Вентури), страницѣ изъ рукописи „О полетѣ птицъ“, о томъ, что по дугѣ круга тяжелое тѣло падаетъ быстрѣе, чѣмъ по хордѣ ея; при этомъ да-Винчи пытается объяснить это предложеніе, и въ основѣ своей его попытка довольно вѣрна. Если къ сказанному добавить, что кромѣ приведенныхъ выше утвержденій, которыя можно истолковать какъ нѣкоторыя „предчувствія“ относительно всемірнаго тяготѣнія, въ такъ называемой Лейстеровой рукописи есть еще нѣсколько утвержденій того же рода, то этимъ можно было бы ограничиться для охарактеризованія положительныхъ знаній да-Винчи въ области механики. Но въ той же рукописи встрѣчаются утвержденія относительно луны, сводящіяся, по Сеайлю, къ тому, что всѣ тѣла, находящіяся вблизи нея, стремятся на нее *упасть*, и что вообще всѣ тѣла природы вѣсомы, а въ томъ числѣ и луна, и всѣ остальные небесныя свѣтила. Во всякомъ случаѣ нельзя признать, что вѣсомость матеріи, какъ свойство ея, впервые распространена Леонардомъ да-Винчи съ тѣлъ близкихъ къ земной поверхности на остальные тѣла природы. Эрнстъ Махъ („Die Mechanik“, стр. 177) въ особенную заслугу ставитъ Ньютону именно то усиліе *фантази*, которое привело этого гения къ признанію одинаковости природы ускоренія, обусловливающаго движеніе планетъ вокругъ солнца и спутниковъ вокругъ планетъ. Стараюсь проникнуть въ процессъ душевной работы Ньютона, Э. Махъ утверждаетъ, что замѣчательнѣе всего та работа *фантази*, которая привела Ньютона къ постановкѣ вопроса о томъ, гдѣ лежитъ граница дѣйствія силы

тяжести, и не простирается ли это дѣйствіе до луны? Еще болѣе смѣлый и прямо изумительный трудъ должна была выполнить фантазія Леонарда да-Винчи для того, чтобъ добраться до распространности свойства вѣса на всѣ тѣла природы.

На механико-техническихъ изобрѣтеніяхъ да-Винчи, сопрягающихся съ технологіею, мы здѣсь останавливаться не станемъ. Обратимся къ его заслугамъ на поприщѣ гидростатики, гидродинамики и гидравлики. Вода для да-Винчи была самой привлекательной. Какъ живописецъ, онъ рѣдко обходится безъ ручья; форму, строеніе и законы волны онъ изучаетъ какъ ученый и наблюдатель; въ качествѣ инженера онъ старается воспользоваться двигательною силою воды для разнообразнѣйшихъ практическихъ цѣлей. Понятно поэтому, что въ гидростатикѣ и гидродинамикѣ онъ легко могъ дойти до открытія законовъ, что Эрнстъ Махъ ошибочно приписываетъ Стевину, Галилею и другимъ. Да-Винчи удивительно ясно различаетъ явленія, происходящія отъ вѣса воды, и явленія, проистекающія отъ взаимнаго притяженія частицъ воды другъ къ другу (Лейстеровъ рукоп.). По мнѣнію Гови, онъ около полутора столѣтія ранѣе Блэза Паскаля строитъ остроумный приборъ для доказательства зависимости давления воды на данную поверхность отъ высоты уровня жидкости. Условіе равновѣсія жидкости въ сообщающихся сосудахъ да-Винчи формулируетъ буквально слѣдующимъ образомъ: „le superficie di tutti i liquidi immobili, li quali infra loro fieno congiunti sempre fieno d'eguale altezza“, — т.-е.: поверхности всякихъ неподвижныхъ сообщающихся жидкостей всегда находятся на одной высотѣ. Конечно, нельзя по однимъ рисункамъ сдѣлать тотъ выводъ, что да-Винчи, авторъ этихъ рисунковъ, былъ *очень близокъ* къ изобрѣтенію гидравлическаго пресси; но и указанная формулировка закона сообщающихся сосудовъ, вмѣстѣ съ выражаемымъ въ рукописи Е закономъ высотъ и плотностей двухъ жидкостей разныхъ плотностей въ сообщающихся сосудахъ, достаточны для того, чтобы считать да-Винчи первымъ физикомъ, имѣвшимъ вполне ясныя гидростатическія представленія. Это важнѣе даже изобрѣтенія гидравлическаго пресси, которое можетъ быть и дѣломъ случая. Да-Винчи зналъ также дѣйствіе сифона; но какъ онъ себя объяснялъ это дѣйствіе—о томъ нельзя сообщить ничего опредѣленнаго.

Что касается гидродинамики, то въ этой отрасли знанія да-Винчи является провозвѣстникомъ идей и родоначальникомъ взглядовъ, которые только столѣтія спустя получили въ наукѣ полное право гражданства. Въ 1828 г., въ Болоннѣ появилась въ свѣтъ книга подъ заглавіемъ: „Del moto e misura del aqua, di Leonardo

da Vinci“, представляющая собою извлечение изъ его работъ по предмету гидростатики и гидравлики и, можетъ быть, не содержащая всего того матеріала, надъ которымъ потрудился въ названныхъ областяхъ знанія великій художникъ и мыслитель. Эта книга легла въ основу перечисленія его заслугъ въ области механики жидкихъ тѣлъ, занимающаго у Сеайля около трехъ страницъ. Оказывается, что да-Винчи на цѣлое столѣтіе ранѣе Кастелли занимался вопросомъ о количествѣ воды, протекающемъ черезъ отверстие, сдѣланное въ преграждающей движеніе воды стѣнѣ. Онъ же изучалъ вліяніе высоты уровня воды надъ отверстиемъ, на количество воды, вытекающей изъ этого отверстия, о вліяніи трубы, приспособленной къ этому отверстию (рукоп. E). Его занимали приливы и отливы, скорость теченія въ разныхъ мѣстахъ рѣки и канала, водопады, дѣйствіе рѣвъ на берега, взаимодѣйствіе формы русла и теченія рѣки, и т. п. Относительно водоворотовъ онъ сдѣлалъ многочисленныя опыты и наблюденія. Вентури говоритъ въ своемъ „Опытѣ“ о его работахъ этого рода слѣдующее: „да-Винчи не только замѣтилъ относительно движенія воды все то, что Кастелли столѣтіемъ позже говорилъ объ этомъ явленіи, но мнѣ кажется, что да-Винчи, какъ знатокъ гидравлики, значительно выше, чѣмъ Кастелли, котораго между тѣмъ въ Италіи считаютъ основателемъ этой науки“. Дѣйствительно, въ рукописи N приведены 14 причинъ, которыя вліяютъ на количество протекающей черезъ данный, перпендикулярный къ теченію воды въ каналѣ, разрѣвъ его; все это доказываетъ, что да-Винчи смотрѣлъ на вопросы этого рода съ точки зрѣнія истиннаго естествоиспытателя. Ему недоставало только математическихъ средствъ, которыя находятся нынѣ въ распоряженіи механики, для того, чтобы выразить формулою количество вытекающей воды въ зависимости отъ вліяющихъ на это количество постоянныхъ и переменныхъ величинъ.

Если къ сказанному присоединить, что едва ли не Леонардо да-Винчи первый постигъ строеніе волны и сущность волнообразнаго движенія, то этого было бы совершенно достаточно для характеристики того, что имъ самостоятельно сдѣлано въ ученіи о равновѣсіи и движеніи жидкостей... Поэтическое сравненіе съ моремъ того зрѣлища, которое представляетъ собою волнующааяся нива, содержитъ въ себѣ, при желаніи выскнуть въ это явленіе, самую основу научнаго понятія о волнѣ. Дѣло въ томъ, что при гѣтрѣ, приводящемъ ниву въ волнообразное движеніе, колосья, до гѣтра стоявшіе рядомъ, остаются сосѣдными и при волнообразномъ движеніи, и въ этомъ собственно и состоитъ, если можно какъ выразиться, самая отличительная черта этого движенія. Лео-

нарко да-Винчи не только первый вѣрно подмѣтилъ и понялъ это явленіе, но сдѣлалъ изъ этого тѣ выводы, которые изъ него можно сдѣлать: выводы о взаимномъ проникновеніи волнъ, о возможности взаимнаго ихъ уничтоженія, и т. п. Да-Винчи постигъ ту особенность волны, которую миллионы людей до и послѣ него могли бы усмотрѣть своими тѣлесными глазами, но мимо которой они проходили всегда безучастными свидѣтелями.

Отъ занятій гидростатикой и гидродинамикой для да-Винчи, при его склонности къ научнымъ и художественнымъ сближеніямъ, былъ одинъ только шагъ къ аэростатикѣ. Онъ первый ясно созналъ, что воздухъ—вещество, обладающее вѣсомъ и нѣкоторыми свойствами жидкостей (рукоп. Е). Теперь даже дѣтямъ можно привить нѣкоторыя знанія о воздухѣ, о той невидимой имъ и потому столь трудно постигаемой средѣ, въ которой они живутъ, двигаются и которою они дышать. Меньше, чѣмъ наши дѣти, о воздухѣ знали современники да-Винчи: изъ этихъ послѣднихъ самые ученые знали о воздухѣ только то, что о немъ написано было въ книгахъ. При томъ естественномъ благоговѣніи въ литературѣ всякаго вопроса, которое одушевляло людей эпохи „возрожденія“ и которому человечество обязано гуманистическимъ направленіемъ просвѣщенія въ эту эпоху, на вопросъ о томъ, что такое воздухъ, всякій ученый того времени процитировалъ бы изъ извѣстныхъ ему древнихъ (и Пико делла-Мирандола, изъ средне-вѣковыхъ) писателей все то, что тѣ о воздухѣ написали:— это четвертая стихія; по Аристотелю, воздухъ не имѣетъ вѣса; природа боится пустоты, и т. п. Да-Винчи уже зналъ, что воздухъ обладаетъ вѣсомъ, что по мѣрѣ поднатія отъ поверхности земли вверхъ плотность его уменьшается, что онъ обладаетъ упругостью. Онъ такимъ образомъ явился предшественникомъ не только самого Галилея, но также ученика, Торричелли (XVII ст.).

Леонардо да-Винчи такъ представлялъ себѣ роль воздуха при поддержаніи имъ пламени и жизни „земныхъ и воздушныхъ“ животныхъ, говоря въ рукописи N слѣдующее: „Гдѣ появляется пламя, тамъ образуется вѣтеръ вокругъ него; этотъ потокъ воздуха служить для сохраненія и увеличенія пламени. Болѣе быстрое движеніе воздуха производитъ пламя болѣе яркое, а болѣе яркое пламя даетъ больше жара. Огонь разрушаетъ тотъ воздухъ, который его питаетъ; если другой воздухъ не замѣняетъ прежняго, то образуется пустота. Если въ воздухѣ не можетъ образоваться пламени, то тамъ не можетъ быть ни огня, ни животнаго, земнаго и воздушнаго. Животное не можетъ жить въ пространствѣ, въ которомъ пламя не живетъ. Внутри пламени свѣчки обра-

зается дымъ, потому что воздухъ, входящій въ составъ этого пламени, не можетъ проникнуть внутрь послѣдняго. Онъ оставивается у поверхности пламени и его сгущаетъ, сдѣлавшись пищею его. Онъ въ пламени преобразовывается и оставляетъ въ пространствѣ пустоту, которая послѣдовательно замѣняется другою воздухомъ" (Вентури, стр. 16). Нельзя не согласиться, что отъ подобнаго наблюденія до открытія кислорода знаменитымъ Пристли (XVIII в.)—одинъ только шагъ. Какъ много ни накопилось до XVI вѣка фактическихъ свѣдѣній, благодаря алхиміи и трудамъ такихъ крупныхъ людей, какъ Альбертъ Великій, Рожеръ Бэконъ, Раймундъ Луллій и нѣкоторые другіе, но всѣ химическіе интересы до XV вѣка рѣшительно сводились къ возможности взаимнаго превращенія металловъ другъ въ друга, и только съ XVI вѣка эти интересы приняли направленіе также химико-медицинское. Оба эти направленія господствовали вмѣстѣ съ Аристотелевымъ „основнымъ веществомъ“ и Аристотелевыми „стихіями“ вплоть до середины XVII вѣка. Что же касается химіи горѣнія въ частности, то до Штала пламя было только одною изъ „стихій“, а послѣ него, вплоть до Лавуазье, горѣніе безъ флогистическихъ предубѣжденій никѣмъ не было понимаемо. Даже такіе крупные физики и химики XVIII вѣка, какъ англичане Блэкъ и Пристли, не могли освободиться отъ прежнихъ теорій и добраться до наблюденія да-Винчи.

Въ ученіи о звукѣ да-Винчи является прямымъ предшественникомъ Галилея и другихъ позднѣйшихъ физиковъ и естествоиспытателей. Онъ знаетъ, что звукъ есть волнообразное движеніе воздуха, уясняетъ себѣ эхо, знаетъ, что съ увеличеніемъ разстоянія наблюдателя отъ грозы увеличивается и промежутокъ времени, протекающій между моментомъ воспріятія свѣта молніи и моментомъ воспріятія первыхъ звуковъ грома (рукоп. А). Онъ дѣлаетъ для опредѣленія быстроты (не скорости) распространенія звука черезъ землю и воду нѣкоторые опыты (рукоп. В), точно формулируетъ явленіе отраженія звука (рукоп. А); ранѣе Галилея вѣрно характеризуетъ отзывчивость струнъ на звуки, и т. д., и т. д. Въ области акустики да-Винчи, бывшій въ то же время и виртуозомъ-музыкантомъ, и изобрѣтателемъ музыкальнаго инструмента особаго рода, находился въ положеніи, близкомъ къ тому, которое повторилось столь блестящимъ образомъ, четыре вѣка спустя, съ законодателемъ естественно-научныхъ идей нашего вѣка, Германомъ Гельмгольцемъ: онъ могъ посмотреть на природу звука также съ точки зрѣнія художника! При этомъ интересно то, что въ то время какъ Леонардо да-Винчи поло-

жилъ фундаментъ, Гельмгольтцъ вывелъ въ своемъ классическомъ твореніи „О звуковыхъ ощущеніяхъ“ все яданіе этой, нынѣ едва ли не самой законченной, отрасли физики.

Въ области оптики болѣе всего у да-Винчи поражаютъ его художественныя описанія нѣкоторыхъ, правда, простѣйшихъ явленій свѣта. Приписывать ему, на основаніи сближенія закона отраженія звуковъ съ закономъ отраженія свѣта, предчувствіе относительно свѣта какъ волнообразнаго движенія ээира, было бы, по моему мнѣнію, неосновательно. Что въ теоріи перспективы онъ былъ первымъ человѣкомъ своего времени и онъ понималъ устройство глаза, значеніе хрусталика и возможность оптическихъ инструментовъ, — въ томъ не можетъ быть сомнѣнія. Равнымъ образомъ, онъ на 250 лѣтъ ранѣе Румфорда занимался тѣнями и тѣневымъ фотометромъ, хотя еще и не зналъ, что степень освѣщенія данной поверхности пучкомъ лучей обратно пропорціональна квадрату разстоянія свѣтятсящагося тѣла (или, вѣрнѣе, свѣтящейся точки) отъ освѣщенной поверхности. Наконецъ, онъ, кажется, первый формулировалъ прямолинейность свѣтового луча, говоря въ рукописи А: „я прошу дозволить мнѣ принять, что всякій лучъ, проходящій чрезъ среду одинаковой плотности, идетъ по прямой линіи отъ своей причины до предмета, на который онъ падаетъ“... „Подобно тому, какъ камень, брошенный въ воду, дѣлается центромъ и производитъ множество круговъ, подобно тому и звукъ въ воздухѣ распространяется сферически, — точно такъ же всякое тѣло, помѣщенное въ освѣщенномъ воздухѣ, распространяетъ отъ себя сферически и наполняетъ воздухъ, его окружающій, своимъ образомъ неопредѣленно далеко и вездѣ даетъ этотъ образъ въ цѣломъ и частяхъ... Воздухъ переполненъ безконечными и свѣтящимися прямыми линіями, взаимно пересѣкающимися и переплетенными, при чемъ ни одна не совпадаетъ съ другою (*sanza occupazione l' una dell' altra*); эти прямые носятъ въ себѣ для всякаго предмета истинную форму ихъ причины“. Сомнѣваясь въ стремленіяхъ да-Винчи посмотрѣть на явленія оптики съ механической точки зрѣнія, мы однакоже не можемъ отказать ему въ правѣ считаться основателемъ оптики, какъ науки наблюдательной, имѣющей въ своемъ распоряженіи такую помощницу, какъ геометрія. Такъ на него смотрятъ и М. Канторъ, и Ф. Мюллеръ, въ сочиненіяхъ своихъ по предмету исторіи и математики.

Отъ занятій оптикой для да-Винчи было нетрудно перейти къ астрономіи. По тому времени, когда на землю все еще смотрѣли съ точки зрѣнія Птолемеевой системы и „Альмагеста“, когда

земля находилась еще въ центрѣ вселенной, и когда всякій иной взглядъ считался опаснымъ даже съ религіозной точки зрѣнія, — да-Винчи былъ человѣкомъ, стоявшимъ впереди своего вѣка, если не считать Коперника, который, можетъ быть, тогда уже хоть для себя намѣтилъ главнѣйшіе вопросы своей системы. Да-Винчи первый посмотрѣлъ (рукоп. F) на землю какъ на тѣло *небесное*. Это уже большой шагъ на пути образованія вѣрныхъ представленій о землѣ и на пути къ образованію истинныхъ понятій о мірозданіи. Для того, чтобы оцѣнить этотъ шагъ по достоинству, надо припомнить, что современники его различали двѣ вещи: землю и весь остальной міръ вокругъ нея, въ то время какъ онъ поднялся до представленія о *мірозданіи* и о землѣ, какъ *одномъ изъ тѣлъ*, его составляющихъ!

Кромѣ того, онъ старался уяснить себѣ зрѣлище, которое представляетъ собой земля, рассматриваемая съ поверхности луны. Въ рукописи G онъ мимоходомъ говоритъ о вращеніи земли вокругъ своего центра... Онъ „изумляется“, по собственнымъ словамъ его, тому, какъ невѣрно древніе смотрѣли на величину и взаимныя разстоянія небесныхъ тѣлъ другъ отъ друга. О предчувствіяхъ да-Винчи относительно всемірнаго тяготѣнія уже было говорено выше. Если къ сказанному прибавить, что онъ интересовался и мерцаніемъ звѣздъ, и вѣрно (ранѣе Мѣстлина) уяснилъ себѣ причину такъ называемаго „депельнаго свѣта“ луны, то этого было бы достаточно для характеристики плодотворности мыслей да-Винчи на поприщѣ астрономіи. Въ рукописи F онъ прямо говоритъ: „земля ничуть не находится въ центрѣ солнечной орбиты, ни въ центрѣ вселенной“; мерцаніе звѣздъ онъ приписываетъ не имъ самимъ, и съ любопытною для своего времени наивностью (рукоп. A) говоритъ: „земля показалась бы человѣку, находящемуся на лунѣ или другомъ свѣтилѣ, тѣломъ небеснымъ“...

Не малое значеніе слѣдуетъ придать также географическимъ и картографическимъ работамъ да-Винчи, гдѣ, по мнѣнію нашему, сказалась двойственность натуры да-Винчи: его склонность къ научному уразумѣнію и вмѣстѣ къ художественной обрабѣ его взглядовъ на явленія природы. Карты Италіи, имъ сдѣланныя, говорятъ, верхъ картографическаго и научнаго совершенства.

Работы да-Винчи по географіи и канализаціонные планы приели его къ занятіямъ тогда еще не существовавшей геологіей, онъ первый приходитъ къ идеѣ о возможности воссозданія

„исторіи земли“ на основаніи того, что мы находимъ на ея поверхности и въ ея нѣдрахъ. Тогда безраздѣльно господствовали космогоническія гипотезы и воззрѣнія, съ геологіей не имѣющія ничего общаго. Относительно нахождения раковинъ въ горахъ и въ почвѣ, значительно отдаленныхъ отъ моря,—одни считали совершенно достаточнымъ для того объясненіемъ всемірный потопъ, покрывшій будто бы всю землю водою и перенесшій раковины на горы и на сушу; другіе приписывали это явленіе даже какимъ-то „небеснымъ“ причинамъ въ связи со „свойствами даннаго мѣста“. Къ самому потопу да-Винчи относится въ высшей степени критически, а иногда даже иронически: „Предметы значительно древнѣе письменъ (che le lettere); неудивительно поэтому, что до нашихъ дней не дошло ни одного писаннаго документа, который засвидѣтельствовалъ бы, что многія части теперешней суши были нѣкогда заняты морями... Но для насъ достаточно свидѣтельства о томъ тѣхъ предметовъ, которые мы, несмотря на то, что они родились и жили въ соленыхъ водахъ, нынѣ находимъ на высочайшихъ горахъ, въ настоящее время столь удаленныхъ отъ моря“ (Лейстеровъ рукоп.). Въ рукописи „Arundel 263“, онъ говоритъ: „о, время, быстрый разрушитель созданныхъ вещей! сколько королей и народовъ ты уничтожило! какой рядъ переворотовъ и событій совершился съ тѣхъ поръ, какъ эта рыба удивительнаго вида похоронила себя въ глубокихъ извилинахъ этой пещеры! Теперь, разрушенная терпѣливымъ временемъ, она покоится въ мѣстѣ, закрытомъ со всѣхъ сторонъ, и своими огоренными костями входитъ въ самый составъ горы, стоящей надъ нею“! Да-Винчи изучалъ раковины, заключающіяся въ нѣкоторыхъ горныхъ породахъ, и вполне ясно постигъ роль воды въ исторіи образованія земной поверхности. „Вода возникла природы“,—говоритъ онъ („il vetturale della natura“—рукоп. К); будучи „нептунистомъ“ въ геологіи, онъ, конечно, склоненъ въ нѣкоторому преувеличенію роли воды въ исторіи земной поверхности. Но, несмотря на это, онъ все-таки геологъ, и, оспаривая считавшіяся даже въ XVII столѣтіи безспорными гипотезы о причинахъ нахождения раковинъ неподалеку отъ моря, онъ не ограничивается одной полемикой съ „невѣждами разнаго рода“, а научно занимается геологическимъ изученіемъ отпечатка листьевъ, окаменѣлостей, остатковъ раковъ и морскихъ альгъ въ камняхъ (рукоп. F). Онъ рисуетъ, на основаніи своихъ—для нашего времени, конечно, неполныхъ, но по тому времени изумительныхъ—геологическихъ соображеній, карту до-исторической Италіи, не со-

хранившейся даже въ легендарныхъ воспоминаніяхъ человѣчества. Да-Винчи высказалъ сомнѣнія въ возможности дѣйствительно всемірнаго потопа, и далъ свои объясненія происхожденію овамеліостей и другихъ памятниковъ пережитой землею геологической исторіи.

С. Шохоръ-Троцкий.

ПЯТЯЧКИ

РАЗСКАЗЪ.

I.

Было три часа ночи; луна ярко сіяла на петербургскомъ небѣ, озаряя тихую, пустынную набережную и спящіе дворцы,—зажигая серебряныя искры въ ослѣпительно бѣломъ, мягкомъ снѣгѣ, покрывающемъ Неву.

Къ освѣщенному подъѣзду блага дома княгини Славятиной неслышно и легко подкатила карета; лакей открылъ дверцу; изъ кареты показалась молоденькая дѣвушка; зацѣпившись платьемъ за дверцу, она остановилась на подножѣ, быстро разбирая легкія оборки, и, весело смѣясь, обратилась по-англійски къ задержанной ею такимъ образомъ спутницѣ.

Въ ту же минуту изъ сосѣднаго переулка вынырнула темная фигура и быстро приблизилась къ остановившейся каретѣ. Черная, сморщенная рука протянулась къ смѣющейся дѣвушкѣ и хриплый старческій голосъ попросилъ— „Христа ради“...

Платье было скоро освобождено, и молодая дѣвушка соскочила на тротуаръ.

Она вздрогнула, остановилась, словно пораженная чѣмъ-то, и оглянулась на нищаго широко раскрытыми, полными жизни и блеска глазами.

Улыбка тотчасъ исчезла съ ея лица...

— „Go in, Nelly, go in!“ —раздался спокойный, по строгій голосъ, и высокая особа, быстро вышедшая изъ кареты, осторожно, но рѣшительно направила молодую дѣвушку къ широкой двери, раскрытой передъ ними швейцаромъ.

— Христа ради, барышня-красавица, на ночлег бѣдному человѣку!

Эти слова раздались имъ во слѣдъ, и Нелли еще разъ обернулась стремительно. Въ лицо нищаго пахнуло свѣжимъ ароматомъ живыхъ цвѣтовъ изъ-подъ раскрывшейся шубы; но англичанка тотчасъ увлекла за собою свою непокорную воспитанницу.

— Вотъ я тебя, бродягу!—сдержанно, но грубо окривнула нищаго лавей и исчезъ въ подъездѣ. Дверь дома захлопнулась.

— Нѣтъ на васъ пропасти, бездомные!—проворчалъ жирный жучеръ, медленно заворачивая дымящихся лошадей.

Старикъ стоялъ молча, сгорбившись и переступая съ ноги на ногу. Засунувъ руки въ продранные рукава, онъ устремилъ безжизненные глаза на стеклянную дверь подъезда. А между тѣмъ на одной изъ ступенекъ ярко освѣщенной мраморной лѣстницы въ тревогѣ и смущеніи остановилась хорошенькая пятнадцатилѣтняя дѣвочка въ воздушномъ бѣломъ платьѣ, съ букетомъ свѣжихъ цвѣтовъ въ рукахъ. Длинные бѣлокурые косы, перевязанные бѣлыми лентами, висѣли за ея плечами, щеки ея ярко пылали, а испуганные, дѣтски-наивные глаза жадно смотрѣли сквозь стеклянную дверь на улицу.

Немолодая, красивая англичанка стояла, опершись рукой на перила лѣстницы; выѣздой снимала ей калоши; швейцаръ ждалъ въ почтительной позѣ.

— Отчего вы не дали ему ничего? — прерывающимся голосомъ спросила Нелли, обращаясь къ гувернанткѣ.

— У меня не было денегъ съ собою.

Нелли хотѣла возразить, и... промолчала. Она видѣла, какъ, выѣзжая изъ дому, miss Bell положила портмонé въ карманъ.

— Come, dear, do't make such a fool of yourself,—сказала та снисходительнымъ тономъ, просовывая руку подъ локоть Нелли и поднимаясь съ нею на лѣстницу. Нелли не торопясь послѣдовала за нею.

Во второмъ этажѣ, въ маленькой гостиной, отдѣляющей комнату англичанки отъ спальни ея воспитанницы, ожидалъ ихъ накрытый каминъ и накрытый ужинъ. Нелли отказалась ужинать; miss Bell позвонила горничную и, дождавшись ея появленія, ушла къ себѣ. Нелли прошла въ свою спальню.

Катя, молоденькая горничная, быстро и ловко сняла съ Нелли платье, накинула на нее пеньюаръ и подала ночные туфли. Нелли машинально, по привычкѣ, сѣла къ туалету, а Катя принялась расчесывать ей волосы.

Было строжайше запрещено Катѣ разговаривать съ княжной,

и Нелли, получавшая отъ нея обыкновенно односложные, неловкіе отвѣты, все рѣже и рѣже заговаривала съ нею. И потому Катя вздрогнула, когда княжна быстрымъ движеніемъ обернулась къ ней и спросила, глядя на нее въ упоръ, съ беспокойствомъ и любопытствомъ:

— Катя, вы не знаете, гдѣ спать нищіе?

Такого вопроса Катя менѣе всего ожидала и замаялась, но Нелли настойчиво требовала отвѣта.

— Иные—углы занимаютъ, въ подвалахъ живутъ, а есть и вовсе бездомные: зимой—въ ночлежные дома, когда деньги есть, идутъ, а лѣтомъ такъ гдѣ попало нечуютъ,—отвѣчала наконецъ Катя.

Нелли, высвободивъ волосы изъ ея рукъ, принялась сама заплетать ихъ, повернувшись спиной къ зеркалу и осыпая Катю беспокойными, жадными вопросами:

— Что такое ночлежный домъ? Сколько платятъ тамъ за ночлегъ? Гдѣ эти дома? Какъ они устроены? А если у нищаго совсѣмъ нѣтъ денегъ? Что такое участокъ? А что потомъ?—Катя отвѣчала неохотно, боязливо оглядываясь на дверь и дивясь этимъ чуднымъ вопросамъ. И чего это вздумалось княжнѣ о нищихъ? вѣдь она нынче съ бала вернулась...

Нелли замолчала наконецъ.

Катя накинула на нее ночную рубашку, розовый теплый халатикъ и ушла. Нелли осталась сидѣть на табуретѣ, среди комнаты. Каждый, кто бы взглянулъ на нее въ эту минуту, былъ бы пораженъ глубокой задумчивостью и сосредоточенной страстностью, которыя отражались на этомъ дѣтскомъ лицѣ, свѣжемъ какъ персикъ, съ неопредѣленными, незаконченными еще тонкими чертами. Трудно было бы узнать въ ней сіяющую, граціозную дѣвочку, порхавшую въ бѣлой залѣ Грибановскаго дома всего часъ тому назадъ.

Сегодня былъ знаменательный день въ жизни Нелли, день перваго ея бала и перваго свѣтскаго успѣха. Это былъ полудѣтскій балъ, но до сихъ поръ ее и на дѣтскіе балы не возили. Только на дняхъ ей минуло пятнадцать лѣтъ, запрещеніе было снято, и въ первый разъ все то, чему столько лѣтъ уже учили Нелли, вся сложная система воспитанія свѣтской дѣвушки, получила свое примѣненіе,—блестящая бабочка вылетѣла изъ своей куколки на широкій просторъ.

Сегодня вечеромъ Нелли вступила въ ту сферу, въ которой ей предстояло жить, для которой она родилась, и которой она должна была удовлетвориться вполне, такъ какъ внѣ ея не было

ничего для Нелли, за нею замыкался ее горизонтъ. Горизонтъ— понятие весьма определенное: за горизонтъ уходитъ солнце, и никто не спрашиваетъ, гдѣ оно. И Нелли не должна была даже подозрѣвать о томъ, что существовало за предѣлами ее горизонта. Ей не предстояло и догадываться, что солнце, источникъ тепла, свѣта и жизни, одно для всѣхъ; что, заходя за ее горизонтъ, оно свѣтитъ другимъ, грѣетъ другихъ, хотя, можетъ быть, лучи его падаютъ не на бархатную мебель, золотать не аристократическія головки, согрѣваютъ не роскошныя теплицы,—а привольные луга и темныя хижины.

Нелли была въ восторгѣ отъ своего перваго взгляда. Ошеломленная и потерянная въ первую минуту, пораженная новостью разнообразныхъ, еще незнакомыхъ ей ощущеній, она быстро освоилась съ ними и искренно, наивно и откровенно радовалась и веселилась на этомъ балу.

Баль былъ такой же, какъ всѣ балы петербургскаго большого свѣта,—но молодость, жизнерадостность, чистота и поэзія, проникавшія все ее существо, сообщали ту же чистоту, жизненность и поэзію и этому собранію великосвѣтскихъ людей въ ее глазахъ.

Она была счастлива собою, своимъ еще нетронутымъ жизнью міромъ, изъ котораго лились во всѣ стороны такіе свѣтлые, теплые лучи, что въ ихъ сіяніи мишура обращалась въ чистое золото, куклы казались людьми, любезность—сердечностью, условное оживленіе—искренней веселостью. Окружающіе чувствовали инстинктивно это прелестное довѣріе, и внутренней свѣтъ, озарявшій это юное, невинное, еще неиспорченное жизнью существо, привлекалъ ихъ къ себѣ безсознательно. И потому Нелли танцевала больше всѣхъ и вызвала всеобщее восхищеніе. Но вѣдь она не понимала причины всего этого—и такъ же, какъ они, не могла отдать себѣ въ этомъ отчетъ.

Она возвращалась домой подъ впечатлѣніемъ этого очарованія: еще стояла передъ ее глазами раззолоченная, горящая огнями зала; еще раздавались въ ее ушахъ блестящіе звуки балной музыки... вдругъ у подъѣзда дома черная, старая руба протянулась къ ней, и бездомный нищій попросилъ у нея двухъ копѣекъ на ночлегъ,—„Христа ради“... А она ничего не дала ему и оставила его на улицѣ въ эту зимнюю морозную ночь.

Глаза Нелли окинули бѣглымъ взглядомъ знакомую красивую комнату, бѣлую постель съ кружевными оборками и мягкимъ плюшевымъ одѣяломъ. Сейчасъ она нырнетъ подъ это теплое одѣяло, положить руку подъ щеку и заснетъ крѣпко и сладко,

вспоминаая музыку, цвѣты, комплименты и забывъ о грязномъ, оборванномъ нищемъ...

Нелли встала и принялась безпокойно ходить по комнатѣ. Чтò же такое случилось? Развѣ она не знала о томъ, что есть бѣдные, голодные, оборванные? Развѣ никогда до сегодняшней ночи она не видала нищихъ. Нѣтъ; конечно, она слыхала о нищихъ и видѣла ихъ. Она знала, что для нищихъ устраиваются благотворительные балы, базары, концерты, спектакли, балеты; что для нихъ же существуетъ тотъ комитетъ, въ которомъ председательствуетъ мапан; она видитъ нищихъ, катаясь, изъ экипажа и иногда встрѣчаетъ ихъ, гуляя съ miss Bell пѣшкомъ. Только рѣдко, — онѣ гуляютъ почти всегда по набережной, а туда не пускаютъ нищихъ. И потомъ, часъ гулянья — въ то же время часъ литературы. Miss Bell, гуляя, передаетъ ей своими словами драмы Шекспира и поэмы Байрона, а на возвратномъ пути Нелли должна повторить ей ея рассказъ. Гдѣ же тутъ замѣчать нищихъ!

Но сегодня ночью, послѣ волшебнаго бала, этотъ старый, бездомный нищій какъ громъ поразилъ ее.

— „На почлегъ бѣдному человѣку!“ — И онъ остался на всю ночь на улицѣ, потому что miss Bell не захотѣла дать ему денегъ.

Нелли не опредѣляла суммы; вопросъ о томъ, сколько слѣдовало дать бѣдному, не приходилъ никогда ей въ голову, — не явился и тутъ.

Слѣдуетъ давать, когда есть деньги, — это было ясно безо всякихъ размышлений, но сколько давать, надъ этимъ она никогда не задумывалась. Да для нея это былъ праздный вопросъ: вѣдь у нея никогда не бывало денегъ.

Быль къ услугамъ ея экипажъ, были свои отдѣльные, убранные роскошно комнаты, изысканный столъ, изящныя платья, но денегъ не было. Княгиня изъ принципа не давала ихъ дочерямъ: къ чему? Вѣдь у нея есть все; а если явится какая-нибудь фантазія, прихоть — пусть скажетъ, и ей тотчасъ купятъ то, чего она желаетъ...

Всѣ эти мысли промелькнули теперь въ головѣ богатой княжны. И еще явилась ей мысль, часто встававшая передъ нею во время молитвы: молясь, Нелли привыкла читать „Отче нашъ“, — и только недавно остановилась на прошеніи: „Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь“ — и задумалась надъ нимъ. Она обратила на нихъ вниманіе, слыша, какъ однажды братъ ея, Ива, недавно выпущенный офицеръ, поддразнивалъ одну даму, говоря, что замѣтилъ зъ церкви, какъ горячо она крестилась въ то время, какъ пѣли: „Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь“, — и спра-

шивалъ ее, отчего она не продастъ свои брилліанты, чтобы купить себѣ хлѣба, если ей его недостаетъ. Дама кокетливо отвѣтила, что, можетъ быть, она именно и просить о брилліантахъ, которые такъ же необходимы ей, какъ другимъ—хлѣбъ.

Послѣ этого разговора Нелли задумалась надъ тѣмъ, зачѣмъ просить хлѣба, когда она знаетъ, что хлѣбъ у нея всегда будетъ... и не одинъ хлѣбъ.

„Этими словами мы просимъ Бога дать все необходимое намъ“, — такъ объяснялъ ей эти слова священникъ, учившій ее закону Божію. Но вѣдь и дама говорила, что брилліанты необходимы ей. Что же необходимо ей, Нелли? Что необходимо и что лишнее, безъ чего можно обойтись? А сегодня ей стало ясно, что просить о хлѣбѣ насущномъ надо не для одной себя, а для всѣхъ, кому необходима пища, необходима одежда и необходимъ ночлеги, — тотъ ночлеги, на который нищій тщетно просилъ у нея денегъ сегодня. И вся проникнутая горячей жалостью къ нему, она стала думать о томъ, что ей необходимы деньги, которыя бы она могла давать просящимъ у нея.

Гдѣ онъ теперь, этотъ бездомный? Куда онъ дѣлся? Дастъ ли ему кто-нибудь тѣ двѣ копѣйки, которыя необходимы ему?

Отодвинувъ кружевную занавѣсь, Нелли задумчиво смотрѣла на тихую картину спящей Невы, ярко освѣщенной луннымъ свѣтомъ... Вдругъ она вздрогнула: на гранитной скамейкѣ набережной, почти противъ ея окна, чернѣла сгорбленная старческая фигура. Нелли узнала нищаго; сердце ея забилося, но радость эта тотчасъ смѣнилась тяжелымъ, гнетущимъ сознаниемъ полного безсилія помочь ему.

Ну да, онъ тутъ, близко, въ двухъ шагахъ отъ нея, на скамейкѣ противъ ея окна, въ холодную эту ночь... и что же? Развѣ можетъ она помочь ему? Нѣтъ, она не можетъ отереть ему дверь и позвать его ночевать въ этотъ домъ, гдѣ тридцать комнатъ, и она одна занимаетъ ихъ три. Здѣсь нѣтъ мѣста для него. Она не можетъ дать ему денегъ, потому что у нея нѣтъ ни копѣйки, не можетъ даже впустить его въ швейцарскую погрѣться. Она не смѣетъ и не можетъ ничего сдѣлать для него: ихъ раздѣляетъ цѣлая стѣна приличій, законовъ, условности...

И она беспомощно оглянулась на свою разукрашенную, наполненную ненужными бездѣлушками комнату. И чувствовала она, что ей не заснуть въ эту ночь. Громко стучало ей сердце, кровь заливала и жгла ее щеки; негодуя, волнуясь, чуть не плача, она ходила по комнатѣ, ломая себѣ голову надъ вопросомъ, что можно сдѣлать, какъ помочь; останавливалась какъ вѣопанная и

снова принималась ходить взадъ и впередъ. И вдругъ улыбка озарила ея лицо; она постояла съ минуту, колеблясь, потомъ рѣшительно встряхнула головой и взяла свѣчку. Тихо-тихо открыла она дверь и неслышными шагами прокралась въ сосѣднюю гостиную. Порывшись въ маленькомъ столѣ, она достала изъ него часы и отцѣпила висящій съ ними брелокъ: это былъ вдѣланный въ кольцо червонецъ.

Можно было подумать, что она совершаетъ кражу—до того лицо ея было взволнованно и испуганно. Она то-и-дѣло прислушивалась, останавливалась и оглядывалась на дверь miss Bell; руки ея дрожали, щеки пылали. Тихо крадучись, вышла она черезъ коридоръ на освѣщенную однимъ луннымъ свѣтомъ лѣстницу и спустилась внизъ, неслышно ступая по мягкому ковру. Все было тихо, только маятникъ старинныхъ голландскихъ часовъ стучалъ мѣрно и отчетливо.

Подойдя къ выходной двери, Нелли долго возилась со сложнымъ замкомъ; наконецъ, дверь была открыта, холодный воздухъ охватилъ ее. Нищій былъ всего въ нѣсколькихъ шагахъ теперь; ей показалось, что онъ зашевелился, и въ тишинѣ неподвижной чуткой морозной ночи раздался робкій звонкій голосъ:

— Послушайте, подите сюда!..—Неужели онъ не слышитъ?

— Бѣдный!—обликнула его Нелли и совсѣмъ растерялась, сама смущенная этимъ страннымъ обращеніемъ. Нищій привсталъ, взглядываясь.

— Подите сюда, пожалуйста!

Старикъ, наконецъ, понялъ и быстро зашагалъ черезъ улицу по глубокому снѣгу.

Совсѣмъ переконфуженная дѣвочка, въ розовомъ халатикѣ и серебрястыхъ туфелькахъ, съ длинной свѣтлой косой, стояла въ дверяхъ большого дома и, улыбаясь, протягивала ему что-то.

— Вотъ, возьмите!—быстро проговорила она, кладя ему въ руку свой брелокъ.

Дверь закрылась прежде, нежели онъ успѣлъ сказать слово.

Нелли быстро взбѣжала по лѣстницѣ и прокралась къ себѣ.

Она задыхалась, а чистая, свѣтлая, еще незнакомая ей радость наполняла ея невинное сердце неизъяснимымъ, доходящимъ до боли чувствомъ.

Быстро раздѣлась она и принялась за обычную вечернюю молитву.

Останутся ли для нея смутными и непонятными слова молитвы Господней, или горячее чувство состраданія, испытанное

ею въ эту ночь, поможетъ ей приблизиться къ пониманію этихъ глубокихъ словъ?..

II.

Было одиннадцать часовъ утра, когда Нелли, совершенно одѣтая, въ обтянутомъ англійскомъ платьѣ, вышла изъ спальни въ свою гостиную. Miss Bell сидѣла у окна въ обычной позѣ, съ рince-peз на носу, и читала „Times“. Она пожала руку своей воспитанницѣ и предложила ей обыкновенные свои вопросы:—хорошо ли она провела ночь и чувствуетъ ли она себя вполне здоровой? Затѣмъ она взглянула на градусникъ, висящій за окномъ, на часы, и объявила, что время утренней прогулки уже пропущено. И она предложила Нелли спуститься къ чаю. На лѣстницѣ громко раздавался голосъ Ивы. Здоровый, красивый, душистый, расчесанный, онъ стоялъ на площадкѣ нижняго этажа и „разносилъ“ швейцара.

Старикъ стоялъ безъ фуражки, неподвижно и молча.

— Вообразите! — сказалъ Ива, обращаясь къ miss Bell:— возвращаясь домой сегодня утромъ часовъ въ пять, я нашелъ дверь на улицу незапертой!! Этотъ осель положительно дѣлается невѣроятно небрежнымъ. Я поговорю съ папан: пора ему отеазать; вѣдь не изъ милости же онъ служить. Только новая метла хорошо мететь, а чуть поживетъ человекъ—разлѣнится и ужъ нигуда не годится!

Ива былъ искренно возмущенъ.

Нелли вспыхнула; только теперь она вспомнила, что ночью, впопыхахъ, забыла закрыть дверь на ключъ...

Она сидѣла какъ на иголкахъ во время чая и съ трудомъ проглотила налитую ей англичанкой чашку, не слушая и почти не слыша ея оживленнаго разговора съ Ивой. Онъ болталъ съ нею для практики, а она рада была этой болтовнѣ, которой ей недоставало.

Но едва пробило двѣнадцать часовъ, miss Bell степенно встала; это былъ часъ аудіенціи ея у княгини, и она отправилась черезъ рядъ комнатъ въ голубую гостиную, гдѣ обыкновенно происходили ихъ педагогическіе переговоры. Едва закрылась за нею дверь, Нелли вскочила съ мѣста и подошла къ брату.

— Не говори папан о швейцарѣ, — попросила она: — онъ не виноватъ, — я знаю.

— Непремѣнно скажу! — отвѣчалъ Ива недовольнымъ тономъ, снова раздражаясь. — И что такое ты можешь знать? Шутка сказать! Домъ отпереть цѣлую ночь: пожалуйста, кому будетъ угодно!

Да и вообще онъ разлѣнился страшно: на дняхъ еще, у меня были гости, расходятся, а это соврѣище изволилъ дремать на стулѣ посреди швейцарской. Трехъ часовъ ночи не было! Это ужъ такое безобразіе!..

Ива развернулъ газету.

— Ива, ну я прошу тебя, хоть этотъ разъ не говори!— наставляла Нелли.

Братъ молчалъ.

— Ну, я тебя умоляю!

— Пожалуйста, не умоляй. Что за сантиментальности! Ты еще дѣвчонка и не понимаешь, какъ надо вести домъ.

И онъ важно, съ многозначительнымъ видомъ поднявъ брови, принялся за чтеніе. Нелли хотѣла еще что-то сказать, но посмотрѣла на брата и отошла отъ него.

Она знала, что наставлять бесполезно. Умѣнье вести домъ, дрессировать прислугу, имѣть безукоризненные выѣзды, etc., все это было пунктомъ помѣшательства Ивы, его гордостью, единственнымъ его занятіемъ, кромѣ военной службы и выѣздовъ.

Мать признавала за нимъ это умѣнье—и послѣ выхода его въ офицеры всецѣло предоставила ему распоряжаться какъ угодно. Ива былъ аккуратень, расчетливъ, мелочень, требователень и твердъ. Съ матерью онъ отлично ладилъ, но не уступалъ ей ни въ чемъ. И Нелли знала, что слова: „я поговорю съ папанъ, пора ему отказать“,—означали: „я предупрежу папанъ, что отказалъ швейцару“.

Нелли задумалась; положеніе было безвыходное: приходилось признаться во всемъ—иначе ни въ чемъ неповинному швейцару отказать отъ мѣста. А между тѣмъ тяжело и ужасно признаться въ этомъ. Еслибы еще мать разсердилась и распекала ее за ея поступокъ, это было бы не такъ страшно; но Нелли боялась, чтобы мать не вздумала хвалить ее, боялась, что она отнесется къ случившемуся не непосредственно, —тогда она распекала бы ее,— а съ педагогической точки зрѣнія, какъ къ хорошему поступку.

Однажды уже былъ такой случай: Катя, горничная Нелли, заболѣла, и Нелли, тайно отъ всѣхъ, навѣстила ее. Въ тотъ же день англичанка, неизвѣстно какъ, провѣдала объ этомъ и разсказала княгинѣ.

Та позвала дочь къ себѣ и сказала ей, что ея поступокъ очень, очень хорошъ въ принципѣ; у нея доброе сердце, слѣдуетъ быть сострадательной и внимательной даже къ низшимъ, но... зачѣмъ такая тайна, зачѣмъ эта неоткровенность; почему Нелли не попросила miss Bell распорядиться послать за докторомъ для Кати, если ей

было жаль ее; почему, наконецъ, не пошла она навѣстить болѣную вмѣстѣ съ miss? Вѣдь ей пришлось спуститься въ подвальный этажъ, пройти черезъ hall для людей, parmi toute la valetaille!.. Завтра Нелли разрѣшается навѣстить Катю передъ часомъ прогулки; miss Bell общала сопровождать ее. Нелли молча выслушала мать; но когда на другой день miss Bell спустилась съ нею, пятью минутами раньше часа прогулки, и со скромнымъ, торжественнымъ и достойнымъ видомъ развѣчанной королевы направилась къ дверямъ hall'a, Нелли заявила, что ей не хочется идти къ Катѣ, что не стоитъ и т. п. Но miss нашла это непоследовательностью, невыдержкой, капризомъ, и настояла на томъ, чтобы зайти провѣдать „the poor girl“, Катя съ удивленіемъ увидѣла входящихъ и отъ нея не укрылось, что вѣяжна уже не та, какою явилась наканунѣ, а молчить, хмурится и кусаетъ губы.

Мысль о томъ, что ночное происшествіе, доставившее ей такую свѣтлую, несравненную радость, будетъ обсуждаться miss Bell и матерью и пожалуй даже породить что-нибудь похожее на вышеприведенный случай, испугала Нелли. Въ сердцѣ ея поднялась борьба между чувствомъ справедливости, говорившимъ ей, что надо освободить швейцара отъ незаслуженнаго обвиненія, и ужасомъ передъ предстоящей ей расплатой за поступокъ, который былъ хорошъ, — она ясно сознавала это. Но именно потому, что онъ былъ хорошъ, потому, что онъ доставилъ ей никогда неизвѣданную радость, и хотѣлось ей, чтобы онъ оставался тайнымъ; хотѣлось, чтобы онъ остался личнымъ ея достояніемъ, чтобы не касались его безцеремонно и неумѣло, чтобы мать и miss Bell не обсуждали его съ точки зрѣнія педагоговъ, авторовъ желтыхъ и синихъ книжекъ, постоянно читаемыхъ вѣягинею и красующихся на всѣхъ столахъ голубой гостиниой, не унижали его похвалою по принципу, неискренней, мертвой и бездушной..

Ива всталъ, бросилъ газету и отправился къ матери. Нелли продолжала сосредоточенно думать: чтѣ было хорошаго въ ея поступкѣ? То, чтѣ она отдала нищему золотой? Но вѣдь это былъ брелокъ, ненужная погремушка, подаренная какой-то кузиной, которую она не любила. Нѣтъ, хорошаго въ ея поступкѣ было только одно: чтобы помочь нищему, она рисковала быть пойманной и получить строгій выговоръ, или похвалу, рисковала именно тѣмъ, чтѣ грозило ей теперь. Она поступила протавъ всѣхъ правилъ, внушаемыхъ ей маман и miss Bell, вышла ночью на улицу и позвала неизвѣстнаго нищаго; она рѣшилась на это, рискуя расплатиться за свой поступокъ; теперь онъ открытъ, и пришло время расплаты. Допустить, чтобы отказали швейцару, будетъ не-

честно. Нелли рѣшилась немедленно признаться во всемъ и выдержать нотаціи, выговоръ, даже похвалы. И забывъ о томъ, что miss Bell и Ива у матери и что еще не время ей явиться туда, она быстрыми шагами направилась въ голубую гостиную.

Всего годъ тому назадъ княгиня сама серьезно принялась за воспитаніе дочери. Злые языки говорили, что причиной этому была измѣна ея фаворита, произведшая сильное впечатлѣніе на отцѣвѣтающую красавицу. Другіе, напротивъ, утверждали, что княгиня сама удалила его и теперь жестоко борется съ собою, чтобы удержаться на прямомъ пути. Никто не зналъ правды, да и кто можетъ знать ее въ этихъ случаяхъ?

Одно было достовѣрно: годъ тому назадъ княгиня Славятина стала меньше выѣзжать, серьезнѣе одѣваться, занялась благотворительностью и воспитаніемъ дочери. Она любила систему и порядокъ во всемъ и къ каждому занятію относилась добросовѣстно. Такъ она поступила и тутъ: какъ женщина умная, она рѣшила прежде всего узнать хорошенько, что такое ея дочь. Для этого была назначена аудіенція miss Dohl, предшественницѣ miss Bell; но свѣденія, сообщенныя ею, далеко не удовлетворили княгиню; miss Dohl сказала только, что Нелли добрая, послушная, прилежная дѣвушка. Умна ли она? Весела ли? Откровенна, самолюбива, упряма?—на всѣ эти вопросы были получены неопредѣленные отвѣты: „Oh! she is not bad“! „I can't say“! „I think, she is not“!—и въ концѣ концовъ miss Dohl рѣшительно заявила, что Нелли—такая же, какъ всѣ дѣвочки въ ея возрастѣ. „Что она любитъ, что ее занимаетъ“? Miss Dohl отвѣтила, что она что-то читаетъ, и за это „что-то“ лишилась мѣста, хотя и заявила на строгій вопросъ княгини,—какимъ образомъ дочь ея читаетъ что-то, о чемъ не знаетъ ея воспитательница, что Нелли беретъ книги изъ библіотеки покойнаго князя, „who was quite a saint man“, какъ ей говорили. Княгиня потребовала ключи отъ библіотеки и осмотрѣла книжные шкафы: Тацитъ въ французскомъ переводѣ, Guisot, Racine, Corneille, Карамзинъ, Жуковский, Пушкинъ, Лермонтовъ, Растопчина, Кольцовъ, Хомяковъ, Гоголь, Марлинскій, Паскаль и книги по естественной исторіи и химіи, которыми увлекался покойный князь. Осмотръ успокоилъ ее, но ключи остались у нея, и Нелли такъ и не видѣла ихъ съ тѣхъ поръ. Удаливъ miss Dohl, княгиня отыскала miss Bell и распредѣлила точно часы занятій Нелли, своихъ разговоровъ съ гувернанткой и свиданій съ дочерью. Нелли должна была

кататься съ матерью между двѣнадцатью и двумя часами передъ завтракомъ и проводить съ нею вечеръ отъ восьми до одиннадцати часовъ, когда княгиня бывала дома. Затѣмъ она стала присматриваться къ дочери, понемногу и какъ бы незамѣтно. Но Нелли тотчасъ же инстинктивно почувала направленный на нее испытующій взглядъ матери, съѣжилась и закрылась, какъ закрываются листья мимозы при малѣйшемъ прикосновеніи. Но наблюденіе не прекращалось; оно дѣлалось все внимательнѣе и настойчивѣе. Нелли, оскорбленная этой деспотичной настойчивостью, все глубже и глубже уходила въ себя, коверкая и ломая тѣ чувства, скрыть которыхъ было особенно трудно. И между матерью и дочерью завязалась скрытая, упорная, вѣмая борьба; несмотря на всѣ тонкости атаки, Нелли не сдавалась.

Княгиня была властолюбива, и самоувѣренна; она считала дочь своею собственностью и была твердо убѣждена въ своемъ правѣ „сдѣлать“ изъ нея, что ей будетъ угодно, воспитать ее такъ, какъ ей нравится, и полновластно распоряжаться ею. Это послѣднее оказывалось и невозможнымъ, и страшно легкимъ; наружно Нелли была послушна и тиха: она никогда не возражала ни словомъ на рѣзкіе выговоры и терпѣливо выслушивала длинныя нравоученія; но княгиня не разъ замѣчала при этомъ, какъ краска то отливаетъ отъ лица Нелли, то яркимъ пламенемъ заливаетъ ея щеки, какъ плотно сжимаются ея губы, какимъ темнымъ огнемъ загораются глаза. Это ее смущало, — противъ этого не было возможной педагогической мѣры. Что скрывалось за этими признаками волненія? Что за характеръ былъ у этой дѣвочки?

Въ основаніи отношеній Нелли къ матери лежало недоуверіе и безконечная скука. Скука потому, что въ нихъ не было жизни; они были созданы разумомъ безъ участія сердца; инстинктъ говорилъ Нелли, что мать дѣйствуетъ не непосредственно, а по какой-то подробно обдуманной, бездушной теоріи; она замѣчала, что княгиня тщательно слѣдитъ и за самой собой, старается быть съ нею ровной, сдержанной и ласковой, сдерживая часто прорывающуюся нервность и природную раздражительность, но отпускающая ей и строгость, и ласки но точно опредѣленной мѣрѣ. Вѣрно, это предписывается матерямъ въ тѣхъ желтыхъ педагогическихъ книгахъ, которыя она часто читаетъ. И какъ же ненавидѣла Нелли эти желтыя вѣжки! Ей никогда не приходилось раскрывать ихъ, но она чувствовала въ нихъ враговъ.

Когда Нелли стремительно вошла въ голубую гостиную, княгиня стояла у окна съ Ивой, а miss Bell разсматривала у стола какія-то книги, предназначенныя для Нелли и уже прошедшія черезъ цензуру княгини. Мать съ удивленіемъ взглянула на Нелли, но не сказала ни слова, а привычнымъ движеніемъ отстранила волосы, падающіе на лобъ дочери, и поцѣловала ее.

— Ты нездорова? У тебя насморкъ? Мнѣ сказала miss Bell. Какой у тебя возбужденный видъ!

Она говорила чуть-чуть картава, быстро и отрывисто. Черные, острые глаза слегка щурились; худая, высокая, очень нарядная, она была моложава и красива.

— Еще бы послѣ такого успѣха! Не ожидалъ, не ожидалъ! — шуточно сказалъ Ива; княгиня выразительно взглянула на него; Нелли поймала этотъ взглядъ.

— Всѣ были очень любезны къ тебѣ; ты много танцевала; но не приписывай этого себѣ. Это всегда зависитъ отъ хозяйки дома: *tous ces jeunes gens sont stylés par elle*, а я такъ давно знакома съ Грибановыми!..

Княгиня боялась, чтобы успѣхъ, который Нелли имѣла наканунѣ, не вскружилъ ей голову, и придумала объяснить его ей любезностью хозяйки. Но Нелли и не слушала ее, вся занятая одной мыслью, нетерпѣливо выжидая, когда мать кончитъ и ей можно будетъ заговорить. И едва княгиня замолчала, какъ она прямо и рѣшительно приступила къ дѣлу.

— Ива сказалъ вамъ о швейцарѣ? Онъ не виноватъ: это я не закрыла дверь на улицу.

— Ты?!—воскликнули въ одинъ голосъ мать и сынъ.

— Я... Я вышла, чтобы дать денегъ нищему, который просилъ на почлегъ; я спустилась внизъ и дала ему; и я забыла закрыть дверь потомъ. Швейцаръ не виноватъ.

Она говорила сдавленнымъ голосомъ, отрывисто и рѣзко. Казалось, она рассказывала о какой-то трудной и неприятной, исполненной ею, обязанности. Брови ея были нахмурены, лицо сердито. Никакого сожалѣнія о нищемъ, никакого добраго, мягкаго чувства не было и тѣни на ея лицѣ. И она замолчала, задыхаясь, не глядя ни на кого. Княгиня подняла руки и зажала ими уши; Ива свистнулъ и насмѣшливо поклонился.

— Поздравляю! Прекрасно, княжна! Вотъ это отлично! Вотъ это такъ!

— Какъ это могло быть? Когда это было?—спросила княгиня, опустивъ руки.

— Когда мы вернулись съ бала.

— Ночью?!

— Да.

— Но откуда онъ явился?

— Я увидала его въ окно и позвала его.

— А miss Bell знала объ этомъ?—вдругъ повысивъ голосъ, строго спросила княгиня, обернувшись въ ту сторону, гдѣ сидѣла англичанка, но ея уже не было въ комнатѣ.

— Откуда были у тебя деньги?

— Я дала ему брелокъ,—червонецъ, который мнѣ подарила недавно Mimi.

Ива громко захохоталъ.

— O sancta simplicitas! Брелокъ! Ну, угодила ты ему! Онъ теперь навѣрное сидитъ въ полиціи. Наивная особа!

— Ты выходила на улицу ночью одна?—продолжала допросъ княгиня.

— Я стояла въ дверяхъ.

— Ты, надѣюсь, была въ шубѣ?

— Нѣтъ, маман.

— Въ бальномъ платьѣ?!

— Въ saut de lit.

— Въ saut de lit?! Ночью, на улицѣ, въ saut de lit! О, Нелли! Вотъ откуда твой насморекъ!—закончила княгиня торжественно.

— Хороша, нечего сказать!—сказалъ Ива презрительно, рассказывая по комнатѣ, отвернувъ полы скюртука и заложивъ руки въ карманы.

— И все это дурацкое нѣжничанье и сентиментальность: ахъ, нищій! ахъ, душка! ахъ, бѣдняжка! И это въ концѣ XIX-го вѣка! Просто психопатія какая-то!

— Я не ожидала этого отъ тебя, Нелли,—сказала княгиня упавшимъ голосомъ:—ночью на улицѣ звать нищихъ! Я даже какъ-то не могу сообразить этого какъ слѣдуетъ. Какъ, почему, какимъ образомъ! Мнѣ нужно обдумать это.

Княгиня сдѣлала красивый, выразительный жестъ и закрыла глаза тонкой, покрытой кольцами, рукой.

— C'est tout bonnement de la folie!—сказалъ Ива опредѣленно и внушительно, останавливаясь передъ матерью:—это какая-то непормальность; ça n'a pas de nom...

Княгиня взглянула на дочь. Нелли не двигалась; лицо ея застыло въ неопредѣленномъ выраженіи.

— Пришли сюда miss Bell. Я не обѣдаю дома, но въ девять часовъ ты придешь ко мнѣ.

Нелли вышла.

— Никита!—окрикнула она швейцара, выходя на лѣстницу:— я сказала князю, что вы не виноваты; это я не закрыла дверь на улицу.

— Дай Богъ вамъ здоровья, ваше сіятельство!—проговорилъ обрадованный и удивленный старикъ.

III.

Было девять часовъ вечера, когда Нелли вошла въ гостиную матери. Княгиня переодѣвалась, вернувшись со званаго обѣда, и ей пришлось подождать. Она сѣла на диванъ и, взявъ раскрытую на столѣ книгу, принялась перелистывать ее.

„La nature des jeunes filles étant donnée ce qu'elle est, faible, molle, légère, mobile, tout dans leur éducation doit être ferme, sérieux, grave, généreux; tout devrait tendre à en faire des femmes solides“,—прочла Нелли и пропустила нѣсколько страницъ.

„Oh, mères, que votre mission est belle“!

„Moment suprême où la mère donne à une autre l'âme de sa fille à cultiver“!

И Нелли подумала о miss Bell, воспитывающей ея душу.

„Penchez plutôt à un peu trop de réserve

„Les caresses ne peuvent être bonnes et sont presque toujours mauvaises“

„Il faut veiller nuit et jour, il faut toujours tout voir“

Дверь раскрылась и вошла княгиня; но Нелли была такъ поглощена чтеніемъ, что не слыхала ничего. Только когда мать подошла совсѣмъ близко и положила руку ей на плечо, она опомнилась и подняла голову. Глаза матери встрѣтились съ глазами дочери... Нелли опустила книгу на столъ и встала.

— Эти книги не для тебя,—опредѣленно и сухо сказала княгиня. Она перешла черезъ всю комнату, подошла къ маленькому баулу и достала изъ него что-то.

— Поди сюда!—позвала она.

— Я сдѣлала большую ошибку,—заговорила она мягко, улыбаясь и щурясь, и вдругъ спохватилась. Ей показалось, что она роняетъ свой авторитетъ.—То-есть, я сожалѣю, что не давала тебѣ денегъ до сихъ поръ. Тогда *этого* бы не случилось. Вотъ тебѣ

деньги, Нелли; здѣсь десять рублей серебряными пятакнами. Берихъ съ собой, когда гуляешь, и раздавай бѣднымъ. Когда деньги выйдутъ, ты получишь еще.

И она протянула дочери золотой плетеный кошелекъ старинной тонкой работы. Червонецъ времени Екатерины составлялъ крышку; на концѣ кошелька висѣлъ тоненькій, хорошенькій долокольчикъ.

— Этотъ кошелекъ принадлежалъ еще моей бабушкѣ. Это большая рѣдкость теперь. Я нарочно дарю тебѣ именно его, чтобы этотъ червонецъ всегда напоминалъ тебѣ тотъ, который ты отдала нищему, — сказала княгиня ласково, почти вѣрадиво. — Нелли взяла кошелекъ; лицо ея вспыхнуло и выразило одно замѣшательство. Никакого удовольствія не прочла на немъ озадаченная княгиня.

— Садись сюда, — сказала она, слегка обнявъ дочь и сажая ее рядомъ съ собой на кушетку: — поговоримъ хорошенько и будь наконецъ откровенна и покойна: ты вѣчно скртыничашь и волнуешься; глаза блестятъ, краснѣешь, носдри дрожатъ, а сама молчишь. Tu as l'air d'un petit cheval de course alors. Я много думала о томъ, что случилось. Я рада, что въ тебѣ есть состраданіе къ бѣднымъ и желаніе помогать имъ. Въ принципѣ я очень одобряю тебя, но, Нелли, дитя мое, надо быть осторожнѣе. Молоденькой дѣвушкѣ нельзя выходить ночью на улицу одной; во-первыхъ, это неприлично: что еслибы кто-нибудь изъ знакомыхъ проѣзжалъ мимо и видѣлъ тебя! Во-вторыхъ, ты могла простудиться! Но я не хочу бранить тебя. Скажи мнѣ лучше, что ты почувствовала вчера, когда увидѣла этого нищаго, и какъ рѣшилась открыть дверь и позвать его?

Нелли молчала, растерянно вертя въ рукахъ кошелекъ.

— Ces malheureux sont bien à plaindre, — продолжала мать, пристально глядя на нее: — mais la charité doit être raisonnée; между ними много лѣнтаевъ и пьяницъ; да и всѣхъ не накормишь! Ива обѣщалъ мнѣ не дразнить тебя. Но онъ отказалъ швейцару: дѣло не въ одной двери; il paraît qu'il est très rageux ce dernier temps... Ну, скажи же мнѣ, когда явилось у тебя такое состраданіе къ бѣдности? Прежде я не замѣчала этого въ тебѣ. И отчего ты не попросила меня давать тебѣ денегъ? Твоя неоткровенность очень огорчаетъ меня. Почему ты такъ скртыничашь со мною?.. Когда впервые явилось у тебя это состраданіе?.. Mais réponds donc, petite! — сказала княгиня уже нѣсколько нетерпѣливо.

— Нивогда не являлось! — вскричала Нелли, вся красная,

вскочивъ съ мѣста и глядя на мать отчаянными глазами:—и мнѣ не жаль никого и у меня нѣтъ никакихъ чувствъ... и я распеваюсь!..—Слезы хлынули у нея изъ глазъ и она зарыдала, закрывая лицо руками. Княгиня позвонила, спросила стаканъ воды и послала за miss Bell. На лицѣ ея отражалось недоумѣніе и испугъ: въ первый разъ Нелли плакала передъ нею.

Было рѣшено, что вчерашній балъ разстроилъ ей нервы, и что ей слѣдуетъ лечь въ постель, отдохнуть и выспаться.

Miss Bell увела свою воспитанницу наверхъ.

Раздѣтая Катей по приказанію miss Bell, Нелли сидѣла на кушеткѣ въ своей спальнѣ, облокотившись на колѣни, опустивъ голову на руки, запустивъ пальцы въ распущенные, спутанные волосы. Слезы еще не высохли на ея щекахъ, но она не плакала больше; лицо ея выражало безнадежную тоску, глаза смотрѣли прямо передъ собою, ничего не видя. Подлѣ нея на туалетѣ лежалъ золотой кошелекъ съ колокольчикомъ...

Она была одна, но дверь комнаты не была заперта, и miss Bell могла войти когда угодно. Да, ей некуда укрыться отъ постоянного наблюденія и присмотра.

— Il faut veiller nuit et jour, il faut toujours tout voir,—вспомнила она.

И со стѣны, изъ золотой рамы, смотрѣлъ на нее портретъ матери; княгиня сама распорядилась повѣсить его надъ кроватью дочери; это тоже было однимъ изъ проявленій ея родительской власти. Рядомъ на стѣнѣ висѣлъ портретъ отца Нелли, котораго она не знала: онъ умеръ, когда ей было два года.

— Какимъ былъ бы онъ, еслибы былъ живъ?—часто спрашивала себя Нелли, глядя на тонкое лицо съ задумчивымъ взглядомъ, обрамленное откинутыми назадъ рыжеватыми волосами. — Былъ ли бы онъ за-одно съ татан, miss Bell и Ивой, или съ нею вдвоемъ противъ нихъ?

И сегодня она задала себѣ тотъ же вопросъ, жадно глядя въ лицо покойнаго отца... Но въ чему? Его нѣтъ на свѣтѣ, а есть татан, miss Bell и Ива, и есть она, несчастная, одинокая Нелли.

Она встала съ мѣста, и, стараясь отогнать эти грустныя мысли, говоря себѣ, что дѣлать нечего и нельзя помочь, подошла къ постели и достала Евангеліе, лежавшее въ тумбочкѣ, подлѣ кровати. Уже больше года, какъ она читала его ежедневно, послѣ того, какъ исповѣдовавшій ее священникъ взялъ съ нея обѣщаніе непременно дѣлать это. „Я вижу, въ васъ есть еще искра Бо-

жизя, читайте каждый день Евангеліе,—сказалъ онъ ей. — Слово „еще“ поразило ее, она о немъ много думала. Но она обѣщала, —и сдержала слово. Ежедневно читала она вѣчную книгу, единственную книгу, не носившую слѣдовъ синяго карандаша miss Bell и остраго ногтя княгини; но Евангеліе тщательно пряталось въ тумбочку, и Нелли спорѣла бы отъ стыда, или другого чувства, еслибы узнали объ этомъ. Въ этотъ вечеръ Нелли долго держала въ рукахъ Евангеліе и наконецъ раскрыла его на удачу.

„Случилось, что когда Онъ въ одномъ мѣстѣ молился, и пересталъ, одинъ изъ учениковъ Его сказалъ Ему: Господи, научи насъ молиться, какъ и Іоаннъ научилъ учениковъ своихъ. Онъ сказалъ имъ: когда молитесь, говорите: Отче нашъ, сущій на небесахъ! да святится имя Твое, да придетъ Царствіе Твое; да будетъ воля Твоя и на землѣ, какъ на небѣ; хлѣбъ нашъ насущный подавай намъ на каждый день; и прости намъ грѣхи наши, какъ и мы прощаемъ всякому должнику нашему; и не введи насъ во искушеніе, но избавь насъ отъ лукаваго. И сказалъ имъ: положимъ, что кто-нибудь изъ васъ, имѣя друга, придетъ къ нему въ полночь и скажетъ ему: другъ, дай мнѣ взаймы три хлѣба, ибо другъ мой съ дороги зашелъ ко мнѣ и мнѣ нечего предложить ему, а тотъ изнутри скажетъ ему въ отвѣтъ: не безпокой меня, двери уже заперты, и дѣти мои со мною на постели; не могу встать и дать тебѣ. Если, говорю вамъ, онъ не встанетъ и не дастъ ему по дружбѣ съ нимъ, то по неотступности его, вставъ, дастъ ему, сколько просить. И Я скажу вамъ: просите и дано будетъ вамъ, ищите и найдете; стучите и отворятъ вамъ; ибо всякій просящій получаетъ и ищущій находить и стучащему отворятъ. Какой изъ васъ отецъ, когда сынъ попроситъ у него хлѣба, подастъ ему камень? или когда попроситъ рыбы, подастъ ему змѣю вмѣсто рыбы“...

Нелли опустила книгу; ее поразило соотвѣтствіе прочитаннаго съ ея душевнымъ состояніемъ: опять эта молитва о хлѣбѣ насущномъ и притча, говорящая, что просящій получить. И вчера, когда старый пищій мерзъ ночью на улицѣ, они всѣ, затворившіеся въ своемъ тепломъ, богатомъ домѣ, какъ бы говорили ему: „не безпокой насъ, двери уже заперты“, а она вышла и подала ему „по дружбѣ“...

„Просите и дано будетъ вамъ“, но просите только необходимаго... Но вѣдь у нея есть все необходимое, есть даже лишнее,—о чемъ же просить ей?..

И вдругъ ей стало ясно, что именно самаго существеннаго, необходимаго и нѣтъ у нея; опредѣлить это однимъ словомъ она

не умѣла, но чувство, испытываемое ею, было такъ же тяжело и настоятельно, какъ голодъ; были въ ней какія-то потребности и стремленія, жадно требовавшія удовлетворенія—пищи.

Да, вотъ такъ же, какъ у нищаго, у нея, Нелли, княжны Славятиной, нѣтъ самаго существеннаго, самаго нужнаго, самаго необходимаго. Только для нищаго это—пища, одежда, ночлеги, а для нея что-то другое, чего она не можетъ ни опредѣлить, ни назвать, но отсутствіе чего она ясно чувствуетъ.

И если, прося о хлѣбѣ насущномъ, мы просимъ Бога дать все необходимое намъ, то и она можетъ и должна молиться о хлѣбѣ насущномъ, который необходимъ ей такъ же, какъ послѣднему бѣднягу.

Просить его она можетъ только у Бога; если она попроситъ этого хлѣба у матери, то конечно получить вмѣсто него камень. Нелли опустилась на колѣни подлѣ своей кровати, заливаясь слезами и совсѣмъ забывая о томъ, что miss Bell каждую минуту можетъ войти къ ней въ комнату.

Княгиня сидѣла на диванѣ, освѣщенная высокой лампой подъ розовымъ абажуромъ; изящно обутыя ножки покоились на парчевой подушкѣ. Вертя въ рукахъ отдѣланный въ золото черепаховый ножичекъ, она читала: „la Charité“.

Что бы сказала она, еслибъ узнала, что дочь ея въ эту минуту умоляетъ Бога о „хлѣбѣ насущномъ“?

IV.

Былъ теплый весенній день. Старая, прямая и стройная англичанка входила въ Лѣтній садъ въ сопровожденіи тоненькой, хорошенькой дѣвушки. Она громко, ясно и опредѣленно рассказывала что-то, а спутница ея изрѣдка молча кивала ей головой. Это были miss Bell и Нелли. Въ бѣлой англійской шляпѣ съ узкими полями Нелли походила на мальчика, а полу-мужское платье дополняло это впечатлѣніе. Съ какою тоской слушала она „Romeo and Juliet“! Даже эта поэтичная, вѣчно прелестная поэма любви теряла жизнь, свѣтъ и краски въ холодной, сжатой передачѣ miss Bell.

О, какъ надоѣлъ Нелли Шекспиръ!

Дѣти играли въ саду, старики медленно совершали свои гигиеническія прогулки, нарядныя дамы побѣдоносно выступали въ мод-

ныхъ платьяхъ и эксцентричныхъ шляпкахъ. На деревьяхъ не было еще листьевъ; сквозь черную, влажную землю робко и слабо пробивалась сѣнная трава, но птицы громко щебетали и въ воздухѣ уже чувствовалось таинственное вѣяніе молодой весны. Что-то горячее, молодое и радостное внезапно проснулось и затрепетало въ душѣ Нелли; даже жалкая природа городского сада пробудила въ ней какія-то смутныя ощущенія; она перестала слушать разсказъ miss Bell, отдаваясь своему настроенію, забывая объ окружающемъ. Ея большіе грустные глаза ожили и засіяли лучистымъ блескомъ, губы слегка раскрылись, вдыхая чистый воздухъ, щеки порозовѣли...

Ахъ, хороша молодость, хороша весна, хороши, чудно хороши тѣ страстныя, волнующія, хотъ и неясныя мечты, которыя поэтической горячей волной приносятъ намъ каждая новая пора пробужденія природы!

Нелли ясно чувствовала въ этотъ мигъ, что какъ бы суха и педантична ни была miss Bell, какъ бы пуста, томительна и мертва ни была окружающая ее обстановка, какъ бы ни былъ свученъ Шекспиръ, есть что-то въ ней самой помимо всего этого, что принадлежитъ ей одной нераздѣльно и надъ чѣмъ не имѣютъ власти ни свѣтъ, ни miss Bell, ни мать,—что-то, что можетъ служить источникомъ безпредѣльной и чистой радости.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались съ Нелли, въ ней произошла сильная перемѣна: она перестала подчиняться покорно и безмолвно предписаніямъ матери и miss Bell, перестала бояться шутокъ Ивы, стала самостоятельнѣе и смѣлѣе; и это всего въ какіе-нибудь три—четыре мѣсяца. Были дни, когда она позволяла себѣ какія-то странныя выходки: напримѣръ, она категорически заявила, что ей нужны другія книги, кромѣ англійскихъ романовъ, и добилась возвращенія ключей отъ отцовской библіотеки; она стала запираеть на ключъ дверь своей спальни, уходя спать; она рѣзко остановила Иву и вышла изъ-за обѣденнаго стола, когда онъ вздумалъ какъ-то выпучивать ее. Нѣсколько дней тому назадъ, въ пріемный день матери, во время довольно большого собранія для five o'clock tea, она вдругъ спросила у графа Шуйскаго, что можно купить на пятачекъ? Графъ отвѣтилъ, что можно купить пятикопѣечную марку, и всѣ присутствующіе восхищались милой наивностью молоденькой княжны, но княгиня отлично поняла, что именно означалъ вопросъ Нелли.

Да, эти пятачки! Тщетно княгиня читала „la Charité“, „la Bienfaisance“, „la Piété pratique“ и тому подобныя статьи во всевозможныхъ педагогическихъ сочиненіяхъ, тщетно бесѣдовала

она съ умными людьми,—она такъ и не могла рѣшить вопросъ, какъ поступить ей въ этомъ отношеніи съ Нелли. Правда, одинъ „оригиналъ“, какъ называли его въ обществѣ, посовѣтовалъ ей назначить дочери карманныя деньги для ея личныхъ прихотей, не спрашивать въ нихъ отчета и не вмѣшиваться въ вопросъ о томъ, даетъ или не даетъ она бѣднымъ; но вѣдь княгиня твердо помнила глубокомысленное изреченіе: „Il faut veiller nuit et jour, il faut toujours tout voir“; и потому, что могутъ понимать въ педагогич. оригиналы!

А между тѣмъ пятакъ въ золотомъ кошелькѣ съ колокольчикомъ, видимо, не удовлетворяли Нелли. Княгиня ни разу не пришлось пополнить его за эти четыре мѣсяца; она знала через miss Bell, что Нелли то-и-дѣло оставляла его дома и очень неохотно вообще раздавала пятакъ бѣднымъ; часто во время прогулки miss Bell останавливала Нелли при встрѣчѣ съ нищими и напоминала ей, что у нея есть деньги. И тогда Нелли торопливо, неловко и стыдливо давала на удачу одну или нѣсколько монетъ, и, покрасивъ до ушей, спѣшила дальше. Иногда же она просто проходила мимо, нетерпѣливо хмурясь на замѣчанія англичанки. И точно: раскрывая передъ нищими свой изящный кошелекъ, звеня тоненькимъ колокольчикомъ и давая имъ чистенькіе, блестящіе пятакъ, Нелли ни разу не испытала и тѣни удовольствія, чего-нибудь хоть немного похожего на ту радость, то свѣтлое чувство, какъ въ ту достопамятную ночь, когда она стояла въ дверяхъ подъѣзда, охваченная морознымъ воздухомъ, и протягивала нищему свой брелокъ.

Напротивъ, теперь каждый разъ ей было чего-то совѣстно: она знала, что кошелекъ ея стоитъ въ нѣсколько разъ больше всѣхъ содержащихся въ немъ денегъ (miss Bell сообщила ей о его цѣнности какъ-то разъ, когда она затеряла его дома); да и деньги принадлежали не ей, а матери, и давать ихъ она должна была по приказанію и во всемъ вмѣстѣ чувствовалась ею какая-то фальшь, какая-то ошибка. Ей казалось, что она оскорбляетъ этихъ жалкихъ людей, звеня передъ ними своимъ драгоценнымъ кошелькомъ и бросая имъ на лету эти копѣйки; ей казалось, что она будетъ обманывать самое себя, если вообразить, что дѣлаетъ что-то хорошее; на самомъ же дѣлѣ она только усыпляетъ свое состраданіе къ бѣднымъ и исполняетъ предписаніе матери, которое ей неприятно такъ же, какъ и всѣ ея предписанія.

Какъ-то разъ, оставивъ ненавистный ей кошелекъ дома, она встрѣтила, гуляя, старушку, которая попросила у нея „Христа ради“.

— У меня нѣтъ ничего,—отвѣтила ей Нелли.

— Ахъ ты, моя матушка-голубушка, дай Богъ тебѣ здоровья! — горячо сказала нищая, крестясь и съ улыбкой глядя на нее.

Это поразило Нелли: никогда за свои пятачки не слыхала она такой задушевной благодарности. Она не разъ вспоминала этотъ случай; не за ласковый ли тонъ отвѣта, не за отвѣтъ ли вообще такъ искренно пожелала ей здоровья нищая?

Miss Bell и Нелли выходили изъ сада и направлялись на Большую - Конюшенную. Англичанка съ холоднымъ паэосомъ декламировала какую-то тираду, когда ее воспитанница вдругъ спросила ее:

— Miss, do'nt be angry: I have heard nothing,—t'is too fine weather to day.

Miss Bell вознегодовала и вытаращила глаза. Какъ! Вотъ почти часъ, что она рассказываетъ, а Нелли не слушаетъ и даже не предупреждаетъ ее объ этомъ! Какое невниманіе! Она не ожидала этого, и т. д., и т. д.

Но и эта нотація пропала даромъ для Нелли. Чтò такое съ ней? Какъ легко, свободно и весело она чувствуетъ себя, какъ хорошъ этотъ воздухъ и какъ ничтожны всѣ ея печали и тревоги сравнительно съ тѣмъ блаженствомъ, которое она испытываетъ теперь!..

Онѣ идутъ мимо Царицына дуга и выходятъ на Конюшенную. Miss Bell дуется и молчитъ.

Вдругъ Нелли останавливается какъ вкопанная: старый, обрванный нищій протягиваетъ къ ней руку и хриплымъ голосомъ бормочетъ:

— Христа ради, барышня-красавица, на хлѣбъ бѣдному человѣку!

И Нелли вздрогнула и остановилась: она узнала „своего“ нищаго, какъ она называла его мысленно со дня ночной встрѣчи съ нимъ. На минуту она растерялась, машинально опустила руку въ карманъ... передумала вдругъ и не исполнила своего намѣренія.

— Well, be quick, Nelly, have you not your purse with you? — нетерпѣливо говоритъ гувернантка.

Но Нелли не двигается, не отвѣчаетъ, даже, кажется, не слышитъ ее вовсе; она вся охвачена воспоминаніемъ яркой, лунной ночи, морознаго воздуха, страха и радости перваго самостоятельнаго хорошаго поступка.

Нѣтъ, она ни за что не дастъ серебрянаго пятачка своему нищему!

— Will you stay here the hole day?.. —начинает miss Bell, но такъ и не оканчиваетъ свою фразу: Нелли подходит совсѣмъ близко къ старику, и ея маленькая ручка въ бѣлой перчаткѣ крѣпко пожимаетъ черную, сухую руку „ея“ нищдаго...

Miss Bell вскрикнула, вспыхнула, заторопилась. Она схватила Нелли за руку и почти бѣжить, увлекая ее за собой.

— Bravo, княжна! —говоритъ полу-насмѣшливый, полу-ласковый голосъ, и графъ Шуйскій, поровнявшись съ ними, почтительно прикладываетъ руку къ возырьку. Нелли машинально киваетъ ему головой. Лицо ея сіяетъ.

Ужасъ miss Bell еще усиливается.

Ольга Стародубская.

НА СИБИРСКИХЪ ЗОЛОТЫХЪ ПРОМЫСЛАХЪ

Окончаніе.

III *).

Столкновенія интересовъ рабочихъ на приискахъ съ интересами золотопромышленниковъ не ограничивались енисейскимъ округомъ и повторялись, съ тѣмъ же характеромъ, и въ другихъ округахъ. Такъ, въ май 1883 г., на приискѣ К., на границѣ алтайскаго и красноярскаго округовъ по р. Тубилѣ, рабочіе, недовольные присковымъ управленіемъ, отказались работать и около 15 чел. ушли съ прииска. Полицейскій урядникъ съ конюхами бросился въ погоню за ними и, настигнувъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ прииска 5 рабочихъ, ранилъ двоихъ въ ноги выстрѣлами изъ ружья, заряженнаго дробью, и, связавъ бѣглецовъ, доставилъ ихъ на приискъ. Артель рабочихъ кинулась освобождать арестованныхъ, сопровождавшій урядника конюхъ былъ избитъ до полусмерти, и самъ урядникъ едва успѣлъ скрыться въ промысловой конторѣ. Завѣдующему работами удалось остановить дальнѣйшее волненіе, но побѣги рабочихъ и отказъ отъ выполнения задаваемыхъ уроковъ продолжались. 12-го мая, губернское начальство командировало на приискъ одного изъ полицейскихъ приставовъ

*) См. выше: май, 147 стр.

г. Красноярска съ двумя казаками. По возвращеніи, онъ донесъ, что рабочіе выражаютъ неудовольствіе на присское управленіе, вслѣдствіе дурной постановки работъ, „составляющихъ въ высшей степени непосильный трудъ, такъ какъ рабочимъ приходится цѣлый день стоять по поясъ въ водѣ, а присское управленіе не заботится объ удаленіи“ притока воды; рабочіе жаловались также и на недостатокъ пищи. Хотя, по мнѣнію пристава, жалобы рабочихъ были неосновательны, но губернское начальство не убѣдилось его донесеніемъ (тѣмъ болѣе, что на другой день послѣ его отъѣзда съ приска бѣжали еще 16 человекъ) и назначило формальное слѣдствіе, поручивъ его красноярскому окружному исправнику ¹⁾.

Въ минусинскомъ округѣ, по рѣчкѣ Узунжулу (притокъ Камышты, системы Абакана), находится Троицкій прискъ Кузнецовыхъ. Въ зимнюю операцію 1889—90 г. на немъ было рабочихъ 160 человекъ; „довѣреннымъ по разработкѣ приска“ былъ въ это время П. О. Б. (нынѣ умершій), а „управляющимъ“ приска—сынъ его Николай ²⁾.

Вотъ какъ описываетъ П. О. Б. мѣстный наблюдатель, г. С. П. Это былъ „толстый сѣдой старикъ, средняго роста... съ одутловатымъ, обрюзглымъ лицомъ и маленькими слезящимися, постоянно моргающими карими глазами; онъ былъ по природѣ человекъ неглупый и незлой; умѣлъ читать, писать и считать; большую часть жизни, если не всю, онъ провелъ въ тайгѣ на прискахъ. Сначала онъ былъ гдѣ-то служащимъ, потомъ свопилъ деньжонокъ и, познакомившись практически съ золотымъ дѣломъ, началъ въ небольшихъ размѣрахъ самостоятельную разработку присковъ... У него было сначала человекъ 20, 30 рабочихъ; дѣло вообще шло плохо, и только при помощи чисто „булацкихъ“ приемовъ онъ успѣвалъ сводить концы съ концами. Неизвѣстно, долго ли бы пришлось П. Б. ждать счастливой звѣзды, еслибы ему не помогли извѣстные и довольно богатые промышленники Кузнецовы, вблизи присковъ которыхъ онъ старался поднять свое постоянно падающее дѣло. Кузнецовы уступили ему на весьма выгодныхъ для него условіяхъ свой до-

¹⁾ „Восточное Обозрѣніе“ 1888 г., № 81, стр. 6. По словамъ автора корреспонденціи, прискъ этотъ находился въ завѣдываніи ачинскаго и минусинскаго горнаго исправника, но по отдаленности приска исправникъ ни разу не посѣтилъ его.

²⁾ Нашъ рассказъ о волненіи на этомъ прискѣ основанъ на подлинномъ дѣлѣ енисейскаго губернскаго суда. Нѣкоторые, весьма немногія свѣденія заимствованы изъ ненапечатаннаго очерка одного мѣстнаго наблюдателя, предоставленнаго авторомъ въ наше распоряженіе (мы будемъ цитировать его подъ буквами С. П.).

вольно богатый Троицкій присекъ, и П. Б. пошелъ въ гору, насколько вообще можно идти въ гору безъ собственныхъ наличныхъ крупныхъ капиталовъ. У него оказалось болѣе сотни лошадей, до 170 рабочихъ, три золотопромывательныя машины и пр. Но, несмотря на болѣе широкую постановку дѣла, онъ продолжалъ вести его тѣмъ же „кулацкимъ“ способомъ, который по видимому вошелъ въ его плоть и кровь. Сынъ его, Н. П. Б., еще молодой человекъ, небольшого роста, вообще похожій на своего отца. Онъ получилъ образованіе въ красноярской учительской семинаріи, чуть ли не прямо со школьной скамьи попалъ въ тайгу и сильно одичалъ. Онъ любитъ разгулъ и ухарство, временами „крутить и чертить и тогда совершенно звѣрѣеть“.

О началѣ волненія на Троицкомъ присекѣ рабочіе въ прошениі, поданномъ горному исправнику, по прїѣздѣ его на присекъ 13-го февраля, рассказываютъ слѣдующее: „У насъ на присекѣ сего 1890 г., января 30-го (31-го) дня случилось большое возмущеніе, какъ между нами, а равно и управленіемъ всего присека. Утромъ рано, во время раскомандировки людей по работамъ, надворный Суровъ нѣкоторыхъ изъ забойщиковъ гналъ въ домъ хозяина при строгомъ повтореніи, чтобы (шли) немедленно, и тѣ, располагая слышать какое-нибудь приказаніе отъ хозяина, напротивъ, встрѣтили неожиданное угощеніе водкой, и до такой степени пили всѣ приглашенные, что начинали уже пѣть пѣсни, а равно и хозяинъ Николай Петровичъ... подражалъ гостямъ, а надворный, исполняя свою обязанность, самъ по себѣ выгонялъ возчиковъ, чтобы разбирали лошадей, и затѣмъ забойщиковъ“. Возчики собрались „на конномъ дворѣ, куда пришелъ и хозяинъ въ очень неприличномъ порядкѣ... и, по всему замѣтно,—очень былъ пьянъ, и по приходѣ начинаетъ ругать каждаго извозчика съ угрозами, что васъ бить надо, подлецовъ; но извозчики молча старались каждый поскорѣе взять коня, выйти со двора, опасаясь, тѣмъ болѣе слыхавши ранѣе о его пьяномъ характерѣ и желая избѣгнуть какихъ-либо неприятностей и... дерзости Николая Петровича, но какъ ни старались, а не пришлось всѣмъ отдѣлаться благополучно, и заплатился одинъ изъ всѣхъ Рейнгольдъ Вѣйнигъ (Вейнигъ), который старался также охомутать коня и увести со двора. Подошедши къ нему, хозяинъ, ругаясь, закричалъ на него: „ты чтѣ еще копаешься!“ несмотря на то, что онъ не послѣдній на дворѣ, а при многихъ возчикахъ, и при этомъ ударилъ его очень больно; но тотъ, не взирая ни на что, хотѣлъ-было еще Вейнига ударить, но Вейнигъ, видя свою опасность, бросилъ коня и убѣжалъ. Онъ, Б., закричалъ: „казаки, возьмите его!“

По мнѣнію рабочихъ, казаки „повидимому слѣдили за всѣми его выходами и знали... заранѣе все, что случится, „и потому, кинулись его, Вейнига, схватить, но Вейнигъ, желая избѣгнуть побоевъ дерзкой руки Николая Петровича, не сталъ даваться взять себя и затѣмъ... увернулся и убѣжалъ въ разрѣзъ, а Б., господинъ съ тремя казаками, вооруженными въ сабли, Суровъ съ топоромъ, конюхъ съ арканомъ, лакей хозяина съ полѣномъ, а самъ хозяинъ съ револьверомъ въ рукѣ, а въ другую схватилъ дугу бывшаго въ то время тамъ крестьянина... Ситникова, и всѣ ударились за Вейнигомъ бѣжать и пробѣжали въ верхній разрѣзъ, гдѣ Вейнига не оказалось; тамъ хозяинъ дугу уже бросилъ, а возвратившись обратно, въ нижнемъ разрѣзѣ нашли его, несчастнаго, гдѣ по соувѣщанію нѣсколькихъ рабочихъ при условіи, чтобы не бить ни отнюдь, былъ взятъ, а затѣмъ его, Вейнига, заковали въ кандалы и наручныя и арестовали, и въ этомъ положеніи Вейнигъ находился по 8-ое февраля“.

Енисейскій губернскій прокуроръ Виноградовъ въ своемъ заключеніи по дѣлу о волненіи рабочихъ нѣсколько иначе передаетъ эти событія: „31-го января, рано утромъ, при отходѣ рабочихъ на работы, управляющимъ присва Николаемъ Б. на конномъ дворѣ замѣчено было рабочему Вейнигъ, вышедшему на работу послѣ всѣхъ, — по показанію работника Хохрова, съ присовокупленіемъ ругательствъ, а по показанію рабочихъ Кольберга и Фокина — кромѣ того и побоевъ, что онъ всегда позже всѣхъ выходитъ на работу, за что Вейнигъ не только „скверными“ словами обругалъ управляющаго, но намѣревался его ударить имѣвшейся у него въ рукахъ запряжной сѣделкой. Когда управляющимъ дано было приказаніе его поймать, то Вейнигъ съ криками о помощи убѣжалъ въ казармы, гдѣ и былъ пойманъ находящимися на присскѣ въ качествѣ органовъ полиціи казаками, а такъ какъ при арестѣ Вейнигъ грозилъ кого-нибудь зарѣзать и вообще оказывалъ сопротивленіе, то былъ закованъ въ кандалы и посаженъ въ каталажку (присковая тюрьма, состоящая изъ забранной тесомъ части помѣщенія казаковъ), гдѣ и содержался до 8-го февраля, т.-е. до дня приѣзда на присскъ арендатора Петра Б.“.

Официальный рассказъ прокурора о дальнѣйшихъ событіяхъ также не даетъ надлежащаго понятія о томъ, какъ въ дѣйствительности было дѣло, и потому мы опять сопоставимъ его слова съ рассказомъ рабочихъ въ прошеніи, поданномъ горному исправнику 13-го февраля.

„Рано утромъ 8-го февраля, — пишетъ прокуроръ, — Вей-

нигъ былъ освобожденъ Б. изъ катаджки и казаки повели его въ кузницу для расковки, но лишь только сняли ручныя кандалы, Вейнигъ бросился бѣжать въ разрѣзъ съ крикомъ: „карауль! бьютъ!“ но вновь былъ пойманъ казаками и приведенъ къ хозяину, который, сдѣлавъ Вейнигу выговоръ, объявилъ ему, что простить долгъ, если накажетъ розгами и выгонитъ съ присска. Къ этому времени къ дому управляющаго собралась цѣлая толпа рабочихъ съ шумнымъ требованіемъ Вейнига не наказывать розгами и съ присска не высылать, —отказавшись однако, по предложенію Б., заплатить за Вейнига долгъ, числившійся въ размѣрѣ 40 р., и послѣ этого разошедшись на работы. Вслѣдствіе этого Вейнигъ былъ наказанъ, по распоряженію управленія, казакомъ Сипкинымъ розгами въ размѣрѣ, по утвержденію свидѣтелей наказанія, не болѣе 20—25 ударовъ, *хотя таковыя никто не считалъ*, и съ двумя казаками, Кузьминымъ и Сипкинымъ, отправленъ съ присска въ ближайшій улусъ. Послѣ отъѣзда Вейнига, нѣкоторые изъ рабочихъ пустили слухъ между своими товарищами, что его, сильно избитаго и плохо одѣтаго, да кромѣ того и наказаннаго сверхъ мѣры, казаки отвезли въ степь, почему вечеромъ того же дня артель рабочихъ, пришедши къ дому управляющаго присскомъ, настоятельно требовала немедленнаго возвращенія Вейнига, угрожая въ противномъ случаѣ до его прибытія на присскъ работы прекратить, несмотря на предложеніе управленія послать съ жалобой на его дѣйствія, если таковыя находятъ неправильными, выборныхъ. 9-го февраля, при наступленіи времени начала работъ, рабочіе, вмѣсто того, чтобы идти на таковыя, вновь собрались передъ домомъ управляющаго съ требованіемъ показать имъ Вейнига, съ угрозой въ противномъ случаѣ прекратить работы; а такъ какъ Вейнига не было на присскѣ и, слѣдовательно, удовлетворить желаніе рабочихъ не представлялось возможности, то управляющій, нашедшійся вмѣстѣ со служащими и казаками на крыльцѣ своего дома, приказалъ артели немедленно идти на работы. Услышавъ отказъ въ исполненіи предъявленнаго требованія, толпа по крику: „арестовать казака Захара!“ бросилась къ уряднику (старшій изъ казаковъ присска), который быстро отступилъ назадъ и спрятался за спину хозяина, рядомъ съ которымъ стоялъ и управляющій. Несмотря на защиту и увѣщанія, Кузьминъ былъ схваченъ нѣсколькими рабочими, вытасненъ съ крыльца, обезоруженъ и отведенъ въ катаджку, къ которой приставленъ былъ караульнымъ рабочій Гринбергъ, при чемъ шинель Кузьмина была порвана, погони сорваны и, по показанію свидѣтелей-очевидцевъ, напр. Иванова, рабочій Дрягинъ

бралъ его за горло, а нѣкоторые во все время препровожденія его въ каталажку наносили Кузьмину побои. Арестовавъ Кузьмина, артель избрала изъ своей среды семь человѣкъ для розысковъ Вейнига, которыхъ Гринбергъ выстроилъ въ рядъ и считалъ. Когда Б. отдалъ распоряженіе запречь лошадей, чтобы ѣхать къ горному исправнику, завѣдующему пріискомъ, съ заявленіемъ о случившемся, то рабочіе не позволили конюхамъ исполнить это приказаніе, и только благодаря обману одного изъ нихъ, Б. имѣлъ возможность уѣхать... 10-го февраля, не дождавшись возвращенія посланныхъ 7 человѣкъ, артель отправила еще 26 человѣкъ для розысковъ Вейнига, которые, узнавъ дорогой отъ первыхъ, что Вейнигъ цѣлъ и невредимъ, возвратились изъ улуса назадъ. Невыходъ на работу, несмотря на настоянія пріисковаго управленія, продолжался, а казакъ Кузьминъ содержался подъ арестомъ, сперва подъ карауломъ, а затѣмъ, во избѣжаніе насилія, и безъ него, и былъ освобожденъ лишь по пріѣздѣ на пріискъ горнаго исправника, т.-е. 12-го февраля“.

Рабочіе иначе рассказываютъ эти событія. По ихъ словамъ, 8-го февраля управленіе пріиска рѣшило Вейнига наказать и затѣмъ повели его въ кузницу, чтобы расковать, и сняли съ него наручныя и *повели къ наказанію розгами* ¹⁾. Вейнигъ же, стараясь избѣгнуть наказанія, вырвался-было изъ рукъ казаковъ и съ крикомъ кинулся въ разрѣзъ, но какъ убіжать въ кандалахъ было трудно, то въ тотъ же моментъ былъ пойманъ и уведенъ въ домъ къ хозяину, и въ то же время всячески и жестоко его на каждомъ шагѣ били, и видѣли всѣ эти трагическія обстоятельства, во-первыхъ, находящіеся въ больницѣ, а во-вторыхъ, рабочіе изъ разрѣза, которые спѣшили на крикъ Вейнига. Прибѣжавши въ домъ, встрѣтили насъ на крыльцѣ Петръ Осиповичъ и сынъ его Б. и казакъ Кузьминъ, и послѣдніе двое были замѣчательно выпивши. Спрашиваютъ насъ: „что вамъ нужно“? Мы отвѣтили, что мы прибѣжали на крикъ, и говоримъ: „за что вы Вейнига такъ жестоко бьете“? А самъ старикъ Б. въ отвѣтъ сказалъ, что „это дѣло не ваше, мы бьемъ его за свои деньги; ему не то еще будетъ, ему нужно ребра сломать, убавить вѣку, и затѣмъ розгами наказать, а потомъ расчитать его и прогнать съ пріиска“,—и съ тѣмъ прогнали насъ отъ крыльца. Мы пошли на работы, изъ дома же повели Вейнига избитаго уже, въ окровавленномъ видѣ, къ конному двору,

¹⁾ Рассказъ рабочихъ гораздо правдоподобнѣе, тогда какъ, по словамъ прокурора, Вейнигъ началъ кричать караулъ по снятіи ручныхъ кандаловъ безъ всякаго повода.

гдѣ былъ наказанъ еще розгами, а мы по истеченіи сего дня, окончивши работу, собравшись и посовѣтовавшись между собой, пошли къ дому хозяина и спросили его, гдѣ Вейнигъ? „А онъ, говоритъ, наказанъ розгами, рассчитанъ и выпровоженъ съ присека“. Мы спросили его: „какъ же вы его выпроводили, когда онъ избить до такой степени, что не въ силахъ будетъ самъ идти“?— „А его, говоритъ, казаки отвезли до ближняго улуса“. Мы же ему сказали, что „вы намъ Вейнига къ утру доставьте сюда, а то мы имѣемъ сомнѣніе, что живъ ли онъ; а не воротите къ утру Вейнига, то мы не пойдѣмъ на работу“. Итакъ, они не позаботились возвратить Вейнига, а мы стали прискивать средства напасть на слѣды, куда этотъ несчастный спроваженъ, и затѣмъ не пошли на работу. А когда насъ выгнали на работу, то мы казаковъ спрашивали: „что, Вейнига привезли“? Они въ отвѣтъ сказали, что вамъ дѣла нѣтъ, про это мы, если его избил и отвезли куда, то мы и отвѣчать будемъ, а что ваше дѣло— выходи на работу; но мы окончательно отказались, что не идемъ на работу, а идемъ отыскивать Рейнгольда Вейнига, потому что онъ жестоко былъ избитъ и наказанъ розгами, а отвезенъ былъ двумя казаками подъ самый вечеръ, къ ночи, до перваго улуса татаръ, въ которомъ жителямъ сказали, чтобы опасались Вейнига и ни отнюдь не пускали бы ночевать. Все это мы узнали по забраннымъ справкамъ отъ посланныхъ изъ среды нашихъ рабочихъ 7-ми человекъ, которые командированы были 9-го февраля для разысканія Вейнига, изъ коихъ трое отъ сего улуса воротились съ симъ объясненіемъ, что Вейнигъ дѣйствительно не ночевалъ у татаръ, а ушелъ тамъ куда-то далѣе въ степь, и что онъ очень избитый, какъ передали татары, и уйти далеко не можетъ. Затѣмъ четыре человека пошли впередъ для преслѣдованія Вейнига, а трое воротились назадъ, мы же опять собрались всѣ къ дому хозяина для того, чтобы спросить, куда отвезли Вейнига, вызывали хозяина, а съ нимъ вышелъ и казакъ Кузьминъ и съ револьверомъ въ рукахъ. Мы спрашиваемъ: „гдѣ же Вейнигъ?“ мы всѣ говорили, что доставьте его намъ, а то не пойдѣмъ на работу. А Кузьминъ говоритъ: „сказано вамъ, что Вейнига нѣтъ и не будетъ“, и притомъ онъ же, Кузьминъ, былъ очень пьянъ. Мы же, видя его, что онъ выдернулъ револьверъ изъ чехла, вблизи стоявшіе около него проворно таковой изъ рукъ Кузьмина выдернули изъ опасенія, чтобъ онъ не могъ сдѣлать выстрѣла, что даже могло бы случиться отъ неосторожности Кузьмина, и таковое оружіе передали С. А. Максимовичу, служащему, а Кузьмина взяли и повели въ каталажку, гдѣ и

былъ посаженъ подъ свой караулъ, а остальныхъ казаковъ спросили: „гдѣ Вейнигъ? вы покажите намъ то мѣсто, куда его отвезли или гдѣ покинули“; а они сказали, что они его потеряли.— „А когда вы его потеряли, тогда мы пойдемъ его искать“, и затѣмъ пошли еще 10-го февраля 26 человекъ для отысканія Вейнига, чтобы „представить тѣмъ явный фактъ въ обращеніи безчеловѣчномъ съ рабочими г. Б.“.

Этотъ рассказъ вполне передаетъ мотивы дѣйствій рабочихъ. Они были взволнованы опасеніемъ за участь ихъ избытка товарища (нужно помнить, что дѣло происходило зимою, въ началѣ февраля), и этимъ объясняется прекращеніе ими работъ до тѣхъ поръ, пока Вейнигъ не будетъ найденъ.

Вейнигъ на допросѣ у горнаго исправника утверждалъ, что въ разрѣзѣ ни ножомъ, ни кайлою не защищался и убить никого не грозилъ; что 8-го февраля въ домѣ управляющаго его били оба Б., казакъ Кузьминъ и служащій Максимовичъ. Сколько дали ему ударовъ розогъ, онъ не знаетъ, „не считалъ“; „а потомъ два казака“,—продолжаетъ онъ,—„вели меня съ приска до улуса“. Дорогой оба они „меня также били, но за чтѣ—не знаю, должно быть по приказанію Б. Согласія своего на то, чтобы меня наказали розгами и уволили съ приска, я не давалъ и о томъ меня никто не спрашивалъ“. Пріисковые же служащіе показали, что Вейнигъ отмахивался ножомъ, но только одинъ изъ нихъ, Ивановъ (котораго С. П. характеризуетъ весьма нелестно), утверждалъ, будто Вейнигъ самъ согласился на тѣлесное наказаніе.

Относительно наказанія Вейнига очень характерно показаніе Николая Б.: „наказали его розгами, какъ поселенца, что дѣлается вездѣ на прискахъ безъ опредѣленія артели“, а казакъ Захаръ Кузьминъ заявилъ, что о маловажныхъ проступкахъ рабочихъ онъ всегда сообщалъ управленію приска, и что „наказаніе предпринимается только по требованію сего послѣдняго“, такъ какъ по приказу „горнаго исправника безъ требованія управленія приска наказывать рабочихъ казаки не должны“; но присковому управленію въ этомъ требованіи онъ „не имѣетъ права отказать“. Изъ этого видно, что выборной артельной расправы на прискѣ не было, и что казаки являлись послушнымъ орудіемъ въ рукахъ присковаго управленія, а вовсе не самостоятельную полицейскую власть, которая должна была бы подчиняться только приказаніямъ исправника.

Казакъ Кузьминъ утверждалъ, что Вейнигъ, когда его хотѣли арестовать, защищался ножомъ; а затѣмъ хотѣлъ схватить кайлу,

но былъ остановленъ. По увѣренію Кузьмина, Вейнигъ былъ наказанъ только 20 ударами розогъ; арестованные же рабочіе, въ прошеніи къ губернатору изъ минусинскаго тюремнаго замка, утверждали, что Вейнигъ былъ наказанъ 70 ударами. Изъ рабочихъ это наказаніе видѣлъ только одинъ, который показалъ, что послѣ того Вейнигъ „едва могъ подняться и не могъ надѣть штановъ“. Въ только-что упомянутомъ прошеніи рабочіе утверждали, что Б. „за самое пустое опозданіе въ работѣ наказывалъ до истязанія, по 200 жестокихъ ударовъ“. Если даже рабочіе и преувеличиваютъ размѣръ тѣлесныхъ наказаній, то во всякомъ случаѣ и изъ признаній Н. Б. и казака Кузьмина несомнѣнно, что назначеніе тѣлесныхъ наказаній на Троицкомъ пріисскѣ вполнѣ зависѣло отъ пріиссковаго управленія, а г. С. П. говорить о Н. Б. какъ о человѣкѣ во хмелю весьма жестокомъ. Нельзя не обратить также вниманія на то, что Вейнига заковывали въ кандалы. Наконецъ, характерно для пріиссковыхъ нравовъ и предложеніе, сдѣланное Б. рабочимъ — принять на себя долгъ Вейнига, если они желаютъ, чтобы его освободили отъ тѣлеснаго наказанія.

12-го февраля, на Троицкій пріисскъ пріѣхалъ горный исправникъ Мухинъ. Онъ предложилъ рабочимъ возобновить работу, заявилъ, что о всемъ происшедшемъ будетъ произведено слѣдствіе, и одному изъ грамотныхъ рабочихъ показалъ соотвѣтственныя статьи улож. о наказ.; но рабочіе возобновить работу не согласились до окончанія слѣдствія и вмѣстѣ съ тѣмъ требовали возвращенія на пріисскъ Вейнига. Приказавъ доставить его, исправникъ пожелалъ приступить къ допросу рабочихъ и потребовалъ двоихъ изъ нихъ, но посланный казакъ принесъ извѣстіе, что рабочіе по одиночкѣ къ допросамъ идти не желаютъ. Это они повторили и самому исправнику, когда онъ пришелъ объяснить имъ, что допрашивать всѣхъ вмѣстѣ законъ не дозволяетъ. Исправникъ объявилъ имъ, что въ случаѣ дальнѣйшаго упорства онъ вызоветъ военную команду, но рабочіе стояли на своемъ. Какъ показалъ впоследствии одинъ рабочій, „артель рѣшила, пока не будетъ привезенъ на пріисскъ Вейнигъ и пока не снимутъ съ него допросовъ,—къ слѣдствію не ходитъ“. Тогда исправникъ потребовалъ (13-го февраля) присылки военной команды въ 30 человекъ, о чемъ и телеграфировалъ губернатору.

Въ то время, когда исправникъ уговаривалъ рабочихъ не оказывать сопротивленія и возобновить работу, рабочій Гринбергъ передалъ ему прошеніе отъ имени всей артели. Оно начиналось такъ: „Ваше высокоблагородіе! Обратите ваше милости-

вое вниманіе на наше жалкое положеніе! Во-первыхъ, мы... стѣснены здѣсь всей свободой въ настоящей жизни, и во-вторыхъ, убиты работой, а затѣмъ еще съ нами обращаются такъ безчеловѣчно; бьютъ насъ и наказываютъ розгами¹⁾. Далѣе слѣдовало приведенное нами выше описаніе всего происшедшаго, и въ заключеніе было сказано: „Затѣмъ покорнѣйше просимъ... принять въ резонъ наше нескладное изложеніе, которое все выше-сказанное можемъ подтвердить по одному и порознь словесно“. Исправникъ приобщилъ прошеніе къ дѣлу.

13-го февраля, на пріискъ доставили Вейнага. Исправникъ снялъ съ него допросъ и произвелъ, впрочемъ безъ врача, осмотръ¹⁾.

На слѣдующій день, 14-го февраля, *еще до прибытія военной команды*, рабочіе изъявили готовность идти къ допросу. Въ тотъ же день прибылъ и военный отрядъ, въ числѣ 27 человекъ нижнихъ чиновъ и одного офицера, послѣ чего были арестованы 7 рабочихъ, считавшихся зачинщиками, и въ томъ числѣ поселенецъ Гринбергъ. Исправникъ, записывая въ особомъ постановленіи имена арестованныхъ, добавилъ, что при этомъ „толпа рабочихъ хотя и волновалась, но сопротивленія не оказала, а заявила, что какъ только уйдутъ съ пріиска исправникъ и солдаты, то и они уйдутъ“. На другой день исправникъ, заключивъ изъ этого заявленія, что рабочіе все еще не успокоились и что будто бы, какъ онъ записалъ въ новомъ постановленіи, „никакія убѣжденія на нихъ не дѣйствуютъ, нашелъ необходимымъ для острастки рабочихъ наказать розгами 10 человекъ поселенцевъ изъ числа уходившихъ съ пріиска, давъ имъ по 25 ударовъ розгами; но когда исправникъ сталъ вызывать поселенцевъ къ наказанію, то трое рабочихъ, стоявшихъ впереди толпы, крикнули: „драть, такъ всѣхъ драть!“ — и толпа загудѣла. Въ такой рѣшительный моментъ исправнику не представлялось возможности справиться о званіи тѣхъ рабочихъ, оказавшихся впоследствии крестьянами²⁾, и они тутъ же были наказаны розгами отъ 5 до 10 ударовъ, а потомъ были наказаны поселенцы; послѣ экзекуцій рабочіе объявили, что работать будутъ и съ пріиска не уйдутъ, а затѣмъ вышли на работу и порядковъ былъ вполне восстановленъ³⁾.

¹⁾ Въ протоколѣ его онъ записалъ: „подъ правымъ глазомъ имѣется кровоподтекъ или синевца безъ поврежденія кожи, а на носу... небольшое ссадиненіе кожи, уже засохшее“. Также имѣются знаки отъ наказанія розгами. Количество ударовъ... опредѣлить нельзя, но по оставшимся знакамъ видно, что... наказаніе было легкое“.

²⁾ По инструкціи исправнику (1874 г.) онъ не имѣлъ права подвергать крестьянъ тѣлесному наказанію.

³⁾ Въ заключеніи прокурора сказано, что работы были прекращены съ 9-го по

4-го марта 1890 г., шестеро рабочихъ, содержащихся въ минусинскомъ тюремномъ замкѣ, подали прошеніе товарищу прокурора, въ которомъ просили провѣрить произведенное слѣдствіе чрезъ другого чиновника, „такъ какъ горный исправникъ, будучи кумомъ Б., творилъ по дѣлу пристрастіе и пополнялъ дѣло такими фактами, которые хотя и ложны, но всё служатъ къ оправданію золотоискателя, на самомъ же дѣлѣ въ беспорядкахъ болѣе виновенъ управляющій тѣмъ прискомъ сынъ Б., который, пьянствуя съ гостями своими, вздумалъ по примѣру прежнихъ лѣтъ, для своего удовольствія, показать свою неограниченную власть надъ бѣдными рабочими“. Далѣе, просители между прочимъ говорятъ, что они не только не считали противозаконными своихъ поступковъ, но, напротивъ, были убѣждены, что виновнымъ будетъ признанъ Николай Б., „принявшій на себя роль какого-то таежнаго князька, все могущаго сокрушить и уничтожить“.

8-го марта, товарищъ прокурора предписалъ судебному слѣдователю принять это дѣло къ своему производству и при этомъ обратить особенное вниманіе на обстоятельства, предшествующія заключенію Вейнига въ присковую каталажку и содержанію его при степной думѣ, а также допросить Б. о томъ, „тѣмъ они руководствовались, подвергнувъ Вейнига заключенію подъ арестъ, закованію въ ручныя и ножныя кандалы и, наконецъ, наказанію розгами вопреки 10 и 11 п. приложения къ ст. 110 (прим. 2) уст. о частн. золотопр.“, по которымъ назначеніе тѣлесныхъ наказаній на прискѣ представлялось артельной расправѣ.

На дополнительномъ допросѣ обвиняемый поселенецъ Гринбергъ показалъ: „неправильность при слѣдствіи была та, что присутствовалъ при допросѣ и выходилъ постоянно П. О. Б. и пербивалъ показанія наши“¹⁾.

7-го іюня, семеро рабочихъ, содержащихся въ минусинскомъ тюремномъ замкѣ, написали прошеніе губернатору, въ которомъ они, рассказавъ уже извѣстные намъ факты, говорятъ: „мы народъ угнетенный, и для честнаго существованія тяжело достается копѣйка каждому рабочему у всѣхъ золотопромышленни-

15-ое февраля, а въ постановленіи суда—что „всѣ рабочіе не выходили на работы въ теченіе 4 дней, начиная съ 9-го февраля“.

¹⁾ Когда 25-го іюня былъ вызванъ въ контору минусинскаго тюремнаго замка содержащійся въ немъ по дѣлу крестьянинъ изъ ссыльныхъ, Корнейцевъ, для дачи по требованію закона подписки о нечиненіи пристрастныхъ допросовъ, то онъ отказался дать ее потому, что горный исправникъ во время допроса кричалъ на него, велѣлъ не показывать противъ хозяина и угрожалъ въ противномъ случаѣ наказать его розгами.

ковъ, но у Б. это положительно каторга, съ той еще разницей, что тамъ царствуетъ произволъ, который гласенъ лишь не настолько, чтобы быть преслѣдуемымъ уголовнымъ кодексомъ, и черный людъ при полной своей правотѣ мало того, что наказуемъ произвольно хозяиномъ, еще не имѣетъ возможности оправдаться предъ правосудіемъ. Поэтому весьма можетъ быть, что и насъ, хотя и не оказавшихъ никакого злоупотребленія, а лишь только защищавшихъ своего собрата, осудятъ, и едва ли кто можетъ насъ защитить, но для блага будущихъ нашихъ собратьевъ на присскѣ Б. мы рѣшаемся утруждать особу вашего пр-ва... и почтительнѣйше просимъ оградить, если не насъ, то будущихъ труженниковъ на присскѣ Б., который жестоко истязаетъ людей и непомерный назначаетъ трудъ^а.

Что уроки горныхъ работъ на Троицкомъ присскѣ были дѣйствительно тяжелы, видно изъ того, что по контракту полагалось лѣтомъ добыть песковъ въ день по $1\frac{3}{4}$ куб. саж. на два человека и одну лошадь, а торфа до 1-го февраля (очевидно, мерзлаго) по 1 саж., до 1-го марта—по $1\frac{1}{4}$ саж., съ 1-го марта по 1-е апрѣля по $1\frac{1}{2}$ саж. и съ апрѣля по 1-е октября по $1\frac{3}{4}$ саж. также на 2-хъ рабочихъ—забойщика и возчика и одну лошадь. Дѣйствительная же выработка даже превосходила этотъ урокъ: а именно, въ 1890 г. въ одну поденщину было выработано 0,85 куб. саж. торфа и 1,08 куб. саж. песковъ и въ 1891 г. 1,06 куб. саж. торфа и 1,04 куб. саж. песковъ¹⁾. Объясняются такія большія выработки необходимостью исполнять сверхурочныя работы за повышенную плату, такъ какъ иначе заработокъ былъ бы слишкомъ ничтоженъ.

21-го іюля, двое изъ арестованныхъ рабочихъ написали новое прошеніе въ енисейскій губернский судъ, въ которомъ, между прочимъ, говорятъ: „какъ самъ Б., такъ равно и сынъ его Николай черезъ-чуръ деспотически поступали со своими рабочими; то же дѣлали и его клеветы—служащіе, считая рабочаго автоматомъ, машиною и рабомъ воли и прихоти золотопромышленника. Изъ столбцовъ газетъ и многихъ книгъ можно видѣть тысячи примѣровъ деспотизма, произвола и эксплуатированія рабочимъ трудомъ со стороны золотопромышленниковъ. Въ справедливости этого можетъ воочію убѣдиться всякій, побывшій лично на какомъ-нибудь присскѣ, что бѣдный рабочій—это вѣчно-каторжный рабочій, угнетенъ, забитъ и по отдаленности... строгаго надъ

¹⁾ См. докладъ А. П. Кузнецова въ „Отчетѣ общества врачей енисейской губ. за 1891—92 г.“. Красн. 1892 г., стр. 108.

рабочими контроля, ограждающаго отъ произвола хозяевъ, въ глухой тайгѣ находится въ полной власти и зависимости золотопромышленниковъ". Разсказавъ далѣе уже извѣстные намъ факты, рабочіе въ заключеніе говорятъ: „У сильнаго всегда безсильный виноватъ! и вотъ насъ, безвинныхъ тружениковъ, добывающихъ кровавымъ трудомъ кусокъ хлѣба, обогащающихъ хозяевъ, сдѣлали въ угоду хозяину и для прикрытія его произвольныхъ съ сыномъ дѣяній... виновниками какого-то бунта, неповиновенія властямъ и проч., все громкія названія, но ничего подобнаго со стороны рабочихъ не было. Большая часть изъ насъ поселенцы, лишенные правъ и не имѣющіе голоса, почему—кто повѣритъ, что мы не виноваты и промѣняетъ несчастнаго пролетарія-рабочаго на туза, капиталиста-золотопромышленника. Горный исправникъ такъ направилъ дѣло, что насъ, рабочихъ, обвинилъ, а Б. и его служебный персоналъ оправдалъ; потребовалъ даже изъ города Минусинска военную команду, какъ бы для усмиренія бунта, котораго въ самомъ дѣлѣ и въ поминѣ не было. Военная команда, кромѣ тишины и спокойствія, ничего на приискѣ не нашла. Вотъ вся правдивая исторія дѣла, громко озглавленнаго—бунта на приискѣ, неповиновенія властямъ и проч., жертвою котораго въ минусинской тюрьмѣ безвинно содержатся семь человекъ. Единственный легальный путь досконально узнать суть этой рѣзко выдающейся исторіи—это посылка инеогнито какого-либо дѣятеля, который бы частнымъ, неофициальнымъ образомъ узналъ на самомъ приискѣ эту исторію“.

Осенью 1890 г., приговоромъ енисейскаго губернскаго суда была рѣшена участь 108 подсудимыхъ по этому дѣлу. Признавая ихъ виновными „въ явномъ противъ властей, правительствомъ установленныхъ, возстаніи, сопровождавшемся беспорядками и явнымъ насиліемъ по предварительному уговору“¹⁾, судъ постановилъ 4-хъ подсудимыхъ, по лишеніи правъ состоянія, сослать въ каторжныя работы на 15 лѣтъ cadaго; трохъ, уже лишенныхъ правъ состоянія, по наказаніи плетьюми cadaго въ размѣрѣ 100 ударовъ, обратитъ въ каторжную работу на 20 лѣтъ, съ содержаніемъ въ разрядѣ испытуемыхъ въ теченіе 10 лѣтъ; 7 рабочихъ, по лишеніи всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ,

¹⁾ Въ дѣлѣ о волненіи на Александровскомъ приискѣ енисейскаго округа (1890 г. судъ не призналъ возстанія противъ установленныхъ правительствомъ властей, хотя и тамъ рабочіе первоначально отказывались давать показанія по одиночкѣ и также вызванъ былъ на приискъ военный отрядъ; вся разница въ томъ, что рабочіе Троицкаго прииска посадили подъ арестъ казака Кузьмина и на нѣсколько дней прекратили работы, пока не будетъ найдены ихъ избитыи товарищи.

заклѣчить въ тюрьму на 1 годъ и 3 мѣсяца; троихъ рабочихъ, по наказаніи плетми каждаго по 27 ударовъ, обратитъ во временную работу на заводахъ на 1 годъ и 6 мѣс., 53 чел. заклѣчить въ тюрьму на 4 мѣс., 11 чел. — наказатъ розгами по 75 ударовъ, 22-хъ — арестовать при полиціи на 1 мѣс. и, наконецъ, 5 чел. наказатъ розгами по 25 ударовъ.

Б., несмотря на то, что младшій изъ нихъ былъ главнымъ виновникомъ всего этого прискорбнаго происшествія, предъявилъ рабочимъ гражданскій искъ въ убыткахъ, причиненныхъ имъ приостановкою работъ, провозомъ воинской команды, содержаніемъ 120 чел. въ теченіе 4 дней, содержаніемъ лошадей и пропажею долговъ за арестованными рабочими, всего въ количествѣ 2.294 руб. Но губернской судъ нашель, что указанныя испдомъ цифры ничѣмъ не доказаны, и постановилъ въ искѣ отказать.

С. П. сообщаетъ, что казакъ Кузьминъ, который былъ арестованъ во время волненія, за 10 дней до объявленія рабочимъ приговора суда былъ убитъ однимъ бѣжавшимъ съ приска, котораго онъ разыскалъ и вернулъ изъ бѣговъ. По словамъ С. П., Кузьмину „при розыскахъ бѣглыхъ иногда давался одинъ или два конюха, при помощи которыхъ онъ ловилъ, связывалъ веревкою и приводилъ на прискъ своихъ плѣнныхъ, если ихъ было нѣсколько человекъ“. Одиночекъ же онъ самъ возвращалъ на прискъ. „Обыкновенно на мѣстѣ самой поимки Кузьминъ производилъ кулачную и нагаечную расправу съ бѣжавшимъ, въ видѣ предварительнаго дисциплинарнаго взыскаія, ибо, по представленіи бѣглеца на прискъ, его должны были дратъ розгами, причемъ тотъ же самый Кузьминъ являлся счетчикомъ ударовъ“.

П. О. Б. умеръ, по словамъ С. П., „кажется, отъ рака желудка въ тотъ самый день, когда рабочимъ его приска было объявлено, что судебный приговоръ относительно ихъ вошелъ въ законную силу, и началась порка тѣхъ рабочихъ“ изъ участвовавшихъ въ волненіи 1890 г., „которые все время оставались на свободѣ и даже продолжали служить у Б.“. Въ „Енисейскомъ Листкѣ“ 1894 г. было сообщено о публичномъ наказаніи минусинскимъ золотопромышленникомъ Б—вымъ своего полноправнаго служащаго 150-ю ударами розогъ ¹⁾.

Въ заключеніе разсказа о волненіи 1890 г. на Троицкомъ прискѣ мы приведемъ слова очевидца этого волненія, заимствуя ихъ изъ очерка С. П.: „Въ тотъ моментъ, когда я пишу о „беспорядкахъ“, странно звучитъ въ моей душѣ это слово... Всѣ за-

¹⁾ „Новое Время“ 1894 г., № 6519.

явленія рабочихъ производились съ замѣчательною сдержанностью и выдержанностью: ни особеннаго шума, ни дракъ, ни ссоръ, ни ругани не было... Фактически, съ момента ареста Кузьмина до прибытія на приискъ солдатъ, рабочіе занимали господствующее положеніе. Они могли дѣлать на приискѣ все, что имъ было угодно, и перетрусившая администрація не могла оказать ровно никакого противодѣйствія. Они могли разграбить и сжечь приискъ, совершить надъ кѣмъ угодно и какое угодно насиліе, разойтись съ прииска въ разныя стороны, разбить каталажку въ Аскызѣ, обезоружить и перевязать солдатъ, и однако ничего подобнаго не было. Несмотря на то, что очень многіе уходили съ прииска и довольно далеко, ни одинъ человѣкъ не бѣжалъ. Мало того, — они отказались отъ обычныхъ праздничныхъ удовольствій во время масляницы. Какого же еще порядка и какою дисциплины можно было требовать отъ нихъ? Вообще можно сказать, что рабочіе едва ли когда-нибудь вели себя болѣе порядочно, чѣмъ въ дни безпорядковъ, именующихся въ официальныхъ бумагахъ страшнымъ словомъ „бунтъ“. Все это, по моему мнѣнію, указываетъ на то, что рабочіе не имѣли никакихъ дурныхъ цѣлей и побужденій, что если они и не руководились однимъ побужденіемъ оказать защиту несправедливо обиженному и жестоко наказанному товарищу, то во всякомъ случаѣ они желали воспользоваться этимъ фактомъ для того, чтобы хотя нѣсколько смягчить свое тяжелое положеніе и до извѣстной степени гарантировать себя отъ повторенія подобныхъ случаевъ, и что они видимо старались достигнуть своей цѣли вполне мирными въ ихъ глазахъ и законными, по ихъ мнѣнію, средствами“.

IV.

Въ олекминскомъ округѣ, въ 1873 г., на приискѣ К^о Арендаторовъ толпа пьяныхъ рабочихъ въ послѣдній день масляницы, по поводу арестованія одного изъ нихъ, ворвалась въ казачью и избила двухъ казаковъ; въ свалкѣ былъ убитъ и одинъ рабочій. Главные виновники буйства были отправлены въ якутскій острогъ, и дѣло передано въ тамошній окружной судъ, а три служившіе на этомъ приискѣ казака удалены въ Иркутскъ и замѣнены другими. Въ 1872 г., на олекминскихъ промыслахъ былъ случай, что рабочіе, вопреки договору, отказались перейти на другой приискъ. Впрочемъ, исправникъ нашелъ, что „самая обстановка прииска, не оправдавшая ожиданій хозяина и принесящая убытки

вмѣсто барышей, играла не малую роль⁴ въ томъ упорствѣ, съ каковымъ рабочіе отказались отъ перехода на другой пріискъ. Начальникъ Иркутскаго жандармскаго управленія, въ отчетѣ за 1873 г., жаловался на усиленіе „самовольства“ рабочихъ. „Въ послѣднее время,—писалъ онъ,—рабочіе на промыслахъ до того избаловались, слыша, что генераль-губернаторъ Восточной Сибири (Синельниковъ) принимаетъ отъ всѣхъ ихъ жалобы, что они знаютъ никого не хотятъ изъ мѣстной полиціи, не выработываютъ своихъ уроковъ по условію, дерзки и позволяютъ себѣ самовольничать; такъ на Олекмѣ у Трапезниковыхъ безъ всякихъ причинъ въ прошломъ году не вышло на работу 200 человекъ“¹⁾.

Несмотря, однако, на эти жалобы на усиленіе „самовольства“ рабочихъ, ихъ волненій на пріискѣ олекминскаго округа въ послѣднее 25-лѣтіе было немного.

Въ 1876 г. произошло волненіе на пріискахъ Прибрежно-Витимской К⁰. Въ 1874 г., промысловое управленіе образовало вольную команду изъ черкесовъ-поселенцевъ въ помощь разъѣзднымъ казакамъ для преслѣдованія спиртоносовъ и хищниковъ золота, и это было, „въ крайности, за неимѣніемъ другихъ людей“, разрѣшено горнымъ исправникомъ. 31-го іюля 1876 г., двое изъ этихъ разъѣздныхъ черкесовъ задержали въ лѣсу, въ трехъ верстахъ отъ Благовѣщенскаго пріиска Прибрежно-Витимской К⁰, рабочаго той же К⁰, крестьянина Якова Непомнящаго, который, по ихъ предположеніямъ, направлялся къ табору спиртоносовъ для обмѣна на спиртъ сахару и новыхъ шароваръ. Одинъ изъ черкесовъ остался въ лѣсу караулить рабочаго; другой отправился на пріискъ и заявилъ о случившемся кордонному уряднику Петрову, который, отправившись съ 5-ю казаками, 3-мя черкесами и

¹⁾ Въ 1878 г., на Николаево-Инокентьевскомъ пріискѣ Пермкина случилось слѣдующее: одинъ изъ служащихъ, Ставискій, застрѣлился въ своей квартирѣ; кто-то сказалъ рабочимъ, что его убилъ другой служащій, Рейнгардъ. Толпа рабочихъ, возбужденная сочувствіемъ къ погибшему, который всегда обращался съ ними кротко, и ненавистью Рейнгарда за его грубость и взыскательность, нахлынула въ квартиру застрѣливаемаго и требовала арестованія Рейнгарда для того, чтобы онъ не скрылся, пока не пріѣдетъ горный исправникъ. Когда же управляющій доказалъ имъ, что Рейнгардъ во время самоубійства Ставискаго былъ въ другомъ мѣстѣ, а докторъ потребовалъ, чтобы рабочіе не мѣшали оказывать посobie застрѣлившемуся, такъ какъ онъ былъ еще живъ, то рабочіе мало-по-малу разошлись, оставивъ, впрочемъ, выборныхъ спечеръ Рейнгарда. Но по пріѣздѣ исправника рабочіе заявили ему, что Рейнгардъ былъ причиною самоубійства Ставискаго. Во время пребыванія исправника на пріискѣ спокойствіе не нарушалось и работы шли обычнымъ порядкомъ, но тѣмъ не менѣе двое „главныхъ зачинщиковъ“ были отосланы въ Якутскъ для преданія суду.

2-мя служащими, наткнулся недалеко отъ мѣста задержанія рабочаго на шайку спиртоносовъ, которые, ранивъ выстрѣломъ изъ ружья въ лѣвую руку одного черкеса, сами разбѣжались, оставивъ пустую ведерную флягу изъ-подъ спирта. „По приводѣ задержаннаго рабочаго на присскъ, — говоритъ мѣстный исправникъ въ донесеніи генераль-губернатору Восточной Сибири, — команда рабочихъ Благовѣщенскаго присска, солидарная со спиртоносами и озлобленная дѣйствіями разъѣздной команды вообще и черкесовъ въ особенности, задержавшихъ въ послѣднее время значительное число спиртоносовъ со спиртомъ, собравшись около 9 час. вечера въ казачьей, стала требовать освобожденія арестованнаго рабочаго“, при чемъ грозила уряднику Кузнецову и въ зданіи казачьей разбила нѣсколько стеколъ. Кузнецовъ, „опасаясь дурныхъ послѣдствій“, освободилъ изъ-подъ ареста Непомнащаго, но команда рабочихъ все-таки избива „до полусмерти“ одного черкеса и направилась къ квартирѣ находившагося на присскахъ пайщика К^о, Нѣмчинова. Горный исправникъ Поповъ, жившій на этомъ присскѣ, пошелъ на встрѣчу рабочимъ, не желая допустить ихъ къ квартирѣ Нѣмчинова, находившейся рядомъ съ его собственной квартирой. Рабочіе потребовали немедленной высылки черкесовъ, жалуясь, что они не даютъ имъ проходу, обыскиваютъ ихъ въ лѣсу и проч. Исправникъ обѣщалъ на другой день сдѣлать распоряженіе объ увольненіи черкесовъ съ приссковъ, но рабочіе, большинство которыхъ, если вѣрить исправнику, были нетрезвы, стали жаловаться на становаго (управляющаго присскомъ) Сюзева. При этомъ человекѣ 100, отдѣлившись отъ остальныхъ, отправились, несмотря на наступленіе ночи, съ тѣми же требованіями къ Нѣмчинову, и тотъ обѣщалъ исполнить ихъ желаніе. Остальная толпа, собравшаяся съ двухъ смежныхъ приссковъ, въ числѣ около 700 человекъ, начала уже было расходиться по казармамъ, но въ это время, часу въ 11 ночи, рабочіе увидѣли одного изъ возвращавшихся изъ разъѣзда черкеса и сильно избивали его, а онъ, защищаясь, ранилъ двухъ рабочихъ кинжаломъ. На другой день утромъ рабочіе спокойно отправились на работы, потребовавъ только, чтобы черкесовъ не было болѣе на присскѣ и чтобы становой Сюзевъ замѣненъ былъ другимъ, что и было немедленно исполнено.

Горный исправникъ и приссковое управленіе старались убѣдить высшее начальство въ томъ, что все это волненіе вызвано исключительно желаніемъ рабочихъ ослабить надзоръ за тайнымъ проносомъ спирта на присски, такъ какъ, при крайне недостаточномъ количествѣ разъѣздныхъ казаковъ, 9 черкесовъ своею

энергією и храбростію весьма способствовали поимкѣ спиртоносовъ и задержанію значительнаго количества спирта (до 28 ведеръ), что крайне раздражало рабочихъ. „По слухамъ,—донесли исправникъ,—происшествіе это произошло по подстрекательству спиртоносовъ, озлобленныхъ противъ черкесовъ за ихъ смѣлость и отпустившихъ будто бы для этой цѣли въ команду рабочихъ спирту безъ денегъ, и хотя спокойствіе водворилось, но онъ не можетъ ручаться“ за дальнѣйшее его сохраненіе, „такъ какъ вокругъ присковъ бродятъ цѣлыя шайки вооруженныхъ спиртоносовъ“. Одновременно отправленный генералъ-губернаторомъ для производства слѣдствія майоръ Грамотинъ указываетъ въ своемъ донесеніи иные причины неудовольствія рабочихъ. „Изъ произведеннаго мною секретнаго дознанія о дѣйствительныхъ причинахъ неудовольствія рабочихъ на промышленное управленіе волостныхъ промысловъ Базанова и К^о оказалось слѣдующее. Рабочіе претензій своихъ мнѣ, какъ слѣдователю, никакихъ на промышленное управленіе не заявили, за исключеніемъ 12 человекъ, которые претендуютъ за понесенное ими отъ горнаго исправника наказаніе вслѣдствіе неправильнаго заявленія служащаго, что они не хотятъ откачать изъ шахты воду, которую, какъ они показывали, послѣ не могла откачать даже паровая машина. Нѣкоторые изъ рабочихъ претендуютъ на служащаго становаго смотрителя Сюзева за его грубое обращеніе съ ними. Человекъ два или три показали, что изъ цейхгауза отпускаютъ имъ плохія вещи и, несмотря на ихъ протестъ, не даютъ выбирать лучшія“; но это показаніе другіе рабочіе опровергли, говоря, что если какая-нибудь вещь окажется худой, то по заявленію рабочаго ее принимаютъ обратно въ магазинъ и даютъ взамѣнъ хорошую. „Главною причиною ихъ неудовольствія было несправедливо строгое обращеніе съ ними исправляющаго должность горнаго исправника Попова и черкесы, къ которымъ они положительно питаютъ ненависть. Частно я освѣдомился, что минувшю весною и зимою присковское управленіе, отпуская рабочимъ пищу, соленое мясо нерѣдко давало протухшее и худого качества, но на это рабочіе претензій мнѣ не заявляли. Мясо на промыслахъ есть въ настоящее время двухъ- и трехъ-годовой засолки до 3 тыс. пуд., которое издаетъ отъ себя запахъ и худого качества. Вообще могу сказать, на пищу рабочихъ на промыслахъ мало обращается вниманія. Мясо, даже зимою, дается въ пищу соленое. Куски хлѣба, остающіеся послѣ каждаго обѣда, отбираются, и если рабочіе ими кормятъ лошадей, на которыхъ они работаютъ, то таковыхъ, были примѣры, подвергали аресту, хотя они по здравому смыслу имѣли право распо-

лагать известнымъ количествомъ хлѣба, каждому ежедневно отпускаемъ. Въ ортахъ (подъ землею) въ минувшую зимнюю операцію работы за недостаткомъ свѣтъ освѣщались зажженною соломой, чрезъ что сильная копоть, издаваемая ею при горѣннн, вредно вліяла на дыхательные органы работавшихъ въ ортахъ, такъ что, спустя даже двѣ недѣли послѣ выхода съ этихъ работъ, рабочіе, какъ я слышалъ отъ нихъ, при отхаркиваннн выплевывали черную слюну; рабочіе, находясь въ портахъ, покрывались сами и одежда ихъ толстымъ слоемъ сажи. Кромѣ того, цѣны на сахаръ, чай и масло существовали до ноября мѣсяца сего года равныя. Въ листикѣ рабочихъ (въ счетъ заработной платы) цѣны за эти припасы ставятся низшія, на кассу же“ (т.-е. на наличныя деньги, получаемыя рабочими за подъемное золото) „отпускаются эти же предметы по цѣнѣ высшей“. Это дѣлается съ тою цѣлю, чтобы какъ можно дешевле получить отъ рабочихъ подъемное золото, за которое они берутъ на кассу упомянутые предметы постоянно. Такъ напримѣръ, цѣнность фунта чаю въ листикѣ записывается 1 р. 20 к., на кассу же 1 р. 40 к., и поэтому золото обходится владѣльцамъ золотникъ копѣекъ въ 40 или немного болѣе. Въ артеляхъ рабочихъ, для поддержаннн внутреннего порядка между рабочими, со стороны рабочихъ нѣтъ выборныхъ. Нравственность большей части низшихъ служащихъ на промыслахъ немного разнится отъ нравственнаго состояннн рабочихъ, и вслѣдствіе этого рабочіе не питаютъ уваженнн къ нимъ, а по этому самому въ глазахъ рабочихъ не могутъ заслужить того довѣрнн и послушаннн, какое требуется отъ рабочаго при известной обстановкѣ. Часто служащіе, преимущественно завѣдующіе раздачею винныхъ порцій и матеріальныя, negliжируютъ своею обязанностью и тѣмъ самымъ возбуждаютъ къ себѣ неудовольствіе и неприязнь рабочихъ. Кромѣ того я узналъ, что нѣкоторые изъ служащихъ, разыгрывая лотереи, привлекаютъ рабочихъ тѣмъ, что кто подпишетъ билетъ, тотъ выпиваетъ стаканъ вина; такъ въ прошломъ году одинъ служащій Аненгольмъ, разыгрывая лотерею, предложилъ одному рабочему подписаться на 40 билетовъ, по 2 р. за каждый, и рабочій, подписавшись на эти билеты, каждый день пилъ водку отъ этого служащаго по стакану за каждый билетъ. По мнѣнню моему, рабочіе на промысловое управленнн едва ли покажутъ претензін, еслибы даже таковыя имѣли, такъ какъ они всѣ вообще заинтересованы богатымъ содержаннемъ золота на промыслахъ Базанова и К^о, съ которыхъ, при слабомъ надзорѣ, всегда имѣютъ полную возможность похищать золото; поэтому рабочій дорожитъ этими рабо-

тами и не обращаетъ никакого вниманія на незавидную свою обстановку. Цѣль у нихъ единственная—украсть какъ можно болѣе золота, чѣмъ и вознаграждаютъ себя за всѣ лишенія на промысловыхъ работахъ. При этомъ рабочіе очень хорошо знаютъ, что если кто-либо изъ нихъ заявитъ претензію въ чемъ-нибудь, то промысловое управленіе его тотчасъ разсчитаетъ“.

По полученіи этого донесенія, генераль-губернаторъ, баронъ Фредериксъ, въ письмѣ къ одному изъ главныхъ пайщиковъ К^о, И. И. Базанову, указалъ на причины недовольства рабочихъ и просилъ принять необходимыя мѣры для ихъ устраненія, чтобы не возбуждать беспорядковъ между рабочими. Въ своемъ отвѣтѣ Базановъ защищался очень слабо, заявилъ объ увольненіи главнаго уполномоченнаго К^о, объ удаленіи Сюзева (или Слюзева, какъ онъ названъ въ другомъ мѣстѣ), признавая, что жалобы на его грубое обращеніе „въ нѣкоторой степени справедливы“, что освѣщеніе соломой было допущено лишь въ видѣ опыта, и особенно настаивалъ на томъ, что положеніе рабочихъ на пріискахъ ихъ К^о „нисколько не хуже, чѣмъ на другихъ“¹⁾.

Въ маѣ 1882 г., вновь произошли беспорядки на Благовѣщенскомъ пріискѣ той же К^о. 19 мая, въ 8 ч. веч., нѣсколько рабочихъ подошли къ казачьей казармѣ и потребовали отъ дежурнаго Петрова, чтобы освободили изъ-подъ ареста рабочаго ихъ артели крестьянина Чумакина, арестованнаго исправляющимъ должность исправника Шахурдинымъ за то, что онъ, проходя пьяный мимо квартиры исправника, наигрывалъ на гармоникѣ. Петровъ отвѣчалъ, что безъ разрѣшенія исправника не можетъ освободить Чумакина; рабочіе стояли на своемъ; въ нимъ стали подходить товарищи изъ другихъ казармъ и образовалась толпа въ нѣсколько сотъ человекъ. Доложили Шахурдину, но прежде, чѣмъ онъ успѣлъ распорядиться, Петровъ освободилъ Чумакина, опасаясь усиленія беспорядковъ. Однако толпа этимъ не удовольствовалась и вызвала исправника. Когда явился Шахурдинъ (уже сдавшій свою долж-

¹⁾ Якутскій окружной судъ, разсмотрѣвъ дѣло о волненіи рабочихъ, опредѣлилъ, 1) 2 рабочихъ-поселенцевъ, „за участіе въ противодѣйствіи законной власти, заключавшемся въ требованіи освобожденія изъ-подъ ареста крестьянина Якова Непоминцаго, взятаго по распоряженію кордоннаго урядника Петрова, а одного изъ нихъ и за отлучку съ пріиска безъ письменнаго вида, наказать плетью—одного 15 ударами, а другого 30 ударами, и обратить во временную работу на заводахъ „на 3 года“. 2) За буйство и нарушеніе общественной тишины 6 рабочихъ-крестьянъ подвергнуть аресту на 1 мѣсяцъ и одного на 7 дней, а двухъ поселенцевъ наказать розгами по 30 ударовъ. Лѣтомъ 1881 г. рабочіе К^о Промышленности однажды стали бросать въ окна и стѣны казачьей каменьями, требуя освобожденія арестованнаго пьянаго рабочаго. Беспорядокъ этотъ былъ прекращенъ безъ всякихъ послѣдствій.

ность сотнику Пащенко), рабочіе потребовали немедленнаго удаленія съ пріиска урядника Нѣмчинова и служащаго Милевскаго, грозя, что въ противномъ случаѣ они сами уберутъ ихъ. Шахурдинъ обѣщалъ исполнить ихъ желаніе, и толпа вскорѣ разошлась. Однако это обѣщаніе не только не было исполнено, но даже не было обращено вниманія на причины, вызвавшія требованіе рабочихъ.

На другой день утромъ одинъ изъ пріисковыхъ служащихъ обратился въ уряднику Нѣмчинову съ просьбою понудить выйти на работу 4 рабочихъ (тѣхъ самыхъ, которые наканунѣ первые потребовали освобожденія Чумакина). Нѣмчиновъ увидѣлъ, что эти рабочіе пьютъ въ казармахъ водку, „полученную ими на отливъ изъ пріисковаго кабака“ (т.-е. помѣщенія, гдѣ выдавались рабочимъ винныя порціи; продажа вина на пріискахъ запрещена). Рабочіе, укоряя служащаго въ стѣсненіи ихъ при назначеніи дней отдыха, отвѣчали уряднику, что въ казачью не пойдутъ, а если будутъ брать ихъ силою, то мало и 30-ти казаковъ, потому что этого не допустятъ товарищи по возвращеніи съ работъ. Принявшій должность исправника сотникъ Пащенко приказалъ Нѣмчинову, взявъ нѣсколько казаковъ, арестовать рабочихъ. Нѣмчиновъ засталъ ихъ въ казармѣ спящими; пока связывали одного, другой, проснувшись, закричалъ: „ребята, насъ берутъ, беритесь за инструменты!“ и схватилъ кайлу, но она была отнята казаками. Трехъ рабочихъ связали, а одинъ успѣлъ бѣжать. Связанные кричали: „насъ берутъ, помогите“! Рабочіе стѣснили казаковъ, которые уводили арестованныхъ и развязали рабочихъ, не смотря на то, что урядникъ отмахивался даже пашкою (одинъ рабочій толкнулъ его ногою въ животъ). Когда явился Пащенко, онъ ударилъ одного изъ арестованныхъ по щекѣ, трое рабочихъ были вновь задержаны, закованы въ ножныя кандалы и посажены въ карцеръ¹⁾, а четвертый бѣжалъ. При заковываніи арестованные говорили уряднику Нѣмчинову: „напрасно куете, недолго посидимъ, вѣдь одинъ на волѣ“; или: „куйте, куйте, до вечера только“! Одинъ изъ зрителей сказалъ Пащенко: „напрасно ихъ арестуете, худо можетъ быть“! Уже съ полудня рабочіе стали играть въ орлянку и карты между казармами въ виду казачьей, чего прежде не бывало, но казаки не трогали ихъ, боясь повторенія безпорядковъ.

Въ тотъ же день, часовъ въ 7—8 вечера, рабочіе, какъ бы

¹⁾ Производившій слѣдствіе по этому дѣлу чиновникъ Осташкинъ считалъ эту мѣру незаконною.

по уговору, стали собираться въ казачьей, при чемъ избѣжавшій ареста рабочій кричалъ: „бей въ колокола“! Быстро собралась толпа въ нѣсколько сотъ человѣкъ, изъ которой раздавались голоса: „за что заковали нашихъ, какое имѣете право?“ и т. п. Рабочіе настаивали на освобожденіи арестованныхъ, но урядникъ Нѣмчиновъ требовалъ, чтобы толпа разошлась, грозя въ противномъ случаѣ, что будутъ стрѣлять. Рабочіе разсвирѣпѣли, налегли на казаковъ, стоявшихъ въ коридорѣ своей казармы; тѣ въ заднія двери выбѣжали на улицу, а рабочіе съ крикомъ „ура“ ворвались въ казачью, смяли нѣкоторыхъ казаковъ и гнались за ними. Въ это время къ толпѣ подъѣхалъ верхомъ Пащенко. Рабочіе моментально окружили его, сбросили съ лошади и начали бить ¹⁾. Одинъ рабочій попробовалъ было защитить Пащенко, но, получивъ ударъ по головѣ, едва успѣлъ скрыться. Наконецъ, раздались крики: „бросьте, бросьте“! Рабочіе перестали бить Пащенко, и онъ, оборванный, безъ фуражки, всталъ и пошелъ въ казачью. Рабочіе бросились за нимъ туда, требуя освобожденія закованныхъ, опять начали бить его, а другіе стали ломать двери карцера. Избивъ не только Пащенко, но и казаковъ, и освободивъ всѣхъ арестованныхъ, толпа бросилась въ квартиру служащаго Милевскаго и, ища его, разбила шкафъ. Встрѣтивъ управляющаго К^о Промышленности (соединенной съ Прибрежно-Витимской), Стрижева, рабочіе стали жаловаться на побои отъ казаковъ и неправильный арестъ ихъ товарищей, просили удалить урядника Нѣмчинова и служащаго Милевскаго ²⁾, отъ которыхъ они терпятъ обиду, жаловались на сокращеніе винныхъ порцій уполномоченнымъ Серебряниковымъ, на непринятіе больныхъ въ больницу, на грубое обращеніе фельдшера. Наконецъ, успокоенные, при участіи промысловаго священника ³⁾, обѣщаніемъ управляю-

¹⁾ На пріискахъ этой К^о мы слышали отъ одного стараго служащаго, что рабочіе начали бить Пащенко вслѣдствіе того, что, взявъ въ толпу, онъ сталъ бить рабочіхъ пашкою плашмя.

²⁾ Жалуясь на грубость Милевскаго, рабочіе приводили такой фактъ: когда убило одного изъ нихъ вагонами, Милевскій сказалъ: „пускай давятъ хоть всѣхъ васъ“. Оказалось, что слѣдствія о причинахъ смерти этого рабочаго своевременно произведено не было.

³⁾ Когда священникъ предложилъ рабочимъ выбрать депутатовъ для переговоровъ и объясненій, тѣ отвѣчали: „депутатовъ нашихъ сотрутъ и уничтожатъ, не дадутъ имъ и сказать, засудятъ какъ бунтовщиковъ“. На предложеніе искать суда и защиты у высшаго начальства они возражали: „до Бога высоко, а до царя далеко; пока дойдетъ наша жалоба до начальства, насъ всѣхъ выгонятъ“. На вопросъ, почему они не предъявляли претензій своему управляющему, рабочіе отвѣчали, что теперь онъ не имѣетъ никакого значенія, а есть выше его—„добавочный“ (такъ прозвали они уполномоченнаго Серебряникова). Когда священникъ спросилъ, зачѣмъ они избѣли исправника, рабочіе сказали: „а если насъ бьютъ и рѣжутъ, это ничего“?

щаго разобрать ихъ претензію, рабочіе разошлись по казармамъ. Во время волненія урядникъ Нѣмчиновъ скрывался въ квартирѣ одного служащаго, а Милевскій—въ церкви; въ часъ ночи оба они были отправлены на Бодайбинскую резиденцію (въ 40 верстахъ на рѣкѣ Витимѣ). По осмотрѣ пострадавшихъ присковымъ врачомъ, оказалось, что Пащенко нанесены побои, раны, ссадины и ушибы, принадлежащіе не къ тяжелымъ поврежденіямъ, а шести казакамъ—маловажные легкіе побои, которые не могутъ имѣть вліянія на ихъ здоровье. У Пащенко во время свалки были утащены казенныя деньги—371 руб.

Слѣдствіе по поводу этого волненія поручено было чиновнику особыхъ порученій главнаго управленія Восточной Сибири Осташкину. Слѣдователь, чтобы узнать дѣйствительныя причины беспорядковъ, предложилъ рабочимъ Благовѣщенскаго приска выбрать изъ среды своей довѣренныхъ. Выборные указали на слѣдующія причины беспорядковъ: 1) жестокое обращеніе съ рабочими урядника Нѣмчинова; 2) отнятіе виновныхъ порцій по распоряженію уполномоченнаго Серебряникова и требованіе имъ работы въ большемъ размѣрѣ; 3) грубое обхожденіе съ рабочими смотрителя Милевскаго и фельдшера, который не обращаетъ вниманія на болѣзненное состояніе рабочихъ, за исключеніемъ наружныхъ болѣзней. Увеличеніе числа неявляющихся на работы (такъ называемыхъ „самовольно-льготныхъ“) послѣ 20-го мая произошло вслѣдствіе побѣговъ рабочихъ въ горы, откуда они боятся явиться, такъ какъ между ними распространился слухъ, что придетъ военная сила и начнутся экзекуціи. Указывали также на то, что ихъ дорожныя расходы во время путешествія на прискъ (плата за подводы, выдача одежды и обуви) производятся повѣреннымъ управленія безъ всякаго контроля со стороны рабочихъ, отчего и накаплиются громадныя долги (дорожныя расходы рабочихъ К^о К^о Промышленности и Прибрежно-Витимской были дѣйствительно чрезвычайно велики). „Задолживъ рабочаго долгомъ отъ 300 до 350 руб., промышленное управленіе что хочетъ, то съ ними и дѣлаетъ. Если обиженный несправедливостью рабочей принесетъ жалобу на меньшихъ служащихъ старшему, то его рассчитаютъ, какъ грубіяна“¹⁾). Въ случаѣ досрочнаго расчета рабочей оказывается въ безвыходномъ положеніи: ему приходится

¹⁾ Эти слова рабочихъ подтверждаются показаніемъ уполномоченнаго Серебряникова. Когда однажды къ нему явился рабочей съ жалобой на служащаго Милевскаго, то Серебряниковъ просилъ конторщика Потапова разобрать дѣло и сообщить ему, но рабочей, вмѣсто всякаго разбирательства, былъ немедленно рассчитанъ и высланъ съ приска.

идти домой пѣшкомъ, безъ гроша денегъ, и кормиться милостыней или дѣлать ради куска хлѣба преступленія, потому что рассчитаннаго съ долгомъ рабочаго другіе золотопромышленники не нанимаютъ, а по городамъ и селамъ жить не дозволяютъ. Жалобы отъ рабочихъ исправнику также преслѣдуются управленіемъ. Расчетъ рабочихъ, убившихъ здоровье на тяжелыхъ присковыхъ работахъ, здѣсь вещь обыкновенная¹⁾. „До пріѣзда уполномоченнаго Серебряникова, рабочимъ давались известнаго размѣра урки (уроки) и за выработку ихъ полагалась (винная) порція. Съ пріѣздомъ уполномоченнаго все измѣнилось... На трудной къ выработкѣ почвѣ ставилось два, а въ мокрыхъ просѣчкахъ одно огниво; уполномоченный истребовалъ выработки болѣе, какъ бы работа производилась на удобной почвѣ, убавивъ въ то же время лошадей и людей. Явилась недоработка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и лишеніе порцій. Управляющій Жарковъ 20-го мая самъ говорилъ: „я вами, ребятушки, доволенъ, у меня всегда исправно работали, я давалъ урки, какіе возможно было выработать, и давалъ порціи, а послѣ все передѣлалъ уполномоченный“. Рабочіе постоянно болѣютъ, находясь лѣтомъ на солнцепѣ или подъ дождемъ въ грязи, а зимою въ морозы въ шахтѣ, такъ что одежда ихъ къ концу рабочаго дня превращается въ ледяную кору, а тутъ на горе болѣзни не вѣрятъ, лишаютъ ерюща водки, служившаго поддержкою силъ рабочаго“.

Между управляющимъ Жарковымъ и уполномоченнымъ Серебряниковымъ были серьезныя несогласія, чтд и обнаружилось въ ихъ показаніяхъ на слѣдствіи. Промысловое управленіе заявило, что Милевскій навлекъ на себя неудовольствіе рабочихъ съ тѣхъ поръ, какъ, будучи смотрителемъ развѣдочныхъ штоленъ и просѣчекъ, ему пришлось исполнять разныя личныя распоряженія Серебряникова, напр. увеличивать уроки и уменьшать порцію вина. Управляющій Жарковъ показалъ, что рабочіе хотя и исполняли приказанія Серебряникова, но не вполнѣ и постоянно роптали, а Серебряниковъ не обращалъ на это вниманія. Серебряниковъ заявилъ, что, прибывъ въ концѣ 1881 г. на Благовѣщенскій прискъ, онъ нашелъ большіе непорядки и распущенность служащихъ и рабочихъ, старался уменьшить развившееся среди послѣднихъ пьянство, а главное помѣшать подрядчикамъ

¹⁾ Буквально то же относительно „расчета рабочихъ, убившихъ здоровье на тяжелыхъ присковыхъ работахъ“, повторяетъ и слѣдователь Осташкинъ... „Заболевъ рабочій,—продолжаетъ онъ,—разъ-два побывалъ въ больницѣ, и если докторъ найдеть, что здоровье плохо и работникъ ненадеженъ, то такого рассчитываютъ, и, не снабжая никакими пособиями, отправляютъ на Ленскую резиденцію“.

скупать золото и вещи на водку и продавать водку, приобретаемую ими за доставку лѣсныхъ матеріаловъ отъ промысловаго управления, но на требованіе измѣненной существующаго порядка получалъ отвѣтъ, что это породитъ неудовольствіе рабочихъ и служащихъ. „Настойчивое требованіе Серебряникова объ улучшеніи присковаго управленія породило совершенный разрывъ въ обоюдныхъ дѣйствіяхъ его съ управляющимъ Жарковымъ. Этотъ разладъ между главными лицами присковаго управленія переходилъ отъ старшаго къ младшему и, наконецъ, къ рабочимъ, которые, видя неустойчивыя распоряженія, касающіяся ихъ быта, условія работы и вознагражденія за труды, стали своими своевольными дѣйствіями требовать такихъ порядковъ, которые считали для себя болѣе выгодными“. Серебряниковъ не отрицалъ увеличенія имъ урока въ мокрыхъ развѣдочныхъ просѣчкахъ, но увѣрялъ, что въ этихъ мѣстахъ была слишкомъ незначительная выработка... Онъ „предложилъ ввести отвозку земли лошадьми вмѣсто ручной откатки, — это значительно облегчило трудъ, но выработка нисколько не увеличилась отъ этого“: и увеличить ее рабочіе не захотѣли. Онъ просилъ предложить рабочимъ работать развѣдочную шахту за двойную плату и съ прибавкою винныхъ порцій, но ему сказали, что рабочіе отказались, объявивъ, что въ водкѣ не нуждаются. Въ виду мокроты въ развѣдочной штольнѣ, „выдавалось не меньше 3-хъ винныхъ порцій на человѣка, а въ развѣдочныхъ просѣчкахъ не меньше одной, двухъ порцій, между тѣмъ при ортовой, подземной работѣ выдавалось обыкновенно только по одной порціи на человѣка ежедневно“. Лишать порцій онъ приказалъ за своевольство, ослушаніе и отказъ выполнить урокъ, такъ какъ „лишеніе винныхъ порцій, вполнѣ зависящихъ отъ усмотрѣнія управленія, представляется единственной мѣрою наказанія, доступною промысловому управленію, и практикуется на всѣхъ промыслахъ, практиковалось раньше и на Благовѣщенскомъ прискѣ“.

Управляющій Жарковъ по поводу показанія Серебряникова замѣтилъ, что требованіе его объ увеличеніи уроковъ „въ мокрыхъ просѣчкахъ развѣдочной штольни было согласно съ контрактомъ, но невыполнимо по трудности работъ“. Выдачу водки на отливъ за подъемное золото Серебряниковъ считалъ мѣрою въ высшей степени вредною ¹⁾. Слѣдователь Осташкинъ

¹⁾ „Эта водка развращаетъ рабочаго, онъ относится къ своимъ обязанностямъ съ пренебреженіемъ, отучается отъ труда, надѣется на счастье, случай приобрести и перепродать хищническое золото. Эта водка породила постоянное пьянство на промыслахъ, тайную продажу и лишила мѣстную полицію возможности имѣть какое-либо

также нашель, что „на каждомъ присскѣ существуетъ почти форменный кабакъ“, и надъ этимъ виннымъ хозяйствомъ нѣтъ никакого контроля. Записки на получение водки выдаются многими служащими безотчетно. Эти записки служатъ ходячей монетой между рабочими, на нихъ играютъ въ карты, скупаютъ золото и дѣлаютъ всякія другія аферы“. Слѣдователь прямо предъявилъ эти обвиненія и управленію Благовѣщенскаго присска. Въ официальной бумагѣ, отъ 13 іюля 1882 г., онъ написалъ тому управленію слѣдующее: „на общемъ собраніи промысловой администраціи подтвердилось, что на присскахъ идетъ торговля хозяйскою водкою, что служащіе по меньшей мѣрѣ расплачиваются водкою за разныя услуги, что подрядчики торгуютъ отъ васъ же полученною водкою, словомъ, на присскахъ существуютъ худшаго рода спиртоносы, — спиртоносы своего собственного фабриканта, надъ которыми не можетъ быть никакого контроля“.

Во время слѣдствія о волненія рабочихъ на Благовѣщенскомъ присскѣ оказалось также, что служащій Шнейдеръ разыгрывалъ между рабочими неразрѣшенную лотерею въ 400 р. На запросъ слѣдователя приссковое управленіе отвѣчало, что, узнавъ о лотерей, оно приказало „арестовать“ ее, что и было исполнено урядникомъ, деньги съ лотерейнымъ листомъ представлены въ контору и частію возвращены рабочимъ на руки, частію записаны имъ въ расчетные листы.

Слѣдователь обратилъ также вниманіе на то, что приссковое управленіе подвергало штрафамъ наравнѣ съ контрактными рабочими и такихъ, съ которыми не было заключено контрактовъ,

вліяніе на уменьшеніе пьянства, даже больше: она деморализировала и самихъ казаковъ. Встрѣтивъ полное неодобреніе своихъ взглядовъ относительно дачи водки на отливъ, онъ, Серебряниковъ, не принималъ никакихъ мѣръ противъ этого величайшаго присскаго зла. Существующее пьянство и порядокъ отпуска водки на отливъ, очевидно, вызваны существованіемъ хищничества золота. Противъ личностей, пріобрѣвшихъ право золотопромышленности, подъ этимъ предлогомъ получающихъ отъ начальства удостовѣренія и свидѣтельства на провозъ спирта и ютящихся около большихъ приссковъ для скупа на вино чужого золота, промышленныя управленія совершенно безсильны. При существующихъ порядкахъ совершенно немыслимъ какой-либо контроль за подъемнымъ золотомъ, и никто не можетъ сказать, что все золото поступаетъ въ собственность золотопромышленника. Подъемное или хищническое золото крадется рабочими большею частью во время работъ, при добычѣ и развѣдкѣ золотосодержащаго пласта. Настоящій порядокъ... вызываетъ ропотъ и нареканія рабочихъ на отдѣльныхъ служащихъ, которымъ приходится распределять рабочихъ по забоямъ на золотосодержащій пластъ. Полной справедливости въ этомъ отношеніи достигнуть положительно невозможно“. Но слѣдователь справедливо замѣтилъ, что „хищничествомъ заставляеть рабочего заниматься незначительная плата, определенная за работу“. Чтобы прекратить его, „нужно увеличить заработную плату“.

хотя не имѣло на это права. Наказанія за маловажные проступки рабочихъ налагались не артельною расправою, какъ это предписано было уставомъ о частной золотопромышленности, а присковскою полиціею. Казаки (низшая промысловая полиція) подъ присягою показали, что урядникъ Нѣмчиновъ „обращался дерзко съ рабочими: билъ арестованныхъ и наказывалъ ихъ розгами до 50 ударовъ. Изъ штрафнаго журнала, выданнаго Нѣмчинову, для записыванія наказаній, видно, что рабочіе подвергались наказанію розгами даже до 100 ударовъ, аресту болѣе 7 дней и вмѣстѣ съ тѣмъ штрафу. Встрѣчаются случаи тѣлеснаго наказанія не только поселенцевъ, но и полноправныхъ рабочихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ареста тѣхъ же лицъ на хлѣбъ и водѣ на нѣсколько дней. Урядникъ Нѣмчиновъ на слѣдствіи показалъ, что подвергалъ рабочихъ аресту „по словесному приказанію надворнаго“ (т.-е. присковского служащаго) „и отъ нихъ зависѣло назначать срокъ содержанія подъ арестомъ; наказаніе же розгами производилъ только по распоряженію исправника“. По поводу жалобъ рабочихъ на то, что нѣкоторыхъ провинившихся онъ заставлялъ чистить отхожія мѣста, Нѣмчиновъ отвѣчалъ, что дѣлалъ это не по собственному усмотрѣнію, а по распоряженію исправника или *промысловаго управленія*. „По запискамъ исправника дѣйствительно управленіе штрафовало виновныхъ рабочихъ деньгами помимо ареста. Бывали случаи, — продолжаетъ Нѣмчиновъ, — что онъ „арестовалъ рабочихъ по приказанію смотрителей разрызовъ, надворныхъ и другихъ служащихъ и на другой день утромъ отводилъ“ на работу „и по требованію смотрителей вновь садилъ въ карцеръ подъ арестъ, который продолжался иногда по нѣскольку дней, но объ этомъ докладывалъ исправнику“. Мы видимъ такимъ образомъ, что за отсутствіемъ артельной расправы здѣсь (какъ и на другихъ промыслахъ), царилъ произволъ присковского управленія подъ прикрытіемъ власти экономически зависимыхъ отъ золотопромышленниковъ горнаго исправника и урядника.

Слѣдователь нашелъ также нужнымъ замѣтить въ протоколѣ, что 1) „наемка рабочихъ на промысла довѣренными К⁰, расчетъ на мѣстѣ и записка заслугъ (заработка) не соотвѣтствуютъ ни пользѣ работника, который не принимаетъ никакого участія въ дорожныхъ расходахъ, производимыхъ на его счетъ довѣреннымъ отъ управленія, ни требованію закона, на основаніи котораго не допускаются такіе большіе задатки, которые ставятъ рабочаго должникомъ на продолжительный срокъ, тѣмъ болѣе, что контрактъ, заключаемый съ рабочими людьми, односторонне обязываетъ только рабочихъ, а промысловому управленію предо-

ставляетъ право дѣлать съ рабочими что хочетъ: а) во всякое время уволить безъ законнаго къ тому повода, лишивъ тѣмъ возможности найти другую работу; б) расчитать больного, потратившаго здоровье въ тяжелой присковой работѣ; в) поставить рабочаго на такую работу, которою не окупится не только полученный задатокъ, но едва можетъ покрыться выписка, т.-е. получаемое рабочими изъ амбара компаніи—одежда, обувь и припасы: чай, масло и т. п., необходимое для улучшенія пищи; г) можетъ расчитать за справедливую жалобу на служащихъ, — словомъ, рабочій не можетъ ручаться, что на завтрашній день будетъ имѣть работу и заработокъ. 2) Что промышленные рабочіе деморализуются: вблизи промысловъ, подъ разными предлогами, проживаетъ масса людей, мнимые золотопромышленники и подрядчики, котящіе у себя отребье витимской и олекинской тайги. 3) Зданія больницы (главной) и казармъ рабочихъ далеко не соответствуютъ своему назначенію: больница низка и тѣсна, что должно печально отзываться на больныхъ, особенно въ зимнее время ¹⁾, а казармы до того неудобны, что по заявленію, сдѣланному врачомъ Рабиновичемъ, только вызываютъ въ рабочихъ цынготныя и простудныя болѣзни, при чемъ сухость воздуха отъ желѣзныхъ печей въ зимнее время тоже скверно вліяетъ на здоровье помѣщающихся въ казармахъ людей. Слѣдователь указалъ также на то, что пищевое довольствіе рабочихъ дурно организовано: по наблюденіямъ присковаго врача Рабиновича, рабочій изъ отпускаемаго управленіемъ ежедневно 1½ ф. мяса на человѣка получалъ въ дѣйствительности въ вареной пищѣ только 55 золотниковъ. Мы видимъ такимъ образомъ, что Осташевинъ внимательно отнесся къ производству порученнаго ему слѣдствія и не скрылъ дурныхъ сторонъ въ положеніи рабочихъ крупной, богатой компаніи.

Получивъ слѣдственное дѣло о безпорядкахъ на Благовѣщенскомъ прискѣ, генераль-губернаторъ Вост. Сибири, Анучинъ, препроводилъ его въ якутскому губернатору съ предписаніемъ предать суду арестованныхъ и отправленныхъ въ Якутскъ рабочихъ, а также не назначать ни на какія обязанности по золотымъ промысламъ хорунжаго Шахурдина, сотника Пащенко и урядника Нѣмчинова.

Въ 1883 г., были опять нѣкоторыя замѣшательства на промыслахъ той же К^о, о которыхъ мы имѣемъ подробныя свѣденія

¹⁾ Нѣсколько лѣтъ позднеѣ, на промыслахъ К^о К^о Промышленности и Прибрежно-Витимской встроена новая роскошная больница.

въ донесеніи начальника иркутскаго жандармскаго управленія. Прибывъ 22-го іюня на Благовѣщенскій пріискъ, онъ узналъ, что на промыслахъ витимской системы уже извѣстно о совершеніи торжества коронованія Ихъ Величествъ. Въ виду этого и „для прекращенія различныхъ толковъ по случаю замедленія празднованія дня коронованія на пріискахъ Базанова, Нѣмчинова и Сибирякова“, управляющій этихъ пріисковъ рѣшилъ дать рабочимъ 9-го іюня, послѣ молебствія, общій отдыхъ, „такъ какъ распоряженій по этому случаю отъ якутскаго губернатора въ скоромъ времени не ожидалось“. Между тѣмъ отлучившійся съ Благовѣщенскаго пріиска на Бодайбинскую резиденцію священникъ сообщил о своемъ нездоровьѣ и о томъ, что не можетъ пріѣхать въ назначенное время на пріискъ для совершенія молебствія. Узнавъ объ этомъ, часть рабочихъ Успенскаго пріиска стала настоятельно просить о предоставленіи имъ давно ожидаемаго и обѣщаннаго дня отдыха и во избѣжаніе беспорядковъ было рѣшено дать 9-го іюня общій отдыхъ на Благовѣщенскомъ и Успенскомъ пріискахъ, хотя на первомъ изъ нихъ въ этотъ день рабочіе и не прочь были идти на работу. Такимъ образомъ, 9-го іюня порядокъ нарушенъ не былъ, при чемъ рабочіе получили по 2 винныхъ порціи и улучшенную пищу.

27-го іюня, горный исправникъ получилъ отъ якутскаго губернатора предписаніе о совершеніи молебствія и празднованія дня коронованія. На Благовѣщенскомъ пріискѣ молебствіе было совершено утромъ 29-го іюня, и во время его было все спокойно, но послѣ него кто-то сталъ распускать въ толпѣ слухъ, что на пріискахъ полученъ манифестъ, который будто бы скрывается мѣстными властями. Увѣренія священника въ лживости этихъ слуховъ повидимому успокоили рабочихъ, и они разошлись. Въ этотъ день рабочимъ обоихъ пріисковъ былъ вновь предоставленъ отдыхъ и угощеніе.

Но около 10 ч. вечера въ тотъ же день толпа рабочихъ челоуѣкъ въ 50, большею частью пьяныхъ, подошла къ квартирѣ управляющаго Аненгольма, стала требовать отдыха и на третій день, ссылаясь на повсемѣстное празднованіе коронаціи въ теченіе этого времени. Толпу уговаривали священникъ, командиръ казачьяго отряда, исправникъ и управляющій, при чемъ послѣдніе два указывали на то, что они не могутъ удовлетворить просьбы рабочихъ, такъ какъ не имѣютъ на то распоряженія отъ якутскаго губернатора и отъ главнаго распорядителя дѣлъ компаніи. Начальникъ иркутскаго жандармскаго управленія совѣтовалъ дать рабочимъ третій день отдыха, но исправникъ и управляющій от-

неслись къ этому уклончиво, такъ какъ, по ихъ мнѣнiю, всякая уступка рабочимъ повлечетъ за собою цѣлый рядъ новыхъ претензiй. Начальникъ жандармскаго управленiя болѣе часа старался успокоить рабочихъ и убѣдить ихъ разойтись по казармамъ, прѣ чемъ они, кромѣ просьбы о лишнемъ днѣ отдыха, высказывали различныя жалобы на служащихъ и заявляли подозрѣнiя, что манифестъ скрывается отъ нихъ мѣстнымъ начальствомъ. Начальникъ жандармскаго управленiя предложилъ рабочимъ прислать къ нему на другой день выборныхъ изъ своей среды для предьявленiя своихъ жалобъ и пожеланiй, и вскорѣ послѣ того рабочiе разошлись. На другой день выборные не явились, и большинство рабочихъ Благовѣщенскаго прииска на работу не пошло, между тѣмъ какъ на Успенскомъ приискѣ работы шли обычнымъ порядкомъ. Тогда начальникъ жандармскаго управленiя, увидя изъ предьявленнаго ему горнымъ исправникомъ предписанiя якутскаго губернатора, что въ немъ ничего не упоминается относительно числа дней празднованiя коронацiи, разрѣшилъ, по соглашенiю съ горнымъ исправникомъ, всѣмъ рабочимъ на приискахъ витимской системы праздновать коронацiю въ теченiе трехъ дней, по примѣру иркутской губернiи, и сообщилъ о томъ съ нарочнымъ горному исправнику олекминской системы. Вслѣдствiе принятаго рѣшенiя, рабочимъ Успенскаго прииска былъ данъ третiй день отдыха 1-го iюля, такъ какъ они работали накануне; команда же Благовѣщенскаго прииска должна была въ этотъ день идти на работу. Затѣмъ начальникъ жандармскаго управленiя разсказалъ рабочимъ Благовѣщенскаго прииска, какимъ порядкомъ будетъ полученъ на приискахъ и обнародованъ манифестъ, предостерегая ихъ отнюдь не истолковывать самовольно милостей, объявленныхъ въ этомъ манифестѣ, которыя своевременно будутъ имъ разъяснены и объявлены мѣстнымъ начальствомъ, и вслѣдъ затѣмъ, по соглашенiю съ горнымъ исправникомъ, 44 чел. рабочихъ, замѣченныхъ въ томъ, что они подстрекали своихъ товарищей не выходить на работу 30-го iюня и прежде дурно вели себя, были расчитаны приисковымъ управленiемъ. На Успенскомъ приискѣ еще ранѣе было расчитано 10 человекъ, которые подстрекали не выходить на работу 9-го iюня. Начальникъ жандармскаго управленiя сказалъ рабочимъ обоихъ приисковъ, что третiй день празднованiя коронацiи былъ бы имъ предоставленъ, и что никто не имѣлъ бы права лишить ихъ третьяго дня отдыха (мы видѣли, что горный исправникъ и приисковое управленiе именно хотѣли это сдѣлать), но что „для этого не слѣдовало самовольничать, вызывая тѣмъ волненiя и безпорядки среди своихъ товарищей“.

Въ 1884 г., 8-го и 9-го апрѣля, происходили небольшіе безпорядки на пріиски Чаринскаго золотопромышленнаго Т-ва олекинскаго округа. 8-го апрѣля, рабочіе собрались толпами въ помѣщенію пайщика К⁰ купца Аллакова, требовали увеличенія количества винныхъ порцій и удаленія служащаго Сурея, при чемъ избили его. На другой день нѣкоторые изъ рабочихъ разсыпали машиниста Сутягина, вслѣдствіе того, что онъ избилъ одного конюха, и при этомъ вышибли оконную раму въ помѣщеніи служащихъ, чтобы вытащить оттуда Сутягина, не слушались полицейскаго урядника, угрожали разбить зданіе, гдѣ жили казаки, если кто-нибудь будетъ арестованъ, и избили одного караульнаго.

Въ 1888 г., какъ видно изъ отчета горнаго исправника вѣтской системы олекинскаго округа, произошло „возмущеніе“ рабочихъ на Прокопьевскомъ пріиски Бодайбинской К⁰ противъ казачьей команды, при чемъ были побиты двое казаковъ. Въ отчетѣ исправника почему-то не упоминается о волненіи въ этомъ году на пріискахъ К⁰ Базанова, Нѣмчинова и Сибиряковыхъ, о которыхъ мы узнаемъ лишь изъ письма того же горнаго исправника къ начальнику иркутскаго горнаго управленія. Въ письмѣ этомъ онъ говоритъ, что „въ мартѣ мѣсяцѣ случились крупныя безпорядки между рабочими на промыслахъ Сибиряковскихъ“, въ которыхъ, по мнѣнію исправника, „было виновато все управленіе“. „Я не раздувалъ этого дѣла,—прибавляетъ онъ, — но тогда же намѣтилъ до 72 человекъ для немедленнаго выдворенія изъ тайги“. Въ виду того, что дорога въ это время испортилась, рѣшено было, что они будутъ дожидаться на Бодайбинской резиденціи. Вслѣдъ затѣмъ,—продолжаетъ исправникъ,—покойникъ Пенъевскій заявилъ золотничныя работы на своихъ промыслахъ, что побудило многихъ рабочихъ Бодайбинской К⁰ и Сибиряковскихъ пожелать нарушить контракты и идти въ Олекинскую тайгу: я тотчасъ же приказалъ урядникамъ всякаго рабочаго, желающаго увольненія, представлять ко мнѣ на Бодайбо, а симъ послѣднимъ объявилъ, что они будутъ выдворены въ Киренскъ. Эта мѣра оказалась крайне дѣйствительною, и всякое движеніе рабочихъ сразу прекратилось“.

Наконецъ, какъ мы слышали отъ бывшаго окружнаго инженера олекинскаго округа, въ 1893 г. были безпорядки на пріискахъ мѣстнаго золотопромышленника П—на, приобрѣвшаго печальную извѣстность безцеремонною эксплуатаціей рабочихъ. Вскорѣ затѣмъ на этихъ пріискахъ былъ якутскій губернаторъ, который и заставилъ П—на измѣнить его прежній, совершенно противоположный контрактъ.

Вообще въ теченіе послѣднихъ двадцати-пяти лѣтъ намъ извѣстно до 40 волненій рабочихъ на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ, при чемъ показанія нѣкоторыхъ мѣстныхъ наблюдателей заставляютъ думать, что въ дѣйствительности ихъ было значительно болѣе. Въ 70-хъ годахъ мы имѣемъ свѣденія лишь о 8 волненіяхъ, въ 80-хъ — о 21, въ первое пятилѣтіе 90-хъ — объ 11; несомнѣнно, слѣдовательно, что въ послѣднее время волненія становятся явленіемъ болѣе частымъ. По мѣстностямъ они распределяются такимъ образомъ: въ Западной Сибири—9, въ енисейской губерніи—15, въ олекминскомъ округѣ якутской области—7, въ забайкальской области—7 и въ амурской области—2.

Причины волненій извѣстны въ 26 случаяхъ. Наиболѣе частыми причинами недовольства рабочихъ являются: непосильная величина уроковъ въ горныхъ работахъ, дурная пища, недостаточность винныхъ порцій, недостаточность платы за работу, жестокое обращеніе съ рабочими со стороны хозяевъ и прискоковыхъ служащихъ. Затѣмъ нерѣдко причинами волненій были: желаніе имѣть болѣе дней отдыха, большіе штрафы, грубость фельдшеровъ и слишкомъ суровое обращеніе съ рабочими мѣстныхъ полицейскихъ властей—горнаго исправника, урядника или казаковъ. Наконецъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ волненія были вызваны: продажою рабочимъ дурныхъ припасовъ изъ прискоковыхъ лавокъ, обвѣшиваніемъ ихъ при этой продажѣ, прекращеніемъ выдачи припасовъ въ кредитъ, эксплуатаціе рабочихъ посредствомъ продажи имъ спирта и нежеланіемъ ихъ работать долѣе 10 сентября.

Волненія эти и ихъ усиленіе въ послѣднее время доказываютъ, что необходимы новыя законодательныя мѣры для улучшенія быта рабочихъ на золотыхъ промыслахъ.

В. Семивокій.

КНЯГИНЯ

Романъ въ двухъ частяхъ.

Окончаніе.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

XXX *).

Изъ своего кабинетива Остожннъ разслыхалъ звонокъ въ передней.

Горничная замѣшкалась. Идти отворить самому—ему не хотѣлось. Онъ опять схватилъ легкую простуду. На дворѣ—сильный морозъ, и въ передней, должно быть, съ утра—стужа. Домъ—старый, и только въ его двухъ комнатахъ—сносная температура.

Наконецъ-то отворили, и въ прихожей раздался низковатый, ему незнакомый, женскій голосъ.

Горничная полуотворила къ нему дверь.

— Къ вамъ, дама, Владиміръ Григорьевичъ...

— Кто такая?—несовсѣмъ довольнымъ голосомъ отозвался Остожннъ.

Онъ былъ одѣтъ въ домашній костюмъ, но принять могъ и даму.

— Вотъ извольте...

Остожннъ прищурился, разбирая шрифтъ вязью на большой картонѣ.

„Анисья Пантелѣевна Терентьева“—такой дамы онъ нигдѣ не встрѣчалъ.

*) См. выше: май, стр. 28.

— Вы сказали ей, что мнѣ нездоровится?

— Онѣ просятъ на одну минутку... по дѣлу.

Голова у него была настолько несвѣжа, что онѣ сегодня еще не работаетъ. Визитъ ничему не мѣшалъ. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ—съ какой-нибудь серьезной просьбой.

У него были дни, когда онѣ принималъ всѣхъ, въ особенности студентовъ. Онѣ зналъ, что его считаютъ „гордецомъ“, и давно поставилъ себѣ правиломъ: никому не отказывать въ приемѣ — даже и въ неприемные дни, если только онѣ дѣйствительно не захваченъ работой.

— Просите... сюда.

По залцѣ разнеслось шуршанье полкового платья.

— Простите... профессоръ,— протянула пріятельница Петра Степановича Умова, стоя на порогѣ двери.

Остожинъ оглянулъ ее. Такой дамы онѣ дѣйствительно нигдѣ не встрѣчалъ.

— Чѣмъ могу?... Прошу садиться...

— Вы несомнѣнъ здоровы, Владиміръ Григорьевичъ?

Она назвала его по имени, и отчеству такимъ тономъ, точно они знакомы долгіе годы.

— „Что это за особа?—быстро подумалъ Остожинъ.—Писательница, или содержательница пансіона“?

Къ нему часто обращались съ предложеніемъ—читать лекціи или давать уроки въ женскомъ учебномъ заведеніи. Отъ уроковъ онѣ давно уже отказывается.

— Вы меня не знаете, Владиміръ Григорьевичъ? А васъ я видала.

— Гдѣ?—остановилъ онѣ съ усмѣшкой.

— Въ разныхъ мѣстахъ... и сколько разъ. Вы у меня—давно уже на примѣтѣ.

Она подмигнула и поправила на груди брошю.

— Видите, профессоръ,—заговорила она болѣе дѣловымъ тономъ: — другая бы на моемъ мѣстѣ... сочинила какую-нибудь исторію... Обратилась бы къ вамъ подъ предлогомъ... енижекъ какихъ-нибудь или лекцій... Я сначала и хотѣла такой же фортель пустить. Да вѣдь вы—большая умница.

Онѣ насмѣшливо наклонилъ голову въ знакъ благодарности.

— И васъ всѣ знаютъ и почитаютъ... На Москвѣ вы самый знаменитый. Мы хоть и не обучались наукамъ, а намъ все это доподлинно извѣстно.

— „Да кто же она?“ нетерпѣливѣе подумалъ Остожинъ.

— Такъ я на чистоту... Только пожалуйста вы не подумайте,

что я, какъ говорится, съ бацу къ вамъ отъявилась. Это—серьезное дѣло.

Посѣтительница пристально поглядѣла на него. Ея плутоватые сѣрые глаза заискрились.

— Фамилію мою вы знаете. Трепала ноги цѣлыхъ двадцать лѣтъ, а теперь на пенсіи состою.

— Вы... гдѣ же служили?—недоумѣвающимъ голосомъ спросилъ Остожинъ.

— Въ балетъ, голубчикъ, въ балетъ.

„Голубчикъ“—это могло бы его покоробить; но выходило что-то курьезное, и онъ пропустилъ мимо ушей безцеремонное слово.

— А теперь чѣмъ же занимаетесь?

— Много у меня всякихъ дѣлвъ... Между прочимъ, услуги оказываю... когда ко мнѣ обратятся.

— „Да она не такая ли“?

Остожинъ, про себя, выговорилъ французское слово нѣкоторой позорной профессіи.

— Я не понимаю только, —сказалъ онъ суше:—кто же могъ обратить васъ ко мнѣ?

— Да вы полноте... господинъ профессоръ... Не запугивайте меня.

Ея бѣлая, пухлая рука въ перчаткѣ протянулась къ нему. Она точно хотѣла потрепать его по плечу или хлопнуть по колѣну.

— Я тянуть не буду. Вы же, вдобавокъ, несовсѣмъ здоровы. Но зачѣмъ откладывать до другого раза? Вы видите, профессоръ, — продолжала она уже не тѣмъ тономъ, — что передъ вами не кумушка „въ головѣ“, промышляющая промежду разночинцевъ...

— „Значить, ты сваха?“—вымолвилъ онъ про себя, и ему стало веселѣе. И сейчасъ же, презирающее чувство къ тому купеческому люду, гдѣ, до сихъ поръ, практикуется такое сватовство, поднялось въ немъ. И образъ Вѣры выплылъ—этой „дворянящейся купчихи“, которой слѣдовало бы попасть замужъ черезъ сваху „въ головѣ“ за какого-нибудь мучника или бакалейщика.

— Вы не думали, не гадали... А по васъ изнываетъ прелестная молодая особа. И родитель ея за особое счастье почтетъ породниться съ вами... Вы что же на меня какъ посмотрѣли, Владиміръ Григорьевичъ? Вѣдь я вамъ никакой обиды не наношу, а?

— Никакой,—проговорилъ Остожинъ.—Но ко мнѣ никогда еще не обращались...

— И напрасно. Такъ-то гораздо прочнѣе, толковѣе.

— Будто?

Остожинъ спросилъ это ужъ съ явной насмѣшкой. Она поняла.

— Профессоръ... пожалуйста безъ язвы. Если вамъ не угодно побесѣдовать со мною—я удалюсь. Однако позвольте перевернуть роли... Вотъ вы влюбились въ кого-нибудь. И почему-либо вамъ нельзя войти въ домъ... Вы это допускаете?

— Допускаю!

— Значить, что же?.. Вы читали лекціи... Барышня слушаетъ васъ... смотритъ... Полюбились вы ей крѣпко. Но она сама не можетъ придти вотъ сюда. И общихъ знакомыхъ нѣтъ. Вотъ она призналась своимъ. И имъ до васъ прямого хода нѣтъ. Что же тутъ зазорнаго?

— Я и не говорю этого.

— Отъ васъ не убудетъ,— сказала гостя и повела по воздуху рукой.

Она ему показывала, что у кого-угодно „табачку попросить“.

— У меня нѣтъ никакого желанія жениться,— выговорилъ Остожинъ, переходя опять къ шутивому тону.

— Да вы погодите, ваше превосходительство. Вы, можетъ, и въ генеральскихъ чинахъ... такъ я васъ понимаю... Стало быть, есть дѣвица, хорошенькая, семнадцати всего лѣтъ, и языкамъ обучена, и умомъ Господь не обидѣлъ...

— Но есть изъянъ? — совсѣмъ уже дурачливо добавилъ Остожинъ.

— Изъянъ?.. Она дворянскихъ правъ не имѣетъ.

— По первой гильдіи?

— Угадали. И то, что я теперь вамъ скажу—между нами чтобъ осталось, Владиміръ Григорьевичъ... Вы человекъ деликатный. Лучше мнѣ не солоно хлебавши уйти отсюда.

— Это еще не такой ужасный изъянъ: быть купчихой первой гильдіи.

— Да; но вамъ я должна сразу объявить—кто ее родитель... И родитель-то тайный.

— Стало быть, она незаконная дочь?

— Папаша ее въ такомъ толкѣ состоитъ, гдѣ вѣнчаться ни съ кѣмъ не полагается.

— Безпоповецъ?

— Именно... И она теперь сирота. Онъ ее готовъ былъ бы усыновить, да вѣдь дворянкой онъ ее все-таки не сдѣлаетъ. А онъ теперь въ такомъ разѣ, что хочется ему съ прежней своей жизнью покончить, потому что самъ собрался всю свою судьбу по новому устроить.

Остожину все еще казалось, что эта сваха только „загова-

риваетъ ему зубы“. Да и голова у него отяжелѣла. Онъ съ большимъ бы удовольствіемъ выпроводилъ ее.

Гостыя нагнулась въ нему и совсѣмъ тихо спросила:

— Про раскольника... богача Умнова... изволили слышать?
— Слыхаль.

Остожинъ не зналъ, что Умновъ — дальній родственникъ мужу Антонины Тимофеевны Кусовой, которую онъ видалъ когда-то, не больше двухъ, трехъ разъ.

— Въ восьми милліонахъ онъ... Петръ-то Степановичъ.

— Съ чѣмъ его и поздравляю.

— Погодите, голубчикъ... Изъ-за чего же брыкаться?

— Развѣ я брыкаюсь?—веселѣе спросилъ Остожинъ.

— Вы холостой... на полной волѣ... Подружки у васъ нѣтъ.

— Вы и это знаете?

— Доподлинно... Иначе бы не стала васъ беспокоить... Отчего же вамъ хоть не взглянуть на мою дѣвицу?

На этотъ разъ она шепнула ему на ухо:

— Полмилліона... Изъ полы въ полу.

Остожинъ только развелъ руками.

— И я одно вамъ, голубчикъ, доподлинно скажу... какъ на духу говорить... Отцу-то хочется всѣ свои счеты съ прошлой жизнью покончить потому, видите ли, что онъ самъ смертельно влюбленъ... Такъ влюбленъ, что даже вѣру переимѣнить согласенъ. А надо знать, чего бы ему это стоило!..

— Вотъ какъ!—обронилъ Остожинъ, немного возбужденный этими россказнями.

— Да и стоять!

Опять она протянула свой широкій ротъ къ его уху.

— Княгиня Кунгурова... Изъ кучихъ она... Финикова... Муженекъ-то въ трубу вылетѣлъ. Теперь у маменьки на хлѣбахъ проживаютъ. Князю этому прогорѣлому Петръ Степановичъ миліонъ хочетъ отсыпать... Кто же выдержитъ противъ такихъ деньжищ?..

Краска заиграла въ лицѣ Остожина. Онъ отодвинулся отъ гостыи, выпрямилъ грудь, пересиливая внезапное волненіе.

Она поглядѣла на него въ бокъ, и усмѣшка, которую Остожинъ не схватилъ, прошлась по ея еще краснымъ, полнымъ губамъ.

— И эта сдѣлка... уже состоялась между вашимъ милліонщикомъ и четою Кунгуровыхъ?

Голосъ его чуть замѣтно вздрагивалъ.

— Восемь милліоновъ... господинъ профессоръ... И она мужа

не любить. Тяготится. Дура была бы набитая, еслибъ не пошла за Петра Степаныча.

Остожину ударило въ виски, и на лбу показались капельки пота. Онъ поднялся.

— Извините меня... Я еще слабъ.

— Ничего, ничего! Я какъ-нибудь утречкомъ заверну... Обдумайте... Раскиньте умомъ.

„Пошла вонь!“ — чуть не крикнулъ Остожинъ; но ему сдѣлалось такъ нехорошо, что онъ почти упалъ на диванъ.

XXXI.

Снѣжная погода стала притихать. Кибитка катилась по убитому шоссе, подсказывая на выбоинахъ, оставленныхъ обозами.

Вѣра съ отрадой подставляла лицо—въ дорожномъ капорѣ—подъ снѣжинки. Оставалось всего двѣ версты до маленькой станціи ярославской желѣзной дороги.

Справа и слѣва волнистая мѣстность съ перелѣскомъ лежала, покрытая снѣжымъ снѣгомъ. Кое-гдѣ попадались деревушки. А тамъ, надолго, никакого жилья. Изрѣдка проползуть крестьянскія пошевни, и опять—безлюдье на цѣлую версту.

И Вѣрѣ совсѣмъ не жутко оттого, что она одна, ѣдетъ съ первымъ попавшимся ямщикомъ, въ рогожной кибиткѣ.

Возвращалась она совсѣмъ не въ томъ настроеніи, въ какомъ поѣхала изъ Москвы... Сначала—къ Троицъ-Сергію.

Съ недѣлю назадъ Степанида Ѳедотовна вдругъ почувствовала себя хуже. Вѣра настояла на консилиумѣ. На немъ больную долго мучили, стучали грудь и печень, нашли, что отекъ ногъ—еще не очень грозный симптомъ; но серьезность ея положенія не скрыли отъ дѣтей.

Вѣра была смертельно испугана. Ея любовь къ матери сразу прорвалась страстной тревогой. Но сама старуха не выказывала никакого малодушія.

Въ день консилиума, когда они остались вдвоемъ, она сказала ей:

— Вѣруня, милая... Изъ-за чего только деньги такія платятъ лекарямъ? Я и безъ нихъ знаю, что до весны не протяну. Спервоначалу въ ногахъ, потомъ выше и выше подберется вода, а тамъ и грудь будетъ заливать. Только бы грѣха на душу не брать — не возроптать на Господа Вседержителя и Царицу Небесную.

У нея уже бывали легкіе приступы одышки; но она говорила еще довольно сильнымъ голосомъ.

— И вотъ, Вѣруня... Утѣшь ты меня старуху... И ты разсѣнешся маленько. Вижу я, что ты, голубка моя, таять начала... Чую я—каково тебѣ. Пробѣхаться тебѣ надо...

— Куда, маменька?—тревожно спросила Вѣра.

— Помолись за меня Угоднику... Съѣзди въ лавру.

— Хоть сейчасъ, маменька.

— Отслужи обѣдню... И помолись ты за меня, старую... Всѣмъ одинъ конецъ. А только кончины желаю честной... и безболѣзненной.

— Непремѣнно, маменька... Но затѣмъ же такъ сразу приговаривать себя?

— Постой... дай досказать... И вспомнила я, Вѣруня... Давно я думала съ тобой поговорить, да вотъ хворать-то стала и твой переѣздъ... А теперь, хотѣлось бы еще при жизни...

Степанида Ѳедотовна начала тяжело дышать. Вѣра испугалась и умоляла ее — отдохнуть, не утомлять себя разговоромъ, оставить до слѣдующаго дня.

Но мать, помолчавъ, стала ее просить, послѣ посѣщенія Сергѣевской лавры, съѣздить въ то село, на Волгѣ, гдѣ, до сихъ поръ, живутъ многіе ея родичи, мужичья-ярославцы. Ей желательно было бы знать — нѣтъ ли между ними совсѣмъ бѣдныхъ, особливо сиротъ, или старухъ-бобылокъ, и что для нихъ можно сдѣлать.

Съ умиленнымъ выраженіемъ говорила Степанида Ѳедотовна, и Вѣра видѣла — до какой степени душа матери будетъ упокоена передъ тѣмъ, какъ сводить послѣдніе счеты съ жизнью.

Вся потрясенная и глотая слезы, Вѣра долго цѣловала руки матери и повторяла все прерывающимся голосомъ:

— Живите!.. Мамаша.. Безцѣнная... А я съѣзжу... Куда хотите... Куда хотите... Буду такъ счастлива исполнить вашу волю.

И Степанида Ѳедотовна поплакала и долго цѣловала ее въ глаза и въ голову.

У Троицы Вѣра провела около сутокъ; пріѣхала къ вечеру, отстояла всюнощную, отслужила заздравную обѣдню съ молебномъ и во всѣ службы трепетно молилась—не о себѣ, не о своей сердечной ранѣ, а только о томъ, чтобы мать ея встала на ноги, прожила еще много лѣтъ, и—если кончина ея близка—ушла бы изъ жизни „безболѣзненно, непостыдно, мирно“.

Кругомъ ея вишитъ простой людъ. Давно она не попадала въ царство овчаннаго тулупа, сермяжныхъ свить и лаптей. Че-

тыре года назадъ, еще дѣвушкой, въ послѣднюю свою поѣздку, вмѣстѣ съ сестрой и матерью, она чувствовала себя чуждой всему этому. Ей было тогда тяжело свое душевное одиночество. Она не могла сливаться съ толпой богомольцевъ. Да ей и не о чемъ было молиться Угоднику. Она еще не знала настоящей сердечной боли. Жизнь еще не насылала на нее своихъ неотвратимыхъ ударовъ.

А тутъ ей хотѣлось, напротивъ, вѣрить и молиться, какъ эти бабы и мужики, пришедшіе пѣшкомъ на поклоненіе праведнику И она впервые такъ умиленно совила свою кровную связь съ этимъ темнымъ и грязнымъ деревенскимъ народомъ.

Вѣдь она ѣхала сама въ то приволжское село, гдѣ у нея найдется нѣсколько дворовъ близкихъ родичей. Чтѣ же она такое, какъ не дочь Степаниды Федотовны Финиковой, по себѣ Чепуновой, внуки ярославскаго мужичка-кустара, промышлявшаго выдѣлкой мерлушки? Въ ея матери крестьянскій складъ рѣчи, обличья, поступи и всѣхъ внутреннихъ свойствъ, вѣрованій, понятій, навыковъ, юмора и дѣловитости—все это отсюда же, изъ приволжскаго села, гдѣ мужики, съ малыхъ лѣтъ, или уходятъ въ отхожій промыселъ, или, у себя дома, занимаются кустарнымъ производствомъ.

Въ облегченномъ и радостномъ настроеніи ѣхала она внизъ по желѣзной дорогѣ, а оттуда, въ рогожной вибитѣ, до торговаго села Лядунцова.

Тамъ она прожила цѣлыхъ трое сутокъ. Остановилась на постояломъ дворѣ, и на другой день пошла разыскивать своихъ родственниковъ; обратилась къ волостному старшинѣ и къ уряднику.

Родственниковъ нашлось не много—всего два дома—и одна старуха-бобылка—Степанида Федотовна точно напорочила.

Одинъ домъ — очень зажиточный. Мужъ держитъ трактиръ въ уѣздномъ городѣ и живетъ тамъ съ женой и дѣтьми. На селѣ домъ у него считается однимъ изъ самыхъ богатыхъ. Живутъ въ немъ старики: его мать, свояченица, бездѣтный дядя его жены да слѣпой дѣдъ.

Съ нею они сначала стѣснялись; потомъ пошли разговоры, какъ между настоящими родными. Хозяинъ двора приходился двоюроднымъ братомъ Степанидѣ Федотовнѣ. Старый дѣдъ отлично зналъ—кто съ кѣмъ въ родствѣ, близкомъ или дальнемъ.

Вѣра хотѣла ихъ всѣхъ одарить. Никто не отказался отъ денежнаго подарка, но и не сталъ отъ нея ничего выпрашивать.

Живутъ они — „благодареніе Богу“ — безъ нужды и, кромѣ слѣпотаго дѣда, всѣ занимаются по дому, ходятъ за скотиной,

ѣздятъ въ лѣсъ за дровами, продають, на базарѣ, масло и лишній хлѣбъ, надсматриваютъ за двумя работниками и одной коровницей.

Въ верхнемъ жильѣ просторной „пятистѣнной“ избы — горницы съ городской мебелью—есть и органъ, и зеркало, и двѣ висячія лампы, и картинки въ рамкахъ—преми и иллюстрированныхъ журналовъ. Они ее пригласили переѣхать съ постоялага двора, и она спала на чистомъ и негрубомъ бѣльѣ, на двухспальной кровати изъ орѣховаго дерева.

Но у бѣдныхъ родственниковъ она живѣе почувствовала въ себѣ свое крестьянское происхождение.

Она—княгиня, воспитанная въ богатомъ домѣ и теперь еще живущая какъ барыня; а ея родные будутъ всю свою жизнь ютиться въ тѣсной и угарной избѣ.

Богатые Чепуновы сначала не пускали ее идти самой туда, хотѣли вызвать ту семью къ себѣ; но Вѣра настояла, чтобы ее туда свели. И она, каждый день, проводила тамъ часа по два, въ большихъ разговорахъ и разспросахъ.

На бѣдномъ дворѣ жили не то чтобы нищенски; но нужда глядѣла отовсюду. Отецъ занимался отхожимъ промысломъ. Много ребятишекъ отъ второй жены и двѣ взрослыхъ дочери отъ перваго брака—уже засидѣвшіяся въ дѣвкахъ... Мачиха—не злая, но изнуренная баба. Она сейчасъ же начала жаловаться на свою хворость. Дѣвки ткали холсты. Изъ ребятишекъ, одинъ мальчикъ ходилъ въ школу и вернулся оттуда при Вѣрѣ, въ плохомъ зипунишкѣ и дырявыхъ валенкахъ.

Отыскала она и старуху-бобылку. Та лѣтомъ отправляется побираться; зимой перебивается тѣмъ, что прислуживаетъ у богатыхъ мужиковъ—тоже вродѣ какъ нищенка.

И она приходится тѣмъ-то вродѣ ея бабушки по боковой линіи.

Теперь и старуха-бобылка, и семья бѣдныхъ родственниковъ, кладутъ земные поклоны „за здравіе рабы божіей Степаниды“.

Кибитка подѣвзкала уже къ заднему крыльцу станціи. Вѣра, захваченная думой о деревнѣ, и не замѣтила, какъ пролетѣло болѣе часа.

„Побываю здѣсь и лѣтомъ“,—рѣшила она, и ей сдѣлалось еще легче на душѣ.

XXXII.

Вся прислуга высыпала на дворъ дома Финиковыхъ: кучеръ, поваръ, кухарка, конюхъ, обѣ горничныя, Ольга и Маша, еще бабы—жены обоихъ дворничковъ—и ихъ ребятишки. Мужья ихъ дожидались у широко раскрытыхъ воротъ.

Всѣ мужчины были безъ шапокъ и женщины съ непокрытыми головами. Морозъ трещалъ здоровый, градусовъ подѣ двадцать.

Обѣ половинки дверей главнаго подъѣзда стояли отворенными настежь. У подъѣзда—каjeta съ золотыми украшениями, шестерикомъ. Кучера сидѣли безъ шапокъ, повязанные кумачными платками.

Изъ сѣней показалась икона, отягощенная ризой и всѣмъ, что на ней было навѣшано. Ее бережно несли служители. Позади священникъ и дьяконъ въ малиновыхъ бархатныхъ ризахъ и скуфьяхъ на мѣху. Паръ валилъ отъ лошадей.

Усаживаніе причта и уставленіе иконы взяли нѣсколько минутъ—видно было, что все это дѣлается съ давнимъ обычаемъ ежедневныхъ объѣздовъ по городу.

Карета двинулась по мерзлому снѣгу съ визгомъ и глухимъ грохотомъ. Всѣ крестились и дѣлали полу-земные поклоны и пошли кучкой за каретой Владычицы, провожая ее за ворота.

Въ прихожей оставались еще, съ минуту, обѣ горничныя. На первой площадѣ, во слѣдъ иконѣ, крестилась Антонида Тимоеевна.

Вѣра была, въ эту минуту, при матери.

Степанида Ѳедотовна сидѣла въ креслѣ, одѣтая въ то самое платье, въ какомъ она обыкновенно причащалась, въ бѣломъ же чепцѣ и кружевной накидѣ.

Въ спальнѣ и по всей лѣстницѣ ходили еще волны ладона. Но больной дышалось сегодня легко. Она уже больше недѣли ждала „Царицу Небесную“ въ свой домъ, и тихая улыбка душевнаго успокоенія освѣщала ее нѣсколько опухшее лицо.

Вѣра сидѣла около нея на табуретѣ. Когда икону выносили, Степанида Ѳедотовна слала ее внизъ; но дочь осталась при ней.

Въ дверяхъ показалась плотная фигура старшей сестры, одѣтой такъ же, какъ одѣваются причастницы.

И лицо Антонида тихо улыбалось. Она первая стала просить Степаниду Ѳедотовну: „поднять икону Владычицы“. Старуха не упиралась; а сначала говорила только:

— Больно вы уже обо мнѣ сокрушаетесь... Изъ-за чего мнѣ Царицу Небесную беспокоить?

Но еще со вчерашняго вечера она чувствовала себя гораздо свѣжѣе, спала хорошо и аппетитъ былъ съ утра.

Антонида подошла къ матери, взяла ея руку и поцѣловала.

— Ну, слава Богу... Удостоились,—выговорила она и еще разъ поцѣловала мать въ голову.

Степанида Ѳедотовна спросила ее вполголоса:

— Поблагодарила ли?

— Остался много доволенъ батюшка.

Заплатить „священникамъ“ старуха поручила старшей дочери, зная, что Вѣра, до сихъ поръ, стѣсняется, когда надо кому бы то ни было „совать“ деньги въ руку.

— Ну, Вѣруша,—обратилась къ сестрѣ Антонида,—маменькѣ надо и отдохнуть... И мнѣ пора.

Мать не удерживала ее.

— И ты, Вѣруня, поди къ себѣ. Все ты на ногахъ, безъ устали.

Это было воскресенье, и Вѣра, съ утра, сидѣла дома.

— Кофейку бы, Анечка?

— Нѣтъ, маменька... Скоро и обѣдать.

— Поѣзжай, поѣзжай. И мужъ-то соскучится.

Зять ея не могъ прѣхать на „подъемъ“ Владычицы—третій день сидитъ дома, простуженный. Сынъ былъ въ отъѣздѣ, по дѣламъ фирмы.

Вѣра вся разомлѣла. Но эта усталость наполняла ее пріятной истомой. Точно она дѣвочка лѣтъ десяти, когда принимали въ домъ Иверскую. Ей припомнилось, какъ онѣ съ сестрой и горничной просидѣли, разодѣтыя, на ступенькахъ лѣстницы до третьяго часа ночи. Раньше нельзя было почему-то получить икону.

— Ты ужъ, Вѣруня, не трудись меня укладывать. Позови Машу... Прощайте, дѣвочки мои милыя.

Старуха перекрестила обѣихъ дочерей и поцѣловала каждую. На площадкѣ лѣстницы Антонида обняла сестру.

— Большое облегченіе получила,—прошептала она.—Можетъ, и смилуется Владычица.

Вѣра ничего не отвѣтила.

Обѣ онѣ спустились въ прихожую.

— Ко мнѣ-то когда заглянешь, Вѣруша? Правда, и то сказать... теперь у тебя время нараسخвать.

Сестры поцѣловались, по-купечески, три раза.

Войдя къ себѣ, Вѣра опустила на кушетку и тотчасъ же заснула.

Спала она съ добрыхъ полчаса, и когда раскрыла глаза, ее уже въ третій разъ окликала Ольга.

— Матушка, Вѣра Тимоѣевна... Умновъ Петръ Степанычъ желаютъ васъ видѣть... Онѣ справляются и о здоровьѣ Степаниды Ѳедотовны. Слышали, что имъ нехорошо... Что прикажете сказать?

Она было-хотѣла отказать; но тотчасъ же вспомнила о томъ предложеніи Умнова, которое она не успѣла еще доложить въ засѣданіи комитета.

— Просите.

— Куда прикажете?

— Сюда.

Умновъ, проникая въ ея кабинетъ, опять весь перегнулся и руку протянулъ впередъ.

Въ глазахъ его Вѣра схватила выраженіе, заставившее ее сейчасъ же пожалѣть о томъ, что она приняла его въ комнату, рядомъ со своей спальней.

— Слышалъ, безцѣнная Вѣра Тимоѣевна, что матушкѣ вашей хуже... Кажется, Владычицу принимали сейчасъ?— выговорилъ онъ вполголоса.

Сѣлъ онъ рядомъ съ нею и сейчасъ же вынулъ изъ бокового кармана обширный бумажникъ, изъ мягкой шагреновой кожи.

— Вотъ, Вѣра Тимоѣевна, моя лепта.

Онъ досталъ сѣрый листокъ чека и протянулъ его Вѣрѣ.

Вѣра развернула чекъ. Сверху листка, цифра, красиво выведенная, заставила ее сдѣлать жестъ головой.

— Право, это слишкомъ щедро, Петръ Степановичъ,— сказала она, немного смущенная.

— Я своего слова назадъ не беру... И надѣюсь, что вы не обидите меня отказомъ.

— Мнѣ страшно будетъ хранить этотъ чекъ, Петръ Степановичъ... Какъ же такъ, безъ росписки... безъ всего?

— Росписки я съ васъ не возьму.

Вѣра положила сѣрый листокъ чека на столѣкъ, стоящій съ ея бока дивана.

Цифра продолжала смущать ее. Она не могла вѣрить, чтобы этотъ закоренѣлый сектантъ могъ изъ чистаго побужденія пожертвовать такой капиталъ. Но еслибъ онъ хотѣлъ крупнаго чина или Владиміра на шею—онъ сзумѣлъ бы попасть въ попечители любого учрежденія и прямо купить себѣ чинъ или орденъ, и даже потомственное дворянство.

— Что-жь,—все еще смущенная, начала Вѣра. — Я васъ искренно благодарю, Петръ Степановичъ.

Руку ея Умновъ быстро схватилъ и сталъ покрывать поцѣлуями.

Она еще не успѣла ее высвободить, какъ онъ рухнулъ на коверъ и, весь вздрагивая, схватился обѣими руками за ея колѣни.

— Не отвергайте!—послышался его прерывистый шопотъ.— Все, все возьмите... Царица моя! Повелительница!

— Встаньте, прошу васъ,—остановила его Вѣра и старалась обѣими руками тихо оттолкнуть его отъ своихъ колѣнъ.

Но онъ не поднимался. Глаза его смотрѣли растерянно. На рѣсницахъ показались слезы. Дрожь пробѣгала по всему его пухловатому тѣлу.

— Выслушайте...—всклипывая, шепталъ онъ:—не казните... И прежде любилъ васъ безумно... И теперь, вы видите, не въ силахъ совладать съ чувствомъ... Скажите слово—и все ваше... Вы нелюбимы, вы тяготитесь своей брачной неволей... Что бы это ни стоило—мы устранимъ князя. Господь проститъ мнѣ и то, что я готовъ идти въ вашу церковь... Не губите! Смилуйтесь!

Онъ опять хотѣлъ прижаться къ ея колѣнямъ. Вѣра сильнѣе отвела его руки и встала.

— Довольно, Петръ Степановичъ.

— Господи! Нѣшто я оскорбилъ васъ?

Вопросъ этотъ вылетѣлъ у него жалобнымъ звукомъ. Онъ оставался на одномъ колѣнѣ, и вся его фигура могла бы вызвать усмѣшку. Вѣрѣ было скорѣе жалко его. Онъ не притворился. Скажи она одно слово—и онъ заплатилъ бы миллионъ ея мужу и пошелъ бы съ ней подъ вѣнецъ въ ненавистную для него никоньянскую церковь.

— Встаньте, Петръ Степановичъ,—повторила она строже.

Умновъ сталъ медленно подниматься. Голова совсѣмъ упала на грудь. Глаза блуждали. Его тупейчикъ растрепался. Онъ былъ смѣшонъ; но Вѣра не хотѣла смѣяться надъ нимъ.

— Взять этотъ чекъ я не могу, Петръ Степановичъ. Предложите его лично нашему комитету. А еще лучше, если вы обратите ваше пожертвованіе въ другое мѣсто.

Онъ ничего не слыхалъ, сидѣлъ точно пришибленный и тяжело дышалъ. Слезы текли вдоль щекъ. И нервныя подергиванья пробѣгали по всему лицу.

XXXIII.

Осторожнѣ сѣлъ за работу и заперся въ кабинетѣ. Онъ не велѣлъ никого принимать, даже и по дѣлу.

Послѣ визита отставной танцовщицы, онъ два дня не выходилъ изъ дому. Простуда прошла; но имъ овладѣло возбужденное настроеніе—тяжкое и навойливое. Ничѣмъ не могъ онъ его страхнуть съ себя, никакой усиленной мозговой работой.

Была минута, вскорѣ по уходѣ свахи—онъ, съ пылающими щеками, началъ письмо въ Вѣрь.

Двѣ страницы были уже написаны. Уничтожающіе возгласы такъ и лились съ его пера.

Онъ не дописалъ, скомкалъ листокъ, бросилъ его въ каминъ и, точно его кто подкосилъ, почти упалъ на кровать.

Такого „византійско-вупеческаго“ коварства, такой испорченности „à froid“—онъ еще вчера не допускалъ въ Вѣрь... въ этой „замоскворѣцкой матронѣ, воспитавшей себя на моральныхъ англійскихъ novels“.

Почти истерически раскохотался онъ, лежа на кровати,—и вся эта „татарско-византійская“ Москва представилась ему станомъ фальшивыхъ „мужиченковъ“ и такихъ же предательскихъ „бабенковъ“.

Тысячу разъ правъ бывалъ онъ, когда высказывалъ недовѣріе въ этому яко бы прогрессирующему „tièrs état“ Москвы. На бѣду стали вупцы и вупчихи изъ „Темнаго царства“ посылать своихъ „робать“ въ гимназіи и университетъ, возить ихъ за границу, выдавать дочерей за адвокатовъ, докторовъ, педагоговъ, университетскихъ преподавателей! На бѣду эти крупчатныя или художныя дѣвы начали наводить на себя лоскъ высшей интеллигенціи, бѣгать по публичнымъ лекціямъ, записываться на высшіе курсы, руководить благотворительными обществами, носить туалеты отъ Редфѣрна и Дусѣ, щеголять знаніемъ языковъ!..

На бѣду всѣмъ, кто повѣритъ имъ хоть чуточку, кто начнетъ съ ними сближаться и очутится—вакъ онъ—наивнымъ дурачкомъ, вообразившимъ, что въ ех-дѣвицѣ Финиковой надо сломить только ея излишнюю щепетильность, преподавать ей болѣе смѣлое отношеніе къ любви. А она готовила себѣ—исподволь и дальновидно—возлюбленнаго—„интеллигента“, послѣ того, вакъ она спуститъ мужа, найдя солиднаго обожателя въ лицѣ раскольника-набоба, обвиняется съ нимъ и тогда будетъ снова флѣртировать съ ученымъ, имѣющимъ имя въ Европѣ, не допуская ни его, ни себя сразу до запретнаго плода.

Послѣ томительно проведенныхъ двухъ ночей, Остожина погнало изъ дома. Онъ не въ силахъ былъ сидѣть у себя, какъ въ клѣткѣ. Голова горѣла, во всемъ тѣлѣ бродилъ какой-то странный, нервный зудъ. Работать онъ рѣшительно не могъ.

И ни разу не подумалъ онъ—не сдѣлался ли онъ жертвой мистификаціи, или тонкой предательской интриги, но не женщины, такъ трепетно открывшей ему свою любовь, а того самаго „раскольника-набоба“, безумно желающаго обладать Вѣрой?..

Про этого „братца“ семьи Кусовыхъ онъ могъ слышать года три-четыре назадъ. Вѣроятно, и слышалъ—сваха врядъ ли врала. Такой тайный сластолюбецъ—если онъ еще до выхода ея замужъ за князя былъ въ нее влюбленъ—не оставитъ своихъ замысловъ.

Все выяснялось въ распаленной головѣ Остожина въ совершенно правдоподобныхъ соображеніяхъ.

„Et comme c'est Moscou!“—повторялъ онъ, полный презирающей гадливости къ этимъ лже-культурнымъ купеческимъ „выкоркамъ“. Только здѣсь, въ городѣ съ историческими традиціями коварнаго хищничества и татарско-византійскаго двоедушія, могла сложиться душа, подобная этой замоскворѣцкой „Новой Элоизѣ“.

Оставить ее безнаказанной было бы постыдно. Нельзя „дарить“ подобныхъ прелестницъ однимъ лишь молчаливымъ презрѣніемъ, слѣдуетъ показывать имъ—кто онѣ, какая имъ цѣна.

Два дня прошли у Остожина на поиски. Онъ узналъ многое изъ того, что ему нужно было знать. Да, такой Петръ Степановичъ Умновъ не только существуетъ, но и приходится дальнимъ родственникомъ зятю Вѣры Тимоѣевны, Кусову. И онъ былъ всегда въ нее влюбленъ, а теперь эта страсть заново охватила его. Незаконную дочь онъ воспиталъ какъ барышню, и дастъ за ней пятьсотъ тысячъ.

Остальное было болѣе, чѣмъ возможно. Допустимо и то, что этотъ Умновъ не зналъ объ ихъ отношеніяхъ съ Вѣрой. У нея они никогда не встрѣчались. Да еслибъ и зналъ, почему же не предположить, что она сама навела Умнова на мысль—подослать къ нему сваху и предложить ему полмилліонную дѣвицу?

По своему—гениальная комбинація. Испытать его, и еслибъ онъ поддался—имѣть всегда противъ него,—когда она опять заведетъ съ нимъ игру,—самый сильный козырь. „Не очень, молъ, возноситесь, душенька,—и вы пошли на приманку купеческаго куша“.

И вотъ сегодня онъ чувствуетъ себя облегченнымъ. Онъ всту-

пилъ въ обладаніе своей личностью. Довольно! Кусокъ жизни отрѣзанъ. И приговоръ произнесенъ.

Этотъ приговоръ вчера, въ вечеру, вылился у него въ видѣ — не письма на восьми страницахъ, въ лирико-негодующемъ тонѣ — нѣтъ! замоскворѣцкая Новая Элоиза этого не заслуживаетъ, — а телеграммы въ десять строкъ.

Текстъ этой депеши онъ обдумывалъ долго. Каждое слово должно было гвоздемъ войти въ сознаніе той, кто читалъ ее вчера, на ночь.

Сегодня у него нѣтъ ни малѣйшаго угрызения совѣсти. Будь на его мѣстѣ французъ — онъ бы отомстил ей иначе. Тѣ знаютъ цѣну женщинамъ такого сорта и умѣютъ показывать имъ, что мужчина всегда — ихъ повелитель и судья, какъ бы онъ ни былъ къ нимъ слабъ, въ пылу и въ одуреніи страсти.

Сколько дней пропало у него зря! Работы — непочатый край, и онъ, съ утра, накинулся на нее съ жадностью.

Горничной отданъ строжайшій приказъ насчетъ посѣтителей. По этой части Остожинъ былъ спокоенъ.

Въ двѣнадцать часовъ ей приказано было принести ему закусить.

Ровно въ полдень она постучала въ дверь и вошла съ подносомъ. На немъ, кромѣ закуски, лежали еще двѣ газеты, книга подъ бандеролью и письмо.

Остожинъ взялъ сначала письмо, въ конвертѣ большого формата, изъ толстой глянцевитой бумаги.

Почеркъ былъ ему неизвѣстенъ — вродѣ конторскаго. Ни марки, ни штемпеля городской почты.

— Кто это принесъ? — спросилъ онъ, разглядывая письмо.

— Съ посыльнымъ... Я васъ, Владиміръ Григорьевичъ, не смѣла беспокоить.

— Отвѣта просили?

— Нѣтъ-съ, только въ книжѣ расписалась барышня.

Горничная вышла. Онъ разрѣзалъ конвертъ, неторопливо, костянымъ ножомъ и вынулъ письмо на большомъ листѣ, такой же толстой глянцевитой бумаги, какъ для какого-нибудь формальнаго обращенія.

Сначала онъ посмотрѣлъ на подпись.

„Умнозы!“ — вскричалъ онъ мысленно и почувствовалъ, какъ ему тотчасъ же вступило въ голову.

Быстро прочелъ онъ три страницы, писанныхъ четкой конторщицей рукой. Письмо выпало у него изъ рукъ. Въ головѣ

ощутилъ онъ родъ круженія и долженъ былъ прислонить ее къ спиннѣ диванчика.

— Нѣтъ! это новая махинація! — крикнулъ онъ, гнѣвно оттолкнулъ столъ и забѣгалъ по комнатѣ.

Письмо валялось на полу, подъ столомъ, куда ему поставили закуску. Онъ поднималъ его и еще разъ перечелъ, уже медленнѣе.

И краска стыда заливала его щеки, сначала поблѣднѣвшія отъ взрыва гнѣва.

— Что же это? Боже мой! — повторялъ онъ растерянно.

Все то презрѣннѣе, какое онъ излилъ вчера въ своей ядовитой депешѣ на имя княгини Кунгуровой — обратилось теперь на него самого.

Рыданія душили его. Онъ опустился въ кресло и судорожно сталъ щелкать пальцами — близкій къ нервному припадку.

Никогда Вѣра не была ему дороже, чѣмъ въ эту минуту. Не головой, не самолюбіемъ хищника влечется онъ къ ней. Никто — и прежде — не былъ ему такъ близокъ, какъ она. И онъ могъ — въ ослѣпленіи своимъ мужскимъ эгоизмомъ — такъ безумно повести себя?!

Какой-нибудь заворузный изувѣръ, развратникъ Умновъ, способный на гнусную интригу — все-таки лучше его... Не прошло и недѣли, какъ тотъ покаялся и въ собственноручномъ письмѣ обличаетъ себя, дѣлаетъ полное признаніе раскаявшагося грѣшника.

А высокоразвитой Остожигъ, умница, ученый съ европейской репутаціей — могъ попасть въ такую аляповато сложенную ловушку?! И онъ — джентльменъ, вѣкъ свой предававшійся культу порядочности — способенъ былъ такъ „расказнить“ любимую женщину изъ-за пошлѣйшей клеветы!

XXXIV.

Въ гостиной совѣщались врачи. Ихъ было трое. Они только-что уѣхали.

Главную знаменитость добыли послѣ долгихъ переговоровъ. Онъ жаловался самъ на недорозье, и только получивъ пакетъ со вложеніемъ двухъ сторублевокъ — назначилъ день консилиума.

Когда доктора вышли изъ спальни больной, Вѣра оставалась еще при матери. Сестра ее не могла прійхать — лежала сама съ захваченнымъ горломъ.

Больную опять стужали, заставляли переворачивать съ боку

на бою. Главная знаменитость довольно-таки безцеремонно задавалъ ей вопросы и тономъ хмураго начальника говорилъ о ней въ третьемъ лицѣ, употреблялъ постоянно мѣстоименія „она“, „ее“, что каждый разъ задѣвало Вѣру.

Положеніе было очень серьезное. Отвѣтъ вознудился уже грудной вѣткѣ, и только вдыханіе кислорода немного облегчало ея одышку.

Старуха ослабла послѣ консилиума и не сразу могла отдышаться. Потомъ ей стало полегче, и она просила Вѣру пойти отдохнуть.

Когда Вѣра замѣтила, что мать начала забываться, она что-то шепнула сидѣльцѣ и вышла.

Двѣ ночи она провела въ комнатѣ Степаниды Федотовны и еле держалась на ногахъ. Вчера братъ предлагалъ ей дежурить — она не согласилась.

Заплатить двумъ остальнымъ врачамъ она поручила ему.

Онъ поднялся наверхъ, и они встрѣтились на площадкѣ.

— Что онъ говорить? — шопотомъ остановила его Вѣра.

Братъ понималъ, что „онъ“ значитъ знаменитость.

— Не поцеремонился.

Кислая усмѣшка повела безцвѣтныя губы Герасима Тимофеевича.

— За сколько времени... онъ ручается?

Вѣра съ трудомъ выговорила эти слова.

— Прямо не сказалъ... а уходя, изволилъ выпалить — обращаться-де еще разъ къ нему совершенно бесполезно.

— Вотъ какъ.

Голосъ Вѣры упалъ. На ней лица не было. Братъ взялъ ее за плечи и поцѣловалъ. По щекамъ его текли слезы.

— Иди, лягъ ты, сдѣлай милость. Еще свалишься... Что хорошаго... Нужно — я пойду туда.

— Нѣтъ, маменька засыпаетъ.

— Ну, такъ я съѣзжу въ городъ.

И онъ, характернымъ жестомъ, махнулъ рукой и пошелъ на свою половину по коридорчику.

Вѣра спускалась, еле переступая. Плакать она не могла. Горе стояло у нея въ груди, точно какой-то кусокъ. Голова ныла и глаза слипались. Будь она менѣе утомлена — она бы заплакала навзрыдъ.

Лѣстницу, дѣлающую два заворота, еще не успѣли освѣтить съ площадки.

Въ переднюю горничная впустила кого-то. Вѣра не слыхала ни звонка, ни звука отворявшейся двери.

И гость, и Ольга, говорили вполголоса.

— Да вот и княгиня, — донеслись до слуха Вѣры слова горничной.

И въ прихожей еще не зажгли лампы. Въ низкое окно входила сѣрватая, двойственная полоса свѣта.

— Вѣра Тимофеевна!

Она вся вздрогнула и подалась назадъ.

Ее окликнулъ Остожинъ. Онъ уже свинулъ шинель и стоялъ передъ ней безъ шапки.

— Вы?..

Больше она ничего не могла выговорить и — чтобы не упасть — схватилась за круглое украшеніе перилъ — на послѣдней площадкѣ.

Остожинъ подбѣжалъ къ ней и протянулъ обѣ руки.

— Умоляю васъ... — прошепталъ онъ по-французски: — примите меня.

Вѣра ничего не отвѣтила и, боясь обморока, облокотилась о выступъ стѣны.

— Одну минуту... — голосъ Остожина дрожалъ. — Умоляю васъ!

Дверь въ ея кабинетъ стояла отворенной. Вѣра вошла въ нее первая, и какъ только перешагнула порогъ — опустилась на стулъ.

Остожинъ затворилъ за собою и остановился въ углубленіи двери.

Отъ волненія онъ не могъ еще говорить.

— Владиміръ Григорьевичъ, — чуть слышно вымолвила Вѣра, держась одной рукой за спину стула. — Зачѣмъ вы?..

И она не въ силахъ была докончить.

— Простите!.. Умоляю!..

Онъ безпомощно опустился на оба колѣна и закрылъ лицо ладонями.

Къ ней, къ ея колѣнямъ — онъ не смѣлъ прикоснуться.

Вѣра вся застыла. Ея руки висѣли по краямъ стула. Она чуть-чуть дышала. Сердце точно совсѣмъ замерло.

Зачѣмъ ворвался къ ней этотъ оскорбитель? Надо его выгнать. Но силъ она въ себѣ не чувствуетъ никакихъ. Она слышитъ, что онъ плачетъ. Да, это глухія рыданія.

Раскаивается? Но развѣ есть оправданіе тому, какъ онъ съ ней поступилъ? Послѣ злобно-циническаго письма на прошедшей недѣлѣ — и вдругъ та ужасная депеша, отъ которой она слегла, потрясенная до самаго дна своей страдающей души.

Остожинъ пересталъ рыдать и присѣлъ на край дивана. Она сидѣла все въ той же позѣ. Въ комнатѣ сумерки еще надвинулись, — горничная боялась войти зажечь лампу.

— Я знаю, — слышалось ей точно свозъ сонъ, — я чувствую, что мнѣ нѣтъ оправданія. Но вы меня выслушаете, Вѣра...

Какъ онъ смѣетъ называть ее Вѣрой? Она должна сейчасъ же выгнать его.

Но и на это у нея нѣтъ силы.

— Вотъ что вызвало мою безумную выходку... Клянусь... все, что я скажу — правда, безусловная правда.

— Не надо, — обронила Вѣра и сдѣлала попытку встать.

Но если она ступитъ хоть два шага — она упадетъ на полъ. Точно прикованная, оставалась она на стулѣ.

Голова менѣе кружится. Она яснѣе слышитъ то, что онъ говоритъ горячимъ шопотомъ.

Имя Умнова повторяется нѣсколько разъ... Какая-то сваха... Гнусная любовь раскольника... Предательски сочиненная исторія, похожая на правду... Онъ повѣрилъ и возмущился... Взрывъ мстительнаго негодованія... Умновъ обличилъ себя... Съ нимъ — его собственноручное письмо... Невыносимая тоска гложетъ его теперь. Не оправдываться онъ пришелъ, а умолять. Тотъ, прежній Остожинъ — умеръ... Тотъ, что не умѣлъ любить! Цѣною всей жизни готовъ онъ искупить свою вину. Теперь только неудержимое влеченіе къ ней овладѣло всѣмъ его существомъ.

Голосъ вздрагивалъ, дыханіе становилось прерывистымъ. Потокъ страстныхъ признаній перешелъ опять въ глухой плачъ.

Вѣра сидѣла недвижно и не находила словъ.

Вотъ онъ опять — у ея ногъ и хватаетъ ея свободную руку... Она не вырвала руки. Онъ цѣлуетъ ее трепетными губами.

— Владиміръ... — она не выговорила: „Григорьевичъ“. — Полноте... Я слишкомъ измучена... Я не въ силахъ отвѣчать вамъ...

Тутъ только она почувствовала настолько силы, чтобы встать и отойти къ дивану.

Остожинъ поднялся, весь потрясенный своимъ признаніемъ, и остался у дверей, не смѣя глядѣть въ ея сторону.

— Простите... Вѣра! Я уйду. Но я молю объ одномъ... Скажите, что вы позволите мнѣ искупить мою вину... что я не оттолкнулъ васъ навѣки...

— Своей жизни... у меня уже нѣтъ, Владиміръ Григорьевичъ... Тамъ, наверху, умираетъ моя мать. И я не хотѣла бы оставаться въ живыхъ... Вы мнѣ повѣрите... Это не пустыя слова.

— Вы умерли для... всего остального? — обронилъ онъ.

— Я васъ не отталкиваю... и вѣрю вамъ. Но скажите по совѣсти... развѣ я — на вашемъ мѣстѣ — могла бы заподозрить васъ... въ томъ же?

Слезы тихо побѣжали по безкровному лицу Вѣры.

Больше минуты она не могла продолжать.

— Такъ видно... Богу угодно, Остожинъ. Искала и я хоть чуточку счастья, а того не разглядѣла, глупая, что я вамъ — неровня.

— Вы! — точно ужаленный, крикнулъ Остожинъ и подбѣжалъ къ ней. — Вы? Неровня!

— Неровня, — тихо и твердо повторила Вѣра. — Будь иначе — и ничего бы не вышло такого... чтѣ теперь легло камнемъ...

Она не докончила.

— Простите... мнѣ очень, очень тяжело, Остожинъ.. Пощадите меня.

Съ усиленіемъ поднялась она и пошла къ дверѣ въ коридоръ. Остожинъ стоялъ какъ убитый по срединѣ комнаты.

XXXV.

— Священники пріѣхали, матушка-барышня!

Маша, запыхавшись, вбѣжала въ кабинетъ Вѣры.

— Сейчасъ, я готова.

Вѣра одѣлась во все бѣлое — какъ будто она сама была причастницей.

Третьяго дня Степанида Ѳедотовна пожелала причаститься.

— Только ты... ни Ани, ни Герасима не тревожь, — сказала ей старуха на ухо, чтобы не разслыхала сидѣлка. — Зачѣмъ ихъ пугать? Герасимъ въ городъ поѣдетъ... Анечку мы не будемъ оповѣщать.

Шелъ одиннадцатый часъ. Въ домѣ стояла обычная тишина. Никто бы не сказалъ, что въ одной изъ комнатъ верхняго жилья лежитъ умирающая... Такъ желала прощаться съ жизнью сама Степанида Ѳедотовна.

...Чтобы не было, изъ-за нея, ни суеты, ни тревоги.

Вѣра уже стояла въ дверяхъ своей комнаты, когда священникъ, въ золотой ризѣ, осторожно неся чашу, сталъ подниматься по ступенькамъ. Передъ нимъ причетникъ въ стихарѣ несъ большую восковую свѣчу.

Тихое умиленіе ощущала Вѣра, глядя затуманенными отъ слезъ глазами вслѣдъ святымъ дарамъ.

До сегодня она ужасалась смерти самого дорогого ей существа, она сама переживала отчаянную борьбу съ уничтоженіемъ, которое надвигалось—безстрастное и жестокое—и каждый день все урѣзывало возможность дышать, думать, любить, надѣяться, молиться.

Но сейчасъ эта чаша—символь искупленія и вѣчнаго покоя—прошла мимо нея и повѣяла примиреніемъ.

Она уже болѣе не страшилась ни за мать, ни за себя. Смерть придетъ великой избавительницей отъ страданій. Благословлять надо ее, а не слать ей вслѣдъ проклятія.

Медленно подвигалась Вѣра, когда нижній край искривленной ризы священника исчезъ, срѣзанный послѣдней ступенькой лѣстницы.

Она не пошла дальше проходной комнаты передъ спальней матери и тамъ беззвучно опустилась на колѣни.

До ея слуха не долетало ни одного звука. Сзади, на площадкѣ, стояли двѣ горничныя и сидѣлка.

Прошло нѣсколько минутъ. Исповѣдь кончилась. Причетникъ со свѣчой растворилъ половинку двери и сказалъ баскомъ, обращаясь къ Вѣрѣ:

— Просить васъ... батюшка. Причастница желаетъ. Вотъ сюда.

И онъ указалъ рукой направо отъ двери.

Степанида Федотовна, съ приподнятой головой, сидѣла въ постели, облокотившись о взбитыя подушки. Лицо—желтоватое, съ признаками отека, но спокойное и ясное—глядѣло на чашу даровъ глубокимъ взглядомъ своихъ темныхъ, еще не потускнѣлыхъ глазъ.

Она не слыхала, какъ дочь вошла и встала на колѣни—аршина на два отъ кровати. Но передъ тѣмъ, какъ священникъ сталъ произносить вслухъ молитвенныя слова—она повернула голову, увидала Вѣру и улыбнулась ей.

Раздался голосъ священника, протяжно и тепло. И причастница повторяла ниже его тономъ, раздѣльно, вздрагивающимъ звукомъ.

— Вѣрую, Господи, и исповѣдую, яко Ты еси во истину Христосъ...

Съ закрытыми глазами стояла Вѣра на колѣняхъ, и каждое слово, произносимое матерью за священникомъ, отдавалось въ ея душѣ.

— Вечери Твоя тайныя днесь, Сыне Божій, причастницу мя прими...

И она хотѣла бы умереть, какъ умираетъ мать ея. Въ каж-

дой вибраціи ея голоса чувствовалась готовность предстать передъ Тѣмъ, въ Кого она вѣрила всю свою жизнь, безъ колебаній и сомнѣній.

— Честнаго...— началъ священникъ нѣсколько другимъ голосомъ.

Вѣра раскрыла глаза въ ту минуту, когда мать ея принимала причастіе, сложивъ на груди уже плохо повинующіяся отекшія руки и нагнувъ впередъ голову.

— Поздравляю съ причащеніемъ Святыхъ Таинствъ Господнихъ,—опять другимъ тономъ сказалъ батюшка; повернувшись, повторилъ поздравленіе, обращаясь къ Вѣрѣ, и отошелъ въ сторону.

Она быстро встала, подошла къ кровати и радостно обняла Степаниду Ѳедотовну.

— Мама... мама...—смогла она выговорить и не выдержала— зарыдала, цѣлуя правую руку матери, лежавшую поверхъ одѣяла.

Священникъ удалился, пожелавъ больной „свораго исцѣленія“. Вошла сидѣлка, за ней горничныя. Всѣ онѣ поздравляли Степаниду Ѳедотовну. Сидѣлка предложила ей откусать чего-нибудь...

Съ ранняго утра старуха ничего не хотѣла принимать передъ причащеніемъ.

Теперь она согласилась выпить чашку молока. Все остальное было ей въ тягость. Сидѣлка пошла распорядиться. Горничныя также удалились и прятворили обѣ половинныя двери.

Вѣра сѣла на табуретъ, въ ногахъ матери. Старуха дышала свободнѣе, чѣмъ наканунѣ. Вся она была радостная, и голосъ ея звучалъ полно и сильно, точно она дѣйствительно получила внезапное облегченіе.

Ей давно—съ того дня, какъ былъ консиліумъ—хотѣлось поговорить съ Вѣрой—„какъ на духу“.

— Такъ мнѣ хорошо, Вѣруня,—начала она и сдѣлала глубокую передышку.—Такъ сладко... Хоть сейчасъ предстать передъ Нимъ, Царемъ Небеснымъ... Знаю, что жить мнѣ отсчитано... И не буду жадничать, и васъ всѣхъ томить... Тебя, Вѣруня... моя безцѣнная...

Слезы зазвучали на этихъ словахъ Степаниды Ѳедотовны. Она откинулась головой на высоко взбитую подушку и на нѣсколько секундъ закрыла глаза.

— Вы... послѣ меня не будете тагаться... Я знаю... И тебѣ нечего бояться ни брата, ни сестры—не обидать... Не станутъ корить тебя тѣмъ, что приданныя деньги твои пошли всѣ на мужа. И я тебя этимъ не корю, голубка. И сама—на твоёмъ бы мѣстѣ—

такъ поступила. Ты его честь поддержала, и тебѣ это и тамъ—старуха слабо подняла руку—зачтется безпремѣнно.

— Маменька... не утомляйте себя...—остановила ее Вѣра.

— Коли нынче не сказать тебѣ всего самаго завѣтнаго—когда же? Слетить конецъ—и не взвидишь. Его, Батюшку... не надо испытывать... А тамъ и замолчу... на вѣкъ...

Вѣра схватила ее руку и начала порывисто цѣловать.

— Я готова... хоть сію минуту... Вы волю мою уважите... Я только прошу... вонъ—письмо...

Степанида Федотовна приподнялась и указала рукой.

— Вотъ тамъ... въ шкатулѣ... лежитъ сверху. Какъ только откроете... на самомъ верху. И ничего я не приказываю, а только прошу. Къ сестрѣ твоей и къ Герасиму обращаюсь... Какія у меня свои деньги... изъ нихъ прошу ихъ отдать тебѣ половину.

— Маменька... Зачѣмъ?.. Пускай по закону.

— Остальное... поровну раздѣлите... По закону брату идетъ больше... сама знаешь... да Герасимъ ни тебя, ни Ани, не обидеть... А насчетъ тебя прошу ихъ... И они поймутъ! Я могла бы по завѣщанію и все тебѣ оставить,—прибавила старуха шопотомъ,—только такъ лучше будетъ.

— Зачѣмъ?—повторила опять Вѣра.

— Полно... глупенькая ты... безсребреница. Вѣдь у тебя ничего своего-то не осталось.

— Это моя вина, маменька.

— А я говорю—нѣтъ! И братъ съ сестрой должны такимъ же манеромъ понять. Чтѣ жъ дѣлать! Каждому свой крестъ выпадаетъ. Теперь и мужъ твой знаетъ, что ему вдругорядъ не будетъ такой помощи отъ тебя. Ума не теряй, Вѣруня... Да и не потеряешь... потому самъ-то онъ для тебя уже не тотъ.

Старуха схватилась рукой за грудь.

— Утомились... мамаша милая!.. Не надо такъ много говорить..

— Ничего... Вѣдь это... въ послѣдній разъ, Вѣруня... Я потише буду... Присядь сюда... ко мнѣ...

Вѣра поднялась съ табурета и присѣла на край постели... Мать обняла ее лѣвой рукой и стала говорить совсѣмъ тихо, держа голову на плечѣ дочери.

— Вѣрушенька... безталанная ты моя. Не лежитъ твое сердце къ муженьку. И не могу я... корить тебя за это. А какъ же быть? Вѣдь онъ тебѣ данъ на вѣкъ... Можетъ, и дѣтки пойдутъ... Натура у него такая... легкая... Не злодѣй же онъ... И то сказать. Христось-то Батюшка всѣмъ прощаль... И ты прости... Обра-

звешь его, добьешься того, чтобы онъ почувствовалъ—какую ему Богъ жену далъ.

— Мамаша!.. я и сама не лучше!..—вырвалось у Вѣры страстнымъ шопотомъ.

— Не поддавайся искушенію... Не уходи отъ мужа, Вѣруна, не уходи... Поддержи его...

Старуха не досказала, и голова ея тяжело опустилась на подушку.

XXXVI.

Въ гостиной на одной высокой ногѣ непрерывно раздается чтеніе молодой бѣлицы въ черной кацавейкѣ.

Она только-что закусила и стала опять за аналой—на ночные часы. Ей немножко свѣжо отъ морознаго воздуха, врывающагося въ отворенную форточку. Волны хлорной извести съ трудомъ заглушаютъ запахъ разлагающагося трупа.

Покойница тронулась очень скоро. Ея разбухнувшее тѣло высилось подъ богатымъ парчевымъ покровомъ.

Свѣчи потрескиваютъ, и пламя безпрестанно вздрагиваетъ отъ сквознаго вѣтра.

Послѣ вечерней панихиды, гдѣ было много народу, Антониды Тимоѣевна отправила мужа съ дѣтьми домой, а сама осталась ночевать. Часу во второмъ ночи она пошла спать въ угловую комнатку и долго упрашивала Вѣру лечь. Та болѣе двухъ сутокъ была на ногахъ.

И теперь она сидѣла въ столовой, въ полутьмѣ, около выхода на площадку, откуда, черезъ отворенныя настежь двери, видны были гробъ и лицо покойницы, прикрытое до переносицы вѣничкомъ.

То-и-дѣло она поднималась съ мѣста, шла къ двери въ гостиную и тамъ стояла подолгу на колѣняхъ, безъ слезъ, худая, прозрачная въ лицѣ, покрытая черной косынкой, длинная и безвзвучная, какъ тѣнь.

Въ столовую заглянулъ Герасимъ Тимоѣевичъ и окликнулъ ее.

— Чтѣ ты, Гаря?—спросила она, не поднимая головы.

— Вотъ депешу принесли, Вѣра, на твое имя.

И Герасимъ Тимоѣевичъ цѣлый день бродитъ по дому—совсѣмъ убитый, съ посоловѣлыми глазами и колеблющейся походкой.

— Прочти, Гаря.

Столовую держали въ полутьмѣ двѣ свѣчи, зажженны въ канделябрѣ, въ дальнемъ углу комнаты.

Братъ подошелъ къ канделябру и вскрылъ депешу.

— Съ отвѣтомъ...— глухо выговорилъ онъ.— Отъ князя.

— Чтò такое?

Князю послано было три депеши—наканунѣ смерти Степаниды Ѳедотовны, вчера и сегодня. До сей минуты не было никакого отвѣта.

— Князь Вадимъ Дмитріевичъ — медленно разбираетъ Герасимъ Тимоѳеевичъ—заболѣлъ жабой въ неопасной формѣ, но ѣхать не можетъ раньше конца недѣли. Онъ проситъ дать ему знать о здоровьѣ его супруги.

— Кто же подписалъ?—спросила Вѣра.

— Какой-то докторъ Линденбаумъ... Телеграфнаго курьера я задержалъ, Вѣрочка. Чтò прикажешь отвѣтить?

Съ болѣзни и, еще замѣтнѣе, послѣ смерти матери Герасимъ Тимоѳеевичъ сталъ съ Вѣрой особенно ласковъ и кротокъ.

— Отвѣтъ, Гаря, что я здорова и благодарю за его заботы.

Она выговорила это тихимъ, задушевнымъ голосомъ.

— Позволь... лучше я сама.

— Зачѣмъ тебѣ беспокоиться?

— Нѣтъ, я сама... Все равно... и отдамъ депешу.

Она взяла изъ рукъ его цвѣтной листокъ и, бросивъ еще взглядъ по направленію гостиной, пошла внизъ.

Въ передней увидала она закутанную башлыкомъ голову телеграфнаго курьера.

— Очень холодно?—кротко спросила она его.

— Порядочно забираетъ, ваше сіятельство.

Эти слова „ваше сіятельство“ прозвучали для нея такъ неожиданно и отнесли ее къ той долгой барской жизни, тамъ на Поварской, въ томъ мірѣ, откуда она ушла съ опустѣлой душой.

— Подождите... я сейчасъ...

Въ ея кабинетѣ горѣла лампа, и было, послѣ заходоульхъ комнатъ верхняго жилья, тепло и уютно.

Вѣра присѣла къ письменному столу, окунула перо въ чернильницу и написала адресъ: „Петербургъ, Европейская гостиница, князю Кунгурову“.

И сейчасъ же—точно въ галлюцинаціи—передъ ней всплыла голова матери. Глаза, потухая, остановились на ней съ выраженіемъ глубокой жалости и ласки. И блѣдными, трепетными губами повторяла старуха:

— Не уходи отъ мужа, Вѣруня, не уходи... Поддержи его...

Послѣднія слова Степаниды Ѳедотовны звучали у нея точно какъ будто она ихъ слышитъ на яву.

Она и не уйдетъ отъ мужа. Не онъ виноватъ передъ нею, а она передъ нимъ.

У гроба матери она простилась со всякими счетами. Все у нея перегорѣло въ душѣ... Замерли мятежные порывы. Жалка ей та княгиня Кунгурова, которая такъ жестоко и бездушно сбиралась расторгнуть свой бракъ.

Рука ея твердо вывела слова отвѣта.

„Благодарю тебя, Вадимъ. Я здорова. Не скрывай отъ меня ничего. Если сильно нездоровится—я приѣду послѣ похоронъ“.

Это „ты“ вылилось у нея сразу. Она даже не спросила себя—на „ты“ или на „вы“ написать телеграмму.

Вышло больше десяти словъ. Она достала изъ одного изъ ящичковъ свой расходный портъ-монѣ и вынула оттуда рублевую бумажку.

И тотчасъ же ее повлекло опять наверхъ, къ тѣлу матери. Усталости она какъ бы *не могла* ощущать. Ее точно чтѣ толкала механически. И сонъ не бралъ ее.

Въ гостиной дѣлалось еще свѣжѣе. Бѣлица стояла нагнувшись надъ аналоемъ; руки она припрятала въ широкіе рукава своей ватной кацавейки.

Голосокъ ея, высокій и вздрагивающій, зазвучалъ явственнѣе, какъ только она замѣтила Вѣру.

Сдѣлавъ маленькую передышку, она начала раздѣльно произносить слова псалма:

„Коль возлюбленна селенія Твоя, Господи силъ! Желаетъ и скончается душа моя во двory Господни“...

Вѣра вспомнила, что когда-то, въ дѣтствѣ, ее заставляли учить этотъ самый псаломъ, какъ молитву. И она повторяла поэтическіе образы вѣнчаннаго пѣвца, не понимая ихъ—вотъ эти самыя, которые монашка выговаривала теперь своимъ томнымъ, вздрагивающимъ голосомъ:

„Ибо птица обрѣте себѣ хранину, и горлица гнѣздо себѣ, идѣже положить птенцы своя: алтари Твоя, Господи силъ, Царю мой и Боже мой“.

И никакъ она не могла понять тогда, чтѣ значить этотъ возгласъ объ алтаряхъ.

А теперь ей какъ будто все ясно.

Точно для нея, для ея нечистыхъ порываній къ любовной страсти, для ея души, забывшей жалость къ человѣку, избран-

ному ею въ мужа по доброй волѣ и разумнѣю, пѣснопѣвецъ сложилъ и вотъ этотъ стихъ:

„Яко лучше день одинъ во дворѣхъ Твоихъ паче тысящъ: изволихъ приметатися къ дому Бога моего паче, неже жити ми въ селеніяхъ грѣшничихъ“...

Долго стояла она на колѣняхъ, не сознавая, что исхудалое тѣло ея вздрагивало отъ холодныхъ струй воздуха, ходившихъ по просторной комнатѣ. И обоняніе ея не воспринимало запаха разлагающагося трупа, а онъ дѣлался все явственнѣе.

Она подняла голову—все еще стоя на колѣняхъ—и взгляды ея упали на лицо покойницы.

Въ немъ началось уже разложеніе. Носъ расплывался, вѣки побурѣли.

Ужась впервые пронизалъ Вѣру. Вотъ она—смерть, растлѣвающая и смрадная. Никогда еще она не пронизалась такъ ея гнусной властью, какъ въ эту минуту, при видѣ лица матери, обезображеннаго разложеніемъ.

Такъ и ее опустить въ гробъ, съ руками, сложенными на груди, съ вѣнчикомъ, надвинутымъ на переносицу.

И ея обликъ будетъ подтачивать гніеніе и превратить его въ безформенную студенистую массу.

Голова ея закружилась. Чувство тошноты схватило за сердце... Она съ трудомъ могла встать; шатаясь, доплелась она до дивана и упала на него.

И ей бы умереть вотъ тутъ, сейчасъ, у ногъ матери!.. Уйти на вѣки отъ долгой вереницы годовъ, отъ жалкихъ схватокъ съ жизнью.

Монашка истово перекрестилась и громче произнесла заключительныя слова другого псалма:

„Воззоветь ко Мнѣ и услышу его: съ нимъ есмь въ скорби, изму его, и прослаблю его. Долготою дней исполню его, и явлю ему спасеніе Мое“...

XXXVII.

Прошла уже цѣлая недѣля съ кончины Степаниды Федотовны.

Въ столовой, часу во второмъ, за самоваромъ, сидѣли обѣ сестры и мужъ Антонины Тимофеевны—Кусовъ.

Лицо Антонины—хоть она и очень была убита смертью матери—все такъ же лоснилось, какъ и двѣ недѣли назадъ, только немного похудѣло. Вѣра, съ потухшимъ взглядомъ и впалыми

глазами, носила такой же трауръ, какъ и сестра, но на ней онъ казался строже.

Только-что ушелъ братъ ихъ. Онъ, по просьбѣ Антонида, вскрылъ письмо, о которомъ Степанида Федотовна говорила Вѣрѣ послѣ причастія. Въ немъ, дѣйствительно, была *просьба* старухи, обращенная къ сыну и старшей дочери, „не посѣтовать на нее“ за то, что она „желала бы“ изъ личнаго своего капитала оставить половину Вѣрѣ, а другую половину—пополамъ Герасиму и Антонидѣ.

Вѣра стала искренно отказываться отъ такой половинной доли.. Братъ и сестра настаивали на томъ, что воля матери должна быть исполнена.

— Неужели,—горячо заговорила Антонида,—мы тебѣ, Вѣрочка, поставимъ въ вину то, что всѣ твои приданныя деньги пошли на дѣла князя?.. Маменька справедливо разсудила.

— И ты же спасла мужа своего отъ потери добраго имени... нужды вѣтъ, что онъ Гедиминовичъ, а мы крестьянскаго рода,—замѣтилъ Герасимъ Тимоѣевичъ.

Вѣра на это сказала вполголоса:

— Чтѣ его трогать, братъ... Все это прошло...

И сестра съ мужемъ, и братъ, стали замѣчать, что Вѣра избѣгаетъ разговоры о князѣ. Онъ все еще—въ Петербургѣ. Вѣрѣ онъ прислалъ депешу, что долженъ представляться, на дняхъ, министру, послѣ чего получить мѣсто въ провинціи. Ни Антонида, ни Герасимъ, не спрашивали Вѣру—поѣдетъ ли она съ мужемъ „въ губернію“ или вѣтъ. Но имъ сдавалось, что врядъ ли. Того же мнѣнія былъ и Кусовъ.

Полный ладъ выходитъ между ними и по всему остальному имуществу. Отцовское состояніе, бывшее въ пожизненномъ пользованіи матери—домъ, лавки, амбаръ—они согласились дѣлить по ровной долѣ. Домъ рѣшили продать во всякомъ случаѣ—Кусовымъ онъ не нуженъ, Герасимъ Тимоѣевичъ не желаетъ заниматься торговлей, а лавки возьметъ Антонида, выплативъ брату и сестрѣ стоимость ихъ долей.

О вещахъ въ домѣ они еще не толковали. Вѣра сказала, что было бы слишкомъ тяжело все это перебирать, всего недѣлю послѣ смерти матери. Антонида согласилась съ этимъ; а Герасимъ все повторялъ, что ему дороги только его книги. Онъ найметъ квартиру съ хорошимъ помѣщеніемъ для его библіотеки, а больше ему ничего не надо.

Кусовъ, приглашенный сестрами къ этому совѣщанію, передъ

уходимъ Герасима, всталъ и, обращаясь ко всѣмъ, нѣсколько торжественно произнесъ:

— Особенной честью почитаю для себя, что мнѣ выпало счастье находиться въ родствѣ съ такой достойной семьей... Нечего грѣха таить, у насъ по купечеству далеко не во всѣхъ семьяхъ есть такой ладъ, на случай наслѣдственныхъ дѣловъ!.. Сейчасъ пойдетъ драная грамота... изъ-за каждой мелочи. А у васъ всѣхъ—родственное чувство на рѣдкость!

Антонида вспыхнула и сейчасъ же потянулась цѣловать мужа. Кусовъ подошелъ сначала къ рукѣ Вѣры. Она сама обняла его. И съ Герасимомъ они поцѣловались.

Антонидѣ, по уходѣ брата, хотѣлось спросить Вѣру— какъ и гдѣ думаетъ она провести остатокъ зимы, но она боялась сказать что-нибудь невпопадъ. Торопить продажей дома ни она, ни Герасимъ, не будутъ, и Вѣра можетъ занять, хоть сейчасъ, всѣ комнаты верхняго этажа, гдѣ жила сама Степанида Федотовна.

На похоронахъ старухи—богатыхъ и довольно многочисленных—почти никого не было изъ дворянскихъ знакомыхъ Вѣры. Графиня Боровицына написала ей сочувственное письмо, гдѣ выразила желаніе навѣстить ее на дняхъ. Изъ купеческаго общества никто еще не являлся съ визитомъ. До сорокового дня врядъ ли кто и прійдетъ.

— Ну, Ардальоша,—громко сказала Антонида Тимоѣевна, допивъ третью чашку чая.—Пора намъ! Ты, Вѣруша, не прійдешь ли вечеромъ? А то что же тебѣ все одной да одной?

— Князь, значить, въ своромъ времени прібудетъ?—спросилъ Кусовъ.—Ежели здоровье позволитъ?

— Теперь все прошло,—сказала сдержанно Вѣра и тотчасъ же прибавила:—Я хотѣла поѣхать къ нему, да онъ телеграфируетъ, что уже на ногахъ, и ему позволено выѣзжать.

Кусовы собрались прощаться съ Вѣрой. Въ дверяхъ показалась ея горничная Ольга и доложила вполголоса:

— Васса Ивановна Лопарева. Онѣ внизу и спрашиваютъ—можно ли имъ видѣть Вѣру Тимоѣевну?

Антонида нагнулась къ сестрѣ и шопотомъ спросила:

— Примешь?

Кусовъ только повелъ губами и усмѣхнулся.

— Куда ни шло! Прими ее, Вѣруня... Къ маленькѣ она всегда была почтительна.

— Просите,—сказала Вѣра.

— Въ гостиную что-ли?—спросила Антонида.

— Нѣтъ, Аня.. Я не хотѣла бы...

До сихъ поръ она не заглянула ни разу въ комнату, гдѣ лежало тѣло ея матери.

— Да отчего же не сюда,— замѣтилъ Кусовъ.— Зовите сюда, — распорядился онъ за Вѣру.

Заслышались грузные шаги Лопаревой. Ступеньки лѣстницы поскрипывали.

— Нагѣво?.. Въ столовую? — звонко спрашивала она, немножко задыхаясь.

При звукѣ ея голоса, Вѣра вспомнила слова несчастнаго поэта: „Гоните ее“!

И потомъ его же возгласъ:

„У—у! Гадина“!

Но Вѣра не могла негодовать на эту „блудодѣицу“, какъ называлъ ее Спѣшневъ. Слишкомъ она еще далека была отъ всего, что вокругъ нея дѣлалось и говорилось.

— Милые мои! Спасибо, что приняли меня!

Лопарева распѣловалась съ Антониной и подходила, широко разставивъ руки, къ Вѣрѣ. Она была въ черномъ суконномъ платьѣ, очень строгаго траурнаго покроя.

Какъ всегда, особенно звонко чмокнула она Вѣру и обняла за плечи.

Кусову крѣпко пожала руку.

— Вѣдь я только третьяго дня ввалилась въ Москву... Ничего не знала про болѣзнь и кончину Степаниды Федотовны.

— За границей изволили быть? — спросилъ Кусовъ съ усмѣшкой.

— Морозы меня погнали. Горло стало все шалить. На три недѣли укатила въ Сицилію... И на Эгнѣ поднималась... А надъ вами такое горе стряслось...

Васса Ивановна присѣла къ столу.

— Чашечку соблаговолите, голубчикъ? — дурачливо обратилась она къ Вѣрѣ. — Разспрашивать васъ не стану... о болѣзни маменьки. Вамъ слишкомъ тяжело будетъ говорить объ этомъ. Разумѣется, все, небось, испробовали?.. Идоловъ нашихъ приглашали? Прославленные знаменитости? А?

— Конечно, — съ пожиманіемъ плечъ отвѣтила за сестру Кусова.

— Ни въ кого-то изъ нихъ я не вѣрю! — крикнула Васса Ивановна и отклебнула изъ чашки. — И какъ мнѣ тогда не въ домѣтъ — помните, я у васъ была... передъ отъѣздомъ... Не напомнила вамъ про Евпраксеюшку?

— Какую?—заинтересованно откликнулась Антонида.—Старушка-банщица?

— Она, она самая! Чудеса дѣлаетъ... Помолитесь съ больнымъ... и облегченіе—въ двадцать четыре часа.

Вѣра тихо усмѣхнулась.

— Воля Божія!—выговорилъ Кусовъ и всталъ. Поднялась и Антонида.

Васса Ивановна осталась и послѣ ихъ ухода. Она подѣлала къ Вѣрѣ еще ближе, взяла ее за руку и заговорила вполголоса:

— Мой блаженненькій-то доканаль-таки себя... Я умываю руки... Безъ меня, въ подлой одной газетикѣ, появился фельетонъ... яко бы я его довела до самоубійства!.. Не могу я признать себя виновной... Да и никакого самоубійства не было!.. Просто опидся зепромъ...

И вдругъ глаза ея сдѣлались влажны. Голосъ сталъ вздрагивать.

— Нешто я извергъ?! Мнѣ его жалъ. И на могилу я вѣдила... Крестъ бѣлый, точно на нищенкѣ... Я поставлю ему памятникъ... Мраморный! Изъ чернаго мрамора! И вы, голубчикъ, сдѣлайте мнѣ одолженіе—выберите два или тамъ четыре стиха... Высѣчь на мраморѣ... Вѣдь онъ имя могъ бы себѣ составить.

Лопарева отерла платкомъ подкрашенные глаза, привстала и поцѣловала Вѣру въ голову.

„Гоните ее!.. Гадину!“ — повторила про себя Вѣра слова Спѣшневъ. Но возмущаться она не могла. Жалокъ былъ Спѣшневъ; но жалка и эта торжествующая развратница.

„И я не лучше“,—убѣжденно подумала Вѣра.

— Только одна горечь! И срамъ!—прошептала Лопарева. Она стояла надъ Вѣрой, облокотившись о спинку ея дубоваго стула.—Любовь!.. Страсть!.. Все ищешь блаженства... А потомъ такъ павостно на душѣ... Голубчикъ вы мой!—громко воскликнула она и обняла Вѣру за шею.—Я рядомъ съ вами гадая... Но повѣрьте вы мнѣ—нераскаанной грѣшницѣ — не поддавайтесь вы на мужское прельщеніе... Ежели не очень презираете мужа своего — держитесь за него... Держитесь!..

И, точно боясь разрыдаться, Лопарева побѣжала къ двери.

XXXVIII.

— Нѣтъ! Выслушайте меня, Вѣра! Я раньше не уйду отсюда.

Остожинъ просительно протянулъ къ ней руки.

Они сидѣли другъ противъ друга въ ея кабинетѣ: она — на диванчикѣ; онъ — на стулѣ, очень близко къ ея колѣнямъ,

Въ лицѣ Вѣры не было ни кровинки. Глаза ушли въ темныя впадины. И губы совсѣмъ потеряли свой прежній цвѣтъ. Она нагнула голову и не глядѣла на Остожина. Дышала она коротко, сдерживая волненіе.

Онъ вошелъ къ ней безъ доклада. Крикнуть ему: „оставьте меня!“ — у нея не хватило силы. Она только-что оправилась отъ трехдневной невралгіи, прибовавшей ее къ постели. Внезапный приходъ Остожина не потрясъ ее, а скорѣе подавилъ.

— Я васъ слушаю,—выговорила она, не поднимая на него глазъ.

— Оправдываться я больше не буду. Но я не могу выносить такого состоянія. Не могу, Вѣра!

Она ждала — вотъ онъ опять упадетъ къ ея колѣнямъ и разрыдается. И она знала, что это не вызоветъ уже въ ней что-либо сильное, испытанное ею въ послѣднее ихъ объясненіе. Этотъ гордый и увѣренный въ себѣ европеецъ, избалованный успѣхами всякаго рода, будетъ снова умолять ее оставить мужа, отдаться на всю жизнь тому, кого она полюбила не изъ блажи, не по шалому капризу или грязному чувственному влеченію.

Вину его она ему простила, но то, чтѣ вышло между ними — слишкомъ истерзало ея душу... Она не находитъ въ себѣ любви. Да и любовь ли это была? Та просвѣтляющая и радостная, не омраченная ничѣмъ и ничѣмъ не загрязненная?..

Предсмертныя слова матери слышались ей съ ясностью галлюцинаціи:

„Не уходи отъ мужа, Вѣруня... не уходи“.

А то, чтѣ Остожинъ сейчасъ изливалъ въ горячей и красно-рѣчивой тирадѣ — она точно совсѣмъ не разслыхала.

— Я вамъ вѣрю, Остожинъ,—ласковѣ сказала она и сама протянула ему руку.—Я вамъ вѣрю,—повторила Вѣра, и голосъ ея зазвучалъ тверже и спокойнѣе.—Никакихъ упрековъ вы отъ меня не услышите... Вы сами обвинили себя безоцѣдно...

— Да, но вы не вѣрите тому, какъ вы мнѣ дороги.

— Я не имѣю права не вѣрить вамъ, Остожинъ. Но будь я свободна — я бы чувствовала то же самое и сказала бы вамъ опять: мы не созданы другъ для друга, я вамъ неровня.

— Не допускаю я этого! — почти гнѣвно крикнулъ Остожинъ.

— Мои слова не увертка, Владиміръ Григорьевичъ, и не пустая фраза. Хотите выслушать меня... въ это послѣднее свиданіе?

— Последнее?—повторилъ онъ.

— Да, последнее...

Вѣра произнесла эти слова, уже вполне владѣя собою. Она подняла глаза на Остожина и безъ смущенія выносила его взглядъ.

— Вы—просвѣщенный европеецъ, Владиміръ Григорьевичъ, а я—дочь своей матери, Степаниды Ѳедотовны Финиковой. Стремилась къ тѣмъ сферамъ, гдѣ вы занимаете такое видное мѣсто. И многое я не разглядѣла... А теперь мнѣ все ясно. Въ васъ всегда будетъ жить чувство своего неизмѣримаго превосходства... и предубѣжденіе противъ того быта, откуда я вышла... Не отрицайте этого. И вѣрьте, не обидчивая купчиха, попавшая въ княгини, говоритъ во мнѣ... Но вѣдь оно такъ, Остожинъ? Допросите себя, какъ на духу — и вы убѣдитесь сами, что я не клевету на васъ...

— Вы никогда не любили меня!—глухо проронилъ Остожинъ.

— Не знаю... Можетъ быть, вы и правы. Но я говорю не о себѣ, а о васъ. Я все вамъ простила... И то, что я сейчасъ скажу — не примите за желаніе опять считаться съ вами!.. Согласитесь, еслибъ вмѣсто меня была другая женщина... не изъ купчихъ... Вы бы такъ порывисто не заподозрили ее въ томъ, въ чемъ заподозрили меня. Вѣдь да? Владиміръ Григорьевичъ. Одно слово—правды: да или нѣтъ?

— Такъ нельзя ставить вопросъ!

— Почему же? Вы отдались внезапному чувству... Оно было сильнѣе васъ... Это могло бы всплыть и впоследствии. И я не знаю, что тяжелѣе было бы: переносить дѣтскія претензій титулованнаго барина, или всю жизнь, любя, чувствовать такую рознь?

— Къ чему все это?—прервалъ ее Остожинъ и всталъ.—Въ васъ сидитъ еще обида — и я готовъ искупить ее. Такая женщина, какъ вы, не шутитъ съ чувствомъ, не можетъ шутить.

— Я и не шутила... Владиміръ Григорьевичъ... Но я могла впасть въ самообманъ...

— На что же вы себя обрекаете? На жизнь съ постылымъ мужемъ?.. Во имя какихъ принциповъ? Кому и чему нужна такая жертва?

Вотъ точно такъ она говорила себѣ, передъ тѣмъ, какъ ее потянуло къ нему — нѣсколько недѣль тому назадъ. Сильнѣе и онъ ничего ей не скажетъ.

— Владиміръ Григорьевичъ! Вы не поймете того, что звала во мнѣ смерть матери. Никто и никогда не будетъ меня

любить, какъ она. И въ ея предсмертномъ завѣтѣ была настоящая правда. Ея простая, мужицкая душа вошла и въ меня, — голосъ Вѣры сталъ вздрагивать: — мамаша сказала мнѣ... за день до кончины: „Не уходи отъ мужа“... И я не уйду!

— Вотъ чтѣ!

Остожинъ вскинулъ руками. И только усиліе надъ собою держало его отъ взрыва нервнаго смѣха.

— Это банально, не правда ли, Владиміръ Григорьевичъ? — спросила Вѣра, поглядѣвъ на него пристально. — И въ этомъ опять сказалась купчиха? А вы — человѣкъ, свободный отъ всякихъ предрасудковъ, — вы не въ состояніи преклониться передъ такимъ завѣтомъ... Что-жъ! вамъ же легче будетъ. Вы вправѣ утверждать, что я, постыдно испугалась... опять, какъ истая купчиха...

Остожинъ отошелъ къ окну и взялся рукой за свой бѣлый, красивый, полу-обнаженный лобъ.

Вѣра уходила отъ него — и уходила навсегда. Что-то нестерпимое по своей ѣдкости ощущалъ онъ: тутъ было и чувство собственной вины, и гнѣвъ на женщину, милѣе которой онъ не найдетъ ни здѣсь, въ Москвѣ, ни на томъ Западѣ, гдѣ его такъ цѣнятъ и чествуютъ.

Остатокъ мужской гордости сновывалъ его движенія. Онъ не находилъ въ себѣ ни страстныхъ звуковъ, ни рыданій, ни трепетныхъ порывовъ, ни язвительныхъ обличеній.

Вѣра продолжала въ томъ же тонѣ исповѣди:

— Каковъ бы ни былъ князь Вадимъ Дмитріевичъ — я не смѣю бросить въ него камень. Не онъ, какъ мужъ, виновенъ передо мною, а я передъ нимъ.

— И должны повиниться? — спросилъ Остожинъ, быстро повернувъ къ ней лицо.

— Да, должна, Владиміръ Григорьевичъ. И сдѣлаю это... Не бойтесь... я буду говорить только о себѣ.

Остожинъ судорожно потеръ руки. Онъ былъ близокъ къ взрыву.

— И мать я обманывала. Скрывала отъ нея то, что вышло между мною и вами. Мнѣ больно не за насъ обоихъ, а за одну себя... Помните, вы все требовали отъ меня свободы чувства, требовали, чтобы я ничего не боялась. Я и не боюсь теперь ничего. И безропотно принимаю отъ жизни все то, чтѣ мнѣ суждено испытать... Больше мнѣ нечего сказать вамъ, Владиміръ Григорьевичъ.

Вѣра поднялась и встала, по срединѣ комнаты, ожидая его ухода... Она протянула ему руку, первая.

— Простимся... безъ горечи...

— И навсегда?—спросилъ Остожинъ. Его губы съ трудомъ повиновались ему.

— Такъ лучше будетъ, Остожинъ. Пріятелями намъ уже трудно быть. Не обманывайте себя: вы мнѣ не въ состояніи будете простить... Я васъ за это не упрекаю... Вѣдь и передъ вами я не права...

— Не нужно мнѣ никакихъ самообвиненій, Вѣра Тимоѣевна!..

— Хорошо, я замолчу.

Надо было уходить. Онъ нагнулся и поцѣловалъ ея руку... Въ пальцахъ ощутилъ онъ трепетъ.

„Она еще любитъ!“— Это сознаніе пронизало его; онъ готовъ былъ раскрыть свои объятія и привлечь ее.

Вѣра, точно чувствуя это, подалась назадъ. Остожинъ отвернулъ голову, чтобы скрыть слезы, и выпустилъ ея руку.

XXXIX.

По дорогѣ съ Николаевского вокзала, князь Вадимъ Дмитриевичъ спросилъ себя, когда онъ былъ уже на полпути до дома Финиковыхъ—останется онъ тамъ или нѣтъ?

Онъ не телеграфировалъ—съ какимъ поѣздомъ пріѣдетъ. Ему не хотѣлось встрѣчи на желѣзной дорогѣ. Онъ еще не рѣшилъ—какого тона держаться ему съ женой.

Теперь онъ чувствуетъ подъ собою почву. Получилъ онъ мѣсто въ провинціи—хуже того, на которое рассчитывалъ; но все-таки такое, на которое одному можно прожить— правда, въ уѣздѣ. Но это только ступень къ болѣе видному положенію.

Вѣрѣ Тимоѣевнѣ, конечно, досталось отъ матери больше остальныхъ дѣтей. Онъ ее ни о чемъ, на письмахъ, не спрашивалъ, да и теперь не спросить. Какъ бы она ни оказалась богата— „та, старая бестія, прибѣднивалась!“—до него это не касается. На первыхъ же порахъ онъ это выскажетъ Вѣрѣ Тимоѣевнѣ.

Не хочетъ онъ и продолжать такую супружескую жизнь, какая сложилась у нихъ въ послѣдніе полгода.

Ну, жена выручила его. На это была ея добрая воля. По русскимъ законамъ жена вполне самостоятельна. Могла и ни копѣйки не дать. Онъ ей признателенъ; но это „не резонъ“— поставить его въ положеніе какого-то приживальщика при „ихъ

степенствахъ“. Лучше ужъ развѣхаться, безъ скандала, чѣмъ выносить подобный „унизительный режимъ“.

Вѣра Тимоѣевна достаточно показываетъ ему, что она не признаетъ его супружескихъ правъ. Это и само по себѣ довольно таки обидно для него, какъ для мужчины. А если подъ этимъ есть болѣе серьезный мотивъ — онъ самъ пойдетъ на рѣшительное объясненіе. На разводъ съ его грязью онъ не согласится; но и насильно не будетъ вытребывать ее по „мѣсту жительства“, на что законъ даетъ ему право. Пускай остается здѣсь, въ „Финиевскихъ чертогахъ“, или ѣдетъ за границу съ своимъ возлюбленнымъ.

Онъ почти уже не сомнѣвался въ томъ, что тотъ „радикалишка“ поступилъ въ ея „аманты“ — ему вспомнилось прибауточное польское слово кувена Погулянина.

— На здоровье! — вслухъ подумалъ князь; но его тотчасъ же кольнуло.

Неужели онъ такъ равнодушенъ къ своему брачному погрому? Вѣра ему правилась въ дѣвушкахъ и въ первый годъ ихъ супружества. Если говорить всю правду — не она, а скорѣе онъ сталъ къ ней охладѣвать, не оттого, что она подурнѣла или сдѣлалась несносна, характеромъ; а изъ-за несогласія взглядовъ и вкусовъ, изъ-за ея „либеральничанья“, изъ-за того, что она не преклонялась передъ его „устоями“.

И она охладѣвала къ нему постепенно; но обманываетъ ли его и теперь — это еще вопросъ. Она такъ дьявольски горда, что не уступитъ ему ни въ чемъ, и прежде всего въ честности. А онъ, до сихъ поръ, никакой любовной связи на сторонѣ не имѣетъ — и это ей должно быть извѣстно.

Князь задумался и не замѣтилъ, какъ сани уже повернули въ ихъ улицу... Онъ ѣхалъ съ вокзала налегкѣ. Багажъ послалъ съ артельщикомъ.

Вотъ опять этотъ „скитъ“ съ его „до гадости“ чистымъ дворомъ и купеческой домовитостью.

Ворота стояли полуотворенными.

Извозчикъ, подѣхавъ къ троттуару, обликнулъ дворника. Тотъ сталъ медленно растворять ворота. Онъ не зналъ князя — поступилъ на мѣсто послѣ его отъѣзда въ Петербургъ.

— Кто дома? — спросилъ его князь.

— Герасимъ Тимоѣевичъ въ городъ уѣхамши; а барышня дома.

— Какая барышня?

Князь даже вспыхнулъ, догадываясь, что дворникъ называетъ такъ княгиню.

— Вѣра Тимоѣевна, — отвѣтилъ добродушно дворникъ.

— То-то.

Сани въѣхали во дворъ. Тѣ же двѣ собаки лежали въ сторожкѣ и лѣнливо поглядѣли на князя. Ни одна его не узнала.

Въ сѣняхъ онъ звонилъ нѣсколько разъ. Это его настроило еще тревожнѣе. Отперла Ольга — въ пелеринѣ съ плерезами.

Князь все такъ же не доливлявалъ эту „дѣвулю“, и за излишнюю преданность барынѣ, и за ея чопорный тонъ, который онъ считалъ „тайно-непочтительнымъ“.

— Ахъ, Вадимъ Дмитриевичъ! Княгиня васъ не ждала.

Онъ ничего ей не отвѣтилъ и только кивнулъ головой.

Опять эти противныя, душныя клѣтущи, гдѣ онъ переживалъ такую невыносимую скуку, проходилъ черезъ такія тошныя и унижающія ощущенія.

— Гдѣ же княгиня?

— У себя... Пожалуйте!

Все это отзывалось чѣмъ-то очень жуткимъ для него... Онъ въѣзжалъ не къ себѣ, а въ чужой домъ, гдѣ могли ему предложить или не предложить гостепріимство.

Сегодня же долженъ онъ имѣть объясненіе съ женой!

— А вещи ваши? — спросила Ольга.

— Сейчасъ будутъ.

— Прикажете въ вашу комнату, внизу, или наверхъ? Вѣра Тимоѣевна говорили и такъ, и этакъ.

— Это останется здѣсь... — Князь положилъ на столъ свой дорожный несессеръ. Больше у него ручныхъ вещей не было.

Отворилась дверь изъ кабинета Вѣры.

— А!.. Вадимъ!.. — обликнула она его.

Они обнялись. Князь былъ пораженъ тѣмъ, какъ Вѣра измѣнилась.

— Вы больны? — спросилъ онъ ее по-французски, входя въ ея кабинетъ.

— Нѣтъ... я, какъ видите, на ногахъ... А вы?

На „ты“ она перешла съ нимъ по-русски.

— Ты хочешь чаю?.. Или закусить? Я сейчасъ прикажу.

— Благодарю... Позднѣе...

И онъ отвѣтилъ ей по-русски.

— Ты совсѣмъ оправился?

— Да, какъ видишь.

— И доволенъ результатомъ поѣздки?

— Я получилъ мѣсто.

Онъ сказалъ—какое.

— Скоро надо собираться туда?—спросила Вѣра и такимъ тономъ—какъ будто она готова сейчасъ же ѣхать.

Это его удивило.

— Вадимъ,—заговорила другимъ тономъ Вѣра и подсѣла къ нему на диванъ. — Если ты не утомился, я прошу тебя меня выслушать.

— Сдѣлайте одолженіе!

Она опустила рѣсницы и стала еще блѣднѣе. Звукъ ея голоса былъ совсѣмъ не суровый. И князю дѣлалось ее жалко. Онъ не могъ не видѣть, до какой степени она убита смертью матери.

Онъ первый протянулъ ей руку.

— Не разстраивай себя!—выговорилъ онъ, смягчаясь.

— Я боюсь,—съ усиленіемъ начала Вѣра:—ты не захочешь оставаться здѣсь.

— Почему же?—искренно спросилъ онъ.

— Видишь ли, Вадимъ... Извини... Я, быть можетъ, не имѣю права говорить тебѣ „ты“.

— Съ какой стати!..

Князь повелъ плечами и чуть замѣтно покраснѣлъ.

Вѣра стала говорить тише, но не перешла къ французскому языку.

— Ты мой мужъ... Каково бы ни было твое чувство ко мнѣ, Вадимъ,—ты вѣдь меня не обманывалъ?

И она подняла на него глаза.

— То-есть... какъ же это?

— У тебя нѣтъ привязанности внѣ дома?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ довольно просто.

— А я пошла къ другому мужчинѣ... и мы цѣловались...

Князь провелъ рукой по своимъ курчавымъ волосамъ.

— Вотъ чтѣ!

Первое его движеніе было что-нибудь крикнуть громовое; но у него ничего не вышло.

— Чтѣ бы ты ни рѣшилъ, Вадимъ,—дай мнѣ слово, что твое лицо останется въ сторонѣ. Я одна виновата. Онъ не завлекалъ меня... и не воспользовался моимъ порывомъ.

— А—а!—протянулъ князь.

— Ты меня знаешь—я лгать не умѣю. У меня нѣтъ... любовника въ настоящую минуту... И я ему не отдалась. Но я

поступила, все-таки, какъ невѣрная жена, и ты вправѣ—отвергнуть меня.

— И вы любите его... до сихъ поръ?

— Мое чувство... умерло... Еслибъ мы разошлись съ тобой... я и тогда не сойду съ нимъ—говорю это безъ всякихъ клятвъ. Что между нами вышло—я не имѣю права отърывать и тебѣ... Я не пойду за нимъ,—произнесла медленно Вѣра и отвернула голову.

Князь сдѣлалъ громкую передышку.

— Que voulez-vous que je vous dise?..—вполголоса вскричалъ онъ и отошелъ къ столу.

— Мать моя... ничего не знала объ этомъ. Я и отъ нея скрыла. Но ея предсмертныя слова были: „не уходи отъ мужа, не уходи“...

Вѣра приблизилась къ князю и положила ему руку на плечо.

— Вадимъ! Насъ двое... Богу угодно было связать нашу судьбу... Мы не враги... И я первая готова, всѣмъ сердцемъ готова быть твоимъ другомъ и товарищемъ... Но если ты отвернешь меня—я это заслужила.

Слезы заблестѣли на ея длинныхъ рѣсницахъ. Князь молчалъ, чувствуя, что онъ не возмущенъ, а тронутъ.

XI.

Извозчицы карета вѣхала во дворъ воевала курской дороги.

Первой выскочила изъ нея Ольга — горничная Вѣры. Она поддержала свою барыню подъ локоть, когда та поднималась на крыльцо. Стояла гололедица послѣ оттепели.

Артельщики внесли ручной багажъ и два сундука.

Вѣра ѣхала налегкѣ, всего съ однимъ сундукомъ; другой былъ Ольгинъ. Половину своихъ мелкихъ вещей и почти весь нетраурный туалетъ она оставляла въ Москвѣ, на неопредѣленное время.

Ее встрѣтилъ „молодецъ“, изъ ихъ амбара. Онъ уже купилъ билеты и занялся отправкой багажа.

— Герасимъ Тимофеевичъ, — доложилъ онъ Вѣрѣ, — будутъ сейчасъ. Ихъ экстренно задержали городовые покупатели.

Въ глубокомъ траурѣ, съ длиннымъ вуалемъ изъ волнистаго крѣпа, Вѣра обратила вниманіе нѣсколькихъ пассажировъ—особенно дамъ—когда вошла въ буфетную залу.

До поѣзда оставалось еще около полчаса. Съ сестрой Анто-

нидой она прощалась вчера, но та ей сказала, что непременно приѣдетъ и на вокзалъ.

Ни Антониды, ни Герасимъ, кажется, не вѣрятъ тому, что она ѣдетъ „на житье“ къ мужу, въ тотъ уѣздъ, гдѣ онъ получилъ мѣсто. Они думаютъ скорѣе, что она ѣдетъ окончательно раздѣлаться съ нимъ, получить—если не разводъ, то фактическую свободу. Они такого невысокаго мнѣнія о князѣ, что для нихъ дѣло сводится только къ цифрѣ „отступного“, какую „заломить“ онъ.

Можетъ быть, они до сихъ поръ считаютъ ее серьезно увлеченной Остожинимъ; но никто изъ нихъ не заикнулся объ этомъ по чисто купеческой сдержанности—даже между близкими родными.

Вѣра спросила себѣ чашку чаю и присѣла къ одному изъ боковыхъ столовъ.

У нея было такоѣ чувство, что она надолго покидаетъ Москву; а никогда еще она такъ не привязывалась къ своему родному городу, какъ послѣ водворенія въ домъ матери.

И домъ рухнетъ. Не останется у нея здѣсь „ни кола, ни двора“.

Когда князь собрался уѣзжать на мѣсто, Вѣра сказала ему:

— Вадимъ, я побуду въ Москвѣ и подожду. Осмотрись тамъ, продумай все, и если ты пожелаешь, чтобы я жила съ тобою, я приѣду и останусь... навсегда.

Ему удалось найти подгородную усадьбу и устроиться скорѣе и удобнѣе, чѣмъ онъ ожидалъ... И онъ сталъ звать ее.

Колебаній у нея не было никакихъ и въ тѣ рѣдкія мгновенія, когда память объ Остожинѣ вдругъ вспыхивала въ ней. Но она могла бы оставить домъ за собой, выплатить сестрѣ и брату ихъ доли, сдавать верхній этажъ и сохранить себѣ до смерти свой уголь, тѣ комнаты, гдѣ прошла вся ея жизнь, за вычетомъ трехъ лѣтъ барскаго „плѣненія“ на Поварской.

Это было бы исполнимо. Не денегъ ей стало жаль, а не хотѣла она создавать поводъ къ скорому возвращенію въ Москву, опять на новое „плѣненіе“. Долго ли высадитъ князь на своей должности? Домъ въ Москвѣ сталъ бы таять и ее.

Такъ лучше, какъ она рѣшила. Пускай мужъ ея имѣетъ свой заработокъ. Гордость проснулась въ немъ. Она съумѣетъ поддержать эту гордость. У нея опять хорошія личныя средства, она возьметъ на себя половину расходовъ—ни больше, ни меньше. А потомъ, когда осмотрится, купить землю и будетъ жить для того люда, откуда она сама вышла.

Теперь ей казались прежнія ея отношенія къ мужу, особенно когда они жила въ деревнѣ, слишкомъ себялюбивыми и малодушными. Если она считаетъ себя выше по своимъ взглядамъ и симпатіямъ—она обязана вліять на него, изо дня въ день, незамѣтно, кротко и настойчиво. Въ его рукахъ—большая власть. Вся жизнь крестьянъ—подъ его надзоромъ и руководствомъ. Это—великая задача!..

Щеки Вѣры отъ этихъ думъ стали розовѣть. Она совсѣмъ почти забыла, гдѣ сидитъ.

— Вѣруня! Милая!

Ее пробудилъ обликъ Антонида.

— Все ли у тебя готово?.. Насчетъ мѣста распорядилась?.. Пора и садиться... Отдѣльное бы купе! Какъ же это ты такъ? Вѣдь ѣхать далеко...

— Найдется мѣсто... не все ли равно!—съ тихой усмѣшкой сказала Вѣра.

— Хочешь, я схожу къ начальнику станціи?.. Я его знаю. Звонокъ былъ? Ольга! Несите багажъ. Вѣруня, Вѣруня, ты точно совсѣмъ куда ушла!.. Идемъ, идемъ!

Вѣра повиновалась и пошла за сестрой... Та остановила на пути начальника станціи и оберъ-кондуктора и помѣстила сестру въ отдѣленіе, одну.

До отхода оставалось еще десять минутъ. Обѣ сестры сѣли на диванъ.

— Гаря былъ?—спросила Антонида.

— Обѣщалъ быть.

— Оповдасть... Онъ всегда замѣшкается... Ардальона задержали.

— Да вѣдь мы съ нимъ простились, Аня.

— Все-таки досадно. Мои дѣвочки приставали: возьми ихъ; да я побоялась. Одна только-что оправилась... Другую возьми—стала бы приставать и ревѣть.

Антонида остановилась, встала и обняла Вѣру, потомъ перекрестила и крѣпко-крѣпко поцѣловала.

— Христось съ тобою, Вѣруня... Неужто надолго расстаемся?

— Не знаю, Аня.

— Да ты останешься ли... тамъ?

— Останусь,—спокойно отвѣтила Вѣра.

— Ну, что-жъ! Можетъ, такъ и лучше! Какой ни на есть, а все мужъ.

Она опять присѣла рядомъ съ Вѣрой и спросила на ухо:

— Ты слышала про Петра Степановича Умнова?

— Что такое?

— Заговариваться сталъ. Ужъ не отъ любви ли... въ тебѣ, Вѣруня? А? Такъ по Москвѣ толкуютъ.

По лицу Вѣры пропалась тѣнь.

— Какъ знать, — обронила она.

— Да развѣ ты причинна? И то сказать — женщинъ черезъ-чуръ любилъ. Вотъ мозги-то и не выдержали... ежели дѣйствительно такая страсть на него налетѣла.

„Владиміръ Григорьевичъ не сойдетъ съ ума отъ любви“, — подумала Вѣра и тотчасъ же пристыдила себя за такую мысль.

— Повезутъ куда-нибудь въ теплые края... вылечать... Отъ такихъ-то милліоновъ?

Антонида взяла сестру одной рукой за талию.

— Вѣрочка, милая... какъ судьба-то играетъ... Столько ты любовныхъ чувствъ вызывала, а сама нѣшто была хоть вотъ съ эстолько счастлива? Васса Лопарева какъ-то со мной въ Пассажѣ Солодовникова встрѣтилась: — „Вѣра-то ваша, — кричить, — праведница! Не намъ чета“!

— Праведница! — повторила Вѣра.

— А то нѣтъ?.. Вонъ и Гаря! Прощель мимо... Эхъ, рохля кака!

Кусова выбѣжала въ коридоръ, окликнула брата и привела его.

Герасимъ Тимоѣевичъ, какъ всегда хмурый и нечесанный, въ войлочной шапкѣ, смущенно глядѣлъ на Вѣру, сидя передъ нею на диванѣ.

— Сестра, — заговорилъ онъ немного торжественно, въ носъ: — у тебя свой разумъ. Но помни — черезъ что ты прошла... съ его сіятельностью... Не давай ты себя подкупать тѣмъ, что будешь въ уѣздѣ титудованной дворянкой. Не жертвуй ты своей свободой и достоинства...

Раздался третій звонокъ.

— Ну, Герасимъ, довольно! — остановила брата Антонида. — Къ чему все это? Надо идти... Прощай, Вѣруня!..

Антонида заплакала, цѣлуя сестру и въ губы, и въ глаза.

— Ну, Гаря, прощайся, и поскорѣе!

— Ты извини, Вѣра... Я для твоего же блага!..

Онъ обнялъ Вѣру и, неловко повернувшись, чуть не упалъ на диванъ.

— Ахъ, Гаря! Рохля ты моя неисправимая!.. — крикнула Антонида и еще разъ поцѣловала сестру.

Она задвинула дверку. Вѣра осталась одна. Не прошло и нѣсколькихъ секундъ, какъ поѣздъ тронулся.

Братъ и сестра вѣнялись ей съ платформы.

„Не уходи, Вѣруня, отъ мужа... не уходи!“—внезапно выплыли въ ея головѣ предсмертныя слова матери.

П. БОВОРЫКИНЪ.

НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ

ВЪ ЕЯ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ.

Окончаніе.

III.

Различные взгляды на литературное воздѣйствіе народной поэзіи.—Критическая реставрація ея содержанія. — Отраженія народной поэзіи въ новѣйшей литературѣ ¹⁾).

Вопросъ о значеніи народной поэзіи въ нашемъ цѣломъ литературномъ развитіи и особливо въ новѣйшемъ періодѣ нашей литературы очень сложенъ, и долженъ быть расчлененъ для того, чтобы отдѣльныя части ея содержанія получили правильное историческое освѣщеніе. Пересмотрѣвъ разнообразныя взгляды, какіе высказывались въ литературѣ по этому предмету еще съ XVIII вѣка и до новѣйшаго времени, мы встрѣтимъ массу противорѣчій, исходившихъ отчасти изъ теоретическихъ смѣшеній, отчасти изъ неправильныхъ историческихъ представленій о прошлой судьбѣ и смыслѣ народной поэзіи. Последняя очень часто отождествлялась съ „народностью“, хотя одно есть только отдѣльное, частное проявленіе другого; самая „народность“ всего чаще отождествлялась съ преданіемъ стараго обычая, съ извѣстнымъ консерватизмомъ, даже косностью народныхъ массъ, хотя въ понятіи народности, народнаго существа, національнаго содержанія, очевидно, должны заключаться элементы не только историческаго

¹⁾ См. выше: май, стр. 220.

преданія, но и дальнѣйшаго историческаго развитія со всѣмъ богатствомъ новаго умственнаго и нравственнаго содержанія, и новыхъ общественныхъ и бытовыхъ формъ. Когда говорится о „народности“ писателя, извѣстнаго литературнаго произведенія, она можетъ заключаться именно въ близости писателя съ этимъ глубокимъ содержаніемъ національнаго существа и можетъ быть очень далека отъ какого-нибудь спеціальнаго, техническаго родства съ народной поэзіей: этого рода народность можетъ отражать, и дѣйствительно отражаетъ, ту нравственную связь, которая необходимо, нерѣдко какъ-бы безсознательно соединяетъ писателя съ воспитавшей его національной средой, — она скажется невольно, и чѣмъ глубже талантъ, чѣмъ сильнѣе личная воспримчивость, чѣмъ строже нравственныя требованія самого писателя, тѣмъ больше онъ можетъ стать народнымъ или національнымъ въ этомъ смыслѣ. Въ частности, народная поэзія можетъ не играть при этомъ никакой роли или же занимать только роль второстепенную — одного изъ многихъ впечатлѣній народной жизни.

Мы собрали въ другомъ мѣстѣ данныя о томъ, какъ развивался и отражался въ нашей литературѣ вопросъ народности въ смыслѣ все болѣе возроставашаго въ ней значенія народныхъ элементовъ содержанія и формы, въ связи съ развитіемъ общественныхъ, политическихъ и нравственныхъ интересовъ въ образованномъ кругу, и въ связи съ научнымъ изслѣдованіемъ народной жизни, — и при этомъ также народной поэзіи ¹⁾. Здѣсь мы остановимся въ частности на историко-литературныхъ отношеніяхъ собственно народной поэзіи.

Нормальное отношеніе народной поэзіи къ развивающейся искусственной литературѣ, какъ мы замѣчали раньше, бываетъ только тамъ, гдѣ послѣдняя естественнымъ образомъ вырастаетъ изъ національныхъ началъ, гдѣ послѣдующая ступень опирается на предъидущей безъ перерыва преданія, и гдѣ такимъ образомъ развитіе сохраняетъ органическую цѣльность. Такъ было нѣкогда въ Греціи; но такъ не было вообще въ новыхъ литературахъ европейскихъ, гдѣ національные источники на первыхъ ступеняхъ развитія были осложнены вліяніями христіанства и античнаго преданія. Еще меньше этой цѣльности было въ развитіи старой русской письменности, гдѣ первые шаги грамотности, имѣвшей источникъ церковный, соединялись уже съ отрицаніемъ народно-поэтическаго преданія. Мы видѣли, что народная поэзія была изгнана изъ книги, была запрещаемая и проклинаема. Такимъ

¹⁾ Исторія русской этнографіи, т. I — II.

образомъ въ той древней Руси, которая для новѣйшихъ идеалистовъ представлялась именно хранилищемъ самой подлинной народности, эта послѣдняя—въ формѣ народной поэзіи, которая считается однимъ изъ самыхъ задушевныхъ ея выраженій,—была предметомъ гоненія и проклятій. Нѣкоторымъ изъ новѣйшихъ наблюдателей этого страннаго явленія казалось, что въ подкладкѣ его лежало социальное различіе народныхъ классовъ, а именно, что старая письменность была чужда народу, потому что была въ рукахъ съ одной стороны правящаго класса, съ другой союзнаго съ нимъ духовенства: такимъ образомъ собственно народная масса не находила своего представительства въ литературѣ и, сама лишенная образованія, не могла найти себѣ выраженія въ этой литературѣ ¹⁾. Это объясненіе было нѣсколько огульно, но, въ немъ была значительная доля правды, потому что дѣйствительно въ старой письменности не осталось никакого слѣда защиты народнаго преданія противъ фанатическихъ книжниковъ, хотя самое преданіе продолжало существовать въ памяти и въ устахъ народа, иногда захватывая самихъ книжниковъ, какъ въ Словѣ о полку Игоревѣ. Мы замѣчали уже, что само преданіе не успѣло, повидимому, образоваться въ достаточно сильное явленіе, чтобы оказать отпоръ преслѣдованію, какъ это было, напримеръ, въ поэзіи древне-германской. Отношенія были полусознательныя: народъ про себя берегалъ старую пѣсню, обрядъ, повѣрье, но не имѣлъ силы защитить ихъ предъ авторитетомъ, подчинялся этому авторитету и создавалъ упомянутое „двоевѣріе“. Въ концѣ концовъ, хотя повидимому очень медленно, христіанство, съ новымъ вѣроученіемъ и новымъ легендарнымъ мисіомъ, овладѣло умами: оно стало народной религіей; его письменность все больше проникала въ народъ въ извѣстной популярной редакціи и во временахъ московскаго царства въ этомъ отношеніи уже не было того рѣзкаго социальнаго контраста, каковой былъ предположенъ въ упомянутомъ объясненіи. Религія, въ большей или меньшей степени двоевѣрная, и построенное на ней мировоззрѣніе стали болѣе или менѣе общимъ достояніемъ всѣхъ классовъ народа: бояринъ относительно вѣры и народнаго преданія и обряда мало отличался отъ простаго человѣка, но старое преслѣдованіе народной поэзіи продолжалось и теперь: по прежнему грубому представленію не находили иныхъ средствъ помочь нравственному благочинію народа иначе, какъ повтореніемъ старинныхъ запре-

¹⁾ Ср. Добролюбова, „Сочиненія“. Сиб. 1861, I, стр. 514 и далѣе.

щеній, полагая, что главная причина всякихъ неурядиць въ духовной жизни народа есть бѣсовская пѣсня.

Мы довели выше разсказъ о внѣшней исторіи народной поэзии до конца XVII-го вѣка и видѣли, что XVII вѣкъ не пошелъ дальше этого вывода; но до сихъ поръ мало обращали вниманіе на то, что этотъ выводъ перешелъ въ наслѣдство и къ XVIII-му вѣку.

Обычныя обвиненія противъ XVIII вѣка, что онъ отрекся отъ народнаго преданія и вступилъ на путь заимствованія и подражанія, оказываются такимъ образомъ далеко несправедливыми: если литература XVIII вѣка осталась чужда народной поэзии, то она лишь слѣдовала въ этомъ примѣру XVII столѣтія. Первые писатели послѣ-Петровской литературы чуждались народной поэзии точно такъ же, какъ книжники время Алексѣя Михайловича: для тѣхъ и другихъ это было нѣчто неизменное по грубости народа, создававшего эти пѣсни и сказки, и если старый книжникъ видѣлъ обыкновенно въ народной поэзии остатокъ бѣсовскаго язычества (какъ училъ объ этомъ Домострой и грамоты Алексѣя Михайловича), то, съ другой стороны, книжники послѣднихъ временъ московскаго царства, учившіяся въ Киевской академіи или въ Заиконоспасскихъ школахъ, пренебрежительно смотрѣлъ на народную пѣсню съ высоты своей школьной учености. Справедливо замѣчено было, что исторія нашего псевдо-классицизма начинается не съ Кантемира и Ломоносова, а съ Симеона Полоцкого, — такъ что наши подражатели XVIII вѣка въ этомъ случаѣ только продолжали дѣло своихъ предшественниковъ, книжниковъ XVII столѣтія. Извѣстная связь между двумя вѣками была и въ другомъ отношеніи. Тогда и теперь народная поэзія одинаково хранилась въ устахъ народа, и какъ въ концѣ московскаго періода она стала наконецъ завоевывать себѣ мѣсто въ письменности, такъ интересъ къ ней не исчезалъ и въ теченіе XVIII вѣка, не только въ средѣ простыхъ, нетребовательныхъ любителей, но и между учеными писателями — псевдо-классиками и, напротивъ, становился у нихъ сознательнымъ дѣломъ и возимѣлъ свои послѣдствія въ литературѣ. Выше мы указывали тотъ знаменательный фактъ, что когда въ новой литературѣ возникалъ впервые вопросъ о правильной постановкѣ русскаго стихотворства, Тредьяковскій, при всемъ его ученомъ высокоуміи, указалъ настоящее основаніе русскаго стихосложенія въ народной пѣснѣ: рифмотворцы XVII вѣка не могли до этого додуматься. Далѣе, какъ въ XVII вѣкѣ первыя записи былины появлялись въ связи съ повѣстями (обыкновенно переводными), такъ теперь народная

пѣсня вспомнилась писателямъ псевдо-классикамъ въ связи съ легкими стихотвореніями и пѣснями, которыя писались по иностраннымъ образцамъ: мы имѣли уже случай указывать, какъ величайшій поклонникъ Расина и Вольтера писалъ пѣсни по образцу народныхъ. Такимъ образомъ вѣкъ псевдо-классицизма послѣдовательно шелъ за старыми книжниками и въ своемъ теоретическомъ пренебреженіи къ народной пѣснѣ, и въ инстинктивномъ непосредственномъ интересѣ къ народной поэзіи, но въ концѣ концовъ между ними была большая разница, заключающая въ себѣ ручательство дальнѣйшаго литературнаго успѣха: писатели XVIII в. сѣмѣли наконецъ отнестись къ дѣлу сознательно — по крайней мѣрѣ гораздо болѣе сознательно, чѣмъ ихъ предшественники. Съ одной стороны, они сѣмѣли понять въ народной поэзіи органическое созданіе народа, вслѣдствіе чего русскій народный стихъ былъ положенъ въ основу новаго стихосложенія; съ другой стороны, во второй половинѣ XVIII-го вѣка въ первый разъ начинается собраніе произведеній народной поэзіи. Во вкусъ вѣка эти произведенія не получили своего вполне самостоятельнаго мѣста, — ихъ все еще находили слишкомъ безыскусственными твореніями народной „музы“, — но во всякомъ случаѣ ихъ ставили рядомъ съ произведеніями любимыхъ тогдашнихъ писателей, въ тѣхъ „пѣсенникахъ“, которые въ записяхъ XVIII-го вѣка сохранили не мало прекрасныхъ произведеній этой музыки, вслѣдствіи вѣроятно уже забытыхъ. Народная сказка, въ сочиненіяхъ Чулкова и подобныхъ любителей, также ставится рядомъ съ волшебными и чудесными повѣстями, какія были тогда въ ходу. Собираются народныя пословицы — притомъ не только въ подправленной формѣ, какъ у Богдановича, но и въ ихъ подлинномъ народномъ видѣ ¹⁾. Когда съ конца шестидесятыхъ годовъ XVIII-го вѣка началась дѣятельность Новикова, любовь къ старинѣ становится уже цѣлымъ сознательнымъ направленіемъ, которому принадлежало потомъ обширное вліяніе не только въ исторической разработкѣ старины, но и въ литературѣ...

Мы говорили раньше о томъ, какъ этотъ интересъ къ старинѣ получалъ тогда окраску патріотическаго отрицанія иностранныхъ вліяній въ общественныхъ нравахъ, воспитаніи и т. п. Впослѣдствіи думали, что Новиковъ виѣстѣ съ другими писателями, которые высказывали подобное отрицаніе иноземныхъ об-

¹⁾ Укажемъ, напримѣръ, прекрасный небольшой сборникъ, до сихъ поръ, кажется, незамѣченный: „Пословицы и поговорки простонародныя“, въ книжкѣ: „Любовники и супруги, или мужчины и женщины... Г. Г.“ (Глѣба Громова). Слб. 1798, стр. 206—224.

разцовъ вмѣстѣ съ восхваленіемъ благочестивой старины, были прямыми предшественниками новѣйшихъ приверженцевъ старины, напр. въ славянофильской школѣ. Подобныя сравненія не совсемъ точны: тотъ же Новиковъ, восхвалявшій древне-русскія добродѣтели и осуждавшій подражаніе иноземцамъ, въ сущности говорилъ это лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ, которые ему самому не были ясны, — въ это же самое время онъ, напр., въ своемъ „Словарѣ“ восхвалялъ знаменитыхъ русскихъ писателей, которые были преисполнены самаго явнаго подражанія иноземцамъ, и затѣмъ въ своемъ мистическомъ направленіи онъ вполне отдавался иностраннымъ образцамъ. Важность иноземной науки, разъяснявшей самыя глубокіе вопросы человѣческой исторіи, общезжитія, нравственности, не подлежала для Новикова сомнѣнію, какъ онъ умѣлъ цѣнить значеніе лучшихъ произведеній европейской литературы: въ мистическій періодъ его жизни его лучшимъ другомъ былъ настоящій „нѣмчикъ“, Шварцъ; въ школѣ Дружескаго Общества воспитывался Карамзинъ, почитатель европейскаго просвѣщенія, и другъ Карамзина, Петровъ, становился поклонникомъ Шекспира... Новиковъ не сумѣлъ только свести въ опредѣленную формулу своихъ общественныхъ стремленій.

Что эти стремленія были основою всей его дѣятельности, что онѣ были подкладкой его увлеченія стариною и даже впоследствіи самаго мистицизма, это не подлежитъ сомнѣнію. Широкіе планы Дружескаго Общества остаются свидѣтельствомъ его желанія расширить умственный горизонтъ общества, положить основы воспитанія новаго просвѣщеннаго поколѣнія: въ Дружескомъ Обществѣ была забота и о широкомъ образованіи его питомцевъ, и о дѣйствіи на общество въ смыслѣ нравственнаго перевоспитанія; какъ самъ Новиковъ, такъ и многіе изъ его круга были убѣждены въ ненормальности и безнравственности крѣпостного пораженія крестьянъ. Нуженъ былъ идеалъ, и этого идеала искали въ полузабытой старинѣ, изъ которой можно было извлечь по желанію образцы добродѣтели и мудрости, забывши образцы пороковъ и невѣжества. Это обращеніе было вполне естественно: куда иначе можно было обратиться, чтобы высказать свое негодованіе противъ даннаго порядка вещей, гдѣ властвовали произволъ, гдѣ шла оргія крѣпостнаго права, гдѣ забывались обязанности къ той народной массѣ, на которой основывалось и могущество государства, и богатство господствующаго сословія, и для которой не находилось ни матеріальной опоры, ни добраго слова.

При всей приверженности къ старинѣ, Новиковъ и люди его

круга были несомнѣнными питомцами того самаго европейскаго образованія, противъ котораго они какъ будто возставали; въ то же самое время въ нихъ несомнѣнно сберегалась та связь съ народомъ, которую будто бы отвергалъ XVIII вѣкъ... Въ той массѣ крупныхъ и мелкихъ нововведеній, какія приносила реформа, дѣйствительно отвергнуто было многое, что было привычнымъ преданіемъ старины; но не должно забывать, что въ своемъ существѣ она оставалась дѣломъ глубоко національнымъ, именно потому, что давала наконецъ просторъ умственнымъ и нравственнымъ силамъ народа и указывала для нихъ новый путь. Въ силу этого происходило явленіе, которое не только не противорѣчило реформѣ, но именно отвѣчало ея существу, явленіе, состоящее въ томъ, что въ теченіе XVIII вѣка новое образованіе съ особенною ревностью направилось на изученіе русской земли и народа, какое XVII-му вѣку было совсѣмъ неизвѣстно. Таковы были географическія и этнографическія изслѣдованія, произведенныя многочисленными экспедиціями того времени; и совершенно естественно шелъ рядомъ съ этимъ все большій интересъ къ народному быту и народной повѣи. Историки, какъ Татищевъ, въ первый разъ въ объясненіяхъ исторической старины ссылаются на народный обычай, припоминаютъ народныя пѣсни; Новиковъ, среди работъ по русской древности и среди своей мистической философіи, считаетъ нужнымъ издать пѣсенникъ; Чулковъ, издатель пѣсенъ и разсказчикъ сказокъ, пишетъ „Абевегу русскихъ суевѣрій“; авторъ „Душеньки“ собираетъ народныя пословицы, хотя и портитъ ихъ литературными подправками; одинъ изъ первѣйшихъ стихотворцевъ своего времени И. И. Дмитріевъ издаетъ сборникъ народныхъ пѣсенъ, хотя также желаетъ нѣсколько прикрасить ихъ, по своимъ понятіямъ объ изяществѣ; его другъ Карамзинъ затѣваетъ поэму въ предполагаемомъ духѣ народной повѣи, и подъ тѣми же влеченіями къ народной старинѣ пишетъ свои историческія повѣсти; самъ пѣвецъ сѣверной Семирамиды съ одной стороны желаетъ рисовать сельскую народную идиллію, съ другой—сѣдую древность и новгородскихъ волхвовъ; среди ничѣмъ еще не нарушеннаго господства псевдо-классицизма, писателей той эпохи влечетъ къ изображенію реальныхъ сценъ народнаго быта, какъ Василія Майкова и иныхъ; писатели драматическіе желаютъ ввести этотъ бытъ на сцену, какъ Аблесимовъ, какъ сама императрица Еватерина и др. Наконецъ, эпизоды народной жизни и вмѣстѣ эпизоды народной повѣи являются въ неожиданно сильныхъ для XVIII-го вѣка картинахъ „Путешествія изъ Петербурга въ Москву“.

Такимъ образомъ, не выходя изъ XVIII-го вѣка, мы не можемъ не видѣть возрастающаго стремленія къ изученію русской жизни и возрастающаго влеченія къ народно-поэтическому преданію. Въ противоположность тому, что говорилось и говорится о разрывѣ образованности прошлаго вѣка съ народомъ, мы видимъ именно усиленные старанія изучать народную жизнь и усваивать ея поэтическіе элементы, видимъ это въ то время, когда школьная теорія еще со всѣмъ авторитетомъ поучала о „низкой природѣ“ и „грубости“ народной пѣсни. Дѣйствовали здѣсь въ равной мѣрѣ какъ инстинктивная привязанность къ этому народно-поэтическому содержанію, когда пѣсня и сказка были еще живой стихіей не только въ народномъ, но и въ помѣщичьемъ быту стараго вѣка (до временъ Пушкина и его знаменитой нянюшки), такъ и новое образованіе, научавшее все болѣе сознательно смотрѣть на исторію и современный бытъ своего народа, внушавшее любознательность и нравственный интересъ къ его преданіямъ.

Въ самой европейской литературѣ интересы подобнаго рода только-что возникали; наши первые любители народной старины не слыхали о философско-историческихъ идеяхъ Гердера, собственными средствами старались выяснитъ значеніе старины и народной поэзіи, шли ощупью,—не мудрено, что въ ихъ отношеніи къ народности было еще много неяснаго; но въ цѣломъ это явленіе было чрезвычайно знаменательно. Восемнадцатый вѣкъ именно возстановлялъ органическую связь съ тѣмъ народнымъ преданіемъ, которое такъ усиленно старался заглушить фанатизмъ XVII-го вѣка, съ одной стороны проклиная наивную „старую вѣру“, съ другой, преслѣдуя народную поэзію, какъ дѣло дьявола. Восемнадцатый вѣкъ чрезвычайно характерно начинается писаніями стариннаго русскаго человѣка, умѣвшаго понять реформу, Посошкова, и завершается сочиненіями ревностнаго послѣдователя всякихъ западныхъ философій, сумѣвшаго однако понять русскую народную жизнь, Радищева... При всѣхъ страшныхъ тягостяхъ, какія пришлось вынести русскому народу въ переворотахъ XVIII-го вѣка, и при всей грубости нравовъ и невѣжествѣ, которыя въ значительной мѣрѣ должны быть отнесены на счетъ прежняго вѣкового застоя, это обращеніе къ народу было именно указателемъ того органическаго значенія, какое имѣла реформа.

Съ этимъ неопредѣленнымъ инстинктомъ, привлекавшимъ къ народу и народной поэзіи, литература и общество вступали въ девятнадцатое столѣтіе. Этотъ инстинктъ угадывалъ и нравственно-воспитательное и литературное значеніе народно-поэческаго преданія, но еще не могъ осмыслитъ того и другого ни научнымъ

доказательствомъ, ни общественнымъ пониманіемъ. Историкъ извлекалъ изъ народной пѣсни какое-либо бытовое указаніе или историческое воспоминаніе, догадывался, что пѣсня идетъ изъ отдаленныхъ вѣвовъ и сохраняеть изъ нихъ нѣчто въ своемъ содержаніи,—но не умѣлъ понять этого цѣльно и систематически. Любитель народности наслаждался сельской идилліей, угадывалъ поэтическую красоту пѣсни,—но съ идилліей умѣлъ соединять понятія откровеннаго крѣпостника, и т. д. Въ этомъ неясномъ влеченіи къ народному были однако задатки дальнѣйшаго болѣе глубокаго пониманія. Историческое изслѣдованіе, получивъ опору въ успѣхахъ исторической критики, съ помощью европейской науки, должно было придти къ систематическому взгляду на предметъ; сентиментальная идиллія сама по себѣ была уже большимъ прогрессомъ въ сравненіи съ прежнею грубостью понятій ¹⁾; и подражая Стерну, Радищевъ умѣлъ правдиво почувствовать и смѣло высказать негодованіе противъ угнетенія народа...

Этимъ начаткамъ въ области вопросовъ народной поэзіи предстояло развиться въ девятнадцатомъ столѣтіи съ одной стороны въ обширное научное изслѣдованіе, съ другой—въ восторженный идеализмъ.

Это шло послѣдовательно, шагъ за шагомъ, подъ различными вліяніями общественными, литературными и научными. Мы только напомнимъ, какъ во времена Александра I въ молодыхъ поколѣніяхъ развивался интересъ къ положенію народныхъ массъ и мысль объ освобожденіи крестьянъ, какъ событія двѣнадцатаго года и ихъ продолженіе въ Европѣ произвели національное возбужденіе, которое отразилось возвышеніемъ понятій о народности и народѣ. Далѣе, напомнимъ, какъ литературный романтизмъ въ его разныхъ отбѣнкахъ перенесъ на нашу почву ту поэзію, которая искала пищи въ старомъ народномъ преданіи: послѣ опытовъ

¹⁾ Конечно,—говорить о временахъ Карамзина авторитетный знатокъ стараго, русскаго быта,—было очень много смѣшнаго въ подобныхъ измѣненіяхъ чувствительности, которая съ разсудочной и остроумной точки зрѣнія всегда оказывается довольно глуповатою. Но въ этомъ сентиментальномъ настроеніи литературныхъ вкусовъ все-таки слышался хотя и слабый отголосокъ обще-европейскихъ гуманнхъ стремленій: чувствительность къ красотамъ природы вызвала чувствительность къ человеку. Въ туманныхъ образахъ сентиментальности все-таки выдѣлился, хотя тоже въ большомъ еще туманѣ, идеалъ, которому имя было—человѣчность, и который вмѣстѣ съ тѣмъ очень ясно заявлялъ свои требованія о правахъ человека на свободу и независимость чувства. Для русскаго общества это былъ первый привѣтливый голосъ, звучавшій объ освобожденіи человѣческихъ чувствъ изъ крѣпостной зависимости многообразныхъ бытовыхъ порядковъ, нажитыхъ вліяніемъ и развитіемъ стараго Домостроя"... Забѣлинъ, „Куццово и древній Сѣтунскій станъ“. М. 1873, стр. 10—11.

Жуковского, Пушкинъ узаконилъ въ нашей литературѣ эту поэтическую реставрацію старины сказочной, героической и исторической; богатый языкъ его поэзіи такимъ же образомъ узаконилъ право народной рѣчи въ литературномъ языкѣ. Затѣмъ послѣ Пушкина и Гоголя изображеніе дѣйствительности народнаго быта и разработка его поэтическихъ элементовъ стали постоянной принадлежностью русской литературы, на которой въ одно и то же время развивалась самостоятельность художественнаго творчества и общественный интересъ къ народной жизни. Достаточно назвать имя Лермонтова, который въ пѣснѣ о купцѣ Калашниковѣ далъ не превзойденный донинѣ образецъ поэтическаго воссозданія народнаго быта; назвать Кольцова, который въ тѣ же годы писалъ свои пѣсни, хотя независимыя отъ непосредственнаго народно-поэтическаго преданія по своему содержанію, но поражающія необычайною свѣжестью и яркостью народно-поэтическаго стиля и языка; назвать Даля, рассказы котораго долго, и въ особенности сначала, высоко цѣнились по единственному въ то время этнографическому знанію народнаго быта и языка, — довольно назвать эти имена, чтобы видѣть, что уже въ то время въ общемъ настроеніи литературы готовилась почва для идеализаціи народно-поэтическаго творчества. Присоединились, наконецъ, вліянія научнаго характера.

Упомянутое литературное движеніе, возбуждавшее вкусъ къ народной поэзіи и къ поэтической старинѣ, развивалось само собою въ чисто литературной области и этимъ самымъ свидѣтельствовало, что въ обществѣ, котораго отраженіемъ была литература, интересъ къ народному являлся естественнымъ результатомъ накопившихся издавна впечатлѣній и настроеній. За первое время девятнадцатаго вѣка это литературное движеніе не могло пока опереться на какую-нибудь научную теорію. Мало-по-малу однако собирались факты и подготавливались соображенія, которые побуждали, наконецъ, ставить общій вопросъ объ историческомъ значеніи народной поэзіи и объ ея роли въ развитіи національной литературы. Прежде всего большое вліяніе имѣлъ все возроставшій авторитетъ Слова о полку Игоревѣ: открытое въ концѣ XVIII-го вѣка, оно, какъ извѣстно, не было понято тогдашними учеными людьми по языку (его не съумѣли даже правильно прочитать) и не было также понято по его стилю, потому что его сочли за героическую поэму въ псевдо-классическомъ родѣ. Съ теченіемъ времени однако въ немъ начали уразумѣвать своеобразное произведеніе древней русской поэзіи, и въ началѣ нынѣшняго столѣтія ему посвящена была масса комментариевъ. Другимъ

фактомъ было открытіе сборника Кирши Данилова: мы имѣли случай говорить, что ученый издатель этого сборника (въ его второмъ, болѣе полномъ изданіи), въ то время одинъ изъ первыхъ знатоковъ древней русской письменности, Калайдовичъ, также не понялъ этого замѣчательнаго памятника стараго эпоса и судилъ объ этихъ „стихотвореніяхъ“ съ той же псевдо-классической точки зрѣнія. Это было въ 1818 году. Вскорѣ послѣ этого стали у насъ извѣстны мнимо-древніе памятники чешской литературы: „Любушинъ Судъ“ и „Краледворская рукопись“. Какъ теперь доказано, это были новѣйшія поддѣлки, но для своего времени исполненныя очень искусно, такъ что долго держали ученый міръ въ полномъ заблужденіи. Появленіе поэтическихъ памятниковъ далёкой древности произвело у чеховъ очень сильное впечатлѣніе и въ трудные годы начинавшагося возрожденія чешской литературы исполнило ихъ патріотическимъ одушевленіемъ; это впечатлѣніе отразилось во всѣхъ славянскихъ литературахъ, переживавшихъ въ тѣ годы тотъ же процессъ, и, наконецъ, отразилось у насъ, поддерживавъ первый интересъ къ славянскому литературному движенію. Тогда же узнали у насъ о трудахъ знаменитаго впоследствии дѣятеля возрожденія въ другой славянской народности, серба Вука Стефановича Караджича, прославившагося и внѣ славянскихъ земель изданіемъ сербскихъ народныхъ пѣсенъ. Спустя еще немного времени, въ двадцатыхъ годахъ началась въ русской литературѣ дѣятельность еще одного восторженнаго славянолюбца, человѣка талантливаго, но и фантаста, Венелина. До русской литературы стали достигать вѣсти о славянскомъ возрожденіи, о совершаемыхъ трудахъ по общей славянской древности, объ открываемыхъ сокровищахъ народной поэзіи, о патріотическомъ одушевленіи славянскихъ дѣятелей, которые въ обращеніи къ народнымъ массамъ, вѣрно хранившимъ старину, почерпали твердую вѣру въ возрожденіе древнихъ славянскихъ началъ — прежде всего въ поэзіи и въ литературѣ. Отголоски славянскаго движенія доходили, между прочимъ, изъ польской литературы, съ которой было тогда извѣстное дружелюбное общеніе; были, между прочимъ, извѣстны сочиненія польскаго романтика и славянолюбца Казимира Бродзинскаго, который восхвалялъ славянскую народную поэзію и ждалъ отъ нея возрожденія литературы... Все это было пова весьма неясно, но находило себѣ опору и въ настроеніяхъ самой русской литературы, между прочимъ, совсѣмъ въ противоположныхъ лагерахъ: самъ Шишковъ переводилъ въ Россійской Академіи древнія чешскія поэмы и вступалъ въ сношенія съ славянскими учеными — конечно,

въ ожиданіи успѣховъ своему архаическому ученію; Пушкинъ переводилъ пѣсни западныхъ славянъ въ интересахъ романтизма; за-рождались и новая группа народолюбцевъ, которая, на разныхъ ступеняхъ образованія, ожидала то возрожденія цѣлаго славянскаго міра, въ параллель съ западно-славянскими патриотами, какъ, на-примѣръ, Венелинъ, то, по крайней мѣрѣ, изгнанія иноземцевъ, особливо нѣмцевъ, изъ Россіи, какъ, на-примѣръ, Сахаровъ и т. п. Это смутное ожиданіе литературнаго и общественнаго обновленія путемъ общенія съ цѣлымъ славянскимъ міромъ (о которомъ имѣли пока еще весьма темное представленіе) наполняетъ двадцатые и тридцатые года; но въ теченіе этого времени появляются уже признаки серьезнаго научнаго движенія, когда въ изученія славянской древности выступают такія крупныя силы, какъ Востоковъ и Калайдовичъ, когда Кёппенъ завязываетъ личныя сношенія съ руководящими людьми западно-славянскаго движенія, когда въ концѣ тридцатыхъ годовъ Бодянской пишетъ уже диссертацию о народной повѣи славянскихъ племенъ, когда въ это же время рѣшается вопросъ объ основаніи славянскихъ кафедръ въ русскихъ университетахъ и отправлены были за границу молодые талантливые ученые, уже теперь энтузіасты своего дѣла, будущіе основатели русскаго славяновѣденія. Въ это же время появляются и первые признаки того національнаго идеализма, который стремился отыскать истинно національныя начала русской жизни, — онъ обращался для этого къ старинѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ мечталъ о славянскомъ единствѣ, которое также было для этого нужно: въ двадцатыхъ годахъ въ средѣ либеральнаго молодого поколѣнія, будущихъ декабристовъ, было уже основано тайное общество „Соединенныхъ славянъ“; въ 1832 году написано было извѣстное стихотвореніе Хомякова „Орелъ“. Когда въ тѣ же годы официально заявлено было въ извѣстномъ символѣ С. С. Уварова начало „народности“, въ этомъ заявленіи увидѣли искомое опредѣленіе и государственныхъ и общественныхъ основъ русской жизни. Правда, не всѣ одинаково поняли значеніе этого заявленія, потому что понятіе народности на самомъ дѣлѣ давало мѣсто весьма различнымъ толкованіямъ, но большинство поняло ее въ томъ самомъ смыслѣ, какъ это имѣлъ въ виду самъ Уваровъ — въ смыслѣ консервативной неподвижности, неизмѣннаго продолженія стараго бытового преданія, которому народъ предполагался строго вѣрнымъ: — не хотѣли признать, что самая народность не была достаточно изучена, что идеально предполагаемый народъ могъ стремиться не только къ сохраненію старины, но, быть можетъ, еще больше къ новымъ формамъ жизни, гдѣ, на-примѣръ,

онъ могъ прежде всего искать освобожденія, поднятія какъ своихъ гражданскихъ правъ, такъ и образовательнаго уровня, которое одно могло дать просторъ его труду, его умственнымъ силамъ и сознанию. Этотъ послѣдній взглядъ въ тѣ времена не могъ быть даже высказанъ, и осталось пока господствовать только чисто консервативное толкованіе теоріи...

Въ близкомъ къ этому направленіи, особаго рода упорнаго консерватизма, полу-арханческаго, полу-народническаго, велъ свою дѣятельность Сахаровъ, первый послѣ конца XVIII вѣка собиратель „сказаній“ русскаго народа. Это собраніе и изученіе старины должно было предохранить насъ отъ всякой порчи, удержать насъ на пути истинно-русской добродѣтели: всѣ бѣды русской жизни происходили изъ одного источника—изъ допущенія въ Россію иноземцевъ и подражанія имъ; иноземцы были для Сахарова предметомъ настоящей ненависти, подражаніе имъ—измѣной противъ своего народа. Чисто русское сохранилось только въ народѣ, и въ силу этого мнѣнія у Сахарова была черта извѣстнаго демократизма, къ сожалѣнію, однако, соединявшася съ весьма малымъ образованіемъ. Упомянутые взгляды его высказаны сполна только въ запискахъ, напечатанныхъ послѣ его смерти, но общій тонъ его понятій былъ виденъ изъ самыхъ его изданій. Позднѣйшая критика нашла очень крупныя недостатки въ его сборникахъ, которые вовсе не оправдывали его великаго самомнѣнія и высокоумія относительно прежнихъ собирателей, нашла въ нихъ прямыя заимствованія изъ тѣхъ же старыхъ сборниковъ, какіе онъ бранилъ, даже искаженія пѣсенъ на предполагаемый древній ладъ, наконецъ прямо поддѣлки ¹⁾: но съ одной стороны такъ ново было довольно обширное собраніе народныхъ пѣсенъ, повѣрій, описаній обрядовъ и т. п. и такъ былъ невеликъ этнографическій опытъ, что изданія Сахарова произвели большое впечатлѣніе и его авторитетъ держался еще въ сороковыхъ годахъ, хотя нѣкоторые изъ его собственныхъ объясненій русской старины уже тогда могли бы поразить своими недѣлостями.

Подъ вліяніемъ указанныхъ условій: продолжавшагося непосредственнаго интереса къ народной пѣснѣ и преданію, романтическихъ внушеній, вѣстей о славянскомъ возрожденіи и славян-

¹⁾ Ср. „Ист. русской этнографіи, т. I, стр. 300 и далѣе; Безсоновъ, въ „Пѣсняхъ Карѣвскаго“, вып. 4—5, примѣчанія издателя; Потебня, „Объясненія малорусскихъ и сродныхъ пѣсенъ“, I, стр. 26, 39. Напримѣръ, въ извѣстной пѣснѣ о сѣнянѣ проса, Сахаровъ вѣсто стиха: „а ми дадимъ сто рублей“, пишетъ: „а ми дадимъ веверицу“ или: „сто гривенъ“, желая придать пѣснѣ арханчскій видъ, и т. п.

свой народной поэзіи, возникавшаго общественнаго интереса къ народнымъ массамъ, неясныхъ предчувствій, на которыя наводили толки о народности, открытій въ области самой русской старины, сосѣднаго движенія въ Малороссіи, — въ тридцатыхъ годахъ народность становится предметомъ оживленныхъ разсужденій въ литературѣ, народная пѣсня становится искомымъ сокровищемъ, отъ котораго ожидаютъ настоящихъ откровеній, какъ общественныхъ, потому что въ пѣснѣ думали найти полное выраженіе народнаго характера, такъ и литературныхъ, потому что въ ней предполагались или уже были извѣстны образчики самой настоящей поэзіи, къ пониманію которой уже приготовилъ романтизмъ. Извѣстно, какъ пѣсни интересовали Пушкина, какую славу доставилъ Петру Кирѣевскому его едва только начатый сборникъ ¹⁾, въ который между прочимъ самъ Пушкинъ дѣлалъ свои вклады; извѣстно, какимъ восторгомъ отдавался Гоголь по поводу пѣсенъ малорусскихъ. Такимъ образомъ въ сороковымъ годамъ этотъ интересъ созрѣлъ настолько, что надо было ожидать, наконецъ, болѣе близкаго вниманія къ предмету и со стороны литературной критики, которой предстояло бы разъяснить художественное значеніе народной поэзіи въ ея отношеніяхъ къ литературѣ, и со стороны научнаго изслѣдованія, которому предстояло бы объяснить ея значеніе историческое. Очевидно, что главное было бы именно въ этомъ послѣднемъ, потому что истинный смыслъ народной поэзіи могъ быть раскрытъ лишь тогда, когда было бы объяснено ея происхожденіе и свойство того міровоззрѣнія, которому принадлежали ея мифическія, бытовья и поэтическія представленія. Но эти изслѣдованія требовали времени, и въ литературномъ обращеніи еще долго оставались тѣ понятія, какія были намѣчены двадцатыми и тридцатыми годами. Но въ этихъ взглядахъ появлялись уже извѣстные отбѣнки. Въ сороковыхъ годахъ готовилось и, наконецъ, созрѣло и высказалось то раздвоеніе нашего литературнаго міра, которое выразилось въ образованіи двухъ извѣстныхъ лагерей того времени. Основное философское различіе ихъ въ особенности отразилось и во взглядахъ на нашу старину. Въ то время, какъ одни видѣли въ ней именно подлинное и самостоятельное проявленіе русскаго народнаго духа, которое мы должны хранить и развивать, чтобы остаться вѣрными этому духу, чтобы сохранить свое національное достоинство и самый смыслъ своего историческаго существованія, — другіе видѣли въ ней только пройденную историческую ступень,

¹⁾ Еще доннѣ вполнѣ не изданный.

за которую передъ народомъ являются новыя, болѣе широкія задачи. На одной сторонѣ народная поэзія казалась откровеніемъ народнаго духа и завѣтомъ; на другой—только остаткомъ младенческаго періода народной жизни и ея произведенія—только наивнымъ лепетомъ въ сравненіи съ высокими созданіями истиннаго зрѣлаго искусства. Ограженія подобныхъ взглядовъ мы встрѣтимъ не только въ сороковыхъ годахъ, но и послѣ; къ нимъ, однако, начинаютъ присоединяться и новыя точки зрѣнія, которыя возникали въ результатъ начинавшихся изслѣдованій. Народная пѣсня находитъ ревностныхъ любителей, которые умѣли оцѣнить въ ней самой, независимо отъ какого-либо теоретическаго взгляда, великія поэтическія достоинства,—и отсюда развивалось высокое представленіе о народѣ, который способенъ былъ создать эту замѣчательную поэзію: едва ли мы ошибемся, что въ настроеніи тогдашнихъ любителей народной поэзіи былъ первый историческій зародышъ позднѣйшаго народничества. Съ другой стороны успѣхи исторической критики вводили народное преданіе и народную поэзію въ рядъ историческихъ свидѣтельствъ о древнихъ вѣкахъ народной жизни: эти преданія, обряды, народныя пѣсни, когда заключался въ нихъ бытовой археологическій намекъ, должны были подвергнуться изслѣдованію, и съ конца сороковыхъ и въ пятидесятыхъ годахъ начинается дѣйствительно старательное изслѣдованіе древняго быта и міеологии, въ которое вводится все больше и больше матеріалъ современнаго народнаго преданья, повѣрья, обряда и поэзіи. Въ ряду этихъ художественныхъ цѣнителей назовемъ, напримѣръ, Аполлона Григорьева; въ ряду историческихъ изслѣдователей назовемъ Надеждина, Кавелина, Соловьева, Калачова, наконецъ Буслаева и Аванасьева, о которыхъ скажемъ далѣе.

Возвращаясь къ литературной критикѣ сороковыхъ годовъ, укажемъ, напримѣръ, взгляды двухъ писателей такъ называемаго западнаго лагеря.

По поводу сборника Сахарова въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1840 г. была помѣщена обширная статья, которая характернымъ образомъ совмѣщаетъ и прежнее инстинктивное возвеличеніе народной поэзіи, какъ поучительнаго наслѣдія предковъ, и назрѣвающую потребность научнаго изслѣдованія, которое раскрыло бы наконецъ таинственный смыслъ этого наслѣдія. Авторъ статьи не есть уже наивный народолобецъ; это — новѣйшій гегелианецъ, который стремится къ цѣлой, всеобъемлющей постановкѣ вопроса, къ объясненію самаго существа того процесса, какимъ создавалась народная поэзія, и результатовъ этого процесса. Жизнь на-

рода проходить три ступени развитія: семейный бытъ; жизнь общественная, изъ которой развивается государство; духовная дѣятельность, которая создаетъ его мировоззрѣніе, идеологию, поэзію; но въ своемъ первобытномъ патріархальномъ состояніи народъ не остается чуждъ высшимъ порывамъ духа; въ его мысли и фантазіи отражаются глубочайшія стремленія его существа и выраженіемъ ихъ является народная пѣсня. Авторъ негодуетъ на то, что наша народная поэзія остается все еще не собранной и не вызываетъ изысканій, которыя должны объяснить ея значеніе; онъ негодуетъ на ученыхъ педантовъ, которые все еще заняты спорами о варяго-руссахъ, копаются въ архивной пыли и не видятъ цѣлаго философскаго вопроса русской исторіи, въ которомъ должна занять важное мѣсто народная поэзія. Вопросъ объ этой поэзіи особенно важенъ въ нашихъ условіяхъ. Авторъ призываетъ любителей архивной пыли къ изученію этого народнаго творчества: „Выйдите изъ вашего душнаго заточенія, выйдите подъ открытое небо, на чистый воздухъ; здѣсь обновятся ваши истощенныя силы, освѣжятся ваши блѣдныя лица; здѣсь солнце,—въ вашихъ кабинетахъ тусклая лампа; здѣсь жизнь, — въ вашихъ кабинетахъ смерть и тлѣніе; здѣсь трудъ не изнуруетъ, здѣсь трудъ живить, и здѣсь онъ легокъ и сладокъ... Сбирать русскія пѣсни, изучать ихъ, критизировать, по крайвей мѣрѣ съ исторической точки зрѣнія, обязаны болѣе, нежели кто-нибудь, занимающіеся исторіею Руси: кто будетъ отрицать, что пѣсни народа суть одинъ изъ самыхъ важныхъ, изъ самыхъ существенныхъ источниковъ для его исторіи? Скажемъ болѣе: вѣдѣ народныя пѣсни не могутъ имѣть такого значенія, не заключаютъ въ себѣ столько важности для исторіи, какъ у насъ. Славянскія племена такъ бѣдны памятниками другого рода, жизнь многихъ изъ нихъ и теперь еще чужда всемірно-историческаго прогресса; они всѣ очень хорошо сознаютъ это, и обращаютъ все вниманіе на единственное выраженіе своей внутренней жизни — на пѣсни. Русскій народъ былъ также долго внѣ этого всемірно-историческаго развитія; до него также долго не касались идеи, двигавшія человѣчество; онъ долго зрѣлъ одиноко, замкнутый со всѣхъ сторонъ, и только готовился—готовился тихо, едва замѣтно—къ своему высокому назначенію, въ которое ввелъ его гений великаго Петра. Только съ Петра возникла Россія, могучее, исполинское государство, только съ Петра русскій народъ сталъ націею, сталъ однимъ изъ представителей человѣчества, развивающимъ своею жизнію одну изъ сторонъ духа; только съ Петра вошли въ его организмъ высшіе духовные интересы; только съ него началъ онъ принимать въ себя содержаніе раз-

вѣтія челоуѣчества. А до Великаго у насъ не было ни искусства, въ собственномъ смыслѣ этого слова, ни науки. — У насъ нѣтъ готическихъ храмовъ, у насъ нѣтъ ни произведеній художнической вѣсти, ни произведеній рѣзца, у насъ не было музыки. Народъ еще не созрѣлъ тогда для такихъ проявленій своего существа: онъ былъ весь погруженъ въ естественную жизнь, которая можетъ обнаруживаться въ естественной же, въ *наименой* формѣ. Эта наивная форма выраженія жизни народной есть народная поэзія. Въ самомъ дѣлѣ, у насъ очень мало предметовъ, непосредственно выражающихъ натуру русскаго народа, и ни одного, который бы равнялся въ важности пѣснямъ“... „Мы не говоримъ здѣсь, — прибавляетъ авторъ, — объ исторіи въ тѣсномъ смыслѣ, о политическихъ фактахъ, въ которыхъ также выражается, или, лучше сказать, проявляется жизнь народа: они относятся къ другой категоріи“¹⁾).

Указавъ тяжелую судьбу древней Руси, въ которой она перенесла столько испытаній, авторъ говоритъ, что этотъ періодъ жизни русскаго народа былъ однако приготовленіемъ къ великому будущему. „Отъ монгольскаго ига встрепенулось и обнаружилось сердце Руси, болю отозвалась въ немъ, и кровь вдругъ, сначала неровно и бурно, хлынула къ нему. Это сердце, дотолѣ таинственно крившееся, это сердце — Москва. Магнетическая сила сердца волею или неволею начала привлекать къ себѣ, или лучше, совокуплять въ организмъ растерзанные члены... Съ Іоанна III на Руси начался разсвѣтъ... Мракъ разсвѣдлся и прогрессъ развитія явственно обнаружился. Нужно ли говорить о томъ, какое великое значеніе имѣетъ въ русской исторіи Іоаннъ Грозный; какъ необходима была въ ней власть этого могучаго истребителя всего, что еще оставалось отъ предшествовавшаго періода, — этого царя-исполина, такъ мощно скрѣпившаго желѣзными руками только-что сочленившійся организмъ, и въ лицѣ бояръ нещадно поражающаго отжившихъ свое время удѣльныхъ владѣльцевъ? Нужно ли говорить о томъ, какъ благотворна была для юнаго организма послѣдняя страшная буря, разразившаяся надъ цѣлою Россією, буря самозванства, довершившая своимъ потрясеніемъ организацію

¹⁾ Укоуля нашихъ ученыхъ въ равнодушіи къ народнымъ пѣснямъ, авторъ замѣчаетъ здѣсь: „Давно уже обѣщана намъ большая, ученая коллекція русскихъ пѣсенъ, взоры всѣхъ любителей народной поэзіи съ ожиданіемъ устремлены на г. Кирѣвскаго, — но оаз медлить и медлить; его изданіе мелькаетъ передъ нами въ туманной дали будущаго, какъ прекрасная мечта, къ которой мы привязаны даже и тогда, когда не совсѣмъ вѣрна надежда на ея осуществленіе“. Мы упоминали, что изданіе сборника Кирѣвскаго не довершено и до сихъ поръ.

частей, пробудивъ въ народѣ такое энергическое чувство единорковности?... И вотъ на огромномъ пространствѣ лежитъ распростерто колоссальное тѣло недвижимо, еще покрытое запекшейся кровью столбыхъ павшихъ за него въ жертву поколѣній, и ждетъ гласа Божія, чтобы воздвигнуться и воспрянуть на подвигъ жизни... И гласъ Божій провѣщалъ къ нему устами величайшаго въ чело-вѣчествѣ мужа... Когда тѣло было готово и достойно пріять въ себя душу, провидѣніе воззвало Петра,—и онъ вдунулъ въ лицо мертвому духъ всемірной жизни, и распахнулъ врата Европы, и свѣжій воздухъ проникъ исполнна; могучія силы заиграли въ немъ, и онъ поднялся въ громадномъ величіи“.

Итакъ, не бесплодна была историческая жизнь народа, создава-шаго необъятную и неодолимо мощную внутри и внѣ монархію. Эта монархія свидѣтельствуетъ о силѣ создаваемаго ее народа, потому что какое государство, не исключая и древняго Рима, можетъ сравниться съ нею по объему, могуществу и изумительной силѣ ассимилированія? Достигнувъ этого величія, Россія начала жить всею полнотою свѣжихъ силъ... Оглянувшись на это прошлое, „мы открыли смыслъ жизни русской, мы приобрѣли теперь тактъ для всѣхъ проявленій русскаго духа, мы нашли для нихъ кри-теріумъ“. Имѣя этотъ критеріумъ, мы можемъ приступить къ изу-ченію свойствъ русскаго духа: „гдѣ жъ какъ не въ самой свѣтлой и прозрачной его формѣ, въ той формѣ, въ которой онъ пред-станетъ намъ лицомъ къ лицу, гдѣ жъ, какъ не въ поэзіи, будемъ мы изучать его“?

Внутреннее состояніе народа, создаваемаго свою поэзію въ тяжкія времена своей исторіи, искавшаго въ ней выхода для своихъ духовныхъ силъ, желавшаго забыться отъ мрачной дѣй-ствительности, авторъ изображаетъ такую картиною „разлива“ народной души, такъ называемаго русскаго разгула: „Загнанная внутрь самой-себя горькою, злою дѣйствительностію, вся сосредото-ченная въ безнадежномъ чувствѣ унынія, русская душа вдругъ приходила въ судорожное потрясеніе, разрывала поглощавшее ее чувство, выбивалась изъ самой себя, съ неодолимою силою раз-бѣгалась во всѣ стороны, низвергая и уничтожая все встрѣчное, разливалась и терялась въ безконечности пустаго пространства. Ничто не было сильно удержать этотъ могучій разливъ. Тутъ уже все исчезало, все молено: струны разрывались и послѣдніе заунывные стоны ихъ обнимались шумомъ разлива, быстро под-хватывались и быстро разносились вихремъ внезапнаго стремленія, и наконецъ умирали въ трепетныхъ отголоскахъ... Всѣ преграды

низвергнуты—ничего вѣтъ, ничего не видать, ничего не слышать, только высота поднебесная, да глубина моря-окияна“.

Внутренній смыслъ этого „разлива“ состоялъ въ слѣдующемъ: „Въ народахъ, находящихся, какъ говорятъ нѣмцы, im Werden, въ томъ состояніи развитія, когда они только становятся тѣмъ, чѣмъ будутъ современемъ дѣйствительно, живутъ всегда инстинктивное сознание того, что сокрыто въ тайникахъ ихъ существа, того, что нужно имъ, предчувствіе будущей дѣйствительности, въ которой найдутъ они свое опредѣленіе. Ихъ будущее назначеніе является въ нихъ какимъ-то смутнымъ идеаломъ, въ которомъ основа совпадаетъ съ основой дѣйствительности, еще не наставшей, и съ тѣмъ, слѣдовательно, чего требуетъ отъ нихъ настоящее ихъ назначеніе. Въ этомъ-то идеалѣ, въ этомъ инстинктѣ своего назначенія народъ ищетъ забываться, если вокругъ него неготово ни съ какой стороны настоящее. Мы нашли отвѣтъ на заданный вопросъ: русская душа, оторвавшись отъ настоящаго, искала забыть себя въ инстинктѣ своего назначенія“.

Переходя къ самымъ частностямъ нашей народной повѣи, авторъ замѣчаетъ, что въ ней, какъ и вообще въ народной повѣи, „выражается борьба возникающаго сознанія съ темными и чуждыми еще для него явленіями природы, стремленіе и усиліе духа достигнуть свѣта и свободы. Но мы имѣемъ мало, или, лучше сказать, почти вовсе не имѣемъ памятниковъ первоначальной эпохи этой борьбы и стремленія; наша повѣи не восходитъ дальше христіанской эры нашей исторіи; нашъ паганизмъ теряется въ непроницаемомъ мракѣ“. Авторъ опять говоритъ о непростительной небрежности нашихъ ученыхъ къ народному преданію, которое еще могло бы быть сохранено, и указываетъ, какой интересный предметъ изслѣдованія могло бы составить это преданіе съ его смѣшеніемъ языческаго и христіанскаго. Въ чудесномъ элементѣ своей повѣи народъ, по мнѣнію автора, сохранилъ темное воспоминаніе о далекой прародинѣ, но это воспоминаніе затемнилось позднѣйшими впечатлѣніями, особливо христіанскими. „Чудною смѣсью полны многія сказки и пѣсни фантастическаго содержанія! Не должно однакожь думать, чтобы эта смѣсь была вездѣ въ равной степени. Иногда разнородные элементы идутъ совершенно параллельно, не имѣя никакого внутренняго соотношенія и только извнѣ связанные; большею же частью они соприкасаются и входятъ взаимно другъ въ друга; есть, наконецъ, такіа порожденія фантазіи, въ которыхъ искаженные вѣрованія такъ сопрягаются съ языческими призраками, что оба элемента теряютъ всякое различіе и образуютъ, органически вросая другъ въ друга, совер-

шенно новыя существа. Мы особенно совѣтовали бы нашимъ ученымъ обратить вниманіе на тѣ произведенія народа, которыя запечатлѣны этою смѣсью, и вообще на его повѣрья и призраки его фантазіи. Они могутъ отчасти замѣнить недостатокъ памятниковъ язычества; нужна только острая сила для того, чтобы разложить и разрѣзвать перепутанные и сросшіеся элементы, нужно довольно трудное искусство совершить съ ними химическій процессъ, чтобы потомъ изучить отсѣвшую примѣсь паганизма. Тутъ бы приобрѣли вы не одни пустыя названія, тутъ бы обнаружилась жизненная эссенція того, что такъ давно прожито народомъ "... Наконецъ авторъ указываетъ необходимость широкаго, всесторонняго собиранія и изслѣдованія народныхъ пѣсенъ, которое опредѣлило бы историческія эпохи народнаго творчества, всѣ временныя и мѣстные отпечатки жизни народа на его поэзіи; къ этой критическо-исторической работѣ изслѣдователь долженъ присоединить пониманіе внутренней стороны народной поэзіи, для чего онъ „долженъ быть проникнуть высшими интересами человѣчества, долженъ имѣть доступъ и ключъ ко всѣмъ современнымъ понятіямъ“. Въ концѣ концовъ, „такъ составленная коллекція пѣсенъ народа будетъ уже имѣть право на другое, высшее названіе, на названіе системы внутренней жизни народа въ поэзіи, системы не въ мертвомъ смыслѣ отвлеченныхъ схематическихъ рамокъ, а въ живомъ смыслѣ органическаго, разумнаго порядка частей. Эта коллекція займетъ почетное мѣсто въ сокровищницѣ цѣлаго человѣчества и будетъ однимъ изъ великихъ предметовъ, которымъ посвящаютъ свои силы и свои труды представители умственной дѣятельности образованныхъ націй, а имя коллектора причтется къ именамъ немногихъ, къ именамъ лицъ историческихъ“. Авторъ заключаетъ воззваніемъ. „Да, мы должны, мы обязаны посвятить безъ раздѣла всѣ наши силы нашей родинѣ, нашему народу. Все то, чѣмъ мы теперь пользуемся, чѣмъ наслаждаемся, эта жизнь духа, которой мы стали участниками, не онъ ли, не этотъ ли народъ выкупилъ намъ все это такою дорогой цѣною?... Не то—горе намъ! Народъ отдвинетъ отъ насъ свою могучую сущность, не дастъ жизненныхъ соковъ корнямъ иноземныхъ растений, и наша образованность, которою мы такъ гордимся, иссохнет и увянетъ,—и не будетъ плода... Если намъ дорога слава нашей Россіи, то мы безъ замедленія, чистосердечно и искренно, должны избрать своимъ лозунгомъ тѣ три великія слова: православіе, самодержавіе и народность, которыя изрекло правительство во благо намъ и во благо народа, и которыя должны быть запечатлѣны въ сердцѣ каждаго истинно-русскаго“.

Эта статья была написана Катковымъ и произвела въ свое время большое впечатлѣніе ¹⁾. Какъ видимъ, здѣсь соединяются различные оттѣнки взглядовъ, которые даютъ этой статьѣ переходное мѣсто въ постановкѣ вопроса: и прежнее инстинктивное, нѣсколько мистическое возвеличеніе народной поэзіи, но возведенное на высоту „философскихъ“ опредѣленій въ тогдашнемъ стилѣ, и дань официальной народности, и предчувствіе научнаго изслѣдованія, которое дѣйствительно вскорѣ и наступило, — направившись и на древніе арійскіе источники нашей мѣологии, и на двоявѣрный характеръ народнаго преданія, и на временные и мѣстные отпечатки, сохранившіеся въ современной поэзіи народа. Прежде однако, чѣмъ это изслѣдованіе наступило, рѣзко опредѣлилась другая черта въ тогдашнемъ пониманіи народной поэзіи — опредѣленіе ея отношенія къ поэзіи художественной. Въ слѣдующемъ году явилась въ тѣхъ же „Отечественныхъ Запискахъ“ статья Бѣлинскаго, по поводу тѣхъ же изданій Сахарова и „Древнихъ россійскихъ стихотвореній“ Кирши Данилова.

Бѣлинскій также начинаетъ съ философскихъ опредѣленій. „Народность“ есть альфа и омега эстетики нашего времени; это — волшебное слово, таинственный символъ; въ ходячихъ литературныхъ понятіяхъ она замѣняетъ собой и творчество, и художественность, и эстетику, и критику, но очень часто она понимается не только недостаточно, но даже совсѣмъ превратно. Понятіе о народности есть только одна сторона болѣе широкаго понятія, другая сторона котораго есть общность въ человѣчествѣ, общечеловѣческое. Какъ ни одинъ человѣкъ не долженъ существовать внѣ общества, такъ ни одинъ народъ не долженъ существовать внѣ человѣчества. Всякая индивидуальность дѣйствительно существуетъ только въ силу общаго, которое есть его содержаніе, и сама она служитъ только выраженіемъ и формой этого общаго. Поэтому люди, которые требуютъ въ литературѣ *одной* народности, требуютъ чего-то призрачнаго и пустого, и точно также требуютъ этого тѣ, которые хотятъ въ литературѣ полного отсутствія народности, предполагая этимъ сдѣлать ее доступною для всѣхъ, общечеловѣческою. „Только та литература истинно народна, которая, въ то же время, есть литература общечеловѣческая, и только та литература — истинно-человѣческая, которая въ то же время и народна“. Правда, вѣтъ племени на землѣ, которое не

¹⁾ „Отечественныя Записки“, 1840, т. IV, отд. VI, двѣ статьи. О тогдашнихъ литературныхъ отношеніяхъ Каткова, см. книгу С. Невѣдннскаго. Спб. 1888, гл. I. Тамъ же замѣчанія о тогдашнемъ отношеніи Каткова къ официальной народности.

имѣло бы своей поэзіи; но не въ равной мѣрѣ эта поэзія принадлежитъ всему человѣчеству.

„Поэзія каждаго народа есть непосредственное выраженіе его сознанія; отъ этого поэзія тѣсно слита съ жизнью народа. Вотъ причина, почему поэзія должна быть народною, и почему поэзія одного народа непохожа на поэзію всѣхъ другихъ народовъ“. Но у каждаго историческаго народа есть двѣ великія эпохи его существованія: естественная непосредственность или младенчество, и эпоха существованія сознательнаго. Въ первую эпоху національная особенность каждаго народа выражается рѣзче и его поэзія бываетъ по преимуществу народною: поэту она бываетъ болѣе доступна для всей массы своего народа, и недоступна для другихъ; и напротивъ, во вторую эпоху поэзія становится менѣе понятна для массы и болѣе доступна для другихъ народовъ: такъ русскій мужикъ не пойметъ Пушкина, но за то поэзія Пушкина доступна всякому образованному иностранцу. „Если народъ ничтоженъ въ историческомъ значеніи, его естественная (народная) поэзія всегда выше его художественной поэзіи, потому что послѣдняя болѣе требуетъ обще-человѣческихъ элементовъ, и если не находитъ ихъ въ жизни своего народа, то дѣлается подражательною“.

Для Бѣлинскаго не было вопроса о томъ, какая изъ двухъ стадій поэзіи выше по своему историческому и эстетическому значенію. „Художественная поэзія всегда выше естественной, или собственно народной. Послѣдняя—только младенческой лепетъ народа, міръ темныхъ предощущеній, смутныхъ предчувствій; часто она не находитъ слова для выраженія мысли и прибѣгаетъ къ условнымъ формамъ—къ аллегоріямъ и символамъ; художественная поэзія есть, напротивъ, опредѣленное слово мужественнаго сознанія, форма, равновѣсная заключающейся въ ней мысли, міръ положительной дѣйствительности; она всегда выражается образами опредѣленными и точными, прозрачными и ясными, равносильными идеѣ. Мы помнимъ, какъ въ разгаръ романтическаго броженія многіе утверждали у насъ, что народная пѣсня выше всякаго художественнаго произведенія, и что будто бы какой-нибудь Пушкинъ за честь себѣ ставилъ поддѣлаться подъ простой и наивный складъ народной пѣсни: смѣшное заблужденіе, впрочемъ понятное въ эпоху односторонняго увлеченія! Нѣтъ, одно небольшое стихотвореніе истиннаго художника-поэта неизмѣримо выше всѣхъ произведеній народной поэзіи, вмѣстѣ взятыхъ!.. Его народная пѣсня выше всѣхъ собственно народныхъ пѣсней, вмѣстѣ взятыхъ; произведеніе, которое выходитъ изъ твор-

ческаго духа, обладающаго своимъ предметомъ, всегда выше того, которое выходитъ изъ духа, покореннаго своимъ предметомъ“.

При всемъ томъ, говоритъ Бѣлинскій, въ естественной или народной поэзи есть нѣчто, чего не можетъ замѣнить намъ поэзи художественная. „Никто не будетъ спорить, что реквиѣмъ Моцарта или соната Бетховена неизмѣримо выше всякой народной музыки,—это доказывается даже и тѣмъ, что первая никогда не наскучать, но всегда являются болѣе новыми, а вторая хороша во-время и изрѣдка; но тѣмъ не менѣе неоспоримо, что власть народной музыки безконечна надъ чувствомъ“. Бѣлинскій объясняетъ это тѣмъ же, почему въ старости намъ бывають дороги воспоминанія нашего дѣтства. „Да, мысль выше непосредственнаго чувства, пора мужества выше поры младенчества; но все же и въ непосредственномъ чувствѣ, и въ порѣ дѣтства, есть нѣчто такое, чего нѣтъ ни въ разумномъ сознаніи, ни въ гордой возмужалости, что бываетъ только разъ въ жизни, и больше не возвращается... Такъ и для народа: онъ все тотъ же и въ эпоху разумаго сознанія, какъ и въ эпоху непосредственнаго чувства; но его непосредственное чувство было почвою, изъ которой возникъ и разлился цвѣтъ и плодъ его разумаго сознанія“. Въ концѣ концовъ, „въ художественной поэзи заключаются всѣ элементы народной, и сверхъ того есть еще нѣчто такое, чего нѣтъ въ народной поэзи: однакожь, тѣмъ не менѣе народная поэзи имѣетъ для насъ свою цѣну, такъ, какъ она есть,—въ ея чистомъ, непримѣсномъ элементѣ, въ ея простой, безыскусственной и часто грубой формѣ“.

Упомянутая эпоха сознательности въ исторической жизни русскаго народа началась, конечно, съ реформы. Этимъ рѣшена была и судьба народной поэзи. Самъ Бѣлинскій думалъ, что „изъ памятниковъ русской народной поэзи можно доказать великій и могучій духъ народа“, и приводитъ тому примѣры; тѣмъ не менѣе дальнѣйшее развитіе русской поэзи должно было идти уже другимъ путемъ. „Вся наша народная поэзи есть живое свидѣтельство безконечной силы духа, которому надлежало, однакожь, быть возбуждену извнѣ. Отсюда понятно, почему величайшій представитель русскаго духа—Петръ Великій, совершенно отрывая свой народъ отъ его прошедшаго, стремясь сдѣлать изъ него совсѣмъ другой народъ, все-таки провидѣлъ въ немъ великую націю и не вотще пророчествовалъ о ея великомъ назначеніи въ будущемъ. Отсюда же понятно, почему величайшій и по преимуществу національный русскій поэтъ—Пушкинъ воспиталъ свою музу не на материнскомъ лонѣ народной поэзи, а на евро-

пейской почвѣ, былъ приготовленъ не „Словомъ о полку Игоревѣ“, не связочными поэмами Кириши Данилова, не простонародными пѣснями, а Ломоносовымъ, Державинымъ, фонъ-Визинимъ, Богдановичемъ, Крыловымъ, Озеровымъ, Карамзинимъ, Дмитриевымъ, Жуковскимъ и Батюшковымъ—писателями и поэтами подражательными и нисколько не національными“¹⁾).

Эти положенія достаточно указываютъ взглядъ Бѣлинскаго на отношеніе народной поэзіи къ поэзіи искусственно-художественной: первая есть младенчество, вторая есть эпоха сознанія и въ силу этого неизмѣримо выше первой... Прошло немного лѣтъ и въ понятіяхъ о народной поэзіи совершается полный переворотъ—по крайней мѣрѣ въ кругу тѣхъ, кто предался теперь ея изученію. Должно сказать, что въ то время, къ которому относятся цитированныя нами статьи, народной поэзіи не было посвящено еще нискакого спеціальнаго изученія: оба названные писателя вовсе не были специалистами въ предметѣ, и такихъ специалистовъ вообще не было. Новая точка зрѣнія явилась изъ такого же чужого источника, изъ какаго передъ тѣмъ получалась наша критика сороковыхъ годовъ. Общая почва была, какъ мы указывали, въ возраставшемъ интересѣ къ народу и народной жизни: съ этимъ интересомъ тѣснѣйшимъ образомъ связаны и послѣдніе соціальныя взгляды Бѣлинскаго, и стремленія славянофильской школы, и особое развитіе этнографическаго изученія, однимъ изъ центровъ котораго стало только-что основанное тогда Географическое Общество, и пробивавшіяся мысли объ освобожденіи крестьянъ. Въ частности, въ вопросѣ о народной старинѣ и поэзіи новое движеніе было сообщено первымъ знакомствомъ съ ученіями Гримма. Мы имѣли случай указывать, какъ подъ его вліяніями выростала заманчивая, сильно фантастическая картина народной древности, исполненной богатыми проявленіями поэзіи. Высокое достоинство этой поэзіи было въ томъ, что она была живымъ, самобытнымъ созданіемъ народной массы, проявленіемъ общаго народнаго убѣжденія и чувства, и потому въ ней собралось такое обиліе поэтическихъ образовъ, установленныхъ всеобщимъ признаніемъ въ постоянную формулу. Могущество этой поэзіи сказалось уже въ томъ, что она могла прожить цѣлые вѣка въ устахъ народа, сберегая не только отдаленныя историческія воспоминанія русской жизни, но и сохраняя отголоски отдаленнѣйшихъ вѣковъ индо-европейскаго родства.

¹⁾ Сочиненія Бѣлинскаго, т. V, изд. 2-е. М. 1865, стр. 7—254; т. XII, стр. 448—455.

Позднѣйшая эпоха христіанства дала народу новыя просвѣтленныя нравственныя понятія, обогатила его фантазію новыми образами, но не уничтожила самой сущности его поэтическаго творчества: оба содержанія, старое и новое, сливались въ повѣи двоевѣрія, и въ средніе вѣка народная повѣя обнаруживаетъ ту же свѣжую дѣятельность. Такимъ образомъ и въ свою первобытную пору, и въ это историческое время народная повѣя своимъ происхожденіемъ создавала нравственное единство народа и была истиннымъ выраженіемъ его національной природы. Никакая искусственная повѣя не въ состояніи подняться до этой нравственной и художественной высоты, и въ особенности если эта искусственная повѣя не вырастаетъ изъ національной почвы, а напротивъ, является чужимъ внушеніемъ, рабскимъ подражаніемъ чужому образцу.

Взглядъ Бѣлинскаго, въ свое время именно распространенный въ обычныхъ литературныхъ понятіяхъ, съ этой точки зрѣнія былъ не только ересь, но настоящее варварство. Новая теорія съ превзрѣніемъ смотрѣла на нашу литературу XVIII-го вѣка, которая была только подражаніемъ, совершенно забывала о поэтическомъ наслѣдіи народа и, не имѣя въ немъ почвы, была безсодержательнымъ пустоцвѣтомъ.

Первыя заявленія новаго отношенія къ народной повѣи сдѣланы были съ конца сороковыхъ и особливо въ пятидесятыхъ годахъ въ трудахъ г. Буслаева, затѣмъ съ разными отгнѣнками у Аванасьева, Ореста Миллера, писателей славянофильскихъ: К. Аксакова, Безсонова и др. Новыя изслѣдованія, — какъ бывало у насъ нерѣдко, когда проникали къ намъ новыя вліянія западной науки, — вступали прямо *in medias res*, безъ всякаго подготовленія и предисловія: основа теоріи заключалась въ европейской наукѣ и знакома была только адептамъ; у насъ прямо примѣнялись эти положенія къ русскому матеріалу, такъ что общій взглядъ выяснялся только мало-по-малу, — а иногда оставался совсѣмъ не выясненнымъ, именно въ приложеніи къ цѣлому вопросу объ отношеніяхъ народно-поэтической старины къ послѣднимъ двумъ вѣкамъ русской литературы. Выработались, правда, нѣкоторыя общія положенія, но въ концѣ концовъ онѣ не были сведены въ цѣльную теорію литературнаго развитія.

Изслѣдованія начались съ частныхъ вопросовъ мнѣологическаго преданія, двоевѣрной легенды, стараго эпоса; въ изслѣдованіе вводилось все больше матеріала изъ устной повѣи и памятниковъ письменности, которые между прочимъ иногда впервые открываемы были для исторіи литературы; въ это же время сдѣланы были

неожиданныя и богатая находки Рыбникова и Гильфердинга, которыя давали поразительное свидѣтельство о жизненности народной поэзіи, — и новая теорія съ тѣмъ большею рѣшительностью заявляла свои выводы о достоинствѣ народно-поэтическаго преданія и протесты противъ того „ложнаго“ направленія, какое приняла наша литература въ послѣдніе два вѣка ея исторіи. Какъ будто открывалась новая эра русскаго самосознанія: въ воскресавшей древности являлось для современнаго общества нравственное поученіе; въ глазахъ Ор. Миллера Илья Муромецъ или Микула Селяниновичъ были національнымъ символомъ, и Миллеръ не усомнился, на примѣръ, назвать анахронизмомъ взгляды Соловьева, когда послѣдній въ срединѣ своего монументальнаго труда остановился на объясненіи переходнаго момента русской исторіи — подготовленія Петровской реформы ¹⁾; въ глазахъ Безсонова древній эпосъ былъ цѣлымъ апокалипсисомъ національной жизни, который онъ смѣло принялся растолковывать профанамъ, и т. д. Наибольше авторитетный изъ новыхъ изслѣдователей, высоко цѣнившій древне-русскую поэзію, далеко не всегда соглашаясь съ славянофильской школой въ опредѣленіи древней Руси, сходился однако съ нею въ протестъ противъ XVIII-го вѣка. И здѣсь онъ отличался отъ славянофиловъ тѣмъ, что начало не-народнаго характера письменности онъ видѣлъ еще въ древне-русской жизни, но окончательное торжество не-народности наступило все-таки въ XVIII вѣкѣ.

На этомъ предметѣ г. Буслаевъ остановился въ своемъ трактатѣ о русскомъ богатырскомъ эпосѣ. Авторъ начинаетъ съ безспорныхъ общихъ положеній: „Литература, служа выраженіемъ жизни народа, имѣетъ большее или меньшее значеніе по народу, которому принадлежить, то-есть, тѣмъ образованнѣе народъ, тѣмъ важнѣе его нравственное вліяніе на исторію человѣка, тѣмъ значительнѣе его литература. Потому литература классическихъ народовъ, грековъ и римлянъ, стала общимъ достояніемъ всего образованнаго міра... Счастливы тотъ народъ, который въ національныхъ основахъ своей литературы, вмѣстѣ съ любовью къ родинѣ, можетъ воспитывать въ себѣ всѣ высшія, общечеловѣческія стремленія, народъ, который, раскрывая свою національность, двигаетъ впередъ исторію человѣчества, и въ произведеніяхъ своихъ писателей съ гордостью указываетъ на высшую степень умственнаго и литературнаго развитія, каковой только могъ достигнуть че-

¹⁾ „Русскій народный эпосъ передъ судомъ г. Соловьева“ (по поводу XIII тома „Исторіи“), въ Вѣст. для Чтенія, 1864. Ср. „Илья Муромецъ“. Спб. 1869, заключеніе.

ловѣческій разумъ въ ту или другую эпоху исторіи цивилизаціи. Послѣ классическихъ народовъ, эта счастливая доля доставалась, въ разные времена, другимъ европейскимъ странамъ, поочередно, то нѣмецкимъ племенамъ, въ блистательномъ развитіи безыскусственного средневѣкового эпоса, то итальянцамъ и испанцамъ въ художественномъ воссозданіи разныхъ средневѣковыхъ источниковъ письменной словесности, то французамъ и англичанамъ“. И затѣмъ между ними было постоянное общеніе, такъ что національность не только не противопоставала себя общечеловѣческому, но совпадала съ нимъ, служа ему извѣстную ступеньку на пути прогресса.

„Нельзя того же сказать о племенахъ славянскихъ, не исключая и нашего отечества. Тихо и скромно шествуя въ концѣ общеевропейскаго движенія, славянскія племена никогда не были настолько сильны въ своей политической и нравственной жизни, чтобы могли наложить печать своего умственного авторитета на прочія европейскія націи. Литература русская, какъ и прочіихъ нарѣчій, принадлежитъ къ тѣмъ скромнымъ явленіямъ, въ которыхъ національное еще не дошло до общечеловѣческаго, не могло еще стать обязательною нравственною силою, передъ которою преклонились бы прочіе образованные народы“. И въ то время, какъ на западѣ искусственная поэзія не только не заглушала національнаго преданія, но даже способствовала его сохраненію, у насъ было именно обратное: „На Руси искусственная литература и народный эпосъ уже съ *древнѣйшихъ временъ* рѣзко отделились другъ отъ друга, вслѣдствіе бѣднаго и *крайне односторонняго* влерикальнаго направленія нашей письменности. Въ XVI, и особенно въ XVII вѣкѣ, народный русскій эпосъ сталъ-было заявлять нѣкоторыя права на вліяніе въ искусственной литературѣ, но не успѣлъ ее освѣжить, а внезапный разрывъ Петровской Руси съ національною старинною совсѣмъ уже отрѣзалъ новѣйшую нашу литературу отъ эпическихъ основъ русской національности“. И авторъ даетъ такую уничтожающую характеристику нашего XVIII-го вѣка, — въ которой онъ почти вполнѣ совпадаетъ съ славянофилами:

„Такимъ образомъ (послѣ реформы), на Руси совершалось то, чего не бывало ни въ одной изъ цивилизованныхъ европейскихъ странъ: явилась свѣтская литература, созданная изъ случайныхъ, кое-какъ и отовсюду нахватанныхъ, чуждыхъ намъ элементовъ. Русская народность стала не основой для этой колонизованной на Руси литературы, а мишенью, въ которую отъ времени до времени она направляла свои сатирическіе выстрѣлы,

какъ въ дикое невѣжество, которое надобно искоренить въ конецъ. Было бы крайнею несправедливостью обвинять нашихъ писателей послѣднихъ ста лѣтъ въ ихъ анти-національномъ направленіи: они сознательно и честно поддерживали его, будучи поставлены *насильственнымъ реформой* въ ложное и одностороннее отношеніе къ своей народности. Итакъ, несмотря на видимое присутствіе цивилизованныхъ, европейскихъ элементовъ въ нашей новой литературѣ, она представляетъ собою явленіе *чудовищное*, въ цивилизованныхъ странахъ *небывалое*, потому что состоитъ не въ симпатическихъ, а во враждебныхъ отношеніяхъ къ народности, какъ пришлый завоеватель, который силою покоряетъ себѣ туземныя массы, какъ эгоистическій плантаторъ, который, игнорируя нравы и убѣжденія своихъ невольниковъ, позволячиваетъ имъ цѣни лоскомъ европейскаго комфорта“.

Этотъ взглядъ опредѣлялъ, однако, самые факты весьма неточно. Съ новѣйшей точки зрѣнія дѣйствительно могутъ казаться чудовищными многіе примѣры подражательности, господствовавшей въ XVIII вѣкѣ; но самъ авторъ признаетъ, что еще въ древнемъ періодѣ наша письменность отдѣлилась отъ эпической основы, вслѣдствіе „крайне односторонняго клерикальнаго направленія“, — слѣдовательно, разрывъ начался задолго до реформы, и затѣмъ не ея виною было то, что народный эпосъ „не успѣлъ освѣжить“ литературы въ XVI и XVII ст. Съ другой стороны, авторъ сознаетъ, что въ литературѣ русской, какъ и остальныхъ славянскихъ нарѣчій, „національное еще не дошло до общечеловѣческаго, не могло еще стать обязательною нравственною силою“: гдѣ же было искать этого общечеловѣческаго, когда наконецъ явилась въ немъ потребность, когда явились новые запросы мысли, чувства и самой фантазіи? Историческіе факты указываютъ, что сама древняя письменность, — когда она искала подобія научныхъ знаній или эстетическаго удовольствія въ повѣсти и сказкѣ, наконецъ въ стихотворствѣ, — еще въ XVI и въ XVII столѣтіи начала обращаться прямо или косвенно къ тому же западно-европейскому источнику, и XVIII вѣкъ сталъ только шире черпать изъ этого источника: таковы были многія переводныя книги XVI и XVII вѣка; таковы были различныя повѣсти и сказанія, героическія, любовныя и шутливыя; таково было упомянутое первое начало нашего псевдо-классицизма въ стихотворствѣ Симеона Полоцкаго и т. д.; самое отрицаніе стараго русскаго застоя было уже заявлено задолго до Петра фактомъ различныхъ заимствованій и книгой Котошихина. Исторія указываетъ дальше, что среди всѣхъ „чудовищностей“ XVIII-го вѣка ему принадлежатъ

первый литературный и научный интерес къ старому преданію, первое стремленіе къ историческому сознанію, къ собиранію и объясненію старины: многіе памятники русской древности были впервые извлечены изъ забвенія только XVIII вѣкомъ, когда московская Россія уже забывала о нихъ, какъ, напримѣръ, само Слово о полку Игоревѣ; послѣ грубаго силлабическаго стиха, завѣщаннаго XVII вѣкомъ, и которому еще оставался вѣренъ Кантемиръ, правильная форма русскаго стиха была найдена въ стихѣ народной пѣсни; и чѣмъ дальше, тѣмъ все болѣе русскіе писатели обращались съ любовью къ старинѣ, искали поученія въ ея преданіяхъ и подъ этими внушеніями задумывались о реальномъ положеніи народа и рѣшались высказать опасную въ то время мысль о необходимости его освобожденія. Въ обществѣ, издавна лишенномъ инициативы, это развитіе мысли о народѣ не могло не соединяться съ великими трудностями, но мы видѣли раньше, что въ XVIII вѣкѣ это развитіе шло, хотя медленно, но постоянно, и это несомнѣнно заслуживаетъ признанія и сочувствія, а не осужденія. Мы видѣли также, что движеніе, начатое XVIII вѣкомъ въ этомъ направленіи, продолжалось и въ XIX: при всѣхъ новыхъ литературныхъ заимствованіяхъ, русскихъ писателей не повидала мысль объ отечественномъ и народномъ, и опять было бы историческою несправедливостью не видѣть этихъ великодушныхъ стремленій, между прочимъ отмѣченныхъ высоко художественными произведеніями новѣйшей литературы. Отсюда путемъ послѣдовательнаго преемства достигъ и до новѣйшаго времени этотъ интересъ къ народу, никогда не упавшій, несмотря на всѣ смѣны литературныхъ направленій и вкусовъ, — напротивъ, онъ каждый разъ пользовался ими, идя все къ одной цѣли, несмотря на всѣ едва одолимыя препятствія, какія ставили ему внѣшнія условія: обскурантизмъ, крѣпостничество и т. д.

Общественное возбужденіе въ концѣ пятидесятихъ и въ шестидесятихъ годахъ было въ сущности именно проявленіемъ этого давняго, прежде таившагося интереса, который теперь получилъ только возможность высказываться. Онъ сосредоточивался прежде всего и выше всего на освобожденіи крестьянъ, которое было, безъ сомнѣнія, самымъ крупнымъ господствующимъ вопросомъ народной жизни. Всеобщее одушевленіе наиболѣе образованнаго круга общества свидѣтельствовало о живомъ, здоровомъ участіи къ дѣлу народа, и понятно, что въ разнообразныхъ слояхъ общественной массы оно высказывалось въ весьма различныхъ построеніяхъ, какъ самый вопросъ имѣлъ много разнообразныхъ сторонъ: крестьянское дѣло вызывало на изслѣдованія историче-

скія, юридическія, экономическія, ставило задачи народнаго образованія, напоминало давно поднятые вопросы о народномъ характерѣ, бытѣ, наконецъ, народномъ міровоззрѣніи и народной поэзіи. Понятно, что вопросы обособлялись и что экономистъ могъ совсѣмъ не думать о миеологіи, а филологъ имѣть весьма слабое представленіе о соображеніяхъ политической экономіи. Не подлежало сомнѣнію одно, что „народность“ становилась впервые *реальнымъ элементомъ жизни*, потому что ожидалась впереди полноправная гражданская дѣятельность освобожденныхъ милліоновъ... Нашъ ученый, не видѣвшій въ XVIII вѣкѣ никакихъ признаковъ интереса къ народности, видѣвшій въ литературѣ послѣднихъ вѣковъ только смѣну легкомысленныхъ подражаній, усумнился и теперь: ему съ его исключительной историко-литературной точки зрѣнія казалось, что въ современномъ интересѣ къ народу и въ общемъ характерѣ литературы, который онъ предполагалъ, лежитъ противорѣчіе.

Сказавъ приведенныя слова о XVIII вѣкѣ, нашъ авторъ продолжаетъ: „Но если русская цивилизованная современность, по своему происхожденію и составу, такъ чужда народности, то почему же она въ теоріи противорѣчитъ сама себя, и стремится въ національнымъ идеямъ, то въ уваженіи къ свободѣ челоувческаго духа въ простомъ мужикѣ, то въ сентиментальномъ поклоненіи мірской сходѣ, то въ заявленіи притязаній на ученую и поэтическую разработку русской народности и старины? Неужели это такая же мода на народность, занесенная къ намъ съ Запада, какъ заносилась мода на классицизмъ, сентиментальность, романтизмъ, гегелизмъ, и на другія направленія, сознательно и исторически возникавшія на Западѣ, и случайно, кое-какъ принимавшіяся у насъ на грубой, не приготовленной къ тому почвѣ?“

„И дѣйствительно, все, чтѣ ни бралось къ намъ съ Запада, было только временною модою, досужимъ препровожденіемъ времени, мало оставлявшимъ по себѣ существенной пользы. Все это скользило только по поверхности русской жизни, не спускаясь въ глубину ея историческаго и бытового броженія“.

Останавливаясь специально на идеѣ народности, г. Буслаевъ указывалъ, что она исторически развилась на Западѣ, особливо въ Германіи, на почвѣ такъ называемаго романтизма, выдвинувшаго на общее вниманіе средневѣковую старину. Она пришлась по сердцу славянскимъ племенамъ, особенно тѣмъ, которыя теряли свою національную самостоятельность подъ господствомъ нѣмцевъ, — таково было развитіе этого направленія у чеховъ: „ученымъ изысканіямъ давали сильный толчокъ политическія идеи

о возможной независимости славянъ отъ чуждаго преобладанія“; но теперъ „сама исторія доказала, что эти идеи не привели къ желаннымъ результатамъ“, и славянскій энтузіазмъ къ старинѣ и народности значительно охладѣлъ. Далѣе: „западное ученіе о народности отразилось на Руси сначала въ такъ-называемомъ славянофильствѣ, которое, прилагая уже готовую *чешскую программу* къ чужеземной обстановкѣ русской жизни, съ ненавистію отнеслось ко всему нѣмецкому, предало Европу проклятію, открывая въ ней предсмертные симптомы конечнаго распада и тлѣнія, и съ юношескимъ увлеченіемъ облеклось въ мужицкій кафтанъ и мурмолку, предавъ себя разнымъ аскетическимъ подвигамъ по примѣру благочестивыхъ предковъ временъ Іоанна Грознаго“.

Справедливо, что чешская программа играла значительную роль въ программѣ славянофильской, и что было юношескимъ увлеченіемъ переодѣванье въ старинные костюмы и подражаніе аскетическимъ подвигамъ предковъ, но повторимъ, что начало движенія восходитъ гораздо далѣе, что сами славянофилы находили своихъ предковъ въ XVIII столѣтіи въ Новиковѣ, въ Болтинѣ, въ Пощинѣ, въ Шишневѣ; самый терминъ „народности“ выставленъ былъ еще до славянофиловъ въ официальной программѣ и т. д.

Самъ авторъ соглашается, далѣе, въ широкомъ значеніи новаго движенія, и мы читаемъ у него слѣдующія прекрасныя строки: „Мы живемъ и дѣйствуемъ въ эпоху, когда уваженіе къ человѣческому достоинству вообще, независимо отъ сословныхъ и іерархическихъ преданій, даетъ новое направленіе и политикѣ, и философіи, и легкой литературѣ, направленіе, опредѣляемое національными и вообще этнографическими условіями страны... Какъ бы различны ни казались съ перваго взгляда стремленія теоретиковъ и практиковъ, но въ существѣ своемъ онѣ идутъ по одному направленію и ведутъ къ одной и той же цѣли, къ подчиненію эгоистической личности насущнымъ интересамъ народа, не только матеріальнымъ, но и особенно духовнымъ. Заботливое собраніе и теоретическое изученіе народныхъ преданій, пѣсенъ, пословицъ, легендъ не есть явленіе изолированное отъ разнообразныхъ идей политическихъ и вообще практическихъ нашего времени: это одинъ изъ моментовъ той же дружной дѣятельности, которая освобождаетъ рабовъ отъ крѣпостнаго ярма, отнимаетъ отъ монополіи право обогащаться на счетъ бѣдствующихъ массъ, ниспровергаетъ застарѣлыя касты и, распространяя повсемѣстно грамотность, отбираетъ у нихъ вѣковыя привилегіи на исключительную образованность, ведущую свое начало чуть ли не отъ

миѳическихъ жрецовъ, хранившихъ подъ спудомъ свою таинственную премудрость для острастки профановъ“.

Но, затѣмъ, авторомъ опять овладѣваютъ сомнѣнія. Онъ думаетъ, что въ водоворотѣ современныхъ вопросовъ едва ли кто можетъ указать, какіе результаты принесетъ новѣйшее народное направленіе. „Теперь можно, кажется, сказать только то, что, привыкнувши хватать западныя идеи наобумъ, и опрометчиво торопясь прикладывать ихъ какъ ни попало къ практикѣ, не переведши ихъ для себя въ сознательное, честное убѣжденіе, мы усваиваемъ себѣ и это народное направленіе такъ же легкомысленно и поверхностно, какъ усваивали прежде классицизмъ, романтизмъ и разныя философскія ученія. Чтобы честно и искренно посвящать себя на служеніе народу, надобно искренно любить его, и для того нужно коротко его знать: а между нѣмецкою образованностью Петровской Руси и простымъ народомъ, въ теченіе послѣднихъ полутора вѣка, раскрылась такая глубокая трещина, которую не замажешь въ какіе-нибудь десятки годовъ сентиментальнымъ пѣтениемъ къ народности, теоретически перенятымъ у другихъ и разбѣненнымъ на мелочь ради минутныхъ эгоистическихъ цѣлей той же образованной монополіи, противъ которой должно бы бороться это новое направленіе. Потому надобно опасаться, чтобы наша нѣмецкая образованность, вооруженная чиномъ и другими привилегіями, не отнеслась къ народности какъ къ выгодной добычѣ, и чтобы изъ вопроса о нравственномъ и матеріальномъ благосостояніи народныхъ массъ не сдѣлала для себя ловкой спекуляціи. По крайней мѣрѣ въ дѣлѣ просвѣщенія народа грамотностію нельзя не заподозрить корыстныхъ цѣлей со стороны просвѣтителей... Добыча готова, но кому она достанется въ жертву—вотъ вопросъ, который не рѣшится безъ борьбы эгоистическихъ побужденій. Духовенству или свѣтскимъ людямъ будетъ обязано простонародье своею грамотностію? Дворянство ли, лишившись нѣкоторыхъ правъ матеріальнаго преобладанія надъ русскимъ невѣжествомъ, возьметъ теперь его подъ свою умственную и нравственную опеку, или безпомѣстные авантюристы, вмѣсто рудниковъ Калифорніи, будутъ пробовать свое счастье, производя свои педагогическіе опыты надъ своею меньшею братіей, и, какъ новые посланники свыше, будутъ своими грамотными мрежами уловлять добычу въ мутной водѣ невѣжества?“

„Впрочемъ,—говоритъ дальше авторъ,—не отказывая инымъ просвѣтителямъ полуязыческаго простонародія въ совершенно безкорыстныхъ, честныхъ стремленіяхъ, все же для характеристики

вопроса о народномъ направленіи образованныхъ умовъ на Руси не подлежитъ сомнѣнію, что они на первыхъ же порахъ относятся къ своей простонародной братіи вовсе не по-братски, а свысока, и не хотятъ въ ней снизойти, и чѣмъ нибудь отъ нея позаимствоваться, въ полной увѣренности, что всѣ народныя преданія и обычаи, вся застарѣлая народность—хламъ, который слѣдуетъ выбросить за окно (?). Но если просвѣтителямъ такъ противна (?) русская народность, то могутъ ли они симпатично предлагать свои цивилизованныя услуги тѣмъ, кто въ теченіе вѣговъ и доселѣ свято хранитъ въ себѣ весь этотъ ненужный и противный хламъ, полагая въ немъ всю свою нравственную характеристику? Можно ли между такими учителями и такою школой допустить взаимное уваженіе, довѣріе и любовь, эти необходимыя условія всякаго правильнаго воспитанія?

„Итакъ, кажется, съ достовѣрностью можно опредѣлить вопросъ о русской народности въ его современномъ состояніи такимъ образомъ: это не болѣе, какъ распространеніе западныхъ идей и цивилизованныхъ удобствъ въ народныхъ массахъ. Русская народность, слѣдовательно, играетъ въ этомъ вопросѣ роль страдательную“.

Авторъ негодуетъ на то, что въ новѣйшихъ увлеченіяхъ народностью слишкомъ мало мысли о томъ, чтобы воспользоваться при этомъ сокровищами самого народа, его поэтической стариной, въ которой, напротивъ, хотятъ видѣть только отжившее суевѣріе. Но онъ опять самъ признаетъ особенное положеніе русской народности. „Народность француза или англичанина обязательна не для Франціи или Англіи только, но и для всякаго образованнаго человѣка, въ какой бы націи онъ ни принадлежалъ. Напротивъ того, народы, далеко отставшіе отъ другихъ въ цивилизаціи, но усердно за нею стремищіеся, до тѣхъ поръ будутъ отодвигать свою народность на задній планъ, пока не усвоятъ себѣ всего полезнаго и необходимаго, что сдѣлано уже цивилизованными націями... Конечно, легко какому-нибудь читателю Востока, сядя въ дружескомъ кружкѣ, мечтать о чистотѣ и глубинѣ русскаго духа, и о колоссальномъ величій нравственныхъ силъ русскаго мужика; понятно также, почему и кабинетный ученый, изслѣдователь русской литературы и исторіи, можетъ усердно хлопотать о рѣшеніи разныхъ вопросовъ по русской народности и старинѣ; но въ самой жизни, на практикѣ, волею или неволею, западное направленіе беретъ перевѣсъ“. Дальше оказывается, что „западное направленіе“ состоитъ и въ томъ, что русскій политикъ увлекается западными учрежденіями, и русскій семинаристъ тихонько

отъ наставниковъ спѣшить освѣжить свою „забитую голову“ новой западной книжкой, но и въ томъ, что русскій промышленникъ, „хотя бы вчера изъ мужиковъ, едва умѣя читать, хочеть улучшить свои промыслы по западнымъ образцамъ“... Оставивъ въ сторонѣ политика, не трудно видѣть и изъ этихъ примѣровъ, что нужно было все-таки освѣжать забитую голову и приобретать промышленное знаніе, для чего требовалось обращаться къ западнымъ образцамъ.

Неправильность и легкость нашего отношенія къ народности авторъ видитъ, напримѣръ, въ томъ равнодушіи, съ какимъ былъ встрѣченъ сборникъ Рыбникова, — „а между тѣмъ многія изъ этихъ пѣсенъ такъ прекрасны, что самъ Пушкинъ преклонился бы передъ высоко-наивною и классическою граціей, которую въ нихъ вдохнула простонародная фантазія. А между тѣмъ эти прекрасныя пѣсни доселѣ оглашаютъ русскую землю *по остѣмъ концамъ ея*, воспѣвая миѣическихъ богатырей и историческихъ героев нашего отечества; и внимательному, просвѣщенному слуху могли бы эти вѣковыя пѣсни такъ много внушить, могли бы пробудить въ умѣ столько полезныхъ идей, а въ сердцѣ столько любви къ родной землѣ, и особенно въ такую эпоху, когда коренное преобразование быта народнаго на нашихъ глазахъ полагаетъ новыя основы для будущихъ успѣховъ русской цивилизаціи!“ Но для этого нужно относиться къ народу съ дѣйствительною любовью, нужно быть твердо въ своемъ образованіи, чтобы не смотрѣть свысока на мужицкую поэзію.

Авторъ указалъ, что тогдашній складъ народнаго направленія объяснялся обличительнымъ характеромъ современной литературы¹⁾. „Обличать въ тысячу разъ легче, нежели изучать... Сказано, что вся византійщина—гниль и тлѣнь, и это рѣшеніе сдано въ архивъ россійскаго просвѣщенія, прежде нежели на Руси выучились, какъ слѣдуетъ, греческой азбуцѣ. Хотите ли вы серьезно изучить памятники русской архитектуры или иконописи,—тогда возбуждаете подозрѣніе въ преступномъ пополозновеніи рекомендовать въ назиданіе современнымъ живописцамъ каковой-нибудь курьезный типъ съ собачьею или лошадиною головою. Отнесетесь ли вы серьезно, безъ балаганнаго гаерства, къ стариннымъ повѣртіямъ и преданіямъ,—васъ ужъ подозрѣваютъ, не вѣруете ли вы въ миѣческіе догматы, что земля основана на трехъ китахъ, и что громъ гремитъ отъ поѣздки по облакамъ Ильи Громовника“.

Но главное—то, что наша мысль все еще неспособна отне-

¹⁾ Статья, о которой мы говоримъ, писана въ 1862.

стись спокойно къ нашей старинѣ и народности, потому что все еще находится въ рабствѣ. „Періодъ анти-національнаго преобладанія, начавшійся монгольскимъ игомъ и скрѣпленный въ XV и XVI вѣкахъ московскою политивою, и доселѣ еще не завершилъ круга своей дѣятельности. Надобно отдать полную справедливость политическому такту тѣхъ историковъ, которые, выбрасывая изъ русской исторіи татарскій періодъ, находятъ его результаты въ Московскомъ княжествѣ XV-го вѣка. Дѣйствительно, оба эти явленія совпадаютъ, точно такъ же, какъ и подчиненіе русской національности нравственнымъ и матеріальнымъ силамъ Запада со временъ Петра Великаго, въ сущности, для сознанія народныхъ массъ, есть не что иное, какъ только перенесеніе Золотой Орды временъ татарщины куда-то за море, откуда и доселѣ не перестаетъ русскій людъ чаять себѣ суда и порядка. Согласно этимъ вѣковымъ преданіямъ русской исторіи, и въ настоящее время образованный человекъ, литераторъ или ученый, относится къ русской народности, какъ пришлый варягъ къ кривичамъ и чуди, или какъ миссіонеръ къ толпѣ дикарей, которыхъ желаетъ обратить въ крещеную вѣру. Слѣдовательно, русская народность и старина съ этой точки зрѣнія представляются только жалкимъ собраніемъ темныхъ предрассудковъ и суевѣрій, которые должно только обличать, а не изслѣдовать ученымъ порядкомъ. Но для кого же ихъ обличать и съ какою цѣлью?.. И не смѣшно ли такъ много заботиться о простомъ народѣ на словахъ, когда онъ самъ идетъ своею дорогою, и вовсе не хочетъ знать ни нашихъ обличеній, ни защиты?“¹⁾

Это была одна изъ самыхъ сильныхъ филиппикъ противъ признанія достоинства народности, какія были въ нашей литературѣ: ее можно сравнить только съ нѣкоторыми протестами Константина Аксакова (напр., „Публика и народъ“), или, позднѣе, съ нѣкоторыми изъ статей Ивана Аксакова, — она была и столь же исключительна.

Изъ самыхъ словъ нашего ученаго, который былъ настоящимъ основателемъ новыхъ изученій народной старины, мы могли видѣть тѣ общія условія, которыя создавали особенное положеніе русской „народности“: требовалось въ одно и то же время и просвѣщеніе, и обереганіе реальныхъ правъ народа, и то нрав-

¹⁾ Русскій богатирскій эпосъ, въ „Р. Вѣстникѣ“ 1862, и въ книгѣ: „Народная поэзія“. Спб. 1887, стр. 1—17 и далѣе.

ственное единеніе, какое нашъ авторъ видѣлъ въ усвоеніи обществомъ народнаго преданія, или какое, по мнѣнію другихъ, должно было заключаться въ повышеніи матеріальнаго и образовательнаго уровня народной массы.

Съ этими вопросами мы опять возвращаемся къ шестидесятымъ годамъ. Не должно забывать прежде всего, что весь этотъ вопросъ о народности—то-есть о реальномъ народѣ съ его нуждами, его предполагаемыми свойствами и стремленіями, только-что сталъ возможенъ для литературы въ виду ожидаемаго освобожденія и тотчасъ послѣ него. Высказывалось давно бродившее въ умахъ, но не успѣвшее, по прежнему положенію литературы, сложиться въ опредѣленные взгляды, высказывалось второпяхъ подъ впечатлѣніемъ минуты, но съ ясною памятью о тѣхъ невзгодахъ, какія выпадали на долю народа, а также и на долю цѣлаго русскаго просвѣщенія. И въ ту самую минуту въ литературѣ еще слышались голоса людей, которымъ самое освобожденіе было ненавистно, которые, не задумываясь, утверждали, что народу не нужна грамота, что онъ любить старыя патріархальные порядки и т. п.; и когда, напримѣръ, ревностные идеалисты занялись устройствомъ воскресныхъ народныхъ школъ, тотчасъ нашлись люди, которые сдумали подъ нихъ подкопаться. Въ „водоворотѣ современныхъ вопросовъ“, по выраженію нашего автора, взгляды переверчивались, и когда притомъ все еще нельзя было называть многихъ вещей ихъ именами, могли происходить и такія недоразумѣнія, о которыхъ говоритъ г. Буслаевъ. И въ то время не было сомнѣнія, что „сповойное, чуждое всякихъ практическихъ тенденцій изученіе старины“ имѣетъ полное право въ наукѣ, но бѣда была въ томъ, что подъ флагомъ народности и старины выступалъ (какъ и теперь выступаетъ) и прямой обскурантизмъ: если первое заслуживало всякаго уваженія, второй возбуждалъ только негодованіе, и надо было желать, чтобы онъ не могъ воспользоваться мнимыми ссылками на науку, надо было устранить возможные недоразумѣнія. Опасенія о томъ, въ чьи руки попадетъ просвѣщеніе народа, были напрасны, потому что оно не могло быть ни въ чьихъ рукахъ, кромѣ официальныхъ. Литература могла только высказывать желаніе, чтобы народу была дана настоящая, а не только дьячковская школа. Элементъ „народности“ не могъ отсутствовать въ томъ, что хотѣли дать народной школѣ, хотя, быть можетъ, и не въ томъ объемѣ, какой предполагалъ нашъ авторъ: „народность“ предполагалась сама собой. Если въ то время особенно заботились о грамотности, о какомъ-либо ознакомленіи народнаго читателя или школьника, будущаго

крестьянина, съ природою, исторіей, практическими свѣденіями, это было естественно по всему положенію вещей. Какъ это необходимо и до сей минуты, черезъ тридцать лѣтъ послѣ этихъ споровъ, оказалось при народныхъ бѣдствіяхъ. Было всѣми признано, что, напримѣръ, недавніе голода въ значительной мѣрѣ произошли отъ неудовлетворительности народнаго хозяйства, и правительство сочло необходимымъ принять мѣры для распространенія въ народѣ сельско-хозяйственныхъ познаній; недавнія эпидеміи сопровождались во многихъ мѣстностяхъ беспорядками и убійствами, потому что народной массѣ непонятны были мѣры предосторожности и леченія,—приходилось учить этому съ церковной кафедръ; отъ времени до времени мы читаемъ извѣстія объ убійствахъ колдуновъ и вѣдьмъ, при чемъ недавно на этомъ основаніи крестьянинъ убилъ собственную мать; невозможно сосчитать весь матеріальный и нравственный ущербъ, какой несетъ народная жизнь отъ „власти тьмы“... Это положеніе вещей извѣстно было и тридцать лѣтъ тому назадъ, и если въ нѣкоторыхъ кругахъ литературы оно привлекало къ себѣ особенное вниманіе, это было во всякомъ случаѣ болѣе естественно и цѣлесообразно, чѣмъ тѣ маниловскія мечтанія, о которыхъ говоритъ г. Буслаевъ („легко какому-нибудь читателю Востока, сидя въ дружескомъ кружкѣ, мечтать о чистотѣ и глубинѣ русскаго духа и о колоссальномъ величій нравственныхъ силъ русскаго мужика“)... Вскорѣ, впрочемъ, подобные вопросы были изъяты изъ обращенія.

Когда такимъ образомъ возникали вдругъ и были вновь самыя разнообразныя вопросы народной жизни, привлекавшіе и тревожившіе лучшихъ людей общества, не мудрено, что въ этихъ вопросахъ было еще много неяснаго, даже загадочнаго: для предшествующаго времени они были закрыты, опытъ не былъ еще собранъ,—въ подобномъ положеніи былъ и самый вопросъ о народности. Въ прежней литературѣ преобладала и почти обязательно господствовала упомянутая точка зрѣнія официальной народности: лишь незадолго передъ тѣмъ она была повторена въ книгѣ писателя, занимавшаго господствующую роль въ цѣломъ періодѣ русской литературы (мы говоримъ о „Выбранныхъ мѣстахъ“ Гоголя), но даже между его ближайшими личными друзьями книга вызвала недоумѣніе, а въ средѣ его величайшихъ литературныхъ поклонниковъ глубокую печаль и негодованіе,—такъ мало удовлетворялось общественное мнѣніе теоріей, утверждавшей, что все обстоитъ благополучно и слѣдуетъ только предаваться смиренію и пользоваться крѣпостнымъ правомъ... Всего настойчивѣе

говорили о народности писатели славянофильской школы, но мы видѣли выше, что и самъ пламенный почитатель и ревностный изслѣдователь нашей старины не раздѣлялъ взгляда „читателей Востока“, не увлекался ни „клерикальнымъ“ складомъ нашей старой письменности, ни московскимъ преданіемъ, потому что и то и другое считалъ противонароднымъ.

Но и въ собственномъ взглядѣ нашего ученаго, при всей привлекательности его идеалистической любви къ народному преданію, многое нуждалось въ разъясненіи. Во-первыхъ, если по его мнѣнію монгольское иго, котораго онъ не покрывалъ исторической вуалью, продлилось не только черезъ московское царство, но дошло и въ XVIII вѣкѣ, — гдѣ же была та пора, которая была запечатлѣна чистою народностью и могла стать идеаломъ и поученіемъ, какъ положительное историческое явленіе? И если съ другой стороны, по признанію нашего ученаго, русская литература „принадлежала въ тѣмъ скромнымъ явленіямъ, въ которыхъ національное еще не дошло до общечеловѣческаго“, — какимъ процессомъ, довольствуясь однимъ національнымъ поэтическимъ преданіемъ, она могла бы достигнуть этого общечеловѣческаго? Если народы средневѣкового Запада могли „въ національныхъ основахъ своей литературы воспитывать въ себѣ *всѣ высшія общечеловѣческія стремленія*“, это было возможно только въ извѣстныхъ условіяхъ поэтического быта и умственного развитія: рядомъ съ народно-поэтическими преданіями средневѣковой Западъ унаслѣдовалъ преданія классической образованности и полагалъ основаніе своей науки. Такимъ образомъ въ литературѣ сказывалась вся дѣятельность умственныхъ и поэтическихъ силъ, и когда эта дѣятельность совершалась въ общеніи народовъ между собою, отсюда происходила возможность ея общечеловѣческаго значенія: древняя Русь не обладала этими условіями, и для достиженія такого развитія литературы, которое отвѣчало бы и внутреннему достоинству великаго историческаго народа и возвышалось бы до общечеловѣческаго значенія, требовались эти необходимыя данныя органической національной жизни — *общественная самодѣятельность и просвѣщеніе*. Въ стремленіи приобрѣсти эти необходимыя данныя національной жизни заключался весь смыслъ реформы XVIII-го вѣка и общенія съ Западомъ, которые нашъ ученый отвергаетъ какъ рабство и подражаніе, но которыя были необходимою ступеню: это были „годы ученья“, пропущенные древнею Русью — не по одной собственной винѣ... Самъ авторъ отступилъ отъ своего рѣзкаго приговора, когда много лѣтъ спустя говорилъ о столѣтнемъ юбилей „Писемъ

русскаго путешественника¹⁾); но Карамзинъ, хотя выдѣлялся изъ массы литературы высокимъ дарованіемъ, слѣдовалъ общему направлению нашей образованности со временъ Петра.

Далѣе, если судьба народной повѣи у насъ и на Западѣ въ средніе вѣка была такъ различна, то и для новѣйшаго времени ея историко-литературное положеніе тамъ и здѣсь остается различно. Литература европейская въ своемъ возвратѣ къ прошедшему опиралась на памятники, которые представляли собою цѣлую органически сложившуюся систему: западная поэтическая старина заключала цѣлую литературу эпоса, лирики и драмы съ большимъ или меньшимъ отгѣнкомъ народно-поэтическаго преданія и творчества, и къ концу XV-го вѣка эта литература, распространяемая нѣкогда массою рукописей, входила уже въ первыя печатныя книги. Наше народное творчество не удостоивалось даже письменности, — его произведенія предавались благочестивыми книжниками проклятію: знаменитѣйшій памятникъ нашей повѣи едва уцѣлѣлъ въ единственной рукописи и въ новѣйшее время нужны были долгіе поиски, чтобы мы могли реставрировать изъ устъ народа уцѣлѣвшее наслѣдіе народной повѣи, и изъ древнихъ рукописей немногія ея отраженія въ старое время. Нужна была ученая реставрація для того, чтобы передъ нами открылись сокровища народной повѣи, заброшенныя самою древнею Русью. Такимъ образомъ наша народная повѣи фактически не могла пріобрѣсти того національно-литературнаго значенія, какого требовалъ нашъ авторъ, ссылаясь на примѣръ западной Европы.

Но и въ самой западной Европѣ національно-поэтическое преданіе не было непрерывно. Напротивъ, между средними вѣками и новымъ періодомъ европейской литературы совершился цѣлый переворотъ, отодвинувшій въ прошлое и старую повѣи, и все старое міровоззрѣніе. Вторженіе классицизма, — когда явился даже новый литературный языкъ, служившій не только для науки, но и для повѣи, или по крайней мѣрѣ стихотворства (латынь), — означало не только усгѣхи научнаго знанія, по и то, что старое

¹⁾ „Если русская литература, со временъ Петра Великаго, довершая дѣло преобразованія, имѣла своею задачею внести къ намъ плоды западнаго просвѣщенія, то Карамзинъ блистательно исполнилъ свое назначеніе. Онъ воспиталъ въ себѣ *человека*, чтобы потомъ, съ полнымъ сознаніемъ, явить въ себѣ русскаго патриота. Любовь къ человечеству была для него основою разумной любви къ родинѣ, и западное просвѣщеніе было ему дорого потому, что онъ чувствовалъ въ себѣ силу водворить его въ своемъ отечествѣ.

„Стремясь на Западъ учиться для блага своего отечества, онъ шелъ по пути, проложенному Петромъ Великимъ и Ломоносовымъ, и въ свою очередь далъ собод образецъ похвалѣмъ новѣйшимъ“... „Мои досуги“. М. 1886. II, стр. 170.

содержаніе отживало свое время: мысль и поэтическое творчество требовали большаго простора и большей глубины, и вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ, повидимому, отказъ отъ стараго національнаго преданія. Западные псевдо-классики съ такимъ же пренебреженіемъ относились къ старинѣ, которая казалась простонародною и вульгарною, какъ бывали этому примѣры и у насъ; но шевольныя крайности не уничтожили національнаго существа и, переживъ эпоху Возрожденія, европейскія литературы становятся вновь (если только переставали быть) національными, но уже съ гораздо болѣе высокимъ уровнемъ мировоззрѣнія и поэтическаго творчества.

Въ исторіи русской жизни и литературы реформа была своего рода Возрожденіе. Въ первый разъ, хотя и въ весьма скромномъ объемѣ, вступаетъ научное знаніе; въ первый разъ литература приобрѣтаетъ тѣ формы, въ которыхъ при всей ихъ подражательной искусственности могло выражаться болѣе разнообразное содержаніе, сначала также элементарно подражательное, но затѣмъ все сильнѣе примыкающее къ русской жизни; языкъ, сначала опять очень неловко и неуклюже служившій этому содержанію, быстро развивается въ новомъ направленіи и, воспользовавшись одинаково запасами старой книжной и живой народной рѣчи, приобрѣтаетъ въ рукахъ даровитыхъ писателей то богатое изъщество, въ которомъ Тургеневъ видѣлъ залогъ будущаго развитія русской жизни... Все преданіе московской Россіи, съ ея клерикальнымъ направленіемъ, съ ея боязнью науки, съ ея грубой общественностью, съ начала реформы и долго послѣ не допускало ни быстраго хода науки, ни быстрыхъ успѣховъ общественности и литературы; долго тянулся періодъ подражательности, но въ концѣ концовъ можно почти съ каждымъ десятилѣтіемъ отмѣчать приобрѣтенія литературы, которая вмѣстѣ съ тѣмъ все больше приближалась къ „народности“, — частью инстинктивно, по естественному влеченію къ родному быту и народу, частію сознательно, когда развившееся чувство и пониманіе общественности внушало мысль о народной массѣ. Не должно забывать, что развитію литературныхъ идей въ этомъ смыслѣ препятствоваль грубый фактъ, существованіе крѣпостнаго права, при которомъ въ различныхъ отношеніяхъ трудно было поднимать вопросъ о народности, — для загрубѣвшихъ людей эта мысль была бы непонятна; и потому стремленія благороднѣйшихъ представителей литературы прошлаго вѣка прежде всего направлены были на борьбу противъ этого факта — или стараніями о смягченіи грубыхъ нравовъ, или болѣе или менѣе прямыми указаніями на необходимость освобожденія. Съ шестидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка эта мысль не

исчезаетъ изъ нашей литературы въ теченіе цѣлаго столѣтія, пока, наконецъ, освобожденіе совершилось... Очевидно, что безъ этого какая-либо забота о народности была бы ложью или ироніей, — поэтому такъ странно было заявленіе о „народности“, сдѣланное въ тридцатыхъ годахъ, — и каковы бы ни были недостатки новой русской литературы, которые казались нашему автору „чудовищными“, безпристрастная исторія должна признать, что эта мысль была понята; исторія признаетъ также, что она не была и бесплодна. Образованіе, которое заимствовалося отъ Запада, не осталось безъ своего благотворнаго вліянія, и въ наше время тотъ идеализмъ, который въ приведенныхъ выше словахъ основателя нашихъ народно-поэтическихъ изученій призываетъ наше общество и литературу обновиться изъ источника народности, возникъ несомнѣнно изъ прямыхъ вліяній европейской литературы и науки: первая, цѣлымъ длиннымъ развитіемъ своей поэзіи, воспитывала то понятіе о человѣкѣ, за которымъ (какъ г. Буславевъ указывалъ это на Карамзинѣ) слѣдовало и воспитаніе разумной любви къ своему народу; наука, въ области философіи, исторіи и т. д., настойчиво утверждала ту же идею человѣчности, разъясняя достоинство человѣческой личности и ея нравственное право, разъясняя условія общества и государства; и, наконецъ, та же европейская наука, въ области филологіи, дала ключъ къ уразумѣнію того народно-поэтическаго преданія, на которомъ строился нашъ новѣйшій народный идеализмъ... Новѣйшая исторія русскаго общества, по нашему мнѣнію, успѣла уже указать, что народное направленіе вовсе не было такъ опрометчиво и поверхностно, какъ опасался нашъ авторъ тридцать лѣтъ тому назадъ: раньше мы имѣли уже случай видѣть, какъ напротивъ, оно съ конца пятидесятихъ годовъ все больше расширялось и укрѣплялось, захватывая все большее число молодыхъ силъ, направляясь на различныя стороны народной жизни въ своихъ изученіяхъ и въ своемъ практическомъ трудѣ, стремясь и къ возвышенію образовательнаго уровня народа, и къ личному, нравственному воспитанію въ общеніи съ народомъ. Мы называли имена, которые уже отошли въ исторію съ памятью достойнаго служенія народу; другими словами, мы привели примѣры людей, весь жизненный трудъ которыхъ *прошелъ и кончился* въ этомъ служеніи... Если окончательный результатъ еще не удовлетворитъ насъ, если остается еще сдѣлать слишкомъ много, даже по элементарнымъ вопросамъ, напримѣръ народной школы, то въ сущности широкая постановка дѣла въ области народной школы, нравственно-религіознаго быта, наконецъ практическаго хозяйства и т. д., по самой громадности

русскаго народа должна уже стать дѣломъ и обязанностью государства; а съ другой стороны усилія единичныхъ дѣателей и общественныхъ группъ, внушаемыя великодушнымъ идеализмомъ, встрѣчаютъ нерѣдко неодолимый отпоръ въ приверженцахъ стараго застоя...

Уже изъ того, что мы говорили до сихъ поръ, можно видѣть, что вліяніе „народности“ на развитіе нашей новѣйшей литературы было гораздо обширнѣе, чѣмъ это казалось критикамъ самыхъ противоположныхъ лагерей, — напимѣръ, и тѣмъ, которые съ реальной точки зрѣнія относились нѣкогда недовѣрчиво къ приобрутеніямъ нашей литературы, и тѣмъ, которые съ идеалистической точки зрѣнія видѣли залогъ будущихъ успѣховъ въ усвоеніи и развитіи народно-поэтическаго преданія ¹⁾. Для правильной оцѣнки этого вліянія должно однако имѣть въ виду два основныя условія, въ которыхъ оно совершалось.

Во-первыхъ, какъ показываетъ исторія древней письменности, „народность“ въ старомъ періодѣ нашей жизни, который теперь многіе считаютъ истиннымъ воплощеніемъ этой народности, со-всѣмъ не создала литературнаго явленія, которое, какъ, напимѣръ, средневѣковъй эпосъ или драма западныхъ народовъ, было бы выраженіемъ національнаго духа, сосредоточило бы народно-поэтическія силы, связавъ ихъ вмѣстѣ съ дѣломъ образованія, и при всѣхъ послѣдующихъ судьбахъ литературы послужило бы разъ навсегда закрѣпленнымъ памятникомъ національно-поэтической самобытности. Наша поэзія въ ея живую творческую пору осталась только устной, подверженной всѣмъ случайностямъ искаженія и забвенія; она не оставила, за исключеніемъ полу-книжнаго Слова о полку Игоревѣ (и то забытаго въ московской Россіи), ни одного цѣльнаго памятника, который сталъ бы вмѣстѣ и памятникомъ письменности. Раньше мы сказали о томъ, какъ это народно-поэтическое преданіе раздробилось и даже окончательно забылось въ большинствѣ народной массы. Если нашъ авторъ, восхищаясь новыми открытіями въ нашемъ эпосѣ, говорить, что „эти прекрасныя пѣсни доселѣ оглашаютъ русскую землю *по вѣтмъ концамъ* ея, воспѣвая миѣическихъ богатырей и историческихъ героев нашего отечества“, это было заблужденіе: эпическая старина сохранилась только въ одномъ сѣверномъ краѣ и частью въ Сибири, — главнымъ образомъ безъ сомнѣнія потому, что самая отдаленность уединила ихъ отъ общаго

¹⁾ Укажемъ, напр., статью Добролюбова: „О степени народности въ развитіи русской литературы“, „Сочиненія“, т. I, и сочиненія г. Буслаяна.

теченія народной жизни; внимательные поиски въ другихъ концахъ нашего отечества, и особливо въ центрѣ, убѣдили, что эпическое преданіе или совершенно исчезло, или сбереглось кое-гдѣ только въ безсвязныхъ отрывкахъ, и если, напр., особливо сбереглась память объ Ильѣ Муромцѣ, то это было благодаря старымъ лубочнымъ изданіямъ „сказки“ и продолжающимъ ихъ новѣйшимъ рыночнымъ книжкамъ. Такимъ образомъ и самъ народъ забывалъ тѣ свои старыя созданія, забвеніе которыхъ ставятъ въ вину обществу. Такимъ же образомъ, никогда въ старину не было даже попытки собрать народную лирику, которая до сихъ поръ сохранила въ устахъ народа столько по истинѣ прекраснаго. Именно только новѣйшая литература, учившаяся по иностраннымъ образцамъ, въ первый разъ обратила вниманіе на народную поэзію и со второй половины прошлаго вѣка ввела ее въ книгу,—и, между прочимъ, сохранила этимъ многіе старыя тексты народной пѣсни, повидимому уже затерянные потомъ въ народномъ обращеніи. Другимъ заблужденіемъ была мысль, что въ своемъ нынѣшнемъ составѣ народная поэзія, собранная въ сборникахъ, представляетъ вѣчто цѣльное, способное къ непосредственному дѣйствию на общественное образованіе и литературу: въ дѣйствительности, когда еще на нашей памяти началось изслѣдованіе народнопѣтической старины, когда явились старыя письменныя памятники легендъ и сказаній, обширныя сборники современныхъ эпическихъ и обрядовыхъ пѣсень, духовныхъ стиховъ, сказокъ и т. д., передъ ученымъ изыскателемъ представился цѣлый рядъ сложныхъ вопросовъ и недоумѣній. При упомянутомъ отсутствіи письменныхъ памятниковъ, при крайней разбросанности и случайности новѣйшаго преданія, затерялась самая исторія народнаго творчества, затерялся смыслъ самыхъ сказаній, пѣтическихъ и мифологическихъ образовъ, значеніе самыхъ словъ, освященныхъ однако преданіемъ¹⁾. Какъ изслѣдователямъ античной литературы приходится работать надъ ея реставраціей, собирая отрывки затерянныхъ писателей, *disjecta membra* забытыхъ поэтовъ, по случайнымъ цитатамъ позднѣйшихъ писателей, такъ изслѣдователи древней русской поэзіи и письменности нерѣдко вынуждены путемъ сложныхъ комбинацій доискиваться первоначальной формы и первоначальнаго смысла извѣстнаго сказанія, угадывать условія, въ какихъ оно могло образоваться, изслѣдовать значеніе словъ, потерявшихъ смыслъ для самого народа и т. д. Вслѣдствіе того, что наша древность, въ своемъ „клерикальномъ“ направленіи, истре-

¹⁾ Назовемъ, напр., островъ Буянъ, камень Алатырь и т. п.

бима народно-поэтическіе памятники въ ихъ древней формѣ, современная наука полагаетъ нескончаемый трудъ на объясненіе тѣхъ загадокъ, каковыми являются эти памятники теперь, черезъ вѣка ихъ существованія въ устахъ народа: она трудится, собственно говоря, *въ первый разъ* надъ реставраціей того, что у западныхъ народовъ сбереглось въ ихъ средневѣковыхъ поэтическихъ памятникахъ. Такимъ образомъ, къ русской литературѣ послѣднихъ двухъ вѣковъ даже не можетъ быть предъявлено то требованіе народности, какое извлекають изъ примѣра западно-европейской литературы.

Во-вторыхъ, въ силу этой запоздалости, когда мы, собственно говоря, только теперь можемъ до известной степени реставрировать составъ народно-поэтическаго преданія, время для его непосредственнаго дѣйствія было уже потеряно. Наша литература или „свѣтская письменность“ получила право гражданства только послѣ реформы: лишь съ этого времени свѣтская письменность получила доступъ въ печатную книгу, и пѣсня впервые перестала быть бѣсовской. Начало литературы было слѣдствіемъ начала образованія, и было весьма естественно, что для людей новаго образованія, которые вдругъ встрѣтились съ богатствомъ европейской литературы и стали изъ нея изучать, не могла быть литературнымъ авторитетомъ народная пѣсня, не представлявшая чего-либо цѣльнаго и организованнаго. Было весьма естественно, что для возникавшаго литературнаго вкуса выработанныя литературныя произведенія тогдашней псевдо-классической поэмы, романа, драмы, представляли больше привлекательности, чѣмъ отрывочная народная поэзія: новая литература кромѣ выработанной формы привлекала „общечеловѣческимъ“ содержаніемъ, затрогивала нравственные и общественные вопросы, которые начинали бродить въ средѣ наиболѣе образованныхъ людей русскаго общества. Наконецъ, нравы и обычаи возникавшаго общества переставали совпадать съ содержаніемъ народной лирики. Уже вскорѣ оказалось, что новое образованіе и народная старина представляли два *различныя уровня понятій*. Первые писатели знакомы были съ знаменитѣйшими произведеніями европейской литературы; первые историки, напримѣръ Татищевъ, считали уже необходимымъ относиться критически къ народному преданію: какъ бы ни была искусственна форма псевдо-классической поэзіи, въ ней было много дѣйствительнаго изящества, которое было понято, и человѣкъ новаго образованія не могъ уравновѣсить этой привлекательности собственною народною поэзіей, которая была далека по своему содержанію и первобытна по формѣ; историкъ сжился

съ своимъ рационализмомъ и смотрѣлъ на народную поэзію какъ на памятникъ стараго времени, уже чуждаго новому. Не должно думать, чтобы въ этомъ удаленіи отъ старины была дѣйствительно та страшная измѣна, о которой такъ много говорятъ: мы замѣчали выше, что въ другихъ условіяхъ, но такое же удаленіе отъ старины, — притомъ именно богатой въ литературномъ отношеніи, — произошло въ литературахъ западной Европы въ эпоху Возрожденія; такимъ же образомъ прежнее содержаніе національной литературы было забыто и заброшено въ увлеченіи классической древностью.

Принявъ въ соображеніе эти два условія, которыми сопровождалась переходная эпоха въ нашей литературѣ, начатая реформой, можно видѣть, почему вліяніе „народности“ въ XVIII вѣкѣ и даже до нашего времени не могло заключаться въ прямомъ воздѣйствіи народно-поэтическаго преданія. Это вліяніе совершалось иными путями, и только отчасти непосредственнымъ воздѣйствіемъ народной поэзіи: самая реставрація народно-поэтической старины, предпринятая въ наше время, была послѣдствіемъ движенія, исходившаго изъ иныхъ источниковъ.

Вліяніе народности, какъ мы замѣчали, можно наблюдать съ первыхъ шаговъ новой литературы и до новѣйшаго времени. Мы уже имѣли случай указывать факты, и отмѣтимъ здѣсь лишь общія явленія, приводившія къ этому вліянію. Прежде всего „народность“ сказывалась сама собой, потому что это была природа, которой никогда не могло заглушить вліяніе заимствованной образованности. Не говоря о народной массѣ, въ среднемъ и даже въ высшемъ кругу долго хранилась первобытная простота нравовъ; жизнь дворянства въ помѣстьяхъ была окружена народнымъ обычаемъ; старыя пѣсни по прежнему были развлеченіемъ, которое, напримѣръ, при Елизаветѣ проникало и въ придворную жизнь; пѣсни Кирши Данилова, по словамъ Калайдовича, были списаны въ половинѣ XVIII вѣка для Прокофія Демидова; несомнѣнно ходили по рукамъ рукописные сборники пѣсенъ, которые послужили потомъ для первыхъ печатныхъ изданій. Не было мысли о томъ (какъ въ то время этой мысли не было и въ массѣ европейской литературы), что эта поэзія должна занять какое-либо мѣсто въ литературѣ, но она жила въ обществѣ и въ самихъ писателяхъ, какъ инстинктъ, и при извѣстныхъ условіяхъ могла оказать свое дѣйствіе по содержанію и по формѣ. Въ старыхъ рукописныхъ сборникахъ школьныхъ кантовъ замѣшиваются отголоски народной пѣсни; мы упоминали, что Сумароковъ въ своемъ плодovitомъ стихотворствѣ далъ мѣсто и подражаніямъ

народной пѣснѣ, и въ теченіе XVIII вѣка различнымъ образомъ сказывалось сочувствіе къ народной пѣснѣ. Это непосредственное вліяніе народной поэзіи доходитъ до Пушкина и, въ малорусской средѣ, до Гоголя: теперь оно только было почувствовано сильнѣе— по новымъ условіямъ русской литературы.

Дѣло въ томъ, что къ этому непосредственному инстинкту присоединялись внѣшнія вліянія, которыя сначала мѣшали его дѣйствию, а затѣмъ становились для него благопріятнымъ въ томъ или другомъ отношеніи. Псевдо-классицизмъ по всему своему существу вездѣ, а не только у насъ, былъ чуждъ національнымъ и народно-поэтическимъ мотивамъ. Мы имѣли случай указывать, какъ въ цѣлой европейской литературѣ къ концу прошлаго вѣка возникаетъ національно-литературная реакція противъ его искусственности: реакція состояла и въ отрицаніи псевдо-классической теоріи искусства, и въ высокой оцѣнѣ національно-литературныхъ явленій, къ которымъ псевдо-классицизмъ относился враждебно или не удостоивалъ ихъ вниманія,—таково было обращеніе къ Шекспиру (у Лессинга), возвеличеніе народной поэзіи (у Гердера), начало буржуазной драмы, возвращающійся интересъ къ среднимъ вѣкамъ (у романтиковъ) и т. д. Все это начинало отражаться и у насъ. Это были опять чужія вліянія, но это во всякомъ случаѣ былъ успѣхъ въ литературномъ образованіи, и падая на ту почву, гдѣ уже были зародыши народно-поэтическихъ сочувствій, эти вліянія съ различныхъ сторонъ усиливали значеніе народныхъ элементовъ нашей литературы и, наконецъ, вызвали сначала темное, потомъ все болѣе прояснявшееся сознаніе, что литература должна быть народна.

Псевдо-классицизмъ держался въ нашей литературѣ весьма долго и упорно (это было, конечно, свидѣтельство слабости ея развитія), но въ нашей литературѣ XVIII вѣка рано сказались и тѣ направленія, которыя въ концѣ концовъ должны были устранить его. Рядомъ съ различными литературными новизнами, какъ Шекспиръ, какъ мѣщанская драма, у насъ слышатся отголоски философіи XVIII вѣка и въ числѣ ихъ то сентиментальное направленіе, которое въ одно и то же время было свидѣтельствомъ общественной склонности въ сторону гуманизма и литературной реформы: Новиковъ въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка уже довольно открыто защищаетъ интересы крѣпостного народа, и если позднѣе Карамзинъ изображалъ „щастливыхъ поселянъ“ въ нѣжномъ тонѣ идилліи, то другой поклонникъ Стерна далъ мрачныя картины сельской жизни съ открытыми сочувствіями къ народу, какъ Радищевъ. Съ первыхъ десятилѣтій XIX столѣтія господ-

ствующимъ направлѣніемъ литературы становится романтизмъ, и его вліянія, въ соединеніи съ другими условіями времени, сильнѣе чѣмъ когда-либо содѣйствуютъ узаконенію народной стихіи въ литературѣ. Пушкинъ даетъ уже высоко художественныя реставраціи народнаго эпоса и лирики и является истиннымъ виртуозомъ народно-поэтическаго языка; изъ окружавшей его плеяды меньшихъ поэтовъ, одинъ, какъ Рылѣевъ, стремится дать романтическія картины гражданскихъ моментовъ русской исторіи; другой, какъ баронъ Дельвицъ, съ одной стороны хочетъ быть антологическимъ поэтомъ (въ романтической окраскѣ), съ другой, дѣлаетъ своею спеціальностью „народную“ пѣсню; самъ Мерзляковъ, старый классикъ, пишетъ пѣсенки въ народномъ вкусѣ.

Это стремленіе къ народнымъ мотивамъ и къ ихъ воссозданію, — хотя бы еще въ тѣсныхъ границахъ, — опредѣляется у Пушкина и также Гоголя гораздо раньше тѣхъ философскихъ соображеній о значеніи народной поэзіи, какія мы видѣли у нашихъ гегельянцевъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, и раньше той новѣйшей ученой реставраціи народно-поэтическаго преданія, начинателемъ которой былъ въ особенности г. Буслаевъ. Это стремленіе къ народнымъ мотивамъ, соединявшееся съ опытами изображенія жизни самого общества (Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Гоголь), очевидно, было не однимъ внѣшнимъ расширеніемъ области художественнаго творчества: оно было и расширеніемъ нравственно-общественныхъ интересовъ, свидѣтельствомъ живого сочувствія къ народнымъ массамъ, надъ которыми еще тяготѣло крѣпостное рабство, но въ которыхъ уже видѣлась основа націи и государства. Путемъ не прерывавшагося развитія, литература приходила къ высокому представленію о народѣ и приходила въ сущности въ первый разъ, потому что древняя Русь сознавала себя только патріархальнымъ инстинктомъ, а теперь являлось настойчивое стремленіе сознать народъ во всей широтѣ его нравственной и реальной жизни, съ его историческимъ прошлымъ и съ идеалами будущаго.

Эта жажда опредѣлить свое общественное и народное сознаніе не даромъ овладѣваетъ лучшими умами общества въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ. Пушкинъ и Гоголь вообще, и въ частности съ ихъ народно-поэтическими элементами, были крупными силами этого сознанія; и затѣмъ оно опять укрѣпляется новыми явленіями умственной жизни. Мы указывали вліяніе изученій историческихъ и этнографическихъ, разъяснявшихъ факты прошлой и современной народной жизни; отголоски славянскаго возрожденія („чешская программа“, вліявшая, по мнѣ-

нію г. Буслаева, на славянофиловъ); вліаніе нѣмецкой философіи, отразившееся въ обоихъ лагеряхъ сороковыхъ годовъ, и дававшее широкую основу для постановки вопроса о національныхъ особенностяхъ и историческихъ задачахъ народа; наконецъ, отголоски западнаго соціализма, сначала, правда, полу-фантастическіе, но опять направлявшіе мысль на положеніе общества и народа. Все это покрыто было въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ однимъ изъ величайшихъ фактовъ новѣйшей русской исторіи, освобожденіемъ крестьянъ, которое подняло вдругъ цѣлую массу вопросовъ о положеніи народа матеріальномъ, гражданскомъ, нравственномъ, возбудило новыя изслѣдованія и новыя порывы идеализма. Когда почти въ это же время начались новыя изслѣдованія въ области народнаго преданія, онѣ своимъ нравственнымъ смысломъ совпадали съ идеализмомъ лучшихъ людей общества, воспитаннымъ на другой почвѣ... Разногласіе, которое мы указывали выше по трактату г. Буслаева, было только разногласіемъ о данномъ положеніи общества и о средствахъ установить національное значеніе литературы и нравственное достоинство народной идеи, — но высшая цѣль того и другого идеализма была одна.

Такими путями развивалась въ новой литературѣ народная идея. Какъ видимъ, успѣхи ея идутъ *параллельно* съ успѣхами самой литературы, такъ или иначе, болѣе или менѣе связаны съ тѣми разнообразными воздѣйствіями, какія испытывала умственная и нравственная жизнь общества. Въ результатѣ получалось общее убѣжденіе въ необходимости развитія и руководящей роли элементовъ народности въ литературѣ и жизни общественной, — но вопросъ народности связывается съ цѣлымъ великимъ вопросомъ исторической жизни народа, и настоящая минута вся захвачена столкновеніемъ взглядовъ, по своему рѣшающихъ великій вопросъ: истинное рѣшеніе его будетъ тамъ, гдѣ будетъ мысль о широкихъ путяхъ для развитія народныхъ силъ и просвѣщенія, стоящаго на высотѣ просвѣщенія общечеловѣческаго.

Мы не говорили въ частности о вліаніи народно-поэтической старины. Во всемъ указанномъ развитіи она была только однимъ мотивомъ въ числѣ многихъ другихъ. Въ цѣломъ складѣ народной жизни, который составляетъ „народность“, поэзія составляетъ безъ сомнѣнія важную черту, но это была не единственная черта, которою опредѣлялись сочувствія къ народу. Для восстановленія связи новѣйшаго общества съ народно-поэтической стариною, о которой думали идеалисты этого направленія, едва ли остается возможность не только со стороны общества, мировоззрѣніе кото-

раго слишкомъ удалилось отъ этой старины, но и со стороны народа, въ которомъ эта старина, какъ извѣстно, давно уже и не удержиимо падаетъ. Народно-поэтическое преданіе, какъ мы говорили раньше, въ его цѣльномъ составѣ дѣлается для насъ доступно только путемъ научной реставраціи. Эта реставрація далеко не завершена (въ чемъ толкованіи надо, напримѣръ, принимать нашу эпическую древность: г. Буслаева или Ореста Миллера, г. Безсонова, г. Стасова?). Чтò не нуждалось въ толкованіяхъ, то дѣйствовало непосредственно живою силою чувства или поэтического образа, и независимо отъ ученыхъ комментариевъ Лермонтовъ и Кольцовъ создавали свои произведенія, и затѣмъ новѣйшая литература давала намъ увлекательныя или потрясающія картины народной жизни и народныхъ характеровъ, — въ произведеніяхъ Тургенева, Григоровича, Некрасова, Писемскаго, Глѣба Успенскаго, Достоевскаго, Салтыкова. Тенденціозное внѣшеніе старины, наоборотъ, производило всего чаще только фальшиво-сентиментальныя изображенія или уродливо искажало старину ¹⁾. Близкое наблюденіе жизни, сочувственное отношеніе къ народу въ рукахъ сильнаго дарованія сами собою, безъ искусственнаго подражанія народнымъ мотивамъ, достигаютъ вѣрнаго изображенія народной жизни, и даже тамъ, гдѣ мы не замѣчаемъ въ произведеніяхъ писателя чисто національныхъ особенностей его творчества, или съ исключительной точки зрѣнія даже отвергаемъ ихъ, западная европейская критика изумляется его сильной оригинальностью: самъ Тургеневъ представлялся ей тонко-цивилизованнымъ скепсомъ, — такъ хотѣли выразить національный характеръ его творчества. Реализмъ русскаго искусства, соединенный съ глубиною чувства, который такъ поражалъ европейскую критику, когда для нея открылась, наконецъ, наша литература, самъ по себѣ носитъ черты нашего національнаго характера. Въ концѣ концовъ наше искусство рѣшаетъ, наконецъ, трудную задачу произведенія, сохраняющаго условія художества, исполняющаго сильную бытовую тѣму и одинаково доступнаго всѣмъ слоямъ общества и народа — таковы послѣднія произведенія гр. Л. Н. Толстого.

А. Пыпинъ.

¹⁾ Когда, напримѣръ, поэтъ, съ очень значительнымъ именемъ, реставрируетъ древнюю былинку, заставляетъ ея героя въ поддѣльномъ старомъ языкѣ и въ мнимо народномъ духѣ декламировать противъ суда присяжныхъ!

ЧЕРНЫЙ АЛМАЗЪ

— Diamant noir. Roman, par Jean Aicard.

.
Окончаніе.

ХІІІ *).

На другой день, подъ вечеръ, Нора, замѣтивъ, что Гвидо избѣгаетъ ея, идетъ вслѣдъ за нимъ и нагоняетъ его въ паркѣ.

— Я васъ ищу!

— И я васъ тоже, — говоритъ Гвидо и прибавляетъ:— Я завтра ѣду.

Нора поражена, испугана, безмолвна. Въ первый разъ онъ видитъ, что она смутилась и дрожить, — даже поблѣднѣла. Онъ дѣлаетъ усиліе надъ собою, чтобы разомъ покончить, вырвать изъ своего сердца и изъ сердца этого ребенка зарождающуюся любовь.

— Вы будете счастливы; вы выходите замужъ за Лувье.

Въ его словахъ звучитъ горечь и невольный оттѣнокъ ревности: онъ даже самъ это замѣчаетъ. Печальная и очень тонкая улыбка приподнимаетъ углы маленькаго ротика Норы.

— Я понимаю васъ, — отвѣчаетъ онъ на эту улыбку. — Вы, вѣрно, подумали вчера, что мнѣ не хочется, чтобы вы пили за его здоровье?

Нора медленно поднимаетъ на него свои большіе черные глаза, и въ нихъ онъ ясно читаетъ вопросъ: — „Неужели Гвидо хочетъ солгать?“ — но Гвидо отказывается отъ лжи, которую готовилъ:

— Ну да! Ну, я дѣйствительно сдѣлалъ это нарочно; но

*) См. выше: май, стр. 176.

вовсе не по той причинѣ, которую предполагаете вы. Думайте, что угодно, но только это вышло помимо моего желанія: оно тутъ ни при чемъ! Говорю вамъ сущую правду, я *не хочу* васъ любить! Я чувствую, что эта минута имѣетъ для насъ весьма важное значеніе, и потому я вамъ обязанъ сказать чистую правду, какова бы она ни была. Можетъ быть, счастье всей вашей жизни отъ этого зависить... Итакъ, вотъ что я вамъ скажу, бѣдное мое дитя: вы не внушаете мнѣ ни малѣйшаго довѣрія, того довѣрія, какое бы должно быть между нами. Нельзя дѣлать видъ, что любишь человѣка, если въ то же время (вотъ ужъ три дня!) ухаживаешь за какимъ-то Лувье... который (не могу не отдать ему справедливость) хорошъ собою, и богатъ, и молодъ, и вообще достоинъ всякаго вниманія. Итакъ, будьте съ нимъ счастливы, а меня оставьте въ сторонѣ! Впрочемъ, чтобы скорѣе положить конецъ нашему маленькому роману,—я завтра же уѣзжаю. Вотъ для чего я васъ искалъ: я хотѣлъ васъ предупредить.

По мѣрѣ того, какъ другъ ея говоритъ, Нора чувствуетъ, что рѣчь его становится все разсудительнѣе, холоднѣе; но когда дѣло доходитъ до слова „уѣзжаю“... ей кажется, что руются всѣ ея желанья и надежды; сердце ея замираетъ отъ страсти и боязни и усиленно бьется. Съ блѣдными губами, съ широко раскрытыми глазами, она умоляюще глядитъ на Гвидо. Ей кажется, что она тонетъ,—а жить еще такъ хочется!

— Такъ вы уѣзжаете?—говоритъ она не спѣша, будто не вѣрить въ такую чудовищную вѣсть.

— Да, завтра вечеромъ,—раздается спокойный отвѣтъ.

Тогда вдругъ, порывисто, какъ балованное дитя, которое хочетъ переубѣдить съ помощью нѣжнаго упрека, Нора укоряетъ его:

— Ахъ, нѣтъ, останьтесь! Это было бы съ вашей стороны такъ дурно, такъ ужасно дурно!—и, безо всякаго перехода, повинувшись наплыву страстныхъ и добрыхъ чувствъ, которыя ее волнуютъ, она воскликнула:

— Ну, тогда—все пропало!

Немного помолчавъ Нора отчетливо и рѣзко, повелительно говоритъ ему опять, какъ то бывало въ дѣтствѣ:

— Да право же, не надо; увѣряю тебя!.. Наконецъ, это просто невозможно, невысказано! Понимаешь, меня *нельзя* одну оставить, *нельзя*! Поди сюда, послушай! Я тебѣ растолкую...

Невольно, она говоритъ ему *ты*, какъ полудивное, невоспитанное дитя, какою она была тогда, восемь лѣтъ тому назадъ. Отъ ея лица, отъ всей ея маленькой фигурки вѣетъ чѣмъ-то властнымъ, настоятельнымъ... Гвидо чувствуетъ, что нельзя ее

такъ бросить на произволь судьбы, не выслушать... И онъ подходит, садится рядомъ съ нею, куда она его ведетъ, на укромную скамеечку подъ вѣтвистымъ деревомъ, въ полутьмѣ.

— Слушай же!—говорить эта дѣвушка, полу-ребенокъ, тревожнымъ, но вмѣстѣ и внушительнымъ голосомъ, все блѣднѣя и блѣднѣя.

Въ поспѣшныхъ, но простыхъ и потому краснорѣчивыхъ словахъ, она изливаетъ все свое сердце,—все, что въ немъ накопилось за многіе годы. Она впервые чувствуетъ, что ее слушаетъ и ей сердечно сочувствуетъ дружески-расположенный человекъ. Ей хочется показать ему себя всю, какъ она есть: со всѣмъ, что въ ней есть и дурного, и хорошаго. Она принадлежитъ ему всей душою, и всей душой отдается въ его власть.

— Послушай! Я вѣдь солгала тебѣ: да, Готфридъ меня цѣлуетъ, но онъ мнѣ противенъ. Я дала ему позволеніе цѣловать меня сначала, чтобы заставить его исполнять мою волю... понимаешь? У насъ здѣсь, иной разъ, такая тоска! Мнѣ просто хотѣлось, чтобъ онъ повиновался мнѣ—и больше ничего! Надѣюсь, ты вѣришь мнѣ и не подумаешь ничего дурного... Это было бы ужасно!

Гвидо слушаетъ молча и тоже блѣднѣетъ. А Нора все говоритъ, говоритъ не переставая, какъ дитя, которому еще много остается сказать; ей не хочется оставить что-либо недосказаннымъ.

— А Жакъ... Жакъ добрый мальчикъ и любить меня какъ добрый и вѣрный песъ. Ну да, онъ меня цѣлуетъ и отъ всего сердца! Но онъ мнѣ все равно что братъ родной; я была такъ несчастна и такъ одинока съ тѣхъ поръ, какъ погибъ милый мой Юпитеръ!.. Я тебѣ все скажу... послушай. По смерти моей мамы, отецъ вдругъ пересталъ меня любить; одинъ разъ даже оттолкнулъ меня отъ себя такъ, что я упала и больно расшиблась,—у меня была даже рана! Мнѣ было восемь... только восемь лѣтъ! Мамы у меня не было... ну, что я понимала? Ничего! Люди злы, всѣ люди такъ злы! Отецъ цѣлуетъ Марту и женится на ней,—ты знаешь. Ты это самъ замѣтилъ сразу же, тогда, когда вступился за меня. И какъ ты могъ мнѣ на-слово повѣрить, что я позабыла? Я все, все помню; слышишь ли, *рѣшительно все!* Помню, какъ ты былъ добръ. Знаю, какой ты добрый, и люблю тебя! Ну, вотъ и все. Но почему *ты* меня знать не хочешь? Я бы такъ горячо тебя любила! И теперь уже горячо люблю. Ты видишь, я ничего не скрываю и говорю все откровенно. Тогда, на дняхъ, я солгала тебѣ, это правда, но я вѣдь лгу всегда, передъ всѣми,—только этого никто не видитъ и не замѣчаетъ: всѣ они для того слишкомъ глупы! Или, можетъ быть, просто дѣлаютъ видъ, что не замѣ-

чаютъ, чтобы не приходилось выговаривать мнѣ за это? Вѣдь имъ все равно, они меня не любятъ! Ты на меня ворчишь, ты сердисься. Ты—сильный и добрый, я это знаю; я это чувствую,—говорять тебѣ! Я люблю добрыхъ и сильныхъ: такимъ былъ мой Юпитеръ, милый! О, еслибъ папа меня такъ любилъ! Но нѣтъ, съ нимъ что-то сдѣлалось такое, и я не понимаю что? Ну, развѣ это справедливо? Дѣтямъ, обыкновенно, большіе ничего не говорятъ, а вѣдь они тоже страдаютъ: ихъ мучаетъ каждый вздоръ. Это несправедливо, это даже дурно со стороны большихъ! А ты,—хочешь ли ты по прежнему меня любить, какъ тогда, когда я была маленькимъ ребенкомъ? Я буду слушаться тебя во всемъ безпрекословно... но тебя, одного только тебя! Лишь бы ты захотѣлъ! О, Гвидо, Гвидо! Скажи, что ты согласенъ,—и ты мнѣ замѣнишь отца, и мать, наставника и друга, общество... и все, все, все на свѣтѣ.

Гвидо не отвѣчалъ ничего.

— Ты молчишь?—говорила Нора.—Я знала, что когда я скажу тебѣ все откровенно, ты поймешь даже то, чего я и сама не понимаю. Ну, такъ ты общаешь меня полюбить опять? Я буду твоей собственной, маленькой дочкой. Я хочу быть твоей,—а ты... ты можешь распорядиться мною какъ тебѣ угодно... И это будетъ такъ чудесно!!

Но вдругъ рѣчь ея оборвалась и она, рыдая, бросилась къ нему, пряча лицо у него на груди:

— Прости! Прости! Я больше никогда не буду; будь въ томъ увѣренъ! И съ тобой, тоже, я была такая гадкая!

И она съ неподдѣльнымъ отчаяніемъ восклицаетъ:

— О, даже хуже, нежели ты воображаешь!

Гвидо не въ силахъ сдерживать себя дольше. Онъ обнимаетъ ее, прижимаетъ къ своей груди и, полный жалости къ ней, шепчетъ:

— Дитя мое! Крошка моя, дорогая! Ну, полно же, полно... успокойся! Я буду тебя любить, я тебѣ общаю, но ты не можешь быть моей женой: я слишкомъ старъ, а ты такъ молода,—совсѣмъ еще дитя! Но будь покойна, я тебя буду горячо, горячо любить!

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо! Не люби меня, Гвидо, я не стою того! О, еслибы вы знали!... Я, какъ воръ, хотѣла обманомъ украсть вашу любовь!.. Я вѣдь еще не все сказала... о, нѣтъ! Еще не все!

Бѣдная Нора падаетъ передъ нимъ на колѣни и закрываетъ лицо руками.

— Ну, Нора, маленькая Нора! Успокойтесь, я васъ за-

ранѣе прощаю. Не говорите ничего, если это вамъ слишкомъ тяжело; съ меня довольно вашей доброй воли. Я вижу насвѣозъ, что творится у васъ въ сердцѣ: оно у васъ все-таки доброе...

— Нѣтъ, нѣтъ, не доброе! Вы потому и говорите, что не знаете ничего, а какъ узнаете... не захотите меня полюбить никогда, ни за что на свѣтѣ! О, это ужасно, ужасно!.. Но я вамъ все скажу, все, все!.. Когда я увидала, что вы вовсе не хотите меня знать, я принялась любезничать съ Эмилемъ, чтобы вамъ отомстить, чтобы васъ помучить! А потомъ еще... потомъ...

Нора задыхается, и все возбужденнѣе, горячѣе лется ея покаянная исповѣдь:

— О, какой стыдъ, какой ужасный стыдъ!—съ необыкновенной силой убѣжденія говорить она.—Это такъ гадко! Такъ позорно!..

Нора горько рыдаетъ.

— О, еслибы вы только знали это, вы не сказали бы, что готовы меня полюбить! Я вѣдь обманомъ украла у васъ ваши ласки, ваше участіе и еще хотѣла украсть вашу любовь. Можете ли вы меня когда-нибудь простить?

— Я вамъ прощаю, бѣдное дитя!—тихо, серьезно говорить онъ.—Вы, Нора, въ корнѣ все-таки доброе существо, повѣрьте мнѣ!..

— Нѣтъ, нѣтъ!—возражаетъ она сердито и угрюмо.—Нѣтъ! Я не хочу больше васъ подвергать обману... Но вы-то, будете ли вы сильнѣе меня, сильнѣе всего на свѣтѣ? Вы поможете мнѣ? Вы будете обращаться со мной строго, очень строго, чтобы сдѣлать меня доброй и достойной васъ? Вы будете меня наказывать... да, непременно! Вѣдь такъ, Гвидо... мой Гвидо? Это необходимо нужно. Ни за что мнѣ не надо давать воли; надо со мной быть справедливымъ, но строгимъ, очень, очень строгимъ! Слышите, непременно надо! Надо быть такимъ строгимъ, какъ со мной не былъ еще строгъ никто и никогда! Наказываетъ только тотъ, кто любить!..

XIV.

Франсуа Митрѣ не приходитъ въ голову, что произошло между Гвидо и Норой, и какъ это измѣнило все ея существо; онъ слишкомъ занятъ своими гостями. И, наконецъ, разница въ лѣтахъ между ними слишкомъ велика; ему сорокъ-четыре года, ей недавно пошелъ семнадцатый. Отцу ея даже кажется, что ей нравится Лувье. Онъ еще меньше обращаетъ вниманіе на дочь

и радуется, что скоро совсѣмъ освободится отъ отвѣтственности за нее. Что жъ? Онъ вѣдь по совѣсти сдѣлалъ все, что отъ него зависѣло, и хотя предоставлялъ ребенку слишкомъ большую свободу, хотя поощрялъ всѣ ея прихоти, — зато никто не скажетъ, что онъ не сдѣлалъ для нея всего, что могъ...

Такъ разсуждалъ самъ съ собой хозяинъ дома, ухаживая за гостями, изъ которыхъ двое не особенно ему были пріятны: это — супруги Мориньи.

И какъ это онъ раньше не подумалъ, что они могутъ снова поднять разговоры о томъ, что онъ всѣми силами старался въ себя заглушить. Г-жа Мориньи непременно заговоритъ съ нимъ о Люсенѣ и о Терезѣ; она — ея подруга! Когда онъ получилъ извѣстіе, что Мориньи вернулись во Францію, онъ обрадовался случаю принять ихъ у себя, и отвѣчалъ имъ, не подумавъ. А можетъ быть, гдѣ-нибудь въ глубинѣ души у него теплилась еще смутная, бессознательная надежда — какимъ-нибудь образомъ узнать отъ нихъ еще что-нибудь по поводу „того“ его непоправимаго несчастья?..

— „Вотъ еще! Очень нужно раскрывать и безъ того не совсѣмъ зажившую рану!“ — съ досадой подумалъ онъ, особенно послѣ того, какъ замѣтилъ, что жена Мориньи не такова, чтобы помогла его гостямъ развлечься: она смотритъ далеко не весело, хотя все еще хороша собой. Правда, за границей она схоронила единственную дочь и, понятно, грустить. Митрѣ, однако, ничему не вѣрить.

— „Она, должно быть, тоже обманывала мужа!“ — думаетъ онъ, поглядывая на нее и въ сотый разъ рѣшая про себя, что всѣ женщины лгутъ и притворяются.

Съ самаго ея пріѣзда онъ готовится однако къ тому, что Мориньи заговоритъ съ нимъ о своей „дорогой Терезѣ“, и начнетъ ее превозносить до небесъ.

Наконецъ, онъ дождался того: г-жа Мориньи пожелала побесѣдовать съ нимъ наединѣ, и онъ, конечно, не могъ ей отказать.

— Я, вѣроятно, показалась вамъ нѣсколько озабоченной за эти два дня, которые мы уже провели у васъ? — начала она.

— Да, это правда...

— Я все выжидала удобнаго случая поговорить съ вами...

— Очень радъ! Развѣ вы не давнишній мой другъ?

— Вашей, дорогой вамъ, покойницы-жены, а слѣдовательно и вашъ; не такъ ли?

Франсуа Митрѣ слегка поблѣднѣлъ, и на лбу у него обозначились морщины.

— Простите, — я вызываю въ васъ такія тяжкія воспомина-
нiя! — продолжала она: — но развѣ мы и безъ того не думаемъ
безпрерывно о дорогихъ намъ усопшихъ? Я, напримѣръ, люблю
говорить о дочери моей, которую я скоронила въ Бразиліи, два
года спустя послѣ отъѣзда изъ Франціи. Она была ровесница
вашей дочери... Помните вы ее хоть немножко?..

— Да, какже... какже!..

— Боже мой! Я право и не знаю, какъ начать... не знаю,
какъ признаться въ томъ, что мнѣ необходимо вамъ сказать! — въ
замѣшательствѣ проговорила г-жа Мориньи. — Лучше бы... Нѣтъ,
не то!.. Главное, надо, чтобы мой мужъ и не подозрѣвалъ, что
мы съ вами говорили наединѣ; я все еще боюсь огласки, хотя
и прошло уже такъ много лѣтъ... — и вдругъ она прибавила, взгля-
нувъ прямо и пристально въ глаза своему собесѣднику:

— Правда ли, что вы оставили всѣ вещи въ комнатѣ жены,
какъ онѣ были при ея жизни?

— Да, правда, — отвѣчалъ Митрѣ.

— Можете вы меня туда проводить?.. Такъ будетъ проще
и скорѣе!

— Пожалуйста! — отвѣчалъ Митрѣ и повелъ гостью, не по-
нимаю, зачѣмъ это ей нужно.

Невольно какая-то тревога, почти страхъ, овладѣваетъ имъ;
но, подумавъ онъ, — развѣ можетъ случиться съ нимъ что-
либо болѣе роковое, ужасное, чѣмъ смерть и измѣна Терезы? То
была настоящая, непоправимая бѣда, стоявшая ему счастья всей
его жизни. Онъ, конечно, успѣлъ утѣшиться, насколько могъ; но
сердечная рана не закрылась совсѣмъ. М-ше Марта замѣняетъ
ему хозяйку дома и экономку; ухаживаетъ за нимъ, кормитъ пе-
ченьями и пирожными, къ которымъ онъ, какъ настоящій ста-
рикъ, питаетъ слабость; иной разъ онъ подумываетъ о томъ, что
можно бы, пожалуй, и жениться на ней: она посвятила себя
исключительно ему... Да! Вотъ, до чего онъ опустился!.. Но
только бы выдать замужъ Нору!.. Волнуемый всѣми такими мы-
слями, онъ спокойно идетъ впереди и равнодушно отворяетъ
дверь въ комнату Терезы.

— Вотъ комната жены, — говоритъ онъ.

Его спутница входитъ первая и направляется прямо къ шка-
фику, въ которомъ онъ нашелъ роковыя письма.

Митрѣ не безъ удивленія, но молча смотритъ на нее.

— Вы мнѣ позволите открыть потайной ящикъ? — спраши-
ваетъ г-жа Мориньи. Совсѣмъ озадаченный такою просьбой, онъ
только утвердительно киваетъ ей головой.

Г-жа Мориньи открываетъ ящикъ и видитъ, что въ немъ —ничего нѣтъ!

— Гдѣ мои письма... письма?!—воскликаетъ она.

— Письма? Ваши письма? — повторилъ онъ растерянно, въ испугѣ.

— Ну да, да: мои письма!

— Они... они у меня...

— Вы ихъ прочли?! О, Боже, Боже! Эти письма мнѣ особенно дороги съ тѣхъ поръ, какъ умеръ Люсьенъ Узл... въ прошломъ году. Тереза знала все и мою любовь къ нему, и тѣ злополучныя обстоятельства, которыя... которыя принудили меня выйти за г. Мориньи...

— Ради Бога, отдайте мнѣ мои письма!—умоляющимъ голосомъ воскликнула она.—Можетъ быть, мнѣ слѣдовало бы ихъ сжечь; Но у меня на это не хватало смѣлости... пока была жива моя дочь. Я для нея, для нея дорожила этими строками... въ нихъ бѣдный мой Люсьенъ называлъ ее своей дочерью... „нашей“ дочерью! Тереза любила и жалѣла его изъ любви ко мнѣ; она знала про мою бѣду, все знала и все мнѣ простила. Она согласилась хранить у себя эту пачку писемъ,—доказательство нашей любви и нашего несчастья... Я ее такъ просила, умоляла! Да гдѣ же они, гдѣ? Скажите скорѣе!

Митри, подавленный этимъ открытiемъ, бросился къ себѣ въ комнату и принесъ пакетъ.

— Вотъ они!—говоритъ онъ.

Г-жа Мориньи поспѣшно пересматриваетъ свертокъ, считаетъ письма.

— Но здѣсь трехъ не хватаетъ!

— Я хотѣлъ всѣ ихъ сжечь; но случайно сгорѣли только тѣ... И... и... только тогда... тогда я прочелъ...—голосъ его звучитъ замирая, чуть-слышно...

Г-жа Мориньи полагала, что Франсуа Митри до сихъ поръ оплакиваетъ Терезу, но теперь вдругъ ее осыпаетъ ужасная, невѣроятная догадка.

— Какъ? Вы... вы могли подумать...!? Письма безъ подписи; ничего имени не называютъ...

— Я узналъ почеркъ Люсьена, и, наконецъ, на конвертѣ былъ его вензель...

— Но имени Терезы...

— Нѣтъ нигдѣ, — договорилъ Митри: —нѣтъ и имени ребенка. Но всѣ остальные подробности такъ сходны: возрастъ дѣвочки, и все, все могло одинаково относиться ко мнѣ... и къ Норѣ!

— Боже мой! Боже мой!.. Бѣдная Тереза!—восклицаетъ съ отчаяніемъ г-жа Мориньи.—Я послѣ смерти сдѣлала тебѣ гораздо больше зла, чѣмъ въ силахъ вынести даже живыя! Какая роковая, ужасная, неимовѣрная случайность!

Франсуа Митрѣ сидѣлъ передъ ней неподвижно, какъ окаменѣлый, и только его поблѣвшія губы говорили о томъ, что онъ испытывалъ въ себѣ въ эту минуту.

Онъ бросился, рыдая, на колѣни у постели Терезы, и могъ только съ отчаяніемъ въ голосъ воскликнуть:

— О, Нора, Нора! Бѣдное дитя! Дочь моя, моя Нора!.. Но зачѣмъ, зачѣмъ все это случилось такъ поздно?.. слишкомъ поздно!.. Зачѣмъ... зачѣмъ?..

Бѣднаго вдовца Митрѣ посѣтила бѣда сильнѣе той, отъ которой онъ уже страдалъ такъ много лѣтъ. Развѣ не бѣднѣе несчастіе, чѣмъ измѣна Терезы, его поступокъ съ нею и... съ ребенкомъ? Онъ подозрѣніемъ своимъ осквернилъ, опозорилъ ея любовь, ея чистую память,—счастье всей своей жизни? И все изъ-за чего? Изъ-за того, что обстоятельства сложились такъ ужасно...

Долго онъ стоялъ на колѣняхъ, громко прося прощенія у нея, у Норы. Г-жа Мориньи не знала, какъ начать, чтобъ его успокоить:

— Я тоже виновата: я васъ заставила страдать!

— Простите мнѣ невольную слабость, — проговорилъ онъ, немного очнувшись.—Но это такъ ужасно! Ужаснѣе, чѣмъ вы даже думаете. Еслибъ вы только знали... Нора...—и онъ опять заплакалъ.

— Я постараюсь теперь все загладить, все!.. Но едва ли это возможно!

— Вы позволите намъ уѣхать только завтра, не правда ли? Нашъ внезапный отъѣздъ сегодня же можетъ слишкомъ возбудить любопытство...

Митрѣ протянулъ ей руку.

— Какъ я виновата передъ Норой! Я долженъ здѣсь, непременно здѣсь увидѣть ее...

Г-жа Мориньи быстро удалилась — позвать Нору, и черезъ нѣсколько минутъ послышался легкій стукъ въ дверь.

Нора стояла передъ отцомъ, какъ всегда, съ обычнымъ, неприязненнымъ выраженіемъ на равнодушномъ лицѣ; въ глазахъ ея искрилась готовность сейчасъ же вступить въ борьбу, обороняться.

— О, моя Нора! Бѣдная моя Нора!..—только и могъ проговорить Франсуа Митрѣ.

Она стояла неподвижно, ничего не понимая, что случилось съ отцомъ; только нѣжный отъѣножь въ его голосѣ напомнилъ ей, какъ дрожалъ вчера голосъ Гвидо, когда онъ жалѣлъ ее...

Митрѣ ждалъ появленія дочери страстно, съ нетерпѣнiемъ; но, очутившись съ нею лицомъ къ лицу, не зналъ теперь, что сказать ей.

Ему хотѣлось бы броситься передъ нею на колѣни; умолять о прощениі... Но онъ не смѣлъ; онъ боялся неизбѣжныхъ вопросовъ: что это, къ чему?.. Ему хотѣлось сказать:

— Вотъ въ чемъ мое ужасное несчастье. Вотъ почему я былъ безумнымъ и страдалъ, почему я озлобился на всѣхъ и на все! я усомнился въ матери твоей!

Но ему самому стало отвратительно и стыдно, что онъ могъ въ ней усомниться.

— Подойди ко мнѣ, Нора! Подойди, бѣдное, несчастное мое дитя! Ближе, ближе... дай на тебя посмотреть!

Нора стояла передъ нимъ въ недоумѣніи, холодная, какъ и всегда. Онъ долго не сводилъ съ нея пытливаго, пристальнаго взгляда.

— Какъ ты похожа на нее!.. И на меня...

Но слезы снова подступили къ горлу, и онъ снова упалъ на колѣни передъ постелью Терезы:

— Прости! Прости! Тереза, прости мнѣ!.. Нора, прости! прости!

Ничего еще не понимая и видя только одно, что этотъ „черствый“ человѣкъ страдаетъ, что у него есть какое-то ужасное, необъятное горе, Нора, счастливая тѣмъ, что ее любить и жалѣть Гвидо,—эта новая Нора, которая понимаетъ, какое счастье любить и быть любимой, тихо подходит и владеть свою маленькую ручку на плечо отцу, бессильно волѣнопреклоненному у постели матери.

Безъ особаго волненія, какъ бы изъ жалости, дочь говоритъ ему шопотомъ:

— Отецъ!..

Услышавъ это слово, произнесенное Норою, Митрѣ, какъ безумный, бросается къ ней, обнимаетъ и крѣпко, порывисто цѣлуетъ.

— Ступай, дитя! Ступай, дочь моя, Нора! Клянусь, съ этого дня ни о чемъ не будетъ у меня заботы, какъ только о твоёмъ счастьи!

Несмотря на всю свою холодность, Нора чувствуетъ, что что-то случилось, что въ ея жизни какъ будто произошелъ какой-то переворотъ, и въ первый разъ она улыбнулась отцу...

„Что съ нимъ случилось?“—спрашивала себя Нора: отецъ въ чемъ-то раскаялся, но раскаяніе его запоздалое! Мѣсто отца,—настоящаго, любящаго и строгаго, но горячо любимаго отца,—уже занято въ ея сердцѣ съ тѣхъ поръ, какъ безраздѣльно въ немъ царить ея дорогой, неоцѣненный Гвидо!

Между тѣмъ Франсуа Митрѣ велѣлъ позвать къ нему Марту. Безъ всякаго вступленія, онъ прямо обратился къ дѣлу.

— Марта! Всю жизнь мою перемѣнило сегодня одно событіе, которое нѣтъ надобности вамъ разъяснять... Вамъ необходимо завтра же уѣхать. Я знаю, что у васъ были надежды на иное... Пожалуйста, забудьте объ этомъ навсегда! Вотъ въ этомъ портфельѣ вы найдете кое-что, что хоть отчасти вознаградитъ васъ за всѣ ваши труды... Это небольшой капитадецъ, который, если пожелаете, — можете раздѣлить его съ вашимъ братомъ... Экипажъ, который васъ отвезетъ на станцію, будетъ готовъ завтра къ двумъ часамъ.

Марта отлично понимала, что тутъ никакихъ возраженій быть не можетъ.

— Хорошо!—сухо проговорила она и, повернувшись круто на каблукахъ, прибавила, уходя:—пойду предупредить брата!

XV.

Невеселыя думы одолевали тѣмъ временемъ Гвидо.

Онъ ушелъ въ паркъ, подальше, чтобы въ уединеніи обсудить свое невозможное положеніе. Какъ быть теперь? Какъ укротить возбужденіе маленькой Норы? Какъ привести все къ благополучному концу? Покончить съ этимъ ребенкомъ, котораго и жаль ему, и который, въ то же время, пугаетъ своей странной необузданностью? Жениться?—но это сумасшествіе! Во-первыхъ, такая разница въ лѣтахъ, а во-вторыхъ... за нее же становится страшно. Вѣдь сама она говоритъ: „Есть на свѣтѣ вещи сильнѣе меня!..“ Значитъ, она, этотъ почти ребенокъ, и сама сознаетъ, что она повинется какому-то темнымъ, смутнымъ и... нежелательнымъ инстинктамъ. Конечно, онъ никогда не рѣшится ввѣрить счастье всей своей жизни такому бѣсенку. Несмотря на всю ея миловидность, на обаяніе ея искренняго признанія, Гвидо не чувствуетъ довѣрія къ Норѣ; даже слезы, жалобы и горести

ея подозрительны ему. Какъ знать, не есть ли это отчаяніе; и эта полуисповѣдь, въ сущности, быть можетъ, служить только доказательствомъ какой-нибудь позорной ошибки, въ которой она все-таки еще не рѣшается признаться?..

— Нѣтъ, нѣтъ! — порѣшилъ Гвидо, ничего собственно не рѣшивъ:—въ подобномъ случаѣ; конечно, самое дѣйствительное средство—бѣжать.

Но въ ту самую минуту, когда онъ подходилъ къ замку, его другъ Франсуа Митрѣ присылаетъ за нимъ. Ему, удрученному укорами совѣсти, слишкомъ тяжело было нести одному всю тягость своей вины передъ покойницей и передъ ея дочерью; ему хотѣлось передъ кѣмъ-нибудь излить свое горе, принести покаяніе въ своей ужасной винѣ. Но Гвидо де-Френэ ничего не зналъ, и потому невольно задалъ себѣ вопросъ:—ужь не въ заговорѣ ли съ Норою ея отецъ? Подозрительность его все обострялась...

Франсуа Митрѣ встрѣтилъ своего друга въ комнатѣ Терезы.

— Мой милый де-Френэ,—такъ началъ Франсуа Митрѣ свое признаніе.—Вы человѣкъ бывалый и не сегодня узнали людей, людскія страсти и печали. Я въ настоящую минуту переживаю тяжелый переворотъ во всей моей жизни и въ эту минуту повинуюсь одной потребности—довѣрить вамъ тайну моей злополучной жизни и жизни моего ребенка, моей бѣдной Норы! Я хочу просить вашего разсудительнаго и сердечнаго совѣта, а пока... слушайте, что я вамъ расскажу.

И Митрѣ, не щадя себя, передалъ другу всѣ подробности своей печальной исторіи и исторіи маленькой, заброшенной Норы.

— Понимаете ли вы, что сдѣлалось со мною, когда я увидалъ, что такъ глубоко ошибался, подозрѣвая ни въ чемъ повинную покойницу-жену, мучая цѣлыхъ девять лѣтъ *своею* ребенка, какъ ненавистнаго мнѣ и чужого? Вотъ тамъ уголь, объ который она ударилась, бѣдняжка, и упала, когда я оттолкнулъ ее. Во всякомъ случаѣ, я низко поступилъ, карая дитя, притомъ за мнимую измѣну матери ея! А ей, бѣдной, хотѣлось ласки и участія! Малютка привязалась тогда къ вѣрному, преданному псу. Потомъ я далъ ей полную свободу, не освѣдомляясь, что она дѣлаетъ, и гдѣ, и съ кѣмъ бываетъ? Я испугался ея твердаго, рѣшительнаго нрава и ни въ чемъ ровно не перечилъ ей, лишь бы поменьше видѣть ее, слышать. Я ненавиждѣлъ... (и Боже, до чего чистосердечно!) своего собственнаго ребенка, свою плоть и кровь!.. Ну, вотъ и все: вамъ теперь все извѣстно. Что долженъ я дѣлать? Посовѣтуйте, какъ быть теперь? Не лучше ли во всемъ признаться Норѣ и просить... да, просить у нея про-

щенія? Она, можетъ быть, и простить; но въ силахъ ли она вернуть отцу привязанность, которую онъ убивалъ въ ней девять лѣтъ подъ-рядъ? Боже мой! Что творится теперь въ ея душѣ? Что она думаетъ, какъ смотреть на жизнь? Но я ея не знаю, я своей дочери не знаю! Я столько лѣтъ прожилъ съ нею не какъ отецъ, а какъ чужой и озлобленный, безсердечный человѣкъ, и я чувствую, — я на вѣки пересталъ быть для нея роднымъ отцомъ!

Отчаяніе Франсуа Митри было такъ глубоко, что тяжело было на него смотрѣть. Взоры его блуждали, беспомощно переходя съ предмета на предметъ, и какъ бы искали точки опоры его сплутавшимся мыслямъ. Безграничная жалость овладѣла Гвидо при видѣ такого горя и при воспоминаніи о бѣдной Норѣ, которая теперь ужъ представлялась ему не шальнымъ существомъ, а бѣдной заброшенной, истерзанной жертвой заблужденія ея отца. Ему теперь казалось даже желаннымъ вырвать ее изъ власти роковой судьбы, спасти ее отъ зла и огорченій...

— Знаете, вамъ бы выдать ее замужъ, — посоветовалъ онъ отцу.

— Но за кого же?! Кто возьметъ на себя заботиться о ней душевно? Гдѣ найти человѣка, который полюбитъ бы ее, такую, какъ она есть теперь, настолько, чтобы обуздать ея порывы, ея гнѣвъ и самостоятельность? Кто бы рѣшился взять на себя такой подвигъ?

— Я!.. Если вы будете согласны... — просто предложилъ Гвидо.

— Вы? Вы?! — воскликнулъ пораженный отецъ и, подумавъ немного, прибавилъ: — но прежде всего я сомнѣваюсь, приметъ ли она мой выборъ?..

Де-Френэ улыбнулся:

— Но... она меня любитъ. Она меня горячо полюбила и сама мнѣ это сказала!

— Какъ? Нора вамъ сказала, что васъ любитъ и даже... *горячо*? Вотъ видите, до чего надо быть съ ней осторожнымъ!.. Помните, Гвидо: надо, чтобы она не запятнала память матери своей!

Эти слова отдались больно въ сердцѣ Гвидо, и съ минутой между ними водворилось тягостное молчаніе: каждый, въ глубинѣ души, сознавалъ важность настоящей минуты.

— Какъ же тутъ быть? — началъ Митри со вздохомъ.

— Видите ли, мой другъ, вы только-что сказали нѣчто жестокое, и оно мнѣ напомнило опасность, которая можетъ грозить моей любви, если я недостаточно буду благоразуменъ... Но

постараемся быть оба разсудительны и хладнокровны. Хотите, я останусь здѣсь, у васъ? Вы мнѣ довѣрите свое дѣтище, и Нора будетъ моею ученицей. Мы тогда можемъ на дѣлѣ убѣдиться, насколько глубоки ея чувства ко мнѣ, или мои—къ ней. Я тогда самъ увижу, въ силахъ ли я выносить ея неровный нравъ, ея прихоти и вообще недостатки воспитанія... Черезъ полгода, можетъ быть черезъ годъ, мы придемъ къ болѣе прочному рѣшенію...

— Хорошо, я согласенъ,—проговорилъ Митри.—Да я и не вижу иного исхода; мое собственное положеніе вынуждаетъ меня согласиться на все, что бы ни предложилъ мнѣ такой честный человѣкъ, какъ вы... Будьте ей другомъ, воспитателемъ, отцомъ! Вы—еще сила, а я... Я уже ничто!..

— Г-нъ де-Френэ просить васъ пожаловать внизъ,—заявилъ на слѣдующій день Антуанъ, стоя на порогѣ комнаты Норы.

— А гдѣ г-нъ де-Френэ?—важно, какъ взрослая, спросила она.

— Въ гостиной, и ожидаетъ васъ.

— Скажите, что сейчасъ приду!

И Нора, какъ только затворилась дверь, быстро приподнялась, чтобъ разглядѣть себя въ зеркало надъ каминомъ; поправила волосы своими миниатюрными ручками; посмотрѣла сама на себя глубоко, какъ еслибы смотрѣла на кого другого, и улыбнулась себѣ въ зеркало. Съ лѣстницы спустилась она серьезно,—какъ и подобало судя по приглашенію, полученному черезъ Антуана,—и вошла въ гостиную съ такой внушительной осанкой, что даже поразила своего друга.

Благодаря своему изяществу и крайне маленькому росту, Нора дѣйствительно въ эту минуту напомнила де-Френэ тѣхъ малютокъ-нифантъ, которыхъ нѣкогда любилъ изображать въ кружевахъ и шелку, съ длиннѣйшими шлейфами, великій мастеръ Ванъ-Дикъ.

Гвидо всталъ и, взявъ ее за руку, подвелъ къ большому креслу съ высокой спинкой, въ которомъ она показалась ему еще нѣжнѣе и миниатюрнѣе.

— Со вчерашняго дня,—началъ онъ тогда тихо и серьезно:—въ сердцѣ вашего отца произошелъ сильный переворотъ; а слѣдовательно, произойдутъ и въ вашей жизни большія перемѣны. Нѣкоторые изъ нихъ будутъ зависеть отъ васъ, и вотъ о нихъ-то мы, если хотите, поговоримъ.

Нора жадно хватала на лету каждое слово, и въ ней загоралось скорѣе удивленіе, нежели любопытство; до сихъ поръ еще никто и никогда ни въ чемъ не спрашивалъ ея совѣта, ничего ей не сообщалъ... Глаза ея горѣли мягкимъ, бархатистымъ блескомъ, и въ то же время она продолжала играть роль взрослой женщины, съ которой желаютъ *переговорить*.

— Извольте! — согласилась она, и такъ дѣтски-мила была ея серьезность, что Гвидо не могъ удержаться отъ счастливой улыбки.

— Прежде всего, — продолжалъ онъ: — отецъ вашъ ставитъ себя въ укоръ, что онъ не умѣлъ васъ любить...

— Скажите лучше: умѣлъ только мучить! — вырвалось у нея дрожащимъ голосомъ, и взглядъ ея потускнѣлъ, сталъ черствѣе.

— Пусть такъ, но въ этомъ онъ себя и обвиняетъ...

— Запоздалое сознанье, — рѣзко проговорила Нора.

— Конечно, но тогда ему казалось, что испытанныя имъ тягостныя обстоятельства дають ему право...

— Бить маленькаго ребенка?! — раздраженно подсказала она.

— Впослѣдствіи, позднѣе, вамъ все это станетъ понятно, когда вамъ можно будетъ объяснить все; въ ваши лѣта еще не все вамъ можно говорить. — Нора топнула ножкой. — Мнѣ больше ничего пока не слѣдуетъ объ этомъ говорить; но то, что мнѣ нужно сказать вамъ сегодня, касается исключительно меня.

Взглядъ Норы опять смягчился, при его послѣднихъ словахъ.

— Итакъ, отецъ вашъ считаетъ себя передъ вами виноватымъ...

— И даже очень! — трагическимъ тономъ, но искренно произнесла Нора, такъ что Гвидо пересталъ улыбаться.

— Со временемъ вы сами убѣдитесь... — началъ де-Френъ.

— Я ужъ довольно убѣдилась! — злобно прерываетъ Нора, и взглядъ ея сверкнулъ угрозой.

— Ну, хорошо, хорошо, — успокоиваетъ ее Гвидо и продолжаетъ. — А для начала я пока скажу вамъ только, что вашъ отецъ рѣшился измѣнить всю свою жизнь, отказалъ Мартѣ и брату ея, Готфриду.

Въ одинъ мигъ Нора очутилась на ногахъ, и лицо ея выразило такую радость, таковой неподдѣльный восторгъ, какой охватываетъ ребенка при видѣ небывало-чудесной игрушки.

— Это правда, правда? — лепечетъ она, застывъ на мѣстѣ безъ движенья.

— Да, правда, — отвѣчаетъ Гвидо и тоже встаетъ.

— О, тогда...

— Ну, что же *тогда*?

— Тогда и въ самомъ дѣлѣ, значить, будутъ большія перемѣны!

— Да, но это еще не все. Отецъ вашъ, думая, что я могу здѣсь быть полезень... вамъ, Нора, вамъ!—просилъ меня остаться жить у васъ въ замкѣ на нѣкоторое время...

Глаза Норы горѣли съ каждой минутой ярче, а руки прижимались къ груди все сильнѣе, словно удерживая ея необузданные порывы. Она тревожно выжидала, что еще ей предстоитъ узнать.

— И если вы согласны,—продолжаетъ Гвидо:—я замѣню вамъ ихъ обоихъ: Готфрида и Марту... Словомъ, наставникомъ будетъ теперь у васъ вашъ старый другъ... Ну, что вы скажете на это предложеніе?

Нора задыхается отъ радостнаго смѣха и невольно поддается своему восторгу такъ же безопасно, какъ тогда, еще въ дѣтствѣ, когда она ласкала свою собаку, бѣглеца Юпитера.

— Что я скажу?! Что скажу?—повторяетъ она и каждый разъ хватается въ обѣ руки его голову и осypаеъ ее поцѣлуями.

— Однако, Нора, со своимъ учителемъ нельзя обращаться такъ безцеремонно.

— Но почему же?

— Это неудобно...

— А если... если мнѣ это угодно?

— Все равно, надо слушаться меня!

— Нѣтъ! Ни за что!—и снова на лицѣ ея появляется выраженіе упорства.

Де-Френэ видитъ ясно,—въ ней вновь проснулась дикарка.

— Ну, въ такомъ случаѣ я знаю, что мнѣ остается дѣлать!—говоритъ онъ твердо.

— Вотъ какъ! И что же это такое?

— Уѣхать съ тѣмъ же поѣздомъ, съ которымъ ѣдетъ м-г Готфридъ.

Нора, надувшись, усаживается въ кресло.

— Ну, а теперь скажите, почему мое поведеніе вамъ не нравится?.. Однако, жаль! Въ первый разъ въ жизни я чувствовала себя совершенно счастливой!

— Въ первый разъ, Нора? Въ первый разъ?—говоритъ Гвидо голосомъ, полнымъ ласки.—А все-таки впередъ такъ вести себя уже не годится!

— Да почему же, почему?

— Потому, что я такъ требую... потому, что я васъ люблю!— чуть слышно отвѣчаетъ Гвидо.

— А!!—вырывается у нея радостный вздохъ, и она, какъ бывало съ Юпитеромъ, кладетъ ему на голову свою нѣжную ручку.

— Значить, вы, Нора, согласны быть моей ученицей?... Ну, хорошо. Такъ я сейчасъ же сообщу вамъ свою программу.

— И въ чемъ же она состоитъ?

— О, только въ двухъ словахъ,—но словахъ всемогущихъ: „Быть доброй, любящей, послушной“.

— Я за одно только могу ручаться: васъ любить!

— Ну, въ такомъ случаѣ, вы должны будете повиноваться мнѣ безпрекословно; а за повиновениемъ вслѣдъ появится и доброта—невольна, незамѣтно.

Нора прислоняется головкой къ плечу своего друга и тихо-тихо, почти касаясь губами его уха, шепчетъ:

— Хорошо, хорошо! Я буду доброй и... послушной! И буду васъ любить!

XVI.

Вотъ уже нѣсколько времени, какъ замокъ опять затихъ, опустѣлъ. Гости уѣхали; и во всемъ большомъ домѣ осталось только трое: Митрѣ, его дочь и другъ.

Нора стала какъ будто добрѣе съ отцомъ,—но объ этомъ скорѣе можно догадываться, нежели замѣтить на дѣлѣ. Гвидо не разъ пробовалъ опять заводить съ нею разговоръ на старую тему, но ничего не добился. Впрочемъ, вскорѣ произошло и маленькое столкновение. Гвидо не могъ попасть въ библіотеку, за неизвѣстнымъ ключа.

— Странно! Ихъ было даже два,—замѣтилъ ему Митрѣ.

Дѣло въ томъ, что Гвидо замѣчалъ иной разъ въ рукахъ Норы книжки романовъ, и постепенно пришелъ къ заключенію, что она обманываетъ его и продолжаетъ, вопреки его приказанію, читать все безъ разбора. Очевидно, у нея спрятанъ (и уже не сегодня!) тотъ самый ключъ, который запропалъ куда-то. Сперва де-Френэ думалъ-было просто и ласково спросить у нея ключъ, но разсудилъ, что это ни къ чему не поведетъ, если она, во время своего искренняго признанья, сама не подумала признаться въ этомъ обманѣ. Наконецъ, онъ рѣшился,—идетъ и стучится въ ея комнату и, только-что переступивъ порогъ, говоритъ прямо:

— Куда вы дѣли, Нора, ключъ отъ библіотеки отца?

Изумленная Нора выдает бѣглый и тревожный взглядъ на гравюру „Богоматери“ Рафаэля, которая виситъ надъ ея изголовьемъ, и этотъ взглядъ не могъ ускользнуть отъ Гвидо.

— Нѣтъ у меня ключа! — говоритъ Нора, и лицо ея принимаетъ такое выраженіе, которое холодностью своей (какъ она полагаетъ) должно защитить ее отъ подозрѣній. Въ голосѣ ея также звучитъ напускная самоувѣренность, и у Гвидо больно отзывается на сердцѣ эта уловка.

— Нехорошо и стыдно лгать, — говоритъ Гвидо грустно: — а тѣмъ болѣе говоря со мною! Вы говорите, что вы уважаете меня, что вы готовы мнѣ повиноваться, и сами же стараетесь меня обмануть...

Нору уже готовъ былъ растрогать его тихій, ласковый голосъ, но, заслыша рѣзкія ноты, она опять ожесточилась и упрямо повторила:

— Да нѣтъ же у меня вашего ключа! Вы меня всегда подозрѣваете въ обманѣ! Вы мнѣ не вѣрите!

— Да; конечно, не вѣрю! И это лишь достойная кара за вашу лживость; а ложь—первый знакъ трусости. Вамъ, значить, страшно, чтобы не узнали правду? Вы, значить, *трусите*?

Де-Френэ знаетъ, что Нора самолюбива, и думаетъ, что на нее подѣйствуютъ его слова; что въ ея гордомъ сердцѣ, какъ протестъ, отзовется благородное чувство, и она чистосердечно согласится съ нимъ... Но нѣтъ! Какъ необузданный мальчишка, она вдругъ поддается злему наущенію и, какъ дерзкій школьникъ, вызывающе кричитъ ему въ отвѣтъ:

— Ну, пускай я труслива, а зато вы—глупы!

Гвидо смотритъ на миниатюрную, дѣтскую фигурку, задорно остановившуюся передъ нимъ, и видитъ въ ней непослушнаго, непочтительнаго ребенка, котораго онъ любитъ, какъ отецъ, и которому, какъ отецъ, обязанъ притрывать, заставить уважать себя...

Но лицо дѣвочки-подростка вдругъ само смягчилось, и мягкая улыбка появилась у нея на губахъ, а глаза засвѣтились.

Нора шепчетъ:

— Какой вы сердитый!—и, отвернувшись отъ стѣны, сконфуженно указываетъ ручкой на гравюру Рафаэля, за которой у нея спрятанъ спорный ключъ.

— Хорошо, хорошо! — стараясь быть спокойнымъ, говоритъ ей Гвидо:—я такъ и буду знать, что мы любимъ угрозы.

Съ нею страшно трудно, — въ этомъ Гвидо не можетъ себя не признать. День ото дня его все больше изумляетъ, до

какой степени въ этомъ ребенкѣ развиты самыя противорѣчивыя свойства: въ ней то преобладаетъ недюжинный умъ и острота мысли, то безотвѣтная покорность; то—злоба и любовь, то безысходная грусть и, безпечная веселость. Она невольно чувствуетъ сама, что ея полуребяческіе, полудикіе порывы необходимо подчинить твердой волѣ старшаго надъ нею, разумнаго и разсудительнаго существа, но ей не хочется никому покоряться, и если она иногда повинуется волѣ Гвидо, то подыладека этого повинования—боязнь лишиться присутствія Гвидо и его заботливой защиты. Эта боязнь и заставляетъ ее поддаваться впечатлѣнію минуты и, порой, удивлять его внезапнымъ смиреніемъ и нѣжностью, которыя его плѣняютъ.

Въ одинъ прекрасный день, Гвидо говоритъ своей ученицѣ:

— Нора! Я купилъ для васъ куклу.

— А! Вы еще не перестали надо мной смѣяться?

На этотъ разъ, однако, самозванный воспитатель видитъ, что не всегда можно дѣйствовать съ нею прямо, откровенно, и по неволѣ идетъ на компромиссъ со своей совѣстью.

— Полноте, Нора, успокойтесь: я только пошутилъ!—говорить онъ.—Я общалъ одной маленькой дѣвочкѣ подарить ей куклу, и думалъ, что подарокъ мой будетъ не такъ ничтоженъ, если вы согласитесь сдѣлать приданое для *м-ле Dubois*, т.-е. для этой куклы.

— А, хорошо,—милостиво согласилась Нора.

— Кстати, я вѣдь и вамъ привезъ изъ города маленькій подарокъ: полный швейный приборъ, который, по всей вѣроятности, нѣкогда служилъ какой-нибудь графинѣ, владѣлицѣ стариннаго замка...

Нора ничего и противъ этого не имѣетъ; успокоенная насчетъ назначенія своей работы, она берется за нее усердно. *М-ле Dubois*—очень большая кукла, и, чтобъ ее одѣть, Нора больше недѣли кроить, сметываетъ, примѣряетъ и шьетъ на нее все, что необходимо. Гвидо съ улыбкой смотритъ на ея хлопоты и любитъ маленькимъ существомъ, которое такъ предается заботамъ о „ребенкѣ“. Но вотъ „приданое“ готово; онъ поздравляетъ Нору съ полнымъ успѣхомъ и признается, что не ожидалъ отъ нея такого искусства въ кроить и шить; но собственно онъ именно ей самой предназначалъ эту куклу.

Нора возмущилась до крайности, и затѣмъ послѣдовала новая сцена между ученицею и ея наставникомъ.

Гвидо не сомнѣвается ни на минуту въ своемъ превосходствѣ, въ силѣ своей любви, и вѣрить, что она все-таки поможетъ

ему побороть дурныя стороны въ характерѣ его будущей жены, а потому его не пугаютъ вспышки гнѣва, которымъ она такъ легко поддается...

— Послушайте, Митри,—сказалъ какъ-то Гвидо:—я окончательно рѣшился и прошу у васъ руки Нора. Я знаю, мнѣ предстоитъ не легкая задача—сдѣлать изъ необузданнаго ребенка хоть сколько-нибудь образованную и рассудительную женщину; но это меня не страшитъ! Я вѣрю въ то, что въ корнѣ у нея натура добрая, а сердцемъ она искренно предана мнѣ. Но вы... согласны ли вы...

— Только, прошу васъ, вы ей уже сами сообщите о своемъ рѣшеніи... Вы, конечно, уѣдете сейчасъ послѣ свадьбы и оставите меня, одинокаго, въ большомъ, осиротѣломъ домѣ, доживать свой вѣкъ. Но если она потомъ все узнаетъ, все пойметъ и меня пожалѣетъ,—поскорѣе привезите дочь мою ко мнѣ... Да? Хорошо?

Гвидо могъ только молчажать ему руку.

— Берегите ее; сдѣлайте ее счастливой. Для этого не надо только быть ревнивымъ. Ревность—страшное, пагубное зло: она разбила мнѣ всю жизнь мою!

Сердце Гвидо невольно сжалось; но мужество его передъ возможностью бѣдой не пало, и онъ, хотя чувствуетъ себя и недоувѣрчивымъ, и ревнивымъ, все же смѣло приступаетъ къ важному перевороту въ своей жизни.

Въ это время Нора шла на встрѣчу отцу и Гвидо; отецъ отошелъ въ сторону, и Гвидо приблизился къ своей ученицѣ.

— Нора!—началъ онъ тихо и серьезно:—помните вы все, что я вамъ говорилъ за послѣдніе мѣсяцы?

— О, да; конечно, помню! — И полный нѣжности взглядъ ея встрѣтился открыто, ясно съ его взглядомъ.

— Такъ, если вы согласны, я съ позволенія отца прошу вашей руки. Согласны?

Съ минуту Нора не могла сказать ни слова.

— Гвидо! Гвидо! — пролепетала она своимъ тихимъ, трогательно-нѣжнымъ голосомъ.—Я этого никакъ не ожидала... не могла ожидать: я все еще слишкомъ нехороша... — Вдругъ она ему протянула обѣ руки:

— Я буду тебя слушаться во всемъ, всегда... вотъ, ты увидишь, я исполню свое обѣщанье... Я исправлюсь!..

Въ церкви она стояла задумчивая, блѣдная и сосредоточенная, утопая въ бѣломъ кружевномъ покрывалѣ. Гвидо не могъ ею налюбоваться, — до того трогательной и смиренной казалась ему эта „новая“ Нора.

XVII.

Гвидо съ женой, вотъ уже нѣсколько дней, какъ живутъ въ Парижѣ. Мужъ потихоньку, осторожно, принекая самыя мягкія выраженія, объясняетъ Норѣ, что, обижая ее, отецъ самъ страдалъ отъ рокового заблужденія.

— Ты понимаешь, Нора, какія самъ онъ, бѣдный, долженъ былъ испытывать мученія?—говоритъ Гвидо.

— Да, да. Я понимаю... Это ужасно, и мнѣ жаль его всей душой. Только...

— Ну, что же: „только“?..

— Онъ долженъ былъ вѣрить въ себя, въ любовь къ нему — жены, и... и сжечь всѣ письма!

— А его собственная страстная любовь? А ревность?

— Но я говорю съ твоихъ же словъ, Гвидо: я повторяю только то, чему ты самъ меня учишь. Я знаю, что ты одобрилъ бы его, если бы онъ сжегъ всѣ эти роковыя письма: это былъ его, прямой долгъ—повиноваться волѣ умершей... Мнѣ его очень жаль, конечно.

— И только? Ты не хочешь великодушно отнестись къ его вигѣ передъ тобою?

— Забыть? Простить ему все, что пришлось мнѣ выстрадать изъ-за него?.. Нѣтъ, лучше начнемъ говорить о чемъ-нибудь другомъ!.. Есть въ мірѣ многое, чего не вернешь и не исправишь!

Этотъ разговоръ чуть не дошелъ до спора... но не дошелъ потому только, что Гвидо слишкомъ скоро поддался обаянію нѣжныхъ увѣреній своей жены-полуробенка, что она „его одного, одного только любить и будетъ вѣкъ любить“!...

Однако, послѣ первыхъ недѣль женитьбы, когда новизна супружескаго счастья перестала заслонять собою мелочи въ отношеніяхъ новобрачныхъ, влюбленнаго и счастливаго Гвидо охватила боязнь за продолжительность безоблачнаго блаженства, и Нора сама вскорѣ опять пробудила въ немъ прежнюю тревогу.

Она опять начала давать волю своимъ гнѣвнымъ вспышкамъ и капризамъ, какъ бы нарочно пробуя, до какой степени терпѣливъ или сдержанъ окажется ее супругъ и повелитель. Между тѣмъ этотъ супругъ и повелитель пугался самъ своей любви. Стѣяло только Норѣ приласкаться къ нему нѣжно и улыбнуться свѣтлою улыбкой — онъ забывалъ все, всѣ свои тревоги и сомнѣнія, и помнилъ лишь одно,—что любить ее слѣпо, горячо!

Онъ самъ замѣтилъ, — любовь способна окончателно его

обезоружить, и чтобъ найти въ своихъ же собственныхъ сужденіяхъ надежную опору—началь вести дневникъ.

„...Удастся ли мнѣ ей помочь,—записывалъ Гвидо:—освободить ее отъ недостатковъ? Я сомнѣваюсь. Мои старанія, какъ о несокрушимую преграду, разбиваются объ ея возраженія:—это вѣдь не моя вина!...—Она считаетъ, что она не виновна въ своихъ поступкахъ; а слѣдовательно и ни въ чемъ не виновата!..

„...Ложь у нея является внезапно, и, не смущаясь, она говорить мнѣ въ глаза неправду; только взглядъ ея словно тускнѣеть, дѣлается болѣе равнодушнымъ, и я легко угадываю, что она... *сомала*. Но *доказать*, что это такъ, я не могу, не имѣя въ рукахъ доказательствъ...

„Какъ быть? Какъ ее убѣдить?.. И, наконецъ, можно ли вѣрить женщинѣ, у которой ложь вошла въ привычку; можно ли вѣрить ей, даже когда она говоритъ сущую правду?..

„...Моя Нора—совсѣмъ еще дитя. Бездѣлица способна помѣшать ей видѣть болѣе важныя вещи, которыя должны бы были пробудить въ ней гораздо большее вниманіе. Въ вопросахъ гордости и чести, нравственности и справедливости, она—судья прямой, безстрашный; и на раду съ этимъ—въ ней ясно видно полнѣйшее неумѣнье выказать ихъ на дѣлѣ, хотя бы въ видѣ простаго уваженія къ другимъ; самоувѣренность слишкомъ равняетъ ее съ мальчиками „сорванцами“ и рѣшительно вредитъ общему впечатлѣнію...

„...Какая мука! Даже въ мелочахъ, въ самыхъ ничтожныхъ объясненіяхъ нѣтъ у насъ въ разговорѣ полной откровенности и простоты и... прямоты!..

„...Разъ какъ-то утромъ, ей нездоровилось, и она, блѣдная, притихшая, склонилась надъ шитьемъ.

„— Здравствуй, Нора!—проговорилъ я, подходя, и она тотчасъ же приняла свой обычный шаловливый видъ, который казался еще прелестнѣе, еще трогательнѣе на ея поблѣднѣвшемъ лицѣ.

„— Что съ тобой, дорогая! Блѣдность твоя меня огорчаетъ, мнѣ больно на тебя смотрѣть. Лучше бъ ты сердилась, лишь бы не была такой печальной!

„Она улыбнулась и поцѣловала мнѣ руку!—и этотъ знакъ нѣжности и повиновенія, какъ всегда, привелъ меня въ восторгъ...

„...Да, я ревную; я самъ мучаюсь этимъ и мучаю ее. Надо мнѣ быть на-сторожѣ передъ самимъ собою; надо остерегаться быть несправедливымъ.

„Развѣ я мучаю ее съ единственною цѣлью сдѣлать изъ нея

существо умственно и нравственно прекрасное? Нѣтъ, если я къ этому особенно стремлюсь, то лишь вѣдь потому, что она мнѣ принадлежитъ. Развѣ не дивнѣй эгоизмъ съ моей стороны желать, чтобъ она даже нравственно, душевно, была моей неотъемлемой собственностью?.. При мысли, что она можетъ меня бросить — и это даже весьма вѣроятно, при ея ранней молодости, связанной съ такимъ почти старикомъ, какъ я — я чувствую, что во мнѣ просыпается жестокость. Мнѣ кажется, что съ теченіемъ времени даже самая разница въ нашемъ возрастѣ должна естественно насъ разлучить... И эта мысль для меня невыносима! Я бы хотѣлъ начать жизнь снова, вложить ее въ новое существо, которое служило бы между нами связующимъ звеномъ, которое бы принесло успокоеніе намъ обоимъ, ей и мнѣ. Невѣдомыя силы любви и воплощенія! Въ васъ вся моя надежда, все мое упованіе! Вамъ отдаюсь я всей душой... Но, Боже! Чтѣ, если ничто не поможетъ“?..

Съ своей стороны, и Нора не совсѣмъ была спокойна насчетъ мужа.

Онъ ей казался слишкомъ тревожнымъ; она жаловалась, что онъ ее мучаетъ неосуществимыми, недосыгаемыми мечтами. Но эта самая неровность въ любви Гвидо привлекала ее. Нора не была создана для ровнаго, однообразнаго чувства, и оно ей, конечно, наскучило бы еще скорѣе. Теперь уже Гвидо какъ будто подмѣчалъ, что она становилась молчаливой и словно замкнутой въ себѣ; ревность его еще сильнѣе пробуждалась тѣмъ, что на его разспросы о ея душевномъ мирѣ жена отвѣчала ему односложно или даже отмалчивалась вовсе.

„Чтѣ заставляетъ ее такъ молчать? Или у нея, такой еще юной, есть уже тайны, которыхъ она ни за что не хочетъ выдать? Чтѣ она отъ меня скрываетъ?“ — думалъ тревожно Гвидо, не подозрѣвая, до какой степени гордая и, по наружности, независимая Нора уже зависѣла отъ него, покорялась его воззрѣніямъ.

Изъ гордости, ей не хотѣлось дать ему это замѣтить; и вотъ причина, почему Гвидо не могъ постичь, до какой степени была скромна и чиста душой необузданная шалунья, никогда не задумывавшаяся надъ тѣмъ, чтѣ для нея было прилично... Ей иной разъ хотѣлось бы такъ нѣжно, такъ мило сказать ему... и такъ много, много! Но слова замирали у нея на губахъ; какая-то стыдливость, дѣтски-врожденная застѣнчивость удерживала ее съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ она поддавалась тогда, давно, порыву отервенности въ объясненіи съ Гвидо. Чувство ея къ нему было такъ горячо, такъ глубоко и такъ всецѣло овладѣло ея душой и ея

помыслами, что ей было страшно: вдругъ она не сумѣетъ подобрать къ нему подходящихъ выраженій; покажется мужу смѣшной, желающей просто порисоваться... Нѣтъ, нѣтъ! Лучше ужъ молчать, скрывая отъ него самыя лучшія, самыя чистыя движенія своей души, которыми некому было научить ее гордиться и которыхъ она стыдилась.

Какъ-то разъ, Гвидо упрекнулъ жену въ ея странномъ молчаніи.

— Нора! Ты никогда не говоришь со мною о себѣ: я ничего, до сихъ поръ, не знаю о твоёмъ душевномъ мірѣ. Ты, все-таки, не можешь быть моею всецѣло, если мы не живемъ съ тобой душа въ душу. По внѣшности, ты какъ будто близка ко мнѣ, но далека душою и думаешь о чемъ-то постороннемъ даже тогда, когда я тебя обнимаю!.. Ты любить не умѣешь! Ты не хочешь мнѣ вся принадлежать...

XVIII.

Вотъ уже третій годъ, какъ Гвидо женатъ, и за послѣдніе два года онъ самъ нравственно измѣнился.

Въ то время, какъ его жена, его воспитанница Нора, повидимому дѣлается лучше, онъ поддается понемногу тревожному состоянію, которое возбуждаютъ въ немъ былыя неровности въ характерѣ жены.

Бѣдный Гвидо увлекся какимъ-то идеаломъ, о которомъ онъ сталъ мечтать особенно послѣ обращенія Норы. Онъ началъ требовать какого-то полного перерожденія этой женщины-ребенка, и надѣялся этого достигнуть, непрестанно одерживая побѣду надъ ея душевнымъ міромъ.

Еще когда миновалъ первый годъ послѣ свадьбы, Гвидо уже началъ мучиться, что онъ почти старикъ, а Норѣ еще нѣтъ полныхъ двадцати лѣтъ. И вотъ, чтобы разсѣяться самому, чтобъ развлечь свою слишкомъ юную жену, де-Френэ отправляется съ нею путешествовать; знакомить ее съ красотами природы, съ лучшими произведеніями искусства; посѣщаетъ съ нею театры...

Но Гвидо самъ первый началъ чувствовать, что его утомляетъ этотъ непрерывный праздникъ, это передвиженіе съ мѣста на мѣсто, которое для обихъ супруговъ было ихъ настоящимъ брачнымъ путешествіемъ. Де-Френэ начало чудиться, что годы уже берутъ свое, и онъ въ испугѣ, какъ бы ему раньше времени не

поддаться старости и утомленію, уѣхалъ съ молодой женою на покой, въ свое имѣніе.

Однообразна жизнь въ глуши, особенно послѣ столичныхъ развлеченій,—Нора однако не скучаетъ: она ѣздитъ верхомъ, катается, гуляетъ. Все остальное замѣняетъ ей любовь Гвидо, того „новаго“, раздражительнаго и подчасъ сумрачнаго Гвидо, въ котораго обратился ея мужъ въ то время, какъ онъ самъ трудился надъ созданіемъ „новой“ Норы...

Иногда они ѣздятъ навѣстить отца, которому дочь все еще не можетъ позабыть его жестокости и равнодушія, когда онъ заблуждался; но Франсуа Митрѣ, глядя на сумрачныхъ супруговъ, невольно задается тревожнымъ вопросомъ: сдѣлалъ ли онъ свое дитя дѣйствительно счастливымъ?

Гвидо мучаетъ и себя, и Нору. Онъ не можетъ отдѣлаться отъ неотвязныхъ воспоминаній; его терзаютъ сомнѣнія ревности и недовѣрія. Ему живо приходятъ на память всѣ мелочи ея прежнихъ недостатковъ, и онъ съ мучительной тоской спрашиваетъ себя: насколько они могли еще сохраниться въ ней?

— Но я старикъ въ сравненіи съ тобою, — говорятъ онъ женѣ:—за чтѣ ты меня любишь, старика?

Нора не прочь, чтобъ онъ помучился немножко и ее помучилъ; она не мѣшаетъ ему повторяться сколько угодно: это ее развлекаетъ.

— За чтѣ ты меня любишь? — чуть ли не въ сотый разъ спрашиваетъ жену Гвидо.

— Право, не знаю!—отвѣчаетъ Нора какъ-то растерянно и мило, а Гвидо продолжаетъ настаивать на своемъ:

— Ну, да подумай хорошенько...

И она съ дѣтской важностью говоритъ ему уже совершенно серьезно:

— Нѣтъ никакой надобности доискиваться до причины всего на свѣтѣ.

Гвидо смотритъ на нее пытливо, но съ улыбкой.

— А ты больше никогда... не лжешь? Да, никогда?

— Никогда!—отвѣчаетъ она также съ улыбкой.

Но, заглядывая ей въ глаза, Гвидо думаетъ, что все-таки въ глубинѣ ихъ еще таится прежняя лживость и лукавство, и почти грубо восклицаетъ:

— О, я, кажется, готовъ голову тебѣ вскрыть, лишь бы заглянуть въ нее и узнать всю правду!

— Ты не увидѣлъ бы въ ней ничего, Гвидо!—кротко возражаетъ Нора.—Видѣть можно все только глазами любви, а лю-

бовь вся основана на вѣрѣ. Если ты мнѣ больше не довѣряешь, значитъ, ты въ то же время не довѣряешь и самому себѣ. Поддерживай меня, и я никогда не упаду!

Сердце Гвидо сжимается отъ боли: „поддерживай меня“! — это говоритъ она сама:—значитъ же, она чувствуетъ, что нуждается въ поддержкѣ... Боже, какая мука!..

Первое время послѣ свадьбы они оба надѣялись и мечтали, что у нихъ будутъ дѣти; но эта надежда обманула ихъ, хотя Гвидо находилъ себѣ нѣкоторое утѣшеніе въ заботахъ о своей женѣ-ребенкѣ, которую еще надо было воспитать. О, еслибы судьба послала имъ малютку! Какъ бы отрадно было думать, что послѣ смерти мужа Нору будетъ любить и охранять ея дитя!

„Дитя вѣрнѣе, чѣмъ даже ея воспоминанія, ея любовь ко мнѣ, могла бы ей служить надежною защитой отъ всякихъ злыхъ вліяній,—думалъ Гвидо.—Я полюбилъ бы ее еще горячѣе, благодаря нашему ребенку... О, зачѣмъ нѣтъ у насъ дѣтей?“

Но время шло, а его желаніе все не исполнялось.

Въ высокихъ холмахъ Кавалера, въ своемъ уединенномъ замкѣ, и Франсуа Митрѣ, одинокій, горевалъ о томъ, что у него нѣтъ внука...

Мало-по-малу, Гвидо пришелъ, однако, къ твердому убѣжденію, что его жена—ангелъ и не думаетъ ему измѣнять. Онъ вернулся въ Парижъ, и въ его гостиную, къ молодой, прелестной хозяйкѣ, охотно собирается самое избранное и разнообразное общество: люди свѣтскаго, артистическаго и художественнаго круга.

Каждый день де-Френэ ѣздитъ верхомъ съ женою въ Булонскомъ лѣсу.

— Кого мы это встрѣтили сегодня, Нора: кажется, Лувье?—говоритъ мужъ, вернувшись домой.

— Лувье?.. Лувье?—какъ бы стараясь припомнить, отвѣчаетъ Нора.—Имя мнѣ знакомо...

Она прекрасно помнитъ и сейчасъ узнала своего бывшего поклонника въ красивомъ, статномъ всадникѣ, который имъ сегодня повстрѣчался; но какой-то злой духъ, жажда независимости, любопытство, толкаютъ ее притворяться, хотя бы то и не нужно.

Но Гвидо добродушно дается въ обманъ и весело смѣется:

— Вотъ какъ?! Ты могла позабыть, изъ-за кого меня терзала ревность? Ты позабыла, что моимъ мучителемъ былъ одинъ изъ вашихъ гостей, этотъ самый Лувье?

— Ну, знаешь, всё эти господа, въ то время... — и Нора дѣлаетъ рукой жестъ, исполненный равнодушнаго презрѣнія.

Гвидо спокоенъ. Нора задумывается.

Она замѣтила прекрасно, что Эмиль Лувьё ее узналъ; она поняла это по его взгляду, настолько тонкому, что только женщина способна его уловить. Невольно и она на него взглянула, и тотчасъ же сама бы осудила себя за нескромность, еслибы не полное невѣденіе мужа, который своими разспросами доказалъ ей, до чего онъ ненаблюдателенъ, недалководиденъ. Въ этомъ она видитъ непростительную съ его стороны слабость, и не считаетъ грѣхомъ пользоваться тѣмъ обстоятельствомъ, которое дѣлаетъ ее сильнѣе его.

Мысли Лувьё при встрѣчѣ съ Норой не трудно угадать.

— „Де-Френэ разыгралъ изъ себя дурака, женившись на ребенкѣ, который и тогда еще былъ бѣдовою дѣвчонкой! — такъ, или приблизительно такъ, разсуждаетъ онъ. — Бѣдный слѣпецъ! Онъ не подозрѣваетъ, что развязка недалеко... если она еще не совершилась“...

Лувьё нашель, что Нора значительно похорошѣла, и что ея вниманіемъ не слѣдуетъ пренебрегать. Поэтому онъ началъ прилагать всё старанія, чтобы встрѣчаться съ нею ежедневно на прогулѣхъ, но такъ, чтобы только она одна могла его замѣтить. Наконецъ, въ одинъ прекрасный день, онъ дождался: издали, на встрѣчу ему, показалась Нора верхомъ, одна, безъ мужа. Глаза ихъ встрѣтились съ веселой усмѣшкой: каждый, видимо, вспоминалъ въ эту минуту свое давнее знакомство, игры и забавы. Поздоровались они просто, какъ будто разстались наканунѣ.

— Позвольте засвидѣтельствовать вамъ мое почтенье? — изысканно поклонился Лувьё.

— Здравствуйте! — просто отвѣчала Нора, и подала ему руку.

— А я васъ видѣлъ въ оперѣ, недѣлю тому назадъ, — говоритъ онъ, между тѣмъ, непринужденно. Нора почти не слушаетъ его, но невольно проводитъ сравненіе, невыгодное для Гвидо. Этотъ вотъ считаетъ ее себѣ равной; онъ самъ молодъ и не старается импонировать ей своимъ превосходствомъ; а мужъ ни на мигъ не забываетъ своей воспитательской роли, и читаетъ ей нравоченія.

Нора молчитъ, задумавшись; глаза ея широко раскрыты и смотрятъ неопредѣленно вдаль.

— А! въ оперѣ? — говоритъ она разсѣяннo. — Да, я тамъ была.

Эта разсѣянность и односложность, по мнѣнію Лувьё, гораздо

лучше всякаго кокетства; а онъ себя считаетъ знатномъ женскаго сердца.

— До свиданія, до завтра!—говоритъ опять Нора, и ѣдетъ дальше.

Еслибъ ей кто-нибудь сказалъ, что она можетъ въ него влюбиться, она бы разсмѣялась, или бы даже разсердилась. Но, все-таки, лучше не говорить мужу объ этой встрѣчѣ. Онъ самъ, этотъ Луввѣ, ее не привлекаетъ: ее влечетъ къ нему новое развлеченіе, и только! Онъ ей напомнилъ вновь ея былые годы, береговой просторъ, шумъ моря и зелень родныхъ холмовъ. На нее вѣетъ сырмъ, ароматнымъ воздухомъ лѣсовъ и навѣваетъ воспоминанія о далекомъ дѣтствѣ, о любви къ матери и ея кончинѣ, о преданности вѣрнаго Юпитера и его... погибели! Нора волнуется; Нора въ мысляхъ умчалась далеко, въ безбрежную морскую даль, а сама въ это время мчитъ по тѣнистымъ аллеямъ Булонскаго лѣса... Все равно, она хоть въ воображеніи вырвалась на волю, на просторъ!..

На слѣдующій вечеръ Нора, совсѣмъ уже одѣтая, собирается въ оперу и послѣдній разъ смотрится въ зеркало, кой-гдѣ поправляя волосы въ прическѣ. Въ лицѣ Норы нѣтъ ни кровинки; даже ея черные, свергающіе какъ звѣзды, глаза, словно потухли и примолкли, ничего не выражая. Въ ту самую минуту, когда она выбираетъ себѣ браслетъ, мужъ входитъ и, остановившись на порогѣ, любитъ ея. Онъ уже больше не противится ненавистой модѣ и не мѣшаетъ Норѣ носить открытыя платья; даже ему самому пріятно видѣть, до чего совершенны и изящны линіи ея миниатюрной шеи и плечъ, поражающихъ своей дѣтски-чистой нѣжностью и бѣлизною. Гвидо не можетъ оторваться отъ изящной фигурки жены, и мигомъ проносятся въ его воспоминаніи картины минувшихъ лѣтъ его супружеской жизни, его счастья...

— Нора!..—окликаетъ онъ жену, задыхаясь отъ волненія.

— Ахъ, это вы?—равнодушно говоритъ она, даже не улыбаясь въ отвѣтъ на возгласъ, полный ласки. Голосъ у нея ничуть не дрогнулъ, не смягчился. Она ушла въ себя, она далека отъ дѣйствительности. Въ эту минуту между ней и мужемъ легко что-то необъяснимое, чуждое ему, и онъ это почувствовалъ инстинктивно. Ему больно, онъ встревоженъ, но старается не показывать виду.

— Знаешь, Нора, я бы, кажется, охотнѣе остался дома. А тебѣ очень хочется въ двадцатый разъ послушать „Фауста“ сегодня?

— Да, очень!—сухо отвѣчаетъ Нора и, чтобы скрыть свое замѣшательство, похлопываетъ руками по своей пышной юбкѣ.

Холодность жены будитъ ревность Гвидо; любовь снова его терзаетъ и просыпается въ немъ еще горячѣе. Его мучаетъ сомнѣніе: неужели Нора его разлюбила? Возможно ли, чтобы она уже пресытилась своимъ счастьемъ? Можетъ быть, въ ней, какъ въ ласточкѣ, заговорила потребность переменъ и раздолья? Можетъ быть, онъ, самъ того не замѣчая, ей наскучилъ: она, въ сущности, мало видитъ людей, мужъ слишкомъ безотлучно находится при ней... что же мудренаго, если онъ могъ ей надоѣсть?... —думаетъ бѣдный Гвидо.

— А что, Нора, не прокатится ли намъ куда-нибудь подалеже? Какъ тебѣ правится проектъ — забраться на гѣто на Нордкапъ, полюбоваться сіяніемъ полуночнаго солнца? Не правда ли, какъ это было бы интересно?

— Нисколько! — возразила Нора, занятая своимъ платьемъ болѣе, чѣмъ мужемъ.

Гвидо постарался сдержать свое раздраженіе.

— Послушай, Нора: будетъ тебѣ дуться! Отвѣчай мнѣ не такъ холодно и равнодушно; не мучь же меня!

— Ахъ, отстань пожалуйста! — досадливо вырвалось у нея.

— Послушай, Нора: мнѣ вѣдь не до шутокъ! Всѣ твои прежніе капризы были пустяки; но сегодня съ тобою творится что-то такое...

— Боже! Какъ вы мнѣ надоѣли!... — говоритъ Нора, подергивая своими хорошенькими плечами.

Но Гвидо не далъ ей договорить:

— Вы не поѣдете въ оперу сегодня!

— А вотъ увидимъ! — и Нора какъ-то загадочно улыбнулась. Эта улыбка окончательно выводитъ его изъ себя:

— Нора! берегись!

— Послушайте, довольно, наконецъ!

Несчастному почудилось, что у него въ ушахъ звучитъ погребальный звонъ его безавѣтной, супружеской любви. Счастье и жизнь погибли; и она, она сама, — его божество, его Нора, ихъ погубила!... Но на этотъ разъ Нора уступаетъ мужу.

XIX.

Прошло еще два года, — и мужъ попрежнему ревнуетъ ее безпощадно; а она отмалчивается и порой „уходитъ въ себя“, но это не мѣшаетъ имъ все еще любить другъ друга.

Какъ-то разъ, на вечерѣ, кто-то коснулся нечаянно ея платья, проходя мимо. Она оглянулась и—узнала Лувьё. Они бесѣдовали очень долго и разстались, уговорившись видѣться снова.

Де-Френэ и въ голову не приходитъ тревожиться, подозрѣвать жену, и такимъ образомъ время мирно идетъ себѣ впередъ; проходятъ дни, недѣли. Нора уже не разъ встрѣчалась въ Булонскомъ лѣсу и въ театральной залѣ съ Эмилемъ Лувьё; съ нимъ, однако, ей не приходится разговаривать.

И въ этомъ нужды нѣтъ: они и безъ того другъ друга понимаютъ. Онъ молодъ, онъ хорошъ собой, и она чувствуетъ, что ей радостно на него смотрѣть—и только. Но въ глубинѣ души Нора чувствуетъ также затаенную тревогу, и эта-то тревога имѣетъ въ себѣ притягательную силу, съ которой, она сознаетъ, ей тяжело бороться. Нора возмущена чистосердечно, но не въ состояніи противиться.

„О, что за ужасъ чувствовать, что тебѣ надоѣли ласки человѣка, а сердце его, по прежнему, цѣнишь выше всего на свѣтѣ!“—думаетъ Нора—и думаетъ вполнѣ чистосердечно.

Ея внутренняя жизнь какъ бы раздвоилась. Она чтитъ возвышенные идеалы мужа и въ то же время тяготится его дружескимъ отношеніемъ къ ней. Невольно ей въ голову начали приходиться тревожныя мысли и такіе вопросы, которыхъ она ужъ давно не вспоминала.

„Имѣетъ ли старикъ право заѣдать молодость существа, связаннаго съ нимъ? Гвидо уже пожилъ на своемъ вѣку (думаетъ она), а я еще такъ молода, я жить хочу“!..

Но въ душѣ Норы одновременно раздавался и другой голосъ, и чудилось ей, что это нашептываетъ ей ея мать:

„Она жила честно и умерла свято. Ревность погубила моего отца. Какъ же я могу накликать такую бѣду на мужа, который любить меня всей душой“?

Во снѣ и наяву ей, не переставая, слышались эти разногласившіе голоса, и смотря по тому, добро или зло они нашептывали ей, Нора переносилась мысленно то въ свое прошлое, въ свою искалѣченную юность и дѣтскіе годы, то въ позднѣйшее, свѣтлое время, когда ее оберегалъ отъ зла и неустанно училъ добру ея другъ и мужъ.

Какъ въ сновидѣніи, передъ ней являлась мать ея, неосзаемая и воздушная, словно окутанная легкой, бѣлой дымкой, съ тихимъ, блѣднымъ лицомъ, какою она была на смертномъ одрѣ. И неразрывно съ этимъ мимолетнымъ видѣніемъ было связано въ памяти Норы воспоминаніе о ея любимомъ камнѣ—чер-

номъ алмазѣ, напоминавшемъ материнскіе черные, бархатистые глаза...

Нора не долго могла выдерживать такое раздвоеніе души, в самый ничтожный толчокъ рано или поздно долженъ былъ привести ее къ катастрофѣ.

Гвидо, вставъ нѣсколько раньше, утромъ какъ-то постучалъ въ дверь, которая раздѣляла его комнату отъ комнаты жены. Никакого отвѣта!

Онъ стучитъ снова; прислушивается и входитъ. Онъ хочетъ поцѣлуемъ разбудить Нору... Боже! Она холодная, губы — какъ ледь...

Гвидо въ ужасѣ зоветъ людей, торопливо посылаетъ за докторомъ, а самъ отдается горю своему, отчаянію...

Письмо Норы къ мужу, найденное на столѣ, объяснило всю драму, которая разыгрывалась въ душѣ Норы въ самое послѣднее время, чего и не подозрѣвалъ несчастный Гвидо. Смерть оказалась только развязкою этой драмы. „Ты все боялся, — писала Нора, прощаясь навсегда съ мужемъ, — чтобы кто-нибудь изъ насъ не измѣнился; со мною этого больше не случится“...

А. Б—г—

СЕРГѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ СОЛОВЬЕВЪ .

НѢСКОЛЬКО ДАННЫХЪ ДЛЯ ЕГО ХАРАКТЕРИСТИКИ.

Со времени смерти моего отца появилось о немъ нѣсколько превосходныхъ статей, написанныхъ лицами хорошо его знавшими, какъ, напримѣръ, проф. В. И. Герье, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, В. О. Ключевскій. Но эти авторы не имѣли въ рукахъ тѣхъ цѣнныхъ данныхъ, которыя заключаются въ оставшихся послѣ отца неоконченныхъ запискахъ. П. В. Безобразовъ, въ составленномъ имъ „біографическомъ очеркѣ“ (изд. Павленкова), который вполнѣ удовлетворяетъ своему назначенію, могъ лишь отчасти воспользоваться этимъ матеріаломъ. Что касается до напечатанныхъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ (1896 г., февр.—май) извлеченій изъ записокъ¹⁾, то они, въ сожалѣнію, подобраны столь односторонне, что производятъ на знакомаго съ полнымъ текстомъ такое впечатлѣніе—разумѣется, помимо прямого намѣренія издателя—какъ будто имѣлось въ виду огласить, главнымъ образомъ, то, что непріятно для постороннихъ лицъ, пропуская все наиболѣе характерное для самого автора записокъ; а читатели, не знавшіе его лично и незнакомые съ его подлинными записками, получаютъ о немъ совершенно невѣрное представленіе. Необходимое, ради этого обстоятельства, хотя и несвоевременное въ другихъ отношеніяхъ, изданіе

¹⁾ О значеніи этихъ „извлеченій“ и ихъ особенностяхъ см. выше, въ нашей замѣткѣ: „Нотаріальное заявленіе г-на Всеволода Соловьева, по поводу изданія записокъ историка С. М. Соловьева—и отвѣтъ Редакціи“ (май, 440 стр.).—*Ред.*

записокъ въ полномъ видѣ будетъ сдѣлано мною и моимъ младшимъ братомъ; но такъ какъ это можетъ во всякомъ случаѣ потребовать нѣкотораго времени, то я рѣшился теперь же воспользоваться ими (съ полнымъ видѣ), какъ матеріаломъ преимущественно для характеристики духовной индивидуальности ихъ автора. Быть можетъ, кто-нибудь найдетъ, что не подобаетъ сыну говорить въ печати о своемъ отцѣ. Но, во-первыхъ, въ настоящемъ случаѣ я не столько буду говорить объ отцѣ, сколько указывать и резюмировать то, что онъ самъ говорилъ о самомъ себѣ и о своей жизни въ откровенной бесѣдѣ съ своими дѣтьми; а во-вторыхъ, всякій согласится, что, каково бы ни было общее правило, могутъ быть особыя обстоятельства, въ силу которыхъ публичное возстановленіе нравственнаго образа отца не только дозволяется сыну приличіемъ, но и требуется отъ него нравственнымъ долгомъ.

I.

У большинства такихъ людей, какъ авторъ „Записокъ“, главные интересы ихъ жизни опредѣляются еще въ раннемъ возрастѣ, въ формѣ прирожденныхъ стремленій. У него же эти интересы были: религиозный, научный, патриотическій. Ни одинъ изъ нихъ не преобладалъ исключительно, да они и не боролись за преобладаніе въ его душѣ, будучи внутренне между собою связаны, — и потому поддерживая, а не отрицая другъ друга. Занятія русскою исторіею и вызывались и питались любовью къ родинѣ, но самостоятельный научный интересъ въ этихъ занятіяхъ предохранялъ историка отъ патриотической „ревности не по разуму“, отъ увлеченій узкаго и слѣпago націонализма. По его мнѣнію, непременнымъ условіемъ научности должно быть *сравнительное* изученіе однородныхъ явленій; поэтому онъ очень скептически относился къ тѣмъ специалистамъ по русской исторіи, которые, читая свободно только по-русски, не знаютъ ничего, кромѣ своего прямого предмета. Самъ онъ, владѣя (для чтенія) восемью иностранными языками, основательно и всесторонне изучалъ всемірную исторію, а въ видѣ отдыха любилъ читать сочиненія по географіи, этнографіи, языковѣденію и общимъ вопросамъ естествознанія.

Широта научнаго взгляда, просвѣщая и очеловѣчивая патриотическія чувства, оказываетъ такое же благотворное вліяніе и на чувства религиозныя. Глубокая сердечная вѣра у автора „Записокъ“ была совершенно свободна отъ той *напряженности*, которую поверхностный взглядъ принимаетъ за силу. Неповолежимо увѣрен-

ный въ положительныхъ истинахъ христіанства, неизмѣнно и открыто привязанный къ существеннымъ формамъ церковнаго благочестія, онъ никогда не подчеркивалъ своей религіозности, не ставилъ ее ребромъ и нивого не хотѣлъ стѣснять ея. Онъ не навязывалъ своихъ религіозныхъ воззрѣній не только своимъ друзьямъ, но даже роднымъ дѣтямъ. Съ этой стороны, мнѣ самому пришлось оцѣнить его вполне. Будучи съ дѣтства занятъ религіозными предметами, я въ возрастѣ отъ 14 до 18 лѣтъ прошелъ черезъ различныя фазы теоретическаго и практическаго отрицанія. Отецъ это зналъ, такъ какъ я пересталъ ходить съ нимъ въ церковь. Но онъ ни однимъ словомъ не оказалъ на меня прямого воздѣйствія, ограничиваясь лишь изрѣдка легкими насмѣшками надъ различными *измами* и надъ моими тогдашними божками въ родѣ Ренана. Заставши меня однажды надъ запрещенною книгою этого писателя, онъ сказалъ только: „если уже хочешь читать въ этомъ направленіи, то взьмь бы что-нибудь лучше, напримѣръ—Жозефа Сальвадора; этотъ еврей куда сильнѣе твоего краснбая съ фальшивыми цитатами“. И однако тутъ вовсе не было равнодушія: вскорѣ послѣ этого одинъ случайный разговоръ, взволновавшій отца до слезъ, показалъ мнѣ, до какой степени огорчало его мое скороспѣлое невѣріе, хотя, конечно, онъ догадывался, что это только болѣзнь роста. Но своимъ отношеніемъ ко мнѣ въ этомъ случаѣ онъ далъ мнѣ почувствовать религію какъ нравственную силу, и это, конечно, было дѣйствительно всѣхъ обличеній и наставленій.

II.

Главные духовные интересы у автора „Записокъ“, опредѣлившіе общее направленіе его жизни и дѣятельности, проявились, какъ я сказалъ, съ ранняго возраста. Ихъ укрѣпленію способствовали благоприятныя условія его воспитанія въ дѣтствѣ, особенно вліяніе превосходной няни Марьюшки. Вотъ какъ онъ самъ рассказываетъ въ своихъ „Запискахъ“ о первоначальной порѣ своей жизни,—этимъ рассказомъ и начинаются „Записки для дѣтей моихъ, а если можно, и для другихъ“, съ эпиграфомъ: „Въ трудахъ отъ юности моя“.

„5-го мая 1820 года, въ одиннадцать часовъ пополудни, наканунѣ Вознесенія, у священника московскаго коммерческаго училища родился сынъ Сергѣй—слабый, хворый недоносокъ, который цѣлую недѣлю не открывалъ глазъ и не кричалъ. Помню я тѣс-

ную, плохо меблированную квартиру отца моего, въ нижнемъ этажѣ, выходившую на большой дворъ училища, гдѣ въ послѣ-обѣденное время и вечеромъ гуляли воспитанники. Самыми близкими и любимыми существами для меня въ раннемъ дѣтствѣ были—старая бабушка и нянька. Послѣдняя, думаю, имѣла не малое вліяніе на образованіе моего характера. Эта женщина (т.-е. старая дѣвушка), сколько я помню самъ и какъ мнѣ рассказывали другіе, обладала прекраснымъ, чистымъ характеромъ: она была сильно набожна, но эта набожность не придавала ея характеру ничего суроваго; она сохраняла постоянно общительность, веселость, желаніе занять, повеселить другихъ, большихъ и малыхъ. Нѣсколько разъ, не менѣе трехъ, путешествовала она въ Соловецкій монастырь и столько же разъ въ Кіевъ, и рассказы объ этихъ путешествіяхъ составляли для меня высочайшее наслажденіе; если я и родился съ склонностью къ занятіямъ историческимъ и географическимъ, то постоянные рассказы старой няни о своихъ хожденіяхъ, о любопытныхъ дальнихъ мѣстахъ, о любопытныхъ приключеніяхъ, не могли не развить врожденной въ ребенкѣ склонности. Какъ теперь я помню эти вечера въ нашей тѣсной дѣтской: около большого стола садился я на своемъ дѣтскомъ стулѣ, двѣ сестры, которыя обѣ были старше меня, —одна тремя, а другая шестью годами,—старая бабушка съ чулкомъ въ рукахъ и нянька-рассказчица также съ чулкомъ и въ удивительныхъ очкахъ, которыя держались на носу только. Небольшая, худощавая старушка, съ очень пріятнымъ, выразительнымъ лицомъ (а тогда для меня просто прелестнымъ), съ добродушно-насмѣшливою улыбкою, безъ умолку рассказывала о странствованіяхъ своихъ вдоль по Великой и Малой Россіи. Я упомянулъ о веселомъ характерѣ старушки, о ея добродушно-насмѣшливой улыбкѣ: и въ рассказахъ своихъ она также любила шутивый тонъ, была мастерица рассказывать забавныя приключенія, и даже въ приключеніяхъ вовсе незабавныхъ умѣла подмѣчать забавную сторону. Такъ, на примѣръ, я очень хорошо помню рассказъ ея о бурѣ, которую вытерпѣло судно съ богомольцами въ устьяхъ Сѣверной Двины,—приключеніе нисколько не забавное, и несмотря на то, рассказъ этотъ обыкновенно повторялся, когда молодой компаніи хотѣлось посмѣяться, потому что рассказчица необыкновенно живо и комично представляла отчаяніе одного портного, который метался изъ одного угла судна въ другой, крича: „О, андель-хранитель“!

„А между тѣмъ судьба моей рассказчицы вовсе не была весела. Родилась она въ тульской губерніи, въ помѣщичьей де-

ревнѣ. Однажды, когда отецъ и мать ея были въ полѣ, и она, маленькая дѣвочка, оставалась одна въ избѣ, приходитъ приказчикъ и съ нимъ какіе-то незнакомые люди: то были купцы, которымъ была запродаана дѣвочка; несчастную взяли и повезли изъ деревни, не давши проститься ни съ отцомъ, ни съ матерью. Потомъ ее перепродали въ астраханскую губернію, въ Черный-Яръ, къ купцу. Разказы объ этой дальней сторонѣ, которой природа такъ рѣзко отлична отъ нашей, о Волгѣ, о рыбной ловлѣ, большихъ фруктовыхъ садахъ, о калмыкахъ и киргизахъ, о похищеніи послѣдними русскихъ людей, объ ихъ страданіяхъ въ неволѣ и бѣгствѣ—также сильно меня занимали. Занимали и разказы о собственной судьбѣ разказчицы, о сильныхъ гоненіяхъ, которыя она претерпѣвала отъ хозяйскаго сына; я не могъ понимать причины гоненій, потому что на вопросы получалъ одинъ отвѣтъ:—*да так!* И сынъ черновярскаго купца представлялся мнѣ сказочнымъ злодѣемъ, который дѣлаетъ зло для зла. Я уже послѣ угадалъ причину гоненій, когда угадалъ, за что жена Пентефрія такъ сильно разсердилась на Иосифа.

„Но старый купецъ съ женою иначе смотрѣли на свою рабу и по прошествіи извѣстнаго срока отпустили ее на волю за усердную службу. Ей захотѣлось возвратиться на родину, но какъ это сдѣлать?—у нея была отпускная, но не было денегъ, и вотъ она пошла въ кабалу къ купцамъ, отправившимся съ товарами въ Москву, т.-е. тѣ обязались доставить ее на родину съ тѣмъ, чтобъ она послѣ заслужила у нихъ деньги, сколько стоилъ провозъ. Трогательнъ былъ разказъ о свиданіи ея съ матерью, съ которою она должна была скоро опять разлучиться и переселиться въ Москву, гдѣ стала нанматься въ услуженіе.

„Я упомянулъ объ умственномъ вліяніи разказовъ моей няньки, но я не могу не признать и религіозно-нравственнаго вліянія; бывало, начнетъ она разказывать о какомъ-нибудь страшномъ приключеніи съ нею на дорогѣ, о бурѣ на морѣ, о встрѣчѣ съ подозрительными людьми, я въ сильномъ волненіи спрашиваю ее: „И ты это не испугалась, Марьюшка?“—и получаю постоянно въ отвѣтъ:—„А Богъ-то, батюшка?“ Если я и родился съ религіознымъ чувствомъ, если въ трудныхъ обстоятельствахъ моей жизни меня поддерживаетъ постоянно надежда на Высшую Силу, то думаю, что не имѣю права отвергать и вліянія нянькиныхъ словъ:—„А Богъ-то“!

„Отходиши меня, Марья-нянька (такъ ее называли въ домѣ) жила нѣсколько времени въ Москвѣ уже не въ услуженіи, а собственнымъ хозяйствомъ, и вдругъ собралась въ дальній путь,

въ старый Иерусалимъ. Изъ Одессы мы получили отъ нея письмо, въ которомъ она увѣдомляла, что садится на корабль. Послѣ возвратившіяся богомолки сказывали, что видѣли ее на Аѳонской горѣ—и то была послѣдняя вѣсть.

„Я распространился о старой нянькѣ своей, потому что вліяніе ея на образованіе моего характера считаю довольно сильнымъ, и потому еще, что послѣ я не встрѣчалъ подобной няньки, не могъ я найти для своихъ дѣтей няньки, хотя сколько-нибудь похожей на мою Марьюшку. Теперь перейду къ другимъ вліяніямъ, которыя начали дѣйствовать, когда уже я сталъ выростать. Важное вліяніе на образованіе моего характера оказала тихая, скромная жизнь въ домѣ отцовскомъ, отсутствіе всякихъ дѣтскихъ развлеченій; сестры мои, какъ я уже сказалъ, были гораздо старше меня, ихъ скоро отдали въ пансіонъ, и я по цѣлымъ днямъ оставался совершенно одинъ; вотъ почему, когда я выучился читать, то съ жадностью бросился на книги, которыя и составляли мое главное развлеченіе и наслажденіе. Восьми лѣтъ записали меня въ духовное училище съ правомъ оставаться дома и являться только на экзамены; самъ отецъ училъ меня дома Закону Божию, латинскому и греческому языкамъ; для другихъ же предметовъ я посѣщалъ классы коммерческаго училища. Въ послѣднемъ учили плохо, но зато я получилъ больше средствъ получать книги и предаваться моей страсти къ чтенію“...

III.

Говоря о своемъ первоначальномъ чтеніи, авторъ „Записокъ“ совсѣмъ не упоминаетъ о дѣтскихъ книгахъ,—спеціальная литература для дѣтей въ то время у насъ едва зарождалась и, по видимому, вовсе не проникала въ ту среду, гдѣ воспитывался отецъ. Это отсутствіе преднамѣренно-приспособленнаго чтенія и искусственныхъ педагогическихъ воздѣйствій, при даровитой натурѣ, вызывало, конечно, раннее умственное развитіе. Бросившись на книги, будущій историкъ читалъ сначала безъ разбора все, что попадалось подъ руки—болшею частью романы, оригинальные и переводные. Это чтеніе, по его словамъ, было вредно, такъ какъ распаяло воображеніе ребенка. Такой вредъ, однако, не могъ быть значительнымъ.

„Очень скоро,—продолжаетъ онъ,—врожденная склонность взяла верхъ: между книгами отцовскими я нашелъ всеобщую исторію Бассалаева, и эта книга стала моею любимцею: я съ

нею не разставался, прочелъ ее отъ доски до доски безконечное число разъ; особенно прельстила меня римская исторія. Велико было мое наслажденіе, когда послѣ краткой исторіи Бассалаева я досталъ довольно подробную исторію аббата Милога, нѣсколько разъ перечелъ и эту, и теперь еще помню изъ нея цѣлыя выраженія. Единоновременно, кажется, съ Милогомъ попала мнѣ въ руки и исторія Карамзина: до тринадцати лѣтъ, т.-е. до поступленія моего въ гимназію, я прочелъ ее не менѣ двѣнадцати разъ, разумѣется, безъ примѣчаній, но нѣкоторые томы любилъ я читать особенно; самые любимые томы были—шестой: княженіе Іоанна III, и осьмой—первая половина царствованія Грознаго; здѣсь дѣйствовалъ во мнѣ отроческій патріотизмъ: любилъ я особенно времена счастливыя, славныя для Россіи; взявши, бывало, девятый томъ, я нѣхота читаю первыя главы и стремлюсь къ любимой страницѣ, гдѣ на-полѣ стоитъ: „Славная осада Пскова“. Живо помню, какъ я ненавидѣлъ Баторія, по цѣлымъ днямъ мечталъ я:—а что еслибъ вдругъ самъ царь Иванъ принялъ начальство надъ войскомъ, и разбилъ бы Баторія, взялъ бы опять и Полоцкъ, и Ливонію? Представлялось живо, съ какимъ торжествомъ Иванъ въѣзжаетъ въ Москву, везя плѣннаго Баторія. Мечталось мнѣ и то:—а что если по какому-нибудь счастливому случаю отыщутъ продолженіе исторіи Карамзина! Двѣнадцатый томъ мнѣ не очень нравился, именно потому, что въ немъ описываются одни бѣдствія Россіи, и какъ нарочно авторъ остановился тамъ, гдѣ долженъ начаться счастливый поворотъ событій. вмѣстѣ съ книгами историческими, любимымъ чтеніемъ моимъ были и путешествія. Нѣсколько разъ прочелъ я многотомную „Исторію о странствіяхъ вообще“, также „Всемирнаго путешественника“.

„Таковы были мои занятія до тринадцати лѣтъ; я уже сказалъ, что въ коммерческомъ училищѣ учили плохо;—учителя были допотопные. Дома отецъ мой не имѣлъ времени заниматься со мною постоянно; давши мнѣ въ руки латинскую и греческую грамматику, онъ часто по нѣскольку недѣль не требовалъ отъ меня отчета въ томъ, что я изъ нея выучилъ; но какая же охота была долбить: απο, αμας, αματ, и τὸττω, τὸττες, τὸττες—мальчику, который постоянно или защищалъ Псковъ отъ Баторія, или вмѣстѣ съ Муціемъ Сцеволомъ влялъ руку на уголья, или съ Колумбомъ открывалъ Америку? Обыкновенно, каждый день по нѣскольку часовъ я держалъ передъ собою латинскую грамматику, но внутри ея лежала другая книжка поменьше, обыкновенно какой-нибудь романъ. Отъ этого происходило, что

когда отецъ вдругъ начнетъ меня спрашивать, или задасть задачу, т.-е. переводъ съ русскаго на латинскій, или греческій, то я отвѣчалъ плохо, и въ задачахъ моихъ „аористы“ сильно страдали. То же самое случалось и на экзаменахъ въ духовномъ уѣздномъ училищѣ, которое помѣщалось въ Петровскомъ монастырѣ. Поездки на эти экзамены были самыми бѣдственными событіями въ моей отроческой жизни, ибо кромѣ того, что на экзаменахъ я большею частію отвѣчалъ неудовлетворительно, что огорчало моего отца, — самое училище возбуждало во мнѣ сильное отвращеніе по страшной неопрятности, бѣдному, сальному виду учениковъ и учителей, особенно по грубости, звѣрству послѣднихъ; помню, какое страшное впечатлѣніе на меня, нервнаго, раздражительнаго мальчика, произвелъ поступокъ одного тамошняго учителя: одинъ изъ учениковъ сдѣлалъ какую-то вовсе незначительную шалость, — учитель подошелъ, вырвалъ у него цѣлый клокъ волосъ и положилъ ихъ передъ нимъ на столъ. Я чуть-чуть не упалъ въ обморокъ отъ этого проказскаго поступка“...

IV.

Съ воспоминаніями дѣтства авторъ связываетъ въ своихъ „Запискахъ“ довольно обширное разсужденіе о состояніи духовенства бѣлаго и чернаго въ ту эпоху, къ которой относятся начало самыхъ записокъ. Въ этомъ разсужденіи многое имѣетъ не только историческій интересъ, но важно и для характеристики писавшаго, именно со стороны его религіозной точки зрѣнія, — его просвѣщеннаго православія, свободнаго отъ всякаго ханжества и идолослуженія, отъ всякаго преклоненія передъ преходящими историческими формами, человѣческими оболочками божественныхъ вещей. Отзывы историка объ отношеніяхъ и лицахъ того — нынѣ уже весьма отдаленнаго — времени могутъ показаться слишкомъ рѣзкими и односторонними, но это впечатлѣніе рѣшительно измѣнится, если мы сравнимъ ихъ съ другими, уже появившимися въ нашей печати свидѣтельствами такихъ компетентныхъ лицъ, какъ, напр., бывшаго профессора московской духовной академіи Н. П. Гилярова-Платонова, или покойнаго архіепископа одесскаго и херсонскаго Никанора (въ „Русскомъ Обзорѣніи“). Поэтому нельзя не передать въ существенныхъ чертахъ того, что авторъ говоритъ о тогдашнемъ положеніи сословія, въ которому онъ принадлежалъ по своему рожденію, и о нѣкоторыхъ его представителяхъ въ тѣ времена.

До Петра Великаго,—замѣчаетъ онъ,—общественное значеніе духовенства основывалось на томъ, что это было сословіе по преимуществу образованное, книжное. Когда реформа создала у насъ образованность свѣтскую, шьолу и литературу, независимую отъ духовенства,—это сословіе потеряло свое прежнее преимущество, не получивши новыхъ. Бѣдное, матеріально-зависимое, съ одностороннимъ, устарѣлымъ образованіемъ и особымъ „семинарскимъ“ языкомъ, духовенство превратилось въ сословіе низшее, отчужденное отъ таеъ-называемаго „хорошаго общества“.

Бѣдственное состояніе русскаго духовенства,—объясняетъ далѣе авторъ „Записокъ“,—увеличивалось еще болѣе раздѣленіемъ его на бѣлое и черное,—на черное, господствующее, и бѣлое—подчиненное... Явленіе, только дозволенное въ древней церкви, превратилось въ обыкновеніе, наконецъ, въ законъ, по которому высшее духовенство непремѣнно должно быть изъ чернаго духовенства,—монаховъ. И вотъ, сынъ дьячка какого-нибудь хорошо учится въ семинаріи,—ближайшее начальство начинаетъ поставлять ему на видъ, что ему выгоднѣе постричься въ монахи и достигнуть высокаго сана, чѣмъ быть простымъ священнослужителемъ,—и вотъ, онъ съ этою цѣлью, а не по внутреннимъ нравственнымъ побужденіямъ, постригается въ монахи, становится архимандритомъ, ректоромъ семинаріи или академіи и т. д. Положеніе начальника и властителя въ монашескомъ одѣяніи представляется автору „Записокъ“ нравственно-опаснымъ въ высшей степени. Свѣтскіе начальники все еще имѣютъ болѣе широкое образованіе, все еще боятся какого-то общественнаго мнѣнія, все еще находятъ ограниченіе въ разныхъ связяхъ и отношеніяхъ общественныхъ; тогда какъ высшее духовное лицо, въ своемъ замѣнутомъ кругу, гдѣ остается, не встрѣчаетъ ни малѣйшаго ограниченія, оттуда не раздастся никакой голосъ, вопіющій о справедливости, о защитѣ... Сынъ дьячка, получившій самое грубое воспитаніе, не освободившійся отъ этой грубости нисколько въ семинаріи, пошедшій въ монахи безъ нравственнаго побужденія, и изъ одного честолюбія ставшій наконецъ повелителемъ изъ раба—онъ не знаетъ мѣры своей власти... Такое положеніе объясняется не только вышешложеннымъ состояніемъ бѣлаго духовенства, но также воспитаніемъ въ семинаріяхъ, гдѣ жестокость и деспотизмъ въ обращеніи учителей и начальниковъ съ учениками были тогда доведены до крайности; чтобы быть хорошимъ ученикомъ, мало было хорошо учиться и вести себя нравственно, надобно было превратиться въ столпъ одушевленный, котораго одушевленіе выражалось бы постояннымъ поклоненіемъ предъ монахомъ—инспек-

торомъ и ректоромъ, уже не говоря о высшихъ. И вотъ, юноша, имѣющій особенную склонность къ поклоненію, хотя бы и не такъ хорошо учился и не такъ отлично велъ себя, идетъ впередъ, постригается въ монахи и скоро становится начальникомъ товарищей своихъ, и легко догадаться, какъ онъ начальствуетъ!... Выше уже объяснено по какимъ побужденіямъ произносить такой юноша обѣты монашескіе: онъ пошелъ въ монахи не для того, чтобы бороться со страстями и подавлять ихъ, а напротивъ, для удовлетворенія одной изъ самыхъ иссушающихъ человѣка страстей — честолюбія. Авторъ записокъ замѣчаетъ еще, что тѣ ученые монахи, которые подпадали человѣческимъ слабостямъ, были, вообще говоря, лучше: они мягче относительно другихъ, относительно подчиненныхъ. Гораздо хуже были тѣ, которые вѣдерживали себя, надѣвали личину святости; слабости мірскія остаются не удовлетворенныя, но и не обузданныя христіанскими нравственными началами, христіанскимъ подвижничествомъ. Душа невольнаго инока ищетъ удовлетворенія другимъ слабостямъ, удовлетворенія приличнаго и безнаказаннаго въ мірѣ семъ; — отсюда необузданное честолюбіе, зависть, страшное высокомеріе, требованіе бесполезнаго рабства и униженія отъ подчиненныхъ, ничѣмъ несдерживаемая запальчивость относительно послѣднихъ. „Разумѣется, — говоритъ авторъ — были исключенія; но я говорю не объ исключеніяхъ“...

V.

Эти общія указанія подтверждаются у автора конкретными историческими примѣрами. Приведа нѣкоторыя черты изъ жизни митрополита Платона и архіепископа Августина, и рассказавъ исторію митрополита Серафима, который случайнымъ образомъ пошелъ въ монахи, но, впрочемъ, оказался „добрымъ, очень сноснымъ архіереемъ“, авторъ „Записокъ“ переходитъ къ болѣе подробной характеристикѣ знаменитаго Филарета московскаго. Достоинства и заслуги этого святителя слишкомъ извѣстны, и распространяться о нихъ въ интимныхъ запискахъ ему не было никакой надобности. Вполнѣ признавая блестящія дарованія и безупречно-монашескій образъ жизни Филарета, авторъ останавливается преимущественно на отрицательной сторонѣ этого характера, отмѣченной и другими писателями.

„Принадлежа, безспорно, — говоритъ онъ, — къ числу даровитѣйшихъ людей своего времени, Филаретъ шелъ необыкновенно быстро, поддерживаемый масонскою партією, къ которой принад-

лежалъ, и особенно другомъ своимъ княземъ Алекс. Никол. Голицынымъ. Отъ природы ли получилъ онъ горячую голову и холодное сердце, или вслѣдствіе положенія его, вслѣдствіе отсутствія сердечныхъ отношеній, внутренняя теплота постоянно отливала у него отъ сердца въ головѣ—только этотъ человѣкъ для коротко знавшихъ и наблюдавшихъ его представлялъ печальное явленіе. Рожденный быть министромъ, онъ попалъ въ архіереи. Еслибы онъ попалъ въ латинскіе прелаты, то онъ нашелъ бы себѣ дѣятельность“...

Филаретъ шелъ шибко, — объясняетъ далѣе авторъ—когда былъ угоденъ начальству, и былъ удаленъ, когда замѣтили въ немъ попытку служить себѣ или своему сословію. Онъ долженъ былъ перестать ѣздить въ Петербургъ для присутствія въ св. синодѣ, гдѣ „шпоры оберъ-прокурора, гусарскаго офицера, графа Протасова, зацѣплялись за его рясу“. По смерти Серафима, Филарета оставили въ Москвѣ, а въ Петербургъ, т.-е. въ первоприсутствующіе члены синода, взяли съ юга Антонія, человѣка незначительнаго, послѣ Антонія—Ниванора изъ Варшавы, столь же незначительнаго, сравнительно съ Филаретомъ. Сначала было думали, что Филаретъ станетъ явно въ оппозицію; нѣкоторые проповѣди показывали дѣйствительно въ немъ это направленіе, но это было минутное выраженіе досады оскорбленнаго честолюбія; Филаретъ не могъ свыкнуться съ мыслью жить внѣ благосклонности начальства, архіереемъ опальнымъ, ибо опала эта уменьшила бы его значеніе; онъ сталъ угождать, и достигъ знаковъ благоволенія... Какъ сказано уже, у этого человѣка „была горячая голова и холодное сердце“, и это рѣзко выразилось въ его проповѣдяхъ: „искусство необыкновенное, языкъ несравненный, но холодно, нѣтъ ничего, чтѣ бы обращалось въ сердцу, говорило ему“... Такой характеръ при дарованіяхъ самыхъ блестящихъ представилъ въ Филаретѣ особое явленіе... „Сохрани Боже, если свѣтское лицо скажетъ что-нибудь прекрасное относительно религіи и церкви; сохрани Боже, если кто-нибудь изъ духовныхъ, помимо его, скажетъ что-нибудь прекрасное,—онъ оскорбленъ. Талантъ находилъ въ немъ постояннаго гонителя; выдвигалъ, выводилъ въ люди онъ постоянно людей посредственныхъ, которые унижались передъ нимъ. Это униженіе любилъ онъ болѣе всего, и ни одинъ архіерей не могъ соперничать съ нимъ въ этой любви; ни въ одной русской епархіи раболѣпство низшаго духовенства не было доведено до такой степени, какъ въ московской во время управленія Филарета. Онъ не зналъ мѣры въ выраженіяхъ своего гнѣва на бѣднаго, трепещущаго священника или

дьякона при самомъ ничтожномъ проступкѣ, при какомъ-нибудь неосторожномъ, неловкомъ движеніи... И не должно думать, чтобы здѣсь была излишняя строгость, излишнія требованія отъ подчиненныхъ благочинія и нравственности. Троицкая лавра, подчиненная ему непосредственно, доказывала противное... „Филаретъ требовалъ одного, чтобы всѣ клали поклоны ему, и въ этомъ полагалъ величайшую нравственность“...

Подъ особымъ гнетомъ находилась духовная академія московская и семинарія. „Преподаватели даровитые здѣсь были мучениками, какихъ намъ не представляетъ еще исторія человѣческихъ мученій. Филаретъ по каплѣ выжималъ изъ нихъ, изъ ихъ лекцій, изъ ихъ сочиненій всякую жизнь, всякую живую мысль, пока наконецъ... не превращалъ человѣка въ мумію. Такую мумію сдѣлалъ онъ изъ Горсваго, одного изъ самыхъ даровитыхъ и ученѣйшихъ между профессорами духовной академіи ¹⁾. Появится живая мысль у профессора въ преподаваніи, въ сочиненіи, Филаретъ вырываетъ ее, и чтобы отнять въ преподавателѣ охоту къ дальнѣйшему выраженію такихъ мыслей, публично позорить его на экзаменѣ: — „Это что за нелѣпость!“ — кричитъ онъ ему. Тотъ кланяется... Филаретъ не скрывалъ своего сочувствія къ іезуитамъ, говорилъ въ академіи: „какъ жаль, что столько талантовъ, учености, трудолюбія, самоотверженія, благонамѣренности, употреблено на поддержаніе папскихъ заблужденій“!... Поданный имъ проектъ учрежденія миссіонерскихъ училищъ соотвѣтствовалъ такимъ симпатіямъ: императора Николая оскорбилъ этотъ проектъ, и онъ отвергнулъ его. „Въ академической библіотекѣ сохранялась книга о раскольникахъ, драгоценная по собственно-ручнымъ замѣчаніямъ митрополита Платона, слѣдующаго содержанія: — Споръ съ раскольниками невозможенъ, ибо для успешнаго окончанія всякаго спора необходимо, чтобы спорящіе признавали одно начало. Такъ, въ религіозномъ спорѣ необходимо, чтобы обѣ стороны признавали одинъ авторитетъ — священное писаніе; но невѣжественный раскольникъ одинаковую важность съ Евангеліемъ придаетъ и твореніямъ отцовъ, часто ошибавшихся, и приговорамъ соборовъ, также часто ошибочнымъ, жи-

¹⁾ Въ одинъ изъ послѣднихъ годовъ жизни А. В. Горсваго, я былъ съ нимъ близокъ въ качествѣ вольнаго слушателя московской духовной академіи, гдѣ онъ былъ ректоромъ. При необъятной учености, ясномъ пониманіи труднѣйшихъ вопросовъ и необыкновенной сердечной добротѣ, этотъ превосходный старецъ носилъ на себѣ печальные слѣды духовнаго гнета — въ крайней робости ума и малолюдности мысли сравнительно съ его блестящими дарованіями: онъ все понималъ, но боялся всякаго оригинальнаго взгляда, всякаго *непринятаго* рѣшенія. — Вл. С.

тіямъ святыхъ и разнымъ повѣстямъ нелѣпнымъ. Просвѣщенный богословъ опровергать его не можетъ уже и потому, что боится оскорбить и своихъ слабыхъ, благоговѣющихъ предъ всѣми этими авторитетами: и потому молчи, просвѣщенный богословъ, и ври, невѣжественный раскольникъ! — Филарету показали эту книгу; онъ взялъ ее къ себѣ и возвратилъ ее въ другомъ видѣ: строки, написанныя Платономъ, уже были уничтожены: „Зачѣмъ,—сказалъ онъ при этомъ,—позорить память такого знаменитаго пастыря“¹⁾. Какой-то невѣжда написалъ книгу противъ раскольниковъ, гдѣ мнѣніе папы Иннокентія III приписалъ Иннокентію I, другу Іоанна Златоустаго, а другой невѣжда поставилъ обоихъ Иннокентіевъ и приписалъ имъ одно и то же мнѣніе. Книга проходила чрезъ академическую цензуру; профессора представили ее Филарету съ указаніемъ явной нелѣпности: „Пропустить,—отвѣчалъ Филаретъ:—это можетъ принести пользу“. Однажды Филаретъ выразилъ желаніе, чтобъ кто-нибудь занялся опроверженіемъ Сведенборга, имѣющаго читателей и почитателей. Одинъ ученый занялся дѣломъ и представилъ ректору изложеніе ученія Сведенборга и опроверженіе. Первая часть, изложеніе ученія, ужаснула ректора: „Какъ можно такъ писать! Сведенборгъ выходитъ у васъ очень уменъ“. И давай вычеркивать изъ сочиненія все то, что могло выставить Сведенборга въ сколько-нибудь выгодномъ свѣтѣ; ревность отца-ректора дошла до того, что, встрѣтивъ извѣстіе: въ одной гостинницѣ Сведенборгъ имѣлъ видѣніе, онъ зачеркнулъ „гостинница“ и написалъ: *кабакъ*. Въ этомъ исправленномъ видѣ сочиненіе было представлено Филарету; но тотъ нашель, что и тутъ оно представляетъ Сведенборга въ выгодномъ свѣтѣ, и еще перемаралъ, такъ что когда ректоръ послѣ этого опять началъ читать статью, то съ самодовольнымъ смѣхомъ повторялъ: „Какой этотъ Сведенборгъ былъ дуракъ“!

„Въ такомъ печальномъ состояніи,—продолжаетъ авторъ „Записокъ“,—находилось русское духовенство, когда я началъ понимать. Но скоро я могъ уже замѣтить мерцаніе свѣта, обѣщавшее выходъ изъ этого страшнаго положенія,—и то направленіе, которымъ шла Россія въ продолженіе 150 лѣтъ, взяло наконецъ свое: просвѣщеніе, начавшее наконецъ смягчать нравы, распространять лучшія понятія въ русскомъ обществѣ, проникло съ этимъ благотѣльнымъ вліяніемъ своимъ и въ семинаріи,

¹⁾ Этотъ случай былъ подробнѣе разсказанъ Н. П. Гиляровымъ-Платоновымъ въ „Руси“ Аксакова. См. мою замѣтку „О самочинномъ умствованіи“ („Вѣстн. Европы“, 1892, дек., 863 стр.).—Вл. С.

и въ духовенство. Русскій человѣкъ любитъ читать — это искони было залогомъ его прогресса; читали и читали усердно семинаристы и духовенство, оглянулись на самихъ себя при новомъ свѣтѣ; ...началось распространяться недовольство своимъ воспитаніемъ, условіями своего быта, и это былъ уже огромный шагъ; начали отряхаться, обчищаться извнѣ, но съ этимъ вмѣстѣ шло, хотя понемногу, и внутреннее очищеніе; особенно большое вліяніе оказала здѣсь, какъ и на все русское общество, печать; при сравненіи нѣсколькихъ поволовнѣй священниковъ, старыхъ, среднихъ, новыхъ, легко было увидать разницу въ пользу послѣднихъ. Здѣсь Петербургъ пошелъ впередъ: въ этомъ городѣ изначала было больше внѣшней чистоты, которая всегда имѣетъ вліяніе на внутреннюю, если не употреблена во зло, не доведена до односторонности. Во всей Россіи вообще, и въ Петербургѣ въ особенности, преобладало стремленіе къ одной форменности; не могло не отразиться это и на духовенствѣ; съ другой стороны, въ началѣ духовенство, особенно въ Петербургѣ, познакомившись ближе съ наукою, ударило въ протестантизмъ, потомъ въ рационализмъ. По этому явилось противодѣйствіе: религіозная потребность начала усиливаться; въ XVIII вѣкѣ смотрѣли на религію съ презрѣніемъ и не могли не радоваться унижительному состоянію служителей религіи; въ XIX вѣкѣ направленіе измѣнилось; волею-неволею должны были уступить религіи высокое, высочайшее мѣсто; обнаружилось стремленіе къ самопознанію, начались толки о старинѣ русской, въ которой церковь играла такую важную роль; съ желаніемъ поднять русскую старину, русскую народность, необходимо соединилось желаніе поднять русскую церковь, православіе, какъ главную отличительную черту этой народности; люди невѣрующіе во Христа начали толковать о превосходствѣ православія надъ другими исповѣданіями христіанскими. Все это необходимо должно было содѣйствовать къ очищенію духовенства, и признаки этого очищенія, какъ уже сказано, показались въ половинѣ XIX вѣка, конечно признаки не очень рѣзкіе, слабое мерцаніе свѣта, который не могъ свѣтить ярко, благодаря тяжести атмосферы повсюду въ Россіи; но все начинается съ небольшого, не вдругъ“...

VI.

Отъ внѣшняго положенія православнаго духовенства въ его время авторъ „Записокъ“ переходитъ къ общему историческому значенію православія для Россіи. Собственно-религіозныя, таин-

ственные и богослужебныя формы православія, также какъ и его догматы, онъ всегда признавалъ безусловно и въ теоріи, и въ своей личной жизни. Въ „Запискахъ“ онъ высказываетъ только свое мнѣніе объ историческомъ воздѣйствіи православія на наше отечество. Это мнѣніе, во многомъ вѣрное, можетъ, конечно, подлежать нѣкоторымъ оговоркамъ и ограниченіямъ; но такъ какъ задача настоящаго очерка есть характеристика, а не критическая оцѣнка, то намъ достаточно будетъ привести подлинныя слова автора „Записокъ“ объ этомъ предметѣ“, напоминая еще разъ, что дѣло идетъ только объ исторической, чисто-человѣческой сторонѣ православнаго христіанства.

„Признавая важное значеніе православія въ русской исторіи, мы не назовемъ однако вліянія этого византійскаго исповѣданія безусловно благодѣтельнымъ; вмѣстѣ съ этимъ впрочемъ, глядясь внимательно и въ прошедшее, и въ настоящее, мы не можемъ приписывать неприятнаго во многихъ отношеніяхъ хода русской исторіи православію, не можемъ не увидать въ немъ свѣтлыхъ сторонъ относительно и прошедшаго, и настоящаго, и будущаго.

„Православіе могущественно содѣйствовало утвержденію единовластія и самодержавія; по характеру своему, это византійское исповѣданіе изначала стремилось стать полезнымъ орудіемъ самодержавной власти—и стало.—Такимъ образомъ, скажутъ иные, православіе способствовало утверженію рабства, было орудіемъ порабощенія... Элементы сопротивленія деспотизму не могли найдти въ немъ опоры.—Но мы спросимъ, гдѣ были эти элементы сопротивленія, и каковы были они? Безсмысленное боярство, съ одной стороны, и свирѣпое казачество—съ другой! Предположимъ, что вмѣсто православія былъ бы въ Россіи католицизмъ: конечно, историкъ не имѣетъ права толковать о томъ, что бы изъ этого произошло; но онъ имѣетъ право сказать, что могли бы произойти такія явленія, которымъ помѣшало одно только православіе, а именно: только одно православіе помѣшало Владиславу стать царемъ въ 1612 году и ополчить московское государство; но кто же рѣшится сказать, что было бы лучше, еслибы вся восточная Европа представляла сплошную Польшу? Православіе отняло Малороссію у Польши и доручило послѣднюю, собравши всю восточную Европу въ одно цѣлое подъ именемъ Россіи: неужели русскій человѣкъ будетъ сѣтовать за это на православіе? Относительно настоящаго—я спрошу у тѣхъ, которые не признаютъ никакой религіи, но уважаютъ католицизмъ за его

великую будто бы историческую роль и презираютъ православіе за то, что оно этой роли не играло, я спрошу у этихъ господъ: — вы не вѣрите ни во что, громко признаетесь въ этомъ, круглый годъ не заглядываете въ церковь — и кто васъ за это тревожить? знаете ли вы вашего приходскаго священника, и знаете ли васъ этотъ священникъ? вы совершенно свободны, и этою свободою обязаны православію, ибо католическій священникъ не позволялъ бы вамъ такъ спокойно вольнодумничать, такъ спокойно презирать его: въ немъ имѣли бы вы самага злого врага, доносчика, который или запряталъ бы васъ въ недоброе мѣсто, или бы заставилъ ходить съ себѣ въ церковь и на исповѣдь; если въ православіи правительство имѣетъ орудіе тупое, въ католицизмѣ оно имѣло бы острое. Но самое важное и благодѣтельное значеніе православіе должно, по моему мнѣнію, имѣть для будущности народовъ, его исповѣдающихъ. Мы видимъ, что протестантизмъ многихъ не удовлетворяетъ; достаточно факта всѣмъ извѣстнаго: движеніе отъ протестантизма между англичанами, народомъ самымъ правтическимъ, умѣющимъ болѣе другихъ народовъ остановиться на срединѣ, избѣжать крайностей, — всего лучше доказываетъ, что протестантизмъ неудовлетворителенъ. Съ другой стороны, католицизмъ, не говоря уже объ исторической и догматической неправдѣ папизма, становится, какъ видимъ, постоянно на дорогѣ движенія народа впередъ, никакъ не можетъ ужиться съ новыми потребностями народовъ. Что же касается православія, то, во-первыхъ, оно не имѣетъ того характера безавторитетности, которымъ протестантизмъ именно многихъ не удовлетворяетъ; съ другой стороны, чуждое неправды папизма православіе можетъ быть вездѣ народною формою религіознаго исповѣданія. Православіе отражаетъ теперь на себѣ всю черную сторону настоящаго состоянія русскаго общества; оно страдаетъ вмѣстѣ съ нами; при перемѣнѣ къ лучшему, на немъ отразится эта перемѣна, оно не помѣшаетъ ей; теперь оно страдаетъ вмѣстѣ съ нами, тогда будетъ радоваться, и будетъ довольно вмѣстѣ съ нами; это нашъ вѣрный слутникъ; не будемъ же отнимать отъ него руки нашей“...

Въ этомъ разсужденіи особенно характерно для автора то, что при своей искренней вѣрѣ онъ самымъ очевиднымъ достоинствомъ православія считалъ его (сравнительно) благодушное отношеніе даже къ невѣрующимъ. Конечно, онъ былъ въ принципѣ совершенно правъ, — и плохую услугу оказываютъ нашей отечественной религіи тѣ, которые хотѣли бы лишить ее этого

преимущества и превратить въ какую-то пародію средневѣковаго католицизма.

VII.

Тяжелыя впечатлѣнія, полученныя въ духовномъ училищѣ, и вліяніе матери, которая по своему родству принадлежала къ другому кругу, и въ устахъ которой семинарія „была синонимомъ всякой гадости“, внушили автору „Записокъ“ отвращеніе отъ этого сословія и желаніе поступить въ свѣтское училище. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній рѣшено было выписать его изъ духовнаго званія и опредѣлить въ гимназію. Здѣсь въ самомъ началѣ произошло сильное препятствіе: будущій историкъ изумилъ учителя исторіи и географіи своими познаніями, но оказался крайне слабъ въ математикѣ, къ которой питалъ большое отвращеніе и во все продолженіе своего ученія. Его едва приняли въ третій классъ.

Изъ воспоминаній о гимназіяхъ того времени приведемъ то, что имѣетъ значеніе для характеристики автора „Записокъ“.

„Какъ прежде было сказано, я поступилъ въ третій классъ благодаря плохому знанію математики. Вслѣдствіе сильнаго отвращенія отъ этой науки, полной неспособности къ ней, невозможности понять, къ чему служить эта передвижка цифръ и буквъ, какая благодать отъ того, что $x^2 + px + q = 0$; что x наконецъ можетъ быть равенъ 23 или 33; что при такихъ-то и такихъ-то случаяхъ треугольники равны, — вслѣдствіе этого я не могъ дѣлать успѣховъ и въ гимназіи, хотя здѣсь принужденъ былъ силою заниматься и математикою, ломать безъ пользы голову по нѣсколькимъ часамъ надъ задачами, что, разумѣется, еще болѣе усиливало во мнѣ отвращеніе къ предмету. Въ третьемъ классѣ учителемъ былъ Волковъ—страшный педантъ; это чудовище осмѣлилось однажды поставить меня на колѣни, что случилось со мною въ первый разъ въ жизни; понятно, каково было моему самолюбію—самолюбію ревностнаго сопутника героевъ древней, средней и новой исторіи. Мало того: Волковъ обращался ко мнѣ съ такими милыми привѣтами: „Дуракъ ты, дуракъ ты, Соловьевъ! уравненія второй степени рѣшить не можешь. Жаль мнѣ твоего отца, отецъ твой хорошій человекъ, а ты дуракъ!“ И вотъ прошелъ годъ; я вышелъ изъ всѣхъ предметовъ отличнымъ, кромѣ математики; инспекторъ далъ знать объ этомъ отцу; отецъ нанялъ ученика изъ старшаго класса, чтобъ готовить меня изъ математики къ экзамену; я приготовился, взялъ, какъ говорится, если

не мытьемъ, такъ катаньемъ, выучилъ наизусть всѣ доказательства; экзаменовалъ учитель старшихъ классовъ Погорѣльскій, къ которому я долженъ былъ перейти; этотъ человекъ любилъ скорые, твердые отвѣты; я прорѣзалъ ему отвѣтъ на диво, и Погорѣльскій восхитился, поцѣловалъ меня, сказалъ: „умница мальчикъ! молодецъ мальчикъ!“ — и поставилъ мнѣ „пять“. Волковъ стоялъ тутъ и я былъ вполне отомщенъ; тѣмъ болѣе успѣхъ мой былъ блистательнъ, что большая часть учениковъ, пользуясь длинною вакаціею по случаю перестройки гимназіи, очень плохо приготовилась. Я поступилъ въ четвертый классъ изъ всѣхъ предметовъ первымъ...

„Съ IV-го класса преподавателемъ русскаго языка былъ у насъ Поповъ, учитель превосходный, умѣвшій возбудить охоту къ занятіямъ, прекрасно разбиравшій образцовыя сочиненія и сочиненія учениковъ, умѣвшій посредствомъ этихъ разборовъ достигать главной цѣли своего преподаванія — выучивать правильно писать по-русски и развивать таланты, у кого они были. Когда онъ начиналъ объяснять урокъ къ слѣдующему классу, урокъ изъ логики или реторики, я, заинтересованный предметомъ, начиналъ вслухъ присказывать ему свои мысли; Поповъ не нашелъ этого страннымъ со стороны ученика, пятнадцатилѣтняго мальчика, напротивъ, находилъ удовольствіе въ этихъ присказываніяхъ, въ этой бесѣдѣ, обмѣнѣ мыслей со мной; должно быть, я говорилъ недурно, благодаря огромному количеству прочтенныхъ книгъ, потому что Поповъ получилъ очень высокое мнѣніе о моихъ способностяхъ и внушилъ это мнѣніе остальнымъ своимъ товарищамъ-учителямъ. Вслѣдствіе этого высокаго мнѣнія о моемъ умственномъ развитіи Поповъ былъ чрезвычайно строгъ къ моимъ сочиненіямъ, хотя онъ и гордился ими и выставлялъ ихъ напоказъ, но ему все казалось, что я могъ бы еще лучше писать; разобравши мое сочиненіе, онъ часто проговаривалъ: „хорошо! но скажи, пожалуйста, Соловьевъ! отчего ты говоришь лучше, чѣмъ пишешь?“ Это дѣйствительно могло быть такъ, во-первыхъ, потому, что учитель, взобравши себѣ въ голову высокое мнѣніе о развитости моихъ способностей по разговору, при чемъ его поражала живость мыслей, относительная ихъ самостоятельность, не могъ быть такъ доволенъ сочиненіями, гдѣ на первомъ для него планѣ была уже форма; во-вторыхъ, для меня эта форма была тяжка, это были цѣпи, которыя затрудняли естественныя движенія, наводили на меня тоску, необходимо отражавшуюся въ сочиненіи: учитель задастъ описаніе памятника Минину и Пожарскому; я подумаю: „ну, чтѣ же тутъ я стану описывать“ — и ударюсь въ описаніе впечатлѣній, производимыхъ этимъ памятникомъ, въ разсказъ о со-

бытіяхъ, въ которыхъ участвовали изображенные герои—а учитель съ упрекомъ: „задано было описаніе памятника, а ты изъ описанія сдѣлалъ повѣствованіе!“ О, проклятыя хриі и формы риторическія! много онѣ мнѣ надѣлали непріятностей“!...

Для характеристики автора „Записокъ“ съ нравственной стороны особенно интересно то, что онъ далѣе говорить по поводу своего ближайшаго друга и товарища въ гимназій.

„Не купи домъ, купи сосѣда“, — говоритъ пословица: и въ этомъ отношеніи я былъ счастливъ: постояннымъ моимъ сосѣдомъ, т.-е. ученикомъ постоянно занимавшимъ второе мѣсто, былъ Ладыгинъ, вмѣстѣ со мною поступившій въ III-й классъ и вмѣстѣ со мною кончившій курсъ въ гимназій: прекрасное, нравственное, кроткое, женственное существо. Онъ былъ воспитанъ въ тихомъ, нравственномъ домѣ, среди многочисленной толпы сестеръ, и отсюда получилъ, какъ видно, женственный характеръ; онъ былъ очень прилеженъ и, въ противоположность мнѣ, имѣлъ способность и склонность къ математикѣ, очень часто помогалъ мнѣ въ урокахъ и въ приготовленіи къ экзаменамъ своими объясненіями, но у него не было той развитости и той быстроты въ обращеніи мысли около предмета, какими обладалъ я; главная причина тому: моя ранняя и относительно громадная начитанность, тогда какъ Ладыгинъ началъ читать поздно, и читалъ вообще мало, безъ выбора. Съ самаго начала Ладыгинъ признавалъ мои преимущества и уступалъ мнѣ безропотно первое мѣсто; эта уступка, отсутствіе соперничества облегчили наши отношенія, завязали дружбу, при чемъ, разумѣется, высшее нравственное значеніе имѣлъ онъ, а не я; онъ былъ болѣе меня христіанинъ, хотя я съ раннихъ лѣтъ былъ пылкій приверженецъ христіанства, и въ гимназій еще толковалъ, что буду основателемъ философской системы, которая, показавъ ясно божественность христіанства, положить конецъ невѣрью. Внутри меня было много религіозности, выразившейся въ набожности; я ничего не начиналъ безъ молитвы; вѣра была сильная; не готовъ къ отвратительному математическому уроку, не приготовился изъ нѣкоторыхъ частей науки къ экзамену,—помолюсь, крѣпко вѣрую, что этого у меня не спросятъ, и дѣйствительно не спрашивали; другой товарищъ окажется въ подобномъ положеніи, боится, что *спросятъ* (по гимназическому выраженію)—говорю ему: „не бойся, только вѣруй“,—молюсь за него, вѣрую за него, и его не спрашиваютъ. Религіозности было много, но христіанства было мало; успѣхи,

первенство, воздымали духъ, высокое мнѣніе о самомъ себѣ, развивали гордость, эгоизмъ; самую вѣру свою я считалъ привилегією, особеннымъ знакомъ Божьяго благоволенія, ручательствомъ за будущіе успѣхи. Въ виду были только эти успѣхи, успѣхи внѣшніе, житейскіе; о нравственномъ преуспѣяніи, *внутреннемъ* мало думалось,—говорю о *внутреннемъ*, ибо извнѣ-то было все чисто и чинно, я первенствовалъ и относительно поведенія. Правда, находили и тутъ иногда минуты опаматованія, когда я сознавалъ необходимость внутренняго нравственнаго совершенствованія и рѣшался внимательнѣе смотрѣть за собою, строго за своими мыслями и словами, но такая рѣшительность не бывала продолжительна: бури молодости срывали утлый чолнъ съ явора“...

Воспоминанія этого рода, конечно, болѣе характерны для ихъ автора, нежели его дальнѣйшіе отзывы о разныхъ лицахъ, съ которыми ему пришлось сталкиваться въ жизни.

Владиміръ Соловьевъ.

УСЛУГА ЗА УСЛУГУ

РАЗСКАЗЪ.

...Казалось ей, когда она вышла замужъ за офицера, что генераломъ быть — слишкомъ отдаленное, недостижимое, несбыточное счастье. Но двадцать лѣтъ она и не видѣла, какъ протекли въ маленькомъ городѣ въ мелкихъ заботахъ, въ хлопотахъ, въ вознѣ съ дѣтьми, съ хозяйствомъ, въ дразгахъ съ прислугой, въ уборкѣ, въ чисткѣ и въ мытьѣ, и въ перемываніи косточекъ ближняго съ такими же, какъ она, военными дамами, поглощенными однообразіемъ житейской суеты. Мужъ ея между тѣмъ все повышался по службѣ, получалъ ордена, и въ генеральскомъ чинѣ вышелъ въ отставку съ пенсіей. Тутъ она опомнилась отъ вседневной кухонной суетоки, взглянула повнимательнѣе на окружающій ея міръ и на себя, и, почувствовавъ себя генеральшей, ощутила потребность отдохнуть. Она приодѣлась старательнѣе, и, сложивъ руки, прочно засѣла въ кресло. Всѣ рыночныя и домашнія дѣла постепенно сложила она съ себя на взрослую дочь. Проведя, какъ въ чадѣ, въ копѣчныхъ расчетахъ безчисленные дни, мѣнявшіеся быстрой чередой, она и не замѣтила, когда успѣла вырости и кончить образованіе дочь ея... Въ продолженіе двадцати лѣтъ мелькали приглядѣвшіяся лица мужа, дѣтей, гувернантокъ, денщиковъ, начальниковъ, торговцевъ и сосѣдей, — мелькали будни, праздники, именинныя кулебяки, обновки и обноски, и ничто не останавливало на себѣ долгой и напряженной мысли. Но отдохнуть, она почувствовала желаніе остановить на чемъ-нибудь свои мысли, которыя у нея, въ силу ея непривычки сосредоточиваться на одномъ, помимо ея воли разбѣгались. То вспомнить она, что надо ѣздить чаю и выдать лошадямъ овса, то подумаетъ о про-

плододней вечеринкѣ у исправника, и позаботится о чистой ска-терти къ обѣду. Освободилась голова ея отъ злости дня не сразу, но понемногу освѣжаясь скудными городскими новостями и про-ниваясь воспоминаніями о прошломъ. Прошлое же ея все за-ключалось въ дѣтствѣ. Такъ какъ не было у нея никакихъ силь-ныхъ впечатлѣній со времени ея замужества, а замужъ она вышла вскорѣ по выходѣ изъ института, то естественнымъ пу-темъ въ ея воображеніи вернулись картины, образы и имена изъ институтской жизни и осаждали постоянно ея ничѣмъ незаня-тую голову. Съ поразительной живостью и ясностью видѣла она опять духовными очами институтъ, какъ бы на дняхъ только его побивувъ, со всѣми его обитателями, особенностями и поряд-ками, съ его понятіями и воззрѣніями на настоящую жизнь, такъ неуволимо проскользнувшую...

Въ молодости ей рѣдко приходилось говорить объ институтѣ, поэтому тѣмъ неудержимѣе теперь она говорила о немъ; а такъ какъ всѣ изъ вѣжливости должны слушать ее, генеральшу Носи-кову, она за всѣхъ говорила одна объ одномъ, чтѣ ей одной интересно. Бывшіе сослуживцы и подчиненные генерала Носи-кова мало-по-малу перестали ходить къ нему въ гости, потомуъ все рѣже стали просить его къ себѣ съ супругою, которая за свою никому неинтересную говорливость приобрѣла сначала ре-путацию несносной, потомъ невыносимой и наконецъ нестерпи-мой особы.

Однажды, придя безъ приглашенія на именины мѣстнаго судьи, генеральша Носикова встрѣтила тамъ новое лицо: пріѣхав-шаго изъ столицы юриста, родного брата судьи, котораго всѣ слушали съ большимъ вниманіемъ. Отъ генеральши всѣ, напро-тивъ, сторонились, ибо всякому было извѣстно, что какую бы фа-милию при ней ни назвали, она сейчасъ же спросить: не въ родствѣ ли эта фамилія съ той же фамиліей, принадлежащей одной изъ тысячи учившихся съ ней вмѣстѣ институтокъ,—и непременно расскажетъ, кака у той была наружность и характеръ, сколько разъ была она наказана и за какія шалости, какъ училась и съ кѣмъ была дружна; попутно дастъ она описаніе и другихъ институтокъ, и такимъ образомъ не позволить никому во весь вечеръ ни одного слова сказать.

Когда юристъ, что-то рассказывая, сослался на прочитанную имъ въ газетѣ „Черепакъ“ статью писательницы Орловой, гене-ральша Носикова такъ и рванулась съ мѣста, подскѣла къ нему и заговорила.

— Не родственница ли эта писательница нашей институткѣ

Орловой? Вот сорванецъ была! Боже ты мой! Не было шалости, на которую бы она не подбила весь классъ. Представьте себѣ, разъ мы сидимъ...

— Статья эта, трагующая о вольнонаемномъ трудѣ, — продолжалъ юристъ, одержимый въ такой же почти степени, какъ и она, страстью говорить, и не слушая ее.

— Начальница и классныя дамы махнули на нее рукой, — въ одинъ съ нимъ голосъ продолжала генеральша съ оживленіемъ, но никто не хотѣлъ ее слушать.

— А трудъ чернорабочихъ, какъ извѣстно, оплачивается неудовлетворительно, — продолжаетъ юристъ.

— И безнаказанно продѣлывала, что хотѣла...

— Позвольте, господа, — вмѣшался тутъ судья, хозяинъ дома: — нельзя же двоихъ слушать въ одно время. — Pardon, расшаркался онъ передъ генеральшей: — вы что изволили спросить у брата? — Отвѣтъ пожалуйста ея превосходительству, — обратился онъ къ юристу, — и тогда продолжай свою рѣчь.

— Орлова, — отвѣчалъ юристъ, — насколько мнѣ извѣстно, воспитывалась въ институтѣ.

— Ахъ, это она! — заволновалась генеральша. — Какого роста? Какихъ лѣтъ? Какъ ее зовутъ? Неужели она? Каково! Вдругъ наша институтка пишетъ статьи! Не можетъ этого быть! Это не она!

— Что же касается до сокращенія рабочихъ часовъ безъ уменьшенія платы...

— Этого быть не можетъ! Гдѣ ей писать, ну, куда ей! Какъ вы думаете, вѣдь не она?

Юристъ увелъ всѣхъ мужчинъ курить въ кабинетъ брата, и тамъ остался съ ними; дамы одна за другой начали собираться домой, и генеральша уѣхала послѣдняя, оставшись въ гостиной одна.

По мѣрѣ того, какъ она съ каждымъ днемъ глубже уходила въ свои воспоминанія, она дѣлалась словоохотливѣе, повторялась въ интересующихъ только ее одну подробностяхъ объ институтѣ, — всѣ тщательнѣе избѣгали въ городѣ ея общества.

Самъ генераль Носиковъ началъ отъ нея заператься въ своемъ кабинетѣ, и дочь его, занятая хозяйствомъ, не всегда могла слушать мать, которая никого знакомыхъ уже не заставляла дома. Они при встрѣчахъ съ ней, завидя ее издали, исчезали за угломъ. И стала генеральша Носикова остававливать простыхъ людей на улицѣ.

— Ты что это, голубушка, несешь? Пустое ведро? А я ду-

мала—съ водой. Ты, кажется, у Тарантьевыхъ живешь; ну, что они здоровы, дома?... Огобѣдали?... А что у нихъ готовилось сегодня?... У насъ въ институтѣ была ихъ однофамилица, смиренная такая. Волосы у нея были такъ густы, что просто тяжело было головѣ отъ огромной косы. Она ихъ выстригала цѣлыми прядями. Все, бывало, возится съ волосами, но училась недурно и вела себя хорошо. Я тоже была примѣрнаго поведенія... Куда ты? Вѣдь ты не туда! Стой, милая, погоди, что я тебѣ еще разскажу...—Но баба съ ведромъ пускалась со всѣхъ ногъ обѣгать отъ генеральши Носиковой, которая прослыла за сумасшедшую. Это внушило обывателямъ такое опасеніе, что никто не рѣшался посвататься за ея дочь. Проживъ такимъ образомъ въ полномъ уединеніи болѣе года послѣ отставки, всѣми обѣгаемые по непонятной для нихъ причинѣ, генераль и генеральша Носиковы надумали переселиться въ столицу. И въ первый же мѣсяць по переселеніи ихъ въ столицу, генеральша Носикова встрѣтила на улицѣ и привезла къ себѣ свою сверстницу, институтскую подругу, тоже генеральшу, такую же, какъ и сама она, сохранившуюся, молодежавую даму, съ нетронутымъ умомъ и институтскимъ возрѣніемъ. Такъ много было общаго между ними, что нечего и говорить о предѣлахъ ихъ радости видѣть другъ друга. Обѣ были здоровы, благополучно достигнувъ зрѣлаго возраста, и на судьбу свою пожаловаться не могли. Ни большихъ печалей, ни большихъ радостей и удовольствій во всю свою жизнь онѣ не испытывали, мельчали только душой, слегка помяты временемъ въ столкновеніяхъ изъ-за преимуществъ узенькаго тщеславія, что отразилось едва замѣтной печатью въ кислому и вялому выраженію чуть поблекнувшихъ губъ ихъ. Ни мужья, ни дѣти ихъ серьезно не хворали, не было несчастныхъ случаевъ въ ихъ семействахъ, ни разоренія, ни внезапнаго обогащенія, ни нужды, ни излишка въ достаткахъ, никакихъ душевныхъ потрясеній онѣ не знали, и наружность ихъ поэтому мало измѣнилась. Неприкосновенными остались также ихъ манеры, застѣнчивыя движенія и конфузливость при постороннихъ людяхъ. Обѣ онѣ красивы собой и нарядно одѣты, и обѣ весь день и весь вечеръ говорили такъ много, что обѣ охрипли, но наговориться не могли.

— А Воронову помнишь?

— Разумѣется, помню, я съ ней рядомъ сидѣла. Она вышла замужъ за Галкина.

— Какое совпаденіе: Воронова за Галкина. Недостаетъ, чтобъ Орлова вышла за Соколова. Вѣдь это она, говорятъ, пишетъ статьи; невѣроятно что-то. Ты ее помнишь?..

— Какъ же не помнить самую рѣзвую, самую бойкую дѣвочку и первую умницу!—отвѣтила гостя.

— Чѣмъ же я глупѣй!—обидѣлась вдругъ генеральша Носикова:—я только не выставляла своего ума, не была такъ смѣла, какъ она. Помнишь, какъ мы робѣли, благоговѣя передъ почетными опекунами въ лентахъ и орденахъ, а она къ нимъ подойдетъ и разговариваетъ, да еще спорить, бывало, съ ними.

— Она и теперь такая же: кому угодно носъ утереть.

— Орлова? Развѣ ты видишься съ ней?

Отъ любопытства генеральша Носикова пересѣла поближе къ подругѣ и просить ее:—Расскажи, расскажи поскорѣй! Какъ она живетъ? Почему замужъ не вышла? Неужели она въ самомъ дѣлѣ писательница? Невѣроятно что-то.

— Я тебѣ говорю: она пишетъ въ газетѣ „Черепакъ“; неужели ты не читала?

— Нѣтъ. Завтра же подпишусь на „Черепакъ“; но послушай, о чемъ она можетъ писать? Вѣдь она столько же знаетъ, сколько и мы съ тобой, если не меньше. Вѣдь она только шалостями и занималась. Отчаянная была. Помнишь, какъ она дотронулась до звѣзды его свѣтлости и сказала:— „вы бы лучше съ неба звѣзды хватали“.—А онъ ей отвѣчалъ:— „предоставляю это вамъ“.—Какъ теперь помню. Это случилось на рождественскомъ балу, когда намъ было лѣтъ по двѣнадцати. — И генеральша, углубясь въ воспоминанія, удивлялась, какъ могли ее продержатъ, такую шалунью, до выхода изъ института.

— Ее баловали, потому что никто лучше ея не отвѣчалъ на публичныхъ экзаменахъ и не игралъ на актѣ,—сказала гостя.

— Чѣмъ же я хуже отвѣчала?—воскликнула задѣтая за живое генеральша Носикова.—Я, конечно, не музыкантша и не выскочка, но по поведенію и прилежанію считалась лучше ея. Ты все-таки приведи ее ко мнѣ. Любопытно взглянуть, какая она теперь.

И, взявъ слово съ подруги—какъ можно скорѣй показать ей Орлову, генеральша Носикова отпустила ее далеко за полночь.

Но, слишкомъ утомленная первымъ свиданіемъ съ ней, подруга долго не давала знать о себѣ и приглашеній не присылала, такъ что первое время генеральша скучала на своемъ новосельѣ. Ей хотѣлось занять видное положеніе въ столицѣ, для чего она и записалась членомъ благотворительнаго общества, чтобы сблизиться на его засѣданіяхъ съ почетными его членами, филантропическими дамами, грандъ-дамами и даже, если удастся, съ гофмейстеривами. Съ ними мечтала она войти въ такія же точно отношенія, въ какихъ была съ уѣздной предводительшей и съ

другими первыми дамами своего города. Но съ первыми дамами столицы оказалось не такъ легко сблизиться.

Воспоминанія о повинutomъ городѣ прибавились къ институтскимъ воспоминаніямъ въ такомъ обиліи, что душили генеральшу неудовлетворенной потребностью дѣлиться ими съ кѣмъ бы то ни было. И разъ узнавъ, что существуетъ писательница такая же, какъ и она, воспитанница института, ничѣмъ не лучше ея, она ни въ чемъ ей не хотѣла уступить, и начала обрабатывать свой слогъ. Писать она ужъ безъ очковъ не можетъ, притупивъ зрѣніе на починкѣ чулокъ, а старообразить свою наружность очками не хочетъ, и прилагаетъ все свое стараніе на украшеніе своей устной рѣчи. И прежняя ея неугомонная и скучная, но безыскусственная болтливость превратилась въ настоящую пытку для слушателей. Она не просто говоритъ, а излагаетъ, прискивая выраженія, медленно выбираетъ слова и ставитъ ихъ между точками. Если дочь у нея спроситъ, гдѣ ключи, она не сразу ей отвѣтитъ, а изложить исторію покупки стола, въ которой ихъ положила.

— Было холодное утро. Мы съ тобой ѣхали въ апраксинъ рынокъ...

— Ключи, ключи, мамаша, пора обѣдать,—прерываетъ ее дочь:—надо достать серебро, а потомъ ты доскажешь.

— Имѣй терпѣніе. За такой характеръ тебя никто замужъ не возьметъ. Я, какъ честная мать, должна буду предупредить твоего жениха, что ты родную мать на каждомъ словѣ обрываешь.

Дѣвушка начала мучиться мигренью отъ такихъ разговоровъ съ матерью, которая все строже относилась къ замѣтно портившемуся характеру ея, и доводила ее наставленіями въ отборныхъ выраженіяхъ подчасъ и до истерики.

Разъ, выслушавъ отъ жены пространное и медленное повтorenіе уже изложеннаго ею передъ нимъ нѣсколько разъ всего того, чтд самому ему давно и лучше, нежели ей, было извѣстно о нравахъ повинутаго города, генераль Носиковъ объявилъ женѣ, чтобы она провалилась сквозь землю, и повлялся, что весь остатокъ своей жизни не скажетъ съ нею больше ни слова. Съ тѣхъ поръ онъ никогда не выходитъ изъ кабинета ни къ чаю, ни къ обѣду, ни къ завтраку. И съ тѣхъ же самыхъ поръ генеральша начала засиживаться въ кухнѣ и упражняться въ устномъ изложеніи передъ прислугой, посвящая ее въ исторію каждой посуды и въ сравнительныя исторіи таковыхъ же у судейши и казначейши. Прислуга стала часто мѣняться. Одна неизмѣнная слушательница оставалась въ распоряженіи генеральши: ея молодая и скромная дочь.

Но Богъ не безъ милости: нашлись желающіе познакомиться и съ Носиковыми, за хорошенькой дочерью которыхъ, судя по неопредѣленнымъ слухамъ, было и хорошее приданое.

Изъ числа искателей невѣсты офицеръ первый рѣшился сдѣлать предложеніе, черезъ посредство генеральши, ея молчаливой и занятой хозяйствомъ дочери, съ которой ему не удалось поговорить ни разу.

— Я молодецъ,—рекомендовалъ онъ себя:—буду успѣшно служить, и фамилія у меня дворянская: Адлеръ.

— Адлеръ значить орелъ,—подхватила генеральша Носикова:—у насъ въ институтѣ была Орлова, рѣзвая, самовластная дѣвчонка, и представьте себѣ, вѣдь это она теперь извѣстная писательница. И говорятъ: она ужъ не въ „Черепяхъ“ участвуетъ, а въ газетѣ „Стрѣла“.

— Я получу хорошее наслѣдство,—продолжалъ офицеръ.

— Ее называли сорванцомъ и повѣсой за шалости, а ей и горя мало,—продолжала въ свою очередь генеральша.

— Что же вы мнѣ скажете относительно вашей дочери?

— Такая разбойница была...

— Ваша дочь?

— Писательница Орлова: разъ влѣзла на шкафъ и закричала. Я бы гораздо лучше ея могла писать. У меня изложеніе краснорѣчивое, увлекательное, и уже во всякомъ случаѣ мысли серьезнѣе. Вѣдь она разъ настоящую революцію произвела. Больше половины класса, подъ ея предводительствомъ, отдѣльно отъ другихъ ходили въ столовую и въ садъ, игнорируя существованіе начальства. Образовали коммуну. Дѣлили поровну гостинцы и деньги. Помогали другъ другу учиться...

— Ваше превосходительство! выслушайте меня!

Но генеральша слушала только себя. Долго длилось ея неистощимое краснорѣчіе, и, принявъ его за явную уклончивость вмѣсто прямого отказа, офицеръ съ обиженнымъ видомъ ушелъ.

Такимъ же точно образомъ, продолжая упражняться въ слогѣ, генеральша отвадила и другого искателя руubi и сердца своей дочери.

Она выписала „Стрѣлу“, прочла статью Орловой, съ мучительной болью сознанія, что не ею написана эта статья, и сильно заволновалась. Ей стало душно и тѣсно въ столицѣ, гдѣ никто, пачиная съ мужа и дочери, не цѣнитъ ея изложеній, тогда какъ Орлова, выросшая въ однихъ съ нею условіяхъ, при тѣхъ же учителяхъ и на тѣхъ же учебникахъ, печатаетъ свои изложенія

стало быть, сообщаетъ ихъ всѣмъ, не исключая оберкамер-фрейлинъ и гофмейстеринъ.

— Господи, за что же ты меня-то не разыскалъ своею милостью, чѣмъ я прогнѣвила тебя? Читаютъ ея вранье почтенные, умные люди,—просто обидно за нихъ! Никто бы не сталъ ни читать, ни печатать ея статей, еслибы узнали, какая она была. Надо большой кругъ знакомства, чтобы распространять слухъ о ея дурномъ поведеніи въ дѣтствѣ. Господи, помоги мнѣ! А по дѣтству можно судить о всемъ остальномъ. Вразуми, Господи, ослѣпленныхъ невѣдніемъ, выведи ихъ изъ заблужденія!

Она крестилась, шевеля губами и съ растеряннымъ видомъ ходя по комнатамъ; къ удивленію дочери и мужа, не слышавшаго изъ кабинета ея голоса, она промолчала весь день въ глубокой задумчивости. И съ этого дня она перестала разбрасываться въ своихъ изложеніяхъ, сосредоточивъ всю силу своего ума и краснорѣчія на характеристикѣ озорного дѣтства писательницы Орловой. Воспринявъ впечатлѣніе, не похожее ни на одно изъ пережитыхъ, генеральша страдала. Но, страдая, она оживилась энергіей, здоровый организмъ ея требовалъ дѣятельности, и по четыре раза сряду не заставъ дома своихъ знакомыхъ, она ихъ обходила по пятому разу. И тѣхъ, кого ей удавалось захватить врасплохъ, она осыпала біографическими свѣденіями о писательницѣ Орловой. Горечь бесплодныхъ сожалѣній какъ бы о чемъ-то ей по праву предназначенномъ, но отнятомъ у нея, горечь съ примѣсью затаеннаго озлобленія, прикрытаго снисходительной насмѣшливостью, пропитывала эти свѣденія.

— Высочка была. Студенты ей книги носили. Она вычитаетъ, чего не было въ урокахъ, и скажетъ, бывало, учителю. Вотъ еслибы она сама до всего доходила,—а вычитывать-то всякій бы могъ. Хороша представительница печати: съ классной дамы чепчикъ сорвала. Изъ-подъ инспектора стулъ выдернула. А на рождественскомъ балу сняла съ груди почетнаго опекуна звѣзду и прицѣпила ее на елку.

Въ своихъ неутомимыхъ стараніяхъ набросить неблаговидную тѣнь на писательницу, сама того не подозрѣвая, генеральша служила ея извѣстности и популярности.

Орлова между тѣмъ и не подозрѣвала о ея существованіи и вдругъ принуждена была принять ее въ свои объятія.

Расфранченная, обвѣшанная вся стеклярусомъ и бантами, въ твердомъ намѣреніи импонировать на подругу своимъ туалетомъ, манерами и тономъ, генеральша Носикова смутилась вдругъ въ ея передней и обнаружила институтскую конфузливость въ своихъ

движеніяхъ и въ пониженныхъ и умиленныхъ звукахъ голоса, придавшихъ ея внѣшности видъ симпатично скромный.

Почти съ робостью она осматривается кругомъ: приличная прислуга и обстановка, все у Орловой, какъ у людей, даже лучше, чѣмъ у другихъ, и все поражаетъ своей неожиданностью. Она рассчитывала застать ее въ нуждѣ и обойтись съ ней покровительственно, свысока, но вмѣсто того въ замѣшательствѣ она бормочетъ, опустивъ глаза:

— Нельзя ли мнѣ... имѣть честь... Доложите пожалуйста...

Передъ ней высокаго роста красавица южнаго типа, въ которой невозможно узнать прежнюю повѣсу-дѣвчонку, и въ возрастающемъ смущеніи генеральша складываетъ руки ладошками внутрь.

— Извините меня пожалуйста,—говоритъ она:—я на минутку, только взглянуть на васъ... Я въ такомъ восторгѣ отъ вашихъ сочиненій... Могу быть вамъ полезной...

— Въ чемъ это?—привелъ въ окончательное замѣшательство генеральшу довольно рѣзкій вопросъ.

— Можетъ быть, у васъ долги... на прокатъ взято... Я—членъ филантропическаго общества... Можетъ быть, вы нуждаетесь...

— Нѣтъ, не нуждаюсь, — замѣтно удивленная отвѣчаетъ Орлова.—Чѣмъ могу я вамъ служить?..

— Не узнаете меня? Я—ваша однокашница. Помните, какой вы разъ произвели переполохъ ужасный въ институтѣ, закричавъ во все горло: пожаръ!... Послѣ ужина. Въ темныхъ коридорахъ. Поднялись крики. Бѣготня. Давка. Многія успѣли раздѣться и босикомъ сбѣгали по чугунной лѣстницѣ...

Слегка оправаясь отъ смущенія, генеральша, съ особеннымъ стараніемъ блеснуть своимъ слогомъ, входитъ въ гостиную; Орлова ей отвѣчаетъ:

— Смутно что-то припоминаю подобное. — Она ловитъ на лицѣ гостя давно забытыя знакомыя черты и на мгновеніе переносится въ свое беззаботное, веселое, шумное дѣтство въ шумной толпѣ беззаботныхъ, веселыхъ подругъ. И съ чистымъ сердцемъ, съ довѣрчивой радостью она обнимаетъ пришедшую.

— Вы почти совсѣмъ не измѣнились,—говоритъ она, пріятно волнуясь.

— А вы совсѣмъ другая стали,—отвѣтила какъ бы разочарованная генеральша и печально вздохнула.

Составивъ себѣ планъ дальнѣйшихъ дѣйствій, она надѣялась пронижать въ лучшіе дома столицы въ роли ходатайницы за бѣдную писательницу, и никакъ не можетъ отрѣшиться отъ своего

плана, поэтому она не может и не хочет разувѣриться въ томъ, что все у этой повѣсы въ долгъ, напрокатъ, и квартира чужая. И она предлагаетъ ей услуги:

— Я непременно поговорю о васъ съ предсѣдательницей нашего общества.

Приходъ гостей заставилъ ее вскочить и спрятаться въ маленькую комнату рядомъ съ кухней:

— Нѣтъ, нѣтъ, — лепетала она, краснѣя на приглашеніе Орловой остаться: — право, неловко, я ихъ не знаю совсѣмъ... я уйду.

— Вы такъ и остались институткой, — задѣла ее самолюбіе Орлова.

Генеральша оправилась и, придавъ своей наружности, насколько было въ ея распоряженіи, благороднаго достоинства, влекомая, впрочемъ, за обѣ руки одноклассницей, вернулась въ гостиную. Въ своемъ городѣ она всѣхъ хорошо знала и со всѣми держала себя свободно, нѣсколько даже свысока съ тѣхъ поръ, какъ стала генеральшей — почему бы и здѣсь ей не принизить своимъ превосходствомъ свою пріятельницу передъ ея гостями.

Двое мужчинъ встали при входѣ дамъ, и Орлова представила имъ генеральшу Носикову. Послѣдняя, въ своихъ усиліяхъ взять развязный, слегка третирующий тонъ, перехватила черезъ край:

— Прямо такъ генеральшей меня и называютъ, — неловко смѣясь, съ неловкимъ поклономъ обратилась она къ гостямъ: — хвастается, что съ генеральшей знакома.

— Это графъ, а это баронъ, — представила ей своихъ гостей писательница, и неловкая улыбка на внезапно вспыхнувшемъ лицѣ неловкой гостьи смѣнилась выраженіемъ смиренной растерянности.

Болѣе получаса она молчала, слушая разговоръ о политикѣ, объ искусствѣ, о спектакляхъ, объ ученыхъ засѣданіяхъ и концертахъ, обо всемъ, чтò недоступно жителямъ отдаленныхъ городовъ. И ко всему приводились цитаты и по-французски, и по-нѣмецки, и по-английски, не говоря уже о русскихъ классикахъ, которые, какъ бы присутствуя, санкціонировали доводы говорящихъ. Орлова такъ и сыпала тирады изъ иностранныхъ книгъ; страшно подумать, сколько она прочла, а въ маленькомъ городѣ и библиотеки не было. Выписывалъ судья какой-то журналъ, да и тотъ никому его не давалъ.

Въ нарядномъ платьѣ Орлова такъ же спокойно и просто сидитъ, какъ въ самомъ дешевомъ, а она, генеральша Носикова, избѣгаетъ лишній разъ шевельнуться, чтобъ не задѣть стеклярусомъ за

рѣзьбу кресла. И не знаетъ она, куда руки дѣвать, на кого ей смотрѣть и что бы такое сказать.

— У васъ много сѣдыхъ волосъ,—сказала она Орловой.

На это графъ привелъ изъ Карменъ-Сильвы выдержку о томъ, что сѣдина, какъ пѣна морская, остается на поверхности послѣ житейскихъ бурь. А баронъ добавилъ отъ себя, что сѣдина—слѣды глубокихъ думъ, глубокихъ радостей и скорбей за общее горе и общія радости, и незамѣтно перешелъ онъ на другую тѣму, рассказавъ свою поѣзду на охоту. Орлова сейчасъ выхватила подходящія къ случаю стихи изъ „Нибелунговъ“. Такая же высочка, какъ и была! Все-таки интересно ее послушать, и вѣдь какъ всё трое хорошо произносить, а въ провинціи не съ кѣмъ направиваться въ иностранныхъ языкахъ. Былъ одинъ часовщикъ нѣмецъ въ городѣ, да и тотъ по-русски говорилъ. Съ тоскою сдѣлавъ про себя всё эти наблюденія, волнуясь и не умѣя взять надлежащаго тона, генеральша попыталась на прощанье поставить себя на дружескую ногу съ писательницей:

— Ну, какъ ты... довольна ли жизнью своей?

— *Ma vie est semblable à un chemin, dont l'issue est un grésirice affreux*,—съ шутливымъ паэосомъ отвѣтила Орлова.

Французскій языкъ не сближаетъ, а отдаляетъ и невольно импонируетъ.

Генеральша съ умиленіемъ попросила ее:

— Не отваяйтесь, пожалуйста, взглянуть ко мнѣ. Я буду васъ ждать.

Частенько съ этихъ поръ стала навѣщать свою подругу генеральша, не пожелавшая считаться съ ней визитами, и каждый разъ съ услугами является она:

— Трудно вамъ все писать да писать, поступали бы лучше на мѣсто. Я могу васъ пристроить въ компаньонки къ мадамъ Развихляевой; встати, мнѣ нуженъ предлогъ къ ней пойти.

— Не заботьтесь вы обо мнѣ,—каждый разъ отвѣчаетъ Орлова, не знающая, какъ отдѣлаться отъ назойливой гостыи:—вѣдь я ни о чемъ не просила васъ.

— Я для себя же, для своей души забочусь о ближнихъ.

— Не дѣлайте только меня объектомъ своей услужливости для себя же и для своей души.

— Вѣдь вы мнѣ сказали, что ваша жизнь ведетъ васъ въ пропасть, „пресипись афрѣ“.

— Это для красоты слога сказано было,—разсмѣялась Орлова.

— Однако пора мнѣ... Извините...

— Я на минутку, на одну минутку пришла,—завѣрjala ге-

неральша, не двигаясь съ мѣста, съ фотографическимъ альбомомъ въ рукахъ.—Это чья карточка? А эта? Ахъ, я, должно быть, знала его мать. У нея молочная ферма и хроническій бронхитъ. А это кто? Не братъ ли нашей институтки? Помните, какъ она хорошо танцевала?

Не предвидя конца ея предположеніямъ и воспоминаніямъ по поводу каждой карточки альбома, Орлова вспомнила, очень встать, что въ институтѣ, гдѣ всѣ другъ друга звали только по фамилии, узнали какъ-то, что будущая генеральша Носикова носить вульгарное имя Улита и начали ее за это до слезъ упрекать.

— А помните, — спросила она въ свою очередь:—какъ мы дразнили васъ: улита, улита, выпусти рога, дамъ кусокъ пирога.

Генеральша, покраснѣвъ, отвѣтила пренебрежительно:—Вадорь! все это давно пора забыть. Мое настоящее имя: Юлія.

Но, заливаясь задорнымъ и веселымъ смѣхомъ, какъ бывало въ институтѣ, не унималась Орлова:—Улита, улита,—повторяла она:—выпусти рога...

— Вы все такая же, извините меня, повѣса,—замѣтила ей генеральша.

— Улита, улита, выпусти рога, дамъ кусокъ пирога. Ха-ха-ха!

— Сорванецъ!

— Улита, улита...

— Высочка! Озорница!—дрожащими губами и глухо произносила генеральша, торопясь надѣть шляпку и исчезая въ передней. — У васъ всегда былъ скверный характеръ, и я не удивляюсь, что вы замужь не вышли.

— Хотите, я подѣлюсь женихами съ вашей дочерью? — со смѣхомъ предложила Орлова, запирая за ней дверь, и съ облегченіемъ вздохнула.—Теперь ужъ она больше не явится.—Нога моя здѣсь не будетъ! — говорила себѣ Носикова, уходя; словомъ сказать, ссора произошла какъ слѣдуетъ.

На другой день предлогъ для проникновенія въ грандъ-дамамъ найденъ былъ генеральшей. Она предвозвѣстила письмами свои визиты къ нимъ, и съ притворными вздохами состраданія принялась ихъ просить за русскую писательницу, полагая, что та никогда не узнаетъ объ этомъ. Говорила она, что писательница находится въ крайне затруднительномъ положеніи, на краю бездны, такъ сказать: все у нея въ долгъ, на прокатъ, все заложено, потому что литературный трудъ ее не обезпечиваетъ, такъ какъ поэты вообще умираютъ съ голоду на чердакахъ, и надо ее приютить въ домѣ для сирыхъ и убогихъ, принадлежащемъ обществу.

Надо сдѣлать это для своей души, такъ какъ отъ писательницы нельзя ждать никакихъ добрыхъ чувствъ и всего меньше благодарности. Она и въ институтѣ отличалась возмутительной склонностью заводить революціи противъ начальства, но надо же ей помочь ради Бога. Генеральша была увѣрена, что просьба за писательницу съ такой аттестаціей не будетъ уважена, а настоящая ея цѣль непременно будетъ достигнута: въ ней самой увидать добрѣйшее существо, возгорятся къ нею симпатіей всѣ грандъ-дамы и немедленно сблизятся съ нею. Но она не предвидѣла, что филантропическія дамы, какъ всѣ дамы вообще, а можетъ быть даже въ большей степени, одержимы любопытствомъ. И къ Орловой вдругъ явилась незнакомая особа, въ которой она узнала одну изъ знатнѣйшихъ филантропокъ, не разъ видѣнную на филантропическихъ базарахъ и лотереяхъ. Явилась она съ предложеніемъ, въ силу усерднаго ходатайства генеральши Носиковой, помѣстить Орлову въ домъ для сирыхъ и убогихъ женщинъ. Удивленіе Орловой было неопишимо, но по привитому съ дѣтства неискоренимому чувству товарищества она не пожелала выставить одновашицу въ неблаговидномъ свѣтѣ во мѣнни такой знатной особы, съ которой и обошлась какъ нельзя уважительнѣе. Она поблагодарила ее за вниманіе и обѣщала посмотрѣть предложенное помѣщеніе въ домѣ для сирыхъ и убогихъ женщинъ. По свойственной ей склонности все изучать со всѣхъ сторонъ, она отправилась въ тотъ домъ очень охотно. И узнала она, что плата въ этомъ домѣ на окраинѣ города такая же, какъ и во всѣхъ домахъ центра, но порядки въ немъ стѣснительны. Всѣ двери запираются въ одиннадцать часовъ вечера, всѣ гости изгоняются изъ него послѣ десяти, а обитатели не смѣютъ возвращаться домой послѣ одиннадцати. Главное же правило состоитъ въ томъ, чтобы отнюдь не принимать мужчинъ въ томъ домѣ, ибо мужчина есть нѣчто запретное, позорное и страшное, если онъ приходитъ въ гости къ сирымъ и убогимъ женщинамъ. И со всѣмъ тѣмъ, такъ какъ все-таки тепло и свѣтло въ этомъ домѣ, онъ сверху до низу набитъ квартирантками, далеко не сирими и не убогими, потому что таковымъ не по средствамъ въ немъ жить.

Въ одномъ изъ коридоровъ этого дома Орлова увидѣла группу, состоящую изъ филантропической грандъ-дамы, двухъ дамъ и молоденькаго секретаря благотворительнаго общества. Грандъ-дама обходила дозоромъ помѣщенія дома въ сопровожденіи своей свиты, къ которой и примкнула сзади нѣкимъ незамѣченна писательница. Секретарь самымъ безцеремоннымъ образомъ, какъ двери кѣтокъ въ звѣринцѣ, отворялъ двери занятыхъ квартирантками

комнать, а дамы, приставивъ къ глазамъ лорнетки, смотрѣли, что въ нихъ дѣлается. Былъ полдень, и вездѣ почти происходило питаніе тѣмъ Богъ послалъ. Самыя интимныя домашнія сцены неожиданно прерывались дозоромъ благотворителей. Ребятишки вскакивали изъ-за стола и, наскоро утирая рты, низко имъ кланялись. Ихъ матери, тетки и бабушки кланялись еще ниже. Нѣкоторыхъ изъ нихъ филантропическія дамы удостоивали вопросами о здоровьи и о размѣрѣ заработка, — обѣдъ простывалъ между тѣмъ. Самыя крошечныя малютки плавали и высовывали языки благотворителямъ. Въ одной комнатѣ мыла ребенка молодая женщина въ одной рубашкѣ. Она не успѣла ничего накинуть на себя и, сгарая отъ стыда, укрывалась за кровать отъ неожиданныхъ зрителей у внезапно открывшейся двери. Ребенокъ между тѣмъ чуть-чуть не захлебнулся въ тазу. Въ силу этого тотчасъ послѣдовало строгое запрещеніе мыть ребятишекъ въ тазакъ.

Въ слѣдующей затѣмъ внезапно отворенной комнатѣ — о, ужасъ! — сидѣлъ мужчина въ гостяхъ. Онъ сидѣлъ и пилъ чай въ компаніи двухъ молодыхъ швеекъ, обитательницъ этой комнаты. Онъ сидѣлъ и не подумалъ встать при появленіи филантропической группы. Съ негодующимъ восклицаніемъ: „мужчина!“ поддерживаемая молоденькимъ секретаремъ грандъ-дама отшатнулась отъ двери, послѣ чего ея устами произнесенъ былъ приговоръ надъ швейками о немедленномъ ихъ изгнаніи изъ дома.

Орлова между тѣмъ отъ лица визитировавшей ее знатной особы потребовала показать ей свободную комнату, пустую, маленькую, съ низкимъ потолкомъ, дорогую сравнительно съ меблированными комнатами въ центрѣ города, и, само собою разумѣется, отказалась отъ нея. Управляющій ей сказалъ:

— Не вы ли писательница Орлова? Въ такомъ случаѣ васъ желаетъ посмотрѣть директрисса этого дома. Пойдемте, я васъ къ ней провожу.

Какъ ни безцеремонно было это приглашеніе, Орлова, будучи сама не прочь посмотрѣть директриссу, пошла и показала ей. Та сказала, осмотрѣвъ ее во всѣхъ подробностяхъ съ нескрываемымъ любопытствомъ:

— Патронесса общества желаетъ знать, какое вы на нее произведете впечатлѣніе. Поѣзжайте къ ней сейчасъ же; она дома теперь.

И тѣни не было сомнѣнія въ томъ, что приказаніе патронессы не можетъ не быть исполнено даже людьми, ни въ чемъ не зависящими отъ общества. И такъ какъ Орлова, въ свою очередь, была не прочь узвать, какого рода впечатлѣніе произведетъ на

нее патронесса, она поѣхала къ ней. Ей пришлось долго ждать въ передней, и, теряя дорогое время, она начинала терять терпѣніе; тогда высланная къ ней горничная внушительно ей объявила.

— Если вы пришли насчетъ комнаты въ домѣ нашего общества, такъ для просителей есть задній подъездъ. Обойдите со двора.

Рѣшивъ выпить чашу до дна, Орлова обошла со двора и черезъ полчаса послѣ того была, наконецъ, удостоена приѣмомъ. Ее осмотрѣли съ ногъ до головы, помолчали немного, спросили:

— Это вы писательница Орлова?—и снова осмотрѣли съ головы до ногъ.—Вамъ извѣстны условія для желающихъ имѣть помѣщеніе.

— Мнѣ извѣстно,—отвѣчала Орлова:—что въ дѣлахъ благотворенія не слѣдуетъ ставить условій, а давать чувствовать свою власть надъ людьми облагодѣтельствованными не хорошо, а позволять себѣ безцеремонный контроль надъ ними дурно.

Грандъ-дама подумала и начала, замаскировавъ свое замѣшательство тономъ притворнаго смиренномудрія.

— Чтобъ отвѣчать на вашу рѣчь...

— Этого я отъ васъ и не требую,—великодушно прервала ее писательница.

— Не угодно ли вамъ сѣсть.

— Благодарю васъ. Отрывать отъ дѣла людей занятыхъ, изъ любопытства узнать, какое они на насъ произведутъ впечатлѣніе, и заставлять ихъ понапрасну проѣзжаться къ нимъ—это не хорошо,—отвѣчала Орлова.

Грандъ-дама цѣлыхъ двѣ минуты обдумывала, чѣмъ бы ей привязать писательницу, и ничего лучшаго придумать не могла, какъ предложить ей денегъ на извозчика.

Орлова вмѣсто отвѣта вынула свой бумажникъ, положила на столъ десять рублей и сказала:

— Не угодно ли вамъ принять отъ меня лепту на дѣла благотворенія вашего общества, почтеннѣйшая патронесса!

Прошло три дня въ полномъ спокойствіи для писательницы, а на четвертый къ ней пришла другая институтская подруга, тоже генеральша, съ такимъ же мировоззрѣніемъ, какъ у Носиковой, въ такой же почти степени, какъ та, интересующаяся чужими дѣлами, и съ тою разницею, что она не считала себя ни умѣе, ни краснорѣчивѣе другихъ, а потому была добродушна, за что и пользовалась расположеніемъ всѣхъ знакомыхъ. И она прямо начала съ упрековъ.

— Помилуй, что ты надѣлала! Ты оскорбила грандъ-даму, а это плохо отразилось на хлопотавшей за тебя Носиковой.

Орлова, слушая ее, заливалась веселымъ хохотомъ.

— Не смѣйся, ты повредила ей очень серьезно. Теперь рѣшительно никто съ ней незнакомъ.

— Тѣмъ лучше, пусть она волей-неволей помолчитъ.

— Какъ же, помолчитъ она. Стоитъ по цѣлымъ днямъ у двери кабинета мужа и говорить. Но главное: дочь-то ея не виновата, бѣдная, а между тѣмъ у нея потеряна надежда выйти замужъ при такихъ обстоятельствахъ. Между нами будь сказано: вѣдь ужъ ей... далеко за двадцать! Она сохнетъ и блѣкнетъ, и закладываетъ уши ватой, чтобъ не такъ слышенъ былъ голосъ матери.

— Ахъ, несчастная дѣвушка! Какъ ее зовутъ?

— Не знаю, какъ зовутъ, но надо войти въ ея положеніе.

— Непремѣнно надо!—Орлова обладала большимъ умѣньемъ входить въ чужое положеніе, поэтому она перестала смѣяться и задумалась надъ участію дѣвушки. Разъ побывавъ у Носиковыхъ, она видѣла ее за самоваромъ, но голоса ея не слышала. Даже именемъ ея никто не интересуется, до такой степени ступевана миленькая дѣвушка пытками материнскаго краснорѣчія.

— И знаешь, какую она сплетню про тебя распустила,— продолжала, между тѣмъ, гостя:—будто она нечаянно открыла у тебя платяной шкафъ и нашла тамъ мужчину. Да еще молодого!

— Это вздоръ.

— А Носикову все-таки жалко.

Пожалѣла ее и Орлова и въ тотъ же день отправилась къ ней. И такъ какъ въ тотъ же день была напечатана въ „Стрѣль“ ея статья, генеральша Носикова выходила изъ себя. Она послала съ дочерью газету мужу въ кабинетъ, а сама, стоя за дверью, кричала.

Въ самый моментъ самаго сильнаго раздраженія, когда языкъ отказывался ей повиноваться, она оглянулась и увидѣла передъ собой Орлову. За своимъ крикомъ она не слышала ни звонка, ни доклада прислуги, и была слегка испугана неожиданностью, но гнѣвъ ея мгновенно улегся. Она ужъ съ неподдѣльной радостью принимаетъ, сажаетъ гостью, не знаетъ, чѣмъ угостить.

— Я хочу познакомиться съ вашей дочерью,— говоритъ Орлова:—въ тотъ разъ я ее почти не видала и не спросила, какъ зовутъ.

— Лѣлей. Сейчасъ я велю ей одѣться.

Орлова осталась одна. Достаточно было ей одного взгляда на шаблонную обстановку съ портретомъ шефа полка и фотографіями батальонныхъ командировъ, съ фикусомъ у окна и краснымъ зонтомъ-абажуромъ на лампѣ, чтобъ прослѣдить мысленно сбрую, ровную, спокойную и сытую жизнь въ ней, жизнь скучнаго довольства... И хочется ей быть понятой хорошенькой Лёлей, вложить въ нее частицу себя. Но молчаливая, робкая дѣвушка не способна ее понимать. Въ печальномъ взглядѣ ея столько подавленныхъ воплей безнадежной тоски, что, вся проникнутая добрымъ чувствомъ къ ней, Орлова сказала:

— Приходите ко мнѣ во вторникъ.

— Мама никуда меня не беретъ съ собой,—шепнула ей Лёля:—потому что не съ кѣмъ отца оставить.

— Я бы представила вамъ жениха.

— Мнѣ приданаго не дадутъ, если я безъ позволенія...

— Онъ не спроситъ придаваго. А вы все-таки спросите позволенія.

Когда былъ поданъ кофе съ домашними ватрушками, и генеральша стала потчивать подругу, та отнеслась къ этому критически.

— Кто же въ такіе часы кофе пьетъ?

— Для дорогой гостыи,—заговорила заискивающимъ тономъ, вполне умиротворенная ея визитомъ генеральша:—а впрочемъ, вы правы. У насъ, я сама знаю, все какъ-то не такъ.

— Надо выдать Лёлю замужъ за вѣмца,—сказала Орлова:—чтобъ онъ ввелъ духъ дисциплины въ вашъ домъ. Я познакомлю васъ съ однимъ барономъ; вотъ человѣкъ: честенъ, благороденъ, уменъ, образованъ, воспитанъ...

— Да ужъ вы и въ институтѣ отличались необыкновенной способностью всѣхъ заражать своими восторгамъ,—перебила ее неугомонная генеральша:—помните, какъ вы разъ...

— Помолчите пожалуйста,—попросила ее Орлова, и продолжала:—онъ артистъ-музыкантъ, знатокъ въ живописи...

— А къ кому, бывало, вздумаете внушить отвращеніе...

— Помолчите, тутъ дѣло идетъ о счастьѣ вашей дочери.

— Для счастья своей дочери я готова наложить на себя даже обѣтъ молчанія.

— И отлично бы сдѣлали. Приводите ее ко мнѣ во вторникъ, съ условіемъ предоставить говорить другимъ. Согласны?

Обнявъ Орлову и смѣясь, стараясь не придавать своимъ словамъ просящаго выраженія, генеральша открыла тутъ свою душу.

— Я только о ея счастьѣ и думаю, когда говорю... совсѣмъ о другомъ... Познакомьте же насъ съ барономъ. Я его видѣла у васъ... ахъ, какой интересный! Еслибъ только вы не писали, — незамѣнимый вы были бы другъ.

Орлова отправилась къ барону, застала его за роялью, послушала его игру съ удовольствіемъ, но ко всему остальному отнеслась съ осужденіемъ.

— Зачѣмъ попала эта бритва въ залу? Кто жъ теперь двери драпируетъ такимъ допотопнымъ способомъ! Сейчасъ во всемъ проглядываетъ холостякъ: обивка мебели дорогая, а фасонъ невозможный. И пыль, и запахъ какой-то... Не умѣете распорядиться всей этой мелочью, прекраснѣйшимъ матеріаломъ для декорума. У васъ все сбито въ кучу, ни красы, ни радости; куда вы вазу поставили? Тутъ нужна женская рука. Почему вы не женитесь, баронъ, вѣдь вамъ ужъ сорокъ лѣтъ.

— Что-жъ вы не вышли за меня, когда мнѣ было тридцать, — возражаетъ баронъ.

— Развѣ я не права была? мы характерами не гармонируемъ, и не могли бы ужиться. Совсѣмъ бы въ другомъ родѣ вамъ жену! Приходите ко мнѣ во вторникъ. Если вамъ понравится дѣвушка, съ которой я васъ познакомя, женитесь на ней, пока не поздно. Отецъ ея чудакъ генераль, никому не мѣшающій жить, лишь бы ему не слишкомъ надоѣдали; мать ея — *une vraie chipie*, какъ собесѣдница, но въ общемъ честныхъ правилъ особа, такъ что лучшей семьи, пожалуй, трудно найти. Придете? Я требую: приходите.

Во вторникъ произошло первое свиданіе Лѣли съ барономъ, и оба влюбились другъ въ друга съ перваго взгляда, а вскорѣ затѣмъ состоялась и свадьба ихъ, потому что Орлова взяла съ генеральши Носиковой честное слово и письменное обязательство говорить только о томъ, что интересно другимъ. И такъ какъ молодые поселились отдѣльно, генеральша Носикова опять поглощена хозяйствомъ и заботами о мужѣ не ради своей души, а для него самого. Ему поэтому живется хорошо, и въ кабинетъ ужъ онъ не запирается, а ей ужъ некогда теперь страдать изъ-за чужихъ успѣховъ...

А. Виницкая.

ПИСЬМА

Н. В. ГОГОЛЯ

Ближайшій родственникъ и наслѣдникъ Николая Васильевича Гоголя (пожелавшій остаться неизвѣстнымъ) предоставилъ намъ свой семейный архивъ. Въ архивѣ этомъ находилось до 160 (если считать и отрывки) писемъ Гоголя къ матери его, Маріи Ивановнѣ Гоголь-Яновской; кромѣ того здѣсь были переписанныя рукою Николая Васильевича цѣлыя произведенія и отрывки любимыхъ имъ авторовъ; напр.: вѣкогда запрещенная статья Хомякова — „Церковь одна“, „Демонъ“ — Лермонтова, заключающій нѣсколько новыхъ строфъ и стиховъ, сравнительно съ видѣнными нами печатными текстами. Главнымъ образомъ, архивъ состоялъ изъ бумагъ историческаго характера: переписка, стихотворенія, записная книжка, отрывокъ комедіи — отца, затѣмъ переписки — матери, дѣда, бабки, прадѣда, прабабки, тетокъ — Николая Васильевича. Наконецъ — всякіе документы. Помѣщаемыя нынѣ письма Николая Васильевича Гоголя частью не были до сихъ поръ извѣстны, частью же хотя и напечатаны въ изданныхъ П. Кулишомъ „Сочиненіяхъ и письмахъ Н. В. Гоголя“ (т. VI и VII, 1857 г. — библиографическая рѣдкость), но напечатаны съ пропусками, благодаря которымъ пострадало ихъ содержаніе, почему теперь снова издаются полностью. На многихъ, особенно заграничныхъ, письмахъ сохранились почтовые штемпеля, печати, такъ какъ Гоголь часто не употреблялъ конвертовъ, а надписывалъ адресъ на самомъ письмѣ. Письма печатаются съ исправленіемъ грамматическихъ и синтаксическихъ неточностей. Николай Васильевичъ до конца дней своихъ совершенно не признавалъ знаковъ препинанія, а

если и ставилъ ихъ, то такъ: „очень радъ что, вы здоровы“ — и допускалъ много ореографическихъ особенностей; такъ онъ писалъ: друго, естли, здѣлатъ, влетѣа, мѣлочи, неделя, онѣ выучаться, щотъ (иногда щетъ), сдѣсь, сомненье, тѣрпѣніе, целую, и т. п. Части писемъ, опущенныя въ изданіи Кулиша, помѣщаются между двумя звѣздочками.

В. Б.

I.

Дражайшіе родители, папенька и маменька. Долгое время не получаю я отъ васъ никакого извѣстія и начинаю уже думать, что вы какъ-нибудь потревожены. Ахъ, какъ бы я желалъ, чтобы вы были въ совершенномъ здравіи и благополучіи; дай Богъ, чтобы Онъ принялъ желаніе вашего сына, который навсегда съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью навсегда останется вашимъ послушнѣйшимъ и покорнѣйшимъ сыномъ. — Николай Гоголь-Яновскій.

1821 года. Августа 26. Нѣжинъ.

II.

Пріѣхалъ я сюда въ Нѣжинъ 18-го въ вечеру поздно невредимо и благополучно. Въ послѣдній только день верстъ за 30 отъ Нѣжина обдало меня холоднымъ дождемъ, но съ помощью моей пространной брыки я ускользнулъ-таки отъ него и теперь удоренился въ свое мѣстопробываніе съ новою твердостью, съ новою силою, крѣпостью въ своимъ занятіямъ, съ освѣтившимся воспоминаніемъ вашей любви, вашего нѣжнаго материнскаго обо мнѣ попеченія, которое въ часы досуга улаживаетъ утружденныя мечты и порываетъ меня къ достиженію своей цѣли съ неизмѣнною непоколебимостью. вмѣстѣ съ вами вспоминаетъ благодарное мое сердце и радостное общество близкихъ родныхъ нашихъ, моихъ дядей Петра Петровича, Павла Петровича и Варвару Петровну. Ихъ образъ навсегда врѣзался въ душѣ моей. Какъ они любятъ меня! хотя я не былъ достоинъ любви ихъ и не могъ имъ выказать моей благодарности; меня нельзя было имъ узнать. Да и могли ли они думать, чтобы подъ внѣшнимъ видомъ настойчиваго упрямства, которое рѣзко означило характеръ мой, могло биться сердце, отворотившееся всего, носящаго названіе злого.

Вы, почтенѣйшая маменька, извѣдавшія хотя мало тайникъ души моей, вы простите меня въ словахъ и поступкахъ, которые никогда не выливались отъ сердца, но которые были невольныя выскочки словъ; когда въ умѣ бродили другія мысли, вы знали, что я былъ часто болтливый и въ одно время раздумчивый, если чего мой разговоръ не касался.

Петру Петровичу изъясните мою глубокую преданность, любовь и почтительную дружбу. Я бы писалъ къ нему, но боюсь наскучить письмомъ, которое вовсе не было бы занимательно, да и могутъ ли быть занимательны письма отшельника, простившагося на цѣлый годъ съ разнообразнымъ свѣтомъ. Павлу Петровичу и Варварѣ Петровнѣ мой низайшій поклонъ и прошеніе не забывать такъ ихъ любящаго.—Н. Гоголь.

Мнѣ здѣсь очень весело, особливо когда оканчиваю на время свои занятія, которыя также приносятъ мнѣ удовольствіе неизъяснимое. Антону я еще далъ на дорогу изъ своихъ 4 р. 80 к.; у него не стало, а здѣсь овесъ чрезвычайно дорогъ.

III.

Отрывокъ.

. Александра Федоровна, которой смѣтливости и тонкимъ замѣчаніямъ я всегда удивлялся, можетъ въ этомъ случаѣ оказать намъ очень большую помощь. Скажите ей, что я при моемъ заочномъ поцѣлуѣ ея ручки не забылъ моего обѣщанія касательно филейныхъ иголокъ; но въ британскомъ магазинѣ онѣ всѣ вышли, а русскихъ я не хочу покупать; чуть только доставятъ ихъ въ здѣшнюю биржу, тотъ же часъ повергну ихъ къ рукамъ ея. Хотѣлось бы мнѣ очень моей милой сестрицѣ Марьѣ Васильевнѣ прислать что-нибудь, но Богъ видитъ—не могу; пролятая болѣзнь, посѣтившая-было меня при вскрытіи Невы, помогла еще болѣе истребленію денегъ; но какъ только сколько-нибудь разживемся, то непременно вышлемъ что-нибудь изъ заграничныхъ диковинокъ.

Здоровы ли всѣ наши? Свидѣтельствую мое почтеніе дѣдушкѣ (скажите, пожалуйста, чтѣ его тѣжба, имѣетъ ли конецъ?), бабушкѣ Марьѣ Ильиничнѣ, также и Аннѣ Матвѣевнѣ, а въ заключеніе всѣмъ добрымъ, искренно васъ любящимъ сосѣдямъ. Поцѣлуйте за меня Аняку; сдѣлайте милость, прилагайте всевозможное старанье о воспитаніи этого умнаго дитяти; тайное какое-то

предчувствіе мнѣ предрекаетъ, что отъ него много можно ожидать; также шалунью-Лизу, съ тѣмъ только, чтобы она не....

Еще прошу васъ выслать мнѣ двѣ папенькины малороссійскія комедіи: Овца-Собака и Романа съ Параскою. Здѣсь такъ занимаетъ всѣхъ все малороссійское, что я постараюсь попробовать, нельзя ли одну изъ ихъ поставить на здѣшній театръ. За это по крайней мѣрѣ достался бы мнѣ хотя небольшой сборъ; а по моему мнѣнію ничѣмъ не должно пренебрегать. На все нужно обращать вниманіе. Если въ одномъ неудача, можно прибѣгнуть въ другому, въ другомъ—въ третьему и такъ далѣе. Самая малость иногда служитъ большою помощію.

Прошу васъ также, маменька, такъ какъ переписка наша теперь пойдетъ дѣятельнѣе, писать два раза въ мѣсяцъ, тѣмъ болѣе, что сами наблюденія ваши того требуютъ...

IV.

ОТРЫВОКЪ.

...Она рѣшилась пожертвовать временемъ собрать для меня нѣсколько любопытныхъ пѣсенъ, но драгоцѣннѣйшія изъ нихъ есть однакоже описанныя вами двѣ запорожскія. Благодарю также Луверью Федоровну и Марью Борисовну за ихъ участіе. Жаль только, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рука неразборчива, что я до сихъ поръ многого не разобралъ. Вы писали мнѣ, что не совсѣмъ довольны моимъ планомъ дому, а именно, что я не выставилъ пристроекъ, и чрезъ то дѣвичью комнату по моему плану вы находите слишкомъ малою; на это я могу отвѣчать, что въ нынѣшнемъ вашемъ домѣ, въ которомъ вы живете, и дѣвичья, и дѣтская, все вмѣщается въ одной комнатѣ, которая часто служитъ сверхъ того туалетомъ для сестры и для васъ, и потому я полагаю, что небольшой особой комнаты довольно будетъ для дѣвичей, тѣмъ болѣе нѣкоторыя изъ нихъ должны сидѣть и въ дѣтской комнатѣ, и въ Машенькиной. Чрезъ это предполагалъ и сбереженіе лѣсу, издержекъ за работу, которыя, по словамъ вашимъ, немаловажны. 500 р. за одну только придѣлку небольшихъ маловажныхъ пристроекъ за одну плотническую работу. Эта цѣна даже здѣсь въ Петербургѣ не назвалась бы дешевою. Впрочемъ, можетъ быть, теперь у насъ работники вздорожали—я этого не знаю; мнѣ бы казалось только, что гораздо лучше своими снять мезонинъ и укрыть крышу, а особливо, если случится у васъ архитекторъ. Пристроечка же небольшая съ мудростью одного десятка мужи-

ковъ можетъ уладиться. Во многихъ мѣстахъ Европы, а теперь и въ Россіи, въ тѣхъ странахъ, гдѣ мало лѣсовъ, употребляютъ для постройки домовъ особенный составъ, котораго главную часть составляетъ глина; видѣвши собственными глазами производство такихъ строеній, я не могъ надивиться красотѣ и прочности ихъ; пожары, бывающіе гибельными для каменныхъ строеній, ничего не могутъ сдѣлать надъ построеннымъ изъ этого состава, потому что глина отъ огня не разрушается, а дѣлается крѣпче еще. Съ радостью сообщилъ бы я описаніе производства, но знаю, что наши мужики не поймутъ, и, напроказивши, назовутъ еще негоднымъ это изобрѣтеніе. Притомъ его нужно видѣть самому.

Теперь вездѣ стараются распространять засѣваніе картофеля, польза котораго такъ очевидна, что я бы совѣтовалъ попробовать вамъ въ небольшомъ количествѣ. Въ другихъ странахъ прекратили засѣваніе хлѣба и сѣютъ только картофель. Вы хотите знать пользу его? Она многочисленна: во-первыхъ, картофель въ миллионъ разъ родится болѣе всякаго хлѣба; во-вторыхъ, на картофель никогда не бываетъ неурожаю: онъ не боится ни засухи, ни града, ничего. Употребленіе же его тоже многообразно: изъ муки дѣлаются недурные хлѣбы, особливо съ примѣсью четвертой доли другого хлѣба; изъ картофеля дѣлается отличный крахмалъ, несравненно лучше пшеничнаго; но самое главное, что изъ картофеля выходитъ горѣлка, не уступающая дѣлаемой изъ жита, и доходить до 22 градусовъ. Муки, по расчисленію прагматиковъ, картофельной выходитъ съ одной десятины столько, сколько изъ двадцати десятинъ другого хлѣба; доходъ съ одной десятины полагаютъ простирающимся до 500 рублей. Эта статья, вѣжется, такая, которую бы стоило позаняться. Съ картофеля дѣлаютъ вино такимъ образомъ: сваривши картофель, растираютъ его и наливаютъ на него теплой воды вдвое больше количествомъ противъ картофеля; дать сему затору придти въ броженіе, для ускоренія коего прибавить немного солоду и пивныхъ дрожжей. Когда все это придетъ въ совершенное броженіе, то перелить сію брагу въ кубъ, изъ котораго и получится вино отъ 20 до 22 градусовъ. Сдѣлайте изъ него хоть одно ведро на пробу и напишите, будетъ ли что-нибудь у васъ изъ него.

Въ самое это время, когда я хотѣлъ оканчивать письмо мое къ вамъ, посѣтилъ меня начальникъ мой по службѣ, съ не совсѣмъ дурною новостью, что жалованья мнѣ прибавляютъ еще двадцать рублей въ мѣсяцъ. Итакъ, я снова спрашиваю васъ, маменька, можете ли вы мнѣ выслать по 80 рублей въ мѣсяцъ (исключая мая, за который мнѣ необходимо нужно 100). Умень-

шеніе, правда, маловажное, по крайней утѣшительно тѣмъ, что меня замѣчаютъ; это даетъ мнѣ право надѣяться, что не будетъ ли еще прибавки къ новому году. Но впрочемъ, если не въ состояніи высылать мнѣ по таковой суммѣ, то сдѣлайте милость не затрудняйте себя. Я повторяю снова, что буду почитать себя причиною всѣхъ горестей и безпокойствъ. Я уже совѣщался здѣсь и насчетъ моего намѣренія перемѣститься въ провинцію, но признаюсь—Боже сохрани, если доведется ѣхать въ Россію. По моему, ежели ѣхать, такъ уже ѣхать въ одну Малороссію. Но признаюсь, если разсудить какъ нужно, то, несмотря на такую охоту и желаніе ѣхать въ Малороссію, я совершенно потеряю все, если удалюсь изъ Петербурга. Здѣсь только человѣку достигнуть можно чего-нибудь, тутъ тысяча путей для него, нужно только употребить терпѣніе, съ которымъ можно-таки дождаться своего.

Вы теперь, кажется, не получаете никакого журнала. Посылаю вамъ одинъ, который по важности своихъ статей почитается здѣсь лучшимъ и который достается мнѣ даромъ, по причинѣ небольшого моего участія въ изданіи его. Каждый мѣсяцъ выходитъ книжка, которую я буду немедленно препровождать къ вамъ. Посылаю вамъ также нововышедшій романъ, подаренный мнѣ самимъ авторомъ.

(Строчка вымарана) добрѣйшая изъ матерей и попечительнѣйшая, за мои вѣчно наносимыя непріятности вамъ, чего бы я не далъ, чего бы (неразборчивое слово), чтобы избавить васъ отъ нихъ. Извините, что такъ дурно и неразборчиво пишу. Рука у меня обвязана и разрѣзана разбитымъ стекломъ. Боль мѣшаетъ мнѣ болѣе писать до слѣдующаго письма. Простите. Очень жалѣю, что не въ силахъ болѣе написать вамъ о нужныхъ предметахъ, которые я хотѣлъ-было сообщить въ вашемъ письмѣ, теперь откладываю.

VI.

ОТРЫВОКЪ.

...Маленькія сестрицы найдутъ въ этой послыжѣ и себѣ конфекты, только за это онѣ должны не забывать писать, да нельзя ли ихъ какъ-нибудь заставить, чтобы въ письмѣ говорили онѣ побольше о томъ, чтѣ дѣлаютъ дома и чтѣ съ ними случается. Напримѣръ, еслибы Лиза сама описала происшествіе съ кунницей, вѣдь это вѣрно было бы недурно.

Дайте одинъ изъ кушаковъ Варварѣ Семеновнѣ. Мнѣ казалось, что сестрѣ болѣе всего шель розовый цвѣтъ, и потому я

почти всего набралъ розоваго. Впрочемъ, здѣсь теперь онъ самый употребительнѣйшій цвѣтъ.

VII.

1832. Декабря 3-го.

Я былъ въ опекуновомъ совѣтѣ. Вамъ нечего слишкомъ беспокоиться. Вамъ дано будетъ знать чрезъ губернское правленіе, что опекуновскій совѣтъ требуетъ и напоминаетъ вамъ о процентахъ; и тогда (если вы не соберетесь внести) губернаторъ можетъ о васъ дать удостовѣреніе, что вы точно по случаю неурожая и проч. тому подобнаго не имѣете возможности и просите отсрочки, и васъ оставятъ на время, вами положенное, въ покоѣ. Впрочемъ, до требованія продлится навѣрное мѣсяць еще. И потому вы вѣрно успѣете отправить заранѣе, и тѣмъ избѣжите хлопотъ ѣздить къ губернатору просить свидѣтельства. Посылаю вамъ узоры: моего изобрѣтенія здѣсь нѣтъ, потому что я его еще не кончилъ. Эти же узоры посылаю вамъ для тѣхъ ковровъ, о которыхъ я вамъ говорилъ еще дома: поле все въ клѣткахъ подъ тѣнь, такъ какъ я вамъ оставилъ рисунокъ на стульѣ. По полю бѣлые круги ($\frac{3}{4}$ аршина въ діаметрѣ), они должны чаще и ближе одинъ отъ другаго, чтобы подя (хотя оно и клѣчатое) видно было немного; въ кругѣ будетъ цвѣтовъ, который при семъ посылаю. Одинъ букетъ ставьте на всѣ круги. Это не будетъ однообразно. А коверъ будетъ между тѣмъ чрезвычайно ярковъ. Кайму какую хотите изъ двухъ употребите, или гирлянды на полѣ по бѣлому полю (только не по черному, какъ тамъ начато), или другую по голубому. Лучше, я думаю, первую. Другой же коверъ-ландшафтъ, который тоже посылаю, будетъ прелестенъ. Кайму къ нему я пришлю вамъ скоро. Она необыкновенно широка и вся въ цвѣтахъ, такъ что ландшафта остается небольшая середина ковра, а чрезъ это коверъ очень выйдетъ поразителенъ: ландшафтъ съ рамкою кажется въ отдаленіи. Прощайте, безцѣнная маменька. Дочери ваши посылаютъ вамъ конфеты. — Любимшій сынъ вашъ Николай. Да, квартира моя: Адмир. части въ Новомъ переулкѣ, домъ Демуть-Малиновскаго, близъ Мойки.

VIII.

26 марта.

Письма ваши, одно почтою, другое чрезъ Данилевскаго, получилъ. Очень благодаренъ вамъ за присылку шапки, пояса и прочаго. Жаль, что не застала васъ во-время просьба о кунтушѣ.

Томъ III.—Іюль, 1896.

47/19

Но впрочемъ это можно исполнить при другомъ удобномъ случаѣ. Можетъ быть, Леонтьевъ будетъ въ нашихъ мѣстахъ, и тогда можно будетъ чрезъ него. Радъ очень, что вы немного успокоились насчетъ хозяйственныхъ хлопотъ. Дѣти, слава Богу, здоровы. *Такъ какъ природныхъ способностей у нихъ немного, то я не нахожу, чтобы имъ нужно было непремѣнно упреждать ихъ. Лучше пусть этотъ годъ они почти ничего не дѣлаютъ и остаются въ томъ же классѣ еще на два года! Притомъ же, зачѣмъ имъ выходить слишкомъ молодыми?*

Съ 1-го февраля и до сихъ почти поръ здѣсь стоитъ прекрасная зима. Какъ у васъ? Я думаю, весна уже давно началась, по крайней мѣрѣ въ полѣ зеленѣетъ. Я всегда очень сожалею, что мнѣ никогда почти не доводилось встрѣтить весну въ нашемъ краѣ. Можетъ быть, послѣдующій годъ Богъ поможетъ исполниться этому моему желанію. Однако, прощайте, желаю вамъ окончить постъ и провести праздники весело. Впрочемъ до того времени, можетъ быть, успѣю еще написать къ вамъ. — Вашъ сынъ Н.

IX.

Ноябрь, 22. Спб.

Во-первыхъ, прежде всего я долженъ благодарить васъ за посылку. Сестру—за пѣсни, изъ которыхъ особенно та, что: *що се братици якъ барятця*, очень характерна и хороша. Но болѣе всего одолжили вы меня присылкою старинной тетради съ пѣснями: между ними есть многія очень замѣчательныя. Сдѣлаете большое одолженіе, если отыщете подобныя той тетради съ пѣснями, которыя, я думаю, болѣе всего водятся въ старинныхъ сундукахъ, между старинными бумагами, у старинныхъ поповъ или у потомковъ старинныхъ поповъ. *Жаль очень, что почтмейстеръ былъ такъ нагль, что распечаталъ письмо тогда, когда по новому, недавно вышедшему постановленію, посылка не должна вскрываться до тѣхъ поръ, пока не дойдетъ до мѣста. Мою посылку онъ имѣетъ право вскрыть, но вашу только здѣсь въ Петербургѣ должны распечатывать. И потому стороною предостерегите его; если онъ еще это сдѣлаетъ, то я буду жаловаться директору почтоваго департамента Булгакову, съ которымъ я знакомъ*.

Сапоги теплые хороши и недурно сдѣланы. Одно только дурно: гдѣ сыщете вы покушниковъ? Врядъ ли хорошія вещи найдутъ сбытъ. Нужны хорошія, но самыя грубыя, въ которыхъ бы нуждался окружающій народъ. Впрочемъ вы, я думаю, лучше это знаете.

Бобовъ я не совѣтую вамъ присылать. Это будетъ только затрудненіе. За фунтъ вамъ нужно платить на почту вѣсовыхъ до 70-ти копѣекъ. Между тѣмъ ихъ этотъ годъ былъ урожай и здѣсь, и они продаются не дороже рубля за фунтъ. Пѣсни я совѣтую вамъ, если будете присылать, то давайте имъ видъ тетради или книги. Для этого непременно нужно какую-нибудь пришить къ нимъ обертку изъ цвѣтной бумаги. Потому что чиновники, служащіе въ почтамтахъ, очень глупы и никакъ не могутъ отличить пѣсенъ или другого чего-нибудь отъ дѣловой казенной бумаги. Также писемъ не кладите во внутрь посылки, чтобы не давать имъ поводъ къ привязкамъ. Если какія-нибудь попадутся вамъ старыя рукописи, вы тотчасъ велите имъ сдѣлать обертку.

Теперь, я думаю, у васъ во всемъ большая нужда по случаю неурожая. Какъ бы я желалъ чѣмъ-нибудь помочь вамъ. Но теперь, какъ на бѣду, для меня весь этотъ годъ прошелъ совершенно безъ всякой пользы. Ничего я не могъ приобрести. На слѣдующій, если Богъ поможетъ, то я буду имѣть кое-что, и буду, можетъ быть, такъ счастливъ, что уменьшу хоть сколько нибудь заботы ваши.

Вы очень хорошо дѣлаете, что отдаете Оленьку въ пансіонъ. Въ теперешнихъ обстоятельствахъ ничего лучше не можно сдѣлать. Хорошо также, что вы не даете съ нею дѣвки. Это совершенно ненужно. Особенно подтвердите и мадамъ, чтобы она держала ее при себѣ или съ другими дѣтьми, но чтобы отнюдь не обращалась она съ дѣвками. Больше всего заставлять заниматься ее руководіемъ и практикою языковъ и музыки, особенно танцами — это укрѣпляетъ члены.

Прощайте, безцѣнная маменька, желаю вамъ удачу и успѣховъ и молю Бога скорѣе вамъ дать возможность (*неразборчивое слово*). — Вашъ сынъ Николай.

Обнимаю и цѣлую всѣхъ: сестру, Петра Ивановича, дѣдушку, бабушекъ.

X.

Апрѣля 20-го. Спб.

Поздравляю васъ съ наступающимъ праздникомъ Воскресенія Христова и желаю, чтобы въ этотъ радостный для христіанъ день и въ слѣдующіе провели весело, счастливо. Насчетъ фабрики я не то хотѣлъ сказать, — но объ этомъ послѣ. Порученіе ваше къ князю Кочубею я постараюсь исполнить. Странно, что мартъ у васъ холодный. Здѣсь же, напротивъ, онъ весь состоялъ

изъ солнечныхъ и теплыхъ дней. Напишите, каковъ былъ у васъ апрѣль,—вѣрно, дождливъ? Я заключаю это изъ того, что письма наши теперь очень долго идутъ; впрочемъ, это, кажется, хорошо для хлѣба. Жаль мнѣ очень, что вы должны занимать и покупать въ долгъ. Это безпрестанно вводитъ васъ въ новыя хлопоты. Какъ бы мнѣ хотѣлось хоть немного помочь вамъ, но до сихъ поръ не имѣю никакой возможности. Мы должны всю надежду возложить на Бога и стараться какъ можно болѣе быть благо-разумными, осторожными и выбирать, что изъ полезнаго самое полезное. Вы не знаете—на сколько времени ѣдетъ Андрей Андреевичъ на-воды и къ которому мѣсяцу думаетъ возвратиться? Это мнѣ нужно знать. Прощайте, безцѣнная маменька; благодарю васъ за молитвы, которыя возносите вы обо мнѣ; онѣ вѣрно будутъ услышаны, потому что Богъ ни въ чемъ не отказываетъ добродѣтельнымъ. Умоляя съ своей стороны, я увѣренъ, что Его святая воля и безъ моей грѣшной молитвы пошлетъ вамъ счастье.—Вашъ сынъ Николай.

Поклонъ дѣдушкѣ и бабушкамъ; благодарю сестру и Катерину Ивановну за память обо мнѣ и желаю имъ также веселиться болѣе на праздникахъ.

* Павлу Осиповичу особенный поклонъ. Да! Пожалуйста не приписывайте мнѣ чужихъ сочиненій. Неужели васъ не научили безпрестанныя ошибки въ предположеніяхъ; на этотъ разъ вы ошиблись сильнѣе, нежели когда-либо. Если вамъ впередъ что-нибудь покажется моимъ, то вы, по крайней мѣрѣ, не рассказывайте этого другимъ; впрочемъ, это такіе пустяки, о которыхъ нечего говорить, и мнѣ это ни мало не обидно. Я сдѣлалъ это замѣчаніе потому только, что авторъ барона Брамбеуса не на слишкомъ хорошемъ счету. Его грязныя сочиненія нравятся только низшему классу *.

Анетъ и Лиза, слава Богу, здоровы. Онѣ вѣрно написали вамъ письма, но мнѣ некогда идти въ институтъ, тѣмъ болѣе, что почта сейчасъ отходить.

XI.

Христосъ Воскресе!

Поздравляю васъ съ праздникомъ, почтеннѣйшая маменька. Вы что-то давно ужъ не писали ко мнѣ. Ужъ не сердитесь ли вы на меня, или за почтою опять началъ водиться старый грѣхъ, и письма пропадаютъ или залеживаются. Я, слава Богу, здоровъ. Прошу по прежнему Бога, чтобы и вы всегда были здо-

ровы. Сестры мои здоровы, учатся хорошо. Праздники здѣсь очень хороши. Все время стоитъ прекрасная погода, совершенное лѣто, или самая теплая весна. Я слышу, въ вашихъ мѣстахъ еще лучше. Пора въ самомъ дѣлѣ намъ хотя разъ воспользоваться хорошимъ временемъ. До сихъ поръ у насъ всѣ времена года совершенно столкнулись съ мѣстъ своихъ. —*Я думаю, уже Павелъ Осиповичъ насадилъ огородъ и любитъ первыми всходами, а сестра моя хвораетъ, охаетъ и приготовляетъ новыя философскія и мудрыя изреченія по поводу весны. Я прошу ее убѣдительно написать на особой запискѣ, которую да приложить она къ вашему письму, обстоятельно и подробно, сколько разъ она въ этомъ году поспорила. Это будетъ очень любопытная и замѣчательная вещь. Я совѣтую ей особеннымъ родомъ это сдѣлать (зачеркнуто: „и вотъ какимъ образомъ“); для этого я пришлю ей очень красивый альбомъ. Подъ каждымъ числомъ и днемъ написать: сегодня я поспорила столько-то разъ и, благодареніе Богу, очень успѣшно; сегодня — увы! я не поспорила больше одного раза, но съ помощью Божіей, можетъ быть, завтра за все вознагражду, и такъ далѣе.* Прощайте, моя маменька! Хотѣлъ-было къ празднику прислать вамъ и сестрѣ красныхъ яичекъ, но такъ былъ захлопотанъ, что нивакъ не успѣлъ. —Итакъ, до слѣдующаго раза. Будьте здоровы и веселы. —Вашъ сынъ Николай.

Да, одно слово сестрѣ Маріи: она писала мнѣ о картахъ, которыя гдѣ-то видѣла. Если тамъ есть карты Галиціи, Буковины, Кroatіи, Венгріи, Богеміи, Трансильваніи, Помераніи и вообще западныхъ славянскихъ земель и Австріи, то пусть приобрѣтеть. Но мнѣ не нужно ни Франціи, ни Голландіи, ни Испаніи, ни Швеціи, ни Англіи, ни Италиі, ни Швейцаріи, ни Даніи, — а ей я за это пришлю ноть.

ХІІ.

1834. Декабря 15-го. Спб.

Вчера получилъ я письмо ваше, маменька. Очень радъ, что вы здоровы. Только вы напрасно тужите о сдѣланныхъ долгахъ. Что жъ дѣлать? Вѣдь не вы виноваты, — виноваты тяжелые годы. Я почти никого не знаю, кто бы не надѣлалъ въ продолженіе ихъ долговъ. Жаль мнѣ очень, что не могу такъ скоро сдѣлать плана для икономостаса. Еслибы вы согласились немного обождать, то я бы прислалъ вамъ. — Впрочемъ, вы сами виноваты: вы не прислали ни мѣры (зачеркнуто: „ни“), величины его. Такъ нельзя сообразить; при томъ вамъ нужно бы было прислать рисунокъ прежняго, т. е. того, который хотѣли вы заказать. Для

сметы это необходимо. Необходимо также знать число образовъ, длину и ширину ихъ. — По зимней дорогѣ мнѣ не можно быть въ вамъ, при томъ я съ дѣлами здѣшними не раньше могу управиться, какъ въ веснѣ (зачеркнуто: „только“), стало быть мѣсяца два вы еще должны подождать послѣ февраля. *Анетъ и Лизъ еще далеко до большого класса. Я вамъ и прежде говорилъ, что полтора (года) должны потеряться, потому что онѣ не были такъ приготовлены дома, чтобы черезъ полтора года вступить въ большой классъ, или ихъ нужно было взять маленькими, или приготовленными. Впрочемъ это не мѣшаетъ, если онѣ пробудутъ еще; время не вовсе пропащее. Онѣ болѣе выучатся музыкѣ и другимъ искусствамъ*. Но прощайте! Благодарю сестру за то, что не забываетъ меня и обнимаю малютокъ ея. Завидую очень Павлу Осиповичу, что онъ разгѣзжаетъ себѣ съ мѣста на мѣсто, между тѣмъ какъ я сижу, байбакъ, въ своей норѣ. — Вашъ сынъ Николай.

XIII.

20-го марта.

Я получилъ письмо ваше, писанное вами 10-го февраля, только сегодня. Стало быть ровно черезъ полтора мѣсяца. Я думаю, не пролежало ли оно какъ-нибудь въ Полтавѣ. Я, слава Богу, здоровъ, хотя много занятъ: на меня возложили не слишкомъ для меня пріятную обузу по университету, отъ которой я, однакоже, скоро отдѣлаюсь, и потому покажѣсть и вы не сердитесь, что мало пишу. Зато посылаю вамъ письма сестеръ, которыя находятся въ хорошемъ здоровьѣ и начинаютъ понемногу успѣвать. У насъ теперь третій день стоитъ самая крѣпкая зима и санная дорога послѣ цѣлой недѣли почти весеннихъ дней, въ которые, было, весь снѣгъ растаялъ. Желаю вамъ исполненія всѣхъ вашихъ желаній, остаюсь вашъ сынъ Н. Гоголь.

Обнимаю сестру, маленькую Оленьку, племянниковъ и Павла Осиповича.

XIV.

Сентябрь, 22. Спб.

Я получилъ письмо ваше изъ Бѣлгорода. Поздравляю васъ съ благополучнымъ прїѣздомъ и радуюсь душевно, что поѣздка эта доставила вамъ успокоеніе и развлекла немного. Поздравляю васъ также съ наступающимъ днемъ ангела вашего; желанія не прибавляю: оно, безъ сомнѣнія, извѣстно. Еслибы оно только исполнилось, то вы бы давно не имѣли непріятныхъ заботъ и жили

бы смѣясь отъ утра до вечера. Лиза и Анна, безъ сомнѣнія, желаютъ того же, хотя и не успѣли написать вамъ своего поздравленія. Я посылаю при семъ ихъ прежнія письма, которые у нихъ нѣсколько залежались. Очень прискорбно мнѣ было отъ васъ слышать, что хлѣба у насъ дурны. Я не знаю, какъ вы въ состояніи будете прокормить крестьянъ *. Какъ вы сдѣлались съ Татьяной Ивановной? вѣдь, кажется, кромѣ этого едва ли теперь вамъ приходится вносить въ ломбардъ. Но, впрочемъ, Богъ вѣрно устроитъ все хорошо *. Вѣдь я, кажется, два года тому назадъ былъ у васъ на именинахъ, и помнится мнѣ, довольно не скучно мы провели. Еще ваши именины я помню одинъ разъ, назадъ лѣтъ пять слишкомъ, когда я былъ еще дома. Когда былъ... кто былъ,—я никого уже не помню. Напримѣръ, Данилевскій Теодоръ Зосим., чтѣ онъ, чтѣ дѣлаетъ? и какъ поживаетъ съ своею молодою супругою? А чтѣ Ларіонъ Тр., служитъ или въ отставкѣ, и чѣмъ занимается? Передайте ему поклонъ. Каковы вѣсти объ Андр. Андр., также и о Косаревскихъ. Если Агаѳія Матвѣевна живетъ у насъ, то напомните ей, что я очень часто вспоминаю о ней.

Милостивая государыня, Катерина Ивановна! Припасли ли вы мнѣ пѣсень? — Вашъ Николай.

XV.

1835. Спб., октябрь 1.

Поздравляю васъ, маменька, съ днемъ вашего ангела и желаю вамъ всего, чтѣ можетъ составить счастье. Ваше (*неразборчивое слово*)... чтобы имѣли сколько можно менѣе безпокойствъ, чтобы Богъ благословилъ и наградилъ ваши попеченія, чтобы дѣти ваши, т. е. всѣ мы, были всегда послушны, признательны и почтительны, и чтобы вы меньше задумывались и больше веселились. Я вашими молитвами здоровъ и спокоенъ, прочее все пустое и трннтрава. Сестры тоже здравствуютъ, и безъ сомнѣнія будутъ писать вамъ поздравленія. Передайте поклонъ мой Василю Ивановичу (*слово неразборч.*), Татьянѣ Ивановнѣ и Аннѣ Семеновнѣ. Что онѣ еще не вышли замужъ? Но особенный поклонъ бабушкѣ Марьѣ Ильиничнѣ, а вслѣдъ затѣмъ тетущкѣ Катеринѣ Ивановнѣ, которой скажите, что очень жалѣю, что до сихъ поръ незнакомъ съ моею сестрицей.

Что же касается до любезной сестрицы Маріи Васильевны, то я хотѣлъ ей написать особенно, съ присылкою кое-какихъ домашнихъ атрибутовъ, но отлагаю до другого времени и посылаю

поклонъ, который да раздѣлитъ она пополамъ между собою и мужемъ. — Вашъ послушный сынъ Николай.

* Да, скажите пожалуйста, какой плутъ полтавскій почтмейстеръ. Я, право, буду на него жаловаться.* Мнѣ были посланы отсюда двѣ посылки, которыя я долженъ былъ получить еще въ июнѣ мѣсяцѣ, а онъ ни объ одной изъ нихъ не объявилъ. Сдѣлайте милость, поручите Павлу Осиповичу справиться. Въ одной изъ нихъ находятся термометры, а въ другой—книги. Термометры оставьте у себя, а книги мнѣ пришлите назадъ. Не дурно, если случатся у васъ готовыя пары три шерстяныхъ чулокъ. Присообщите къ книгамъ.

XVI.

Ноября 19. Спб.

Письмо ваше получилъ 12-го сего мѣсяца. Если будетъ время и возможность, то я постараюсь доставить вамъ сульета (?) * Объ Оленьѣ я хлопоталъ. Мало имѣю надежды; на свой счетъ покамѣстъ не могу. Впрочемъ, это дѣло еще впереди *. Посылаю вамъ письма сестеръ, которыя, слава Богу, здоровы. Благодарю очень сестру за приписку, а еще болѣе за любовь, въ награду за которую затералъ и письмо къ ней отъ Анетъ. Цѣлую Николеньку и Ваничку и постараюсь привезть имъ гусаровъ или лошадей.

Желаю вамъ здоровья и веселаго расположенія духа. — Остаюсь вашъ Николай.

XVII.

Февраля 10. Спб. 1836.

Я получилъ ваши письма оба, но медлилъ отвѣчать на нихъ, потому что ожидалъ отвѣта князя Репнина по дѣлу Павла Осиповича, который къ сожалѣнію заключаетъ въ себѣ отказъ.

Намѣреніе ваше заложить въ приказъ я одобряю. Дай Богъ, чтобы это помогло вамъ быть спокойнѣе и дало возможность управляться успѣшнѣе съ хозяйскими дѣлами. Вы напрасно только на меня имѣли неудовольствіе, какъ я видѣлъ изъ перваго письма вашего. Тоже еще напраснѣе принимаете вы за чистыя деньги слова, сказанныя мною Татьянѣ Ивановнѣ или кому другому. Развѣ вы не видите, что я шутилъ. Я одному говорилъ, когда меня спрашивали, скоро ли я буду, что я буду черезъ пять лѣтъ, другой—черезъ десять. Вамъ я сказалъ ближе всего къ тогдашнимъ моимъ мыслямъ, потому что я дѣйствительно думалъ тогда черезъ два года пріѣхать опять въ Васильевку на недѣлю, и

черезъ годъ на три мѣсяца, воротившись изъ-за границы. Я къ вамъ пишу, выпроводивши масленицу, которая была здѣсь не такъ шумна, потому что смущена была несчастнымъ приключеніемъ. Во время представленія сгорѣлъ балаганъ со всѣми зрителями, изъ которыхъ едва половину могли спасти. Это много помѣшало всеобщей веселости, которая всегда бываетъ въ это время. Сестры здоровы, учатся, какъ говорятъ, очень недурно. Анетъ приготовляетъ вамъ какой-то большой подарокъ.

Прощайте, безпѣнная маменька; сообщите поклонъ мой всѣмъ роднымъ и знакомымъ нашимъ.—Вашъ почтительный сынъ Николай.

XVIII.

Февраля 22. Спб. 1836.

Письмо ваше я получилъ. Радъ, если вы точно избавились отъ хлопотъ взятіемъ денегъ изъ ломбарда, и душевно желаю, чтобы не случилось такъ, какъ въ первый разъ, * когда вы должны были всякій разъ занимать, чтобы уплачивать проценты, что было нѣсколько похоже на человѣка, отрѣзывающаго себѣ фалды, съ тѣмъ, чтобы заплататъ локти. Въ хозяйствѣ и желаніе, и ревность не значатъ столько, сколько аккуратность и порядокъ: они одни только могутъ помочь свести концы съ концами. И потому * прежде вы пришлите мнѣ небольшой счетъ, изъ котораго бы я могъ видѣть, сколько кому назначено и уплачено вами, сколько осталось, и на что намѣрены вы употребить ихъ. Это будетъ очень полезно и для васъ самихъ, потому что вы, сдѣлавъ таковой счетъ, можете яснѣе видѣть, какъ поступить. Еще: я не знаю, хорошо ли вы сдѣлали, что рѣшили остаться безъ управителя. Не обманываете ли вы сами себя въ этомъ случаѣ. Вамъ даже при управителѣ было очень трудно управляться; безъ управителя—еще труднѣе, это естественно.—Я опасаюсь за васъ: множество хлопотъ могутъ еще болѣе увеличить вашу разсѣянность и разстроить спокойствіе ваше, для насъ драгоцѣнное. Сообразите все это и подумайте. Желая вамъ во всемъ успѣховъ и удачъ, остаюсь вашъ послушный сынъ Николай.—Поклонъ Павлу Осиповичу, Катеринѣ Ивановнѣ, Оленькѣ и всѣмъ роднымъ и знакомымъ. * А сестрѣ Маріи, которую при этомъ случаѣ обнимаю заочно, скажите, что я ничего не могъ успѣть по ея просьбѣ, о чемъ и извѣстилъ Павла Осиповича особеннымъ письмомъ. Я заклялся о чемъ-нибудь просить послѣ этого случая, и при этомъ случаѣ я только подтвердилъ старую свою истину, которой я всегда слѣдую, что человѣкъ долженъ возлагать надежду только

на Бога и на себя. Я никогда для себя не просилъ, и только для Павла Осиповича рѣшился нарушить это правило *.

Прощайте! Извѣстите, какъ вы проводите время? съ кѣмъ больше видите, и проч. и проч.

XIX.

1836. Сентября 21. Лозана.

Я получилъ сегодня, прїѣхавши въ Лозану, два письма ваши. Одно адресованное въ Ахенъ, другое—въ Лозану. О письмахъ не безпокойтесь. Здѣшнія почты такъ хорошо устроены, что куда бы вы ни писали ко мнѣ, письма ваши найдутъ меня хоть на краю свѣта. Непріятная новость, которую вы сообщаете въ письмѣ вашемъ, поразила меня. Всегда жалко, когда видишь человѣка, въ свѣжихъ и цвѣтущихъ лѣтахъ похищеннаго смертью. Еще болѣе, если этотъ человѣкъ былъ близокъ къ намъ. Но мы должны быть тверды и считать наши несчастія за ничто, если хотимъ быть христіанами. Можетъ ли кто изъ насъ похвалиться несчастіями и испытаніями! Такія ли бываютъ несчастія! Сколько есть на землѣ людей, которые, можетъ быть, несчастія наши почли бы только за слабыя огорченія въ сравненіи съ другими жесточайшими. Если мы имѣли удовольствіе и потомъ потеряли ихъ, мы должны быть за нихъ благодарны и вспоминать о нихъ съ сладкимъ умиленіемъ, а не сокрушаться о потерѣ ихъ. Мы должны помнить, что нѣтъ ничего вѣчнаго на свѣтѣ, что горе перемѣшано съ радостью, и что еслибы мы не испытывали горя, мы бы не умѣли оцѣнить радости, и она бы не была намъ радостью.

Нѣтъ, никто изъ насъ не вправѣ назвать себя несчастнымъ, или говорить, что онъ испытываетъ долгія или непрерывныя несчастія. И вы — первая, маменька, не можете сказать этого. Правда, вы (зачеркнуто: „потеряли“) имѣли большую утрату: вы потеряли рѣдкаго друга, а нашего нѣжнаго отца, котораго до сихъ поръ никто изъ насъ не позабылъ, а 17 лѣтъ непрерывнаго, невозмущаемаго счастья, которымъ вы наслаждались съ нимъ, развѣ ничего не значить (зачеркнуто: „кто“)? Всякій ли можетъ похвалиться имъ? Нѣтъ, должно признаться, что мы всѣ, люди, неблагодарны. Мы хотимъ, чтобы не было границъ нашему блаженству. Мы позабыли, что существуютъ законы для міра. Нѣтъ, маменька, мы должны благодарить за все, чтѣ мы имѣли хорошаго. Мы должны быть тверды и спокойны всегда, и ни слова о своихъ несчастіяхъ.—Я знаю, что вы вкусите еще много радостей. Подобно вамъ, и сестра моя не должна кручиниться, если

она точно достойна назваться христіанкою. * Вы очень заботитесь насчетъ Оленьки. Сердечно жалѣю, что вы не можете доставить ей приличнаго воспитанія. Я съ своей стороны всѣми силами готовъ бы пособить, еслибы это было возможно. Я послалъ письмо въ Петербургъ просить о ней государыню, но сомнѣваюсь, чтобы былъ какой-нибудь успѣхъ, потому что всѣ институты наполнены, и при томъ теперь нѣтъ приѣма. * Вы удивляетесь, что я скоро летаю съ мѣста на мѣсто, а я, напротивъ того, удивляюсь тому, что я двигаюсь необыкновенно медленно. Къ этому присоединяете въ ту же минуту свою догадку. Но ваши догадки (не разсердитесь, маменька) всегда были невпопадъ. Вы думаете, что я оттого такъ скоро переменяю мѣста, что имѣю недостатокъ въ деньгахъ. Между тѣмъ какъ я въ такомъ случаѣ долженъ былъ бы долѣе сидѣть на одномъ мѣстѣ, потому что ѣздить здѣсь несравненно дороже, нежели сидѣть на одномъ мѣстѣ. Въ дорогѣ вы издерживаете здѣсь вдвое болѣе противъ обыкновенной городской жизни... Я еще ничего не знаю о томъ, гдѣ проведу конецъ осени. Теперь я ѣду въ Веве—маленькій городокъ (зачеркн. „въ“) недалеко отъ Лозаны. Въ этотъ городъ съѣзжаются путешественники, и особенно русскіе (зачеркн. „лечиться и“), съ тѣмъ, чтобы пользоваться винограднымъ леченіемъ. Этотъ образъ леченія для васъ вѣрно покажется страннымъ. Больные ѣдятъ виноградъ и ничего больше кромѣ винограду. Въ день съѣдаютъ по нѣскольку фунтовъ; при этомъ наблюдаютъ діету, и послѣ этого виноградъ, говорятъ, такъ сдѣлается противень, что смотрѣть не захочется. Я ѣду съ тѣмъ, чтобы повидаться съ нѣкоторыми знакомыми и посмотрѣть городокъ, который хотя очень невеликъ, но занимаетъ одно изъ лучшихъ мѣстъ Швейцаріи. Письма вы можете мнѣ адресовать по прежнему въ Лозану. — Насчетъ замѣчанія вашего объ итальянкахъ, замѣчу, что мнѣ скоро будетъ 30 лѣтъ. — Что касается до здоровья моего, то я, слава Богу, здоровъ. Молю Бога, чтобы и вы тоже вмѣстѣ съ сестрами и племянниками были здоровы. Желая вамъ всего хорошаго, остаюсь вашъ признательный сынъ Н.

Не пишетъ ли Данилевскій къ своей матери? Узнайте и извѣстите меня о его адресѣ. Я ничего о немъ не знаю съ того времени, какъ съ нимъ разстался.

XX.

Парижъ. Февраля 15-го.

Я получалъ ваше письмо, почтеннѣйшая маменька. Оно шло довольно долго, болѣе мѣсяца. Это происходитъ оттого, что почты

зимою не такъ удобны, какъ лѣтомъ. Здѣсь зима не то, что у насъ. У насъ она облегчаетъ путь, а здѣсь, напротивъ, затрудняетъ; потому что здѣсь она не что иное, какъ мокрая осень. Мнѣ теперь даже странно было услышать о морозахъ и особенно узнать изъ письма вашего, что они были до такой степени сильны, что (зачеркн. „нѣск.“) много было замерзшихъ. Во все это время здѣсь всѣ ходили въ однихъ сюртукахъ, а чаще, очень часто было время совершенно весеннее. Я болѣе полторы недѣли не думаю оставаться въ Парижѣ. Болѣзнь въ Итали давно прекратилась, и время становится благоприятнымъ для путешествія. Я въ Парижѣ все обсмотрѣлъ уже, что есть замѣчательнаго. Успѣлъ побывать и въ Версалѣ (въ 25 верстахъ отъ Парижа), этомъ великолѣпномъ (зачеркн. „жилицѣ“) обиталищѣ французскихъ королей, составляющемъ большой городъ (около 50 тысячъ душъ). (Зачеркн. „Въ нѣсколь.“). Дворецъ, сады, парки безъ всякаго сравненія великолѣпнѣе нашего Царскаго Села и построены съ большимъ вкусомъ. Теперь въ Парижѣ самое шумное время карнавала: балы за балами, спектакли великолѣпны. Въ послѣдній день карнавала было такое множество народа, какого я никогда еще не видывалъ. Всѣ бульвары, проходящіе съ одного конца до другого весь Парижъ, были завалены народомъ. Цѣлые экипажи (зачеркнуто: „какъ въ маскахъ и“) наполнены были масками. Маски разныхъ націй и костюмовъ перебѣгали безпрестанно по улицамъ. Впрочемъ, и до сихъ поръ, хотя вчера уже начался постъ, ни балы, ни маскарады не прекратились. Мнѣ хочется Свѣтлый праздникъ встрѣтить въ Римѣ и быть въ церкви святаго Петра, гдѣ долженъ служить самъ папа. И потому вы можете теперь адресовать ко мнѣ письма въ Римъ—*poste restante*. (Если я вамъ пишу обстоятельно, означая даже номеръ дома, въ которомъ живу, тогда уже не нужно ставить *poste restante* (зачеркн. „потому“), ибо сестра должна знать, что это значитъ остающаяся почта, то есть, чтобы письмо оставалось на почтѣ до того времени, пока мѣсть я не приду его взять самъ; если же на письмѣ означенъ адресъ дома, тогда его принесутъ ко мнѣ). Въ Римѣ не знаю, гдѣ остановлюсь, и потому пишу: *poste restante*. Итакъ, прощайте, до Рима. Желаю вамъ всякаго (зачеркн. „здоров.“) добра, радости, здоровья и всего, что ни есть для всѣхъ драгоценнаго. Остаюсь всегда почтительнымъ и любящимъ васъ сыномъ Н.

Обнимаю нѣсколько разъ сестрицу и моего племянника, и крестника. * Объ Оленьѣ, которую тоже заочно цѣлую, я совершенно не имѣю никакихъ вѣстей изъ Петербурга, и не знаю, будетъ ли она принята, или нѣтъ. * Не премините увѣдомить о

всемъ, что ни происходитъ въ нашихъ мѣстахъ съ нашими зна-
емыми.

Давно ли получали письма отъ сестеръ изъ Петербурга?

XXI.

Римъ. Окт.

Благодарю васъ за письмо ваше, почтеннѣйшая маменька! Оно было первое, которое я получилъ въ Римѣ. Слава Богу, вы и всѣ въ домѣ, кажется, здоровы. По хозяйству, кажется, только есть кое въ чемъ нездоровье. Ну, да въ этомъ не мы виноваты. Урожай теперь плохъ по всей Россіи. Только и дѣла, что получаешь непрерывно печальныя извѣстія то изъ тѣхъ, то изъ другихъ мѣстъ. Кстати, я заговорилъ объ хозяйствѣ. Я хотѣлъ съ вами поговорить давно, между прочимъ, объ одномъ обстоятельстве, довольно значительномъ. А именно: странно, что у насъ въ домѣ всѣ, исключая однѣхъ васъ, т.-е. всѣ сестры мои, не имѣютъ никакого понятія въ хозяйствѣ, ведутъ жизнь совершенно праздную, какъ будто бы въ жизнь никогда не придется имъ хозяйничать. Это можетъ просто быть для нихъ несчастіемъ со временемъ, когда придется имъ жить не при васъ. Въ главныхъ статьи хозяйства вы ихъ не вводите потому, что это будетъ не по силамъ, а назначьте каждой изъ нихъ какую-нибудь изъ второстепенныхъ частей, такъ, чтобы она знала только одну ее, вела тщательный приходъ и расходъ, смотрѣла бы за нею внимательно и потомъ бы въ мѣсяцъ разъ давала бы вамъ отчетъ. Такимъ образомъ исподволь и понемножку онѣ будутъ пріучаться въ хозяйству, что необходимо, въ какомъ бы ни были онѣ состояніи. А между тѣмъ вы будете имѣть у себя вѣрныхъ небольшихъ управительницъ, вмѣсто разныхъ нанятыхъ и своихъ ключницъ и домоводовъ, которыя большею частью бываютъ негодяйки и народъ, на который трудно положиться. Я увѣренъ, что вы совершенно сознаете пользу этого и вѣрно бы сами сдѣлали это, еслибы не заботы важнѣйшія и бывшее нѣсколько тревожное для васъ время.

Теперь позвольте поздравить отъ души и сердца съ днемъ ангела вашего. Вы уже, безъ сомнѣнія, провели его, и письмо мое вмѣстѣ съ поздравленіемъ придетъ послѣ него, но во всякомъ случаѣ вы знаете, что я вѣрно поздравилъ и себя, и васъ въ это вѣснѣ намъ веселое утро 1-го октября.

Съ этимъ поздравляю также всѣхъ сестеръ, которыхъ всѣхъ обнимаю отъ души.

XXII.

Римъ. Февраль. 1837.

Я получилъ ваше письмо, почтеннѣйшая маменька, пущенное вами 17-го декабря. Вы ожидаете съ нетерпѣніемъ моего приѣзда и совѣтуете мнѣ ямъ поспѣшить. Мнѣ бы самому съ своей стороны было бы не меньше пріятно. Но прежде всего мы должны повиноваться тому, что предписываетъ намъ благоразуміе. Для моего здоровья нужно прожить долѣе въ Италіи; во время же короткое нельзя вынести большей пользы отсюда. Вы, я полагаю, знаете, что (зачеркнуто „дѣйствит.“) климатъ дѣйствуетъ медленнѣе, нежели другія средства. Это не то что лекарство отъ кашля, лихорадки и отъ тому подобныхъ болѣзней, что сегодня принять, а завтра здоровъ. Не то даже, что вода, которая дѣйствуетъ скорѣе. Для того, чтобы (зачеркнуто: „узнать“) почувствовать вліяніе климата, нужно остаться годъ, два, по крайней мѣрѣ. Къ тому жъ и никакихъ побудительныхъ причинъ, чтобы (зачеркнуто: „спѣшить, въ тому, возвратиться и чтобы“) присутствіе мое было необходимо теперь дома или въ Петербургѣ. Вы увѣряете, что нашъ климатъ въ Малороссіи производитъ то же самое дѣйствіе, что въ Италіи; и что Кричевскій меня вылечитъ непремѣнно. На это я вамъ скажу, что климатъ здѣшній вовсе не то, что въ Малороссіи. У васъ теперь, безъ сомнѣнія, 25 градусовъ морозу, а здѣсь 15 градусовъ тепла. Никакого вѣтра. Тепло и лучше, нежели весною. Во всю зиму я ни разу не топилъ въ комнатѣ, и у меня въ ней вѣрно теплѣе, нежели у васъ (sic). Что же касается до того, что Кричевскій меня вылечитъ, я и съ этимъ не согласенъ. Кричевскій, конечно, не дурной докторъ, но геморойдъ не такая болѣзнь, какъ другія, рождающіяся внезапно. Никакія лекарства для нея не нужны (зачеркнуто: „ей нужны“). Нужно обращать вниманіе только на климатъ и на родъ жизни. И признаюсь, что я началъ себя чувствовать хуже съ того времени, когда, по совѣту Кричевскаго, началъ принимать, бывши дома, теплыя ванны и сарсапелель.

Но обратимся теперь къ другимъ пунктамъ вашего письма. Вы говорите о намѣреніяхъ сестры моей Мари вступить въ новое супружество. Говорите о томъ, который привлекаетъ ея вниманіе и ищетъ руки ея, но все такимъ же загадочнымъ образомъ, какъ и въ первый разъ ея помолвки, когда я узналъ только о имени и фамиліи жениха не прежде, какъ получивъ уже отъ него письмо съ извѣстіемъ, что все уже кончено и что за мной только дѣло; и еслибы онъ не вздумалъ подписать (зачеркнуто: „подъ“) внизу

свое имя, то я бы долго не зналъ, кого имѣю честь называть своимъ зятемъ (зачеркнуто: „И теперь“). Такимъ же образомъ и теперь вы (зачеркнуто: „говорите“) не упоминаете ни слова ни о его фамилии, ни о его званіи и чинѣ. Говорите только, что онъ прекраснаго характера (зачеркнуто: „я вамъ ска“), но въ два, три свиданія узнать трудно человѣка, тѣмъ болѣе, что онъ явился изъ чужой губерніи, и вы не сказали ни слова, кто изъ вашихъ знакомыхъ, такой, на котораго можно бы положиться (зачеркн. „вамъ“), ручался за него, которому бы характеръ его, его состояніе было извѣстно. Я вамъ совѣтовалъ бы во всякомъ случаѣ прежде посоветоваться осторожно съ разсудительнымъ человѣкомъ. Теперь, какъ вы пишете, пріѣхалъ въ ваши (передѣлано: „наши“) мѣста съ тѣмъ, чтобы поселиться, Владиміръ Юрьевъ Леонтьевъ. Я бы совѣтовалъ вамъ иногда прибѣгать къ его мнѣнію. Онъ человѣкъ весьма неглупый, очень опытный и видитъ вещи въ настоящемъ видѣ. Разумѣется, заблаговременно (приписано сверху: „вы съ нимъ совѣтуйтесь“) (зачеркнуто: „потому что, когда дѣло“), пока еще дѣло не начато, потому что иначе, какъ всякій благоразумный человѣкъ, онъ не скажетъ вамъ своего мнѣнія, опасаясь произвести взаимное неудовольствіе и безалаберщину. Одну (передѣлано изъ „одинъ“) (зачеркн.: „совѣтъ“) вещь я вамъ осмѣливаюсь замѣтить: къ чему такая поспѣшность (зачеркн.: „сестра М.“). Кажется, какъ будто кто сзади толкаетъ это ваше предпріятіе (зачеркнуто: „сестра Мари должна уже“). Едва прошелъ годъ послѣ замужества, уже сестрѣ моей не терпится. Но она должна, я думаю, помнить, что ей смѣшно будетъ теперь, послѣ перваго опыта, рискнуть опять такимъ же образомъ. Ради Бога будьте осторожною и прежде (зачеркн.: „развѣдайте хорошенько“) осмотритесь и менѣе всего полагайтесь на толки худые и хорошіе вашихъ кумушекъ и сосѣдокъ (зач.: „эти“). Онѣ — старыя дѣвицы и любятъ рязить, толковать и плестъ, исторіи и могутъ совсѣмъ сбить съ толку. Все это, что я вамъ говорю, есть не болѣе, какъ совѣтъ; потому что сестра теперь совершенная госпожа надъ собою и надъ своею волею. Но если совѣтъ любящаго ее брата имѣетъ надъ нею какой-нибудь вѣсъ, то я бы сказалъ ей: не мнѣняй своего вдовьяго состоянія на супружество, если только это супружество не представитъ большихъ выгодъ. Вы сказали только, что женихъ съ состояніемъ, но ни слова не сказали, какъ велико это состояніе. Если это состояніе немногимъ больше ея собственнаго, то это еще небольшая вещь. Она должна помнить, что отъ нея пойдутъ дѣти, а съ ними тысячи заботъ и нуждъ, и чтобы она не

вспомнила потомъ (зачеркнуто: „тогда“) съ завистью о своемъ прежнемъ бытѣ. Дѣвушка 18-лѣтней извинительно предпочесть всему наружность, доброе сердце, чувствительный характеръ и для него презрѣть богатство и средства для существованія. Но вдовѣ 24-хъ лѣтъ, и притомъ безъ большого состоянія, не простительно ограничиться только этимъ. Она еще молода. Партія ей всегда можетъ представиться (зачеркнуто: „ей нечего опасаться“). Притомъ же дѣвушка боится (зачеркнуто: „остаться“) постарѣть въ дѣвкахъ. Вдовѣ нечего опасаться. Ея самое лучшее и самое свободное состояніе. Но довольно. Я надѣюсь что мои совѣты примутся въ соображеніе и что сестра будетъ хотя на этотъ разъ руководиться благоразуміемъ. Я радъ, что вы провели хорошо день вашихъ именинъ. Не помню, поздравлялъ ли я васъ съ новымъ годомъ. Если нѣтъ, позвольте поздравить теперь. Сохрани васъ Богъ здоровыми и устрой все къ лучшему. Вы упомянули въ вашемъ письмѣ, что климатъ въ Римѣ опасенъ и что тамъ (зачеркнуто: „климатъ опасенъ“) холера была два раза. Климатъ въ Римѣ не опасенъ и лучший въ мірѣ, а холера была одинъ разъ и нигдѣ не дѣйствовала такъ слабо. Никто не умеръ, кромѣ небольшого числа (зачеркнуто: „самаго“) черного и простого народа. Тотъ, кто сказалъ вамъ это, ошибся, или, можетъ быть, вы не такъ поняли его слова: холера была два раза въ Неаполѣ, а не въ Римѣ. Еще я позабылъ спросить васъ:—отослали ли вы двѣ толстыя рукописныя книги въ Кіевъ къ профессору Максимовичу, или отвезли ихъ сами, бывши въ Кіевѣ? Сдѣлайте милость, извѣстите меня объ этомъ, тѣмъ болѣе, что онъ напоминалъ мнѣ о нихъ, и я такъ передъ нимъ виноватъ.—Прощайте, почтеннѣйшая маменька. Цѣлую ваши ручки и обнимаю сестру.— Вашъ послуш. сынъ Нив.

(На оборотной сторонѣ письма адресъ: „à Pultava, en Russie Méridionale. Ея высочайшеблагородію Маріи Ивановнѣ Гоголь-Яновской. Въ Полтаву, оттуда въ д. Васильевку“, затѣмъ заграничныя почтовые штемпеля, въ коихъ значится 1838 годъ, 10-е февр.).

XXIII.

Генуа. Октября 13-го (1-е по нашему).

Я, право, что-то ужъ очень давно не получалъ отъ васъ писемъ, почтеннѣйшая маменька. Ничего не знаю, что у васъ дѣлается. Живы ли вы, здоровы ли. Мнѣ, право, очень скучно ничего не слышать о васъ болѣе двухъ мѣсяцевъ. Впрочемъ,

можетъ я виновать, находясь до сихъ поръ въ отлучеѣ отъ Рима. Я льщу себя надеждою, что найду на почтѣ по крайней мѣрѣ два вашихъ письма. Но позвольте мнѣ прежде всего исполнить самый пріятнѣйшій долгъ, то-есть поздравить васъ съ днемъ вашего ангела; о желаніяхъ своихъ ничего не говорю; вы ихъ знаете наизусть: это молитва о вашемъ здоровьѣ, счастья и долгоденствіи. Я пишу къ вамъ на дорогѣ: возвращаюсь въ Римъ, куда надѣюсь быть черезъ четыре дня и откуда напишу къ вамъ по-длиннѣе письмо. Въ Римѣ надѣюсь провести зиму хорошо, если Богъ поможетъ. На зиму туда ѣдутъ—а можетъ быть уже и пріѣхали множество моихъ знакомыхъ изъ Россіи. Я думаю, вы уже знаете, что Наслѣдникъ расположенъ тоже прожить зиму въ Римѣ. Здѣсь носятъ слухи о войнѣ, которая намъ предстоитъ, или по крайней мѣрѣ о приготовленіяхъ къ войнѣ. Извѣстите меня о томъ, какъ говорятъ у насъ насчетъ этого. Я опасаюсь, чтобы это васъ не вовлекло въ разные издержки и расходы: рекрутскіе наборы и прочія повинности—я знаю, что это не легко исполнять въ теперешнія тяжелыя времена. Давно ли получали письма отъ сестеръ? Какъ бы мнѣ хотѣлось обнять ихъ и поговорить съ ними. Не получали ли еще отъ кого-нибудь писемъ и новостей. — Да попеняйте сестрицѣ моей Маріи за то, что она лѣнива страхъ: вовсе не хочетъ писать.—Стыдно, моя милая сестрица. Вы должны ко мнѣ писать почаще и погуще, во-первыхъ уже потому, что вы женщина, а женщина гораздо способнѣе для писемъ, чѣмъ мужчины, и могутъ ихъ писать гораздо скорѣе. Но прощай до слѣдующаго раза. — Прощайте, почтеннѣйшая маменька. Будьте здоровы, веселы и покойны. Этого просить у Бога вашъ многолюбящій сынъ Николай.

XXIV.

Римъ. Ноябрь.

Письмо ваше, писанное вами отъ сентября 10-го, я получилъ. Оно было одно только, которое лежало для меня на почтѣ. Я думалъ ихъ застать больше. Слава Богу, вы здоровы, но меня печалитъ, что вы такъ несчастливы въ управленіи вашимъ имѣніемъ, печалитъ потому, что я знаю, что эти неудачи всѣ очень чувствительны вашему сердцу. О, еслибы я могъ найти какія-нибудь средства, чтобы васъ избавить отъ этихъ хлопотъ! Когда вы закладывали во второй разъ имѣніе и говорили мнѣ, что теперь будетъ гораздо легче уплачивать ваши подати и проценты, увы! я предчувствовалъ противное. Но малодушно отчаяваться.

Будемъ надѣяться на Бога. Вы спрашиваете о сестрахъ. Выпускъ ихъ еще не такъ близко. Еще годъ; къ этому времени во всякомъ случаѣ я надѣюсь быть, и мы объ этомъ потолкуемъ. (Насчетъ вашего мнѣнія, что онѣ могутъ найти себѣ хорошую партію, живя въ Васильевѣ,—я не согласенъ. По крайней мѣрѣ я никого не вижу въ сосѣдствѣ, а выѣзжать—вопросъ: куда? или въ Полтаву, или въ Миргородъ. Съ этого немного толку, и чтобы выѣзжать, для этого нужны деньги, а ихъ-то у насъ съ вами нѣтъ. Что же касается до того, что вы говорите, чтобы онѣ положились во всемъ на вашъ выборъ и слушались васъ, то это очень тоже трудно: прошу уладить съ молодыми дѣвками—ихъ не такъ легко заставить во всемъ слушаться. Довзательство—ваша старшая дочь подъ вашимъ же руководствомъ и при всемъ томъ... словомъ, видите, какъ трудно ладить съ молодыми дѣвками. Вы должны помнить и то, что вы мать, что вы добры и даже слишкомъ добры, и что ваше доброе сердце вамъ препятствуетъ видѣть всѣ недостатки, проникнуть насевозъ и обдумать все; но нечего теперь объ этомъ заботиться. Послѣ я вамъ напишу, что придумаю со своей стороны лучшимъ, и мы посоветуемся. Насчетъ же того, что вы пишете объ Васильчиковой, то это была только мысль и вовсе не намѣреніе; при томъ этому было лѣтъ восемь, а можетъ быть болѣе, когда я вамъ сказалъ это, и то вовсе не жить, а погостить. — Будьте увѣрены, что во всякомъ случаѣ мнѣ болѣе было бы желательно, чтобы онѣ были съ вами; но нужно такъ распорядиться, чтобы онѣ не были брошены въ глушь, чтобы вмѣстѣ съ этимъ онѣ были въ состояніи составить партію, нужную для ихъ счастья.—Но до этого, какъ я сказалъ, еще далеко. Я писалъ кое-какимъ добрымъ знакомымъ своимъ, людямъ умнымъ, не ослѣпленнымъ и не отуманеннымъ воображеніемъ и мечтаніями, но знающимъ хорошо свѣтъ и положеніе вещей въ свѣтѣ, чтобы они иногда навѣщали ихъ и мало-по-малу научали ихъ науцѣ жизни!.. Римъ такъ же хорошъ, старъ и величественъ, какъ былъ прежде. Погода такъ же прекрасна. Никто не ходитъ въ шинеляхъ и плащахъ. Дни теплые, небо свѣтлое и солнечное. Здѣсь теперь очень много русскихъ и между ними нѣсколько изъ моихъ знакомыхъ; они всѣ пріѣхали провести здѣсь зиму — одни для здоровья, другіе такъ.

До слѣдующаго письма, почтеннѣйшая мамашка, цѣлую нѣсколько разъ ваши ручки.

Вѣна, 1839. Августъ, 25.

Все-таки я отъ васъ не получаю писемъ. Я вамъ, кажется, адресъ такой доставилъ, по которому нельзя и думать, чтобы письма могли меня не найти или до меня не дойти. Вотъ вамъ еще одинъ адресъ: лучше всего адресуйте въ Москву, на имя Погодина, который мнѣ доставитъ ихъ аккуратно и даже черезъ курьера, что будетъ еще скорѣе и исправнѣе. (Надписывайте на пакетъ вотъ какимъ образомъ: Его Высокоблагородію Михаилу Петровичу Погодину, профессору Императорскаго Московскаго Университета. На Дѣвичьемъ Полѣ, въ собственномъ домѣ, для доставленія Николаю Васильевичу Гоголю). Къ октябрю или ноябрю, можетъ быть, я самъ буду въ Москву. Знаю, что дѣлаю дурно, что мнѣ рано еще возвращаться въ Россію, что здоровье мое не укрѣпилось и что я испорчу этимъ все, — но что дѣлать, нужно ѣхать, выгнать сестеръ изъ института и устроить, сколько можно лучше, ихъ судьбу. Богъ милостивъ, авось-либо удастся хорошо обдѣлать это дѣло; во всякомъ случаѣ нужно смотрѣть только на то, что истинно и существенно имъ полезно, и умѣть жертвовать всѣмъ для ихъ счастья. Но я не могу теперь много писать. Когда получу ваше письмо, котораго ожидаю съ нетерпѣніемъ, тогда. Теперь прощайте, цѣлую ваши ручки и желаю вамъ быть здоровыми. — Вашъ сынъ Н. Гоголь.

XXV.

Москва. Ноябрь, 1.

Возвратившись изъ Петербурга, засталъ ваши письма. Радъ, что у васъ покуда все благополучно. Оправьте доброму Андрею Андреевичу это письмецо. Я собственно для себя не имѣю надобности въ деньгахъ. Лишнихъ денегъ желалъ бы развѣ только затѣмъ, чтобы удѣлить вамъ. Впрочемъ, вы можете обратиться въ нему сами въ случаѣ, еслибы пришла вамъ послѣдняя крайность, отъ которой да бережетъ васъ Богъ. Прощайте; покуда не имѣю досуга писать больше. Напишу, когда буду посылать сестрамъ лнуровки, о которыхъ за множествомъ дѣлъ позабылъ — было вовсе. — Вашъ всегда признательный сынъ Н. Г.

XXVI.

Декабрь, 10.

Отъ васъ уже давно не имѣю писемъ. Получили ли вы мое письмо, пущенное въ прошломъ мѣсадѣ съ приложеніемъ письма

къ Андрею Андреевичу? Я покуда здоровъ. Посылаю сестрамъ Аннѣ и Елизаветѣ шнуровки и по платью. Ольгѣ 10 руб. денегъ въ особомъ письмѣ. Кольцо Лизы исправлено и отправляется тоже по почтѣ золотыхъ дѣлъ мастеромъ. Затѣмъ будьте здоровы всѣ, и Богъ да хранить васъ! Прощайте, почтенная и добрая моя матушка. — Признательный вашъ сынъ Н. Г.

Я къ Марьѣ Николаевнѣ Синельниковой писалъ, и хотѣлъ бы знать, получила ли она письмо. Сестру Анну благодарю много за дѣла по садоводству.

СТИХОТВОРЕНІЯ

СЛЕЗЫ ЛЮДСКІЯ.

Если бы слезы людскія, горячія,
Всѣ поднялись зловѣщею тучею
И пролилась бы дождемъ небывалымъ
Слезная туча надъ міромъ усталымъ—
 Въ землю проникли бы капли тѣ жгучія,
 Землю смочили бы влагой могучею,
 И пробудились бы въ темныхъ могилахъ
 Тысячи тысячъ сердець, ужь остывшихъ;
 Раны открылись бы, прежде болѣвшія,
 Заговорили бѣ уста онѣмѣвшія;
 Властно возстало бы горе бывшее,
 Все, такъ мучительно пережитое;
 Ропотъ могучій земного страданія
 Горькимъ упрекомъ за дни испытанія
 Грозно вознесся бы съ лика земного
 Къ горнему міру, къ престолу Іегдвы.

О, неужели не смолкли бы хоры
Невозмутимыхъ, святыхъ небожителей,
Не омрачились бы ясные взоры
 Жгучей слезой?
Или блаженство и рая сіяніе,
Вѣчные гимны небесныхъ обителей—
Въ нихъ заглушили былыя страданія
 Жизни земной?

Нѣтъ, замолчали бѣ, дрожа, серафимы,
 Звучныя арфы печально роняя;
 Солнце померкло бѣ, тоскою томимое,
 Тѣма воцарилась бы всюду нѣмая;
 И содрогнулись бы рай чертоги,
 Голосу внемля безмѣрной тревоги, —
 Стону сердецъ, для блаженства рожденныхъ
 И на печаль бытія обреченныхъ.

ЛЮБОВЬ.

Минута страсти неизбежной
 Всегда неожиданно налетитъ:
 Однимъ—владычицей мятежной
 Любовь сердца поработитъ;
 Тогда въ безумномъ упоеньѣ
 Летятъ сіяющіе дни—
 Но оставляютъ сожалѣнья
 И горечь хладную они.
 Другихъ согрѣетъ нѣжной лаской
 Ея таинственный приходъ,
 И станетъ жизнь—чудесной сказкой,
 И радость въ сердцѣ расцвѣтетъ.
 Но есть огонь любви могучей,
 Съ небесъ нисходитъ онъ порой,
 И очищаетъ пламень жгучій
 Ничтожный прахъ души земной;
 Душа срываетъ всѣ покровы,
 Всѣ оболщенья суеты
 И воскресаетъ въ жизни новой,
 Для счастья и для бѣдъ готовой,
 Полна негнѣвной красоты.

АКВАРЕЛЬ.

Словно невѣсты въ нарядѣ вѣнчалномъ,
 Снѣгомъ покрытыя ели тѣснятся...
 Въ лунномъ сіяньѣ, прозрачно-хрустальномъ,
 Елямъ мечты лучезарныя снятся.

Снится имъ утро душистаго мая
 Въ блескъ зари и росы искрометной,
 Снится имъ бабочекъ легкая стая,
 Звѣздъ золотыхъ хороводъ неизсчетный;

Снятся имъ жгучаго вѣтра лобзанья—
 Темныя вѣтви во снѣ задрожали...
 Ночь все морознѣе... Въ лунномъ сіяньѣ
 Ели застыли въ безмолвной печали.

СТАНСЫ.

Когда средь общества, при шумномъ разговорѣ,
 Съ улыбкой розовой, какъ вешняя заря,
 Съ глубокой мыслию въ правдивомъ, ясномъ взорѣ
 Ты оживляешься, съ другими говоря;

Когда твой голосокъ я слышу, дорогая,
 И смѣхъ твой молодой плѣнительно звенить;
 Когда проходишь ты, меня не замѣчая,
 И мимо взоръ небрежный твой скользить—

Безумецъ,—въ тѣмъ души стараюсь я напрасно
 Тревогу, и тоску, и грусть мою смирить,
 И подъ личиною наружности безстрастной
 Отъ глазъ докучливыхъ мое терзанье скрыть.

И что мнѣ до тебя!.. Вѣдь мы—совсѣмъ чужіе.
 Пусть сердце глупое волнуется, любя,—
 Изъ гордыхъ устъ моихъ слова любви святыхъ
 Не вырвутся, повѣрь, и не смутятъ тебя.

Но вотъ, ты подошла... съ улыбкою участя
 Небрежный разговоръ затѣяла со мной...
 И что-жь! За этотъ мигъ, за этотъ призракъ счастья,
 Безумецъ жалкій,—вновь я рабъ поворный твой!

РОДИНѢ.

Да, мы ничтожны всѣ, сыны твои и дщери!
 Въ молчаньѣ тягостномъ покорные судьбѣ,
 Считаемъ мы свои лишь скорби и потери,
 И въ одиночествѣ мы плачемъ о себѣ.

Когда жъ неожиданный вихрь промчится надъ тобой,
 И содрогнешься ты, въ годину бѣдъ народныхъ,
 Во дни крушенія мечтаній благородныхъ,—
 Какъ риза ветхая, спадаетъ нашъ покой.

Тревожно ищемъ мы любви зарытый кладъ,
 Въ слезахъ клянемъ себя лѣнливыми рабами,
 И оправляемъ мы дрожащими перстами
 Большой огонь своихъ мерцающихъ лампадъ.

И, горько сѣтуя о праздности своей,
 Поспѣшно льемъ спасительный елей.

* * *

Морозный небосклонъ... Зари вечерней розы
 Тайнственнымъ огнемъ мерцають и горять;
 И полонъ мертвый міръ застывшей ясной грѣзы,
 И воздухъ сказочнымъ молчаніемъ объять.

Сверкающій чертогъ, снѣгами опушенный,
 Воздвигла надъ землей волшебница-зима...
 Передъ моимъ окномъ березы посребренной
 Склонилася вѣтвей прозрачныхъ бахрома;

И таетъ алый свѣтъ медлительной волною,
 И глубже, и блѣднѣй холодный небосклонъ...
 О, если бы такой лучистой красотою
 Былъ озаренъ и мой послѣдній, страшный сонъ!

ДАКТИЛИ.

Нѣтъ, я жалѣть не могу, что прошли беззаботнаго мая
 Ясные дни, улыбаясь свозь дымеу веселыхъ дождей;
 Что надъ рѣкою, подруги невидимой слухъ утѣшая,
 Пѣснь простодушной любви пересталъ уже пѣть соловей...
 Вотъ предо мною, грозой опаленная, ель вѣвоявая;
 Выситя грустно она, межъ березокъ душистыхъ чужая;
 Ужъ не растаютъ, какъ прежде, отъ теплоу полуденной ласки
 Слезы засохшей, холодной смолы на корѣ помертвѣвшей...
 Въ липахъ зеленыхъ лепечеть безсвязныя нѣжныя сказки
 Вѣтеръ, болтуя шаловливый, съ небесъ лучезарныхъ слетѣвшій;
 Ласточки звонко щебечуть, надъ крышей мелькая безопасно;
 Тучки въ сіяньѣ заката свершаютъ свой путь безконечный...

Вечеръ прозраченъ и кротокъ. На сердцѣ, затихшемъ на время,
 Камень забвенья приподнять волшебною мая рукою;
 Хлынули глупыя слезы непрошенной, тихой волною—
 Какъ унести имъ, бессильнымъ, тяжелое, жгучее бремя!
 О, пощади! Дай бѣжать отъ терзающей думъ вереницы!
 Дай позабыть, если силъ нѣтъ простить! Дай сомкнуть мнѣ зѣницы!
 Дай мнѣ не видѣть, не слышать волны торжествующей жизни,
 Въ очи глядащей насмѣшливо, взглядомъ нѣмой уворизны!
 Но уже даль потемнѣла, и нивы туманомъ повиты,
 Въ чащѣ стариннаго сада задумчиво вѣтеръ затихъ...
 Ночь милосердая! Темнымъ крыломъ мою скорбь осѣни ты,
 Дай мнѣ забыться на мигъ въ молчаливыхъ объятыхъ твоихъ!

* * *

Порывы страстныхъ бурь, гроза тоски мятежной,
 Утихли не совсѣмъ въ груди моей больной—
 Въ груди, измученной борьбою неизбѣжной
 Межъ хладнымъ опытомъ и юною мечтой.

Но, на моемъ пути не разъ изнемогая,
 Я вѣрю—близокъ мигъ, давно желанный мной,
 Когда воспрянетъ вновь мечта моя святая
 И отряхнетъ съ себя заботъ ничтожныхъ рой.

Мнѣ явится она не робко, какъ доннѣ,
Не блѣднымъ призракомъ въ моихъ печальныхъ снахъ—
Но въ блескѣ красоты, съ спокойствіемъ богини,
Съ улыбкой вѣчности на мраморныхъ устахъ.

СЕРГѢЙ ОРЛОВСКІЙ.

ПО ИСПОЛНЕНІЮ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РОСПИСИ

НА 1895 ГОДЪ.

Въ обычное время въ „Вѣстникѣ Финансовъ“ появились „предварительныя кассовыя свѣденія о государственныхъ доходахъ и расходахъ въ 1895 году“; они даютъ возможность теперь же, слишкомъ за полгода до появленія отчета государственнаго контроля, опредѣлить весьма близко результатъ исполненія росписи указаннаго года. Въ этомъ отношеніи, какъ всегда, рѣшающее значеніе имѣетъ цифра *обыкновенныхъ* государственныхъ доходовъ, которая по предварительнымъ свѣденіямъ обыкновенно весьма мало разнится отъ цифры, окончательно опредѣляемой въ отчетѣ государственнаго контроля. По свѣденіямъ органа министерства финансовъ, обыкновенныхъ доходовъ поступило въ 1895 году 1.250.297.000 р.,—болѣе сравнительно съ росписью на 107¹/₄ м. р., и болѣе доходовъ 1894 года на 93¹/₂ м. р., если исчислять доходы 1894 г. согласно классификаціи, установленной Государственнымъ Совѣтомъ для росписи съ 1895 года ¹⁾. Но это увеличеніе поступленій и противъ предшествующаго года можетъ еще не знаменоватъ неожиданнаго проявленія экономическаго или даже финансоваго преуспѣянія. Непомѣрное превышеніе доходовъ, сравнительно съ первоначальными исчисленіями росписи, можетъ быть результатомъ *скромности* этихъ исчисленій въ послѣднія восемь лѣтъ. За этотъ періодъ, 1888—1895 гг., по росписямъ доходовъ было исчис-

¹⁾ Въ отчетѣ Государств. Контроля за 1894 г. обыкновенные доходы были показаны въ 1.153³/₄ м. р.; здѣсь же они сочтены въ 1.156³/₄ м. р., такъ какъ присоединено поступленіе военнаго вознагражденія отъ Турціи и Хивы, числившееся прежде въ чрезвычайномъ бюджетѣ, а съ 1895 года перенесенное въ обыкновенный.

лено 7.407 м. р., поступило же 8.036 м. р.,—болѣе на 629 м. р., т.-е. круглымъ числомъ около 80 м. р. въ годъ. Если же исключить злополучный 1891 годъ, когда обыкновенныхъ доходовъ поступило на 5 м. р. менѣе, чѣмъ ожидалось, то превышеніе за 7 дѣтъ составляло въ среднемъ 90 м. р. въ годъ,—ошибка черезъ-чуръ крупная, особенно если принять во вниманіе, что она не разлагается по всей росписи, а сосредоточивается главнымъ образомъ на косвенныхъ налогахъ. Ихъ, на примѣръ, въ 1894 году было исчислено по росписи 481 м. р., а поступило 581 м. р.,—на 100 м. р. больше; въ 1895 году исчислено по росписи 520 м. р., а поступило 586 м. р.,—больше на 66 м. р.

Превышеніе доходовъ 1895 года надъ доходами 1894 года также не можетъ быть признано результатомъ экономическаго успѣха, такъ какъ оно не вызвано ни развитіемъ народной производительности, ни развитіемъ народнаго благосостоянія; оно не составляетъ даже слѣдствіе прироста населенія, который самъ по себѣ долженъ бы замѣтно увеличивать государственные доходы.

Главнымъ образомъ, сравнительно съ предшествующимъ годомъ, увеличились въ 1895 году доходы отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ вслѣдствіе расширенія казенной желѣзнодорожной сѣти, со включеніемъ въ составъ ея перешедшихъ въ казну дорогъ: николаевской, с.-петербургско-варшавской, московско-нижегородской, дозово-сва-стопольской, новоторжской и ржево-виземской. Это увеличеніе составляетъ 71 м. р. Но вмѣстѣ съ тѣмъ понизились обязательные платежи отъ обществъ желѣзныхъ дорогъ на 13 м. р.—и прибыль отъ участія казны въ доходахъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ на 5 м. р. По исключеніи этихъ суммъ, увеличеніе составляетъ всего 53 м. р. Но это увеличеніе оборотное: это приходъ по эксплуатаціи, почти цѣликомъ поглощаемый эксплуатаціонными расходами, независимо отъ платежа процентовъ и погашенія по строительнымъ капиталамъ перешедшихъ въ казну дорогъ. Правда, нѣкоторыя изъ этихъ дорогъ оказываются весьма выгодны. Такъ московско-курская дорога въ 1894 году дала чистаго дохода на строительный капиталъ (90 м. р.) $9\frac{1}{2}$ процента; либаво-роменская—до 7⁰/₀; николаевская— $6\frac{1}{2}$ ⁰/₀; курско-харьково-азовская—около 6⁰/₀. Но по большей части дорогъ чистый доходъ не выше 3, 2 и одного процента и даже ниже, такъ что далеко не покрываетъ приплату казны по гарантіямъ. По самаро-златоустовской дорогѣ, съ крупнымъ строительнымъ капиталомъ въ 100 м. р., чистый доходъ составлялъ всего полпроцента, что равняется приплатѣ около 4 милл. рублей.

Изъ этого видно, что приращеніе поступленій отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ не указываетъ на бюджетное преуспѣяніе, хотя,

какъ мы скажемъ дальше, расширеніе казенной желѣзнодорожной сѣти полезно для государственнаго хозяйства.

Второе крупное увеличеніе, въ 1895 г. сравнительно съ 1894 г., на 11¹/₂ м. р. слишкомъ, оказывается по казеннымъ заводамъ, техническимъ заведеніямъ и складамъ ¹⁾. Это увеличеніе не болѣе, какъ оборотный приростъ поступленій, поглощаемый, быть можетъ, съ излишкомъ 'увеличившимися расходами, такъ какъ оно составляетъ результатъ установленія казенной продажи питей въ губерніяхъ пермской, оренбургской, уфимской и самарской. Но на расходы, прямые и косвенные, сопряженные съ этой продажей, исчислено по смѣтѣ слишкомъ 8¹/₂ м. р., независимо отъ 650.000 р., отпущенныхъ въ 1895 г. на окончаніе предварительныхъ работъ по введенію казенной продажи вина въ этихъ четырехъ губерніяхъ. Къ этому нужно присоединить: 1) потерю въ патентномъ сборѣ, повнесенную казною съ уничтоженіемъ частной продажи вина; 2) увеличеніе расхода на акцизное управленіе, и 3) необходимость возмѣстить 2¹/₂ м. р., израсходованные въ 1894 г. на подготовительныя работы казенной продажи въ тѣхъ же четырехъ губерніяхъ.

Въ виду указаннаго, можно думать, что подведеніе итога выгодъ и расходовъ казны по продажѣ питей если и окажется на сторонѣ прибыли, то въ цифрѣ болѣе чѣмъ скромной. Весьма возможенъ однако и итогъ въ сторону убытка, тѣмъ болѣе, что приведены здѣсь цифры по предположенію; въ исполненіи онѣ могутъ оказаться иными.

Хотя мы въ принципѣ не на сторонѣ казенныхъ промышленныхъ операций, но есть операции, которыя, въ виду весьма вѣскихъ государственныхъ и общественныхъ соображеній, повсюду составляютъ принадлежность государственнаго хозяйства. Это такъ называемыя регалия. Таковы почтовые и телеграфныя учрежденія. Къ нимъ, по многимъ признакамъ, должны быть причислены и желѣзныя дороги, какъ такія промышленныя предпріятія, цѣль которыхъ не только прибыль, но которыя и могутъ и должны производиться иногда прямо въ убытокъ, если это служить къ общегосударственнымъ или общенароднымъ пользамъ. Но и помимо этого, расширеніе казенной сѣти, т.-е. постепенный выкупъ казною частныхъ желѣзныхъ дорогъ, должно считаться выгоднымъ въ экономическо-государственномъ отношеніи. Имъ полагается конецъ той желѣзнодорожной оргіи, которая началась у насъ съ эпохи усиленной постройки у насъ желѣзныхъ дорогъ, въ шестидесятыхъ годахъ, и слѣды которой не исчезли и до сихъ поръ.

Большинство нашихъ дорогъ строилось концессионнымъ способомъ.

¹⁾ Поступленіе по этой рубрикѣ въ послѣднія пять лѣтъ составляло около 10 м. р. За 1895 годъ оно показано въ 21¹/₂ м. р.

Являлись предприниматели, отдѣльныя лица или акціонерныя общества, представляли планъ и смѣту предполагаемой дороги. Благодаря снисходительности или недоразумѣнію дѣателей вѣдомствъ, на которыхъ было возложено разсмотрѣніе смѣтъ, они проходили. Сооруженіе совершалось на облигаціонныя и акціонерныя капиталы. И тѣ, и другіе гарантировались казною въ размѣрѣ 5 процентовъ. Особыми мастерами писались уставы и писались такъ, что если взглянуть справа (эта сторона и показывалась), то всѣ выгоды на сторонѣ казны, но en face или слѣва—на сторонѣ казны всѣ обязанности, на сторонѣ концессионеровъ—всѣ права. Выпущенныя облигаціи казна взяла себѣ и выдала за нихъ деньги, акціи разобрали учредители. Въ оплатѣ ихъ не было надобности. Расцѣнка стоимости дороги была такова, что облигаціонныхъ капиталовъ, несмотря на инженерное хищничество во время постройки, на нее хватало не только вполнѣ, но даже съ избыткомъ. Доходность дорогъ была рассчитана, положимъ, на 6 процентовъ чистаго дохода отъ эксплуатаціи. Дороги это и давали, если считать дѣйствительно израсходованныя на дороги суммы. Но такъ какъ расходовъ показано было вполтора и даже вдвое больше, то чистаго дохода не доставало на уплату гарантіи. Приходилось приплачивать казнѣ. Если даже иной годъ оказывался особенно удаченъ и получались излишки, то, благодаря ловко написаннымъ уставамъ и ловкому толкованію ихъ, изъ этихъ излишковъ казнѣ, въ возмѣщеніе прежнихъ недоборовъ, доставался лишь хвостикъ, шкурка же шла въ раздѣлъ акціонерамъ, или, что тоже, предпринимателямъ.

Въ результатѣ такихъ порядковъ оказалось: у многихъ состояніе въ десятки милліоновъ; десятки, а можетъ быть и сотни тысячъ у разныхъ инженеровъ, какъ принимавшихъ непосредственное участіе въ желѣзнодорожныхъ постройкахъ, такъ и тѣхъ, которые, по разнымъ управленіямъ, служили, такъ сказать, благородными свидѣтелями, а—*un bon bourgeois*—въ портфель казны *двухмилліардные* долговые за желѣзными дорогами счета. Такъ, напр., къ 1 января 1892 года числилось, по отчету государственнаго контроля, долговъ казнѣ желѣзнодорожныхъ обществъ около 450 милл. р. золотомъ и около 1.110 милл. р. кредитныхъ, т.-е. всего на кредитные рубли (считая 1 р. зол. въ 1 р. 50 к. кр.) около 1.800 милл. рублей. Четыре послѣдніе года были, какъ извѣстно, временемъ усиленнаго выкупа въ казну частныхъ желѣзныхъ дорогъ. Съ выкупомъ понижалась сумма долговъ, числившаяся за желѣзными дорогами, но не потому, что изъ суммы выкупа долгъ вычитался. Вычеты были невозможны, такъ какъ и облигаціи и акціи были гарантированы правительствомъ. Долгъ казнѣ желѣзныхъ дорогъ прямо списывался со счетовъ и цѣликомъ переходилъ на отвѣтственность казны, при весьма щедромъ вознагражденіи.

деніи держателей акцій желѣзныхъ дорогъ, по тѣмъ дорогамъ, гдѣ, несмотря на прежніе долги, за послѣдніе годы оказывался избытокъ доходовъ. Исключительно благодаря этому списыванію, долгъ желѣзнодорожныхъ обществъ казнѣ къ 1895 году понизился до 242 м. р. зол. и 566 м. р. кред., которые со временемъ также будутъ, разумѣется, списаны со счетовъ.

Хищническое хозяйство желѣзныхъ дорогъ проявлялось и въ другомъ. Несмотря на вопіющую задолженность, общества выдавали главнымъ лицамъ своего дѣйствовавшаго (или бездѣйствовавшаго) персонала: членамъ правленій, управляющимъ дорогомъ, директорамъ и пр., оклады и награды, размѣру которыхъ могъ бы позавидовать любой правительственный сановникъ. Установленіе, дѣтъ 10—12 тому назадъ, болѣе дѣйствительнаго контроля надъ операціями частныхъ желѣзныхъ дорогъ повело къ устраненію изъ ихъ хозяйства многихъ (не всѣхъ) злоупотребленій, но не устранило легальнаго мототства.

Такимъ образомъ, несмотря на неудобства казеннаго управленія промышленнымъ предпріятіемъ, по излишней сложности администраціи, по мертвящей дѣло регламентаціи, переходъ желѣзныхъ дорогъ въ казенное управленіе долженъ быть признанъ выгоднымъ для государственнаго и народнаго хозяйства.

Сказанное о желѣзныхъ дорогахъ примѣнимо въ значительной мѣрѣ къ другимъ *производительно*-промышленнымъ казеннымъ предпріятіямъ, напр. къ казеннымъ заводамъ. Казенныя промышленныя предпріятія невыгодны: производство ихъ дороже, вслѣдствіе неизбѣжности регламентаціи; производительность слабѣе, по отсутствію личной инициативы. Тѣмъ не менѣе, не только спеціальныя заводы военнаго и морского вѣдомствъ (ружейныя, кораблестроительныя), но и общіе, такъ называемыя горныя заводы, подвѣдомственные министерству земледѣлія и государственныхъ имуществъ, исполняющіе, сверхъ заказовъ военнаго, морского (пушки, снаряды) и путей сообщенія (локомотивы и вагоны), также и издѣлія на продажу, имѣютъ весьма полезную сторону. Они служатъ нѣкоторой уздой для вождѣній частныхъ заводчиковъ и въ то же время представляютъ гарантію, что при чрезвычайныхъ обстоятельствахъ правительство, хотя бы и за весьма дорогую цѣну, не останется безъ пушекъ, снарядовъ, миноносокъ и т. п.

Эти соображенія и заставили сохранить наши горныя заводы, хотя само военное вѣдомство неоднократно ходатайствовало о передачѣ его заказовъ въ частныя руки. Но если есть основаніе сохранять производительныя промышленныя операціи казны, то едва ли можно желать того же относительно *торгово*-промышленныхъ пред-

пріятій и прежде всего казенной продажи питей. Убѣдительнымъ подтвержденіемъ непригодности этой формы государственнаго хозяйства служить, по нашему мнѣнію, почти полутороговой опытъ казенной продажи питей въ четырехъ восточныхъ губерніяхъ. Изъ приведенныхъ выше цифръ видно, что въ финансовомъ отношеніи опытъ этотъ не особенно удаченъ. Въ пользу казенной продажи остаются доводы: возможность для народа потреблять лучше очищенное, слѣдовательно болѣе здоровое вино и, при отсутствіи личнаго интереса продавцовъ, болѣе энергическая забота объ искорененіи пьянства. Но если казна имѣетъ возможность получать для своей торговли болѣе чистое вино, то она имѣетъ возможность, особенно при безгранично разрастающемся акцизномъ надзорѣ, настоять, чтобы и для частной продажи шло только вино, очищенное до желаемой степени. Что же до устраненія пьянства, то въ этомъ отношеніи ничего не сдѣлано. Проекты образованія общества трезвости такъ и остаются проектами въ области благихъ пожеланій. Можно съ увѣренностью сказать, что еслибы стремленіе земствъ вызвать среди сельскихъ обывателей запрещеніе отерывать въ томъ или другомъ селѣ питейныя заведенія не встрѣтило, лѣтъ 6—7 тому назадъ, противодѣйствія со стороны акцизнаго надзора, то къ уменьшенію пьянства было бы уже кое-что сдѣлано. Какимъ образомъ можетъ повести къ той же цѣли казенная продажа вина—не совсѣмъ ясно. Рядомъ съ казенными лавками, отпускающими напитки на выносъ, не только въ городахъ, но и въ деревняхъ, остаются трактиры, т.-е. кабаки или распивочныя; правда, продажа въ нихъ питей подчинена нѣкоторой регламентаціи. Но регламентація эта, сама по себѣ не особенно стѣснительная, легко можетъ быть обойдена не только относительно цѣны отпускаемаго напитка, но и его качества. Еслибы не было трактировъ, т.-е. еслибы въ трактирахъ была запрещена продажа водки, цѣль была бы достигнута вѣрнѣе. Но тогда еще лучше принять мѣру, на которую мы давно уже и неоднократно указывали: ограничить продажу спиртныхъ напитковъ (водки и ея суррогатовъ) въ городахъ и совершенно воспретить ее внѣ городовъ. Взаимнѣмъ облегчить потребленіе пива (съ строгимъ надзоромъ за качествомъ продажнаго пива), чая и кофе, и для этого понизить таможенныя пошлины съ этихъ продуктовъ, понизить акцизъ съ сахара и пива и разрѣшить безакцизное домашнее пивовареніе. Разумѣется, это значило бы отказаться отъ половины дохода, доставляемаго нынѣ питейнымъ налогомъ и сократить нѣсколько поступленіе другихъ косвенныхъ налоговъ. Къ этому, конечно, менѣе всего расположено министерство финансовъ. Какъ извѣстно, въ теченіе пятнадцати лѣтъ, если не больше, задаваясь проектами питейной реформы, съ цѣлью

между прочимъ устранить народное пьянство, оно задавалось задачей не сократить потребление водки, а установить *равномерное* ея потребление. Это значило бы установить такъ, чтобы пьяницы не упивались и вообще пили поменьше, а тѣ, кто не пилъ водки и не любитъ ее, установили приличный режимъ: рюмка передъ завтракомъ, рюмка передъ закуской, рюмка передъ обѣдомъ и рюмка передъ ужиномъ. При этомъ само собой предполагается не только существованіе завтрака, закуски, обѣда и ужина, но и существованіе поставца, изъ котораго въ должные моменты вынималась бы объемистая посуда за казеннымъ ярлыкомъ, купленная въ казенной лавкѣ. Все это было бы прекрасно, но, къ несчастію, есть регламентаціи, установить которыя не властно самое вліятельное вѣдомство, чтò бы по этому поводу ни измышляли департаментскіе мудрецы.

Было бы весьма выгодно—мы это не разъ говорили—для отрезвленія нашего народа, еслибы финансовое вѣдомство, довольствуясь отправленіемъ непосредственно возложенныхъ на него функций, отложило попеченіе о народной трезвости и предоставило его болѣе компетентнымъ вѣдомствамъ: духовному, народного просвѣщенія, внутреннихъ дѣлъ, съ ихъ органами — мѣстнымъ духовенствомъ, школами, земствами. Дѣло уладилось бы само собой: отрезвленіе народа невозможно безъ сокращенія потребления водки, а слѣдовательно и безъ пониженія питейнаго дохода. Съ постепеннымъ его пониженіемъ, министерству финансовъ, еслибы того требовалъ государственный бюджетъ, пришлось бы выискать новыя источники государственныхъ доходовъ, которые оно и нашло бы въ весьма желательномъ установленіи прямого (подходнаго) налога взаимѣнъ косвенныхъ. Впрочемъ, при нынѣшнемъ положеніи нашего бюджета въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ этой замѣнѣ не предстояло бы надобности.

Государственный контроль постоянно расширяетъ рамки своего отчета, внося въ него болѣе и болѣе подробностей государственнаго хозяйства. Для сужденія о казенныхъ доходныхъ операціяхъ въ отчетѣ или, вѣрнѣе, въ отчетахъ, несомнѣнно можно найти всѣ необходимыя данныя, но разобраться въ нихъ для частныхъ лицъ не совсѣмъ легко. Было бы очень желательно, чтобы бухгалтерія государственнаго контроля въ объяснительной къ отчету запискѣ подводила ясный и всесторонній итогъ той или другой операціи. Отчасти это и дѣлается. Такъ, въ главѣ о казенныхъ дорогахъ приведены и цифры строительныхъ капиталовъ и чистаго дохода. Недостааетъ лишь указанія размѣра процентовъ, которые уплачиваются или подлежали бы уплатѣ по этимъ капиталамъ.

Нынѣ, т.-е. въ ожидаемомъ отчетѣ государственнаго контроля по

исполненію государственной росписи за 1895 годъ, было бы весьма желательно найти полныя свѣденія и окончательный выводъ о казенной продажѣ питей въ четырехъ восточныхъ губерніяхъ. По-видимому, дальнѣйшее, хотя и постепенное, но безостановочное введеніе такой продажи по всей имперіи какъ бы предрѣшено, но несомнѣнно—и первоначальное постановленіе законодательныхъ учрежденій установить эту продажу въ четырехъ губерніяхъ *съ видъ* опыта не лишено значенія. Можно ожидать, что подъ вліяніемъ результатовъ, какъ этого, такъ и послѣдующаго опыта, не только будетъ прекращено дальнѣйшее примѣненіе этой мѣры, но она будетъ отмѣнена и тамъ, гдѣ уже введена.

Говоря о торгово-промышленныхъ предпріятіяхъ казны, кстати упомянуть еще объ одномъ производствѣ, хотя оно и относится къ средствамъ, имѣющимъ значеніе специальныхъ. Мы разумѣемъ фабрику игральныхъ картъ. По слухамъ, чистый ежегодный доходъ ея простирается до двухъ—трехъ милліоновъ рублей. При дорогой продажной цѣнѣ картъ, при огромномъ потребленіи картъ въ Россіи, доходъ этотъ не можетъ не быть признакъ недостаточнымъ. Приписывать такую недостаточность злоупотребленіямъ нѣтъ ни основанія, ни права. Она должна быть отнесена на счетъ *нехозяйственности*, съ какою ведется предпріятіе, а также на счетъ невыгодныхъ условий, присущихъ вообще казенному производству. Должно замѣтить, что доходъ отъ карточной фабрики имѣетъ особое назначеніе—воспитательные дома, и что фабрика входитъ въ составъ учрежденій Императрицы Маріи,—учрежденій, которыя, въ числѣ немногихъ, не подчинены общимъ правиламъ отчетности и контроля. Учрежденія Императрицы Маріи имѣютъ особенный, свой собственный контроль. Но извѣстно, что специальный контроль, повѣряющій отчетность учрежденій того же вѣдомства, къ которому онъ самъ причисленъ, никогда не признавался удовлетворительнымъ. Сила, авторитетъ и, главное, довѣріе общества обезпечиваются контролемъ только тогда, когда онъ поставленъ независимо и самостоятельно. Несомнѣнно были условія, отчасти, можетъ быть, личныя, побудившія сдѣлать для учрежденій Императрицы Маріи исключеніе изъ общаго порядка. Но теперь эти условія едва ли существуютъ. Но еслибы они и были, то было бы все-таки полезно возложить на управленіе упомянутыми учрежденіями публиковать свою роспись и отчеты такъ же, какъ публикуются обще-государственныя росписи и отчеты государственнаго контроля по ихъ исполненію.

По основной статьѣ нашей доходной росписи, питейному доходу, поступило 298 милл. р.,—болѣе дохода предшествовавшаго года почти на миллионъ рублей и болѣе предположенія росписи на 20 м. р. Въ нашемъ обсужденіи росписи на 1895 годъ вѣроятную цифру питейнаго дохода мы исчислили „*съ размѣръ близкомъ 300 милл. рублей*“ („Вѣстн. Европы“, февраль 1895 г., стр. 856). Мы приводимъ это въ доказательство неоднократно указывавшагося въ нашихъ финансовыхъ обзорѣніяхъ слишкомъ скромнаго уменьшенія исчисленій доходныхъ росписей, какъ бы получившихъ съ 1888 года право гражданства въ смѣтахъ министерства финансовъ. Точно также (тамъ же, стр. 852) мы указывали на недостаточное основаніе, по которому сахарный доходъ, исчисленный на основаніи имѣвшихся данныхъ въ 42 м. р., тѣмъ не менѣе былъ внесенъ въ роспись въ разшѣрѣ 39 м. р. Въ дѣйствительности сахарнаго дохода поступило $47\frac{1}{2}$ м. р. слишкомъ.

Сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ поступленіе сахарнаго дохода увеличилось на $6\frac{1}{2}$ м. р. Это увеличеніе составляетъ результатъ увеличенія акциза на сахаръ съ періода сахароваренія 1894—95 года до 1 р. 75 коп. съ пуда вмѣсто уплачивавшихся раньше 1 р. 40 коп. съ рафинада и 1 р. съ песка.

Движеніе сахарнаго дохода за послѣднія десять лѣтъ, 1886—1895 гг., представляется весьма внушительнымъ: въ 1886 г. сахарнаго дохода поступило всего лишь $18\frac{1}{2}$ м. р.; въ 1891 г. около 21 м. р.; въ 1893 году уже 30 м. р. и наконецъ въ 1895 г. до $47\frac{1}{2}$ м. р. Къ сожалѣнію, это почти феноменальное возвышеніе дохода не составляетъ результата не только развитія потребленія сахара, но и не совпадаетъ съ увеличеніемъ населенія. Оно цѣликомъ зависѣло отъ возвышенія акциза: за эти десять лѣтъ акцизъ повышенъ съ 65 к. съ пуда до 1 р. 75 к.,—чуть не втрое. Соответственно этому въ $2\frac{1}{2}$ раза увеличился доходъ казны.

Многолѣтняя сахарная эпопея, съ ея невѣроятными перипетіями, набилась всѣмъ оскомину. Закончилась она, какъ извѣстно, явленіемъ безпримѣрнымъ, по словамъ нѣкоторыхъ газетъ, въ финансовыхъ лѣтописяхъ странъ и народовъ: казенной нормировкой сахарнаго производства, т.-е. принудительнымъ сокращеніемъ производства для внутренняго потребленія, съ разрѣшеніемъ, съ возвратомъ акциза, вывозить его за границу. Стѣдствія не замедлили оказаться: сахаръ, стоившій еще недавно въ розничной продажѣ въ большихъ городахъ 14 коп. за фунтъ (сахарный песокъ еще дешевле), поднялся до 15, 16 и наконецъ до 17 коп. И это въ то время, когда въ сосѣднихъ съ нами странахъ цѣна на сахаръ понизилась. Понизилась, разумѣется, цѣна на нашъ сахаръ, вывозимый за границу, которая и безъ того, по всѣмъ свѣденіямъ, равнялась въ Лондонѣ 2 рублямъ пудъ—„себѣ въ убы-

токъ". Объ этомъ убыткѣ есть даже официальные свидѣтельства. „Низкія цѣны, въ началѣ 1894 года, держались до тѣхъ поръ, пока заводчики не принялись вывозить, даже съ убыткомъ для себя, сахарный песокъ за границу“,—указывается въ официальномъ изданіи ¹⁾. Въ сущности едва ли здѣсь есть убытокъ: дѣло въ слѣдующемъ. Заводъ производитъ, положимъ, 300.000 пудовъ сахара, который обходится ему, по еѳо счету, въ 2 р. 60 коп. за пудъ. Въ эту стоимость включены проценты на оборотный капиталъ, амортизація завода и машинъ, стоимость администраціи, гонораръ мастеровъ. Если производство продолжается, то оно въ размѣрѣ 100.000 пудовъ, со включеніемъ нѣкоторой части расходовъ по указаннымъ рубрикамъ, обходится уже въ 1 р. 60 к. на пудъ. Наконецъ, дальнѣйшіе 100.000 пудовъ стоятъ всего по 1 р. за пудъ. Эти-то пуды и сбываются за границу. По вычисленію проф. Янжула, они приносятъ не убытокъ, а прибыль въ 15, 16 коп. на пудъ. Было бы несомнѣнно отраднѣе, еслибы эти 100.000 дешево стоящихъ пудовъ попали бы на прокормленіе не англійскихъ свиней, а русскаго населенія ²⁾. Но всякія благія измышленія на этотъ счетъ несомнѣнно окажутся неосуществимы, по крайней мѣрѣ до истеченія казенной нормировки, т. е. до 1899 года. Можно пожелать лишь, чтобы администрація отиѣнила обязательство, добровольно ею на себя принятое и, по нашему мнѣнію, совершенно ненужное, по которому законоположенія, относящіяся къ сахарной промышленности, получаютъ силу лишь черезъ два года послѣ того, какъ они состоялись.

Таможенныхъ сборовъ поступило 178¹/₂ милл. р., на 5 милл. рублей менѣе предшествовавшаго года. Но колебаніе въ таможенныхъ доходахъ очень часто бываетъ результатомъ просто случая: та или другая масса товаровъ оплачена пошлиной, положимъ, не 30 декабря, а 2 января. Это измѣняетъ сравнительное показаніе дохода по годамъ, нисколько не характеризуя измѣненія въ размѣрѣ нашей потребности въ привозныхъ изъ-за границы товарахъ. Сто семьдесятъ восемь милліоновъ, седьмая часть нашего доходнаго бюджета—сумма весьма крупная. Поступленіе такой суммы, при огромномъ размѣрѣ нашихъ таможенныхъ пошлинъ, всего лучше свидѣтельствуетъ, насколько мы нуждаемся въ заграничныхъ издѣліяхъ, несмотря на панегирики, расточаемые успѣхамъ нашей промышленности. Чего, кажется, проще коса. Между тѣмъ въ газетахъ мы встрѣчаемъ постоянно указанія на пользу, принесенную тѣмъ или другимъ земствомъ, догадавшимся выписать,

¹⁾ Отчетъ департамента неокладныхъ сборовъ за 1894 г., стр. 169.

²⁾ Какъ извѣстно, одна изъ газетъ строила остроумные проекты въ цѣляхъ, чтобы этимъ дешевымъ сахаромъ откармливались не англійскія, но русскія свиньи.

съ огромной пошлиной, косы изъ Штиріи и снабжать ими земледѣльческое населеніе.

Выкупныхъ платежей поступило 101¹/₂ м. р., на 8¹/₂ м. р. болѣе поступленія 1894 г. и на 2¹/₂ м. р. болѣе 1893 года, самаго удачнаго, въ отношеніи этого сбора, за все десятилѣтіе. Судя по размѣру поступившей суммы, слѣдуетъ думать, что въ ней заключается не только полный годовой окладъ, но и нѣкоторый излишекъ на покрытие прежнихъ недоимокъ. Это было бы весьма утѣшительно, какъ свидѣтельство объ улучшившемся экономическомъ положеніи сельскаго населенія. Но, къ сожалѣнію, часто наши иллюзіи разрушаются официальными же источниками (благо они правдивы, хотя и могутъ быть иногда ошибочны). Въ выпущенномъ недавно хозяйственнымъ департаментомъ министерства внутреннихъ дѣлъ сводѣ свѣденій о доходахъ и расходахъ земствъ за 1893 годъ указывается на возрастающую постоянно цифру недоимокъ по земскому сбору, хотя бюджетъ земствъ въ теченіе многихъ лѣтъ не только остается на одномъ уровнѣ, но даже сокращается. Причину недоимокъ земства усматриваютъ, между прочимъ, въ порядкѣ взиманія налоговъ съ населенія: мѣстная администрація заботится, главнымъ образомъ, объ успѣшномъ поступленіи государственныхъ повинностей, и нерѣдко полиція, по своему усмотрѣнію, зачисляла даже поступившіе земскіе сборы въ счетъ уплаты государственныхъ налоговъ несостоятельными домохозяевами или сельскими обществами ¹⁾. Словомъ, лежація на населеніи повинности ему не по силамъ.

Повышеніе почтоваго дохода на миллионъ и телеграфнаго на 700.000 р., сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ, составляетъ приблизительно годичный коэффициентъ увеличенія этихъ доходовъ. Въ 1890 году поступило сборовъ: почтовыхъ 20¹/₄ м. р., телеграфныхъ 10¹/₂ м. р.; черезъ пять лѣтъ, въ 1895 году, почтовыхъ—около 25 м. р. и телеграфныхъ и телефонныхъ—около 14 милл. рублей.

Обыкновенные расходы 1895 года, указанные въ свѣденіяхъ „Вѣстника Финансовъ“ (1.010 м. р.), не имѣютъ бюджетнаго значенія, какъ это и замѣчено въ „Вѣстникѣ“, гдѣ самый расходный годъ названъ кассовымъ. Это выдачи, произведенныя изъ кассъ министерства финансовъ съ 1 января по 31 декабря 1895 года на счетъ смѣтъ какъ этого года, такъ и другихъ предшествовавшихъ смѣтъ, при чемъ зъ нихъ не вошли (и не могли войти) расходы льготнаго срока по росписи 1895 года и не засчитаны долгосрочные кредиты той же росписи. Поэтому, для опредѣленія бюджетнаго результата исполненія государственной росписи 1895 года, слѣдуетъ принять сумму креди-

¹⁾ „Новости“ 24 апрѣля, № 112.

товъ, какъ назначенныхъ по росписи, такъ и дополнигельныхъ, отпущенныхъ въ теченіе года.

По росписи было назначено расходовъ 1.120 м. р. Къ нимъ добавлено 10 м. р., излишне противъ назначеннаго израсходованныхъ на эксплуатацію желѣзныхъ дорогъ вслѣдствіе усиленнаго на нихъ движенія, и около 10 м. р. по кредитнымъ операціямъ. Но, по зачету на покрытіе этихъ дополнительныхъ суммъ нѣкоторыми остатками, общая сумма обыкновенныхъ кредитовъ 1895 года опредѣляется въ размѣрѣ 1.132¹/₂ м. р. Такимъ образомъ, по сравненію доходовъ съ расходами, избытокъ въ доходахъ по обыкновенному бюджету опредѣлился бы (1.250¹/₄ м. р.—1.132¹/₂ м. р.) въ 117³/₄ м. р., Но при этомъ цифра расходовъ принята не по дѣйствительному расходу, а по размѣру отпущенныхъ кредитовъ. Превысить этотъ размѣръ расходы не могутъ, но ихъ можетъ оказаться меньше, и постоянно оказывалось. Остатки отъ кредитовъ, отпущенныхъ на одинъ смѣтный періодъ, опредѣляются во второй половинѣ года и уже зачисляются въ отчетъ государственнаго контроля объ исполненіи росписи. Но расчеты по долгосрочнымъ кредитамъ (строительнымъ, по системѣ кредита и пр.) могутъ быть сведены окончателно лишь чрезъ четыре года. Поэтому установлено, взамѣнъ остатковъ, которые могутъ оказаться по такимъ кредитамъ, присоединять къ доходамъ отчетнаго года остатки закрытыхъ въ этомъ году долгосрочныхъ кредитовъ. Пока цифра этихъ остатковъ опредѣлена быть не можетъ. Ихъ нужно принять гадательно, основываясь на цифрахъ ближайшихъ лѣтъ. Если размѣръ и тѣхъ и другихъ остатковъ принять приблизительно въ 10 м. р., то избытокъ обыкновенныхъ доходовъ надъ расходами въ 1895 году составилъ бы около 127 м. р.

Въ 1894 году этотъ избытокъ, по отчету государственнаго контроля, достигалъ огромной цифры 172 м. р. Но составъ обыкновенной росписи 1895 г. существенно измѣненъ. Со внесеніемъ въ доходъ небольшой суммы изъ чрезвычайнаго бюджета (военное вознагражденіе), въ расходную смѣту перенесены изъ чрезвычайной весьма крупныя расходы (на перевооруженіе, на ремонтъ желѣзныхъ дорогъ и пр.). Если обыкновенную роспись 1894 года опредѣлить по составу, установленному для росписей, начиная съ 1895 года, то избытокъ обыкновенныхъ доходовъ надъ расходами составилъ бы всего 113 милл. рублей. Сравнительно объ росписи представились бы въ слѣдующемъ видѣ:

	Обыкн. доход:	Обыкн. расх.:	Избытокъ доход.:
Роспись 1894 г. . .	1.166 м. р.	1.053	113
Роспись 1895 г. . .	1.260 м. р.	1.132 ¹ / ₂	127 ¹ / ₂

Такимъ образомъ, исполненіе росписи 1895 года является какъ бы

еще болѣе выгоднымъ, чѣмъ роспись предшествовавшаго года. Но очень можетъ быть, что эта выгода оказывается главнымъ образомъ результатомъ зачета въ расходы остатковъ. Определенныя данныя для этого можетъ доставить только отчетъ государственнаго контроля.

До 1887 года результатъ исполненія государственной росписи опредѣлялся балансомъ обыкновенныхъ доходовъ и расходовъ. Только въ 1888 г. бывшимъ министромъ финансовъ, И. А. Вышнеградскимъ, во всеподданнѣйшемъ докладѣ о росписи, было представлено о желательности обыкновенными доходами покрывать чрезвычайные расходы. Въ печати указывали на несправедливость безусловнаго примѣненія такого начала. И прежде, и въ это время, и послѣ, мы причисляли такіе расходы, какъ перевооруженіе, сооруженіе крѣпостей, ремонтъ и сооруженіе портовъ, ремонтъ существующихъ дорогъ, къ разряду обыкновенныхъ, которые должны быть удовлетворены на счетъ текущихъ, періодически поступающихъ съ населенія повинностей. Съ прошлаго, 1895, года пожеланія печати осуществились: Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта между *обыкновеннымъ* и *чрезвычайнымъ* бюджетами проведена надлежащая демаркаціонная линія. Поименованныя расходы, какъ составляющіе обыкновенную государственную потребность, отнесены къ обыкновеннымъ текущимъ расходамъ, а такіе, какъ доходныя предпріятія, въ родѣ сооруженія дорога стоящихъ желѣзныхъ дорогъ, отнесены къ чрезвычайнымъ, при чемъ само собою разумѣлось, что эти расходы должны удовлетворяться не на счетъ текущихъ повинностей, вносимыхъ населеніемъ, а на счетъ чрезвычайныхъ источниковъ, или случайно, внѣ ожиданія, поступившихъ суммъ, или насчетъ позаймствованій, погашеніе которыхъ должно быть произведено изъ доходовъ осуществленнаго предпріятія.

Къ сожалѣнію, этотъ логически выводимый режимъ не примѣняется на покрытіе огромныхъ чрезвычайныхъ расходовъ, какова, напримѣръ, постройка сибирской желѣзной дороги или снабженіе средствами государственнаго банка, — на это обращаются остатки обыкновеннаго бюджета. Разумѣется, нѣтъ надобности прибѣгать къ займамъ тогда, когда есть излишки въ кассахъ государственнаго казначейства, образовавшіеся отъ избытка поступления налоговъ. Но рождается вопросъ: справедливы ли эти хроническіе избытки, составляющіе результатъ повышенныхъ и постоянно повышаемыхъ налоговъ? Какъ извѣстно, сплошные дефициты въ бюджетахъ до 1887 г. были если не устраняемы, то смягчаемы постояннымъ повышеніемъ налоговъ, преимущественно питейнаго, чуть не цѣликомъ уплачиваемаго низшими классами населенія. Слишкомъ интенсивное и всестороннее возвышеніе существовавшихъ налоговъ и

установленіе новыхъ въ 1887 году не только устранило дефициты и сдѣлало ихъ невозможными въ ближайшемъ будущемъ, но недоборъ доходовъ по обыкновенной росписи обратило въ крупный ихъ избытокъ. Даже въ такіе злополучные годы, какъ 1891 и 1892, по обыкновенному бюджету, несмотря на оказавшіяся крупныя недоимки, оказался избытокъ въ доходахъ въ 20 и 65 милл. рублей. Возможность такого явленія, которое было бы признано феноменальнымъ въ любомъ изъ европейскихъ государствъ, была достигнута крайнимъ напряженіемъ платежной способности населенія. Въ недавнихъ дебатахъ по поводу денежной реформы всѣми, за исключеніемъ присяжныхъ защитниковъ министерскихъ проектовъ, указывалось на неудовлетворительное экономическое положеніе населенія и на несоотвѣтствіе ему блестящихъ цифръ государственнаго бюджета. За два послѣдніе отчетные года избытокъ обыкновенныхъ доходовъ, при строгомъ отдѣленіи чрезвычайныхъ расходовъ отъ обыкновенныхъ, достигъ огромной цифры 120 м. р. въ годъ. Идти дальше едва ли возможно. Не слѣдовало ли бы возвратиться вспять, къ размѣру налоговъ, въ какомъ они были до 1887 года, т.-е. понизить питейный акцизъ до 8 р. съ ведра безводнаго спирта, сахарный до 80 коп. съ пуда, уменьшить на половину табачный акцизъ, съ отмѣной системы надзора, уничтожившей кустарное, домашнее табакорводство, отмѣнить налоги нефтяной и спичечный, а въ размѣрѣ таможенныхъ налоговъ вернуться къ тарифу семидесятыхъ годовъ? Если все это и поглотить изъ избытка приблизительно миллионовъ сто, то двадцать все-таки останется. Сто же миллионовъ, перепавшіе населенію, не замедлятъ отразиться дальнѣйшимъ приращеніемъ государственныхъ доходовъ.

Къ нѣкоторымъ изъ вопросовъ, затронутыхъ въ этой статьѣ, мы возвратимся при обсужденіи отчета государственнаго контроля по исполненію росписи 1895 года. Теперь, въ заключеніе, напомнимъ уже приведенный нами афоризмъ одного изъ выдающихся западныхъ экономистовъ, недавно умершаго, указывавшаго на финансовую опасность блестящаго государственнаго бюджета при неудовлетворительномъ экономическомъ положеніи страны. Этотъ афоризмъ вовсе не такъ парадоксаленъ, какъ то можетъ казаться.—О.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюня 1896.

Высокоторжественный день 14-го мая—и Всемилоствѣйшій Манифестъ того же дни.—Судебная реформа въ архангельской губерніи и въ Сибири.—Возможенъ ли на окраинахъ Россіи судъ присяжныхъ?—Частныя поправки къ существующему устройству суда присяжныхъ, представляющіяся, съ нашей точки зрѣнія, нежелательными или безразличными.—Нѣчто о равенствѣ—передъ судомъ.—
Post-scriptum.

Въ пятый разъ въ теченіе нынѣшняго столѣтія повторилось въ Москвѣ всенародное празднество Священнаго Коронованія и Муропомазанія русскаго Царя,—отличавшееся особою торжественностью. Коронація Александра I-го, 15-го сентабря 1801 г., представлялася началомъ новой эпохи, возвращеніемъ къ лучшимъ преданіямъ Екатерининскаго времени—и вмѣстѣ съ тѣмъ зарею болѣе широкихъ реформъ, о которыхъ мечтали, и которыя отчасти осуществилъ молодой императоръ. Коронація Николая I-го, 22-го августа 1826 г., застала русское общество еще смущеннымъ декабрьскими событіями предъидущаго года, но готовымъ повторить, вслѣдъ за поэтомъ: „Въ надеждѣ славы и добра — гляжу впередъ я безъ боязни“... Коронація Александра II-го, 26-го августа 1856 г., невольно переносила мысль присутствующихъ къ началу вѣка: всѣ опять чего-то ожидали, отдыхая послѣ тяжелаго періода, закончившагося одною изъ самыхъ тягостныхъ вѣшнихъ войнъ, какія когда-либо переживала Россія. Коронація Александра III-го, 15-го мая 1883 г., возвѣстила окончаніе смутнаго времени, кульминаціоннымъ пунктомъ котораго была катастрофа 1-го марта 1881 года. Коронованіе Государя Императора Николая Александровича, 14-го мая 1896 г., совершилось среди полнѣйшаго внутренняго и вѣшнаго спокойствія и всеобщихъ выраженій народной любви и преданности юному Монарху; все благоприятствуетъ, поэтому, продолженію „дѣла строенія земли русской“, унаслѣдованнаго Императоромъ отъ Его вѣнценосныхъ Предковъ.

„Вникая въ нужды всѣхъ нашихъ вѣрноподданныхъ“ — сказано въ Всемиловѣйшемъ Манифестѣ 14-го мая — „и обращая взоры Наши въ особенности на страдающихъ и обремененныхъ, хотя бы по собственной винѣ или нерадѣнію, слѣдуемъ влеченію сердца даровать и имъ возможныя облегченія, дабы, въ сей достопамятный день Священнаго Вѣнчанія Нашего на Царство, они, вступивъ на стезю обновленной жизни, могли радостно участвовать во всенародномъ ликованіи“. Согласно съ прежними примѣрами, Всемиловѣйшій Манифестъ 14-го мая устанавливаетъ двѣ главныя категории льготъ: въ области налоговъ и платежей — и въ области уголовныхъ наказаній. Льготы перваго рода нѣсколько отличаются отъ обычныхъ потому, что еще весьма недавно, Всемиловѣйшимъ Манифестомъ 14-го ноября 1894 г., сложена со счетовъ половина долговъ по продовольственнымъ ссудамъ, а другими законодательными актами допущена разсрочка и отсрочка выкупныхъ платежей ¹⁾. Наиболѣе общая финансовая льгота заключается въ уменьшеніи на половину, въ теченіе десяти лѣтъ, государственнаго поземельнаго налога (и аналогичныхъ сборовъ въ привислянскомъ краѣ), что составитъ за все это время болѣе 84 миліоновъ рублей. Немалое значеніе имѣетъ также сложеніе недоимокъ: 1) государственнаго поземельнаго налога (около 4¹/₂ милл. руб.), и 2) отгѣненныхъ въ 1887 г. (для Европейской Россіи) податей подушной и оброчной и лѣсного налога (всего свыше 7 милл. руб.). Для Сибири недоимки податей подушной и оброчной (тамъ еще не отгѣненныхъ) отчасти слагаются (на сумму около 2.800 тыс. руб.), отчасти разсрочиваются на десять лѣтъ. Остальныя финансовыя льготы, даруемыя Манифестомъ, имѣютъ болѣе частный характеръ. Льготы, оказанныя подсудимымъ и осужденнымъ, совершенно аналогичны съ тѣми, которыя были даны манифестами 15-го мая 1883 и 14-го ноября 1894 г., и о которыхъ мы въ свое время говорили подробно ²⁾. Примѣненіе ихъ къ государственнымъ преступникамъ, а также къ лицамъ, подвергшимся, по политическимъ соображеніямъ, административнымъ карамъ, по прежнему предоставлено, въ значительномъ большинствѣ случаевъ, усмотрѣнію высшей администраціи.

Помимо особыхъ льготъ военнотруженикамъ, присужденнымъ къ специально-военнымъ наказаніямъ и потому не подходящимъ подъ дѣйствіе общаго Всемиловѣйшаго Манифеста, день 14-го мая ознаменованъ цѣлымъ рядомъ милостей, оказанныхъ военнымъ чинамъ и

¹⁾ Къ числу такихъ законодательныхъ актовъ принадлежитъ и Высочайше утвержден. 13 мая 1894 г. госуд. совѣта, разрѣшающее пересрочку выкупнаго долга на 56 лѣтъ, 41 годъ или 28 лѣтъ, со взиманіемъ въ первомъ случаѣ 4¹/₂, во второмъ 5, въ третьемъ — 6%.

²⁾ См. Внутр. Обзорніе въ № 7 „Вѣстн. Европы“ за 1883 и № 12 за 1894 г.

ихъ семействамъ. Эмеритальной кассѣ военно-сухопутнаго вѣдомства Высочайше повелѣно отпускать по 1.200 тыс. руб. въ годъ, впредь до утверженія новаго ея устава; на улучшеніе приварочнаго довольствія нижнихъ чиновъ ассигновано 3 милл. руб., на увеличеніе въ женскихъ институтахъ числа стипендій для дочерей чиновъ военнаго вѣдомства—100 тыс. рублей, на разныя другіе однородныя расходы—болѣе 50 тыс. руб. ежегодно; на счетъ инвалиднаго капитала повелѣно открыть въ женскихъ институтахъ 40 вакансій пансіонеровъ Ихъ Величествъ, для замѣщенія ихъ дочерьми раненыхъ въ войну 1877—78 г. и въ бояхъ съ текинцами, состоящихъ на службѣ, штабъ- и оберъ-офицеровъ, обремененныхъ семействами и не имѣющихъ собственныхъ средствъ для надлежащаго образованія дочерей. Къ другой сферѣ относится Высочайшее повелѣніе, состоявшееся нѣсколькими днями раньше—о одновременномъ отпускѣ изъ государственнаго казначейства 300 тыс. руб. въ видѣ почина на устройство общежитій для студентовъ московскаго университета, задуманное Е. И. В. московскимъ генералъ-губернаторомъ.

За нѣсколько дней до вѣнчанія на царство императора Александра III-го состоялся законъ 3-го мая 1883 г., значительно измѣнившій къ лучшему положеніе раскольниковъ и сектантовъ; безъ сомнѣнія, это обстоятельство послужило поводомъ къ предположеніямъ о томъ, что и теперь слѣдуетъ ожидать также общихъ законодательныхъ мѣръ, которыя могли бы поднять еще выше радостныя ликования народа и общества,—или отиѣны такихъ мѣропріятій, которыя были вызваны въ свое время исключительными обстоятельствами и потребность въ которыхъ миновала въ наше время; но, быть можетъ, что отложено,—какъ говорить извѣстная поговорка,—то не слѣдуетъ считать потеряннымъ...

Близится, повидимому, время, когда судебныя уставы императора Александра II-го сдѣлаются, хотя и не въ одинаковой степени, достояніемъ всей имперіи. Въ предѣлахъ европейской Россіи архангельская губернія оставалась единственною, въ которой существовала судебная палата стараго типа; законъ 29-го января 1896 г. устранилъ эту аномалію, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Архангельскѣ будетъ открытъ окружной судъ. Распространенія судебной реформы на Сибирь слѣдуетъ ожидать въ самомъ ближайшемъ будущемъ; за Сибирью послѣдуетъ, вѣроятно, и туркестанскій край, въ которомъ уже съ 1886 г. имѣются мировыя суды. Между обнародованіемъ судебныхъ уставовъ и повсемѣстнымъ введеніемъ ихъ въ дѣйствіе пройдетъ, такимъ образомъ, болѣе тридцати лѣтъ—промежутковъ времени,

который не обинуясь можно назвать огромнымъ. Объяснить себѣ крайнюю медленность преобразованія тѣмъ труднѣе, что вопіющіе недостатки старыхъ процессуальныхъ порядковъ—достаточно назвать, для примѣра, обжалованіе приговоровъ *послѣ ихъ исполненія*—давно признаны всѣми, а *серьезныхъ* препятствій къ ихъ устраненію на лицо не имѣлось. На рубежѣ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, когда успѣхъ реформы былъ уже совершенно очевиденъ, самому завязатому скептику и пессимисту не могло бы придти на мысль, что для завершенія дѣла, столь блистательно начатаго, потребуется еще цѣлая четверть вѣка. Если для новой задачи съ самаго начала нашлись люди, то можно ли было сомнѣваться въ томъ, что они найдутся и для ея продолженія? Если въ теченіе четырехъ или пяти лѣтъ нашлись средства для введенія реформы въ семи судебныхъ округахъ (петербургскомъ, московскомъ, харьковскомъ, одесскомъ, тифлисскомъ, казанскомъ, саратовскомъ), то можно ли было сомнѣваться въ томъ, что въ теченіе такого же промежутка времени они найдутся и для остальной Россіи, т.-е. еще для пяти или шести округовъ? Если судебные уставы, съ нѣкоторыми измѣненіями, удалось примѣнить, три года спустя послѣ ихъ изданія, къ такой отдаленной и своеобразной мѣстности, какъ Закавказье, то можно ли было сомнѣваться въ томъ, что столь же легко будетъ распространить ихъ и на другія окраины имперіи? Въ дѣйствительности, однако, невѣроятное оказывается возможнымъ. Въ движеніи реформы наступаютъ длинныя, безпричинныя остановки. Въ семидесятыхъ годахъ она вводится только въ двухъ округахъ (киевскомъ и варшавскомъ); въ восьмидесятыхъ годахъ—также въ двухъ (виленскомъ и прибалтійскомъ, при чемъ послѣдній соединяется съ петербургскимъ); въ первой половинѣ девяностыхъ годовъ—въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ губерніяхъ (олонецкой, астраханской, оренбургской). Разгадку этого явленія слѣдуетъ искать въ перемѣнѣ настроенія руководящихъ сферъ. Судебная реформа весьма недолго была, въ ихъ глазахъ, абсолютнымъ благомъ, къ осуществленію котораго можно и должно стремиться во что бы то ни стало, не отступая ни передъ напряженной работой, ни передъ матеріальными жертвами. На нее стали смотрѣть сначала равнодушно, потомъ—почти враждебно; въ ней стали видѣть не столько насущную потребность, сколько неизбѣжное зло. Не ускорило ея распространенія, поэтому, и улучшеніе нашихъ финансовъ, происшедшее около десяти лѣтъ тому назадъ; средства находились на что угодно, только не на введеніе новыхъ судовъ. Болѣе благоприятно обстоятельства сложились только въ самое послѣднее время, когда предпринять былъ систематическій пересмотръ судебныхъ уставовъ. Слишкомъ странно было бы, въ самомъ дѣлѣ, заботиться объ усовершенствованіи и безъ

того уже хорошихъ судебныхъ порядковъ—и вмѣстѣ съ тѣмъ сохранять, для нѣкоторыхъ обиженныхъ судьбою мѣстностей, архаическія, давно отжившія формы до-реформеннаго процесса. Окончаніе вѣшняго, географическаго распространенія судебныхъ уставовъ было необходимою предпосылкой для внутренней ихъ переработки.

Мы замѣтили уже, что къ окраинамъ имперіи судебныя уставы примѣняются, болѣею частью, не въ полномъ объемѣ, а съ весьма существенными ограниченіями и измѣненіями. Когда въ архангельской губерніи были введены, въ 1889 г., мировыя судьи (въ то время еще нигдѣ не упраздненныя), они были поставлены въ совершенно особыя условія: мировыхъ сѣздовъ учреждено не было, функціи мирового сѣзда были возложены на архангельскую палату гражданскаго и уголовнаго суда, мировымъ судьямъ поручено производство предварительныхъ слѣдствій. Законъ 29 января 1896 г., сохраняя всѣ эти особенности (съ замѣною только палаты гражд. и угол. суда окружнымъ судомъ), значительно расширяетъ власть мировыхъ судей, уравнивая ихъ, въ этомъ отношеніи, съ мировыми судьями закавказскаго края. Болѣе важныя уголовныя дѣла (въ томъ числѣ и тѣ, которыя въ центральныхъ губерніяхъ разсматриваются судомъ съ участіемъ сословныхъ представителей) предоставлены рѣшенію окружнаго суда, безъ участія присяжныхъ (съ правомъ обжалованія московской судебной палатѣ, къ округу которой причисленъ архангельскій окружной судъ). Совершенно аналогичное устройство проектируется для новыхъ судебныхъ установленій и въ Сибири, гдѣ предполагается открыть одну судебную палату (въ Иркутскѣ) и пять окружныхъ судовъ (въ Читѣ, Иркутскѣ, Красноярскѣ, Томскѣ и Тобольскѣ; послѣдніе два причисляются къ округу казанской судебной палаты). Основанія, по которымъ въ Сибири не вводится судъ присяжныхъ, заключаются, по словамъ „Московскихъ Вѣдомостей“, въ малой населенности края, недостаткѣ лицъ, могущихъ быть присяжными, трудности исполненія этой повинности, въ виду большихъ разстояній и неудовлетворительныхъ путей сообщенія, и, наконецъ, въ „нѣсколько своеобразномъ составѣ населенія Сибири и сложившихся здѣсь возрѣніяхъ на значеніе и важность нѣкоторыхъ преступленій подѣ влияніемъ долгой колонизаціи Сибири неблагонадежными элементами изъ Европейской Россіи“. Весьма вѣроятно, что по тѣмъ же, приблизительно, основаніямъ судъ присяжныхъ не введенъ и въ архангельской губерніи. Можно ли, однако, признать ихъ достаточно убѣдительными и вѣскими? Значительная часть уголовныхъ дѣлъ, подсудныхъ, по общему правилу, суду присяжныхъ, будетъ, безъ сомнѣнія,

разбираться въ мѣстахъ постояннаго пребыванія окружныхъ судовъ, т.-е. въ большихъ городахъ, изъ которыхъ только одинъ—Чита—имѣетъ менѣе 10 тыс. жит. (Архангельскъ и Красноярскъ—болѣе 15, Томскъ—болѣе 40, Иркутскъ—болѣе 50 тыс.); образованіе присутствія присяжныхъ не представляло бы здѣсь, какъ и въ крупныхъ торговыхъ или промышленныхъ центрахъ (Тюмень, Барнаулъ), никакихъ затрудненій. Едва ли оно встрѣтило бы особыя препятствія и при разборѣ дѣлъ въ уѣздныхъ или окружныхъ городахъ средней величины (отъ 3 до 10 т. жит.), какъ напр., Верхнеудинскъ или Кяхта, Якутскъ или Нижнеудинскъ, Енисейскъ, Маринскъ или Кузнецкъ, Ялutorовскъ или Онега, а въ такія захолустья, какъ Кола, Березовъ, Туруханскъ, Нижнеколымскъ, окружной судъ, безъ сомнѣнія, никогда выѣзжать не будетъ, уже вслѣдствіе потери времени, сопряженной съ проѣздомъ громадныхъ разстояній. Тѣхъ присяжныхъ, которые живутъ далеко отъ мѣста открытія сессіи (напр., болѣе, чѣмъ въ ста верстахъ), можно было бы вознаграждать за издержки переѣзда; жителей особенно отдаленныхъ мѣстностей можно было бы и вовсе не призывать къ исполненію обязанностей присяжныхъ. Ничто не мѣшало бы, наконецъ, уменьшить, въ малонаселенныхъ округахъ, численный составъ присутствія присяжныхъ; вѣдь цифра 12—не какое-то магическое число, безъ котораго не можетъ функционировать судъ присяжныхъ. Лучше, въ стократъ лучше присутствіе присяжныхъ, состоящее хотя бы изъ 6 человѣкъ, чѣмъ коронный судъ, одинъ рѣшающій дѣло. Что касается до какихъ-то особыхъ воззрѣній на значеніе и важность нѣкоторыхъ преступленій, сложившихся, будто бы, въ Сибири подъ вліяніемъ долгой колонизаціи ея неблагонадежными элементами, то для насъ не совсѣмъ ясно, что собственно понимается подъ этими воззрѣніями и при чемъ тутъ составъ сибирскаго населенія. Если сибиряки относятся иногда къ каторжникамъ и поселенцамъ съ нѣкоторою гуманностью, съ нѣкоторымъ состраданіемъ, то эта черта свойственна имъ наравнѣ со всѣмъ русскимъ народомъ, а специфически-мѣстныя ея проявленія—напримѣръ, выставка за окно стѣстныхъ припасовъ, которыми могутъ воспользоваться ночью проходящіе по деревнѣ бѣглецы или бродяги—объясняются простою осторожностью, весьма естественною въ глухихъ мѣстахъ, близкихъ къ большому этапному пути и средоточіямъ каторги и ссылки. Сами поселенцы и каторжники, хотя бы и отбывшіе срокъ наказанія, не будутъ, безъ сомнѣнія, вносимы въ списки присяжныхъ,—а предполагать, что *потомки* ссылныхъ воспринимаютъ отъ нихъ по наслѣдству истинетивное сочувствіе къ закононарушеніямъ и закононарушителямъ, значило бы дѣлать слишкомъ смѣлый выводъ изъ теоріи атавизма... Итакъ, ничто не мѣшало бы распространенію суда присяжныхъ

какъ на Сибирь, такъ и на тѣ сѣверныя и восточныя губерніи Европейской Россіи, въ которыхъ онъ еще не введенъ. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что въ этихъ мѣстностяхъ онъ особенно нуженъ, потому что нигдѣ не сопряжено съ такими затрудненіями сосредоточеніе важнѣйшихъ дѣлъ въ рукахъ одного короннаго суда. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такого сосредоточенія является обжалованіе рѣшеній въ апелляціонномъ порядкѣ—а недостатки апелляціоннаго производства, всегда и вездѣ тяжеловѣснаго, бумажнаго, мало благопріятствующаго раскрытію истины, растутъ въ прямомъ отношеніи къ разстоянію между судебной палатой и окружнымъ судомъ. Чѣмъ дальше первая отъ послѣдняго, тѣмъ больше затруднена явка въ ея засѣданіе подсудимыхъ, участвующихъ въ дѣлѣ лицъ и свидѣтелей, другими словами—тѣмъ менѣе вѣроятенъ разборъ дѣла при условіяхъ, соотвѣтствующихъ требованіямъ устнаго и состязательнаго процесса. Архангельскъ—и Москва, Томскъ—и Казань, Владивостокъ—и Иркутскъ: стоитъ только сопоставить эти имена, чтобы понять, какъ тяжело отзовется на населеніи Сибири и бѣломорскаго побережья отсутствіе суда присяжныхъ.

Есть, впрочемъ, основаніе думать, что безусловное устраненіе присяжныхъ—какъ въ Сибири и архангельской губерніи, такъ и на другихъ окраинахъ имперіи—составляетъ только явленіе временное. Существуетъ, какъ слышно, мысль о томъ, что именно здѣсь могла бы быть осуществлена та смѣшанная судебная коллегія, за которую стоятъ гг. Закревскій, Дейтрихъ и Кичинъ, и которая въ настоящую минуту не имѣетъ, повидимому, шансовъ общей, генеральной побѣды надъ судомъ присяжныхъ. Говоря, три мѣсяца тому назадъ, о смѣшанной коллегіи, мы имѣли уже случай замѣтить, что, при всѣхъ ея громадныхъ недостаткахъ, она имѣетъ пѣкоторое преимущество передъ судомъ короннымъ. Введеніе ея въ Сибири и въ другихъ мѣстностяхъ, вовсе лишенныхъ суда присяжныхъ, было бы, безспорно, шагомъ къ лучшему—или, вѣрнѣе, меньшимъ изъ двухъ золъ. Но зачѣмъ же выбирать одно изъ золъ, хотя бы и меньшее, когда можно обойтись и безъ того, и безъ другого? Всѣ соображенія, говоряція противъ смѣшанной судебной коллегіи вообще, сохраняютъ полную силу и по отношенію къ смѣшанной коллегіи, какъ къ спеціальному суду для окраинъ,—а въ пользу такого суда едва ли можно привести какіе-либо убѣдительные доводы. Онъ требуетъ меньшаго числа присяжныхъ, но мы уже видѣли, что уменьшено въ своемъ составѣ можетъ быть и обыкновенное присутствіе присяжныхъ. Ужъ если допустить распространенность, на дальнихъ окраинахъ, неправильныхъ воззрѣній на значеніе и важность преступленій, то эти воззрѣнія найдутъ себѣ выраженіе и въ смѣшанной судебной коллегіи, боль-

шинство въ которой будетъ принадлежать присяжнымъ; вліяніе коронныхъ судей легко можетъ разбиться о наследственныхъ, безсознательныхъ и именно потому вдвойнѣ упорныхъ предубѣжденій обитателей окраинъ. Для жителей отдаленныхъ мѣстностей явиться въ засѣданія смѣшанной коллегіи будетъ столь же затруднительно, какъ и явиться въ засѣданіе нормальнаго суда присяжныхъ... Что касается до тѣхъ частей имперіи, на которыя судъ присяжныхъ до сихъ поръ не распространенъ по соображеніямъ преимущественно политическаго характера (привислянскія и прибалтійскія губерніи), то по отношенію къ нимъ можно поставить слѣдующую дилемму: или подозрительность уступить мѣсто довѣрью, и въ такомъ случаѣ не окажется на лицо никакихъ серьезныхъ препятствій къ введенію суда присяжныхъ; или настроеніе руководящихъ сферъ останется прежнее—и въ такомъ случаѣ и смѣшанная коллегія либо не будетъ учреждена вовсе, либо, призванная къ жизни, вызоветъ съ разныхъ сторонъ самыя разнообразныя нареканія. Сверху будетъ казаться, что приговоры коллегіи (оправдательные—по отношенію къ кореннымъ жителямъ края, обвинительные—по отношенію къ пришлымъ элементамъ) постановляются подъ давленіемъ національныхъ или религіозныхъ предразсудковъ; снизу будетъ казаться (при противоположномъ исходѣ дѣлъ), что присяжные подчиняются гнету коронныхъ судей... Возможность ввести въ царствѣ польскомъ и остзейскомъ крайъ судъ присяжныхъ въ его чистомъ видѣ, — т. е. въ той формѣ, въ какой онъ существуетъ и, позволительно надѣяться, будетъ попрежнему существовать во внутреннихъ губерніяхъ, — доказывается наглядно примѣромъ сѣверо-западныхъ и юго-западныхъ губерній, во многомъ сходныхъ съ привислянскими и прибалтійскими. Судъ присяжныхъ, съ самыми незначительными отступленіями отъ общаго типа, дѣйствуетъ въ кievскомъ судебномъ округѣ почти двадцать, въ виленскомъ—почти пятнадцать лѣтъ, и никакихъ неудобствъ отсюда не происходитъ, никакихъ жалобъ, мотивируемыхъ мѣстными условіями, не слышно. Трудно допустить, чтобы присяжные въ Варшавѣ отличались существенно отъ присяжныхъ въ Вильнѣ или Луцкѣ, присяжные въ Митавѣ—отъ присяжныхъ въ Ковнѣ, или Двинскѣ ¹⁾... Или, быть можетъ, въ смѣшанную судебную коллегію, проектируемую для окраинъ, предполагается ввести „спеціальныхъ присяжныхъ“, съ особымъ, повышеннымъ цензомъ—профессиональнымъ, образовательнымъ, имущественнымъ? Это предположеніе мы рассмотримъ тогда, когда будемъ говорить вообще о спеціальныхъ присяжныхъ.

¹⁾ На совѣщаніи старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ, прокуроръ варшавской судебной палаты высказался за введеніе въ царствѣ польскомъ суда присяжныхъ.

Неприкосновенность главныхъ основъ суда присяжныхъ—къ числу которыхъ принадлежитъ, въ нашихъ глазахъ, его отдѣльность отъ суда короннаго—не исключаетъ, какъ мы уже говорили, частныхъ поправокъ въ его устройствѣ и его дѣятельности. Обращаемся теперь къ разсмотрѣнію этихъ поправокъ и начинаемъ съ тѣхъ, которыя представляются намъ безусловно нежелательными и нецѣлесообразными.

Наиболѣе радикальный характеръ имѣетъ поправка, предоставляющая предсѣдательствующему на судѣ право „руководительнаго участія“ въ совѣщаніи присяжныхъ. Она прямо соприкасается съ мыслью о смѣшанной коллегіи, такъ какъ вводитъ предсѣдательствующаго, на время, въ составъ присутствія присяжныхъ, отказывая ему только въ рѣшающемъ голосѣ. Къ ней примѣнимы, поэтому—въ болѣе или меньшей степени—все возраженія, вызываемыя смѣшанной коллегіей. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ заключается главное неудобство смѣшанной коллегіи? Не въ томъ, что коронные ея члены имѣютъ рѣшающій голосъ—вѣдь большинство, и весьма значительное, остается, во всякомъ случаѣ, на сторонѣ присяжныхъ,—а въ томъ, что въ среду присяжныхъ вводится чуждый имъ элементъ, могущій подчинить ихъ своему вліянію, подавить ихъ своимъ авторитетомъ, стѣснить свободное выраженіе ихъ мнѣній или, при извѣстныхъ условіяхъ, обострить конфликтъ противоположныхъ взглядовъ. Все это возможно и при участіи одного предсѣдательствующаго въ совѣщаніи присяжныхъ. Будетъ ли, затѣмъ, такое участіе обязательнымъ, постояннымъ—или факультативнымъ, условнымъ, т.-е. зависящимъ отъ желанія самихъ присяжныхъ? Въ первомъ случаѣ получилась бы настоящая смѣшанная коллегія, съ тою только разницею, что предсѣдательствующій входилъ бы въ ея составъ не съ самаго начала засѣданія, а лишь въ концѣ, когда въ средѣ присяжныхъ образовался уже, быть можетъ, опредѣленный взглядъ на дѣло. Это ограждало бы, до извѣстной степени, самостоятельность рѣшенія присяжныхъ, но увеличивало бы, за то, шансы столкновеній между ними и предсѣдательствующимъ—столкновеній, которыя, часто повторяясь, неминуемо стали бы грозить опасностью самому институту присяжныхъ. Во второмъ случаѣ присяжнымъ предстояло бы, каждый разъ, самимъ рѣшить вопросъ, приглашать ли предсѣдателя къ участію въ ихъ совѣщаніи. Понятно, что такое рѣшеніе представляло бы иногда немалыя трудности и зависѣло бы, сплошь и рядомъ, болѣе отъ дипломатическихъ соображеній, чѣмъ отъ самаго свойства дѣла. Не приглашать предсѣдательствующаго—значило бы его обидѣть; и вотъ, хотя бы у присяжныхъ не возникало никакихъ серьезныхъ сомнѣній, они просятъ предсѣдательствующаго пожаловать въ совѣщательную ком-

нату, выслушиваютъ его дополнительныя разъясненія — и выносятъ вердиктъ, можетъ быть идущій прямо въ разрѣзъ съ его мнѣніемъ. Отсюда, въ руководящихъ сферахъ, неудовольствіе противъ присяжныхъ, а иногда и противъ предсѣдательствующаго, не счумѣвшего убѣдить ихъ. Столь же неизбѣжны нареканія на присяжныхъ были бы и тогда, когда они не воспользовались бы правомъ приглашенія; ихъ прямо стали бы обвинять въ нежеланіи выслушать закономъ указанного руководителя, въ упрямомъ и зломъ стремленіи къ ошибкѣ, которую предупредило бы во-время сказанное компетентное слово (хотя на самомъ дѣлѣ оно, быть можетъ, и прозвучало бы совершенно безслѣдно). Какія сомнѣнія, наконецъ, могъ бы устранить предсѣдательствующій своимъ „руководительнымъ участіемъ“ въ совѣщаніи? Сомнѣнія чисто фактическаго свойства, относящіяся къ значенію тѣхъ или другихъ обстоятельствъ дѣла? Но вѣдь въ этой области коронный судья отнюдь не болѣе компетентенъ, чѣмъ присяжные; если на его сторонѣ преимущество опытности, то на ихъ сторонѣ—преимущество простого, житейскаго, не предвзятаго взгляда на дѣло. Сомнѣнія юридическаго характера, относящіяся къ формальной силѣ доказательствъ и уликъ, къ опредѣленію признаковъ преступнаго дѣянія? Но что же мѣшаетъ присяжнымъ высказать эти сомнѣнія открыто, не въ совѣщательной комнатѣ, а въ залѣ засѣданій, и тамъ же, въ присутствіи сторонъ, выслушать разъясненія предсѣдательствующаго, какъ это установлено дѣйствующимъ закономъ (уст. угол. судопр., ст. 805 и 808), допускающимъ даже соотвѣтственное измѣненіе или дополненіе вопросовъ? Громадное преимущество такого порядка передъ келейнымъ совѣщаніемъ предсѣдательствующаго съ присяжными заключается не только въ контролѣ сторонъ, но и въ томъ, что публично высказанныя присяжными сомнѣнія могутъ повлечь за собою возобновленіе судебного слѣдствія и судебныхъ преній. Все это приводитъ насъ къ убѣжденію, что „руководительное участіе“ предсѣдательствующаго въ совѣщаніи присяжныхъ, обязательное или факультативное, было бы не перемѣной къ лучшему, не поправкой, а извращеніемъ основъ суда присяжныхъ, менѣе бросающимся въ глаза, чѣмъ установленіе смѣшанной коллегіи, но почти столь же опаснымъ.

Существуетъ, далѣе, мнѣніе, что предсѣдательствующему слѣдовало бы предоставить право открыто выражать, въ заключительномъ словѣ, свой взглядъ на виновность или невиновность подсудимаго. Этому мнѣнію можно противопоставить, съ нѣкоторыми только смѣнченіями, всѣ возраженія, сдѣланныя нами противъ „руководительнаго участія“ предсѣдательствующаго въ совѣщаніи присяжныхъ. Конечно, однажды сказанное слово предсѣдательствующаго не можетъ

оказать такого давленія на присяжныхъ, какъ много разъ повторенное и полемически развитое; тѣмъ не менѣе нельзя отрицать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно будетъ имѣть рѣшающее значеніе, и притомъ не столько вслѣдствіе внутренней его убѣдительности, сколько вслѣдствіе внѣшней авторитетности. Къ чему включать въ процессъ новый элементъ, въ иныхъ случаяхъ совершенно безсильный, въ другихъ — чрезчуръ вліятельный? Къ чему низводить судью съ того высокаго положенія, которое онъ занимаетъ надъ сторонами, и дѣлать его союзникомъ одной изъ нихъ, не предоставляя ему, однако, непосредственнаго участія въ рѣшеніи? Къ чему создавать, на глазахъ у всѣхъ, конфликты между предсѣдательствующимъ и присяжными, къ чему обострять и безъ того уже слишкомъ распространенную у насъ наклонность къ нареканіямъ на присяжныхъ, присоединяя къ прежнимъ обвинительнымъ пунктамъ еще новый: „они не послушались предсѣдательствующаго“? Повторяемъ еще разъ: въ фактическихъ вопросахъ, къ числу которыхъ принадлежитъ, болѣею частью, вопросъ о виновности или невинности подсудимаго, предсѣдательствующій, говоря вообще, вовсе не компетентнѣе присяжныхъ, возможность ошибки для него вовсе не меньше — а въ вопросахъ юридическихъ онъ можетъ дать присяжнымъ всѣ нужныя указанія, не высказывая своего личнаго взгляда на существо дѣла. Составители судебныхъ уставовъ были безусловно правы, воспретивъ предсѣдателю „обнаруживать свое мнѣніе о виновности или невинности подсудимаго“, и ст. 802 уст. угол. судопр. должна остаться въ полной силѣ, какъ одинъ изъ краеугольныхъ камней нашего уголовного процесса.

Къ преобразованіямъ судебныхъ порядковъ, задуманнымъ въ послѣднее время управленія Н. А. Манасеина, принадлежало, между прочимъ, предоставленіе коронному суду права отмѣнять оправдательные вердикты присяжныхъ, на томъ же основаніи, на какомъ ст. 818 уполномочиваетъ его теперь отмѣнять приговоры обвинительные (т.-е. при единогласіи судей и съ передачей дѣла на разсмотрѣніе новаго состава присяжныхъ). Въ печати такое предложеніе было заявлено еще раньше, и мы тогда же противъ него возражали, находя, что въ силу стариннаго правила: „лучше оправдать десять виновныхъ, чѣмъ осудить одного невиннаго“, чрезвычайная власть жороннаго суда понятна и законна только въ примѣненіи къ обвинительнымъ вердиктамъ присяжныхъ, а отнюдь не къ оправдательнымъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію — говорили мы дальше ¹⁾, — „что еслибы коронному суду и дано было право отмѣнять оправда-

¹⁾ См. Внутр. Обзоръ въ № 4 „В. Европѣ“ за 1834 г.

тельные вердикты присяжныхъ, онъ пользовался бы этимъ правомъ крайне рѣдко. Упреки и обвиненія, вызываемые теперь оправдательными приговорами присяжныхъ, упали бы тогда и на судъ коронный; къ одной агитаціи присоединилась бы другая, и положеніе судебныхныхъ учреждений сдѣлалось бы еще болѣе затруднительнымъ. Изъ двухъ золъ слѣдуетъ выбирать меньшее—а меньшимъ зломъ, сравнительно съ постояннымъ колебаніемъ судебного авторитета, безспорно слѣдуетъ признать оставленіе въ силѣ нѣсколькихъ неправильныхъ оправдательныхъ приговоровъ¹⁾. Подробнѣе развѣивать эти мысли мы считаемъ излишнимъ, такъ какъ за „примѣненіе ст. 818 наоборотъ“ (выраженіе А. Ѳ. Кони) было подано, при совѣщаніи старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ судебныхныхъ палатъ, только два голоса изъ двадцати, и оно едва ли найдетъ поддержку при дальнѣйшемъ пересмотрѣ судебныхныхъ уставовъ¹⁾.

Лѣтъ семнадцать тому назадъ, во время одного изъ періодически повторяющихся походовъ противъ суда присяжныхъ, заявлена была мысль объ изыятіи изъ его вѣденія всѣхъ дѣлъ, по которымъ имѣется на лицо сознаніе подсудимаго. Блистательно опровергнутая И. Я. Фойницкимъ („Журн. гражд. и угол. права“, 1879, № 6), она сошла со сцены и могла считаться совершенно забытою; но теперь, какъ мы слышали, она опять находитъ защитниковъ, хотя, повидимому, и немногочисленныхъ. Не входя въ подробный ея разборъ, укажемъ только на главныя неудобства, къ которымъ должно было бы повести ея осуществленіе. Сознаніе не есть нѣчто абсолютное, безусловно опредѣленное; оно можетъ быть полнымъ или неполнымъ, согласнымъ или несогласнымъ съ обстоятельствами дѣла, искреннимъ или неискреннимъ. Настоящее его значеніе выясняется, сплошь и рядомъ, только по окончаніи судебного слѣдствія; между тѣмъ, способъ разсмотрѣнія дѣла—съ участіемъ или безъ участія присяжныхъ—долженъ быть избранъ при самомъ открытіи судебного засѣданія. Поставить его въ зависимость отъ *спорности* или *безспорности* сознанія—значило бы требовать отъ судей дара предвидѣнія; они не могутъ знать заранѣе, что будетъ раскрыто при дальнѣйшемъ производствѣ дѣла. Какъ поступать, далѣе, если изъ нѣсколькихъ подсудимыхъ одни сознаются, другіе не сознаются? Отдѣлять первыхъ отъ послѣднихъ и разрѣшать судьбу однихъ—приговоромъ короннаго суда, другіихъ—вердиктомъ присяжныхъ? Это могло бы повлечь за собою вопіющее противорѣчіе: изъ двухъ подсудимыхъ, одинаково

¹⁾ Замѣчательно сильныя доводи противъ „примѣненія ст. 818 наоборотъ“ приведены въ рѣчи, которою А. Ѳ. Кони заключилъ совѣщаніе старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ суд. палатъ (см. февр. книжку „Журн. М-ва Юстиціи“ за 1895 г. и только-что вышедшую книгу А. Ѳ. Кони: „За послѣдніе годы“, стр. 514—516).

замѣшанныхъ въ дѣлѣ, одинъ могъ бы быть обвиненъ, другой—оправданъ. Предоставлять участь всѣхъ подсудимыхъ, сознавшихся и не сознавшихся, рѣшенію присяжныхъ? Это было бы непоследовательно и несправедливо по отношенію къ тѣмъ сознавшимся подсудимымъ, у которыхъ нѣтъ соучастниковъ: способъ рѣшенія уголовного дѣла не долженъ зависѣть отъ случайныхъ условій. Всего важнѣе, въ нашихъ глазахъ, то соображеніе, что изъятіе сознавшихся подсудимыхъ изъ вѣденія суда присяжныхъ неминуемо уменьшило бы число сознающихся, затруднивъ, такимъ образомъ, отправленіе правосудія. Не слѣдуетъ забывать, что въ Англии, на которую указываютъ обыкновенно защитники оспариваемой нами системы, подсудимые, даже не отрицающіе своей вины, очень рѣдко сознаются формально (*plead guilty*), именно потому, что не хотятъ отказаться отъ преимуществъ *trial by jury*.

Всѣ предложенія, противъ которыхъ мы до сихъ поръ возражали, затрогиваютъ самую суть суда присяжныхъ, подрывая либо его самостоятельность, либо неприкосновенность его рѣшеній, либо одинаковость репрессіи для всѣхъ лицъ, ему подсудныхъ. Переходимъ теперь къ другой категоріи нововведеній, сравнительно безвредныхъ но, съ нашей точки зрѣнія, неудобныхъ или по меньшей мѣрѣ излишнихъ. Сюда относятся нѣкоторыя поправки къ дѣйствующему порядку, намѣчаемыя въ интересной и вообще весьма симпатичной брошюрѣ С. К. Гогеля: „Судъ присяжныхъ и экспертиза въ Россіи“ (Ковно, 1894). Первая изъ нихъ заключается въ томъ, что если въ средѣ присутствія, образовавшагося по данному дѣлу, не окажется ни одного „интеллигентнаго“ присяжнаго (кого считать „интеллигентнымъ“—это предоставляется всецѣло усмотрѣнію короннаго суда), то присутствіе имѣетъ право выбрать своимъ старшиной любого изъ остальныхъ присяжныхъ, значащихся въ сессіонномъ спискѣ, при чемъ, для сохраненія числа 12, одинъ изъ попавшихъ въ присутствіе, по жребію, выходитъ изъ его состава. Съ тою же цѣлью, т.-е. для обезпеченія наличности „интеллигентнаго“ элемента въ средѣ присутствія присяжныхъ, судъ можетъ ограничить право защиты на отводъ, если она пользуется имъ для удаленія людей интеллигентныхъ. — Установить такой порядокъ значило бы, по нашему мнѣнію, предоставить суду ничѣмъ не оправдываемую произвольную власть и внести въ образованіе присутствія присяжныхъ элементъ *выбора*, ему совершенно чуждый. Присутствіе, избравшее себѣ старшину не изъ своей собственной среды, перестало бы представлять собою исключительно жребій, т.-е. случайность, никѣмъ не направляемую. И чѣмъ руководствовался бы судъ, признавая то или другое лицо достаточно

или недостаточно *интеллигентнымъ*? Гдѣ объективные признаки интеллигентности, и притомъ интеллигентности не общей, а специальной, обуславливающей собою право стоять во главѣ присутствія присяжныхъ? Еще менѣе можно согласиться съ проектируемымъ ограниченіемъ права отвода, и въ особенности съ установленіемъ такого ограниченія только для защиты, тогда какъ на самомъ дѣлѣ „интеллигентные“ присяжные чаще навлекаютъ на себя подозрѣніе въ снисходительности, чѣмъ въ строгости, и отводятся чаще прокуратурой, чѣмъ защитой... Гарантію такого состава присутствія присяжныхъ, въ которомъ было бы достаточно интеллигентныхъ или образованныхъ людей, слѣдуетъ искать исключительно въ правильно составленныхъ спискахъ присяжныхъ засѣдателей.

Вторая поправка, предлагаемая г. Гогелемъ, направлена къ внесенію извѣстнаго порядка въ пренія присяжныхъ. Нужно,—говоритъ г. Гогель,—чтобы старшина имѣлъ указанія, какъ вести пренія; такія указанія должны даваться по каждому дѣлу и состоять въ томъ, что старшинѣ долженъ быть вручаемъ при уходѣ, кромѣ вопроснаго листа, листъ съ указаніемъ тѣхъ фактическихъ и вообще всѣхъ вопросовъ, вытекающихъ изъ судебного слѣдствія, которые присяжные должны разрѣшить, прежде чѣмъ приступить къ разрѣшенію вопроса о виновности. Листъ этотъ не требуетъ отвѣтовъ, какъ вопросный листъ: это—просто программа преній, но старшинѣ должно быть разъяснено, что прежде чѣмъ приступить къ голосованію и допустить присяжныхъ до такового, онъ долженъ каждого присяжнаго опросить по врученной программѣ и получить отвѣтъ... Въ выработкѣ этого листа-программы принимаютъ участіе судъ, присяжные и стороны; въ него вносится все существенное; рѣшаетъ вопросъ о существенности судъ“. Итакъ, суду предполагается поручить новую работу, требующую не мало труда и времени. Включить въ программу все *существенное*—вѣдь это значитъ составить резюме слѣдствія и преній, что, по сколько-нибудь сложному дѣлу, можетъ быть исполнено какъ слѣдуетъ только на досугѣ, а не во время суеты и тревоги судебного разбирательства. Предполагая, что все существенное войдетъ въ программу, присяжные могутъ съ меньшимъ вниманіемъ слѣдить за ходомъ дѣла—а между тѣмъ въ наскоро набросанной программѣ неминуемо окажутся погрѣшности или пробѣлы. Весьма возможна, съ другой стороны, программа *тенденціозная*, т.-е. такая группировка и формулировка вопросовъ, которую заранѣе подсказывается отвѣтъ... Допустимъ, наконецъ, что программа составлена безукоризненно; гдѣ же ручательство въ томъ, что именно ею будутъ руководствоваться присяжные? Вѣдь письменныхъ отвѣтовъ на включенные въ нее вопросы не требуется; старшина можетъ прочитать ее только для

очистки совѣсти, присяжные могутъ уклониться отъ отвѣтовъ или дать ихъ только pro forma, идя въ своихъ разсужденіяхъ совершенно инымъ путемъ и сосредоточивая все свое вниманіе на такихъ предметахъ, которые въ программѣ упомянуты лишь вскользь или не упомянуты вовсе. Систематическое обсужденіе всѣхъ пунктовъ программы часто было бы излишне уже потому, что взглядъ присяжныхъ на ту или другую сторону дѣла складывается, сплошь и рядомъ, задолго до окончанія разбирательства и выясняется въ разговорахъ, которые они ведутъ между собою въ перерывы засѣданія; зачѣмъ же имъ возвращаться къ тому, что для нихъ давно уже безспорно? Скажемъ болѣе: едва ли желательно, чтобы пренія присяжныхъ происходили по программѣ, навязанной имъ извнѣ (участіе самихъ присяжныхъ въ составленіи программы было бы, конечно, не общимъ правиломъ, а рѣдкимъ исключеніемъ). Мысленный процессъ, приводящій присяжныхъ къ тому или другому окончательному выводу, совершается весьма часто вовсе не тѣмъ путемъ, который намѣчаютъ для него стороны и судъ; его исходная точка, его фазисы, его соединительныя звенья являются иногда совершенно непредвидѣнными. Радикально ихъ измѣнить программа не въ силахъ, но внести въ нихъ спутанность и противорѣчіе она можетъ весьма легко. Гораздо лучше, поэтому, не вводить никакихъ программъ, а рассчитывать и здѣсь на правильное составленіе списковъ, какъ на ручательство въ томъ, что въ средѣ присяжныхъ всегда найдутся старшины, и безъ программы способные руководить преніями.

Третье нововведеніе, предлагаемое г. Гогелемъ — это „участіе присяжныхъ, вмѣстѣ съ судомъ, по провозглашеніи вердикта, въ опредѣленіи размѣра наказанія“. Мотивировано оно только тѣмъ, что, при обеспеченіи за присяжными вліянія на выборъ уголовной кары, имъ незачѣмъ было бы думать о наказаніи въ моментъ разрѣшенія вопроса о виновности. Едва ли это такъ: присяжнымъ было бы хорошо извѣстно, что наказаніе, кѣмъ бы оно ни опредѣлялось, должно соответствовать закону; мысль о послѣдствіяхъ вердикта тяготѣла бы надъ ними, слѣдовательно, и тогда, еслибы имъ предстояло соединиться, для опредѣленія наказанія, въ одну коллегію съ коронными судьями. Уменьшить тяготѣніе этой мысли можно только устраненіемъ тайны, покрывающей теперь, для присяжныхъ, вопросъ о наказаніи, и скорѣйшимъ введеніемъ новаго уложенія, смягчающаго суровость уголовныхъ каръ и расширяющаго свободу дѣйствій уголовного суда. Опредѣленіе наказанія смѣшанною коллегіею присяжныхъ и коронныхъ судей было бы, притомъ, далеко не безопасно: оно могло бы послужить первымъ шагомъ къ замѣнѣ смѣшанною коллегіею всего вообще нынѣ дѣйствующаго суда присяжныхъ. Защитники

смѣшанной коллегіи могли бы разсуждать такъ: если присяжные присоединяются къ судьямъ для рѣшенія вопроса о наказаніи, по которому судьи, безъ сомнѣнія, компетентнѣе присяжныхъ, то почему бы не присоединить судей къ присяжнымъ для рѣшенія вопроса о винѣ, по которому одинаково компетентны и присяжные, и судьи?.. Во что обратилось бы далѣе, при соединеніи присяжныхъ и судей, послѣ обвинительнаго вердикта, въ одну смѣшанную коллегію, право судей признать, по 818 ст. уст. угол. суд., что приговоромъ присяжныхъ осужденъ невинный? Во что обратилось бы ихъ право на смягченіе наказанія, хотя бы присяжные не признали подсудимаго заслуживающимъ снисхожденія? Во что обратилось бы ихъ право ходатайствовать передъ Высочайшею властью о смягченіи наказанія или о помилованіи осужденнаго, къ которому присяжные отнеслись съ преувеличенною строгостью?... Нѣтъ, коронный судъ долженъ функционировать столь же отдѣльно отъ присяжныхъ, какъ присяжные—отдѣльно отъ коронныхъ судей: въ этомъ одинъ изъ главныхъ залоговъ правосудія.

Особую группу предложеній, относящихся къ суду присяжныхъ, составляютъ тѣ, которыя можно назвать безразличными, т.-е. сравнительно маловажными, ничего существенно не измѣняющими ни къ лучшему, ни къ худшему. Сюда принадлежитъ, во-первыхъ, образованіе одного присутствія присяжныхъ для всѣхъ дѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнію въ теченіе даннаго дня. Представимъ себѣ, что въ одинъ и тотъ же день назначено къ слушанію три, четыре, пять дѣлъ (въ небольшихъ городахъ, гдѣ дѣла, бѣльшую часть, не сложныя, это бываетъ довольно часто, но случается иногда и въ столицахъ). Заранѣе опредѣлить, сколько времени продлится разборъ каждаго дѣла, невозможно; никто изъ присяжныхъ, не понавшихъ въ составъ присутствія, не можетъ, поэтому, ни удалиться надолго изъ залы засѣданій, ни заняться своими собственными дѣлами, а долженъ ожидать, иногда въ самой неудобной обстановкѣ, когда начнется слѣдующее дѣло. Судъ, съ другой стороны, нѣсколько разъ въ день долженъ продѣлать всю церемонію образованія присутствія присяжныхъ. Все это можно предупредить вышеуказаннымъ способомъ, если только со стороны подсудимыхъ по разнымъ дѣламъ не будетъ предъявлено такого количества отводовъ, при которомъ не останется достаточнаго числа присяжныхъ для образованія присутствія. На практикѣ это послѣднее препятствіе будетъ, по всей вѣроятности, встрѣчаться рѣдко, и узаконить образованіе присутствія присяжныхъ на цѣлый день представлялось бы исполнѣ возможнымъ; но, кромѣ нѣкотораго практическаго удобства для присяжныхъ и для суда, ничего другого отъ этой мѣры ожидать нельзя. То же самое слѣдуетъ сказать и о проектируемомъ нѣкото-

рыми юристами измѣненіи въ порядкѣ объявленія вердикта присяжныхъ. Теперь вердиктъ читается старшиною присяжныхъ въ присутствіи подсудимаго; предлагается принять, вмѣсто того, французскую систему, при которой старшина присяжныхъ объявляетъ приговоръ въ отсутствіи подсудимаго, а послѣднему, затѣмъ, приговоръ прочитывается секретаремъ суда. Этимъ, безъ сомнѣнія, нѣсколько облегчается положеніе присяжныхъ и, въ особенности, ихъ старшины (припомнимъ, напримѣръ, инцидентъ, случившійся при объявленіи вердикта по дѣлу Тальмы), и мы ничего не могли бы возразить противъ установленія у насъ такого порядка; но, во всякомъ случаѣ, это вопросъ менѣе чѣмъ второстепенной важности.

О тѣхъ частныхъ измѣненіяхъ въ устройствѣ и функционированіи суда присяжныхъ, которыя кажутся намъ необходимыми и важными, мы поговоримъ въ другой разъ.

Если въ средѣ условныхъ противниковъ суда присяжныхъ,—т. е. сторонниковъ смѣшанной коллегіи или суда шефферовъ,—произошло нѣкоторое замѣшательство, выразившееся въ брошюрѣ г. Закревскаго и въ нежеланіи ихъ выступить открыто съ защитой своего мнѣнія передъ с.-петербургскимъ юридическимъ обществомъ, то непримиримые и безусловные враги суда присяжныхъ продолжаютъ, съ прежнимъ усердіемъ, подкапываться подъ его основы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и подъ всѣ вообще главныя начала судебной реформы. „Горячее заступничество“ за неприкосновенность формъ суда, „заимствованныхъ изъ-за границы и искусственно привитыхъ къ русской народной жизни“, „Московскія Вѣдомости“ (№ 114) по прежнему объясняютъ тѣмъ, что „судомъ, преимущественно передъ всѣми прочими реформенными учрежденіями, легальнымъ путемъ проводятся въ народъ идеи свободы, равенства и братства, съ такою фальшью господствующія въ излюбленной нашими либералами Западной Европѣ“. Судъ—говоритъ газета—„есть единственное учрежденіе въ имперіи, гдѣ установлено безусловное равенство всѣхъ не передъ закономъ (передъ закономъ, очевидно, должны быть всѣ равны, и въ этомъ согласны люди всѣхъ партій), а передъ судомъ, т. е. передъ чиновниками, вершающими правосудіе, которые, облекшись въ знаки своего судейскаго достоинства, въ то же время, вопреки логикѣ, отвергаютъ всѣ знаки достоинства, законно нажитыхъ или милостію царскою пріобрѣтенныхъ многочисленными клиентами ихъ судейской практики“... Удивительная живучесть грубыхъ предрасудковъ и мелкаго тщеславія! Читая только-что приведенную тираду, можно подумать, что мы живемъ въ 1866 г., когда военный или статскій генералъ никакъ не могъ примириться съ мировымъ

судью, вызывавшимъ его къ себѣ по иску сапожника или портного, и „господа“ считали себя обиженными приглашеніемъ стать на судъ рядомъ съ прислугой. Съ тѣхъ поръ прошло тридцать лѣтъ—и все-таки не перевелись жалобы на непризнаніе судомъ „знаковъ достоинства“, т.-е. на одинаковое (конечно—одинаково-вѣжливое) обращеніе суда или судьи со всѣми имѣющими къ нему дѣло. Крѣпостническая закваска до сихъ поръ мѣшаетъ понимать, что равенство передъ судомъ есть только одна изъ формъ равенства передъ закономъ... Особенно антипатичными, впрочемъ, наши неисправимые крѣпостники являются не тогда, когда откровенно требуютъ неравенства, а тогда, когда лицемерно преклоняются передъ равенствомъ. Кого, въ самомъ дѣлѣ, они хотятъ обмануть, увѣряя, что въ признаніи равенства передъ закономъ „согласны люди всѣхъ партій“? Давно ли „Московскія Вѣдомости“ сиделись доказывать, что къ банщику и „высшему администратору“, къ лавочнику и „градоправителю“, къ рабочимъ и помѣщику не можетъ и не должна быть примѣняема одна и та же юридическая мѣрка? Давно ли „Русскій Вѣстникъ“ утверждалъ, что законъ не только можетъ, но и долженъ „рѣзко разграничить темную обывательскую массу отъ просвѣщеннаго общества“, установивъ для нихъ и различныя наказанія, и различныя приемы примѣненія закона? Маска, которую надѣваютъ на себя, по временамъ, ревнители произвола, не только мало привлекательна, но и совершенно бесполезна; слишкомъ хорошо всѣмъ извѣстно, что скрывается за нею...

Post-Scriptum.—Наше обозрѣніе было уже въ печати, когда въ „Правит. Вѣстникѣ“ появился Высочайшій рескриптъ на имя министра юстиціи, отъ 15 мая, о введеніи судебныхъ уставовъ въ Сибири и Высочайше утвержденное 13 мая мнѣніе по этому предмету государственнаго совѣта. Мы возвратимся еще разъ къ этому важному преобразованію.—18-го мая, Государь Императоръ изволилъ обратиться къ собраннымъ въ Москвѣ волостнымъ старшинамъ съ слѣдующими словами: „Императрица и Я сердечно благодаримъ васъ за выраженныя вами чувства любви и преданности. Не сомнѣваюсь, что ихъ раздѣляютъ всѣ ваши односельчане. Когда увидите ихъ, передайте имъ Наше спасибо. Заботы о благѣ вашемъ такъ же близки Моему сердцу, какъ они были близки Дѣду Моему и незабвенному дорогому Родителю. Помните слова, сказанныя Имъ здѣсь волостнымъ старшинамъ при вѣнчаніи Его на Царство. Между вами есть многіе, слышавшіе ихъ сами. Я хочу, чтобы эти слова всегда служили вамъ твердымъ руководствомъ. Дай вамъ Богъ въ будущемъ здоровья и успѣховъ въ трудѣ и добрыхъ дѣлахъ“.

Вслѣдъ за тѣмъ Государь Императоръ изволилъ сказать, обращаясь къ представителямъ дворянства: „Благодарю васъ сердечно за ваши чувства и вѣрную службу. Не сомнѣваюсь въ томъ, что дворянство всегда будетъ, какъ оно и было, опорой Престола, и искренно дѣлю полезное и безкорыстное участіе дворянства въ мѣстныхъ дѣлахъ. Мнѣ извѣстно трудное время, переживаемое помѣстнымъ дворянствомъ. Будьте спокойны, Я не забуду его нуждъ въ Мои хъ заботахъ о преуспѣяніи нашего дорогого Отечества. Душевно благодарю васъ за ваше теплое участіе въ Наши хъ торжествахъ“.

НОВЫЙ ТИПЪ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКОЙ ШКОЛЫ.

Еще въ 1882 г. при св. синодѣ образована была комиссія изъ членовъ духовнаго вѣдомства и министерства народнаго просвѣщенія, и результатомъ ея трудовъ явились Высочайше утвержденныя 13-го іюня 1884 г. „Правила о церковно-приходскихъ школахъ“, которыми вновь призывались къ жизни школы, уже разъ предоставленныя вѣденію духовенства въ силу Высочайшаго повелѣнія 18-го января 1862 г. Затѣмъ, 4-го мая 1891 г., появились „Правила о школахъ грамоты“, въ силу которыхъ не только школы, учреждаемыя духовенствомъ, но и всѣ домашнія, частныя школы съ учителями, не имѣющими учительскихъ правъ, „подлежали исключительно вѣденію и наблюденію духовнаго начальства“. Какъ на причину необходимости распространенія такихъ подчиненныхъ духовенству школъ въ „Представленіи“ г. оберъ-прокурора св. синода въ государственный совѣтъ, отъ 23-го апрѣля 1895 г., указывается, главнымъ образомъ, на картину „разительнаго народнаго невѣжества“ и на крайнюю недостаточность того, что сдѣлано для начальнаго обученія министерствомъ народнаго просвѣщенія. Въствѣ съ тѣмъ въ „Представленіи“, а также и въ напечатанной еще въ 1892 г., по распоряженію г. оберъ-прокурора св. синода, брошюрѣ подъ заглавіемъ: „Мѣры къ повсемѣстному распространенію грамотности“, — исчислено потребное для отдѣльныхъ губерній и для всей Россіи количество школъ, и на громадности полученнаго при расчетѣ числа школъ и расходовъ основывается заключеніе о „полной невозможности удовлетворить общенародную потребность въ грамотности“ путемъ распространенія сравнительно дорого стоящихъ школъ учебнаго вѣдомства. На школы духовнаго вѣдомства при этомъ указывается какъ на школы гораздо болѣе дешевыя, и на эту сравнительную ихъ дешевизну указывается какъ на особенное ихъ преимущество передъ всякими другими начальными школами.

Вмѣсто дальнѣйшаго распространенія подчиненныхъ министерству начальныхъ школъ съ имѣющими извѣстный образовательный цензъ учителями и опредѣленнымъ содержаніемъ изъ средствъ казны, возмствъ и сельскихъ обществъ, вмѣсто расширенія министерской инспекціи и увеличенія числа учительскихъ семинарій, что необходимо при увеличеніи числа начальныхъ школъ, — предлагается рѣшить вопросъ о все-

общемъ обученіи народа „самымъ естественнымъ, доступнымъ для него, и самымъ православнымъ путемъ руководства св. церкви этимъ великимъ дѣломъ“.

Въ „Правилахъ“ о церковно-приходскихъ школахъ предполагается, что духовенство будетъ открывать такія школы „на мѣстныхъ средства прихода, безъ пособія или съ пособіемъ“ отъ общественныхъ и частныхъ учреждений и лицъ (§ 2 „Правилъ“), съ преподаваніемъ по руководствамъ и учебникамъ, указаннымъ св. синодомъ (§ 8), съ преподавателями преимущественно изъ членовъ причта, а если изъ свѣтскихъ лицъ, то съ дозволенія архіерея, и подъ наблюденіемъ священника (§ 10), съ возложеніемъ на приходскихъ священниковъ „непосредственнаго и отвѣтственнаго завѣдыванія“ школами (§ 19), съ учрежденіемъ въ каждой епархіи „для обсужденія вопросовъ по церковно-приходскимъ школамъ“ епархіальнаго училищнаго совѣта, предсѣдатель и члены котораго избираются архіереемъ (§ 22).

Въ „Представленіи“ г. оберъ-прокурора въ государственный совѣтъ предлагается еще покрыть Россію цѣлой сѣтью подлежащихъ вѣденію и наблюденію духовнаго начальства школъ грамоты съ учителями опять-таки изъ членовъ причта или же „изъ лучшихъ грамотныхъ и богобоязненныхъ крестьянскихъ юношей“, для подготовки которыхъ въ каждомъ уѣздѣ, кромѣ обычныхъ одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ съ двухлѣтнимъ курсомъ, предполагается открыть по двѣ двухклассныя церковно-приходскія школы съ четырехлѣтнимъ курсомъ ученія и курсами сельскаго хозяйства.

Намѣреваясь создать такого рода простую и дешевую организацию всеобщаго обученія въ рукахъ православнаго духовенства, г. оберъ-прокуроръ св. синода (согласно „Сборнику постановленій министерства народнаго просвѣщенія“ за 1881—83 г.) выразилъ мнѣніе, что „церковно-приходскія школы, по самымъ условіямъ существующаго въ нихъ обученія и надзора, представляютъ собою гораздо болѣе гарантіи для правильнаго и благонадежнаго, въ церковномъ и народномъ духѣ, образованія, нежели другіе виды народныхъ школъ“. Точно такъ же и въ „Представленіи“ своемъ, отъ 23-го апрѣля 1895 г., испрашивая у казны на церковныя школы пособіе въ размѣрѣ 3½ милл., г. оберъ-прокуроръ св. синода высказываетъ мысль, что „противъ разлагающаго народную вѣру и государственность наплыва религиозныхъ и соціальныхъ лжеученій“—„церковно-приходская школа будетъ несокрушимымъ нравственнымъ оплотомъ“.

Итакъ, церковныя школы особенно рекомендуются не какъ дополненіе къ школамъ гражданскаго вѣдомства, для общей борьбы съ „разительнымъ народнымъ невѣжествомъ“, и не въ виду сравнительной ихъ дешевизны,—но и потому, что имъ предполагается придать

болѣе соотвѣтствующее укрѣпленію народной вѣры и государственности направленіе.

Въ „Положеніи о народныхъ училищахъ 1874 года“ сказано также, что начальныя училища „имѣютъ цѣлью утверждать въ народѣ религиозныя и нравственныя понятія и распространять первоначальныя полезныя свѣденія“, а въ программѣ преподаванія для начальныхъ школъ указаны: законъ Божій, чтеніе русское и славянское, письмо и ариметика. Въ правилахъ о церковно-приходскихъ школахъ говорится, что школы эти тоже имѣютъ цѣлью „утверждать въ народѣ православное ученіе вѣры и нравственности христіанской и сообщать первоначальныя полезныя знанія“, — но въ программѣ занятій церковно-приходской школы самый способъ преподаванія упомянутыхъ учебныхъ предметовъ изложенъ гораздо подробнѣе и получаетъ свой особый отличительный, вполне своеобразный характеръ, какъ то видно изъ послѣдующаго.

На основаніи принципа, что каждый христіанинъ долженъ жить „подъ кровомъ церкви, подъ живымъ и постояннымъ воздѣйствіемъ ея наставленій“, программа заявляетъ, что „школа при церкви представляетъ наилучшіе способы“ для „привлеченія сердець дѣтей къ материнскому руководству церкви“ и для „наклоненія ихъ воли въ послушаніи ей“. — Утверждая затѣмъ, что благочестіе и терпѣливая покорность волѣ Божіей должны передаваться ребенку еще въ семьѣ, отъ отца и матери, и что „охраненіе этихъ добрыхъ началъ должно составлять особенную заботу пастыря церкви“, программа разъясняетъ, чѣмъ должна быть школа грамоты. Такъ какъ слово „грамота“ означаетъ „писанія“, и такъ какъ въ старину „обучали не инымъ, а именно священнымъ писаніямъ“, — то школа грамоты, по словамъ программы, не опредѣляется ни объемомъ курса, ни „степенью развитія и образованія учителя“, но зато „строго опредѣляется направленіемъ религиозно-воспитательнымъ и составомъ предметовъ священныхъ и церковно-богослужебныхъ“. Какъ предметы преподаванія въ школахъ грамоты, названы: „наученіе чтенію, часословъ, псалтирь, пѣніе молитвъ, чтеніе гражданской печати, письмо и начальное счисленіе“, а въ учителяхъ школъ грамоты рекомендуется искать главнымъ образомъ „искренней набожности, православной церковности и сердечной мягкости“. — Переходя къ „правильно устроенной церковно-приходской школѣ“, программа замѣчаетъ, что „установленіе твердыхъ основъ педагогич., о которыхъ особенно заботятся въ наше время“, облегчается для церковно-приходской школы тѣмъ, что она „имѣетъ прямое, ясное и твердое руководительство въ церкви“. Затѣмъ, въ программѣ подробно излагается порядокъ совершенія молитвы передъ ученіемъ „въ духѣ церковнаго чиноположенія“, а въ обра-

щеніи наставника съ дѣтьми рекомендуется духъ кротости, при чемъ, однако, допускается, что „бываютъ нужны и особенныя строгія мѣры для вразумленія лѣнивыхъ и упорныхъ“. Наконецъ, программа требуетъ, чтобы наставникъ приучалъ дѣтей „къ порядку, точности, вѣжливости, благопристойности, воздержанію въ словахъ и поступкахъ, благодарности и строгому повиновенію“, и чтобы во всѣ воскресныя, праздничныя и высокаторжественныя дни дѣти обязательно ходили въ церковь во всенощной, литургіи и вечернѣ и стояли бы рядами близъ солен, при чемъ „наиболѣе благоправныя“ допускаются въ алтарь...

Въ дополняющей программу „объяснительной запискѣ“ указывается прежде всего на то, что въ церковной школѣ всѣ учебныя предметы должны быть поставлены „въ болѣе или менѣе тѣсную зависимость“ отъ преподаванія главнаго предмета, т.-е. закона Божія. Церковная грамота должна помогать изученію молитвъ; русское чтеніе и письмо должны быть обращены къ предметамъ „по преимуществу религіознаго содержанія“, и даже начальныя ариѳметическія свѣденія должны способствовать воспитанію дѣтей „въ духѣ вѣры и благочестія“, такъ какъ, получая ихъ, „дѣти не могутъ не чувствовать благодарности къ церкви за ея материнскую о нихъ заботливость“. Далѣе въ запискѣ говорится, что преподаваніе священной исторіи ветхаго завѣта должно давать дѣтямъ „первыя понятія о главныхъ обязанностяхъ“, о томъ, „какъ должно почитать родителей и дорожить ихъ благословеніемъ, о братней и родственной любви, объ обязанностяхъ слугъ и господъ“, о томъ, „какъ Господь воздвигъ власть вождя народнаго и первосвященника и строго караетъ противниковъ этой власти“, о томъ, „какъ за преступленіемъ сейчасъ же изрекается и неминуемо, рано или поздно слѣдуетъ наказаніе“. При преподаваніи священной исторіи новаго завѣта рекомендуется помнить главнымъ образомъ то, что въ сердцахъ дѣтей должны „напечатлѣться“ черты жизни І. Христа: „самоотверженіе, смиреніе, кротость, милосердіе, дружба, заботливость о Матери, повиновеніе ей и мнимому отцу, любовь къ врагамъ и др.“, и тутъ же дѣтямъ должно быть объяснено „происхожденіе христіанской церкви и божественное установленіе ея іерархіи“.

Относительно изображеній, которыя могутъ способствовать оживленію рассказовъ изъ священной исторіи, предлагается помнить, что „священное изображеніе есть предметъ не только созерцанія, но и почитательнаго поклоненія“. А при изученіи молитвъ, дѣти, по словамъ записки, должны прежде всего усвоить себѣ „молитвенный духъ“ и „благочестивый навыкъ къ молитвѣ“ и должны быть приучены „къ ежедневному, строго для нихъ обязательному исполненію молитвъ въ

извѣстное время по извѣстному правилу“, при чемъ не слѣдуетъ „оставляться передъ тѣмъ, что это дѣйствіе дѣтей будетъ въ началѣ нѣсколько какъ будто механическимъ“, такъ какъ такая молитва, „внушая чувство обязанности, приучаетъ дѣтей къ терпѣнію“.

При изученіи церковнаго пѣнія рекомендуется главнымъ образомъ „искреннее и благоговѣнное отношеніе къ нему“ и забота „не о музыкальномъ наслажденіи“, но „объ умиленіи сердечномъ и назиданіи душевномъ“. Церковно-славянская грамота рассматривается какъ „отдѣльный отъ русскаго языка предметъ“, и хотя къ обученію ей и дозволяется приступать послѣ обученія русской грамотѣ, „лицамъ убѣжденнымъ и опытнымъ отнюдь не возбраняется начинать обученіе съ церковно-славянской азбуки въ древле-изложенномъ порядкѣ и съ подлинными названіями буквъ“ (азъ, буки, вѣди, и т. д.). При чтеніи, во второй годъ ученья, часослова и псалтиря „по порядку“ и „избранныхъ мѣстъ изъ Евангелія“ „не требуется объясненія всего содержанія читаемаго“, такъ какъ „главная забота должна быть посвящена религиозно-воспитательной задачѣ“, т.-е. воспитанію въ дѣтяхъ опять-таки „молитвеннаго духа“ и „молитвеннаго настроенія“.

По „счисленію“, или ариметикѣ, въ церковно-приходской школѣ предлагается пройти въ два года то, что въ три года проходятъ въ школахъ министерскихъ, городскихъ и земскихъ. Въ чистописаніе включено „славянское письмо полууставомъ“. А при преподаваніи собственно русскаго языка предписывается обращать „исключительное вниманіе на изученіе языка“ и „не задаваться побочными цѣлями, напримѣръ сообщеніемъ учащимся разнообразныхъ свѣденій изъ окружающаго міра“.

Для двухклассной церковно-приходской школы въ программѣ по закону Божію прибавлены еще нѣкоторые эпизоды изъ священной исторіи, болѣе подробное ознакомленіе съ катехизисомъ и богослуженіемъ и начальныя свѣденія изъ исторіи церкви; предполагается прочесть Евангеліе по порядку, ознакомиться практически съ русской грамматикой, писать, кромѣ диктовокъ, изложенія, научиться „шрифту славянскому и круглому“ и пройти по ариметикѣ квадратныя и кубическія мѣры и дроби; предполагается затѣмъ ознакомить учащихся „съ краткими географическими свѣденіями, необходимыми для пониманія главныхъ событій общей церковной исторіи и исторіи Россіи“, и наконецъ „съ главнѣйшими событіями отечественной исторіи и жизнеописаніями великихъ русскихъ моварховъ и ихъ славныхъ подвижниковъ“, съ тѣмъ, чтобы учащіеся могли „вынести твердое убѣжденіе, что наша родина всегда была сильна своею православною вѣрою и единодержавною царскою властію“.

Этимъ исчерпывается содержаніе программы и объяснительной къ

ней записки. Остается замѣтить, что церковная школа, намѣченная правилами и программой, возбудила при своемъ возникновеніи во многихъ своихъ сторонникахъ весьма большія надежды. — „Послѣ трудной и великой эпохи освобожденія“, — говорится въ статьѣ „Правительственнаго Вѣстника“, перепечатанной въ брошюрѣ синодскаго изданія, — „наступила не менѣе трудная и великая эпоха просвѣщенія освобожденнаго отъ крѣпостной зависимости народа. И вотъ распространяется въ народѣ просвѣщеніе подъ руководствомъ и покровомъ св. церкви православной. *Пройдетъ немного лѣтъ, и грамотная Россія займетъ подобающее ей мѣсто среди образованныхъ государствъ Европы*“... Хотя, въ общемъ, цѣлью церковныхъ школъ признается, такимъ образомъ, борьба съ невѣжествомъ и просвѣщеніе русскаго народа для подъема его на одинаковый съ другими европейскими народами уровень, — но при болѣе точномъ опредѣленіи этой самой цѣли она — нельзя не признать — оказывается суженой и отодвинутой далеко на задній планъ по отношенію къ другимъ задачамъ, преслѣдуемымъ въ школахъ „образованныхъ государствъ Европы“.

Изъ программы видно, что даже въ двухклассной церковно-приходской школѣ предлагается знакомить учащихся съ географіей лишь въ той мѣрѣ, какъ это необходимо для пониманія главныхъ событій церковной и русскаго исторіи, и съ этою послѣдней — лишь въ видѣ жизнеописаній нѣкоторыхъ монарховъ и ихъ сподвижниковъ. Нигдѣ въ программѣ не указывается на необходимость ознакомленія учащихся съ художественно-литературнымъ языкомъ и съ образцами отечественной поэзіи, а въ обычныхъ одноклассныхъ церковно-приходскихъ школахъ даже прямо воспрещается сообщеніе знаній изъ области міровѣденія, и ученикъ долженъ кончать курсъ ученія, не имѣя ни малѣйшаго понятія объ устройствѣ солнечной системы, о происхожденіи временъ дня и года, о частяхъ свѣта и человѣческихъ расахъ, о европейскихъ государствахъ и другихъ предметахъ первоначальнаго знанія, которые по самой силѣ вещей давно вошли въ составъ преподаванія каждой начальной школы, давая богатый матеріалъ для необходимаго при изученіи роднаго языка объяснительнаго чтенія въ классѣ.

Въ церковно-приходскихъ школахъ рекомендуется обращать вниманіе не на пробужденіе въ ребенкѣ интереса къ окружающему міру и охоты къ чтенію, а на задачи религіозно-воспитательныя. Но и тутъ опять-таки имѣется въ виду не сознательное отношеніе къ вѣрѣ, не очищеніе ея отъ столь обычныхъ въ народѣ темныхъ языческихъ суевѣрій, не усиленіе драгоцѣннаго чувства нравственнаго долга и человѣческаго достоинства, которое такъ необходимо развивать

въ странѣ, гдѣ недавно еще были крѣпостные, и не внимательное соблюденіе правдивости и искренности, безъ которыхъ немислимо никакое нравственное воспитаніе,—но лишь видимое благочестіе въ смыслѣ обязательнаго произношенія молитвъ и хожденія въ церковь, лишь слѣпое „повиновеніе“ и „терпѣливая покорность волѣ Божіей“...

Хотя въ одноклассной церковно-приходской школѣ часословъ и псалтирь предписывается читать по порядку, но изъ Евангелія указано читать одни лишь избранныя мѣста, между тѣмъ какъ Евангеліе въ христіанскомъ государствѣ должно бы быть настольной книгой всякой школы и главнымъ источникомъ всякаго нравственнаго просвѣщенія.

Вскорѣ послѣ указа св. синода 12-го іюля 1884 г., по поводу Высочайше утвержденныхъ 13-го іюня того же года „Правилъ“, вышла одобренная синодомъ брошюра протоіерея П. Смирнова подъ заглавіемъ: „Церковно-приходская школа“.

Въ брошюрѣ этой говорится, что церковно-приходская школа не должна быть школой католической, съ ея „замкнутой исключительностью и пренебреженіемъ“ ко всему ей чуждому,—такъ какъ цѣль православной церкви не въ томъ, чтобы господствовать въ государствѣ, а въ томъ, чтобы „проникнуть все государственное и общественное устройство единымъ духомъ христіанства, никакъ не посягая на какое-либо право въ отношеніи ихъ, кромѣ одного нравственнаго руководства къ высшимъ, духовнымъ цѣлямъ“...

Но особенно приходится пожалѣть о томъ, что церковно-приходская школа новаго типа неминуемо должна будетъ занять, по отношенію къ школѣ свѣтской, какъ бы враждебное положеніе, и единодушіе между призванными къ служенію школьному дѣлу лицами и учрежденіями, которое св. синодъ, въ своемъ указѣ отъ 12-го іюля 1884 г., совершенно справедливо считаетъ необходимымъ для достиженія полнаго успѣха въ просвѣщеніи народа,—окажется отнынѣ невозможнымъ. Церковно-приходская школа какъ бы отлучается отъ церкви всякій другой типъ,—общеевропейскій,—между тѣмъ, всѣ сознаютъ, да и сами защитники ея не могутъ отрицать того, что въ этой школѣ будутъ обучаться только низшіе народные классы, а всѣ другіе, конечно, никогда не увидятъ этой школы и попрежнему будутъ продолжать обучать дѣтей въ начальныхъ школахъ общеевропейскаго типа, громко, какъ мы видѣли, осуждаемаго и какъ бы отлучаемаго отъ церкви. Какой же можетъ быть результатъ такого раздвоенія и такой пропасти между начальнымъ образованіемъ низшихъ и другихъ классовъ одного и того же народа, въ государственномъ отношеніи; не будутъ ли это два различныхъ народа, говорящіе почти на разныхъ языкахъ? Не окажется

ли въ послѣдствіи, что церковно-приходская школа вовсе не народная, а только простонародная? Оправдаются ли также надежды, выраженные, какъ мы видѣли, въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, на то, что при помощи такихъ школъ—„пройдетъ немного лѣтъ, и грамотная Россія займетъ подобающее ей мѣсто среди образованныхъ (а не только грамотныхъ?) государствъ Европы“? Всѣмъ извѣстно, что европейскія государства сдѣлались образованными не при помощи школъ, подобныхъ такимъ церковно-приходскимъ школамъ; если такія школы и съ такими программами преобладали и въ Европѣ, то только до конца XV-го вѣка, а у насъ—до начала XVIII-го вѣка.

Май, 1896.

А. ШТЕВЕНЪ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюня 1896 г.

Политическое значеніе коронаціонныхъ празднествъ. — Международный сѣздъ въ Москвѣ и успѣхи нашей внѣшней политики. — Празднества въ Будапештѣ. — Внутреннія дѣла во Франціи, въ Англіи и Италіи. — Post-Scriptum: Письмо въ Редакцію П. А. Тверского.

Коронаціонныя празднества въ Москвѣ сопровождались на этотъ разъ весьма краснорѣчивыми проявленіями общаго политическаго миролюбія въ Европѣ. Иностранные принцы и представители, сѣхавшіеся къ намъ изъ разныхъ государствъ, великихъ и малыхъ, европейскихъ и азіатскихъ, культурныхъ и варварскихъ, наглядно выражали своимъ присутствіемъ тотъ духъ мирнаго общенія, который все болѣе овладѣваетъ современною международною политикою. Въ этомъ отношеніи замѣчается большой и несомнѣнный прогрессъ со времени послѣдней коронаціи. Тогда господствовало еще тревожное настроеніе, которое теперь уже потеряло почву; опасность войны между Германіею и Франціею постоянно волновала умы и грозила въ каждую данную минуту превратиться въ неотвратимый, ужасающій фактъ; наши отношенія съ германскою имперіею разстроились, и перспектива войны на два фронта серьезно озабочивала политическихъ и военныхъ дѣятелей Берлина. На Балканскомъ полуостровѣ, особенно въ Болгаріи и Сербіи, антагонизмъ между Россіею и западно-европейскими державами все рѣзче выступалъ наружу, и такъ называемый восточный вопросъ, едва затронутый берлинскимъ трактатомъ, упорно не сходилъ со сцены. Съ тѣхъ поръ обстоятельства совершенно измѣнились. Тревожная политическая жизнь повернула въ мирное, спокойное русло со времени отставки князя Бисмарка. Объ европейской войнѣ стали говорить все меньше и меньше; самая мысль о кровавыхъ столкновеніяхъ все рѣже возбуждалась даже въ специально-военныхъ кружкахъ и мало-по-малу перешла въ область фантазіи. Тройственный союзъ, съ Германіею во главѣ, утратилъ свое воинственное значеніе и сдѣлался довольно невинною политическою комбинаціею, изъ которой тщетно старалась извлечь для себя какую-нибудь реальную пользу Италія, руководимая честолюбивымъ и предпримчивымъ Криспи. Франко-русское сближеніе, казавшееся крайне рискованнымъ при Бисмаркѣ, могло осуществиться безъ ущерба для официальной дружбы съ Германіею; оно не имѣло въ себѣ уже ни-

чего вызывающаго и получило характеръ простаго и вполне естественнаго противовѣса средне-европейской лигѣ мира. Въ балканскихъ государствахъ подготовлялась почва для возстановленія правомѣрнаго русскаго вліянія, къ обоюдной выгодѣ всѣхъ сторонъ и съ устраненіемъ прежнихъ бесплодныхъ споровъ и кризисовъ. Сдержанная и твердо-миролюбивая политика Россіи значительно способствовала общему торжеству идеи мира въ Европѣ и въ то же время возвысила и усилила наше политическое положеніе, вопреки настойчивымъ воинственнымъ призывамъ и мрачнымъ пророчествамъ нашихъ мнимыхъ патріотовъ. Въ результатъ мы видимъ теперь утѣшительную картину международнаго единенія на коронаціонныхъ празднествахъ въ Москвѣ, и въ этой картинѣ бросается въ глаза необыкновенно пестрая смѣсь племенъ и націй, представляющихъ собою различныя страны Европы и Азіи, Запада и Востока. Уполномоченный Китая, знаменитый вице-король печилійскій, Ли-хунгъ-чанъ, могъ встрѣтиться здѣсь съ выдающимся государственнымъ дѣятелемъ Японіи, графомъ Ямагата, руководителемъ японскихъ военныхъ дѣйствій въ недавней войнѣ. Представители средне-азиатскихъ народовъ фигурировали здѣсь на ряду съ посланниками французской республики и сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ; рядомъ съ бухарскимъ эмиромъ, съ послами турецкаго султана и новаго персидскаго шаха, можно было видѣть и принца Фердинанда Кобургскаго, котораго такъ преслѣдовали наши газеты въ послѣдніе годы.

Этотъ праздничный международный съѣздъ свидѣтельствуетъ прежде всего о расширеніи политическихъ связей въ современномъ человѣчествѣ, о возрастающей легкости сношеній и путешествій, объ усиленіи интереса къ взаимному сближенію отдаленныхъ между собою государствъ и народовъ. Коронація дала официальный поводъ къ такимъ сближеніямъ, сообщивъ имъ въ то же время особый внѣшній блескъ, котораго лишены, на примѣръ, общедоступныя всемірныя выставки. То, что происходило въ Москвѣ, невольно обращало вниманіе культурнаго міра на Россію, заставляло говорить объ ея политической роли, объ ея постепенномъ ростѣ и значеніи. Много лестнаго высказывалось иностранцами о нашемъ могуществѣ и о предстоящей намъ будущности; нѣкоторые изъ нашихъ отечественныхъ публицистовъ имѣли случай съ гордостью указывать на это признаніе достигнутыхъ нами успѣховъ и ожидающихъ насъ великихъ задачъ. Въ торжественные коронаціонные дни Россія представлялась заграничнымъ наблюдателямъ въ блестящемъ праздничномъ нарядѣ, по которому, конечно, нельзя судить о нашей будничной дѣятельности; но опытъ научилъ насъ трезво смотрѣть на фактическое положеніе дѣлъ, не увлекаясь временными политическими картинками.

Нѣтъ ничего вреднѣе преувеличеннаго самодовольства и самообольщенія. Плохую услугу оказываютъ государству тѣ патриоты, которые считаютъ долгомъ усыплять патриотическое чувство постоянными восхваленіями нашего величія и процвѣтанія. Что Россія велика и могущественна—въ этомъ не сомнѣваются и ея враги; но было бы опасно думать, что внѣшній блескъ можетъ замѣнить собою внутреннее развитіе народа, составляющее истинную реальную основу всякаго политическаго величія и могущества. Великая міровая держава, какою по справедливости считается Россія, имѣетъ и великія культурныя задачи по отношенію къ своей собственной странѣ и къ своему собственному народу; она прежде всего должна позаботиться о поднятіи матеріальнаго быта и умственнаго уровня народной массы, такъ какъ бѣдность и невѣжество большинства населенія несовмѣстимы съ политическимъ благополучіемъ и не могутъ служить надежною опорю успѣшной государственной дѣятельности. Необходимость подъема народныхъ силъ и средствъ какъ нельзя лучше сознается у насъ правительствомъ; однако въ извѣстной части общества это сознание умышленно затемняется обскурантами печатнаго слова, проповѣдниками застоя и регресса. Въ области внѣшней политики Россія пользуется почетомъ и довѣріемъ; она свободна отъ многихъ заботъ, затруднявшихъ ее въ прошлое царствованіе, и даже болгарскій вопросъ, занимавшій не послѣднее мѣсто въ числѣ этихъ заботъ, разрѣшенъ теперь миролюбиво и окончательно. Толкамъ о лже-князѣ и объ иноземныхъ интригахъ въ Болгаріи положенъ конецъ; нѣтъ и рѣчи о какихъ-либо замѣшательствахъ на Балканскомъ полуостровѣ или въ другомъ мѣстѣ, которыя могли бы нарушить общій миръ. Поэтому Россія имѣетъ полную возможность посвятить свои силы удовлетворенію внутреннихъ потребностей страны и разрѣшенію назрѣвшихъ вопросовъ, наиболѣе существенныхъ и важныхъ для народа. Наше международное положеніе будетъ тѣмъ благопріятнѣе и прочнѣе, чѣмъ лучше будетъ обставлена внутренняя жизнь въ различныхъ ея проявленіяхъ. Старая аксіома о неразрывной связи внѣшнихъ политическихъ успѣховъ съ умственными и культурными не нуждается, конечно, въ доказательствахъ; но часто приходится повторять и азбучныя истины, въ виду странныхъ и упорно повторяемыхъ разсужденій нѣкоторыхъ нашихъ публицистовъ, не встрѣчающихъ, правда, отголоска въ остальной печати.

Въ Будапештѣ торжественно празднуется тысячелѣтіе венгерскаго государства или венгерской національности; по поводу этого юбилея рѣшено, между прочимъ, устроить четыреста новыхъ правительствен-

ныхъ начальныхъ училищъ въ бѣднѣйшихъ селахъ Венгріи и основать обширный національно-художественный музей, на что ассигновано парламентомъ до четырехъ милліоновъ флориновъ. Въ венгерской столицѣ устроена выставка, представляющая очень много интереснаго и поучительнаго для иностранцевъ; своеобразное сочетаніе западно-европейскихъ элементовъ съ восточными придаетъ ей особый характеръ, чуждый того космополитическаго отбѣга, которымъ обыкновенно отличаются даже такъ называемыя національныя промышленныя выставки. Два значительныхъ отдѣла выставки заняты подвластнымъ Венгріи славянствомъ — отдѣлы Хорватіи-Славоніи и Босніи съ Герцеговиною. Въ первыхъ числахъ мая (нов. ст.) императоръ-король Францъ-Іосифъ лично открылъ выставку и выразилъ при этомъ надежду, что мадьярская нація, съумѣвшая мужественно отстоять свое существованіе на поляхъ битвъ, займетъ также достойное мѣсто между цивилизованными народами міра.

Новѣйшая исторія мадьяръ представляетъ поразительный примѣръ того, что можетъ сдѣлать небольшая по численности народность при энергическомъ и настойчивомъ пользованіи всѣми средствами культуры для національныхъ цѣлей. Венгерское королевство заключаетъ въ себѣ населеніе въ $17\frac{1}{2}$ милліоновъ, по переписи 1890 года, и въ томъ числѣ всего $7\frac{1}{2}$ милліоновъ мадьяръ; это мадьярское меньшинство не только достигло господства надъ цѣлою половиною имперіи Габсбурговъ, но приобрѣло первенствующую роль въ политическихъ судьбахъ монархіи и оказываетъ такимъ образомъ непосредственное руководящее вліяніе на политику одной изъ великихъ державъ Европы. До послѣднихъ лѣтъ высшая политика Австро-Венгріи находилась прямо въ рукахъ мадьяръ — графа Андраши и гр. Кальноки; даже венгерецъ Кальноки, несмотря на свои безспорныя заслуги и свой дипломатическій авторитетъ, долженъ былъ выйти въ отставку, когда въ одномъ частномъ случаѣ обнаружилъ недостаточное вниманіе къ требованіямъ венгерскаго правительства. Господствующее положеніе, занятое мадьярами въ Австро-Венгріи, не можетъ быть объяснено ничѣмъ другимъ, какъ только энергіею и искусствомъ мадьярскихъ дѣятелей и полною солидарностью ихъ съ чувствами и интересами венгерскаго народа; а для того, чтобы энергія и искусство не пропадали напрасно и чтобы политическіе дѣятели могли опираться на сознательное общественное мнѣніе, нуженъ былъ большой и непрерывный культурный ростъ народной массы. Мадьяры стараются упрочить свое владычество надъ чужими народностями, входящими въ составъ королевства, и привить имъ свой языкъ и свои національныя чувства, при помощи широкой системы народнаго образованія, свободнаго развитія своей литературы и жур-

налистики, хорошаго законодательства и управленія, публичнаго обсуждения общественныхъ и государственныхъ вопросовъ,—и они дѣйствительно могли бы такимъ способомъ омадьярить инородцевъ, еслибы не прибѣгали въ то же время и къ принудительнымъ или явно пристрастнымъ и несправедливымъ мѣрамъ, раздражающимъ иноплеменное населеніе. Избытокъ энергіи отдѣльныхъ администраторовъ вызываетъ столкновения, которыя становятся предметомъ газетныхъ и парламентскихъ споровъ и не могутъ остаться безъ вліянія на дальнѣйшія дѣйствія заинтересованныхъ представителей власти. Нельзя отрицать, что мадьяры вообще неразборчивы въ средствахъ, когда чувствуютъ за собою превосходство силы; они не стѣсняются круто останавливать и преслѣдовать оппозиціонныя движенія румынъ, сербовъ, хорватовъ, хотя и предоставляютъ этимъ народностямъ значительную долю свободы и самоуправленія въ мѣстныхъ дѣлахъ. Но какъ бы ни относились они къ хорватамъ или румынамъ, они не ограничиваются отрицательными мѣрами, а дѣлаютъ много положительнаго для пользы инороднаго населенія; быть можетъ, хорваты и босняки не могли бы вовсе имѣть свои особыя отдѣлы на пештской выставкѣ по недостатку самостоятельной промышленности и культуры, еслибы настойчивая мадьярская опека не толкала ихъ на путь экономическаго и умственнаго развитія. Во всякомъ случаѣ огромные успѣхи, достигнутые мадьярами въ послѣднія десятилѣтія, не принадлежатъ къ числу тѣхъ, которые достигаются простою системою насилій и принужденія.

Правда, въ Венгріи не прекращается внутренняя борьба, то глупая и скрытая, то явная, публичная; но безъ такой борьбы разнородныхъ элементовъ не обходится ни одно живое государство. Борьба нерѣдко покидаетъ легальную почву и даетъ поводъ къ насильственной расправѣ; такъ недавно еще на улицахъ Будапешта произошла кровавая стычка между полиціею и десятками тысячъ рабочихъ, собравшихся на митингъ для выраженія сочувствія идеѣ всенароднаго голосованія. Выслушавъ рѣчи ораторовъ, рабочіе на обратномъ пути подняли красныя знамена и стали пѣть марсельезу, несмотря на полицейское запрещеніе; полиція, не препятствовавшая имъ, пока они оставались въ предѣлахъ законности, должна была вмѣшаться въ дѣло, и въ результатѣ вышло столкновение, которое затѣмъ послужило поводомъ къ рѣзкимъ нападкамъ на министра внутреннихъ дѣлъ, Перчеля, въ парламентѣ. Полиція, по газетнымъ описаніямъ, дѣйствовала слишкомъ грубо, нанося удары всѣмъ попадавшимъ безъ разбора; она устроила правильное нападеніе на толпу, по образцу французскихъ полицейскихъ отрядовъ, слѣдующихъ понынѣ традиціямъ второй имперіи; но рабочіе были все-таки первыми виновни-

ками схватки, такъ какъ они не пожелали подчиниться законнымъ предписаніямъ властей. Подобныя столкновенія весьма печальны по своимъ послѣдствіямъ, но предупредить ихъ не всегда удается даже самой осторожной и разумной администраціи.

Венгерскіе патриоты и общественные дѣятели не свободны отъ двухъ распространенныхъ въ наше время политическихъ болѣзней—увлеченія чрезмѣрнымъ націонализмомъ и страсти къ высшей государственной политикѣ. Они слишкомъ часто забываютъ, что ихъ отечество само по себѣ, оставаясь независимымъ и обособленнымъ королевствомъ, не могло бы играть роль великой державы, и что оно завоевало свое нынѣшнее положеніе только благодаря своей связи съ другими областями и народностями, въ составѣ могущественной когда-то имперіи Габсбурговъ. Магьяры должны были бы больше цѣнить тѣ начала федерализма и автономіи, которыя помогли имъ достигнуть крѣпкой политической организаціи; они охраняютъ теперь свою національность другими способами, чѣмъ защищали ее въ былое время, и возбуждаютъ противъ себя вражду подвластныхъ племенъ преувеличеннымъ культомъ своей особой государственности. Это отразилось и на празднованіи тысячелѣтія Венгрии. Палаты рѣшили воздвигнуть цѣлый рядъ дорогихъ сооружений съ спеціальною цѣлью прославить мадьярское величіе и могущество; въ Будапештѣ будетъ устроенъ памятникъ, долженствующій „увѣковѣчить великія событія національной исторіи“, и онъ обойдется казнѣ въ 802,640 флориновъ; въ другомъ мѣстѣ столицы воздвигнута будетъ конная статуя св. Стефана, стоимостью въ триста тысячъ флориновъ; сверхъ того, въ семи пограничныхъ пунктахъ страны будутъ поставлены памятники, на что потребуются 350 тысячъ флориновъ,—всего будетъ израсходована такимъ образомъ весьма крупная сумма, почти полтора милліона флориновъ, для удовлетворенія національнаго тщеславія, безъ пользы для государства и народа. Всякій понимаетъ, что патриотическій духъ поддерживается не памятниками, а живымъ общественнымъ сознаниемъ, спокойною обеспеченностью народныхъ правъ и интересовъ, твердою вѣрою въ справедливость и разумность государственной власти. Понимаютъ это и въ Венгріи; но патриотизмъ имѣетъ особое свойство,—онъ легко вырождается въ нѣчто болѣзненное и неразумное послѣ того, какъ сдѣлалъ свое полезное дѣло сознательною защитой и укрѣпленіемъ необходимыхъ основъ національной жизни.

Венгерскій король и австрійскій императоръ Францъ-Іосифъ, вѣроятно, яснѣе кого бы то ни было сознаетъ пустоту мадьярскихъ увлеченій; онъ пережилъ на своемъ вѣку уже не одну смѣну „патриотизмовъ“, господствовавшихъ въ его имперіи, и долженъ былъ

поочередно мириться съ обычными крайностями каждаго изъ нихъ. Грустно и одиноко заканчиваетъ онъ свое долгое царствованіе, начатое въ бурную эпоху 1848 года: потерявъ своего сына и наслѣдника, принца Рудольфа, въ трагической и темной исторіи съ баронессою Вечера, онъ лишился теперь и другого законнаго наслѣдника, своего брата Карла-Людвига, старшій сынъ котораго, эрцгерцогъ Францъ-Фердинандъ д'Эсте, также серьезно боленъ. Не только будущность австрійской монархіи, но и судьба династіи должна представляться въ печальномъ свѣтѣ престарѣлому, удрученному всѣми испытаніями императору Австро-Венгрии.

Новое умѣренно-либеральное министерство во Франціи принимается за серьезныя реформы, которыхъ не успѣли осуществить такъ называемые радикалы. Глава кабинета, министръ земледѣлія Мелинъ, ставитъ на первую очередь вопросъ объ упрощеніи сложнаго административнаго механизма; онъ хотѣлъ бы сократить численный составъ чиновничества и ослабить могущество бюрократіи, которая сохранила при республикѣ тотъ же характеръ и тѣ же традиціи, какъ и при имперіи. Министръ финансовъ Копръ поручилъ высшимъ чиновникамъ своего вѣдомства обстоятельно ознакомиться съ устройствомъ и дѣятельностью различныхъ правительственныхъ учреждений, съ цѣлью выяснить, въ какой мѣрѣ возможно уменьшить число служащихъ безъ ущерба для интересовъ управленія и контроля. Въ газетахъ напечатанъ по этому поводу циркуляръ, разосланный Мелиномъ всѣмъ начальствующимъ лицамъ министерства земледѣлія; хорошія намѣренія правительства весьма убѣдительно выражены въ этомъ документѣ, но едва-ли они убѣдятъ тѣхъ чиновниковъ, которыхъ они касаются. Мелинъ предлагаетъ своимъ подчиненнымъ оказать добросовѣстное содѣйствіе предпринятому изслѣдованію, при чемъ заранѣе успокаиваетъ ихъ насчетъ результатовъ реформы; никакія „приобрѣтенныя права“ не будутъ нарушены, и отдѣльные чиновники не пострадаютъ отъ уничтоженія ихъ должностей. По словамъ министра, принципъ хорошей и солидной администраціи опредѣляется формулою: малое число чиновниковъ, много работающихъ и щедро вознаграждаемыхъ. Подобные же циркуляры разосланы и по всѣмъ другимъ вѣдомствамъ.

Не трудно предвидѣть, какъ отнесутся дѣятели бюрократіи къ предположеніямъ и начинаніямъ министерства. Французскіе чиновники, какъ и всякіе другіе, были бы очень довольны увеличеніемъ своего жалованья, и вторая часть министерской формулы, конечно, не вызоветъ возраженій. Но нечего и думать о согласіи чиновниковъ

на уменьшеніе ихъ числа и на увеличеніе работы; никто не можетъ быть увѣренъ, что онъ останется на мѣстѣ при новомъ порядкѣ вещей, а трудиться больше нынѣшняго тоже не будетъ охотниковъ. Кому суждено попасть въ число немногихъ избранныхъ, которымъ будутъ уготованы щедрые оклады содержанія, — чиновники не знаютъ, и оттого неопредѣленное сокращеніе штатовъ является для нихъ всѣхъ одинаковой грозой. Они всегда съумѣютъ изобрѣсть неопровержимыя доказательства того, что слѣдуетъ не уменьшать, а напротивъ увеличить количество должностей для пользы службы; въ случаѣ надобности они придумаютъ новыя канцелярскія занятія, чтобы подтвердить свое право на существованіе. Бюрократія — вездѣ одна и та же; она обладаетъ своею особою стихійною силою размноженія и развѣтвленія, и эта сила дѣйствуетъ столь же неодолимо при республикѣ, какъ и при монархіи. Выдающіеся государственные люди не разъ пытались ограничить значеніе этого непрерывно размножающагося чиновничества, но убѣждались на дѣлѣ въ невозможности справиться съ тѣсно сплоченнымъ бюрократическимъ классомъ, имѣющимъ свои неуклонно охраняемые интересы, свои традиціонныя приемы и правила. Министры безсилны противъ канцелярской рутинѣ, прикрываемой авторитетомъ установившагося порядка производства и рѣшенія текущихъ дѣлъ; они могутъ дѣйствовать и распоряжаться только черезъ посредство чиновниковъ, а для своихъ дѣйствій и распоряженій они должны знать многочисленныя законы, уставы, циркуляры и прецеденты, безъ знанія которыхъ нельзя сдѣлать и шагу въ административной практикѣ. На этомъ и держится могущество бюрократіи. И относительно Франціи можно сказать, что страна управляется столоначальниками, несмотря на господство общественнаго мнѣнія и парламента; но, разумѣется, это примѣнимо только къ обыкновеннымъ текущимъ дѣламъ управленія, а не къ крупнымъ общественнымъ и государственнымъ вопросамъ, которые въ другихъ странахъ также рѣшаются верѣдко столоначальниками подъ фирмою того или другого министерства. Кабинету Мелина едва-ли удастся преобразовать бюрократію, даже если онъ вступитъ съ нею въ прямую борьбу, а рассчитывать на добровольное самоограниченіе чиновничества было бы слишкомъ наивно. Попытка имѣла бы серьезный смыслъ только въ томъ случаѣ, еслибы одновременно съ нею была предпринята реформа всей административной системы, въ видахъ сокращенія непомерно обширныхъ и сложныхъ функцій центральной власти и передачи части ихъ органамъ мѣстнаго самоуправленія; но о такой реформѣ нѣтъ пока и рѣчи, ибо всякое министерство, даже самое радикальное, желаетъ сохранить унаслѣдованныя полномочія въ полномъ ихъ объемѣ.

Кабинетъ Мелина отрекся отъ проекта подоходнаго налога, выработаннаго бывшимъ министромъ финансовъ Думэ, но долженъ былъ все-таки признать справедливость мысли объ обложеніи доходовъ съ капитала, для необходимаго увеличенія средствъ казны. Министръ финансовъ Кошри, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, остановился на проектѣ налога на ренту; а такъ какъ французская рента представляетъ любимое и наиболѣе распространенное помѣщеніе для мелкихъ и крупныхъ капиталовъ во Франціи, то въ этомъ вопросѣ заинтересованы всѣ классы общества. Избѣгнуть подоходнаго налога въ той или другой формѣ невозможно при современныхъ условіяхъ и размѣрахъ государственнаго бюджета, и тѣ самые оппортунисты, которые возставали противъ финансовыхъ плановъ прежняго министерства, вынуждены, въ свою очередь, доказывать пользу нововведеній, напоминающихъ мнимо-радикальную программу Буржуа и его товарищей. Подобно тому какъ радикальные министры дѣйствовали въ сущности весьма умѣренно, такъ и умѣренно-либеральные дѣятели новаго кабинета слѣдуютъ отчасти по стопамъ своихъ предшественниковъ, радикаловъ. Извѣстные вопросы, выдвинутые жизнью, не могутъ быть обойдены, и каждое министерство имѣетъ предъ собою однородныя практическія задачи, которыя приходится рѣшать въ духѣ времени, согласно интересамъ государства и требованіямъ общественнаго мнѣнія. Оттого при республикѣ частыя перемѣны министровъ мало отражаются на общемъ ходѣ дѣлъ, и посторонній наблюдатель выноситъ такое впечатлѣніе, что „plus ça change, plus c'est la même chose“!..

Въ англійскомъ парламентѣ, какъ и въ англійской печати, очень часто высказываются и встрѣчаютъ сочувствіе крайне рѣзкія сужденія о внѣшней политикѣ Англии,—сужденія, которыя во всякой другой странѣ признаны были бы въ высшей степени анти-патріотическими и даже преступными, по отношенію къ отечеству. Британскіе ораторы и публицисты уличаютъ отечественную дипломатію въ лицемеріи и коварствѣ, совѣтуютъ признать и загладить допущенные грѣхи, взываютъ къ совѣсти и морали, и никто не обрушивается на нихъ, какъ на измѣнниковъ, никто не обвиняетъ ихъ въ солидарности съ иноземною интригою. Англичане издавна уже привыкли думать, что указывать ошибки и погрѣшности правительства и требовать ихъ исправленія—значитъ дѣйствовать на пользу государства, и что самая рѣзкая критика, если она основательна, полезнѣе одностороннихъ похвалъ и пустаго самодовольства. Оппозиція, осуждающая министерство, стоитъ на такой же почвѣ патріотизма, какъ и министры и ихъ единомышленники. Разногласіе касается лишь двухъ суще-

ственныхъ вопросовъ: во-первыхъ, въ чемъ именно слѣдуетъ видѣть пользу и интересъ государства, и во-вторыхъ, какимъ образомъ можетъ быть охраняемъ государственный интересъ въ данномъ случаѣ. Заподозривать чувства и побужденія противниковъ или сомнѣваться въ ихъ правѣ высказываться считалось бы неслѣпымъ и безцѣльнымъ. Въ англійскомъ парламентѣ говорится объ Англіи много непріятнаго съ точки зрѣнія официальныхъ оптимистовъ, и однако никому не приходитъ въ голову усматривать въ этомъ опасность для отечества.

Въ засѣданіи палаты общинъ, 8 мая (нов. ст.), предводитель либеральной оппозиціи, сэръ Вильямъ Гаркортъ, произнесъ горячую рѣчь, въ которой нападалъ на „имперіализмъ биржевыхъ игроковъ“, устроившихъ походъ на Трансвааль и пользующихся поддержкою правительства. Неужели,—спрашивалъ онъ,—правительство останется соучастникомъ въ преступномъ дѣлѣ, затѣянномъ британскою южно-африканскою привилегированною компаніею, которая ради финансовыхъ выгодъ устроила коварное нападеніе Джемсона? Допуститъ ли правительство, чтобы имя Англіи было опозорено во всей южной Африкѣ и въ глазахъ всего свѣта?—Министръ колоній заявлялъ въ парламентѣ, что ни Сесиль Родесъ, ни привилегированная компанія ничего не знали о предпріятіи Джемсона и не могутъ отвѣчать за него; между тѣмъ шифрованные телеграммы, обнародованныя въ Преторіи, несомнѣнно доказываютъ, что все дѣло велось руководителями названной компаніи, положеніе которой опирается на авторитетъ британской короны. „Если англійское правительство,—говорилъ Гаркортъ,—косвенно участвуетъ въ такихъ продѣлкахъ или молчаливо одобряетъ ихъ, то какой урокъ политической морали даемъ мы нашимъ колоніямъ! Достоинство британской имперіи, парламента и правительства поставлено здѣсь на карту. Такого рода предпріятія позволили нашимъ врагамъ называть Англію—коварнымъ Альбіономъ. Мы обязаны выяснить, что мы не желаемъ расширить имперію или увеличить наше богатство незаконными путями, *per fas et nefas*, обманомъ, лживостью и преступленіемъ, и что правительство намѣрено во всѣхъ дѣлахъ поступать подобно честнымъ людямъ“.

Въ отвѣтъ на обвинительную рѣчь сэра Гаркорта, министръ колоній Чамберленъ подробно изложилъ обстоятельства, оправдывающія британскую южно-африканскую компанію и ея главнаго директора, Сесилья Родеса. Онъ выставилъ на видъ великія заслуги послѣдняго въ дѣлѣ распространенія и укрѣпленія англійскаго вліянія и владычества въ южной Африкѣ;—„безъ такихъ людей исторія Англіи была бы менѣе блестяща, и британскія владѣнія были бы гораздо менѣе значительны“. Въ заключеніе министръ обѣщавъ назначить слѣдствіе объ образѣ дѣйствій южно-африканской компаніи,

и такое слѣдствіе, по его мнѣнію, могло бы быть лучше всего произведено соединенною комиссіею изъ членовъ обѣихъ палатъ. — Въ дальнѣйшихъ преніяхъ Леонардъ Кортней упрекнулъ правительство за то, что оно поддерживаетъ антагонизмъ между голландцами и англичанами въ южной Африкѣ и оставляетъ власть въ рукахъ людей, подозрѣваемыхъ въ нападеніи на Трансвааль. Лабушеръ потребовалъ чтобы разслѣдованіе дѣйствій британской южно-африканской компаніи поручено было комиссіи изъ членовъ одной нижней палаты, а не обѣихъ, какъ предлагало правительство. Обсужденіе закончилось безъ принятія какой-либо опредѣленной резолюціи.

Въ трансваальскомъ вопросѣ министръ Чамберленъ терпитъ одну неудачу за другою. Сатирическій „Пончъ“ недавно изобразилъ его въ видѣ озадаченнаго борца, у котораго выбита изъ рукъ шпага; противникъ его, старикъ Крюгеръ, сурово смотритъ на него съ видомъ побѣдителя. Эта картина наглядно передаетъ впечатлѣніе англійской публики по поводу дипломатическихъ дѣйствій и рѣчей бывшаго радикальнаго сотрудника Гладстона. Нѣкоторыя заявленія Чамберлена въ рѣчи 8 мая вызвали протестъ трансваальскаго президента, который находилъ неумѣстною попытку оправдать Родеса и его соучастниковъ въ дѣлѣ нападенія на Трансвааль. Крюгеръ выразилъ сомнѣніе въ точности телеграфныхъ отчетовъ о парламентскихъ преніяхъ, такъ какъ онъ не допускаетъ мысли, чтобы министръ публично одобрялъ поступки, которые осуждались имъ въ официальныхъ дипломатическихъ депешахъ. Чамберленъ и на этотъ разъ вынужденъ былъ отступить: онъ отрекся отъ приписываемаго ему желанія защищать виновниковъ покушенія на трансваальскую республику и категорически подтвердилъ, что британское правительство безусловно осуждаетъ поведеніе всѣхъ замѣшанныхъ въ дѣло лицъ, виновность которыхъ доказывается недавнимъ обнародованіемъ шифрованныхъ телеграммъ. Въ концѣ своей длинной депеши министръ неожиданно принимаетъ дружескій тонъ и увѣряетъ Крюгера въ своемъ сочувствіи по случаю болѣзни его супруги, госпожи Крюгеръ. Старцу-президенту оставалось только благодарить за данныя объясненія и за оказанное ему лично вниманіе; онъ сообщилъ также успокоительное извѣстіе относительно здоровья своей жены, которая поправляется. Эта своеобразная дипломатическая переписка ведется чрезъ посредство администратора Капской колоніи, сэра Геркулеса Робинсона, и слѣдовательно вовсе не имѣетъ интимнаго характера; она не можетъ повравиться англичанамъ и даетъ поводъ къ насмѣшкамъ, въ которыхъ участвуетъ и патріотическій „Пончъ“.

Если Чамберленъ оказывается неудачнымъ дипломатомъ, то это еще нисколько не колеблетъ политическаго авторитета и обаянія

Англии; отдѣльные министры, каковы бы они ни были, никогда не смѣшиваются англичанами съ государствомъ и отечествомъ, а напротивъ, своевременная и правдивая оцѣнка министерской политики признается долгомъ и заслугою истиннаго патріотизма. Благодаря публичной критикѣ, министръ избѣгаетъ повторенія прежнихъ ошибокъ, и правительство постарается яснѣе опредѣлить программу своихъ дѣйствій въ области колониальной и международной дипломатіи, для пользы британской имперіи. Министерство лорда Сольсбери уже нѣсколько разъ останавливалось въ своихъ увлеченіяхъ подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія; такъ оно поступило въ конфликтъ съ Соединенными Штатами изъ-за Венецуэлы, въ споръ съ Франціей изъ-за Египта и въ дѣлѣ экспедиціи къ Судану, и отъ этого могли только выиграть общіе интересы Великобританіи.

Въ Италіи кабинетъ Рудини вполне оправдываетъ свою репутацію безусловной честности и завоевываетъ себѣ общее сочувствіе даже среди принципиальныхъ противниковъ его политики. Министерство тщательно уклоняется отъ бесплодныхъ личныхъ пререканій и воздерживается отъ какихъ-либо обвиненій противъ Криспи; но оно дѣлаетъ все, что отъ него зависитъ, для раскрытія истиннаго хода вѣнскихъ и внутреннихъ дѣлъ страны предъ парламентомъ и общественнымъ мнѣніемъ. Напечатанныя недавно „зеленыя книги“ содержатъ въ себѣ любопытные дипломатическіе документы, свидѣтельствующіе о тѣхъ постыдныхъ пріемахъ, къ которымъ прибѣгалъ Криспи для достиженія своихъ цѣлей въ Африкѣ. Этотъ лживый и безпокойный патріотизмъ, не отступавшій предъ фальсификаціею документовъ, разоблачается теперь во всей своей неприглядной наготѣ. Причины африканской неудачи становятся уже понятными, и страна имѣетъ возможность оцѣнить послѣдствія своей довѣрчивости по отношенію къ бывшему министру-президенту и въ то же время извлечь изъ этого опыта полезный урокъ для будущаго.

Въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ итальянской палаты депутатовъ подробно обсуждалась дальнѣйшая программа дѣйствій относительно эритрейской колоніи. Маркизь ди-Рудини, генераль Рикотти и министръ иностранныхъ дѣлъ герцогъ Каэтани ди-Сермонета доказывали необходимость держаться чисто оборонительной политики, въ предѣлахъ существующихъ колониальныхъ владѣній. Бросать Эритрею, на которую истрачено уже столько человеческихъ жизней и столько финансовыхъ средствъ, невозможно въ настоящее время, въ силу господствующихъ понятій о чести и достоинствѣ государства, — тѣмъ болѣе, что послѣ пораженія подъ Адуею итальянцы очистили занятые

раньше пункты, какъ напр. Адигратъ, и вступили въ мирные переговоры съ абиссинцами и ихъ союзниками. Побѣдители оказались добродушными и умѣренными въ своихъ требованіяхъ; они не шли дальше отрицанія чужого вмѣшательства въ дѣла Абиссиніи, и на этой почвѣ будетъ вѣроятно заключенъ окончательный миръ. Ничто теперь не грозитъ Массовѣ съ ея окрестностями, и итальянская колонія можетъ остаться тѣмъ, чѣмъ ей слѣдовало быть съ самаго начала,—скромнымъ поселеніемъ, съ культурно-коммерческими, а не съ завоевательными задачами, безъ всякой мечты о войнахъ и побѣдахъ, безъ широкихъ замысловъ о новой африканской имперіи. Заявленія министровъ были одобрены въ парламентѣ большинствомъ 145 голосовъ (278 противъ 133), и кабинетъ Рудини имѣетъ основаніе чувствовать себя вполне солидарнымъ съ палатою, которая еще недавно подчинялась руководству Криспи. Въ мартѣ высказалось въ пользу министерства большинство ста голосовъ, а теперь это большинство увеличилось почти въ полтора раза.

Такое значительное возростаніе правительственной партіи въ парламентѣ, въ которомъ засѣдаютъ многіе упорные и талантливые союзники бывшаго министра-президента, является краснорѣчивымъ признакомъ поворота въ настроеніи политическихъ кружковъ, стремившихся во что бы то ни стало навязать Италіи шумную роль честолюбивой и побѣдоносной великой державы. Нѣтъ сомнѣнія, что трудное положеніе итальянскаго народа облегчится, когда въ его сторону направятся заботы, которыя такъ долго поглощались бессмысленными африканскими мечтаніями, подъ гнетомъ превратной, ложно понятой идеи о внѣшнемъ могуществѣ и величіи.

Post-Scriptum.—Къ намъ обратился съ просьбою П. А. Тверской—помѣстить нижеслѣдующую его поправку:

„Въ моей статьѣ „Американскій женскій клубъ о русскихъ писателяхъ“, появившейся въ мартовской книжкѣ „Вѣстника Европы“, упоминая о профессорѣ Гальстэдѣ, какъ о единственномъ американскомъ ученомъ, знакомомъ съ русскимъ языкомъ, я былъ введенъ въ заблужденіе сообщеніемъ объ этомъ нью-іоркскомъ журнале „Science“, вообще очень компетентнаго и пользующагося безусловнымъ у нихъ довѣріемъ по всѣмъ подобнымъ вопросамъ. Я только-что получилъ сообщеніе отъ гарвардскаго университета, что это невѣрно, и что его профессоръ—Dr. Whitney читаетъ по-русски, а Dr. Coolidge и говоритъ довольно свободно. Считаю своимъ долгомъ исправить эту мою невольную ошибку, и въ то же время пользуюсь случаемъ заявить, что въ Гарвардѣ только-что учреждена новая кафедра славянскихъ

языковъ, первая въ Америкѣ; уже назначены инструкторы, и лекціи начнутся съ перваго осенняго семестра настоящаго года. Университетъ этотъ, одинъ изъ самыхъ старыхъ и самыхъ вліятельныхъ во всей Америкѣ, конечно, съумѣетъ обставить удовлетворительно это новое у насъ дѣло, имѣющее такое существенное значеніе для ознакомленія Новаго Свѣта съ произведеніями русской науки и литературы“.

ЗАМѢТКА.

По поводу новой книги Слатинъ-паши.

— Feuer und Schwert im Sudan. Leipz. 1895.

Телеграммы изъ Лондона сообщали недавно о движеніи дервишей, вызванномъ поражениемъ итальянцевъ при Адуѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ Лондона же сообщаютъ, что египетское правительство двинуло войска противъ махдистовъ. Лѣтъ десять тому назадъ итальянцы нанесли поражение побѣдоноснымъ войскамъ махди и заняли Кассалу,—пораженіе, которое нынѣшній правитель государства махдистовъ, Сеидъ-Абдуллахи, наследникъ Махди-Мохамедъ-Ахмета,—не забылъ. Пораженіе итальянцевъ при Адуѣ вызвало новое движеніе махдистовъ, враговъ какъ итальянцевъ, такъ одновременно и абиссинцевъ. Вѣроятно, египетскимъ войскамъ на этотъ разъ удастся разгромить махдистовъ, вернуть потерянные провинціи и отомстить за убійство Гордона въ Хартумѣ и за истребленіе 10-тысячной арміи генерала Гика. Вотъ уже 15 лѣтъ какъ громадная территория сѣверовосточной Африки, Суданъ, управляется самымъ варварскимъ образомъ; нѣкогда плодородныя, обработанныя и густо населенныя провинціи нынѣ совершенно разорены, жители на $\frac{3}{4}$ истреблены и совершенно отрѣзаны отъ всякаго сношенія съ культурными странами.

Это новѣйшее государство махдистовъ, возникшее на нашихъ глазахъ, весьма обстоятельно изслѣдовано въ недавно вышедшей книгѣ Слатина-паши—австрійца, прожившаго въ Африкѣ 17 лѣтъ: 6 лѣтъ онъ пробылъ на службѣ у египетскаго правительства, а 11 лѣтъ—въ плѣну у махдистовъ. Жизнь въ плѣну и бѣгство изъ Омдермана, резиденціи правителя махдистовъ, описаны такъ живо и увлекательно, что книга Слатина-паши прочтется всякимъ съ большимъ интересомъ.

Книга эта поучительна во многихъ отношеніяхъ. Изъ нея мы можемъ прослѣдить за тѣмъ, какъ въ Африкѣ возникаютъ и чѣмъ держатся государства: религіозная идея фанатизма, стоящаго въ умственномъ и нравственномъ отношеніи выше уровня развитія окружающей его среды, объединяетъ множество самыхъ разнообразныхъ племенъ, воодушевляетъ ихъ и дѣлаетъ способными къ самопожертвованію, къ тому, чтобы служить орудіемъ широкихъ замысловъ. Религія сослужила свою службу, объединила людей, а укрѣпленіе правленія въ рукахъ

нѣкоторыхъ лицъ (въ данномъ случаѣ, въ рукахъ преемника махди—халифа-Абдуллахи) совершается уже способами, описанными у Махкиа-ведли—устраненіемъ и избіеніемъ всѣхъ лицъ, могущихъ имѣть какое-либо вліяніе на народъ, помимо самого правителя, награжденіемъ приближенныхъ, по преимуществу родственниковъ правителя и т. п.

Но рядомъ съ этимъ книга Слатина-паши имѣетъ и психологическій интересъ. Въ варварской странѣ, въ которой правитель хладнокровно повелѣваетъ избіеніе и присутствуетъ при избіеніи дѣлаго племени, мы встрѣчаемся съ такими чертами характера, которыя рѣдки въ цивилизованной странѣ,—рѣдки, можетъ быть, потому, что имъ нѣтъ уже въ такой мѣрѣ мѣста въ нормальномъ государствѣ; эти черты характера напоминаютъ древнихъ героевъ; таковы: беззавѣтное мужество, непоколебимая вѣрность, прямота и т. д.

Слатинъ-паша былъ губернаторомъ Дарфура, сѣверозападной провинціи египетскаго Судана, ограниченнаго съ сѣвера Сахарою, съ запада—страною Водаи, съ юга—плодороднымъ Баръ-эль-Газаломъ, съ востока—Кордофаномъ. Слатинъ-паша дѣятельно принялся за реорганизацію Дарфура, за искорененіе тѣхъ золъ, отъ которыхъ страдали всѣ южныя провинціи Египта, за очистку администраціи. Въ это время началось движеніе махдистовъ, обратившее на себя вниманіе правительства лишь тогда, когда было уже слишкомъ поздно. Книга Слатина-паши имѣетъ характеръ историко-описательный; онъ подробно останавливается сначала на исторіи пріобрѣтенія Дарфура Египтомъ, а потомъ подробно описываетъ возникновеніе и распространеніе движенія махдистовъ. Самъ махди, Мохамедъ-Ахметъ, происходилъ изъ бѣднѣйшей семьи, жившей въ Донголь. Научился онъ чтенію корана и письму въ Хартумѣ, потомъ долгое время изучалъ въ Берберѣ коранъ и сталъ ученикомъ знаменитаго шейха Мохамеда-Шерифа; со своимъ учителемъ онъ однако разошелся, ибо Мохамедъ показался ему недостаточно строгимъ, такъ какъ разрешалъ пѣніе и танцы въ праздникъ обрѣзанія. Прервавъ сношенія съ Мохамедомъ-Шерифомъ, будущій „махди“ (т.-е. спаситель) обратился къ шейху эль-Гурешу, противнику Мохамеда-Шерифа. Послѣ смерти Гуреша, принявшаго Мохамеда-Ахмета съ распростертыми объятіями, послѣдній оказался главою религіозной секты: шейхъ-эль-териге, т.-е. путеводителемъ (териге—значитъ путь). Вскорѣ къ Мохамеду-Ахмету присоединился и нынѣшній правитель дервишей халифъ-Абдуллахи, принятый Ахметомъ въ религіозное общеніе. Извѣстность Мохамеда-Ахмета въ это время была уже вполне упрочена, онъ считался человекомъ святой жизни; мало-по-малу онъ сталъ подготавливать осуществленіе своихъ честолюбивыхъ политическихъ плановъ. Онъ отправился въ Эль-Обендъ, сообщилъ здѣсь многимъ вы-

дающимъ лицамъ о своей мисси, о томъ, что онъ ниспосланъ ради укрѣпленія разлагающейся религіи, и предлагалъ дѣйствовать противъ египетскаго правительства. Причины недовольства правительствомъ было много, главными были: неправильное распредѣленіе податей, подкупность администраціи и запрещеніе торговли рабами, разрѣшаемой религіей и казавшейся жителямъ необходимой для земледѣлія и скотоводства. Мохамедъ-Ахметъ очень ловко и въ то же время осторожно воспользовался причинами недовольства. Приглашенный Абдъ-эль-Рауфъ-пашою въ Хартумъ для объясненій, онъ туда не явился, напротивъ, открыто провозгласилъ себя властителемъ страны (въ это время онъ находился въ Аббо). Двѣ роты, высланныя изъ Хартума, были разбиты арабами, приверженцами Мохамеда-Ахмета; но обрадованный этимъ успѣхомъ Мохамедъ благоразумно удалился на югъ Кордофана, ссылаясь на приказаніе пророка, будто бы явившагося ему. Здѣсь онъ, тоже по приказанію пророка, назначилъ двухъ халифовъ, въ числѣ ихъ и Абдуллахи. Въ декабрѣ 1881 г. мудиръ города Фамода, Рашидъ-Бей, выступилъ противъ Мохамеда, но, завлеченный въ засаду, былъ убитъ арабами, и все его войско было истреблено. Съ этого времени Мохамедъ-Ахметъ сталъ называться „махди“. Египетское правительство только теперь поняло опасность положенія и въ мартѣ 1882 года отправило изъ Хартума 6 тысячъ регулярнаго войска противъ арабовъ, прибывшаго въ Фомоду въ маѣ. Это войско было совершенно истреблено неожиданнымъ нападеніемъ плохо вооруженныхъ, но нафанатизированныхъ шаекъ махди. Этою побѣдою весь Кордофанъ былъ отданъ въ руки махди. Новый генераль-губернаторъ Абдъ-эль-Кадръ-паша рѣшился приняться за укрѣпленіе Хартума. Въ это-то время Слатинъ-паша былъ губернаторомъ въ Дарфурѣ. Въ своей книгѣ онъ подробно описываетъ, какъ онъ сражался съ различными арабскими племенами, приверженными махди, одерживалъ побѣды въ Кордофанѣ, взял Эль-Обейдъ, потомъ Бара. Въ октябрѣ 1882 г., Слатинъ-паша сосредоточилъ отрядъ въ 8.500 человекъ въ Дара и съ этимъ войскомъ рѣшился выступить противъ махди въ надеждѣ на побѣду и полное уничтоженіе махдистовъ, но, несмотря на всѣ предосторожности, войско Слатина было застигнуто врасплохъ, и хотя оно отбило враговъ, но при этомъ потери Слатина были столь велики, что у него изъ всего отряда осталось только 900 человекъ. Слатинъ принужденъ былъ вернуться въ Дара и здѣсь отбиваться отъ враговъ. Очень любопытны тѣ страницы, на которыхъ Слатинъ описываетъ, какъ ради поддержанія дисциплины и укрѣпленія связи между нимъ и войскомъ онъ рѣшился принять магометанство. Египетское правительство отправило большое войско противъ махди, командованіе во-

торымъ было сначала поручено Абдъ-эль-Кадру, а потомъ, когда его планъ не получилъ одобренія правительства, англичанину генералу Гиксу. Неудачный исходъ этой экспедиціи (въ сентябрѣ 1883 г.) извѣстенъ. Пораженіе и смерть генерала Гикса рѣшили судьбу Слатина и вѣренной ему провинціи Дарфуръ. Слатинъ сдался, Дара и Фамеръ были заняты махдистами, а Слатинъ-паша отправленъ въ Эль-Обендъ, куда онъ и прибылъ въ іюль 1884 года.

Тѣмъ временемъ Гордонъ-паша, популярный въ Суданѣ, прибылъ въ Хартумъ (18 февраля 1884 г.). Паденіе Хартума и смерть Гордона-паши слишкомъ извѣстны, чтобы на нихъ останавливаться. Въ началѣ плѣненія Слатина махди и халифы обращались съ нимъ хорошо, хотя относились къ нему подозрительно и наблюдали за нимъ. Въ одинъ прекрасный день халифъ призвалъ Слатина и сообщилъ ему, что въ Эль-Обендъ прибылъ какой-то французъ, котораго онъ, халифъ, велѣлъ привести въ резиденцію махди. Рѣчь этого француза Слатинъ долженъ былъ перевести халифу. Оказалось, что это нѣкто Оливье Пэнъ, сотрудникъ „Indépendance“, отправившійся къ махдистамъ изъ ненависти къ англичанамъ, чтобы служить махдистамъ въ борьбѣ съ египетскимъ правительствомъ. Само собой разумѣется, что ни махди, ни халифъ, не поняли мотивовъ образа дѣйствія Пэна и удержали его въ плѣну, въ которомъ онъ вскорѣ и умеръ. Когда махди выступилъ въ походъ противъ Гордона и осадилъ Хартумъ, онъ заставилъ Слатина написать Гордону письмо, увѣщевая его сдаться. Слатинъ имѣлъ неосторожность написать Гордону нѣсколько писемъ. Это обстоятельство и дружба его съ Сола-Воледъ-эль-Мехъ, письмо котораго къ Гордону было перехвачено, повлекли за собою ухудшеніе въ положеніи Слатина. Ему надѣли на руки и на ноги кандалы и лишили свободы. Вскорѣ послѣ этого Хартумъ палъ, и Гордона убили. Слатинъ узналъ объ этомъ самымъ ужаснымъ образомъ. Три негра подошли къ палаткѣ, въ которой сидѣлъ Слатинъ, и внезапно открыли передъ глазами узника грязную тряпку, въ которой была завернута голова Гордона. Черезъ пять дней послѣ паденія Хартума, Слатина ввергли въ общую темницу, прикрѣпивъ къ ногамъ его еще болѣе тяжелую колоду. По прошествіи 8 мѣсяцевъ темницу посѣтилъ самъ халифъ. Вмѣсто того, чтобы обойти всѣхъ узниковъ, онъ велѣлъ поставить свой ангаребъ въ тѣни каменнаго строевія и привести къ нему всѣхъ заключенныхъ. Онъ многихъ освободилъ, другимъ обѣщавъ навести справки объ ихъ дѣлѣ, для всѣхъ онъ нашелъ ласковое слово, только Луптона-бея (губернатора Баръ-эль-Газала) и Слатина онъ не замѣтилъ...

„ — Могу я теперь уйти, или мнѣ предстоитъ еще какое-либо дѣло?—спросилъ онъ сеира, стоявшаго за его ангаребомъ, дѣлая видъ,

что хочеть удалиться. — Господинъ, поступай такъ, какъ тебѣ кажется лучшимъ, — отвѣтилъ сеиръ, и халифъ вновь сѣлъ, послѣ краткаго размышленія. Теперь онъ, какъ бы случайно, бросилъ на меня взглядъ и спросилъ, какъ это дѣлалъ и раньше: Абдъ-эль-Кадръ (такъ называли Слатина махди и халифъ), какъ ты поживаешь?

— Дозволь мнѣ говорить, и я тебѣ выясню свое положеніе, — сказалъ я. Халифъ усѣлся поудобнѣе и далъ просимое разрѣшеніе.

— Господинъ, — началъ я: — я чужого племени, я пришелъ къ тебѣ, прося защиты, и первоначально ты мнѣ даровалъ ее. Всѣ люди прегрѣшаютъ противъ Аллаха и ближнихъ, подобно мнѣ. Но что бы я ни сдѣлалъ, я раскаиваюсь, клянусь Аллахомъ и его пророкомъ. Ты видишь здѣсь меня въ тяжелыхъ оковахъ, нуждающагося въ пищѣ и питьѣ, въ одеждѣ, во всемъ; я лежу на голой землѣ, терпѣливо ожидая освобожденія. Господинъ, ежели тебѣ угодно оставить меня въ этомъ положеніи, то Богъ дастъ мнѣ силы и впредь нести свою тяжелую долю; но ежели ты думаешь, что мое положеніе недостойное, то я прошу тебя освободить меня.

Моя плавная и сказанная съ невозможно большимъ эффектомъ рѣчь, казалось, произвела на него хорошее впечатлѣніе; но онъ ничего не сказалъ, а, обратившись къ Луптону, — спросилъ его: — А ты, Абдуллахи? — Я не имѣю сказать ничего иного, кромѣ сказаннаго Абдъ-эль-Кадромъ. Прости меня и даруй мнѣ свободу.

— Хорошо, — сказалъ халифъ, обратившись ко мнѣ: — я сдѣлалъ для тебя, что могъ, когда ты прибылъ къ намъ изъ Дарфура. Но твое сердце отворотилось отъ насъ, ты захотѣлъ соединиться съ Гордономъ, съ невѣрующимъ, и хотѣлъ опять сражаться противъ насъ. Я тебя простилъ только потому, что ты чужестранецъ; иначе тебя не было бы въ живыхъ. Но ежели твое раскаяніе искренне, то я тебя прощаю и Абдуллахи также. Сеиръ, сними съ нихъ желѣзо^а.

Съ этихъ поръ положеніе Слатина опять стало понемногу улучшаться. Вскорѣ, въ іюнѣ 1885 г., махди умеръ, и правителемъ молодого государства сталъ халифъ Абдуллахи. Это человекъ совсѣмъ иного характера, чѣмъ основатель государства дервишей. Онъ необразованъ, но энергиченъ, подозрителенъ и довѣряетъ только своимъ ближайшимъ родственникамъ. Всѣхъ приближенныхъ умершаго махди онъ подъ разными предлогами иныхъ лишилъ власти, большинство же — лишилъ жизни. Племя, среди котораго онъ родился, онъ вызвалъ въ Обдереланъ, и его одно осыпалъ всѣми своими милостями. Въ результатъ получилось, что всѣ тѣ племена, которыхъ недовольство египетскимъ правительствомъ заставило присоединиться къ махдистамъ, находятся нынѣ въ еще худшихъ условіяхъ. Слатинъ-паша

увѣренъ, что огромное государство махдистовъ совершенно распалось внутри, и большинство подданныхъ халифа съ восторгомъ примутъ вѣсть объ избавленіи отъ деспотизма жестокаго и несправедливаго тирана. Газеты сообщаютъ, что Слатинъ приметъ участіе въ англійской экспедиціи противъ дервишей; онъ, конечно, можетъ быть весьма полезенъ египетскимъ войскамъ. Самъ Слатинъ считаетъ своею обязанностью участіе въ походѣ противъ махдистовъ. Одно незначительное обстоятельство кажется ему какъ бы указаніемъ свыше, требующимъ отъ него участія въ походѣ. Когда въ декабрѣ 1883 г. Слатинъ сдался, у него была отобрана его австрійская сабля, которую онъ носилъ еще въ Босніи; а въ августѣ 1895 г., на географическомъ конгрессѣ въ Лондонѣ, ему была поднесена эта же сабля Джономъ Кукомъ старшимъ; Кукъ купилъ ее въ 1890 г. въ Лукзорѣ, прочтя на клинкѣ выгравированное имя Слатина на арабскомъ языкѣ. И съ этой саблей Слатинъ вновь отправится противъ своего стараго знакомаго Абдуллахи. Десять лѣтъ, проведенныхъ имъ въ обществѣ этого правителя, на порогѣ его дома, въ вѣчномъ страхѣ за свободу и жизнь, описаны узникомъ чрезвычайно интересно. Когда Абдуллахи былъ въ духѣ и желалъ позабавиться надъ Слатиномъ, онъ дарилъ ему своихъ женъ или старыхъ родственницъ, избавляться отъ которыхъ Слатину стоило много труда и ловкости. Родственники Слатина прилагали всѣ старанія и не жалѣли средствъ, чтобы сдѣлать возможнымъ бѣгство его; послѣ бѣгства миссіонера патера Орвальдера (онъ описалъ это бѣгство въ книгѣ, вышедшей не такъ давно) Абдуллахи сталъ еще подозрительнѣе, и надзоръ за Слатиномъ—еще строже. Наконецъ, однако, благодаря австрійскому посланнику, барону Гейзеру, удалось нанять достаточно опытныхъ людей, которые и помогли Слатину бѣжать.

Приведемъ въ заключеніе одинъ эпизодъ изъ книги Слатина. Однажды вечеромъ его позвали къ халифу, который сообщилъ ему, что комендантъ Суакима переслалъ Осману Дигма письмо отъ семьи Слатина. Османъ переслалъ письмо халифу. Халифъ передалъ Слатину письмо съ приказаніемъ распечатать его и познакомить его, халифа, съ содержаніемъ письма.

„Мои руки дрожали, я быстро пробѣжалъ письмо глазами; съ замيرانіемъ сердца я прочелъ о горѣ моихъ братьевъ и сестеръ, прочелъ о смерти дорогой матери, которая, потерявъ надежду увидѣть меня, умерла отъ тревоги за меня. Халифъ началъ терять терпѣніе и неоднократно спрашивалъ, отъ кого письмо и чтó въ немъ написано.— Оно отъ моихъ братьевъ,—сказалъ я ему,—я сейчасъ переведу тебѣ его.— Не было никакого основанія скрывать отъ него содержанія письма, и я рассказалъ ему о безпокойствѣ моей семьи

обо мнѣ, о томъ, какъ имъ хочется увидѣть меня, и какъ охотно они готовы принести всяческую жертву, чтобы купить мнѣ свободу; когда я дошелъ до смерти матери, мнѣ стало трудно далѣе говорить; я сказалъ ему, что мое отсутствіе увеличило страданіе ея послѣднихъ часовъ, что во время болѣзни она молила Бога о томъ, чтобы еще хоть разъ увидѣть меня, что ея молитва не была услышана, и что это письмо приноситъ мнѣ ея послѣднее прощаніе и ея материнское благословеніе. У меня захватило дыханіе; халифъ прервалъ меня, и я имѣлъ время собраться съ духомъ.

— Твоя мать не знала, что я осыпаю тебя почестями, какъ никого,—сказалъ онъ:—иначе она, конечно, не беспокоилась бы о тебѣ. Но тебѣ запрещено тосковать по ней; она умерла христіанкой и не вѣрила ни въ пророка, ни въ махди! Она была невѣрной и не можетъ рассчитывать на милосердіе Божіе.

Кровь прилила мнѣ въ голову; съ трудомъ я сдержалъ себя и продолжалъ чтеніе о дальнѣйшей судьбѣ моихъ братьевъ и сестеръ, и о томъ, что они просятъ меня дать имъ знать, какимъ способомъ можно, съ согласія халифа, вернуть мнѣ свободу или по крайней мѣрѣ сообщаться со мной письменно.

— Напиши имъ, чтобы они пріѣхали сюда, по крайней мѣрѣ твои братья, или хоть одинъ изъ нихъ,—сказалъ халифъ, когда я кончилъ— Я буду уважать ихъ, и они ни въ чемъ не будутъ знать недостатка; но я еще поговорю съ тобой объ этомъ“.

Э. Р.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюня 1896.

— Русскій Біографическій Словарь. Томъ I. Ааронъ—Императоръ Александръ II. Издавъ подъ наблюденіемъ предсѣдателя Императорскаго Русскаго Историческаго Общества А. А. Половцова. Спб. 1896.

Въ предисловіи читаемъ, что мысль о желательности изданія русскаго біографическаго словаря высказана была государемъ императоромъ Александромъ III въ годичномъ собраніи Императорскаго Русскаго Историческаго Общества 1876 года. Первый шагъ къ осуществленію этого желанія былъ сдѣланъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ изданіемъ двухъ томовъ „Сборника“ Истор. Общества, заключающихъ предварительный алфавитъ въ шестьдесятъ тысячъ именъ отечественныхъ дѣятелей на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ. Сознавая всю важность этого предпріятія, предсѣдатель Общества А. А. Половцовъ принялъ на себя лично завѣдываніе этимъ дѣломъ, содѣйствовать которому выразили готовность лица, принадлежація и не принадлежація къ Обществу. „Представляя нынѣ,—говоритъ предисловіе,—русскому обществу первый томъ біографическаго словаря дѣятелей, заслужившихъ право на память въ потомствѣ, редакция, по мѣрѣ силъ своихъ преодолюющая встрѣчаемыя ею трудности и препятствія, сознаетъ неизбѣжныя несовершенства и недостатки своего изданія; она надѣется, тѣмъ не менѣе, что тѣ, коимъ дороги успѣхи отечественной исторіи, сердцу коихъ близка наша государственная и народная слава, снисходительно отнесутся къ настоящему тому и, ознакомясь съ нимъ, оцѣнятъ искреннее трудолюбіе осуществителей пожеланія на пользу Россіи пламенно любившаго ее Царя“.

Важность и великій интересъ подобаго изданія, безъ сомнѣнія, понятны каждому; но только людямъ, знакомымъ съ большой сложностью такихъ предпріятій и съ положеніемъ нашей исторической литературы, видна будетъ вся трудность предпріятія и понятна продолжительность времени, какое потребовалось, чтобы начать осуществ-

вление изданія, предположеннаго такъ давно. Мы не находимъ въ предисловіи указанія о томъ, въ какомъ объемѣ и въ какое время можетъ быть, предположительно, завершено полное изданіе: надо полагать, что къ печатанію приступлено тогда, когда цѣлое изданіе уже организовано и основной матеріалъ подготовленъ.

Необходимость біографическаго словаря давно ощутительна въ нашей литературѣ. Потребность въ біографіяхъ и біографическихъ справкахъ только отчасти можетъ быть удовлетворена существующими энциклопедическими словарями, которые могутъ удѣлить біографіи только ограниченное мѣсто. А затѣмъ читателю, который нуждался бы въ подобныхъ свѣдѣніяхъ, приходится самому обращаться къ спеціальнымъ источникамъ, старымъ книгамъ и журналамъ, однимъ словомъ, для каждой справки производить утомительную, иногда прямо ученую работу. Спеціальнаго біографическаго труда у насъ не было со временъ знаменитаго „Словари достопамятныхъ людей“ Бантышъ-Каменскаго, который, впрочемъ, и въ свое время останавливался только на лицахъ, особливо достопамятныхъ. Судя по изданному Обществомъ предварительному алфавиту и по исполненію его въ настоящемъ первомъ томѣ, видно, что „Русскій Біографическій Словарь“ ставитъ свою программу очень широко и даетъ мѣсто именамъ множества лицъ, потрудившихся въ разныхъ областяхъ русской жизни, и эта широкая программа, безъ сомнѣнія, должна считаться вполне правильной.

Настоящій томъ, повидимому, долженъ быть, однако, исключительный: наибольшая часть его занята двумя обширными біографіями—императоровъ Александра I (стр. 141—384) и Александра II (стр. 385—892). Первая, составленная г. Шильдеромъ, есть лучший сжатый обзоръ знаменитаго царствованія, какой появлялся до сихъ поръ въ нашей литературѣ. Имя автора давно извѣстно по частнымъ историческимъ трудамъ, посвященнымъ въ особенности этой самой эпохѣ: въ цѣлой исторіи, изложенной въ формѣ біографіи, г. Шильдеръ, во-первыхъ, ввелъ много новыхъ фактовъ, частью далъ новое освѣщеніе прежде извѣстнымъ фактамъ, и вообще далъ стройную картину этого важнаго періода нашей новѣйшей исторіи. Біографическая рамка настоящаго труда видимо не вмѣщала обширнаго матеріала, какимъ распорядился авторъ. Не малымъ достоинствомъ изслѣдованія является изложеніе, которое при всей исторической серьезности остается живымъ и интереснымъ. Вторая, еще болѣе обширная біографія составлена г. Татищевымъ: это—почти современная исторія, которая вслѣдствіе большой близости къ нашему времени еще не вполне доступна исторической критикѣ. Трудъ г. Татищева уже вызвалъ въ печати нѣкоторыя поправки въ частностяхъ; онѣ,

вѣроятно, могли бы быть умножены. Царствованіе имп. Александра II, и именно ознаменовавшія его реформы, въ настоящее время, какъ извѣстно, вызываетъ весьма несходныя, даже противоположныя сужденія, исходящія изъ вопроса о томъ, были ли реформы этого царствованія необходимы по всему теченію русской исторіи, или, напротивъ, онѣ были рановременны: біографъ вообще не склонился къ этому послѣднему взгляду, и если въ нѣкоторыхъ случаяхъ его историческія мнѣнія не были достаточно полны и ясны, то въ другихъ онъ высказывался весьма открыто и правдиво, напримѣръ въ отзывѣ о классической системѣ нашего средняго образованія.

Обширность трактатовъ, посвященныхъ двумъ царственнымъ дѣятелямъ, и какіе вѣроятно будутъ посвящены также другимъ царственнымъ лицамъ, была весьма естественна и необходима въ виду господствующаго историческаго значенія этихъ лицъ, и, напримѣръ, въ настоящемъ случаѣ, эти біографіи являются важнымъ приобрѣтеніемъ для исторической литературы по самому обилію матеріала и цѣльности изложенія. Остальныя біографіи обыкновенно довольно кратки, и мы думали бы, что въ нѣкоторыхъ особенныхъ случаяхъ ихъ объемъ могъ бы быть нѣсколько расширенъ противъ того, что мы видимъ теперь. Такъ въ настоящемъ томѣ пришлось біографіи троихъ Аксакловыхъ: Ивана, Константина и отца ихъ Сергѣя Тимофеевича; это были столь крупныя лица въ нашей литературѣ и общественности, что имъ слѣдовало бы посвятить болѣе подробный рассказъ и болѣе обстоятельную оцѣнку тѣхъ общественныхъ началъ, которыхъ они были представителями.

Мы не будемъ вдаваться въ указанія нѣкоторыхъ ошибокъ и недосмотровъ, какіе бывають неизбѣжны въ сложныхъ предпріятіяхъ подобнаго рода; многое, безъ сомнѣнія, будетъ замѣчено самими авторами статей и исправлено въ послѣдующихъ томахъ или при новомъ изданіи. Укажемъ для примѣра статью объ Аврааміи Палицынѣ: рассказана біографія этого знаменитаго дѣятеля, но объ его историческомъ трудѣ упомянуто лишь кратко, что онъ „оставилъ описаніе событій смутнаго времени“; въ концѣ статьи прибавлено довольно обширное библиографическое примѣчаніе, гдѣ указаны лучшія рукописи сочиненія Палицына, но не указано, что оно было напечатано; приводя мнѣнія историковъ о сочиненіи Палицына, примѣчаніе сообщаетъ, между прочимъ, что, по мнѣнію одного изъ изслѣдователей, „повѣсть 1606 года есть тоже трудъ Авраамія“, но объ этой повѣсти 1606 года раньше упомянуто не было. Въ статьѣ объ „Автократовѣ“ замѣчено, что сдѣланный имъ переводъ книги Гоббса „Левіаѳанъ“ появился въ Спб. въ 1868; сколько мы знаемъ, переводъ „Левіаѳана“ былъ напечатанъ, но въ свѣтъ не появлялся.

— Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ. Издана подъ редакціею К. Я. Грота, орд. профессора Импер. Варшавскаго университета. Томъ второй. Слб. 1896.

Въ „Литературномъ Обзорѣннѣ“ было упомянуто о началѣ этого изданія. Настоящій томъ (почти до тысячи страницъ текста писемъ и примѣчаній) заключаетъ письма за четыре года, 1843—1846; это, какъ и прежде, подробная лѣтопись жизни Грота въ Гельсингфорсѣ и Плетнева въ Петербургѣ, всего чаще слишкомъ личная, но нерѣдко любопытная чертами времени и литературными замѣчаніями. Для историковъ литературы найдется не мало любопытнаго въ отзывѣхъ о тогдашней журналистикѣ, къ которой П. А. Плетневъ, какъ извѣстно, относился недружелюбно. Въ примѣчаніяхъ весьма внимательно собраны біографическія и литературныя объясненія къ письмамъ, между прочимъ, изъ неизданныхъ бумагъ. Въ одномъ изъ этихъ примѣчаній приведено любопытное письмо А. О. Смирновой (1846), гдѣ идетъ рѣчь объ Аксаковыхъ. „Знакомыхъ у меня здѣсь мало, однако же меня навѣщаютъ кое-какіе добрые люди, въ ихъ числѣ Хомяковъ. Какая живость и рѣзвость ума у этого человека черненъкаго, я не могу налюбоваться имъ... Бываетъ и Константинъ Аксаковъ. Этотъ—весь душа и пылая страсть къ Россіи, къ Москвѣ, и просто-сердеченъ, какъ ребенокъ. Вчера онъ мнѣ читалъ очень замѣчательное стихотвореніе своего брата (нашего товарища предсѣдателя уголовной палаты) „Зимняя дорога“. Это не пропустила цензура, хотя онъ соглашался на нѣкоторыя усѣченія и перемѣны. Очень жаль, это вещь очень замѣчательная и давно не являлось ничего подобнаго. Я просила одну маленькую пьесу въ „Современникѣ“, но мнѣ отвѣчали: „Хотя мы любимъ Плетнева и вовсе его не смѣшиваемъ съ литературной ватагой въ Петербургѣ, однакоже ни одинъ нашъ стихъ не хотимъ тамъ печатать“... Въ письмѣ Плетнева, отъ іюля 1846 года, рассказывается о книгѣ Гоголя „Выбранныя Мѣста“. Извѣстно, что Гоголь поручилъ ея печатаніе Плетневу. Изъ письма оказывается, что Плетневъ, получивши рукопись, отдалъ ее не читая Никитенку для цензурованія. „Вчера Никитенко и былъ поэтому у меня, рассказавъ, что у Гоголя есть одинъ отрывокъ: „Завѣщаніе“, гдѣ онъ рассказываетъ, что все, сочиненное имъ послѣ „Мертвыхъ Душъ“, онъ сжегъ, какъ недостойное чтенія; все, напечатанное прежде, называетъ нечестіемъ и мерзостью; говорить о своемъ путешествіи въ Іерусалимъ, о своей смерти, о погребеніи его, словомъ: нельзя не подумать, что нравственный организмъ его въ странномъ состояніи. Я полагаю, что религіозные споры въ Западной Европѣ и несмысленный, даже не совсѣмъ заслуженный успѣхъ его въ Россіи произвели

странное броженіе въ головѣ его—и онъ не умѣлъ этого переварить спокойно“. Это было мнѣніе Никитенка. Но затѣмъ, когда книга прошла цензуру и печаталась подъ надзоромъ Плетнева, онъ составилъ о ней свое мнѣніе, которое и передаетъ въ письмѣ въ Гроту, въ ноябрѣ 1846. Для объясненія приводимыхъ дальше отзывовъ припомнимъ, что Плетневъ, какъ мы говорили, относился недружелюбно къ тогдашней дѣятельности круга Вѣлинскаго, олицетворяя эту дѣятельность въ Краевскомъ, котораго онъ спеціально не терпѣлъ. Книга Гоголя была для Плетнева настоящимъ откровеніемъ, и онъ пишетъ: „Начнемъ-ка, помолясь Богу, мы съ тобой литературу новую, живую, насущно-необходимую, истинную, по образцу и подобию той, что я усматриваю въ письмахъ Гоголя. Это не искусство, а ощущеніе. Помнишь того шведа, что любилъ сочинять письма? Ты былъ умный сочинитель, а Гоголь—трепетный жилецъ (?), вопіющій не о законахъ изящества, а о томъ, что благо, душеспасительно и необходимо, да вопіющій не ораторомъ, а какъ велѣлъ Христосъ почучать земнородныхъ. Да, я чувствую, что съ этой книги въ Европѣ станутъ вести лѣтосчисленіе появленія въ мірѣ русской литературы (?). До сихъ поръ мы бродили около жизни, а онъ въ нее врѣзался. Ужъ если такъ приняться за все, то хоть не публикуй на подобіе журнала, а просто печатай только—все раскупится и разнесется. Тутъ до всего доходитъ рѣчь, начиная съ черевы до расходной по хозяйству книги. Какъ бы отжарить можно было юную-то литературу нашу! Да, почитаемъ вмѣстѣ и поразмыслимъ. А руки чешутся. Достанетъ-ли-то силъ? Впрочемъ, тутъ все взято не свысока, а какъ оно есть передъ глазами“. Странно читать, что такому человѣку, какъ Плетневъ, не бросилась въ глаза тогда же особенная точка зрѣнія, съ которой Гоголь „врѣзался въ жизнь“, и которая такъ поразила тогда даже С. Т. Аксакова. Въ другомъ письмѣ, отъ декабря того же 1846 года, Плетневъ опять подтверждаетъ свое прежнее мнѣніе: „Мы прочли въ воскресенье то, что напечатано уже изъ писемъ Гоголя. Эффектъ удивительный. Это высочайшая книга нравственности“.

— Дафнисъ и Хлоя. Древне-греческій романъ Лонгуса. Переводъ Д. С. Мережковского. Спб. 1896.

Это — красивая книжка, съ красивымъ переводомъ древне-греческаго романа (мы говоримъ объ изложеніи, а не о точности перевода, такъ какъ съ подлинникомъ не сличали) и съ обширнымъ введеніемъ, гдѣ переводчикъ старается опредѣлить историко-литератур-

ное значеніе романа. Въ началѣ поставленъ эпитафъ изъ Гёте слѣдующаго содержанія: „Поэма Дафнисъ и Хлоя такъ хороша, что въ наши северныя времена пельзя сохранить въ себѣ производимаго ея впечатлѣнія, и, перечитывая ее, изумляешься снова... Какой вкусъ, какая полнота и нѣжность чувства! ихъ можно сравнить съ лучшими, что только было написано... Требуется написать цѣлую книгу, чтобы, какъ слѣдуетъ, оцѣнить достоинства этой поэмы“ и т. д. Повторяя за Гёте оцѣнку великаго поэтическаго достоинства знаменитаго романа и указывая отсутствіе историко-литературныхъ свѣдѣній объ его авторѣ, г. Мережковскій объясняетъ въ немъ произведеніе поздней утонченной культуры: эта поэма „написана не эллиномъ, а *заминистомъ*, т. е. челоуѣкомъ, для котораго Эллада, веселіе, полнота и прелесть языческой жизни, языческаго духа является уже не дѣйствительностью, а призракомъ, не настоящимъ, а болѣе или менѣе далекимъ прошлымъ, не тѣмъ, что есть, а тѣмъ, что было и должно быть. Именно такую, т. е. неизъяснимо-печальную, и чѣмъ болѣе печальною, тѣмъ болѣе прекрасною, какъ бы озаренною мягкимъ свѣтомъ вечерняго солнца, обвѣянную предсмертнымъ благоуханіемъ осеннихъ цвѣтовъ, именно такую являлась Эллада Филострату, Либанію и другимъ сотоварищамъ великаго, непонятаго императора,—того, кто въ IV вѣкѣ уже дерзнулъ сдѣлать попытку эллинскаго Возрожденія — я разумѣю Флавія Клавдія Юліана, котораго злорадные византійцы хотѣли заклеить, а на самомъ дѣлѣ украсили — какъ бы таинственнымъ, темнымъ вѣнцомъ увѣнчали,—прометеевымъ именемъ „Отступника“. Быть можетъ, одинъ изъ этихъ эллинистовъ, окружавшихъ Юліана, одинъ изъ этихъ утонченныхъ и одинокихъ мечтателей, безнадежно влюбленныхъ даже не въ бездыханное тѣло, а только въ прекрасную тѣнь умершей Эллады, ссоздалъ нѣжное, грустное видѣніе пастушеской любви Дафниса и Хлои,—двухъ невинныхъ дѣтей, покинутыхъ въ уютномъ солнечномъ уголкѣ блаженнаго Лезбоса. Не оттого ли въ душѣ возникаетъ такая сладкая, томительная грусть, когда читаешь поэму, что невольно думаешь: такой красоты нѣтъ, или уже нѣтъ на землѣ, и кто знаетъ, будетъ ли она еще когда-нибудь?“

Тѣнь умершей Эллады наполняетъ г. Мережковскаго элегическимъ настроеніемъ: „Умерь, умерь Великій Панъ!“—этотъ вопль уже прозвучалъ изъ края въ край по всей опечаленной и потемнѣвшей землѣ боговъ, по волнамъ, омывающимъ блаженный берегъ Лезбоса. Какое очарованіе поэзіи, какое убавкиваніе нѣжными звуками пастушеской свирѣли заставятъ насъ забыть, что умеръ Великій Панъ, что съ пустыннаго холма Палестины, отъ позорнаго орудія римской пытки,—двухъ деревянныхъ перекладинъ, положенныхъ крестъ на крестъ,—

протянулась такая черная и длинная тѣнь по всему міру, что отъ нея нельзя уже спастись и въ самомъ тепломъ солнечномъ уголку блаженнаго острова“.

Мы узнаемъ однако, что для насъ эта „вѣщная сладкая грусть“ древней поэмы особенно понятна, потому что мы, люди XIX вѣка, „ожидаемъ въ таинственныхъ сумеркахъ новаго, еще невѣдомаго солнца“ и предчувствуемъ, „что Великій Панъ, умершій пятнадцать вѣковъ тому назадъ, скоро долженъ воскреснуть“. Это ожиданіе и это предчувствіе, какъ объясняетъ намъ г. Мережковскій, и составляютъ глубокой смыслъ того явленія, которое совершается въ современной литературѣ и которое называютъ декадентствомъ и символизмомъ. Это явленіе имѣетъ свое прошлое въ судьбахъ всемірной литературы и, какъ увѣренъ нашъ авторъ, свое будущее.

„Они похожи на насъ, эти странные, одинокіе и утонченные эстетика, риторы, софисты, гностики IV вѣка. Они также, какъ мы, люди глубоко-раздвоенные, люди прошлаго и будущаго, только не настоящаго; дерзновенные въ мысляхъ, робкіе въ дѣйствіяхъ, среди мрака и холоданосящіе въ себѣ зародыши новой жизни, стоящіе на рубежѣ стараго и новаго, люди упадка и вмѣстѣ съ тѣмъ Возрожденія, или, говоря современнымъ, общепринятымъ и все-таки почти никому непонятнымъ языкомъ, это—въ одно и тоже время, и *декаденты*, т.-е. гибнущіе, доводящіе утонченность дряхлаго міра до болѣзни, до безумья, до безвкусья, и *символисты*, т.-е. возрождающіеся, предрекающіе знаменьями и образами то, что *еще* нельзя сказать словами, потому что оно еще не наступило, а только вѣетъ и чуется,—пришествіе Новаго Міра“.

Оказывается, что около IV вѣка, съ одной стороны „александрійскіе неоплатоники и гностики, восточные риторы и эллинисты, окружавшіе Флавія Клавдія Юліана“ (т.-е. Юліана Отступника), и съ другой стороны, „великіе учителя церкви, какъ Василій, Григорій Назіанзинъ и позже Іоаннъ Златоустъ, сдѣлали грандіозную, хотя неудавшуюся, слишкомъ раннюю попытку возрожденія эллинскаго языка и эллинскаго духа, гармоническаго сліянія древняго олимпійскаго и новаго галилейскаго начала въ одну, еще никѣмъ на землѣ неиспытанную и невиданную культуру“ (предоставимъ богословамъ рѣшать, въ какой мѣрѣ указаннымъ учителямъ церкви можетъ быть приписано стремленіе къ сліянію олимпійскаго и галилейскаго начала). Черезъ тысячелѣтіе, попытка Возрожденія повторилась въ Италіи, потому что сущность этого движенія „заключается въ наивномъ или преднамѣренномъ сопоставленіи двухъ началъ, — христіанскаго и языческаго, Голгофы и Олимпа, въ страстной, хотя и неупокойной жаждѣ разрѣшить это противорѣчіе, слить эти два начала въ новую, невѣдомую

гармонію". Эта гармонія не была найдена, „и первые лучи восходящаго и уже омраченнаго солнца потухли въ душномъ, кровавомъ сумракѣ, въ церковной инквизиціи второй половины XVI вѣка, въ холодной пошлости и академичности XVII“ (предоставимъ историкамъ объяснять, насколько правильно это сопоставленіе и смѣшеніе фактовъ, какъ инквизиція и „академичность“ и насколько разсудительно забвеніе въ шестнадцатомъ вѣкѣ такихъ явленій, какъ реформація и разцвѣтъ новой науки). „И вотъ теперь, на рубежѣ невѣдомаго XX вѣка, мы стоимъ передъ тѣмъ же великимъ и неразрѣшеннымъ противорѣчіемъ Олимпа и Голгоѣи, язычества и христіанства, и опять надѣмся, и опять ждемъ новаго Rinascimento, чей первый, смутный лепетъ называемъ Символизмомъ“.

Авторъ сожалѣетъ, что исторія не объяснила до сихъ поръ этихъ историческихъ колебаній упадка и возрожденія; „но даже простой эмпирической взглядъ, — говоритъ онъ, — открываетъ въ нихъ общія глубоко родственныя черты, повторяющіяся и въ IV вѣкѣ, и въ XV, и теперь наканунѣ символическаго возрожденія XX вѣка: въ такія эпохи каждый разъ въ роковой и демонической борьбѣ выступаютъ все яснѣе, все неумолимѣе двѣ силы, два начала, два теченія, вѣчно враждебныя другъ другу и вѣчно стремящіяся къ новымъ примиреніямъ, къ новымъ невѣдомымъ союзамъ и сочетаніямъ: я разумѣю Христіанство и Язычество“.

Итакъ, ни много ни мало: декадентство и символизмъ берутся рѣшать между Олимпомъ и Голгоѣой, между язычествомъ и христіанствомъ! Когда авторъ и, можетъ быть, другіе люди его направленія составили себѣ такое представленіе о декадентствѣ и символизмѣ, очевидно, что переубѣждать ихъ было бы бесплодной тратой времени. Поэтому, положимъ, что они дѣйствительно стоятъ на рубежѣ двухъ началъ, рѣшающихъ судьбу человѣчества. Для насъ изумительно одно: какое скудное выраженіе находятъ у нихъ этотъ разладъ между двумя великими историческими началами или, мало того, къ какимъ бессмыслицамъ приходится, по собственному сознанію автора, эта новѣйшая поэзія не только декадентства, доходящаго до „безумія и безвкусія“, но и символизма, которому „еще нельзя сказать словами“ того, чтó только „вѣетъ и чувствуется“. Правда, нашъ авторъ утверждаетъ, что въ декадентствѣ доходитъ до крайности „утонченность дряхлаго міра“, — но въ дѣйствительности, напротивъ, декаденты отвергаютъ то, отъ чего „дряхлый міръ“ еще не отказался, они выдаютъ себя за создателей чего-то небывало новаго, а „дряхлому міру“ это кажется бессмыслицей или сумасшествіемъ...

Далѣе, сопоставляя четвертый вѣкъ съ начинающимся итальянскимъ Върожденіемъ, авторъ сознаетъ, что у представителей этихъ

эпохъ (какъ Лонгъ и Боттичелли) „нѣтъ настоящей мужественной силы, которая позволила бы имъ преодолѣть зародыши смерти, зародыши тлѣна и упадка, и достигнуть свѣтлыхъ, горныхъ вершинъ Возрожденія, у нихъ нѣтъ титаническаго дерзновенія, которое создаетъ героевъ-художниковъ, истинныхъ пророковъ новой жизни, подобныхъ Эхилу и Леонардо да Винчи“. Но онъ, тѣмъ не менѣе, находитъ какое-то откровеніе въ произведеніяхъ этой поэзіи (не знаемъ, декадентской или символической), которая представляетъ „удивительное сочетаніе порочнаго съ цѣломудреннымъ, болѣзненно-утонченнаго, того, чтò мы теперь обозначаемъ опошленнымъ словомъ, — „декадентное“ — съ наивнымъ, чистымъ, робкимъ, какъ самое раннее, даже еще не душистое, а только свѣжее вѣяніе весны“, или въ которой „невинная игра любви и величайшее цѣломудріе граничатъ съ опаснымъ и утонченнымъ соблазномъ“ (это бываетъ особенно пикантно для любителей). Не вдаваясь въ эстетическія подробности, съ которыми переводчикъ Дафниса и Хлои объясняетъ эту поэзію, возвратимся къ главной тѣмѣ его разсужденій. Ставя великую историческую антитезу язычества и христіанства, авторъ какъ будто забылъ всю исторію человѣчества съ той поры, когда послѣ „Голгофы“ началось его новѣйшее развитіе: автору остались памятны только четвертый и четырнадцатый вѣкъ съ ихъ художественной стороны; онъ забылъ всю долгую исторію человѣческой мысли, человѣческой нравственности, общественныхъ и политическихъ учрежденій, современной науки, которая различнымъ образомъ разрабатывали вопросы нравственной и реальной жизни новѣйшаго общества, множество разъ останавливались на философскихъ и нравственныхъ противорѣчіяхъ, созданныхъ новымъ строемъ культуры, сдѣлали великія приобрѣтенія въ области мысли и нравственности, — и если эти приобрѣтенія могутъ еще не удовлетворять пытливымъ мысли, то, кажется, могутъ съ достаточнымъ правомъ упразднить мечтанія объ „язычествѣ“, которыми, по словамъ нашего автора, услаждаются символизмъ и декадентство. Какъ ни было велико значеніе классическаго міра, его исторія завершена и конечно не возвратится. На рубежѣ „невѣдомаго двадцатаго вѣка“ надо ожидать продолженія того же, чтò дѣлалъ весь девятнадцатый вѣкъ, въ свою очередь приготовленный предъидущею исторіей: дальнѣйшаго развитія науки и рядомъ съ нею вѣроятно новыхъ успѣховъ здраваго смысла, а затѣмъ дальнѣйшаго развитія общественныхъ отношеній на почвѣ идеи справедливости и идеи христіанской (и никакъ не „языческой“). Если извѣстная группа людей съ преувеличенно развитой фантазіей и, какъ намъ кажется, черезъ мѣру развитымъ себялюбіемъ, всѣмъ этимъ недовольна и ей „чужется“ впереди что-то необычайное и во имя этого она производитъ декадентскую и символическую поэзію, это является

одномъ изъ тѣхъ аномалій, примѣры которыхъ не однажды бывали въ исторіи. Они могутъ быть спокойны: „великій Панъ“ не воскреснетъ; въ современной жизни ему нечего дѣлать, — развѣ только производить путаницу въ головахъ... Очень характерно, что декадентство и символизмъ, которые хотятъ быть для насъ предвѣстниками этого необычайнаго новаго, питаютъ особенную склонность къ „болѣзненно-утонченному сочетанію порочнаго съ цѣломудреннымъ“, къ утонченной и нерѣдко совсѣмъ извращенной эротикѣ (примѣры естѣ уже и въ нашей литературѣ).

Еще небольшое замѣчаніе. Въ самомъ началѣ введенія г. Мережковскій, говоря о литературной исторіи „Дафниса и Хлои“, замѣчаетъ, что намъ неизвѣстно ни дѣйствительное имя ея автора, ни время написанія поэмы. За именемъ автора „скрывается тайна, которую, вѣроятно, не суждено освѣтить никакими литературными изслѣдованіями“, — но эта тайна довольно обыкновенная: есть очень много древнихъ писателей, о которыхъ не сохранилось свѣдѣній, много произведеній, которыхъ авторы остаются совсѣмъ неизвѣстны, много даже совсѣмъ исчезнувшихъ сочиненій, отъ которыхъ остались только заглавія и нѣсколько строкъ въ чужихъ цитатахъ. Относительно времени поэмы, читаемъ слѣдующее: „Высказываютъ предположеніе, что поэма написана не ранѣе II вѣка, т.-е. приблизительно эпохи Марка Аврелія, не позже IX, т.-е. вѣка Θεодосія Великаго, того мрачнаго монашескаго вѣка, когда государство уже предписываетъ разрушать и низвергать неподражаемыя созданія олимпійскаго многобожія. Какъ видите, промежуточные *семь столтій* — весьма и даже слишкомъ широкое поле для всякихъ догадокъ и болѣе или менѣе остроумныхъ гипотезъ“. Историки придутъ въ совершенное отчааніе отъ „предположенія“, что отъ Марка Аврелія (ум. въ 180 году по Р. Х.) до Θεодосія Великаго (ум. въ 395) прошло *семь столтій*. Въ дѣйствительности, поэму Лонга относятъ обыкновенно къ IV—V вѣку, и дальше самъ г. Мережковскій ставитъ ее на ряду съ произведеніями IV-го вѣка. Ошибка въ „семь столтій“ довольно странная у историка, опредѣляющаго отношенія Олимпа и Голгофы.

И почему, наконецъ, древне-греческій писатель носитъ здѣсь латинскую форму въ своемъ имени?

— Сочиненія В. Д. Спасовича. Томъ VIII. Слб. 1896.

Послѣ сочиненій юридическаго содержанія и судебныхъ рѣчей, настоящій томъ „Сочиненій“ В. Д. Спасовича опять возвращается къ вопросамъ литературнымъ. Здѣсь помѣщены слѣдующія статьи: Князь

П. А. Вяземскій; Пушкинъ въ польской литературѣ и критикѣ; Конрадъ Валенродъ; Лермонтовъ въ книгѣ Н. Котляревскаго; Джонъ Говардъ; Новыя направленія въ наукѣ уголовного права; На юбилей А. М. Скабическаго; Памяти А. П. Платонова; Надъ могилою Е. И. Утина; Дружба Шиллера и Гёте. Большинство изъ этихъ статей знакомы читателямъ „Вѣстника Европы“, и въ настоящей замѣткѣ мы укажемъ въ особенности одну, которая является на русскомъ языкѣ въ первый разъ. Это — статья: „Конрадъ Валенродъ“, составляющая публичное чтеніе въ Львовѣ, въ сентябрѣ 1889 года, цѣлый трактатъ о знаменитой поэмѣ, которая вызывала такъ много комментариевъ, между прочимъ весьма неблагоприятныхъ, не только для личнаго характера поэта, но даже для польскаго національнаго характера.

Г. Спасовичъ, какъ опытный и многосторонній историческій критикъ, рассматриваетъ поэму Мицкевича въ ея существенныхъ чертахъ, объясняетъ настроеніе поэта, когда поэма создавалась, указываетъ ея историческіе источники, объясняетъ характеры и смыслъ трагической тѣмы, и приходитъ къ выводамъ, которые несогласны съ распространенными взглядами и вполне оправдываютъ поэта. „Произведеніе Мицкевича, — говоритъ г. Спасовичъ, — великолѣпно и бессмертно не въ отдѣльныхъ его подробностяхъ, но въ цѣломъ. Это произведеніе служитъ выраженіемъ страстной любви къ отечеству, доведенной до высочайшей степени, до полного самоотреченія и самопожертвованія. Спрашивается: не содержитъ ли этотъ пышный цвѣтъ каплю затаеннаго и утонченнѣйшаго яду? Не есть ли Валенродъ апоэеозъ чувства мести? не подстрекаетъ ли онъ къ звѣрской по ученію Макиавелли политикѣ, къ львинымъ, а въ особенности къ лисьимъ приѣмамъ воеванія? Таковы послѣдніе вопросы, подлежащіе нашему разсмотрѣнію“.

Авторъ въ своемъ изслѣдованіи приходитъ къ выводу, совершенно опровергающему такое предположеніе.

„Поэзія этого вѣка, поэзія великая, поэзія романтическая была не что иное, какъ проявленіе полнаго національнаго возрожденія нравственнаго, религіознаго и эстетическаго. Прежде всего она была началомъ и отправною точкою преобразованія общественнаго. Ея характерными чертами были необъятная смѣлость небывалыхъ никогда еще летаній и вѣра, струящаяся непосредственно изъ сердца, интуитивная, озаряющая весь свѣтъ золотыми лучами. При этихъ двухъ условіяхъ, сильно благоприятствующихъ поэтическому творчеству, эта поэзія не могла содержать въ себѣ ничего ядовитаго. Въ 3-й части „Дѣдовъ“ Конрадъ въ своемъ озлобленіи доходилъ до богохульства, но прежде чѣмъ онъ его произнесъ, онъ впадаетъ въ обморокъ и успокоеніе нисходитъ на него и на читателей въ мистическихъ ви-

дѣніяхъ ксендза Петра. Валенродъ повлялся, что онъ будетъ убивать и изводить людей изъ-за мести столь ужасной, что не придумалъ бы ее самъ адъ, но онъ не преодолѣлъ самого себя, не могъ совлечь съ себя свою человѣческую природу и претерпѣваетъ въ душѣ наказаніе, отъ котораго радъ избавиться посредствомъ смерти. Еслибы Конрадъ Валенродъ былъ нѣчто въ родѣ книги „Il principe“ Макиавелли, то-есть, еслибы онъ былъ системою и теорією политики, то онъ бы принесъ какіе-либо хотя и жалкіе плоды, имѣлъ бы какое-либо потомство въ жизни и практикѣ, какіе-либо опыты или начатки примѣненія. Между тѣмъ оказывается, что весь народъ вмѣсто того, чтобы валенродизировать въ Петербургѣ, Берлинѣ или Вѣнѣ, прямо пошелъ къ открытому неравными силами возстанію и нѣсколько разъ подъ рядъ пробовалъ воставать, чѣмъ и стяжалъ себѣ у противниковъ репутацію народа несправимо бѣшеннаго и безмозглаго. Еслибы Конрадъ Валенродъ содержалъ въ себѣ хотя бы капельку того яду, которую въ немъ предполагаютъ новѣйшіе русскіе публицисты, то-есть не тѣ литераторы, между которыми вращался и съ которыми сообщался Мицкевичъ, которые притомъ десятки разъ передавали его поэму на русскій языкъ,—то не могли бы они не открыть этотъ ядъ, не узнать его по своему патріотическому чутью, они, которые до 1863 года вкушали этотъ ядъ и наслаждались имъ. Пушкинъ перевелъ Вступленіе къ Валенроду, Лермонтовъ подражалъ Валенроду въ своемъ „Измаиль-Беѣ“... Мы вполне согласны съ тѣмъ, что достигшій столь широкой извѣстности въ русской печати и въ русскомъ обществѣ Валенродъ былъ, конечно, Валенродъ обезнаціонализированный; что русскіе смотрѣли на него какъ на курьезный и интересный сюжетъ, но только поэтический, безъ всякаго соотношенія къ чувствамъ ближайшихъ къ намъ поколѣній и безъ примѣненія къ русско-польскому спору и конфликту. Никто изъ русскихъ не доискивался въ поэмѣ измѣны, которой въ ней и не было, но равнымъ образомъ никто и не подозрѣвалъ, что пѣснь вайделота или баллада Алпухара суть мощные призывы къ возстанію 1830 года. Мицкевичъ выше цѣнилъ и больше надѣялся на своихъ друзей москалей. Онъ полагалъ, что поэма его будетъ имѣть не одни только чисто эстетическія послѣдствія. Онъ полагалъ, что его друзья въ С.-Петербургѣ и Москвѣ глубже войдутъ въ нутро его замысла, что поэма поведетъ ихъ на другіе пути, что она расположитъ ихъ къ большей справедливости по отношенію къ полякамъ. Что подобное предположеніе не лишено основанія, то доказываетъ „Вечерняя Молитва“ Мицкевича, помѣченная 1830 годомъ“... Въ этой Молитвѣ, по словамъ г. Спасовича, какъ будто мелькаетъ тѣнь отъ Валенрода. Авторъ переводитъ прозою мѣсто, непонятое въ переводѣ Бенедиктова: „Когда средъ

ближнихъ извлечь я изъ души гласъ ужасающій, сильнѣе вопля страданія, гласъ вѣчно раздающійся въ адскихъ мукахъ, но на землѣ чуть слышный—гласъ злой совѣсти, ты, грозный судья, раздувалъ огонь подъ злою совѣстью, но меня ты выслушалъ"... Изъ этого отрывка,—продолжаетъ авторъ,—„видно, что онъ вѣрилъ, что пѣснь поэта можетъ мирить враждующіе народы и раздувать огонь подъ злою совѣстью, стоящую на ложномъ пути. Въ дѣйствительности бываетъ наоборотъ. Народная совѣсть во многихъ отношеніяхъ тверже стали; по ней какъ по крѣпкому панцирю скользятъ всѣ стрѣлы, бросаемыя въ него изъ антинаціональнаго стана чужими людьми, не принадлежащими къ одной и той же народности. Мицкевичъ преувеличивалъ вліяніе своей поэзіи на русскихъ людей, но вліяніе его поэмы на насъ, поляковъ, велико до настоящаго дня. Эта поэзія не призываетъ къ мести и измѣнѣ, она возвышаетъ, согрѣваетъ и одушевляетъ почти столь сильно, какъ и въ минуту, когда она была написана". По мнѣнію г. Спасовича, „это произведеніе геніальнѣе 3-й части „Дѣдовъ“, и я бы призадумался, можно ли его поставить ниже „Пана Тадеуша“.

Для объясненія поэзіи Мицкевича этотъ анализъ „Валенрода“, произведенный съ историческимъ безпристрастіемъ, является цѣннымъ пріобрѣтеніемъ и вѣроятно будетъ содѣйствовать болѣе правильному пониманію „Валенрода“ и у тѣхъ русскихъ читателей, которые видѣли въ немъ только программу озлобленнаго мщенія.

— Исторія русскихъ земель и городовъ. Виды городовъ, монастырей и мѣстностей, памятныхъ въ историческомъ отношеніи. Описаніе монастырей, мѣстныхъ святыхъ и древностей. Спб. 1896. (Каталогъ русской исторической и археологической библіотеки Н. Бокачева).

Настоящая книга есть продолженіе изданій, начатыхъ г. Бокачевымъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ: въ 1890 году имъ изданы были „Описи русскихъ библіотекъ и библиографическія изданія“ (находящіяся въ его библіотекѣ); въ 1892 „Географическія карты Россіи XV—XIX столѣтій“. Въ книгѣ 1890 года г. Бокачевъ объясняетъ планъ и цѣль своихъ изданій: онъ—библиографъ-любитель; его „Описи“ представляютъ каталогъ его собственной библіотеки по примѣру того, какъ нѣкогда издавались описи извѣстной Чертковской библіотеки въ Москвѣ, которыя и послужили образцомъ для его собственныхъ изданій. Г. Бокачевъ началъ собраніе своей библіотеки въ концѣ шестидесятихъ годовъ въ Москвѣ и продолжалъ его въ Петербургѣ; цѣль своего собиранія онъ опредѣляетъ такъ: „мое предпріятіе есть лишь попытка устроить историко-археологическую библіотеку,

или, другими словами, небольшое хранилище извѣстій о русской древности, попытка—новая и притомъ ограниченная потребностями и наклонностями одного только предпринимателя“.

Собирание книгъ есть своего рода спортъ или, какъ говорили прежде, „охота“, и конечно это есть самая благодородная охота. Въ недавней исторіи русской литературы и науки было уже не мало примѣровъ этой любви къ собиранію книгъ,—а также рукописей, гравюръ и т. п.,—которая сопровождалась въ высшей степени важными результатами для нашей исторической науки. Частныя собранія рукописей послужили основой нашихъ богатѣйшихъ собраній, какъ Публичная Библіотека въ Петербургѣ и Румянцовскій музей, сначала въ Петербургѣ, а потомъ въ Москвѣ; частными собраніями были или остаются бібліотека Хлудова, Общества любителей древней письменности, графа А. С. Уварова; частнымъ собраніемъ книгъ, доступнымъ потомъ и для общаго пользованія, была извѣстная Чертковская бібліотека въ Москвѣ; частное собирательство послужило первою основой для извѣстныхъ монументальныхъ трудовъ Д. А. Ровинскаго по нашей старинѣ и исторіи искусства, и т. д. Но въ этой охотѣ есть обратная сторона—тамъ, гдѣ владѣльцы или оставляютъ свои собранія недоступными для другихъ, или не принимаютъ мѣръ къ тому, чтобы обезпечить свои собранія отъ случайностей. Не однажды книжныя собранія, богатые рѣдкостями, и весьма важными, по смерти ихъ владѣльцевъ переходили въ руки букинистовъ, разрознивались и расплывались въ хламъ книжнаго рынка, такъ что любителями могли быть спасены только случайно нѣкоторыя части собранія (библіотека Бодянскаго); бывало даже, что собранія, чрезвычайно любопытныя для исторіи русской литературы, уходили на заграничный аукціонъ (библіотека С. А. Соболевскаго) и т. д. Лучшимъ способомъ устраненія такихъ случайностей является одно изъ двухъ: или обезпеченіе собранія за какимъ-нибудь общественнымъ учрежденіемъ (число нашихъ общественныхъ бібліотекъ нѣсколько значительныхъ до сихъ поръ весьма невелико), или изданіе ихъ каталоговъ. Это послѣднее и предпринято г. Бокачевымъ, и его предпріятіе, безъ сомнѣнія, будетъ принято съ большимъ сочувствіемъ специалистами и любителями русской исторіи и литературы. Описанія книгъ, какъ подобаетъ въ бібліографическомъ трудѣ, исполнены очень внимательно и въ болѣе важныхъ случаяхъ довольно подробно; они не исчерпываютъ всей литературы предмета, представляя только наличный составъ бібліотеки г. Бокачева, но являются весьма важнымъ матеріаломъ для русской бібліографіи, заключаая вполнѣ точныя данныя, и между прочимъ доставляя свѣденія о рѣдкихъ изданіяхъ:

книгахъ, картахъ, видахъ городовъ, монастырей и т. п. Всего описано здѣсь 1.940 номеровъ.—А. П.

Въ теченіе мая мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Азимовъ, П., діак. — Священное вѣнчаніе на царство Ихъ Импер. Величествъ. Спб. 96. Стр. 16.

Александръ, А. С., проф.—Легенда объ олигархическихъ тенденціяхъ Верховнаго тайнаго Совѣта въ царств. Екатерины I. М. 96. Стр. 127. Ц. 75 к.

Бары, А. — Наставленіе къ уходу за больными на коммерческихъ судахъ. Спб. 96. Стр. 118.

Бертранъ, Ж. — Алгебра для гимназій и реальныхъ училищъ. Состав. Н. Билибинъ. Изд. 2-е. Спб. 96. Стр. 673. Ц. 2 р.

Богачевскій, П. — Мултанское моленіе вояковъ въ свѣтъ этнографическихъ данныхъ. Съ рис. М. 96. Стр. 112. Ц. 40 к.

Бородицъ, И. П. — Процессъ оплодотворенія въ растительномъ царствѣ, съ 169 политинажамъ. 2-е изд. Стр. 226. Ц. 1 р. 50 к.

Бреге, М. — Руководство къ разведенію канареекъ. Перев. Я. Калининъ. Спб. 96. Стр. 132.

Бромъ, С. — Исторія земли. Перев. съ франц. Литвинова. Съ рис. М. 96. Стр. 173. Ц. 50 к.

Брэмъ, А. — Жизнь животныхъ. Популярное изд. Полут. III, вып. 31 и 32: Древесныя птицы. Перев. съ нѣм. С. М. Переяславцевой. Од. 96. Стр. 129—192. Ц. по 25 к.

Буассе, Гастонъ. — Картины древне-римской жизни. Очерки общественнаго настроенія временъ Цезарей. Перев. съ франц. Е. Дегена. Спб. 96. Стр. 313. Ц. 1 р. 25 к.

Буссе, Ф. Ф. — Переселеніе крестьянъ моремъ въ Уссурийскій край, въ 1883—93 гг. Съ картин. Спб. 96. Стр. 165 in 4°. Ц. 4 руб.

Быковъ, А. — Сѣверо-американскіе Соединенные Штаты. Съ 7 рис. и съ картою. М. 96. Стр. 201.

Вендригъ, фонъ, полковн. — Отчетъ по управленію перевозками по желѣзн. дорог. въ мѣстности, пострадавшія отъ неурожая. Спб. 96. Стр. 170.

Вруцевичъ, М. С. — Теорія и практика переписки населенія. Къ вопросу о всенародной переписи въ Россіи. Вильна. 96. Стр. 44. Ц. 25 к.

Вундтъ, В. — Индивидуумъ и общество. Перев. съ нѣм. Спб. 96. Стр. 32. Ц. 20 к.

Гельмолицъ. — № 2: О физиологическихъ причинахъ музыкальной гармоніи. Съ рис. Спб. 96. Стр. 50. Ц. 30 к.

Георгиевскій, П. И. — Политическая Экономія. 2-е изд. Ч. II: вып. 1 и 2. Спб. 96. Стр. 146 и 166. Ц. 2 р. 25 к.

Гнейтъ, Руд. — Правовое государство и административные суды Германіи. 2-е исправл. и дополн. изд. Перев. Ф. Фустова, п. р. М. Свѣшниковъ. Спб. 96. Стр. 370. Ц. 1 р. 50 к.

Гротъ, К. Я. — Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ. Т. II. Спб. 96. Стр. 966. Ц. 3 р.

Гюго, Викторъ. — Собраніе стихотвореній въ переводахъ русскихъ писате-

лей, п. р. И. Тхоржевскаго. Вып. XIV, стр. 361—420. Тифл. 96. Ц. каждаго вып. 20 коп.

Дарвинъ, Ч.—Инстинктъ. Посмертное сочиненіе. Перев. М. Филиппова. Спб. 96. Стр. 35. Ц. 30 к.

Добролюбовъ, Н. А.—Сочиненія. Т. III. Изд. 5-е. Спб. 96. Стр. 548. Ц. за 4 т. 7 р.

Жеденовъ, Н.—Сельскія пожарныя команды. Руководство къ организаціи ихъ безъ особыхъ денежныхъ затратъ. Спб. 96. Стр. 42. Ц. 30 к.

Этнессъ, д-ръ, М.—Терапевтическое и санитарное значеніе м. Друскеникъ, града. губ. Желѣзныя, хлористо-кальціевыя воды поварен. соли. Ворон. 96. Стр. 50.

Ибсенъ, Г.—Собраніе сочиненій. Т. II: Союзъ молодежи; Дикая утка; Комедія любви. Спб. 96. Стр. 384. Ц. за 6 т. 3 р. 50 к.

Инатова, Н. И.—Въ Нижній на выставку! Спб. 96. Стр. 288. Ц. 60 к.

Интрежъ, Дж.—Исторія рабства, отъ древнѣйшихъ до новыхъ временъ. Перев. съ англ. З. Журавской. Спб. 96. Стр. 334. Ц. 1 р. 25 к.

Кауфманъ, А. А.—Хозяйственное положеніе переселенцевъ, водворенныхъ на казенныхъ земляхъ томской губерніи. Т. I, въ трехъ частяхъ. Спб. 95. Стр. 348, 139 и 537, съ таблицами.

Клоссовскій, А.—Метеорологическое обзореніе. Труды метеорологической сѣти юго-запада Россіи. 1886—1895 гг. Од. 96.

Кони, А. Ф.—За послѣдніе годы: Судебныя рѣчи (1888—1896 г.); Воспоминанія и сообщенія; Юридическія замѣтки. Спб. 96. Стр. 623.

Крушевскій, Павелъ.—Что такое Россія? Путевыя замѣтки. М. 96. Стр. 374. Ц. 2 рубля.

Лалаевъ, М. С., ген.-лейт.—Императоръ Николай I, vizдитель русской школы. Спб. 96. Стр. 274. Ц. 2 р.

Ловягинъ, А.—Домикъ Петра В. въ Заандамъ. Альбомъ: Историч. очеркъ домика на русск., голл., франц. и англ. языкахъ. 20 фототипій и 20 факсимиле посѣтителей. Амстердамъ. 96. Ц. 1 р.

Лопатинъ, Валер.—Обыденная армейская жизнь. Походъ мирнаго времени. Варш. 96. Стр. 40. Ц. 25 к.

Мачтетъ, Г. А.—Ванька-Горнистъ. Разсказъ. Съ 4 рис. М. 96. Стр. 57. Ц. 20 к.

Мецкерскій, А. П.—Письма деревенскаго хозяина. Спб. 96. Стр. 321. Ц. 2 р.

Мольеръ.—Жоржъ Данденъ, или одуроченный мужъ. Перев. Е. Лавровой. М. 96. Стр. 84.

Муратовъ, В. А.—Интеллектуальныя функціи головного мозга. Каз. 96. Стр. 22.

Навиль, Эрн.—Что такое философія? Перев. съ франц. А. И. Введенскаго. М. 96. Стр. 319. Ц. 1 р. 25 к.

Новосельскій, Н.—Согласно ли съ интересами государства и самого народа обращать государственную землю въ полную собственность крестьянъ? Спб. 96. Стр. 27.

Ньюкомбъ, С., и *Этельманъ*, Р.—Астрономія въ общепонятномъ изложеніи, дополн. Г. Фогелемъ. Перев. съ 2-го изд. Н. С. Дрентельна. Вып. IV. Спб. 96. Стр. 486—748. Ц. 1 р. 40 к.

Остроумовъ, Н. П.—Сарты. Этнографическіе матеріалы. Изд. 2-е, доп., съ портретами сартовъ. Томскъ. 96. Стр. 272. Ц. 1 р. 50 к.

Петерсонъ, Ф., и *Балабанова*, Е.—Западно-европейскій эпосъ и средневѣ-

ковой романъ, въ пересказахъ и сокращенн. перев. съ подлинн. текстовъ. Въ 3 том. Т. I: Романскіе народы—Франція и Испанія. Спб. 96. Стр. 327. Ц. 2 р.

Потоцкій, Ф. С.—Бонспектъ римскаго права. Харьк. 96. Стр. 104.

Пыляевъ, М. И.—Драгоценныя камни, ихъ свойства, мѣстонахожденіе и употребленіе. 3-е изд., дополн. Спб. 96. Стр. 403. Ц. 2 р. 50 к.

Рычковъ, П. И.—Исторія Оренбургская 1730—1750. Оренб. 96. Стр. 94. Ц. 75 к.

Свѣшниковъ, М. И.—Очеркъ общей исторіи государственнаго права. Спб. 96. Стр. 311. Ц. 2 р.

Снегиревъ, Л.—№ 24: Судебныя драмы: Ольга Палемъ (убійство студ. Довнара), съ полными рѣчами Н. Карабчевскаго и сенат. А. Кони.—Романъ Кожевнича. Сергѣевъ-Посадъ. 96. Стр. 93. Ц. 1 р.—№ 25: Маркизь де-Нѣвъ. Последній бандитъ. Дѣло Вобура. Пастухъ-дикарь. Серг.-Пос. 96. Стр. 160. Ц. 60 к.

Соколовъ, И.—Св. Стефанъ Пермскій, просвѣтитель зырянъ. Спб. 96. Стр. 48. Ц. 20 к.

Соловьевъ-Несмѣловъ, Н.—Дѣтскій мірокъ. Разказы изъ жизни дѣтей и окружающей ихъ природы. М. 96. Стр. 184. Ц. 75 к.

Спасовичъ, В. Д.—Сочиненія, т. VIII. Спб. 96. Стр. 474. Ц. 2 р.

Талко-Гринцевича, Ю.—Къ 600-лѣтнему юбилею Марко-Поло. Иркутскъ. 96. Стр. 13.

Талицкій (Сергѣй Шарановъ).—Бумажный рубль, его теорія и практика. Спб. 96. Стр. 156. Ц. 1 р. 50 к.

Таубе, бар. М.—Исторія зарожденія современнаго междунаrodnаго права. Средніе вѣка. Т. I: Введеніе и часть общая. Спб. 94. Стр. 370.

Тимковскій, Н.—Приключенія двухъ братьевъ: Авося и Небося. М. 96. Стр. 53.

Удницевъ, Вс.—Посессионное право. Кіевъ. 96. Стр. 224.

Филитовъ, Сергѣй.—Около жизни и смерти. М. 96. Стр. 256. Ц. 1 р.

Филте, Г. Г.—Пути къ рациональному міровоззрѣнію. Ч. I: О назначеніи человѣка. Сочиненія 1880 года. Ч. II: Отголосокъ чрезъ 80 лѣтъ по вопросу о знаніи. Перев. Ипп. Панаева. Спб. 96. Стр. 80. Ц. 2 р.

Хвольсонъ, О. Д.—Лучи Рентгена. Съ 5 рис. Спб. 96. Стр. 35. Ц. 40 к.

Циммерманъ, д-ръ, А.—Микроскопъ. Руководство для научной микроскопії. Перев. съ нѣм. д-ра А. Ильиша. съ 241 рис. Спб. 96. Стр. 333. Ц. 3 р. 50 к.

Череванскій, Вл.—Подъ боевымъ огнемъ. Исторія хроника. Иллюстр. Лагорио, Каравина и др. Въ 2 частяхъ. Спб. 96. Стр. 214. Ц. 3 р.

Ярмонкинъ, В.—Письма изъ деревни. Спб. 96. Стр. 60.

Abich, Hermann.—Aus Kaukasischen Ländern. Reisebriefe. V. I: Briefe aus den Jahren 1842—1853. V. II: Briefe aus den Jahren 1859—1874. Wien. 96. Стр. 608—313.

— Вопросы нервно-психической медицины. Журналъ, посвященный вопросамъ психіатріи, нервной патологіи; физиологической психологіи, нервно-психической гігіены и пр., издаваемый п. р. проф. И. А. Сикорскаго. Годъ I. 1896. Выходить выпусками каждыя три мѣсяца. Кіевъ. 96. Ц. въ годъ 6 р.

— Лѣтнія колоніи московскихъ городскихъ начальныхъ училищъ. 1895 г. М. 96. Стр. 30.

— Международная Библіотека. № 40: Гельмгольць, О взаимодѣйствіи силъ природы. Перев. съ нѣм. Я. Самойлова. № 41: П. Мобіусъ, Болѣзни нервной системы, перев. съ нѣм. В. Д. Спб. 96. Ц. по 15 к.

— Положеніе армянъ въ Турціи до вмѣшательства державъ въ 1885 г. Съ предисловіемъ гр. Л. А. Камаровскаго. 2-ое изд. М. 96. Стр. 443. Ц. 1 р.

— Русскій Біографическій Словарь. Томъ I. Ааронъ—Императоръ Александръ II. Изданъ подъ наблюденіемъ предсѣдателя Императорскаго Русскаго Историческаго Общества А. А. Половцова. Спб. 96. Стр. 892.

— Тульское общество земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ приютовъ. Отч. за 1895 г. Тула. 96. Стр. 132.

— Энциклопедическій Словарь. Т. XVII, А. (Ледъе-Лопаревъ). Изд. Ф. Брокгаузъ и П. Ефронъ. Спб. 96. Стр. 483—960. Ц. 3 р.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Emile Zola. Rome. Paris, 1896. стр. 751.

„Rome“—второй романъ изъ новой серіи, предпринятой Зола. Въ „Ругонъ-Макаръ“ Зола занимался общественной исторіей Франціи, слѣдя за развитіемъ буржуазіи въ борьбѣ съ падающей монархіей и новой нарастающей силой рабочаго класса. Въ новой серіи, обобщенной авторомъ подъ заглавіемъ „Les trois Villes“, онъ разсматриваетъ роль религіи и религіозныхъ учреждений въ современномъ обществѣ. Общій замыселъ трехъ романовъ такъ же проникнутъ пессимизмомъ, какъ и социальныя романы Зола. Въ послѣднихъ онъ изображалъ безотрадность жизненныхъ условий, фатальное господство страданій и пороковъ; теперь же онъ, проводя мысль о невозможности найти въ католицизмѣ исходъ изъ общественныхъ бѣдствій, изображаетъ упадокъ истинной вѣры и видитъ одно виѣшнее ея переживаніе въ современномъ католицизмѣ. Въ „Лурдѣ“ Зола развѣнчалъ наивную религію, живущую вѣрою въ чудеса, развѣнчалъ дѣятелей католицизма, привлекающихъ туда лишь темную толпу. Его герой, аббатъ Пьеръ Фроманъ, пріѣхавшій къ сватынѣ съ наивною дѣтскою душою, оставилъ Лурдъ съ разбитой вѣрою въ чудеса. Но религіозное чувство осталось въ немъ живымъ и на мѣстѣ прежняго суевѣрнаго культа въ душѣ его создается новый, болѣе высокій—вѣра въ высшую сторону религіи, въ божественную идею любви и братства, лежащую въ основѣ христіанскаго идеала и осуществленную лишь въ христіанствѣ первыхъ вѣковъ. Воззрѣвъ къ этому примитивному идеалу, не искаженному еще мірскими стремленіями позднѣйшаго папства, Пьеръ проповѣдуетъ въ своей книгѣ „La Rome nouvelle“, видя въ этомъ спасительный исходъ для людей, всемогущее орудіе противъ національныхъ и общественныхъ бѣдствій. Подобно тому какъ „Лурдъ“ воплощаетъ въ себѣ виѣшнее католичество, поддерживающее при помощи эксплуатаціи суевѣрія мракъ и невѣжество, такъ „новый Римъ“, т.-е. папство, возрожденное въ примитивной чистотѣ, призванъ спасти современное культурное человѣчество.

Все содержаніе огромнаго по размѣрамъ романа Зола сводится къ разсказу о томъ, какъ Фроманъ пріѣзжаетъ въ Римъ отстаивать свою книгу

и чистоту своихъ намѣреній передъ папой, грозищимъ ему интердиктомъ. Въ началѣ Фроманъ полонъ пламенной вѣры въ возможность примитивнаго католичества и въ то, что Римъ долженъ сдѣлаться центромъ этого возрожденія. Нѣсколько мѣсяцевъ, проведенныхъ имъ въ вѣчномъ городѣ, близкое знакомство съ настоящимъ положеніемъ папской власти, съ политической жизнью современной Италіи, а равно и углубленіе въ историческое прошлое, изученіе на мѣстѣ исторіи папства, убѣждаютъ его наконецъ въ призрачности такихъ надеждъ, въ томъ, что первобытное христіанство умерло навсегда, что въ силу историческихъ обстоятельствъ папская власть должна была стать такой, какъ она есть, т.-е. политической, а не духовной силой. Современный Римъ оказывается столь же безсильнымъ дать спасеніе, какъ и суевѣрный Лурдъ. Фроманъ пріѣхалъ защищать свою книгу, не понимая, какъ папа могъ осудить его восторженное пониманіе идеи папства, и увѣренный, что при первомъ объясненіи папа пойметъ его надежды и одобритъ ихъ. Но, пройдя тяжелый искусь въ бесѣдахъ съ сановниками церкви, встрѣтивъ повсюду неподвижное, окаменѣлое отношеніе къ обязанностямъ католика и къ прерогативамъ папскаго престола, добившись наконецъ аудіенціи у Льва XIII, Фроманъ окончательно чувствуетъ свой разрывъ съ католическимъ міромъ. Возрожденіе первобытнаго Рима невозможно, а современный папскій Римъ—такое же переживаніе чего-то давно умершаго, такой же анахронизмъ въ современной Европѣ, какъ чудеса Лурда. Пьеръ самъ отказывается отъ своей книги, соглашается изъять ее изъ обращенія, разувѣрившись въ своей идеѣ.

Увѣжая изъ Рима съ разбитыми надеждами, онъ смутно чувствуетъ возможность совершенно иного исхода. Книга заканчивается полу-намекami на новую религію, религію науки, которая, очевидно, составитъ содержаніе третьяго романа: „Парижъ“, и покажетъ исходъ для идеалистическаго чувства современнаго человѣка, не находящаго себѣ пищи ни въ наивной вѣрѣ толпы, ни въ искаженномъ христіанствѣ католической церкви.

Такова идея романа Золя, сама по себѣ уже очень интересная. Показать, какъ въ современномъ человѣчествѣ живо религиозное чувство и какъ мало оно удовлетворяется существующими формами культа, показать, какъ историческое явленіе переживаетъ въ теченіе вѣковъ само себя; какъ современное папство совершенно мертво, среди всѣхъ своихъ политическихъ начинаній и внѣшняго блеска, и какъ въ немъ исчезло пониманіе своихъ основныхъ задачъ,—показать, наконецъ, невозможность возрожденія разложившагося католичества,—все это представляетъ достойную задачу для такого знатока всякихъ общественныхъ явленій, какъ Золя. Но по своему исполненію „Rome“

стоит гораздо ниже самого замысла. Чувствуется, что авторъ изображает среду, которую онъ изучилъ лишь для даннаго случая, но которая ему совершенно чужда по духу. Въ прежнихъ своихъ романахъ Зола отличался несомнѣннымъ мастерствомъ въ изображеніи массъ и грандіозныхъ картинъ внѣшней жизни, — это, быть можетъ, даже единственное мастерство, которое онъ обнаружилъ въ своемъ одностороннемъ пониманіи жизни и игнорированіи духовной ея стороны. Въ послѣднемъ же романѣ чувствуется большая слабость со стороны внѣшняго изображенія. Во всѣхъ описаніяхъ, во всѣхъ сценахъ сквозитъ одна лишь эрудиція, лишенная свѣжести непосредственнаго живого знанія людей и ихъ жизни. Описанія Рима, развалинъ, памятниковъ напоминаютъ своей сухостью подробный путеводитель по Риму, а въ частныхъ историческихъ размышленіяхъ, которымъ предается по малѣйшему поводу герой книги, авторъ даетъ читателямъ какой-то учебникъ римской исторіи въ объемѣ гимназическаго курса, рассказываетъ исторію Рима отъ Ромула и Рема вплоть до Августа, не внося въ рассказъ никакого личнаго освященія, а просто передавая, неизвѣстно для чего, самые элементарные факты изъ исторіи языческаго и христіанскаго Рима. На ряду съ этимъ книга наполнена длиннѣйшими изложеніями экономическихъ и политическихъ теорій: излагается, напр., въ подробностяхъ книга Пьера, мало оригинальная—въ своемъ стремленіи доказать, что за всякимъ религіознымъ движеніемъ скрывается экономической вопросъ, и что всякая борьба сводится къ борьбѣ между бѣдными и богатыми, и что ученіе Христа имѣло исключительно социальную подкладку. Вопросъ, который мучитъ Пьера о томъ, можетъ ли современное католичество вернуться къ духу первобытнаго христіанства, стать религіей демократіи и тѣмъ самымъ спасти разлагающееся общество,—Зола разсматриваетъ вполне отвлеченно. Вся эта публицистическая, научная и историческая часть романа, увеличивающая самымъ ненужнымъ образомъ романъ, не замѣняетъ жизненности и художественности, которая существовала въ прежнихъ произведеніяхъ автора. Зола вышелъ изъ предѣловъ Франціи, избирая сюжетъ для своей книги, и эта попытка космополитизма оказалась не вполне удачной. Незнаніе внутренней жизни Рима и стараніе замаскировать это незнаніе книжною эрудиціей ослабляютъ художественность произведенія, интереснаго, однако, по своему замыслу.

II.

Walter Pater. Miscellaneous Studies. London, 1896. Стр. 259.

Вальтеръ Петеръ умеръ въ 1894 г., оставивъ по себѣ, въ кружкѣ своихъ почитателей, очень громкое имя — и очень небольшое количество произведений. Послѣ его смерти составлены были изъ разрозненныхъ очерковъ дополнительные два тома; изъ нихъ болѣе интересенъ второй, изданный недавно подъ заглавіемъ „Miscellaneous Studies“. Нѣкоторые изъ помѣщенныхъ въ немъ очерковъ относятся еще къ юношескимъ годамъ Петера и показываютъ, подъ какими вліяніями сложилось его позднѣйшее міросозерцаніе. Другіе — обнаруживаютъ близкое знаніе французской литературы, какъ классической, такъ и новой, содержатъ много литературныхъ характеристикъ и въ общемъ представляютъ дополненіе къ извѣстнымъ до сихъ поръ трудамъ талантливаго критика.

Личность и творчество В. Петера вполне опредѣлились въ четырехъ книгахъ, надъ которыми онъ неутомимо работалъ всю жизнь, стремясь достигнуть совершенства формы и дать строго обоснованныя и сжатая формулы своего эстетическаго ученія. Первой изъ этихъ книгъ была „Studies in the history of the Renaissance“ (1873), а за нею послѣдовали: „Marius the Epicurean“ (1883), „Imaginary portraits“ (1887), „Appreciations“ (1889). Каждая изъ нихъ занимаетъ видное мѣсто въ современной англійской литературѣ, какъ классическій образецъ художественной прозы, а своимъ содержаніемъ книги эти создаютъ новый родъ оригинальной художественной критики.

Прежніе англійскіе критики занимались преимущественно классификаціей писателей, подведеніемъ итоговъ дѣятельности даннаго поэта, беллетриста, философа. Они не объясняли разбираемыхъ ими авторовъ, а судили ихъ по извѣстнымъ установленнымъ правиламъ. Это была въ сущности не критика, создающая новыя идеи въ области эстетики, а исторія литературы, отмѣчающая развитіе національнаго генія. Такими историками литературы были знаменитые англійскіе эссеисты начала вѣка: Джеффри, Сидней Смитъ, Газлитъ и др. Начиная съ Карлейля, характеръ литературной критики измѣнился; она обогатилась художественнымъ стилемъ, стала носителемъ философскихъ истинъ. Другимъ выдающимся представителемъ философско-художественной критики былъ кардиналъ Ньюманъ, одинъ изъ вожаконъ оксфордскаго движенія. Его критическіе этюды носятъ идеалистическій характеръ, а по своимъ эстетическимъ идеямъ онъ

такъ же далека, какъ Карлейль, отъ литературно-историческаго періода критики.

Съ этими писателями Вальтеръ Пэтеръ имѣетъ много общаго. Такъ же, какъ они, онъ всецѣло проникнутъ идеализмомъ и считаетъ художественность изложенія главной задачей писателя. Красота стиля—основная черта произведеній Пэтера; многія страницы въ его очеркахъ не уступаютъ по поэтичности и образности такимъ художественнымъ chefs-d'oeuvre'амъ, какъ сонеты и картины его современника Росетти. Онъ слилъ критику съ непосредственнымъ художественнымъ творчествомъ, отражающимъ внутренній міръ писателя, его настроенія, его стремленія къ истинѣ. Онъ не занимается, на подобіе критиковъ обычнаго типа, оцѣнкой всѣхъ произведеній искусства вообще, опредѣляя, что въ нихъ дурно, что хорошо; онъ останавливается лишь на тѣхъ, которыя будятъ родственныя настроенія въ его душѣ, которыя воплощаютъ волнующія его идеи. Произведенія искусства, о которыхъ онъ пишетъ, служатъ для Пэтера такимъ же матеріаломъ, какъ непосредственная дѣйствительность для поэта и беллетриста. Это толчокъ, возбудившій въ немъ извѣстныя мысли, при чемъ полученныя впечатлѣнія гораздо важнѣе вызвавшихъ ихъ объектовъ; послѣдніе представляютъ, такъ сказать, гвоздь, къ которому критикъ-художникъ прикрѣпляетъ свои личныя настроенія. Какая-нибудь картина или поэма, какой-нибудь забытый или непонятый своимъ временемъ художникъ служатъ Пэтеру лишь предлогомъ для того, чтобы ввести читателя въ своеобразный міръ своей души; часто какой-нибудь темный дѣятель забытыхъ вѣковъ воскресаетъ подъ творческимъ перомъ критика и становится носителемъ идей, быть можетъ и не снившихся ему, а составляющихъ достояніе многокультурнаго англичанина XIX вѣка.

Субъективная критика Вальтера Пэтера нисколько не останавливается на литературныхъ или художественныхъ явленіяхъ, которыя ему кажутся ничтожными,—ихъ онъ просто обходитъ. Онъ объясняетъ лишь то, что имѣетъ въ его глазахъ высокое значеніе, и всѣ его очерки могли бы носить заглавіе „Appreciations“, которое онъ присвоилъ одной изъ своихъ книгъ. Сюжеты его статей всегда таковы, что критикъ какъ бы сливается съ разбираемымъ художникомъ.

Это основное свойство творчества Пэтера объясняетъ содержаніе всѣхъ его произведеній. Пэтеръ ищетъ въ литературѣ и въ искусствѣ отраженія душевныхъ силъ, свидѣтельства интенсивной и глубокой работы совѣсти, неустанныхъ стремленій къ высшему и, быть можетъ, непонятому назначенію. Поэтому его привлекаютъ болѣе всего переходныя эпохи культуры, тѣ, въ которыя наиболѣе интен-

сивно работаетъ совѣсть, перерѣшая заново всё основы нравственности, и наиболѣе поднимается человѣческій духъ, воодушевленный вѣрой. Такимъ является для критика моментъ нарожденія христіанства въ средѣ, еще проникнутой язычествомъ, такою является для него еще болѣе эпоха Возрожденія. Последней посвящена самая замѣчательная книга Пэтера: „Studies in the Renaissance“.

Въ предисловіи къ своей исторіи Возрожденія Вальтеръ Пэтеръ такъ опредѣляетъ задачи эстетической критики: „Видѣть предметъ такимъ, каковъ онъ на самомъ дѣлѣ,—говорить онъ,—такова цѣль всякаго критика, а чтобы достигнуть въ эстетической критикѣ истиннаго пониманія предмета, нужно прежде всего разобраться въ впечатлѣніяхъ, которыя отъ него получаются“. Испытывая на себѣ эти впечатлѣнія, критикъ объясняетъ ихъ природу, указываетъ на элементы, изъ которыхъ они слагаются. Важно поэтому не то, чтобы критикъ обладалъ вѣрнымъ отвлеченнымъ пониманіемъ красоты, а извѣстнаго рода темпераментомъ, способностью глубоко чувствовать прекрасное. Онъ долженъ всегда помнить, что красота существуетъ въ разнообразныхъ формахъ, и долженъ видѣть въ ней проявленіе духа извѣстной исторической эпохи.

Слѣдя за ходомъ возрожденія въ различныхъ европейскихъ странахъ, Вальтеръ Пэтеръ изучаетъ то—такихъ общепризнанныхъ гениевъ, какъ Леонардо да-Винчи и Микель-Анжело, то—какіе-нибудь мало извѣстные французскіе „фабліо“, или же открываетъ новыхъ, почему-либо забытыхъ художниковъ, создаетъ, напр., въ современной литературѣ культъ Ботичелли, гениальность котораго до него и не подозрѣвали. Всё эти явленія, крупныя и мелкія, яркія и блѣдныя, одинаково интересуютъ его, какъ проявленія одной общей идеи. Небольшой французскій фабліо XIII вѣка „Aucaussin et Nicolette“ помогаетъ ему найти формулу Возрожденія. Этимъ именовъ онъ обозначаетъ нѣчто гораздо болѣе сложное, чѣмъ воскресшій интересъ къ классической литературѣ въ XV вѣкѣ. Подъ названіемъ „Ренессанса“ онъ понимаетъ высоко настроенную великую эпоху, въ теченіе которой любовь къ интеллектуальному и художественному имѣла совершенно безкорыстный характеръ, и жизнь проникнута была стремленіемъ къ внутренней свободѣ и красотѣ, при чемъ люди искали ее не только обращаясь съизнова къ старымъ, забытымъ источникамъ, но и открывая новыя, создавая новыя предметы поэзіи, новыя формулы искусства. Такія настроенія проявлялись уже въ концѣ XII-го и началѣ слѣдующаго столѣтія, и слѣды ихъ Пэтеръ находитъ въ старомъ фабліо; разбирая его содержаніе, критикъ наглядно показываетъ, какъ грубая сила среднихъ вѣковъ переходитъ въ кроткія и нѣжныя чувства, и тѣмъ самымъ становится источни-

комъ классическаго возрожденія, побуждаетъ къ исканію источниковъ идеальной душевной гармоніи въ греческой древности. А такъ какъ это просвѣтленіе наступило послѣ долгаго забвенія всякой гуманности, послѣ долгихъ мрачныхъ вѣковъ, во время которыхъ погибло такъ много источниковъ интеллектуальныхъ и художественныхъ радостей, то это пробужденіе справедливо называется „Ренесансомъ“, возрожденіемъ.

Послѣ французскихъ образцовъ ранняго возрожденія, Вальтеръ Петеръ переходитъ къ Италіи XIV и XV вв. Тамъ въ лицѣ гуманиста Пико-дела-Мирандола онъ видитъ одинъ изъ тѣхъ сложныхъ культурныхъ типовъ, которые наиболѣе близки къ его собственному настроенію. Пико-дела-Мирандола, стремившійся соединить духъ христіанства съ древне-греческой культурой—любимый герой Вальтера Петера. Онъ возбуждаетъ въ немъ особую симпатію своимъ видомъ меланхолическаго красавца, строгаго къ себѣ, монаха въ своихъ привычкахъ, обладающаго „бѣлой душой“ невинной юности и вмѣстѣ съ тѣмъ необычайно чуткаго ко всему прекрасному, къ полнотѣ языческой жизни. Въ его личности, привлекательной несмотря на свое легкомысліе, высококультурной и полной странныхъ контрастовъ, Вальтеръ Петеръ воплотилъ свой идеалъ гуманизма.

Но еще болѣе, чѣмъ эта яркая фигура гуманиста, привлекаютъ Петера грандіозныя фигуры истинныхъ созидателей „Ренесанса“, художниковъ, воплотившихъ въ безсмертныхъ произведеніяхъ искусства всѣ особенности этой эпохи, ея двойственность, мистицизмъ, вѣчное стремленіе проникнуть въ тайны бытія, уяснить отношенія человѣческаго къ божественному. Лучшіе очерки въ книгѣ Вальтера Петера посвящены характеристикѣ Сандро Боттичелли и Леонардо да-Винчи. Въ нихъ критикъ всецѣло превращается въ проникновеннаго психолога, которому ясны всѣ движенія средневѣковой души, очутившейся на порогѣ свободы. Мистическія настроенія Боттичелли Петеръ прослѣживаетъ на отдѣльныхъ картинахъ художника, объединяя ихъ въ какой-то цѣльный, безконечно прекрасный міръ, отличный отъ человѣческаго, но прекрасный именно своимъ отношеніемъ къ человѣку тѣмъ, что кроткая и загадочная Мадонна является символомъ челоѣчества, связаннаго съ божественнымъ своей любовью, но сознающаго трагедію своей души, свою роковую связь съ землей и безсиліе своихъ лучшихъ порывовъ.

Все это Петеръ видитъ въ картинахъ Боттичелли лишь въ намекахъ, и, описывая эти картины съ свойственной ему силой и красотой, онъ идетъ рука объ руку съ художникомъ, восполняя своимъ эстетическимъ чутьемъ и доказывая своимъ поэтическимъ и образ-

нымъ языкомъ то, что художникъ только сознавалъ въ душѣ, но не имѣлъ силы ясно выразить въ своемъ творествѣ.

Когда же критикъ переходитъ къ другому, единственному въ своемъ родѣ мастеру возрожденія, Леонардо да-Винчи, ему не придется уже ничего дополнять. Задача его сводится къ тому, чтобы слѣдить за полетомъ генія, проникаться его настроеніями и воссоздавать глубину его замысловъ. Это вполне удастся Пѣтеру, и сравнительно небольшой очеркъ, посвященный творцу „Тайной Вечери“, представляетъ несомнѣнно самую глубокую и проникновенную характеристику художника. Пѣтеръ обнаруживаетъ изумительную способность возвышаться вмѣстѣ съ объектомъ своего изученія. Говоря о такомъ геніѣ, какъ Леонардо да-Винчи, онъ совершенно сливается съ его душевнымъ міромъ, проникаетъ въ самыя сокровенныя тайны его замысловъ и въ сущности не описываетъ его картинъ, не оцѣниваетъ ихъ съ какой-нибудь отвлеченной точки зрѣнія, а дѣлаетъ совершенно иное: онъ воспроизводитъ его замыслы иными средствами, переводитъ на языкъ поэтическихъ настроеній и образовъ то, что художникъ создавалъ красками и кистями. Эта своеобразная, единственная въ своемъ родѣ критическая манера ярче всего проявилась въ знаменитомъ описаніи Джіоконды. Пѣтеръ въ сущности и не описываетъ геніальной картины, а создаетъ литературный pendant къ ней, проникнутый такой же высотой духа, глубиной настроенія, какъ сама картина. При чтеніи этого описанія кажется, что великій художникъ писалъ бы именно такъ, еслибы вмѣсто полотна и красокъ пользовался перомъ и чернилами для воплощенія своихъ идей. Приводимъ цѣликомъ эту страницу, наиболѣе характерную изъ всего, что написалъ Вальтеръ Пѣтеръ; въ ней наиболѣе ярко отразилась его писательская манера, приближающая критику къ самостоятельному художественному творчеству:

„Фигура, которая такъ таинственно выступаетъ на фонѣ переливающихся водъ,—такъ начинается Пѣтеръ свое описаніе,—выражаетъ собой все, что люди научились желать въ теченіе тысячелѣтій. Надъ головой ея прошли всѣ стремленія человѣчества и вѣки ея утомлены. Это—красота, прошедшая изнутри на внѣшнія черты лица, отражающая въ каждой черточкѣ странныя мысли, фантастическія мечты и рѣдкія чувства. Поставьте ее на минуту рядомъ съ одной изъ мраморныхъ греческихъ богинь, или какой-нибудь древней красавицей, и велико будетъ ихъ смущеніе передъ этой новой красотой, претворившей въ себѣ человѣческую душу со всѣми ея болѣзнями. Всѣ мысли и весь опытъ міра лѣпили и углубляли эти черты, насколько въ ихъ власти облагораживать и придавать выраженіе внѣшнимъ формамъ. На лицѣ Джіоконды отразились и чисто физическая жизнь

Греции, и развратъ Рима, и мистицизмъ среднихъ вѣковъ, ихъ духовные порывы и экзальтированныя чувства, возрожденіе язычества и пороки Борджіа. Она древнѣе, чѣмъ скалы, которыя окружаютъ ее; подобно вампиру, она уже была мертвой нѣсколько разъ и знаетъ замогильную тайну; она погружалась въ глубины океана и таитъ въ себѣ ихъ иракъ; она добывала странныя ткани отъ восточныхъ купцовъ. Подобно Лэдѣ, она была матерью Елены Троянской и, какъ святая Анна, была матерью Маріи. И все это было для нея какъ бы звуками лиръ и флейтъ, и только нѣжно коснулось ея мѣняющихся чертъ, покрыло легкой краской ея вѣки и руки. Представленіе о вѣчности жизненнаго начала, проходящаго черезъ тысячи формъ, очень старо. Современная философія понимаетъ человѣчество какъ продуктъ всѣхъ существовавшихъ формъ жизни и мысли и какъ конечный ихъ итогъ. Джіоконда несомнѣнно можетъ служить и воплощеніемъ стариннаго міра, и символомъ новой идеи^а.

Кромѣ эпохи возрожденія, которая чаруетъ критика интенсивностью своей духовной жизни и красотой своихъ свободныхъ чувствъ и стремленій, Вальтеръ Петеръ останавливается съ любовью на всемъ, что проникнуто тонкимъ ароматомъ былой, навсегда отошедшей красоты. Его привлекаютъ религіозныя и философскія ученія, пережившія когда-то моментъ торжества и смѣнившіяся другими; формы жизни, которыя когда-то считались установленными навсегда; манеры и привычки, давно исчезнувшія; мелодіи, никогда болѣе не раздающіяся. Онъ вступаетъ охотно въ молчаливые храмы старины и любитъ вновь населять средневѣковые замки и древніе города. Это влеченіе къ переходнымъ историческимъ моментамъ сказалось въ философской повѣсти В. Петера, „Marius the Epicurean“, гдѣ изображена мечтательная жизнь одного молодого римлянина. Авторъ показываетъ на примѣрѣ Маріуса, какимъ путемъ христіанство, этотъ источникъ надежды и радостей, сдѣлался желаннымъ для усталого, пресыщеннаго языческаго общества. Петеръ проводитъ свою основную идею, съ большой художественной силой, изображая въ многочисленныхъ эпизодахъ характерныя подробности языческаго Рима и контрасты двухъ цивилизацій, столкнувшихся роковымъ образомъ. Романъ заканчивается примирительно, — Марій хотя и не принимаетъ христіанства, но передъ своею раннею смертью чувствуетъ въ себѣ торжество новой вѣры. Въ исторіи человѣчества, отраженной въ искусствѣ и другихъ идеальныхъ стремленіяхъ, Петеръ всегда ищетъ героевъ, подобныхъ Марію, т.-е. людей, проникнутыхъ смутнымъ пониманіемъ новыхъ идей среди самыхъ неблагопріятныхъ для этого условій. Такимъ онъ изображаетъ „главу придворныхъ художниковъ“, Ватъ, проповѣдника греческаго искусства въ XVIII вѣкѣ, Вникельмана, и

многихъ другихъ писателей и художниковъ древней и современной Европы.

Тотъ же характеръ носятъ очерки, включенные въ послѣдній, посмертный томъ сочиненій Пэтера. Въ нихъ онъ говоритъ о церквахъ сѣверной Италіи, на фонѣ которыхъ такъ вѣжно выдѣляются художники ренессанса, или воспроизводитъ поэзію старо-французскихъ соборовъ, или же, переходя къ нашему вѣку, разбирается въ хаосѣ романтизма и даетъ оригинальное освѣщеніе личности Проспера Меримэ, неподражаемаго бытописателя непосредственныхъ и цѣльныхъ страстей. Особенной оригинальностью отличается послѣдній очеркъ въ книгѣ „Diaphané“ . Въ немъ критикъ говоритъ о странномъ, мало замѣченномъ свойствѣ художественныхъ натуръ, — ихъ „прозрачности“. Очеркъ „Diaphané“ написанъ Пэтеромъ въ молодости, когда онъ былъ еще студентомъ университета.

III.

Baron de Baye. L'oeuvre de Victor Vasnetzoff. Reims. Стр. 85.

Въ послѣдніе годы у насъ много говорятъ о народненіи въ Россіи чисто національной религіозной живописи, о ея представителяхъ Васнецовѣ и Нестеровѣ и объ ихъ работахъ въ Софійскомъ соборѣ въ Кіевѣ. Баронъ де-Бэ, путешествовавшій по Россіи съ научными цѣлями, ознакомился въ Кіевѣ съ картинами Васнецова, читалъ о нихъ публичную лекцію въ Парижѣ и затѣмъ издалъ небольшую, изящно иллюстрированную монографію. Судя по его собственнымъ словамъ, онъ лишь случайно ознакомился съ Васнецовымъ и его картинами. Онъ привели его въ восторгъ, но, къ сожалѣнію, не обогатили его ни знаніемъ русской живописи, ни критическимъ чутьемъ по отношенію къ разбираемымъ имъ картинамъ. У него, напримѣръ, встрѣчаются такого рода сужденія о судьбахъ русской живописи въ прошломъ: „Очень талантливые художники, — говоритъ онъ, — въ родѣ Иванова, Крамского, занимались религіозными сюжетами; ихъ картины обнаруживаютъ большую ученость, но это историческія работы, а не идеалистическія концепціи. Созданныя однимъ трудолюбіемъ, произведенія эти нужды религіознаго вдохновенія“. Вѣроятно, барону де-Бэ не случилось видѣть ни „Христа въ пустынь“ Крамского, ни хотя бы рисунковъ Иванова на библейскіе и евангельскіе сюжеты. Одни эти рисунки разубѣдили бы французскаго археолога въ вѣрности его замѣчанія. Они показали бы ему, что въ лицѣ Иванова идеали-

стическая живопись имѣетъ яркаго и вполне самобытнаго представителя, сочетающаго богатство фантазіи съ глубиной настроенія.

Характеристика Васнецова и его творчество сводятся въ книгѣ де-Бэ къ перечню картинъ художника и воспроизведенію ихъ фотографическимъ путемъ. Впрочемъ, баронъ де-Бэ очень произвольно поступаетъ въ выборѣ снимковъ. Въ числѣ ихъ, напр., нѣтъ „Блаженства праведныхъ“, которое справедливо считается лучшей работой г. Васнецова. Но, несмотря на эти пробѣлы и на слабость критической части, небольшая книжка барона де-Бэ представляетъ интересъ въ томъ отношеніи, что резюмируетъ съ чисто фактической стороны работу талантливаго художника. По собраннымъ въ книгѣ фотографіямъ и по ихъ описаніямъ можно прослѣдить три періода въ дѣятельности г. Васнецова. Въ первомъ періодѣ онъ придерживается историческаго рода живописи. Таковы его фрески въ московскомъ историческомъ музеѣ: „Каменный вѣкъ“, „Титанъ“ и „Борьба охотниковъ съ мамонтомъ“. Эти фрески широко задуманы, но въ своемъ исполненіи принадлежатъ къ типу внѣшней живописи, болѣе занятой воспроизведеніемъ формъ жизни, чѣмъ ихъ внутреннимъ содержаніемъ. Только отдѣльныя фигуры даютъ понятіе о будущихъ настроеніяхъ художника. Такова, напр., въ картинѣ „Каменный вѣкъ“ колоссальная фигура женщины, стоящей у самаго входа пещеры. Въ ея лицѣ сквозитъ духовная красота, а восторженное религіозное выраженіе глазъ имѣетъ въ себѣ что-то пророческое; какъ будто бы изъ глубины каменнаго вѣка ей открылось видѣніе золотого вѣка, побѣды духа надъ грубостью внѣшнихъ формъ.

Второй періодъ творчества Васнецова—чисто романтическій; художникъ вдохновляется былинами и сказками, обнаруживаетъ большую фантазію и много вкуса въ краскахъ и въ концепціяхъ своего Ильи Муромца, Ивана Царевича, и т. д. Онъ даже старается сочетать сказочность съ правдоподобностью, и придаетъ, напр., ковру-самолету видъ фантастической птицы, и т. д.

Высшей ступеню является, конечно, третій періодъ—религіозная живопись. Баронъ де-Бэ отмѣтилъ только общій характеръ идеализма въ соборныхъ фрескахъ и картинахъ Васнецова, но не опредѣляетъ элементовъ, изъ которыхъ сложилось это идеалистическое творчество...

З. В.

**ПО ПОВОДУ „РАЗЪЯСНЕНІЯ ДИРЕКТОРА НАРОДНЫХЪ
УЧИЛИЩЪ СПБ. ГУБЕРНІИ О ПРАВАХЪ ПОПЕЧИТЕЛЕЙ
НАЧАЛЬНЫХЪ УЧИЛИЩЪ“.**

Въ одномъ изъ педагогическихъ журналовъ, а именно въ „Русскомъ Начальномъ Училищѣ“, издаваемомъ г. Латышевымъ, въ апрѣльской книгѣ текущаго года появилась какъ бы официальная статья, подъ заглавіемъ: „Разъясненіе директора народныхъ училищъ с.-петербургской губерніи о правахъ попечителей начальныхъ училищъ“, г. Латышева. „Права попечителей“, какъ и самая должность, установлены закономъ, учредившимъ эту должность; въ случаѣ неясности того или другого закона, разъясненіе дается циркулярами министерства народнаго просвѣщенія, а въ случаяхъ, подающихъ поводъ къ жалобамъ, правительствующимъ сенатомъ. Въ настоящемъ случаѣ взялъ на себя дать официальное разъясненіе директоръ народныхъ училищъ спб. губерніи. Между прочимъ, въ этомъ разъясненіи говорится, что „въ случаѣ затрудненій (вызываемыхъ распоряженіями попечителей училищъ), учащимъ слѣдуетъ обращаться за разъясненіемъ и рѣшеніемъ возникшихъ вопросовъ къ директорамъ народныхъ училищъ“ (стр. 155). Изъ этого можно заключить, что настоящее разъясненіе ограничивается не одною дирекціею спб. губерніи, но обращается ко всѣмъ такимъ же директорамъ въ имперіи. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ такіе директора могутъ отнестись самостоятельно къ такому разъясненію и сами легко усмотрятъ все то, что, повидимому, было не совсѣмъ ясно и самому автору разъясненія; но журналъ г. Латышева одобренъ, какъ то значитъ на его оберткѣ, Ученымъ Комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія для училищныхъ библіотекъ начальныхъ и городскихъ училищъ, а также учительскихъ семинарій и институтовъ, а потому неясности въ его разъясненіи могутъ ввести въ заблужденіе многихъ другихъ.

Взявъ на себя трудъ разъяснять законы, г. Латышевъ обязанъ былъ прежде всего знать, что приводимые имъ тексты закона должны быть приводимы безъ передѣлокъ текста и пропусковъ цѣлыхъ словъ, хотя бы это и было необходимо для его цѣли. Такъ, онъ приводитъ 14-ю статью „Положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ 1894 года“, опредѣляющую кругъ дѣйствія попечителей школъ такъ: (попечители) „отвѣтствуютъ за порядокъ во вѣреннхъ имъ школахъ“, и при этомъ онъ опускаетъ слово: „вполнѣ“—отвѣтствуютъ. Приводимъ это какъ образецъ свободнаго обращенія съ текстомъ

закона въ статьѣ, которая, однако, претендуетъ на официальный характеръ и публикуется хотя и въ частномъ журналѣ, но отъ имени „директора училищъ спб. губерніи“. Еще съ бѣльшею свободою онъ сдѣлалъ какъ бы руководящіе выводы изъ приведенныхъ имъ и всѣмъ извѣстныхъ законовъ, поддержавъ ихъ какими-то личными наблюденіями, ниѣмъ, конечно, не провѣренными, а именно, что „попечителями школъ (какъ и теперь часто (!?) случается) могутъ быть люди мало развитые, которые, даже и заботясь о школахъ, могутъ быть малосвѣдущими въ учебномъ дѣлѣ, могутъ сильно ошибаться и въ пониманіи школьныхъ порядковъ... Особенно часто въ школахъ проявлялись грубыя даже выходы мало развитыхъ попечителей, устанавливались порядки, при которыхъ попечители распоряжались всѣми мелочами, не оставляя учащимъ никакой самостоятельности“. Въмѣсто того, чтобы разъяснить, какія существуютъ въ законѣ мѣры къ устраненію подобныхъ случайностей, г. Латышевъ выводитъ слѣдующія положенія, которыми, по его мнѣнію, должны руководиться директора народныхъ училищъ по отношенію къ попечителямъ школъ: 1) онъ объявляетъ попечителей „низшими инстанціями“; 2) хотя по закону (ст. 103) попечители „входятъ въ сношенія съ инспекторомъ народныхъ училищъ“, но г. Латышевъ выводитъ изъ этого совершенно свободное заключеніе, что „право *требовать* разъясненій относительно принятыхъ ими (попечителями) рѣшеній прежде всего принадлежитъ инспектору, какъ ближайшей инстанціи“; 3) несмотря, однако, на вышевысказанное имъ же положеніе, — „въ случаѣ затрудненій учащимъ слѣдуетъ обращаться за разъясненіемъ и рѣшеніемъ возникшихъ вопросовъ“ — не къ инспекторамъ, а къ директорамъ, помимо инспекторовъ; и 4) „на экзаменахъ, по существующимъ правиламъ, члены училищныхъ совѣтовъ и попечители школъ (ст. 12, 14, 17, 21, 22) являются *миш* (курсивъ директора народныхъ училищъ спб. губерніи) председателями комиссій, но (?) *экзаменуютъ* (курсивъ его же) учащіе и оцѣнка отвѣтовъ дѣлается сообща“.

Нашъ школьный законъ 1874 года на званіе попечителей смотритъ совершенно иначе, нежели директоръ народныхъ училищъ спб. губерніи, какъ то видно изъ тѣхъ гарантій, которыми обставляется ихъ избраніе, и изъ тѣхъ правъ и обязанностей, которыя на нихъ возлагаются; законодатель самымъ учрежденіемъ этого званія, видимо, желаетъ заинтересовать само общество въ судьбахъ народнаго образованія дарованіемъ ему права избирать изъ среды своей лучшихъ людей, которые взяли бы на себя попеченіе какъ о школахъ, такъ и о проводящихъ въ ней свое дѣтство будущихъ поколѣніяхъ. Вотъ почему, по ст. 13 вышеупомянутаго закона, „земству, а также городскимъ и сель-

скимъ обществамъ, учреждающимъ и содержащимъ начальныя народныя училища, предоставляется для ближайшаго заведыванія ими избирать попечителей и попечительницы". Далѣе: „попечители и попечительницы начальныхъ народныхъ училищъ, равно какъ распорядительницы частныхъ и воскресныхъ школъ, *утверждаются* въ сихъ званіяхъ и *увольняются* отъ оныхъ губернскимъ училищнымъ совѣтомъ (который состоитъ изъ выборныхъ и изъ представителей отъ различныхъ министерствъ), по представленіямъ подлежащаго уѣзднаго училищнаго совѣта (такой же составъ), въ коихъ они имѣютъ право засѣдать и подавать голосъ только по дѣламъ своихъ училищъ и школъ". Наконецъ (ст. 14 того же закона), „попечители и попечительницы начальныхъ училищъ, а равно распорядители и распорядительницы частныхъ и воскресныхъ школъ, *завѣдывая* дѣлами вѣрренныхъ имъ учебныхъ заведеній, входятъ въ сношеніе по онымъ съ инспекторомъ (а не съ директоромъ) народныхъ училищъ и *отомъ* отвѣтствуютъ за порядокъ въ сихъ заведеніяхъ".

Всѣ эти законоположенія очень мало походятъ на выводъ г. директора спб. народныхъ училищъ о томъ, что попечители—не что иное, какъ „низшія инстанціи": чтобы сдѣлаться попечителемъ—для того необходимо испытать на себѣ общественные выборы,—но и этого мало: необходимо, съ одной стороны, представленіе городского или земскаго училищнаго совѣта и, наконецъ, утвержденіе въ этомъ званіи губернскимъ училищнымъ совѣтомъ, гдѣ присутствуютъ и представители отъ правительства. И все это необходимо только для того, чтобы попасть въ „низшую инстанцію", отъ которой инспекторъ будетъ *требовать* разъясненій, а директоръ народныхъ училищъ возьметъ на себя рѣшать участь всѣхъ распоряженій попечителей и „требовать отмѣны неправильнаго (по его личному мнѣнію) распоряженія по учебной части". Спрашивается: кто изъ почетныхъ жителей города или изъ земства приметъ на себя званіе попечителя при такихъ своеобразныхъ взглядахъ директора спб. народныхъ училищъ на званіе попечителя школъ, притомъ возвыщенныхъ имъ—*urbi et orbis*?! Но въ законѣ и въ приведенныхъ авторомъ „разъясненія" статьяхъ нѣтъ даже и намека, оправдывающаго тезисы такого разъясненія—напротивъ: по закону, и инспекторъ, и попечитель—оба состоятъ членами училищнаго совѣта, а потому членъ не можетъ *требовать* отъ сочлена какихъ-нибудь разъясненій, такъ какъ онъ можетъ представить совѣту о неправильныхъ дѣйствіяхъ попечителя, что будетъ притомъ и дѣйствительнѣе, такъ какъ постановленію училищнаго совѣта попечитель обязанъ повиноваться, если не желаетъ, чтобы о немъ было представлено губернскому училищному совѣту, который можетъ его и уволить. Между тѣмъ, личныя „тре-

бованія“ инспектора могутъ только породить одни пререканія, столь нежелательныя вездѣ, но особенно въ такомъ дѣлѣ, какъ училищное, въ которомъ—*concordia parvae res crescunt...*

Присвоеніе себѣ директоромъ спб. народныхъ училищъ права самолично рѣшать всѣ возбуждаемые учащими вопросы, т.-е. жалобы на попечителей, и требовать отъ нихъ тѣхъ распоряженій ихъ, которыя ему лично покажутся неправильными — не только не имѣетъ основанія въ законѣ, но и стоитъ въ прямомъ противорѣчій съ нимъ, такъ какъ всѣ „сношенія“ съ попечителями предоставлены инспектору, къ которому директоръ и можетъ обращаться съ своими требованіями отъ него объясненій, а инспекторъ, если то нужно, предоставитъ училищному совѣту обсудить неправильныя, по его мнѣнію, дѣйствія попечителя.

Толкованіе г-мъ директоромъ народныхъ училищъ спб. губерніи роли попечителей на экзаменахъ мы совсѣмъ отказываемся понимать: попечители и даже члены какъ городского или земскаго, такъ и губернскаго совѣтовъ (въ томъ числѣ, значить, и самъ директоръ народныхъ училищъ?) *лишь* предсѣдательствуютъ въ экзаменаціонныхъ комиссіяхъ, но (?) *экзаменуютъ* учащіе; выходитъ, что попечители и члены обоихъ училищныхъ совѣтовъ *только* предсѣдательствуютъ, но не экзаменуютъ; какъ же это примирить съ здравымъ смысломъ и съ правами предсѣдателей вообще? Какимъ образомъ предсѣдатель будетъ послѣ оцѣнивать отвѣты учащихся сообща съ учащими, когда онъ на экзаменѣ „*лишь*“ предсѣдательствовалъ?

Званіе училищнаго попечителя никакъ нельзя считать „низшею инстанціею“, отданною въ личное распоряженіе директору народныхъ училищъ спб. губерніи; оно служитъ звеномъ, соединяющимъ школу съ обществомъ, съ тѣмъ, чтобы вызвать общество къ содѣйствію успѣхамъ народнаго образованія и заинтересовать его въ судьбахъ школы. Законодатель, поставивъ такъ высоко назначеніе попечителей, обставилъ его всѣми гарантіями противъ неудачнаго выбора: бездѣйствіе или неправильное дѣйствіе попечителя обсуждаются губернскимъ училищнымъ совѣтомъ, который можетъ его и уволить; съ другой стороны, и попечитель огражденъ отъ неправильныхъ, по его мнѣнію, постановленій совѣта правомъ подать жалобу на него правительствующему сенату. Попытка директора народныхъ училищъ спб. губерніи—приравнять попечителей къ чему-то въ родѣ служащихъ въ его канцеляріи—идетъ вообще въ разрѣзъ съ тѣми благими намѣреніями, какія имѣлись въ виду закономъ, установившимъ это званіе—съ цѣлью привлечь лучшія общественныя силы къ содѣйствію въ столь обширномъ и вмѣстѣ важномъ дѣлѣ, каково народное образованіе.—Р.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 іюня 1896.

Новая варіація на тѣму: „Молодежь прежде и теперь“.—„Семидесятники“ и „девятисдесятники“.—Послѣднія обобщенія и преувеличенные страхи.—Еще объ обществахъ грамотности.—Катастрофа на Ходынскомъ погѣ.

Отъ времени до времени въ нашихъ газетахъ и журналахъ выступаетъ на сцену вопросъ о молодомъ поколѣніи, то въ видѣ изслѣдованія, *что представляетъ собою современная* (по преимуществу—учащаяся) *молодежь?*—то въ видѣ указанія, *что она должна быть,* къ чему должна стремиться. Высказываются, при этомъ, болѣею частью преувеличенно-пессимистическіе взгляды, противъ которыхъ намъ не разъ приходилось возражать, основываясь, между прочимъ, на заявленіяхъ самой молодежи¹⁾. Въ недавно появившейся статьѣ: „Молодежь прежде и теперь“ („Русскій Вѣстникъ“, № 5), тѣни сгущены еще больше, черная краска господствуетъ еще сильнѣе, чѣмъ въ прежнихъ варіаціяхъ на ту же тѣму. Авторъ статьи, г. Шараровъ, начинаетъ съ сравненія между „семидесятниками“ и „девятисдесятниками“, крайне невыгоднаго для послѣднихъ. Четверть вѣка тому назадъ материалистическое возрѣніе уживалось въ громадномъ большинствѣ дворянской молодежи, — тогда еще преобладавшей въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, — съ высокимъ нравственнымъ идеализмомъ, съ любовью къ наукѣ, съ ненавистью къ полицейскому строю государственной жизни, съ стремленіемъ къ свободѣ. Отношенія молодыхъ людей къ женщинамъ были въ высшей степени порядочныя. „Въ теоріи“—говоритъ, по собственному опыту, г. Шараровъ — „мы стояли за женскую эмансипацію, за равенство, за женскій трудъ и образование; на практикѣ мы поклонялись женщинѣ... Именно среди дѣятелей, вышедшихъ изъ нашего поколѣнія, преобладаетъ типъ студенческихъ женъ... Я желалъ бы найти хотя одного изъ нашихъ, который бы занялся о приданомъ, или задумалъ бы черезъ жену устроить карьеру; его бы по-просту заплевали“. Уже въ то время, однако, почва, на которой держался идеализмъ, была поколеблена; между младшими товарищами г. Шарарова можно было уже замѣтить (изъ среды разночинцевъ) „эземпляры, прежде невозможные“. Дальше „ихъ все становилось больше, а крѣпкій, могучій, краснощекий дворянскій классъ—все хилѣе“. Разореніе

¹⁾ См. Обществ. Хронику въ № 3 „В. Е.“ за 1894 и въ № 7 за 1895 г.

средняго дворянства и, какъ его результатъ, сословная пестрота учащейся молодежи—вотъ первая причина перемены къ худшему; второю было разочарованіе, причиненное берлинскимъ трактатомъ; третью—реформа гимназій, вызвавшая „мертвенный, беспросвѣтный зубрежъ“ и раннюю деморализацію, какъ послѣдствіе привычки къ школьнымъ обманамъ. Въ концѣ концовъ, получилось молодое поколѣніе физически истощенное, ступѣлое, лишенное всякой тѣни идеализма, лишенное какихъ бы то ни было взглядовъ и убѣжденій, неспособное (кромѣ евреевъ) даже къ полу-механической газетной работѣ, ничего, кромѣ пустяковъ, не читающее. Есть, конечно, и въ современной молодежи „сильные умы, добросовѣстные труженики, почти святые люди“. Идеализмъ „исчезъ у трехсотъ студентовъ, безобразничавшихъ на прошлой масляницѣ, но сосредоточился въ десяти подвижниковъ, ушедшихъ къ безконечному (т.-е., поступившихъ въ монахи); осталась толпа, ни во что не вѣрующая, ничѣмъ не одушевленная“. Между студенческою аристократіей („бѣлыя подкладки“) и студенческимъ плебсомъ нѣтъ ничего общаго. Каждая изъ высшихъ школъ живетъ особнякомъ, прежняго ихъ единенія нѣтъ и въ поминѣ. Если въ средѣ молодежи и есть что-нибудь похожее на либеральное или отрицательное направленіе, то оно усвоено машинально, съ чужого голоса, преимущественно отъ коноводовъ-евреевъ, враждебно относящихся ко всему русскому и христіанскому. Женщина, въ глазахъ нынѣшнихъ юнцовъ, есть „прежде всего ступень для шествованія вверхъ, или развлеченіе съ гарантіей отъ болѣзни“; бываютъ увлеченія, но „шкурные инстинкты зорко ихъ сторожатъ и пресѣкаютъ“... Въ концѣ статьи г. Шарановъ неожиданно привлекаетъ къ отвѣту и прежнія поколѣнія, не исключая только что превознесенныхъ имъ „сеmidесятниковъ“. „Чѣмъ мы живемъ?“—спрашиваетъ онъ всѣхъ насъ,—„во что вѣруемъ, нашъ энтузіазмъ отъ большого шлема въ бубнахъ куда направленъ? Исторія какъ-то зло подшутила надъ нами: зажгла передъ Россіей блестящую вдохновенную иллюминацію реформъ Александра II; затѣмъ иллюминація погасла, и намъ предъявленъ счетъ издержекъ, по которому платить нечѣмъ... Лучей эпохи 12-го года хватило на все царствованіе Николая I; грандіознаго подъема 1877 г. не хватило и на одинъ годъ. Наши отцы воспитались на рассказахъ дѣдовъ о Бородинѣ, о пожарѣ Москвы, о взятіи Парижа. Сами они пережили 19-е февраля, земство, свободу печати, новый судъ, отмѣну тѣлесныхъ наказаній. Сами мы видѣли Балканы, Шипку, но не расскажемъ о нихъ нашимъ дѣтямъ такъ, какъ дѣды намъ про 12-й годъ: берлинскій трактатъ мѣшаетъ! А наши дѣти, та молодежь, что сейчасъ въ гимназіяхъ и университетахъ,—тѣ что видѣли? Франко-русскую дружбу,

руско-германскій договоръ, конверси, тарифы? Увы, все это такого рода историческія явленія, которыхъ недостаточно для того, чтобы поднять духъ на подобающую высоту.. Молодежь не выражаетъ никакого энтузіазма,—а мы? Молодежь ни во что не вѣруетъ, а мы? Молодежь не имѣетъ убѣжденій—будто у насъ они крѣпки и ясны"! Просвѣта впереди г. Шараповъ не видитъ; онъ боится, что у отцовъ- „космополитовъ“ дѣти окажутся „дикарами“; современное „одичалое“ настроеніе ему страшно, но еще страшнѣе неизвѣстность,—„во что все это выльется и какъ уложится“?

Таково, въ главныхъ чертахъ, содержаніе статьи г. Шарапова, въ которой небольшая доля правды тонетъ среди массы преувеличеній и ошибокъ. Авторъ безусловно правъ, когда указываетъ на губительное вліяніе гимназической реформы, правъ, въ значительной степени, и тогда, когда говоритъ, что у современной молодежи слишкомъ мало впечатлѣній и воспоминаній, могущихъ возвысить ее надъ сѣрою, безотрадною дѣйствительностью; онъ правъ, наконецъ, въ своемъ горькомъ упрекѣ старшимъ поколѣніямъ, щедрѣ надѣленнымъ судьбою, но растерявшимъ ея дары. Онъ не правъ, прежде всего, когда рисуетъ въ слишкомъ розовомъ цвѣтѣ семидесятые годы. Самъ авторъ учился, судя по его разсказу, въ специальномъ и, по видимому, даже закрытомъ учебномъ заведеніи. Весьма можетъ быть, что своихъ ближайшихъ товарищей онъ характеризуетъ болѣе или менѣе вѣрно—неволью, развѣ, впадая въ нѣкоторую идеализацію, почти неизбѣжную при ретроспективномъ обзорѣ лучшихъ годовъ жизни. Несомнѣнно ошибочнымъ, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ признать распространеніе этой характеристики на всю тогдашнюю учащуюся молодежь, или хотя бы на значительно болѣею часть ея. Въ семидесятыхъ годахъ число учащихся въ университетахъ, особенно столичныхъ, было такъ значительно, составъ ихъ—такъ разнообразенъ, что никакой общей оцѣнкѣ настроеніе всей университетской молодежи уже тогда не поддавалось. Уже тогда существовало различіе между студенческой „аристократіей“ и студенческимъ „плебсомъ“, которое въ послѣднее время сдѣлалось только болѣе яркимъ и замѣтнымъ (отчасти—вслѣдствіе введенія формы, которою студентъ рѣзко отличается отъ не-студента). Уже тогда студенты принадлежали ко всѣмъ возможнымъ общественнымъ слоямъ и приносили съ собою въ университетъ весьма различныя зачатки умственного и нравственного развитія. Уже тогда не было студенческой корпораціи, въ смыслѣ единого цѣлаго, а были съ одной стороны кружки, составлявшіеся съ различными цѣлями и подъ различными вліяніями, съ другой—безформенная масса, проходившая черезъ университетъ, какъ черезъ необходимое преддверіе къ практической дѣятельности. Напрасно

утверждаетъ г. Шараповъ, что правительство, въ началѣ семидесятыхъ годовъ, было еще „совсѣмъ либерально“; можно, въ случаѣ надобности, даже доказать, что ни въ пятидесятыхъ, ни въ шестидесятыхъ, ни, тѣмъ менѣе, въ семидесятыхъ годахъ—этотъ эпитетъ къ нему не подходилъ. Къ числу руководящихъ дѣятелей того времени принадлежатъ шефъ жандармовъ, гр. П. А. Шуваловъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, А. Е. Тимашевъ...

Вторая капитальная ошибка г. Шарарова заключается въ томъ чудовищно-преувеличенномъ значеніи, которое онъ, повторяя слова И. С. Аксакова, придаетъ берлинскому трактату, какъ фактору нашей внутренней жизни. Кто хорошо помнитъ конецъ семидесятыхъ годовъ, тотъ знаетъ, что лѣто 1878 г. ничего не измѣнило въ положеніи дѣлъ внутри страны. Печальныя событія, ознаменовавшія собою періодъ времени съ августа 1878-го по февраль 1880-го года, не имѣютъ ничего общаго съ исходомъ восточной войны—и, наоборотъ, состоятъ въ тѣснѣйшей связи съ такими фактами, какъ политическіе процессы 1877-го года и покушеніе на жизнь генерала Трепова (явн. 1878), предшествовавшіе берлинскому конгрессу. Все великое въ подвигахъ нашихъ войскъ на Шипкѣ, подъ Плевной, во время зимнихъ переходовъ черезъ Балканы, остается великимъ помимо конечныхъ результатовъ войны, подобно тому, какъ оборона Севастополя не меркнетъ отъ уступокъ парижскаго трактата. Если рассказы о Шипкѣ и даже о Севастополѣ не производили и не производятъ того дѣйствія на умы, которое имѣли, въ свое время, воспоминанія 1812-го года, то это объясняется не столько блескомъ побѣдъ надъ Наполеономъ I-мъ, сколько различіемъ эпохъ—сравнительнымъ охлажденіемъ къ военной славѣ, появленіемъ на первомъ планѣ вопросовъ, мало кого интересовавшихъ въ Россіи начала XIX-го вѣка. Отраженный свѣтъ, падавшій на царствованіе Николая I-го отъ лучей 1812-го года, не отличался, впрочемъ, большою яркостью и способствовалъ оптическимъ обманамъ, не дешево стоившимъ Россіи. Передъ самой крымской войной у насъ ходило по рукамъ стихотвореніе, начинавшееся словами: „Вотъ въ воинственномъ азартѣ воевода Пальмерстонъ“... и резонировавшее такъ: „если дядюшка безъ славы изъ Руси вернется вспять, то племянничку подавно и въ дали не сдобровать“... Въ этихъ словахъ выразилось весьма рельефно самообольщеніе, широко распространенное тогда въ русскомъ обществѣ и не оставшееся безъ вліянія на ходъ событій. Самоувѣренность, внушенная прежними триумфами, сдѣлалась однимъ изъ источниковъ поражений... Какъ бы то ни было, не на воспоминаніяхъ 1812-го года было воспитано поколѣніе, вынесшее на своихъ плечахъ великія реформы императора Александра II-го;

лучшіе его люди могли сказать о себѣ вмѣстѣ съ поэтомъ, что въ основаніи ихъ любви къ родинѣ лежитъ не „слава, купленная кровью“, не „полный гордаго довѣрія покой“... Если разочарованія 1853—56 гг. не только не помѣшали, но содѣйствовали подъему духа, создавшему новую Россію, то не странно ли придавать какой-то роковой смыслъ разочарованіямъ 1878 г.? Не дальше, какъ два года спустя, „диктатура сердца“ положила начало новому циклу преобразованій — и если онъ остался незаконченнымъ, то причину этому слѣдуетъ опять искать уже конечно не въ берлинскомъ трактатѣ.

Переходимъ къ настоящему. Окунуть его однимъ взглядомъ, подмѣтить всѣ совершающіяся въ немъ движенія, отвести каждому изъ нихъ соответствующее мѣсто въ общей картинѣ — задача трудная, почти неисполнимая. Если г. Шараровъ рѣшаетъ ее сплеча, ни мало не сомнѣваясь въ непогрѣшимости своихъ заключеній, то это объясняется крайнею скудостью матеріала, которымъ онъ располагаетъ и кромѣ котораго ничего знать не хочетъ. Въ самомъ дѣлѣ, весь запасъ фактовъ, съ которыми оперируетъ г. Шараровъ, заимствуется имъ изъ личныхъ наблюденій, по необходимости ограниченнхъ и случайныхъ. Безчисленные и разнообразныя элементы, изъ которыхъ слагается учащаяся молодежь, нелегко поддаются изученію даже для тѣхъ, кто стоитъ посреди нихъ, соприкасается съ ними ежедневно и ежечасно. Чтобы не впасть въ грубую ошибку, нужно сравнить одни учебныя заведенія съ другими, и не только въ одномъ, но во всѣхъ университетскихъ городахъ; нужно прослѣдить измѣненія, которымъ подвергается молодежь во время прохожденія курса (извѣстно, что между младшими и старшими возрастами одной и той же высшей школы всегда существуетъ болѣе или менѣе значительная разница); нужно знать, какъ она вступаетъ въ жизнь и долго ли сохраняетъ слѣды вліяній, испытанныхъ на школьной скамьѣ. Такая работа можетъ быть исполнена только коллективными силами, только въ теченіе многихъ лѣтъ, только подъ условіемъ изслѣдованія всѣхъ формъ, которыя принимаетъ дѣятельность молодежи. Само собою разумѣется, что рядомъ съ коллективной работой остается мѣсто и для личныхъ впечатлѣній — но, дѣлясь ими съ публикой, нужно помнить, что это именно только *впечатлѣнія*, и не выдавать ихъ за нѣчто большее, какъ это дѣлаетъ г. Шараровъ. *Замѣнить* его окончательные выводы другими, столь же рѣшительными, мы, конечно, не беремся, потому что не обладаемъ его смѣлостью; но его *утвержденія* мы противопоставимъ свои, основанныя далеко не на одномъ только личномъ опытѣ. Кто изъ насъ правъ — пускай судятъ люди, близко стоящіе къ учащейся молодежи; но еще вѣрнѣе разсудить будущее, когда переживаемая нами минута сдѣлается достояніемъ исторіи.

Начнемъ съ нѣсколькихъ отдѣльныхъ положеній, выставляемыхъ г. Шаратовымъ какъ нѣчто достовѣрное и общезвѣстное. Современная молодежь, по его словамъ, страдаетъ полнымъ отсутствіемъ идеализма въ отношеніяхъ къ женщинамъ. Въ переводѣ на болѣе точный языкъ это нужно читать такъ: г. Шаратовъ не видалъ, въ послѣднее время, молодыхъ людей, способныхъ любить безкорыстно и жениться по любви — а молодые люди иного типа встрѣчались ему нерѣдко. Въ нашихъ глазахъ случайный характеръ этого наблюденія не подлежитъ никакому сомнѣнію уже потому, что намъ постоянно приходилось и приходится видѣть нѣчто прямо противоположное. Еслибы насъ спросили, часто ли теперь молодые люди женятся вслѣдъ за окончаніемъ курса (или даже до его окончанія), то мы отвѣтили бы утвердительно, основываясь на множествѣ лично намъ извѣстныхъ случаевъ — и прибавили бы, что ни въ одномъ изъ этихъ случаевъ расчетъ не игралъ сколько-нибудь замѣтной роли. Повторяемъ еще разъ: мы не думаемъ заподозривать правдивость г. Шаратова, мы не отрицаемъ, что отправной его точкой служатъ безспорные факты — но онъ слишкомъ спѣшитъ обобщать ихъ, и это приводитъ его къ совершенно несправедливымъ разговорамъ. Вопросъ о томъ, какъ любятъ современные молодые люди, почему они женятся или не женятся, нужно оставить открытымъ; для категорическаго его рѣшенія нѣтъ, да и не можетъ быть достаточныхъ данныхъ. Возьмемъ другой примѣръ: по мнѣнію г. Шаратова, каждая высшая школа живетъ теперь особнякомъ, прежняго ихъ единенія нѣтъ и въ поминѣ. Что единеніе ихъ нѣсколько ослабѣло или, лучше сказать, рѣже прежняго находить для себя внѣшнее выраженіе—это мы готовы признать, да это и не можетъ быть иначе, въ виду усиленныхъ мѣръ строгости и удвоеннаго надзора; но отсюда еще не слѣдуетъ, что общеніе между школами прекратилось вовсе. Г. Шаратовъ слишкомъ расположенъ аргументировать такъ:—этого я не знаю — слѣдовательно это не существуетъ! Ему не мѣшало бы вспомнить, что всевѣдущимъ не считалъ себя даже Мефистофель: „allwissend bin ich nicht, doch viel ist mir bewusst!“—примѣнима ли къ г. Шаратову вторая часть мефистофельскаго изреченія — въ этомъ, по прочтеніи его статьи, позволительно усомниться. Да и можетъ ли быть, чтобы отношенія между учащимися различныхъ высшихъ учебныхъ заведеній не поддерживались хотя бы общностью товарищескихъ воспоминаній, вынесенныхъ ими изъ средней школы?..

До какой степени мало знакомъ г. Шаратовъ съ студенческою жизнью—это доказывается лучше всего антитезой, которую онъ проводитъ между тремя стаями студентовъ, безобразничавшими на про-

шлой масляницѣ, и десяткомъ студентовъ-подвижниковъ, „ушедшихъ къ безконечному“ (т.-е. поступившихъ въ монахи). Итакъ, вся слѣшкомъ двухтысячная толпа, заключенная между этими крайними полюсами—одна сплошная сѣрая масса, безъ вѣры, безъ идеаловъ, неспособная къ энтузіазму? Еслибы г. Шараповъ присмотрѣлся хоть сколько-нибудь ближе къ тому, какъ и чѣмъ живетъ молодежь, онъ не могъ бы не знать, что въ этой толпѣ существуетъ безконечное разнообразіе теченій, безконечное множество ступеней между тупымъ равнодушіемъ и беззаветнымъ одушевленіемъ, между погруженіемъ въ житейскую прозу и освобожденіемъ, тѣмъ или другимъ путемъ, изъ-подъ ея власти. Какую роль играетъ каждый отдѣльный отгѣнокъ, какова его количественная и качественная сила, кого онъ притягиваетъ къ себѣ и кого отъ себя отталкиваетъ—этого нельзя опредѣлить даже приблизительно, уже потому, что здѣсь нѣтъ и не можетъ быть постоянныхъ величинъ, а только однѣ переменныя. „Бѣлыя подкладки“, винтъ, карьера, расчетъ—все это, безспорно, играетъ роль въ студенческой средѣ и даже мечется въ глаза, но этимъ не исчерпывается и малая доля интересовъ, которыми живетъ учащаяся молодежь. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только перенестись мысленно къ исторіи послѣднихъ народныхъ бѣдствій—неурожаевъ и эпидемій—совершенно упущенной изъ виду г. Шаратовымъ. Къ счастью, не у всѣхъ такъ коротка память, и подробно говорить о томъ, чему еще столь недавно было свидѣтелемъ все русское общество, было бы совершенно излишне. Устремились служить народу—часто при самыхъ тяжелыхъ и трудныхъ условіяхъ, иногда съ опасностью жизни, — не тѣ подвижники, о которыхъ упоминаетъ г. Шаратовъ, а десятки и сотни „идеалистовъ“ другого типа, не отказывавшихся отъ міра, но готовыхъ на всѣ лишенія, на всѣ жертвы. Если г. Шаратовъ проглядѣлъ движеніе 1891 и 1892 г., совершившееся, можно сказать, на глазахъ у всей Россіи, то неудивительно полнѣйшее игнорированіе имъ такихъ фактовъ, какъ громадное, особенно въ восьмидесятыхъ годахъ, вліяніе идей Л. Н. Толстого, какъ воскресшій интересъ къ этическимъ проблемамъ, какъ стремленіе къ самообразованію, съ давно небывалою силой распространившееся именно въ послѣднее время, какъ споръ объ экономическомъ матеріализмѣ, свидѣтельствующій о способности молодежи увлекаться вопросами научнаго характера и мн. др.

Совершенно иначе, чѣмъ г. Шаратовъ, смотря на фактическое положеніе дѣла, мы не можемъ, конечно, раздѣлять его опасеній, внушаемыхъ ему будущимъ русскаго общества. Многое, безспорно, остается сдѣлать, чтобы загладить вредъ, причиненный Россіи гимназическою реформой 1871 г.; многое нужно передѣлать и въ университетахъ,

несомнѣнно и сильно опустившихся послѣ изданія новаго университетаго устава; многое, наконецъ, должно измѣниться и въ самомъ обществѣ, уровень котораго всегда въ большей или меньшей степени, отражается и на молодежи. Слишкомъ невелика, быть можетъ, та часть молодого поколѣнія, которой не коснулся общій нравственный и умственный упадокъ—но она достаточна, какъ залогъ дальнѣйшаго развитія. Движущимъ началомъ въ средѣ молодежи всегда было меньшинство—и меньшинство не особенно большое; измѣнчивыя вѣянія времени расширяють или суживають его размѣры, но уничтожить его всецѣло они бессильны. Въ благоприятныя минуты масса приближается къ меньшинству, въ неблагоприятныя—отдаляется отъ него; но именно потому она и не можетъ служить вѣрнымъ показателемъ взглядовъ и чувствъ, характеристичныхъ для даннаго поколѣнія. Если въ рядахъ учащейся молодежи и встрѣчаются „дивари“, то не отъ нихъ, во всякомъ случаѣ, зависитъ будущее...

Мы говорили въ предъидущей хроникѣ о новомъ уставѣ общества грамотности. Его защиту приняли на себя, какъ и слѣдовало ожидать, тѣ органы нашей печати, которые всего больше усердствовали въ нападеніяхъ на прежніе комитеты грамотности. Они очень удивлены, что „либеральная“ печать возстаетъ противъ способа пополненія новыхъ обществъ, т.-е. противъ возможности для каждаго вступить въ члены общества грамотности, безъ рекомендаціи и безъ баллотировки, съ уплатою только членскаго взноса. „Проповѣдую всяческую свободу и возможную отгѣну какихъ бы то ни было ограниченій“—восклицаютъ „Московскія Вѣдомости“, — „органы ея (т.-е. либеральной печати) всегда особенно дорожили широкимъ доступомъ общества и его отдѣльныхъ представителей къ дѣлу народнаго образованія“; отчего же они теперь недовольны „чрезмѣрной демократизаціей“ общества грамотности? Реакціонная газета впадаетъ здѣсь, очевидно, въ весьма странную ошибку, примѣняя одну и ту же мѣрку къ обществамъ—и къ отдѣльнымъ лицамъ, къ *учрежденію* обществъ—и къ ихъ внутреннему *устройству*. Въ самомъ дѣлѣ, чего желали и желаютъ тѣ, кому дорога общественная инициатива въ области народнаго образованія?—конечно, возможно ббльшей отгѣны ограниченій и препятствій, встрѣчающихся на этомъ пути—но отнюдь не устраненія свободно сложившихся или слагающихся организацій, устанавливающихъ для себя извѣстныя правила и извѣстный порядокъ дѣйствій. Нуженъ просторъ для каждаго отдѣльнаго лица, желающаго потрудиться на пользу народнаго просвѣщенія, нуженъ просторъ и для совокупности лицъ, желающихъ совмѣстно работать

на этомъ поприщѣ—но нѣтъ никакой надобности искусственно соединять въ одно цѣлое людей, между которыми нѣтъ, быть можетъ, ничего общаго. Пускай рядомъ съ однимъ обществомъ возникаетъ другое, третье и т. д., и пускай каждое изъ нихъ регулируетъ свою собственную организацію, въ предѣлахъ и на почвѣ закона. Заменутыя общества—заменуты въ томъ смыслѣ, что двери ихъ отворяются не для каждаго желающаго—существуютъ въ самыхъ демократическихъ странахъ; и это очень понятно, потому что существеннымъ условіемъ успѣшной дѣятельности общества является, въ большинствѣ случаевъ, взаимное довѣріе и уваженіе его членовъ, возможное, въ свою очередь, только при ихъ *избраніи*. Общество, составъ котораго предоставленъ случаю, перестаетъ быть живымъ организмомъ; оно становится простою агломерацией, случайнымъ участникамъ которой крайне трудно спѣться при выборѣ должностныхъ лицъ, при составленіи программы дѣйствій, при осуществленіи составленнаго плана. Намекъ московской газеты на исключительность прежнихъ комитетовъ грамотности, „не допускавшихъ въ свою среду, изъ чувства самосохраненія, лицъ не сочувствующихъ крайностямъ ихъ направленія“, едва ли имѣетъ фактическое основаніе; забаллотированіе въ члены комитета было, если мы не ошибаемся, явленіемъ рѣдкимъ—но весьма можетъ быть, что рѣшительные противники комитетовъ сами не хотѣли принимать участія въ несимпатичномъ для нихъ дѣлѣ. Ничто не мѣшало имъ образовать свое особое общество и увеличить, такимъ образомъ, сумму силъ, работающихъ на пользу начальной школы. Свободная конкуренція обществъ, различно организованныхъ и различно дѣйствующихъ, несомнѣнно принесла бы большую пользу, способствуя, между прочимъ, сравнительной оцѣнкѣ разнообразныхъ средствъ, методовъ, пріемовъ попеченія о начальномъ образованіи, школьномъ и внѣ-школьномъ. При такомъ положеніи дѣла не лишнимъ, быть можетъ, представлялся бы и опытъ съ „открытыми“, т.-е. для всѣхъ доступными обществами; но совсѣмъ иное значеніе они имѣютъ теперь, появляясь на развалинахъ прежнихъ комитетовъ.

Приведемъ еще одинъ забавный аргументъ, съ помощью котораго московская газета пытается доказать, что уставъ обществъ грамотности не можетъ быть разсматриваемъ какъ признакъ недовѣрія къ общественной самодѣятельности. „Общественная самодѣятельность“—воскликаетъ газета—„исключительно пользуется у насъ широкимъ просторомъ, проявляясь въ союзахъ сословныхъ, городскихъ, земскихъ и другихъ. Крестьянскій міръ старъ, какъ старая Русь, и пользуется свободой едва ограниченной“... Совершенно игнорируя законы 1889, 1890 и 1892 г., столь существенно ограничившіе крестьянское, земское и городское самоуправленіе, апологетъ новаго учрежденія упу-

скаеть изъ виду, что самодѣтельность союзовъ, имѣющихъ государственное значеніе—далеко не одно и то же, что самодѣтельность частныхъ обществъ. Последняя существовала у насъ уже тогда, когда еще не было рѣчи ни о земскомъ, ни о городскомъ самоуправленіи, а крестьянскій міръ хотя и существовалъ, но внѣ закона и помимо закона. Когда Екатерина II, сто тридцать лѣтъ тому назадъ, основала вольное экономическое общество, она дала ему все то, въ чемъ отказано новымъ обществамъ грамотности—выборъ своихъ членовъ, свободный выборъ должностныхъ лицъ (не исключая и самого президента), возможность дѣйствовать безъ предварительнаго начальственнаго разрѣшенія. Неужели нужны, затѣмъ, еще какія-нибудь доказательства тому, что уставъ 12-го марта, отмѣнившій всѣ эти гарантіи, свидѣтельствуеть о „недовѣрии къ общественной самодѣтельности“? „Если реформой“—продолжаютъ „Московскія Вѣдомости“—, и выражено какое-либо недовѣріе, то никакъ не общественной самодѣтельности, а развѣ небольшому кружку лицъ, придавшихъ комитетамъ грамотности тенденціозный характеръ“... Это совершенно невѣрно. Недовѣріе къ „небольшому кружку“ выражается усиленіемъ надзора за его дѣятельностью, а отнюдь не установленіемъ новаго порядка, въ силу котораго мѣсто свободно дѣйствовавшей корпораціи занимаетъ совокупность лицъ, зависящихъ отъ администраціи и во всемъ ею руководимыхъ...

19-го мая въ газетахъ появилось слѣдующее правительственное сообщеніе:

„Съ вечера 17-го мая въ Москвѣ вокругъ Ходынского поля начали собираться массы городского и пришлаго народа, въ нѣсколько сотъ тысячъ человекъ, для участія въ гуляньѣ 18-го мая. Начало праздника и раздача подарковъ были назначены съ 10 часовъ утра, но толпа, не дождавшись этого времени и прибытія всѣхъ лицъ, долженствовавшихъ руководить праздникомъ, съ неудержимой силой, ранѣе 6 часовъ утра, бросилась въ беспорядкѣ въ узкіе проходы между деревянными палатками, гдѣ помѣщались буфеты, при чемъ многіе повалены на землю и задавлены нахлынувшимъ народомъ. Беспорядочное движеніе толпы продолжалось недолго, послѣ чего немедленно были приняты мѣры къ подачѣ помощи пострадавшимъ и къ выясненію числа жертвъ; при этомъ было поднято мертвыхъ 979 и тяжело раненыхъ 459 лицъ; изъ числа послѣднихъ многіе въ опасномъ положеніи; пострадавшимъ оказана медицинская помощь и будетъ выдано, по Высочайшему повелѣнію, пособіе; независимо сего, Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть выдать

по 1.000 руб. на каждую осиротѣвшую семью и покрыть расходы на погребеніе погибшихъ“.

Въ сравненіи съ этой страшной, безпримѣрной катастрофой незначительнымъ кажется даже бѣдствіе, происшедшее 14-го мая въ Минскѣ: въ губернаторскомъ саду, во время народнаго гулянья, также съ даровымъ угощеніемъ, около 11 ч. ночи, наплывомъ толпы были сломаны перила на мосту черезъ р. Свислочь, и масса народа попала въ воду. По слухамъ,—прибавляетъ газета, сообщившая это извѣстіе („Сынъ Отечества“),—дѣло не обошлось безъ жертвъ. Въ Петербургѣ, 14-го и 15-го мая, произошли беспорядки другого рода, о которыхъ въ „Юридической Газетѣ“ помѣщенъ слѣдующій рассказъ очевидца. „Въ 10 ч. веч. на Невскомъ проспектѣ (за Аничкинымъ мостомъ) показались мальчишки и подростки, перебѣгавшіе съ одной стороны улицы на другую и съ крикомъ „ура“ срывавшіе съ прохожихъ шапки. За ними слѣдовали полчища пьяной толпы, запрудившія Невскій проспектъ, толкая прохожихъ, нанося имъ удары и срывая шляпы у дамъ и мужчинъ. На нашихъ глазахъ толпа провозжала ударами кулака въ голову желавшаго скрыться отъ нея какого-то хорошо одѣтаго молодого человѣка. Около 11 часовъ вечера одинъ изъ буяновъ привязался къ старшему дворнику того дома, въ которомъ мы живемъ; къ нему присоединились и другіе, и дворникъ, вмѣстѣ съ подручными, былъ отгѣсненъ подъ своды воротъ, которыя нѣсколко были заперты; но толпа, требуя выдачи дворника, двинулась, разгромила ворота и ворвалась во дворъ. Тотчасъ явился приставъ съ полицейскими чинами и двѣнадцатью дворниками, но всѣ принятые имъ мѣры оказались недостаточными. Толпа отодвинула полицію къ воротамъ, а застрѣльщики стали дѣлать одиночныя нападенія на чиновъ полиціи, на которую, наконецъ, посыпался градъ камней. Однимъ изъ первыхъ пострадалъ приставъ, который упалъ, потерявъ сознаніе. Его, окровавленнаго, съ раненою головою, успѣли чрезъ заднія двери внести въ помѣщеніе нашей квартиры, гдѣ уже скрывался и старшій дворникъ дома. Между тѣмъ толпа, вооружившись булыжниками изъ мостовой, вѣсомъ отъ двухъ до пяти фунтовъ, стала выбивать окна въ ближайшихъ къ ней домахъ, при чемъ наиболѣе пострадалъ домъ № 59. Только благодаря казакамъ, вызваннымъ генераломъ Клейгельсомъ, лично прибывшимъ на мѣсто происшествія, былъ приостановленъ дальнѣйшій разгромъ. Такой же вызывающій характеръ имѣла толпа и на другой день вечеромъ, когда около 10 часовъ снова показались мальчишки и подростки, а за ними толпа полупьяныхъ мастеровыхъ и фабричныхъ, заполонившая Невскій проспектъ. Буйное полчище слѣдовало съ вызывающимъ видомъ, набрасываясь на мирныхъ гражданъ: то же срываніе шапокъ и проч.

Только сдержанностью мирныхъ обывателей, а также полиціи и дворниковъ, можно объяснить, что на Невскомъ проспектѣ обошлось безъ особыхъ на этотъ разъ приключеній, хотя, повторяемъ, наглости этой толпы не было предѣловъ. Мы сами видѣли противъ д. № 88, что одинъ изъ полицейскихъ служителей вынужденъ былъ неоднократно полубождать свою шапку, чтобы останавливать вызывающій противъ него образъ дѣйствій коноводовъ разгуливавшей толпы. Казачьи отряды разогнали это безобразное полчище, очищая отъ него средина Невскаго проспекта. Развоенныя силы этой уличной толпы группировались на тротуарахъ, смѣшиваясь съ остальною публикою, при чемъ при малѣйшихъ недоразумѣніяхъ съ одной стороны улицы перебѣгали на другую. Поведеніе толпы пьяныхъ фабричныхъ рабочихъ сдѣлалось невозможнымъ, терпѣніе столичной администраціи было переполнено. Энергично принятыми ею мѣрами былъ положенъ конецъ безобразію—и вечеръ 16-го мая прошелъ уже вполне благополучно. Слѣдствіе объ этихъ безпорядкахъ уже начато судебнымъ слѣдователемъ“.

Тяжелую и печальную думу возбуждаютъ всѣ эти происшествія, въ особенности ужасное несчастіе, разразившееся на Ходынскомъ полѣ и превосходящее по числу жертвъ всѣ извѣстныя намъ желѣзнодорожныя крушенія,—всѣ, если мы не ошибаемся, бѣдствія на морѣ; не мало найдется упорныхъ сраженій, стоившихъ меньшаго числа убитыхъ. Всякой громадной толпѣ свойственна стихійная сила, при неблагоприятномъ стеченіи обстоятельствъ легко принимающая разрушительный характеръ. Предупредить такое превращеніе одними внѣшними мѣрами предосторожности далеко не всегда возможно—хотя, конечно, онѣ обязательны и необходимы. Когда людское море исчисляется десятками, сотнями тысячъ головъ, сдерживать его и управлять имъ можетъ только внутренняя дисциплина, порождаемая наслѣдственностью культурныхъ нравовъ, укрѣпляемая размышленіемъ и самообладаніемъ. Вотъ этой-то дисциплины слишкомъ мало въ русской народной толпѣ, даже тогда, когда она не смущена, не взволнована, не охвачена ни паникой, ни подозрительностью, ни гнѣвомъ. Только этимъ можно объяснить поразительное несоотвѣтствіе между *поводомъ* къ натиску толпы на Ходынскомъ полѣ, т.-е. желаніемъ поскорѣе получить подарокъ и угощеніе—и ужасающими его *результатами*. Сразу создать навыки, развивающіеся чуть не вѣками, немислимо—но возможно ускорить и усилить дѣйствіе причинъ, ведущихъ къ ихъ созданію. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что въ числу такихъ причинъ никакъ не принадлежитъ *страхъ*, въ своихъ разнообразныхъ формахъ—страхъ наказанія, страхъ передъ судомъ, страхъ передъ начальствомъ. Этого страха у насъ достаточно, надъ его распро-

страненіемъ и обостреніемъ трудилась почти вся русская исторія—но продолжительный опытъ, завершаемый катастрофой 18-го мая, убѣждаетъ въ томъ, что гарантіей порядка, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, страхъ служить не можетъ. Наоборотъ, подъ господствомъ страха грубѣютъ нравы, а грубость толпы—постоянная угроза общественной безопасности и общественному спокойствію. Медленно, но вѣрно ведетъ къ цѣли одно лишь воспитаніе народа, понимаемое, конечно, не только въ смыслѣ обученія грамотѣ или вообще школьнаго обученія (и притомъ „дешеваго“), но въ смыслѣ общаго развитія, умственнаго и нравственнаго, начинающагося въ школѣ и продолжающагося за ея стѣнами. Немалое значеніе могло бы имѣть и распространеніе въ средѣ народа и развлеченій болѣе высокаго типа, чѣмъ доступны для него въ настоящее время. Привыкнувъ къ нимъ, онъ не устремлялся бы съ такой неудержимой силой къ даровымъ удовольствіямъ, предлагаемымъ ему въ особенно торжественныя минуты государственной жизни. Далекое не послѣднюю роль, наконецъ, могъ бы сыграть, съ занимающей насъ точки зрѣнія, подъемъ матеріальнаго благосостоянія народа, при которомъ для него не была бы дикою винкой, рѣдкостью нѣсколько улучшенная пища или горсть лакомствъ... Въ беспорядкахъ на Невскомъ проспектѣ особенно поразительна одна черта—неуваженіе къ личности, выражающееся въ срываніи шапокъ. Не состоитъ ли оно въ тѣсной связи съ тѣмъ униженнымъ обращеніемъ, которое слишкомъ часто испытываютъ на себѣ у насъ такъ называемые низшіе классы? Не пускаютъ ли они въ ходъ, подъ вліяніемъ возбужденія, ту самую монету, которую сплошь и рядомъ получаютъ? Болѣе серьезныя насильственныя дѣйствія были, конечно, дѣломъ немногихъ—но срываніе шапокъ, служившее какъ бы прелюдіей къ этимъ дѣйствіямъ, практиковалось, повидимому, въ весьма широкихъ размѣрахъ...

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ТРЕТЬЯГО ТОМА

МАЙ — ІЮНЬ 1896.

Книга пятая. — Май.

	СТР.
Наше недавнее прошлое.—I-VI.—Н. КОТЛЯРЕВСКАГО	5
Княгиня.—Романъ въ двухъ частяхъ.—Часть вторая: XXI-XXIX.—П. Д. БО- БОРЬКИНА	28
Восточный основн русскаго велиннаго эпоса. — IX-XII.—Окончаніе. — Г. ПО- ТАНИНА	65
Неоконченная повѣсть.—Вторая часть: IV-VII.—А. АПУХТИНА	102
На сибирскихъ золотыхъ промыслахъ.—I-II.—В. И. СЕМЕВСКАГО	147
Черный алмазъ.—Diamond noir. Roman, par J. Aicard.—VII-XII.—А. Б-Г-	176
Стихотворенія.—I. Изъ Верлена.—II. Изъ Байрона.—Пер. С. ОРЛОВСКАГО	217
Народная поэзія въ ея историко-литературныхъ отношеніяхъ.—II.— А. Н. ПЫПИНА	220
Старость.—Стих. А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА	266
Экономическая теорія Маркса.—II.—Окончаніе.—Л. З. СЛОНИМСКАГО	267
Стихотворенія.—Изъ Гейне: I-II.—Подъ сводомъ задумчивыхъ сосенъ.—Ночь въ бѣлой одеждѣ.—М. МАРИЕЪ	286
Живое вещество.—Д. ДАНИЛЕВСКАГО	289
Стихотворенія.—Лучами зрѣнхъ грѣхъ.—В. ПОЛТАВЦЕВА	337
Хроника.—Дневная реформа.—Л. З. СЛОНИМСКАГО	338
Внутреннее Овозрѣніе. — Московское губернское земство и всеобщее обученіе. —Движеніе къ той же цѣли въ вятскомъ губернскомъ земствѣ. — Еще о судѣ присяжныхъ: примѣръ западной Европы, „кассационныя придрки“, связь вердикта съ предшествовавшимъ производствомъ, статистическія данныя, необходимость широкаго изслѣдованія.—Одва изъ тѣневыхъ сторо- нъ нашей дѣйствительности	351
Отвѣтъ г-ну Рачинскому.—Д. Д. ДАШКОВА	373
Иностранное Овозрѣніе. — Паденіе министерства Буржуа и политическая роль сената. — Радикалы и консерваторы во Франціи. — Кабинетъ Меліана.— Внутренній дѣла въ Германіи.—Англійская политика въ далекихъ краяхъ. —Смерть персидскаго шаха	377
О золотѣ.—Письмо въ Редацію.—П. А. ТВЕРСКОГО	388
Литературное Овозрѣніе.—Обичное право, вып. 2, Е. И. Якушкина. — Русскіе врачебники, А. Ѳ. Змѣева. — Отношеніе русской церковной власти къ расколу старообрядства при Петрѣ В, свщ. А. Синайскаго.—Т.—Крат- кая историческая музыкальная хрестоматія, Л. Саккетти. — С. Б.—Раз- сказы Ек. Бекетовой.—L.—Новыя книги и брошюры	396
Новости Иностранной Литературы.—I. Eug. Gilbert, Le roman en France pen- dant le XIX siècle.—II. E. Mensch, Der neue Kurs.—3. В.	415
Изъ Овощовенной Хроники.—Призывъ къ организаціи боевой анти-либеральной партіи, на началахъ строгой „партіиной дисциплины“.—Положеніе про- винціальной печати.—Новыя общества грамотности и ихъ уставъ.—Еще нѣсколько словъ о вѣротерпимости. — Нападеніе г. Жеденева на М. О. Меншикова	426
Нотариальное заявленіе г-на Всеволода Соловьева, по поводу выдачіи записокъ историка С. М. Соловьева—и отвѣтъ Редаціи	440
Извѣщенія.—Отъ Московскаго Комитета Грамотности	443
Библиографическій Листокъ.—Обзоръ вѣнскихъ сношеній Россіи, Н. Вантши- Каменскаго, ч. I и II.—Мужикъ безъ прогресса, или прогрессъ безъ му- жика, К. Головина.—Легенды о старинныхъ замкахъ Бретани, Е. Бала- бановой.—М. Волье, Мѣстное управленіе Англій.—Дж. Морлей, О ком- промисѣ, пер. М. Ц.—ой.—О. К. Ноговичъ, Любовь	
Объявленія.—I-XVI стр.	

Книга шестая. — Июнь.

	стр.
Неоконченная повесть.—Въ трехъ частяхъ.—Вторая часть: VIII-X, и третья: I.—Окончаніе.—А. АПУХТИНА	445
Леонардо да-Винчи и его рукописи.—I-II.—С. ШОХОРЬ-ТРОЦКАГО	475
Пятачки.—Разсказъ.—I-IV.—ОЛЬГИ СТАРОДУБСКОЙ	510
На сибирскихъ золотыхъ промыслахъ.—III-IV.—В. И. СЕМЕВСКАГО	538
Княгиня.—Романъ въ двухъ частяхъ.—Вторая часть: XXX-XL.—Окончаніе.— П. Д. БОБОРЫКИНА	565
Народная поэзія въ ея историко-литературныхъ отношеніяхъ.—III.— Окончаніе.—А. Н. ПЫШИНА	609
Черный алмазъ.— <i>Diamant noir. Roman, par J. Aicard.</i> —XIII-XIX.—Оконча- ніе.—А. Б.—г—	658
Сергій Михайловичъ Соловьевъ.—Нѣсколько данныхъ для его характеристики.—I-VII.—ВЛАД. С. СОЛОВЬЕВА	689
Услуга на службу.—Разсказъ.—А. ВИНИЦКОЙ	709
Письма Н. В. Гоголя.—I-XXVI. Сообщено В. Б.	727
Стихотворенія.—СЕРГЪЯ ОРЛОВСКАГО	753
Хроника.—По исполненію государственной росписи на 1895 годъ	759
Внутреннее Овозраженіе.—Высоторжественный день 14-го мая—и Всемилоствѣйшій Манифестъ того же дня.—Судебная реформа въ архангельской гу- берніи и въ Сибири.—Возможны ли на окраинахъ Россіи судъ присяж- ныхъ?—Частныя поправки къ существующему устройству суда присяж- ныхъ, представляющіяся, съ нашей точки зрѣнія, нежелательными или безразличными.—Нѣчто о равенствѣ передъ судомъ.— <i>Post-Scriptum</i>	773
Новый типъ церковно-приходской школы.—А. А. ШТЕВЕНЪ	792
Иностранное Овозраженіе.—Политическое значеніе коронаціонныхъ празднествъ.— Международныя сѣзды въ Москвѣ и успѣхи нашей вѣдшей политики.— Празднества въ Будапештѣ.—Внутреннія дѣла во Франціи, въ Англіи и Италіи.— <i>Post-Scriptum</i> : Письмо въ Редакцію П. А. Тверского	800
Замѣтка.—По поводу новой книги Слатинъ-паша.— <i>Feuer und Schwert im Sudan.</i> —Э. Р.	814
Литературное Овозраженіе.—Русскій Биографическій Словарь, т. I: Ааронъ—имп. Александръ II, изд. подъ наблюд. А. А. Половцова.—Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ.—Дафнисъ и Хлоя, ром. Лонгуса, перев. Д. Мережковскаго.—Сочиненія В. Д. Спасовича, т. VIII.—Исторія рус- скихъ земель и городовъ.—А. П.—Новыя книги и брошюры	821
Новости Иностранной Литературы.—I. Emile Zola, Rome.—II. Walter Pater. <i>Miscellaneous Studies.</i> —III. Baron de Baye. <i>L'oeuvre de V. Vasnetzoff.</i> —З. В.	839
По поводу „Разъясненія директора народныхъ училищъ свѣ. губерніи о правахъ попечителей начальныхъ училищъ“.—Р.	850
Изъ Общественной Хроники.—Новая вариация на тему: „Молодежь прежде и теперь“.—„Семидесятники“ и „девятисидсятники“.—Послѣднія обобщенія и преувеличенныя страхи.—Еще объ обществахъ грамотности.—Катастрофа на Ходынскомъ полѣ	854
Библиографическій Листокъ.—За послѣдніе годы, А. Ф. Кони.—Императоръ Ни- колай I, зиждатель русской школы, М. С. Лалаева.—Энциклопедическій Словарь, т. XVII, А.—Судебныя учрежденія во Франціи, перев. А. Мар- конета.—Словарь русскихъ художниковъ, ваятелей, живописцевъ, вод- чихъ и пр. Состав. Н. П. Собко	
Озвѣвленія.—I-XVI стр.	

За послѣдніе годы. А. О. Копп. Сиб. 96. Стр. 623.

Значительная часть новой книги содержитъ въ себѣ рѣчи одного изъ нашихъ первоклассныхъ судебныхъ ораторовъ и юристовъ, а именно, обвинительныхъ — и кассационнаго заключенія, за первую половину текущаго десятилѣтія, по дѣламъ, преимущественно обращающимся на себя особое вниманіе въ обществѣ и печати; почему эта часть собственно продолжаетъ вышедшее въ концѣ 80-хъ годовъ собраніе его же рѣчей на предшествующаго 20 лѣтъ (1868 — 1888 гг.), подъ заглавіемъ: „Судебныя рѣчи“. Другая часть книги посвящена воспоминаніямъ и сообщеніямъ, а также юридическимъ и библіографическимъ замѣткамъ, появившимся въ различное время въ периодической печати. Воспоминанія вызваны были, главнымъ образомъ, утракою обществомъ такихъ выдающихся деятелей на различныхъ поприщахъ, какъ В. А. Арцимовичъ, К. Д. Кавелинъ, Ф. М. Достоевскій, А. В. Годовицкій, А. Д. Градовскій и др. Обширный очеркъ жизни Д. А. Ровинскаго, помѣщенный въ нашемъ журналѣ, является теперь съ дополненіями. Изъ юридическихъ замѣтокъ обращаютъ на себя особое вниманіе двѣ замѣтки о судѣ присяжныхъ и о судѣ съ сословными представителями, а также замѣтки изъ исторіи первыхъ дней судебной реформы, и мн. др. Книга посвящена памяти вѣстнаго у насъ гуманиста Ф. П. Газа, жизнь котораго давно занимаетъ собою А. О. Коппа, и, надобно ожидать, составитъ, съ его стороны, новый и весьма интересный вкладъ въ нашу литературу, по весьма небогатой исторіи общественной благотворительности въ Россіи.

Императоръ Николай I, вѣдатель русской школы. Историческій очеркъ. Состав. ген.-лейт. М. С. Далаевъ. Сиб. 96. Стр. 274. Ц. 2 р.

Составленіе этого труда вѣзвало прибавляющимся столѣтіемъ со дня рожденія имп. Николая I, 25 іюня 1796 г. Вмѣсто введенія, первая двѣ главы посвящены очерку жизни императора до его вцаренія и обзорю его 30-лѣтняго царствованія. Такъ какъ въ исторіи школы за этотъ періодъ на первомъ планѣ должно быть поставлено военное образованіе, то главное мѣсто въ книгѣ и отведено заботамъ о развитіи военно-учебныхъ заведеній въ ту эпоху, а обзоръ общаго мѣропріятія по народному образованію вообще и по „русской школѣ“, въ собственномъ смыслѣ этого слова, предпосланы въ видѣ краткаго очерка. Изъ этого обзора видно, что народная школа была собственно впервые создана, — что, впрочемъ, и общеизвѣстно, — имп. Екатериною II, при которой появился, въ 1786 г., первый „общій уставъ народныхъ училищъ для всѣхъ сословій въ селахъ и городахъ“. Затѣмъ, при имп. Александрѣ I, въ 1804 г., тотъ первоначальный екатерининскій уставъ получилъ новое развитіе и былъ замѣненъ „новымъ уставомъ учебныхъ заведеній“, а вмѣстѣ было учреждено министерство народнаго просвѣщенія. Въ самомъ началѣ царствованія имп. Николая I и этотъ уставъ подвергся пересмотру и былъ замѣненъ уставомъ 1828 г., въ основу котораго была положена другая мысль, „чтобы повсюду предметъ ученія и самые способы преподаванія были, по возможности, сообразаемы съ будущимъ, вѣроятнымъ предназначеніемъ обучающихся“, такъ какъ иначе, — говорится далѣе о нашихъ общественныхъ классахъ, — „отличнѣйшіе изъ

нихъ по прилежности и усердіямъ приучаются къ роду жизни, къ образу мыслей и понятіямъ, не соотвѣствующимъ ихъ состоянію; невѣжественности онаго для нихъ становится непосиомъ, а отъ того они въ уніиніи продаются пугливымъ мечтаніямъ или пылкимъ страстямъ“. Въ ту эпоху крѣпостного права будущее предназначеніе многихъ милліоновъ населенія было не таково, чтобы оно могло взлечь для себя пользу даже и изъ народной школы, а потому, по освобожденіи крестьянъ, явилась необходимость замѣнять этотъ „Уставъ“ имп. Николая I новымъ „Положеніемъ о начальныхъ народныхъ училищахъ 26 мая 1874 г.“, благодаря которому, въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ, было сдѣлано для народнаго образованія несравненно больше, чѣмъ въ предшествующія цѣлныя два столѣтія.

Энциклопедическій Словарь, издаваемый Ф. Брокгаузомъ и И. Ефронемъ, т. 1. К. К. Арсеньева и Ф. Ф. Петрушевскаго. № 34. Т. XVII. А. (Лексе-Лопаревъ). Сиб. 96. Стр. 493—960.

Настоящимъ выпускомъ заключается XVII-й томъ „Словаря“. Сосредоточивъ около себя лучшихъ литературныхъ и научныхъ силы, „Словарь“ продолжаетъ сохранять всѣ тѣ выгоды качества, которыми онъ отличался до сихъ поръ, и по прежнему содержитъ въ себѣ, по важнѣйшимъ предметамъ, преимущественно же отечественнымъ, самостоятельную оригинальную работу. Въ нынѣшнемъ выпускѣ къ числу такихъ работъ относятся статьи по такимъ предметамъ, какъ: Лейбницъ, Леонтьевъ (Конст.), Лермонтовъ, Лессантъ, Лжедмитрій, Ливій, Литературная собственность, Ло, Лойоза, Ломброзо, Ломоносовъ и мн. др.

Судебныя учрежденія во Франціи. Дворецъ юстиціи въ Парижѣ, его обитатели и нравы. Перев. съ франц. А. Маркюста. М. 96. Стр. 299. Ц. 1 р. 25 к.

Эта книжка представляетъ весьма подробную картину и вмѣстѣ исторію развитія судебныхъ учрежденій во Франціи, начиная съ эпохи Мерovingовъ и до нашихъ дней; она составлена въ средѣ представителей судебной прессы Парижа и обратила на себя вниманіе одного изъ весьма симпатичныхъ адвокатовъ Москвы, скончавшагося въ началѣ нынѣшняго года. По справедливому замѣчанію издателя, этотъ переходъ является весьма естестъ въ наше время, когда „неумолчно раздаются крики и обвиненія противъ нашего новаго суда... Изъ этой книги можно узнать, какъ относится культурное общество къ реформѣ учрежденія, значеніе котораго всего лучше видно изъ того, что многие требуютъ отъ него совершенства“.

Словарь русскихъ художниковъ, писателей, живописцевъ, поэтовъ, и проч. съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней (XI — XIX вв.). Состав. Н. П. Собко. Т. II, кн. 1. Сиб. 96.

Въ настоящемъ выпускѣ помѣщено 425 именъ на буквы И, І; однихъ А. А. Ивановъ занимаетъ около двухъ третей вытиска — почти 300 страницъ. Составитель на этотъ разъ допустилъ нововведеніе, а именно ввелъ въ свой словарь отзывы современной печати, а иногда и позитивныя явленія произведеній упоминаемыхъ авторовъ. Изданіе снабжено многочисленными иллюстраціями.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1896 г.

(Тридцать-первый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

— выходятъ въ первыхъ числахъ вѣждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:				
	Январь	Юль	Январь	Апрѣль	Юль	Октябрь	
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкой	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союзу	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкой и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Въмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и юлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, юлѣ и октябрѣ, принимается—безъ повышанія годовой цѣны подписки.

Принимается подписка на годъ, второе полугодіе и третью четверть 1896 г.

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА принимается—въ *Петербурѣ*: 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 5 лин., 28; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Риккера на Невск. просп., 14; А. Ф. Ципзерлинга, Невскій просп., 20, у Полицейскаго моста (бывшій Мелье и К^о), и Н. Фену и К^о, Невскій просп., 42;—въ *Москвѣ*: 1) въ книжн. магаз. Н. И. Мамонова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха; и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи.—*Иногородные и иностранные*—обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнала, Спб., Галерная, 20; и 2) лично—въ Контору журнала.—Тамъ же принимаются

ИЗВѢЩЕНІЯ И ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Примѣчаніе.—1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналомъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожителейскій подписчика.—2) *Переимна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородіе, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., и иногородные, переходя въ городскіе—40 коп.—3) *Жалобы* на несправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* явля въ полученіи слѣдующей книги журнала.—4) *Билеты* на получение журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложить къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академ. пер., 7.

